

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

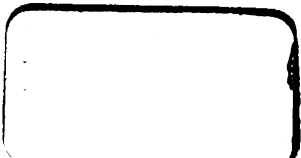
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ

4.372

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ Каткова и К^о.

1857.

14

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
655182 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОПИСЬ

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ (1).

I.

Судомъ присяжныхъ называется учрежденіе, на основаніи котораго судъ по преступленіямъ раздѣляется между лицами, временно для того избираемыми изъ среды народа, и между состоящими на службѣ государства, учеными законовѣдцами. Первые, послѣ изустнаго изложенія дѣла, обсуживаютъ и удостовѣряютъ своими приговорами дѣйствительность или недѣйствительность событій, въ которыхъ заключается преступленіе, и опредѣляютъ его свойство и степени тяжести, дѣлая это лишь на основаніи внутреннего убѣжденія, по совѣсти, въ чемъ и присягаютъ, и оттого называются присяжными; а послѣдніе управляютъ ходомъ судебныхъ преній, наблюдаютъ за правильностію дѣйствій лицъ, участвующихъ въ процессѣ, и помогаютъ присяжнымъ въ рѣшеніи дѣла, объясняя законы, рѣшая встрѣчные юридическіе вопросы и излагая имъ, по окончаніи судебныхъ преній, въ сокращенномъ видѣ, содержаніе ихъ; по рѣшеніи же дѣла присяжными, судьи-чиновники подводятъ данные ими приговоры подъ приличные законы.

Судъ присяжныхъ, какъ и всякое другое судебное учрежденіе, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: съ юридической и политической. Юридическимъ учрежденіемъ присяжные являются главнымъ образомъ въ Англии, а преимущественно политическимъ—во Франціи. Политическое значеніе института заключается въ томъ, что чрезъ присяжныхъ народъ принимаетъ прямое участіе въ дѣлѣ уголовного суда.

Основываясь на сходствѣ суда присяжныхъ въ этомъ отношеніи съ древними германскими народными судами и другими подобными національными учрежденіями, нѣкоторые нѣмецкіе писатели, особенно въ наше время, стараются доказать, что судъ присяжныхъ старинное германское учрежденіе, и что слѣдовательно принятіе его въ Гер-

---

(1) Судъ присяжныхъ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ современныхъ вопросовъ, а потому обстоятельное разсмотрѣніе его, составленное профессоромъ уголовного права будеть, надѣмся, не излишне для читателей нашей Современной Лѣтописи. *Ред.*

маніи не есть нововведеніе, а лишь возстановленіе стариннаго національнаго судебнаго порядка: но это мнѣніе давно уже опровергнуто и въ самой Германіи. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій германскіе ученые давно уже порѣшили значительнымъ большинствомъ голосовъ, что прародителями присяжныхъ не слѣдуетъ признавать ни германскіе народные суды, ни *шеффовъ*, ни *эйдесъ-гальферовъ*; но что Англія есть ихъ истинное отечество. Изъ Англіи распространились присяжные почти во всей Европѣ; но непосредственно изъ Англіи учрежденіе это было заимствовано лишь во Франціи, во время первой революціи, а всѣ другіе народы получили его уже изъ рукъ Франціи, передѣланнымъ на французскій ладъ.

Въ Англіи первые ясные слѣды института судебныхъ присяжныхъ встрѣчаются въ XIII столѣтіи, при королѣ Генрихѣ III. Въ это время вышли изъ употребленія ордалии, и установлены были окружныя судьи, которые, по порученію учрежденнаго Норманнами королевскаго суда, должны были объѣзжать графства, чтобы производить судъ на мѣстѣ. Оба обстоятельства, по всей вѣроятности, имѣли большое вліяніе на образованіе суда присяжныхъ. Съ отмѣною ордалий, естественно, долженъ былъ явиться значительный пробѣлъ въ судебныхъ доказательствахъ. Въ другихъ государствахъ пополнили его пыткой; а въ Англіи родилась счастливая мысль: судъ Божій замѣнили судомъ народа, и стали отбирать его голосъ, допрашивая о спорныхъ обстоятельствахъ, подъ присягою, окольныхъ жителей, которымъ они не могли быть неизвѣстны, — и какъ сосѣди показывали, такъ и рѣшалось дѣло. Это тѣмъ скорѣе могли дѣлать нормандскіе судьи, что имъ, какъ людямъ заѣзжимъ, обстоятельства дѣла не могли быть извѣстны и изслѣдованіе ихъ было крайне затруднительно. Легко могло быть и то, что Англосаксы, привыкши судиться въ народныхъ судахъ, были недовольны новымъ порядкомъ вещей, да и судьи Норманны, люди чужіе и завоеватели, не внушали имъ довѣренности. Чтобы успокоить ихъ, правительство сдѣлало уступку древнему обычаю покоренныхъ имъ народовъ: въ суды королевскіе оно посадило и выборныхъ изъ народа. Такимъ, вѣроятно, образомъ произошелъ въ Англіи судъ присяжныхъ. По крайней мѣрѣ, по совершенному недостатку положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ о его первоначальномъ образованіи, этотъ способъ объясненія представляется болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ всѣ другіе. Дальнѣйшее развитіе института совершилось постепенно, и постоянно шла нога объ ногу со всѣмъ развитіемъ политическаго быта Англіи. Особенно значительное вліяніе на него имѣли внутреннія политическія бури, волновавшія Англію преимущественно со времени Генриха VIII до паденія Стуртовъ. Но несмотря на это, начало и корень англійскаго trial by jury чисто-юридическіе.

Напротивъ, во Франціи институтъ присяжныхъ и введенъ по по-

литическимъ причинамъ, и основывается на чисто-политическомъ началѣ. Онъ долженъ былъ служить оплотомъ противъ произвола и притѣсненія правительства.

Говоря о достоинствѣ суда присяжныхъ, ученые обыкновенно противоположаютъ его суду законовѣдцевъ, и, вслѣдствіе этого, отказываютъ ему во всякомъ достоинствѣ. Но на самомъ дѣлѣ судъ этотъ вовсе не противоположенъ суду законовѣдцевъ; онъ даже и не замѣняетъ его. Присяжные совсѣмъ не для того сидятъ, вмѣстѣ съ судьями-законвѣдцами, въ уголовныхъ судахъ, чтобы на дѣлѣ доказывать имъ, что ихъ знанія и опытность ни къ чему не служатъ при сужденіи преступленій. Напротивъ, они сами нуждаются въ нихъ, и для того и сидятъ въ судахъ не одни, а вмѣстѣ съ законовѣдцами. Но, имѣя нужду въ знаніяхъ и опытности юристовъ для исполненія обязанностей своего званія, присяжные и сами не бесполезны для нихъ. Судьи officialные заимствуютъ отъ нихъ, въ свою очередь, такіа качества, которыя составляютъ необходимую принадлежность хорошей уголовной юстиціи, и которыми они не обладаютъ, когда даютъ судъ одни. Такимъ образомъ, присяжные и судьи взаимно дополняютъ одни другихъ, и въ этомъ значеніи институтъ присяжныхъ имѣетъ неотъемлемое достоинство.

Какъ судебное учрежденіе, институтъ присяжныхъ увеличиваетъ сумму тѣхъ средствъ, которыми уголовная юстиція пользуется для открытія истины, а въ политическомъ отношеніи онъ доставляетъ такіа выгоды, которыхъ и однихъ достаточно для того, чтобы высоко цѣнить его.

Для правильнаго сужденія преступленій, конечно, необходимо знаніе законовъ и извѣстная степень опытности въ этомъ дѣлѣ, но еще болѣе необходимо знаніе жизни и людей. Судьи—чиновники знаютъ законы, но не знаютъ жизни и людей; по крайней мѣрѣ они не обладаютъ этимъ знаніемъ съ такой степени, какъ это нужно для исполнѣнія правильной и всесторонней оцѣнки преступныхъ дѣйствій человѣческихъ. Чиновники вездѣ составляютъ совершенно отдѣльный классъ народа и узнаютъ жизнь и людей, по большей части, только черезъ свою должность, тогда, когда люди становятся преступниками, вся же предшествующая жизнь ихъ обыкновенно бываетъ неизвѣстна имъ; а въ ней-то заключается всегда достаточное объясненіе преступленія. Преступленіе никогда не совершается въ одну минуту, но всегда готовится въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и потому, чтобы оцѣнить его по справедливости, необходимо знать предшествующую жизнь преступника и всѣ обстоятельства, способствовавшія къ преступленію. Присяжные восполняютъ то, чего не достаетъ судьямъ въ этомъ отношеніи. Люди жизни, они приносятъ съ собой самыя свѣжіа и полныя понятія о жизни. Присяжные беруться изъ всѣхъ классовъ и часто, по роду

своихъ занятій, состоятъ въ непрерывномъ сношеніи со всеми другими классами и такимъ образомъ близко знакомятъ со всеми ихъ общественнымъ и частнымъ бытомъ. Банкиръ, негоціантъ, торговецъ, ремесленникъ, знаютъ нерѣдко, и сами и посредствомъ другихъ, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, жизнь и характеръ тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и чѣмъ обширнѣе кругъ ихъ занятій, тѣмъ болѣе и глубже они узнаютъ жизнь и людей. И гдѣ же лучше узнавать жизнь и людей, какъ не въ кругу обыденной жизни, когда они не скрываются, какъ въ уголовныхъ судахъ, а сполна выставляютъ себя напоказъ? Гдѣ на скамьяхъ уголовного суда, вмѣстѣ съ законовѣдцами засѣдаютъ двѣнадцать такихъ сотрудниковъ; тамъ дѣло уголовного суда не можетъ нейти вполне успѣшно. Присяжные способствуютъ къ открытію истины, своею житейскою мудростію, а законовѣдцы служатъ ей своими знаніями и опытностію. Необходимо только, чтобы они питали другъ къ другу полную довѣренность и дѣйствовали всегда вполне согласно: законовѣдцы, сколько можно яснѣе, излагаютъ дѣло и вовремя давали нужныя объясненія, особенно относительно того, что не можетъ быть рѣшено безъ знанія законовъ; а присяжные, вездѣ гдѣ нужно, охотно обращались къ нимъ за совѣтами, внимательно выслушивали ихъ и добросовѣстно слѣдовали ихъ указаніямъ, а для этого необходимо, чтобы они твердо помнили, что задача ихъ совершенно одна и та же, что они сидятъ вмѣстѣ въ уголовныхъ судахъ лишь для того, чтобы общими силами содѣйствовать къ открытію истины. Только при такомъ вполне согласномъ дѣйствованіи судей и присяжныхъ допущеніе послѣднихъ въ уголовные суды можетъ быть дѣйствительно полезно для юстиціи. Именно во взаимно одна другую дополняющей и стройно-гармонической дѣятельности судей и присяжныхъ, говоритъ одинъ новѣйшій писатель, и заключается значеніе и истинное достоинство института. Оба фактора должны взаимно дополнять другъ друга и только въ совокупности они составляютъ судъ присяжныхъ. Такое представленіе о судѣ присяжныхъ, конечно, предполагаетъ образованныхъ судей и полную довѣренность къ нимъ присяжнымъ. Но въ Англіи именно такъ и смотрятъ на судъ присяжныхъ. Съ полною довѣренностію взираютъ тамъ присяжные на судей и охотно принимаютъ отъ нихъ наставленія и совѣты, а послѣдніе также охотно даютъ ихъ и воздерживаются отъ всякаго противозаконнаго вліянія на присяжныхъ (1). Напротивъ, во Франціи и судьи, и присяжные дѣйствуютъ скорѣе отдѣльно, чѣмъ согласно и состоятъ чуть не во враждебномъ отношеніи между собой; одни заботятся главнымъ образомъ объ обвиненіи, а другіе объ оправданіи подсудимыхъ, вслѣдствіе несчаст-

(1) Aloys non Orelly въ сочиненіи: die Jury in Frankreich und England. Zürich 1852. Стр. 87 и 88.

ной мысли, на которой основывается весь французский институт присяжных, что въ дѣлѣ уголовного суда правительство всегда имѣетъ свои интересы, а народъ свои. Отъ этого именно и происходитъ то, что французскій уголовный процессъ и теперь еще, по увѣренію многихъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, есть въ судебномъ отношеніи лишь слабая копія англійскаго уголовного процесса, которому вся эта французская теорія о соперничествѣ и оппозиціи между судьями и присяжными вовсе неизвѣстна (1).

Еще болѣе благотворное вліяніе на уголовное судопроизводство имѣетъ институтъ присяжныхъ въ политическомъ отношеніи.

Въ политическомъ отношеніи первое, самое важное условіе хорошей уголовной юстиціи, безспорно, состоитъ въ томъ, чтобы она пользовалась общою народною довѣренностію. Ничто такъ и не возвышаетъ ее въ общественномъ мнѣніи, и не облегчаетъ ходъ ея, какъ эта довѣренность. Гдѣ народъ вполне довѣряетъ своимъ судьямъ, тамъ они, когда исполняютъ обязанности своего званія, встрѣчаютъ всегда и во всѣхъ, самое горячее сочувствіе къ себѣ, и, когда нужно, повсюду находятъ и дѣятельную помощь. Граждане сами ловятъ преступниковъ, и помогаютъ судьямъ предавать ихъ суду и наказанію. Да и сами подсудимые охотнѣе вѣрятъ свою участь и открываютъ свое сердце такимъ судьямъ, которымъ вполне вѣрятъ. И дѣло юстиціи, чрезвычайно трудное при общей недовѣрчивости и нерасположеніи къ ней народа и подсудимыхъ, совершается спокойно и безпрепятственно, не возбуждая ни въ комъ ни неудовольствія, ни ропота. Судьи-чиновники, какъ бы они ни были добросовѣстны въ исполненіи своего долга, не легко пріобрѣтаютъ такую полную довѣренность народа и подсудимыхъ. Особенно простой народъ, изъ рядовъ котораго вездѣ выходитъ самое большое число преступниковъ, всегда болѣе опасается чиновниковъ, чѣмъ довѣряетъ имъ: для него это господа, которые будто бы на то только и поставлены, чтобы преслѣдовать и карать его. Сѣвероамериканцы, главнымъ образомъ, не хотятъ имѣть постоянныхъ судей, именно изъ опасенія, чтобы судьи не пріобрѣли излишнюю власть. Все это измѣняется совершенно, когда судъ по преступленіямъ раздѣляется между оффиціальными судьями и присяжными. Къ присяжнымъ народъ и подсудимые не могутъ не имѣть полной довѣренности. Они берутся изъ среды народа и всецѣло принадлежатъ ему: поэтому судъ ихъ есть, какъ бы судъ самого народа, и приговоры ихъ приговоры цѣлаго общества. Да и ставятся они судьями надъ преступникомъ по его собственной волѣ, при чемъ онъ пользуется почти неограниченною свободой, и потому судъ ихъ есть для него, какъ бы третейскій между нимъ и государствомъ. Судъ присяжныхъ

---

(1) Тамъ же стр. 29 и 88.

называютъ даже судомъ равныхъ подсудному; хотя это и не совсѣмъ справедливо, — но все же присяжные ближе къ нимъ, чѣмъ судьи и чиновниковъ, по крайней мѣрѣ они такіе же простые граждане, а иногда и одного и того же сословія съ подсуднымъ; а что можетъ быть лучше, какъ не судиться своими собственными судьями?

Пользуясь сами полною довѣренностію народа и подсудныхъ присяжные необходимо приобретаютъ ее и для своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Непосредственные участники ихъ служебной дѣятельности и самые достовѣрные свидѣтели ихъ знаній, опытности и добросовѣстности, присяжные, по возвращеніи въ общество, вносятъ въ него самое выгодное мнѣніе о судьяхъ и такимъ образомъ распространяютъ въ немъ глубокое уваженіе къ нимъ. Это не можетъ не имѣть самаго благотворнаго вліянія и на судей. Какъ лучшая награда, доброе мнѣніе общества и желаніе заслужить его необходимо должно быть для нихъ сильнымъ поощреніемъ къ ревностному исполненію обязанностей ихъ званія, и если Англія справедливо гордится своими судьями, то этимъ она, конечно, обязана и институту присяжныхъ. Но и правительство много выигрываетъ въ довѣренности и уваженіи народа, когда допускаетъ его къ участию въ уголовносудебной власти. Черезъ это оно доказываетъ всего убѣдительнѣе, что желаетъ пользоваться этою страшною властію лишь для блага своихъ подданныхъ. И благо и ему! Тогда оно сильнѣе любовью народа и безграничною довѣренностію его къ нему.

Въ Англіи уголовный процессъ основывается на самомъ недостаточномъ началѣ, — на началѣ частнаго обвиненія; тамъ нѣтъ ни уголовного кодекса, ни точныхъ законныхъ предписаній о правахъ и обязанностяхъ партій, участвующихъ въ дѣлѣ суда, и о правахъ и обязанностяхъ судей, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ все это опредѣлено едва не съ математическою точностію. Въ Англіи все основывается на массѣ статутовъ, чуть не хаотической, и на старинныхъ судебныхъ обычаяхъ; казалось бы, самое широкое раздолье для преступниковъ и полный просторъ для судейскаго произвола; но на дѣлѣ общая народная довѣренность къ уголовнымъ судамъ и рѣдкая добросовѣстность судей совершаютъ почти чудеса. Чтобы пополнить недостаточность чисто обвинительнаго начала, для преслѣдованія нѣкоторыхъ преступленій составляются частными людьми формальныя общества, которыя содержатъ, для этой цѣли, на своемъ изживеніи адвокатовъ, а отсутствіе точныхъ постановленій о порядкѣ суда вовсе и не замѣчается, потому что судьи управляютъ ходомъ судебныхъ преній съ самою щекотливою добросовѣстностію, все вообще держатся при томъ совершенно одинаковыхъ, утвержденныхъ обычаями и судебною практикою правилъ и слѣдуютъ всегда однимъ и тѣмъ же руководящимъ началамъ, а въ особенно-важныхъ случаяхъ даже и совѣщаются между собой. Такъ какъ съ нѣкоторы-

не немногими исключеніями, всѣ они—члены одного верховнаго уголовного суда, который имѣетъ свое мѣстопробываніе въ Лондонѣ, а оттуда разсматриваетъ ихъ для присутствія въ суды ассизовъ; то отсюда и происходитъ, что, несмотря на все разнообразіе законовъ и отсутствіе точныхъ правилъ о порядкѣ судопроизводства, англійскій процессъ отличается такою чудною стройностію, которой не даромъ удивляются иностранцы.

(До слѣдующаго №).

С. БАРШЕВЪ.

Новости по исторіи средневѣковой литературы.

Несмотря на блистательные успѣхи нѣмецкихъ ученыхъ въ разработкѣ старинныхъ и народныхъ памятниковъ литературы, этотъ предметъ далеко еще не опѣненъ по достоинству общимъ вниманіемъ образованной публики, особенно внѣ Германіи. Воздавая должную справедливость трудамъ Ренуара, Франциска Мишеля, Форея и многихъ другихъ ученыхъ, всеже не можемъ не замѣтить, что Франція до послѣдняго времени принимала очень незначительное участіе въ строго-ученомъ изслѣдованіи средневѣковой литературной старины не только прочихъ народовъ, но даже и своей собственной. Можетъ-быть, недостатокъ сочувствія въ этомъ дѣлѣ со стороны Франціи до сихъ поръ былъ главною причиною, почему многіе въ высокой степени важные ученые труды нѣмецкихъ ученыхъ по этому предмету не оказывали надлежащаго вліянія на общественное мнѣніе и не приносили тѣхъ благотворныхъ плодовъ въ литературномъ, и даже вообще въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, какихъ повидимому слѣдовало бы ожидать. Надобно сказать правду, что дѣло литературнаго обобщенія идей, выработанныхъ наукой, и въ настоящее время собственно принадлежитъ Франціи, какъ оно принадлежало ей всегда. Но эта нація, непостоянная въ мелочныхъ модахъ и новостяхъ текущаго дня, нелегко отступалась отъ своихъ художественныхъ и литературныхъ преданій. Можетъ-быть, самое общественное мнѣніе, столь обязательное для Француза, много способствовало этому упорному господству вкуса или извѣстнаго направленія; будучи принято и усвоено всѣми, получало оно ту прочность и твердость, которыя служатъ ручательствомъ высокихъ нравственныхъ силъ націи. Какъ въ прежнія времена Французы упрамо держались своихъ классическихъ преданій, такъ и теперь болѣе или менѣе подозрительно смотрятъ на разработку безыскусственной поэзіи, собираемой изъ устъ народа, или открываемой въ старин-

ныхъ рукописяхъ, особенно оскорбляющихъ пуриста странною орфографіей. Понятно, почему Нѣмцы должны были опередить Французовъ въ изученіи, не только средне-вѣковой литературы вообще, но и въ особенности литературы французской. Такимъ образомъ, національное чувство было задѣто за живое, и чтобы возставить честь французской учености, надобно было прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ. Въ настоящее время французскимъ правительствомъ предпринято въ колоссальныхъ размѣрахъ изданіе старинныхъ французскихъ поэтовъ (*Anciens poetes français*). Министръ Фортуль въ своемъ донесеніи объ этомъ предпріятіи французскому императору, говоря о важности подобнаго изданія, именно указываетъ на соперничество Нѣмцевъ въ этомъ дѣлѣ, опасное національной гордости Французовъ. «Патріотическому усердію нѣкоторыхъ ученыхъ, говорить онъ, обязаны мы изданіемъ многихъ изъ этихъ столь важныхъ произведеній; но, вполне оцѣнивая бодрый духъ изыскательности, который послѣ четырехъ столѣтій извлекъ изъ забвенія нашу древнюю поэзію, не можемъ по всей справедливости не жалѣть, что еще мало доступны такія великія сокровища... Больше нежели изъ ста двадцати героическихъ поэмъ или романовъ, дошедшихъ до насъ отъ среднихъ вѣковъ, обнародовано едва ли до тридцати; даже изъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ только отрывки. *И въ этомъ случаѣ Франція не всегда шла впереди другихъ. Германія, кажется, съ нѣкотораго времени оспариваетъ у насъ разработку нашей поэтической старины*; весьма ревностно изслѣдуется эта послѣдняя въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Штутгартѣ. Не вашего величества желаніе, присовокупляетъ министръ, обращаясь къ Наполеону III, чтобы это дѣло предоставили мы чужеземнымъ ученымъ.» И вслѣдъ за тѣмъ Фортуль откровенно высказываетъ, что только при содѣйствіи правительства возможно во Франціи надлежащее исполненіе этого предпріятія. Но, чтобы не оскорбить національнаго чувства, Фортуль рисуетъ это предпріятіе въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что оно становится дѣйствительно неисполнимымъ для какого-нибудь отдѣльнаго ученаго общества (1). Во всякомъ случаѣ,

(1) Томахъ въ сорока, въ каждомъ до шестидесяти тысячъ стиховъ, будутъ сначала изданы народныя стихотворенія изъ цикловъ Карла Великаго и Артура. За тѣмъ стихотворенія духовнаго и свѣтскаго содержанія, въ которыхъ воспѣваются событія библейскія и важнѣйшіе эпизоды изъ греческой и римской исторіи и изъ мѣологическихъ преданій, отъ Геркулеса до Александра великаго, отъ Цезаря до Аттилы. За тѣмъ описанія романическихъ походовъ, *romans d'aventures*; потомъ стихотворенія сатирическія, *Roman du Renart, Roman de la Rose*. Особенный рядъ составятъ стихотворенія меньшаго объема, какъ-то: гимны, духовныя и свѣтскія пѣсни, сказки, *fabliaux* и т. п. Еще большій рядъ составятъ сочиненія драматическія, не только религіознаго, нравственнаго и сатирическаго содержанія, но и историческаго.

какъ бы ни было принято это великое литературное дѣло во Франціи, нельзя безъ особеннаго сочувствія читать слѣдующія строки донесенія : « Изъ неисчерпаемой сокровищницы фактовъ всякаго рода историкъ извлечетъ для себя картину нравовъ вѣка, покрытаго таинственною темнотою ; изслѣдователь языка разрѣшитъ загадку постепенной переработки нашей (то-есть французской) рѣчи ; передъ литературною критикой откроется совершенно новое поприще ; даже самая поэзія можетъ почерпнуть себѣ вдохновеніе изъ тѣхъ свѣжихъ источниковъ, изъ которыхъ проистекли произведенія, исполненныя такой силы и воодушевленія. »

Но покаместъ это великое предпріятіе, хотя на половину, не приведется къ исполненію, долго еще, во французскихъ журналахъ, будутъ по временамъ слышаться голоса стараго направленія и оскорбленнаго національнаго достоинства. Такъ напримѣръ, нѣкто г. Бернаръ, разбирая въ *Revue Contemporaine* (№ 109, 15 октября 1856 года) изданія провансальскихъ и романскихъ, именно древне-французскихъ и италіанскихъ произведеній, составленныхъ нѣмецкими учеными Гейзе и Маномъ, позволяетъ себѣ слѣдующимъ образомъ выражаться о заслугахъ, оказанныхъ Нѣмцами въ послѣднее время изученію древней романской литературы : « Германія, со временъ Ренуара и Форьеля (?), кажется, приняла на себя миссію совершить для романской литературы то же самое, что сдѣлали Казавбонъ и Мануціи для писателей древности. Во Франціи хорошо извѣстны имена Гофманна, Бринкейера, Делюса, Дица, Бартша, Мана, которые болѣе или менѣе снискали себѣ признательность нашей націи. Должно замѣтить однако, что изслѣдованія собственной филологіи могутъ быть доведены до крайности въ примѣненіи къ нашимъ провансальскимъ писателямъ. Очень понятны критическія изданія такихъ авторовъ, какъ Софокль, Горацій или Паскаль, потому что эти авторы принадлежатъ цивилизаціи, уже установившейся, и потому что писали они на языкѣ, выработанномъ до совершенства — и притомъ писали такія сочиненія, которымъ предназначено навсегда оставаться образцами литературнаго изящества. Но языкъ романскій даже не успѣлъ установить ни своей конструкціи, ни орфографіи. Гораздо лучше съ такого языка дѣлать хорошіе переводы, нежели издавать самыя подлинники съ филологическими изслѣдованіями, которыхъ единственная польза— пополненіе и усовершенствованіе словарей. Итакъ, нѣмецкіе критики, жалуясь на наше равнодушіе къ южной литературѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ преувеличиваютъ ея важность. »

При этомъ Фортуль увѣдомляетъ объ интереснѣйшемъ открытіи въ одной ватиканской рукописи : это драматическое произведеніе, въ которомъ современникъ Іюанны д'Аркъ изображаетъ осаду Орлеана и подвиги орлеанской героини.

Въ глазахъ публики, требующей легкаго и обще-доступнаго чтенія, французскій критикъ совершенно правъ; но нѣмецкіе ученые иначе понимаютъ важность старинныхъ текстовъ на провансальскомъ и древне-французскомъ языкахъ. По неустановившейся орографіи, которая оскорбляетъ французскій пуризмъ, они заключаютъ о вѣкѣ, къ которому относится изданный памятникъ, и создаютъ исторію литературы и просвѣщенія.

Гейзе въ своемъ изданіи романскихъ произведеній, то-есть провансальскихъ, древне-французскихъ и итальянскихъ (*Romanische Icedita*, 1856), извѣченныхъ имъ съ большими затрудненіями изъ рукописей итальянскихъ библиотекъ,—между прочимъ, предлагаетъ отрывокъ изъ старинной провансальской поэмы объ Александрѣ Великомъ. Французскій критикъ едва обратилъ вниманіе на этотъ отрывокъ; но въ нѣмецкомъ журналѣ *Германія*, съ которымъ мы имѣли уже случай познакомить читателей Русскаго Вѣстника (1), провансальскій текстъ изъ книги Гейзе перепечатанъ съ приложеніемъ объясненій, историко-литературныхъ и грамматическихъ (2). По языку и правописанію оказывается, что провансальскій отрывокъ принадлежитъ къ X-му вѣку, и что поэма, которой онъ составляетъ часть, служила оригиналомъ для нѣмецкой передѣлки, составленной на нижнемъ Рейнѣ, во второй половинѣ XII-го вѣка, священникомъ Лампрехтомъ. До сихъ поръ оригиналъ этой нѣмецкой передѣлки былъ неизвѣстенъ, хотя Лампрехтъ и указываетъ на французскій источникъ въ сочиненіи какого-то Эльбериха или Альбериха Безансонскаго (*Elberich von Bisenzûn*). Теперь оказывается ясно, что въ провансальскомъ отрывкѣ X-го вѣка, французская литература, вмѣстѣ съ именемъ одного изъ древнѣйшихъ своихъ поэтовъ, приобретаетъ и самое произведеніе его, а сверхъ того оказывается тотъ любопытный фактъ, что провансальскій языкъ въ X-мъ вѣкѣ господствовалъ въ литературныхъ произведеніяхъ, не только на югѣ Франціи, но и на сѣверѣ.

Слишкомъ наивно было бы предположеніе, что мы вступаемъ въ бесполезную и во всякомъ случаѣ смѣшную полемику съ французскимъ критикомъ, которому вовсе нѣтъ дѣла о томъ, какъ о немъ думаютъ на берегахъ Москвы-рѣки. Наше намѣреніе—познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» только со взглядомъ одного изъ лучшихъ французскихъ журналовъ, «*Revue Contemporaine*», на французскую литературу среднихъ временъ. А такъ какъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ изданныхъ г. Гейзе романскихъ стихотвореній, особенно интересно даже и для насъ, Русскихъ; то позволимъ себѣ еще

(1) См. въ 5-мъ № 1857 г.

(2) Въ 3-ей тетради 1856 г.

одну выписку изъ рецензіи французскаго критика. Указавъ на нѣкоторыя лирическія стихотворенія, онъ присовокупляетъ въ шутиломъ тонѣ: «Но докторъ Гейзае ограничился только легкою поэзіей. Предавшись воинственному расположенію духа въ своихъ ссорахъ съ ватиканскими бібліотекарами, онъ далъ мѣсто въ своемъ собраніи двумъ піесамъ изъ важнаго процесса, произведеннаго въ XII и XIII вѣкахъ противъ женщинъ. *Слово о добротѣ и злобѣ женской* (tractatus de bonitate et malitia mulierum) писано поэтомъ, который, вѣроятно, не читалъ ни Гезіода, ни Симонида, но котораго понятія о женскомъ полѣ были не лучше ихъ.» Выписавъ начало этого древне-французскаго произведенія, критикъ ограничивается слѣдующими шутивыми замѣчаніями: «Поэтъ продолжаетъ въ томъ же тонѣ въ теченіи двухъ или трехъ сотъ стиховъ (1); онъ упрекаетъ женщину въ томъ, что она вкусила яблоко въ раю; что первая заставила извлечь мечъ изъ ноженъ; сравниваетъ ее со всѣми зловредными животными, осуждаетъ въ томъ, что она легче вѣтра, коварнѣе бѣса. Къ счастью, докторъ Гейзае смягчаетъ впечатлѣніе отъ этой рукописи Лаврентійской бібліотеки другою рукописью, еще болѣе скучною, но и болѣе благоразумною, сохранившеюся въ бібліотекѣ Барберинской. Это послѣднее сочиненіе называется *Защитою женщинъ* (Apologia mulierum). Вѣрное своему названію, предлагаетъ оно длинный перечень женщинъ, прославившихся въ исторіи. Конечно, не безъ нѣ котораго удивленія встрѣтишь въ этомъ перечнѣ: Минерву, которая будто бы изобрѣла шерстяную ткань; Изиду, искусству которой одолжены мы печенымъ хлѣбомъ; Іолу, которая отняла у Геркулеса его палицу, и Намфиду, знаменитую потому, что она первая собирала хлопчатую бумагу.»

Вотъ все, что говоритъ французскій критикъ объ этихъ двухъ древне-французскихъ стихотвореніяхъ, въ высокой степени важныхъ для исторіи, поэзіи и нравовъ средневѣковой Франціи. Какъ у насъ, до XVII вѣка включительно, были въ большомъ ходу сочиненія, исполненныя грубыхъ понятій о женщинѣ, частію заимствованныя съ большими искаженіями изъ византійскихъ источниковъ, частію же и русскаго сочиненія, и извѣстныя въ сборникахъ подъ именемъ словъ о женахъ или словъ о злыхъ женахъ; такъ и во Франціи въ XII и XIII вѣкахъ, рядомъ съ произведеніями, отличающимися утонченною вѣжливостію и идеальнымъ взглядомъ на женщину, встрѣчаются нерѣдко сочиненія, сходныя по грубымъ понятіямъ съ словомъ или трактатомъ, изданнымъ въ книгѣ г. Гейзе. *Наставленіе*, или какъ въ старину говорилось, *наказаніе отца сыну* (Le chastoisement d'un pere à son fils), передѣланное, вѣроятно, въ XIII в. на французскіе стихи

(1) Въ этомъ словѣ или трактатѣ всего только 190 стиховъ; счетъ ихъ означенъ на поляхъ изданія.

изъ латинской прозы крещенаго жида Петра Альфонса (XI—XII в.), между прочимъ содержитъ въ себѣ самыя жесткія выходы противъ хитрости женской, подкрѣпленныя анекдотами грязнаго содержанія. Впрочемъ, надобно замѣтить, что сочинитель новооткрытаго трактата, преувеличивая до громаднѣхъ размѣровъ зло, причиняемое въ мѣрѣ женщиной, тѣмъ самымъ, какъ намъ кажется, уже высказываетъ невольное удивленіе ея высокому предназначенію. «Женщина, говоритъ онъ, поражаетъ битвы и войны, беретъ въ плѣнъ герцоговъ и бароновъ, повергаетъ въ скорбь цѣлыя страны.» Такимъ образомъ, съ одной стороны онъ воздастъ женщинѣ невольную дань уваженія, хотя и ложно направленнаго, а съ другой напоминаетъ намъ наивную и грубую брань русскихъ словъ о женахъ (1). Но мы напрасно будемъ искать въ нашей древней литературѣ того человѣколюбиваго противодѣйствія этимъ грубымъ понятіямъ о женщинѣ, которое въ XII и XIII вѣкахъ такъ энергически высказывалось благомыслящими людьми на Западѣ. Видно, что и тамъ въ XIII вѣкѣ многихъ занималъ вопросъ объ отношеніи жены къ мужу, къ дѣтямъ и слугамъ, какъ онъ въ XVI вѣкѣ занималъ у насъ извѣстнаго Сильвестра. Русскій моралистъ безусловно рѣшаетъ его въ пользу мужа, уравнивая самымъ обиднымъ образомъ отношенія жены къ мужу съ отношеніями челяди къ домовладыкѣ. Другими, несравненно болѣе просвѣтленными глазами смотрѣлъ на этотъ предметъ писатель XIII вѣка, Эгидій Колонна (Aegidius de Columna, ум. 1316), составившій для Филиппа Красиваго знаменитый въ свое время трактатъ нравственно-политическаго содержанія, извѣстный подъ именемъ De regimine principum. Въ этомъ трактатѣ, между прочимъ, посвящены двѣ главы занимающему насъ вопросу. Для вразумленія своихъ современниковъ авторъ почелъ не лишнимъ распространиться въ нихъ о томъ, что *человѣкъ не долженъ властвовать надъ своею женою такъ, какъ онъ властвуетъ надъ своими дѣтьми и рабами*. Колонна въ извѣстной степени допускаетъ нравственную власть мужа надъ женою, но существенно отличаетъ ее отъ власти отца и господина: «Отецъ имѣетъ уже по самой природѣ власть надъ сыномъ, а надъ женою по природѣ не имѣетъ; потому что дѣти ни въ чемъ не могутъ имѣть равенства съ

(1) См. выписки изъ «Пчелы» въ моей статьѣ о Горь-Злочастіи, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 г.—Напр. во франц. трактатѣ

Feme est ior d'iuer, qui est nuit,
 Que est nul tens, que elle luit.....
 Feme est tauerne, qui ne faut,
 A qui i uient et qui s'en aut.

Въ «Русской Пчелѣ» XVII в. «вѣтръ сѣверъ, день неведрень, гостиница жидовская».

отцомъ, они не могутъ взять себѣ въ отцы, кого захотать, и естественно подчиняются своему родителю; отсюда, власть его надъ дѣтьми естественная. Естественно также каждому человѣку жениться; но въ его волѣ выбрать себѣ въ жены ту или другую; тоже надобно сказать и о женщинѣ: отсюда проистекаетъ нѣкоторое между ними равенство. Слѣдовательно, власть мужа надъ женой не можетъ быть названа вполне естественною.» Съ такою же наивною философіей, но, для своего вѣка, благородно и человѣколюбиво, разграничиваетъ авторъ отношенія мужа къ женѣ и къ рабамъ. «Назначеніе всякой вещи опредѣляется ея дѣйствіемъ и свойствами; а такъ какъ жена предназначена на то, чтобъ производить на свѣтъ дѣтей, то уже по тому самому она не должна быть принимаема за рабыню или служанку. Потому, кто держитъ свою жену въ рабствѣ, тотъ худо понимаетъ вещи, и поступаетъ, какъ человѣкъ глупый или безумный... Между мужемъ и женой должно быть равенство; и несмотря на то, что мужъ долженъ быть господиномъ своей жены, потому что долженъ быть разсудительнѣе ея, все же не слѣдуетъ ему властвовать надъ нею, какъ надъ рабыней, но имѣть въ ней свою подругу; потому что между женой и мужемъ нѣтъ и не должно быть такого неравенства, какое существуетъ между господиномъ и слугой; жена же во многомъ равна мужу.»—Эти и другія не менѣе полезныя наставленія Эгидія Колонны благотворно дѣйствовали на смягченіе и благоуханіе средневѣковыхъ нравовъ; потому что знаменитое сочиненіе его пользовалось большою популярностію и было переводимо на многіе языки (1).

Защиту правъ и достоинствъ женщины, въ формѣ поэтической, предлагаетъ неизвѣстный поэтъ вышеупомянутой апологіи, изданной докторомъ Гейзе. Эта поэма, полу-шутливаго, полу-серіознаго тона, напоминаетъ извѣстный древне-французскій романъ о Розѣ (*Roman de la Rose*) (2). Подобно Данту, поэтъ странствуетъ по аду, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Петрарка, прославляетъ триумфъ женщинъ и любви. Поэма отзывается мнѳологическимъ колоритомъ. Меркурій ведетъ поэта въ область страданія и мукъ. Несчастные преданы различнымъ мукамъ. Одни повѣшены, другіе горятъ въ пламени; иныхъ терзаютъ змѣи, впившіяся въ ихъ языки своими ядовитыми жалами. Это все хулители и порицатели женщинъ, и тѣ, которые изъ за-

(1) См. Nannucci Manuale della letteratura del primo secolo della lingua italiana. Часть 3-я, стр. 317 и слѣд. Въ XIII же вѣкѣ сочиненіе Эгидія Колонны, писанное по-латыни, было переведено на французскій, а съ французскаго на итальянскій языкъ. Есть также испанскій переводъ и даже еврейскій.

(2) См. отъ 818 стиха и далѣе, гдѣ даже упоминается этотъ романъ по имени, и одинъ изъ авторовъ его — *maistre Jehan de Meun*.

вѣсти ненавидѣли ихъ въ теченіе всей своей жизни, и тѣ, которые посягали на ихъ доброе имя, выдумывая на нихъ разныя клеветы въ повѣстяхъ, романахъ и другихъ сочиненіяхъ, ходящихъ по рукамъ въ деревняхъ, замкахъ и городахъ. Вторая половина стихотворенія, о которой именно упоминаетъ французскій критикъ въ журналѣ *Revue Contemporaine*, имѣетъ цѣлю, въ идеальныхъ образахъ героинь, особенно изъ классической мифологіи, дать современникамъ понятіе о высокихъ достоинствахъ женщины. Проникнутый глубокимъ благоговѣніемъ къ прекрасному полу, поэтъ неоднократно убѣждаетъ мужчинъ, чтобъ они воздавали женщинамъ подобающую ей дань уваженія.

Если читатели желаютъ познакомиться съ нравами и обычаями, и вообще съ внутреннимъ бытомъ Французовъ той эпохи, о которой говорено было выше, то рекомендуемъ новое сочиненіе г. Шпрингера «Парижъ въ тринадцатомъ столѣтіи» (*Paris im dreizehnten Jahrhundert, Leipzig 1856*). Авторъ его, профессоръ исторіи искусства въ Боннскомъ университетѣ, извѣстенъ въ литературѣ очень полезною книгою о началахъ средневѣковаго христіанскаго искусства, и именно о христіанской архитектурѣ, а также — учебникомъ исторіи искусства, изданнымъ въ 1855 году, съ предисловіемъ профессора Фишера, извѣстнаго автора очень хорошей эстетики.

Предложивъ историческую и топографическую характеристику трехъ главныхъ частей Парижа, то-есть *Cité, Université et Ville*, Шпрингеръ входитъ въ интересныя подробности о внутренней архитектурѣ домовъ, въ связи съ частною жизнью Парижанъ XIII-го вѣка, о мебели, о предметахъ роскоши, о кухнѣ и вообще обо всей внѣшней обстановкѣ тогдашней жизни. Размѣщеніе комнатъ отличалось недостаткомъ симметріи. При каминѣ находилось окно, для того чтобъ можно было въ одно и то же время грѣться у огня и смотрѣть на улицу. Въ XIII вѣкѣ менѣе прежняго употреблялись стулья. По восточному обычаю, перенесенному въ Европу крестовосцами, они стали замѣняться подушками и коврами. Вмѣсто стульевъ служила также и кровать. Она не приставлялась глухо къ стѣнѣ, для того, чтобъ въ случаяхъ внезапныхъ можно было за нее скрыться отъ нападенія или же спрятаться. Такъ какъ эта эпоха отличалась непосѣдною жизнью, то и мебель дѣлали такую, которая бы удобно могла перевозиться съ мѣста на мѣсто, и именно на вьючномъ скотѣ. Потому въ особенномъ употребленіи были коробы и сундуки, при случаѣ замѣнявшіе и стулъ и даже столъ. Ножки стола отдѣлялись отъ самой доски, къ которой не придѣлывались наглухо. Между домашнею утварью заслуживаютъ вниманіе рукомошники, бывшіе въ большомъ употребленіи, по необходимости чаще нынѣшняго мыть руки за столомъ, потому что брали кушанье не вилками, а руками, и притомъ, съ одной тарелки, обыкновенно назначавшейся для двоихъ; но особенно замѣчательны любопытные приборы, употреблявшіеся для

пробы кушанья, чтобъ узнать, не отравлено ли оно. Въ эти приборы, отдѣлывавшіеся въ золото и драгоценные каменья, вставлялись рогъ единорога, змѣиное жало, или же нѣкоторые извѣстные камни, то есть такіе предметы, которые, по понятіямъ вѣка, имѣли таинственную силу открывать подмѣсъ яда. Приборы эти, на золотыхъ цѣпочкахъ, вѣшались на серебряномъ деревѣ, или находились при солонкѣ. Тоже для предотвращенія отравы были изобрѣтены особенныя коробочки, въ видѣ корабликовъ, называвшіяся *pef*. Касательно одежды надобно замѣтить, что сукно считалось принадлежностью роскоши, какъ теперь бархатъ. Кромѣ золота, серебра и драгоценныхъ камней, служили украшеніемъ, именно на шляпахъ, павлиньи перья и натуральные цвѣты — какъ употребляется то и другое и у насъ въ простомъ народѣ. Шафраномъ не только красили, но и душились. Были въ употребленіи также мускусъ и амбра.

Шумъ на улицахъ усиливался отъ крика разнощиковъ и продавцевъ, которые, за неимѣніемъ афишъ и объявленій, зазывали къ себѣ покупателей или нараспѣвъ голосили о достоинствахъ своего товара. Раньше всѣхъ раздавался по улицамъ крикъ банщиковъ, приглашавшихъ народъ въ бани, употребленіе которыхъ — вслѣдствіе знакомства съ Востокомъ въ эпоху крестовыхъ походовъ — распространилось по всѣмъ сословіямъ. За банщиками слѣдовали съ своими криками продавцы съѣстныхъ припасовъ, потомъ продавцы платья. Между этимъ шумомъ тамъ и сямъ раздавались менѣ громкія просьбы нищей братьи и монашествующихъ орденовъ. Впрочемъ на подаваніе для слѣпыхъ, плѣнныхъ, и особенно для христіанъ, поработенныхъ невѣрными, собиратели милостыни возбуждали общественное состраданіе громогласно. Съ проходящихъ по малому мосту отъ университета на островъ, или *Cité*, взималась пошлина. Отъ нея между прочими освобождались жонглеры, или бродячіе поэты, комедіанты съ обезьянами. Впрочемъ вмѣсто платы, жонглеръ обязывался передъ сборщикомъ пошлины пропѣть пѣсню, а комедіантъ — показать свои фокусы съ обезьяною.

Между среднимъ классомъ городскихъ обывателей въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ уже правильно организованная общества или цехи. Ранѣе другихъ, какъ кажется, образовался цехъ мясниковъ. Каменщики, по какому-то вымышленному преданію, вели свои привилегіи отъ Карла Мартелла. Какъ этотъ государь мощною рукою своею поднималъ молотъ на невѣрныхъ, такъ и каменщики употребляли это орудіе при своихъ постройкахъ на прославленіе имени Божьяго и христіанской вѣры. Многія улицы Парижа состоятъ въ тѣсной связи съ исторіею цеховъ, какъ на примѣръ улицы Башмачниковъ, Мясниковъ, Скорняковъ, Писцовъ и Продавцовъ пергамена, Прачекъ, Кожедѣяновъ, Сѣдельниковъ и проч. Притоимъ, въ самомъ разселеніи замѣчается нѣкоторый порядокъ, определяемый сродствомъ мастер-

ства или производства. Такъ каменщики жили въ сосѣдствѣ съ плотниками, золотыхъ дѣлъ мастера съ финифтчиками, и — что особенно характеризуетъ рыцарскій бытъ среднихъ временъ — живописцы, именно малары и рисовальщики, а не иконники, съ сѣдельниками и оружейниками. Писцы, миниатюристы и продавцы пергамена сѣлились вблизи университета; каменщики — въ сосѣдствѣ каменоломень Св. Женевьевы. Продажа книгъ, то-есть рукописей, производилась по преимуществу около храма Парижской Богоматери.

Во всемъ разнообразіи и убранствѣ выказывалась жизнь средневѣковаго Парижа во время церковныхъ и свѣтскихъ праздниковъ. Если вельможи и знатные рыцари, по любви ко всему чрезвычайному, умѣли придавать себѣ особую торжественность разными странными выдумками, напримѣръ, выѣзжали среди бѣлаго дня въ сопровожденіи служителей, несшихъ зажженные факелы, обѣдали, сидя на коняхъ; то и простой народъ, своими неистощимо-разнообразными увеселеніями, играми и шутками, не менѣе того умѣлъ обращать на себя вниманіе. Дома вдоль цѣлыхъ улицъ увѣшивались разноцвѣтными коврами; отъ безчисленнаго множества лампъ ночь превращалась въ день; на помостахъ устраивались театральныя зрѣлища, имѣвшія предметомъ и страшный судъ, и рай, и адъ, и различныя событія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, а также нѣкоторыя сатирическія сочиненія.

Само собою разумѣется, что церковь была главнымъ средоточіемъ всѣхъ этихъ торжествъ, какъ была она вообще средоточіемъ всей жизни средневѣковаго человѣка. Въ башнѣ храма, или на колоколнѣ, онъ сберегалъ свое вооруженіе; передъ храмомъ учреждалъ судилище и рынокъ; внутри храма совѣщался о дѣлахъ политическихъ и даже занимался торговлею. Впрочемъ противъ послѣдняго сильно возставали духовныя власти. Понятно, что при такомъ направленіи жизни, всѣ матеріальныя и духовныя средства свои народъ приносилъ на украшеніе храма, который не только плѣнялъ взоры художественною красотою архитектуры, скульптуры и живописи, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивлялъ разнообразными рѣдкостями, приносимыми въ него отвсюду изъ отдаленныхъ странствій. Наконецъ, здѣсь же предлагались для народа самыя увлекательныя духовныя зрѣлища, въ которыхъ иногда и онъ самъ принималъ участіе. Само собою разумѣется, что эти зрѣлища могли доходить до крайности. Такъ, еще въ концѣ XII вѣка, папскій легатъ жадуется на оскверненіе хрэмовъ въ праздничные дни не только неприличными пѣснями, но даже кровавыми драками. Изъ посланія Парижскаго факультета отъ 1444 года, мы узнаемъ, что необузданные весельчаки, во время праздниковъ, переряженные въ женскія платья и въ звѣриныя шкуры, до того доходили въ своемъ безчинствѣ, что даже плясали въ храмахъ, распѣвая неприличныя пѣсни и окуривая себя кожею стараго башмака. Въ половинѣ XIII вѣка, папскій легатъ Одо запрещалъ каноникамъ Париж-

ской Богоматери держать у себя обезьянъ, оленей, медвѣдей, вороновъ и другихъ ненужныхъ животныхъ. Если ко всему этому присоединимъ другія мрачныя черты нравственной жизни Парижанина XIII вѣка, то составимъ себѣ довольно вѣрное понятіе о темной сторонѣ тогдашней эпохи. Напримѣръ, убійства и потопленія совершались такъ часто, что полиція, изъ опасенія потерять слѣды преступленія, запрещала мелкимъ торговцамъ покупать окровавленное и мокрое бѣлье. Жонглеры описываютъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ супружескую невѣрность, и подозрѣваютъ дамъ даже въ пьянствѣ, увѣщавая ихъ воздерживаться отъ этого гнуснаго порока (1).

Cortoisie, biauté, savoir
Ne puet Dame yvre en soi avoir;
Oûtrément nule proesce
N'a Dame sousprise d'yvrece.

Fi de la Dame qui s'enyvre
Ele n'est pas digne de vivre.

Вотъ еще точка соприкосновенія русскихъ нравовъ XVI вѣка съ нравами Французовъ XIII-го! Если французскій поэтъ, несмотря на высокую образованность Парижа той отдаленной эпохи, замѣчалъ этотъ несчастный порокъ въ современныхъ ему дамахъ, то что же удивительнаго, спустя только триста лѣтъ, у насъ, на сѣверѣ, при обстоятельствахъ, мало благоприятствовавшихъ общественному образованію, встрѣтить въ достойной личности какого-нибудь Сильвестра — строгаго судью нетрезваго поведенія, впрочемъ очень почтенныхъ его современницъ? Не самое зло оскорбляетъ историка, потому что оно уже въ самой природѣ слабого челоуѣка, а коснѣніе во злѣ, при недостаткѣ нравственныхъ силъ освободиться изъ-подъ его тяжелаго обаянія.

Представителями общественнаго мнѣнія Парижанъ XIII вѣка были сатирическіе поэты — жонглеры и менестрели. Самъ Лудовикъ Святой любилъ, во время стола, слушать ихъ пѣсни и стихи; но потомъ охладѣлъ къ свѣтской поэзіи, за что подвергся укорамъ отъ современныхъ ему поэтовъ. Вообще, они начинаютъ жаловаться на охлажденіе къ нимъ участія знатныхъ вельможъ. Весь міръ — говорили они, раздѣленъ между вельможами, прелатами и простымъ народомъ: первымъ дана во владѣніе вся земля, вторымъ — десятина, а третій — работаетъ на тѣхъ и другихъ. Обдѣлили только менестрелей и куртизанокъ; но менестрели попали на долю вельможамъ, которые морятъ ихъ голодомъ, и тѣмъ лишаютъ себя вѣчнаго блаженства. Поэты вели открытую войну съ клериками и прелатами. Если

(1) Напр. въ Chastiment des Dames, въ изданіи Меона Recueil de Contes, стр. 194.

послѣдніе преслѣдовали ихъ за вольности въ ихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ извѣстномъ романѣ о Розѣ, который въ XIV вѣкѣ многими предпочитался даже «Божественной Комедіи» Данта, то и поэты ужьли досаждаютъ своимъ врагамъ, увѣряя публику, что не хуже ихъ ужьютъ они улучшать общественную нравственность и исправлять пороки. Крестовые походы пали во мнѣніи народа, особенно послѣ неудачныхъ попытокъ Лудовика Святаго. Не между сатирическими поэтами могли они найти себѣ защиту. Рютебѣѣ, одинъ изъ даровитѣйшихъ менестрелей того времени, въ своемъ сочиненіи «*La desputizons dou Croisié et dou descroisié*», такъ выражается противъ крестовыхъ походовъ: «Неужели я долженъ оставить жену, дѣтей, имущество и наслѣдство, и идти — не для себя, а для другихъ — завоевывать чужую землю? И будто нельзя также усердно молиться Богу и въ Парижѣ! Развѣ нѣтъ иной дороги въ рай, кромѣ далекаго пути по морямъ? Богатые прелаты, посвятивъ себя служенію Божию и обладая сокровищами міра, можетъ-быть, имѣютъ свои выгоды въ крестовыхъ походахъ. Но я? Я живу съ своими сосѣдами въ ладу, не скучаю своею жизнію и не чувствую охоты искать войны на другомъ концѣ свѣта. Если вамъ нравятся геройскіе подвиги, то идите и покрывайте себя лаврами, а отъ меня скажите султану, что когда онъ вздумаетъ меня потревожить, тогда я сумѣю защитить себя; если же онъ оставитъ меня въ покоѣ, то я не буду беспокоиться о его тронѣ. Вотъ еще что: всѣ вы, и знатные и незнатные, идете въ обѣтованную землю. Конечно, вы тамъ освящаетесь. Отчего же возвращаетесь оттуда разбойниками?»

Въ XIII вѣкѣ во всей Франціи насчитывается только до сорока тысячъ писцовъ. Конечно, этого очень много, сравнительно съ Русью той эпохи; но для Франціи, стоявшей во главѣ образованнаго міра, не много. Чтеніе не было распространено. Въ описяхъ тогдашнихъ библиотекъ господствуютъ рукописи содержанія религіознаго: отцы церкви, схоластическія сочиненія, обличенія жидовъ и еретиковъ. Но въ библиотекѣ графа Роберта Артуа, въ началѣ XIV вѣка, встрѣчаются уже романы о Тристанѣ, о Лисѣ Ренарѣ (*Reineske Fuchs*), повѣствованія о житіи святыхъ, французскій переводъ Библии и друг. Сколь ни обширна была дѣятельность Парижскаго университета, вліяніе его схоластической учености на массы народа не могло быть значительно. Гораздо важнѣе отношеніе его къ возраждавшемуся въ ту эпоху готическому искусству. Предварительно надобно замѣтить, что колыбелью этого искусства признается теперь сѣверная Франція. Странная судьба выпала на долю Германіи относительно мнѣній о готическомъ стилѣ. Когда, подъ вліяніемъ классическихъ идей такъ называемаго возрожденія, готическое искусство казалось выраженіемъ грубаго, неуклюжаго, варварскаго вкуса, тогда оно приписывалось исключительно Нѣмцамъ. Но теперь, когда изслѣдованіями о средне-

вѣковыхъ соборахъ возстановляется истинное понятіе о высокой красотѣ этого стиля, — у Германіи отнимаютъ права на его происхожденіе. Впрочемъ, надобно сказать къ чести безпристрастныхъ Нѣмцевъ, что они не видятъ въ этомъ для себя никакого оскорбленія и, внимая только голосу истины, занесли уже въ свои учебники археологіи, какъ фактъ, свѣдѣнія о французскомъ происхожденіи готическаго стиля (1). При этомъ невольно приходятъ на мысль тѣ изъ нашихъ патріотовъ, которые никакъ не могутъ совмѣстить съ своею любовью къ древней Руси блистательной догадки графа С. Г. Строгонова объ участіи нѣмецкихъ мастеровъ въ постройкѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ (2).

Пріятно думать, вмѣстѣ съ Шпрингеромъ, что наука, представителемъ которой былъ въ XIII вѣкѣ Парижскій университетъ, оказала значительную долю своего вліянія на созданіе готическаго стиля. Дѣйствительно, слѣдя взорами за безконечнымъ разнообразіемъ скульптурныхъ украшеній готическаго портала и вникая въ смыслъ каждой подробности въ ея связи съ цѣлымъ, невольно приходишь къ тому убѣжденію, что, только при пособіи обширныхъ свѣдѣній той эпохи, можно было съ такою ясностью и отчетливостью въ цѣломъ рядѣ подробностей — изобразить во всей полнотѣ цѣлую энциклопедію средневѣковыхъ понятій, и исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, и житія святыхъ, и аллегорическія представленія понятій нравственныхъ, даже наукъ и искусствъ. Но наука приняла только участіе въ этомъ великомъ творчествѣ среднихъ вѣковъ, возникло же оно на болѣе широкихъ основаніяхъ народной жизни. И вѣроятно, еще сильнѣйшее возбужденіе къ нему получили города сѣверной Франціи въ самомъ внутреннемъ ихъ устройствѣ, въ тѣхъ правахъ и льготахъ, дарованіе которыхъ совпадаетъ съ временемъ готическихъ построекъ XIII вѣка. Такимъ образомъ, народныя силы, сосредоточенныя въ городахъ, облагороженныя наукою и искусствомъ, и снабженныя необходимыми матеріальными средствами въ эпоху сознанія своей самостоятельности, выразились цѣлымъ рядомъ блистательнѣйшихъ произведеній искусства, которыя, по красотѣ и глубинѣ воодушевленія, ни въ чемъ не уступаютъ ни классической древности, ни эпохѣ возрожденія.

Θ. БУСЛАЕВЪ.

(1) Sollte freilich der Name die Abkunft des Stiles bezeichnen, so leidet es keinen Zweifel mehr, dass man ihn den *französischen* nennen müsste. Смотри. Handbuch d. kirchl. Kunst-Archäologie, von Otte. 3-е изд. стр. 110.

(2) См. его сочиненіе «Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ». Сооруженъ въ 1197 году.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Письма великихъ художниковъ, изданныя профессоромъ Гулемъ. — Къ числу даровитѣйшихъ преподавателей исторіи искусства принадлежитъ молодой профессоръ берлинской академіи художествъ, Эрнстъ Гуль. Ежегодно развиваеъ онъ передъ своими многочисленными слушателями, какъ въ Берлинскомъ университетѣ, такъ и въ академіи художествъ, блестящую картину новѣйшаго искусства, въ которой, рисуя общими глубокими чертами идеи и стремленія вѣковъ, умѣеъ на каждаго великаго дѣятеля въ области искусства наложить печать индивидуальности. Это умѣнье составляетъ отличительную черту его преподаванія. Оно далось ему вслѣдствіе упорнаго труда, вслѣдствіе глубокаго изученія обширнаго и до него почти непочатаго источника исторіи искусства. Занимаящіяся основательно изученіемъ этого предмета, вѣроятно, давно замѣтили одинъ существенный недостатокъ даже лучшихъ сочиненій по этой части. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ нихъ всѣ нужныя свѣдѣнія о послѣдовательности художественныхъ стилей, о мѣстѣ, которое каждый художникъ занимаетъ въ этой преемственности, о степеняхъ развитія, имъ пройденныхъ. Но въ большей части случаевъ эти сочиненія Ланци, Розини, Куглера не даютъ никакого понятія собственно о личности художника, объ его характерѣ, его воззрѣніяхъ, его положеніи въ дѣйствительной жизни и, наконецъ, о томъ участіи, которое онъ внутренно принималъ въ образованіи и духовныхъ движеніяхъ своего вѣка. А въ исторіи искусства слѣдуетъ разсматривать не одни произведенія художниковъ, но и ихъ самихъ. Кромѣ неотъемлемой печати вѣка, на этихъ произведеніяхъ лежитъ печать личности и судьбы самого творца. Поэтому каждому историку искусства необходимо, въ мельчайшихъ подробностяхъ, знаніе біографій художниковъ, исторіи ихъ внутренняго развитія, чтобы, для пониманія каждаго произведенія, знать, при какихъ внутреннихъ и вѣшнихъ обстоятельствахъ были созданы важнѣйшія ихъ произведенія. Для разрѣшенія подобнаго рода вопросовъ въ исторіи новѣйшаго искусства, профессоръ Гуль воспользовался счастливою мыслію обратиться къ новому роду источниковъ — къ *письмамъ великихъ художниковъ*, въ которыхъ, по его выраженію, онъ нашелъ непочатыя сокровища. Успѣхъ, который пріобрѣли его лекціи (пишущій эти строки долгое время былъ слушателемъ профессора Гуля и пользуется дружбою молодого ученаго), нынѣ завершился изданною имъ книгою: *Künstler-Briefe, übersetzt und erläutert von Dr. Ernst Guhl. 2 Bände. Berlin, 1853 — 1856*, которая въ Германіи, даже въ массѣ публики, была вездѣ встрѣчена единодушными похвалами. Король прусскій, достой-

шый цѣнитель научныхъ заслугъ, наградилъ автора большою золотою медалью.

Извѣстно, что свѣдѣнія о жизни большей части художниковъ, дошедшія до насъ, очень скудны. Поэтому нетрудно понять, какое важное значеніе имѣеть переписка художниковъ. Эти письма содержатъ самыя задушевныя мысли и чувства художниковъ о собственныхъ произведеніяхъ; въ нихъ разказываютъ они свои надежды, успѣхи и разочарованія. Въ нихъ просятъ они совѣтовъ у истинныхъ знатоковъ; въ нихъ сохраняются самыя драгоцѣнныя и подлинныя свидѣтельства о характерѣ и сношеніяхъ художниковъ. Уже, за столѣтъ тому назадъ, всю важность ихъ понялъ ученый хранитель Ватиканской бібліотеки, Боттари. Съ помощью друзей своихъ въ Италіи и Франціи, въ числѣ которыхъ находится одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ искусства въ XVIII вѣкѣ, Маріеттъ, онъ издалъ первое большое собраніе писемъ художниковъ (*Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura, scritti da' piu celebri personaggi dei secoli XV, XVI e XVII*), но, къ сожалѣнію, безъ примѣчаній. Оно доведено было до нашихъ дней другимъ итальянскимъ ученымъ, Тикоччи. Превосходныя новыя собранія писемъ и разныхъ другихъ художественныхъ документовъ, на примѣръ контрактовъ художниковъ съ заказчиками, росписокъ и т. д., изданныя нѣмецкимъ ученымъ Гаге и итальянскимъ Гвзланди, еще болѣе увеличили наши матеріалы; но всѣ эти собранія оставались почти безъ вліянія на исторію искусства. По многотомности и дороговизнѣ своей, они были доступны только немногимъ. Нужно быть отличнымъ знаткомъ итальянскаго языка, чтобы понимать многія письма, часто написанныя на мѣстномъ діалектѣ, съ большими сокращеніями, весьма небрежно и неправильно. Наконецъ, даже почти невозможно читать переписку, лишнюю всякихъ объяснительныхъ примѣчаній; нужно быть глубокимъ знаткомъ искусства, чтобы отгадать многіе намеки, въ нихъ высказанные. Поэтому профессоръ Гуль оказалъ важную услугу исторіи искусства, сдѣлавъ умный и отчетливый выборъ важнѣйшихъ писемъ изъ вышеприведенныхъ и другихъ сборниковъ. Онъ умѣлъ чрезвычайно искусно, сохраняя колоритъ подлинника, передать ихъ на нѣмецкій языкъ; собранію писемъ каждого художника онъ предпослалъ характеристику его, часто превосходную, и, сверхъ того, каждое письмо сопровождаютъ необходимыя поясненія. Первый томъ его собранія посвященъ художникамъ XV и XVI-го, а второй — XVII вѣковъ; въ первомъ помѣщены 150, во второмъ 100 писемъ и разныхъ документовъ.

Любопытно въ этихъ письмахъ прослѣдить отраженіе вѣка и личности великихъ художниковъ. Тонъ писемъ разгульнаго монаха Фра Филиппо Липпи такъ же неспокоенъ, какъ и образъ его жизни. Беночцо Гоццоли и Мантенья наивны и просты. Въ тонѣ писемъ отра-

жается не только личный характеръ художниковъ, но и отношенія ихъ къ государству и его формѣ. Такъ мужественная и благородная рѣчь знаменитаго архитектора Леона-Баптиста Алберти вполне соотвѣтствуетъ государственному положенію его отчизны — Флорентійской республики, и подчиненный тонъ Джіованни Санти, отца великаго Рафаэля, — его отношеніямъ къ маленькому двору герцоговъ Урбинскихъ. Еще болѣе матеріаловъ находимъ мы въ этихъ письмахъ для исторіи вѣшняго положенія художниковъ. Три обстоятельства заслуживаютъ здѣсь особаго вниманія. Впервыхъ, отношеніе художниковъ другъ къ другу, вовторыхъ, къ заказывателямъ и покровителямъ и, наконецъ, въ третьихъ, къ представителямъ научнаго образованія того времени. Что касается до перваго отношенія, то лица, разьединенныя въ исторіи искусства, являются здѣсь въ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Мы вступаемъ въ гостепріимный домъ флорентійскаго скульптора Баччіо д'Аньоло, гдѣ около 1505 года собирались величайшіе таланты того блестящаго вѣка, читаемъ переписку такихъ людей, какъ Франческо Франчіа и Рафаэль, Джуліо Романо и Пармиджіанино, Микель Анджело и вѣрный его сотрудникъ Себастьянъ дель-Пюмбо и, наконецъ, — хотя и изображали ихъ многіе историки великими врагами и соперниками — Рафаэль и Микель Анджело! Еще любопытнѣе отношенія художниковъ къ заказывателямъ и покровителямъ. Въ теченіи XV-го и первой половины XVI-го столѣтія, эти отношенія представляютъ весьма радостное явленіе: они отличаются большою простотою и естественностію. Люди не проводили тогда еще тѣхъ граней, которыя затрудняли взаимныя отношенія. Представители силы стояли на одной ступени съ представителями таланта. Художникъ чувствовалъ себя независимымъ и свободнымъ въ отношеніи къ заказывателю: это чувство возвышало его творческія способности. Эти отношенія иногда были исполнены глубокой дружбы, какъ напримѣръ: между Козимо Медичи и Донателло, возлѣ котораго правитель Флоренціи желалъ быть скороненъ. Подобная же свобода и естественность въ обращеніи высказывается и во владѣтельныхъ лицахъ того времени, въ Гонзагахъ, Эсте и Сфорцахъ, въ ихъ письмахъ къ Тиціану или Джуліо Романо. Въ половинѣ или еще болѣе въ концѣ XVI-го столѣтія происходитъ огромная перемѣна въ этихъ отношеніяхъ: Тоскана теряетъ свою независимость; лѣсть и церемоніальность заступаютъ мѣсто прежней гуманности. Живописецъ Аньоло Бронзино оканчиваетъ одно письмо (отъ 1548 г.) къ коварному и жестокому герцогу Козимо I-му словами, что онъ «цѣлуетъ его святѣйшую руку (*la santissima mano*).» Можно было бы провести любопытныя параллели между стилемъ писемъ и стилемъ художественныхъ произведеній отъ начала XV до конца XVI вѣка. Столь же любопытно слѣдить, какимъ образомъ заказывались въ эту эпоху художественныя произведенія.

Первоначально заказыватель и художникъ заключали между собою весьма точный контрактъ, въ которомъ подробно были описаны величина, сюжетъ, матеріалы, число дѣйствующихъ лицъ и т. д. Отъ такихъ контрактовъ не были освобождены и лучшіе художники. Такъ до насъ дошли любопытные контракты Перуджино съ монахами монастыря св. Петра въ Перуджии, Корреджіо съ духовенствомъ Парискаго собора и т. д. Въ нихъ все было точно измѣрено, изчислено и опредѣлено и если художникъ позволялъ себѣ отступленіемъ, то онъ подвергался или порицанію или пени. Но уже въ первой половинѣ XVI вѣка требованія на художественныя произведенія возрасли до такой степени, что любители рады были получить хоть что-либо отъ великихъ художниковъ и совершенно предоставляли сюжетъ ихъ выбору. Такъ Федерико Гонзаго заказываетъ Себастьяну дель-Пюмбо картину: онъ проситъ его только, чтобы это не была сцена изъ священной исторіи, а какая-нибудь *пріятная для глазъ* картина. Это обратное положеніе художниковъ къ заказчикамъ много содѣйствовало тому упадку искусства въ Италіи, которое вездѣ столь сильно обнаруживается во второй половинѣ XVI вѣка. Что касается до цѣнъ, которыя художники получали за свои произведенія, то въ XV столѣтіи онѣ были вообще очень умѣренны; тѣмъ не менѣе кажется, что тогдашніе художники часто жили въ довольствѣ, потребности ихъ были умѣренны, да и они во внѣшней жизни мало отличались отъ сословія ремесленнаго. Странную противоположность съ ними составляетъ блестящій образъ жизни, который вели Рафаель, Микель Анджело и Тиціанъ. Но и цѣны, которыя получали эти гении искусства, за свои безсмертныя произведенія, очень скромны въ сравненіи съ цѣнами художниковъ нашихъ дней. Въ XVII столѣтіи художники сами совершенно произвольно назначаютъ цѣны своимъ произведеніямъ. Такъ Сальваторъ Роза опредѣлялъ цѣну за свои картины по числу изображенныхъ на нихъ лицъ, а Рубенсъ — по времени, употребленному имъ для написанія.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на внутреннюю исторію искусства въ эти три вѣка. Это собраніе писемъ проливаетъ на нее новый свѣтъ. Высокому процвѣтанію искусства въ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка, содѣйствовало много необыкновенно-благопріятныхъ обстоятельствъ. Вопервыхъ, красота внѣшней жизни, окружавшая съ дѣтства художника; во вторыхъ, все направленіе тогдашняго времени, по преимуществу, художественное. Вслѣдствіе общаго художественнаго одушевленія, произведенія искусства принадлежатъ къ потребностямъ жизни. Это общее настроеніе дѣйствовало необыкновенно сильно на душевный организмъ, на нравственное сознаніе художника. Въ обществѣ онъ чувствовалъ себя необходимымъ членомъ, котораго всѣ высоко уважали. Но преимущественно заслуживаетъ вниманія обстоятельство, которое составляетъ огромный недостатокъ ху-

дожниковъ нашихъ дней. Художники блестящей эпохи искусства, въ Италіи, чувствовали глубоко необходимость усвоить себѣ все духовное образованіе того времени : они уважали науку и находились въ живой связи съ ея представителями. Всѣ они раздѣляли тогдашнюю любовь къ классической древности и ея великимъ умамъ. Леонардъ да Винчи совмѣщалъ въ себѣ всѣ знанія своего времени ; Рафаэль под конецъ жизни предпринялъ огромный ученый трудъ. Графъ Кастильоне, совершеннѣйшій изъ всѣхъ царедворцевъ, остроумный авторъ ручной книги для тогдашнихъ придворныхъ, прославившейся подъ именемъ: Il Cortegiano, былъ другомъ Рафаэля. Пьетро Бембо, Паоло Джіовіо, Бенедетто Варки, Винченцо Боргини находились въ связи со множествомъ художниковъ. Для нихъ былъ открытъ домъ Лоренцо Медичи, прозваннаго «Великолѣпнымъ» (Magnifico), дворъ герцоговъ Урбинскихъ, сады фамилии Ручеллаи. Тогдашній міръ идей получалъ свое совершеннѣйшее выраженіе въ произведеніяхъ искусства. Высшимъ примѣромъ тому можетъ служить stanza della segnatura Рафаэля. Тутъ идея Церкви выражена въ знаменитой Disputa; тогдашняя любовь къ наукамъ, философіи, географіи, математикѣ, астрономіи и естественной исторіи въ «Афинской школѣ», изученіе римскаго права въ «Юриспруденціи», любовь къ поэзіи въ «Парнасѣ».

Уже во второй половинѣ XVI вѣка въ искусствѣ происходитъ огромная перемѣна. Когда всѣ трудности техники были преодолены до виртуозности, въ умахъ появилось какое-то расположеніе къ поспѣшности въ работѣ, какая-то страстность въ дѣйствіи, которыя и перешли въ искусство. Это породило новое направленіе, которое получило названіе *манеризма*. Художники употребляли внѣшнія формы великихъ мастеровъ, но въ этихъ формахъ не было болѣе ни ихъ глубины духа, ни индивидуальной жизни. Въ концѣ XVI вѣка этому пустому и ложному идеализму начали противодѣйствовать двѣ школы: академиковъ и натуралистовъ. Реставрацію итальянской живописи, усиліями, съ одной стороны братьевъ Караччи и ихъ учениковъ Доменикино, Гвидо Рени, Альбани, съ другой—Караваджіо, можно сравнить съ происходившею тогда реставраціею католической церкви. Живопись получаетъ съ одной стороны преднамѣренный, въ поучительномъ смыслѣ дѣйствующій, ложно-религіозный характеръ; съ другой она содѣйствуетъ распространенію кроваваго инквизиціоннаго духа, религіозной нетерпимости и мрачнаго суевѣрія. Таковы многочисленные картины мученическихъ сценъ, созданныя школою натуралистовъ. Оба направленія современны съ испанскою всемірною монархіею и преобладаніемъ испанской партіи въ Италіи. Но когда папа Урбанъ VIII вступаетъ на престолъ и передается политическому перевѣсу Франціи, обѣ школы покидаютъ Римъ и замираютъ вдали отъ могущественнаго центра западнаго міра. Тогда возникаетъ

то свѣтское, богатое и блестящее искусство, во главѣ котораго стоятъ Бернини и Пьетро да Кортона. Они и ихъ послѣдователи наполняютъ Римъ, Францію и прочую Европу своими ослѣпительными и къ то же время несносными произведеніями. Послѣднимъ самостоятельнымъ живописцемъ Италіи является Сальваторъ Роза. Въ концѣ XVII-го столѣтія художественныя партіи исчезаютъ въ Италіи, и искусство теряетъ свое національное значеніе. Искусствомъ овладѣваетъ другая чисто-внѣшняя иноземная школа, которая низводитъ его на степень *моды*.

К. Гѣрцъ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Богатство матеріаловъ для исторіи Валленштейна, и безъ того уже значительное, недавно приумножилось еще изданіемъ «Хронологической описи бумагъ, хранящихся въ разныхъ моравскихъ архивахъ, вмѣстѣ съ ненапечатанными письмами императора Фердинанда II, Альбрехта фонъ-Вальдштейна (Валленштейна) и Ромбоальда, графа Коллальто», (Die Regesten oder die chronologischen Verzeichnisse der Urkunden in den Archiven zu Iglau, Trebitsch, Triesch, Gross Bitsch, Gross-Meseritsch und Pirnitz etc. herausgegeben von P. Ritter von Chlumezky.) Издатель этого важнаго и любопытнаго собранія, директоръ моравскихъ архивовъ г. Хлумецкій, заслужилъ полную благодарность всѣхъ занимающихся этимъ интереснымъ періодомъ исторіи. До сихъ поръ вышло только первое отдѣленіе перваго тома; но и здѣсь напечатано уже 329 неизданныхъ доселѣ писемъ Валленштейна, начиная съ 29 января 1624 по 23 августа 1630 года. Большая часть ихъ писана къ президенту верховнаго военнаго совѣта (Hofkriegsrath), графу Коллальто, нѣкоторыя къ самому императору, къ испанскому генералу Спинолѣ и т. д. Особенно важны и любопытны первыя. Графъ Коллальто принадлежалъ къ числу тѣхъ сильныхъ при вѣнскомъ дворѣ людей, которые старались въ пользу Валленштейна противъ тогда уже выступавшихъ враговъ его. Поэтому письма къ нему знаменитаго герцога, кромѣ самыхъ точныхъ военныхъ подробностей, содержатъ въ себѣ много такихъ откровеній, которыя мѣстами бросаютъ новый свѣтъ на отношенія его къ двору, къ курфирстамъ, къ Тилли и на его собственныя стремленія. Изъ разсѣянныхъ въ этой перепискѣ отзывовъ герцога очевидно, что послѣ того какъ, обрадовавшись неудовольствію курфирста Баварскаго, онъ принялъ главное начальство надъ войскомъ, по-

стояннымъ стараніемъ его было, вопреки волѣ императора, забрать въ свои руки всю ту власть, которая неизбѣжно вела къ ослабленію курфирстовъ и къ разложенію имперіи въ древнемъ ея составѣ, такъ что рѣшительная оппозиція имперскихъ князей противъ Валленштейна становится понятною вполнѣ. Сначала, въ іюлѣ 1625 года, онъ успокоиваетъ графа Коллалто тѣмъ, что намѣренъ набрать только 24,000 войска, но уже въ декабрѣ того же года извѣщаетъ его, что довелъ свою армію до 50,000 человекъ. Историки обыкновенно говорятъ, что безжалостный къ имперскимъ войскамъ, Валленштейнъ щадилъ собственныя владѣнія Австрійскаго дома. Изъ писемъ оказывается напротивъ, что онъ непрерывно требовалъ то отъ казны, то отъ областныхъ чиновъ и жителей императорскихъ земель, большихъ денежныхъ пособій, и всѣ просьбы, всѣ повелѣнія императора обходиться не такъ безпоощадно, оставляя безъ всякаго вниманія. Правда, онъ иногда наказываетъ своихъ подручниковъ за незнаніе мѣры хищничеству, но въ другой разъ самъ даетъ имъ совѣтъ дѣлать, какъ онъ дѣлывалъ, то-есть хватать и грабить (*carpite, rapite*)! Разбивъ предводителя богемскихъ протестантовъ Мансфельда при Дессаускомъ мосту въ апрѣлѣ 1626 года, и вынужденный преслѣдовать непріятеля до Венгріи, Валленштейнъ долженъ былъ предоставить борьбу на главномъ мѣстѣ дѣйствія баварскому полководцу Тилли. Этимъ объясняется изъявленное имъ въ іюнѣ желаніе, чтобы императоръ поскорѣе заключилъ миръ съ Датчанами. Въ 1627 поспѣшно возвращается онъ изъ Венгріи, освобождаетъ Селезію и, устранивъ Тилли, самъ устремляется противъ датскаго короля. Войска его все растутъ съ страшнымъ ущербомъ для высасываемаго ими края, и тѣмъ безцеремоннѣе поступаетъ онъ даже съ дружественными императору князьями. Императору хочется пощадить курфирста Саксонскаго отъ военнаго постоа, а Валленштейнъ настойчиво требуетъ противнаго. Почти также поступаетъ онъ съ Майнцскимъ курфирстомъ, жалуясь при этомъ, что императоръ напрасно «щадитъ поповъ». Осенью 1627 года Валленштейнъ овладѣлъ Мекленбургомъ и Голштиніею и, въ надеждѣ скоро покорить Шлезвигъ и Ютландію, опять совѣтовалъ заключить съ Даніею миръ, замѣчая, что возвращеніемъ Датскому королю всего завоеваннаго легко будетъ его успокоить. Тутъ онъ настаивалъ на мирѣ для того, чтобы послѣ самому спокойно утвердиться въ Мекленбургскомъ герцогствѣ, на которое онъ уже занесъ властолюбивую руку. Въ 1628 году, когда онъ дѣйствительно покорилъ Шлезвигъ и Ютландію, императоръ отдалъ ему Мекленбургъ въ залогъ за потраченныя имъ военныя издержки. Тогда Валленштейнъ, жертвуя выгодами императора, поспѣшилъ заключеніемъ мира съ Даніею, въ іюнѣ 1629 года. Въ томъ же мѣсяцѣ Мекленбургъ окончательно пожалованъ ему въ ленъ, тогда какъ извѣстно, что прежніе владѣльцы этого края были далеко

не такъ виновны въ противленіи императору, какъ датскій король, и могли скорѣе надѣяться на императорскую милость. Очень замѣчательно при этомъ, что Валленштейнъ, который обыкновенно всегда жаловался на Тилли, не задолго до того вдругъ совершенно переиначитъ тонъ, и въ письмѣ отъ 30 апрѣля проситъ наградить его за «великую и вѣрную службу» герцогствомъ Брауншвейгскимъ, которое только что передъ этимъ онъ настоятельно совѣтовалъ отнять у прежнихъ владѣтелей. Въ то же самое время, какъ видно изъ письма отъ 1 мая, онъ хлопоталъ у графа Коллалто и за себя, чтобы формально получить ленное обладаніе Мекленбургомъ. Вопреки мнѣнію извѣстнаго историка Фердинанда II, Гуртера, онъ вовсе не терялъ изъ виду Шведовъ, хотъ и не могъ имѣть понятія о великомъ значеніи опасности, которая грозила съ этой стороны. Самое пребываніе его въ Меммингенъ, въ баварской Швабіи, оправдывается тѣмъ, что онъ могъ обратиться оттуда и на Шведовъ, и въ Италію, и противъ Французовъ, смотря по надобности. Черезъ мѣсяцъ послѣ высадки Густава Адольфа, Валленштейнъ писалъ изъ Меммингена, что начальствующій въ Помераніи, Торквато Контине, довольно силенъ для сопротивленія Шведамъ, а спустя нѣсколько дней (3 августа 1630 года) онъ непремѣнно требовалъ заключенія мира съ Франціей, потому что ему необходимо взять съ этой стороны всѣ войска. Когда же въ Регенсбургѣ состоялось рѣшеніе курфирстовъ дѣйствовать противъ Шведовъ общими силами, Валленштейнъ полагалъ, что въ такомъ случаѣ у императора останется много лишняго войска, которое можно будетъ съ пользою употребить въ Италиі. Что значить эта необычная ему уступчивость? Не думалъ ли новый герцогъ Мекленбургскій упрочить ея свое положеніе въ кругу имперскихъ князей, между тѣмъ какъ они въ то самое время настояли у императора на удаленіе его отъ начальства? Конечно, съ небольшимъ черезъ годъ, успѣхи Густава Адольфа побудили главу имперіи снова обратиться къ Валленштейну, но дни его уже были сочтены. Въ письмахъ Валленштейна находимъ мы, между прочимъ, одинъ разительный примѣръ его неразборчивости на средства для одолѣнія противниковъ. Вотъ какъ выражается онъ о знаменитомъ трансильванскомъ князѣ Бетленѣ Габорѣ, поддерживавшемъ протестантовъ. «Противъ Бетлена надо дѣйствовать не столько открытою войною, сколько хитростью, и бить прямо на его лицо по итальянскому обычаю». Характеристическія слова подлинника гораздо рѣзче выражаютъ эту мысль: «Gegen den Bettehem muss man mehr mit *practicen* als aperto Marte kriegen, solches müsste aber angesehen seyn auf seine Person a la usanza de Italia». Положимъ, вѣроломное убійство было тогда довольно обыкновенно въ Италиі, но хороша же и личность, такъ легко усвоивающая себѣ чужеземный обычай этого рода!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

На этотъ разъ мы не имѣемъ занести въ текущую лѣтопись между-народныхъ сношеній въ Европѣ, ничего такого, что уже не было бы болѣе или менѣе извѣстно нашимъ читателямъ изъ нашихъ предшествовавшихъ обзорѣній. Результатъ парижскихъ совѣщаній по нешпательскому вопросу обнаруженъ швейцарскимъ правительствомъ, но было бы излишнимъ возвращаться къ нему, ибо онъ въ сущности совершенно согласуется съ тѣми частными свѣдѣніями, которыя сообщены нами въ № 8-мъ «Русскаго Вѣстника». Достаточно замѣтить здѣсь, что свѣдѣнія эти оказались неточными по одному только пункту: парижская конференція формально признала за королями Пруссіи право сохранить титулъ князей Нешпательскихъ. Предложенія ея приняты какъ Пруссіею, такъ и Швейцаріею; но Пруссія, заявляя свое согласіе, въ то же время выразила желаніе уступить Швейцаріи по нѣкоторымъ пунктамъ, если Швейцарія съ своей стороны уступить ей по другимъ. Пруссіи хотѣлось бы, чтобы не одни доходы съ церковныхъ имуществъ Нешпательскаго кантона, обращенные въ государственные въ 1848 году, но самыя имущества были возвращены прежнимъ владѣльцамъ; она желаетъ также, чтобы прежнія ея требованія относительно пересмотра нешпательской конституціи были исполнены Швейцаріею, и за это, какъ говорятъ, предлагаетъ отказаться отъ того милліона франковъ, который, согласно съ рѣшеніемъ парижской конференціи, долженъ быть заплаченъ ей швейцарскимъ правительствомъ. Но Швейцарія не соглашается ни на какія дальнѣйшія уступки, и предпочитаетъ заплатить эту сумму. Какъ бы то ни было, нешпательскій вопросъ можно считать порѣшеннымъ. Ни огласка, сообщенная швейцарскимъ правительствомъ предложенію парижской конференціи и возбудившая неудовольствіе въ Берлинѣ и Парижѣ, ни рѣшительный отказъ Швейцаріи въ какихъ бы то ни было новыхъ уступкахъ, не помѣшаютъ этому результату. О первомъ обстоятельстве замѣтимъ, что Пруссія, повиданному, желала нѣкоторое время сохранить въ тайнѣ составленныя въ Парижѣ условія соглашенія, которыя могли возбудить неудовольствіе крайней роялистской партіи въ Нешпательскомъ кантонѣ. Несвязанное такимъ обстоятельствомъ, швейцарское правительство успѣшило обнаружить эти условія, и тѣмъ вызвало не только неблагоприятный отзывъ официальной газеты французскаго правительства, но и фран-

пузскую ноту, въ которой былъ повторенъ тотъ же отзывъ въ дипломатической формѣ. Нѣкоторое время думали, что эта размовка можетъ возбудить новыя затрудненія; но опасенія не имѣли никакого основанія. Франція съ самаго начала приняла дѣятельнѣйшее участіе въ нешательскомъ вопросѣ, а голосъ ея въ настоящее время имѣетъ огромную важность. Успѣхъ переговоровъ по нешательскому вопросу, такъ сказать, связанъ съ ея дипломатическимъ авторитетомъ, и она, конечно, не щадитъ усилій для достиженія цѣли. Въ первой половинѣ мая принцъ Наполеонъ предпринялъ поѣздку въ Берлинъ, гдѣ ожидалъ его великолѣпный приемъ со стороны королевской фамилии. Журналы вообще объясняютъ эту поѣздку желаніемъ французскаго правительства устранить послѣднія затрудненія по нешательскому вопросу; но она скорѣе объясняется желаніемъ Франціи отблагодарить Пруссію за удовлетворительное разрѣшеніе вопроса. Достоверно только то, что принцъ Наполеонъ вручилъ королю Пруссому собственноручное письмо императора Французовъ, содержаніе котораго остается тайною для публики.

Датско-германскій вопросъ не подвинулся впередъ ни на шагъ, и потому, повторяемъ, мы не можемъ сообщить нашимъ читателямъ никакихъ новыхъ свѣдѣній по этому дѣлу. Но въ послѣднее время обнаружено нѣсколько дипломатическихъ документовъ, сюда относящихся, о содержаніи которыхъ мы упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ для уясненія столь запутаннаго вопроса. Имѣя подъ рукою депешу графа Буоля къ австрійскому посланнику въ Берлинѣ, графу Траутмансдорфу, отъ 28-го марта, депешу барона Мантейфеля къ прусскому посланнику въ Вѣнѣ, графу Арниму, отъ 25-го того же мѣсяца, и прусскій циркуляръ барона Мантейфеля къ дипломатическимъ агентамъ Пруссіи при иностранныхъ дворахъ, можно составить себѣ точное понятіе объ оффиціальныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ Австріею и Пруссіею въ Копенгагенѣ. Кабинеты вѣнскій и берлинскій, по взаимному соглашенію, требуютъ, чтобы датское правительство объявило имъ о своей готовности созвать въ самомъ скоромъ времени, для чрезвычайныхъ засѣданій, голштинскіе и лауэнбургскіе чины, и представить имъ на обсужденіе тѣ статьи общей конституціи, которыми измѣняются старыя конституціонныя права нѣмецкихъ герцогствъ. Такое объявленіе, присоединяютъ графъ Буоль и баронъ Мантейфель, предупредило бы вѣншательство Германскаго Сейма и вѣстѣ съ тѣмъ доставило бы герцогствамъ возможность законнымъ образомъ выразить свои мнѣнія и желанія. Требуемое объявленіе должно быть формально сдѣлано представителямъ Австріи и Пруссіи въ Копенгагенѣ, въ теченіе трехъ недѣль, считая съ того дня, когда предложеніе это будетъ сдѣлано датскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Кабинеты вѣнскій и берлинскій предпочитаютъ словесное объясненіе письменному, ибо въ противномъ

случаѣ дѣло можетъ затянуться надолго, и они могутъ подвергнуться непріятности получить въ «третій разъ» письменный отрицательный отвѣтъ. Если датское правительство откажется сдать требуемое словесное объявленіе представителямъ Австріи и Пруссіи въ Копенгагенѣ, то дворы берлинскій и вѣнскій обратятся къ Германскому Сейму. Таково содержаніе двухъ обнародованныхъ депешъ, которыми обмѣнялись графъ Буоль и баронъ Мантейфель. Третій документъ, прусскій циркуляръ отъ 2-го апрѣля, показываетъ, что упомянутое выше предложеніе уже сдѣлано датскимъ посланникамъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ; слѣдовательно, назначенный трехъ-недѣльный срокъ наступилъ еще въ двадцатыхъ числахъ апрѣля. Въ Даніи, при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ не могло составиться новое министерство. Датская партія, которой принадлежитъ большинство въ общемъ сеймѣ, конечно была бы крайне недовольна уступками правительства въ пользу нѣмецкихъ герцогствъ; торжество послѣднихъ, состоящихъ въ постоянной и упорной оппозиціи датскому господству, должно самымъ неблагоприятнымъ образомъ отозваться въ собственной Даніи, и потому понятно, что государственные люди, одинъ за другимъ призываемые королемъ для составленія новаго министерства, отклоняютъ отъ себя эту честь. Понятно также, что при такомъ положеніи дѣлъ, датское правительство медлитъ отвѣтомъ на предложеніе Пруссіи и Австріи.

Вопросъ этотъ пользуется не совсѣмъ заслуженною, но тѣмъ не менѣе большою популярностію въ Германіи. Не только журналы, но и законодательныя палаты занимаются имъ съ большимъ усердіемъ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно рѣшеніе по датско-германскому вопросу, принятое недавно первою палатою въ Пруссіи, 29-го апрѣля. Ораторы, участвовавшіе въ преніяхъ, особенно докторъ Шталь, авторъ принятаго палатою рѣшенія, рѣзко осуждали политику датскаго правительства относительно герцогствъ и протестовали противъ включенія ихъ въ монархію, наравнѣ съ другими провинціями. Еще рѣзче отзывы нѣмецкихъ журналовъ о той же политикѣ. Они прямо говорятъ, что Германскій Союзъ, требуя отъ герцога Голштинскаго и Лауэнбургскаго (то-есть отъ Датскаго короля) исполненія его союзныхъ обязанностей, вовсе не имѣетъ дѣла съ Датскимъ королемъ и датскимъ народомъ; что, постановляя свое рѣшеніе и исполняя его противъ нарушителя союзныхъ обязанностей, Германскій Сеймъ дѣйствуетъ согласно съ духомъ и буквою основнаго договора, одобреннаго герцогомъ при вступленіи его въ члены Германскаго Союза; что война съ Даніею возможна въ томъ только случаѣ, еслибы это королевство, нарушая миръ безъ всякаго къ тому повода, стало оружіемъ поддерживать мятежныя попытки герцога Голштинскаго и Лауэнбургскаго, и такимъ образомъ дѣйствовало бы вопреки лондонскому протоколу, признавшему права Германскаго Союза. На томъ же

основани вѣмціе журналы устраняють вмѣшательство какой бы то ни было иностранной державы и доказываютъ, что рѣшеніе парижскаго конгресса, обязывающее государства, прежде объявленія войны, прибѣгать къ посредничеству дружественной державы, неприменимо къ датско-германскому вопросу.

Въ Дунайскихъ княжествахъ продолжается борьба между населеніемъ, желающимъ соединенія этихъ провинцій, и оттоманскою администраціей, не гнушающеюся никакими средствами противодѣйствія этимъ стремленіямъ. Прибытіе въ Яссы кавалера Бензи, сардинскаго комиссара, подало поводъ къ новой народной демонстраціи, на которую молдавскій каймаканъ отвѣчалъ грозною прокламаціей. Молодые люди въ одеждѣ румынскихъ пастуховъ, пѣшіе и конные, съ трехцвѣтными знаменами и музыкою, проводили комиссара до его квартиры; потомъ бродили по городу, заявляя восклицаніями свое неудовольствіе противъ враговъ соединенія. На другой день они явились привѣтствовать кавалера Бензи. Столь безвредныя проявленія народной радости, конечно, не представляютъ ничего опаснаго для общественнаго спокойствія, и потому не оправдываютъ прокламаціи каймакана, въ которой говорится о необходимости прибѣгнуть ко всей строгости законовъ. Вслѣдъ за г. Бензи прибыли въ Яссы, въ концѣ апрѣля, другіе комиссары, и это обстоятельство заставляетъ надѣяться, что положеніе дѣлъ въ Яссахъ измѣнится къ лучшему, какъ измѣнилось въ Бухарестѣ. Отвѣтъ французскаго комиссара ясской депутаціи показываетъ, что господство оттоманскаго произвола въ Молдавіи должно вскорѣ прекратиться. «Мои слова, мой образъ дѣйствій, мои мнѣнія будутъ въ Яссахъ тѣ же, какъ и въ Бухарестѣ», сказалъ баронъ Талейранъ, отвѣчая на привѣтственный адресъ Молдаванъ. «Опровергните блистательнымъ образомъ вашихъ поносителей, продолжалъ онъ, довѣрьтесь комиссіи, которая сумѣетъ, что бы ни говорили и что бы ни дѣлали другіе, обезпечить вамъ, когда пробьетъ законный часъ, полную свободу дѣйствовать и совѣщаться для выбора депутатовъ въ диваны.»

Французскій комиссаръ не безъ основанія говорилъ такимъ образомъ въ такое время, когда разладъ между населеніемъ Молдавіи и узкими защитниками оттоманскихъ интересовъ достигъ крайняго предѣла. Повидимому, представители державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, совѣщались въ Константинополь въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, по поводу записки, составленной международною комиссіей, и доказывающей необходимость подвергнуть значительнымъ измѣненіямъ фирманъ о созваніи дивановъ. Быть-можетъ именно вслѣдствіе этого, выборы отложены до половины будущаго іюня. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Яссъ, прибытіе въ этотъ городъ международной комиссіи уже произвело нѣкоторое дѣйствіе: министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Катаржи, заявившій самую неумѣренную пре-

данность оттоманскимъ стремленіямъ, отставленъ отъ должности и замѣненъ Василиемъ Гикою, приверженцемъ соединенія.

Кромѣ вопроса о преобразованіи Дунайскихъ княжествъ, остается нерѣшеннымъ еще одинъ изъ вопросовъ, возбужденныхъ на парижемскомъ конгрессѣ: мы разумѣемъ проведеніе новой границы между русскими и турецкими владѣніями въ Азіи. Въ силу 29-й статьи парижскаго трактата, округленіе этой границы должно быть произведено безъ малѣйшаго ущерба для Россіи или Турціи въ территориальномъ отношеніи. Въ той же статьѣ сказано, что дѣло это будетъ поручено комиссіи, состоящей изъ двухъ членовъ отъ Россіи, двухъ отъ Турціи, одного отъ Франціи и одного отъ Англіи. Положено было, что комиссія отправится къ мѣсту своего назначенія тотчасъ по возстановленіи дипломатическихъ сношеній между Россіей и Турціей, и что трудъ ея долженъ быть оконченъ черезъ восемь мѣсяцевъ, считая со дня обмѣна ратификацій. Назначенный срокъ прошель, а комиссія еще не окончила возложеннаго на нее порученія. Въ половинѣ апрѣля, комиссары только начали съѣзжаться въ Константинополь и, какъ слышно, соберутся въ Карсъ къ 13-му мая.

Мы уже сообщили нашимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ англо-китайскомъ вопросѣ, прннимающемъ, какъ извѣстно, весьма большіе размѣры. Съ одной стороны, Англія желаетъ наказать китайское правительство за его образъ дѣйствій относительно Европейцевъ вообще, и Англичанъ въ особенности; съ другой стороны, она имѣетъ въ виду чисто-политическія цѣли: она очевидно опасается преобладанія другихъ государствъ, на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ и Россіи, на отдаленномъ Востокѣ, съ которымъ сближаетъ ихъ самое географическое ихъ положеніе. По мнѣнію знатоковъ дѣла, Англія не столько дорожитъ отмщеніемъ за поруганіе своего флага, сколько пріобрѣтеніемъ вліянія, равносильнаго тому, какое могутъ пріобрѣсти ея соперники. Соединенные Штаты очень хорошо поняли это, и вслѣдствіе того отказались отъ прямого содѣйствія англійской политикѣ въ Китаѣ, цѣлю которой представляется косвенное ослабленіе американскаго вліянія на берегахъ Тихаго океана. Для достиженія этой цѣли, англійское правительство не щадитъ никакихъ жертвъ, но едвали она можетъ быть достигнута вполне. Смирить гордость пекинскаго двора было бы не трудно; но гораздо труднѣе смирить народную ненависть Китайцевъ къ Англичанамъ, обнаружившуюся съ такою силой въ послѣднее время.

Говорятъ, англійское правительство намѣрено завладѣть островомъ Формозой, и это предположеніе не лишено нѣкотораго основанія. На этомъ островѣ, кромѣ двухъ хорошихъ портовъ, водится каменный уголь, столь важный для морской державы. Каменноугольныя богатства Формозы, Лабона и Ванкувера, могутъ отчасти усилить вліяніе ея на Тихомъ океанѣ; но по мнѣнію людей, хорошо знакомыхъ съ

положеніемъ дѣлъ на отдаленномъ Востокѣ, едва ли достаточно будетъ обладанія Формозою для достиженія главной политической цѣли, преслѣдуемой Англіею въ настоящее время. Соединенное вліяніе Сѣверной Америки и Россіи всегда будетъ сильнѣе англійскаго въ тѣхъ краяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Англія очевидно надѣется поправить невыгоды своего географическаго положенія относительно Китая занятіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ; но этого средства, по мнѣнію знатоковъ дѣла, недостаточно. Они указываютъ на прорытіе Суэсскаго перешейка, какъ на лучшее средство для Англіи поправить дѣла свои на отдаленномъ Востокѣ, ибо тогда значительно сократится огромное разстояніе, нынѣ разделяющее обѣ страны.

Упомянувъ о двойственности англійскихъ видовъ относительно Китая, считаемъ нелишнимъ присоединить, что содѣйствіе Франціи въ этомъ дѣлѣ не будетъ слишкомъ значительно. Франція, разумѣется, не можетъ оставаться безучастною зрительницей приготавливающейся борьбы, имѣя собственные интересы на отдаленномъ Востокѣ; но такъ какъ эти интересы далеко не имѣютъ тѣхъ размѣровъ, какъ англійскіе, то она естественно ограничится предъявленіемъ требованій касательно допущенія постоянного посольства въ Пекинъ, открытія нѣсколькихъ портовъ для европейской торговли и безопасности католическихъ миссіонеровъ.

Въ дополненіе къ прежде сообщеннымъ свѣдѣніямъ, скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ документахъ по китайскимъ дѣламъ, недавно представленныхъ англійскимъ правительствомъ парламенту. Они принадлежатъ частію британскимъ, частію китайскимъ начальствамъ; въ первыхъ между прочимъ доказывается необходимость энергической военной демонстраціи, съ цѣлію разуверить пекинское правительство въ мнѣніемъ превосходствѣ китайскаго могущества надъ англійскимъ. Въ указѣ отъ 27-го декабря прошлаго года богдыханъ объявляетъ, что «патріотизмъ и усердіе кантонскаго населенія уже поколебали бодрость *варваровъ*, и что Англичане, оставленные Американцами, Французами и другими западными народами, убѣжденными въ виновности Англичанъ, не замедлятъ отказать отъ военныхъ дѣйствій.» Впрочемъ, богдыханъ присоединяетъ въ томъ же документѣ, что «приказалъ губернатору Иху не казаться неприступнымъ въ случаѣ, еслибы *варвары* возвратились къ лучшимъ чувствамъ; но что если они осмѣлятся упорствовать въ своей дерзости и въ своемъ безуміи, то не должно уступать имъ ни въ чемъ, чтобы тѣмъ не возбудить новыхъ, болѣе значительныхъ притязаній.» Замѣчательнъ также отвѣтъ губернатора Иха на протестъ представителей Франціи и Англіи противъ сдѣланныхъ въ Гонъ-Конѣ попытокъ отравлять Европейцевъ. Ихъ отвѣчаетъ, что «эти попытки дѣйствительно заслуживаютъ порицанія, но что онъ никакъ не можетъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу, ибо считаетъ ихъ за

результаты безчисленныхъ бѣдствій, причиненныхъ Англичанами гонь-конскимъ Китайцамъ.» Изъ документовъ, принадлежащихъ английскимъ начальствамъ, упомянемъ о донесеніи сэра Джона Боуринга министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Кларендону, отъ 28-го февраля. Сэръ Джонъ Боурингъ сообщаетъ, что принятыя имъ военныя мѣры одобрены какъ представителями иностранныхъ державъ, такъ и английскими подданными въ Китаѣ. Въ числѣ обнародованныхъ документовъ находится депеша представителя Соединенныхъ Штатовъ, доктора Паркера, къ сэру Джону Боурингу. Докторъ Паркеръ говоритъ, что «источникъ всѣхъ затрудненій между Китаемъ и другими державами заключается въ отказѣ китайскаго правительства признавать Англию, Францію, Соединенные Штаты и другія государства равными Китаю и дружественными, и поступать съ ними въ смыслѣ этого признанія.» По словамъ той же депеши, правительство Соединенныхъ Штатовъ убѣждено, что Англичане правы, и готово содѣйствовать имъ. Сэръ Джонъ Боурингъ ссылается также на мнѣніе представителя Франціи въ Китаѣ, состоявшееся въ томъ же смыслѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ, что губернаторъ Ихъ будетъ упорствовать въ своемъ нынѣшнемъ образѣ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока Англичане не будутъ въ состояніи приступить къ серьезнымъ мѣрамъ.

Вотъ все, что мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ было говорено въ нашемъ послѣднемъ Обзорѣннѣ. Переходимъ къ нѣкоторымъ другимъ международнымъ вопросамъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля и въ началѣ мая въ сардинской палатѣ депутатовъ происходили весьма оживленныя пренія объ учрежденіи военнаго порта въ Спецціи, гдѣ предположено соединить арсеналы, верфи и всякаго рода запасы, назначенные преимущественно для усиленія сардинскаго флота. Генуэзскій портъ, въ которомъ этотъ флотъ помѣщался доселѣ, долженъ сдѣлаться исключительно купеческимъ. Составленный правительствомъ проектъ возбудилъ энергическое противорѣчіе со стороны членовъ правой и лѣвой стороны палаты; одни говорили, что проектъ этотъ имѣетъ чисто-политическій характеръ; другіе жаловались также на чрезмѣрность расходовъ, соединенныхъ съ перемѣщеніемъ военнаго флота, при нынѣшнемъ затруднительномъ положеніи финансовъ; наконецъ графъ Кавура упрекали за его твердую и сомнительную, но постоянно революціонную политику, и за чрезмѣрныя надежды, возбужденныя имъ по возвращеніи съ парижскаго конгресса. Графъ Кавуръ отвѣчалъ на послѣднее обвиненіе: «Наша политика всегда была либеральна, и никогда не была революціонна. Что касается италіянскаго вопроса, наши душевныя стремленія всѣмъ извѣстны. Мы уважаемъ трактаты; но, не выходя изъ предѣловъ, ими указанныхъ, мы желаемъ сдѣлать все, что только можемъ, на пользу истинныхъ интересовъ Италіи. Эта

политика, за которую я стоялъ въ Парижѣ, встрѣтила тамъ серьезную оппозицію со стороны одной Австріи, и я выхалъ изъ Парижа, не успѣвъ устранить нашихъ разногласій съ этою державою.»

Эти слова не лишены значенія. Они какъ бы служатъ отвѣтомъ на извѣстную депешу графа Буоля къ графу Пару отъ 16-го марта, прочтенную послѣднимъ графу Кавуру, одновременно съ увѣдомленіемъ о предстоящемъ выѣздѣ австрійскаго посольства изъ Турина. Они отвѣчаютъ также на циркулярную депешу отъ 2-го апрѣля, разосланную графомъ Буолемъ къ представителямъ Австріи при германскихъ дворахъ. Австрія постоянно упрекаетъ Сардинію за свободу, какою пользуются въ этомъ государствѣ журналистика и трибуна, за сочувствіе къ ней итальянскаго населенія; желая склонить въ свою пользу Германію, вѣнскій кабинетъ разослалъ своимъ дипломатическимъ агентамъ при германскихъ дворахъ циркулярную депешу о причинахъ разрыва съ Сардиніею, и окружилъ этотъ документъ особенною таинственностію. Онъ не былъ обнародованъ до сихъ поръ, потому что, какъ говорятъ, вѣнскій дворъ предлагалъ упомянутымъ агентамъ прочесть депешу министрамъ иностранныхъ дѣлъ, но не оставлять копии съ нея. Въ нѣкоторыхъ журналахъ было сообщено лишь краткое свѣдѣніе объ этой депешѣ. Австрія обвиняетъ Сардинію въ неисполненіи обязательствъ, возлагаемыхъ на нее трактатами, въ нарушеніи спокойствія Европы, и косвенно выражаетъ желаніе, чтобы германскіе дворы тоже прервали сношенія съ такимъ опаснымъ государствомъ. Оттого слова, произнесенныя графомъ Кавуромъ, не могли остаться незамѣченными въ Европѣ: «Мы твердо рѣшились уважать трактаты, говорить имъ,—мы будемъ уважать ихъ и не нарушимъ обязанностей и обязательствъ, ими на насъ возлагаемыхъ; но трактаты не запрещаютъ намъ сочувствовать Италіи, желать ей благоденствія, служить ея интересамъ, стараться объ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, которыя ей необходимы; таковы желанія всей Европы; на парижскомъ конгрессѣ никто не отвергалъ необходимости преобразовать и улучшить учрежденія Италіи; за исключеніемъ Австріи, всѣ державы признали эту необходимость; сардинское правительство не уклонилось и не уклонится отъ пути, указаннаго парижскимъ конгрессомъ; если кто-нибудь протестуетъ противъ воли Европы, то это Австрія, а не Сардинія». Кстати присоединимъ, что политика сардинскаго министерства восторжествовала и на этотъ разъ въ палатѣ депутатовъ, несмотря на сильную оппозицію: кромѣ членовъ правой и лѣвой стороны, противъ закона о перемѣщеніи военнаго флота изъ Генуи въ Спецію подали голосъ генуэзскіе депутаты, и все-таки законъ этотъ принятъ послѣ десятидневныхъ преній, большинствомъ 94 голосовъ противъ 54.

Въ концѣ апрѣля, въ Парижѣ состоялся торговый трактатъ между

Сардинію и Персію, черезъ посредство Феррукъ-Хана и маркиза Вилла-Марини. Въ силу этого договора, подданные обоихъ государствъ могутъ безпрепятственно торговать одни въ Сардиніи, другіе въ Персіи. Товары при ввозѣ и вывозѣ будутъ обложены тою пошлиною, которая взимается съ товаровъ, принадлежащихъ купцамъ наиболее благопріятствуемыхъ націй. Тяжбы между Сардинцами въ Персіи будутъ рѣшаемы консулами, а тяжбы между Сардинцами и Персіянами въ персидскихъ судебныхъ мѣстахъ; въ послѣднемъ случаѣ консулъ или одинъ изъ его подчиненныхъ можетъ присутствовать въ судѣ при рѣшеніи дѣла. Тяжбы между Персіянами въ Сардиніи будутъ рѣшаемы такъ же, какъ и тяжбы между подданными наиболее благопріятствуемыхъ націй. Наслѣдство, въ случаѣ отсутствія наследника, сдается на храненіе консулу той націи, къ которой принадлежалъ умершій. Сардинія можетъ имѣть консуловъ въ Тегеранѣ, Бендеръ-Буширѣ и Тавризѣ, Персія — въ Туринѣ, Генуѣ и Кальяри. Консулы пользуются тѣми же правами и привилегіями, какія предоставлены консуламъ наиболее благопріятствуемыхъ націй, но не должны публично или тайно принимать подъ свое покровительство подданныхъ того государства, которое утвердило ихъ въ этомъ званіи. Трактатъ заключенъ на двѣнадцать лѣтъ; по прошествіи этого срока, онъ будетъ имѣть силу еще одинъ годъ, считая съ того дня, когда одна изъ сторонъ изъявитъ желаніе отказаться отъ него. Ратификаціи должны быть обмѣнены въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Между тѣмъ какъ въ Европѣ водворяется повсемѣстное затишье, въ Новомъ-Свѣтѣ возникаютъ серіозныя затрудненія, которыя стали теперь предметомъ общаго вниманія. Въ Соединенныхъ Штатахъ готовится экспедиція противъ Новой Гранады. Еще въ апрѣлѣ прошлаго года нѣсколько американскихъ гражданъ были убиты на панамской желѣзной дорогѣ. Вашингтонскій кабинетъ тогда же потребовалъ удовлетворенія отъ правительства Новой Гранады, которое отвѣчало отказомъ, ссылаясь на то, что убитые Американцы были зачинщиками ссоры, что они отпраплялись въ Никарагуа, съ цѣлью поступить въ отрядъ Вокера, и что правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять на себя отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ. Вашингтонскій кабинетъ отправилъ въ Боготу чрезвычайнаго комиссара, г. Морза, которому было предписано требовать денежнаго вознагражденія и ручательства за безопасность проѣзда черезъ Панамскій перешеекъ на будущее время. Но ультиматумъ его былъ отвергнутъ, и дипломатическія сношенія между Соединенными Штатами и Новою Гранадою прекращены.

При этомъ естественно представляются слѣдующія соображенія, по которымъ такой разрывъ дѣлается обстоятельствомъ чрезвычайно важнымъ. Вопервыхъ извѣстно, что еще въ прошломъ сентябрѣ, республики Чили, Перу и Эквадоръ заключили между

собою оборонительный союзъ, къ которому вскорѣ приступили и республики Центральной Америки. Если Соединеннымъ Штатамъ придется бороться противъ всѣхъ этихъ республикъ, то борьба можетъ затянуться на долгое время. Вовторыхъ, сѣверо-американскіе журналы прямо требуютъ, чтобы военныя силы Соединенныхъ Штатовъ завяли Панамскій перешеекъ, и чтобы этимъ открылся цѣлый рядъ дальнѣйшихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлю присоединеніе его къ Соединеннымъ Штатамъ посредствомъ завоеванія денежныхъ сдѣлокъ. Но существующіе трактаты требуютъ, чтобы Панамскій перешеекъ оставался нейтральнымъ для сообщенія между двумя океанами, и это требованіе составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій известнаго нашимъ читателямъ Клейтонъ-Бульверова трактата между Англіею и Соединенными Штатами. Слѣдовательно, въ это дѣло должна вѣшаться Англія, не легко уступающая въ подобныхъ случаяхъ. Правда, при нынѣшнихъ, чрезвычайно дружественныхъ отношеніяхъ между обоими государствами, лордъ Пальмерстонъ недавно объявилъ въ парламентѣ, что требованія вашингтонскаго кабинета совершенно основательны, и что намѣренія его относительно Новой Гранады не возбуждаютъ опасеній; однако органъ англійскаго министерства, газета Morning-Post, считаетъ нелишнимъ, на всякій случай, дополнить парламентскія слова перваго министра заблаговременнымъ протестомъ противъ экспедиціи на Панамскій перешеекъ. Она прямо называетъ этотъ вопросъ дѣломъ первой важности для всѣхъ европейскихъ государствъ, и особенно для Англіи, которая сообщается черезъ Панамскій перешеекъ съ Австраліею и южными морями.

Въ Англіи начались засѣданія новаго парламента, семнадцатаго въ Соединенномъ королевствѣ и пятаго въ настоящее царствованіе. Торжественное его открытіе произошло 30-го апрѣля съ обыкновенною церемоніею, уже нѣсколько столѣтій соблюдаемою въ Англіи. Нижняя палата собралась около часа по-полудни. Между членами ея замѣтно было много новыхъ лицъ, и напротивъ, многихъ, чей голосъ долго былъ слышанъ въ палатѣ, между ними не было. Все это придавало особенный интересъ первому засѣданію. Цѣлый часъ прошелъ въ разговорахъ и взаимныхъ поздравленіяхъ; наконецъ, въ третьемъ часу, явилась посланный изъ верхней палаты съ приглашеніемъ прибыть туда для выслушанія королевскаго повелѣнія. По прибытіи членовъ нижней палаты, комиссары, назначенные для открытія парламента, заняли свое обычное мѣсто на шерстяномъ мѣшкѣ передъ трономъ. Вслѣдъ за тѣмъ было прочтено королевское

повелѣніе нижней палаты о выборѣ президента, который, по закону, долженъ быть на другой день представленъ палатѣ лордовъ. Когда, по обычаю, представители были выведены изъ верхней палаты, то средневѣковые обряды, сопровождавшіе эту церемонію, такъ разсмѣшили ихъ, что многіе громко расхохотались; но крики: «Order, order!» прекратили неумѣстную веселость. По удаленіи депутатовъ, королевскіе комиссары сняли свою официальную одежду, епископъ глостерскій прочелъ молитвы, и верхняя палата присягнула. Этимъ и кончилось ея первое засѣданіе. Напротивъ, депутаты, воротаясь въ нижнюю палату, занялись выборомъ новаго президента. Лордъ Пальмерстонъ, явившійся туда вскорѣ, былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями. Кандидатъ въ президенты, предложенный либеральною партіею, есть, какъ извѣстно, г. Д. Эвелингъ-Денисонъ. Формальное предложеніе объ его избраніи было сдѣлано лордомъ Генри Веномъ (Henri Vane). Говоря о выборѣ, ораторъ коснулся трудности замѣстить должность, которая такъ долго была съ честью занимаема человекомъ, справедливо пользовавшимся довѣріемъ своихъ товарищей; г. Лефевромъ, который нынѣ, по новому своему званію виконта Эверсаля, долженъ былъ оставить это мѣсто. Предложеніе не встрѣтило сопротивленія, такъ какъ оппозиція не выставила никакого кандидата, и г. Денисонъ былъ избранъ единогласно. Въ рѣчи своей онъ благодарилъ палату за сдѣланную ему честь и сказалъ нѣсколько словъ о высокіхъ достоинствахъ своего предшественника. Лордъ Пальмерстонъ, въ краткихъ словахъ, поздравилъ палату съ достойнымъ выборомъ.

Составъ новаго парламента заслуживаетъ вниманія. Онъ указываетъ на существенный переворотъ въ положеніи партій, потому что когда рѣчь идетъ объ Англіи, то не можетъ быть сомнѣнія въ свободѣ выборовъ и безпристрастномъ отношеніи къ нимъ правительства. Послѣднія происшествія служатъ этому блестящимъ доказательствомъ. Воспитанное въ чувствахъ справедливаго уваженія къ своимъ государственнымъ учрежденіямъ, англійское общество не нуждается ни въ какихъ особенныхъ мѣрахъ предосторожности въ тѣ эпохи сильнаго броженія, когда народъ даетъ себѣ законодателей. Замѣчательно даже, что годъ отъ году выборы происходятъ все съ большимъ достоинствомъ. Въ самой Ирландіи, гдѣ прежде рѣдко обходилось безъ шума, теперь все было спокойно. Такъ справедливо, что если народный духъ создаетъ сродныя ему государственныйя учрежденія, то, съ другой стороны, онъ самъ укрѣпляется и развивается подъ влияніемъ благотѣльныхъ учреждений. Вотъ почему нельзя не остановиться на составѣ новаго парламента, изъ котораго воля избирателей неожиданно исключила многихъ самыхъ замѣтныхъ вождей партій. Характеръ новаго парламента, сколько можно о немъ судить въ настоящее время, составляетъ исключеніе

всѣхъ крайнихъ направленій. Крайнія партіи вездѣ, гдѣ онѣ ни являлись на выборахъ, потерпѣли сильное пораженіе, почти были разбиты на голову. Чистые тори находятся въ палатѣ въ слабomъ меньшинствѣ. Имъ не удалось не только въ мѣстечкахъ, но даже и въ графствахъ, гдѣ они такъ долго пользовались огромнымъ перевѣсомъ. Еще сильнѣе было пораженіе такъ-называемыхъ пилитовъ, старинныхъ сотрудниковъ сэръ-Роберта Пила, сохранившихъ это названіе, хотя въ рядахъ ихъ нѣтъ уже ни одного члена изъ семейства прежняго вождя. Ихъ неудача едва ли не болѣе еще законна. Эта партія, одолженная своимъ происхожденіемъ борьбѣ великаго министра съ собственными сторонниками, его отдѣленію, по нѣкоторымъ, вопросамъ, отъ торійской партіи, которой онъ былъ сначала лучшею опорой, въ настоящее время лишилась своего прежняго значенія. Не имѣя твердаго политическаго убѣжденія, вовсе не составляя школы, она видимо слабѣетъ и теряетъ лучшихъ изъ своихъ членовъ. Въ послѣднее время на всѣхъ ея дѣйствіяхъ лежала печать безсилія и нерышимости. Въ ней нѣтъ истиннаго правительственнаго смысла. По всей вѣроятности, она скоро сольется съ консервативною партіей, къ которой принадлежитъ всѣми своими преданіями; но, соединяясь съ нею, она не можетъ пожертвовать ей тѣмъ кореннымъ убѣжденіемъ, во имя котораго она возникла. Консервативная партія должна будетъ отказаться отъ своего сопротивленія началу свободной торговли, и это безъ сомнѣнія будетъ важнымъ приобретеніемъ для Англіи, потому что подвинетъ къ разрѣшенію одинъ изъ настоятельныхъ вопросовъ новаго времени. Самый большой уронъ понесли на выборахъ люди мирнаго конгресса, члены такъ-называемой манчестерской школы. Они проиграли свое дѣло виною собственнаго поведенія. Высказывая взгляды, конечно, до нѣкоторой степени вѣрные, но лишеныя практической примѣнимости въ ихъ безусловной формѣ, неприложимые немедленно къ дѣлу, они сверхъ того слишкомъ мало щадили интересы минуты, слишкомъ мало обращали вниманія на современныя стремленія націи. Все это объясняетъ, почему они не пользуются ея сочувствіемъ и не могутъ имѣть значительнаго вліянія на судьбы своего отечества. Въ такомъ положеніи находятся пораженные партіи. Спрашивается однако: за кѣмъ осталась побѣда на послѣднихъ выборахъ? — вопросъ чрезвычайно важный, потому что въ немъ заключается разгадка будущаго направленія англійской политики. Теперь, когда уже начались парламентскія пренія, можно, кажется, положительно отвѣчать, что торжество кабинета не удалитъ со сцены тѣхъ существенныхъ преобразованій, которыя послужили знаменемъ для оппозиціи. Мы говорили уже прежде о предостереженіяхъ кабинету, раздававшихся со стороны министерскихъ журналовъ. Журналы оппозиціи идутъ еще далѣе. Они заключаютъ о возможности продолжатъ нынѣшнюю политику даже изъ состава

либеральной партіи. Виги, говорятъ они, никогда не могли совершенно согласиться на счетъ всѣхъ вопросовъ внѣшней политики. Они постоянно колебались между замкнутою, островною политикою и либеральною пропагандою. Одно это доказываетъ, что долго они не могутъ держаться на почвѣ внѣшнихъ вопросовъ. Оппозиціонные журналы думаютъ, что занявшись по необходимости внутренними вопросами, кабинетъ, лишенный яснаго на нихъ взгляда и положительныхъ стремленій, долженъ будетъ уступить мѣсто другой партіи. Эти надежды по крайней мѣрѣ преждевременны. Но нельзя не сказать, что лордъ Пальмерстонъ будетъ вынужденъ сдѣлать значительныя уступки. Англія не терпитъ безграничнаго вліянія одного лица, и новый парламентъ уже доказываетъ это. Въ способѣ дѣйствія перваго министра есть замѣтное уклоненіе отъ прежней настойчивости, при всемъ желаніи не измѣнять по наружности прежней тактикѣ. Тронная рѣчь, прочтенная въ засѣданіи 7-го мая комиссарами королевы, составлена сходно съ тою программой, которая въ концѣ прошлаго мѣсяца была сообщена въ Morning-Post. Она почти исключительно посвящена внѣшнимъ дѣламъ и едва касается двухъ, трехъ второстепенныхъ внутреннихъ вопросовъ, по преимуществу юридическихъ; новъ преніяхъ по поводу отвѣтнаго адреса королевы вполнѣ выразились какъ намѣреніе министерства сдѣлать нѣкоторыя уступки, такъ и его желаніе не сдаваться на всѣ требованія оппозиціи. Не дожидаясь представленій оппозиціи, лордъ Пальмерстонъ, въ томъ же засѣданіи 7-го мая, объявилъ палатѣ, что предложитъ билии объ измѣненіи формулы присяги членовъ парламента. Это объявленіе, обещающее допустить Евреевъ къ званію представителей, было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Но когда г. Робокъ, столь извѣстный своею парламентскою смѣлостію, предложилъ палатѣ высказать, что народное представительство въ теперешнемъ своемъ составѣ не вполнѣ соответствуетъ интересамъ націи, а другой депутатъ выразилъ эту мысль еще яснѣе, предложивъ распространить на графства льготы мѣстечекъ, то лордъ Пальмерстонъ отчасти воспротивился этимъ мѣрамъ, хотя прямо и не осуждалъ ихъ. По словамъ перваго министра, обсужденіе этихъ вопросовъ было бы несвоевременно при нынѣшнемъ краткомъ періодѣ засѣданій парламента и обилии тѣхъ мѣръ, которыя онъ долженъ рассмотреть: пренія о столь существенныхъ вопросахъ отнимутъ только время и не поведутъ къ окончательному разрѣшенію. Тѣмъ не менѣе эта отсрочка, на которую согласился и оппозиція, была единственнымъ требованіемъ министерства. Въ принципѣ оба вопроса: допущеніе Евреевъ и парламентская реформа, рѣшены окончательно, и будущія засѣданія нижней палаты снимутъ съ политическихъ учрежденій Англіи важнѣйшіе изъ недостатковъ, завѣщанныхъ имъ средними вѣками, если палата лордовъ не окажетъ при этомъ снова рѣшительнаго сопротивленія. Вопросъ о присягѣ будетъ

рѣшенъ еще въ нынѣшній періодъ. Поводомъ къ преніямъ о немъ послужить повѣрка избранія барона Ліонеля Ротшильда. Все это доказываетъ, что лордъ Пальмерстонъ намѣренъ вырвать изъ рукъ оппозиціи ея послѣднее оружіе. Въ самомъ дѣлѣ, если сюда присоединить еще исправленіе устарѣлаго судопроизводства, задуманное имъ, то нельзя не сознаться, что немногія министерства оставятъ послѣ себя такъ много важныхъ преобразованій. Но въ то же время не доказываетъ ли это, какъ много было личнаго въ отношеніяхъ перваго министра къ прежней оппозиціи?

Пренія парламента представляютъ новое доказательство тому, какъ при постоянномъ движеніи впередъ, въ Англіи легко однако užívаются обветшалыя формы. До сихъ поръ парламентскія пренія печатались въ журналахъ на основаніи одного обычая. Формально это право имъ не принадлежало. Теперь предложенъ законъ, утверждающій давно укоренившійся обычай. Замѣчательно, что несмотря на отсутствіе закона, журналы постоянно пользовались совершенною свободой въ этомъ отношеніи: такъ сильно въ Англіи уваженіе правительства къ общественному мнѣнію.

Между тѣмъ какъ въ политическомъ отношеніи такъ счастливо разсѣялись всѣ опасенія, общій финансовый кризисъ, угрожающій Европѣ вслѣдствіе постояннаго уменьшенія въ ней звонкой монеты, продолжаетъ тяготѣть надъ лондонскою биржею. Еще въ концѣ прошлаго мѣсяца былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи процентовъ учета въ Англійскомъ банкѣ; но директоры не могли согласиться между собою. Въ первыхъ числахъ мая они должны были прекратить ссуды подъ государственныя бумаги. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было быстрое паденіе фондовъ. Панической страхъ царствовалъ на биржѣ. Но вскорѣ положеніе нѣсколько улучшилось, вслѣдствіе значительнаго подвоза золота и серебра. Такъ какъ, по общему мнѣнію, бѣольшая часть изъ этого количества останется въ самой Англіи, то предполагали, что директоры банка оставятъ свое намѣреніе возвысить учетъ. На биржѣ продолжаютъ однако колебанія, смотря по распространяющимся слухамъ, и вообще финансовое положеніе неудовлетворительно. Многіе отчасти приписываютъ это явленіе дурному составу нѣкоторыхъ банковъ и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ пересмотра законовъ о банкѣ.

Во Франціи, по обыкновенію, внутренніе вопросы стоятъ на второмъ планѣ. Вниманіе правительства и общества почти исключительно поглощено важными дипломатическими вопросами, которые теперь рѣшаются въ Парижѣ, и только финансовый интересъ привлекаетъ общественное вниманіе, вслѣдствіе крайне затруднительнаго положенія денежнаго рынка. Въ предыдущемъ Обозрѣніи мы говорили о проектѣ преобразованія Французскаго банка. Правительству предстояло здѣсь согласить свое желаніе—найти въ банкѣ опору

для собственныхъ операций, съ необходимостію удовлетворить потребностямъ рынка, который находится въ такомъ же критическомъ положеніи, какъ и англійскій. Мы говорили уже, въ чемъ состоялъ первоначальный планъ правительства. Удвоенная капиталъ банка, оно требовало отъ него промѣна ста милліоновъ франковъ на государственныя ренты. Такъ какъ въ послѣднее время парижская биржа, подобно лондонской, находилась въ постоянныхъ колебаніяхъ, а дѣла шли очень медленно, то послѣднее условіе проекта представляло не мало затрудненій. Императоръ рѣшился пригласить на совѣщаніе въ Тюльери гг. Эмиля Перейра и барона Джемса Ротшильда. Оба предводителя финансоваго міра, несмотря на обыкновенное свое соперничество, были согласны на счетъ невозможности промѣна ренты въ настоящее время. Результатомъ этого совѣщанія былъ измѣненный проектъ, представленный 10-го мая законодательному собранію. Перемѣна состоитъ въ томъ, что промѣнъ ренты отсроченъ до 1859 года. Капиталъ банка предполагается увеличить посредствомъ выпуска двойнаго количества акцій: вмѣсто 91,250 акцій, ихъ будетъ 182,500, каждая цѣною въ 1000 франковъ. Сверхъ того будетъ образованъ запасный фондъ. Привилегіи банка, данныя ему законами XI года республики, 1806 и 1840 годовъ, которымъ срокъ оканчивался 31-го декабря 1867 года, продолжены еще на тридцать лѣтъ отъ этого времени. Положеніе биржи до сихъ поръ еще не улучшилось.

Одинъ изъ сенаторовъ, баронъ де-Крузель, роздалъ своимъ товарищамъ записку о новомъ проектѣ закона, имѣющаго цѣлю уменьшить судебныя издержки. Въ запискѣ, изложенной очень подробно, авторъ доказываетъ, что по настоящимъ законамъ процессъ о 2000 франковъ не можетъ обойтись обѣимъ сторонамъ дешевле 700 франковъ.

Новый парижскій архіепископъ, кардиналъ Морло, вступилъ въ управленіе своею епархіей, съ торжественною церемоніею въ церкви Парижской Божіей Матери. Архіепископъ разослалъ духовенству пастырское посланіе, которое исключительно занимается обязанностями священнаго сана и не имѣетъ никакого политическаго характера.

Въ связи съ проектомъ новаго закона о присвоеніи титуловъ, о которомъ мы уже говорили, находятъ слухи, будто бы правительство вообще намѣрено придать дворянству болѣе значенія. Говорятъ, что съ этою цѣлю императорскій дворъ будетъ составленъ по образу двора Лудовика XIV. Во главѣ придворнаго управленія будетъ находиться графъ Морни съ титуломъ архиканцлера.

Въ Испаніи засѣданія кортесовъ открыты 1-го мая. Тронная рѣчь, по болѣзни королевы, была прочитана маршаломъ Нарваэсомъ. Въ ней упомянута о вопросахъ, получившихъ счастливое разрѣше-

ніе, благодаря усиленію правительства: конкордатъ и восстановленію дружескихъ сношеній съ Россією. Королева выражаетъ надежду на скорое прекращеніе несогласій съ мексиканскою республикой. Внутреннее состояніе государства удовлетворительнѣе прежняго. Спокойствіе не было нигдѣ серьезно нарушено во время выборовъ кортесовъ. Кризисъ, угрожавшій вслѣдствіе всеобщей дороговизны, предупрежденъ, и, благодаря принятымъ мѣрамъ, цѣны уже отчасти понизились. Изъ мѣръ, которыя правительство намѣрено предложить нынѣшнимъ кортесамъ, важнѣйшія состоятъ въ разсмотрѣніи бюджета, проектъ займа, реформѣ сената, законахъ о преподаваніи и книгопечатаніи. Тронная рѣчь, какъ обыкновенно бываетъ, произвелъ различное впечатлѣніе на разныя партіи, но большинство было ею очень довольно; только новый заемъ въ 300 милліоновъ былъ принятъ не очень благосклонно, вслѣдствіе затруднительнаго положенія испанскихъ финансовъ. Впрочемъ, въ кортесахъ намѣренія правительства едва ли встрѣтятъ сильное сопротивленіе. Скорѣе можно ожидать его въ сенатѣ.—Президентомъ избранъ г. Мартинесъ дела-Роса.

Проектъ преобразованія сената, о которомъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ ходили такіе противоположные слухи, теперь уже представленъ кортесамъ. Преобразование заключается въ учрежденіи наслѣдственныхъ сенаторовъ. Къ числу сенаторовъ по званію, безъ особеннаго назначенія, принадлежатъ сыновья царствующаго государя и непосредственный наслѣдникъ престола, достигшіе 24-хъ лѣтъ, архіепископы и патриархи Индіи, генералъ-капитаны арміи и флота, испанскіе гранды, не находящіеся въ подданствѣ другихъ державъ и получающіе 200,000 реаловъ (около 12,800 р. сер.) ежегоднаго дохода. Кромѣ наслѣдственныхъ, сенатъ будетъ имѣть и пожизненныхъ членовъ. Право назначенія ихъ стѣснено особенными условіями. На пожизненное сенаторство имѣютъ право только слѣдующія лица: президентъ палаты депутатовъ, депутаты, четыре раза избранные въ кортесы и бывшіе восемь лѣтъ представителями, королевскіе министры, епископы, испанскіе гранды, генералъ-лейтенанты арміи и флота, спустя два года послѣ производства въ чинъ; послы, послѣ двухлѣтней дѣйствительной службы, и полномочные министры послѣ четырехлѣтней службы; президенты верховныхъ судовъ и вице-президенты королевскаго совѣта; члены верховныхъ судовъ и королевскіе совѣтники, послѣ двухлѣтняго исправленія ими должности. Для присутствованія въ сенатѣ надобно достигнуть 30 лѣтъ, не бывать никогда подъ судомъ, и владѣть свободно отъ долговъ и взысканій имуществомъ. Цѣль новаго закона, очевидно, состоитъ въ усиленіи аристократическаго элемента въ составѣ сената.

Несмотря на видимое спокойствіе, въ Испаніи опять начинаютъ проявляться нѣкоторыя опасенія за порядокъ. Партія умѣренныхъ, которая стоитъ теперь въ главѣ управленія, страдаетъ однимъ суще-

ственнымъ недостаткомъ. Въ ней нѣтъ достаточно единства, члены ея расходятся въ мнѣніяхъ насчетъ многихъ важныхъ вопросовъ, и это обстоятельство заставляетъ бояться за энергію и силу ея будущихъ дѣйствій. Къ этому присоединяются личные вопросы, замѣшавшіеся въ отношенія ея главныхъ представителей. Вѣроятно, это неполное довѣріе къ силѣ министерства и ведетъ къ тревожному взгляду на недавнее покушеніе и къ преувеличеннымъ толкамъ о немъ. Испанскіе журналы до сихъ поръ еще заняты заговоромъ, который былъ открытъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, хотя, по сообщеннымъ ими же свѣдѣніямъ, и нельзя видѣть въ немъ что-нибудь очень важное. Правительство, кажется, само раздѣляетъ опасенія общества. Въ Малагѣ объявлено осадное положеніе, въ видѣ предупредительной мѣры.

Въ Неаполѣ журналы продолжаютъ сообщать переписку государственныхъ преступниковъ съ цѣлію оправдать обращеніе съ ними въ тюрьмахъ и отклонить обвиненія въ жестокости, которыя сдѣланы правительству Франціей и Англіей. 2-го апрѣля правительство обнародовало новый декретъ о воспитаніи, возбудившій сильное неудовольствіе. Этимъ декретомъ молодыхъ людей запрещено принимать въ школы другихъ провинцій: каждый долженъ оканчивать воспитаніе въ заведеніяхъ своей провинціи; переходъ въ Неаполскій университетъ допускается только при извѣстныхъ условіяхъ. Желавшіе поступить туда обязаны, во первыхъ, получить полицейское свидѣтельство на жительство въ столицѣ (*per causa di studio*); во вторыхъ, выдержать экзаменъ въ богословіи передъ особою комиссіей, составленною изъ членовъ духовенства, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа.

Въ Сардиніи общее вниманіе было привлечено въ послѣднее время преніями о переведеніи военнаго порта изъ Генуи въ Спецію, о чемъ упомянуто выше.

Недавно Генуя дала примѣръ того, до какой степени слишкомъ сильно развитый муниципальный духъ можетъ противодѣйствовать общимъ государственнымъ пользамъ, принося ихъ въ жертву своимъ особеннымъ мѣстнымъ интересамъ. По новому бюджету, на долю Генуи приходилось податей на сумму 806,472 ливра. Общинный совѣтъ города, неизвѣстно по какому побужденію, понизилъ эту сумму до 90,000 ливровъ и отказался платить болѣе. Король долженъ былъ распустить совѣтъ и ввѣрить управленіе комиссару.

Въ Пруссіи палаты приняли тѣ мѣры предосторожности относительно обращенія иностранныхъ кредитныхъ бумагъ, о которыхъ мы говорили прежде. Запрещено производить въ Пруссіи уплату билетами заграничныхъ банковъ. Общества на акціяхъ подвергнуты патентному сбору.

Въ Турціи продолжаются финансовыя затрудненія. Послѣ многихъ попытокъ оживить несостоявшійся турецкій банкъ, правительство было вынуждено объявить въ своемъ офиціальномъ журналѣ объ окончательной неудачѣ этого предпріятія. Основателямъ банка объявлено, что Порта считаетъ себя свободною отъ всѣхъ обязательствъ съ ними; но что если они найдутъ средства снова дать ходъ своему предпріятію, то она съ охотой приметъ ихъ предложенія. Эта оговорка доказываетъ, въ какомъ трудномъ положеніи находится правительство. Говорятъ, что неудача желѣзныхъ дорогъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Недавно константинопольскій патріархъ получилъ отъ Порты ноту съ приглашеніемъ приступить немедленно къ исполненію тѣхъ реформъ въ составѣ церковнаго управленія, которыя предписаны танзиматомъ. Извѣстно, что главныя изъ нихъ состоятъ въ учрежденіи епархіальныхъ синодовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и въ замініи жалованьемъ прежнихъ доходовъ.

Правительство обнародовало новый декретъ о книгопечатаніи. Всѣ монополіи на продажу уже напечатанныхъ книгъ уничтожены. Право собственности принадлежитъ автору въ теченіи всей жизни. Ему предоставляется заключать условія съ издателями. Когда правительство беретъ на себя изданіе какой-нибудь книги, то автору назначается извѣстное вознагражденіе.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ не произошло ничего особенно важнаго въ послѣднее время. Правительство занято по преимуществу внѣшними вопросами. Вопросъ о невольничествѣ остается въ прежнемъ положеніи, но послѣдствія приговора верховнаго суда, о которомъ мы говорили, обнаруживаются все болѣе и болѣе, и по всей вѣроятности не далеко то время, когда союзное правительство будетъ вынуждено обратить на нихъ самое серіозное вниманіе. Мы говорили уже о рѣшеніи законодательнаго собранія въ Нью-Йоркѣ. Подобная же мѣра принята недзвно въ штатѣ Огайо. Тамошнее собраніе объявило уголовнымъ преступленіемъ владѣніе невольниками въ предѣлахъ штата. Заботиться объ искорененіи невольничества признано за долгъ всякаго гражданина, а на сенаторовъ и депутатовъ штата въ конгрессѣ возложена обязанность сопротивляться принятію въ Союзъ новыхъ невольническихъ штатовъ. Этимъ рѣшеніемъ борьба подвигается впередъ. Трудно сказать, чѣмъ она окончится, но при всѣхъ талантахъ новаго президента едва ли можно ожидать отъ него какихъ-нибудь мѣръ, которыми бы мирное окончаніе вопроса было рѣшительно упрочено. Самый составъ министерства, набраннаго изъ демократической партіи, не допускаетъ этого.

С М Ъ С Ь

ФИЗИОЛОГІЯ КРУЖКА

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Въ объясненіи своемъ («Русскій Вѣстникъ», № 8) вы между прочимъ соглашаетесь, что изобличительное письмо г. Байбороды рѣзко. И отъ другихъ случалось мнѣ слышать подобное же сужденіе. Соглашаясь, что изобличеніе совершенно справедливо, находятъ, что оно слишкомъ зло. Вы основательно замѣтили, что обвиненіе чувствуется рѣзкимъ именно по мѣрѣ своей справедливости, именно потому, что оно основано на достаточныхъ доказательствахъ, которыя массою своею не могли не поразить читателя. Но этого мало: я, съ своей стороны, думаю, что подобнаго рода полемическія статьи должны быть совершенно безпощадны, и появленіе изобличительныхъ писемъ какъ нельзя болѣе своевременно. Пора *пустой руки* въ литературѣ миновала. Наша литература начинаетъ выходить изъ дѣтства; литературныя требованія, стѣняясь выше, становятся строже. Это составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей дѣльнаго журнала въ настоящее время; это лежитъ на его отвѣтственности. Въ прежнюю пору невѣжество, наглость, всевозможные виды недобросовѣстности, могли являться передъ публику съ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ непоколебимою самоувѣренностію, съ физиономіей невинности, даже съ торжественнымъ величіемъ авторитета и знанія. Никто не замѣчалъ всѣхъ этихъ прелестей, никто не дивился имъ, никого онѣ не поражали, никого не скандализировали. Всѣ считали и литературу, и науку—дѣломъ, не стоящимъ серіознаго вниманія, даже вовсе не дѣломъ, а бездѣльемъ, забавой, пустою роскошью. Но съ теченіемъ времени, наука пустила у насъ ростки, хотя бы еще и очень слабыя; литература получила значеніе; показываются признаки общественнаго мнѣнія; все свидѣтельствуетъ о переходѣ общества въ возрастъ болѣе зрѣлый. Надобно дорожить этою возникающею силою общественнаго мнѣнія; надобно укрѣплять его и содѣйствовать его правильному развитію. Это дѣло литературы, въ которой общественное мнѣніе находитъ себѣ главный органъ.

Недавно, въ вашемъ журналѣ, одинъ изъ сотрудниковъ вашихъ, Н. Ф. Павловъ, показалъ въ статьѣ о комедіи графа Соллогуба, какая великая сила заключается въ общественномъ мнѣ-

ни. Слова его были убѣдительны, истина ихъ была очевидна; ихъ встрѣтило всеобщее и живое сочувствіе. Да, напрасны будутъ всѣ преслѣдованія общественныхъ злоупотребленій и пороковъ, напрасно государственный мечъ будетъ посягать эту злую растительность: она не прекратится, пока живъ ея корень въ народной совѣсти. Въ совѣсть не проникаетъ ни желѣзо, ни огонь; совѣсть могутъ исправлять только внутреннія средства, только развитіе лучшихъ убѣжденій, только строгость нравственныхъ требованій. Вотъ здѣсь-то обозначается отношеніе литературы къ общественной совѣсти, къ общественному мнѣнію, отношеніе положительное и отрицательное: съ одной стороны, служа средствомъ просвѣщенія и разузменія, она съ другой стороны правильнымъ, разумнымъ и чистымъ развитіемъ знанія, должна опредѣлять мѣру строгости противъ всего неразумнаго, нечистаго, нечестнаго. Чѣмъ возвышеннѣе правила, руководствующія общественнымъ мнѣніемъ и литературою, тѣмъ строже и безпощаднѣе судъ ихъ, поражающій тѣ явленія, которыя посягаются надъ этими правилами. Въ этомъ судѣ не должно быть ни лицепріятія, ни какихъ постороннихъ соображеній. Это не уголовный судъ, это судъ совѣсти. Онъ не жетъ, ни рубитъ; его кара есть только нравственная кара, не терпящая никакихъ послабленій. Преступникъ въ жизни, подлежащій внѣшнему суду, возбуждаетъ къ себѣ состраданіе и жалость; судьи, блюдя строгость закона, должны однако помнить, что этотъ хранимый ими законъ есть столько же право, сколько и фактъ, что законъ этотъ есть мечъ и огонь, и потому имъ предоставляется старательно выискивать, что можетъ послужитъ къ смягченію вины осуждаемаго; формальности закона должна соединяться съ благодушіемъ судьи, которому надобно помнить, что передъ его судомъ лежитъ мертвый костюшокъ, а кара закона падетъ на живое лицо. Боже мой, сколько самыхъ странныхъ противорѣчій бываетъ въ жизни!.. Какъ часто, въ этой житейской неволѣ, человекъ свершаетъ безчестное и преступное дѣло, повинуюсь влеченіямъ, въ своемъ корнѣ не только безукоризненнымъ, но даже положительно честнымъ! Какъ часто происходитъ горькое зло изъ столкновенія двухъ весьма добрыхъ стремленій! Взятчиичество, лихоимство — явленіе гнусное, подлежащее истребленію. Но какъ часто лихоимецъ, справедливо подвергшійся закону, заслуживаетъ сожалѣнія и доброжелательнаго участія! Въ жизни есть жена, дѣти, есть нищета, есть голодъ и холодъ; въ жизни часто трудно и болѣзненно бываетъ удержаться на правой стезѣ. Совсѣмъ иное въ литературѣ, въ наукѣ. Это сфера свободной дѣятельности. Благо тѣмъ, кто можетъ восходить въ эту сферу! Благо тѣмъ, кто большую и лучшую часть своей жизни проводитъ въ этой возвышенной сферѣ!

У насъ все еще ведется мнѣніе, что недобросовѣстность въ литературѣ—дѣло не важное. Такое мнѣніе есть еще доказательство на-

шей незрѣлости. За дурное дѣло въ литературной средѣ не жгутъ, не рубятъ,—стало быть оно не важно. Это все еще остатокъ того времени, когда литература была невинною забавой, и общественное мнѣніе не имѣло никакой силы, когда нравственный судъ ставился ни во что. Дурное дѣло—вездѣ дурное дѣло, въ жизни ли, въ литературѣ ли; но въ литературѣ, мнѣ кажется, оно непростительнѣе чѣмъ въ практической средѣ. Мы съ ужасомъ отступимъ отъ чловѣка, который безсовѣстно лжетъ, фальшивитъ, кривитъ душою, особенно если съ этимъ соединяется матеріальный ущербъ для кого-нибудь. Но сущность поступка остается та же самая и тогда, когда онъ не сопровождается никакимъ матеріальнымъ ущербомъ. При равенствѣ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ и условий, omnibus caeteris paribus, недобросовѣстный поступокъ въ литературѣ, справедливо не подлежащій вышнему суду, заслуживаетъ сильнѣйшаго осужденія со стороны общественнаго мнѣнія, заслуживаетъ по тому еще соображенію, что чловѣкъ въ наукѣ, въ литературѣ, свободенъ отъ тѣхъ побужденій, которыя въ практической жизни могутъ натолкнуть его на зло. Сознательно дурное дѣло, подлежащее только нравственному суду, должно быть судимо съ безпощадною строгостію.

Нѣкоторые добрые люди, остатки стараго времени, думаютъ еще у насъ, что не слѣдуетъ оглашать дурное, изъ опасенія скандала. Эти люди боятся публичности, какъ огня, и забываютъ, что только тамъ и можетъ развиваться общественная нравственность, гдѣ допущена серіозная публичность. По мнѣнію этихъ господъ, пусть себѣ всякое *дурно*, говоря стариннымъ русскимъ словомъ, гнѣздится въ литературѣ, лишь бы только все было шито да крыто; что имъ до интересовъ науки? они закричатъ благимъ матомъ, когда что-нибудь немножко не по нимъ сдѣлается въ ихъ домѣ; будутъ, пожалуй, готовы чуть не повѣсить смѣльчака, который неосторожнымъ шорохомъ растревожитъ ихъ послѣобѣденный сонъ; а что такое наука, что такое интересы литературы? можно ли горячиться изъ пустяковъ? что за важность, по пяти или по два ценсора выбирались въ Римѣ кому отъ этого будетъ тепло или холодно?—Еще говорятъ, что будто огласка неприятныхъ случаевъ, происходящихъ въ литературѣ, можетъ обратиться въ соблазнъ для мирныхъ гражданъ, составляющихъ публику. Публика должна быть увѣрена, что въ литературѣ все обстоитъ благополучно, что тамъ кромѣ самыхъ приятныхъ добродѣтелей ничего иного не обрѣтается; пусть остается публика при этомъ мнѣніи, хотя бы оно было только сладостнымъ заблужденіемъ. А то, какъ же будутъ литераторы учить не-литераторовъ уму-разуму, какъ на примѣръ будутъ они укорять взяточниковъ, изобличать разные общественные пороки, какъ они будутъ все это дѣлать, если вздумаютъ сами себя изобличать въ нехорошихъ поступкахъ? какое же можетъ быть уваженіе къ наукѣ, когда узна-

ютъ, что и въ наукѣ бываютъ нехорошіе поступки? А мнѣ кажется напротивъ, что прежде нежели литература можетъ имѣть право на изобличеніе дурнаго въ другихъ сферахъ, она должна быть безпощадна къ самой себѣ. Гласность для нравственнаго міра то же, что солнце для физическаго... Ее не замѣнишь никакими радостями. Кто не боится гласности, тотъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, уже стоитъ высоко на степеняхъ добра. Не хорошо провиниться передъ совѣстью своею и чужою, но какъ бы ни была тяжка вина, она искупается искреннимъ, всенароднымъ раскаяніемъ. Прекрасно и собственное сознаніе, или сознаніе съ глазу на глазъ, но еще гораздо цѣннѣе сознаніе во всеуслышаніе! Рѣшающійся на такое сознаніе, не только тѣмъ себя не уронитъ, но непремѣнно, по мѣрѣ искренности, подниметъ себя въ общемъ мнѣніи, и явитъ добрый залогъ лучшаго образа мыслей или дѣйствій.

Литературный грѣхъ г. Крылова, дѣйствительно, великъ. Разсчитывать на невѣжество читателей, являться передъ ними съ совершеннымъ къ нимъ пренебреженіемъ, торжественно, въ предшествіи лекторовъ, выдавать себя за авторитетъ, объявлять честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ пороженіемъ *какой-то темной силы*, будто бы насылающей ихъ на наше любезное отечество, обращаться съ ними, какъ съ учениками, — и въ то же время обнаружить грубѣйшее невѣдѣніе въ предметъ собственной специальности, — все это очень нехорошо, и заслуживало безпощаднаго наказанія. Но какъ ни тяжка вина, можно бы выйти изъ нея съ сохраненіемъ достоинства: стоило бы только искренно, безъ обиняковъ, сознаться въ ней и отказаться отъ тѣхъ претензій, которыя породили ее. Повѣрьте, что такой оборотъ произвелъ бы несравненно болѣе благопріятное дѣйствіе, чѣмъ это странное, почти патологическаго свойства объясненіе, которое завелъ онъ въ несчастномъ и жалкомъ изданьицѣ, ислортившемъ собою добрую память о когда-то выходившей въ Москвѣ, другой «Молвъ», не похожей на эту. Впрочемъ, посреди непонятной галиматши, посреди страннаго разсужденія о *самокатѣ*, о *любовныхъ, супружескихъ* и вмѣстѣ *величественныхъ играхъ* между патриціями и плебеями, о *половыхъ отношеніяхъ* римскаго народа, и т. п., проскользнуло у него одно здоровое мѣсто, которое, къ сожалѣнію, заглохло въ этомъ репейникѣ. А добрая минута внушила г. Крылову это мѣсто; вотъ оно:

«Совѣстно, но надо все сказать: читая и сообщая гражданское право съ каеэдра, я трудился и полюбилъ свой трудъ; *политическое право* входитъ въ составъ моего дневнаго, и нерѣдко ночнаго труда, какъ частица къ цѣлому числу. Теперь все досказано....»

Напрасно онъ не отдался внушенію этой доброй минуты, и вмѣсто всякаго ненужнаго разглагольствія, которое только вновъ запутало его, не продолжалъ ясно, прямо и отъ сердца, сознаніе что мало

занимался политическимъ правомъ, что увлекся излишнею самоуверенностью, что принялъ тонъ, дѣйствительно неприличный ему и неумѣренный. Я увѣряю его, что онъ много бы тѣмъ выигралъ и много бы загладилъ. А потомъ, кто знаетъ? Можетъ-быть и удастся ему представить публикѣ что-нибудь дѣйствительно достойное ея вниманія, и тогда мы съ г. Байбородой, его обвинители, съ радостью станемъ привѣтствовать его.

Я сейчасъ упомянулъ о «Молвѣ». Очень сожалѣю, что долженъ упомянуть о ней, какъ уже сожалѣлъ, что вашему журналу довелось вступить въ нѣкоторое съ ней объясненіе. Занимать такими явленіями вниманіе публики было бы, мнѣ кажется, неуваженіемъ къ публикѣ. Но вотъ обстоятельство, которое даетъ этой газетѣ на время нѣкоторое значеніе, и которое побудило меня завести о ней рѣчь: эта газета объявила себя органомъ того «кружка», который составляетъ «Русскую Бесѣду» и носитъ Богъ знаетъ почему названіе славянофиловъ: Славяне страдаютъ тутъ совершенно невинно, — но какъ бы то ни было, это—газета славянофильская, а славянофилы или «собесѣдники» пользуются еще нѣкоторымъ уваженіемъ. Вы сами, неоднократно, отзывались о нихъ съ почетомъ. Еще очень недавно г. Байборода, такъ безпощадный къ г. Крылову, очень вѣжливо обошелъ этотъ «кружокъ» и расшаркался передъ *Бесѣдой*. Кстати скажу вамъ, что мнѣ всегда кажутся подозрительными эти похвалы, которыя походятъ на какіе-то аттестаты или помѣтки на паспортахъ: человекъ добропорядочнаго поведенія, трезвый, честный и т. п. Въ литературѣ, какъ и въ порядочномъ обществѣ, всякій предполагается человекомъ хорошимъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ уличенъ въ противномъ, и отличать кого-нибудь подобными эпитетами значитъ не отличать вовсе. Мнѣ кажется, что эти эпитеты служатъ только признакомъ, что о лицахъ, къ которымъ они прилагаются, нечего сказать, при всемъ желаніи сказать имъ что-нибудь лестное. Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно сказать что-нибудь дѣльное о людяхъ замкнутаго кружка, еще ничего дѣльнаго не сдѣлавшихъ. Можетъ-быть, каждый изъ нихъ и успѣлъ бы что-нибудь сдѣлать, еслибъ примкнулъ къ общему развитію наукъ, литературы, народнаго образованія. Но запершись въ душный кружокъ, непремѣнно чадный отъ еямама взаимнаго другъ другу кажденія, воображая себя средоточіемъ вселенной и рѣшителями судебъ человѣчества, очень естественно, что и значительные таланты, не только простенькія способности, погибнуть безъ всякихъ послѣдствій. О, въ самомъ дѣлѣ, ужасная вещь ein Kruschok in der Stadt Moskau, какъ говоритъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда въ «Запискахъ Охотника» г. Тургенева; убійственная вещь—эти кружки, основанные не на интересъ какого-нибудь великаго дѣла, которое удесятеряетъ силы человека, но на великомъ бездѣлѣ, на великой праздности, на великихъ фразахъ, на

безграничномъ самоуслажденіи. Въ кружкѣ тепло и пріятно. Въ кружкѣ говори что хочешь, все тебя слушаетъ и фразы твои принимаетъ за дѣло. Отпора нѣтъ въ кружкѣ, — все мягко, все привѣтно. Поживши въ атмосферѣ кружка, человѣкъ теряетъ всякое различіе между словомъ и дѣломъ, между грезой и мыслію, между фактомъ и фантазіей, между истиной и ложью. Онъ становится надуть и до крайности самолюбивъ. Случись ему выйти на Божій міръ, онъ представитъ изъ себя странное явленіе: и дѣло, кажется, заговоритъ, а смотришь — выйдетъ бездѣлье; за что ни возьмется, все вывалится изъ рукъ. Но, что еще хуже, въ людяхъ, попорченныхъ атмосферою кружка, сглаживается мало-по-малу та черта, которая отдѣляетъ должное отъ недолжнаго. Они возглашаютъ громко и съ нѣкоторымъ восторженнымъ ожесточеніемъ всѣ слова, составляющія лексиконъ добродѣтели; когда нужно говорить о себѣ, такъ и сыплются у нихъ славныя существительныя и знаменитые глаголы; правда, добросовѣстность, честность — имъ ни почемъ. Но посмотрите на нихъ въ дѣлѣ, если приведется имъ приняться за какое-нибудь публичное дѣло, гдѣ бываютъ всякаго рода столкновенія и искушенія, гдѣ не все такъ мягко, какъ въ кружкѣ, — и вы будете поражены слабостію ихъ морали на дѣлѣ. Поступки и слова окажутся въ странномъ и вопіющемъ противорѣчій. Они, безъ зазрѣнія совѣсти, будутъ дѣлать то, что постыдился бы дѣлать всякій простой человѣкъ, нимало не напрягавшій понятія о доблестяхъ человѣческихъ въ примѣненіи къ своей особѣ.

Члены одного московскаго «кружка» издають теперь газету, гдѣ быстрота дѣятельности всего лучше обнаруживаетъ скрытые дѣйствительныя вистинкты, всего лучше обрисовываетъ натуру, не давая, въ попохахъ, пріосамиться, прикрыться, задрапироваться. Живая, спѣшная дѣятельность служитъ отличнымъ средствомъ къ распознаванію людей.

Поговорить о «Молвѣ» только и можно въ такомъ физиологическомъ интересѣ, — въ интересѣ физиологіи «кружка». Немного еще вышло въ свѣтъ этихъ неопратныхъ листковъ, и ужь сколько *ревелаций*, сколько просвѣтовъ въ натуру «кружка», сколько разоблаченій!

Вы напечатали въ вашемъ журналѣ блестящую статью г. Павлова: «Биографъ—оріенталистъ». Какъ прежняя статья этого писателя (о «Чинovníкѣ» гр. Соллогуба), такъ и эта была встрѣчена съ живѣйшимъ сочувствіемъ всѣми, безъ различія цвѣтовъ и партій. Интересъ этой послѣдней статьи возвышался еще воспоминаніемъ о человѣкѣ, въ защиту котораго она была написана. Коснувшись этого дѣла, я бы долженъ былъ начать нѣсколько выше, и сказать, что защиты этой потребовала статья, напечатанная въ «Русской Бесѣдѣ»: это оглашенныя уже въ публикѣ «Воспоминанія о Грановскомъ», писанныя человѣкомъ, который, подъ видомъ дружбы къ покойному, украсилъ его могилу таки-

ми благоухающими цвѣтами. Нужно очень немного чутья, чтобъ разоб-
 рать, что заключается въ этихъ воспоминаніяхъ. Кому не бросится
 въ глаза это неслыханное сопоставленіе своей собственной особы съ
 умершимъ другомъ; къ явной невыгодѣ послѣдняго, съ явною цѣлю от-
 тѣнить воспоминаніемъ о покойникѣ красоту собственной фигуры? Чи-
 татели помнятъ этотъ тонкій упрекъ, этотъ нѣжный ропотъ любящей
 души, уязвленной недостойнымъ поступкомъ друга, который не только
 не исполнилъ даннаго слова, но еще солгалъ, будто исполнилъ: все это
 высказано г. Григорьевымъ такъ деликатно, что публика и не узнала
 даже, въ чемъ заключался этотъ вѣроломный поступокъ, этотъ об-
 манъ со стороны человѣка, котораго она привыкла уважать. Г. Пав-
 ловъ договорилъ недосказанное біографомъ: дѣло шло объ альбомѣ.
 Далѣе, Грановскій въ письмѣ г. Григорьеву изъ-за границы, сообщ-
 аетъ между прочимъ, мимоходомъ, вскользь, что вышла въ Гер-
 маніи книга по предмету спеціальныхъ занятій его, г. Григорьева,
 не произнося при этомъ никакого сужденія о самой книгѣ; г. Гри-
 горьевъ находитъ въ этой пустой подробности пріятельскаго письма
 поводъ высказать, какъ низко стоялъ Грановскій въ ученомъ отноше-
 ніи, приходя *будто бы* въ восторгъ отъ такихъ *будто бы* ничтож-
 ныхъ явленій; какая разница между Грановскимъ и скромнымъ его
 біографомъ, который обладаетъ такими познаніями, что, за весьма
 малыми исключеніями, вся западная ученость ему кажется мелкою и
 ничтожною! Изъ всей біографіи выходитъ, что Грановскій былъ че-
 ловѣкъ блестящій, но безъ положительныхъ достоинствъ, съ легкою
 моралью, съ пустымъ взглядомъ на жизнь, а уваженіе и любовь об-
 щества пріобрѣлъ лишь тѣмъ, что красиво носилъ одежду его недо-
 статковъ, между тѣмъ какъ г. Григорьевъ, въ противоположность
 Грановскому, человѣкъ — исполненный самыхъ прочныхъ досто-
 инствъ, истинно ученый, стоящій несравненно выше всѣхъ тѣхъ
 западныхъ ученыхъ, которымъ такъ суевѣрно удивлялся Грановскій,
 не подозревавшій, что истинная вѣра должна была бы состоять въ
 поклоненіи г. Григорьеву, съ которымъ онъ такъ запросто переписывался;
 — наконецъ этотъ великій ученый есть вмѣстѣ и добродѣ-
 тельный человѣкъ, обладающій самымъ нѣжнымъ сердцемъ, способ-
 нымъ къ самой утонченной метафизикѣ чувства, и это нѣжное, ми-
 лое существо умѣло однако достигнуть такой вершины мысли и созерца-
 нія, которая и не грезилась Грановскому, такой вершины, на ко-
 торой всѣ противорѣчія жизни разрѣшились для него въ чудесномъ и
 торжественномъ просвѣтленіи, такъ что этотъ блаженный человѣкъ
 могъ лишь съ улыбкой тихаго сожалѣнія вспомнить о томъ, какъ бы-
 вало Грановскій утѣшалъ его въ хандрѣ, и предлагалъ ему совѣты
 какъ отъ ней отдылаться. — Критикъ преслѣдовалъ біографа-оріен-
 талиста безпощадно, какъ охотникъ преслѣдуетъ краснаго звѣря, не
 давая ему отдыха ни на минуту. Критикъ выгонялъ его изъ всѣхъ ло-

говещъ, гдѣ онъ надѣялся скрыться, рассчитывая на невѣжество читателей, которые, думалъ онъ, непременно повѣрятъ величію его восточной учености и плодотворному значенію его подвиговъ въ наукѣ. Статья г. Павлова, какъ и все выходящее изъ — подъ его пера, принадлежитъ къ числу лучшихъ украшеній нашей журналистики, нашей литературы. Я увѣренъ, что и г. Григорьевъ, по крайней мѣрѣ въ душѣ, отдастъ ей справедливость.

Что же дѣлаетъ нашъ «кружокъ» in der Stadt Moskau? Всего бы лучше, всего бы достойнѣе было изъяснить сожалѣніе, что статья г. Григорьева увидѣла свѣтъ въ изданіи этого кружка; всего бы лучше изъяснить сожалѣніе, что издатели не разобрали хорошенько содержания и духа статьи, что они поступили неосторожно, и что, увлекшись интересомъ нѣкоторыхъ подробностей статьи, поспѣшили напечатать ее, между тѣмъ какъ слѣдовало бы обратить ее къ автору съ указаніемъ неприличныхъ странностей, ее наполняющихъ, и просить его объ уничтоженіи въ ней всего того, чего редакция порядочнаго изданія не можетъ принять на свою отвѣтственность. Это сознаніе своей оплошности, соединенное съ точнымъ, недвусмысленнымъ, прямодушнымъ протестомъ противъ направленія статьи г. Григорьева, помирило бы публику съ издателями и представило бы самый «кружокъ» въ благопріятномъ свѣтѣ. Но какъ же въ самомъ — то дѣлѣ поступаетъ «кружокъ»? спрашиваемъ мы снова. Статья г. Павлова и единодушное негодованіе, высказанное во всѣхъ русскихъ журналахъ, по поводу «Воспоминаній» г. Григорьева, не могли не вызвать нѣсколькихъ словъ и со стороны «кружка», виновнаго въ ихъ изданіи. Въ этихъ словахъ нѣтъ и тѣни сожалѣнія, нѣтъ никакого протеста; вскользь, чуть-чуть упоминается о недостаткахъ статьи г. Григорьева, но главное вниманіе сосредоточивается на ея достоинствахъ; эти слова рассчитаны на то, чтобъ оправдать и представить въ благопріятномъ свѣтѣ поступокъ г. Григорьева. Сколько деликатности, осторожности въ выраженіяхъ! Это тихій ропотъ волны, лобзающей подножіе утеса... За то какъ достается г. Павлову! Прямо, открыто возстать противъ его статьи не хватило дерзости; желаю думать, что до этого не допускалъ остатокъ здравой совѣсти, не совсѣмъ заглохшей отъ курева «кружка». Но за то всѣ средства истощаются, чтобъ какъ-нибудь ущипнуть, какъ-нибудь уколоть г. Павлова. Онъ коснулся кстати, коснулся по необходимости, но мимоходомъ, литературы по части изученія Востока: — честь имѣемъ поздравить публику, восклицаетъ «кружокъ», явился новый ориенталистъ. Г. Павловъ — ориенталистъ! Вотъ новость! Какія свѣдѣнія, какая ученость!... Присылается въ «кружокъ» полемическая статья противъ новаго ориенталиста, подъ которою подписано имя стараго ориенталиста, г. Савельева, статья, почти такого же патологическаго свойства, какъ и защитительные отвѣты г. Крылова, статья, также

наполненная доказательствами незнанія (впрочемъ, вѣроятно, искусственнаго, умышленнаго, что еще хуже) по предмету своей специальности. «Кружокъ» печатаетъ ее съ восторгомъ. Ему нѣтъ надобности разбирать, основательны ли доводы г. Савельева, справедливы ли его яростныя нападки, имѣетъ ли какой-нибудь человѣческой смыслъ сравненіе статей г. Павлова съ записками султана Бабера, съ комментаріями Юлія Цезаря, — довольно, что выходки направлены противъ г. Павлова, и выходки яростныя; «кружокъ» торжествуетъ; онъ хоронитъ юнаго ориенталиста, погибшаго отъ руки правдиваго убійцы; «кружокъ» поетъ погребальную пѣснь. Въ его газетѣ чувствуется какой то свѣтлый праздникъ; вы слышите, какъ тамъ ликуютъ, дѣлуются, поздравляютъ другъ друга. Какой утѣшительный просвѣтъ въ «кружокъ» in der Stadt Moskau!—Посмотрите,—съ одной стороны поступокъ г. Григорьева, ибо статья его есть поступокъ,—это для «кружка» ничего; «кружокъ» благовольтельно прикрываетъ своимъ авторитетомъ г. Григорьева; а вотъ съ другой стороны статья г. Павлова, которая тоже должна быть названа поступкомъ, но поступкомъ благороднымъ: она вызываетъ въ «кружкѣ» явное недоброжелательство, высказавшееся самымъ ребяческимъ образомъ; — вотъ съ одной стороны специалистъ, уличенный въ непростительнѣйшихъ промахахъ по своей части, — это ничего: «кружокъ», среди котораго этотъ специалистъ производилъ такіа неприличныя вещи, защищаетъ его изъ всѣхъ силъ, жертвуетъ для этой защиты совѣстью, достигаетъ въ своихъ защитительныхъ статьяхъ до неизмовѣрной степени наглости, невѣжества, чтобы только въ глазахъ публики, считая ее рѣшительно за монгольскую, заподозрить обвинителя, — и вотъ съ другой стороны, человѣкъ, который, честно отставивъ доброе дѣло, по необходимости высказалъ объ изученіи восточныхъ языковъ, то, что должно быть извѣстно всякому образованному человѣку, высказалъ безъ малѣйшихъ претензій прослыть специалистомъ; «кружокъ» всячески старается уязвить его, придаетъ его имени постоянный sobriquet ориенталиста, и наконецъ разступается, образуетъ изъ себя амфитеатръ и выпускаетъ въ себя тигра мухаммеданскихъ пустынь для растерзанія мнимаго ориенталиста, по крайней мѣрѣ en effigie. Съ неумолимою придирчивостію, съ самою злобною утонченностію старается этотъ безпардонный обитатель Аравіи отыскать какіе-нибудь промахи въ словахъ г. Павлова, чтобы уличить его въ незнаніи по предмету его специальности. По какому же праву «кружокъ» озлился на г. Вайбороду за его улыки противъ г. Крылова? Г. Крыловъ специалистъ настоящій, да еще какой! авторитетъ котораго «кружокъ», въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, измѣряя степень его величія, сравниваетъ даже съ Гомеромъ. Допустимъ на минуточку, что г. Павловъ дѣйствительно, говоря о трудахъ ориенталистовъ, сказалъ что-нибудь не такъ, ошибся въ какомъ-нибудь имени,

промахнулся въ какомъ—нибудь показаніи: можно было бы пожалеть объ этомъ, исправить, что не точно; но взыскивать съ него такъ какъ слѣдуетъ взыскивать, напримѣръ, съ самого г. Савельева за невѣрности, ошибки и неточности, — невозможно безъ нарушенія всякой справедливости. Что же бы дѣлать въ такомъ случаѣ съ самимъ г. Савельевымъ? онъ излялъ всю чашу словесной строгости на мнимаго ориенталиста: какія же еще укоры остались на долю дѣйствительнаго ориенталиста, который вмѣсто мнимыхъ промаховъ г. Павлова надѣлалъ дѣйствительныхъ промаховъ? Что же, по критическому кодексу «кружка», слѣдовало бы дѣлать съ г. Крыловымъ за его ужаснѣйшія ошибки? — кромѣ *auto da fe* ничего ужъ болѣе не остается.

Г. Павловъ дѣйствительно является въ своей прекрасной статьѣ специалистомъ. Но специальность его совсѣмъ не та, какая приписывалась этимъ господамъ. Специальность его въ этой статьѣ — отградить отъ клеветы и неблагонамѣреннаго суда память человека, котораго заслуженно любило и цѣнило наше общество, и изобличить лжесудію. Г. Павловъ доказалъ, что мастерски владѣетъ этою специальностію. Вотъ тутъ—то бы слѣдовало поспорить съ нимъ, а не школьничать и гримасничать. Ни однимъ словомъ не обнаружилъ онъ никакой претензіи пощеголать свою особую. Авторъ статьи исчезаетъ: передъ вами самъ собою раскрывается вопросъ. Ориентальныя данныя были необходимы для существенной цѣли статьи—дѣли изобличенія; эти свѣдѣнія должны быть доступны всякому образованному человеку. Кто не знаетъ о Сильвестрѣ де-Саси, о Шамполионѣ, о великихъ открытіяхъ въ египтологіи, въ чтеніи персепольскихъ надписей, кто не слышалъ о Боппѣ, о сравнительномъ языковеденіи и т. п.? Проверить и сообразить эти свѣдѣнія могъ г. Павловъ безъ всякаго труда, при тѣхъ пособіяхъ, которыя всякій образованный человекъ можетъ имѣть подъ рукою. Добро бы еще онъ сравнивалъ санскритскіе корни съ славянскими, а то и этого не было. Воображать, что свѣдѣнія объ изученіи Востока, высказанныя г. Павловымъ, должны составлять тайну специалиста, означаетъ крайнее невѣжество, которое блѣднѣетъ только передъ невѣжествомъ, воображающимъ, что о числѣ римскихъ цензоровъ и объ употребленіи прилагательнаго *equester*, *is*, *e*, можетъ знать только профессоръ римскихъ древностей и латинскаго языка. Каждый порядочный студентъ филологическаго факультета могъ бы посвятить «кружокъ» въ эти великія истины.

Представьте же себѣ, въ какомъ жалкомъ положеніи долженъ теперь находиться «кружокъ», узнавъ, что удары, которыми г. Савельевъ думалъ поразить г. Павлова, пали на него самого. Я сейчасъ только прочелъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» *Посланіе неспеціалиста къ Ш. С. Савельеву, по поводу статьи его въ № 4 «Молвы»*. Если критика г. Савельева была встрѣчена въ «кружкѣ» съ та-

кими радостями, съ такимъ скаканіемъ, то воображаю себѣ, какое великопостное дѣйствіе произведено тамъ « посланіемъ неспеціалиста ».

Какъ хорошо рекомендуютъ себя русскому обществу эти непрошенные защитники русской народности! Какія плодотворныя начала должны развиваться подъ этою благодатью!— Но пойдемъ далѣе: это только цвѣты, а плоды ждуть насъ впереди.

Въ № 8 вашего журнала напечатана статья г. Соловьева: «Шлецеръ и анти-историческое направленіе», — статья превосходная и по содержанию, и по изложенію. Наша литература представляетъ мало такихъ образцовъ ученой критики. Въ каждомъ оборотѣ мысли, въ каждомъ словѣ виденъ мастеръ дѣла, умъ зрѣлый и вполне владѣющій своимъ предметомъ, истинный ученый. Онъ связалъ изъ славянофильскихъ рапсодій понятное цѣлое; онъ сдѣлалъ для знаменитаго кружка то, что г. Новицкій, въ своей диссертации, сдѣлалъ относительно духоборцевъ. Не касаясь ничьей личности, никого даже не называя, не искажая ничьихъ мыслей, онъ только сводитъ тѣ воззрѣнія, которыя высказаны были въ «Русской Бесѣдѣ» о русской исторіи. Результатъ вышелъ неблагопріятный для сподвижниковъ «Русской Бесѣды»; но критикъ не виноватъ въ этомъ! Вовсякомъ случаѣ статья г. Соловьева не подавала нисколько повода къ такой выходкѣ, какую позволилъ себѣ тотъ же «кружокъ» въ своей газетѣ, за подписью *Ярополкъ*. Еще такъ недавно изъявлялъ этотъ кружокъ свое уваженіе къ г. Соловьеву, искалъ его сотрудничества для своей «Бесѣды», воспользовался его статьею, — а теперь истощаетъ всѣ свои силы, чтобы показать свое презрѣніе къ нему. Въ статьѣ г. Ярополка такъ и слышится то самое змѣиное шипѣніе зависти, которое встрѣтило первые шаги г. Соловьева. Онъ шелъ впередъ, спокойно, ровно и неутомимо, не обращая вниманія на этотъ злобный и безсильный шипъ, который исчезалъ въ громкихъ изъявленіяхъ общаго сочувствія и уваженія къ несомнѣнному таланту и честному труду. Г. Соловьевъ не запятналъ себя ничѣмъ во всю свою публичную дѣятельность; онъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго желанія воротить что-нибудь изъ сказаннаго или сдѣланнаго имъ; онъ не шарлатанилъ, не обманывалъ публики; не кричалъ о своихъ трудахъ, не издавалъ бюллетеней о ходѣ своихъ кабинетныхъ работъ, не представлялъ, какъ результаты этихъ трудовъ, бездарнѣйшія и бесполезнѣйшія выжимки и выписки всѣмъ извѣстныхъ мѣстъ изъ лѣтописей, или не дѣлалъ безобразныхъ предложеній изъ нихъ; не метался какъ угорѣлый изъ угла въ уголь, чтобы обратить на себя вниманіе. Общественное вниманіе слѣдовало за г. Соловьевымъ само собою. Онъ, при рѣдкихъ дарованіяхъ, является у насъ еще болѣе рѣдкимъ образцомъ постоянной и неослабной дѣятельности. Нѣтъ ни одного органа нашей періодической литературы, за исключе-

ниемъ умершаго «Москвитянина», гдѣ бы не отдавалась должная справедливость и высокому ученому дарованію, и неутомимой дѣятельности г. Соловьева. Онъ еще не совершилъ половины своего поприща, а уже услуги, принесенныя имъ русской наукѣ, неисчислимы. Все это свѣжее, сильное поколѣніе дѣятелей по русской исторіи и исторіи русскаго права, начиная отъ г. Кавелина, который, еслибы мѣнѣе былъ отвлеченъ другими занятіями отъ ученой дѣятельности, могъ бы украсить собою всякую европейскую литературу, до г. Чичерина, который началъ свое поприще съ такимъ блескомъ, съ какимъ немногіе завершаютъ, — вся эта фаланга дѣловитыхъ изслѣдователей, — въ которыхъ впрочемъ славянофильскій кружокъ (или, что все равно, сочленъ его г. Крыловъ), видитъ порожденія *темной силы*, — громко засвидѣтельствуетъ о плодотворной дѣятельности г. Соловьева. Благодаря ему и его сподвижникамъ, истинный духъ науки овладѣлъ окончательно полемъ русской исторіи, и сдѣлалъ невозможнымъ на будущее время тѣ фокусъ-покусы, которые въ прежнее время могли служить дѣйствительнымъ орудіемъ бездарности, духу промышленности въ наукѣ и авторитетолюбію. Но мнѣ стыдно говорить о достоинствахъ и заслугахъ г. Соловьева, по случаю презрѣннаго нападенія, которое въ главную вину поставляетъ ему то, что онъ ежегодно издаетъ по тому своей исторіи; въ этомъ критикъ-славянофилъ видитъ *недостойную миру* передъ публикой; видно, что ему ничего не было бы такъ пріятно, какъ еслибъ г. Соловьевъ ничего не дѣлалъ и, по возможности, не существовалъ.

Вотъ что значитъ самолюбіе кружка! Задѣтое за живое, оно не знаетъ конца злобѣ, и можетъ даже представить изъ своей среды такое явленіе, какъ Ярополкъ.

Но мы еще только въ половину познакомились съ этимъ явленіемъ. Для полной характеристики «кружка», необходимо рассмотреть и вторую половину «Критическихъ писемъ» г. Ярополка, счетовъ два. Первое относится къ г. Соловьеву; второе озаглавлено: «Запросы профессору Леонтьеву». Первое состоитъ изъ одной голословной брани, второе изъ фактовъ, и второе послужитъ лучшимъ комментариемъ къ первому. Изъ него мы увидимъ, чего стоитъ мнѣніе такого критика, какъ г. Ярополкъ.

Запросы, обращенные къ г. Леонтьеву, относятся все къ тѣмъ же несчастнымъ промахамъ, въ которыхъ уличенъ былъ г. Крыловъ. Онъ самъ ужъ почти пересталъ защищаться, а покровительствующій ему кружокъ еще надѣется отстоять его ошибки, и даже съ торжествомъ ввести ихъ въ науку, какъ съ бою добытыя истины. Ужъ лучше бы они оставили его въ покоѣ и не шевелили этого дѣла; впрочемъ они не должны думать, что больно будетъ только г. Крылову: больно будетъ и имъ, и еще можетъ-быть больнѣе.

Не знаю, рѣшится ли г. Леонтьевъ отвѣчать на эти предложен-

ные ему, какъ профессору, запросы. Они исполнены такого невѣжества, что можно только удивляться, какъ возможно было явиться имъ въ литературѣ. Прямо отвѣчать на эти запросы какъ на что-нибудь дѣльное значило бы унижать себя, какъ значило бы унижать себя серьезнымъ разбирательствомъ какой-нибудь гипотезы, въ родѣ приведенной г. Байбородаю, напримѣръ о возможности доказать, что Александръ Македонскій жилъ въ XIV столѣтіи по Р. Х. Я не знаю, сочтеть ли за нужное г. Байборода изобличать господина, который имѣлъ, однако, осторожность скрыть свою особу, такъ что некому, кажется, и принять на себя позоръ изобличенія. О «Молвѣ» говорить нечего — ей это нипочемъ, да и нельзя серьезно заниматься такимъ дѣломъ, какъ изобличеніе «Молвы». Но для моего фیزیологическаго опыта Ярополковы запросы представляютъ весьма важный матеріалъ, и я долженъ имъ воспользоваться со всею тщательностью, прося заранее извиненія у читателей за новыя подробности о надобѣвшихъ всѣмъ equester, equestris, и римскихъ цензорахъ. Желательно однако, чтобы читатели не поскучали войти въ эти подробности. Интересъ не въ латинскихъ прилагательныхъ, а въ тѣхъ слѣдахъ, которые оставила на нихъ рука и душа человѣческая, интересъ въ тѣхъ черточкахъ, которыя легко выводятся изъ этихъ слѣдовъ для фیزیологической характеристики «кружка».

Начнемъ сначала, и будемъ осматривать запросы по порядку. Первые же строки поражаютъ меня чуть не паническимъ ужасомъ при видѣ безобразія, какое еще въ наше время возможно у насъ въ литературѣ. Выписываю съ дипломатическою точностію, и прошу васъ, чтобы въ выпискѣ сохраненъ былъ крупный шрифтъ, тамъ, гдѣ онъ для большей выразительности употребленъ въ подлинникѣ.

«Молва» № 4 стр. 67.

«Equester, equestris.

«Ludwig Ramshorn, Lateinische Grammatik, стр. 241. Этимологія. Форма прилагательныхъ.

«Stis,—ster, STRIS и STER.... terrester, terrestris, земной, на землѣ находящійся, какъ напримѣръ exercitus, iter, такъ и EQUESTRES, campester.»

Чему удивляться, въ этихъ строкахъ, невѣжеству или безстыдству?.. Впрочемъ, это такая плотная смѣсь того и другаго, что нѣтъ возможности указать, гдѣ оканчивается одно и начинается другое. Критикъ г. Соловьева не умѣлъ даже развернуть въ надлежащемъ мѣстѣ грамматику Рамсгорна. Вопросъ состоитъ не въ формѣ прилагательныхъ, а въ измѣненіи ихъ по родамъ. Въ раскрытомъ же мѣстѣ грамматики Рамсгорна, рѣчь идетъ не о родахъ, а о тѣхъ образовательныхъ слогахъ (суффиксахъ), которые, приступая къ корню слова, дѣлаютъ его опредѣленною частию рѣчи, существительнымъ, прилагательнымъ и т. д., съ сообщеніемъ значенію слова

какого-либо опредѣленнаго оттѣнка. Такъ напримѣръ въ русскомъ языкѣ, суффиксы: *мый, омый* и *еый, оватый, еватый* служатъ къ образованію прилагательныхъ: *чест-мый, сур-омый, пал-еый*; *бл-оватый, син-еватый*. Такъ въ латинскомъ языкѣ образовательные слоги *stis, —ster stris, —ster stra strum* служатъ къ составленію прилагательныхъ: *cele-stis (cele-ste)*; *eque-ster (eque-stris, eque-stre)*, *illu-stris(e)*; *sini-ster (sini-stra, sini-strum)*.

Теперь выпишемъ въ подлинникѣ изъ грамматики Рамсгорна переведенное нашимъ ученымъ мѣсто (стр. 241), съ пояснительнымъ переводомъ:

«**STIS, —STER, STRIS** и **STER, STRA, STRUM**, irgend wo befindlich. *cœlestis (cœlum, cœles, s. oben es)*, himmlisch, dem Himmel angehörig, daher *Cœlestes* die Himmlischen, *qui in cœlo sunt*; *agrestis* ländlich, auf dem Lande befindlich, daher bäurisch, und *agrestes* Landleute, Prisc. IV, 4, 23. 5, 28. — *terrester, stris* auf der Erde, auf dem Lande befindlich, z. B. *exercitus, iter, so equester* (повторите это слово въ скобкахъ крупнымъ шрифтомъ: **EQUESTER**); *campester* auf einer Fläche befindlich, flach, eben; — *sinister, stra* auf der linken Seite befindlich; *minister, i. e. qui ad manus est, an die Hand gehend, der Diener.*»

То-есть:

«**STIS, —STER, STRIS** и **STER, STRA, STRUM**, —суффиксы, означающіе пребываніе гдѣ-нибудь: *cœlestis (cœlum, cœles, см. выше о суффиксѣ es)*, небесный, принадлежащій небу, отсюда *cœlestes*, небесные, пребывающіе въ небѣ, *qui in cœlo sunt*; *agrestis* сельскій, полевой, находящійся въ полѣ, отсюда крестьянскій, и *agrestes* поселяне, Prisc. IV, 4, 23. 5, 28. — *terrester, stris* на землѣ, на сушѣ находящійся, напримѣръ *exercitus* (войско), *iter* (путь), такъ точно и *equester (EQUESTER)*; *campester* на равнинѣ находящійся, плоскій, ровный; — *sinister, stra* на лѣвой сторонѣ находящійся; *minister, то-есть qui ad manus est, находящійся подъ руку, служитель.*»

Теперь прошу читателя внимательно сличить мѣсто изъ Рамсгорна съ тѣмъ, что изъ этого мѣста сдѣлалъ славянофильскій ученый. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на милую шалость въ первой строкѣ, въ исчисленіи образовательныхъ суффиксовъ. У Рамсгорна стоитъ: *stis, —ster stris* и *—ster stra strum*, а нашъ ученый откинулъ *stra strum*, замѣнилъ ихъ точками, и крупными буквами напечаталъ **STRIS** и **STER**, предпославъ мелкими буквами *stis, ster*. Цель его, какъ видите была показать; что *eque-stris* и *eque-ster* обѣ формы равно употребительны для мужескаго рода. Прилагательныя на *ster stra strum* образуютъ совершенно особый отдѣлъ, съ которымъ только совершенное незнаніе латинскаго языка можетъ смѣшивать во-едино прилагательныя, *equester, illustris*, и пр. Первые идутъ по второму склоненію, вторыя по третьему. Форма *stris* есть также для нѣкоторыхъ прилагательныхъ законная форма мужескаго рода, но не для прилагательныхъ *equestris, acris, celebris, celeris* и пр., которыя

всѣ суть женскаго рода, и въ превосходной степени будутъ не *acerrimus*, *celebrissimus*, а *acerrimus*, *celeberrimus*; форма *stris* есть напротивъ единственно-правильная форма мужскаго рода въ прилагательномъ *illustris*, отъ котораго превосходная степень будетъ *illustrissimus*, а не *illusterrimus*. Это азбука латинской грамматики. А между тѣмъ другой славянофилъ, подъ именемъ читателя журналовъ, добродушно утверждаетъ, что *illustris* и *illuster* равно законныя формы, какъ *equester* и *equestris*. Можно жить и быть отличнымъ чело-вѣкомъ и даже литераторомъ безъ знанія латинскаго языка, но зачѣмъ же этотъ *vir illusterrimus* публично и съ такимъ убѣжденіемъ говорилъ о томъ, чего не смыслить? Развѣ это хорошая черта?

Но возвратимся къ г. Ярополку. Совершивъ эту маленькую фальшь, дерзость которой равняется только ея безтолковости и бесполезности, этотъ ученый рѣшается на поступокъ еще болѣе отважный и еще болѣе бесполезный. Чтобы какъ-нибудь скрыть форму *equester*, какъ она значится у Рамсгорна, онъ ставитъ вмѣсто нея форму множественнаго числа *equestres*.

Жалокъ тотъ литературный кружокъ, гдѣ могутъ безъ зазрѣнія совѣсти происходить подобныя шалости!

Пойдемъ далѣе.

Г. Ярополкъ доказываетъ, что у филологовъ, какъ Крейцеръ, Ньюпортъ, Лемеръ, встрѣчаются обѣ формы *equester* и *equestris* въ мужескомъ родѣ, и даже, какъ у Ньюпорта, исключительно *equestris*, и въ заключеніе восклицаетъ: «слѣдовательно профессоръ Крыловъ, говоря *ordo equestris*, ошибается вмѣстѣ съ Рамсгорномъ, Крейцеромъ, Ньюпортомъ, Лемеромъ. А Байборода правъ съ профессоромъ Леонтьевымъ, не издавшимъ ни строки на латинскомъ языкѣ».

Мы уже видѣли, какими операціями принужденъ Рамсгорнъ ошибаться вмѣстѣ съ профессоромъ Крыловымъ; но прежде чѣмъ посмотримъ, какъ ошибаются съ нимъ другіе, скажемъ, что г. Байборода правъ со всѣми римскими писателями, со всѣми очищенными ихъ изданіями, съ латинскою грамматикой и лексикономъ, съ общимъ несомнѣннымъ употребленіемъ. Допустимъ на минуту, что напри-мѣръ въ книгѣ Крейцера, дѣйствительно, встрѣчается выраженіе *ordo equestris*, положимъ даже, что это не случайная ошибка, описка, печатка, а что онъ такъ и хотѣлъ сказать: слѣдуетъ ли изъ этого, что форма *ordo equestris*—правильная? У Бурмана, тоже извѣстнаго филолога, встрѣчается форма *vasibus*,—развѣ однако позволить какой-нибудь порядочный учитель употребленіе этой формы своему ученику, вмѣсто правильной *vasis*? Мнѣ случилось въ собственноручной рукописи Пушкина встрѣтить слова, такъ написанныя: надѣжда, мѣлкій; встарину такъ и печаталось: мѣлкій, мѣльница; слѣдуетъ ли намъ писать такъ, восклицая: мы хотимъ лучше ошибаться съ Пушкинымъ, чѣмъ писать какъ всѣ? — Но предположеніе наше дико.

Крейцеръ не могъ бы сознательно написать *ordo equestris*. Если бы въ книгѣ его встрѣтилось что-нибудь подобное, то никто не осмѣлился бы обратить вниманіе на подобную случайность, описку, опечатку. Крейцеръ первоклассный филологъ. Но г. Крыловъ стоитъ не такъ высоко, какъ Крейцеръ; что относительно Крейцера есть чистая невозможность, того невозможность еще не доказана относительно г. Крылова. Крейцеръ стоитъ выше всякаго сомнѣнія; а познанія г. Крылова въ латинскомъ языкѣ еще не въ такомъ положеніи; изъ его немногихъ писаній, въ которыхъ употреблено имъ къ случаю десять, пятнадцать латинскихъ выраженій, явствуетъ, что онъ крайне-слабъ въ латинскомъ языкѣ. Кромѣ *ordo equestris*, онъ употребляетъ («Молва» № 2): *Tribuni militares cum potestate consulari*; — выраженіе, не уступающее въ варварствѣ первому; онъ пишетъ *interpraetatio* («Молва» № 4); онъ употребляетъ *asylum* вмѣсто *asylum*; все это также, если хотите, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія степень его познанія въ языкѣ римскаго права. Слѣдовательно, было позволительно предположить, что форма *ordo equestris* произошла у него не отъ случайности, а отъ недостаточнаго знанія языка. Наконецъ, вольно же было г. Крылову не объявить этого прямо за случайность, описку или опечатку. Всякому позволительно было бы тогда хранить въ себѣ еще нѣкоторое сомнѣніе, но далѣе придираться къ нему было бы неприлично. Нѣтъ, г. Крыловъ, въ своемъ отвѣтѣ, оправдываетъ употребленное имъ выраженіе, и объявляетъ, что обѣ формы въ грамматическомъ отношеніи равно правильны («Молва» № 3.) Этого недовольно, славянофильскій кружокъ рѣшается изо всѣхъ силъ отстаивать правильность ошибки и для ея спасенія, безъ совѣсти, уродуетъ Рамсгорна.

Въ книгѣ Крейцера (*Abriss der römischen Antiquitäten*) стоитъ *ordo equester*, а не *equestris*, но въ реэстрѣ матерій дѣйствительно напечатано *ordo equestris*.

Ньюпортъ, ученый, жившій въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, на котораго, впрочемъ, стыдно ссылаться въ настоящее время, не употребляетъ въ своей книгѣ, вопреки нашему славянофильскому ученому, ни *equestris census*, ни *equestris ordo*. Но въ реэстрѣ матерій, приложенныхъ къ книгѣ, также какъ у Крейцера, точно стоитъ *equestris ordo*, *equestris census*.

Не только въ современныхъ изданіяхъ Цицерона въ мужескомъ родѣ стоитъ вездѣ *equester*, а не *equestris*, но даже въ изданіяхъ временъ Фабера и Целларія, по свидѣтельству ихъ лексиконовъ, стояло вездѣ для мужескаго рода *equester*, а не *equestris*; въ индексѣ же при изданіи Лемера дѣйствительно читается: *equester vel equestris*.

Что же это значить? И Ньюпортъ и Крейцеръ въ книгѣ своихъ пишутъ *equester*, а въ *table des matières*, приложенной къ книгѣ,

стоитъ equestris. Въ сочиненіяхъ Цицерона стоитъ вездѣ *equester*, а въ Лемеровомъ словарѣ, приложенномъ къ нимъ, сказано *equester vel equestris*. Что Ньюпортъ, Крейцеръ и Цицеронъ сами писали свои сочиненія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но чтобы реэстры матерій къ ихъ сочиненіямъ составлялись ими самими, это можетъ быть сомнительно. Мы должны учиться по сочиненіямъ писателей, а не по оглавленіямъ къ ихъ книгамъ. Что касается до этихъ реэстровъ матерій, то вотъ что слѣдуетъ сказать въ поученіе «кружка», который настоятельно требуетъ поученія.

Въ средніе вѣка латынь находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Тогда писали по-латыни точно такъ, какъ нынче можетъ по-русски писать Нѣмецъ, въ зрѣломъ возрастѣ пріѣхавшій въ Россію. Въ то время возможны были не только такія формы, какъ *ordo equestris*, но и такія, какъ напримѣръ *ipsus*, вмѣсто *ipse*. Еслибы теперь кто-нибудь сталъ писать по-латыни такъ, какъ писали въ средніе вѣка, то произвелъ бы всеобщій ужасъ между знающими. Въ старинныхъ изданіяхъ классиковъ, по испорченнымъ, не разчищеннымъ, не исправленнымъ рукописямъ, попадаются самыя варварскія формы, между которыми встрѣчается *equestris* въ мужескомъ родѣ. «*Thesauri*», «*lexica*», «*indices*» стараго времени, ближайшаго къ средневѣковой латыни, должны были по необходимости заразиться варваризмами; въ XV, въ XVI, даже въ XVII столѣтіяхъ, текстъ классическихъ писателей не былъ окончательно очищенъ отъ хлама временъ упадка, и правила грамматики не могли быть поставлены съ достаточною твердостью и ясностью. Оглавленія матерій обыкновенно составляются какимъ-нибудь фамулузомъ, прислужникомъ ученаго, чаще всего студентомъ, который беретъ старинный указатель, вставляетъ въ него недостающія въ немъ слова, вычеркиваетъ не находящіяся въ книгѣ, и такъ отдаетъ въ типографію. Мѣсто въ Лемеровомъ указателѣ къ Цицерону гласящее *equester vel equestris*, есть прямая выписка изъ Низоліевой Сокровищницы (*Thesaurus*), которая явилась въ свѣтъ въ XVI столѣтіи.

Вотъ вся тайна противорѣчія между текстомъ писателей и указателями къ ихъ сочиненіямъ. Но будетъ объ этой скучной матеріи: она уже довольно послужила намъ въ нашей физиологической задачѣ. Перейдемъ къ цензорамъ.

Выписываемъ изъ критическихъ писемъ славянофильскаго ученаго:

«Цензора.

«Профессоръ Крыловъ имѣлъ полное право употребить неопредѣленное число цензоровъ, потому что, кромѣ двухъ цензоровъ въ Римѣ, были по всѣмъ городамъ провинціальнымъ и муниципальнымъ римскаго государства особые цензора. *Nieuport: Creati semper sunt bini censores....* Избираемо было всегда по два цензора. Но далѣе: *cives in coloniis et*

municipiis a censoribus earum civitatum censebantur (граждане въ колоніяхъ и муниципіяхъ подвергаемы были цензу цензорами тѣхъ городовъ). Въ индексѣ къ сочиненіямъ Цицерона читаемъ: *Fuere etiam censores in aliis oppidis, etiam provincialibus, qui censum agunt (?)*, ut ex eo tributum conferrī possit et exigi (были цензора и въ другихъ городахъ, также провинціальныхъ, которые вели цензъ чтобъ по нимъ (?) можно было наложить трибутъ и требовать его). — Въ рѣчахъ противъ Верреса читаемъ: *Corriguntur leges censoriae. Quid enim? video in multis veteribus legibus: Cn. Domitius, L. Metellus, L. Cassius, Cn. Servilius, censores addiderunt: vult aliquid ejusmodi C. Verges?* (Поправляются законы цензорскіе. Что это? вижу во многихъ старинныхъ законахъ: Домицій, Метелль, Кассій, Сервилій, цензора прибавили: не хочеть ли чего подобнаго и Верресъ?) Вотъ упоминаніе о четырехъ цензорахъ вмѣстѣ.»

Трудно выразить, сколько въ этихъ немногихъ словахъ сосредоточилось невѣжества и недобросовѣстности!

Вопервыхъ, профессоръ Крыловъ употребилъ весьма опредѣленное число ценсоровъ, именно *пять*. Въ Римской республикѣ, учить онъ, было *два* консула, *пять* ценсоровъ, *десять* трибуновъ. Все это числа опредѣленные: два консула — вѣрно; десять трибуновъ тоже вѣрно, по крайней мѣрѣ относительно извѣстнаго времени; но пять ценсоровъ — ужасная невѣрность. Это и было замѣчено г. Крылову.

Вовторыхъ, мы должны остановиться въ новомъ изумленіи предъ легкостію морали, съ какою позволяютъ себѣ говорить люди «кружка».

Г. Крыловъ описывалъ политическое устройство Римской республики, то-есть города Рима, потому что Римская республика есть не что иное, какъ городъ Римъ. Онъ говорилъ о консулахъ, преторахъ, трибунахъ, цензорахъ, сенатѣ, народныхъ собраніяхъ въ городѣ Римѣ. Римской республикѣ было подвластно множество муниципій, областей, монархій. Еслибы, говоря о Римской республикѣ, можно было разумѣть всѣ покоренныя Римомъ области, то пришлось бы говорить о царяхъ, и еще многихъ, въ составѣ Римской республики, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые цари носили лестный титулъ римскихъ гражданъ. Это совершенная невѣрность, которая не могла бы придти въ голову г. Крылову, потому что, при всѣхъ своихъ промахахъ, онъ все-таки стоитъ неизмѣримо выше своего защитника.

Колоніи и муниципіи могли попасть сюда только по крайней неразборчивости въ средствахъ и по крайнему невѣдѣнію славянофильскаго ученаго. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ подвластныхъ Риму городовъ имѣли самостоятельное устройство; имъ предоставлялось управляться самимъ собою и давалось право собственнаго ценса; но о цензорахъ въ этихъ муниципіяхъ можно говорить только въ собственномъ смыслѣ. Цензъ въ этихъ городахъ производился, но цензура, и то совсѣмъ не въ объемѣ римской цензуры, большею частію возлагалась на обыкновенныхъ городскихъ магистратовъ. Этихъ магистратовъ было большею частію по два, *II viri*, или по четыре,—

IVvigi. Эти же самые магистраты отправляли и консульскую, и преторскую, и эдильскую должность : значить, по логикѣ критиковъ г. Соловьева, въ Римской республикѣ было неопредѣленное число (почему ужъ тоже не пять?) консуловъ, преторовъ и т. д.

Нѣкоторыя изъ англійскихъ колоній имѣютъ свой парламентъ, значить въ Великобританскомъ королевствѣ, должно полагать неопредѣленное число парламентовъ, если не прямо пять.

Довольно ли этихъ поученій для «кружка»? Но бриллиантъ всей сдѣланной нами выписки заключается въ послѣднихъ строчкахъ, въ ссылкѣ на Цицерона. Въдъ въ Москвѣ дѣйствительно ходили слухи, что въ знаменитомъ «кружкѣ» сдѣлано новое открытіе, совершенно извращающее все, что было извѣстно самимъ римскимъ писателямъ, ученымъ всѣхъ вѣковъ, Ньюпорту, Крейцеру и т. д., о составѣ римской цензуры. Г. Байборода должно-быть не даромъ намекалъ на это открытіе. Видно и онъ что-нибудь слышалъ. Но что слухи! передъ нами сама дѣйствительность. Вотъ Цицеронъ, приведенный въ среду «кружка», самолично свидѣтельствуеть, что въ Римѣ избиралось если не по пяти, то по крайней мѣрѣ по *четыре цензора вмѣстѣ*.

Добрые граждане «кружка», разочаруйтесь! Цицеронъ обманулъ васъ. Кней Домицій, Луцій Метелль, Луцій Кассій, Кней Сервилій, были двѣ знаменитыя пары ценсоровъ; но дѣло только въ томъ, что Луцій Кассій и Кней Сервилій вступили на поприще цензуры въ 106 году, а Кней Домицій съ Луціемъ Метелломъ вступили на оное въ 116 году, ровно черезъ десять лѣтъ, а служба каждой пары ценсоровъ, по строгому положенію закона, ограничивалась только восемнадцати-мѣсячнымъ срокомъ.

Такъ если бы кому-нибудь случилось теперь сказать нѣчто въ родѣ слѣдующей фразы : «Императоры Петръ I, Павелъ, Александръ I, Николай, постановили и т. д.», то будущій славянофильскій ученый сочтетъ себя въ правѣ, вопреки всему на свѣтѣ, утверждать и доказывать, что Россійская имперія управлялась четырьмя императорами вмѣстѣ.

Пантеонъ.

Выписываемъ :

«Что Пантеонъ примыкалъ въ Римъ къ термамъ Агриппы, это не открытіе, а извѣстно съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ стали заниматься языческими древностями. Но чтобы онъ былъ когда-нибудь залой въ баняхъ Агриппы, это открытіе принадлежитъ Байбородѣ и его патронамъ.»

Такъ критикъ г. Соловьева думаетъ, что это открытіе принадлежитъ г. Байбородѣ и какимъ-то его патронамъ? Не честно говорить такъ рѣшительно о томъ, чего не знаешь.

Что круглое зданіе или Ротонда, какъ еще называютъ Пантеонъ,

издавна слыло за баню, это критикъ нашелъ самъ у Форчеллини. Только по незнанію латыни, о которой беретса однакожь судить, не умѣлъ перевести его словъ: *existimatum a plerisque est balneum ab initio fuisse non templum*. Нашъ латинистъ переводить это такъ: *многие почитали его сначала за баню, а не за храмъ*, между тѣмъ какъ слѣдовало бы перевести такъ: *многие думали, что онъ сначала былъ банею, а не храмомъ*. Да, это мнѣніе шло издавна. Но изслѣдованія, которыми подтверждается первоначальная связь этого зданія съ термами, принадлежитъ новѣйшему времени. Піале, въ своей монографіи: *Del corpo rotondo di Pantheon*, вышедшей хотя и въ новѣйшее время, но уже довольно давно, именно въ 1834 (Roma), такъ что всякому было достаточно времени познакомиться съ ней, — именно доказываетъ, что первоначальнымъ назначеніемъ Ротонды было—служить *большою залою въ баняхъ* Агриппы.

Наконецъ, совѣтую любознательнымъ развернуть классическую книгу Бунсена, съ которою всякій обязанъ справиться, кто хочетъ говорить о городѣ Римѣ.

Бунсенъ, *Beschreibung der Stadt Rom*, стр. 399... «Что Пантеонъ принадлежалъ къ термамъ Агриппы и былъ связанъ съ ними, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и доказывается какъ остатками стѣнъ на задней сторонѣ его, такъ и раскопками, произведенными при папахъ Климентѣ VI и Піи VII. Но какъ мы знаемъ, что храмы никогда не принадлежали къ *составнымъ частямъ бань*, то изъ этого ужъ слѣдуетъ заключить, что Пантеонъ первоначально имѣлъ *своєсьмъ иное назначеніе, а не боюслуженіе*. Сверхъ того, предхраміе (Пронаос) и портикъ, которые придаютъ Пантеону видъ храма, оказываются позднѣйшими пристройками къ Ротондѣ, отличающейся своимъ необыкновеннымъ куполомъ». (Кстати, Діонъ Кассій отчасти думаетъ, что этотъ куполъ и былъ причиною наименованія Пантеона.)

По мнѣнію Бунсена, которое теперь стало почти общимъ, Пантеонъ построенъ былъ первоначально какъ принадлежность термъ; а потомъ обращенъ въ храмъ, къ чему можетъ-быть побуждала красота этого зданія. Статуй боговъ тутъ помѣщалось очень немного, едва ли болѣе семи, потому что въ зданіи устроено только семь большихъ нишъ для помѣщенія статуй. (См. *Hirt Geschichte der Baukunst*. II. 283.)

А вотъ что говорилъ г. Крыловъ («Бесѣда», № I, стр. 68):

«... Понтифы и цензоры вздумали было противодѣйствовать такому напыву иностранныхъ боговъ и по сенатскому указу нѣкоторыхъ гостей выпроводили за границу, но Римъ былъ уже въ сердечныхъ съ ними сношеніяхъ, слѣдовательно тайныя связи неизбѣжны. Наконецъ, убѣдившись въ недѣйствительности всѣхъ правительственныхъ мѣръ, рѣшились выстроить небывалое въ мірѣ зданіе, въ которомъ и разжѣщены были всѣ древніе боги по чинамъ. Таковъ былъ римскій *Пантеонъ*».

Вотъ что замѣтилъ на это г. Байборода:

«Кто видѣлъ рисунокъ Пантеона, тотъ долженъ знать, что въ немъ не было мѣста и сотой долѣ боговъ подвластнаго Риму, языческаго міра. Пантеонъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не имѣлъ вовсе и значенія храма. Это была первая зала въ огромномъ зданіи общественныхъ банъ Агриппы.»

Въ чемъ же онъ ошибся? Кому не нравятся новѣйшія изслѣдованія, тотъ можетъ остаться при мнѣніи, что Пантеонъ, несмотря на связь свою съ банями, былъ прямо построенъ для того, чтобъ служить храмомъ. Но никто не можетъ не подивиться мнѣнію г. Крылова, что римскій Пантеонъ, былъ какой-то небывалый въ мірѣ храмъ, въ которомъ по чинамъ размѣщались боги всего языческаго міра.

Къ чему же послужилъ защитникамъ г. Крылова и критикамъ г. Соловьева ихъ самоувѣренный тонъ, вся эта трата фальшивой учености, всѣ эти гдѣ-то подобранныя крупницы изъ Нибби, изъ Брауна, изъ Плинія, совершенно ненужныя, ничего недоказывающія и только изобличающія невѣжество, недобросовѣстность и недостойное желаніе обморожить публику?

Наконецъ вотъ послѣдній образчикъ литературной морали этихъ критиковъ:

«Муратори въ своихъ *Annali d'Italia*, разказывая исторію Августа, говоритъ:—Еще при жизни ему, какъ Богу, посвящаемы были алтари и храмы, и ссылается на Тацита, Светонія, Діона и другихъ. Довольно привести изъ Светонія мѣсто: *Provinciarum pleraeque super templa et arces* (NB. не *arces*, а *aras*) ludos quoque quinquennales saepe oppidatim constituerunt. А Байборода увѣряетъ, что Августу при жизни его боже-скихъ почестейне воздавали. Кому вѣрить? Светонію или ему?»

Вѣрить можно и Светонію и ему вмѣстѣ, потому что они совершенно согласны. Критикъ видно не разобралъ приведеннаго имъ изъ Светонія мѣста, а то бы онъ не преминулъ приложить къ нему свой переводъ.

Дѣло сейчасъ разъяснится.

Г. Крыловъ, въ статьѣ своей, говоритъ:

«Въ 727 году, 16-го ноября, Августъ отпраздновалъ всеобщее замиреніе, *земскій міръ*, при великолѣпнѣйшей религіозной церемоніи. Молились всѣ отъ сердечнаго умиленія, каждый своимъ богамъ и по своимъ обрядамъ. Тогда же совершился надъ ними первый человѣческій апотеозисъ. Лицо его внесено въ церковный канонъ (наши святцы), и ему стали молиться, какъ главному богу, стоящему въ олимпійскомъ сонмѣ рядомъ съ Юпитеромъ...»

На это г. Байборода совершенно справедливо замѣчаетъ, что апотеозисъ Августа совершился въ 767 году по осн. Р., сентября 17-го, черезъ 28 дней послѣ его смерти, а что въ 727 году, 16-го

ноября, ничего подобного не происходило.—Можно ли спорить объ этомъ? Это такой же непреложный фактъ, какъ и число римскихъ цензоровъ. Г. Байборода не ограничивается этимъ замѣчаніемъ, и присовокупляетъ: «Своимъ обоготвореніемъ зживо обязанъ онъ (Августъ) не римскому государству, а римскому юристу, г. Крылову, который въ этомъ случаѣ руководствовался примѣромъ азійскихъ провинціаловъ, привыкшихъ со временъ Александра Македонскаго поклоняться живымъ людямъ.»

Пусть критикъ попроситъ кого-нибудь перевести ему выписанное изъ Светонія мѣсто, и онъ убѣдится, что слова Светонія совершенно совпадаютъ съ этимъ замѣчаніемъ. Храмы Августу при жизни сооружались не въ Римѣ, а въ провинціяхъ, что говоритъ и Светоній въ приведенномъ мѣстѣ. Кстати бы г. Ярополку выписать и еще мѣсто изъ Светонія, Octav. 52: *Nam in Urbe quidem pertinacissime abstinuit hoc honore*, то есть: «Въ Римѣ же Августъ упорно отказывался отъ этой почести».

Вотъ «физиологическая характеристика, которая не имѣетъ права претендовать на какое-нибудь литературное достоинство, но имѣетъ то достоинство, что извлечена изъ тщательнаго и добросовѣстнаго изученія фактовъ. Мы заглядывали въ самые мрачныя закоулки, ходили по тернистымъ путямъ латинской грамматики, пробирались черезъ разныя болотныя мѣста, собирая черты для характеристики. Мнѣ кажется, она довольно полна и выразительна. Главное то, что въ ней нѣтъ ничего сочиненнаго, придуманнаго, никакихъ гипотезъ, никакой фантази; это простое изложеніе фактовъ. При обозначеніи «физиологическихъ черточекъ» я не позволялъ себѣ никакого преувеличенія, и слово мое далеко уступаетъ въ выразительности собраннымъ фактамъ; я болѣе предоставлялъ самому читателю называть все собственнымъ именемъ, и пусть эти собственные именованія останутся тайною читателя.

Въ заключеніе соберемъ воедино разбросанныя черты характеристики, *disjuncti membra roetae*. Впервыхъ самое раздражительное и мелкое самолюбіе,—самомнѣніе, какъ выразился авторъ «изобличительныхъ писемъ», и соединенная съ этимъ нетерпимость. Люди «кружка» оскорбляются всякимъ замѣчаніемъ не по нимъ, — хотя бы дѣло шло о латинскихъ прилагательныхъ, которыхъ они не знаютъ. Для нихъ не существуетъ интересъ дѣла, независимый и чистый; они видятъ во всѣхъ вопросахъ только орудіе собственнаго превознесенія; все служить только воздуху, которымъ надуваютъ они свои личныя претензи. Сначала можетъ показаться, что человекъ, выходящій изъ себя въ спорѣ о какомъ-нибудь общемъ вопросѣ, увлекается интересомъ вопроса, принимая его слишкомъ близко къ сердцу, но въ сущности это не такъ: любовь къ дѣлу и интересъ во-

проса побуждаетъ человѣка вслушиваться во все, принимать все къ свѣдѣнію, и не избѣгать, а напротивъ искать противорѣчій, чтобъ доставить истинное торжество своему дѣлу. Повторныхъ, совершенная неразборчивость въ средствахъ. Можно не знать того или другаго: въ этомъ нѣтъ еще большой важности. Но если явное, себѣ свѣдомое незнаніе бьется изъ всѣхъ силъ показаться знаніемъ, то это ужъ очень нехорошо, особенно если при этомъ употребляются такія продѣлки, какія мы видѣли въ цитатѣ изъ грамматики Рамсгорна. Въ подобномъ случаѣ, какъ бы онъ ни былъ мелокъ и ничтоженъ, заключается, если разобрать, много нехорошаго. Впервыхъ, и это самое неважное — невѣжество; повторныхъ неуваженіе къ наукѣ; третьихъ фальшь, желаніе во что бы то ни было отстоять нехорошее, желаніе обморочить публику, суетное и недостойное желаніе повредить во что бы то ни стало противнику. Вотъ сколько нехорошаго заключается въ одномъ маленькомъ фактѣ, а такихъ маленькихъ фактовъ насчитали мы, къ сожалѣнію, очень не мало.

Странное и жалкое явленіе! Съ какимъ самопожертвованіемъ, то есть съ пожертвованіемъ всякаго достоинства, всякой добросовѣстности, съ удивительною рѣшимостью уронить себя во мнѣніи людей образованныхъ и знающихъ, отстаиваются безспорныя, несомнѣнныя ошибки, — и вмѣстѣ съ какимъ ожесточеніемъ производятся нападки на людей, дерзнувшихъ задѣть самолюбіе «кружка», — отстаиваются ошибки г. Крылова, и употребляются жалкія усилія отнять у русской публики семь изданныхъ томовъ «Исторіи Россіи».

Лично я не знаю никого изъ числа литераторовъ, называющихъ себя славянофилами, и вѣрю, что всѣ они отличаются прекрасными качествами въ жизни. — Но зачѣмъ же не хотятъ они отличаться подобными же качествами и въ литературѣ?

Желалъ бы также вѣрить, что нѣкоторые изъ нихъ не причастны тому, что творится теперь подъ ихъ знаменемъ, и сами негодуютъ. Зачѣмъ же они не протестуютъ публично противъ людей, которые захватили и позорятъ ихъ знамя?

• Ярославъ.

ПОСЛАНИЕ НЕ-СПЕЦИАЛИСТА КЪ П. С. САВЕЛЬЕВУ.

(Изъ №№ 57 и 58 «Моск. Вѣд.»)

ЭПИГРАФЪ.

Не писать на бумагѣ о томъ, чего не знаешь.

П. Савельевъ, въ № 4-мъ «Молвы».

1.

Скажите, какой злой геній, какой *джинн* подстрекнулъ васъ, м. г., стать въ рѣдкіе ряды ратниковъ той бранной газеты, которая, въ надеждѣ на крѣпость богатырскихъ мышцъ своихъ, требуетъ отъ всѣхъ «безопасной борьбы», и сама безопасно, даже до грубости безопасно, трактуетъ своихъ противниковъ. Изберите вы какое-нибудь другое, болѣе мирное, болѣе человѣческое знамя, — и можно бы побережь васъ въ честномъ бою; но теперь, добровольно внесши себя въ списокъ безпардонныхъ, вы конечно не ожидаете, да и не примете пардона. Но прежде, чѣмъ вступать на кровавое побоище, позвольте спросить васъ не какъ специалиста, а какъ ближняго, какъ брата, что вздумалось вамъ снова подымать этотъ полузатихшій вопросъ?

Непріятное впечатлѣніе, произведенное на большинство читающей публики статьей товарища вашего, В. В. Григорьева, о покойномъ Грановскомъ, вполне изгладилось блистательнымъ опроверженіемъ, которое встрѣтила она себѣ со стороны образцоваго нашего критика, Н. Ф. Павлова, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это опроверженіе, изданное теперь и отдѣльно, конечно должно было потревожить всѣхъ тѣхъ, которые, уснувъ мыслию въ ложно-понимаемой специальности, или только прикрываясь ея щитомъ, освобождаютъ себя отъ труда понимать и уважать всякое чуждое имъ достоинство, всякую не ихъ прихода заслугу. Но, признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы въ числѣ *остревоженныхъ* оказался и такой безкорыстный трудолюбецъ, какъ авторъ «Мухаммеданской нумизматики», какъ вы, м. г.

Въ 4-мъ № «Молвы», отличавшейся до сихъ поръ одними обмолвками или истинами въ родѣ той, что народъ еостоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ, вамъ угодно было выступить противъ г-на Павлова; вы упрекаете его въ инквизиторствѣ, въ пыткѣ, въ неуваженіи къ специалистамъ, и особенно сердитесь за то, что, вовсе не зная восточныхъ языковъ, блистательный критикъ-литераторъ уличилъ своего противника въ превратномъ, узкомъ взглядѣ на науку, въ совершенно-ложномъ пониманіи специальности.

Если безопасное обличеніе нравственной и умственной тли кажется вамъ пыткой, я готовъ вполне съ вами согласиться: да! это сущая пытка для обличаемаго. Но согласитесь же и вы, что всѣ сто-

ронные зрители этой расправы смотрятъ на нее, какъ на заслуженную кару виновному, чувство общественной справедливости удовлетворено, народъ рукоплещетъ, и восклицанія: «по дѣломъ вору мука!» раздаются со всѣхъ сторонъ. Замѣчу, что именно то, что называете вы такъ удачно *пыткой*, и составляетъ сущность статьи г-на Павлова, а бѣглый взглядъ на восточную премудрость является въ ней легкою, чуть замѣтною струей. Но вы, какъ авторъ «Мухаммеданской нумизматики», какъ специалистъ, сочли для себя выгоднѣйшимъ заняться именно этою частью. Посмотримъ же, какъ выполнили вы добровольно принятую вами роль защитника специализма вообще и специализма г-на Григорьева въ особенности.

Спрашивается: образованный человекъ, не знающій, положимъ, ни одной музыкальной ноты, имѣетъ ли полное право возразить тому чудаку, который, порядочно разбирая легкую музыку, пожалуй даже, самъ сочиняя плохіе польки и романсы, вздумалъ бы серьезно увѣрять, что онъ стоитъ лишь немного ниже Гайдна и Бетгоvena равенъ съ Россини или съ Мендельсономъ, а затѣмъ уже смотритъ на все прочее въ музыкальномъ мірѣ, какъ на презрѣнную толпу? Положимъ, я ничего не смыслю по-персидски и по-турецки, пишу даже имя Османлы не по восточному, а по европейскому произношенію, но знакомъ, какъ всякій читающій человекъ, съ главными явленіями въ исторіи литературы, и вдругъ явится господинъ, можетъ-быть знающій персидскую и турецкую грамоту, и начнетъ серьезно увѣрять, что онъ пожалуй уступитъ Сильвестру де-Саси и Катрмеру, но на труды какихъ-нибудь Вуллерсовъ, Гаммеровъ и всѣхъ прочихъ западныхъ ориенталистовъ можетъ смотрѣть не иначе, какъ свысока. Не въ правѣ ли я сказать ему, что это не совсѣмъ такъ и, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, напомнить о томъ, что сдѣлали презираемые имъ труженники Запада? (1)

Въ отвѣтъ на оба эти вопроса, кажется, не можетъ быть сомнѣній. Но не то же ли самое вышло у г-на Григорьева съ его критикомъ? Оно, конечно, такъ; да постановка вопроса въ этомъ видѣ слишкомъ невыгодна для того, кто вздумалъ бы принять на себя защиту біографа-ориенталиста. Вы, разумѣется, и уклоняетесь отъ невыгодной позиціи. Вы, съ первыхъ же словъ, совершенно переиначиваете дѣло. У г-на Павлова рѣчь только о г-нѣ Григорьевѣ и о «воспитавшемъ его факультетѣ», то-есть о чуть-зародившемся восточномъ факультетѣ Петербургскаго университета тридцатыхъ годовъ, а вы, безъ зазрѣнія совѣсти, говорите совсѣмъ другое, будто г. Павловъ *уничтожаетъ не только Григорьева, но и всѣхъ русскихъ ориенталистовъ*. Вамъ

(1) Недавно одинъ страстный любитель персидской литературы, англійскій путешественникъ Биннингъ, вздумалъ утверждать, что персидская поэма «Шахъ-Наме» гораздо выше Иліады и Одиссеи. Биннингъ прочелъ въ подлинникъ всего «Шахъ-Наме», а я знаю его только по переводнымъ отрывкамъ, да и Гомера по переводамъ же, хоть и вполнѣ, но рѣшительно позволяю себѣ не вѣрить г-ну Биннингъ, и для меня очевидно, что онъ узкій специалистъ, слѣпо увлекающійся своимъ любимымъ предметомъ.

Челыш.

нельзя не знать безконечной разницы между тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ сказано г-мъ Павловымъ, и тѣмъ, что приписываете ему вы. Вамъ ли, одному изъ немногихъ слушателей первоначальнаго факультета, забыть тогдашній, крайне скудный его составъ? Онъ весь состоялъ изъ двухъ преподавателей, тогда какъ нынѣшній, по многочисленности и превосходному замѣщенію кафедръ, считается чуть ли не первымъ въ цѣломъ свѣтѣ. Какъ же прилагать къ нему то, что говорилось о его предшественникѣ? Какъ же забирать въ него всѣхъ ориенталистовъ, которые никогда не думали къ нему принадлежать?

Вы приводите цѣлый рядъ изданныхъ и даже неизданныхъ еще трудовъ, которыми русскіе ориенталисты обогатили науку, и тѣмъ еще болѣе подтверждаете вѣрность взгляда г. Павлова на прежній петербургскій факультетъ. Всѣ исчисленные вами сочиненія и тексты, кромѣ одного, явились помимо этого факультета и даже по времени принадлежатъ болѣею частию къ позднѣйшей эпохѣ, эпохѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Единственную доску спасенія представляетъ вамъ «Исторія бухарскихъ хановъ» Сенковскаго, да и та вышла въ 1824 году.

Впрочемъ, пора предоставить вамъ самимъ дальнѣйшее уясненіе вопроса. Вотъ что говорили вы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» недалье какъ въ прошломъ году: «Ни Керъ, ни Байеръ, въ прошедшее столѣтіе, ни Клапротъ, въ началѣ нынѣшняго, несмотря на ученые труды ихъ, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на образованіе у насъ ориенталистовъ. Эта часть предоставлена была Френу, съ 1807 года поселившемуся въ Россіи. Онъ одинъ имѣлъ сильное вліяніе на развитіе у насъ ориентализма. По указаніямъ Френа, вызваны были *изъ-за границы*, для академіи и университетовъ, нѣкоторые ученые ориенталисты, учреждены новыя восточныя кафедры, и обращено поощрительное вниманіе на отечественныхъ ориенталистовъ, которые всѣ болѣе или менѣе обязаны Френу или за самое свое образованіе, или за поощреніе и совѣты, или за существованіе своей кафедры. Дѣятельность его, въ этомъ отношеніи, началась со времени переселенія его въ Петербургъ и поступленія въ дѣйствительные члены Академіи Наукъ, въ 1817 году. Въ слѣдующемъ году открыты были при Главномъ педагогическомъ институтѣ (вскорѣ переименованномъ въ Петербургскій университетъ) кафедры арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, для занятія которыхъ приглашены изъ Парижа лучшие ученики Сильвестра-де-Саси, гг. Шармуа и Деманжъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, учреждено при азіатскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, «училище восточныхъ языковъ», кафедры которыхъ заняли тѣ же гг. Шармуа и Деманжъ, оставившіе университетъ, гдѣ, на ихъ мѣсто, по арабскому и турецкому языкамъ, поступилъ только возвратившійся изъ путешествія по Египту и Сиріи, бывшій воспитанникъ виленскаго университета, г. Сенковскій, а для персидскаго языка закавказскій уроженецъ мирза Джафаръ Топчибашевъ.» («Русск. Вѣстн.», № 8, Совр. Лѣт., стр. 272).

Шармуа, хорошій преподаватель, знатокъ персидскаго и турецкаго языка, былъ, по вашимъ же словамъ, *скромный труженникъ*,

способный лишь на подбораніе вариантовъ текста и грамматическія поясненія.

Сенковскій, говорите вы далѣе. въ первые годы своей профессуры въ петербургскомъ университетѣ съ увлеченіемъ занимался арабскою, Персидскою и турецкою литературами; но потомъ, напечатавъ на польскомъ языкѣ два тома «Выборокъ изъ оттоманскихъ лѣтописей», издавъ въ 1824 году извлеченіе изъ одной персидской лѣтописи, заключающей въ себѣ «Исторію бухарскихъ хановъ», и написавъ въ 1828 году ѣдкую критику на Гаммера (1), *тѣмъ и ограничилъ свои ученые ориентальные труды.*

Итакъ, по вашимъ собственнымъ словамъ, вполне подтверждаемымъ г. Григорьевымъ, одинакими свѣтилками восточнаго факультета тридцатыхъ годовъ были г. Сенковскій, уже прекратившій свои ученые труды и превращавшійся въ барона Брамбеуса, да Шармуа, скромный труженикъ, способный лишь на подбораніе вариантовъ текста и на грамматическія поясненія. Впрочемъ, и Шармуа былъ тогда собственно не при университетѣ, а при училищѣ восточныхъ языковъ. Но мы уступимъ его вамъ и придадимъ къ нему, пожалуй, преемника его университетской катедры, мирзу Джафаръ Топчибашева: неужели этотъ скудный составъ новорожденнаго факультета даетъ г. Григорьеву хоть какое-нибудь право ставить его выше всѣхъ вмѣстѣ факультетовъ западной Европы того времени? Скажите, ради Бога, да или нѣтъ? И не правъ ли тысячу разъ г. Павловъ, вооружившійся бичомъ безошадной критики, и противъ такого страннаго преувеличенія, и такого непомѣрнаго самохвальства?

Отъ общихъ возраженій вашихъ позвольте перейти къ частностямъ. Вы *дважды* ставите своему противнику въ непростительную вину описку или опечатку въ заглавіи рѣчи г. Григорьева: «Объ отношеніи Россіи къ Востоку». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ошибкою напечатано: «Объ отношеніи *Запада* къ Востоку», и въ слѣдующей же книгѣ погрѣшность эта оговорена. Вы не успѣли вовремя получить оговорки въ Петербургѣ и могли съ радостью кинуться на ошибку, какова бы она ни была; но странно, что не обратила на это вниманія редакция «Молвы», такъ красно проповѣдывающая о добросовѣстности и честности спора. Или, «всѣмъ сердцемъ отвергая одно направленіе и всѣмъ сердцемъ слѣдуя другому», она въ сумятицѣ своихъ сердечныхъ чувствъ теряетъ способность разбирать, что у себя печатаетъ? Какъ бы то ни было, а мнѣ кажется и съ вашей стороны не хорошо, по поводу явной описки или опечатки, говорить своему противнику торжественно-грубымъ тономъ: Неправда! Небывальщина! и т. д. Въжливость не мѣшаетъ и въ ориентализмѣ. Припомните, какъ любезно поступилъ съ однимъ изъ вашихъ наставниковъ почтенный Сильвестръ де-Саси, указывая ему на лингвистическій промахъ, ко-

(1) Эта критика явилась въ отплату за строгій разборъ, которому Гаммеръ подвергъ «Исторію бухарскихъ хановъ». Онъ доказывалъ, что рукопись, избранная г. Сенковскимъ, принадлежитъ къ числу самыхъ плохихъ.

торый повредилъ всей хронологіи изданной имъ лѣтописи (1). Припомните, какъ добродушно ученый Шоттъ объяснилъ г. Григорьеву слова, непонятія имъ при истолкованіи ханскихъ ярлыковъ (2).

Кстати объ нихъ. Вы съ неменьшею торжественностью говорите, что 1. *Григорьевъ не переводилъ и не могъ переводить ханскихъ ярлыковъ, потому что они въ подлинникъ не сохранились.* Что онъ не могъ переводить, противъ этого я не спору, но что онъ, несмотря на то, усиленно переводилъ, какъ же не знать этого вамъ, г. Савельевъ? Дѣятельность г. Григорьева по части ярлыковъ была тройкая: во первыхъ онъ пытался перевести монголо-татарскія слова, оставшія безъ перевода въ извѣстныхъ семи ярлыкахъ, которыя не дошли до насъ подлинникомъ, и малую толику этихъ словъ онъ объяснилъ, другія же, какъ напримѣръ *дарукъ, ентя, арамы*, съ перваго взгляда понятія Шоттомъ, привели г. Григорьева въ совершенное недоумѣніе, и онъ отступилъ отъ нихъ, какъ отъ бездны премудрости, ограждая себя успокоительною мусульманскою фразой: «Тайна этого извѣстна Аллаху лучше всѣхъ!» (3) Въ вторыхъ, онъ участвовалъ въ изданіи ярлыковъ крымскихъ хановъ. Наконецъ, онъ перевелъ ярлыкъ Гази-Гирея къ боярину Борису Годунову, и при этомъ случаѣ, какъ свидѣтельствоуетъ отличный знатокъ дѣла, г. Березинъ, передалъ тюркскій глаголъ *писать* не совсѣмъ однозначимъ глаголомъ *покончить* (4).

Этимъ и покончу я, пожалуй, съ г. Григорьевымъ. тѣмъ болѣе, что нынѣшнее его презрѣніе къ западнымъ ориенталистамъ кажется мнѣ просто шуткой, *mauvaise plaisanterie*. Въ то время, когда онъ еще въ самомъ дѣлѣ занимался Востокомъ, онъ оказывалъ имъ подобающую честь безпрестанными обращеніями къ ихъ ученымъ пособіямъ. Вся магистерская диссертация—а докторской онъ еще не представлялъ—вся эта диссертация преисполнена ссылками на западныхъ ученыхъ, а изъ *русскихъ* приводитъ онъ почти только *Френа, Шмидта, да Шаржуа*. По странному, однакожъ понятному стеченію обстоятельствъ, развитіе вражды къ Западу совпадаетъ у г. Григорьева съ постепеннымъ охлажденіемъ его къ ученымъ занятіямъ Востокомъ и съ появленіемъ новаго, свѣжаго поколѣнія русскихъ ориенталистовъ, такъ блистательно дѣйствующаго въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ. Ужъ не разсердился ли онъ на западную филологію за то, что она подготовила ему, къ началу сороковыхъ годовъ, такихъ могучихъ *стодѣжниковъ* на полѣ отечественнаго ориентализма? Да какъ и не разсердиться, когда иной почитатель Вуллера, Гамакера, Шотта и иныхъ прочихъ укажетъ вамъ прямо на неумѣстность вашего объясненія самаго даже слова *ярлыкъ* (5).

Оставляю г. Григорьева отдыхать на лаврахъ. Но съ вами, м. г.,

(1) Journ. des Savans. Juillet. 1825.

(2) Archiv für wissenschaftl. Kunde Russlands. IV. Band.

(3) О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ. Стр. 90.

(4) Ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша. Изданъ княземъ М. А. Оболенскимъ. Казань. 1850 г. Стр. 70.

(5) Ярлыкъ хана Золотой орды Тохтамыша. Изд. князя М. А. Оболенскаго. Стр. 68.

мы еще не кончили, помилуй Богъ! Позвольте примѣнить къ вамъ самыя заключительныя слова вашей статьи, обращенныя къ г. Павлову и взятая мною въ эпиграфъ моего посланія. Какъ можно писать набобумъ о томъ, чего рѣшительно не знаешь? Какъ же спорить, что не сохранилось въ подлинникъ ханскихъ ярлыковъ, и отнимать у товарища заслугу посильнаго ихъ перевода? Какъ же было не прочесть хотя диссертациі этого товарища, который говоритъ въ ней (на страницѣ 23-й): «Наконецъ, я самъ имѣлъ въ рукахъ болѣе десяти *подлинныхъ* Татарскихъ грамотъ различнаго содержанія и разныхъ крымскихъ хановъ, съ начала XVI по конецъ прошедшаго столѣтія, которыя всѣ одинаково носятъ титулъ *ярлыковъ*?» Какъ же было не заглянуть въ изданія князя М. А. Оболенскаго, гдѣ тоже напечатаны *подлинныя ярлыки* золото-ордынскихъ хановъ? Какъ же было не заглянуть въ вашу собственную статью, въ 8-мъ № «Русскаго Вѣстника» 1856 года? Тамъ, на стр. 275 «Современной Лѣтописи», вы нашли бы опроверженіе словамъ своимъ, оглашеннымъ «Молвою», въ своихъ же словахъ, которыми вы приписываете г. Григорьеву изданіе крымскихъ ярлыковъ, ужь конечно подлинныхъ, а не подложныхъ.

Далѣе выписываете вы будто бы слова г. Павлова: «Въ тридцатыхъ годахъ въ Россіи дѣйствовали Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Каземъ-Бекъ и А. Ходзько.» Этыхъ словъ у г. Павлова нѣтъ, а есть нѣчто имъ подобное; но по своей непохвальной привычкѣ—переименовывать текстъ противника, вы послѣ имени мирзы Каземъ-Бека, вставили излишнюю частицу *и*, а послѣ имени Ходзько, опустили необходимое дополненіе: *и другіе*. Въ силу этой самовольной *и*, согласитесь, не совсѣмъ добросовѣстной передѣлки текста г. Павлова, вы считаете себя въ правѣ восклицать: «Совершенное незнаніе дѣла, потому что Ковалевскій издалъ свой знаменитый словарь не въ тридцатыхъ, а въ 1844—49 годахъ, а Ходзько тогда ничего не писалъ, кромѣ нѣсколькихъ польскихъ стихотвореній. Не говоримъ уже о томъ, что автору извѣстны *только* эти пять именъ изъ русскихъ оріенталистовъ, и что онъ *талантливаго польскаго поэта принялъ за глубоко ученаго оріенталиста и поставилъ на одномъ ряду съ Френомъ*. Авторъ Ятагана можетъ не знать ни Такиноэ, ни Сенковскаго, но не долженъ говорить *нѣтъ*, вмѣсто *я не знаю*.»

Какъ видите, м. г., я не слѣдую данному вами примѣру и съ дипломатической точностью выписываю ваши слова; но, откровенно признаюсь, эта добросовѣстность не даетъ мнѣ права величаться передъ вами: для меня просто выгодноѣ сохранять вашъ текстъ во всей его чистотѣ.

Словамъ автора «Біографа—оріенталиста», что въ одно время съ г. Григорьевымъ (я здѣсь возстановляю подлинное чтеніе) въ самой Россіи дѣйствовали такіе ученые, какъ Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій и проч., вы, по какому-то странному недоразумѣнію, противопоставляете изданіе Ковалевскимъ монгольскаго словаря не въ тридцатыхъ годахъ, а нѣсколько лѣтъ позже. Да развѣ г. Павловъ говорилъ о словарѣ? Развѣ дѣятельность нашего ученаго монголиста началась словаремъ и имъ только ограничилась? А куда жь

дѣлись всѣ замѣчательные труды его съ 1830 по 1840 годъ, исчисленные вами же самими въ 9-мъ № «Русскаго Вѣстника» прошлаго года? Дневникъ его путешествій, Описание санскритскимъ, монгольскимъ, тибетскимъ, манджурскимъ и китайскимъ книгамъ и рукописямъ библіотеки Казанскаго университета, его буддйская космологія, его грамматика монгольскаго книжнаго языка и наконецъ его превосходная монгольская хрестоматія въ двухъ томахъ, которую вы справедливо назвали въ своей прошлогодней статьѣ «сборниковъ драгоценныхъ отрывковъ монгольской письменности, съ ученыхъ комментаріемъ», и которая, кромѣ вашего лестнаго одобренія, заслужила общую признательность и ориенталистовъ всего міра? Скажите, куда, по вашему мнѣнію, отнести всѣ эти труды? Впрочемъ, говоря съ вами, можно бы даже утверждать, что и словарь Ковалевскаго существовалъ въ тридцатыхъ годахъ, если еще не ранѣе. Вѣдь упрекаете же вы г. Павлова, зачѣмъ онъ въ своемъ бѣгломъ очеркѣ не упомянулъ о Френовомъ Арабскомъ словарѣ, который, опять по вашему же собственному свидѣтельству, не только еще не изданъ, но, къ сожалѣнію, даже и не конченъ покойнымъ авторомъ! (1)

Я уже показалъ, какіе добросовѣстнымъ путемъ вы пришли къ остроумному заключенію, что г. Павлову извѣстны только пять именъ изъ русскихъ ориенталистовъ. Вы даже забыли на это время, что у него всегда въ полномъ распоряженіи спасительный конверсационсъ-лексиконъ, въ которомъ такъ легко было приискать шестое и, пожалуй, седьмое имя, ваше или г. Григорьева, напримѣръ.

Вы говорите, что онъ «талантливаго польскаго поэта принялъ за «глубоко-ученаго ориенталиста и поставилъ на одномъ ряду съ «Френомъ». Но развѣ сказать, что П. С. Савельевъ занимался мухаммеданскою нумизматикой въ то же время, какъ и Френъ, значить поставить васъ на ряду съ Френомъ? А что касается до глубокаго знанія А. Ходзько въ новоперсидскомъ языкѣ, то позвольте указать вамъ не только на конверсационсъ-лексиконы, но и на статьи, посвященныя ему Катрмеромъ въ *Journal des Savans*, и на рецензіи англійскихъ журналовъ. Польскихъ стихотвореній Ходзька я не знаю; но если къ своему глубокому знанію персидскаго народнаго быта и персидскаго живаго языка онъ присоединяетъ еще замѣчательный талантъ поэта, я полагаю, тѣмъ лучше для него. Ходзько съ 1829 по 1841 годъ былъ драгоманомъ и потомъ консуломъ въ Персіи, и въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ постоянно изучалъ народную поэзію, общественный бытъ и живой, разговорный языкъ того края. Плоды этого долгаго и мастерскаго изученія обнародованы имъ въ цѣломъ рядѣ блистательныхъ трудовъ, въ «Образцахъ персидской народной поэзіи», въ сочиненіяхъ: «О воспитаніи шелковыхъ червей въ Персіи», «О Персидскомъ театрѣ», «Гилянъ, или Каспійскія болота», «Хорасанъ и его народный герой Буніадъ-Гезаре»,

(1) О жизни и ученыхъ трудахъ Френа. Соч. П. Савельева. Стр. 22.

«Десати или религиозный законъ Магабадійцевъ», наконецъ въ его «Персидской грамматикѣ», которая, по свидѣтельству Катрмера, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ дополненій ко всѣмъ прежнимъ грамматикамъ, имѣвшимъ въ виду болѣе одинъ только книжный, а не разговорный языкъ.

«Авторъ «Ятагана» можетъ не знать ни Іакинѳа, ни Сенковского, «продолжаете вы, но не долженъ говорить: *нѣтъ*, вмѣсто *я не знаю*». Г. Павловъ и не говорилъ, что ихъ нѣтъ; по отношенію къ г. Григорьеву, онъ даже неоднократно упоминаетъ о его наставникѣ, несмотря на то, что учено-литературная дѣятельность этого наставника прекратилась, какъ вамъ извѣстно, еще до начала тридцатыхъ годовъ, и прекратилась такъ рѣшительно, что если вѣрить вашему показанію въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прошлаго года № 8-й, никакіе вызовы, никакія поощренія со стороны Френа не могли преодолѣть этой апатіи (1).

Что касается покойнаго отца Іакинѳа, то хоть онъ и не былъ собственно ни филологъ, ни ученый, однакожъ его практическое знаніе языковъ восточно-азійскихъ, его многочисленныя извлеченія и переводы, конечно, давали бы ему право на особенное упоминаніе. тѣмъ болѣе, что его имя давно занесено во всѣ конверсаціонскыя-лексиконы. Что жъ могло удержать г. Павлова отъ присоединенія этого имени къ извѣстнымъ намъ *ялти*? Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ льстить вамъ, м. г., но мнѣ, право, кажется, ужъ не увлекся ли г. Павловъ тѣмъ сужденіемъ о нашемъ все-таки почтенномъ синологѣ, которое высказали вы недавно, сравнивая тупой взглядъ его на шаманство съ дѣйствительно остроумнымъ взглядомъ молодаго ученаго Бурята, Дорджи-Банзарова.

«Какая разница между этимъ разумнымъ воззрѣніемъ на шаманство, говорите вы устами истины на этотъ разъ, и взглядомъ покойнаго о. Іакинѳа, который довольствовался извлеченіемъ изъ маньчжурскаго устава описанія обрядовъ, и штатовъ китайскихъ шамановъ! Можно подумать, что два писателя о шаманствѣ имѣли въ виду различную публику, и одинъ писалъ для Европы, а другой для Пекина, и притомъ Монголъ смотрѣлъ какъ Европейецъ, а Европейецъ какъ Монголъ» (2).

Судъ вашъ строгъ, но справедливъ: таково мое личное мнѣніе. Но, скажите, на ваши собственные глаза, который изъ васъ правѣе? Вы ли, въ «Жизни и трудахъ Дорджи-Банзарова», или вы же, въ 4-мъ № «Молвы»? Если вы удостоите меня публичнаго отвѣта, я попрошу бы васъ, м. г., обратить на этотъ пунктъ особенное вниманіе. Онъ важенъ не только по отношенію къ вамъ лично, но и по отношенію къ газетѣ, въ которой вамъ угодно было помѣстить свое возраженіе. Злые языки приписываютъ ея столбцамъ какое-то роковое вліяніе на сотрудниковъ; отъ участія въ ней будто бы приключаются съ чело-вѣкомъ удивительныя вещи: безпрестанныя противорѣчія и разныя

(1) Современ. Лѣтоп. Стр. 274.

(2) О жизни и трудахъ Дорджи-Банзарова. Соч. П. Савельева, стр. 11.

ненормальныя явленія духовнаго организма. Вы, конечно, оцѣните вполне всю важность самаго подробнаго объясненія по моему вопросу, и не замедлите сообщить публикѣ новыя данныя къ подтвержденію или отрицанію тѣхъ странныхъ слуховъ, о которыхъ я имѣлъ честь вамъ говорить.

Въ слѣдующемъ № «Московскихъ Вѣдомостей» мы побесѣдуемъ съ вами объ остальныхъ вашихъ возраженіяхъ, и въ особенности о *Подестѣ*, котораго имя напечатано вами такимъ крупнымъ шрифтомъ: надѣюсь убѣдить васъ, что *самый мелкій* былъ бы умѣстнѣе.

II.

Возобновляю мою бесѣду съ вами довольно длинною выпискою изъ вашей послѣдней статьи, дозволяя себѣ отмѣчать курсивомъ то, что нахожу особенно характеристичнымъ. «Г. Григорьевъ съ своей стороны не нуждается (говорите вы) въ нашей защитѣ. Ученый, котораго Френъ *хотѣлъ видѣть преемникомъ своимъ въ Академіи*, можетъ дорожить мнѣніемъ о своихъ трудахъ Френа, де-Саси, Катрмера, *Сенковскаго*, Ренё, но не памфлетами автора «Ятагана» и компаніи... Такъ какъ ему непременно нужны иностранные авторитеты (продолжаете вы потомъ), то мы можемъ, пожалуй, привести ему *десятки цитатъ* въ доказательство того, что имя г. Григорьева пользуется заслуженною извѣстностью между спеціалистами Европы: на труды его ссылаются и *Гаммеръ*, и *Шармуа*, и *Шоттъ*; *довольно обширный* разборъ его исторіи Монголовъ помѣщенъ въ *Journal Asiatique*; другія его изслѣдованія разбирались въ Эрмановомъ *Archiv für wissenschaftliche Kunde (Russland's)* и другихъ ученыхъ журналахъ Англии, Франціи и Германіи. Гаммеръ, въ предисловіи къ своей *Исторіи Кипчакской Золотой Орды*, указываетъ на Григорьева, какъ на единственнаго изъ извѣстныхъ ему русскихъ ориенталистовъ, отъ котораго *можно было ожидать дѣльнаго отвѣта* на эту задачу (den einzigen, von welchem eine tüchtige Beantwortung der Preisfrage zu erwarten wäre). Эти и многія другія рецензіи и цитаты сочиненій г. Григорьева показываютъ, что его труды нѣсколько болѣе извѣстны ученымъ западной Европы, чѣмъ автору «Ятагана» съ товарищи.»

При перепечатываніи приведенныхъ мною строкъ, не поражаетъ ли васъ, м. г., и это совсѣмъ новое для публики, и притомъ не исполнившееся, желаніе Френа, и это несбывшееся ожиданіе Гаммера, выраженное имъ въ условной формѣ, какъ предположеніе: *можно бы было* (zu erwarten wäre), а вами переданное по-русски въ совершенно-безусловной: «*можно было ожидать*»? (1) Упомянувъ о не-

(1) Ничтожная частица бы имѣетъ здѣсь гораздо больше значенія, нежели непонятое г. Григорьевымъ и, вслѣдствіе того, опущенное имъ слово *байсу* (пайзѣ) въ ярлыкѣ хана Бирдибека митрополиту Алексію. Сличите: стран. 12 диссертация г. Григорьева: «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ», и стран. 22 сочиненія г. Савельева: «О жизни и трудахъ Дорджи Бавзарова».

исполнившемся желаніи Френа имѣть г. Григорьева, а не кого-либо другаго, своимъ преемникомъ, вы коснулись вопроса, мало извѣстнаго не только вашимъ и моимъ читателямъ, но, вѣроятно, и большинству русскихъ ориенталистовъ, а имъ, какъ я думаю, будетъ очень любопытно ближе ознакомиться съ обстоятельствами дѣла и съ причинами, которыя побуждали покойнаго арабиста къ такому рѣшительному предпочтенію. Не могу не пожалѣть, что вы такъ долго молчали объ этомъ фактѣ. Френъ скончался въ 1851 году; четыре года спустя, вы издали свою брошюру: «О жизни и трудахъ Френа»; вы признательно вспоминаете здѣсь о томъ, чѣмъ сами были обязаны этому Нестору русскихъ ориенталистовъ, и приводите благодарственные слова къ нему г. Григорьева за исправленіе изданнаго послѣднимъ «Описанія кувическихъ монетъ», и при этомъ, повидимому, весьма удобномъ случаѣ не даете, однакожь, ни малѣйшаго намека на обнаруженное вами теперь желаніе, съ которымъ, судя по вашимъ словамъ, Френъ, надобно быть, сошелъ и въ могилу. Чѣмъ же именно обнаружилось это желаніе при жизни усопшаго, что препятствовало его исполненію, и, замѣтимъ, препятствовало такъ сильно, что Френъ не могъ ни на одинъ шагъ приблизиться къ достиженію своей цѣли въ теченіе какихъ-нибудь семнадцати или восемнадцати лѣтъ? Френъ, имѣвшій довольно твердости, вѣса и силы воли, чтобы водворить на русской почвѣ не принимавшійся до него ориентализмъ, этотъ самый Френъ не смогъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ, совершить геркулесоваго подвига водворенія г. Григорьева на почвѣ Академіи: переводчикъ Хондемира, должно-быть, также не принимался. Въ преемники Френу избранъ ученый нѣмецкій ориенталистъ Дорнъ, отличающійся, какъ и вы сознаете въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1), «весьма разностороннею дѣятельностью: онъ издавалъ тексты афганскіе, персидскіе, эіопскіе; описывалъ рукописи и монеты; количество изданныхъ имъ текстовъ, переводовъ и каталоговъ весьма значительно». Вы не сочли за нужное поименовать и характеризовать его многообразные труды, вѣроятно, приберегая мѣсто для подробнаго прославленія всѣхъ статей и статейкъ г. Григорьева (2); но даже и данный вами четырехстрочный очеркъ ученыхъ подвиговъ г. Дорна неволью наводитъ всякаго на мысль, что онъ съ лихвой, и еще съ какою лихвой, вознаградитъ насъ за неисполненное будто бы желаніе Френа. Несмотря на то, все же любопытно узнать начало, поводы и исторію этого желанія. Я нетерпѣливо буду ожидать дальнѣйшихъ объясненій вашихъ по этому вопросу и, повѣрьте, приму ихъ съ должною признательностью, если они хоть что-нибудь объяснятъ.

Говоря о томъ, чѣмъ инѣніемъ можетъ дорожить такой ученый, какъ г. Григорьевъ, вы на всемъ земномъ шарѣ насчитываете только пять достойныхъ этой чести особъ, да и изъ этихъ избранныхъ двое уже не могутъ пользоваться ею: ихъ нѣтъ болѣе на землѣ.

(1) 1856 г. № 8. Современ. Лѣтоп. стран. 273.

(2) Тамъ же, стран. 275 и 276.

Остаются только Катрмеръ, Рено и г. Сенковскій. Нисколько не касаясь заслугъ г-на Сенковскаго на поприщѣ литературы, я позволяю себѣ утверждать, что онъ, какъ умный, знающій приличія человѣкъ, самъ не поблагодаритъ васъ за такое сближеніе и не войдетъ въ это трехчленное общество застрахованія славы своего бывшаго питомца. Не говоря уже о странной и едва ли достижимой цѣли этого союза, ему было бы, вѣроятно, не совсѣмъ ловко между Катрмеромъ и Рено, которые оба отъ колыбели до недалекой уже могилы остаются вѣрны своимъ восточнымъ занатіямъ, а г. Сенковскій уже тридцать лѣтъ какъ покинулъ свои для болѣе блестящей карьеры журнализма. По моему скромному мнѣнію, для оцѣнки ученыхъ достоинствъ г-на Григорьева довольно, и безъ г. Сенковскаго, однихъ Катрмера и Рено. Я чувствую глубокое уваженіе къ первому; онъ, несмотря на свои семьдесятъ пять лѣтъ, все еще бодро подвизается для науки. Рено и помоложе и менѣе оказалъ заслугъ; но, повѣрьте, м. г., онъ дорогъ мнѣ столько же, какъ и вамъ, смѣю увѣрить васъ— онъ мнѣ по истинѣ дороже. Причину такого пристрастія съ моей стороны вы увидите въ послѣдствіи; а теперь позвольте обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшею просьбой: вы общали г-ну Павлову привести *десятки цитатъ*, въ доказательство того, что имя г-на Григорьева пользуется заслуженною извѣстностью между спеціалистами Европы. Примите на себя трудъ исполнить свое общаніе, но, пожалуйста, приводите эти многочисленныя цитаты обстоятельно и безъ перемѣнъ, къ какимъ вы прибѣгаете, цитируя г-на Павлова. Для меня, какъ неспеціалиста, оно чрезвычайно важно: не имѣешь подъ рукой всѣхъ ученыхъ журналистовъ Англии, Франціи и Германіи, гдѣ говорится о г-нѣ Григорьевѣ, какъ о знаменитомъ ориенталистѣ; даже нѣтъ полного экземпляра Journal Asiatique и недостаетъ именно той книжки, въ которой, какъ вы говорите, помѣщенъ довольно обширный разборъ его очень необширнаго перевода Хондемира. Краткія извѣстія о позднѣйшихъ трудахъ г-на Григорьева въ Эрмановомъ «Архивѣ для научнаго познанія Россіи», смѣю думать, никакъ не могутъ служить ни для кого вѣчнымъ паспортомъ въ храмъ славы, потому что въ этомъ журналѣ, исключительно посвященномъ изученію нашего отечества, обращается вниманіе не только на каждую ученую попытку, но почти на каждую газетную статью, сообщающую какое-нибудь данное по части исторіи, этнографіи, статистики или естествоописанія Россіи. Этотъ гостепримный «Архивъ», какъ пчела, собираетъ медъ со всѣхъ произрастеній нашей литературой почвы, только лишь изрѣдка указывая на ихъ грѣхи. Одинъ изъ такихъ рѣдкихъ примѣровъ и видѣли мы въ указаніяхъ монголиста Шотта на недосмотры г-на Григорьева при объясненіи ханскихъ ярлыковъ. Да и во всякомъ случаѣ, что значать отзывы подобнаго журнала, отзывы Шотта или Гаммера и Шармуа для такого ученаго, который можетъ дорожить только мнѣніемъ Френа, де-Саси, Катрмера, Рено и Сенковскаго. Шоттъ—западный монголистъ, а этого для насъ съ вами уже довольно: далеко отъ Монголіи,—вотъ и все. Конечно, г. Ковалевскій не совсѣмъ того же мнѣнія о западныхъ ученыхъ: онъ былъ въ дружелюбной перепискѣ, въ непрерывномъ обмѣнѣ позна-

ній и съ Шоттомъ, и съ какимъ-нибудь Stanislas Julien. Но на это не можетъ быть общаго правила. Шармуа—скромный труженикъ, способный только на подбораніе вариантовъ, а Гаммеръ, о! объ Гаммерѣ нечего и говорить: ѣдкая критика г. Сеңковскаго на его *Ori-gines russes* уже тридцать лѣтъ какъ поколебала славу вѣнскаго ориенталиста (1). А въ послѣдствіи онъ далъ еще одинъ важный промахъ и, по моему скромному мнѣнію, даже два вдругъ. На предложенную отъ нашей академіи задачу Гаммеръ представилъ свою исторію Золотой Орды и, какъ вамъ, м. г., извѣстно, заслужилъ строгое осужденіе отъ академіи (2). Промахъ первый. За тѣмъ онъ издалъ эту опальную книгу въ свѣтъ и въ предисловіи къ ней, какъ вы объясняете въ «Молвѣ», указалъ, въ лицѣ г-на Григорьева, единственнаго изъ Русскихъ ориенталистовъ, отъ котораго можно (или, точнѣе, можно бѣ) было ожидать дѣльнаго отвѣта на задачу. Я называю это указаніе промахомъ, разумѣется, только потому, что Гаммеру не удалось видѣть осуществленія своихъ ожиданій. Онъ какъ будто предчувствовалъ такой печальный исходъ: оттого и выразилъ онъ свою мечту въ условной формѣ. А странно, что и Френу, и ему суждено было впасть въ такую неудачу относительно г-на Григорьева.

Не знаю, согласитесь ли вы со мною, м. г., но мнѣ кажется, что еслибъ г. Григорьевъ, при его извѣстныхъ способностяхъ, взялся за восточные языки не въ началѣ тридцатыхъ годовъ, а такъ, нѣсколько попозже, и пользовался, на примѣръ, для Турецкаго, не грамматикою Жобера, а новѣйшею, которую издалъ послѣ Каземъбекъ, или не словаремъ Менинскаго, а словаремъ князя Ханджери, также запоздавшимъ къ нему на помощь, онъ, вѣроятно, былъ бы и преемникомъ Френа и авторомъ лучшей исторіи Золотой Орды.

Между тѣмъ я все-таки повторю вамъ мою просьбу о собраніи и обнародованіи свидѣтельствъ насчетъ ученаго вѣса г-на Григорьева по сю и по ту сторону Атлантики. Это будетъ тѣмъ поучительнѣе, что мѣра его славы вмѣстѣ дастъ намъ и мѣру распространенія русской грамотности на Западѣ, такъ какъ на иностранныхъ языкахъ онъ, помнится, ровно ничего не писалъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что труды Вуллерса, Дефремери и Жобера, на которые вы кидаете такой гордый взглядъ, уже и потому пользуются у западныхъ гораздо большею извѣстностью, что писаны на языкахъ, доступныхъ для ученаго міра. Но, во всякомъ случаѣ, вы, кажется, слишкомъ строги къ г-ну Павлову за то, что онъ дерзнулъ противопоставить ихъ, вмѣстѣ съ Решидъ-Эдиномъ, Катрмера, и исторію Бувейской династіи, Вилкена, конечно главному, но вѣдь не всеподавляющему же труду нашего роднаго ориенталиста. Какова бы ни была на нзшъ вкусъ исторія Сельджукидовъ, Вуллерса, а все-таки это впервые изданный персидскій текстъ, съ вариантами съ критически-

(1) П. Савельевъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г. № 8. Современ. Лѣтоп. Стр. 274.

(2) П. Савельевъ. О жизни и учен. трудахъ Френа. Стр. 39.

ми и филологическими примѣчаніями, не говоря ужъ объ отличномъ переводѣ; неужели одинъ скромный переводъ Хондемира имѣетъ для васъ столько нѣтъ замѣченныхъ красотъ, что затмѣваетъ собою все остальное? Вы называете труды Вуллера, Дефремери и Жюбера учебными хрестоматіями, вѣроятно, все для того, чтобы унижить ихъ передъ первенцами г-на Григорьева. Ахъ, м. г., еслибы вы знали, какъ полезны бываютъ хорошія хрестоматіи и исправные конверсаціонскіе-лексиконы, какъ распространяютъ они свѣдѣнія, какъ разбрасываютъ зерна того просвѣщенія, за которое вы напрасно не позволяете г-ну Павлову замолвить краснорѣчивое слово, и какъ размножаютъ число тѣхъ любознательныхъ людей, которые — говоря словами этого адвоката просвѣщенія — не смотря уже на науку и на ученость «какъ на запертой храмъ, куда не любопытно «войти, и гдѣ творятся колѣнопреклоненія передъ какимъ-то вымышленнымъ божествомъ.»

Позвольте мнѣ, м. г., представить вамъ живой примѣръ того, какъ иногда могутъ быть полезны біографическіе словари, энциклопедическіе лексиконы и другія такого рода пособія. Прочитавъ вашу громовую отзывъ о Подестѣ, котораго имя дважды напечатано въ «Молвѣ» такимъ крупнымъ шрифтомъ, что, я думалъ, уже одинъ этотъ шрифтъ достаточенъ для подавленія г. Павлова и всѣхъ многочисленныхъ почитателей его таланта, а когда вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ латинскую брань Менинскаго, повторенную въ русскомъ переводѣ и потомъ опять въ подлинникѣ, не могу сказать вамъ, м. г., какое уныніе овладѣло моимъ духомъ; при такомъ сильномъ внутреннемъ потрясеніи, человѣку не до спеціальныхъ занятій. Беру въ руки первый попавшійся томъ Biographie Universelle, развертываю, и роковое имя *Podesta* сіяетъ передо мной почти такимъ же крупнымъ шрифтомъ, какъ въ бранной газетѣ. Представьте же себѣ мое тревожное удивленіе, когда я началъ читать слѣдующую статью:

«*Podesta* (Дж. Б.), ориенталистъ, родился въ Фацанѣ, что въ Истріи, до половины семнадцатаго вѣка. Занимался нѣсколько лѣтъ восточными языками въ Римѣ, подъ руководствомъ ученаго о. Марраччи; затѣмъ отправленъ въ Константинополь для усовершенствованія себя въ этихъ языкахъ, а по возвращеніи назначенъ при дворѣ нѣмецкаго императора переводчикомъ, секретаремъ и профессоромъ арабскаго языка въ Вѣнѣ, 1674 г. Отъ него осталось намъ, во первыхъ, много мелкихъ сочиненій, на которыя Менинскій нападалъ въ то время съ величайшимъ ожесточеніемъ. Можно судить о тонѣ нападокъ по заглавію слѣдующей. In quintum, viperinumque Podestae partum, etc., то-есть: По поводу пятого, эхининскаго порожденія Подесты и проч. Въ другомъ мѣстѣ Менинскій величаетъ его такъ: *natura semiitalus, statura nanus, caecutiens, balbus, imo bardus repertus aliisque vitiis ac stultitiis plenus, adeoque ad discendas linguas orientales inhabilis*, то-есть: родомъ полуитальянецъ, ростомъ карло, подслѣпый, заяка, оказавшійся совершеннымъ идиотомъ и другими пороками и дуростями полный, почему и неспособенъ къ изученію восточныхъ языковъ. Тутъ видна вся дерзость и грубость врага и соперника. Въ началѣ перваго тома новаго изданія *Thesaurus lin-*

guarum orientalium (Словаря восточныхъ языковъ) Менинского можно видѣть списокъ всѣхъ вообще трудовъ Подесты и памфлетовъ, изданныхъ противъ нихъ Менинскимъ. Старѣйшій изъ означенныхъ трудовъ относится къ 1669 г. Въ немъ, какъ и въ слѣдующемъ, который принадлежитъ къ 1671 г., авторъ еще вписывалъ отъ руки (въ печатный латинскій текстъ) приводимыя имъ мѣста изъ восточныхъ авторовъ, не имѣя тогда въ своемъ распоряженіи восточныхъ шрифтовъ. Мы укажемъ только на важнѣйшій изъ его трудовъ, въ трехъ томахъ in 4°, подъ заглавіемъ: *Cursus grammaticalis linguarum orientalium, arabicae scilicet, persicae et turcicae* (Грамматическій курсъ восточныхъ языковъ, то-есть арабскаго, персидскаго и турецкаго.) Каждый томъ содержитъ въ себѣ по языку. Сочиненіе это нынѣ очень рѣдко и мало извѣстно, а потому мы опишемъ его нѣсколько подробнѣе. Томъ первый, обнародованный въ 1687 году, содержитъ въ себѣ арабскую грамматику, составленную по плану латинской патера Альвареса, самой употребительной тогда въ Венгрии (1); этотъ томъ содержитъ въ себѣ болѣе осьми сотъ страницъ. Второй, 1691 года, состоитъ изъ тысячи страницъ слишкомъ. Въ началѣ авторъ помѣстилъ предлинное предисловіе, въ которомъ, говоря о пользѣ изученія восточныхъ языковъ и духа жителей Востока, онъ повѣствуетъ о разныхъ приключеніяхъ изъ своей собственной жизни, которыя, если вѣрить его словамъ, дѣйствительно могли льстить его самолюбію. Онъ присоединилъ къ этому даже нѣсколько картинъ, гдѣ изображено, какъ австрійскія депутаціи представляются на аудіенціи оттоманскимъ султанамъ, какіяжъ особеннымъ образомъ освѣщаются мечети, и т. д. Этотъ томъ оканчивается словаремъ персидскихъ неопредѣленныхъ наклоненій. Третій и рѣдчайшій изъ всѣхъ вышелъ 1703 года. Въ немъ одна турецкая грамматика занимаетъ тысячу триста тридцать восемь страницъ. Сверхъ того тутъ помѣщены: 1) систематическій указатель ко всѣмъ тремъ томамъ, 2) басни Локмана на арабскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были изданы Эрпеніемъ, и съ приложеніемъ персидскаго и турецкаго переводовъ. Кажется, что въ бытность свою въ Константинополь или во время своихъ путешествій—принимавшій имъ иногда титулъ рыцаря Гроба Господня заставляеть предполагать, что онъ во всякомъ случаѣ достигалъ Святыхъ Мѣстъ — Подеста любознательно освѣдомлялся о языкахъ различныхъ племенъ татарскаго происхожденія. По крайней мѣрѣ Лейбницъ считалъ его способнѣйшимъ въ цѣлой Европѣ сообщить объ этомъ подробныя свѣдѣнія: онъ сносился съ нимъ по этому предмету много разъ, и какъ просьбы его, такъ и отвѣты Подесты собраны въ сочиненіяхъ Лейбница (изд. Дютенса), а г. Пужансъ напечаталъ ихъ по-французски въ своемъ «Опытѣ о древностяхъ Сѣвера», второе изданіе, стр. 70 — 73. Есть еще переводъ одной турецкой лѣтописи, сдѣланный Подестой

(1) Замѣчу здѣсь отъ себя, что въ тогдашней Венгрии и даже почти до нашего времени латынь, какъ офиціальныи языкъ законодательства и администраціи, была сильно распространена.

Челыш.

и изданный въ Нюренбергѣ 1672 года, подъ заглавіемъ: *Turcicae chronicae pars 1-a; continens originem ottomanicae stirpis, undecimque ejusdem imperatorum gesta juxta traditiones Turcarum*, то-есть *Турецкой летописи часть 1-я, содержащая въ себѣ начало Оттоманскаго племени и дѣянія одиннадцати его властителей, вмѣстѣ съ преданіями Турокъ*. (См. Шильгорна *Amoenitates litter X. V. 604*).»

Въ волненіи дочитывая эту біографію осмѣяннаго вами Подеста, я не смѣлъ еще успокоиться за участь г. Павлова, котораго талантъ я отъ души уважаю. Чтожь значить, думалъ я, статейка біографическаго словаря передъ мнѣніемъ такого специалиста, какъ г. Савельевъ? Крупный шрифтъ имени Подеста все еще пугалъ меня огромностью своихъ размѣровъ, и утроенная, хоть немного изувѣченная вами, брань Менинскаго висѣла, какъ грозная туча, у меня надъ головой. Но когда я взглянулъ на подпись подъ статьей, всѣ мои сомнѣнія мгновенно исчезли какъ дымъ, какъ пустой призракъ. Представьте, это было имя того самаго *Рено*, котораго вы ставите на ряду съ Френомъ, де-Саси, Катрмеромъ и г. Сенковскимъ, одного изъ тѣхъ, увы! немногихъ авторитетовъ, чьимъ мнѣніемъ можетъ дорожить самъ переводчикъ Хондемира и надоѣвшихъ мнѣ отчасти ханскихъ ярлыковъ.

Видите ли, м. г., всю пользу конвѣрсационскаго-лексиконскаго, исправныхъ біографическихъ, энциклопедическихъ словарей и тому подобныхъ образовательныхъ пособій. Вѣдь безъ нихъ и г. Павлову и вашему покорнѣйшему слугѣ пришлось бы вѣрить вамъ на слово: пишете, что хотите, все правда! А съ помощію ихъ можно предостеречь отъ соблазна менѣе опытную братію, да иногда извести на путь истины и заблудшаго специалиста: съ кѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, хоть разъ въ жизни не случилось грѣха? Еслибъ прежде, чѣмъ писать послѣднюю статью свою, вы разсудили справиться, — не говорю о Подестѣ: вы не могли предполагать въ себѣ такого рода незнанія, — но о разныхъ другихъ отрасляхъ оріентализма, которыя заставили васъ наговорить столько непріятностей автору статьи: «Біографъ-оріенталистъ», и наговорить, какъ мнѣ кажется, безъ достаточнаго основанія, я увѣренъ, что вы не захотѣли бы взяться за критику, какъ вовсе вамъ не свойственный предметъ, и спокойно продолжали бы свои полезныя занятія извѣстною, специальною отраслю нумизматики мусульманскаго Востока.

Къ несомнѣнной, всякому очевидной мысли г. Павлова, что «мѣра просвѣщенія опредѣляется отчасти степенью пониманія замѣчательныхъ личностей», вамъ угодно было прибавить отъ себя: *и еще больше умнѣемъ цѣнить и уважать своихъ замѣчательныхъ специалистовъ и не писать на обумъ о томъ, чего не знаемъ*. Вполнѣ согласенъ съ вами, м. г., если вы позволите мнѣ оговорить мое согласіе двумя маленькими соображеніями, которыя рѣшительно не даютъ мнѣ покоя: вопервыхъ, специализмъ, самъ по себѣ, не можетъ давать правъ на уваженіе, иначе пришлось бы допустить неободимый логическій выводъ, что чѣмъ тѣснѣе, чѣмъ уже, чѣмъ специальнѣе специализмъ, тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ уваженія; вовторыхъ,

вы, мнѣ кажется, совершенно упустили изъ виду тѣ, все же иногда возможные, примѣры, что и замѣчательный, и очень спеціальный спеціалистъ напишетъ подчасъ на обумъ о томъ, чего рѣшительно не знаетъ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ несносныхъ соображеній, вопросъ представляется мнѣ уже не такъ, какъ на первый взглядъ: мысль г-на Павлова, вѣрная сама по себѣ, и вѣрная именно своею безысключительностью и широкимъ объемомъ, какъ будто бы еще болѣе выигрываетъ отъ нѣкоторой узкости и, извините, непредусмотрительности вашего прибавленія.

Въ надеждѣ, что не посѣтуете на меня за откровенность, и благосклонно примете мой добрый совѣтъ, я готовъ даже отступиться отъ тѣхъ объясненій, которыя осмѣлился просить у васъ по поводу статьи, напечатанной въ «Молвѣ». Длитель споры не мое желанье.

Н. ЧЕЛЫШЕВСКІЙ.

Р. С. Чуть было не забылъ. Вы укоряете г-на Павлова, зчѣмъ, коснувшись чтенія іероглифовъ, онъ не поговорилъ тутъ о *Гульямоль*. Да г. Павловъ, въ своемъ бѣгломъ очеркѣ, едва упомянулъ и о Шамполіонѣ, по системѣ котораго дѣйствительно читаются іероглифы: какъ же ему было говорить обо всѣхъ тѣхъ, по системамъ которыхъ они не читаются, да и не могутъ читаться?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

Въ числѣ важнѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ послѣднее время нашею литературой, мы назовемъ *седьмой* томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», соч. *С. М. Соловьева*. Содержаніе его слѣдующее: Внутреннее состояніе русскаго общества во времена Іоанна IV (стр. 1 — 245). Въ этой главѣ подробно говорится: объ обычаяхъ царскаго двора при Іоаннѣ IV, о составѣ боярскаго думы, о тогдашнихъ чинахъ, о составѣ и устройствѣ войска, о финансовыхъ средствахъ Московскаго государства и источникахъ ихъ; далѣе слѣдуетъ изложеніе законодательныхъ мѣръ, городскаго и сельскаго сословій, людей состоянія несвободнаго и инородцевъ; затѣмъ говорится о промышленности, торговлѣ и вообще матеріальномъ благосостояніи Московскаго государства, куда присоединенъ и очеркъ современнаго состоянія югозападной Россіи и великаго княжества Литовскаго; потомъ авторъ переходитъ къ исторіи Русской

церкви при Иоаннѣ, касается дѣятельности знаменитыхъ соборовъ, излагаетъ важнѣйшія постановленія Стоглава и Судебника. Въ статьѣ о нравахъ, обычаяхъ и просвѣщеніи русскаго общества время Иоанна IV особенно любопытны страницы, посвященныя жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ, Домострою и трудамъ митрополита Макарія. Въ остальныхъ четырехъ главахъ излагаются событія царствованія Феодора Иоанновича, послѣдняго московскаго царя изъ династіи Рюриковичей: Усиленіе Бориса Годунова и торжество его надъ всѣми противниками (стр. 246—259); Внѣшнія сношенія и войны въ царствованіе Феодора Иоанновича (стр. 260 — 374); Дѣла внутреннія въ царствованіе Феодора Иоанновича (стр. 375 — 417); Пресѣченіе Рюриковой династіи (стр. 418 — 433). Такимъ образомъ седьмой томъ доводитъ исторію древней Россіи до конца XVI-го столѣтія. Въ слѣдующихъ книгахъ, почтеннаго автора ожидаетъ трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ интересная задача—изученіе Россіи XVII-го вѣка.

— Изъ объявленій публика уже знаетъ объ отдѣльномъ изданіи «Губернскихъ Очерковъ». Благодаря этому отдѣльному изданію, «Русскій Вѣстникъ» получаетъ право сказать свое мнѣніе объ этомъ приобрѣтеніи нашей литературы, столь замѣчательномъ какъ по своему содержанію, такъ, и еще болѣе, по блестящему литературному таланту, который не много найдетъ себѣ равныхъ въ современной нашей литературѣ; этимъ правомъ мы не замедлимъ воспользоваться (1).

---

(1) Гг. ивгородные, желающіе приобрѣсти книгу «Губернскіе Очерки», благоволятъ высылать три рубля серебромъ, адресуя ихъ прямо въ Редакцію «Русскаго Вѣстника», въ Москвѣ.

У КНИГОПРОДАВЦА
Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
занскаго Собора, подъ № № 4 и 5.

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ИСТОРИЯ РОССИИ съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя
Соловьева. Томъ VII. М. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. Изъ записокъ отставнаго надворнаго со-
вѣтника Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. Два тома.
М. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ В. ЖУКОВСКАГО, томы 10, 11, 12 и 13-й, заклю-
чающія въ себѣ сочиненія: 1) не вошедшія въ составъ послѣдняго
собранія, въ 9-ти томахъ, отпечатанныхъ въ Карлсруэ, въ 1849 году,
и 2) вовсе неизвѣстныхъ публикѣ, найденныя, по кончинѣ автора, въ
его бумагахъ. Спб. 1857 г. Цѣна на лучш. бум. 3 р. 50 к., съ пер.
4 р. 50 к. Его же, первые 9 томовъ. Карлсруэ. 1849 г. Ц. 10 р.,
съ пер. 12 р.

О СВОБОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛѢ. (Изъ путе-
выхъ записокъ А. Серфбера Медельсгейма). М. 1857 г. Ц. 75 к.,
съ пер. 1 р.

КРУШИНСКІЙ. Романъ въ трехъ частяхъ, А. А. Потѣхина. Спб.
1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ, по Ксенофону, въ видѣ разговоровъ, въ
четырехъ книгахъ, перев. съ греческаго Иваномъ Синайскимъ. М.
1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КАВКАЗСКІЯ ПЛѢННИЦЫ или **ПЛѢНЪ** у **ШАМИЛЯ**, невымыш-
ленная повѣсть о восьми-мѣсячномъ и шести-дневномъ (въ 1854—
1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ: генералъ-маіора
князя Орбелани и полковника князя Чавчавадзе, на основаніи собствен-
ныхъ показаній лицъ, участвовавшихъ въ событіи. Составилъ Е. А.
Вердеревскій. Изд. 2-е, исправленное, съ портретомъ Шамиля и пла-
номъ серала. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Гг. иногородные, желающіе выписывать книги въ переплетахъ,
благоволятъ прилагать за обыкновенный корешокъ 15 к., сазьянный
корешокъ 30 к., шагреневый 40 к., въ англійскій тисненный коленкоръ
50 к., за каждый томъ.

Адресъ: въ Москву Коммиссіонеру Федору Оспо-
вичу Свѣшникову.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ (1).

II.

Общая довѣренность къ уголовной юстиціи много зависитъ и отъ того, пользуются ли ея органы нужною независимостію.

Судьи-чиновники не легко сохраняютъ полную независимость при исполненіи обязанностей своего званія, а если и сохраняютъ ее, то не бываютъ совершенно свободны отъ подозрѣнія въ зависимости. Они состоятъ на жалованьи у правительства; имъ опредѣляются, переищщаются и увольняются; отъ него ожидаютъ повышеній и наградъ и по его же волѣ предаются наказаніямъ и взысканіямъ; поэтому, естественно, не могутъ дѣйствовать совершенно свободно и самостоятельно при исполненіи обязанностей своего званія. Но тогда въ особенности трудно сохранить чиновнику полную независимость, когда въ службѣ заключается все его настоящее и будущее, что бываетъ сплошь и рядомъ. Въ этомъ случаѣ, чтобы дѣлать дѣло не озираясь, необходима такая твердость характера, какою обладаютъ весьма немногіе и въ другихъ сословіяхъ, и потому говорить, что опасеніе испортить жизнь можетъ имѣть вліяніе на независимость чиновниковъ, вовсе не значитъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, имѣть самое низкое мнѣніе о ихъ сословіи. Напрасно также думаютъ, что судей совершенно освобождаютъ отъ вліянія правительства, когда не позволяютъ увольнять ихъ отъ должности иначе какъ по суду. Для чиновника и то уже большое несчастіе, когда онъ возбуждаетъ въ правительствѣ нерасположеніе къ себѣ. Въ такомъ состояніи нравственной зависимости находятся судьи-чиновники и отъ правительства благонамѣреннаго, которое воздерживается отъ прямого вліянія на нихъ. Впрочемъ, прямое вліяніе благонамѣреннаго правительства на уголовную юстицію, только нравственно ограничиваетъ свободу судей, а вредить ей не можетъ. Благонамѣренное правительство можетъ направлять уголовную юстицію лишь къ благимъ цѣлямъ. Но когда Провидѣніе, во гнѣвъ своемъ, посылаетъ народамъ властителей недостойныхъ, тогда въ рукахъ ихъ судьи-чиновники могутъ быть и слѣпыми орудіями

---

(1) См. - Русскій Вѣстникъ - № 9.

самаго возмутительнаго произвола. Исторія Англїи представляетъ за былыя времена разительныя тому доказательства. Начиная отъ Генриха VIII и оканчивая Іаковомъ II, лѣтописи англійскаго уголовного судопроизводства представляютъ лишь печальную картину самаго раболопнаго олуженія судей-чиновниковъ своекорыстію властителей. Видимъ, какъ въ это несчастное время открыто попираются ногами самыя священные права англійскаго народа, на примѣръ право отвода судей, съ какою безстыдною наглостію адвокаты правительства и предсѣдательствующіе судьи издѣваются надъ подсудимыми, и чтобы довести ихъ до признанія, прибѣгаютъ къ самымъ постыднымъ средствамъ, и какія гнусныя продѣлки употребляютъ судьи-чиновники, чтобы сбить съ толку и принудить дѣйствовать заодно съ ними присяжныхъ! То они противозаконно вѣшнваются въ ихъ совѣщанія, хитростію и обманомъ навязываютъ имъ свое мнѣніе, или склоняютъ дать спеціальныи приговоръ по дѣлу, чтобы потомъ имѣть полную свободу признать дѣйствіе преступленіемъ; когда же хитрость и обманъ не помогаютъ, объявляютъ приговоръ присяжныхъ неправильнымъ, и до тѣхъ поръ мучатъ ихъ, пока они не дадутъ другаго приговора; право запираеть присяжныхъ и подвергать наказаніямъ непослушныхъ, уничтожало всякую свободу приговоровъ. Въ это постыдное время ужасный Джефрейсъ показываетъ ясно, на что можетъ быть способенъ судья, который съ безстыдствомъ, не знющимъ никакихъ границъ, соединяетъ безусловную, самую гнусную угодливость сильнымъ, когда онъ хочетъ неправды и имѣетъ довольно ума, чтобы все передѣлывать по мѣрѣ надобности и обладаетъ дерзостію негодяя, который не знаетъ ни совѣсти, ни чести.

Правительство испорченное, которое не знаетъ никакихъ законовъ и не затрудняется въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, конечно, можетъ застрашать и присяжныхъ, даже болѣе твердыхъ, чѣмъ тѣ, которые признали подсудимаго виновнымъ, лишь основываясь на показаніи какого-нибудь Титюса Сатеса, или осудить лорда Росселя по показанію, основанному на однихъ слухахъ, когда судьи не допускали такихъ же, но благоприятныхъ для подсудимаго показаній; безъ сомнѣнія были тогда и многіе другіе столь же робкіе присяжные, но все же они имѣютъ болѣе возможности бороться противъ неправды. Присяжные не состоятъ ни въ какомъ отношеніи къ администраціи; избранники и представители народа, они находятся подъ непосредственною защитой его, и кромѣ случаевъ самаго крайняго произвола, за непокорность правительству терпятъ лишь временный, преходящій вредъ. Правительству благонамѣренному они и угождать не имѣютъ никакой причины, потому что не получаютъ отъ него никакихъ наградъ за исправленіе своей должности, а правительству неблагонамѣренному всегда могутъ противодѣйствовать безъ большой опасности для себя. И мы видимъ, что и въ мрачное время самаго

безграничнаго произвола, среди всеобщаго растлѣнія, нашлись между присяжными такіе, которыхъ ни угрозы, ни оскорбленія, ни даже открытое насиліе не могли заставить измѣнить своему долгу. Особенно два процесса изъ этого несчастнаго времени успокоиваютъ душу читателя, какъ памятники высокой нравственной и гражданской доблести присяжныхъ и вмѣстѣ какъ свидѣтельства, какой непроницаемый щитъ можетъ имѣть въ нихъ личная гражданская свобода и неукосновенность противъ произвола и насилія. Это процессъ Вилліама Пенна и Мида и процессъ противъ епископовъ. Въ 1670 году Вилліамъ Пеннъ и Мидъ подверглись обвиненію въ томъ, что своими проповѣдями подали поводъ къ народному волненію. Обвиненіе было дурно составлено. Присяжные никакъ не могли согласиться между собой. Когда они вошли въ залу засѣданія по приказанію судьи, то онъ началъ поносить ихъ самымъ наглымъ образомъ и угрожать одному изъ нихъ, по имени Бешелю (Bushel), который противился дать обвинительный приговоръ. Присяжные согласились между собой и подали отрицательный приговоръ: Ихъ опять осыпали ругательствами и отослали назадъ для новаго совѣщанія; но они объявили, что нашли Пенна невиноватымъ, а Мида виноватымъ въ томъ, что онъ проповѣдывалъ въ собраніи. Раздосадованные этимъ судьи опять обругали присяжныхъ и прогнали для новаго совѣщанія. Но и тутъ присяжные остались при своемъ рѣшеніи. Тогда судьи напустились на Бешеля, лично оскорбили его и угрожали ему; но присяжные дали отрицательный приговоръ. Ихъ приговорили къ денежному штрафу; Бешель отказался заплатить его и былъ подвергнутъ тюремному заключенію. А процессъ противъ епископовъ (въ 1685 г.), которые провинились лишь тѣмъ, что, въ противность волѣ короля, свободно высказали свое мнѣніе о церковныхъ дѣлахъ, былъ многознаменательнымъ событіемъ. Мало того, что мѣры, употребленныя правительствомъ при рѣшеніи этого дѣла присяжными, чтобы сбить ихъ съ толку и застрашать, оказались безуспѣшными,—присяжные объявили подсудимыхъ невиновными,—но открытое нападеніе на независимость религіознаго убѣжденія и законное выраженіе его людьми, имѣвшими на то полное право, сильно подѣйствовало на общественное мнѣніе; дѣло это показало ясно и самымъ спокойнымъ и умѣреннымъ людямъ ежедневную возраставшую опасность, усилило общее участіе гражданъ въ дѣлахъ общественныхъ и укрѣпило еще болѣе мужество присяжныхъ (1).

Но говорить, есть другой родъ зависимости, еще болѣе вредный и опасный, которому подчиняются присяжные и отъ котораго совершенно свободны чиновники. Это зависимость отъ духа партій и

(1) Mittermeyer, der englische, schottische und nordamericanische Strafprocess. Erlangen, 1851. Стр. 7, 8, 9, 10 и 11.

обращающихся въ народѣ слуховъ, толковъ и мнѣній о преступленіяхъ.

Кому неизвѣстно, говоритъ Миттермайеръ, какимъ страшнымъ нападеніямъ подвергались во Франціи присяжные около того времени, когда изданъ былъ (въ 1835 г.) законъ о тайной подачѣ голосовъ, какъ старались ихъ застрашать насмѣшками, угрозами, преслѣдованіями, въ особенности журналисты? А въ Португаліи, во время политическихъ смутъ присяжные ежеминутно должны были трепетать отъ страха мести преступниковъ и ближнихъ ихъ. Во время народныхъ волненій, когда партіи враждебно стоятъ одна противъ другой, вообще нельзя ожидать нужной независимости; религиозныя распри не менѣе опасны для самостоятельности присяжныхъ. Политическій и религиозный фанатизмъ ослѣпляетъ умы, и ненависть къ разномыслящимъ отнимаетъ у испытующаго ума тѣ качества, которыя необходимы для хладнокровной оцѣнки доказательствъ. Но и въ болѣе спокойное время, обстоятельства, при которыхъ судятъ присяжные, легко бываютъ самыми опасными врагами ихъ независимости. Чѣмъ большее вниманіе общества обращаетъ на себя какой-либо уголовный случай, тѣмъ болѣе, обыкновенно, толкуютъ о немъ во всѣхъ кругахъ. Принимаютъ ту или другую сторону; слухи объ обстоятельствахъ преступленія, которые ходятъ въ публикѣ, производятъ въ ней извѣстное настроеніе, которое дѣйствуетъ на присяжныхъ и уже напередъ располагаетъ ихъ въ пользу извѣстнаго мнѣнія. Во время судебныхъ преній, хотя бы они продолжались нѣсколько дней, присяжные постоянно живутъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое составляетъ о преступленіи. Все это не можетъ не имѣть сильнаго вліянія на ихъ независимость (1).

Все это справедливо. Но во время народныхъ волненій, среди разгара страстей, голосъ разсудка вообще умолкаетъ. Въ такое смутное время, всякій, волей или неволей, по убѣжденію или изъ страха, примыкаетъ къ какой-нибудь партіи, держится вмѣстѣ съ нею извѣстнаго мнѣнія и безпощадно преслѣдуетъ всѣхъ разномыслящихъ. А религиозныя бури еще ужаснѣе. Но отчего же, среди всеобщаго броженія умовъ, одни судьи-чиновники должны оставаться въ покоѣ? По какому счастливому устройству головы, въ то время, когда у всѣхъ головы идутъ кругомъ, у нихъ однихъ онѣ сидятъ крѣпко на плечахъ? На это отвѣчаютъ, что постоянные судьи, по самому общественному значенію своему, обязаны держаться вдали отъ всѣхъ партій. Не только всякаго участія въ нихъ они должны избѣгать тщательно, но и не выражать ни чѣмъ ни одобренія, ни порицанія.

(1) Die Mündlichkeit, das Anklageprincip, die Oeffentlichkeit und das Geschwornen-Gericht... Stuttgart und Tübingen. 1845, стр. 375 и 376.

ни одной изъ нихъ, потому что напередъ они никогда не могутъ знать, не придется ли имъ преслѣдовать судомъ какую-либо изъ нихъ, и не можетъ ли тогда выраженное ими мнѣніе связать свободу ихъ рѣшенія. Конечно, это трудно, особенно при сильномъ развитіи духа партій; но самое общественное положеніе судей таково, что для нихъ гораздо легче, чѣмъ для всякаго другаго, оставаться въ сторонѣ во время народныхъ волненій. Чиновниковъ обыкновенно оставляютъ въ покоѣ изъ уваженія къ ихъ особенному положенію, и нескромность рѣдко можетъ простираться до того, чтобы заставлять ихъ высказаться (1). Чиновникамъ, дѣйствительно, гораздо легче, чѣмъ всякому другому, во время народныхъ волненій, держаться вдали отъ всѣхъ партій и не принимать въ нихъ никакого участія, но отчего? оттого, что они уже принадлежатъ къ извѣстной партіи: когда государство раздираютъ партіи, тогда и правительство становится къ нимъ въ отношеніе партіи, и чѣмъ добросовѣстнѣе служатъ ему чиновники, тѣмъ безпощаднѣе они преслѣдуютъ разномыслящихъ; но и тѣ ихъ не щадятъ, когда могутъ. Во время господства духа партій, судьи-чиновники весьма часто самые обыкновенные случаи, самыя простѣйшія уголовныя дѣла превращаютъ въ политическіе вопросы; а за политическія преступленія, въ которыхъ правительство всегда принимаетъ самое живое, непосредственное участіе, и въ которыхъ потому и судьи-чиновники не могутъ быть вполне хладнокровными и безпристрастными судьями, преслѣдуютъ съ безпощадною жестокостію и, вслѣдствіе этого, навлекаютъ на себя всеобщее негодованіе. Не говоря о другихъ многочисленныхъ свидѣтельствахъ исторіи, новѣйшая реформа германскаго уголовного суда, главнымъ образомъ, тѣмъ ускорена была, что германскіе судьи, увлекаясь излишнею ревностію по службѣ, не соблюдали никакой умѣренности, когда производили политическіе процессы, которые, въ послѣднее время, во всѣхъ германскихъ владѣніяхъ сдѣлались весьма нерѣдки, а это вооружило противъ нихъ и противъ отечественнаго процесса общественное мнѣніе. Общее нерасположеніе къ отечественному уголовному процессу, весьма усилившееся въ послѣднее время, говоритъ Миттермайеръ, главнымъ образомъ должно приписать тѣмъ многочисленнымъ политическимъ процессамъ, которые тогда ведены были во всѣхъ земляхъ, гдѣ дѣйствовалъ нѣмецкій уголовный процессъ. Чрезвычайная продолжительность слѣдствій, происходившая часто и отъ особенныхъ обстоятельствъ случая и отъ необходимости сношенія съ разными мѣстами для полученія свѣдѣній, нужныхъ для разясненія дѣла, была первою причиною неудовольствія противъ нѣмецкаго процесса; а нѣкоторые приговоры,—данные при

(1) Hoepfner über den Anklageprocess und das Geschwornengericht. Hamburg. 1844. Стр. 237 и 238

обстоятельствахъ, въ которыхъ часто страстное, происшедшее отъ ревности не по разуму и соединенное съ нарушеніемъ обыкновенныхъ формъ, преслѣдованіе преступниковъ рождало мысль, что правительство, какъ партія, употребило всю свою силу, дабы осудить ихъ во что бы то ни стало,—подорвали и послѣднее довѣріе къ нему, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе не вѣрило виновности тѣхъ, которые до этого вели себя безукоризненно и пользовались всеобщою довѣренностію, а таинственный мракъ, которымъ покрываются въ нѣмецкомъ процессѣ всѣ судебныя дѣйствія, не даетъ возможности знать причины осужденія (1).

А до чего можетъ доводить религіозная нетерпимость, тому между прочимъ служить самымъ печальнымъ доказательствомъ несчастная Ирландія. Въ этой странѣ почти всегда бывають виноваты католики и никогда протестанты. Не только судьи, но и присяжные изъ протестантовъ всегда осуждаютъ первыхъ и оправдываютъ послѣднихъ. Между тѣмъ какъ въ Англіи, говоритъ тотъ же писатель, народъ имѣетъ полную довѣренность къ дѣйствіямъ судей и приговорахъ присяжныхъ, въ Ирландіи они не возбуждаютъ этой довѣренности къ себѣ. Разъединеніе, существующее между протестантами и католиками, и угнетеніе первыхъ послѣдними оказываютъ свое дѣйствіе и здѣсь. Мирные судьи въ Ирландіи, болѣею частію Англичане, легко злоупотребляютъ своею властію. Между тѣмъ какъ въ Англіи жесткія въ нѣкоторомъ отношеніи формы процесса смягчаются своимъ собственнымъ англійскимъ юристамъ сочувствіемъ къ положенію подсудимаго и человѣколюбивымъ обращеніемъ съ нимъ, какъ съ несчастливцемъ, въ Ирландіи протестантскіе судьи обыкновенно видятъ въ каждомъ Ирландцѣ хитраго мошенника или развратнаго, на всякое преступленіе способнаго негодая, и со всякимъ, кто попадаетъ къ нимъ въ руки по подозрѣнію, поступаютъ строго и судятъ его безъ пощады. Да и благодѣтельный, руководимый въ Англіи правильнымъ политическимъ духомъ и юридическимъ, чуждымъ партіи, тактомъ, судъ присяжныхъ въ Ирландіи служить страшнымъ орудіемъ въ рукахъ протестантскихъ присяжныхъ, которые ненавидятъ своихъ противниковъ и во всякомъ случаѣ судятъ пристрастно; отъ этого и единогласіе присяжныхъ, когда они должны дать обвинительный приговоръ, ведетъ лишь къ тому, что приговоръ или вовсе не составляется, и виновный избѣгаетъ наказанія, когда между присяжными находится хотя одинъ католикъ, который препятствуетъ осужденію своего единовѣрца, или если присяжные осуждаютъ единогласно, то этотъ приговоръ не возбуждаетъ ни какой довѣренности, потому что всякій знаетъ, что онъ есть лишь произведеніе господствующаго между протестантскими присяжными нерасположенія къ католи-

(1) D. Mündlichkeit... и проч. Стр. 6 и 7.

камъ, которое только и произвело единогласіе (1). И это дѣлается въ странѣ, которая считается самою свободною!

Впрочемъ, что дѣлается въ смутныя времена, до чего могутъ быть доводимы не только судьи, но и присяжные во время народныхъ вольнень и при правленіи деспотическомъ, и къ чему люди бывають-способны, когда ими овладѣваетъ религіозный фанатизмъ,—то не можетъ никогда служить ни примѣромъ, ни доказательствомъ. И мы охотно умолчали бы обо всемъ этомъ, еслибы не были вынуждены къ тому противниками присяжныхъ, которые заимствуютъ всѣ свои доказательства противъ ихъ независимости изъ этихъ печальныхъ страницъ исторіи. Подобныя страницы были бы слишкомъ позорны и печальны, еслибы и на нихъ не встрѣчались другія, совершенно противоположныя, въ высшей степени отрадныя явленія (2). Говоря о независимости присяжныхъ, мы хотѣли ограничиться лишь указаніемъ, что судьи—чиновники, по самому своему общественному положенію и значенію, и при правительствѣ благонамѣренномъ, которое воздерживается отъ всякаго противозаконнаго вліянія на своихъ судей, потому что уважаетъ и себя и ихъ, зависимае отъ него, чѣмъ присяжные; поэтому, даже дѣйствуя, при исполненіи обязанностей своего званія, вполне самостоятельно, чиновники не могутъ быть совершенно свободны отъ подозрѣнія въ зависимости.

Наконецъ, что касается до зависимости присяжныхъ, при сужденіи преступленій, отъ народныхъ слуховъ, мнѣній и толковъ, то на присяжныхъ они, конечно, могутъ имѣть болѣе вліянія, какъ на людей, менѣе свѣдущихъ въ законахъ и менѣе опытныхъ, чѣмъ на чиновниковъ; но когда народъ дѣйствительно дорожитъ институтомъ присяжныхъ и крѣпко принимаетъ къ сердцу эту важную обязанность, тогда присяжные легко могутъ избавиться отъ этого недостатка. Англичане дорожатъ институтомъ присяжныхъ, какъ драгоценнѣйшимъ преимуществомъ, и вслѣдствіе того, дабы умѣть исполнять эту должность надлежащимъ образомъ, не только не уклоняются отъ нея подъ разными предлогами, какъ то бываетъ у другихъ народовъ, но, когда стоять на очереди, приготавливаются къ тому, кромѣ самаго уже направленія воспитанія, чтеніемъ сочиненій по части уголовного судопроизводства, и наконецъ частымъ посѣщеніемъ судебныхъ мѣстъ и присутствіемъ при преніяхъ. Отъ этого, на скамьяхъ присяжныхъ, сидятъ въ Англіи такіе люди, которые не легко покоряются чужимъ мнѣніямъ. А гдѣ институтъ присяжныхъ не составляетъ дѣйствительно

(1) D. Mündlichkeit стр. 34.

(2) Судья Воганъ, который, пренебрегая мѣстію деспота, даетъ приговоръ объ освобожденіи изъ-подъ стражи Бешеля, конечно, не можетъ не дѣйствовать успокоительно на душу, взволнованную раболѣпною вѣстію его собратій.

общей національной потребности, и люди съ талантами и характеромъ уклоняются отъ этой должности, тамъ не его уже винить должно въ томъ, что уголовная юстиція управляется мнѣніемъ толпы. Въ этомъ случаѣ никакіе выборные, ни въ какомъ отношеніи, не могутъ приносить пользу государству. Право выборовъ есть самое высокое право, и нѣтъ выше преимущества, какъ судиться своими судьями. Гдѣ это право предоставлено гражданамъ, тамъ жизнь, свобода, честь, имущества ихъ, обезпечены самымъ прочнымъ образомъ. Но надо, чтобы народъ понималъ всю важность этого права. Особенно тогда непростительно уклоненіе людей, наиболѣе достойныхъ выбора, и замѣщеніе общественныхъ должностей людьми несвѣдущими, неопытными и негодными, когда правительство само, добровольно, изъ любви къ общему благу, предоставляетъ своимъ подданнымъ столь важное право. Но много значить здѣсь и то, какъ судятъ о преступленіяхъ присяжные: предоставляются ли они лишь внутреннему, субъективному убѣжденію, или держатся извѣстныхъ, основанныхъ на вѣковомъ опытѣ и утвержденныхъ обычаемъ положительныхъ правилъ, какъ напримѣръ у Англичанъ. Въ первомъ случаѣ, какъ пловцы безъ компаса и парусовъ, присяжные, дѣйствительно, легко могутъ увлекаться вѣтромъ народныхъ толковъ и, чтобы въ важныхъ и трудныхъ случаяхъ спасти себя отъ отвѣтственности передъ совѣстію и обществомъ, приставать туда, куда направляетъ ихъ его мнѣніе. Напротивъ, въ послѣднемъ они твердыми стопами идутъ туда, куда направляетъ ихъ собственное убѣжденіе, основанное на прочномъ фундаментѣ вѣковаго опыта, и также мало поддаются влиянію летучихъ слуховъ, толковъ и мнѣній, какъ судьи-чиновники.

Отъ независимости судей зависитъ и ихъ безпристрастіе. Но судьи-чиновники не рѣдко теряютъ его и по другимъ причинамъ. Официальные блюстители законнаго порядка, они на то и поставлены, чтобы карать неправду. Въ этомъ состоитъ задача всей ихъ жизни, и тѣмъ выше ихъ репутація и громче имя, чѣмъ ревностнѣе и безпощаднѣе они караютъ нарушителей законнаго порядка. Правда, законъ вмѣняетъ въ обязанность судьямъ-чиновникамъ заботиться въ одинаковой степени и объ оправданіи подсудимыхъ. Но оправданіе подсудимыхъ гораздо менѣе соответствуетъ ихъ общественному характеру, чѣмъ обвиненіе, а потому и не такъ крѣпко лежитъ у нихъ на сердцѣ. Уже съ самаго начала процесса чиновникъ обыкновенно смотритъ на обвиняемаго въ преступленіи, какъ на уличеннаго въ немъ, и обыкновенно даетъ слѣдствію и суду одностороннее направленіе. Присяжные и здѣсь благотворно дѣйствуютъ на судей. Они не имѣютъ никакого официального характера, и когда временно приглашаются въ уголовные суды для рѣшенія одного или многихъ уголовныхъ случаевъ, не приносятъ туда никакихъ особенныхъ им

мыслей, ни цѣлей, и потому какъ сами могутъ быть вполне безпристрастны въ своихъ рѣшеніяхъ, такъ возвращаютъ и судьямъ нужное безпристрастіе. Наклонны бываютъ судьи-чиновники къ обвиненію подсудимыхъ и отягченію ихъ судьбы часто и оттого, что продолжительное обращеніе съ злодѣями и злодѣянiami мало-по-малу ослабляетъ у нихъ вѣру въ людей и ожесточаетъ ихъ сердце. Присяжные, обновляясь непрестанно, приносятъ съ собой въ уголовные суды и вѣру въ людей, и свѣжія чувства, и бываютъ всегда болѣе склонны къ состраданію, чѣмъ къ жестокости. Последнее даже часто переходитъ у нихъ за предѣлы. Между тѣмъ какъ присяжные умѣряютъ своимъ вмѣяніемъ жестокость судей, судьи, въ свою очередь, воздерживаютъ ихъ отъ состраданія неумѣстнаго, и такимъ образомъ въ этомъ отношеніи благотворно дѣйствуютъ одни на другихъ.

Самое приложеніе уголовныхъ законовъ къ жизни, главная и существенная обязанность судей-чиновниковъ, не можетъ быть дѣлаемо ими вполне справедливо безъ содѣйствія присяжныхъ.

Хотя законы и называются вѣрнымъ зеркаломъ народной жизни, но жизнь такъ разнообразна, что исчерпать все богатство ея явленій не въ состояніи никакой законъ, какъ бы онъ ни былъ полонъ и подробенъ. Да и развивается жизнь гораздо быстрѣе, чѣмъ законъ. Неудержимымъ потокомъ течетъ она и непрестанно приноситъ съ собой новыя понятія, а законъ утверждаетъ ихъ не прежде, какъ они сознаются всѣми. Отъ этого нерѣдко случается, что законъ и жизнь находятся въ разладѣ между собой, что законъ, справедливый вообще, оказывается несправедливымъ въ приложеніи къ жизни. Но случается и то, что гражданинъ впадаетъ въ преступленіе оттого только, что ошибается насчетъ свойства своего дѣйствія, или совершаетъ дѣйствіе до такой степени мало-важное, хотя и запрещенное закономъ, что представляется за лучшее оставить его безъ наказанія. Судьи-чиновники, во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, хотятъ или не хотятъ, должны прилагать законы, и слѣдовательно, волей или неволей, быть жестокими и несправедливыми. Они судятъ лишь по закону и не имѣютъ никакого права отмѣнять его дѣйствіе собственною властію ни по какой причинѣ. Но тутъ-то и являются на помощь имъ присяжные. Присяжные судятъ не по закону, а по совѣсти, и, люди жизни, постоянно обращающіеся въ вихрь ея, имѣютъ полную возможность всегда, когда усматриваютъ, что законъ положительный противорѣчитъ жизни, примирять его съ жизнью и усвоивать праву новыя явленія и понятія. Пользуясь этою важною возможностью, присяжные, съ одной стороны, тотчасъ же отмѣняютъ дѣйствіе закона жестокаго и несправедливаго и предотвращаютъ всѣ вредныя слѣдствія его приложенія къ жизни, тогда какъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, пока онъ отмѣнится, нерѣдко многія сотни, тысячи приносятся ему въ жертву; а

съ другой способствуютъ дальнѣйшему развитію права, внося въ него матеріалы изъ самаго свѣжаго и чистаго источника. Не даромъ же Англичане, именновъ этомъ отношеніи, высоко цѣнятъ институтъ присяжныхъ. Но будучи благотворно само въ себѣ, это право при неблагоразумномъ употребленіи, можетъ-быть и крайне опасно. Оно дѣлаетъ присяжныхъ полными властелинами законовъ, и легко можетъ быть въ ихъ рукахъ источникомъ самаго безграничнаго произвола. Къ законамъ, при приложеніи ихъ къ дѣлу, присяжные могутъ находиться въ двоякомъ отношеніи: имъ или дозволяется не только давать очистительные или обвинительные приговоры, но и смягчать законное наказаніе, присоединяя къ приговору ограниченіе, что въ дѣлѣ есть смягчающія обстоятельства, или же предоставляется только вообще оправдывать или обвинять. Первая система принята во Франціи, а послѣдняя въ Англіи. Англійская система ведетъ къ тому, что присяжные, пользуясь правомъ отмѣнять законы, иногда лишь изъ ложнаго человеколюбія, безъ всякаго достаточнаго основанія, освобождаютъ виновныхъ отъ всякаго наказанія, въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ, хотя и не полное, но смягченное наказаніе было бы вполнѣ умѣстно и благодѣтельно, тогда какъ ненаказанность оскорбляетъ народную нравственность и служить къ явному соблазну общества. Впрочемъ англійскіе присяжные чрезвычайно рѣдко злоупотребляютъ своимъ драгоценнѣйшимъ преимуществомъ. Гораздо чаще дѣлали это французскіе присяжные. До 1832 имъ также не было предоставлено право смягчать законное наказаніе, и они, пользуясь законнымъ постановленіемъ во все и не думать о законахъ при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, до того не думали о нихъ, что вездѣ, гдѣ наказаніе, опредѣленное за преступленіе, казалось имъ жестоко, совершенно отмѣняли его, давая очистительный приговоръ. Въ этомъ отчасти были виноваты и французскіе законы, которые довольно жестоки. Чтобы присяжные по крайней мѣрѣ не вовсе освобождали виновныхъ отъ наказанія, французскій законодатель въ 1832 г. дозволилъ имъ, въ подобныхъ случаяхъ, присоединять къ очистительнымъ приговорамъ: *il y a des circonstances atténuantes*.

Не законами уничтожается произволъ въ области суда, а тѣмъ общимъ духомъ, который одушевляетъ исполнителей ихъ. Глубокое уваженіе къ законамъ и живое сознаніе важности своего общественнаго служенія, а всего болѣе непрестанное памятованіе о томъ, какая тяжкая ответственность передъ обществомъ, совѣстію и Богомъ, возложена на нихъ довѣренностію согражданъ,—вотъ единственныя вѣрныя гарантіи противъ произвола присяжныхъ въ приложеніи уголовныхъ законовъ къ жизни. Только когда одушевляютъ ихъ такіа чувства, можно ожидать отъ нихъ суда дѣйствительно по совѣсти и чести. Глубокое уваженіе къ законамъ никогда не дозволитъ присяжнымъ распорядиться ими произвольно, какъ своимъ добромъ; а серіозный взглядъ на свое:

звание не попустить давать приговоры иначе, какъ вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ ихъ справедливости. Но много значить и то, въ какой степени развито въ народѣ религиозное чувство, и какъ смотрятъ на присягу народъ и присяжные, — видятъ ли они въ ней высоко-религиозное дѣйствіе, или простой обрядъ. Для преуспѣянія института присяжныхъ, говоритъ Ф. Орелли (1), болѣе всего необходимо, чтобы присяжные съ величайшею добросовѣстностію исполняли свой долгъ и глубоко сознавали всю важность своего высокаго призванія. Право не есть продуктъ только настоящаго и не предназначается лишь для него одного, но возвышается надъ всѣми поколѣніями, какъ нѣчто высшее и общее, и мы можемъ только далѣе развивать его, а не создавать. Поэтому и присяжные никакъ не должны видѣть въ себѣ какъ бы источникъ права, а лишь живое выраженіе его. Забывая это, они становятся не только невѣрными своему призванію, но и прямо вредными спокойному развитію права. Святость присяги и уваженіе къ законамъ—вотъ столпы, на которыхъ утверждается этотъ храмъ народнаго правосудія. Благо государству, гдѣ всѣ граждане взаимно пробуждаютъ и воспитываютъ другъ въ другѣ чувство правды и законности!.. Но прочь, безъ милосердія прочь отъ должности присяжнаго того, кто не проникнуть этимъ духомъ; не ценсъ, а самая строгая цензура, въ древнемъ римскомъ значеніи этого слова, должна опредѣлять то, кому быть присяжнымъ» (1).

Внося жизни въ право, присяжные переносятъ въ то же время и право въ жизнь. Гдѣ судъ по преступленіямъ раздѣляется между ними и чиновниками, тамъ общій интересъ къ нему необходимо возрастаетъ; съ живѣйшимъ участіемъ слѣдятъ всѣ за ходомъ уголовныхъ процессовъ, и уже не по мертвымъ книгамъ, а по живой хартии жизни, не только изучаютъ законы, но и научаются уважать ихъ. Правда судебная, раздаваемая при непосредственномъ участіи согражданъ, заставляетъ высоко цѣнить и правду законную, и не нужно никакихъ особенныхъ усилій для распространенія свѣдѣній о ней въ народѣ. Она сама собой переходитъ къ жизни.

Наше время имѣетъ высокое призваніе мало-по-малу возстановлять незаконно разорванный союзъ между религіей, нравственностію и правомъ. Судъ присяжныхъ олицетворяетъ этотъ союзъ въ области уголовного правосудія. Онъ всецѣло основывается на святости присяги и самымъ высшимъ нравственнымъ судомъ, судомъ совѣсти, возвращаетъ жизнь праву, разрушаемую преступленіемъ.

С. БАРШЕВЪ.

(1) Стр 92 и 93.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Зоотомія.

Изученіе естественныхъ наукъ такъ распространилось въ наше время, что невозможно было бы даже прочесть всего, что ежегодно печатается по этой части, еслибы нѣкоторые спеціалисты по разнымъ отраслямъ естествознанія не издавали библиографическихъ отчетовъ и не оказывали тѣмъ величайшей услуги ученому обществу.

У насъ теперь передъ глазами учено-библиографическіе отчеты по зоотоміи, съ 1849 по 1852 годъ включительно, Виктора Каруса (1), и отчетъ Гризебаха (2) за 1853 г., по систематической ботаникѣ и географіи растений. Болѣе 450 ученыхъ трудились по части зоотоміи, въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримеръ Иоганнесъ Мюллеръ, Бланшаръ, Овенъ, Лейкартъ и другіе, представили отъ четырнадцати до двадцати сочиненій каждый; всѣ вмѣстѣ произвели болѣе тысячи работъ по одной зоотоміи. Если обратимъ вниманіе на національность этихъ ученыхъ, то окажется, что Германия, Франція, Англія, Данія и Швеція почти равно содѣйствовали успѣхамъ анатоміи животныхъ въ эти три года; нѣмецкихъ именъ, безъ сомнѣнія, всего больше, потому что самое народонаселеніе Германии многочисленнѣе. Америка и Італія стоятъ уже на второмъ планѣ, Россія же на послѣднемъ, хотя мы и встрѣчаемъ въ отчетѣ В. Каруса десять именъ русскихъ ученыхъ; но что же значить десять изъ 60,000,000! особенно, если обратимъ вниманіе на краткость и на незначительность работъ нѣкоторыхъ изъ этихъ ученыхъ (3). Въ Испаніи, повидимому, вовсе не занимаются науками.

(1) Jahresbericht über die im Gebiete der Zootomie erschienenen Arbeiten, von J. V. Carus. I, 1849 — 1852. Leipzig, 1856.

(2) Bericht über die Leistungen in der geographischen und systematischen Botanik, während des Jahres 1853, von Dr. A. Griesebach. Berlin, 1856.

(3) Вотъ имена русскихъ ученыхъ и сочиненія ихъ:

Н. А. Варнекъ, Объ образованіи и развитіи зародышей брюхоногихъ слизней (Bullet. d. l. Soc. Imp. d. Nat. d. M. 1850, I pag.), заключаетъ подробное описаніе яйца и сѣмянной жидкости, изложеніе дробленія желтка, такъ же какъ и подтвержденіе того, что продукты этого дробленія суть настоящія яйки; съ пояснительными таблицами; на нѣмецкомъ языкѣ.

К. Горскій; О тазѣ ящерицы, Дерптъ, 1852; на нѣмецкомъ языкѣ.

С. Горскій, О рожахъ пчелъ; по-латыни.

Гро, De l'embryogenie ascendante ou génération primitive etc. (Bull. d. l. Soc. Imp. d. Nat. d. M. 1851, I pag. и въ другихъ мѣстахъ), старается доказать своими наблюденіями надъ иеузоріями, что существуетъ самозарожденіе и превращеніе низшихъ животныхъ въ высшія.

Работы гг. *Кесслера* и *Киттары* относятся къ предшествовавшему году. Кромѣ того, встрѣчаемъ имена гг. *Нордмана* и *Попова*, сообщившихъ нѣкоторые замѣтки въ ученые журналы.

Сообразивъ, что зоотомія есть отрасль одной только зоологіи, оказывается, что для вычисленія суммы ученой дѣятельности по остальнымъ частямъ естествознанія слѣдуетъ увеличить, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ число представленныхъ сочиненій: тогда мы имѣли бы 10,000 работъ по разнымъ отраслямъ естествознанія въ три года (1), число, которое, вѣроятно, оказалось бы менѣе настоящаго, еслибы можно было сосчитать всѣ сочиненія на самомъ дѣлѣ. Послѣ этого спрашивается: достойна ли вниманія такая громадная дѣятельность? И распространеніе естественныхъ наукъ не есть ли характеристическая черта нашего вѣка? Предполагая, что каждое сочиненіе содержитъ круглымъ числомъ пять листовъ (2), и издано въ 2000 экземплярахъ (3), получимъ сто миллионновъ листовъ; считая каждый листъ по 1 коп. сер., окажется, что ученая дѣятельность по части естествознанія, въ продолженіе трехъ лѣтъ, пустила въ оборотъ десять миллионновъ рублей серебромъ на одной бумагѣ (4)! Вспомнимъ еще, что сочиненія по естественнымъ наукамъ издаются обыкновенно съ гравюрами и полиטיפажамъ, весьма часто на дорогой бумагѣ; что занятія этими науками требуютъ огромныхъ средствъ, какъ—то: ботаническихъ садовъ, музеевъ, коллекцій всякаго рода, путешествій и т. д., — вспомнимъ, чего стоитъ одна редакція такого огромнаго количества сочиненій, и тогда убѣдимся, что занятіе естественными науками есть одно изъ главнѣйшихъ и серьезныхъ проявленій умствен-

Черный, Monographie des Essigälchens' (Bull. de la Soc. Imp. des Nat. d. Moscou, 1849, T. XXII, 2 pag.), подробное анатомическое описаніе уксусной дрожалки.

(1) Такъ напримѣръ въ отчетъ Либиха и Копфа, по химіи, физикѣ и физико-химической минералогіи и геологіи, за одинъ 1855 годъ упоминается о 1000 работахъ съ лишнимъ; сюда должно присоединить еще работы по физиологіи животныхъ, систематической зоологіи, палеонтологіи, морфологіи растений, анатоміи и физиологіи растений, систематической ботаникѣ и географіи растений (168 работъ въ одинъ 1853 годъ, по Гризобаху), по физической географіи съ метеорологіею, и астрономіи.

(2) Нѣкоторыя сочиненія, особенно общія, заключаютъ въ себѣ до 150 печатныхъ листовъ, какъ напримѣръ геогнозіа Науманна.

(3) За границею печатаютъ обыкновенно по двѣ тысячи экземпляровъ; кромѣ того, многія сочиненія переводятся на другіе языки; притомъ же общія сочиненія весьма часто выходятъ въ двухъ и трехъ изданіяхъ въ продолженіе короткаго времени.

(4) Одинъ экземпляръ сочиненія, изданнаго Александромъ Гумбольдтомъ и его сотрудниками, по возвращеніи изъ Америки, стоилъ въ 1834 году, когда сочиненіе еще не было окончено, 10,000 франковъ, то-есть почти вдвое противъ цѣнности знаменитаго *Описанія Египта*, на которое французское правительство употребило три милліона франковъ. Изданіе Гумбольдтова творенія одною бумагою и отпечатаніемъ стоило 840,000 фр., и было предпринято частными средствами. Одиѣхъ гравированныхъ таблицъ при этомъ сочиненіи 1300 (H. Kletke, A. von Humboldt's Reise im Europäischen und Asiatischen Russland, 1856. — Humboldt's Leben, p. 332).

ной жизни латино-германскихъ племенъ. Обращая вниманіе только на матеріальное значеніе нашего разсчета, найдешь, что одна форма, въ которой распространяются естественныя науки, даетъ средства къ существованію многихъ милліоновъ людей, пуская въ оборотъ громадныя капиталы. Это одно заставляетъ насъ думать, что всякій образованный человекъ обязанъ знакомиться съ сущностью наукъ, коихъ изученіе вошло въ обыденную жизнь многихъ народовъ.

Итакъ, обращаемся къ наукѣ о строеніи животныхъ, съ полною надеждою встрѣтить сочувствіе въ читающей публикѣ; постараемся излагать по возможности коротко и ясно.

Естественныя науки обрабатываются въ наше время исключительно путемъ аналитическаго наблюденія; для достиженія какого-либо результата требуется изслѣдовать и описать изучаемый предметъ во всѣхъ подробностяхъ — отъ альфы до омеги. Талантъ наблюдателя выказывается въ сознаніи и установленіи вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго онъ трудится, въ избраніи метода наблюденія и въ сводѣ фактовъ. Между новѣйшими и общепринятыми особенно распространены два метода наблюденія: *наблюденіе простѣйшихъ* и *наблюденіе существъ въ постепенномъ ихъ развитіи*. Вслѣдствіе этого, а также и того, что низшими животными прежде мало занимались, большинство новѣйшихъ зоотомовъ занято анатомическимъ строеніемъ и развитіемъ простыхъ и мелкихъ организмовъ. Это двухстороннее направленіе новой зоотоміи яснѣе всего оказывается изъ сравненія науки временъ Кювье съ зоотоміею нашего времени. Въ *Règne animal* а въ *Anatomie comparée* Кювье едва упоминается объ инфузоріяхъ, изъ которыхъ многія принимались тогда за безголовыхъ слизней. Размноженіе низшихъ организмовъ было вовсе не изслѣдовано; въ настоящее время, напротивъ, исторія и анатомія низшихъ тварей занимаетъ столь же важную часть, какъ и строеніе высшихъ. Прекрасное руководство къ зоологіи фонъ-деръ-Гёвена (1), по объему своему, немного меньше *Животнаго Царства* Кювье; а между тѣмъ мы находимъ въ первомъ гораздо болѣе зоотомическихкихъ свѣдѣній, особенно относительно безпозвоночныхъ. Классификація позвоночныхъ у фонъ-деръ-Гёвена—въ сущности та же, что и у Кювье; безпозвоночныя же не могли остаться въ томъ видѣ, въ какомъ были они у знаменитаго французскаго зоолога. Совершенство новѣйшихъ познаній, относительно этихъ животныхъ, на каждомъ шагѣ измѣняетъ данныя временъ Кювье. Въ твореніи Карла Фогта—*Зоологическія Письма* (2)—мы находимъ еще полнѣйшее выраженіе направленія новѣйшей зоологіи. Сочиненіе это, на

(1) Handbuch der Zoologie von J. van-der Hoeven, 2 B. Leipzig. 1850, —52 и—56 г. съ добавленіями Лейкарта; переводъ съ голландскаго.

(2) Zoologische Briefe, von Carl Vogt; 1851 Frankfurt. 2 Bände.

писанное общепонятнымъ языкомъ, содержитъ въ себѣ весьма ясное, даже занимательное и достаточно подробное изложеніе строенія животныхъ вообще, особенно же низшихъ. Фогтъ дѣлитъ царство животныхъ, основываясь на развитіи желтка и зародыша (1); лѣтъ за пятнадцать тому назадъ о такомъ дѣленіи и помышлять было бы невозможно, по причинѣ недостаточности свѣдѣній. Систематическая часть *Зоологическихъ Писемъ* не заслуживаетъ особаго вниманія, но анатомическая достойна всякой похвалы: изъ нея можно вполне познакомиться со степенью совершенства новѣйшаго ученія о развитіи низшихъ тварей, о строеніи и образѣ жизни ихъ. Правда, что и теперь уже нѣкоторыя мѣста требуютъ поправки, но это неизбежное слѣдствіе быстроты, съ которою наука подвигается впередъ.

Слѣдовательно, какъ мы уже сказали выше, характеристическими чертами новѣйшей зоологіи должно считать: распространеніе ученія о строеніи низшихъ животныхъ, и ученіе о развитіи животныхъ вообще, и низшихъ въ особенности.

Весьма важными и любопытнѣйшими результатами такого направленія, являются намъ открытія очереднаго возрожденія (*Generationswechsel, génération alternante*) и познаніе строенія, образа жизни и размноженія внутреннихъ червей. Давно были извѣстны превращенія наѣжкомыхъ, размноженіе безъ оплодотворенія мелкихъ наѣжкомыхъ, называемыхъ *травлюю тлею* (*Aphis, Lin.*) (2), и превращенія лягушекъ. Но факты эти стояли уединенными, и не всѣ даже были вѣрно понимаемы. Когда же, въ новѣйшее время, принялись за изученіе развитія простѣйшихъ животныхъ, то оказалось, что подобныя явленія несравненно болѣе распространены въ природѣ, нежели предполагали. Шведскимъ ученымъ Ловену, Сарсу, и датскому Стенструпу въ особенности, обязана наука установленіемъ ученія объ очередномъ возрожденіи. Имена зоологовъ, развившихъ это ученіе, будутъ встрѣчаться намъ ниже.

Очередное возрожденіе состоитъ въ томъ, что существо, размножающееся такимъ способомъ, имѣетъ разныя формы и особый образъ жизни въ разные періоды своего существованія, будучи при-

(1) Вотъ это дѣленіе, въ главныхъ чертахъ:

I Противуположеніе желтка и зародыша въ яйцѣ.

1). Желтокъ брюшной — то-есть приложенъ къ брюшной части тѣла. *Позвоночныя*.

2). Желтокъ спинной — то-есть приложенъ къ спинной части тѣла. *Членистыя*.

3). Желтокъ головной, то-есть приложенъ къ головѣ. *Головоногія*.

II. Превращеніе всего желтка въ зародышъ, — сюда *слизняки, черви и зельдчатые*.

III. Яйцъ нѣтъ, — *инфузоріи и корненожки*.

(2) Еще знаменитый Карлъ Бонне производилъ надъ ними любопытныя опыты (*Traité d'Insectologie, t. I, Paris, 1745*).

томъ снабжено орудіями оплодотворенія только въ одинъ изъ этихъ періодовъ; тогда оно несетъ яйца, изъ которыхъ вылупляются животныя, подобныя тому, которымъ начался отжившій рядъ. Для поясненія и прилѣра, приведемъ описаніе очереднаго возрожденія морскихъ крапивъ, или *медузъ*, по Стенструпу (1), коего сочиненію написано весьма просто и интересно, а потому всякому доступно.

Медузы суть мягкія, почти прозрачныя, студенистыя животныя, весьма красивыхъ формъ и разнообразныхъ цвѣтовъ, плавающія почти на поверхности моря, отъ ранней весны до поздней осени.

Ихъ особенно много видно въ свѣтлые дни: онѣ имѣютъ форму волушариковъ, кружечковъ и колокольчиковъ съ разными привѣсками. На зиму онѣ вдругъ исчезаютъ.

Такъ какъ весною замѣчали особенно много молодыхъ медузъ, то полагали, что ихъ зарожденіе происходитъ зимою, но не знали, какимъ образомъ оно происходитъ. Норвежскій естествоиспытатель Сарсъ, еще въ 1828 г., а за тѣмъ въ 1835 г. обратилъ на это вниманіе, и тѣмъ положилъ основаніе ученію объ очередномъ возрожденіи.

Маленькая медуза, весьма обыкновенная въ Нѣмецкомъ морѣ (*medusa aurita*), имѣющая полвершка въ діаметръ, походитъ видомъ на колокольчикъ, у котораго снизу виситъ четырехраздѣльный язычокъ, а по краямъ тонкая бахрома. Яйца этой медузы собираются сначала внутри каждаго изъ четырехъ отдѣловъ язычка, которые суть не что иное какъ щупальцы, окружающіе ротъ животнаго. Изъ этихъ яичекъ вылупляются, внутри самаго животнаго, мелкія существа, пребывающія нѣкоторое время въ тѣлѣ матери, но вскорѣ выходящія наружу. Существа эти нисколько не походятъ на произведшую ихъ медузу: это почти микроскопическія крупинки, грушевидной формы, покрытыя движущимися рѣсничками, посредствомъ которыхъ онѣ свободно движутся въ водѣ. Прежде ихъ принимали за инфузоріи; но вскорѣ каждое изъ подобныхъ существъ прикрѣпляется однимъ концомъ къ какому-нибудь неподвижному тѣлу, тогда какъ другой конецъ его пускаетъ парные отросточки, и постепенно получаетъ видъ *полипа*. Но недолго остается оно въ этомъ видѣ: тѣло его начинаетъ перетягиваться поперекъ, сначала въ одномъ мѣстѣ, затѣмъ въ другомъ, третьемъ, и т. д.; круговыя перетяжки эти становятся все явственнѣе и глубже, животное принимаетъ видъ какъ бы нѣсколькихъ блюдечекъ, наставленныхъ одно на другое, имѣющихъ довольно длинныя парныя зубчики по краямъ и прикрѣпленныхъ снизу на одномъ и томъ же столбикѣ. Въ этомъ видѣ животное принимаемо

(1) Ueber den Generationwechsel oder die Fortpflanzung &c., von Joh. Japetus Sm. Steenstrup, Copenhagen, 1842; переводъ съ датскаго, съ тремя таблицами.

было опять за особое существо. Наконецъ, каждое блюдечко отдѣляется, между тѣмъ какъ число отростковъ значительно увеличилось; тогда животное свободно плаваетъ въ морѣ и черезъ короткое время получаетъ ту же форму, какою отличалась производшая его медуза. Стенструпъ называетъ полипообразное существо *кормилкою* (Amthe), а возрожденіе такого рода кормилочнымъ (Amthezeugung) или очереднымъ. Такое возрожденіе оказывается весьма распространеннымъ въ природѣ, но не во всѣхъ существахъ оно одинаково; сохраняется одна только сущность.

Теперь обратимся къ исторіи внутреннихъ червей. Этой части зоотоміи слѣдуетъ придавать особый вѣсъ, потому что она почти разрушила идею о возможности самозарожденія; идея, которая поддерживалась именно существованіемъ чужеродныхъ животныхъ, не только въ пустотахъ и жидкостяхъ другихъ организмовъ, но и въ самой толщѣ различныхъ частей ихъ. И дѣйствительно: было дознано, что человекъ, другія млекопитающія, и по всей вѣроятности большая часть остальныхъ животныхъ, какъ бы малы они ни были, могутъ содержать чужеродныхъ. Съ другой стороны, орудія оплодотворенія и яйца большей части внутреннихъ были неизвѣстны; о развитіи же ихъ не имѣли никакого понятія. Послѣ этого немудрено было заключить, что внутренние черви сами собою зараждаются въ чужихъ органахъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ дѣлались только догадки. Нѣкоторые ученые предполагали въ то время, что самозарожденіе такъ распространено, что даже высшія животныя—рыбы—могутъ происходить сами собою, и доказывали это находженіемъ рыбъ въ такихъ озерахъ и подземныхъ водахъ, въ которыхъ прежде не замѣчалось никакой жизни, и которые, по возвышенію своему надъ уровнемъ моря, или по подземному положенію, не могли быть въ сообщеніи съ другими водохранилищами. Теперь же, когда извѣстно, что всѣ внутренние черви снабжены орудіями оплодотворенія и несутъ яйца; когда изучены превращенія, претерпѣваемые ими, строеніе ихъ тѣла, и способы, употребляемые ими для прониканія въ разные части тѣла обитаемыхъ ими животныхъ,—идея о самозарожденіи потеряла главнѣйшую изъ опоръ своихъ. Въ этомъ отношеніи можно еще сомнѣваться развѣ насчетъ простѣйшихъ наливочныхъ (инфузорій) изъ животнаго и растительнаго царства.

Еще въ недавнее время г. Ценковский, профессоръ С.-Петербургскаго университета, сообщилъ объ открытіи весьма замѣчательнаго явленія — превращенія крахмальныхъ крупинокъ картофеля въ живыя, одноклеточныя растенія (1). Превращеніе совершалось подъ глазами не

(1) Zur Genesis eines einzelligen Organismus, von Professor Cienkowski, Bullet. d. l'Ac. Imp. des Sc. de St.-P. Также въ Botanische Zeitung, 1856, 38 St.-Pr. Cienkowski's Entdeckung, etc. v. Regel.

только самого г. Ценковского, но также и нѣкоторыхъ членовъ академіи. Значеніе этого явленія, которое, по словамъ самого автора, очевидно доказываетъ существованіе самозарожденія, хотя и оспаривается нѣкоторыми учеными, но самый методъ изслѣдованія, избранный г. Ценковскимъ, способенъ принести хорошіе результаты, потому что вопросъ о самозарожденіи одноячейныхъ организмовъ можетъ разрѣшиться именно только черезъ непосредственное наблюденіе тѣхъ веществъ, изъ которыхъ предполагается возможность самозарожденія.

Въ послѣднее время по части гельминтологіи (наука о внутреннихъ глистахъ) имѣется не мало замѣчательныхъ сочиненій, таковы на примѣръ творенія Кюхенмейстера (1), Зибольда (2), и Лейкарта (3). Сочиненіе Кюхенмейстера, которое мы здѣсь разумѣемъ, замѣчательно въ томъ отношеніи, что содержитъ изложеніе средствъ къ излѣченію отъ глистовъ, основанное на новѣйшемъ познаніи дѣла. Мы воспользуемся здѣсь только книгою Лейкарта, для краткаго описанія исторіи пузырчатой-ленточной глисты собачьей (*Tania serrata canis*), которая для насъ будетъ тѣмъ интереснѣе, что еще разъ пояснить намъ очередное возрожденіе.

Еще въ 1850 г. писалъ ванъ-дербъ-Гёвенъ, что всѣ пузырчатая глисты (*Cystica*) лишены орудій оплодотворенія; но, прибавляя онъ, весьма вѣроятно, что это только переходная форма къ глистамъ ленточнымъ. Строеніе тѣла этихъ животныхъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ сходство съ ленточными, въ той части, которая называется головою и которая, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, снабжена одинаковыми сосалами и крючками. Различіе состоитъ въ томъ, что за этою головою, у первыхъ слѣдуетъ раздутое, пузыристое тѣло, а у ленточныхъ длинное, плоское и раздробленное на огромное число подобныхъ между собою члениковъ. Такъ у глисты, живущей въ человѣкѣ, и распространенной въ Россіи и въ Польшѣ (*Bothriosephalus latus*), такихъ члениковъ насчитываетъ Эшрихтъ до 10,000. Каждый членикъ въ зрѣломъ состояніи содержитъ, по словамъ того же датскаго

(1) Die in und an dem Körper des lebenden Menschen vorkommenden Parasiten, von Dr. Fried. Küchenmeister. Leipzig, 1855, 2 B., съ рисунками.

(2) Ueber die Band- und Blasenwürmer etc. v. C. Th. Ernst von Siebold, Leipzig, 1856, съ полиптиками.

(3) Die Blasenbandwürmer und ihre Entwicklung, v. B. Leuckart, Giessen, 1856, in 40, съ литографир. таблицами. На первой страницѣ этого сочиненія, присланнаго Москов. обществу испыт. прир., въ день его пятидесятилѣтняго юбилея, отъ Верхне-Гессенскаго собранія естествоиспытателей и врачей, изложено въ приличныхъ выраженіяхъ поздравительное привѣтствіе. См. также приложеніе Лейкарта къ зоологіи фонъ-дербъ-Гёвена: Nachträge und Berichtigungen zum ersten Bande von S. v.-d. Hoeven's-Handbuch der Zoologie, v. Leuckart. Leipzig, 1856. Въ этомъ приложеніи весьма ясно, хотя и кратко, изложены послѣдніе успѣхи зоотоміи низшихъ животныхъ.

ученаго, нѣсколько тысячъ яицъ. Сколько же миллионѡвъ яицъ въ состояніи произвести одна ленточная глиста? На сходство пузырчатыхъ и ленточныхъ червей впервые обратилъ настоящее вниманіе Стенструпъ: онъ выразилъ ту мысль, которую мы находимъ у ванъ-деръ-Гёвена, и предполагалъ притомъ, что ленточные черви происходятъ путемъ очереднаго возрожденія, въ ряду котораго пузырчатая глιστα составляютъ одну изъ переходныхъ формъ, лишенную орудіи оплодотворенія (1). За тѣмъ ванъ-Бенеденъ (2) говоритъ, что пузырчатая глιστα представляютъ еще неразвитое состояніе (Sco-lices) ленточныхъ. Онъ полагалъ, что ленточныя глисты могли бы, вѣроятно, развиться, не переходя черезъ пузырчатое состояніе, еслибы зародыши ихъ попадали непосредственно въ кишечную пустоту. Дюжарденъ (3) и Зибольдъ приняли несамостоятельность пузырчатыхъ глистовъ, но считаютъ ихъ не переходною формою, а уродливостію, происшедшею вслѣдствіе мѣстопробыванія. Слѣдовательно, введенъ былъ еще новый вопросъ: о вліяніи мѣстопробыванія внутреннихъ животныхъ на ихъ развитіе.

Уже Дюжарденъ и Зибольдъ полагали, что пузырчатая глιστα, живущія обыкновенно въ толщѣ органовъ, развиваются въ ленточныхъ, при переходѣ своемъ въ кишечный каналъ. Наконецъ Кюхенмейстеръ, воспользовавшись мыслию, уже давно выраженною, но неудачно выполненною, вздумалъ изслѣдовать дѣло путемъ опыта: онъ кормилъ члениками ленточной глисты, полными зрѣлыхъ яицъ, и наоборотъ, пузырчатыхъ глισταми, кроликовъ, мышей, собакъ, овецъ, козъ и проч. Примѣру его послѣдовали Зибольдъ и Лейкартъ. Результаты такихъ опытовъ оказались совершенно удовлетворительными. Найдено вообще, что яйца ленточныхъ глистовъ не развиваются въ тѣхъ животныхъ, въ которыхъ онѣ сами живутъ: они развиваются только послѣ перехода ихъ въ другое животное и развиваются не иначе какъ въ пузырчатыхъ холостыхъ глистовъ, живущихъ въ толщѣ органовъ. Для того, чтобъ пузырчатая глιστα могла достигнуть полнаго развитія и принять ленточную форму, она должна опять попасть въ тѣло того животнаго, въ которое были снесены первыя яйца,—и именно, въ его кишечную пустоту. Понятно послѣ этого для чего глιστα снабжены такимъ огромнымъ количествомъ яицъ: случайности ихъ развитія такъ многочисленны, что одно только неизвѣстное количество яицъ способствуетъ сохраненію ихъ въ ряду животныхъ, населяющихъ землю.

(1) См. Leuckart, die Blasenbandwürmer, etc. Историческій обзоръ, и Steenstrup: Ueber den Generationswechsel, etc.

(2) Les vers cestoïdes ou acotyles, considérés sous le rapport de leur classification, etc. Bruxelles, 1850. Mem. del'Acad. Roy. de Belgique, XXV.

(3) Histoire naturelle des Helminthes ou vers intestinaux, Paris 1845.

Но перейдемъ, наконецъ, къ исторіи собачьей глисты.

Эта глста, какъ и другія, имѣетъ на одномъ концѣ кругловатый членикъ, такъ-называемую голову, снабженную сосалами и шипами, тогда какъ остальная часть тѣла плоска, полупрозрачна и раздѣлена на множество члениковъ, содержащихъ каждый огромное число яицъ. Въ этомъ взросломъ видѣ глста извѣстна давно. Яйца, снесенныя въ кишечную пустоту собаки, заключаютъ въ себѣ зародыши, но не развиваются. Когда же они, выброшенные вонъ, попадаютъ случайно, или вслѣдствіе искусственнаго кормленія, въ желудокъ и кишки кроликовъ, скорлупа яичекъ размягчается, и зародыши выходятъ въ видѣ кругловатыхъ, полумикроскопическихъ существъ, снабженныхъ маленькими шипами. Для дальнѣйшаго своего развитія, они нуждаются однако въ новомъ перемѣщеніи: посредствомъ своихъ шипиковъ, мелкія животныя прободаютъ стѣнки кишокъ и попадаютъ большею частию въ пустоту венъ, которыя вмѣстѣ съ кровью разносятъ ихъ по всему тѣлу; самое большое число ихъ попадаетъ въ легкія, а главное въ печень, въ которой они поселяются для превращенія. Печень кроликовъ, накормленныхъ яйцами глстовъ, покрывается черезъ короткое время множествомъ бѣлыхъ мѣшечковъ; въ нихъ—то и заключены развивающіеся зародыши, которые черезъ нѣсколько недѣль принимаютъ видъ мелкихъ пузырьчатыхъ глстовъ, снабженныхъ раздутымъ тѣломъ и головою съ присосалами и крючками. Эти животныя давно извѣстны и принимались за особый видъ (*Cysticercus pisiformis leporis*). На самомъ же дѣлѣ это только вторая степень развитія, на которой глста остается до тѣхъ поръ, пока не перемѣнитъ мѣстопробыванія, что можетъ быть весьма продолжительно. Но лишь только такой цистицеркъ попадетъ одинъ, или, пожалуй, вмѣстѣ съ кроликомъ, въ кишки собаки, какъ съ нимъ начинается превращеніе. Пузырчатая часть его тѣла пропадаетъ мало-по-малу, и онъ получаетъ видъ той части ленточной глсты, которую считаютъ головою. Голова эта на заднемъ концѣ своемъ производитъ почку, которая, возрастая, составляетъ первый плоскій членикъ животнаго, — первый членикъ отпихивается назадъ вторымъ, второй—третьимъ и т. д.; такимъ образомъ глста получаетъ свою ленточную форму, а между тѣмъ въ заднихъ, то—есть самыхъ старыхъ членикахъ, образуются уже орудія оплодотворенія, и появляются яйца. Такъ какъ всѣ членики длиннѣйшей ленточной глсты между собою совершенно одинаковы, то ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ отдѣльныя существа, соединенныя между собою органически, подобно полипамъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что зрѣлые членики отпадаютъ сами собою, и могутъ произвольно выходить изъ обитаемаго ими животнаго. Тутъ они и поглощаются случайно новымъ животнымъ, и яички начинаютъ снова развиваться, если обстоятельства благопріятны.

Первый членикъ, или голова, есть родъ влагалища цѣлага поколѣ-

ня; это *кормилка*, способная всасывать питательныя вещества и производить почки. Понятно теперь, какимъ образомъ, не зная всѣхъ этихъ обстоятельствъ, не вида начала пузырчатыхъ червей, не находя въ нихъ ни орудій оплодотворенія, ни яицъ, считали ихъ слѣдствиемъ самозарожденія. Семейство пузырчатыхъ червей, считавшееся прежде отдѣльнымъ, должно, слѣдовательно, быть исключено изъ зоологическихъ системъ.

Другія глисты, живущія въ морскихъ животныхъ (Trematoda), размножаются подобно ленточнымъ. Изъ яичка выходитъ зародышъ, похожій на инфузорій и плавающій свободно въ водѣ, помощью ресничекъ, покрывающихъ его тѣло. Зародышъ этотъ превращается въ существо, имѣющее видъ длинноватаго мѣшечка,—это *кормилка*, наполненная другими мелкими существами, которыя въ свободномъ состояннн были извѣстны подъ именемъ *церкарий*. Но церкарии не долго остаются свободными; вскорѣ попадаютъ онѣ въ другихъ животныхъ, и тамъ уже превращаются въ настоящихъ трематодовъ, снабженныхъ орудіями оплодотворенія и способныхъ нести яйца.

Имѣя понятіе объ очередномъ возрожденнн, мы можемъ сравнить его съ превращеніями, происходящими въ другихъ отдѣлахъ царства животныхъ. Это сравненіе приведетъ насъ къ тому заключенію, что очередное возрожденіе есть только одинъ случай обыкновеннаго порядка вещей. Извѣстный французскій зоотомъ, Катремажъ, провель эту мысль въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанномъ живымъ и общепонятнымъ языкомъ, и напечатанномъ въ *Revue des deux Mondes*.

А. Бекетовъ.

Жизнь Шарлотты Бронте (Корреръ-Белля), автора «Дженни-Эйръ»,

«Шерли» и «Вильеттъ» (1).

The life of Charlotte Bronte, or memoirs of Currer Bell, edited by Mrs E. C. Gaskell, author of Mary Barton, North and South, etc. London 1847.

Есть много причинъ, почему эта біографія должна возбудить общій интересъ и обратить на себя вниманіе читателей: съ одной сто-

(1) Мы заимствовали эту статью изъ одной англійской газеты, чтобы немедленно познакомить публику съ новымъ произведеніемъ г-жи Гаскель, послѣдній романъ которой «Сверзь и Югъ» былъ переведенъ въ «Вѣстникъ», и вмѣстѣ чтобъ разказать ея словами жизнь Шарлотты Бронте (Корреръ-

роны, она раскрываетъ передъ нами качества поколѣнія суроваго и стремительнаго, какъ вѣтеръ, который прохватываетъ насквозь негостеприимный Альбионъ; съ другой, въ ней видно, какъ даровитая женщина, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, можетъ приготовить себя къ выполнению долга, закалить себя на испытанія и борьбу, и вырабатовать свой талантъ. Рѣдко встрѣчается литературный характеръ, такого оригинальнаго, замѣчательнаго типа, трудно найти въ наше время автора, сочиненія котораго были бы до такой степени популярны, а личность такъ мало извѣстна публикѣ, какъ гениальный авторъ «Дженни-Эйръ». То естественное любопытство, которое влечетъ насъ познакомиться съ біографіею любимаго писателя, удовлетворено здѣсь разомъ, вполнѣ. Сестра по призванію, сама надѣленная большими дарованіями, съ истинно-женскою любовью и сочувствіемъ, описала всѣ подробности жизни недавно умершей Шарлотты Бронте (1) и поставила ей памятникъ, который дѣлаетъ честь имъ обѣимъ. Мы не въ силахъ критически разбирать его недостатки, мы довольны, потому что видимъ въ немъ памятникъ твердости и терпѣнія, страданія и торжества, украшеніе литературнаго братства, доказательство благородныхъ стремленій человѣческой природы.

Почти всѣ тайны мастерской, источники, изъ которыхъ даровитая писательница почерпала свои замѣчательные характеры, матеріалы, которыми она пользовалась для своего испытующаго анализа, раскрыты въ этой біографіи. Но предоставимъ лучше самой г-жѣ Гаскелль изложить главные факты своего повѣствованія... «Отецъ Шарлотты былъ священникомъ селенія Чавортъ въ Йоркширѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится средоточіе торговли шерстью. Чавортъ расположенъ на скатѣ холма, вокругъ котораго тянутся безконечныя болота красноватаго цвѣта. Вся ближайшая мѣстность покрыта такими же

Белля), одной изъ даровитѣйшихъ женщинъ-писательницъ нашего времени. Эта женщина до сихъ поръ была какимъ-то загадочнымъ существомъ, предметомъ общаго любопытства; ея замѣчательная личность только теперь выяснилась, благодаря изысканіямъ г-жи Гаскелль. Между тѣмъ талантъ Корреръ-Белля давно оцѣненъ образованными читателями. Ея романы имѣли огромный успѣхъ, не только въ Англіи, но и у насъ въ Россіи. «Дженни-Эйръ» возбудила при своемъ появленіи на русскомъ языкѣ («Отечественныя Записки» 1840) общій восторгъ. Кому не памятна жизнь бѣдной гувернантки, кто не сочувствовалъ ея страданіямъ? Можно ли забыть когда-нибудь ея свиданіе съ Рочестеромъ, встрѣчу съ миссіонеромъ? Всѣ эти великолѣпные характеры глубоко запечатлѣлись въ душѣ каждаго и сдѣлались знакомыми, родными ей лицами—«familiar faces», какъ говорятъ Англичане. Другой романъ Корреръ-Белля, «Шерля», къ сожалѣнію менѣе у насъ извѣстенъ: онъ былъ помѣщенъ въ одномъ журналѣ въ неузнаваемомъ видѣ, и заслуживалъ бы лучшаго перевода. Что касается до «Вильеттъ»,—это произведеніе слабѣе первыхъ двухъ, но не лишено интереса.

(1) Фамильное имя *Bronte* слѣдуетъ произносить не *Бронтъ*, какъ бы казалось, а *Бронте*.

волнообразными возвышеніями одинаковаго вида; смотря по расположенію духа, они или кажутся величественными въ своемъ запусѣннн, или же пробуждаютъ тягостное чувство, даютъ душу однообразіемъ: какъ будто видишь передъ собою неумолимыя, безграничныя преграды!» Среди этой печальной природы, описанной въ «Шерли», росла Шарлотта съ сестрами и братомъ, безъ материнскаго попеченія, почти безъ друзей, въ бѣдномъ домикѣ, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, вблизи котораго съ трехъ сторонъ находились однѣ могилы и надгробные камни, измытые дождемъ. Дѣти очень слабого сложенія и небольшого роста, они рано потеряли мать; отецъ ихъ по природѣ не отличался нѣжностью характера, да вдобавокъ имѣлъ еще спартанскій взглядъ на воспитаніе, напримѣръ, запрещалъ имъ употребленіе мяса, всякое излишество въ одеждѣ и т. п. На него находили иногда припадки бѣшенства, и въ такихъ случаяхъ онъ, чтобы выместить какъ-нибудь свою досаду, стрѣлялъ въ комнатахъ изъ пистолета, отпиливалъ спинки креселъ и однажды бросилъ коверъ въ горящій каминъ и чуть было не задохнулся отъ дыму. Дѣти, не смотря на разнаго рода лишенія (ихъ кормили, напримѣръ, каждый день однимъ картофелемъ), повидимому, ничего не желали; по словамъ одной служанки, ихъ совѣсъ не было слышно въ домѣ: «такіе они были тихіе, спокойные, добрые малютки.» Семилѣтняя Марія, старшая изъ сестеръ, запиралась обыкновенно въ кабинетъ съ газетою и потомъ разказывала другимъ новости. Отца большею частию не было дома; притомъ же онъ рѣдко имѣлъ свободное время, чтобы заняться съ дѣтьми и, послѣ смерти матери, предоставилъ ихъ самимъ себѣ. Не имѣя ни игрушекъ, ни забавъ и развлеченій, свойственныхъ дѣтскому возрасту, они рано пристрастились къ чтенію, и въ этомъ конечно заключается причина ихъ преждевременнаго развитія.

«Едва выучившись читать и писать, говоритъ отецъ, дѣти начали сочинять и разыгрывать небольшія драмы, въ которыхъ герцогъ Веллингтонъ, герой моей дочери Шарлотты, непремѣнно являлся побѣдителемъ, если только заходилъ споръ между сестрами о его достоинствахъ, сравнительно съ Наполеономъ, Ганнибаломъ и Цезаремъ. При этомъ мнѣ не рѣдко случалось быть посредникомъ и улаживать дѣло собственною властію... Я невольно вспоминаю здѣсь одинъ случай. Когда дѣти мои были еще очень малы, *когда старшей, сколько я помню, было около десяти, а младшей не больше четырехъ лѣтъ*, мнѣ вздумалось устроить маленькій маскарадъ, чтобы заставить ихъ говорить со мною смѣлѣе и откровеннѣе. Я началъ съ младшей (Анны—въ послѣдствіи Актонъ Белль), и спросилъ ее, чего ей не достаетъ, она отвѣчала:—лѣтъ и опыта; потомъ обратился къ Емилиіи (Элисъ Белль) съ вопросомъ, что дѣлать съ негоднымъ ея братомъ? и получилъ въ отвѣтъ:—увѣщевать его, а если это не поможетъ—сѣчь. Бранвеллоу, сыну моему, я задалъ вопросъ:—какъ

опредѣлить разницу между умомъ мужчины и женщины? онъ отвѣчалъ:—нужно сначала опредѣлить разницу между ними въ физическомъ отношеніи! У Шарлотты спросилъ я: какая лучшая книга въ мірѣ? она отвѣчала: Библія. А вторая за нею? книга природы. Я задалъ потомъ слѣдующей дочери вопросъ: какой лучший способъ воспитанія женщины? она сказала: тотъ, который научить ее хорошо управлять домою. Наконецъ у самой старшей я спросилъ: какъ слѣдуетъ проводить время? и получилъ въ отвѣтъ: такъ, чтобы приготовиться къ вѣчности. Этотъ разговоръ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Можетъ-быть, я не припомню подлинныхъ выраженій, но смыслъ ихъ я передалъ здѣсь въ точности.»

Черезъ годъ послѣ смерти матери, одна изъ ея сестеръ пріѣхала въ Чавортъ, для надзора за сиротами. Сначала двѣ старшія, Марія и Елизавета, а потомъ и Шарлотта, были отправлены въ Коуанъ-Бриджъ, въ школу, которая такъ мастерски описана въ «Дженни-Эйръ». Въ этой картинѣ страданія дѣтей отъ суроваго обращенія и грязнаго стола Елены Борнсъ—копія Маріи Бронте—несчастная дѣвушка не долго пережила свое испытаніе и возвратилась домой съ сестрою Елизаветою, только для того, чтобы умереть; голодъ ускорилъ развитіе чахотки у обѣихъ пансіонерокъ. Шарлотта отmistила дурному повару и безпечной содержательницѣ школы только тѣмъ, что записала огненными словами свои впечатлѣнія въ знаменитомъ романѣ. Она сама чуть было не сдѣлалась жертвою порядка, принятаго въ этомъ заведеніи; ее спасла только болѣзнь, которая заставила отца взять изъ школы свою слабую дочь. Окончивъ такимъ образомъ воспитаніе, она возвратилась домой и, будучи девяти лѣтъ, приняла на себя обязанность старшей сестры и хозяйки, другими словами—матери осиротѣвшаго семейства. Всѣхъ дѣтей осталось теперь четверо, со включеніемъ Шарлотты; они снова соединились между собою и продолжали свою домашнюю умственную жизнь, свои уединенныя забавы и невинныя удовольствія. До насъ дошелъ единственный памятникъ этого времени—пакетъ, переданный г-жѣ Гаскелль, въ которомъ заключается несмѣтное количество драмъ, поэмъ, разказовъ, романовъ, писанныхъ преимущественно рукою Шарлотты, и такимъ мелкимъ почеркомъ, что его нельзя разобрать безъ увеличительнаго стекла. Онъ состоитъ изъ 22 томиковъ, изъ которыхъ въ каждомъ отъ 60 до 100 страницъ. Судя по извлеченіямъ г-жи Гаскелль, эти манускрипты очень интересны: изъ нихъ видно, какъ развилось воображеніе дѣтей среди однообразной природы и за отсутствіемъ общества. Дѣти, которыя ведутъ заключенную жизнь, обыкновенно задумчивы и мечтательны; они способны преувеличивать впечатлѣнія внѣшняго міра, видъ неба и земли, рѣдкія и случайныя встрѣчи съ незнакомыми лицами; для нихъ все имѣетъ большое значеніе и кажется сверхъ-естественнымъ.

Г-жа Гаскель рисуетъ передъ нами портретъ Шарлотты, когда она выросла подъ влияніемъ окружавшей сферы и достигла пятнадцатъ лѣтъ. «Въ 1831 году она имѣла очень тихій задумчивый видъ, и была такая маленькая, хилая и дряблая дѣвушка, что сама называла себя недоросткомъ; но такъ какъ ея голова и члены гармонировали со всѣмъ тѣломъ, то ее нельзя было назвать безобразною; у ней были мягкіе, густые, темные волосы и большіе, прекрасные, какіе-то особенные глаза, которые описать очень трудно. Они казались темными или карими, но если къ нимъ присмотрѣться ближе, отражали въ себѣ множество оттѣнковъ и красокъ. Въ нихъ свѣтился обыкновенно спокойный, внимательный умъ, но по временамъ, въ случаѣ сильнаго участія или негодованія, они отличались такимъ блескомъ, какъ будто бы внутри ихъ что-нибудь ярко горѣло. Я никогда не встрѣчала подобныхъ глазъ. О чертахъ ея лица вообще можно сказать, что онѣ были неправильны, просты, даже дурны, но пока вы не начинали отдѣльно ихъ анализировать, это не было замѣтно: сила глазъ и физиономіи закрывала физическіе недостатки; вы забывали нѣсколько кривой ротъ и широкій носъ, и останавливали вниманіе на тѣломъ, которое имѣло въ себѣ много привлекательнаго. Руки и ноги у ней были такъ малы, какъ у птицы. Длинные, тонкіе пальцы отличались удивительною нѣжностію осязанія; отъ этого самая мелкая ея работа, письмо, шитье, вязанье, была необыкновенно отчетлива. Одѣвалась она очень чисто и была особенно разборчива насчетъ башмаковъ и перчатокъ... Я думаю, что важное, серьезное выраженіе, которое придавало ея лицу сходство съ старыми венеціанскими портретами, напечатлѣлось на ней съ того самаго времени, когда она заступила мѣсто матери для осиротѣвшихъ дѣтей. Такой типъ у молодой дѣвушки могъ казаться «старообразымъ», если прибавить къ этому простоту и странность костюма: отецъ запрещалъ ей носить шелковое платье, какъ неприличное для дочери сельскаго священника, а тетка внушала пристрастіе къ провинціальной модѣ, которой сама слѣдовала.»

Въ январь 1831 года Шарлотта была снова отправлена въ школу миссъ Вулеръ, подлѣ Кирклиза, въ страну преданій и историческихъ памятниковъ. Страшныя легенды ходили кругомъ; въ третьемъ этажѣ самаго заведенія поселился духъ. Шарлотта никакъ не могла примириться съ тяжелою разлукой, она казалась подругамъ странною, смѣшно одѣтою дѣвочкой; несмотря на ея начитанность, ей были чужды самые первоначальные элементы воспитанія; «она поражала насъ, говорить одна пансіонерка, повидимому очень умная, своими свѣдѣніями; ей было извѣстно много такого, что выходило изъ круга нашихъ понятій. Въ часы отдыха, она сидѣла тихо, иногда съ книгой; въкоторыя убѣждали ее играть съ нами въ мячъ, но она обыкновенно говорила, что никогда не играла и не можетъ играть. Впро-

чемъ, мы любили ее. Привычка создавать для себя интересы въ воображеніи за отсутствіемъ интересовъ дѣйствительной жизни, свойственная молодости, была въ ней очень сильна; она изображала событія и характеры съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Вечеромъ, когда мы ложились въ постель, она намъ разказывала, и ея разказы были такъ страшны, что разъ съ одною изъ воспитанницъ сдѣлался сильный обморокъ.»

Содержательница пансіона, миссъ Вулеръ, была умная, чувствительная женщина; она много видѣла, пережила, сообщила автору «Шерли» тѣ свѣдѣнія о рабочемъ классѣ и объ отношеніяхъ англиканской церкви къ диссидентамъ (dissenters), которыя мы находимъ въ этомъ романѣ. Здѣсь же Шарлотта сблизилась съ двумя пансіонерками, съ которыми осталась дружна на цѣлую жизнь; переписка между ними раскрываетъ намъ дальнѣйшую исторію ея души. Спустя два года, она оставила школу, возвратилась въ Чавортъ, и вмѣстѣ съ братомъ начала брать уроки рисованія: ей пришло въ голову сдѣлаться артисткою. Но этотъ планъ кончился ничѣмъ: Бранвелль поступилъ гувернеромъ въ одинъ домъ, влюбился въ хозяйку этого дома, которая сначала увлекла его, а потомъ бросила, впалъ въ отчаяніе и, мучимый угрызениями совѣсти, сократилъ свою жизнь разными искусственными средствами. Постоянное присутствіе брата и нравственное его паденіе бросали тѣнь на безмятежную въ другихъ отношеніяхъ жизнь Шарлотты. Она оставила свои мечты объ артистической дѣятельности, поступила опять къ г-жѣ Вулеръ классною дамой и взяла съ собою сестру Эмилию, чтобы окончить ея воспитаніе. Последняя, однакоже, не могла вынести разлуки съ печальнымъ домомъ, который былъ для ней обѣтованнымъ мѣстомъ спокойствія и свободы, и черезъ три мѣсяца вернулась назадъ. Но Шарлотта осталась и, несмотря на свою пустынноческую жизнь и отреченіе отъ всего близкаго сердцу, считала себя довольно счастливою. Къ сожалѣнію, нервы ея разстроились и ненадежное здоровье ослабѣло до крайности: у нея часто дѣлалось трепетаніе сердца и доходило до такой степени, какъ это изображено въ «Дженни-Эйръ»: ей представлялись разныя видѣнія. Она принуждена была наконецъ отказаться отъ должности и уѣхать домой. Здѣсь сестры снова предалися литературѣ, хотя еще не сознавали вполне своихъ силъ, и только мучились отъ нетерпѣнія и раздражительности. Любопытно посмотрѣть на эти маленькія, безпокойныя фигуры, какъ онѣ ходятъ взадъ и впередъ по своей клѣткѣ—картина, можетъ—быть грустная, но дорогая для Шарлотты по воспоминаніямъ.

«Слѣдуя домашнему обычаю, дѣвушки шили каждый день до девяти часовъ вечера. Въ это время тетка ложилась спать, и племянницы считали себя свободными, бросали работу и начинали ходить по комнатамъ, иногда потушивъ свѣчи для экономіи. Прошедшія скорби

и заботы, планы и совѣщанія о будущемъ, были для нихъ неустоимымъ предметомъ бесѣды; сюда должно присоединить еще разсужденія и споры о замышляемыхъ романахъ. Даже въ послѣдствіи, когда Шарлотта пережила сестеръ, она осталась вѣрна прежнимъ привычкамъ, и всегда вечеромъ прохаживалась по своей пустой комнатѣ, думая о невозвратимыхъ дняхъ. Но сначала надежды и стремленія молодыхъ писательницъ были свѣтлы: онѣ составляли вмѣстѣ «магазинъ» или журналъ, писали стихи, и, не довѣряя сужденіямъ другъ друга, рѣшились просить совѣта Соути и Кольриджа.»

Соути не было дома, и онъ долго не отвѣчалъ Шарлоттѣ. Наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, она получила отъ него письмо, кажется, рѣзкое; содержаніе его мы выразимъ въ немногихъ словахъ: «литература не можетъ и не должна быть призваніемъ женщины.» Между тѣмъ здоровье Шарлотты нѣсколько поправилось; впрочемъ ея жизнь до 1840 года мало извѣстна: изъ біографіи видно только, что она на нѣкоторое время снова приняла на себя должность гувернантки, и что ей кто-то дѣлалъ предложеніе, которое она отклонила. Настроеніе ея духа, кажется, было мрачно; на нее находило иногда религиозное уныніе; но замѣчательно, что даже въ этомъ состояніи она не ослабѣвала въ ревности къ добру и къ долгу женщины.

Въ 1840 году она жила дома, строила вмѣстѣ съ сестрами планы насчетъ учрежденія женской школы и въ то же время писала романъ подъ заглавіемъ *Профессоръ*, который до сихъ поръ еще не изданъ. Въ мартѣ 1841 года ей опять предложили мѣсто гувернантки, и она отправилась вмѣстѣ съ сестрою въ Брюссель, для усовершенствованія во французскомъ языкѣ. Бельгійскія дѣвицы приплыли не по вкусу маленькой, серьезной Англичанкѣ; онѣ показались ей холодными «эгоистками», чувственными, неразвитыми, буйными и несносными для учителя; у нихъ, по ея выраженію, «гнилыя начала». Католицизмъ непріятно подѣйствовалъ на протестантку; она была поражена безнравственнымъ воспитаніемъ одной молодой Француженки, съ которою встрѣтилась. Но мы не будемъ распространяться о пребываніи миссъ Бронте въ Брюссель; оно подробно описано въ романѣ «Вильеттъ». Въ 1843 году Шарлотта окончательно возвратилась въ Чавортъ.

Вотъ эпизодъ изъ ея домашней жизни въ это время; мы видимъ отсюда, гдѣ взяла она неподражаемый женскій типъ — Шерли; она списала его съ своей сестры Эмили. «Безпомощныя, слабыя животныя обыкновенно возбуждали состраданіе Шарлотты. Эмили напротивъ чувствовала влеченіе къ дикимъ и неукротимымъ. Описывая мнѣ свою младшую сестру, старшая говорила, что въ ней нашла она всѣ главныя черты характера Шерли. Читатели знаменитаго романа, конечно, помнятъ привычки этой героини (она сидѣла обыкновенно

у очага съ книгою, обнявши одною рукою свирѣпаго бульдога, и милостиво утоляла его жажду, когда онъ просилъ воды, повѣсивъ голову и высунувъ языкъ), и не забыли того страшнаго событія, когда ее укусила собака, и мужественная дѣвушка, не потерявъ присутствія духа, побѣжала въ кухню, схватила до-красна раскаленный утюгъ и прижгла больное мѣсто, не сказавъ никому объ опасности, чтобы не испугать домашнихъ. Всю эту великолѣпную сцену, мастерски изображенную въ «Шерли», Шарлотта писала со слезами, и почти буквально передала ее съ натуры. У Эмили былъ такой же бульдогъ, какъ у Шерли; только онъ носилъ названіе не Тартара, а Сторожа; она получила его въ подарокъ. Сторожъ былъ вѣренъ по своей природѣ и кротокъ только до тѣхъ поръ, пока видѣлъ кругомъ себя друзей; но если кто-нибудь осмѣливался ударить его палкою или хлыстомъ, смиренная собака превращалась въ дикаго звѣря, лѣзла къ горлу врага и готова была задушить его до смерти. У Сторожа были еще другія привычки: онъ любилъ лежать на комфортабельныхъ постеляхъ, на бѣлыхъ и нѣжныхъ одѣялахъ, что противорѣчило принятому порядку въ домѣ священника и чистотѣ комнаты. Потерявъ терпѣніе, служанка жаловалась Эмили; та обѣщала исправить собаку. Но кроткія мѣры не помогали; нужно было прибѣгнуть къ насилію, несмотря на опасность. Однажды вечеромъ горничная, съ торжествомъ и вмѣстѣ со страхомъ, приходитъ сказать, что Сторожъ въ сладострастномъ упоеніи растянулся на самой мягкой, чистой, только-что приготовленной постели. Шарлотта замѣтила, что Эмили поблѣднѣла, но не рѣшилась вмѣшаться въ дѣло и отправилась вмѣстѣ съ служанкою наблюдать за сестрою. Та скоро вышла, таща за ошейникъ неукротимую собаку, которая сопротивлялась и издавала дикій, страшный вой. Животное разсвирѣпѣло, но рука краброй дѣвушки не дрогнула и не только предупредила роковой прыжокъ, но и наказала собаку, безъ помощи палки или хлыста, однакоже не менѣе дѣйствительно. Сторожъ отвыкъ отъ страсти къ мягкому ложу и при всемъ этомъ не пересталъ любить попрежнему свою госпожу, шелъ за ея гробомъ, стоналъ у дверей ея пустой комнаты и наконецъ самъ отправился за нею. По вѣрованіямъ краснокожихъ, онъ спитъ теперь безнаказанно на роскошной постели, въ царствѣ тѣней.»

Послѣ безуспѣшной попытки открыть школу, сестры издали на свой счетъ въ 1846 году томикъ стихотвореній, которыя не обратили на себя особеннаго вниманія; объ нихъ отозвались холодно. Романъ *Профессоръ* также не пошелъ въ ходъ между лондонскими книгопродавцами, но Шарлотта уже начала писать «Дженни-Эйръ». Въ это время отецъ ея почти потерялъ зрѣніе; братъ прошелъ жизненныя испытанія и спѣшилъ въ могилу, изнуренный излишествами; дѣвушки должны были еще ходить за старою служанкою, которую не

хотѣли бросить; наконецъ и собственное здоровье ихъ было слабо. Но, несмотря на всѣ огорченія и несчастія, онѣ безпощадно, неутомимо работали. Рукопись «Дженни-Эйртъ» была принята безъ замедленія и напечатана насчетъ торговаго дома Смита и К^о.

«Когда манускриптъ былъ полученъ въ Лондонѣ, онъ былъ отданъ для просмотра одному джентльмену, который пришелъ въ такой восторгъ и такъ хвалилъ романъ, что книгопродавцы почти потеряли довѣріе къ его рецензії и критическимъ способностямъ. Они обратились за совѣтомъ къ другому, холодному Шотландцу, но и этотъ просидѣлъ за рукописью почти цѣлую ночь безъ отдыха и не могъ отъ нея оторваться. Сила и обаяніе разказа чрезвычайно подѣйствовали на публику; всѣ спрашивали другъ у друга, кто бы могъ написать его? Но этого вопроса не могли разрѣшить сами издатели: они не знали, что такое Корреръ Бель, муштина или женщина, дѣйствительное или вымышленное лицо. Когда появилось второе изданіе съ посвященіемъ Теккерею, публика еще болѣе пришла въ неудовѣріе; начались слухи: злые языки увѣрили, что авторомъ романа была женщина, живой оригиналъ Ревекки Шарпъ; многіе думали, что всѣ сочиненія, подписанныя именами Беллей, принадлежатъ одному лицу.. Такъ какъ эти подозрѣнія имѣли вліяніе на самую продажу книги и запутали книгопродавцевъ въ споры и процессы, то Шарлотта и Анна (Актонъ Белль) должны были пріѣхать въ Лондонъ. Онѣ совершенно не знали столицы и едва могли найти себѣ приличную квартиру.

«Когда онѣ явились къ Смигу, Шарлотта представила ему, для удостовѣренія, его собственное письмо. «Какъ оно попало въ ваши руки,» спросилъ онъ, не довѣряя, чтобы эти двѣ дѣвушки, одѣтыя просто, маленькія и хилыя, дѣйствительно были Корреръ и Актонъ Белль, которыхъ до сихъ поръ напрасно отыскивало всеобщее любопытство. Затѣмъ послѣдовало объясненіе, и Смигъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы доставить имъ развлеченіе въ Лондонѣ.»

Онѣ пробыли въ столицѣ два или три дня, видѣли оперу и снова возвратились въ Чавортъ, гдѣ черныя тучи уже висѣли надъ ихъ несчастнымъ семействомъ. Въ сентябрѣ умеръ братъ ихъ Бранвелль; потомъ заболѣла Эмилиа. «Никогда въ своей жизни, пишетъ Шарлотта, она не мѣшкала надъ работою, и также точно теперь поспѣшила оставить насъ. Видя каждый день, съ какимъ мужествомъ переносила она свои мученія, я чувствовала тоску любви и уваженія: никогда не видала я ничего подобнаго. Ея природа была сильнѣе, чѣмъ природа муштинны, и проста, безыскусственна, какъ природа дитяти. Полная состраданія къ другимъ, она не чувствовала никакого сожалѣнія къ себѣ, думъ ея былъ неумолимъ къ плоти.» Эмилиа слегла черезъ недѣлю по смерти Бранвелля; она не жаловалась, не требовала помощи и сочувствія, даже не отвѣчала на вопросы. Много разъ Шарлотта и Анна прекращали работу, прислушиваясь съ стѣсненіемъ

нымъ сердцемъ къ слабымъ шагамъ и неровному дыханью сестры, когда она входила на лѣстницу; но не смѣли выразить своей скорби и сидѣли молча.

Вслѣдъ за Эмилией умерла Анна, и Шарлотта наконецъ осталась одна. Всѣ эти страшныя событія случились въ то самое время, когда она писала «Шерли»: неудивительно, что она едва могла его кончить. «Тяжело было ей приниматься снова за прерванный трудъ; некому было слушать ея разказы, критиковать и сочувствовать, никто не ходилъ съ нею по комнатѣ вечеромъ, какъ въ прежніе дни.»

Успѣхъ «Шерли» упрочилъ литературную славу Шарлотты Бронте: у ней возникли новыя связи и отношенія съ цѣлымъ міромъ писателей и критиковъ; она вышла изъ тѣснаго круга прежней жизни; казалось, ее одну, самую даровитую изъ всѣхъ сестеръ, пощадила судьба для лучшей будущности. Она вступила въ корреспонденцію съ Льюисомъ и Вилліамсомъ, приобрѣла дружбу миссъ Мартино, г-жи Гаскелль, ѣздила въ Шотландію, на озера, въ Лондонъ, нѣсколько разъ видѣлась съ Теккереемъ, котораго очень уважала, хотя и несовсѣмъ сочувствовала его сочиненіямъ.

Какое дѣйствіе произвела на Шарлотту игра Рашели, видно изъ романа Вильеттъ, который былъ послѣднимъ и самымъ слабымъ ея произведеніемъ. Она работала надъ нимъ по принужденію книгопродавецъ, противъ воли, и нѣсколько разъ бросала перо по причинѣ разстроеннаго здоровья и отсутствія домашней критики. «Я боюсь крупныхъ объявленій о новомъ романѣ Корреръ Белля», писала она къ друзьямъ. Впрочемъ ея опасенія были напрасны: Вильеттъ былъ принятъ довольно благосклонно, несмотря на строгій отзывъ миссъ Мартино. Эта критика, къ сожалѣнію, огорчила даровитую Шарлотту; еще болѣе оскорбляла ее свита подражательницъ и соперницъ, толпа «синихъ чулковъ», которая выпустила въ свѣтъ тысячи романовъ à la Дженни Эйръ, развела водою и приправила сахаромъ ея умную и энергическую героиню.

Послѣдніе мѣсяцы грустной жизни Шарлотты Бронте были освѣщены солнцемъ домашняго счастья. Она вышла замужъ за одного священника, который имѣлъ къ ней сильную привязанность.

«Мы, любящіе друзья, стоя въ сторонѣ, замѣчали проблески радости, видѣли на ея лицѣ выраженіе мира и думали, что послѣ долгой и тяжелой борьбы, послѣ такихъ заботъ и печалей, она успокоится. При мысли о ея прошедшемъ, намъ было отрадно вѣрить, что Богу угодно наконецъ отереть слезы съ ея глазъ: взоръ ея прояснился; въ характерѣ не было замѣтно прежней остроты и нервической раздражительности. Мы надѣялись и предсказывали... Но пути Божіи неисповѣдимы.»

Шарлотта простудилась послѣ одной прогулки, слегла въ постель и болѣе не вставала. Съ ней сдѣлалась горячка и бредъ.

«Долгіе дни и ночи проходили, и она не имѣла облегченія. На третьей недѣлѣ марта она почувствовала перемѣну, но не къ лучшему, просила пищи, но уже было поздно. Проснувшись какъ-то на минуту отъ безпамятства, она увидѣла передъ собою изнуренное скорбью лицо мужа и услышала нѣсколько словъ его молитвы за ея жизнь. «Неужели, прошептала она, — я должна умереть? Богъ не различитъ насъ—мы были такъ счастливы!»

Она умерла 31-го марта 1855 года. Кромѣ друзей, за ея гробомъ шли окрестные бѣдняки и нищіе, съ которыми она дѣлилась всѣмъ, что имѣла. Но мы не удивляемся тому, что въ ней было такъ много состраданія и милосердія; она извѣдала сама, собственнымъ опытомъ, лишенія и скорби всякаго рода; ея жизнь полна горя. Насъ поражаетъ въ особенности ея умственная сила, ея талантъ: какъ могъ онъ развиться въ такой тѣсной сферѣ, при такихъ неодолимыхъ препятствіяхъ; какъ больная дѣвушка, почти незнакомая съ свѣтомъ, заключенная, подавленная, стѣсненная, могла создать характеръ Рочестера и мастерски изобразить свое созданіе, — это просто литературное чудо. Критика должна сложить оружіе передъ Шарлоттою Бронте, и не имѣетъ права оспаривать дарованіе, которое высказалось съ такимъ блескомъ среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, среди тяжкой борьбы и нескончаемыхъ тревогъ. При взглядѣ на эту грустную жизнь, которая такъ недавно окончилась, насъ невольно преслѣдуетъ мысль, что еще одинъ творческій духъ пересталъ тосковать на землѣ, и мы преклоняемъ колѣна передъ его величіемъ.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Итальянскій архитекторъ и археологъ Канина. Нельзя не почтить нѣсколькими строками память одного изъ самыхъ неутомимыхъ дѣятелей въ области исторіи и археологіи искусства. 17-го октября 1856 г. скончался во Флоренціи Луиджи Канина, одинъ изъ знаменитѣйшихъ архитекторовъ и археологовъ Италіи. Труды его почти необъятны. Первымъ его сочиненіемъ была «Исторія античной архитектуры», состоящая изъ 9-ти томовъ текста in 8° и атласа изъ 706 гравюръ, рѣзанныхъ на мѣди, in fol.; здѣсь собрано все, что когда-либо было издано о памятникахъ Египта, Греціи и Рима. Въ 1849 г. издалъ онъ критическую исторію базиликъ; въ которой описалъ не только базилики Рима, но и Константинополя, Равенны, Аахена, Павии, Милана, Палермо и Венеціи. Потомъ издалъ 6 томовъ in fol. объ

античныхъ зданіяхъ въ окрестностяхъ Рима (Gli Edifizi antichi dei contorni di Roma), къ которымъ прибавилъ томъ о топографіи древняго Рима; издалъ и сочиненіе о римскомъ форумѣ и его памятникахъ и топографическій планъ римской Кампаньи.

За тѣмъ слѣдовали разысканія объ архитектурѣ Іудеевъ и храмъ Саломона въ Іерусалимѣ; томъ in fol. о древнемъ Тускулумѣ, его виллахъ, форумѣ и театрѣ, съ 53 гравюрами. Въ особенности оказалъ онъ важныя услуги для исторіи древне-этрусскаго искусства своею монографіею о древнемъ городѣ Веи, томъ in fol. съ 45 гравюрами, и другимъ сочиненіемъ объ Этрурїи въ четырехъ томахъ in fol. съ 136 таблицами.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ занятъ раскопками на древней Аппіевой дорогѣ, гдѣ нашелъ множество весьма замѣчательныхъ памятниковъ. Въ двухъ томахъ успѣлъ онъ обнаружить часть своихъ открытій; другая была прервана его неожиданною смертію. Онъ издалъ вообще 24 тома in fol. гравюръ и къ нимъ по крайней мѣрѣ 12 толстыхъ томовъ текста in 8°. По обычаю, введенному Пиранези и другими римскими археологами, его изданія гравировались и печатались въ его собственномъ жилищѣ, Via Gregoriana, въ Римѣ.

Сверхъ этой огромной литературной дѣятельности, Канина еще былъ практическимъ архитекторомъ, директоромъ Капитолійскаго музея въ Римѣ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Рисунки Каульбаха къ Шекспиру. Въ числѣ учениковъ, вышедшихъ изъ строгой школы Корнелиуса, основателя новѣйшей немецкой живописи, всѣхъ болѣе прославился Вильгельмъ Каульбахъ. Еще въ ранней юности покрылъ онъ стѣны разныхъ дворцовъ въ Мюнхенѣ, этой метрополїи искусства въ южной Германїи, своими фресками. Изъ картинъ его пользуются всѣхъ болѣе извѣстностію, знакомы и у насъ по гравюрамъ: «Домъ умалишенныхъ», гдѣ характеристика душевныхъ болѣзней доведена до высшаго совершенства; «Битва Гунновъ», оконченная въ 1837 г., въ которой, слѣдуя грандіозному сказанію, изображено, какъ послѣ битвы Гунновъ съ Римлянами передъ вратами Рима, ожесточенныя души павшихъ продолжаютъ яростное сраженіе надъ полемъ, покрытымъ трупами. Необычайный сюжетъ этой картины дѣйствуетъ демоническимъ образомъ на зрителя; рисунокъ исполненъ огня, жизни и красоты. Въ 1838 году началъ онъ свою большую символическую картину: «Завоеваніе Іерусалима римскимъ императоромъ Титомъ». Въ среднїхъ картинахъ, на дымящихся развалинахъ храма Саломона, верховный жрецъ, окруженный ищущими у алтара спасенія, пронзаетъ себя мечомъ; римскій полководецъ съ толпою воиновъ, въ числѣ коихъ много дикихъ Германцевъ, вторгается въ храмъ; вездѣ грабежъ, пожаръ и убійство; на переднемъ планѣ Вѣчный Жидъ, символъ будущей

участи Еврейскаго народа, бѣжить, преслѣдуемый демонами; а христіанская семья, руководимая ангелами, покидаетъ грустныя мѣста. На верху картины, въ разверстомъ небѣ, видны пророки, прорицавшіе паденіе Іерусалима, и ангелы съ пламенными мечами, карающіе виновный городъ и народъ. Эта картина составляетъ нынѣ одно изъ главныхъ украшеній Новой Пинакотекы въ Мюнхенѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нынѣшній король Пруссій, симпатизирующій символическому направленію Каульбаха, поручилъ художнику украсить рядомъ большихъ картинъ *al fresco* стѣны главной лѣстницы, ведущей въ Новый Музей. Сюжетомъ картинъ назначались сцены, характеризующія главнѣйшіе моменты въ жизни человѣчества. Каульбахъ избралъ слѣдующія темы: столпотвореніе вавилонское и расселеніе народовъ; греческій міръ, сосредоточенный въ его высшихъ представителяхъ; паденіе Іерусалима; битва Гунновъ. Сцена изъ крестовыхъ походовъ и другая, изъ новѣйшей исторіи, еще не окончены. Эти шесть большихъ картинъ окаймлены другими малыми, въ которыхъ изображены: Сага и Исторія, разные великіе законодатели и правители и т. д. Каульбахъ за исполненіе этихъ фрескъ, для которыхъ онъ рисуетъ только картоны въ настоящую величину и небольшіе эскизы масляными красками, опредѣляющіе колоритъ (на стѣнахъ фрески исполняются его помощниками), получаетъ огромное вознагражденіе, именно 20,000 талеровъ за каждую картину, что за всѣ шесть картинъ, образующихъ этотъ живописный циклъ исторіи человѣчества, составляетъ около 120,000 руб. сер. Но не одни эти большія художественныя предпріятія прославили имя Каульбаха: большую извѣстность въ массѣ публики доставили ему его геніальныя иллюстраціи къ разнымъ знаменитымъ поэтическимъ произведеніямъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ его рисунки къ извѣстной сказкѣ Гёте, изъ міра животныхъ: «Рейнеке лисъ». Разсматривая эти превосходно-гравированные рисунки, не можемъ не удивляться глубокому остроумію, богатой и неистощимой фантазіи, сатирическому уму, превосходному рисунку художника. Успѣхъ этихъ иллюстрацій побудилъ Каульбаха предпринять другой подобный, но болѣе многозначительный трудъ: это созданіе рисунковъ къ великимъ драматическимъ произведеніямъ Шекспира. Задача необыкновенно трудная. Нынѣ вышли въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: *Shakspeare-Gallerie*, посвященные Викторіи, королевѣ англійской, два выпуска *in-fol.* этого великолѣпнѣйшаго изданія, состоящіе изъ пяти превосходно на мѣди гравированныхъ рисунковъ. Три изъ нихъ изображаютъ сцены изъ «Макбета», два—изъ «Бури». Вездѣ виденъ въ нихъ художникъ, одаренный богатою и изобильною фантазіей, искусный композиторъ и необыкновенно-изящный и правдивый рисовальщикъ. Рисунки исполнены въ родѣ картоновъ для фресковой живописи: тутъ все высказано немногими линіями. Но когда

дѣло идетъ о картинахъ къ Шекспиру, величайшему драматическому поэту новыхъ временъ, то, кромѣ общей типической красоты, критика должна еще высказать другое и болѣе важное требованіе: здѣсь необходимое условіе—индивидуальность и строгая характеристика. Художникъ, подобно поэту, долженъ былъ бы умѣть возсоздать цѣлый міръ разнообразныхъ лицъ. Хотя раннія произведенія Каульбаха и доказывали, что онъ владѣетъ этою творческою способностію индивидуальной характеристики, но съ лѣтами онъ предавался болѣе и болѣе односторонней идеализаціи, такъ что онъ постепенно дошелъ до типическаго способа выраженія, который имѣетъ уже готовую форму для всѣхъ вѣковъ и племенъ. Нѣмецкіе критики, которыхъ слова мы передаемъ здѣсь, сильно порицаютъ этотъ недостатокъ рисунковъ Каульбаха къ Шекспиру. Они замѣчаютъ, что подобный стиль, примененный къ иллюстраціи древнихъ греческихъ трагиковъ, нашелъ бы въ нихъ болѣе аналогичный(?) матеріалъ; тамъ же, гдѣ надлежало выразить высшіе и тончайшіе оттѣнки души лицъ строго индивидуальныхъ, тамъ искусство Каульбаха оказалось недостаточнымъ. Поэтому рисунки къ «Макбету» называютъ они слабыми, и болѣе довольны картинами къ «Бурѣ», потому что въ самой драмѣ преобладаетъ сходственный съ натурой художника фантастическо-поэтический элементъ произвола и неопредѣленности. Подробный анализъ каждаго рисунка можетъ только подтвердить это мнѣніе.

К. ГЕРЦЪ.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ

Экономическій Указатель, еженедѣльное изданіе, посвященное народному хозяйству и государственнѣднню. №№ 1—12.

Появленіе «Экономическаго Указателя» восполняетъ важный пробѣлъ въ нашей періодической литературѣ,—пробѣлъ особенно важный въ наше время, когда Россія, по призыву правительства, начинаетъ пробуждаться отъ долгаго экономическаго усыпленія. Доселѣ у насъ не было ни одного изданія, спеціально посвященнаго вопросамъ политической экономіи, а между тѣмъ большинство публики, даже образованной, имѣетъ о многихъ важныхъ вопросахъ этой науки понятія очень поверхностныя и потому черезчуръ шаткія. Примѣры такой шаткости въ убѣжденіяхъ у каждаго на глазахъ: публика

поочередно и съ удивительною легкостію переходить отъ одного убѣжденія къ другому, иногда прямо прѣотивоположному, довѣрчиво слѣдуя указанію послѣдне-напечатанной статьи. У насъ на глазахъ одни и тѣ же люди поочередно становятся то либрѣ-эспанжистами, то протекционистами, et vice versa. Правда, есть и у насъ классъ людей, упорно остающихся при одномъ и томъ же, несмотря ни на какіе доводы, но такое упорство едва ли похвальнѣе шаткости.

«Указатель» принялъ на себя обязанность быть руководителемъ общественнаго мнѣнія. Имя редактора и имена его сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ многихъ лучшихъ представителей науки у насъ, доставляютъ изданію достаточное право разсчитывать на довѣріе публики.

Направленіе, представителемъ котораго въ нашей литературѣ является «Указатель», можно охарактеризовать девизомъ: наименьшее стѣсненіе свободы труда, наименьшая регламентація есть лучшее покровительство ему. Всѣ статьи «Указателя» проникнуты этою основною идеей, что и даетъ изданію ясное, опредѣленное положеніе въ литературѣ и большое значеніе въ публикѣ. До сихъ поръ это направленіе еще не встрѣтило достаточно-сильнаго прѣтиводѣйствія себѣ, то—есть литературнаго, но оно, какъ слышно, готовится. Тѣмъ лучше. Споръ уяснить дѣло, истина всплыветъ на верхъ.

Рядъ статей, такъ—сказать руководительныхъ, написанныхъ живо и по большей части кстати, сразу знакомитъ читателя съ сущностію направленія изданія. Обозрѣнія экономическія, статистическія, финансовыя, читаются съ любопытствомъ. Сообщаемыя новости свѣжи и смыслъ ихъ обозначенъ ясно. Короче: «Указатель» имѣетъ всѣ достоинства летучаго листка, живаго, бойкаго, умнаго и остроумнаго, который подь—часъ заставитъ читателя серіозно призадуматься, а подь—часъ отъ души разсмѣяться. Конечно, для полнаго успѣха въ борьбѣ съ противниками, полагающими всю свою силу въ фактахъ, не довѣряющими однимъ умозрѣніямъ, любящими ссыдаться, законно или незаконно, на вѣковую практику и долготѣнную опытность, служація имъ чѣмъ—то въ родѣ каменной стѣны, нужно бы дѣйствовать ихъ же орудіемъ, бить фактъ фактомъ, практику практикой, пзобличать ясно слабую сторону рутины; но всего этого мы не въ правѣ требовать отъ летучаго листка. Будемъ благодарны «Указателю», если онъ хоть изрѣдка будетъ дарить публику такими капитальными статьями, какъ напримѣръ: «Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго хозяйства» г. Д. Струкова, или брошюра: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ» г. В. А. П., и нѣкоторыя другія.

Первый выпускъ «Указателя» открывается статьею самого редактора: «Значеніе природы въ государственномъ хозяйствѣ». Задача статьи вполне опредѣляется ея заглавіемъ: «силы природы (говоритъ

авторъ), заключающіяся въ извѣстной мѣстности, имѣютъ неоспоримое вліяніе на ходъ и формы государственнаго хозяйства... Каждая мѣстность имѣетъ свой характеръ, свои особенности, дающія ей и иное значеніе, и иную фizioномію сравнительно съ другими, даже сосѣдственными ей землями. Узнать и оцѣнить эти особенности составляетъ первую задачу каждаго управленія и неизбежно для успѣха каждой государственной мѣры.» Все это — истины непреложныя и, прибавимъ, не новыя; онѣ служатъ краеугольнымъ камнемъ исторіи и, въ частности, географіи. Возможно ли отрицать опредѣляющее вліяніе климата, формы мѣстности, образа распредѣленія водъ, на жизнь государства? Конечно—нѣтъ; а между тѣмъ (странное дѣло!) читатель неохотно соглашается съ авторомъ статьи въ цѣломъ, хотя, пожалуй, и готовъ уступить во всѣхъ частностяхъ. Впрочемъ, при нѣкоторомъ вниманіи, легко указать причину, которая съ начала статьи до ея конца ставитъ читателя въ разладъ съ авторомъ. Защищая положеніе, въ сущности весьма справедливое, авторъ иногда заходитъ слишкомъ далеко. Давая своему положенію такую степень общности, какой оно дѣйствительно не имѣетъ, расширяя слишкомъ произвольно область приложенія его, авторъ тѣмъ самымъ иногда подрываетъ его.

«Въ общемъ ходъ своемъ человѣчество необходимо направляется по тѣмъ широкимъ путямъ, которые ему указываетъ природа страны, и только незначительная доля его силъ и способовъ отвлекается въ сторону, по направленію его прихоти. Посмотрите на громадный приливъ и отливъ волнъ морскихъ,—что значитъ передъ ними ничтожное количество воды, задержанное воротами въ искусственномъ докѣ? Измѣняютъ ли каналы орошенія общее теченіе рѣчныхъ потоковъ, тысячелѣтія идущихъ по одному непреложному направленію? Не то же ли самое значатъ и наши усилія измѣнить условія труда и его своеобразное стремленіе? Не теряются ли они при обзорѣ міровыхъ условій общественнаго успѣха, при сравненіи съ тѣмъ, что дала намъ природа? Тяжело признаться въ этомъ человѣческой гордости, но несомнѣнные факты неизбежно приводятъ ее къ такому разочарованію.»

Не гордость человѣческая, а умъ человѣческій неохотно соглашается съ такими положеніями. Утверждать, что народъ, государство ни сколько не зависятъ, или зависятъ весьма мало, отъ естественныхъ условій его территоріи—значитъ ошибаться: но и обратное положеніе, утверждающее, что дѣятельность народа исключительно или наглавнѣйше опредѣляется одними естественными силами, и все не зависитъ, или зависитъ мало, отъ причинъ, заключающихся въ свободной личности человѣка—крайность другаго рода. Вѣдь это чистый историческій фатализмъ. Принимать вліяніе природы на человѣка и отрицать обратное вліяніе, значитъ не признавать общаго

закона природы, вслѣдствіе котораго дѣйствіе всегда равно противодѣйствію. Въ мірѣ нѣтъ ничего исключительно обреченнаго на роль пассивную или активную. Почему человѣческая дѣятельность не можетъ быть разсматриваема, какъ сила своего рода, столь же важная и необходимая въ общей экономіи природы, какъ и естественныя силы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова?

Въ другомъ мѣстѣ самъ же г. Вернадскій говоритъ: «Желѣзная воля Петра не только не сокрушилась о наши рѣки, а напротивъ *покорила* ихъ теченіе, обративъ весь жизненный токъ Россіи туда, куда указывали ему истинные интересы его государства, и *куда не допускала* грубая природа.» (№ 6. Стр. 143). Египетъ во времена фараоновъ и Египетъ турецкій,—Согдіана, Месопотамія древняго міра и западная Азія нашего времени—какія противоположности! А между тѣмъ физическія условія не измѣнились или измѣнились весьма мало. Ясно, что, всѣ эти превращенія не могутъ быть объясняемы исключительно естественными силами. Бѣлая часть хлопчатой бумаги, сахара, риса, кофе, поступающихъ въ торговлю, идетъ изъ Америки, а не изъ Азіи, первоначальной ихъ родины. Всѣ наши хлѣбныя растенія (рожь, пшеница), картофель, всѣ фруктовыя деревья и всѣ наши огородныя овощи, ленъ, пенька, короче—большая часть растеній (и даже животныхъ), на коихъ зиждется наше общежитіе, суть произведенія не туземныя, экзотическія, природа не дала ихъ человѣку, а человѣкъ усвоилъ ихъ себѣ. Чѣмъ бы мы питались, еслибъ наши предки были заражены экономическимъ фатализмомъ? Послушаемъ Карла Риттера, того Карла Риттера, которому наука особенно обязана точнымъ указаніемъ на опредѣляющее вліяніе природы, о которомъ говоритъ г. Вернадскій.

«Силы природы, въ ихъ условливающемъ вліяніи на личный элементъ развитія народовъ, должны были постепенно отступать въ той же мѣрѣ, какъ это развитіе возрастало. Въ началѣ человѣческой исторіи, при первомъ развитіи ея въ колыбели человечества, онѣ, какъ естественныя побужденія, оказывали рѣшительное вліяніе, котораго слѣды, оставшіеся отъ совершенно неизвѣстныхъ временъ, можетъ-быть видны и теперь въ естественныхъ отличіяхъ человѣческихъ породъ, или физически отличающихся племенныхъ семействахъ. Но вліяніе это должно было уменьшаться. Если и отдѣльно взятый человѣкъ въ опредѣленномъ періодѣ жизни, выходитъ изъ ограниченнаго состоянія дѣтства, которое гораздо болѣе мужественнаго возраста подвержено естественному вліянію, то и образованное человечество, подобно человѣку, мало-по-малу выходитъ изъ непосредственно условливающихъ оковъ природы и своего жилища.... Хотя физическая природа остается та же, но элементъ историческій, при помощи новосозданныхъ органовъ, одушевленнаго движенія и успѣховъ гражданственности, научаетъ народы двигаться

съ большею независимостію отъ естественныхъ условий. Сила чело-вѣка и народовъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ этими естественными условіями и видоизмѣняетъ ихъ... Только для народовъ, коснѣющихъ въ застоѣ, не измѣняется физика земнаго шара, а для успѣвающихъ въ цивилизаціи или упадающихъ въ этомъ отношеніи она подвержена непрерывнымъ колебаніямъ, или превращеніямъ.»

Мы не проповѣдуемъ теоріи поработенія природы, но и не желаемъ быть ея рабами. Источникъ жизни лежитъ въ борьбѣ, а не въ достояніи той или другой стороны. Мы просимъ у автора позволенія нѣсколько расширить тѣ грани, о «которыя разбиваются усилія отдѣльнаго челоуѣка и цѣлаго народа», и не согласиться съ его положеніемъ, что «въ силахъ народа кроется не родникъ исторіи, а только ея объясненіе.»

Если мы станемъ разсматривать каждое изъ положеній автора въ частности, то мы тоже не мало встрѣтимъ поводовъ къ возраженіямъ. Такъ, напримѣръ, авторъ слишкомъ большое значеніе придаетъ равнинамъ, горамъ, поморьямъ. Попытки его объяснить сложныя явленія дѣйствіемъ одной причины неудачны. То, что авторъ говоритъ о значеніи моря для челоуѣка, отчасти опровергаетъ основную мысль автора. Море получило значеніе элемента соединительнаго только въ новѣйшее время; въ древней исторіи оно является скорѣе какъ стихія разъединяющая. Австралія теперь къ намъ ближе, чѣмъ Монголія или сосѣдственная Хива. Черезъ улучшение мореходства, черезъ пароходство, челоуѣкъ какъ будто измѣнилъ всю пластику земли, приблизилъ одно, удалилъ другое. Быть-можетъ, призваніе желѣзныхъ дорогъ состоитъ именно въ томъ, чтобы возвратитъ сухопутнымъ сношеніямъ, хотя и отчасти, то значеніе соединительнаго элемента, какое они имѣли въ древности.

Люди, торгующіе съѣстными припасами, дровами, составляютъ въ общей массѣ народонаселенія меньшинство; поэтому очень естественно, что большинство сильно расположено въ пользу таксъ, особенно низкихъ. Въ таксъ многіе видятъ какое-то радикальное, специфическое средство противъ всякаго экономическаго зла. Вздо-рожаетъ ли хлѣбъ, подымутся ли въ цѣнѣ дрова (какъ это дѣйствительно и случилось нынѣшнею зимою), всѣ кричатъ: нужно установить таксу! Такой взглядъ на дѣло явный признакъ чисто дѣтскихъ воззрѣній на общественныя явленія. Въ дѣтствѣ любятъ все объяснять очень просто: неудачу—измѣной, дорогóвизну—злонамѣренною стачкой. До убѣжденія, что всякое экономическое явленіе есть сложный результатъ дѣйствія многочисленныхъ причинъ, челоуѣкъ до-ходитъ не скоро. Понятно, что «Указатель» долженъ былъ возстать противъ такого предубѣжденія въ пользу таксъ. Безполезность и даже положительную вредность ихъ, онъ старался выставитъ на видъ наглядно, въ формѣ разказа, въ статьѣ: «Голодъ въ Багдадѣ».

Та же самая мысль проводится и во многих других статьях. «Такса, въ которой ищутъ спасенія одни (пишетъ г. И. В.), и которую устанавливають, снисходя къ слабости и неразумѣнню большинства, другіе, также мало можетъ предохранить отъ дороговизны, какъ предписанія и надзоръ мѣстныхъ властей. ... Да и странно было бы, еслибъ произведеніе оставалось въ одной и той же цѣнѣ, когда его меньше, а потребность въ немъ больше. Это все равно, что требовать, чтобы въ засуху было болѣе воды въ рѣкѣ, чѣмъ въ дождливое время, или чтобы въ неурожай хлѣбъ былъ дешевле, чѣмъ въ богатые годы, благоприятные для земледѣлія.» Что случилось въ Багдадѣ, то случается нѣрѣдко и теперь. «Еще очень недавно, (пишетъ г. Бабстъ), мелочъ и вообще серебро стали рѣдки во всемъ приволжскомъ краѣ, и мѣнялы начали брать за промѣнъ 4%. Вдругъ выходитъ мѣстное распоряженіе, чтобы мѣнялы не смѣли брать болѣе закономъ опредѣленныхъ процентовъ, и—что же? мелочъ совсѣмъ исчезла, а обыватели рады были, когда тайкомъ могли получать у мѣнялъ на дому мелочъ за 6 и даже за 10%, потому что иначе приходилось пропадать безъ мелкихъ денегъ.» Какъ ни проста мысль, что всякая, произвольно назначаемая цѣна должна вести за собою болѣе зла, чѣмъ добра, однако съ нею никакъ не могутъ освоиться многіе. Мы изъ опыта знаемъ, какъ сильно возставали въ обществѣ противъ «Указателя» именно за то, что онъ принялъ сторону противниковъ таксъ. Впрочемъ мы убѣждены, что не одно только это положеніе должно возбуждать у многихъ нерасположеніе къ «Указателю». Безпристрастіе дается не легко, особенно безъ помощи науки.

Желѣзныя дороги составляютъ предметъ многихъ статей «Указателя». Мы отиѣтимъ для читателей особенно двѣ статьи: Письмо къ «редактору Экономическаго Указателя» г. Ю. Гагемейстера (въ № 5) и «Замѣтки о желѣзной дорогѣ» г. Д. Г. (въ № 6). Въ первой г. Гагемейстеръ доказываетъ, что два, другъ другу противорѣчащія опасенія, а именно: что иностранцы наводняютъ Россію и обогатятся на нашъ счетъ, или что доходы отъ дорогъ будутъ такъ ничтожны, что казнѣ придется приплачивать ежегодно огромную сумму, суть опасенія мало основательныя. Вторая статья имѣетъ предметомъ доказать, что отъ нашихъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ нельзя ожидать, по крайней мѣрѣ, вскорѣ, тѣхъ громадныхъ результатовъ, какіе произведены ими въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Въ слѣдующей статьѣ авторъ обѣщается говорить подробно о значеніи и возможныхъ результатахъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Намъ кажется, что косвенный отвѣтъ на многія мѣста статьи г. Д. Г. заключается въ рецензін г. редактора, по поводу книжки Н. Герсеванова («Какія желѣзныя дороги выгоднѣе въ Россіи—конныя или паровыя»), напримѣръ хоть въ слѣдующихъ словахъ: «ошибка автора про-

изошла оттого, что онъ принималъ во вниманіе теперешнее состояніе наше и не предполагалъ въ немъ измѣненія въ будущемъ, тогда какъ мы знаемъ, что улучшеніе путей сообщенія производитъ огромную разницу и въ формѣ сдѣлокъ, и въ образѣ жизни народа, и въ его подвижности, и даже въ его взглядѣ на вещи.»

Странное впечатлѣніе на читателя производитъ статья «Хлопчатая бумага и Англія», помѣщенная въ № 4-мъ. Авторъ ея старается на частномъ примѣрѣ доказать невыгоду запасаться иноземнымъ суровьемъ. «Англія своимъ униженіемъ должна была купить процвѣтаніе хлопчатобумажной фабрикаціи, которую она почти насильно вызвала и распространила на своей почвѣ. Почти $\frac{1}{3}$ своихъ запасовъ бумаги она получаетъ въ настоящее время изъ Сѣверной Америки, и — изъ опасенія потерять подвозъ бумаги, она не разъ должна была уступать прежнимъ своимъ подданнымъ, какъ съ другой стороны — этою приманкой Янки много сдѣлають зла старой своей метрополи.» Задняя цѣль статьи очень ясна; странно только то, что авторъ, желая достигнуть ея, находитъ нужнымъ прибѣгать къ средствамъ косвеннымъ, шаткимъ и обоюдоострымъ. Прочтя такую статью, очень легко придти къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыя имѣлъ въ виду авторъ, напримѣръ, въ родѣ нижеслѣдующихъ. Народы должны всячески избѣгать сношеній между собою изъ опасенія поставить себя въ зависимость другъ отъ друга. Англія должна возстановить пошлину на хлѣбъ въ видахъ независимости отъ Россіи. Намъ должно отказаться отъ надежды увеличить сбытъ своихъ сырыхъ произведеній за границу, ибо рано или поздно всѣ государства стануть уменьшать свои требованія на суровье. Чтобы получить намъ право имѣть свои бумагопрядильни, достаточно только завоевать Хиву, Бухару и вообще такую мѣстность, гдѣ можно разводить хлопокъ. Такъ ли?

Въ статьѣ г. Бабста: «Теорія и практика» высказано много горькой правды и о практикахъ-рутинистахъ, и о теоретикахъ. Между прочимъ, авторъ беретъ подъ свою защиту хлѣбныхъ торговцевъ, на которыхъ равно сильно жалуются и потребители, и производители. «Въ недостаткѣ путей сообщенія и въ неестественныхъ, заживающихъ чужой вѣкъ, условіяхъ нашей поземельной собственности — причины чрезмѣрныхъ колебаній цѣнъ на хлѣбъ, а не въ купцахъ-монополистахъ.» У насъ постоянно слышатся жалобы на купцовъ, всѣ кричатъ объ огромности барышей, получаемыхъ ими. Если въ этихъ жалобахъ и возгласахъ и есть доля правды, то эта доля едва ли значительна. Наше купечество справедливо отвѣчаетъ на это, что немногіе счастливые случаи, когда купецъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ составить себѣ огромное состояніе, у всѣхъ на виду; тысячи же случаевъ, когда торговецъ идетъ по міру, или оставляетъ жену и дѣтей безъ куска хлѣба, никому не извѣстны, или извѣстны немногимъ.

Отъ неравномѣрнаго распредѣленія цѣнностей страдаетъ купечество, такъ же какъ и другія сословія. — Съ мнѣніемъ г. И. Бабста относительно нашихъ монополистовъ совпадаетъ мнѣніе г. Е. Г., автора очень дѣльной, практической статьи «Нѣсколько словъ по поводу статьи о способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота» (въ № 9-мъ). Въ настоящее время, какъ извѣстно, поднять вопросъ о наивыгоднѣйшемъ способѣ заготовленія провіанта и фуража для арміи. Высокія цѣны на провіантъ и фуражъ ставятъ въ вину монополистамъ. Авторъ одной статьи, помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ», предложилъ, въ видахъ соблюденія интереса казны и производителей, устранить по возможности монополистовъ. Съ этою цѣлю онъ предлагаетъ устроить на главнѣйшихъ пристаняхъ казенные складочные магазины, въ которыхъ бы провіантъ принимался во всякое время въ какомъ угодно количествѣ и съ платою за него наличными деньгами. Цѣна, по которой бы сдавался хлѣбъ, должна быть двойная: первоначальная и окончательная. Первоначальная, приближительная къ базарной цѣнѣ, должна выдаваться немедленно; окончательная — доплачиваться въ концѣ осени, когда окончательно состоятся цѣны. Г. Е. Г. въ своей статьѣ возстаетъ противъ этого проекта, доказывая, что если прослѣдить обстоятельно всѣ хлопоты и расходы, неизбежныя при хлѣбной операцион, то легко будетъ убѣдиться, что барыши хлѣбныхъ торговцевъ отъ нея не такъ значительны, какъ это кажется на первый разъ, и что прямая покупка казною у помѣщиковъ и крестьянъ едва ли будетъ выгоднѣе для той и другой стороны, чѣмъ при посредствѣ купцовъ. Въ числѣ препятствій къ успѣху проекта г. Е. Г. полагаетъ то, что для покупки хлѣба надобно будетъ имѣть большое число чиновниковъ; что многіе помѣщики продаютъ большія партіи не иначе, какъ зерномъ, слѣдовательно казнѣ предстоятъ хлопоты: купить мѣшки, молоть хлѣбъ; что придется прискивать средства сплавлять хлѣбъ куда слѣдуетъ, и т. д. Поэтому авторъ полагаетъ, что единственно возможное средство согласить интересы казны, торговцевъ и производителей состоитъ въ улучшеніи путей сообщенія, вообще въ мѣрахъ общихъ, а не частныхъ.

Статья «Опытъ изложенія главнѣйшихъ условий успѣшнаго хозяйства», Д. М. Струкова, принадлежитъ къ числу капиталнѣйшихъ статей «Указателя». Исходная точка — свобода труда. Въ ней одной онъ видитъ наиглавнѣйшую причину успѣховъ, сдѣланныхъ сельскимъ хозяйствомъ въ наше время въ иныхъ земляхъ, а въ непризнаніи ея — причину младенческаго состоянія его въ другихъ. Обязательный трудъ, исключительное право на владѣніе поземельною собственностію и общественное пользованіе землями — вотъ главнѣйшіе враги, въ глазахъ г. Струкова, всякаго сельскохозяйственнаго прогресса. «Успѣхи просвѣщенія, развитіе промышленности и тор-

говли, улучшение сельскаго хозяйства—все это слова, имѣющія неопредѣленный смыслъ, пока нѣтъ прочныхъ началъ, на которыя успѣхи развитія и улучшения должны опираться... Просвѣщеніе, какъ результатъ общаго и равномернаго, вещественнаго и умственнаго, земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго труда, не можетъ быть на высокой степени въ земледѣльческихъ странахъ, гдѣ существуютъ вышеисчисленные условія, неблагоприятныя для свободнаго развитія сельскаго хозяйства, и распространеніе и благотворное дѣйствіе его возможно только при устраненіи тѣхъ условій.» Всѣ свои положенія авторъ развиваетъ съ такою строгою, логическою послѣдовательностью, что они кажутся поставленными внѣ возможности всякаго нѣсколько важнаго возраженія. Можно не соглашаться съ авторомъ въ частностяхъ, но нѣтъ возможности оспаривать цѣлое.

Мы совершенно согласны съ г. Гагемейстеромъ, авторомъ статьи «О состояніи желѣзнаго промысла въ Россіи» (№№ 8-й и 9-й), насчетъ необходимости облегчить доступъ въ Россію иностранному желѣзу, въ видахъ удешевленія у насъ этого необходимаго матеріала. Это согласна не мѣшаетъ намъ, однако, замѣтить, что доказательства, приводимыя почтеннымъ авторомъ въ защиту очень справедливаго положенія, не въ состояніи выдержать нѣсколько строгой и, тѣмъ болѣе, придирчивой критики. Въ статью вкрались нѣкоторыя неточности, обмолвки, которыя, если не будутъ исправлены, то могутъ заподозрить въ глазахъ публики вѣрность основной мысли.

«Изъ 114 заводовъ, нынѣ на Уралѣ дѣйствующихъ, на конхъ доменныхъ печей 84, ни одинъ не нуждается въ рудѣ.»

Число 84 ошибочно: столько доменныхъ печей на однихъ частныхъ заводахъ; на казенныхъ, сверхъ того, считается 10, а всего 94 или около того.

«На Уралѣ встрѣчается несмѣтное богатство превосходнѣйшей магнитной руды, содержащей въ сложности до 60%, а въ иныхъ мѣстахъ до 75% желѣза.... Ни одинъ заводъ не нуждается въ рудѣ.»

Въ примѣчаніи самъ же авторъ прибавляетъ: «Къ инымъ заводамъ однако доставляется руда за 120 верстъ.» Очень любопытно бы знать точнѣе, какъ велико число этихъ иныхъ. Г. Анцыфоровъ (см. «Московскія Вѣдомости» № 22, стр. 98) говоритъ: «*Не многіе* изъ уральскихъ заводовъ пользуются этими (то-есть магнитными рудами, подобно Нижнетагильскому заводу) или подобными рудами; *большая часть* нашихъ заводовъ довольствуются рудами бурога желѣзняка разныхъ качествъ и различнаго процентнаго содержанія. Самыя выгодныя изъ рудъ бурога желѣзняка, при 52% содержанія, обходятся заводу неменѣе 3½ коп. сер. и даютъ на коробъ угля (въ 6 кв. арш.) до 16 п. чугуна. Но есть много заводовъ, проплавляющихъ руды съ содержаніемъ менѣе и 40%, которые даютъ на коробъ угля не болѣе

12 п. чугуна.» То-есть вдвое менѣе прежнихъ рудъ Нижнетагильскаго завода, слѣдовательно около 33%.

Далѣе г. Гагемейстеръ доказываетъ, что уральскіе заводы, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, едва ли будутъ въ силахъ когда-либо производить свыше 12 мил. пудовъ желѣза. Вотъ какъ приходитъ авторъ къ заключенію:

«Во владѣніи казенныхъ заводовъ лѣса 3,536,415 десятинъ, а у частныхъ владѣльцевъ 8,058,263. Въ сложности 1849 — 1851 г. вырубалось на заводское дѣйствіе и другія надобности для казенныхъ заводовъ ежегодно 15,451 десятина (изъ коихъ собственно на желѣзное производство 12,361 дес.), а для частныхъ заводовъ 49,907 десятинъ.... Принявши же 70-лѣтній оборотъ и отдѣливъ определенное закономъ количество въ запасъ и на производство мѣдное и золотое, выйдетъ, что казенные запасы могутъ употреблять ежегодно 36,382 дес., собственно на желѣзное производство; а какъ вырубкою 12,361 дес. лѣса въ годъ можно было добывать 889,296 пудовъ желѣза, то 36,382 дес. достаточны для производства 2,617,454 п. По этому же разсчету выходитъ, что на частныхъ заводахъ можно бы было выдѣлывать вмѣсто 6,005,853 п. 13,713,523 п., или всего на Уралѣ 16,330,977 пуд. ковкаго желѣза.» Но это число, какъ выведенное на основаніи однихъ лѣсныхъ пространствъ, авторъ считаетъ преувеличеннымъ, и полагаетъ предѣломъ возможнаго производства 11—12 м. пудовъ. Подобнаго рода соображенія намъ кажутся мало внушающими довѣрія. Противъ вывода автора говоритъ уже одно то, что въ 1855 году получено желѣза около 10½ м. пудовъ. Неужели Уральскіе заводы достигли крайняго предѣла развитія? Сомнѣваемся, и тѣмъ болѣе, что самъ авторъ называетъ наше производство сильно отсталымъ, слѣдовательно не отрицаетъ возможности большаго прогресса. Далѣе онъ говоритъ, что теперешнихъ лѣсовъ хватитъ слишкомъ на 160, тогда какъ достаточенъ 70-лѣтній періодъ для ихъ возобновленія. Во Франціи общее количество лѣсовъ почти вдвое менѣе общаго количества лѣсовъ на Уралѣ, однако же въ ней въ 1846 году добывалось на древесномъ топливѣ около 15 м. пудъ чугуна: почему же Уральскіе заводы обречены навсегда производить не свыше 11—12 м. пудовъ? Что улучшенія въ нашемъ желѣзномъ производствѣ возможны и даже очень возможны — въ этомъ легко убѣдиться. Напримѣръ Г. Анцыфоровъ («Московскія Вѣдомости» № 31), говоритъ, что для выдѣлки 7½ м. пудовъ кричнаго желѣза по большекричному способу (у насъ общепотребительному) потребуетъ вырубить до 17,500 дес. лѣса; а по контаазскому способу — только 11,600 дес. лѣса.

«Въ 1851 году было въ Шотландіи 144 чугунныхъ завода, на коихъ выплавлено 775,000 тоннъ, или среднимъ числомъ на каждомъ

428,000 пудъ. На каждый же изъ Уральскихъ заводовъ приходилось среднимъ числомъ въ 1852 году по 95,000 пудъ.»

Последнее число совершенно невѣрно. Авторъ, по недосмотру, сдѣлалъ важную ошибку: смѣшалъ заводы чугуноплавильные и желѣзодѣлательные вмѣстѣ. Извѣстно, что на послѣднихъ чугуна не выплавляется, а только выдѣлывается желѣзо уже изъ готового чугуна. Число 95,000 авторъ очевидно получилъ, раздѣливши общее число пудовъ чугуна, добытаго въ 1852 году, на 114, то-есть на число чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ въ совокупности! Чугуноплавильныхъ заводовъ не 114, а только 58 (или около того), такъ что на каждый заводъ приходится не 95,000 п., а *вдвое больше.*

«Богатая мѣсторожденія каменнаго угля, найденныя на восточномъ склонѣ Уральского хребта, едва ли послужать могучимъ подспорьемъ желѣзному промыслу, потому что добытый помощью ихъ металлъ пришлось бы перевозить гужомъ чрезъ горный хребетъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ до истоковъ рѣчекъ, впадающихъ въ Каму.»

Но развѣ заводы Нижнетагильскій, Верхнеисетскій, Алапаевскій и др., отправляющіе ежегодно въ Россію сотни тысячъ пудовъ чугуна, и теперь не находятся на восточномъ склонѣ Урала? Почему эти заводы будутъ не въ состояніи отправлять желѣзо, полученное на каменномъ углѣ, когда они находятъ теперь возможность отправлять желѣзо, выплавленное при помощи древеснаго топлива? Въ другомъ мѣстѣ самъ авторъ говоритъ, что доставка съ Нижнетагильскаго завода въ Пермь обходится въ 1 к. сер.

«Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, также отыскано много руды. Но всѣ эти мѣста мало обследованы, и потому на нихъ большихъ надеждъ основывать невозможно; при томъ весьма вѣроятно, что при обширномъ рудномъ производствѣ въ малолюдныхъ и безлюдныхъ этихъ странахъ оказался бы тамъ, какъ и въ Финляндіи, недостатокъ въ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большая дороговизна поденной платы, которая сдѣлалась бы ощутительною и на Сѣверномъ Уралѣ, еслибы работы не производились обязанными крестьянами.»

Предположеніе автора опровергаетъ г. К. Поповъ въ № 12 «Указателя». Онъ говоритъ, что въ одномъ Устьсысольскомъ уѣздѣ найдется достаточно охотниковъ работать на заводахъ; да сверхъ того въ случаѣ нужды явятся они и изъ сосѣдственнаго Яренскаго уѣзда. Поденная плата не можетъ быть высока, принимая во вниманіе крайнюю нужду въ средствахъ жителей этихъ уѣздовъ. — «Большая часть билетовъ (на отпуска) выдана людямъ, въ качествѣ судорабочихъ, отправившихся съ Ношувльской и другихъ мѣстъ

значительныхъ пристаней въ Архангельскѣ на баркахъ и судахъ съ платою отъ 20 до 6 руб. Взгляните на карту, вспомните о тяжкомъ трудѣ рабочаго на баркѣ, идущей по быстрой и извилистой рѣкѣ, какова напримѣръ Луза, и наконецъ—и это главное—сообразите, какое пространство долженъ пройти рабочій изъ Архангельска домой, а онъ долженъ *пройти*, потому что вверхъ по теченію Двины и ея притоковъ, кромѣ Суховы, судоходства не бываетъ,—и тогда вы получите понятіе о томъ, что заставляетъ бѣднаго жителя Устьсысольскаго уѣзда отлучаться изъ дому.»

Что касается послѣдняго положенія автора, то-есть что обязательный трудъ дешевле вольнонаемнаго, то его не стоить опровергать, ибо самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ совершенно-противное.

О донецкомъ кряжѣ авторъ пишетъ:

«Тамъ залегаютъ пласты каменнаго угля и въ недалеомъ отъ нихъ разстояніи находится и желѣзная руда. Но мѣсторожденія угля далеко не могутъ быть сравнены съ тѣми, которыя встрѣчаются во многихъ мѣстахъ западной Европы и даже царства Польскаго. Пласты угля рѣдко достигаютъ 3 аршинъ толщины и большею частію мощность ихъ отъ 1 до 1½ аршина.»

Эта оцѣнка донецкаго каменноугольнаго бассейна сдѣлана первоначально г-мъ Ле-Пле, но онъ же замѣчаетъ, что при сужденіи о будущности донецкаго кряжа должно обращать вниманіе, кромѣ толщины пластовъ, и на многія другія обстоятельства, напримѣръ: 1) на то, что каменноугольная область въ южной Россіи имѣетъ несравненно-большее протяженіе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ западной Европы, (качество очень хорошее!); 2) на то, что, благодаря естественнымъ обстоятельствамъ, разработка каменнаго угля въ донецкомъ кряжѣ не представляетъ тѣхъ трудностей, какія встрѣчаются въ другихъ странахъ, при отысканіи и опредѣленіи каменноугольныхъ пластовъ; 3) на то, что, при настоящемъ состояніи геологій, не извѣстно еще ни одного случая, гдѣ бы каменноугольныя породы нижняго яруса, при довольно значительномъ ихъ протяженіи, не были въ связи хотя съ отрывочными частями верхняго яруса, то-есть съ собственно такъ-называемою каменноугольною формаціей, и т. п.

Авторъ основывается очень много на оцініальныхъ свѣдѣніяхъ, тогда какъ имъ нельзя придавать излишней вѣры. Напримѣръ изъ нихъ выходитъ, что въ Ригѣ желѣзо дешевле, чѣмъ въ С.-Петербургѣ, а этого быть не можетъ, ибо въ Ригу идетъ желѣзо главнѣйше черезъ С.-Петербургъ. Вообще примѣрныя разчисленія г. Гагемейстера о томъ, по какой цѣнѣ могло бы продаваться въ данномъ мѣстѣ желѣзо, еслибы монополисты не возвышали произвольно его цѣну, не внушаютъ большаго довѣрія. Напримѣръ

авторъ изчисляетъ прибыль оптоваго торговца желѣзомъ въ Одессѣ въ 85%! Это рѣшительно невѣроятно. Разница между цѣнами на желѣзо, показываемыми для Одессы г. Гагемейстеромъ, и цѣнами, приводимыми г. Вороновскимъ («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» на 1852. Кн. VI, отд. V, стр. 194) очень огромна. Напримѣръ полосовое желѣзо у г. Гагемейстера оцѣнено въ 1 р. 50 к., у г. Вороновскаго въ 1 р. 3 к. и 1 р. 5 к., листовое у перваго въ 3 р. 10 к. до 3 р. 40 к., у втораго отъ 2 р. 30 к. до 2 р. 60 к.

«Въ Англіи цѣна руды, чугуна, полосоваго желѣза, сортоваго, обыкновеннаго и листового, увеличивается въ слѣдующей пропорціи: 5, 20, 50, 60, 80, а на Уралѣ какъ 1, 20, 80, 95, 130. Въ Англіи, слѣдовательно, цѣна руды, превращенной въ листовое желѣзо, увеличивается въ 16 разъ, а на Уралѣ въ 130.»

Параллель между уральскими и англійскими заводами проведена невѣрно. Пудъ руды на Уралѣ никоимъ образомъ нельзя оцѣнить въ 1 к. сер. (за исключеніемъ одного Нижнетагильскаго завода), ибо самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Доставленіе руды туда (въ Нижнетагильскъ) стоить весьма дешево, тогда какъ другимъ заводамъ пудъ руды обходится, *одною доставкою*, по 4 копейки.» Нижнетагильскій заводъ нельзя брать за норму, ибо онъ находится въ исключительно-благопріятныхъ обстоятельствахъ. Вообще на показанія уральскихъ заводчиковъ нельзя полагаться, ибо имъ самимъ неизвѣстна въ точности стоимость основнаго капитала и обязательнаго труда. Полагая пудъ руды въ 4 к. сер., оказывается, что пудъ руды, превращенной въ листовое желѣзо, увеличивается не въ 130 разъ, а всего въ $32\frac{1}{2}$ раза. Разница между производствомъ англійскимъ и уральскимъ сдѣлается еще менѣе, если принять во вниманіе, что наше листовое желѣзо и иностранное далеко неодинаково доброкачественны.

(До слѣдующаго №.)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Международные вопросы, о которыхъ мы говорили въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ, мало-по-малу сходятъ со сцены, къ общему удовольствію кабинетовъ, и уступаютъ мѣсто одному, правда тоже второстепенному, но тѣмъ не менѣе важному и горячему вопросу. Журналы и общественное мнѣніе въ Европѣ заняты въ настоящее время тѣмъ, что происходитъ въ Дунайскихъ княжествахъ, преимущественно въ Молдавіи, гдѣ личный произволъ оттоманскихъ представителей зашелъ слишкомъ далеко, чѣмъ, разумѣется, окончательно уронилъ дѣло, защищаемое Турціею и нѣкоторыми изъ европейскихъ государствъ. Въ настоящее время, когда въ Княжествахъ приближаются выборы въ диваны, мы намѣрены подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ неразрывно связанъ вопросъ объ исполненіи парижскаго трактата.

Къ сожалѣнію, соображая все, что происходило въ Дунайскихъ княжествахъ послѣ 30-го марта 1856 года, многіе приходятъ къ тому заключенію, что мѣры, принятыя тамъ турецкими начальствами, прямо противны духу трактата. Сообразно съ условіями послѣдняго, Порта должна была принять нужныя мѣры, чтобы привести въ исполненіе намѣренія парижскаго конгресса, согласивъ свободное выраженіе желаній въ диванахъ (собраніяхъ) съ сохраненіемъ порядка и уваженія къ закону. Порта не хотѣла продить власть бывшихъ господарей и предпочла назначить каймакановъ, или временныхъ правителей. Она имѣла право на это, но съ ограниченіями. Впервыхъ, она назначила каймакановъ не въ силу верховной законодательной власти, ей принадлежащей, — ибо договоры пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка и самый парижскій трактатъ сообщаютъ ей лишь власть, такъ-сказать, ленную (по-французски *suzeraineté*), — а по порученію конгресса, возложившаго на нее обязанность блюсти о сохраненіи порядка и уваженіи къ закону и въ то же время содѣйствовать свободному выраженію желаній народа. Вовторыхъ, назначая каймакановъ въ Букарестъ и Яссы, какъ будто дѣло шло о Дамаскѣ или Алеппо, Порта надѣялась отчасти присвоить себѣ верховную законодательную власть, и вскорѣ стала издвать фирманъ за фирманомъ, вовсе несогласные съ духомъ парижскаго трактата. Первымъ фирманомъ была отиѣнена свобода тисненія; вторымъ — привилегія на судоходство по Серету, уступленная сначала одной французской компаніи; третьимъ — привилегія на учрежденіе молдавскаго банка, сна-

чала уступленная компаніи прусскихъ капиталистовъ. Всѣ эти мѣры относятся къ области внутренняго законодательства, которое вовсе не принадлежитъ Портѣ въ Дунайскихъ княжествахъ. Привилегіи на учрежденіе банка и на судоходство по Дунаю были выданы бывшимъ молдавскимъ господаремъ, княземъ Гикою, согласно съ законами Молдавіи, и слѣдовательно Порта не имѣла права отмѣнить ихъ. Мало того: эти мѣры несогласны съ парижемъ трактатомъ, имѣвшимъ въ виду связать судьбу Княжествъ съ интересами общеевропейскими. Учрежденіе банка прусскими капиталистами, и судоходства по Серету—французскими, было первымъ шагомъ по этому пути. Четвертымъ фирманомъ Порта запретила возвращеніе въ отечество молдавскимъ и валахскимъ патриотамъ, которые принуждены были выѣхать послѣ волненій 1848 года. Эту мѣру считаютъ неловкою, потому что румынскіе патриоты прежде всего преданы дѣлу независимости Княжествъ отъ постороннихъ вліяній, между прочимъ отъ вліянія Австріи. Наконецъ, пятый, уже извѣстный фирманъ, посвященъ созванію дивановъ, порядку выборовъ и устройству этихъ собраний.

Такое вмѣшательство Порты во внутреннее управленіе Дунайскихъ княжествъ не могло остаться безъ важныхъ послѣдствій: извѣстно, какое сильное неудовольствіе произвело оно въ Букарестѣ и Яссахъ, и къ какимъ интригамъ, произвольнымъ распоряженіямъ и замысламъ, прибѣгали вновь назначенные каймаканы. Еще недавно, въ двадцатыхъ числахъ мая, офиціальный органъ французскаго правительства съ неумолимою обстоятельностью и подробно обнаружилъ эти интриги передъ всею Европой. Офиціальный корреспондентъ французскаго «Монитера», быть-можетъ составляющій свои письма подъ вліяніемъ представителя Франціи въ Княжествахъ, прямо приписываетъ молдавскому правительству намѣреніе возбудить безпорядки и волненія, съ цѣлью оправдать собственный произвольный образъ дѣйствій. Когда ожидали въ Яссахъ французскаго комиссара, молдавскія начальства запрещали всякое выраженіе сочувствія къ нему со стороны народа, и для этого распространяли живыя свѣдѣнія о времени проѣзда его черезъ города, лежащіе между Букарестомъ и Яссами. Кондукторъ diligensa, въ которомъ ѣхалъ турецкій комиссаръ, кнутомъ отгонялъ народъ, считавшій приличнымъ не обнаруживать никакой вражды къ представителю Порты и привѣтствовать его. При вѣздѣ турецкаго комиссара въ Яссы, огромная толпа народа, изъ всѣхъ сословій, собралась за городскою чертой. Но министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился, чтобы карета комиссара не останавливалась ни на минуту до самой заставы, гдѣ ожидали его начальства и нѣкоторые приверженцы соединенія. Народъ, сначала привѣтствовавшій комиссара радостными кликами, принужденъ былъ разойтись съ неудовольствіемъ, ибо на эти клики

ему отвѣчали грубыми угрозами и ругательствами съ козель, на которыхъ помѣстился агентъ молдавскаго каймакана. Понятно, что подобныя происки возбудили глубокое негодованіе; оттоманскій комиссаръ смутился, и на другой день по улицамъ были прибиты объявленія, въ которыхъ правительство старалось загладить свой поступокъ разными объясненіями. «Все это происходило на глазахъ французскаго комиссара», присоединяетъ корреспондентъ французской оффиціальной газеты.

Подобныя злоупотребленія не могли остаться безнаказанными. Напрасно противники соединенія, очевидно составляющіе меньшинство и притомъ не пользующіеся ни малѣйшею популярностію, подавали адреса, въ которыхъ доказывали, будто соединеніе Княжествъ было бы совершенно противно смыслу парижскаго трактата, подтвердившаго ихъ самостоятельность и независимость; напрасно самъ турецкій комиссаръ извинялся въ томъ, что случилось при въѣздѣ его въ Яссы: европейская международная коммиссія, находящаяся на мѣстѣ, имѣла полную возможность ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и умѣла воспользоваться ею. Французскій комиссаръ, г. Талейранъ, прямо отнесся въ Константинополь съ жалобами на злоупотребленія молдавскаго каймакана, и Порта была принуждена подвергнуть нѣкоторому контролю произволь г. Вогоридеса. Въ совѣщаніяхъ между турецкими министрами и французскимъ посланникомъ, г. Тувенелемъ, даже была рѣчь объ удзленіи этого каймакана; но на первый разъ рѣшено было послать ему новыя инструкціи, умѣренныя и болѣе согласныя съ европейскими требованіями.

Приверженцы соединенія не ограничились поднесеніемъ адреса французскому комиссару и изложеніемъ своихъ прогрессивныхъ желаній; они составили для международной коммиссіи подробный отчетъ, во всемъ согласный съ показаніями корреспондента французской оффиціальной газеты, и повторили въ немъ свои жалобы на злоупотребленія начальствъ. Всякое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ послѣднихъ, всякое избирательное собраніе, преслѣдуется какъ нарушеніе закона; личная свобода, неприкосновенность домашняго очага ежедневно нарушаются, и общественное мнѣніе не имѣетъ права высказываться въ журналахъ. Въ заключеніе сказано, что если надежды ихъ на помощь европейской международной коммиссіи не оправдаются, то нижеподписавшіеся принуждены будутъ отказаться отъ участія въ выборахъ и протестовать, передъ лицомъ Европы, противъ нарушенія правъ ихъ, подтвержденныхъ парижскимъ трактатомъ. Нѣтъ сомнѣній, что такое положеніе дѣлъ продолжаться не можетъ. Подъ влияніемъ иностранныхъ посольствъ, Порта не можетъ не понять, какъ опасно для нея стоять въ разладѣ съ общественнымъ мнѣніемъ придунайскихъ ея провинцій, находящимъ опору и сочувствіе въ Европѣ. Коммиссары выѣхали изъ Яссъ; но никто не сомнѣ-

зается, что кратковременное пребываніе ихъ въ главномъ городѣ Молдавіи принесетъ большую и немедленную пользу.

Другіе международные вопросы, о которыхъ было говорено прежде, приближаются къ окончательной развязкѣ. На этотъ разъ мы даже можемъ не возвращаться къ порѣшеннымъ нештательскимъ дѣламъ, и ограничиться вопросомъ датско-германскимъ. Датское правительство отвѣчало наконецъ на ноты австрійскую и прусскую, съ содержаніемъ которыхъ мы уже познакомили нашихъ читателей. Между тѣмъ какъ датскіе журналы, служащіе органомъ такъ-называемой національной партіи, громко отвергаютъ всякія уступки въ пользу нѣмецкихъ герцогствъ, органъ двора, «Берлинская Газета», провозглашаетъ умѣренность, совѣтуя нѣмецкой партіи смягчить свои требованія и присоединиться къ министерству, чтобы упрочить единство монархіи, съ помощію сдѣлки, удовлетворительной для обѣихъ сторонъ. Въ послѣднемъ смыслѣ составлена и отвѣтная нота копенгагенскаго кабинета отъ 13-го мая, подписанная новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Михельсеномъ. Въ этой нотѣ датское правительство объявляетъ о готовности своей созвать, не позднѣе будущаго августа, голштинскіе чины и представить имъ на обсужденіе вопросъ о томъ, какія дѣла должны на будущее время рѣшаться съ ихъ согласія. Такой отвѣтъ удовлетворилъ кабинеты берлинскій и вѣнскій; но, объявляя объ этомъ въ депешахъ къ представителямъ своимъ въ Копенгагенѣ, они поясняютъ и, такъ-сказать, распространяютъ датскую ноту, составленную и кратко, и глухо, какъ обыкновенно выражаются дипломатическія уступки. Изъ новыхъ депешъ графа Буоля и барона Мантейфеля, отъ 20-го мая, мы узнаемъ, во-первыхъ, что датское правительство намѣрено представить на обсужденіе нѣмецкихъ провинціальныхъ чиновъ пересмотрѣнный проектъ частной голштинской конституціи и тѣ части общей конституціи, которыя имѣютъ отношеніе къ герцогствамъ; во-вторыхъ, что датское правительство вскорѣ созветъ для чрезвычайныхъ засѣданій не только голштинскіе, но и лауенбургскіе чины, хотя о послѣднихъ вовсе не упоминается въ датской нотѣ. Выражая свое искреннее сочувствіе этимъ мѣрамъ, германскія державы въ то же время объявляютъ, что болѣе не считаютъ нужнымъ переносить это дѣло въ германскій сеймъ.

Коснувшись нѣмецкой дипломатіи, упомянемъ объ одномъ довольно микроскопическомъ дѣлѣ, которымъ въ настоящее время озабочена небольшая часть Германіи. Нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ составъ Германскаго Союза входитъ черезполосное герцогство Саксенъ-Кобургъ-Готское. Оно составлено изъ двухъ владѣній: Саксенъ-Кобурга и Готы, совершенно независимыхъ одно отъ другаго, но имѣющихъ общаго владѣтельнаго герцога, общее министерство (раздѣленное впрочемъ на два отдѣленія), общее воен-

ное устройство и единообразную конституцію. Общія дѣла въ герцогствѣ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ рѣшаются общимъ сеймомъ; но каждое изъ двухъ владѣній имѣетъ и свой особенный сеймъ, и свою администрацію. Все это очень сложно и обходится дорого для герцогства, въ которомъ не болѣе 150,000 жителей и 35 кв. м. пространства. Между двумя составными частями его не прекращается соперничество, нерѣдко препятствующее нововведеніямъ и преобразованіямъ. Эти причины побуждаютъ владѣтельнаго герцога стремиться къ законодательному и административному сліянію Саксенъ-Кобурга и Готы. Законъ, въ этомъ смыслѣ, недавно составленъ правительствомъ: онъ упраздняетъ два сейма, которые замѣняются однимъ, и устанавливаетъ общую администрацію; вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство объявляетъ уменьшеніе расходовъ, и слѣдовательно налоговъ, упраздненіе до ста должностей и увеличеніе жалованья остальнымъ чиновникамъ.

Законъ этотъ возбудилъ сильную оппозицію на общемъ сеймѣ. Герцогство Саксенъ-Кобургское, династія котораго царствуетъ въ настоящее время за прекращеніемъ Саксенъ-Готской линіи, и которое меньше и малолюднѣе Саксенъ-Готскаго, опасается преобладанія послѣдняго, и не хочетъ соединенія. Кобургцы поднесли герцогу адресъ, замѣчательный между прочимъ въ томъ отношеніи, что выказываетъ самое мелочное чувство соперничества, возможное только въ странѣ, не знавшей политическаго единства. Въ адресѣ говорится о сліяніи герцогствъ, какъ о мѣрѣ гибельной для Кобурга, о томъ, что скорѣе можно согласиться на возвращеніе къ деспотизму, чѣмъ на эту мѣру. Рѣчи, произнесенныя на сеймѣ, доказываютъ напротивъ, что сліяніе герцогствъ значительно облегчитъ и герцогство Кобургское. Депутатъ и профессоръ математики, Кюне, даже составилъ примѣрный, выраженный въ цифрахъ расчетъ выгоды, которая должно извлечь Кобургское герцогство изъ предполагаемой реформы. Онъ прочелъ этотъ расчетъ на сеймѣ, но не убѣдилъ оппозиціи. Тѣмъ не менѣе проектъ принятъ въ засѣданіи общаго, саксенъ-кобургъ-готскаго сейма, 26-го мая. Замѣчательно, что всѣ готскіе депутаты подали голосъ въ пользу соединенія, а всѣ кобургскіе депутаты — противъ этой мѣры.

Не выходя изъ предѣловъ Германіи, коснемся одного вопроса, которому въ послѣднее время посвящено нѣсколько брошюръ и сочиненій. Извѣстно, что трактаты 1815 года провозгласили свободу судоходства по рѣкамъ, протекающимъ въ нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствахъ, или отдѣляющимъ одно государство отъ другаго. Съ тѣхъ поръ, это правило окончательно признано государственными людьми и публицистами, и недавно получило примѣненіе къ судоходству по Зунду. Нынѣ отиѣна зундскихъ пошлинъ обратила вниманіе Европы на Эльбу, на которой ганноверское пра-

вительство продолжаетъ взимать такъ-называемую стадскую (при городѣ Стаде), или брунсгаузенскую пошлину съ проходящихъ судовъ. Еще въ средніе вѣка, когда Эльба засорилась противъ устья Швинге, рѣчки, впадающей въ нее слѣва, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гамбурга, одинъ изъ владѣтельныхъ графовъ Стаде устроилъ для судовъ проходъ черезъ рѣчку Швинге, ему принадлежавшую, и взималъ за это пошлину съ проходившихъ судовъ. Въ послѣдствіи Эльба очистилась, и суда снова стали ходить по руслу ея (Thalweg), а графы Стаде продолжали взимать пошлину, поставили фортъ при устьѣ рѣчки Швинге, близъ Брунсгаузена, и принуждали суда останавливаться. Еще недавно, въ свидѣтельствѣ объ уплатѣ этой пошлины, писалось: *за проходъ по рѣкѣ Швинге*, по которой суда уже давно не ходятъ, предпочитая русло Эльбы. Городъ Стаде вошелъ въ составъ Ганноверскаго королевства, и пошлина до сихъ поръ уплачивается судохозяевами всѣхъ націй въ пользу ганноверскаго правительства. Замѣчательно, что всѣ расходы на буи, маяки и пр., по Эльбѣ принадлежатъ совсѣмъ не ганноверскому правительству, а городу Гамбургу. До 1815 года большею частию взималось съ проходившихъ по Эльбѣ судовъ $\frac{1}{16}$ % съ цѣнности груза. Въ 1815 году вопросъ объ этой пошлинѣ сдѣлался предметомъ продолжительныхъ переговоровъ между государствами, находящимися на берегахъ Эльбы; переговоры разрѣшились наконецъ актомъ о судоходствѣ по Эльбѣ, подписаннымъ въ Дрезденѣ 13-го апрѣля 1844 года. Правила, установленныя этимъ актомъ, сохранились доселѣ.

Актъ 1844 года раздѣляетъ провозимые товары на 100 разрядовъ. Нѣкоторые изъ нихъ освобождены отъ пошлины; за то другіе подвергаются пошлинѣ въ $\frac{1}{4}$ % съ цѣнности товара. По частному договору Ганновера съ Бельгіей (1852 г.), бельгійскія суда съ нѣкоторыми товарами платятъ половинную пошлину, а по такому же договору съ Англіей за провозъ нѣкоторыхъ англійскихъ товаровъ взимается двѣ трети пошлины. Надо замѣтить, что актъ 1844 года, состоявшійся между прибрежными государствами Эльбы, предписываетъ приступить къ новой оцѣнкѣ грузовъ черезъ двадцать пять лѣтъ, и что, слѣдовательно, пошлина постоянно увеличивается, по мѣрѣ удешевленія товаровъ.

Брунсгаузенская пошлина доставляла ганноверскому правительству въ теченіе 1850 — 54 г., среднимъ числомъ, по 203,451 талеру (190,735 р. сер.) дохода: эта сумма, въ послѣднемъ результатѣ, разумѣется падаетъ на потребителей. Мало того: взиманіе пошлины сопряжено съ формальностями, затрудняющими торговое движеніе, и которымъ ежегодно подчиняются около 3,000 судовъ.

Понятно, что другія государства не остаются равнодушными къ существованію этого обломка средневѣковыхъ притѣсненій. Англія неоднократно дѣлала сильныя замѣчанія ганноверскому правитель-

ству, и упомянутый нами отдельный трактатъ 1844 года между ними былъ только перемиріемъ. На долю однихъ англійскихъ судовъ приходится уплата большей половины того дохода, который пошлина доставляетъ Ганноверу. Англійскіе журналы протестуютъ противъ этой пошлыны, и есть полное основаніе полагать, что, покончивъ съ зундскою пошлиною, Англія желаетъ покончить и съ брунсгаузенскою. Соединенные Штаты, въ своемъ торговомъ трактатѣ съ Ганноверомъ (1846 г.), сравняли суда свои съ ганноверскими относительно пошлыны; тѣмъ не менѣе, протестуя противъ зундскихъ пошлынь, они объявили себя противъ всѣхъ подобныхъ сборовъ, и недавно вашингтонское правительство предписало своему консулу въ Гамбургѣ серьезно изслѣдовать дѣло о брунсгаузенскомъ сборѣ. Бельгія еще въ 1841 году угрожала тѣмъ, что подвергнетъ пошлынь ганноверскія суда, приходящія въ ея порты, и только этою угрозой успѣла добиться вышеупомянутаго пониженія брунсгаузенской пошлыны для своихъ судовъ. Мы уже не говоримъ о сѣверной Германіи, въ особенности о Гамбургѣ, гдѣ неудовольствіе весьма сильно. Гамбургъ—важнѣйшій портъ—Германіи, раздѣляетъ мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, что рѣки, подобныя Эльбѣ до Гамбурга, скорѣе части моря, чѣмъ рѣки въ собственномъ смыслѣ. По соразмѣрности дохода, который получала Данія отъ зундскихъ пошлынь, съ уплаченною ей суммою, ганноверскому правительству придется получить, въ видѣ выкупа, 2,750,000 р. сер.

Въ послѣднее время, въ Европѣ ожидали возстановленія дипломатическихъ сношеній между Австріей и Сардиніей. Нѣмецкіе журналы утверждали даже, будто графъ Кавуръ сообщилъ въ Парижъ и Лондонъ о своей готовности сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Австріей. Но прямыя извѣстія изъ Вѣны и Турина не подтверждаютъ этихъ свѣдѣній. Повидимому, ни графъ Кавуръ, ни графъ Буоль не расположены сдѣлать первый шагъ, и отношенія между обоими правительствами ни мало не измѣнились противъ прежняго.

Правда, Франція и Англія напоминали кабинетамъ вѣнскому и туринскому объ опасности полувраждебныхъ отношеній между ними для сохраненія мира въ Европѣ; представители Франціи и Англіи въ Вѣнѣ даже указывали на недавнія объясненія графа Кавура въ палатѣ депутатовъ (1); но эти благосклонныя замѣчанія не имѣли послѣдствій, и не измѣнили относительнаго положенія кабинетовъ: вѣнскій кабинетъ попрежнему требуетъ ограниченія свободы тишенія, а графъ Кавуръ остается при своемъ мнѣніи, что существующій въ Сардиніи законъ о тишеніи достаточно обезпечиваетъ иностранныхъ государей отъ неприличныхъ нападковъ со стороны журналистики.

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» № 9.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта измѣнены дѣйствовавшіе законы о литературной собственности. Право литературной собственности опредѣлено новымъ узаконеніемъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Въ теченіи всей своей жизни авторъ литературнаго или музыкальнаго произведенія, а также и переводчикъ иностранной книги пользуется неотъемлемымъ и исключительнымъ правомъ изданія своего труда. Изданіе можетъ быть предоставлено имъ другому лицу, или обществу, которыя въ такомъ случаѣ вступаютъ во всѣ права его. Тѣмъ же правомъ пользуются наследники автора или переводчика, но только въ теченіи пятидесяти лѣтъ со дня его смерти. По прошествіи пятидесяти лѣтъ, всякое литературное или музыкальное произведеніе, равно какъ и переводъ иностранныхъ книгъ становятся общимъ достояніемъ публики и могутъ быть изданы всякимъ желающимъ. Если сочиненіе состоитъ изъ нѣсколькихъ томовъ, то срокъ считается со времени изданія послѣдняго тома.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ обнародовано нѣсколько высочайшихъ указовъ и мнѣній государственнаго совѣта, въ дополненіе къ дѣйствующему законодательству. Изъ нихъ главнѣйшія относятся къ опредѣленію правъ и положенія кантонистовъ, сельскаго сословія и инородцевъ.

Высочайшимъ указомъ 4-го апрѣля натуральное предводительствіе, которое продолжаютъ получать бывшіе кантонисты, переложено на неизмѣнный денежный окладъ. Полученіе этого денежнаго оклада подчинено слѣдующимъ условіямъ. Родители, родственники и воспитатели, на попеченіи которыхъ состоятъ солдатскія и матросскія дѣти, имѣютъ право получать денежное пособіе на каждого изъ нихъ. Въ удостовѣреніе этого права они получаютъ, вслѣдствіе поданныхъ ими прошеній, билеты отъ непосредственнаго начальства. вспомошествованіе производится сообразно съ положеніемъ дѣтей. Дѣти не сироты, состоящія какъ при отставныхъ, такъ и при служащихъ нынѣ отцахъ, получаютъ до семилѣтняго возраста 3 руб. 50 коп. сер., ежегодно, съ 7-ми лѣтъ до 14-ти по 7-ми руб. При увольненіи нижнихъ чиновъ въ отставку, денежное пособіе на сыновей ихъ, достигшихъ семилѣтняго возраста, прекращается; на тѣхъ же изъ сыновей, которые не достигли еще такого возраста, пособіе это производится и по выходѣ нижнихъ чиновъ въ отставку, но только до 7-ми лѣтъ. — Дѣти-сироты получаютъ большее пособіе. Тѣмъ изъ нихъ, которыя, по смерти отцовъ, отданы на воспитаніе нижнимъ чинамъ, служащимъ въ тѣхъ же полкахъ и командахъ, выдается до 14-тилѣтняго возраста по 12-ти руб. въ годъ. Сыновья, находящіеся при вдовыхъ отцахъ или вдовыхъ матеряхъ, а также у постороннихъ воспитателей, получаютъ: до семилѣтняго возраста половинное пособіе, по 8 руб. 50 коп., а съ 7-ми лѣтъ до 14-ти

полное пособіе, по 12 р. 50 к. Для дочерей срокъ выдачи пособія прекращается ранѣе—въ 10 лѣтъ. Пособія выдаются изъ комиссаріатскихъ комиссій, комиссаріатскаго департамента морскаго министерства и мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ, смотря по зависимости воспитателей. Выдача пособія производится по полугодіямъ: съ 1-го мая по 1-е ноября, и съ 1-го ноября по 1-е мая, такъ какъ въ эти времена года воспитатели, проживающіе въ селеніяхъ и деревняхъ, наиболѣе свободны отъ сельскихъ работъ, а съ другой стороны, совершаются взносы въ казну податей.

Сословіе пахотныхъ солдатъ уничтожено вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада г. министра императорскаго двора. Высочайшимъ повелѣніемъ 14-го марта предписано подчинить пахотныхъ солдатъ, по административной, хозяйственной и судебной частямъ, дѣйствующимъ по удѣльному вѣдомству постановленіямъ, съ наименованіемъ ихъ крестьянами, состоящими въ удѣльномъ управленіи. При этомъ изъ прежнихъ правъ сохранены имъ слѣдующія: 1) права относительно приобрѣтенія и отчужденія земли, перехода въ мѣщанство и увольненія въ замужство лицъ женскаго пола; 2) право личнаго хозяйства по тяжбынымъ дѣламъ; однако на сельское начальство возложено употребленіе мѣръ къ примиренію, а пахотнымъ солдатамъ разрѣшено, по желанію, обращаться къ содѣйствию удѣльнаго стряпчаго; 3) сохраненъ прежній порядокъ перехода въ купеческое званіе.

Высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта предписаны слѣдующія правила относительно опредѣленія рекрутской повинности мѣщанъ. — Неотдѣленныхъ пасынковъ, при всѣхъ изыятіяхъ по рекрутству, вѣдно считать наравнѣ съ родными дѣтьми. Мѣщанинъ, имѣющій въ городѣ общую собственность съ матерью или бабкою, пользуется льготою отъ призывовъ къ жеребью наравнѣ съ имѣющимъ такую собственность вмѣстѣ съ отцомъ или дѣдомъ. — Мѣщанамъ, и другимъ податнымъ лицамъ, состоящимъ на рекрутской очереди, разрѣшено въ теченіи времени отъ окончанія одного набора до объявленія другаго, перечисляться въ купеческое сословіе; но если до объявленія набора перечисленіе ихъ не успѣетъ совершиться установленнымъ порядкомъ, то они попрежнему подлежатъ очереди въ своихъ участкахъ.

Вновь опредѣленъ порядокъ выборовъ у магометанскихъ народовъ, обитающихъ въ Ставропольской губерніи, головъ, старшинъ, казначеевъ, аульныхъ старостъ и другихъ должностныхъ лицъ. До сихъ поръ они избирались ежегодно. Теперь, по примѣру государственныхъ крестьянъ, ихъ вѣдно избирать черезъ каждые три года. Ежегодно избираются, по назначенію ихъ начальства, только тѣ должностныя лица, которыя находятся для совѣщаній у состоящихъ при нихъ инородныхъ приставовъ.

Изъ частныхъ распоряженій правительства замѣтимъ слѣдующія:

1) Предписано открыть почтовое сообщеніе между Ставрополемъ и Прочнымъ Окопомъ. 2) Постановлены правила для частныхъ пассажирскихъ пароходовъ, содержащихъ сообщеніе въ С.-Петербургъ и его окрестностяхъ. Число пассажировъ, которое эти пароходы могутъ принимать, поставлено въ зависимость отъ величины ихъ. На пароходахъ, совершающихъ большіе переѣзды, полагается по 6-ти квадратныхъ футовъ на пассажира; на тѣхъ же, которыхъ рейсы продолжаются не болѣе получаса, по 5-ти квадратныхъ футовъ. 3) Постановлены правила о вознагражденіи за утраченный на Николаевской желѣзной дорогѣ багажъ и страхованіи его. Объявленіе о пропажѣ должно быть подано въ теченіи 36-ти часовъ со времени приѣзда. Срокъ для разысканія назначенъ мѣсячный. Если въ теченіи этого времени пропажа не будетъ отыскана, то управленіе платитъ владѣльцу по рублю сер. за фунтъ, изъ сборовъ дороги. Застрахованіе багажа производится не позже какъ за два часа до отъѣзда. Стоимость объявляется пассажиромъ по совѣсти, но если она превышаетъ тысячу рублей сер., должна быть представлена опись вещей, особо на каждое изъ вмѣстидище. Страховая премія взимается по полупроценту съ объявленной цѣны.

Въ Англии вновь собранный парламентъ начинаетъ энергически свою законодательную дѣятельность. Видя невозможность устранить вопросы внутренней политики, министерство само предложило важнѣйшія изъ нихъ на обсужденіе парламента. Между ними безспорно первое мѣсто принадлежитъ измѣненію существующей формы присяги. Извѣстно, что эта форма, составленная окончательно почти два вѣка тому назадъ, есть главное препятствіе для парламентскихъ реформъ, потому что содержитъ въ себѣ выраженія, свойственныя одному христіанину, и притомъ протестанту. Она оканчивается словами: «клянусь по истинной христіанской вѣрѣ», и въ нихъ—то заключается условіе, почему, несмотря на неоднократныя предложенія объ этомъ, Евреи до сихъ поръ не могли быть членами нижней палаты. Лордъ Пальмерстонъ не ограничился одною главною дѣлю — допущеніемъ Евреевъ, но предложилъ также исключить изъ присяги все, что несообразно съ современнымъ положеніемъ Англии.

Нашимъ читателямъ, вѣроятно, будетъ любопытно вообще узнать по этому поводу, составъ англійской присяги. Она состоитъ изъ трехъ частей, которыя всѣ носятъ особенныя названія, и раздѣляется на при-

связу вѣрности, верховнаго господства и отреченія. Подъ именемъ первой разумѣется обѣщаніе вѣрности королевѣ и ея правительству. Вторая, которая въ настоящее время особенно требуетъ перемѣны, была внесена вслѣдствіе борьбы съ папскою властію. Въ ней присягающій отвергаетъ, какъ еретическое, то ученіе, по которому государи, отлученные папою отъ церкви, могутъ быть умерщвлены или низвергаемы съ престола своими подданными, и объявляетъ, что не признаетъ правъ никакого иностраннаго государя на свѣтскій или церковный судъ въ Великобританіи. Третья часть присяги установлена при воцареніи Ганноверской династіи. Въ ней содержится обѣщаніе защищать эту династію противъ потомковъ Іакова II. Вся присяга заключается клятвою, что обѣщанія даны отъ чистаго сердца, безъ всякихъ оговорокъ въ помысленіяхъ, и по истинной вѣрѣ христіанина. Въмѣсто этой обветшавшей формы съ ея подраздѣленіями, теперь предложена другая, въ которой исключены клятвы относительно папы и Стюартовъ, а въ заключеніи опущены слова о христіанской вѣрѣ. Замѣчательно, до какой степени въ Англіи иными партіями неохотно встрѣчается все, что клонится къ нѣкоторому измѣненію существующаго государственнаго порядка, въ какой бы формѣ ни выражалось это измѣненіе и съ какой бы стороны оно ни приходило. Еще до начала преній, Morning Post, обыкновенный органъ лорда Пальмерстона, защищалъ старую формулу, какъ палладіумъ англиканской церкви, какъ ковчегъ спасенія для нея. Съ горемъ говорилъ этотъ журналъ, что когда Евреи будутъ допущены въ парламентъ, то законодательство Англіи будетъ въ рукахъ невѣрныхъ. Несмотря на подобныя сѣтованія, никто, и даже самъ Morning Post, не сомнѣвались заранѣе въ полномъ успѣхѣ парламентской реформы. Въ этомъ направленіи министерскихъ журналовъ выразилось только затаенное нерасположеніе кабинета къ внутреннимъ преобразованіямъ. Но лордъ Пальмерстонъ умѣетъ, когда нужно, уступать обстоятельствамъ, и потому не задумался предложить новый билль парламенту со всею рѣзкостью выраженій, которою отличаются рѣчи перваго министра. Слова, которыми онъ характеризировалъ несвоевременность обветшалыхъ мѣстъ въ присягѣ, вызвали сочувствіе въ нижней палатѣ. Громкимъ хохотомъ было встрѣчено указаніе на странное упоминовеніе въ формѣ о королѣ Іаковѣ II, какъ будто бы прошло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ его смерти. Несмотря однако на храбрость, съ которою кабинетъ принялъ на себя начинаніе въ этомъ вопросѣ, человѣкъ старой Англіи не разъ былъ слышанъ въ словахъ перваго министра. Такъ напримѣръ, онъ успѣшилъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ намѣреніи перемѣнить присягу католиковъ, и предложилъ оставить ту часть формы, въ которой содержится отреченіе отъ чуждой церковной власти внутри королевства. Впрочемъ религіозная нетерпимость, которой едвали не послѣдніе отголоски раздаются въ этихъ ограничені-

яхъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, естественна въ Англии. Ея политическое устройство такъ тѣсно связано съ исторіею церкви, ея государственныя учрежденія такъ много обязаны великому протестантскому движению, что боязнь чуждыхъ элементовъ въ составѣ парламента не лишена по крайней мѣрѣ историческаго значенія. По всей вѣроятности, въ палатѣ лордовъ новый билль вызоветъ сильную оппозицію. Въ нижней палатѣ, въ которой элементъ прогресса гораздо сильнѣе, нашлись однако ораторы въ пользу прежней присяги. По ихъ мнѣнію, вопросъ о ней вовсе не религіозный, касается не свободы совѣсти, а внутренняго состава государственной власти. Въ желаніи сохранить старую форму выражаются консервативные интересы. Исходъ парламентскихъ преній по этому вопросу еще не извѣстенъ.

Другой важный вопросъ, принятый побѣдоноснымъ кабинетомъ отъ пораженной оппозиціи, относится къ избирательной реформѣ. Окончаніе его отложено, какъ извѣстно, до слѣдующихъ засѣданій; но журналы уже теперь сильно заняты имъ и обсуждаютъ возможные способы его рѣшенія. Органы кабинета, въ виду необходимаго расширенія избирательнаго ценса, стараются опредѣлить ясными признаками его границы. Times склоняется въ пользу всеобщей подачи голосовъ, нѣсколько измѣненной и ограниченной одними грамотными. Morning Post, съ своей стороны, предлагаетъ другую систему, по которой право голоса должно принадлежать всѣмъ воспитанникамъ университетовъ, духовенству, адвокатамъ, медикамъ и хирургамъ. По расчетамъ этого журнала, черезъ принатіе подобнаго проекта число избирателей увеличилось бы количествомъ отъ 25 до 30 тысячъ, безъ всякаго нарушенія основныхъ началъ конституціи. Morning Post говоритъ, что въ одномъ Лондонѣ и его предмѣстіяхъ до 15 тысячъ духовенства разныхъ вѣроисповѣданій; адвокатовъ въ Англии 5 тысячъ; число же теперешнихъ избирателей едва достигаетъ 10 тысячъ. Замѣтимъ, что обѣ предложенныя системы равно уклоняются отъ существующихъ началъ государственнаго устройства.

Второй билль касается тоже вопроса, который не одинъ разъ возвращался въ парламентскихъ преніяхъ въ прошлые года. Это билль о разводѣ и мѣрахъ противъ жестокаго обращенія мужей съ женами. На основаніи проекта, право требовать развода предоставляется женѣ въ случаѣ слѣдующихъ преступленій со стороны мужа: прелюбодѣянія, двоеженства, насильственныхъ поступковъ или оставленія жены. Издержки судопроизводства по дѣламъ о разводѣ будутъ сокращены. Теперь онѣ значительны. Пренія были очень оживлены, какъ въ верхней, такъ и въ нижней палатѣ. Религіозная сторона вопроса возбудила особенное вниманіе въ первой. Нѣсколько лордовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, сильно возставали противъ свободы развода. Нѣкоторые требовали составленія особаго комитета

Для разысканія, есть ли въ Священномъ Писаніи такія мѣста, которыя могли бы служить подкрѣпленіемъ новой мѣры. Вслѣдствіе всего этого билль о разводѣ не былъ утвержденъ въ своей первоначальной формѣ. Большинствомъ 53 голосовъ противъ 48, верхняя палата приняла его съ важнымъ ограниченіемъ, предложеннымъ оксфордскимъ епископомъ: разводъ не даетъ права на вступленіе въ новый бракъ. Для иностранцевъ едвали не интереснѣе вопроса о самомъ разводѣ были тѣ пренія, которыя онъ возбудилъ объ обращеніи мужей съ женами. Они представляютъ еще новое доказательство особеннаго, исключительнаго развитія Англии. Узаконенныя формы общежитія остаются тамъ постоянно позади господствующихъ нравовъ, и между тѣмъ какъ общественная жизнь находится въ постоянномъ и сильномъ движеніи, въ законодательствѣ нерѣдко проглядываютъ устарѣлыя черты средневѣковаго быта. Слѣдя за преніями англійскаго парламента, можно подуматъ, что великобританскіе супруги въ самомъ дѣлѣ имѣютъ дурную привычку колотить своихъ женъ. Почти не проходитъ ни одного срока засѣданій безъ того, чтобъ нижняя палата не подняла вопроса о наказаніяхъ за жестокое обращеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышелъ билль, по которому мужья, слишкомъ бьющіе своихъ женъ, подвергаются шестимѣсячному тюремному заключенію. Вотъ уже два года, какъ въ одномъ изъ наиболее просвѣщенныхъ городовъ Европы, слышится предложеніе подвергать жестокихъ мужей тѣлесному наказанію. Парламентъ каждый разъ отвергаетъ эти странныя мѣры, и каждый годъ онѣ снова предлагаются. Въ прошломъ году по этому поводу были довольно забавныя пренія. Проектъ закона предоставлялъ судьямъ право самимъ опредѣлять наказаніе; но нѣкоторые изъ почтенныхъ членовъ парламента требовали и въ этомъ случаѣ допущенія исконнаго права Англичанъ—быть судимыми не иначе, какъ по приговору присяжныхъ. Предложеніе было отвергнуто. Въ нынѣшнемъ году оно имѣло ту же участь.

Третья важная мѣра, обсуждаемая теперь, состоитъ въ преобразованіи системы уголовныхъ наказаній. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ парламентъ уже въ четвертый разъ видоизмѣняетъ ее. Нынѣ дѣйствующее законодательство не старѣе 1853 года, и обязано своимъ происхожденіемъ тоже лорду Пальмерстону. На основаніи парламентскаго акта этого года, ссылались только преступники, приговоренные къ каторгѣ на четырнадцать лѣтъ. Тѣ, которые осуждены на меньшее число лѣтъ, оставались въ Англии, и работали въ исправительныхъ домахъ. Преступники, отличившіеся хорошимъ поведеніемъ, могли быть временно освобождаемы даже и въ теченіе этого срока, получая особые билеты на свободное жительство (ticket of leave). Неудобства этой системы заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что, при ея господствѣ, люди, заклеянные преступленіемъ, смѣшивались съ честнымъ и свободнымъ населеніемъ. Новый билль

имѣть цѣлю разрѣшить управленію ссылать и такихъ преступниковъ, которые осуждены менѣе нежели на четырнадцать лѣтъ, если только они будутъ сочтены опасными. Трудно сказать, удастся ли новый законъ. Колоніи по большей части отказываются отъ нежелательнаго назначенія быть мѣстомъ ссылки. Южный Новый Валлисъ, мысъ Доброй Надежды и Ванъ-Дименова земля, одинъ за другимъ, изъявили несогласіе на принатіе къ себѣ преступниковъ. Вопросъ о мѣстѣ ссылки важенъ не для одного Соединеннаго Королевства, но и для многихъ другихъ государствъ западной Европы. Франція, напримѣръ, находится почти въ такомъ же положеніи. Она тоже не знаетъ, куда дѣвать преступниковъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ нижней палатѣ и въ журналистикѣ снова возбуждено вниманіе вопросомъ о мѣрахъ противъ торга неграми. Крейсерованіе англійскаго флота вдоль береговъ Африки оказывается недостаточнымъ для прекращенія гнусной торговли. Times совѣтуетъ правительству требовать отъ Испаніи исполненія принятыхъ ею обязательствъ. Испанское правительство должно блокировать всѣ порты острова Кубы, чтобы мѣшать высадкѣ торговцевъ неграми. Это, по словамъ журнала, одно дѣйствительное средство.

Изъ дѣлъ текущаго управленія, обратившихъ на себя вниманіе парламента, особенный интересъ имѣетъ разсмотрѣніе морскаго бюджета. Первый лордъ адмиралтейства объявилъ, что, несмотря на прекращеніе войны, правительство не можетъ сократить издержекъ на флотъ ниже той цифры, которой онъ достигали передъ войною. Бюджетъ послѣдняго года состоялъ изъ 19,600,000 фунтовъ стерлинговъ (121,520,000 руб. сер.). Потомъ онъ былъ пониженъ до 16,298,000 ф. стерл. (101,647,600 р. сер.); нынѣшній годъ онъ состоитъ изъ 8,409,000 ф. ст. (52,135,000 р. сер.). Адмиралтейство противится пониженію бюджета очень сильными доводами. «Прежде всего, говорить оно, для Англійи необходимо, чтобъ ея флотъ былъ первый въ мірѣ. Безъ сильнаго флота она сойдетъ на степень второстепенной державы.» Любопытно сдѣланное при этомъ сравненіе морскихъ силъ Англійи и Франціи въ продолженіе настоящаго столѣтія. Оно доказываетъ, какъ постоянно и съ какимъ успѣхомъ Франція стремилась сравняться на этомъ поприщѣ съ своею соперницей. Въ 1793 году Англійа имѣла 115 линейныхъ кораблей, а Франція только 76; въ 1817 году англійскихъ линейныхъ кораблей было 131, французскихъ же 46; въ 1857 г. у Англійи 42 корабля, а у Франціи 40. Второстепенныя суда находились въ слѣдующей пропорціи: въ 1817 году на 192 англійскихъ фрегата было 46 французскихъ; въ 1840 году на 110 англійскихъ было 72 французскихъ фрегата; въ 1857 году у Англійи 42 фрегата, у Франціи 37. Этими сравнительными цифрами объясняется упорное сопротивленіе сокращенію морскаго бюджета. Франція въ настоящее время уже немногимъ уступаетъ Англійи.

Между второстепенными законами замѣтимъ билль о приданомъ и ежегодномъ жалованьи королевской принцессы, которая выходитъ за принца Пруссаго. Предложенія сократить то и другое были единодушно отвергнуты палатами.

Изъ числа виѣ-парламентскихъ происшествій, особенный интересъ возбудила въ политическомъ мѣрѣ рѣчь г. Дизраэли на митингѣ фермеровъ въ Букингамскомъ графствѣ. Въ ней оцѣнены намѣренія кабинета относительно предстоящей избирательной реформы. Глава торійской партіи въ нижней палатѣ не отвергаетъ необходимости въ рѣшительной мѣрѣ. Неудобство настоящей системы очевидно. Она не только не находится ни въ какомъ отношеніи съ распределеніемъ населенія, но часто совершенно ему противорѣчитъ. Богатый Манчестеръ, съ населеніемъ въ 350,000 жителей, избираетъ только двухъ депутатовъ, наравнѣ съ незначительнымъ мѣстечкомъ Букингамомъ, въ которомъ едва есть нѣсколько тысячъ жителей и всего 300 избирателей. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ только въ томъ, какой планъ приметъ министерство въ дѣлѣ реформы. По словамъ г. Дизраэли, планъ кабинета имѣетъ цѣлю предоставить перевѣсъ гордамъ надъ графствами, потому что въ первыхъ преобладаетъ либеральная партія, тогда какъ въ послѣднихъ господствуютъ консервативныя начала. Такимъ образомъ правительство, при расширеніи избирательнаго ценса, не намѣрено однако оставить прежней дороги. Перевѣсъ городовъ надъ графствами и теперь уже ощутителенъ. Напримѣръ, въ южномъ Чеширскомъ графствѣ (Cheshire) городъ Честеръ, съ населеніемъ въ 28,000, избираетъ одинъ двухъ депутатовъ, а остальное графство, въ которомъ 174,000 жителей, тоже избираетъ двухъ депутатовъ. Указывая на эту аномалію, г. Дизраэли изъявляетъ желаніе, чтобъ выборы были приведены въ правильное отношеніе къ населенію. Изъ этой рѣчи уже видно отчасти, въ какомъ положеніи будетъ находиться торійская партія относительно кабинета.

Во Франціи дѣятельно продолжаются работы законодательнаго собранія, въ виду скорого его закрытія. Между занимающими его вопросами, по обыкновенію, первое мѣсто принадлежитъ финансовымъ.

Въ половинѣ мѣсяца представленъ былъ собранію докладъ г. Альфреда Леру о проектѣ бюджета на 1858 годъ. Въ докладѣ есть довольно интересныя подробности. По взаимному соглашенію государственнаго совѣта и законодательнаго собранія, бюджетъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ опредѣленъ въ 1,717,156,190 франковъ, а бюджетъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ въ 1,737,114,171 фр., слѣдовательно, доходы превышаютъ расходы суммою 19,958,981 фр. По поводу этого излишка докладъ дѣлаетъ два важныя замѣчанія: во первыхъ, что цифра увеличенія расходовъ, до сокращенія ихъ собраніемъ, равнялась 80 милліонамъ;

вовторыхъ, что излишекъ полученъ вслѣдствіе временныхъ мѣръ или отсрочки нѣкоторыхъ издержекъ, такъ что не должно на него рассчитывать въ слѣдующіе годы. Между временными средствами правительства, докладъ указываетъ на употребленіе съ 1848 года для обыкновенныхъ расходовъ фонда погашенія государственныхъ долговъ. Изъ числа налоговъ, установленныхъ по поводу войны въ 1865 году, коммиссія оставила нѣкоторые только для того, чтобъ дать возможность администраціи загладить неизбѣжныя послѣдствія войны. Ежегодный доходъ отъ этихъ налоговъ состоитъ изъ 34,523,000 фр., слѣдовательно, при отбѣнѣ ихъ въ бюджетъ неминуемо оказался бы дефицитъ. Необходимость замѣнить парусныя суда паровыми, вслѣдствіе опытомъ доказаннаго преимущества послѣднихъ, повела, разумѣется, тоже къ значительнымъ расходамъ; но, во избѣжаніе излишняго обремененія бюджета, правительство намѣрено разсрочить на нѣсколько лѣтъ эти издержки. Интересны подробности, сообщаемыя докладомъ относительно текущаго долга (dette flottante). 1-го апрѣля нынѣшняго года онъ простирается круглымъ числомъ до 870 милліоновъ. Дефициты прежнихъ годовъ составляютъ сумму 913 милліоновъ. Наводненія, бывшія въ прошломъ году, значительно содѣйствовали обремененію бюджета.

Какъ средство улучшенія финансовъ, коммиссія представляетъ, съ одной стороны, измѣненный ею проектъ налога на движимыя цѣнности, съ другой, уменьшеніе войска. — Налогъ на движимыя цѣнности былъ глубоко и подробно рассмотрѣнъ коммиссіею, которая совершенно переработала проектъ правительства. Важнѣйшее измѣненіе состоитъ въ установленіи различія между именованными и безыменными акціями. Различіе основано на томъ, что именныя денежныя бумаги, по самому свойству своему, не могутъ быть переданы тайно отъ одного къ другому, а потому и взисканіе пошлины не представляетъ здѣсь никакого затрудненія. Напротивъ, безыменныя бумаги легко могутъ быть переданы съ избѣжаніемъ пошлины, которой прямое взисканіе затруднительно. Вслѣдствіе этого, кромѣ средняго вычисленія годоваго количества подобныхъ акцій и другихъ мѣръ въ этомъ родѣ, коммиссія еще прибѣгла къ меньшему обложенію безыменныхъ бумагъ. Между тѣмъ, какъ именныя бумаги платятъ 20 процентовъ со ста франковъ, безыменныя платятъ только 12 процентовъ. Оправданіемъ различія въ величинѣ пошлины служить то, что безыменныя бумаги переходятъ чаще именованныхъ.

Другая мѣра, предложенная коммиссіею, состоитъ въ уменьшеніи наличнаго количества войска. Для этой цѣли представлялись два наиболѣе удобныхъ средства: вопервыхъ, уменьшеніе существующихъ кадровъ сообразно уменьшившемуся числу людей, вовторыхъ, простое сокращеніе числа солдатъ. Коммиссія предпочла послѣднее средство: первое было бы встрѣчено арміею не безъ неудовольствія, а при второмъ цѣль достигается просто незамѣщеніемъ ваканцій.

Но между тѣмъ, какъ законодательное собраніе заботится о сокращеніи войска, правительство, напротивъ, желаетъ сохранить подъ ружьемъ еще болѣе того количества, которое оно имѣло въ своемъ распоряженіи передъ началомъ войны. Оно предложило проектъ закона о ежегодномъ наборѣ 100 тысячъ человекъ вмѣсто 80. Этотъ проектъ возбудилъ волненіе въ собраніи. Представлялся вопросъ: какія необходимыя въ мирное время, имѣть войско многочисленнѣе той цифры, которую съ 1830 до 1852 года всегда считали за нормальную? Комиссія истребовала необходимыя объясненія отъ правительства. По этимъ объясненіямъ, правительство находитъ три причины для введенія новой мѣры. Первая заключается въ переходномъ состояніи между войною и мирнымъ положеніемъ. Въ продолженіи войны были истощены почти всѣ резервы; а стѣсненіе существующихъ кадровъ нарушило бы права, прибрѣтенныя кровью на полѣ сраженія. Вторая причина заключается въ новой системѣ военной службы, о которой императоръ мимоходомъ упомянулъ въ тронной рѣчи. О ней комиссії были сообщены не довольно подробныя свѣдѣнія, которыя найдены ею неудовлетворительными. Поэтому она могла сдѣлать только общія заключенія. По сообщеннымъ указаніямъ, новая система будетъ основана на уменьшеніи срока службы. По прошествіи двухъ лѣтъ двѣ трети каждаго набора будутъ, кажется, распускаемы. Такимъ образомъ, если съ одной стороны, войска будетъ болѣе, то съ другой, это большее войско будетъ за то служить гораздо менѣе. Правительство видитъ несомнѣнную пользу въ этомъ преобразованіи. Молодые солдаты въ продолженіи двухлѣтняго срока не успѣютъ забыть мастерской или плуга и возвратятся къ прежнимъ занятіямъ со всѣми преимуществами военного воспитанія. Третья причина есть политическая. Правительство считаетъ невозможнымъ для Франціи поддерживать свое достоинство въ дѣлахъ внѣшней политики безъ шестисотъ-тысячной арміи, а для этого почитаетъ необходимымъ ежегодный наборъ во сто тысячъ. На это докладъ комиссії не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній. Повидимому, послѣдній доводъ и былъ причиною того сильнаго впечатлѣнія, которое докладъ произвелъ въ собраніи. Дипломатическій корпусъ тоже не пропустилъ безъ вниманія новую мѣру правительства.

Еще большее впечатлѣніе произвелъ неожиданный примѣръ независимаго образа дѣйствій, поданный законодательнымъ собраніемъ при обсужденіи знаменитаго проекта о преобразованіи Французскаго банка. Мы говорили уже, въ чемъ состоялъ проектъ. Комиссія, назначенная для его разсмотрѣнія, рѣшила, по большинству голосовъ, предложить собранію безусловное его отверженіе. Такъ какъ прежде избранный ею докладчикъ принадлежалъ къ меньшинству, то онъ долженъ былъ передать свою обязанность другому. Комиссія поступила столь рѣшительно послѣ долгихъ

и подробныхъ разсужденій. Она приглашала на совѣщанія всѣхъ главныхъ банкировъ Парижа, въ томъ числѣ барона Джемса Ротшильда и гг. Эмиля и Исаака Перейровъ. Г. Ротшильдъ не счелъ нужнымъ повторить передъ комиссіей тѣ возраженія, которыя уже прежде сдѣлалъ тюльерійскому кабинету, и ограничился одними общими, незначительными замѣчаніями болѣе о проектѣ, нежели противъ него; но гг. Перейры подробно обсудили проектъ и повторили мнѣніе, высказанное ими императору. Причины безусловнаго отверженія закона заключаются въ несогласіи государственнаго совѣта на тѣ измѣненія, которыя предлагала ему комиссія. Перемены были слѣдующія: 1) вмѣсто 75 франковъ комиссія требовала, чтобъ ренты были переданы банку по 85 франковъ; 2) чтобы срокъ новой привилегіи банка былъ сокращенъ; 3) на банкъ возлагалась обязанность выпустить купоны по пятидесяти франковъ; наконецъ, 4) проценты, уплачиваемые казною, понижены съ 4 на 3. Съ этими измѣненіями трое изъ членовъ комиссіи отправились въ государственный совѣтъ, который, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился допустить вполнѣ два послѣднія измѣненія. Сверхъ того, одно изъ предложеній комиссіи было принято отчасти. Комиссія требовала, чтобъ черезъ десять лѣтъ банкъ былъ обязанъ открыть, по крайней мѣрѣ, по одному отдѣленію въ каждомъ департаментѣ. Государственный совѣтъ постановилъ, вмѣсто этого, что по истеченіи десяти лѣтъ правительство имѣетъ право обязать банкъ къ открытію нѣсколькихъ отдѣленій. Когда представленіе комиссіи не было такимъ образомъ уважено, она нашла себя вынужденною прибѣгнуть къ другому средству, и нѣкоторые изъ ея членовъ выразили мнѣніе, что проектъ долженъ быть безусловно отвергнутъ. Въ преніяхъ, по этому поводу, голоса, какъ было сказано, раздѣлились, и комиссія перемѣнила своего докладчика. Новымъ докладчикомъ былъ назначенъ г. Девинкъ. Впечатлѣніе, произведенное въ законодательномъ собраніи такимъ поступкомъ его комиссіи, было потрясающее. Отъ подобнаго образа дѣйствій Франція отвыкла въ послѣднее время. Въ слѣдующемъ засѣданіи собранія всѣ только и занимались слухами о проектѣ закона. Само правительство сочло за нужное отступить отъ своихъ требованій. На одномъ изъ придворныхъ вечеровъ въ Тюльери императоръ подозвалъ къ себѣ г. Девинку и долго разсуждалъ съ нимъ о Французскомъ банкѣ. Потомъ были призваны министръ финансовъ и нѣкоторые изъ членовъ государственнаго совѣта. Результатомъ этихъ совѣщаній было, на другой день, новое засѣданіе комиссіи. По послѣднимъ извѣстіямъ, между правительствомъ и комиссіей произошло соглашеніе, и вопросъ о банкѣ теперь уже рѣшенъ окончательно, съ незначительными уступками со стороны правительства.

Нѣтъ сомнѣнія, что Франціи необходимо обратить самое серьезное вниманіе на затруднительное положеніе денежнаго рынка. Въ половинѣ нынѣшняго мѣсяца былъ обнародованъ отчетъ Французскаго банка. Изъ этого отчета видно, что монетный кризисъ, господствующій въ Европѣ, продолжаетъ тяготѣть надъ операціями банка и требуетъ быстрыхъ и коренныхъ мѣръ. При сличеніи капиталовъ и долговъ его видно, что хотя приливъ звонкой монеты и не очень уменьшился въ теченіи апрѣля (именно на сумму 1,707,000 франковъ), но что и этимъ банкъ обязанъ только значительной покупкѣ драгоценныхъ металловъ, сдѣланной имъ, чтобъ удовлетворить потребностямъ обращенія. Биржа хорошо понимаетъ тяжелыя обстоятельства банка и не заблуждается насчетъ временнаго улучшенія въ его оборотахъ. Несмотря на обнародованный отчетъ, оцѣпенѣніе, овладѣвшее всѣми сдѣлками, продолжается. Къ естественнымъ его причинамъ присоединяются слухи о новыхъ финансовыхъ несчастіяхъ. Банкротство одного изъ значительныхъ между второстепенными банкирами, г. Турнейссена, отозвалось неблагоприятно на биржевыхъ оборотахъ, хотя и не могло совершенно поколебать ихъ. Биржа встрѣчаетъ недоверіемъ всякую новую попытку правительства къ возрожденію падающаго кредита.

Изъ второстепенныхъ вопросовъ, занимающихъ теперь законодательное собраніе, слѣдуетъ упомянуть о проектѣ соединить сѣти желѣзныхъ дорогъ съ Средиземнымъ моремъ.

Скажемъ въ заключеніе объ единственномъ не-финансовомъ вопросѣ, который теперь разсматривается въ законодательномъ собраніи. Это — новое распределеніе депутатовъ по департаментамъ. На основаніи органическаго декрета 2 февраля 1852 года, каждый департаментъ выбираетъ по одному депутату изъ 35,000 избирателей. Сверхъ того, тѣ департаменты, въ которыхъ свыше этой цифры есть еще 25,000 избирателей, имѣютъ право еще на одного депутата. На основаніи распределенія 1852 года, депутатовъ теперь 261. По декрету распределеніе производится снова чрезъ каждыя пять лѣтъ, слѣдовательно, срокъ наступилъ именно въ настоящемъ году. Но уменьшеніе народонаселенія, замѣченное при послѣдней переписи, затрудняетъ новое росписаніе. Населеніе уменьшалось чрезвычайно неровно. Между тѣмъ какъ нѣкоторые департаменты потеряли избирателей, въ другихъ число ихъ, напротивъ, даже увеличилось: напримеръ, департаменты Сены и Луары, каждый, приобрѣли право на лишняго депутата. Все это имѣетъ послѣдствіемъ то, что, при счетѣ по департаментамъ, число представителей должно гораздо болѣе сократиться, нежели сколько того требуетъ число всѣхъ вообще избирателей, уменьшившееся во Франціи. Все населеніе имперіи уменьшилось только на 36,485 избирателей, слѣдовательно, долженъ бы былъ убавиться только одинъ депутатъ, а при счетѣ по департамен-

тамъ выходить только 254 представителя. Для соглашенія этого противорѣчія правительство намѣрено разрѣшить выборъ лишняго депутата на каждые 17,500 избирателей, вмѣсто прежнихъ 25,000, свыше узаконеннаго числа. Такимъ образомъ число представителей не только не сократится, но даже увеличится: вмѣсто 261 ихъ будетъ 266.

Новый законъ будетъ вскорѣ имѣть приложение. Избирательныя коллегии соберутся 20 июня. Выборы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, возбуждаютъ нынѣшній разъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ прежде. Это отзывается даже въ журналистикѣ. Органы либеральныхъ партій совѣтуютъ своимъ приверженцамъ не уклоняться отъ выборовъ. Легитимисты, напротивъ, не намѣрены, кажется, принимать въ нихъ участія. Несмотря на это, въ ихъ партіи замѣтно сильное движеніе, точно такъ же, какъ и у орлеанистовъ. Члены Орлеанскаго дома намѣрены вскорѣ собраться въ Клермонтѣ, въ знакъ полнаго единства въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Всѣ министры Лудовика Филиппа, за исключеніемъ гг. Тьера и Ремюза, будутъ присутствовать при этомъ собраніи.

Маршалъ Рандонъ предпринимаетъ новый походъ въ Кабилию противъ непокорныхъ племенъ. Въ обнародованной имъ прокламаціи онъ указываетъ на неоднократное вѣроломство Кабильскаго племени Бени-Ратеновъ и совѣтуетъ имъ покориться французскому правительству, обѣщая въ такомъ случаѣ полное забвеніе прежнихъ возмущеній.

Въ Бельгіи, послѣ шестинедѣльной борьбы, наконецъ утверждёнъ законъ о благотворительныхъ заведеніяхъ. Мы не говорили о немъ до сихъ поръ, желая сообщить нашимъ читателямъ полныя извѣстія. Повидимому, такой второстепенный вопросъ не могъ бы возбудить сильныхъ преній, но относительное положеніе партій придало ему особенный интересъ, связавъ его съ самыми существенными вопросами для Бельгіи. Скажемъ прежде всего, въ чемъ состояла сущность новаго закона. Въ Бельгіи съ 1830 года управленіе благотворительными заведеніями носитъ совершенно свѣтскій характеръ. Оно сосредоточено въ рукахъ свѣтскихъ начальствъ, такъ что религіозныя общества и члены духовенства, по закону, не могутъ принимать и распредѣлять пожертвованій, назначенныхъ для бѣдныхъ. Всѣ пожертвованія, сдѣланныя на имя религіозныхъ обществъ, почитаются недействительными; для дѣйствительности ихъ необходима передача гражданской власти. Новый законъ, предложенный министерствомъ, измѣняетъ прежній съ двухъ существенныхъ сторонъ. Вопервыхъ, онъ предоставляетъ правительству право сообщать религіознымъ обществамъ характеръ юридическаго лица, слѣдовательно всѣ права владѣнія, распоряженія и приобрѣтенія; во вторыхъ, онъ даетъ жертвователямъ право назначать администраторовъ къ имуществамъ, пожертвованнымъ съ благотворительною цѣлю. Эти двѣ перемѣны возбудили сильное волненіе въ либеральной партіи. Подъ защитою консти-

туціи 1830 года, провозгласившей свободу ассоціаціи, релігіозныя общества значительно умножились въ Бельгіи. Либеральная партія справедливо опасается, что новый законъ дастъ поводъ къ важнымъ злоупотребленіямъ въ странѣ, гдѣ часть населенія дотога увлекается ультра-католическою реакціей, что еще недавно одинъ изъ министровъ сказалъ съ трибуны: «вѣтеръ нетерпимости дуетъ теперь въ Бельгіи». Самое происхожденіе закона, составленнаго подъ очевиднымъ вліяніемъ клерикальной партіи, еще болѣе усиливало сопротивление ему. Либеральная партія говорила, что принятіе проекта равносильно отреченію законодательной власти въ пользу исполнительной, и ссылалась на интересы частныхъ лицъ и государства, которые равно могутъ быть нарушаемы подъ покровомъ новаго закона. Клерикальная партія, съ своей стороны, призывала въ свою защиту конституцію, освятившую начало ассоціаціи. Несмотря однако на ея возгласы, общество хорошо понимало, которая изъ враждующихъ партій отстаиваетъ настоящіе его интересы. Въ бурномъ засѣданіи 27-го мая публика громко выражала свое сочувствіе ораторамъ оппозиціи, нарушая этимъ законъ о невмѣшательствѣ въ пренія. Президентъ палаты велѣлъ очистить трибуны. Эта мѣра была принята уже въ третій разъ съ начала преній. Изгнанные изъ трибунъ остались на народной площади. Густая толпа ожидала выхода депутатовъ. Между тѣмъ, видя невозможность провести законъ въ полномъ его объемѣ, министръ юстиціи предложилъ сдѣлать въ немъ три незначительныя перемѣны. Первою изъ нихъ запрещалось принимать въ благотворительныя школы, за плату, достаточныхъ учениковъ; пріемъ ограниченъ одними неимущими; второю предписывалось назначать къ пожертвованнымъ имуществамъ не менѣе двухъ администраторовъ; наконецъ третью разрѣшено бургомистрамъ присутствовать, когда найдутъ нужнымъ, при совѣщаніяхъ администраторовъ. Эти перемѣны увлекли за собою большинство, но не ввели въ заблужденіе главныхъ ораторовъ оппозиціи. Они указывали на тѣ затрудненія, которыя неминуемо встрѣтитъ повѣрка отчетовъ релігіозныхъ обществъ. Самъ министръ юстиціи, г. Нортонъ, долженъ былъ сознаться, что отчеты благотворительныхъ обществъ составляются безъ всякаго участія со стороны свѣтской власти и прямо поступаютъ въ департаменты. Одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, г. Фреръ, называлъ вмѣшательство бургомистра комедіей и, говоря о трудности повѣрки, ссылался даже на письмо архіепископа мехельнскаго, въ которомъ онъ говоритъ, что сестры милосердія не любятъ отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и всегда уклоняются отъ повѣрки счетовъ. Несмотря однако на ожесточенную борьбу либеральной партіи, большинство согласилось на сдѣлку, и проектъ закона былъ принятъ 60 голосами противъ 41. Когда, послѣ подачи голосовъ, депутаты вышли изъ палаты и впереди ихъ показался папскій нунцій, мон-

синьйоръ Джонелла, то толпа народа, разгоряченная неудачею, встрѣтила его криками и свистками. Говорятъ, нунція приняла за одного изъ членовъ клерикальной партіи, каноника де-Герна. Монсиньйоръ Джонелла поспѣшилъ воротиться въ палату, откуда министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Виленъ XIV, проводилъ его подъ руку черезъ площадь, въ сопровожденіи одного депутата либеральной партіи. Народъ понялъ заслуженный урокъ, данный ему министромъ, молча снялъ шляпы и разступился, чтобъ дать дорогу. Иначе были встрѣчены члены оппозиціи. Толпа привѣтствовала восторженными криками гг. Ортса и Рожье, и потомъ съ тѣмъ же крикомъ: *vivat*, собралась передъ домомъ г. Фреръ-Орбана, который еще не возвращался. Не дождавшись его, толпа двинулась далѣе. Передъ домами министровъ и клерикальныхъ журналовъ раздавались свистки, а передъ домами либеральныхъ депутатовъ крики: *vivat*, и рукоплесканія. Несмотря однако на это волненіе, почтеніе къ особѣ короля и въ этомъ случаѣ ниразу не было нарушено. Хотя на другой день повторились тѣ же сцены, но вечеромъ толпа привѣтствовала криками и рукоплесканіями герцога и герцогиню Брабантскихъ, при проѣздѣ ихъ въ театръ. Съ такимъ же сочувствіемъ и восторгомъ они были встрѣчены при входѣ въ театральную залу. Публика потребовала, чтобъ оркестръ сыгралъ брабантскую народную пѣсню и, по окончаніи ея, обратилась къ герцогу съ рукоплесканіями. Представленіе Вильгельма Телля было прервано тѣми же восторженными криками, въ соединеніи съ протестомъ противъ новаго закона. Вечеромъ густыя толпы ходили по улицамъ, но все уже было спокойно. Войско, которое съ 27-го числа было наготовѣ, на другой день было распущено. Спокойствіе возстановилось само собою.

Въ Испаніи пренія въ сенатѣ по поводу отвѣтнаго адреса королевѣ начались сильною борьбой между партіями. Одинъ изъ сенаторовъ предложилъ помѣстить въ адресѣ укоръ такъ-называемымъ викальваристамъ, то-есть генераламъ, принимавшимъ участіе въ революціи 1854 года, и въ числѣ ихъ маршалу О'Доннелю. Маршалъ Нарваесъ отвергъ это предложеніе, которое могло бы произвести раздѣленіе въ консервативной партіи. Въ рѣчи, исполненной умѣренности, онъ совѣтовалъ сенату предать забвенію былыя несогласія и дѣйствовать единодушно. Въ особенности онъ устранялъ намекъ на маршала О'Доннеля, защищая его политическую карьеру. Къ сожалѣнію, не всѣ министры и члены сената послѣдовали примѣру главы кабинета. Нѣкоторые изъ нихъ увлеклись преніями и вдалились въ личности. Самъ маршалъ О'Доннель не сохранилъ должной умѣренности. Предложеніе было однако отвергнуто. Теперь начались пренія объ адресѣ въ нижней палатѣ, гдѣ, вѣроятно, они дадутъ поводъ къ такимъ же столкновеніямъ. Проектъ преобразованія сената вообще былъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ.

Въ Пруссіи проектъ новаго закона о налогахъ , послѣ продолжительныхъ преній , былъ отвергнутъ обѣими палатами. 11-го мая палаты были закрыты отъ имени короля президентомъ совѣта министровъ. Въ тронной рѣчи перечислены всѣ мѣры , принятія въ теченіи послѣднихъ засѣданій.

Въ Австріи , рескриптомъ на имя министра юстиціи , барона Краусса , императоръ обнародовалъ амністію всѣмъ своимъ не военнымъ подданнымъ , за исключеніемъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства , которое , два мѣсяца тому назадъ , было предметомъ особой мѣры подобнаго рода. Амністія простирается на всѣхъ государственныхъ преступниковъ , какъ на тѣхъ , которые уже наказаны , такъ и на состоящихъ подъ судомъ , а равно и на всѣ виды государственныхъ преступленій. Число заключенныхъ , которые вслѣдствіе этого акта , будутъ возвращены своимъ семействамъ , простирается до двухсотъ. Въ Венгріи , куда недавно императоръ совершилъ путешествіе , сдѣланы , кромѣ амністіи , еще другія облегченія. Нѣкоторыя недоимки прощены , и уничтожена часть налоговъ. Сверхъ того , правительство намѣрено возвратить конфискованныя за проишествія 1848 года имущества ихъ владѣльцамъ. По свѣдѣніямъ , сообщаемымъ журналами , дѣйность этихъ имуществъ простиралась въ 1850 г. до 16 милліоновъ гульденовъ (около 10 милл. р. сер.) , а теперь , при общемъ возвышеніи поземельной собственности , простирается до 24 милліоновъ гульденовъ (около 15 милл. р. сер.). Владѣнія одного полковника Кисса , растрѣяннаго по прекращеніи возстанія , дѣлятся слишкомъ въ 4 милліона гульденовъ (около 2½ милл. р. сер.) , а между тѣмъ сестра его , которая живетъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ , принуждена содержать себя уроками музыки.

Венгерское дворянство подало императору просьбу , за многочисленными подписями. Оно испрашиваетъ восстановленія правъ венгерскаго народа. Это необходимо , по словамъ его , въ видахъ самаго правительства. Только при характерѣ самостоятельной народности Венгрія можетъ быть твердымъ и надежнымъ оплотомъ престола. Намѣренія правительства еще неизвѣстны.

Въ Турціи произошла перемѣна въ министерствѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ , Этемъ-паша , уволенъ отъ должности и сдѣланъ членомъ танзимата. На мѣсто его назначенъ зять султана и сынъ нынѣшняго великаго визиря , Али-Гелибъ-паша. Ему всего тридцать лѣтъ. Онъ воспитывался во Франціи и говоритъ по-французски. Въ недавнее время онъ былъ секретаремъ посольства въ Парижѣ и былъ нѣсколько разъ посыланъ туда съ дипломатическими порученіями.

Безпрестанно разрушающійся проектъ турецкаго банка снова возродился въ послѣднее время. Но теперешній проектъ имѣетъ

мѣстное происхождение. Онъ составленъ торговымъ домоу Бальтацци. Въ основаніе предполагается положить довольно большой капиталъ, всего 5 милл. фунт. стерл. (31 мил. р. сер.) Основатели требуютъ отъ Порты, чтобъ она обязала высшихъ сановниковъ подписаться на сумму 320 тыс. фунт. стерл. (1,984,000 р. сереб.), подписка на остальную сумму будетъ происходить между мѣстными торговыми домами, въ Лондонѣ и Марсели.

Въ Валахїи національный банкъ идетъ успѣшно. Въ теченіи четырехъ дней съ открытія подписки подписались на 1,000,000 фунт. стерлинг.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ штаты, въ послѣднее время, были встревожены странными слухами. Вслѣдствіе болѣзни президента, г. Буканана, говорили, будто бы онъ сдѣлался жертвою отравленія въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Вашингтонской гостинницѣ, передъ вступленіемъ въ должность президента. Журналы особенно настаиваютъ на томъ, что отравленіе не было случайностію, и ссылаются въ доказательство на письмо самого г. Буканана. По мнѣнію, распространенному журналами, президентъ отравленъ неграми, которые надѣялись, что, въ случаѣ его смерти, верховная власть перейдетъ въ руки полковника Фремона, извѣстнаго кандидата аболіціонистовъ на послѣднихъ выборахъ. Какъ ни мало правдоподобна эта догадка, но она доказываетъ, въ какое положеніе поставила себя партія демократовъ, упорно отвергая всякую мѣру противъ невольничества и стараясь, напротивъ, всѣми мѣрами поддержать его.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Нью-Йорка, Уокеръ, доведенный до крайности, удалился на англійскій фрегатъ.

Въ Парагваѣ президентъ республики Донъ Антоніо Лопесъ снова избранъ, несмотря на свое отреченіе. Конгрессъ предлагалъ президентство его сыну, генералу Лопесу, и, послѣ его отказа, вынудилъ согласіе президента остаться въ этомъ званіи. Лопесъ намѣренъ былъ оставить управленіе прежде срока.

Въ Мексикѣ правительство находится въ борьбѣ съ духовенствомъ, и эта борьба ежедневно даетъ поводъ къ новымъ безпорядкамъ. На Страстной недѣлѣ духовенство не допустило членовъ правительства войти въ соборъ. На другой день нѣсколько духовныхъ лицъ было арестовано. Архіепископъ изгнанъ и удаляется въ Гаванну, гдѣ ему готовятъ блестящую встрѣчу. Часть населенія держитъ сторону духовенства. Въ церквахъ произносятся рѣчи противъ президента.

Новѣйшія Извѣстія.

По послѣднимъ извѣстіямъ, безпокойства еще продолжались въ Брюсселѣ 29-го и 30-го мая, хотя однако ниразу не переходили въ открытое насиліе. Вечеромъ 29-го числа, бургомистръ города обнародовалъ прокламацію, которою, подъ страхомъ наказанія, запрещалось собираться на улицѣ въ числѣ болѣе пяти человѣкъ. Эта прокламація не встрѣтила никакого сопротивленія. На площади ратуши бургомистръ показался лично, приглашая всѣхъ добрыхъ гражданъ возвратиться домой. Повиновеніе было немедленное, но на другихъ улицахъ народъ продолжалъ собираться. Городъ наполненъ гражданскою гвардіей, и сдѣлано было распоряженіе о введеніи кирасиръ и егерей. Особенному оскорбленію отъ толпы подверглись монастыри Іезуитовъ и Капуциновъ и домъ одного изъ редакторовъ журнала *l'Emancipation*. На другой день всѣ пункты города, гдѣ наканунѣ происходили безпорядки, заняты войскомъ. Конные жандармы разѣзжали по улицамъ, разгоняя народъ. Серіознаго сопротивленія они не встрѣтили. Только нѣсколько молодыхъ людей бѣжали по улицамъ, крича: «долой монастыри, да здравствуютъ либералы, не надо новаго закона!» и т. п. Вторичная прокламація бургомистра была выставлена на улицахъ. Вечеромъ 30-го числа все было спокойно, однако патрули еще ходили по городу. 31-го мая и 1-го іюня безпорядки возобновились, но съ меньшею силою.

Волненіе было не въ одномъ Брюсселѣ. По извѣстіямъ изъ Литты и Антверпена, тамъ происходили такія же сцены. 29-го числа многочисленныя толпы народа окружили домъ литтискаго епископа и, къ сожалѣнію, не ограничились только этимъ, а перебили стекла. То же почти произошло передъ іезуитскимъ училищемъ. Въ Монсѣ и Гандѣ, Жемаппѣ и др. городахъ были тоже безпорядки. Въ Брюсселѣ нѣсколько человѣкъ были арестованы и произведено слѣдствіе.

Усмиренію безпокойствъ содѣйствовали слѣдующія обстоятельства. Въ засѣданіи 29-го числа, г. Брукеръ обратился къ палатѣ съ рѣчью объ утвержденномъ наказуивъ законѣ. «Проектъ, представленный министерствомъ, сказалъ онъ, только до наружности относится къ одной благотворительности; на самомъ дѣлѣ онъ столько же касается закона о первоначальномъ обученіи въ его наиболее важныхъ сторонахъ. Вчера возникло важное разногласіе между министерствомъ и центральнымъ отдѣленіемъ палаты относительно смысла 70-й статьи закона. Поэтому я требую, чтобъ эта статья была снова передава на обсужденіе центральнаго отдѣленія.» Предложеніе г. Брукера было принято безъ сопротивленія даже правою стороною палаты. Министерство тоже не сдѣлало возраженій. Читатели помнятъ, что 70-я статья проекта относится къ способу приѣма учениковъ въ благо-

творительныя заведенія. По измѣненію, сдѣланному министерствомъ, запрещено принимать учениковъ достаточныхъ; но даже и въ этой формѣ статья представляетъ не мало затрудненій. Поставивъ устройство благотворительныхъ заведеній въ исключительную зависимость отъ частной воли жертвователей, новый законъ отдаетъ первоначальное обученіе значительной доли населенія въ безусловное распоряженіе частныхъ лицъ. Понятно, какъ важно при этомъ предотвратить, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія изъ возможныхъ здѣсь злоупотребленій. Вопросъ объ училищахъ составляетъ главную сторону закона и всего болѣе возбуждаетъ интересъ партій. Поэтому пересмотръ 70-й статьи справедливо почитается за отсрочку всего проекта на неопредѣленное время. Въ тотъ же день, по предложенію г. Ваттѣ, общинный совѣтъ Брюсселя поднесъ королю адресъ съ выраженіемъ сожалѣній и желанія, чтобы король воспользовался своимъ конституционнымъ правомъ распускать депутатовъ. Король, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительно распустилъ сенатъ и палату впредь до созванія. Итакъ, новый законъ можно пока считать несуществующимъ.

Замѣчательно то ожесточеніе, съ которымъ ультра-католическіе журналы встрѣтили эту мѣру правительства не только въ Бельгіи, но даже и во Франціи. По ихъ словамъ, министерство дало неслыханный примѣръ слабости, уступивъ внѣшнему насилію. Видно, что клерикальная партія рѣшилась, во что бы то ни стало, удержать за собою побѣду. Несмотря на то, что эта партія была главною жертвою волненій, ея органы отвергаютъ необходимость такого рѣшенія правительства, которое одно могло положить конецъ безпорядкамъ. Подобный взглядъ клерикальныхъ журналовъ всего лучше доказываетъ, что въ сущности дѣло ихъ проиграно.

Во Франціи обнародовано три важныхъ декрета. Первымъ распускается законодательное собраніе. Вторымъ увеличивается число депутатовъ до 266, сообразно тому проекту закона, о которомъ мы говорили. Департаменты, которые будутъ избирать по одному депутату болѣе, суть: Аллье, Корсика, Луаре, Маась и департаментъ двухъ Севрѣ. Сверхъ того, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, въ департаментахъ Сены и Луары будетъ также по лишнему депутату. Одинъ департаментъ (Côtes du Nord), въ которомъ населеніе уменьшилось, теряетъ депутата. Третьимъ декретомъ избирательныя коллегіи созываются 21-го іюня, а въ Корсикѣ 28-го. Для подачи голосовъ назначаются два дня; повѣрка избраній будетъ происходить особо въ каждомъ избирательномъ округѣ, въ главномъ городѣ департамента. — Демократическая партія открыла избирательный комитетъ въ Парижѣ.

По извѣстіямъ изъ Алжіріи маршалъ графъ Рандонъ началъ военныя дѣйствія противъ Кабилловъ. 17-го мая войско подошло къ горамъ,

на которыхъ обитаетъ непокорное племя Бени-Ратеновъ. Съ маршаломъ были три дивизіи: генераловъ Рено, Макъ-Магона и Юсуфа. Эти дивизіи расположились у подошвы горъ тремя лагерями. Сильные дожди, дѣлавшіе затруднительнымъ входъ на горы, до 24-го числа заставили войско оставаться въ бездѣйствіи. Однако время не пропало даромъ. Къ маршалу присоединилось войско мирнаго племени Бени-Джеммадовъ и окружило одинъ изъ важнѣйшихъ непріятельскихъ пунктовъ, городъ Джемма-Сагаради. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ угрожающимъ положеніемъ французскаго войска, заставило городъ сдаться безъ сопротивленія. На другой день, въ пять часовъ утра, Бени-Ратены были атакованы на трехъ пунктахъ, и къ 7-ми часамъ французское войско заняло всѣ высоты. Къ вечеру оно проникло внутрь горъ и овладѣло тремя важнѣйшими пунктами.

Въ Испаніи на утверженіе конгресса представленъ трактатъ о границахъ съ Франціею, потому что, на основаніи конституціи, ни малѣйшая часть территоріи не можетъ быть уступлена безъ согласія кортесовъ.

С М Ъ С Ъ

О ПРЕМІИ ГРАФА Н. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО.

Отставной штабъ-ротмистръ графъ Николай Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, съ Высочайшаго соизволенія, представилъ въ Императорскую академію наукъ билетъ санктпетербургской сохранный казны на внесенныя въ нее, въ октябрѣ 1856 года, пять тысячъ рублей серебромъ. Всю эту сумму онъ назначилъ въ премію за полное, на русскомъ языкѣ, жизнеописаніе государственнаго канцлера, князя Александра Андреевича Безбородко, которое, по заключенію академіи наукъ, признается достойнымъ награды; проценты же съ означенной суммы — автору второй по достоинству біографіи сего государственнаго сановника.

Академія наукъ приглашаетъ желающихъ принять участіе въ соисканіи представить ей свои сочиненія не поздне 31-го декабря 1861 года. Присужденіе награды будетъ произведено академіею 6-го апрѣля 1862 года, въ память дня кончины канцлера, князя А. А. Безбородко, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1799 года.

Отъ соискателей требуется не простаго лишь очерка жизни князя Безбородко, но такого историческаго сочиненія, въ коемъ онъ былъ бы изображенъ какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ дѣйствіяхъ славнаго царствованія Екатерины II, для чего должны быть представ-

лены, въ надлежащей полнотѣ, всѣ болѣе или менѣе относящіяся къ Россіи событія тогдашняго времени, особенный характеръ омаго, вліяніе его на государственныхъ людей эпохи, и между прочимъ на того, который долженъ быть предметомъ сего сочиненія. Авторъ біографіи будетъ обязанъ обратить вниманіе не на одни печатные, русскіе и иностранные, источники, но, по возможности, и на хранящіеся въ архивахъ, и даже у нѣкоторыхъ частныхъ людей, документы, письма и записки.

Рукописи сочиненій, кои, будучи представлены на сей конкурсъ, не получаютъ преміи, передаются для храненія въ бібліотеку академіи наукъ (1). Сочиненія, кои будутъ удостоены премій — какъ первой въ 5,000 руб. сер., такъ и второй, имѣющей состояться изъ процентовъ съ сей суммы, — учредитель премій предоставляетъ себѣ издать на свой счетъ.

ЗАДАЧИ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

Ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ обнарудовалъ задачи на конкурсъ 1857—1861. Эти задачи касаются наиболѣе существенныхъ сторонъ хозяйственнаго быта. Онѣ изложены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ, 2) руководство къ сельской архитектурѣ и сельскому инженерному искусству: срокъ представленія сочиненій по этимъ предметамъ назначенъ 1-го июля нынѣшняго года; 3) руководство къ разработкѣ торфяниковъ, — срокъ 1-го января 1858 г.; 4) наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ; 5) руководство къ разведенію хмѣля, — сроки 1-го июня 1858; 6) изслѣдованіе объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи; 7) описаніе нетонкорунныхъ овецъ и способовъ къ ихъ содержанію; 8) руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ; 9) руководство къ лѣсоводству и къ егерскому искусству, — сроки 1-го июня 1859; 10) изслѣдованіе о разведеніи въ Россіи красивыхъ растений, — срокъ 1-го июня 1860; 11) изслѣдованіе образа жизни жучковъ, вредныхъ для хлѣбныхъ растений; 12) о наблюденіяхъ и опытахъ надъ дикорастущими кормовыми травами, и 13) изысканіе способа къ истребленію сусликовъ.

Какъ видно изъ этого перечисленія, предложенныя задачи обнимаютъ какъ главный, такъ и второстепенные вопросы сельскаго быта. Лучшія сочиненія, написанныя по этимъ вопросамъ, награж-

(1) Авторы оныхъ не лишаются черезъ то права напечатать сіи сочиненія.

даются золотыми медалями, различной цѣнности отъ 1000 до 150 р. сер., смотря по предметамъ и по достоинству сочиненія. За труды, не удостоенные золотой медалю, но признаваемые одинако полезными, авторы получаютъ серебряныя медали и почтительныя отзывы. Предоставляя нашимъ читателямъ ближе ознакомиться съ задачами комитета изъ особо изданныхъ книгъ, скажемъ здѣсь о главныхъ основаніяхъ тѣхъ задачъ, которыя, по существу своему, представляютъ болѣе общій интересъ. Къ числу ихъ въ особенности относятся первая и шестая. Приглашая доставлять хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ, ученый комитетъ опредѣляетъ для трудовъ этого рода слѣдующія условія: 1) сочиненіе можетъ относиться къ одному или нѣсколькимъ уѣздамъ, къ одной или нѣсколькимъ губерніямъ; 2) порядокъ изложенія предоставляется на волю составителя, но при сообщеніи статистическихъ свѣдѣній требуется опредѣленіе года, къ которому они относятся, и источниковъ, откуда почерпнуты. Въ описаніе входятъ: 1) физическія свойства страны, съ опредѣленіемъ степени ихъ вліянія на земледѣльческую промышленность; 2) жители и ихъ хозяйственный бытъ. Они должны быть исчислены по племенамъ, занятіямъ и сословіямъ. Требуется показать распредѣленіе ихъ по пространству и особенно мѣста болѣе и меньшей населенности. Затѣмъ должны быть указанія на физическое и нравственное состояніе рабочаго класса и хозяйственный его бытъ. Относительно послѣдняго необходимы особенно точныя данныя. Сюда входятъ: способы пользованія землею; число владѣльцевъ, живущихъ въ имѣніяхъ, способы управленія помѣщичьими имѣніями; движеніе поземельной собственности; обработка земли и плата за нее; приливъ и отливъ рабочаго класса; переходъ крестьянъ въ другія сословія; повинности ихъ, жилища, пища, одежда, зажиточность и проч. Послѣ этого общаго изложенія слѣдуютъ частныя описанія каждаго изъ видовъ сельской промышленности.

Съ этою задачею находится въ связи шестая—объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи. Комитетъ говоритъ объ этомъ вопросѣ слѣдующимъ образомъ.

«Въ числѣ условій, имѣющихъ вліяніе на состояніе сельскаго хозяйства, одно изъ важнѣйшихъ есть способъ пользованія землею. У большинства нашихъ хозяевъ, именно крестьянъ-земледѣльцевъ, господствуетъ *общественный* способъ пользованія поземельными угодьями, подчиняющийся въ разныхъ мѣстахъ разнымъ обычаямъ относительно назначенія земель, ихъ передѣла, срока и времени ихъ пользованія и т. п.

«Ученый комитетъ предлагаетъ написать: *Исслѣдованіе объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи*. Въ такомъ изслѣдованіи должно быть объяснено исторически происхожденіе у насъ этого способа; различные виды его въ настоящее время; постановленія или обычаи, съ нимъ соединенные; вліяніе его на состояніе крестьянъ

янтъ ; какія изъ того проистекають слѣдствія для народной экономіи вообще ; чѣмъ и съ какою постепенностію могутъ быть отвращены невыгоды общественнаго пользованія землею.»

Изслѣдованіе этого вопроса должно быть строго фактическое, основанное на историческихъ и статистическихъ данныхъ. Для опредѣленія тѣхъ послѣдствій , которыя проистекають отъ различныхъ видовъ землевладѣнія авторъ можетъ руководствоваться сравнительнымъ методомъ.

Къ этимъ задачамъ присоединяется премія, установленная высочайше утвержденнымъ 24-го декабря 1856 г. положеніемъ въ память управленія графа Киселева министерствомъ. Премія состоитъ изъ золотой медали въ 300 р. сер. и назначается за сочиненія, относящіяся къ крестьянскому быту и написанныя на русскомъ языкѣ въ 1857 и 1858 годахъ.

Право на состязаніе даютъ слѣдующіе труды:

а) Сочиненія, въ которыхъ излагается настоящее состояніе нравственнаго и хозяйственнаго быта крестьянъ какой-либо части Россіи.

б) Сочиненія, въ которыхъ излагаются причины неудовлетворительнаго состоянія той или другой стороны быта поселянъ и указываются способы къ улучшенію онаго.

в) Сочиненія, имѣющія предметомъ примѣненныя къ крестьянскому быту практическія наставленія въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, сельскихъ ремеслахъ, народной гигиенѣ и т. п.

г) Сочиненія, предназначенныя для народнаго чтенія или для руководства въ крестьянскихъ училищахъ.

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ Г. РАМАЗАНОВА,

помѣщенную въ № 101 «Вѣдомостей Московской Городской Полици», подъ заглавіемъ: Нѣсколько замѣтокъ на статью г. Авдѣева: О выставкѣ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ («Русскій Вѣстникъ», мартъ, кн. вторая).

Если въ полемику, касающуюся предметовъ науки, иногда вторгается у насъ непозволительное злоупотребленіе слова и вопіющая недобросовѣстность въ доказательствахъ, то чего нельзя ожидать отъ статей объ искусствѣ, которое безспорно плетется у насъ далеко позади науки? Нзша наука представляется еще мало воздѣланною нивію, а искусство, сравнительно взятое, просто будеть:

.... Садъ заглохшій

Подъ дикими безплодными травами!

Поэтому мы прочли безъ особеннаго удивленія фельетонъ «Вѣдомостей Московской Городской Полици» 14-го мая, состоящій изъ

статьи г. Рамазанова, которой заглавіе выписано выше; и отвѣчаемъ на эти «Нѣсколько замѣтокъ» лишь потому, что дѣло отчасти касается общаго вопроса о направленіи въ искусствѣ.

Послѣ грозной тучи бездоказательныхъ обвиненій и нападеній на нашу личность, г. Рамазановъ говоритъ такъ: «Обо всемъ, что написано г. Авдѣевымъ о выставкѣ, мы говорить не будемъ, это было бы слишкомъ много и утомительно; коснемся только предметовъ слишкомъ намъ близкихъ.» Съ нетерпѣніемъ желали мы узнать, какіе предметы слишкомъ близки сердцу нашего фельетониста-скульптора. Вопросъ разбѣрился очень просто: это работы учениковъ г. Рамазанова. Самолюбіе учителя было уязвлено словами: «Жаль, что въ спящемъ мальчикѣ г. Севрюгина, хотя и видна натура, но натура не изящная.» Въ этихъ словахъ, дѣйствительно, заключался намекъ, можетъ—быть слишкомъ скрытый, на недостатокъ школы, къ которой принадлежитъ работа г. Севрюгина. Они были умѣстны и потому, что значеніе этой работы молодого художника, которому мы впрочемъ не отказываемъ въ талантѣ, иными крайне преувеличивалось. Ежели бы фигура г. Севрюгина не носила громкаго названія статуи, какъ величаетъ ее самъ г. Рамазановъ, а называлась простымъ академическимъ этюдомъ съ натурщика, принятымъ для упражненія, то дѣло представлялось бы совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Участь академическихъ этюдовъ съ натурщика такова, что ихъ отливаютъ въ одномъ экземплярѣ изъ гипса и вслѣдъ за тѣмъ разбиваютъ форму. А статуя г. Севрюгина предлагалась «дилеттантамъ» для воспроизведенія изъ мрамора, между тѣмъ какъ теперь самъ г. Рамазановъ, вызванный мопмъ замѣчаніемъ, говоритъ по ея поводу: «Нельзя же допустить, чтобы человекъ мудрствовалъ, когда онъ не знаетъ азбуки и складовъ.» Г. Рамазановъ прибавляетъ, что отъ ученика «нельзя требовать изящныхъ идеальныхъ формъ.» Что же такое произведеніе ученика, которому притомъ не дозволяется и мудрствовать! — Слѣпой сколокъ съ природы, какова бы она ни была, воспроизведеніе ея, не возведенное на степень художественности, которому дозволяется быть изящнымъ, по скольку изящна сама натура, и наконецъ вовсе неизящнымъ, если натура не представляетъ этихъ данныхъ. Нашему фельетонисту-скульптору хотѣлось бы внушить читателю, что всякая натура изящна, потому уже что она натура, и что всякая натура, за исключеніемъ только тривіальной и уродливой, можетъ служить предметомъ для пластики. Что касается до обстоятельства, что «славный профессоръ ваиня Пименовъ, пораженный жизненностію формъ въ этой статуѣ, заподозрилъ было: не сформована ли она прямо съ природы?» то, признаемся, это похвала, по нашему мнѣнію, весьма двусмысленная.

Другимъ предметомъ, близкимъ сердцу г. Рамазанова, оказывается произведеніе другаго его ученика — гипсовая тройка г. Бровскаго, и онъ выписываетъ все мѣсто изъ нашей статьи, относящееся къ тро-

ичной живописи, то мѣсто, въ которомъ упомянуто и о тронной скульптурѣ.

Г. Рамазановъ съ разными, не относящимися къ дѣлу прибаутками, хочетъ сказать намъ, что голландскіе художники часто пишутъ *Катанье на конькахъ*. Но равнѣ въ Голландіи это оставило особый родъ живописи, которымъ бы нѣкоторые художники занимались исключительно? Мы не отвергаемъ, что предметомъ для жанриста въ живописи можетъ, между прочимъ, служить и оначущая тройка, но писать исключительно однѣ тройки, посвятить имъ всю свою художественную дѣятельность, составить изъ этого особый родъ живописи, это уже крайность, которая ничѣмъ не оправдывается, и не подтверждается никакимъ, прежде бывшимъ примѣромъ въ искусствѣ. Но что же такое гипсовая тройка? спросимъ г. Рамазанова; неужели онъ возведетъ ее на степень искусства plastica? неужели исхудалую лисью клячу можно называть пластическимъ произведеніемъ? Послѣ того въ пластикѣ можно воспроизводить и костливого старика и сморщенную старуху, — да какъ же! вѣдь все это натура, а г. Рамазановъ принимаетъ всякую природу за модель для пластики. Отвѣчать на такіе вопросы мы не беремся. О тройкѣ г. Бровскаго мы вовсе не говорили при разборѣ скульптурныхъ произведеній выставки; иначе мы не пропустили бы сказать, что у иппика не достаетъ одной ноги, и при всѣхъ усиліяхъ отыскать хотя малѣйшій признакъ этой ноги нѣтъ никакой къ тому возможности. Мы считали нужнымъ указать лишь на несоотвѣтствіе между такимъ сюжетомъ и существомъ plastica искусства. Въ какой мѣрѣ были нужны подобныя указанія, это показываетъ теперь статья самого г. Рамазанова, какъ сейчасъ увидимъ.

Отъ работъ своихъ учениковъ нашъ критикъ неожиданно переносится къ Славѣ берлинскаго скульптора Рауха. Онъ порицаетъ насъ мимоходомъ за то, что мы и ее не подвергли критическому разбору. Но подлежало ли разбору нашему, послѣ ученическихъ работъ, болшею частію весьма посредственнаго достоинства, произведеніе первокласнаго европейскаго скульптора, притомъ выставленное лишь какъ образецъ производства изъ мрамора? Умѣстно ли было бы о немъ распространяться, когда неизвѣстна гипсовая модель самого Рауха, съ которой эта мраморная статуя копирована? Критику угодно приписывать наше молчаніе неумѣнью сказать что-либо дѣльное о такомъ произведеніи. Пусть будетъ такъ, не хотимъ спорить; посмотримъ же, что нашелъ въ Раухѣ московскій преподаватель ваянія. Мы не остановимся на его вопросѣ, почему мы назвали Славу сидящею, тогда какъ она (по его мнѣнію) едва полусидитъ: вѣдь она не стоитъ и не лежитъ? какое же четвертое положеніе можетъ принять человѣческая фигура на землѣ, исключая воду и воздушное пространство? Мы никогда не выразились бы о Славѣ Рауха такъ неточно и неполно, какъ дѣлаетъ г. Рамазановъ въ слѣдующихъ словахъ: «Слава — ле-

кое, воздушное созданиі фантазіи Рауха, нѣсколько наклонясь впередъ торсомъ, бросаетъ лавровый вѣнокъ.» Здѣсь критикъ упустилъ изъ вида основную идею цѣлой композиціи. Что въ томъ, что Слава бросаетъ вѣнокъ? ва то она и Слава, чтобъ бросать вѣнки! Вся прелесть статуи заключается въ томъ, что это легкое, наклоненное впередъ положеніе торса, эта граціозно обращенная въ сторону голова показываютъ, что она высматриваетъ побѣдителя, которому готовится бросить уже сплетенный вѣнокъ (замѣтьте, не бросаетъ еще), потому что рука, держащая вѣнокъ, отклонена въ противоположную сторону. «Подобленіе фигуры прекрасно, граціозно, почему впечатлительнѣе отъ общаго изображенія фигуры радуется, это пріятно.» Оттого-то оно и радуется, что въ немъ ясно высказывается упоительная наша идея, и высказывается въ граціозномъ движеніи и идеальной прелести торса. Впрочемъ, увы! радость наша неосновательна. Слава Рауха совсѣмъ не потому близка сердцу г. Рамазанова, что она граціозна и идеальна. Скромный учитель гг. Севрюгина и Бровскаго прибавляетъ: «Но разсмотрите подробности: голова—слабый сколокъ съ древнихъ женскихъ масокъ; ноги какъ-то жестки, обточены, и не изваяны (можетъ-быть выюваны и з. Лазарина; модели Рауха мы не ожидали); а драпировка, прикрывающая грудь, до такой степени невѣстственно держится на округленныхъ возвышенностяхъ, что нельзя не подосадовать на этакимъ скульпто-ра... Какъ-жъ такъ въ прекрасномъ произведеніи можно было допустить такую непростительную ошибку!» Понимаете ли вы теперь, зачѣмъ въ фельетонѣ газеты, послѣ гг. Севрюгина и Бровскаго, зашла рѣчь о знаменитомъ Раухѣ? замѣчаете ли тонкую знаменательность такого сопоставленія? Это мѣсто такъ характеризуетъ г. профессора Рамазанова, что стоить внимательно прочитать его. Подъ самолюбивою нѣжностью къ своимъ ученикамъ здѣсь кроется взглядъ, проповѣдуемый «вырастающему поколѣнію художниковъ», бездушный взглядъ натуралистовъ въ искусствѣ, лишающій искусство его жизненнаго нерва. Нужно ли говорить, что имя Рауха остается неприкосновеннымъ, а произведенія его образцовыми, несмотря на то, что, по словамъ г. Рамазанова, они состоятъ отчасти изъ сколковъ, отчасти изъ ошибокъ? И что такое значить сколокъ съ древнихъ женскихъ масокъ? Намъ извѣстно, что маски съ преувеличенными чертами лица употреблялись древними на театрахъ, что бывали трагическія и комическія маски. Маски съ спокойными чертами лица, вычеканенныя изъ золотыхъ пластинокъ, находятъ въ древнихъ могилахъ на лицахъ покойниковъ. Что же разумѣть г. Рамазановъ подъ словомъ маска? Онъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, оладъ лица, и ему не слѣдовало бы дѣлать ошибки противъ употребительной фразеологии искусства, составляющаго его спеціальность. Впрочемъ онъ долженъ выслушать отъ насъ, что этотъ слабый сколокъ съ древнихъ женскихъ масокъ въ дѣйствительности обворожителенъ, а жест-

кой и обточенной, по его словамъ, будто бы не изваянной ноги, право, не стѣитъ вся натуральная школа нашего критика. Пусть бы выльпнили они намъ хоть одну такую ножку! Чтò же касается до драпировокъ, то слова г. Рамазанова обличаютъ рѣшительное непониманіе красотъ античнаго ваянія. Неужели грязные лоскутки мокрой холстины, которые накидываютъ на маннекенъ, могутъ ознакомить съ тѣмъ величіемъ драпировокъ античной одежды, которое мы, напримѣръ, такъ недавно видѣли при игрѣ Рашели?

Раухъ, какъ видимъ мы, не принадлежитъ къ той братіи, которая пользуется сочувствіемъ московской натуральной школы въ скульптурѣ; ему порядкомъ достается отъ Москвитчей.

Этими тремя указаціями ограничиваются замѣтки г. Рамазанова. Неужели въ нашихъ, по словамъ его, *поверхностныхъ, неуважительныхъ, мимоходомъ и налетомъ* произнесенныхъ, *сужденіяхъ, вследствие* будтобы даннаго обѣщанія *изготовить статью къ сроку*, онъ не нашелъ чего-либо, къ чему бы можно было сдѣлать основательную придирку, на которую бы лучшимъ отвѣтомъ оставалось молчаніе? Нѣтъ! г. Рамазановъ только говоритъ, что «многое и многое можно бы было еще сказать намъ, но объ этомъ многомъ на самомъ дѣлѣ умалчиваетъ, дѣлая оговорку самую изношенную: *изъ боязни утомить читателей.* А мелкимъ ружейнымъ огнемъ, остротой дурнаго тона и недостойными выходками, которыми пересыпана вся статья, онъ не боялся утомить своихъ читателей? Выходки эти часто лишены всякой логичности и наполнены одною желчью.

Въ заключеніе всѣхъ своихъ нападеній, сказавши неоднократно, что сужденіе наше *одна претензія на пониманіе искусства*, критикъ нашъ съ высоты своего величія какъ бы не запрещаетъ намъ писать объ искусствѣ (этимъ дозволеніемъ мы и воспользовались, чтобы ему отвѣчать), только съ оговоркою: *обращаться съ нимъ, то-есть съ искусствомъ, съ болшею любовію и бережностію.* Мы разумѣемъ: не затрогивать произведенія его учениковъ. *Искусство* (говоритъ онъ) *цѣлтокъ очень нѣжный, и прикосновеніе къ нему жесткой, неловкой руки, заставляетъ его терять иногда очень душистые лепестки.*

Вотъ въ томъ-то и дѣло, что въ основаніи критическихъ статей нашихъ всегда лежала одна мысль—подвергать строгому сужденію не произведенія талантовъ, еще не созрѣвшихъ и не укрѣпившихся, но превознесенную бездарность, отсутствіе духовной стороны въ произведеніи искусства, скудость идеи и неблагородство въ стилѣ, доказывающее бѣдность внутренняго содержанія въ художникѣ. Все это скорѣе бурьянъ, которымъ поросло поле искусства, а не душистые лепестки пахучаго цвѣтка, какими выдаетъ ихъ г. Рамазановъ.

А. Авдѣевъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Въ письмѣ къ вамъ, помѣщенномъ въ № 8 «Русскаго Вѣстника», я счелъ за нужное, слѣдуя вызову, сдѣланному г. Крыловымъ, сказать нѣсколько словъ о спорѣ, возбужденномъ «Изобличительными Письмами». Я объявилъ, что «Изобличительныя Письма» не мною писаны, но при томъ замѣтилъ, что еслибы авторъ ихъ не предупредилъ меня, то можетъ-быть я самъ представилъ бы вамъ свои замѣтки по поводу «Критическихъ Замѣчаній» г. Крылова на диссертацию г. Чичерина. Я надѣялся, что этого объясненія будетъ достаточно, чтобы положить конецъ обращеніямъ ко мнѣ въ дѣлѣ, меня не касающемся. Мнѣ казалось, что слова мои имѣютъ право на нѣкоторое вниманіе тѣмъ болѣе, что, отказываясь отъ авторства «Изобличительныхъ Писемъ», я не скрывалъ своего мнѣнія объ ошибкахъ, замѣченныхъ въ статьѣ г. Крылова, и стало-быть не имѣлъ надобности прятаться за псевдонимъ. Несмотря на то, газета «Молва» продолжаетъ осыпать меня разными справками, запросами и даже задачами. Вмѣсто того, чтобы справиться въ любомъ учебникѣ или частнымъ образомъ посовѣтоваться съ первымъ изъ своихъ знакомыхъ, получившимъ классическое образованіе, г. редакторъ «Молвы» печатаетъ замѣтки и запросы, въ которыхъ отъ меня требуютъ публичныхъ уроковъ о такихъ элементарныхъ вещахъ, какъ движеніе латинскихъ прилагательныхъ по родамъ. Я вынужденъ наконецъ уступить этой любознательности и предложить «Молвѣ», съ чувствомъ весьма неприятнымъ и неохотно, слѣдующій урокъ.

Начну замѣчаніемъ, что въ «запросахъ», помѣщаемыхъ въ «Молвѣ», обыкновенно дѣлаются ссылки на отдѣльныя фразы, взятыя изъ Цицерона, Ливія и другихъ писателей, безъ означеній книги и главы сочиненія, откуда эти фразы заимствованы. Это совершенно неприлично, тѣмъ болѣе, что между этими ссылками часто встрѣчаются фальшивыя. Попадаютъ даже ссылки на мѣста или совсѣмъ вымышленныя или приведенныя въ искаженномъ видѣ. Такъ напримѣръ было приведено изъ грамматики Рамсгорна мѣсто такого рода, что его совсѣмъ нельзя было бы привести, еслибы не изказать его и не сдѣлать въ немъ опечатки. Или указываютъ на Нибби, какъ на авторитетъ, въ пользу мнѣнія, будто бы Пантеонъ не принадлежалъ первоначально къ термамъ Агриппы, между тѣмъ какъ Нибби былъ согласенъ въ этомъ пунктѣ со всѣми другими учеными. Редакторъ журнала долженъ знать, что печатаетъ, особенно если статьи, помѣщаемыя имъ, означены псевдонимами или буквами. Если онъ не считаетъ нужнымъ соблюдать это правило, то презрительное молчаніе на запросы его журнала будетъ не только правомъ, но и необходимостію. Есть ли какая-

нибудь возможность отвѣчать на вопросъ, когда надобно ожидать, что въ слѣдующемъ номерѣ того же журнала онъ будетъ объявленъ за печатку?

Въ запросахъ грамматическихъ надобно соображаться съ какою-нибудь хорошею грамматикой, изъ которой напримѣръ можно узнать, что въ латинскомъ языкѣ есть прилагательныя трехъ окончаній, склоняющіяся по первому и второму склоненію, и прилагательныя одного и двухъ окончаній, склоняющіяся по третьему склоненію, но въ числѣ послѣднихъ, то-есть въ числѣ прилагательныхъ двухъ окончаній, есть тринадцать прилагательныхъ, которыя склоняются по третьему же склоненію, а въ двухъ падежахъ единственнаго числа, именительномъ и звательномъ, имѣютъ три окончанія для трехъ родовъ. Таковы именно:

acer acris acre
 alacer alacris alacre
 campester campestris campestre
 ceber celebris celebre
 celer celeris celere
 equester equestris equestre
 paluster palustris palustre
 pedester pedestris pedestre
 puter putris putre
 saluber salubris salubre
 silvester silvestris silvestre
 terrester terrestris terrestre
 volucer volucris volucre.

Тема этихъ прилагательныхъ, то-есть та часть слова, которая подлѣжитъ грамматическому измѣненію, кончится на *ti*; въ этомъ смыслѣ именительная форма *acri-s*, *alaci-s* называется первоначальною. Но по особому свойству латинскаго языка, имѣющаго наклонность отсѣкать наконецную гласную темы, когда ей предшествуетъ одна изъ чистыхъ плавныхъ (*r* или *l*),—свойству, оказывающему свое дѣйствіе и въ флексіи существительныхъ (напримѣръ *puer*, *calcar*, *animal*),—тринадцать прилагательныхъ темъ на *ti* подверглись въ мужскомъ родѣ измѣненію своего первоначальнаго вида и приняли для этого рода окончаніе *er*. Это измѣненіе совершилось не на памяти исторіи языка, а въ эпоху его образованія, и составляетъ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ латыни сравнительно съ родственными языками индоевропейской семьи. Эта особенность латинскаго языка сначала не была замѣчена издателями латинскихъ писателей, и потому въ старинныхъ изданіяхъ XV, XVI, XVII вѣковъ формы на *er* и на *ti* для мужскаго рода встрѣчаются *promiscue*. Но болѣе тщательное знакомство съ рукописями привело къ наблюденію, что въ произведеніяхъ классическихъ писателей форма на *er* употребляется для мужскаго рода, а форма на *ti* для женскаго, и вслѣдствіе того во всѣ грамматики нынѣшняго столѣтія принято упомянутое выше правило. Въ полныхъ грамматикахъ показываются однакоже,

какъ исключеніе изъ этого правила, рѣдкіе случаи, гдѣ форма на *ris* встрѣчается и въ хорошихъ рукописахъ въ соединеніи съ существительными мужескаго рода. Цумптъ, напримѣръ, приводитъ, кромѣ мѣста изъ Тацита: *locus ad Herenn. 2, 4 locus celebris; Curt. 5, 3 vir celebris; Cic. de divin. 1, 57 annus salubris; Celsus 1, 3. 2, 1. 3, 6 locus, ventus, effectus salubris; Liv. 27, 1 tumultus equestris; Liv. 29, 35 exercitus terrestris; Liv. 27, 26 tumulus silvestris; Caesar B. G. 2, 18. 6, 34 collis, locus silvestris; Celsus 8, 4 vomitus acris.* Слѣдовательно, еслибы гг. сотрудники «Молвы» потрудились справиться съ пространною грамматикой Цумпта, то они могли бы привести относительно этихъ тринадцати прилагательныхъ еще болѣе мѣстъ, нежели сколько приведено г. Ярополкомъ въ № 6 «Молвы». Но эти мѣста ничего не доказываютъ. Грамматика не математика. Дважды два пять можетъ сказать только сумасшедшій; а ошибку противъ грамматическихъ правилъ можно сдѣлать, не только оставаясь въ здоровомъ умѣ, но и вполне владѣя языкомъ. Грамматическія правила, какъ и вообще законы органической жизни, узнаются путемъ наблюденія, и тѣ изъ нихъ признаются за несомнѣнныя (вслѣдствіе чего и вносятся въ учебники), которыя основаны на обширномъ наведеніи и подтверждаются большинствомъ случаевъ столь значительнымъ, что въ немъ исчезаютъ исключенія, какъ капли въ морѣ. Кто не одобряетъ такого пути составленія грамматическихъ правилъ, тотъ долженъ отказаться отъ бо́льшей половины человѣческихъ знаній: можно, пожалуй, спорить противъ человѣка, сказавшаго, что у людей бываетъ по двѣ руки и по двѣ ноги, и уличать его въ ошибку, ссылаясь на исключительные случаи рожденія младенцевъ съ тремя руками и т. п. Въ грамматикахъ древнихъ языковъ случаи, противорѣчащіе господствующему правильному употребленію, имѣютъ еще менѣе силы на томъ основаніи, что произведенія древнихъ литературъ дошли до насъ черезъ посредство цѣлаго ряда переписчиковъ, которые не только могли, но даже неизбежно должны были внести въ нихъ множество погрѣшностей. Для примѣра упомяну объ одномъ мѣстѣ Ливія, на которое указываетъ г. Ярополкъ въ № 6 «Молвы». Оно находится въ I главѣ XXVII книги и приведено г. Ярополкомъ такъ: *Jam primos occupaverat equestris terror.* Дѣйствительно, оно читается такъ въ старинныхъ изданіяхъ, но на авторитетъ рукописей въ этомъ мѣстѣ опирается лишь бессмысленное чтеніе *eques terror*, которое требуетъ исправленія, *амѣндаціи*. Исправлять же очевидно слѣдуетъ не *equestris terror*, а *equester terror*: во первыхъ потому, что форма *equester* имѣетъ за себя правильное употребленіе, а вносить *неправильности* посредствомъ *исправленій* текста противно законамъ здоровой критики; во вторыхъ потому, что испорченное чтеніе *eques terror* могло гораздо легче произойти изъ первоначальнаго *equester terror*, гдѣ слогъ *ter* дважды повторенъ, нежели изъ *equestris terror*, гдѣ не было повода

къ опискѣ. Въ подобныя тонкости дипломатической критики странно пускаться, когда спрашивается, какъ надобно говорить: *ordo equester* или *ordo equestris*. Этотъ терминъ римскаго политическаго права не подлежитъ по счастью и въ грамматическомъ отношеніи ни малѣйшему сомнѣнію. Даже и въ рукописяхъ Ливія не встрѣчается ничего похожаго на *ordo equestris*. Если гдѣ попадаетъ это выраженіе у новѣйшихъ, то вездѣ это или опечатка, или описка, или ошибка, ошибка извинительная прежде, когда правило, противъ котораго она погрѣшаетъ, не было занесено въ учебники, но непозволительная теперь и всѣми учителями латинскаго языка исправляемая безъ размышленія.

Замѣчанія, высказанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не мною, а другими, и только подтвержденные мною по вызову г. Крылова, касаются не мнѣй, не мыслей, а фактовъ, которымъ учатся въ школахъ, о которыхъ справляются въ учебникѣ, если кому случится позабыть ихъ. Нуженъ безпримѣрный недостатокъ или образованія, или добросовѣстности, чтобы затѣвать о подобныхъ вещахъ публичный споръ въ журналистикѣ.

Прошу васъ, ж. г., напечатать это письмо и извинить меня, что, вынужденный образомъ дѣйствія «Молвы», дѣлаю противъ моей воли публику свидѣтельницею такого скучнаго и необыкновеннаго въ литературѣ урока.

П. ЛЕОНТЬЕВЪ.

Дополнительныя замѣтки къ Изобличительнымъ Письмамъ.

Неожиданно нашелъ я себѣ союзника, который отчасти выходитъ и противникомъ мнѣ. Г. Ярославъ—исправный физиологъ. Онъ основательно изучаетъ факты, и пользуется ими правильно для составленія физиологическаго типа. Онъ немножко задѣлъ меня за мое пристрастіе къ славянофиламъ, за то, что я высказалъ о нихъ нѣсколько лестныхъ словъ, и расшаркался, какъ онъ выражается, передъ «Русскою Бесѣдою». Я не отступлюсь отъ своихъ словъ, хотя, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что физиологъ собралъ достаточный запасъ весьма достаточныхъ фактовъ для своей характеристики,—и мнѣ остается только пламенно желать, чтобы господа «Русской Бесѣды» выручили меня изъ бѣды и протестовали противъ людей, «которые захватили и позорятъ ихъ знамя».

Но съ другой стороны я не могу не замѣтить, что г. Ярославъ воспользовался не всѣмъ, что могло придать яркость и силу его характеристикѣ. Неслыханная недобросовѣстность славянофильскихъ (какъ мнѣ неловко!) ученыхъ дорисовывается очень красиво слѣдующими чертами.

Въ «Молвѣ», подъ именемъ г. Ярополка, обвиняютъ меня, Байбо-

роду (недоброжелательство этихъ господъ ко мнѣ такъ велико, что они не хотятъ меня почитать даже *лаголемъ*), будто я, съ какими-то моими патронами (божусь вамъ, что у меня нѣтъ никакихъ патроновъ) сдѣлалъ новое открытіе о связи Пантеона съ банями Агриппы. Мой союзникъ (но никакъ не патронъ) доказываетъ, что это мнѣніе общее, ссылается на Piale, приводитъ мѣсто изъ классическаго сочиненія Бунсена (*Beschreibung der Stadt Rom*). Все это очень хорошо и совершенно убѣдительно, но зачѣмъ же онъ забылъ Нибби, этого почтеннаго Нибби, котораго я такъ люблю? Нибби имѣетъ въ этомъ дѣлѣ порядочный авторитетъ. Къ тому же противники мои ссылаются именно на Нибби, цитуютъ изъ его маленькаго «Указателя» мѣсто противъ меня; на побіеніе меня высылается добрый мой Нибби, котораго я такъ люблю. Это ужасно! и тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ обличительнѣе для моихъ противниковъ, что Нибби стоитъ за меня крѣпко. Вотъ что говоритъ старикъ Нибби:

«Такъ какъ ротонда Пантеона связана по своей конструкціи съ термами Агриппы, какъ всякій можетъ видѣть, и такъ какъ эта часть зданія соотвѣтствуетъ другимъ подобнымъ ротондамъ въ другихъ зданіяхъ, назначавшихся для термъ, напримѣръ въ термахъ Каракаллы и Діоклетіана, то нисколько не удивительно, что Агриппа назначалъ и эту ротонду для такого же употребленія, но удивленіе, возбужденное въ немъ планомъ ротонды, ея величіемъ и гармоніею ея пропорцій, навело его на мысль обратить ее въ храмъ (1)».

«... Это превосходное зданіе было первоначально построено чтобы составлять часть бань...» (2).

Но еще хуже поступили эти господа съ Рамсгорномъ. Г. Ярославъ изобличилъ ихъ, показавъ какъ они исказили приведенное ими мѣсто изъ грамматики Рамсгорна, мѣсто совершенно невинное, не относящееся къ вопросу; они позволили себѣ, какъ выражается г. Ярославъ, шалость, выпустили и замѣнили точками то, что въ этомъ мѣстѣ было существеннаго, и даже рѣшились напечатать крупными буквами (замѣтите крупными!) *equestres*, вмѣсто *equester*. Въ словѣ *equestres* очевидно произошла опечатка; «Молвъ» нужно было въ защиту своего кліента и въ опроверженіе меня, найти у Рамсгорна форму *equestris*, а потому есть полное основаніе думать, что опечатка произошла не безъ свѣдѣнія и не безъ желанія со стороны г. Ярополка и редакціи «Молвы». У Рамсгорна стоитъ честно и прямо, обыкновеннымъ шрифтомъ, *equester*; а эти господа поставили крупными буквами *equestres*, и въ слѣдующемъ № мелкими, чуть замѣтными буквами объявили, что произошла опечатка, и что вмѣсто *equestres* слѣдуетъ читать *equester*. Но если слѣдуетъ такъ читать, то зачѣмъ же ссылка на Рамсгорна, который въ приведен-

(1) Roma nel anno MDCCCXXXVIII. T. II. p. 694.

(2) Ibid. p. 760.

номъ мѣстѣ могъ служить только къ уличенію г. Крылова и его защитниковъ? зачѣмъ было бы крупными буквами печатать *equester*, когда «Молвъ» хотѣлось, чтобъ Рамсгорнъ сказалъ *equestris*? Какова продѣлка! Нужно было произвести эффектъ на массу публики, которая не имѣетъ охоты да и не обязана входить въ тонкости приведень въ защиту г. Крылова Рамсгорнъ, а въ какомъ видѣ приведенъ, и какой произошелъ при этомъ грѣхъ, того публика можетъ—быть и не дознается, особенно за мелкостью буквъ въ поправкѣ.

Добросовѣстность этихъ господъ простирается до того, что они осмѣливаются цитовать «Antibarbarus» Кребса, съ указаниемъ страницы, утверждая, будто Кребсъ, этотъ безопасный пуристъ, который пришелъ бы въ величайшее негодованіе, еслибы могъ прочесть что пишется въ «Молвѣ» о латинскомъ языкѣ и римскомъ правѣ, будто бы Кребсъ дозволяетъ употреблять равномѣрно обѣ формы *equester* и *equestris* для мужескаго рода, говоря, что онѣ были «равно употребительны». Ничего подобнаго у Кребса нѣтъ. Напротивъ, цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы предостеречь несвѣдущихъ юношей отъ выраженія, подобнаго *ordo equestris*. О формахъ «равно употребительныхъ» онъ вовсе не говоритъ въ своемъ «Антибарбарѣ», уже по самому свойству этой книги. Но вы позволите мнѣ привести его собственныя слова о прилагательномъ *equester*: «*Equester*, всадническій. Наряду съ этою мужескою формою употребляетъ впервые Ливій и *equestris*. Но крайней мѣрѣ въ рукописяхъ эта форма когдѣ встрѣчается. Прежде Ливія употреблялась исключительно та форма и не говорилось иначе, какъ *ordo equester*, а не *equestris*. См. комментаторовъ къ Ливію XXVII, 1 и 42.» — Съ чѣмъ же можетъ сравниться нестыдливость «Молвы» передъ публикой? И замѣчательно, что все это «Молвѣ» ни почемъ. Она не отвѣчаетъ на изобличенія, и продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, шествовать тѣмъ же прекраснымъ путемъ, также безсовѣстно взводить небыллицы на честныхъ ученыхъ и съ опойнымъ духомъ жесивдѣтельствовать.

Вотъ вамъ и добросовѣстность въ литературѣ! Нѣтъ, м. г., вы должны преиспытать всякое объясненіе съ подобными литераторами. Пускаясь въ полемику съ «Молвою», вы уроните достоинство своего журнала. По крайней мѣрѣ я буду хранить молчаніе на всѣ выходы этой несчастной газеты, и буду выжидать для себя лучшей добычи.

Байборода.

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ,

ВКРАДШИЯСЯ ВЪ ПЕРВУЮ СТАТЬЮ О ШОПЕНЬ.

77 стран., 9 стр. снизу, напечатано: *подойдешь къ ней, читай: подойдемъ къ ней*. 79 стран., 13 стр. снизу, напечатано: *еще недостатковъ, читай: еще на недостатковъ*. 80 стран., 20 стр. снизу, напечатано: *и улыбаются, читай: и улышатъ*. 84 стран., 3 стр. сверху, напечатано: *и ты насладишься, читай: насладишься имъ*. 84 стран., 13 стр. сверху, напечатано: *наконецъ людей, подъялось, читай: наконецъ, подъялось*. 84 стран., 16 стр. сверху, напечатано: *родился въ 1810 году, читай: родился 1-го марта въ 1809 году*. Далѣе напечатано; *отецъ и мать его (Французъ и Нѣмка) люди и т. д., читай: отецъ и мать его, люди недостаточные*. 92 стран., 8 стр. снизу, напечатано: *ради такого, читай: во имя того же*.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ДВА СЛОВА О ПОЛИЦИИ.

Въ послѣднее время, обильное всякими вопросами, стали крѣпко поговаривать о недостаткахъ нашихъ чиновниковъ вообще, и полицейскихъ въ особенности. До сихъ поръ, однако, никто не касался прямо вопроса о полиціи, хотя слухи носятя, что о ея преобразованіи оставлено нѣсколько дѣльныхъ проектовъ, обратившихъ на себя вниманіе правительственныхъ лицъ. Недавно, въ газетѣ «Le Nord», въ № 56 кажется, брошено вскользь нѣсколько словъ о нашей полиціи. Скажемъ и мы, съ своей стороны, нѣсколько словъ объ этомъ интересномъ предметѣ.

Всѣ согласны въ томъ, что главная слабость нашей полиціи (мы будемъ говорить только о земскихъ и градскихъ полиціяхъ въ губерніяхъ, съ которыми имѣли возможность ближе познакомиться), заключается въ отсутствіи тѣхъ качествъ, которыя могли бы поставить всѣхъ чиновниковъ ея на степень общественнаго уваженія. Изъ этого многіе выводятъ заключеніе, что для скорѣйшаго изгнанія такихъ полицейскихъ типовъ, съ какими познакомили насъ Гоголь, Щедринъ, Даль и др., достаточно поставить людей богатыхъ, безкорыстныхъ и энергическихъ, въ главѣ полицейскихъ управленій. Другіе идутъ дальше и хотятъ пересмотра самыхъ положеній объ устройствѣ полиціи и радикальнаго ея преобразованія. И тѣ, и другіе, чаще всего, указываютъ, какъ на идеаль, на полицейскихъ чиновниковъ Англіи, полагая, что причина высокаго уваженія, какимъ они пользуются въ своемъ отечествѣ, заключается *единственно* въ нравственныхъ достоинствахъ этихъ чиновниковъ.

Намъ кажется, что причина лежитъ глубже: ея слѣдуетъ искать въ самомъ обществѣ, которое, съ одной стороны, безъ затрудненія даетъ изъ среды своей такихъ чиновниковъ, съ другой — умѣетъ уважать ихъ. Одной честности со стороны этихъ чиновниковъ не достаточно для произведенія явленій, столь обыкновенныхъ въ Англіи, гдѣ, среди многочисленной толпы, одно предъявленіе палочки полицмена останавливаетъ всякое нарушеніе порядка и всякое своеволие. Для этого нужно, чтобы общество проникнуто было уваженіемъ къ самому себѣ, къ закону и къ личности человѣка. Въ такомъ обществѣ

обязанность полиціи и предѣлъ ея власти обозначаются легко и положительно. Въ домъ Англичанина полицейскій чиновникъ, по службѣ, не смѣетъ войти безъ опредѣленія суда; но за то, если онъ вошелъ — всѣ подчиняются ему безусловно и съ почтеніемъ, не спрашивая, какой у него чинъ. Англичанинъ, кто бы онъ ни былъ, всюду смиряется предъ магическою палочкой, *кто бы ее ни предъявилъ*. Въ свою очередь и полицейскій чиновникъ ведетъ себя одинаково всюду, куда бы ни привела его обязанность: предъ знатымъ онъ не унижается, за богатымъ не ухаживаетъ, съ бѣдными не обращается грубо и безцеремонно. Одно ли безкорыстіе побуждаетъ его къ такому честному поведенію, и можетъ ли онъ поступать иначе тамъ, гдѣ малѣйшее уклоненіе его отъ такого характера дѣйствій ставитъ его лицомъ къ лицу, не съ однимъ начальникомъ, который можетъ погорячиться и простить, — но съ цѣлымъ обществомъ и съ его безпощаднымъ орудіемъ — оглаской, и гдѣ въ свою очередь всякій добросовѣстный трудъ и исполненіе долга ограждены тѣмъ же общественнымъ мнѣніемъ отъ произвольной оцѣнки?

Но оставимъ чужія учрежденія и перейдемъ къ нашей полиціи и къ нашему обществу. Какая пестрота понятій, какая невообразимая сложность условій, породившихъ настоящее положеніе полиціи и тѣ недостатки ея, противъ которыхъ такъ давно уже возстаетъ общественное мнѣніе! Не знаемъ съ чего начать. Начнемъ *ab ovo*.

Законы Петра Великаго, опредѣляя обязанности полиціи, представляють идеалъ ея въ такихъ высоко-нравственныхъ, въ такихъ привлекательныхъ чертахъ, что нельзя не благословить въ душѣ cadaquo, кто созналъ бы себя достаточно доблестнымъ и способнымъ понести тяжелое бремя этихъ обязанностей. Но прежде чѣмъ вы зададите себѣ вопросъ: почему обязанности эти не такъ понимаются обществомъ? вы встрѣчаете другой законъ, вынужденный взять полицейскихъ чиновниковъ, при исполненіи ими обязанностей, подъ особое Высочайшее покровительство (Т. X. св. Зак. Гражд. ст. 2647). Чтò жь это значитъ, гдѣ искать причины такой медленности при осуществленіи идеала?

Всмотритесь пристальнѣе въ исторію развитія русскаго общества и въ его настояція понятія, основанія которыхъ лежатъ въ той же исторіи, и вы поймете, гдѣ слѣдуетъ искать разрѣшенія этого вопроса.

Положа руку на сердце, кто изъ насъ рѣшится утверждать, что понятія, породившія нѣкогда мѣстничество и кормленіе, окончательно изгнаны изъ нашего общества и не существуютъ въ немъ въ какихъ бы то ни было утонченныхъ формахъ? Кто скажетъ, что идеи долга и уваженія къ личнымъ достоинствамъ чело̀вѣка усвоены нашимъ обществомъ до того, что въ этомъ отношеніи намъ нечего желать болѣе? Посмотримъ же, на сколько само общество содѣйствуетъ у насъ олицетворенію сказаннаго идеала.

Всякому извѣстно, что юридическія понятія у насъ очень мало развиты — въ высшемъ кругу еще менѣе, чѣмъ въ народѣ. Въ Англии каждый гражданинъ гордится своими законами и дорожить ими до того, что малѣйшее измѣненіе въ нихъ интересуется всю массу народа. Званіе адвоката есть одно изъ почетнѣйшихъ званій, котораго съ усиліемъ добивается не одинъ гордый лордъ. А у насъ?... Много ли у насъ отцовъ и матерей, которые, лаская своего сына, скажали бы ему, что онъ будетъ скромнымъ судьей, блюстителемъ закона или охранителемъ общественнаго спокойствія и правды? «Ты будешь министромъ, генераломъ, ты будешь гусаромъ!» — вотъ что мы слышимъ отъ папенокъ и маменекъ, когда они прижимаютъ насъ къ сердцу и никто намъ, не говоритъ, что на поприщѣ судьи, страпчаго или частнаго пристава, мы можемъ стяжать такіе лавры, какіе не снились ни одному гусару; что защитить неимущихъ, оградить невиннаго, это благо превышаетъ всѣ блага блестящаго свѣта съ его блестящими мундирами!

Законы!... Странно какъ-то звучитъ это слово въ нашихъ ушахъ. «Вотъ вздумалъ подводить законы! экой законникъ!» Такія фразы всего чаще услышите вы, если станете говорить о законахъ такъ-называемымъ порядочнымъ молодымъ людямъ. Попробуйте нарушить законы моды, этикета или свѣтскихъ приличій — и вы человекъ пропавшій, вы окомпрометировали себя, и нѣтъ вамъ доступа въ общество. Но если вы нарушите законы христіанскіе или гражданскіе, если вы обидите незнакомаго нахальнымъ взглядомъ и дерзко-остроумною рѣчью, если вы прогоните кредитора вашего за дверь, если вы наговорите грубостей полицейскому чиновнику, напомнившему вамъ о законѣ, если, наконецъ, вы обманете хорошенькую женщину, — въ глазахъ товарищей достоинство ваше нисколько не уменьшится отъ этого, и васъ—чего добраго!—назовутъ еще молодцомъ. Обществу же до этого дѣла нѣтъ: оно знаетъ васъ какъ милого шалуна, и охотно проститъ вамъ всѣ эти проказы, лишь бы вы никогда не ошиблись во французскомъ языкѣ... Разказываютъ забавный анекдотъ, что въ 1800 годахъ, какой-то гражданскій начальникъ, изъ военныхъ, жаловался министру, что его *стымяютъ* законы, и просилъ разрѣшенія дѣйствовать по личному усмотрѣнію. Безъ сомнѣнія, всякій, кто въ первый разъ услышитъ этотъ анекдотъ, найдетъ его, почему-то, очень знакомымъ.

«Поступить по законамъ». «Принять на законномъ основаніи» — эти выраженія обдаютъ васъ холодомъ и страхомъ: вамъ, сейчасъ, представляется тысяча различныхъ параграфовъ, формъ, уставовъ. Вы даете цѣловый писарю и тогда только успокоиваетесь: исполнена форма, стало-быть, исполненъ и законъ. Кстати о формѣ, о мундирной, напимѣрь. Не подлежитъ сомнѣнію, что самоотверженіе г. На-

димова, извѣстнаго героя въ комедіи графа Соллогуба, — непремѣнно охладѣло бы передъ мундиромъ полицейскаго чиновника. Любовь къ отечеству, о которой онъ такъ блистательно проповѣдуетъ, не превозмогла бы въ немъ тысячи разнородныхъ ощущеній, знакомыхъ только русскому человѣку, до тонкости понимающему всѣ отбѣнки общественнаго положенія, въ какія становятся его различные мундиры и формы. И Надимовъ правъ, хотя и непослѣдователенъ. Полицейскія обязанности, исполняемая имъ у графини ***, не помѣшали ему приволокнуться за нею и даже плѣнить ея сердце, потому что онъ былъ въ вицмундирѣ чиновника особыхъ порученій или просто въ партикулярномъ платьѣ; но надѣвъ онъ мундиръ, о которомъ говорено выше, этого бы никакъ не случилось, и онъ лишился бы навсегда вознагражденія за свое самоотверженіе, — вознагражденія, на которое рассчитывалъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что у насъ, по большей части, право на уваженіе, вниманіе и даже на простую вѣжливость, имѣютъ только чинъ, имя и мундиры? Попробуйте переимѣнить ваши эксельбанты на мундиръ менѣе блестящій, или гусарскій ментикъ на мундиръ гражданской формы — и вы почувствуете, какъ, мало-по-малу, потеряете много достоинствъ и правъ, которыя нѣкогда признавало за вами общество. Не одна графиня ***, при встрѣчѣ съ вами, отвернется и не узнаетъ васъ: увы! то же самое сдѣлаетъ большая часть друзей вашихъ. Идите послѣ этого въ полицейскую службу, въ губернію или въ уѣздъ!.. А если такая перспектива васъ не испугаетъ, то знайте, что за нею открывается другая, гдѣ вы, неизвѣстно для какой надобности и вслѣдствіе какихъ именно узаконеній, будете торчать у подъѣзда губернатора, когда онъ даетъ балъ или обѣдъ.

Должно сознаться, что такая перспектива не въ силахъ возбудить чувства самоотверженія и въ самомъ великодушномъ гражданѣ; и потому не слѣдуетъ удивляться, что не всѣ полицейскіе чиновники у насъ гоняются за общественнымъ уваженіемъ, котораго имъ не полагается, а выбираютъ цѣль менѣе отдаленную и болѣе осязаемую.

За то, по справедливости, и смотрятъ на нихъ строго. Нерѣдко новый полицейскій начальникъ заранѣе предубѣжденъ противъ своихъ подчиненныхъ, и горе тому изъ нихъ, чья фizioномія не произвела примиряющаго впечатлѣнія! первый ничтожный случай рѣшаетъ его участь. Начальникъ съ справедливою гордостью говоритъ, что онъ исполнилъ долгъ свой и поступилъ безпристрастно. Но такъ ли онъ безпристрастенъ въ замѣщеніи очищенной вакансіи, похвалится ли онъ и тутъ исполненіемъ своего долга? Всякій ли воздержится отъ стариной барской замашки пустить своего человѣчка на кормленіе, а иногда и просто ѣхать на воеводство съ толпою приближенныхъ, заранѣе предназначенныхъ къ разнымъ должностямъ? Извѣстно ли ему, какихъ исключительныхъ способностей, какой энергіи, какого образованія требуетъ полицейская служба отъ своихъ чиновниковъ?..

Ночти все, что разсматривается присутственными мѣстами, департаментами и правительствующимъ сенатомъ, возникаетъ въ полиціи и въ основаніи своемъ составляетъ труды частныхъ и станovýchъ приставовъ; въ той же полиціи оканчивается, и тѣми же приставами исполняются всѣ безъ исключенія рѣшенія означенныхъ мѣстъ и всякая государственная мѣра, нисходящая свыше. Наконецъ, большая часть свѣдѣній и данныхъ, собираемыхъ правительствомъ, при обсужденіи сказанныхъ мѣръ, доставляется полиціей. Этого достаточно, чтобы сознать всю важность и обширность ея обязанностей, не касаясь уже тѣхъ чисто полицейскихъ, которыя относятся къ охраненію общественнаго порядка и безопасности, и которыя, по преимуществу, должны поглощать дѣятельность полицейскихъ чиновниковъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что частные и становые пристава суть краеугольные камни, на которыхъ зиждется механизмъ внутренняго государственнаго управления. Камни!.. Но сколько уваженія къ своему дѣлу, сколько любви къ правдѣ нужно еще вдохнуть въ эти камни, чтобъ они были достойны своего назначенія! *«Полиція выслушиваетъ всѣхъ безъ изъятія: убогихъ, богатыхъ, сильныхъ, безсильныхъ, знатныхъ и незнатныхъ»* (т. 2, ст. 3960). Полиція приводитъ всякаго къ исполненію предписаннаго законами, *несмотря ни на какое лицо»* (ст. 3956). Бездѣлица!.. Да вѣдь это тѣ самыя добродѣтели, которыми мы восхищаемся въ просвѣщенныхъ государствахъ Запада! На сколько же возможны онѣ у насъ? Предоставляемъ судить всякому: много ли общественнаго участія возбудитъ къ себѣ тотъ чиновникъ, который вздумаетъ исполнить свою обязанность, несмотря ни на какое лицо?.. Нѣтъ, гораздо благоразумнѣе съ его стороны слѣдовать давно введенному порядку, вошедшему въ законную силу: вытягиваться въ струнку передъ сильными и знатными, не мечтая о человѣческомъ достоинствѣ, по пословицѣ: знай, сверчокъ, своей шестокъ; не безъ почтенія изъяслять всегдашнюю готовность на проводочку и смягченіе дѣла, къ коему прикосновенъ сильный или знатный; растолкать толпу и очистить для него мѣсто на публичномъ зрѣлищѣ, похлопотать объ его экипажѣ; а въ вознагражденіе себя за эти посильные труды на службу отечеству, маленько поприжать купца или промышленника, сдѣлать уступочку, при производствѣ слѣдствія, хорошему человѣку, способному къ чувствамъ благодарности, и мало-по-малу, при заступничествѣ и защитѣ вышеозначенныхъ благодѣтелей, не забывающихъ прежнихъ услугъ, составить себѣ доброе имя, и гдѣ-нибудь въ глуши, въ деревенькѣ, до конца дней своихъ пользоваться плодами трудовъ благоразумныхъ. Никогда не будетъ онъ въ проигрышѣ, слѣдуя этой старой системѣ: совѣсть, равно какъ и формуляръ его всегда останутся чисты, а добрые сосѣди, кушая хлѣбъ-соль его, никогда не откажутъ ему въ почтеніи, котораго онъ былъ лишенъ на службѣ. Кто станетъ подымать завѣсу прошлаго?.. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

С. Гро ме . . .

РАЗВИТІЕ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛѢ.

Изъ донесенія Броньяра.

Тема, предложенная Парижскою академіей наукъ для соисканія большой награды по части наукъ физическихъ на 1856 годъ, состояла въ слѣдующемъ:

«1) Изучить законъ распредѣленія ископаемыхъ органическихъ тѣлъ въ различныхъ осадочныхъ формаціяхъ, по порядку ихъ положенія;

«2) Разобрать вопросъ о ихъ появленіи и исчезновеніи послѣдовательномъ или одновременномъ;

«3) Изслѣдовать отношенія между современнымъ состояніемъ органическаго царства и его предшествовавшими состояніями.»

Этой награды въ настоящее время удостоено рукописное сочиненіе гейдельбергскаго профессора, г. Бронна. Въ публичномъ засѣданіи академіи, 2-го февраля, когда были провозглашены различныя награды, академикъ Ад. Броньяръ читалъ отъ имени комиссіи, разбиравшей сочиненіе г. Бронна и состоявшей изъ знаменитыхъ ученыхъ (Эли де-Бомона, Флурана, Ис. Жофруа Сентъ-Илера, Мильнъ-Эдвардса и Броньяра, докладчика), донесеніе, на основаніи котораго академія увѣчала трудъ г. Бронна. Донесеніе Броньяра представляетъ блистательное изложеніе послѣдняго слова современной науки о геологическихъ эпохахъ нашей планеты. Думаемъ доставить удовольствіе читателямъ, сообщивъ извлеченіе изъ этого любопытнаго донесенія.

Показавъ, что современное состояніе палеонтологіи даетъ нѣкоторую надежду на разрѣшеніе упомянутыхъ великихъ вопросовъ науки, г. Броньяръ излагаетъ краткую исторію свѣдѣній объ ископаемыхъ тѣлахъ, отъ первыхъ ясныхъ понятій Бернара Палисси (XVI вѣка) до современной эпохи, начатой геологическими изслѣдованіями Кювье и Броньяра (отца) въ окрестностяхъ Парижа (1810), и трудами англійскаго ученаго В. Смита. «Въ настоящее время геологическія изслѣдованія такъ размножились, говоритъ Броньяръ, что можно болѣе вѣрнымъ шагомъ идти къ обобщеніямъ. Во многихъ случаяхъ не довольствуются собираніемъ ископаемыхъ останковъ на мѣстахъ, разработанныхъ съ промышленными цѣлями: на многихъ пунктахъ Европы ученые, полные преданности наукѣ, разрабатываютъ земли, богатая ископаемыми произведеніями, единственно съ цѣлью составить возможно-полное собраніе этихъ представителей древняго творенія. Во Франціи правительство приобрѣло въ одномъ департаментѣ обширное пространство, въ которомъ скрыто огромное количество ископаемыхъ животныхъ, и озаботилось

извлеченіемъ ихъ изъ земли съ предосторожностями, необходимыми для возстановленія ихъ скелетовъ.» Далѣе Броньяръ касается вопроса о геологической исторіи органическихъ существъ. Органическія существа, заключающіяся въ одной геологической формаціи, часто совершенно отличны отъ существъ, встрѣчающихся въ другихъ формаціяхъ, и эти измѣненія въ природѣ живыхъ существъ возобновлялись многократно во время послѣдовательнаго наложенія осадочныхъ слоевъ, образующихъ кору земли. Какъ свершились эти послѣдовательныя измѣненія? Одновременнымъ ли полнымъ разрушеніемъ всѣхъ существъ, которыя жили на землѣ въ данную эпоху, и ихъ замѣненіемъ совокупностью совершенно иныхъ существъ? Или въ данный моментъ уничтожалась только часть существъ, составлявшихъ население нашего шара, а другая продолжала жить, смѣшанная съ новымъ населеніемъ? Однимъ словомъ, возобновленіе живыхъ существъ было ли полное и одновременное или частное и послѣдовательное? Г. Броннъ держится втораго мнѣнія и подкрѣпляетъ его многочисленными фактами.

Этотъ вопросъ приводитъ къ другому: существа различныхъ формъ, послѣдовательно, появившіяся на земномъ шарѣ, были ли каждый разъ вновь вызываемы къ существованію, или суть только измѣненные и преобразованные потомки прежнихъ исчезнувшихъ родовъ? Легко обнаружить несообразность гипотезы, допускающей, что птица или млекопитающее ведетъ свое происхожденіе отъ рыбы или пресмыкающагося, что маленькое насѣкомоядное млекопитающее, встрѣчающееся въ юрскомъ известнякѣ, представляетъ собою родоначальника, отъ котораго родятся въ послѣдствіи слонъ или носорогъ. Внимательное изученіе послѣдовательнаго появленія органическихъ существъ въ различные геологическіе періоды не благоприятно гипотезѣ превращеній, по недостатку посредствующихъ звеньевъ цѣпи, которыя дозволили бы зоологу заключить съ нѣкоторою вѣроятностію о постепенности переходовъ.

«Среди мрака, говоритъ Броньяръ, окружающаго подобныя тайны и непроницаемаго для нашего ума, гораздо легче признать, что Божественное Всемогущество, воззавшее къ жизни первыя живыя существа, продолжало творить и въ другія геологическія эпохи съ тѣми же чертами величія и единства, которыя, во всѣхъ Его твореніяхъ, изумляютъ естествоиспытателя болѣе, нежели кого-либо другаго.» Но наука еще далека отъ полнаго разрѣшенія этого темнаго вопроса.

Гораздо важнѣе, при современномъ состояніи науки, другой вопросъ. Это вопросъ о связи, существующей между органическими существами данной формаціи и физическими условіями эпохи, къ которой принадлежитъ эта формація. Приведемъ вполнѣ относящіяся къ этому предмету страницы г. Броньяра.

Изученіе географическаго распредѣленія живыхъ существъ на современной земной поверхности показываетъ, что всякая порода требуетъ опредѣленнаго соединенія физическихъ условій, чтобы существовать и размножаться, и что есть цѣлыя семейства растений и животныхъ, которыя могутъ жить только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ.

Пальмы, бананы и многія другія растенія растутъ только въ самыхъ теплыхъ странахъ земнаго шара.

Большія твердокожія, слоны, носороги, бегемоты, подвержены тѣмъ же условіямъ существованія.

То же самое должно сказать о существахъ, населяющихъ воды моря: не только виды и даже часто роды тропическихъ частей океана отличны отъ видовъ и родовъ полярныхъ морей; но есть цѣлыя семейства, которыя живутъ только среди океана далеко отъ береговъ, тогда какъ другія напротивъ требуютъ мелкаго моря и близости береговъ.

Подобнаго же рода вліянія должны были дѣйствовать на органическія существа древняго міра, и особое состояніе земной поверхности въ каждую изъ геологическихъ эпохъ часто должно было противиться существованію опредѣленныхъ организмовъ и напротивъ благоприятствовать развитію другихъ семействъ.

Изученіе этихъ различныхъ физическихъ условій и ихъ вліянія на природу животныхъ и растений, въ каждую изъ эпохъ образованія земной коры, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ частей увынчаннаго мемуара, которая наиболее развита авторомъ и представляетъ наиболѣе новыхъ идей.

Г. Броннъ показываетъ, что въ каждую изъ геологическихъ эпохъ условія существованія, какимъ были подчинены живыя существа, зависѣли:

- 1) Отъ свойствъ атмосферы, необходимо измѣнявшейся въ разные эпохи вслѣдствіе газообразныхъ отдѣленій, происходившихъ отъ вулканическихъ явленій, и вслѣдствіе вліянія самихъ органическихъ существъ;
- 2) Отъ собственной теплоты земнаго шара, которая въ эпохи, близкія къ его первоначальному состоянію, была болѣе возвышенна и дѣлала менѣе чувствительными для живыхъ существъ различія, зависящія отъ широты мѣстъ и разнообразія климатовъ;
- 3) Отъ относительнаго протяженія моря и суши, также какъ отъ глубины моря и высоты горъ, которыя измѣняли природу климата давнаго мѣста въ каждую изъ геологическихъ эпохъ;
- 4) Отъ того, что г. Броннъ называетъ отношеніями общественными (*relations sociales*) или лучше отношеніями товарищества, то-есть такими, которыя необходимо существуютъ между различными существами, находящимися одни въ зависимости отъ другихъ.

Это вліяніе различныхъ условій на существованіе и большее или меньшее развитіе опредѣленныхъ существъ въ каждую изъ геологическихъ эпохъ, вліяніе, которое можно было почти предвидѣть а priori, подтверждается многочисленными фактами, доставляемыми современною палеонтологіей. Если мы прослѣдимъ теченіе времени и геологическіе перевороты, начиная съ отдаленнѣйшихъ эпохъ, когда жизнь появляется на поверхности земли, до эпохи современной, — всюду найдемъ одновременное дѣйствіе этихъ различныхъ причинъ на природу живыхъ существъ, которыя послѣдовательно населяли нашу планету.

Но мы не станемъ слѣдить эту длинную исторію органическаго міра въ цѣломъ рядѣ эпохъ, различаемыхъ геологіею. Для насъ будетъ достаточно обозначить замѣчательнѣйшія измѣненія, обнаружившіяся въ трехъ главныхъ періодахъ, къ которымъ можно свести геологическія эпохи: періодъ, соответствующій древнѣйшимъ осадочнымъ породамъ, — періодъ вторичный и періодъ третичный.

Всѣ физическія явленія относительно образованія нашей планеты доказываютъ, что земля, въ первое время отвердѣнія ея коры, имѣла форму сфероида, котораго поверхность, не представлявшая значительныхъ неровностей, покрылась, какъ только степень охлажденія это дозволила, повсюду почти одинаково толстымъ слоемъ воды, поверхность которой тогда не возвышалась, можетъ-быть, ни одной части земли. Природа живыхъ существъ этой первой эпохи вполне согласуется съ этими заключеніями. Всѣ останки, заключенные въ первыхъ слояхъ осадка, отложившагося въ этомъ первобытномъ морѣ, принадлежатъ растеніямъ и животнымъ морскимъ. Ни одно сухопутное органическое существо не свидѣтельствуетъ о существованіи тогда земли поверхъ воды. Число растеній незначительно, быть-можетъ вслѣдствіе легкаго разрушенія ихъ тканей; всѣ принадлежатъ къ семейству морскихъ водорослей, одной изъ простѣйшихъ группъ растительнаго царства. Животныя, первоначально встрѣчающіяся, принадлежатъ простѣйшимъ отдѣламъ животнаго царства, и лишь нѣсколько позже къ нимъ присоединяются нѣкоторыя рыбы и пресмыкающіяся, дополняя собою эту фауну перваго геологическаго періода. Всѣ весьма различаются отъ животныхъ, нынѣ существующихъ, но впрочемъ по строенію и аналогіи большинство примыкаетъ къ моллюскамъ, живущимъ въ тропическихъ странахъ далеко отъ береговъ, среди океана, или къ мадрепорамъ (кораллы особаго рода), которые нынѣ, возвышаясь со дна неглубокихъ мѣстъ, образуютъ коралловые острова Великаго океана. Природа животныхъ этого періода показываетъ, что воды обширнаго первобытнаго моря имѣли составъ, сходный съ нынѣшними морями, и что его температура зависѣла отъ температуры самого земнаго шара. Физическая геологія показываетъ намъ также, что въ продолженіе этого періода

охлаждение земной коры произвело складки и поднятія, произведшія первыя цѣпи горъ. Эти неровности земной поверхности подняли, надъ уровнемъ водъ; нѣкоторыя части земли, образовавшія собою многочисленныя острова большей или меньшей величины. Палеонтологія подтверждаетъ эти заключенія, ибо около середины и конца этого періода находимъ большія или меньшія пространства земной поверхности покрытыми земною растительностію, обильною и могущею, — растительностію, которая продолжается черезъ длинный промежутокъ времени, то подвергаясь разрушеніямъ, то вновь появляясь, но всегда сохраняя замѣчательный характеръ простоты и огромности, которыя удаляютъ ее отъ нынѣ существующаго, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ сколько это замѣчается относительно породы животнаго царства.

Эти первобытныя растения, принадлежащія къ наименѣ совершеннымъ группамъ растительнаго царства, наипоминаютъ обиліемъ нѣкоторыхъ семействъ, особенно папоротниковъ, формы еще и въ настоящее время господствующія на небольшихъ островахъ Великаго океана и такимъ образомъ подтверждаютъ островной характеръ земной поверхности въ эту эпоху. Останки первобытной растительности, скопившіяся въ теченіе долгаго промежутка времени на почвѣ, гдѣ она росла, образовали эти могущественныя, многократно повторяющіеся слои горючаго вещества, какіе представляютъ намъ копи каменнаго угля. Этотъ горючій матеріалъ, произведеніе древнѣйшихъ лѣсовъ нашей планеты, сохранившійся въ теченіи множества лѣтъ въ нѣдрахъ земли, сдѣлался въ наше время однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ богатства и могущества націй.

Въ теченіе этого перваго періода возвышенная температура, зависѣвшая отъ собственной теплоты земнаго шара, незначительность первыхъ поднятій земной поверхности, отсутствіе большихъ материковъ, и слѣдовательно высокыхъ горныхъ массъ, придавали климату различныхъ точекъ земной поверхности замѣчательное однообразіе.

Это подтверждается изученіемъ ископаемыхъ, ибо въ этотъ періодъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, существа, жившія въ ту эпоху на самыхъ отдаленныхъ точкахъ земнаго шара, являются съ одинаковыми чертами и представляютъ только самыя незначительныя различія. Для нихъ повидимому нѣтъ ни широты, ни долготы, и это сходство позволяетъ намъ прямо заключить объ однообразіи, почти абсолютномъ, климата во всѣхъ поясахъ земнаго шара.

Послѣ громадныхъ отложеній каменноугольной эпохи, встрѣчаемъ новое явленіе: морское населеніе, являвшееся уже подъ столь-разнообразными формами, и растительность суши, столь могучая и оригинальная, кажутся, вполне исчезнувшими, покрайней мѣрѣ на огромномъ большинствѣ точекъ земной поверхности, и замѣняются существами весьма отличными отъ нихъ.

Начинается вторичный періодъ. Въ животномъ и растительномъ царствѣ появляются новыя семейства; разнообразіе формъ, особенно между животными, гармонируетъ съ разнообразіемъ физическихъ условій, какія начинаютъ обозначаться на земной поверхности. Многочисленныя поднятія слѣдуютъ одно за другимъ, дѣлаютъ поверхность болѣе неровною, моря болѣе глубокими, горы болѣе возвышенными, и обширные острова представляютъ почву менѣе однообразную. Каждое изъ этихъ явленій на земной поверхности ведетъ за собою физическія измѣненія, вслѣдствіе которыхъ разрушается большая часть живущихъ существъ, и замѣняется новыми твореніями. Именно въ этотъ періодъ смѣны различныхъ твореній, соотвѣтствующій вторичнымъ формациямъ, царство животныхъ пополняется въ своихъ главныхъ формахъ. Большіе классы животного царства, уже существовавшіе во времена болѣе древнія, принимаютъ формы болѣе разнообразныя, болѣе совершенныя, иногда приближающіяся къ нынѣшнимъ, а часто также представляющія типы вполне исключительныя. Таковы эти пресмыкающіяся, необыкновенныя и по устройству, и по образу жизни, которыя представляютъ одну изъ самыхъ поразительныхъ особенностей этой эпохи.

Кромѣ того, уже съ самаго начала этого періода можно замѣтить существованіе животныхъ изъ класса птицъ, на что нѣтъ никакого указанія въ формацияхъ болѣе древнихъ. До насъ не сохранилось ни одной части этихъ животныхъ, но они оставили на пескѣ береговъ, преобразовавшемся теперь въ песчаникъ, слѣды шаговъ, которые не позволяютъ сомнѣваться въ существованіи породъ гигантскихъ птицъ. Нѣсколько позже обломки костей свидѣтельствуютъ о первомъ появленіи млекопитающихъ, въ началѣ представляющихъ лишь нѣсколько мелкихъ породъ, довольно особеннаго строенія, такъ что долго были сомнѣнія насчетъ ихъ классификаціи. Такимъ образомъ въ концѣ вторичнаго періода, животное царство показывается во всѣхъ формахъ, характеризующихъ его главные отдѣлы. Растительное царство, въ продолженіе большей части этого періода, заключаетъ въ себѣ все еще группы простѣйшей организаціи; но необыкновенныя семейства каменноугольной эпохи исчезли вполне, и замѣнившія ихъ формы уже менѣе отличаются отъ тѣхъ, которыя нынѣ населяютъ землю. Наконецъ, въ послѣднее время этого періода, небольшое число породъ, принадлежащихъ къ высшимъ отдѣламъ растительнаго царства, пополняютъ его общій составъ. Можно думать, что въ продолженіе всего вторичнаго періода физическихъ условій, весьма мало различныя между собою, царствовали на большей части земной поверхности, и различіе климатовъ, такъ замѣтное нынѣ, тогда обозначалось гораздо менѣе; ибо встрѣчаемъ поразительное сходство, даже тождество многихъ породъ, которыя въ одно и то же время жили на самыхъ отдаленныхъ точкахъ земнаго шара, въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ, на двухъ оконечностяхъ Америки.

Послѣ долгаго вторичнаго періода, свидѣтеля наложенія столь-нихъ важныхъ геологическихъ формаций отъ вогеэскаго песчаника до мѣла, послѣ часто повторявшагося обновленія животнаго и растительнаго населенія земнаго шара, наступаютъ замѣчательныя измѣненія въ его физическомъ строеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ природѣ существъ, на немъ живущихъ.

Болѣе обширныя поднятія увеличили количество земли, находящейся надъ водою; образовались обширные острова; поднялись значительныя хребты горъ; рѣки и большія озера умножили количество прѣсной воды. Поверхность земли, менѣе чѣмъ прежде пользующаяся внутреннею теплотой планеты, подчиняется болѣе замѣтнымъ образомъ вліянію солнечнаго тепла; морскіе и атмосферные потоки, обусловленные протяженіемъ материковъ, измѣняютъ распределеіе температуры; разнообразіе климатовъ выступаетъ болѣе и болѣе, и чѣмъ далѣе идемъ въ этомъ послѣднемъ, третичномъ періодѣ, тѣмъ болѣе усматриваемъ, какъ земля приближается къ современному состоянію.

Органическія существа представляютъ болѣе сходства съ нынѣшними, чѣмъ во всѣ предшествовавшія эпохи. Всѣ различныя классы животнаго и растительнаго царства имѣютъ представителей въ фаунахъ и флорахъ этого періода; даже относительное число ихъ мало разнится отъ нынѣшняго. Кромѣ того органическія существа представляютъ, смотря по мѣсту обитанія, такія же различія, какія находимъ нынѣ. Животныя, которыя жили въ странахъ, гдѣ теперь Европа, Азія, Америка и Австралія, различались между собою, какъ и теперь различаются животныя этихъ странъ: вліяніе климата на живыя существа становится слѣдовательно очевиднымъ. Кажется даже, что въ концѣ этого періода обитатели различныхъ странъ получили по большей части признаки, которые въ настоящее время существенно различаютъ фауны этихъ странъ. Европа и Азія представляли тогда твердокожихъ, слоновъ, носороговъ, бегемотовъ, которые и донынѣ живутъ на материкѣ Стараго Свѣта. Въ Америкѣ встрѣчаемъ, въ гигантскихъ формахъ, броненосцевъ, муравьѣдовъ, тихоходовъ, живущихъ тамъ нынѣ. Въ Австраліи многія изъ ископаемыхъ животныхъ относятся къ отдѣлу двуутробныхъ, составляющихъ въ настоящее время характеристическую часть населенія этой страны. Впрочемъ не должно думать, чтобы вся совокупность существъ, жившихъ въ ту эпоху, существовала до нашихъ дней. Въ этомъ отношеніи представляются очень замѣтныя различія. Эти различія, можетъ-быть, въ одно время зависятъ и отъ вліянія окружающей среды, въ которой помѣщены животныя, и отъ степени совершенства ихъ органовъ, которая дѣлала ихъ болѣе или менѣе чувствительными къ легкимъ различіямъ въ физическихъ условіяхъ, ихъ окружавшихъ.

Такъ животныя морскія, особенно изъ низшихъ классовъ, какъ кажется, въ наибольшей пропорціи продлились отъ новѣйшей третичной эпохи до нашихъ временъ. Ихъ организація менѣе развитая, чувствительность болѣе тупая, жизнь въ средѣ, менѣе подверженной измѣненіямъ, какія сообщаются внѣшними причинами атмосферы, могутъ объяснить ихъ сопротивленіе влияніямъ, которыхъ было достаточно для истребленія животныхъ и растеній высшихъ классовъ, развивающихся среди атмосферы и подверженныхъ тѣмъ измѣненіямъ климата, которыя и нынѣ ограничиваютъ мѣсто ихъ обитанія предѣлами нѣкоторыхъ странъ. Дѣйствительно, внимательное изученіе останковъ млекопитающихъ, которыя жили даже въ новѣйшія времена третичнаго періода, доказываетъ, что большинство этихъ животныхъ замѣтно различествовало отъ современныхъ обитателей планеты.

Кромѣ того, географическіе предѣлы этихъ древнихъ исчезнувшихъ породъ не сходны съ предѣлами родственныхъ имъ породъ настоящаго времени. Слоны, носороги, бегемоты, тапиры, жирафы, теперь живущіе въ тропическихъ странахъ, простирала свою область до береговъ Балтійскаго и Ледовитаго морей. Они доказываютъ намъ, что если въ эту эпоху поясы земли и различались климатомъ, то еще не пришли въ современные предѣлы, и что безъ сомнѣнія въ нашемъ умѣренномъ поясѣ царствовала температура болѣе возвышенная. Наконецъ, отсутствіе человѣка рѣзко отличаетъ послѣднія времена третичнаго періода отъ современной эпохи.

Дѣйствительно все доказываетъ, что человѣкъ не присутствовалъ даже въ эпоху послѣдняго великаго переворота, который покрылъ обширныя пространства земли наносною формаціей, несправедливо называемой дилувіальною, и въ которой встрѣчаемъ кости многихъ большихъ млекопитающихъ, нынѣ исчезнувшихъ. Никакого человѣческаго останка, никакого произведенія промышленности не примѣшано къ костямъ въ этихъ правильныхъ отложеніяхъ, происшедшихъ отъ великаго переворота.

Потопъ, о которомъ описывается въ Библии, и преданіе о которомъ сохранилось у восточныхъ народовъ, есть слѣдовательно происшествіе, совершившееся послѣ переворотовъ, которыхъ существованіе и хронологическій порядокъ могла прослѣдить геологія; его слѣды вообще изгладились или смѣшались съ различными явленіями, происходившими на поверхности земли со времени созданія человѣка.

Итакъ человѣкъ не присутствовалъ ни при одномъ изъ великихъ геологическихъ переворотовъ, оставившихъ глубокіе слѣды на нашей планетѣ, и между тѣмъ при помощи разума могъ различить эти перевороты, представить состояніе земли въ различныя эпохи ея образованія, опять населить ее существами, которыя на ней обитали: необъемлемый трудъ, котораго планъ, нынѣ отчасти осуществившійся,

начертанъ Кювье менѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, и о величїи котораго онъ говоритъ слѣдующими словами, заключающими «Рѣчь о переворотахъ на земномъ шарѣ»: «Какъ бы хорошо было имѣть произведенія органической природы въ хронологическомъ порядкѣ, какъ имѣемъ главнѣйшія минеральныя вещества; отъ этого выиграла бы сама наука организаціи; развитіе жизни, послѣдовательность формъ, точное опредѣленіе тѣхъ, которыя появились первыми, одновременное рожденіе нѣкоторыхъ породъ, — разъяснили бы намъ сущность организма можетъ-быть болѣе, чѣмъ всѣ опыты, какіе можемъ сдѣлать надъ живущими породами, и человѣкъ, которому даровано одно мгновеніе жизни на землѣ, стяжалъ бы славу возсозданія исторіи множества вѣковъ, которые ему предшествовали, и миллионовъ существъ, которыя не были его современниками.»

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пѣсни Польскаго народа (*Pieśni Ludu Polskiego*), собранныя и изданныя Оскаромъ Кольбергомъ. Варшава, 1856 — 57. Выпускъ IV и V.

Въ одной изъ предыдущихъ статей моихъ я уже упоминалъ о выходѣ первыхъ трехъ выпусковъ этого, можно сказать, драгоценнаго сборника польскихъ пѣсней, котораго изданіе постоянно продолжается съ большимъ успѣхомъ. Къ нему присоединены прекрасныя картинки, изображающія поселянъ, преимущественно изъ окрестностей Варшавы.

Въ пятомъ выпускѣ, г. Кольбергъ помѣстилъ свое любопытное предисловіе. — «Музыка, говоритъ онъ, составляетъ главный предметъ настоящаго сборника. Къ каждой пѣсни я присоединяю соотвѣтственный ей напѣвъ. Давно уже заинтересованный оригинальностью и силою народныхъ пѣсней, въ продолженіе многихъ лѣтъ я странствовалъ по нашему краю съ цѣлью внимательно и вѣрно записывать ихъ. Вотъ почему позволяю себѣ думать, что изъ неисчерпаемаго у насъ источника мелодій, я извлекъ самый любопытный ихъ запасъ, по крайней мѣрѣ такой, который уже можетъ подробно обозначить музыкальность нашего народа. Я передаю напѣвъ въ неискаженной простотѣ (то-есть сколько искаженіе не происходитъ по винѣ поющихъ), какимъ онъ вышелъ изъ устъ народа, безо всякой гармонической прикрасы; ибо я убѣжденъ, что онъ сохраняетъ большую силу въ своей самородной, ничѣмъ непомяченной чистотѣ, въ томъ видѣ, какъ вдохнула его сама природа.»

Г. Кольбергъ, по возможности, указываетъ мѣсто, гдѣ онъ слышалъ каждую пѣсню и, между прочимъ, замѣчаетъ: «Въ одной и той же деревнѣ, иногда мнѣ случалось слышать по два варіанта одной и той же пѣсни; въ сосѣдней деревнѣ ее уже пѣли иначе, между тѣмъ какъ нѣсколько лишь далѣе первая мелодія появлялась снова. Случалось, что одно и то же лицо, черезъ нѣсколько лѣтъ, отчасти измѣняло ходъ мелодіи, что уже изглаживало, хотя и не совершенно, ея первоначальный характеръ; это еще болѣе можно бы было замѣтить, еслибы случилось ее услышать по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Пѣсня, болѣею частію, сообщается по преданію; слѣдовательно время, взаимныя отношенія людей, перемѣна образа жизни, мода, которая изъ господскаго дома уже начинаетъ заглядывать въ крестьянскія избы, наконецъ личность пѣвца (его музыкальная способность) и множество другихъ обстоятельствъ, безпрестанно имѣютъ вліяніе на пѣсню, въ безконечныхъ отгѣнкахъ.»

Г. Кольбергъ, говоря о томъ, какъ важно изслѣдованіе собранныхъ мелодій для знанія и эстетики музыки, обращаетъ, напримѣръ, вниманіе на тѣ мелодіи, въ коихъ нѣкоторыя соотношенія тоновъ между собою напоминаютъ подобныя же соотношенія въ музыкѣ древне-греческой. Для такихъ изысканій богатый сборникъ г. Кольберга будетъ служить важнымъ матеріаломъ. Онъ раздѣлилъ его на двѣ части: въ первой помѣстилъ болѣе длинныя думы и пѣсни: во второй—танцы и коротенькія пѣсни, которыя чаще поются во время танца.

Далѣе г. Кольбергъ объясняетъ способъ, которымъ простой народъ исполняетъ свои думы и пѣсни; говоритъ о народныхъ танцахъ и музыкальныхъ инструментахъ.

Каталогъ выставки древностей и предметовъ искусства, (*Katalog Wystawy Starożytności i Przedmiotów Sztuki*), устроенной въ 1856 г., въ домѣ графа Потоцкаго, въ Варшавѣ, въ пользу пріюта Покрова Пресв. Богородицы.—Варшава. 1856. Въ 8-ю, 353 стр.

Извѣстный изыскатель польскихъ древностей, г. Пшездзецкій, вмѣстѣ съ гг. Стецкимъ, Завадскимъ и Бейеромъ, принялъ на себя трудъ заняться собраніемъ въ залахъ графа Потоцкаго разныхъ древнихъ рѣдкостей, какъ отечественныхъ, такъ и чужеземныхъ, хранящихся въ богатыхъ домашнихъ музеяхъ графа В. Крзсинскаго, графа Авг. Потоцкаго, сенатора Фундукля, графини Фр. Потоцкой и около ста другихъ разныхъ лицъ. Все это собраніе, искусно расположенное варшавскимъ нумизматомъ г. Гаугеромъ (*Gauger*), открыто было для публики 1-го іюня прошлаго 1856 г., съ небольшою платой за входъ (30 к. с.) въ пользу пріюта Покрова Пресв. Богородицы. Опытные знатоки древностей, Бейеръ, Подчашинскій, Пшездзецкій и др., вскорѣ занялись составленіемъ каталога. Не ограничиваясь только обыкновеннымъ реестромъ нумеровъ (всѣхъ 1056), они при-

соединили къ нему многія объясненія древностей, любопытныхъ въ историческомъ отношеніи. Всѣ предметы разбиты были на разные отдѣлы, смотря по ихъ назначенію, и размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ.

Самое видное мѣсто въ этомъ собраніи занимали древности ассирійскія, египетскія, греческія и римскія; потомъ слѣдовали древности отечественныя, время до-христіанскихъ, или до X столѣтія. Къ этимъ же древностямъ относится военное вооруженіе всякаго рода, преимущественно изъ среднихъ вѣковъ. Оружіе въ Польшѣ употреблялось не только людьми военными, но и гражданскими, какъ убранство и знакъ отличія. Къ этому отдѣлу далѣе примыкаютъ предметы, которые служили для убранства лицъ и украшенія комнатъ. Сюда принадлежатъ также драгоценныя вещи и разная мелкая утварь, живо напоминающія ту эпоху, которая называется возрожденіемъ искусствъ и наукъ, то итальянское *cinque-cento*, которое на выставкѣ довершилось церковною утварью. Особый многочисленный отдѣлъ составляли столовая посуда и приборы. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ состоялъ изъ предметовъ, преимущественно любопытныхъ для мыслящаго художника, а именно: всякаго рода живопись, какъ на стеклѣ, такъ и на эмали, или на пергаментѣ, на бумагѣ и полотнѣ; также разнаго рода рѣзные работы.

Кромѣ этого каталога, г. Бейеръ издалъ *Фотографическій альбомъ выставки древностей и предметовъ искусствъ*. Между тѣмъ г. Подчашинскій готовится къ изданію *Историческое обозрѣніе выставки*, и рисунки наиболее любопытныхъ рѣдкостей.

Между русскими предметами ничего особенно замѣчательнаго не было. Между прочимъ, подъ № 994 показана пороховница изъ оленьяго рога, двойная, вверху гладко обдѣланная, съ рѣзными украшениями изъ черняди, между которыми надпись славянскими буквами (передаетъ ее такъ, какъ она напечатана въ каталогѣ): «Іа до тебе горѣлку пю: а іа на закуску трону: вина даю. 1712 маіа дніа 20. Та натруска пана Стефана Голашевскаго, а писара староства корсунскаго.»

Gore omъ uma (Biada temu kto ma rozum). Комедія Грибоѣдова, переведенная на польскій языкъ, стихами, Осипомъ Левартомъ-Левинскимъ. Варшава. 1857. Въ 8.

Этотъ переводъ нельзя назвать удачнымъ. Г. Левартъ-Левинскій, большою частію, рабски держался подлинника и употреблялъ обороты, вовсе несвойственные духу польскаго языка. Въ стихахъ своихъ онъ очень часто прибѣгаетъ къ натянутымъ прибавкамъ, очевидно, для риѣмы. Вотъ для примѣра переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ:

Другъ! нельзя ли для прогулокъ
 Подальше выбрать закоулочъ?
 - Bratku! czy nie można czasem
 Na spacer znaleźć miejsce gdzieś dalej—pod lasem....

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
 Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами.
 А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами.
 -Ojciec pani, jak wszyscy tutejsi mieszkahce
 Ma te same przedsiwzięcia (!):
 Z rangami, z orderami chciały dostać zięcia.
 Lecz nie kaidy w orderach liży karbowahce (!)

Переводчикъ, употребивъ здѣсь слово: *карбованцы*, счелъ необходимымъ тутъ же, въ выноскѣ, объяснить, что оно значить *рубли!*

Подобныхъ примѣровъ можно привести множество; однакожь справедливость требуетъ замѣтить, что, мѣстами, попадаются и прекрасные стихи.

Польская Плеяда (Plejada Polska), изданная петербургскимъ книгопродавцемъ Болеславомъ Маврикіемъ Вольфомъ. Съ политипажными картинками. С. Петербургъ. 1857. Въ 8, 220 стр.

Г. Вольфъ давно уже извѣстенъ изданіемъ многихъ полезныхъ и хорошихъ книгъ, на русскомъ и, преимущественно, на польскомъ языкѣ. Онъ даже завелъ въ Петербургѣ свою собственную типографію. Недавно изданная имъ *Польская Плеяда* есть сборникъ нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ польскимъ писателямъ. Она издана роскошно и украшена прекрасными полтипажами, большею частію сдѣланными за границею, по рисункамъ польскихъ художниковъ: графа М. Фредры, Коссака и Страшинскаго. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы, такъ—сказать, театрально. *Польская Плеяда* составлена изъ слѣдующихъ произведеній: *Веславъ* (краковская идиллія Казим. Бродзинскаго), *Янъ Бълецкій* (поэма Ю. Словацкаго), *Колыбельная пѣсня младенцу Ивоки* (Богдана Залескаго), *Подарокъ Анели* (Эдмунда Василевскаго), *Сельскій лирикъ* (идиллія Владислава Сырокомли), *Приключенія пана Венедикта Винницкаго* (Викентія Поля), *Свадьба и Слезы* (Ант. Эд. Одыньца), *Сирота* (легенда архіепископа Головинскаго) и *Соботка* (повѣсть въ стихахъ Северина Гоцинскаго).

Новѣйшая польская поэзія имѣетъ многихъ талантливыхъ представителей и отличается оригинальностью и разнообразіемъ. Хотя въ составъ *Плеяды* г. Вольфа еще не вошли другія, не менѣе знаменитыя имена, однакожь и то, что помѣщено въ ней, уже обращаетъ на себя вниманіе. Къ лучшимъ современнымъ поэтамъ, безспорно, принадлежитъ Викентій Поля, живущій въ Галиціи. Онъ прекрасно и вѣрно умѣетъ изображать бытъ старой, шляхетской Польши, стихами звучными, самобытными и запечатлѣнными народнымъ характеромъ. Его *Приключенія пана Винницкаго*, помѣщенные въ *Плеядѣ*, взяты изъ жизни XVІІІ столѣтія и непереводимы ни на какой языкъ. Ихъ надобно читать въ подлинникѣ, чтобы понять всю прелесть и занимательность разказа. Тутъ, и старый шляхтичъ, который, послѣ

трехлѣтней разлуки съ своимъ взрослымъ сыномъ, даетъ ему родительское наставленіе, подкрѣпляемое ударами плетки, за то, что онъ, приближаясь къ дому, не снянулъ шапки передъ крестомъ, стоящимъ при дорогѣ; тутъ и знаменитый виленскій воевода Карлъ Радзивиллъ, панъ Несвяжскій и Олыцкій, самый популярный человекъ своего вѣка и типъ стараго польскаго пана. Его шутки и выдумки до сихъ поръ живутъ въ устахъ шляхты и поселянъ въ Литвѣ.

Къ замѣчательнымъ произведеніямъ въ *Плеядъ* принадлежитъ также повѣсть: *Соботка* (канунъ Иванова дня), написанная Гопшинскимъ, который въ особенности извѣстенъ своею превосходною поэмою: *Замокъ Каневскій*, изданною много лѣтъ тому назадъ. Этотъ поэтъ, съ необыкновеннымъ талантомъ, явился вслѣдъ за Мицкевичемъ.—Содержаніе его повѣсти: *Соботка*, относится ко временамъ татарскихъ набѣговъ при Бодеславѣ Стыдливомъ. Она основана на слѣдующемъ преданіи. Часть Татаръ, опустошавшихъ Польшу, ринулась къ Карпатамъ. Жители принуждены были отступить передъ многочисленнымъ непріателемъ къ долину, извѣстную нынѣ подъ названіемъ *Костелиска*. Они воспользовались положеніемъ этой долины; въ горахъ, ее окружающихъ, размѣстили людей и приготовили на вершинахъ пни деревъ и большіе камни. Какъ только Татары вступили въ долину, горцы пресѣкли имъ возвратный путь, въ одномъ очень узкомъ ущельи, и въ ту же минуту начали бросать на нихъ деревья и камни. Такимъ образомъ, Татары совершенно были истреблены, а долина отъ множества ихъ скелетовъ навсегда удержала за собою названіе *Костелиска*, какъ бы долины скелетовъ, костей. Слѣды подобнаго пораженія видны еще до сихъ поръ въ долину, называемой Бѣлая-Вода, лежащей подъ Гевонтомъ, по дорогѣ изъ Закопанаго въ Костелиско.

Варшавская Библиотека (Biblioteka Warszawska). 1857. Мартъ, кн. III.

Укажемъ на нѣкоторыя любопытныя статьи этой книжки.

Воспоминанія изъ путешествія въ Литву г. Ферд. Новаковского. Привожу изъ нихъ слѣдующій интересный, въ историческомъ отношеніи, очеркъ города Ковна:

«*Ковно* (*Саина*), называвшееся по-латыни въ XV вѣкѣ *Саонія*, *Сагонія* и *Саюна* (1), теперь уже не тотъ городъ, какимъ онъ былъ когда-то. Многіе пишутъ, а еще болѣе говорятъ, что Ковно улучшается и безпрестанно возрастаетъ; но минутнаго блеска нельзя считать постояннымъ свѣтомъ.

«Начало Ковна неизвѣстно. Стрыйковскій и, родившійся здѣсь, Кояловичъ основаніе замка при впаденіи Вилии въ Нѣманъ, около X вѣка, приписываютъ Кунасу, или Конасу, среднему сыну Пале-

(1) См Баливскаго: *Starożytna Polska*. Т. III, стр 396.

мона, этого баснословнаго первенца Литвы (1). Отъ него выводятъ названіе сперва замка Конассово, а потомъ и города Ковна. Въ продолженіе всего XIII вѣка онъ не имѣлъ никакого политическаго значенія въ литовской исторіи. Крестоносцы въ то время заняты были Пруссамы, и только при Ольгердѣ и Кейстутѣ Ковно дѣлается настоящимъ оплотомъ противъ хищничества крестоносцевъ.

«Въ 1362 году Винрихъ кннпрое, гроссмейстеръ ордена, прибывши съ огромными силами подъ ковенскій замокъ, взялъ его приступомъ, несмотря на мужественную оборону литовскихъ князей Ольгерда, Кейстута и Патрика. Будучи истребленъ до тла, въ три года онъ былъ отстроенъ Литовцами; но въ 1383 году, во время войны ордена съ Ягелломъ, снова былъ разрушенъ. Крестоносцы, перевезя матеріалы по Нѣману, построили на развалинахъ новое укрѣпленіе, названное *Ritterswerder*, то-есть рыцарскій островъ, потому что каналъ, проведенный отъ Вилии до Нѣмана и окружающій замокъ, образовалъ островъ, и это собственно тотъ замокъ, котораго развалины видны до сихъ поръ надъ самымъ берегомъ Вилии.

«25-го октября 1384 года великій князь Ягелло принудилъ крестоносцевъ сдаться на милость, несмотря на приближавшагося въ помощь осажденнымъ Конрада Валленрода. Во время вторичнаго перехода Витольда на сторону ордена, Ковно, оставшись въ рукахъ этого князя, болѣе и болѣе укрѣплялось. Здѣсь Витольдъ въ 1396 году, въ пятницу, послѣ дня Св. Іакова, подписалъ перемиріе съ гроссмейстеромъ.

«По заключеніи съ орденомъ, въ Гродно 1398 года, трактата, въ силу котораго крестоносцы сдѣлались властителями Жемайдзи, Витольдъ укрѣпилъ замокъ и городъ; но въ послѣдствіи, измѣнивъ первоначальную мысль и считая вредною для Литвы бесполезную ковенскую крѣпость, приказалъ, въ случаѣ войны, при первомъ появленіи непріятеля, оставить ее и сжечь. Съ тѣхъ поръ Ковно потеряло свою важность, какъ пунктъ военный, но зато сдѣлалось главнымъ мѣстомъ всѣхъ совѣщаній между великимъ княземъ литовскимъ и орденомъ крестоносцевъ. Витольдъ, занятый покореніемъ Руси, взявши Смоленскъ, желалъ быть спокойнымъ со стороны крестоносцевъ; для этого онъ назначилъ сѣздъ съ гроссмейстеромъ, въ Ковнѣ, 1404 г., въ половинѣ августа, гдѣ, принявъ его съ пышностію, снова утвердилъ за орденомъ Жемайдзи и обѣщалъ его поддерживать, къ чему и обязался письменнымъ трактатомъ. Приглашенные туда великимъ княземъ жемайдзскіе бояре должны были присягнуть на подданство гроссмейстеру; въ слѣдующемъ же году, въ этомъ городѣ съ маршаломъ ордена условленъ былъ походъ на Жемайдзинювь, пытавшихся сбросить съ себя яро крестоносцевъ.

(1) Стрыйковскій. Т. I, стр. 84.

«Черезъ нѣсколько лѣтъ, съ цѣлью устранить несогласіа между орденомъ и Польшею, касательно границы, въ Ковнѣ 6-го января 1408 г. собрался бесполезный конгрессъ, на которомъ, сверхъ Ягелла, и польскихъ сенаторовъ, находился гротмейстеръ лифляндскій; Витольдъ же былъ посредникомъ между польскимъ королемъ и крестоносцами.

«Изъ этого города, въ 1413 году, Ягелло и Витольдъ отправились Нѣманомъ въ Жемайдзъ, для обращенія ея жителей въ христіанскую вѣру. Первый слѣдъ писанныхъ правъ города Ковна, сохранившійся до сихъ поръ послѣ истребленнаго архива, есть подтвержденіе Витольдомъ, въ 1408 г., привилегій, прежде сожженныхъ. Заботясь о благосостояніи этого города, онъ усилилъ его народонаселеніе переведеніемъ изъ Крыма Татаръ и Караимовъ, которымъ далъ привилегіи, и поправилъ замокъ, столько разъ опустошенный.

«По кончинѣ Витольда и, въ особенности, когда верховная власть надъ обоими народами соединилась въ лицѣ Казимира Ягеллона, который любилъ этотъ городъ и часто въ немъ жилъ, — привилегіи его возрастали. Здѣсь, въ 1451 году, Петръ *Vasquez*, посолъ Филиппа Добраго, князя Бургундіи, просилъ у короля помощи для завоеванія Святой Земли; но, опасаясь возбудить этимъ Татаръ къ набѣгу на Польшу, король отказался.

«Александръ Ягеллонъ, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ, запретилъ впускать въ Ковно жидовъ и еретиковъ (1). Въ его царствованіе умеръ здѣсь Шахъ-Ахматъ, ханъ Кипчакской орды, который переведенъ былъ, въ началѣ 1506 года, изъ Троку на жительство въ Ковенскій замокъ, и, потерявши свое царство, искалъ помощи у Поляковъ.

«Въ правленіе Сигизмундовъ, новыя привилегіи, въ особенности мудрыя постановленія Сигизмунда Стараго, увеличивали богатство и торговлю Ковна, хотя впрочемъ торговое значеніе его относится къ древнѣйшимъ временамъ. Уже при Кейстутѣ, этотъ городъ былъ въ Литвѣ главнымъ пунктомъ, гдѣ происходила мѣна нѣмецкихъ товаровъ на сырыя произведенія Литвы. Эта торговля, вѣроятно, была очень оживлена, если Англичане уже въ это время заключали съ Литвою торговые договоры. Генрихъ Валезій, подтверждая права Ковна, говорить, что этотъ городъ приноситъ честь Рѣчи Посполитой; во времена же Баторія Ковно приняло пышный видъ европейскаго города. Въ 1584 году разновѣрцы имѣли здѣсь свои типографскіе станки. Множество иностранныхъ ремесленниковъ и купцовъ, особенно изъ Нѣмцевъ, здѣсь поселившихся и подчинившихся городскому праву, начали строить большіе каменные дома. Огромныя житницы, большею частію также

(1) Pięta pomn. hist. T. Narbutta, стр. 205, и Star. Polska, стр. 407.

каменные, построены были надъ Вилією и Нѣманомъ; четыре факторіи: голландская, англійская, прусская и шведская, постоянно здѣсь находившіяся, кажется еще венеціанская, занимали каменные дома, съ этою цѣлью построенные и называвшіеся монетными дворами. Часть ихъ фундаментовъ сохранилась донинѣ. Оборотъ оптовой торговли дошелъ почти до милліона дукатовъ. Главная таможня также учреждена была въ Ковнѣ. Такому благосостоянію города немало содѣйствовало сеймовое право Владислава IV, 1647 г., которое возобновило отчасти оставленный складъ товаровъ въ Ковнѣ. Это именно право принудило землевладѣльцевъ, вмѣсто Кѣнигсберга, привозить сюда свои произведенія, а лифляндскихъ и прусскихъ купцовъ прїѣзжать въ Ковно для продажи и покупки. Въ это время, іезуиты, переведенные сюда стараніями Альберта Кояловича, знаменитаго историка Литвы, и его брата Казимира, обоихъ священниковъ этого ордена, украсили городъ церковью и коллегією. Но 1655 годъ нанесъ сильный ударъ цвѣтущему состоянію города, потому что непріятельскія войска, вторгнувшись въ него въ августъ мѣсяцъ, ограбили и сожгли всѣ зданія. Объединившій и опустѣлый такимъ образомъ городъ, освободясь отъ всѣхъ общественныхъ податей на 10 лѣтъ, постановленіями Іоанна Казимира 1662 г. (1), также Іоанна III, 1676 г., Августа II, 1698 г., излѣчивалъ свои глубокія раны и дѣйствительно уже сталъ оживляться, какъ вдругъ ужасный ударъ снова уничтожилъ всѣ эти усилія; необыкновенный пожаръ 1731 г. обратилъ въ пепель весь городъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ. Съ тѣхъ поръ жителямъ трудно было возвратиться къ прежнему положенію, въ особенности когда выкопанъ былъ каналъ отъ Нѣмана до Прегеля, облегчающій перевозку товаровъ въ Пруссію, и преимущественно въ Кенигсбергъ, и когда вся торговля, вмѣстѣ съ купцами, богатствомъ и народонаселеніемъ перешла въ руки Прусаковъ.

«Въ такомъ жалкомъ состояніи Ковно оставалось до самаго царствованія Станислава Понятовскаго, который назначилъ 40,000 польскихъ злотыхъ на исправленіе приходской церкви. Послѣ паденія іезуитовъ Эдукаціонная комиссія основала здѣсь уѣздное училище, которое уже существовало въ 1787 году. Улучшенію быта жителей всего болѣе содѣйствовали благопріятныя постановленія четырехлѣтняго сейма; торговля до того оживилась, что оборотный капиталъ уже доходилъ до 500,000 дукатовъ.

«Присоединеніе въ 1794 г. занѣманскаго тракта къ Пруссіи причинило большой вредъ городу; прежняя зажиточность и торговля не могли уже туда возвратиться. преимущественно по той причинѣ, что обширная страна, лежащая по ту сторону Нѣмана и имѣющая мало торговыхъ мѣстечекъ, высылающихъ въ Ковно свои про-

(1) Vol. leg. IV, fol. 906.

изведенія, перестала тогда доставлять ихъ, и такимъ образомъ совершенно оставила его рынки, нѣкогда многолюдные.

« Не говоря уже о пожарѣ 1800 г., который обратилъ въ пепелъ третью часть города, упомянемъ о 1812 годѣ, оставившемъ послѣ себя слѣды бѣдствій. Огромный корпусъ войскъ, подъ предводительствомъ самого императора Наполеона, загромодилъ весь городъ; обыкновенныя въ такихъ случаяхъ повинности отягощали землевладельцевъ; потомъ возвращеніе Французовъ, въ числѣ слишкомъ 200,000, было причиною новаго пожара; когда были разграблены всѣ дома (1), Ковно до того обѣднѣло, что въ 1817 г. считалось въ немъ только 200 домовъ; но съ того времени, какъ оно сдѣлалось губернскимъ городомъ, егонародонаселеніе и торговля постоянно возрастали. Прошедшіе года 1854 и 1855 значительно измѣнили его положеніе. Блокада Балтійскаго моря обратила все торговое движеніе къ Ковну; люди стекались, какъ вода; тысячи извозчиковъ, днемъ и ночью, направлялись къ городу съ возами, нагруженными товаромъ, портя шоссе и наполняя площади и улицы до такой степени, что невозможно было пройти съ одной стороны улицы на другую. Ковно похоже было на улей, когда роются пчелы. Это имѣло вліяніе на увеличеніе цѣнъ не только на съѣстные припасы, но и на квартиры, въ особенности низшаго разряда, за которыя платилось отъ 20 и до 100 р. с. Работникъ, нанимающійся теперь за 30 к., въ то время едва соглашался взять работу за 1 р. с. Строились деревянные дома которые заняли новое пространство и образовали *Новый-Городъ*, состоящій изъ нѣсколькихъ улицъ, на двѣ версты въ длину, и нѣсколькихъ переулковъ. Но, по заключеніи парижскаго трактата, какъ отъ прикосновенія волшебнаго жезла, Ковно вдругъ возвратилось къ прежнему бездѣйствию, утѣшая себя выгодами, которыя оно успѣло приобрести въ это время. Но современемъ этотъ городъ можетъ опять приобрести свое вѣчное положеніе, когда устроится предполагаемое пароконное сообщеніе, по устраненіи препятствій на Виліи, и когда такимъ образомъ онъ соединится съ Вильноу, а посредствомъ желѣзной дороги съ Кѣнигсбергомъ. Въ Ковнѣ теперь 25,000 жителей, состоящихъ изъ христіанъ, изъ евреевъ, которыхъ число еще больше, и изъ нѣсколькихъ татарскихъ семействъ ».

Изъ прочихъ статей, въ 3-й кн. «Варшавской Библиотеки», замѣчу помѣщенный г. Войцицимъ въ литературной летописи разборъ новаго сочиненія, еще мнѣ неизвѣстнаго, подъ заглавіемъ: *Наблюденія надъ селами и людьми* (Zwiadyświata i ludzi). Отдѣлъ I, отъ 1800 до 1816 г. Домъ моей бабушки. Соч. Валерія Велѣгловскаго, Краковъ, 1856. Въ 8-ку, 423 стр. — Мы отчасти воспользуемся этимъ разборомъ и познакомимъ нашихъ читателей съ интереснымъ явленіемъ современной польской литературы, которое можно сравнить

(1) Pisma Hist. T. Narbutta, стр. 275.

съ нашею *Семейною Хроникою*. Это также домашніе мемуары или записки, которыми такъ богата польская литература. Авторъ раздѣляетъ свое сочиненіе на главы и начинаетъ его изображеніемъ своей бабки, вокругъ которой группируются разныя оригинальныя лица. Приведемъ здѣсь отрывокъ одной сцены, чтобы дать понятіе о художественной отдѣлкѣ сочиненія. Въ домъ бабки автора является *кунтушовый* шляхтичъ Зелинскій, искренній пріятель блаженной памяти старосты и мужа бабки. Вотъ разказъ его о томъ, какъ онъ въ старину танцевалъ полонезъ:

«Помню, какъ я однажды съ паньею подстолиною Солтыковою танцевалъ польскій: съ полчаса водилъ я ее, и никто не смѣлъ ее отбить у меня, потому что каждый радъ былъ любоваться этою парою, которая расплывалась, какъ Висла, разными извилинами: то туда, то сюда! Казалось, что мы не по полу ходили; но, какъ двѣ ласточки надъ прудомъ, чуть-чуть только прикасались крыльями къ его поверхности. Эхъ, господа, будущее поколѣніе такъ танцевать уже не сумѣетъ; теперь уже другія времена и другіе нравы; да и правду сказать, коверкаютъ только себѣ ноги англезами да штирійскими вальсами. Всѣ какъ будто находятся при послѣднемъ издыханіи, и нѣтъ въ томъ ни складу, ни ладу. Надобно было видѣть старосту, когда онъ собирался танцевать: едва только начинала играть капелла, какъ панъ староста, въ срединѣ кружка, уже выпрямливался, какъ птица къ полету: взглянетъ, бывало, на скамейки и кресла, и выбравши танцовщицу, съ важностію подходитъ къ ней, слегка переваливаясь съ боку на бокъ. Вотъ наконецъ онъ остановился передъ нею; лѣвою рукою поправивъ саблю, а обѣими поясъ, онъ вѣжливо выставлялъ впередъ ногу, брагъ шапку въ лѣвую руку, и потомъ, поднявши ее вверхъ, давалъ знакъ идти за нимъ. Всѣ прочіе слѣдовали за нимъ и становились попарно; тогда-то панъ староста, выждавъ, пока музыканты хорошенько разыграются, ловко заносилъ руку и сначала оборачивался на мѣстѣ съ своею дамою, потомъ уже пускался въ танецъ, какъ бы плавалъ: грудь впередъ, и взоръ, устремленный направо, на танцовщицу. И вотъ они идутъ, идутъ, и только слышится шорохъ: вдругъ староста какъ бы разлучается съ своею дамою, пускаетъ ея руку, но не спускаетъ съ нея глазъ, и ловко обходитъ вокругъ. А она на него поглядываетъ: вотъ взоры ихъ встрѣтились и, какъ бы послѣ минутнаго гнѣва, они снова соединились; словно ручьи плывутъ вѣстѣ, пока снова не оборотятся кругомъ, и ловко не подбѣжить староста, чтобы подать танцующей свою правую руку, украшенную ослѣпительнымъ перстнемъ. Вслѣдъ за старостою идутъ всѣ пары, какъ звенья одной цѣпи, изгибаются змѣею, переваливаются, тянутся; вотъ наконецъ панъ староста, еще разъ оборотившись полукругомъ съ своею дамою, подводитъ ее къ креслу и, въ благодарность за трудъ поцѣ-

довавши у нея руку, пятится назадъ и снова исчезаетъ въ толпѣ. Смѣло могу сказать, что не было такого чловѣка, и не скоро родится другой панъ староста! Оттого-то, когда я подъѣзжаю къ Зборову, то у меня наворачиваются слезы на глазахъ, и я про себя думаю: нѣтъ уже тебя, *пане Юзефе*, староста, дружище, однокашникъ и благодѣтель мой; нѣтъ тебя, образецъ шляхты истинно-шляхетской, который, хотя и не считаетъ въ своемъ родѣ однихъ только сенаторовъ, но уже зарастаетъ мхомъ отъ древности шляхетства!»

— Въ заключеніе нынѣшней статьи, сообщаю извѣстіе о чрезвычайно важномъ изданіи г. Гельцеля, о которомъ я уже упомянулъ мимоходомъ въ № 3-мъ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ. Это изданіе, *Древнѣйшіе памятники польскаго законодательства*, вышло въ Краковѣ и составляетъ огромную книгу почти изъ восьмисотъ страницъ въ 4-ку. Сколько труда и учености, сколько важныхъ фактовъ для исторіи вообще и для права, и однакожь это только едва начало сочиненія.

Оно раздѣляется на двѣ большія части: въ одной авторъ объясняетъ памятники польскаго законодательства, въ другой представляетъ самый текстъ памятниковъ, изданный критически и доброосовѣстно. Объясненіе статутовъ, въ особенности вислицкаго, много подвинетъ впередъ всѣ объ немъ изысканія. Ученый авторъ пересмотрѣлъ предшествовавшія ему изслѣдованія и теперь представляетъ свои собственные. Что же касается до критическаго изданія памятниковъ, то это, можетъ-быть, первый примѣръ, что они издаются такъ старательно и въ такомъ объемѣ. Съ ними можно сравнить развѣ *Monimenta historiae polonica*, которая издаетъ г. Бѣльвскій въ Львовѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ львовскіе ученые готовятъ очищенный текстъ всѣхъ латинско-польскихъ лѣтописей, такъ г. Гельцель уже представилъ очищенный текстъ древнѣйшихъ польскихъ правъ, духовныхъ и свѣтскихъ, общихъ отечественныхъ и провинціальныхъ. Это прекрасное начало, сдѣланное для будущаго критическаго изданія *Volumina Legum*, которое столь необходимо. Статуты Гельцеля можно назвать памятникомъ временъ Пястовъ и, отчасти, Ягеллоновскихъ. *Volumina Legum* переносятъ насъ въ позднѣйшій міръ, во времена Ягеллоновъ и королей избирательныхъ, вплоть до конца политическаго существованія Речи Посполитой. Въ изданіи Гельцеля всѣ происшествія еще группируются вокругъ вислицкаго статута, и въ Польшѣ еще сохраняется порядокъ, а *Volumina Legum* уже касаются временъ безначалія, и статутъ вислицкій уже забыть. Теперь эти древнѣйшіе памятники законодательства имѣютъ только историческое и археологическое достоинство. Въ нихъ заключается законникъ Пястовой Польши. Гельцель издалъ всѣ памятники безъ исключенія, на какіе только указываетъ наука. Тутъ заключаются синодальные статуты, тѣ самыя, которые не такъ давно издалъ въ Петербургѣ.

г. Губе, съ копій ошибочной и неполной, а г. Гельцель съ подлинниковъ. Изданіемъ вислицкихъ статутовъ ученый авторъ оказалъ неопѣвную услугу наукѣ; въ числѣ ихъ есть много новыхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Все это бросаетъ свѣтъ на древнія времена и древніе памятники. Теперь остается только ожидать новаго изданія *Исторіи законодательства Славянскихъ народовъ*, г. Мацеёвскаго, въ которой, какъ слышно, также будутъ заключатся неизвѣстные древніе памятники польскаго законодательства.

Нельзя не замѣтить, что въ польской литературѣ, никогда еще въ одно время не являлось такое множество ученыхъ предприятий, какъ теперь. Сверхъ сочиненій Гельцеля, довольно указать на слѣдующія изданія: Monumenta historiae polonica, полное собраніе сочиненій Делевеля, «Исторію славянскаго законодательства», «Дипломатарій», «Образцы средне-вѣковаго искусства», обѣщанныя «Тынеція привилегіи», возобновленный «Словарь» Линде, «Исторію польской литературы» Вишневскаго, «Библиографическій обзоръ» Юхера, «Польскихъ историковъ», издаваемыхъ книгопр. Вольфомъ, приготовляемую къ печати «Исторію краковской академіи» Мучковскаго, «Исторію Польши», обработанную въ обширномъ объемѣ Морачевскимъ; и мн. др.

— Въ № 50 «Варшавской Газеты» текущаго года (Gazeta Warszawska) извѣщаютъ, что въ Львовѣ, сверхъ *памятниковъ*, изданныхъ г. Бѣлёвскимъ, выходитъ другое изданіе подобнаго же рода. Уже вышло нѣсколько листовъ 1 выпуска въ большую 8-ку. Неизвѣстно, сколько будетъ всѣхъ томовъ. Между прочимъ для слѣдующихъ выпусковъ готовятся записки Святослава Оржельскаго отъ 1572 до 1576 г., заключающія въ себѣ исторію Сигизмунда-Августа, переведенныя съ латинскаго и дополненныя документами, относящимися къ этой эпохѣ и извлеченными изъ архивовъ французскихъ и англійскихъ, также изъ бумагъ, оставшихся послѣ историка Нарушевича. Потомъ должны слѣдовать: *Реляціи свѣтскихъ пословъ XVI и XVII в.* касательно Польши, также *Отчеты папскихъ нунціевъ о Польшѣ прошедшихъ вѣковъ.*

II. ДУБРОВСКІЙ.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Продажа знаменитыхъ картинныхъ галлерей въ Венеціи. — Безпрерывно раздаются въ иностранныхъ газетахъ жалобы, что Италия годъ отъ году лишается своихъ лучшихъ художественныхъ произведеній. Галлерей сѣвернаго европейскаго материка составлены большею частію изъ ея достоянія. Какъ нѣкогда Греція

должна была отдать лучшія произведенія Фидія, Праксителя, Лисиппа и Апеллеса своимъ воинственнымъ побѣдителямъ, мало смыслившимъ въ дѣлѣ искусства, такъ нынѣ другой могущественный властелинъ — англійское золото — лишаетъ Италію произведеній Тиціана, Веронеза, Джіорджіоне. Кажется, что обѣдненію Италіи художественными произведеніями содѣйствуютъ и сами наслѣдники ея славнаго прошлаго, забывшіе сочувствіе къ эпохѣ своего величія. Во время моего пребыванія въ Италіи, въ 1852 году, продавалось много частныхъ картинныхъ галлерей Болоньи, города еще до нынѣшняго дня очень богатаго. Въ Римѣ славныя картинныя галлерей кардинала Феша и Камуччини не существуютъ болѣе. Въ небольшомъ городѣ Перуджіи, родинѣ Перуджино и первомъ поприщѣ Рафаэля, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, семь владѣльцевъ извѣстнѣйшихъ дворцовъ продали свои собранія картинъ. Въ Сіенѣ, славной своею религіозною древнею школою, трудно найти продажную картину: онѣ всѣ уже раскуплены. Нынѣ подобная же участь постигла и столь богатую художественными сокровищами Венецію. Въ концѣ прошлаго столѣтія считали въ ней *сто* частныхъ картинныхъ галлерей: теперь въ ней нѣтъ болѣе *ни одной* замѣчательной. Въ теченіе 1856 года была продана послѣдняя большая частная галлерей, находившаяся во дворцѣ Манфрини: это было въ высшей степени важное собраніе, не уступавшее во многихъ отношеніяхъ знаменитой галлерей венеціанской академіи художествъ. Лучшій перлъ галлерей Манфрини, двѣ картины Джіорджіоне нынѣ находятся въ недоступномъ собраніи какого-то Англичанина. Я имѣлъ счастье видѣть эту галлерей еще въ ея полномъ блескѣ. Посѣщавшимъ Венецію, вѣроятно, пріятно будетъ припомнить себѣ нынѣ разсыяныя сокровища галлерей Манфрини. Въ первой залѣ замѣчательна была картина Джіованни Беллини, отца венеціанской школы: *Божія Матерь съ Младенцемъ Спасителемъ*. Картины этого наивнаго живописца очень многочисленны въ Венеціи; во всѣхъ господствуетъ глубоко-религіозное чувство, стлавшее мастеровъ XVI вѣка. Въ этой же залѣ находился первый перлъ всего собранія: *Женщина съ гитарою*, картина Джіорджіоне. Этотъ живописецъ первый изъ Венеціанцевъ покинулъ преданія школы Беллини: онъ внесъ въ живопись тотъ элементъ свободы, который высказывается и въ манерѣ кисти и въ смѣломъ наложеніи красокъ. Обстоятельства жизни Джіорджіоне мало извѣстны. Онъ умеръ молодъ (въ 1511 г.), по однимъ, вслѣдствіе чумы, которую заразился у больной своей возлюбленной; по другимъ, вслѣдствіе отчаянія, овладѣвшаго имъ отъ измѣны возлюбленной, увезенной однимъ изъ его учениковъ. Онъ передалъ намъ черты любимой имъ женщины во многихъ произведеніяхъ, и дѣйствительно, она стоила пламенной любви. Всѣ картины Джіорджіоне дышатъ сильною страстью: она горитъ глубокимъ, скрытымъ огнемъ въ душѣ его лицъ, что со-

ставляетъ странную противоположность съ тѣмъ внѣшнимъ спокойствіемъ, въ которомъ они обыкновенно изображены. *Женщина съ старюю* необыкновенно хороша. То же лицо изображено въ главной картинѣ, висѣвшей во второй залѣ, картинѣ, до сихъ поръ не разгаданной, известной подъ именемъ: *Три портрета*. Здѣсь представленъ богатый Венеціанецъ, въ сопровожденіи молодого пажы, который обращается съ рѣчью къ какой-то прекрасной дѣвушкѣ. Байронъ прославилъ, въ своемъ «*Чайльдъ-Гарольдъ*», эту дѣвушку:

But such a woman! love in life!

Въ этой же залѣ находился великолѣпный *портретъ Аріоста*, писанный Тиціаномъ, одинъ изъ лучшихъ портретовъ великаго художника, особенно относительно колорита; *портретъ королевы Корнаро*, тоже Тиціана, замѣчательный по восточному костюму и т. д. Въ четвертой залѣ было одно изъ главнѣйшихъ произведеній Тиціана: *Положеніе во гробъ Спасителя*. Тиціанъ повторилъ это превосходное произведение еще дважды: одно изъ этихъ повтореній, почти подобнаго же совершенства въ исполненіи, находится въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ, другое, во дворцѣ Вальмарана, въ Венеціи. Картина галлерей Манфрини—одно изъ благороднѣйшихъ изображеній этого высокаго сюжета. Здѣсь превосходно выражены физическій трудъ несенія священной ноши, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинное средоточіе всего дѣйствія — душевная горестъ несущихъ лицъ. Съ красотою и благороднѣйшимъ пафосомъ въ движеніяхъ соединено выраженіе глубочайшаго внутренняго чувства. Эта картина имѣла величайшее вліяніе на все позднѣйшее искусство: Ванъ-Дейкъ обязанъ ей лучшими своими произведеніями.

Я не упоминаю о прочихъ произведеніяхъ венеціанскихъ живописцевъ, Тинторетто, Порденоне, Себастьяно-дель-Пюмбо и другихъ, украшавшихъ эту галерею. Здѣсь можно было даже встрѣтить картины Рубенса, Рембрандта и Мурильо, столь рѣдкія въ Венеціи. Хочу сказать нѣсколько словъ о другой утратѣ, понесенной Венеціею въ нынѣшнемъ году. Богатый владѣлецъ дворца Пизани продалъ Национальной Галлерей въ Лондонѣ свою единственную и великолѣпную картину, написанную Павломъ Веронезомъ для его семейства въ благодарность за приемъ, оказанный ему въ ихъ домѣ, и изображавшую, подъ именемъ: *Семейство Дарія у ногъ Александра*, всѣхъ членовъ фамиліи Пизани. Хотя это была *фамиліальная* картина, но, кажется, нынѣшній владѣлецъ ея предпочелъ 14 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (около 84000 р. с.) портретамъ своихъ великодушныхъ предковъ. Позволю себѣ остановиться на этой картинѣ, столь известной по гравюрамъ. Картина со всѣми подробностями взята изъ самой блестящей эпохи венеціанской жизни. По анахронизму, свойственному вообще всей венеціанской школѣ, Павелъ Веронезъ подъ ви-

домъ исторической сцены изобразилъ картину изъ современной ему, изящной дѣйствительности. Супруга Дарія, одѣтая въ богатое бархатное платье съ горностаевымъ воротникомъ, обнимающая своего младшаго сына, и двѣ ея красавицы-дочери, богато одѣтыя, на которыхъ съ сожалѣніемъ указываетъ старецъ, вѣроятно министръ Дарія, пали къ ногамъ роскошно одѣтаго молодого человека, который по ошибкѣ былъ принятъ ими за Александра Великаго. Известно, что это былъ Эвфоріонъ. Красивый царедворецъ указываетъ имъ на истиннаго царя, скромно и просто одѣтаго. Вотъ и еще другой старый царедворецъ съ состраданіемъ смотритъ на женщинъ. Часовой (портретъ самого Веронеза), съ копьемъ въ рукѣ, присутствуетъ при этой сценѣ, происходящей въ сѣняхъ дворца, котораго прочія части (известно, какъ мастерски писалъ архитектуру Павелъ Веронезъ) составляютъ задній планъ картины. Всѣ лица этой картины необыкновенно выразительны; въ особенности хороша эта мать, супруга богатаго венеціанскаго патриція, и молодой царедворецъ. Двѣ дочери Дарія или Пизани, какъ будто неохотно стоятъ на колѣняхъ; кажется, гордость не допускаетъ ихъ до того. За то выраженіе мольбы въ лицѣ матери превосходно: ея сердцу дорога судьба ея семейства. О коморитѣ нечего и говорить.

Безспорно, эта картина составитъ одно изъ самыхъ главныхъ украшеній Национальной Галлерей въ Лондонѣ. Въ Венеціи оберегалъ эту жемчужину искусства владѣлецъ ея самымъ ревнивымъ образомъ: ни одному живописцу не позволялось ни копировать ее, ни дѣлать съ нея этюдовъ. Замѣчу здѣсь кстати, что я имѣлъ счастье найти въ курфиршеской картинной галлерей въ Касселѣ необыкновенно превосходный эскизъ этой картины, писанный самимъ великимъ художникомъ, ошибочно помѣщенный въ офиціальномъ каталогѣ подъ именемъ: *Воздержаніе Сципіона Африканскаго* (Auszug aus dem Verzeichnisse der Kurfürstlichen Gemälde-Sammlung zu Kassel, стр. 13, № 89). Ошибку эту разделяетъ и известный знатокъ живописи проф. Куглеръ въ своихъ *Kleine Schriften zur Kunstgeschichte*. 1854. томъ II, стр. 427. И въ этой, почти не доступной для публики, картинной галлерей, запрещено снимать очерки съ картинъ, а слѣдовательно и съ превосходнаго эскиза Веронезова. Вотъ причина, по которой это произведеніе до сихъ поръ оставалось мало известнымъ.

Новыя открытія въ Италіи. — Въ замѣнъ ежегоднаго обѣднѣнія Италіи, въ ней непрерывно находятъ новыя художественныя сокровища; кажется, что почва этой благословенной страны неистощима. Такъ въ нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что въ церкви Св. Августина въ Перуджии, въ капеллѣ Одди, найдена большая запрестольная картина, изображающая *Поклоненіе волхвовъ*, которую по сдѣланнымъ разысканіямъ и найденному на ней годовому числу MCCCCV, приписываютъ Рафаэлю. — Въ древнемъ этрусскомъ городѣ Вольчи, про-

славенномъ найденными тамъ вазами, французскій изслѣдователь Александръ Франсуа, извѣстный своими счастливыми находками, открылъ въ некрополѣ этого города высѣченную въ скалѣ гробницу, которой стѣны украшены фресками, превосходно сохранившимися. По подписаннымъ именамъ видно, что изображенныя сцены относятся къ Троянской войнѣ. Стиль этихъ фрескъ гораздо свободнѣе прежде найденныхъ, и потому можно полагать, что они относятся къ римскому періоду искусства. Кромѣ того найдены въ этой гробницѣ вазы и разныя вещи изъ золота.—Изъ Остинъ увѣдомляютъ, что тамъ найдены три античныя статуи.—Самую замѣчательную археологическую дѣятельность въ Италіи обнаруживаетъ нынѣ принцъ Леопольдъ, герцогъ Сиракузскій, братъ короля Неаполитанскаго. Съ помощью ученаго археолога Фиорелли, производятся, по его волѣ, уже три или четыре года разкопки въ развалинахъ древняго города Кумы, преимущественно около такъ-называемаго храма Гигантовъ. Кумы основаны были Греками за цѣлое тысячелѣтіе до Р. Х.; болѣе 600 лѣтъ процвѣталъ этотъ городъ, потомъ завоеванъ былъ Самнитами, наконецъ Римлянами, и постепенно пришелъ въ совершенный упадокъ. Впрочемъ тамъ еще былъ коронованъ готскій король Теясъ. Кумы были совершенно разрушены Неаполитанцами въ 1207 г. Въ некрополѣ кумскомъ найдено было весьма много замѣчательныхъ гробницъ и въ нихъ вещи, единственныя въ мірѣ. Такъ въ одной былъ скелетъ, на коемъ вмѣсто черепа находилась восковая маска, которую принцъ подарилъ Бурбонскому музею въ Неаполѣ (1). Въ другой гробницѣ найденъ у ногъ скелета деревянный уборный ящикъ, покрытый очень изящными рельефами изъ слоновой кости, которые изображаютъ каріатидъ, амуровъ и женскія фигуры. Гробницы эти расположены въ трехъ слояхъ. Чрезвычайно важны найденныя въ нихъ вазы, нынѣ изданныя археологомъ Фиорелли подъ заглавіемъ: *Notizia dei vasi dipinti rinvenuti a Cuma nel 1856, posseduti da S. A. R., il conte di Siracusa*, съ атласомъ изъ 18 литографій in-fol. Самъ принцъ Сиракузскій очень трудолюбивый ваятель, и его мастерская, равно какъ и дворецъ, въ коемъ хранятся найденныя въ Кумѣ сокровища, всегда открыты любителямъ искусства.

Художественная выставка въ Манчестерѣ.—Иностранныя художественныя газеты содержатъ первыя, еще не полныя, извѣстія о большой художественной выставкѣ въ Манчестерѣ, которой открытіе послѣдовало 5-го мая нынѣшняго года. Это—событіе единственное въ лѣтописяхъ искусства. Выставки, въ томъ смыслѣ, какой нынѣ получило это слово, суть всемірныя явленія: они назначаются для поученія и наслажденія милліоновъ людей; колоссальная сеть желѣзныхъ дорогъ, связующая всѣ части образованной Европы, придала

(1) См. объ ней Прописи. Томъ V, стр. 192.

прежде столь ограниченному кругу ихъ дѣйствія грандіозное значеніе. Подобный характеръ имѣла впервые всемірная выставка промышленности въ Лондонѣ въ 1851 году. Но искусству удѣлена была на ней почти ничтожная роль. Первая всемірная художественная выставка была организована въ Парижѣ въ 1855 году, но учредители ея имѣли въ виду очень себялюбивую цѣль. Эта выставка, назначенная только для произведеній живыхъ художниковъ, должна была доказать цѣлому міру, что надъ всѣми современными школами искусства стоитъ безконечно выше всѣхъ школъ французская. Длинный и блестящій рядъ произведеній Энгра, де-Лакруа, Декампа и другихъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ затемнить немногочисленные произведенія другихъ европейскихъ школъ, которыя не вышли на этотъ поединокъ въ такомъ всеоружіи, какъ Франція. Совершенно другой характеръ имѣетъ выставка, нынѣ открытая въ Манчестерѣ: этотъ городъ каменнаго угля и хлопчатобумажныхъ фабрикъ заботѣтъ явить себя средоточіемъ искусства прошлыхъ и настоящихъ временъ, коего безчисленныя сокровища разсыяны по всей Англии. Въ дымной атмосферѣ этого города желѣзныхъ автоматовъ, собранны въ настоящую минуту, въ кристалльномъ дворцѣ, самыя нѣжныя произведенія человеческой руки и фантазіи. За годъ тому назадъ, нѣкто Денъ (Dean) явился передъ манчестерскими фабрикантами — этими cotton lords, хлопчатобумажными лордами, и вразумилъ ихъ, что въ то время, какъ въ другихъ городахъ музеи и картинныя галереи приносятъ пользу всему свѣту, въ Манчестерѣ богатства искусства скрыты, и міръ можетъ подумать, что между Манчестеромъ и искусствомъ такое же огромное разстояніе, какъ между хлопчатой бумагой и полотномъ. Напротивъ, если соединить всѣ частныя собранія Манчестера и другихъ городовъ и мѣстечекъ Англии, въ одинъ большой музей, то публика выиграетъ, и имена счастливыхъ обладателей великихъ сокровищъ искусства покроются новымъ блескомъ. Фабричные лорды — люди очень практическіе; они тотчасъ поняли, какую огромную прибыль можетъ получить городъ Манчестеръ, если онъ, какъ прежде Лондонъ, сдѣлается цѣлью новаго переселенія народовъ. Съ колоссальными средствами Англии сооруженъ, въ короткое время, новый кристалльный дворецъ, имѣющій 704 фута длины и 200 ширины. Онъ стоилъ около полумилліона рублей серебромъ, и можетъ вмѣщать въ себѣ сорокъ тысячъ человекъ. Разсчитано, что 2,000,000 людей должны посѣтить выставку, чтобы предпріятіе было выгодно въ финансовомъ отношеніи. На желѣзныхъ дорогахъ учреждены особые дешевые поѣзды. Возлѣ выставки построены великолѣпный ресторанъ, съ кухней, которая готовитъ ежедневно обѣдъ на 20,000 человекъ. Тарифъ на всѣ сѣстные припасы очень низкій.

Кристалльный дворецъ въ Манчестерѣ раздѣленъ на три залы, изъ

которыхъ средняя зала, самая большая, составляетъ главный музей. Картины старинныхъ мастеровъ, числомъ 900, выставлены въ галлерей или залѣ налѣво; картины новѣйшихъ художниковъ, столько же числомъ, находятся въ галлерей направо. Въ срединной залѣ помѣщены 400 портретовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и кромѣ того произведенія скульптуры, собраніе оружія, художественныя рѣдкости, 1200 миниатюръ, 1000 акварелей, огромные портфели съ гравюрами и т. д. Разсчитано, что цѣнность всѣхъ художественныхъ произведеній, съ большою готовностію присланныхъ на эту выставку со всѣхъ концовъ Англіи, владѣтелями безчисленныхъ, почти никому недоступныхъ ея художественныхъ собраній, доходитъ до 4,000,000 фунт. стерл. (24,000,000 р. сер.) На этой выставкѣ въ первый разъ сдѣлалось извѣстно существованіе многихъ замѣчательныхъ произведеній, укрывшихся даже отъ пронизательнаго взгляда извѣстнаго берлинскаго знатока живописи, профессора Ваагена, который описалъ художественныя сокровища Англіи въ превосходномъ, многотомномъ своемъ сочиненіи: *The treasures of art in Great Britain*. London, Murray. 1856.

При входѣ въ галлерей, посвященную произведеніямъ старинной живописи, прежде всего бросается въ глаза картина, находящаяся на задней стѣнѣ: она изображаетъ триумфальное шествіе, въ которомъ весутъ по улицамъ Флоренціи только-что оконченную мадонну отца новѣйшей итальянской живописи, Чимабуэ. Анекдотъ этотъ всѣмъ извѣстенъ по разказу Вазари. Картина написана англійскимъ живописцемъ Лейтономъ (Leighton) и принадлежитъ королевѣ Викторіи.

По обѣимъ сторонамъ этой картины находятся произведенія итальянской школы живописи, начиная съ робкихъ опытовъ Чимабуэ и смѣлыхъ созданій Джіотто до произведеній XV вѣка, когда начали уже сіять яркою славою нѣмецкая и фламандская школы живописи. Невозможно въ немногихъ словахъ дать отчетливое понятіе о необыкновенномъ достоинствѣ и богатствѣ собранныхъ тутъ сокровищъ. Можно только указать на главнѣйшія картины, размѣщенные въ хронологическомъ порядкѣ. Въ высшей степени замѣчательныя обломки странной фрески, написанной однимъ изъ преемниковъ Джіотто, живописцемъ XIV вѣка, Спинелло Аретино, памятнымъ для всѣхъ посѣтителей Флоренціи, — обломки, представляющій «Паденіе ангеловъ». Онъ принадлежитъ извѣстному, по своимъ открытіямъ въ Ниневіи, Лейарду, который съ большимъ трудомъ и большими издержками спасъ его отъ конечнаго разрушенія во время своего путешествія по Италіи. «Голова Христа», Фра Анджелико да-Фіезоле, есть тоже обломки фрески, изображавшей распятіе Спасителя. «Положеніе во гробъ Пречистой Дѣвы Маріи», его же, долго приписывалось Джіотто. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько картинъ Сандро Боттичелли, немного фантастическаго ученика Фра Филиппо Липпи. Пять картинъ средней

величины Перуджино, учителя Рафаэлева, и его же превосходная за- престольная картина, изображающая «Пречистую Дѣву съ Младен- цемъ Спасителемъ на тронѣ, по бокамъ коего стоятъ Св. Иеронимъ и Св. Петръ». Картины Рафаэля: «Распятіе Спасителя», писанное въ 1500 г., «Исусъ Христосъ въ Оливковомъ саду», двѣ Мадонны, при- надлежащія лорду Куперу, еще Мадонна и еще «Страданіе Спаси- теля», изъ собранія недавно умершаго поэта Роджерса. Лордъ Вар- вискъ прислалъ превосходную копию съ портрета Іоанны Аррагонской, Рафаэля, которой оригиналъ находится въ Луврскомъ Музеѣ въ Па- рижѣ. «Отдыхъ Св. Семейства на пути въ Египетъ», Фра Бартоломео, есть одно изъ лучшихъ произведеній этого художника. Микель Ан- джело: «Христосъ и Самаритянка» и «Св. Семейство», неоконченная картина, принадлежащая нынѣшнему колоніальному министру Лабу- шеру. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько картинъ Беллини и Франчи, друга Рафаэлева. «Европа», картина Тиціана, изъ собранія лорда Дарнлея. Оригинальный эскизъ знаменитой картины Тиціана «Апо- ееоза Карла V», находящейся въ Испаніи. Тинторетто: «Девять Музъ». Пять большихъ аллегорическихъ картинъ Павла Вероне- за. Превосходная картина Доменикино: «Св. Агнеса» (изъ коро- левскаго собранія въ замкѣ Виндзоръ). Портреты Веласкеса ви- сятъ супротивъ портретовъ Ванъ-Дейка; такимъ образомъ можно сравнивать и изучать обоихъ великихъ мастеровъ портретнаго искусства. Нѣсколько картинъ Мурильо. Удивительныя фрески изъ одного миланскаго дворца, изображающія «Битву Кентавровъ и Лапи- товъ», произведеніе Гамбары (принадлежатъ принцу Алберту). Итальянская школа оканчивается нѣсколькими прекрасными картинами Сальватора Розы.

Собраніе произведеній нѣмецкой и фламандской живописи тоже очень богато. Первое мѣсто принадлежитъ коллекціи древнихъ кар- тинъ этихъ школъ принца Алберта. Вотъ замѣчательнѣйшія картины этого отдѣленія. Старинная копія большою запрестольной картины братьевъ Губерта и Іоанна Ванъ-Эйкъ: «Поклоненіе Пасхальному Агнцу». Знаменитая картина Мабюза: «Поклоненіе волхвовъ». «Ску- пые», знаменитая картина Метсю. Нѣсколько превосходныхъ произ- веденій Рубенса; именно: «Св. Мартинъ» (принадлежитъ королевѣ Викторіи), «Юнона, налагающая на павлина глаза Аргуса» (принад- лежитъ г. Вайту). Кромѣ того портреты самого живописца, его жены, епископа антверпенскаго. Нѣсколько картинъ знаменитаго друга Ру- бенсова, Снейдерса, изображающихъ цвѣты, плоды и разные другіе предметы. Нѣсколько прекрасныхъ произведеній Пуссена; именно: «Тріумфъ Бахуса», «Св. Семейство», и эскизъ его знаменитой карти- ны: «Завѣщаніе Евдамидаса». Картины Ванъ-Дейка по числу и каче- ству составляютъ одно изъ главныхъ украшеній этого отдѣленія. Къ прекраснѣйшимъ его портретамъ принадлежатъ: «Карлъ I верхомъ»,

изъ Виндзорской галереи; портреты живописца Снейдерса и его жены. Последніе составляютъ собственность двухъ разныхъ владѣльцевъ: лорда Варвика и графа Карлейля, и по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій снова соединены въ первый разъ на этой выставкѣ. «Дѣти Карла I-го» принадлежатъ королевѣ Викторіи. Превосходны портреты трехъ дѣтей, стоящихъ на ступеняхъ портика, и картина «Ангела съ перомъ», изъ собранія принца Люціана Бонапарта. Затѣмъ слѣдуетъ богатое собраніе голландскихъ и фламандскихъ картинъ, составленное королемъ Георгомъ IV, въ особенности любившимъ эти школы; нынѣ оно принадлежитъ королевѣ Викторіи. Здѣсь много прекрасныхъ картинъ Рембрандта, Теньера, и т. д. Наконецъ, здѣсь въ первый разъ любители живописи могутъ изучать полное развитіе новѣйшей англійской школы живописи.

Можно ожидать, что находящійся въ настоящее время въ Манчестерѣ знатокъ живописи профессоръ Ваагенъ, о которомъ упомянуто было выше, дастъ въ скоромъ времени подробный критическій отчетъ о художественныхъ сокровищахъ этой выставки.

К. ГЕРЦЪ.

УЛЬФИД. ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КОПИИ СЪ СЕРЕБРЯНОЙ РУКОПИСИ (CODEX ARGENTÆUS).

Въ Берлинѣ предпринимается изданіе фотографическихъ копій съ такъ-называемой *Серебряной рукописи* готскаго перевода Св. Писанія. Этимъ новымъ, блистательнымъ примѣненіемъ фотографіи къ письменности наука обязана доктору Лео, извѣстному знатоку нѣмецкой старины. Со временемъ, фотографія распространится, безъ сомнѣнія, и на другія рукописи; но для перваго раза нельзя было найти ей лучшаго примѣненія. Переводъ Св. Писанія на готскій языкъ, совершенный въ IV вѣкѣ вестготскимъ епископомъ Ульфилою, есть самое замѣчательное явленіе въ литературѣ и вообще въ образованности западной Европы. Этотъ великій религіозно-литературный подвигъ свидѣтельствуетъ о значительномъ умственномъ и нравственномъ развитіи воинственныхъ германскихъ племенъ уже въ ту отдаленную эпоху, когда онъ былъ совершенъ. вмѣстѣ съ распространеніемъ Вестъ-Готовъ на Западъ, въ Италію и Испанію, перенесенъ былъ въ тѣ страны и готскій переводъ Св. Писанія и употреблялся даже до IX вѣка.

Историки и филологи по достоинству оцѣнили высокое значеніе этого литературнаго явленія для исторіи не только нѣмецкихъ пле-

мень, но и другихъ, имъ сосѣднихъ. Какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, сохранились въ большей чистотѣ первобытныя свойства прочихъ славянскихъ нарѣчій; такъ и готскій текстъ Св. Писанія предлагаетъ во всемъ обилии, разнообразіи, свѣжести, формы германскаго языка, которыя, въ послѣдствіи, потерпѣли значительное измѣненіе и искаженіе въ прочихъ германскихъ нарѣчіяхъ. Какъ для исторіи славянскихъ нарѣчій точкой отправленія, и вмѣстѣ самую надежною точкой опоры, служитъ языкъ древнѣйшихъ текстовъ славянскаго перевода Св. Писанія; такъ для исторіи нѣмецкихъ нарѣчій — текстъ Ульфилы. Родственные языки особенно сближаются между собою въ древнѣйшихъ своихъ формахъ; потому славянскія нарѣчія, равно какъ и другіе языки индоевропейскіе, оказываются въ ближайшемъ средствѣ съ нѣмецкимъ, преимущественно посредствомъ нарѣчія готскаго, какъ древнѣйшаго изъ прочихъ нѣмецкихъ. Вотъ почему и для насъ, Славянъ, текстъ Ульфилы, несмотря на глубокую древность его происхожденія, или лучше сказать, благодаря его древности, есть самое близкое къ славянскому языку произведеніе изъ всѣхъ прочихъ, какія только предлагаютъ намъ другія нѣмецкія нарѣчія въ теченіе тысячелѣтняго ихъ процвѣтанія. Сверхъ этого доисторическаго, племеннаго сродства, текстъ Ульфилы дорогъ для насъ, близокъ славянскому сердцу, по другому, можетъ-быть, столь же кровному родству историческому. Вестготскій епископъ переводилъ Св. Писаніе на языкъ такого племени, которое находилось въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Славянами. Потому въ текстѣ Ульфилы встрѣчаются многія слова, частію заимствованныя у Славянъ, частію же изъ готскаго перешедшія къ нимъ. Въ этомъ отношеніи, готскій переводъ Библии становится драгоценнымъ памятникомъ, уже не только нѣмецкаго, но и славянскаго языка, и тѣмъ еще драгоценнѣе для Славянъ, что исторія ихъ языка и вообще народности такъ скудна источниками до самаго IX столѣтія, сравнительно съ сокровищами древне-нѣмецкихъ мѣстеческихъ и поэтическихъ преданій, такъ явственно восходящихъ къ V, къ IV вѣку по Р. Х., даже къ эпохѣ Тацита и Цезаря.

Новая наука о народности, созданная Я. Гриммомъ, разсматриваетъ слово, не какъ пустой звукъ, случайно примѣненный къ выражаемому имъ понятію, но какъ живой отголосокъ свѣжаго впечатлѣнія, въ которомъ ясно чувствуются и возрѣніе народа на жизнь и природу; и его вѣрованія и преданія. Только вслѣдствіе многосложныхъ, утомительныхъ трудовъ надъ самымъ подробнымъ грамматическимъ изученіемъ буквъ, корней и окончаній словъ, наука дошла до этого блистательнаго результата, вполне свидѣтельствующаго о той глубинѣ и жизненности возрѣнія, которою исторія языка, литературы и вообще народности обязана нѣмецкимъ ученымъ.

При такомъ возрѣніи на языкъ, текстъ Ульфилы долженъ былъ

предложить богатѣйшіе матеріалы для исторіи нѣмецкой народности, и не только въ понятіяхъ религіозныхъ, но и въ юридическихъ, поэтическихъ, и вообще во всѣхъ воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ и преданіяхъ готскаго народа, наложившихъ свои слѣды на отдѣльные слова готской рѣчи, принятой Ульфилою для перевода Св. Писанія. Этотъ видимый разладъ между возвышенными, отвлеченными понятіями христіанскими, и между отдѣльными словами и выраженіями готскими, еще проникнутыми яркимъ колоритомъ дохристіанскаго быта, далъ возможность нѣмецкимъ ученымъ возвести исторію германскихъ древностей, юридическихъ, поэтическихъ и мѣологическихъ, къ эпохѣ Ульфины, и связать ихъ тѣсными узами съ языкомъ его готскаго текста. Такимъ образомъ, Я. Гриммъ въ своей *Исторіи нѣмецкаго языка*, въ *Юридическихъ древностяхъ Германіи*, въ *Нѣмецкой мѣологии*, постоянно предлагаетъ ссылки на Ульфила, какъ твердыя, основныя точки опоры историческимъ и филологическимъ изслѣдованіямъ. Въ послѣднее время, Вильгельмъ Крафтъ, профессоръ богословія въ Боннскомъ университетѣ, внесъ филологическую разработку Ульфиліана текста въ церковную исторію германскихъ народовъ (die Kirchengeschichte der germanischen Völker. 1854 г.). На основаніи отдѣльныхъ словъ и выражений готской библіи, онъ предлагаетъ довольно полную характеристику умственныхъ и нравственныхъ понятій и внутренняго быта древнихъ Готовъ. При этомъ у него въ подробности разсматриваются слѣдующіе пункты: наименованія Божества и понятія о немъ, добрые и злые духи, небо и адъ, откровеніе, законъ, грѣхъ и вина, возмездіе, судъ, наказаніе, искупленіе, богопочитаніе, царство Божіе, свободные и рабы, священныя мѣста, праздники, священство и проч.

Если, съ одной стороны, текстъ Ульфины въ теченіе столѣтій не отрывалъ новообращенныхъ христіанъ отъ ихъ родныхъ, доисторическихъ преданій и понятій; то, съ другой стороны, онъ предрасположилъ нѣмецкіе народы къ благотворному сближенію живой, народной рѣчи съ великими идеями христіанства, предрасположилъ къ тому высокому христіанскому воодушевленію, которое уже въ VII вѣкѣ выразилось въ превосходной англосаксонской поэмѣ библейскаго содержанія, и блистательнѣйшимъ проявленіемъ котораго, въ IX вѣкѣ, надобно признать нижне-нѣмецкую поэмю *Héljand* (то-есть *Heiland*), которую нѣмецкіе критики, по глубинѣ и искренности христіанскаго чувства, ставятъ несравненно выше Клопштоковой «Мессіады».

Знаменитая рукопись готскаго перевода Евангелія, извѣстная подъ именемъ Серебряной (*Codex argenteus*), потому что она писана на пурпуровомъ пергаменѣ серебряными и частію золотыми буквами, относится къ V или къ началу VI вѣка. Съ незапамятныхъ временъ хранилась она въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Верденѣ, куда она попала, какъ думаютъ, около IX вѣка, и можетъ-быть,

не безъ участія Карла Великаго. Потомъ она перешла въ Прагу, откуда въ половинѣ XVII вѣка была взята въ Швецію. Въ настоящее время находится въ Упсалѣ.

Несмотря на многія изданія готскаго перевода Св. Писанія, изъ которыхъ особенно замѣчательно, по строгой ученой обработкѣ, изданіе Габеленца и Лёбе, съ грамматикою и словаремъ,—все же для изслѣдователей германской старины постоянно оказывалась необходимость справляться съ подлинною рукописью, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по неразборчивости оригинала, приходилось возстановлять текстъ критически. Чтобы устранить это существенное неудобство въ изученіи памятника такой высокой важности, докторъ Лео вздумалъ распространить употребленіе готскаго оригинала посредствомъ фотографическихъ копій, впрочемъ не всей рукописи—что по справедливости почитаетъ онъ дѣломъ роскоши, — а только тѣхъ страницъ (числомъ 63), въ которыхъ изданные доселѣ тексты предлагаютъ варианты и неточности. Примѣненіе фотографии къ копированію рукописей превзошло ожиданія издателя. На нѣкоторыхъ фотографическихъ снимкахъ выступили замѣтки и поправки, которыя въ самой рукописи были вовсе невидны, вслѣдствіе того, что чернила, которыми онѣ были писаны, выцвѣли, и буквы были поглощены пурпуровымъ фономъ рукописи.

Шестьдесятъ три фотографическіе снимка на стеклѣ теперь находятся уже въ Берлинѣ, и, по изданіи копій, будутъ переданы въ королевскую бібліотеку. Цѣна экземпляру копій съ томомъ примѣчаній г. Лео — 85 талеровъ. Это въ высшей степени важное ученое предпріятіе встрѣчено было въ Германіи самымъ полнымъ сочувствіемъ. Къ объявленію доктора Лео и книгопродавца Вильгельма Гертца (отъ 19 февраля 1857 г.) присовокупили нѣсколько пріятельскихъ строкъ первые знатоки нѣмецкой старины, профессоръ Яковъ Гриммъ и бібліотекаръ королевской бібліотеки докторъ Пертцъ.

Ө. Буславвѣ.

КАРИНА ИВАНОВА: «ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ».

Десять лѣтъ назадъ, русская публика узнала въ первый разъ, изъ известнаго письма Гоголя, о существованіи картины, которая до тѣхъ поръ известна была однимъ бывавшимъ въ Римѣ. Безпримѣрный интересъ къ произведенію художника, уже заявившаго свою

славу «Магдалиною передъ Христомъ», возбужденъ былъ перомъ знаменитаго писателя. Равнодушная обыкновенно къ явленіямъ роднаго искусства, Россія вдругъ исполнилась вниманія и нетерпѣнія. Первый вопросъ пріѣхавшаго въ Римъ былъ: «какъ бы увидѣть картину Иванова?» Первый вопросъ вернувшимся изъ Рима: «что картина Иванова?» Письма къ проживающимъ въ Римѣ художникамъ и любителямъ были наполнены распросами о картинѣ Иванова...

Десять лѣтъ на все это былъ одинъ отвѣтъ: запертая дверь мастерской художника. Досада неудовлетворяемыхъ ожиданій, какъ всякая досада, начала искать себѣ облегченія въ клеветѣ и выдумкахъ, смѣшныхъ или обидныхъ. Нашлись такія изобрѣтательныя досады, которыя и самое существованіе картины подвергали сомнѣнію. Большіе холсты тѣмъ временемъ вывозились изъ Рима, и авторы ихъ обогащались и чтились... Авторъ картины, съ крикомъ вызываемый Россією, оставался попрежнему одинокъ, бѣденъ и заточенъ въ своей скромной келии!.. Перестали уже и домогаться входа въ нея,—какъ вдругъ пронеслась молва объ ея открытіи... Безъ повѣстки, безъ объявленія въ газетахъ, какъ это обыкновенно дѣлается,—мастерская художника наполнилась разомъ; и, начиная отъ князя и архіерея, до послѣдняго факина и работника, весь Римъ переступилъ черезъ ея порогъ, въ теченіе одной недѣли... Римъ тоже ждалъ картины. Неслышанная популярность иностранца въ странѣ, гдѣ на пришлеца въ искусствѣ смотрятъ какъ на врага и хищника! Мало того, запертая вновь студія осаждена была до такой степени народомъ, что художникъ вынужденъ былъ открыть ее еще на одинъ день... И надо было видѣть ее въ этотъ день!.. Художники всѣхъ націй и направленій стеклись толпами; и уже не было другой рѣчи, кромѣ рѣчи объ Ивановѣ, во всѣхъ кофейняхъ, на перекресткахъ и въ кружкахъ.

Итакъ, работа, за десять лѣтъ до ея появленія прославленная, выступила на судъ. Какое трудное испытаніе! Какимъ требованіямъ, какимъ заранѣе составленнымъ идеаламъ не должна была удовлетворить она! о какія пристрастія національныя и самолюбивыя авторитеты не предстояло ей разбиться! И вотъ, испытаніе кончено: и не она о самолюбія, а самолюбія объ нее разбились! Даже голось національностей затихъ передъ голосомъ благонамѣреннаго большинства. Всякій пойметъ, что дѣло не обошлось безъ неизбѣжнаго писка невѣжества, нерасположенія личнаго или слѣпогты прирожденной! Скажу болѣе: картина, такъ смѣло разбившая послѣднія узы принятыхъ на вѣру и усвоенныхъ классическихъ заблужденій, даже и безпристрастному судѣ не всякому подъ силу: что прежде не бывало, то сразу пугаетъ! Мнѣній о ней есть и будетъ много неблагоприятныхъ...

Скоро, быть-можетъ, картина, переставъ быть временнымъ до-

стояніемъ Рима, перейдетъ въ вѣчную собственность Россіи: тогда произнесется ей приговоръ, не безъ горечи, какъ водится, со стороны нѣкоторыхъ. Но съ картиною на лицо удобнѣе будетъ вести споры. Покуда довольно повѣстить объ ней.

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно содержаніе картины. Иоаннъ, крестящій народъ на берегу Иордана, во имя ожидаемаго Спасителя, видитъ вдругъ идущаго Самого Того, во имя котораго онъ креститъ. Исполнясь вдохновенія при этомъ видѣ, онъ указываетъ толпѣ на приближеніе Существа, которому онъ не достоинъ отрѣзать ремень отъ сапога. Блѣдное, исхудалое лицо Крестителя; его огненный взоръ и увлекательныя рѣчи, все движеніе этой величественно-прекрасной и простой фигуры, — потрясаютъ присутствующихъ и страхомъ, и надеждою... Всѣ мигомъ подчиняются новому влеченію; и, переставъ думать, кто объ одеждѣ, сброшенной до половины, кто о наготѣ своей, — устремляются въ одну сторону, гдѣ тихимъ, но твердымъ шагомъ идетъ по горѣ Искушитель. «Се Агнецъ Божій, вземлай грѣхи міра!» произноситъ Иоаннъ, — и толпа исполняется сладкимъ ожиданіемъ. Рабъ съ веревкою на шеѣ, подаяющій на колѣняхъ одежду своему господину, и тотъ, видя какое-то незнакомое до сихъ поръ, снисходительное движеніе господской руки, — получаетъ уже нѣкоторую долю надежды, и взоромъ, залитымъ слезою, ловитъ образъ Того, Кто однимъ Своимъ появленіемъ смягчилъ его горькую долю... Мальчишка-Еврей, съ отцомъ дрожа всѣмъ тѣломъ, отъ воды и отъ какого-то незнакомаго имъ прежде страха; будущіе ученики Христовы и весь народъ — все обратилось туда же, гдѣ идетъ, бросая тѣнь на землѣ, спокойная и строгая фигура, съ такою мощью внутреннею, что несмотря на кротость и истому чела, невольно потупляется взглядъ передъ нею...

Вотъ распредѣленіе главнѣйшихъ группъ: Середину картины занимаетъ Креститель; рѣдкой красоты мужественный профиль его обращенъ къ Спасителю, который смѣло и поразительно удачно поставленъ художникомъ особо отъ толпы пѣшаго народа и всадниковъ, спускающихся съ горы къ Иордану. Отъ этого, мотивъ картины бросается прямо и ясно въ глаза. Около Крестителя, налѣво, Иоаннъ Богословъ и Апостолъ Андрей, одинъ съ восторгомъ юноши, другой съ тихою и покойною вѣрою старца, обращаются къ горѣ. Сзади строгая сѣдая голова, олицетворенное невѣріе, котораго еще не сломили вполне слова Крестителя: ухо все еще прислушивается съ сомнѣніемъ, хотя глаза сами собою поворотились уже къ главному пункту... Рядомъ, увѣровавшій до конца, склонивъ смиренно голову, стоитъ человекъ, еще не согрѣвшійся вполне отъ воды... Юноша и изможденный старецъ на костылѣ, выходятъ поспѣшно изъ воды, чтобы скорѣй увидѣть Грядущаго отъ Назарета.

Эти двѣ фигуры, когда ихъ увидишь случайно въ зеркалѣ, производятъ до того обаятельный обманъ, что ждешь только, какъ они поднимутся на берегъ и, вмѣсто того, чтобъ пойти по камнямъ, пойдутъ по полу мастерской... Направо отъ Крестителя, первая фигура—нагой старикъ, спиною къ зрителю, надѣваетъ рубашку; рабъ ему служитъ. По движенію господина, послѣдній останавливается и нѣсколько поворачиваетъ въ сторону лицо, все обращенное къ зрителю... Экспрессія этой головы можетъ продержатъ цѣлые часы передъ картиною! Нѣсколько человѣкъ, освѣненныхъ тѣнью раскидистаго дерева, сидятъ и лежатъ около Крестителя, который, какъ и всѣ остальные фигуры, освѣщенъ солнцемъ. Подлѣ раба, молодой человѣкъ, безъ всякой одежды, стоитъ спиною, глядя прямо на Христа... Изъ толпы, спускающейся съ горы, двѣ—три женскія головки, граціозныя и запечатлѣнныя еврейскимъ типомъ, выглядятъ какъ-то страстно и любопытно... Дряхлаго старика поднимаютъ подъ руки, чтобъ показать ему Спасителя... Наконецъ, правый уголъ перваго плана занятъ группою продрогнувшихъ отца съ сыномъ. Имъ и холодно, и страшно, и хочется плакать, и улыбка между тѣмъ напрашивается на лица. Мальчикъ до того дрожитъ, что слышно, кажется, какъ щелкаютъ зубы. Такой группы одной достаточно для безсмертія живописца... Лишнее говорить, каковы Креститель и Христосъ. Довольно сказать, что ихъ магическое вліяніе на толпу совершенно объясняется ихъ фигурами. Передать, каковы они, именно можетъ одна картина...

Когда присмотришься къ картинѣ, весь обманъ холста и красокъ исчезаетъ: новый міръ обступаетъ васъ, и люди, живые и чувствующие, во всѣхъ проявленіяхъ разнороднѣйшихъ характеровъ и видоизмѣненной еврейскаго типа, встаютъ передъ вами... Часы проходятъ, и только слышавъ скрипъ запираемой двери, спохватываешься, что кончился день...

Кто въ произведеніи искусства ищетъ только минутной утѣхи глазу, картина Иванова не для него: онъ въ ней не встрѣтитъ ни щегольскаго письма, ни яркихъ красокъ, — все въ ней строго, трезво, и даже самого себя художникъ не потѣшилъ ни одною аксессуарною фигурою, въ которой отвелъ бы на время свою душу отъ тяжелой заботы колоссальнаго труда... Но для кого искусство связано съ жизнью, тотъ отдохнетъ передъ картиною Иванова; а кто въ дѣлѣ искусства видитъ природу, проведенную не сквозь колодки сухихъ и ложныхъ ученій, а сквозь собственный внутренній процессъ глубоко почувствованнаго міросозерцанія, тотъ найдетъ въ картинѣ Иванова возможное совершенство искусства...

Картина кончена. Художникъ можетъ позволить себѣ еще нѣсколько ударовъ кисти, для достиженія послѣдняго согласія въ об-

щемъ, но работать надъ нею болѣе нельзя. Никакая придирчивая критика, ни одинъ техникъ или знатокъ дѣла не въ состояніи были бы откопать въ ней мѣсто, неудовлетворительно исполненное или неглубоко обдуманное. Сочиненіе рисунка, размѣщеніе фигуръ, выраженіе лицъ, поворотъ каждаго тѣла, движеніе каждаго члена, каждый мускулъ, складка одежды, листъ на деревѣ, — все изучено, испробовано, доведено до послѣдняго предѣла возможной правды въ частяхъ и въ цѣломъ... Тутъ нѣтъ уже мѣста предположеніямъ, что то или другое могло бы быть лучше или вѣрнѣе, что повернуть можно бы сюжетъ или подробность такъ, а не такъ, — все именно такъ, и иначе быть не можетъ! Все какъ будто родилось вмѣстѣ съ сюжетомъ и вышло, сросшееся съ нимъ, на полотно... Не двадцать лѣтъ срокъ для произведенія такой картины (хотя, собственно, картина написалась въ одну треть этого времени), а цѣлая жизнь чловѣка! Да еще хорошо, еслибы всегда жизнь чловѣка размѣнивалась на такія произведенія!.. Правда, есть и невыгоды продолжительнаго творчества: еще въ стѣнахъ мастерской, неконченная картина успѣла родить выкидыша, въ которомъ, спародированная наскоро, явилась въ искаженномъ видѣ публикѣ... Скоро однако истина покажетъ, откуда вышелъ свѣтъ.

Картина Иванова, какъ результатъ науки продолжительной и глубокой, останется наукою, цѣлою академіею, для послѣдующихъ поколѣній художниковъ и крѣпительнымъ примѣромъ для тружениковъ великаго дѣла! Она же будетъ и славою русской живописи, рядомъ съ «Послѣднимъ днемъ Помпеи».

Италія за такое произведеніе прозвала бы художника *uno divino maestro*; Франція вписала бы заживо его имя въ рядъ именъ безсмертныхъ; Германія родила бы цѣлые томы сочиненій по поводу картины; въ Англій художнику дали бы милліонъ. Что-то сдѣлаетъ Россія?

«Ивановъ не только не ищетъ житейскихъ выгодъ (пишетъ Гоголь въ своемъ нисѣмѣ), но даже просто ничего не ищетъ; потому что уже давно умеръ для всего въ мірѣ, кромѣ своей работы...»

«Еслибы случилось (говорить Гоголь далѣе), чтобы онъ умеръ отъ бѣдности и недостатка средствъ — вдругъ бы все исполнилось негодованія противу тѣхъ, которые допустили это. Пошли бы обвиненія въ безчувственности и т. д.»

«Такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухъ сотъ тысячъ. Поступите же справедливо!»

«Если Ивановъ плюнулъ на всѣ приличія и условія свѣтскія, надѣлъ простую куртку и, отогнавши отъ себя мысль не только объ удовольствіяхъ и пирушкахъ, но даже мысль завестись когда-либо женою и семействомъ, или какимъ-либо хозяйствомъ, ведетъ жизнь

истинно монашескую, корпя день и ночь надъ своею работою... тогда нечего долго разсуждать, а нужно дать ему средство работаты!»

Теперь остается еще прибавить: дать средство вылѣчить полу-сгубленное зрѣніе (1) и хоть послѣднюю половину жизни провести съ кистью въ рукахъ, не вздыхая о насущномъ хлѣбѣ.

П. К—ий.

Римъ, май 1857.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Чтобы не возвращаться на будущее время къ нешательскому вопросу, намъ остается познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ обширнаго посланія исполнительной власти Швейцарскаго Союза къ общему сейму, созванному въ началѣ іюня для ратификаціи нешательскаго трактата. Швейцарія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу тѣхъ государствъ западнаго міра, въ которыхъ основные законы требуютъ обнародованія не только трактатовъ, но и секретныхъ переговоровъ, предшествующихъ заключенію трактатовъ. Еще недавно публицисты западной Европы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за трудами парижской конференціи, теряясь въ догадкахъ и соображеніяхъ; мы сами, внося въ наше обозрѣніе все, что имѣло характеръ достовѣрности въ большей или меньшей степени, могли познакомить нашихъ читателей лишь съ результатомъ парижскихъ международныхъ совѣщаній, указывая отъ времени до времени спорные пункты, которые, по мнѣнію западной журналистики, замедляли ходъ дѣла. Нынѣ всѣ болѣе или менѣе счастливыя догадки и соображенія должны уступить мѣсто официальнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ вышеупомянутомъ документѣ. Само собою

---

(1) Средство это уже доставлено Вдовствующею Императрицею, во время Ея пребыванія въ Римѣ.

разумѣется, что мы остановимъ вниманіе читателей лишь на главныхъ подробностяхъ любопытнаго документа, сообщеннаго швейцарскому сейму.

Извѣстно, что въ половинѣ января, сеймъ, принявъ въ соображеніе желанія Пруссіи и другихъ державъ, согласился отмѣнить процессы по дѣламъ, возбужденнымъ сентябрьскими волненіями. Лица, замѣшанныя въ этихъ волненіяхъ, были освобождены съ тѣмъ условіемъ, чтобы они выѣхали изъ Швейцаріи, впредь до разрѣшенія нешательскаго вопроса. Это было исполнено безъ отлагательства; но освобожденнымъ предварительно напомнили о содержаніи той статьи уголовного уложенія, которою опредѣляется наказаніе за самовольное возвращеніе въ Швейцарію. Союзное правительство поступило такимъ образомъ для того, чтобы изгнанники ни въ какомъ случаѣ не могли возвратиться прежде времени, и чтобы сообщить акту изгнанія серьезный и торжественный характеръ. Мѣра эта возбудила нѣкоторое неудовольствіе, однако не имѣла важныхъ послѣдствій. Вслѣдъ за тѣмъ швейцарское правительство отправило своего уполномоченнаго (г. Керн) въ Парижъ, для дальнѣйшихъ переговоровъ, и предписало ему сообщить французскому правительству, что, сдѣлавъ первый шагъ къ примиренію съ Пруссіею, Швейцарія надѣется на обѣщанное содѣйствіе императора Французовъ къ разрѣшенію вопроса въ интересахъ Швейцаріи. Уполномоченному разрѣшено было вступить въ сношенія съ представителями Пруссіи въ Парижѣ, прямо или черезъ посредство французскаго правительства, чтобы опредѣлить главные условія, на которыхъ Пруссія могла бы отказаться отъ правъ своихъ. Онъ долженъ былъ имѣть въ виду *полную* независимость Нешательскаго кантона и *полное* отреченіе Пруссіи, безъ всякихъ ограниченій. Швейцарія, сказано было далѣе въ инструкціи г. Керну, не можетъ въ офиціальномъ актѣ признать за прусскимъ королемъ титулъ князя Нешательскаго и Валанженскаго, хотя и не можетъ препятствовать ему носить этотъ титулъ безъ офиціального признанія съ ея стороны; какъ частная собственность всякаго лица, частная собственность короля прусскаго, будетъ признаваема и охраняема на законномъ основаніи; но государственныя имущества и доходы, которыми пользовался король прусскій, какъ *государь*, не могутъ быть причислены къ частнымъ его имуществамъ; учрежденія благотворительныя и церковныя сохраняютъ свое первоначальное назначеніе, при чемъ устраняется всякое вмѣшательство Пруссіи во внутреннія дѣла кантона; старинныя сословныя учрежденія кантона отмѣняются; денежное вознагражденіе не можетъ быть допущено; если соберется конференція великихъ державъ, то уполномоченный долженъ изъяснить желаніе Швейцаріи участвовать въ этой конференціи; онъ обязанъ также объявить, что признаетъ за конференціею лишь право посредничества, а не характеръ

верховнаго судилища, окончательно рѣшающаго спорный вопросъ, и протестовать противъ всякихъ переговоровъ, при которыхъ главною цѣлю не будетъ признаніе независимости Нефшательскаго кантона. Наконецъ, швейцарскому уполномоченному формально вѣдѣлось въ обязанность не уклоняться отъ вышеизложенныхъ инструкцій безъ особаго разрѣшенія со стороны союзнаго правительства. Такъ какъ еще во время прежнихъ международныхъ совѣщаній, обозначились сомнительные пункты, замедлившіе разрѣшеніе нефшательскаго дѣла, въ особенности по вопросу о государственныхъ имуществахъ и сословныхъ отношеніяхъ кантона, то швейцарскій уполномоченный посватилъ обзорѣнію этого вопроса особую записку, представленную потомъ конференціи. Государственныя имущества, приносящія доходъ не государю, а государству, естественно должны оставаться собственности страны, и не могутъ быть причислены къ частной собственности государя; точно также старинныя сословныя корпорации, еще прежде упраздненныя самимъ кантономъ и не согласныя съ существующимъ въ Швейцаріи порядкомъ вещей, должны быть упразднены. Таково было содержаніе дополнительной записки къ инструкціямъ швейцарскаго правительства.

Первое засѣданіе конференціи, какъ извѣстно, происходило 5-го марта. Въ немъ участвовали представители Англій, Франціи, Россіи и Австріи, признавшіе единогласно, что нефшательскій вопросъ представляетъ постоянную опасность для спокойствія Европы, и что опасность эта можетъ быть устранена лишь согласіемъ прусскаго короля отказаться отъ правъ на Нефшательское княжество. Рѣшено было пригласить уполномоченнаго Пруссіи къ слѣдующему засѣданію и сообщить ему заключеніе конференціи. Это и было исполнено; но во второмъ засѣданіи конференціи, 7-го марта, уполномоченный Пруссіи объявилъ, что долженъ потребовать инструкцій отъ своего правительства. Условія, на которыхъ Пруссія соглашалась признать независимость Нефшательскаго кантона, были предъявлены имъ въ третьемъ засѣданіи, 24-го марта. Эти условія были слѣдующія: прусскіе короли сохраняютъ титулъ князя Нефшательскаго и Валанженскаго; Швейцарія принимаетъ на себя всѣ расходы, причиненныя сентябрьскими волненіями, за исключеніемъ тѣхъ суммъ, которыя по закону падаютъ на каждый кантонъ и которыя должны быть распределены равномѣрно между жителями Нефшательскаго кантона; участвовавшіе въ сентябрьскихъ волненіяхъ освобождаются отъ всякихъ процессовъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе этихъ волненій; Швейцарія заплатитъ королю прусскому два милліона франковъ, какъ выкупъ доходовъ, ежегодно доставляемыхъ кантономъ своему государю, и сумма эта падетъ на всю Швейцарію, а не на одинъ Нефшательскій кантонъ; церковныя имущества, присоединенныя къ государственнымъ въ 1848 году, должны быть возвращены перво-

начальному своему назначенію; государство обязуется признавать неприкосновенными капиталы и доходы благотворительныхъ учреждений кантона, и провозгласить полную амнистію за всѣ политическіе и военные проступки, состоящіе въ связи съ послѣдними событіями; пренія о невшательской конституціи должны быть отложены на годъ, или по крайней мѣрѣ на шесть мѣсяцевъ; притомъ въ этихъ преніяхъ должны участвовать только природные Невшателльцы.

Выслушавъ эти условія, конференція пригласила швейцарскаго уполномоченнаго въ четвертое засѣданіе. Въ отвѣтъ своемъ, швейцарское правительство признало многія изъ нихъ справедливыми: относительно титула, оно повторило то же самое, что сказано было въ его инструкціяхъ г. Керну; оно согласилось принять на себя вышеупомянутые расходы, провозгласить всеобщую амнистію, признать неприкосновенность благотворительныхъ учреждений; но энергически протестовало противъ денежнаго вознагражденія въ 2 милл. фр., основываясь на томъ, что сентябрьскія волненія причинили значительные расходы Швейцаріи, и что такой выкупъ будетъ выгоденъ отнюдь не для всего Союза, а только для Невшательскаго кантона, который, до 1848 года, платилъ проценты съ требуемаго капитала; въ заключеніе, швейцарское правительство ссылалось на политическія обстоятельства, требующія окончательнаго присоединенія этого кантона къ Швейцаріи, и на то, что такъ-называемый королевскій доходъ и прежде употреблялся почти исключительно въ пользу кантона. Швейцарія отказалась также согласиться на условіе относительно церковныхъ имуществъ, считая этотъ пунктъ равносильнымъ вмѣшательству во внутреннія дѣла кантона. Наконецъ, она отвергла ограниченное условіе о пересмотрѣ невшательской конституціи. Союзная конституція, говорилъ швейцарскій уполномоченный, предоставляетъ каждому швейцарскому гражданину право участвовать въ политическихъ дѣлахъ какъ всего Союза, такъ и того кантона, въ которомъ онъ живетъ; слѣдовательно, предоставленіе однимъ невшательскимъ уроженцамъ права участвовать въ пересмотрѣ конституціи кантона было бы нарушеніемъ основныхъ законовъ государства; сверхъ того, въ невшательской конституціи 1848 года сказано, что она *можетъ*, а не *должна* быть пересмотрѣна по прошествіи девяти лѣтъ; но если кантонъ законнымъ образомъ изъявитъ желаніе, чтобы конституція его подверглась пересмотру, то и тогда пересмотръ послѣдуетъ не раньше года; слѣдовательно, требованіе Пруссіи, нарушая самостоятельность кантона, въ сущности излишне.

Пятое и шестое засѣданія (31-го марта и 1-го апрѣля) конференціи были посвящены обсужденію условій, предъявленныхъ Пруссіею и Швейцаріею; результатомъ этихъ совѣщаній былъ проектъ соглашенія, составленный уполномоченными посредничающими дер-

жавъ и сообщенный уполномоченнымъ Пруссіи и Швейцаріи въ седьмомъ засѣданіи конференціи, 20-го апрѣля. Швейцарскій уполномоченный отправился съ этимъ проектомъ въ Бернъ, гдѣ проектъ подвергся подробному разсмотрѣнію со стороны швейцарскаго правительства, предварительно освѣдомившагося о мнѣніи правительства Неѣшательскаго кантона. Это мнѣніе сообщено было особою депутаціею и оказалось въ пользу проекта, составленнаго парижскою конференціею. Депутація представила лишь нѣсколько неважныхъ замѣчаній, которыя не могли послужить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отвергнуть проектъ соглашенія. Тогда швейцарскому уполномоченному разрѣшено было одобрить проектъ, если Пруссія, съ своей стороны, сдѣлаетъ то же самое. Уполномоченный Пруссіи объявилъ въ восьмомъ засѣданіи конференціи, 26-го мая, что король прусскій также одобряетъ проектъ трактата. Въ томъ же засѣданіи условлено, что ратификація должна послѣдовать не позже 16-го іюня.

Считаемъ нелишнимъ изложить здѣсь содержаніе трактата, по возможности придерживаясь посланія швейцарскаго правительства къ сейму.

Во введеніи повторенъ протоколъ перваго засѣданія конференціи, то-есть сказано, что неѣшательскій вопросъ можетъ нарушить спокойствіе Европы, и что лучшимъ средствомъ устранить опасность признается отреченіе короля прусскаго отъ предоставленныхъ ему трактатами правъ.

Статьи 1-я и 2-я подтверждаютъ отреченіе короля прусскаго и, какъ послѣдствіе этого отреченія, независимость Неѣшательскаго кантона, уравнинаго съ другими швейцарскими кантонами.

Статья 3-я постановляетъ, что всѣ расходы, причиненные сентябрьскими событіями, падаютъ на Швейцарію. По этому пункту, предложеніе Пруссіи одержало верхъ надъ предложеніемъ Швейцаріи. Последняя желала, чтобы расходы эти были покрыты однимъ Неѣшательскимъ кантономъ, между тѣмъ какъ Пруссія требовала, чтобы расходы пали на всю Швейцарію. Они причинены почти исключительно приведеніемъ войскъ въ военное положеніе, въ прошломъ декабрѣ и январѣ, союзнымъ займомъ, военнымъ занятіемъ Неѣшательскаго кантона и уголовными процессами, всего около 4 милл. франковъ.

Въ силу 4-й статьи, та часть этой суммы, которая придется на долю Неѣшательскаго кантона, должна быть распределена между всеми жителями, и не можетъ пасть на одно какое-нибудь сословіе или на одинъ какой-нибудь разрядъ лицъ.

Статья 5-я касается амнистіи, распространенной не только на Швейцарцевъ, но и на иностранцевъ, на виновныхъ въ политическихъ проступкахъ, предшествовавшихъ сентябрьскимъ событіямъ, и на военныхъ.

6-ю статьею постановлено, что *доходы* съ церковныхъ имуществъ,

присоединенныхъ къ государственнымъ въ 1848 году, не должны быть отвлекаемы отъ первоначальнаго своего назначенія. Требования, предъявленные прусскимъ уполномоченнымъ на парижской конференціи, были значительнѣе. Пруссія желала возвращенія самыхъ имуществъ, установленія для нихъ особой полу-церковной администраціи; но конференція, принимая въ соображеніе желанія Швейцаріи, рѣшила иначе: въ трактатѣ упоминается лишь о доходѣ съ церковныхъ имуществъ, между тѣмъ какъ управленіе послѣдними остается въ рукахъ правительства. Въ 1848 году, церковныя имущества Нешатальскаго кантона, цѣною отъ 800 тыс. до 1 милл. франк., были присоединены къ государственнымъ. Доходы, съ нихъ получаемые, — отъ 50 до 60,000 фр. — недостаточны на содержаніе духовенства, и государство употребляетъ на этотъ предметъ болѣе значительную сумму; слѣдовательно, ему все равно, употреблять ли доходы съ бывшихъ церковныхъ имуществъ согласно съ ихъ первоначальнымъ назначеніемъ, или присвоить ихъ себѣ, расходуя государственныя суммы на содержаніе церкви. Въ случаѣ совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства, послѣднее все-таки обязано будетъ употреблять на содержаніе первой сумму, равную доходу съ бывшихъ церковныхъ имуществъ, присоединенныхъ въ 1848 году къ государственнымъ.

Статья 7-я обратила на себя особенное вниманіе общественнаго мнѣнія въ Швейцаріи. Въ этой статьѣ сказано, что капиталы и доходы благотворительныхъ учреждений, и вообще имущества, завѣщанныя частными лицами для благотворительныхъ цѣлей, признаются неприкосновенными и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть употреблены помимо своего назначенія. Благотворительныя учрежденія Нешатальскаго кантона суть учрежденія частныя, вовсе не зависящія отъ государства и пользующіяся, наравнѣ со всѣми другими частными заведеніями, покровительствомъ законовъ. Они управляются по волѣ основателей, и 7-я статья трактата только подтверждаетъ за ними тѣ права, которыми они пользовались бы и безъ этого.

Въ проектѣ трактата особая статья была посвящена тому условію, по которому Швейцарія обязалась уплатить Пруссіи денежное вознагражденіе. Пруссія, какъ извѣстно, требовала сначала 2 милл. фр.; Швейцарія, съ своей стороны, отвергала это условіе; но получивъ удовлетвореніе по нѣкоторымъ другимъ, болѣе важнымъ для нея пунктамъ спорнаго вопроса, и принимая въ соображеніе, что конференція, по вниманію къ ней, уменьшила требуемую сумму на половину, она должна была уступить и обязалась уплатить Пруссіи 1 милл. фр. «Это мнѣніе», сказано въ посланіи швейцарскаго правительства къ сейму, «раздѣляли державы, дружественное расположеніе которыхъ къ Швейцаріи не подлежитъ сомнѣнію.» Впрочемъ, Пруссія также не приписывала большой важности этому

пункту. Прусское правительство, разсматривая проект соглашения, составленный парижскою конференціею, вызвалось отказаться отъ денежнаго вознагражденія, если Швейцарія согласится принять первоначальныя требованія его относительно пересмотра нештательской конституціи или управления бывшими церковными имуществами. Пруссія не могла быть довольна готовностію Швейцаріи уплатить 1 милл. фр., когда швейцарскіе журналы, а въ послѣдствіи и самое правительство, объявляли во всеуслышаніе, что Швейцарія подчиняетъ матеріальныя, денежныя соображенія другимъ, высшимъ видамъ. Пруссія попыталась подарить Швейцаріи обѣщанный послѣднею милліонъ франковъ, но не успѣла въ этомъ: Швейцарія не согласилась на дальнѣйшія измѣненія въ трактатѣ. Вотъ почему, въ упомянутомъ нами восьмомъ засѣданіи конференціи (26-го мая) прусскій уполномоченный объявилъ, что государь его отказывается отъ всякаго денежнаго вознагражденія, и желаетъ, чтобы статья эта была исключена изъ трактата.

Въ заключеніе присоединимъ, что союзный сеймъ, какъ власть законодательная, также одобрилъ проектъ трактата, и что ратификаціи послѣдняго размѣнены въ Парижѣ 16-го іюня.

Въ Парижѣ ожидаютъ также новаго засѣданія конференціи по восточному вопросу, которое должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени. Конференціи предстоитъ занести въ протоколъ результатъ трудовъ международной комиссіи, опредѣлившей на мѣстѣ новую пограничную черту между Россіею и Турціей въ Бессарабіи. Извѣстно, что въ силу парижскаго трактата, новая граница должна быть признана и гарантирована державами, участвовавшими въ заключеніи этого акта.

Этимъ мы могли бы покончить общую часть нашего обозрѣнія, еслибы на насъ не лежала обязанность вести по возможности полную лѣтопись текущимъ событіямъ. Эта обязанность заставляетъ насъ упомянуть, въ нѣсколькихъ словахъ, о другихъ текущихъ вопросахъ. Англія намѣревается тотчасъ приступить къ уплатѣ приходящейся на ея долю выкупной суммы за отиѣну зундскихъ пошлинъ, то-есть не менѣе 7,032,538 р. сер., благодаря тому счастливому обстоятельству, что государственные доходы ея превышаютъ расходъ. Англіи удалось также окончательно уладить дѣла съ персидскимъ правительствомъ, которое успѣло ратификовать уже извѣстный нашимъ читателямъ трактатъ, заключенный въ Парижѣ 4-го марта, и принимаетъ британское посольство съ извиненіями и почестями, подробно опредѣленными въ особой, дополнительной конвенціи. Что касается разногласій между Англіею и Соединенными Штатами по дѣламъ Центральной Америки, они пока остаются въ полной силѣ. Считаеиъ нелишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, что занятіе Англіею острововъ Бухты, лежащихъ близъ Гондурасскаго берега, по мнѣнію Со-

единенныхъ Штатовъ несогласно съ буквой и духомъ Клейтонъ-Бульверова трактата. Чтобы устранить эту причину разногласія, заключена была прошлою осенью особая конвенція между Англіею и Гондурасскою республикой, и въ этой конвенціи острова Бухты уступлены Англіею въ пользу Гондураса. Уступка сдѣлана на извѣстныхъ условіяхъ; кромѣ статьи, упрочивающей политическія права англійскихъ подданныхъ, проживающихъ на островахъ Бухты, въ конвенцію включено условіе, по которому правительство Гондурасской республики обязуется на передавать уступленныхъ острововъ никакой другой державѣ, и не дозволить невольничества на островахъ, гдѣ учрежденіе это и не существовало досель. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда начались между Англіею и Соединенными Штатами переговоры, результатомъ которыхъ былъ Кларендонъ-Далласовъ трактатъ. Въ этомъ актѣ говорится и о вышеупомянутой конвенціи, и объ договаривающихся стороны, Англія и Соединенные Штаты, особою статью обязались признавать независимость и права острововъ Бухты, объявленныхъ свободною территоріей, входящею въ составъ Гондурасской республики. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, которому принадлежитъ право утверждать и отвергать трактаты, заключенные исполнительною властію, предложилъ измѣнить статью Кларендонъ-Далласова трактата объ островахъ Бухты, въ томъ смыслѣ, что объ договаривающихся стороны (Англія и Соединенные Штаты) могутъ признавать независимость острововъ Бухты, не стѣсняясь конвенціей, состоявшеюся въ прошломъ году между Англіею и Гондурасомъ. Такое измѣненіе могло имѣть своимъ послѣдствіемъ передачу острововъ Бухты Соединеннымъ Штатамъ, по взаимному соглашенію между вашингтонскимъ кабинетомъ и гондурасскимъ правительствомъ, между тѣмъ, какъ въ конвенціи прямо выражено, что гондурасское правительство обязывается не передавать никому уступаемыхъ острововъ; наконецъ — но это уже отдаленное послѣдствіе измѣненія, предложеннаго сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ, — на островахъ можетъ быть введено невольничество, учрежденіе, повсемѣстно преслѣдуемое Англіею. Британское правительство отвергло предложенное американскимъ сенатомъ измѣненіе, и это обстоятельство возбудило новые переговоры, о ходѣ которыхъ еще ничего не извѣстно въ Европѣ.

Центральная Америка не даромъ обращаетъ на себя усиленное вниманіе какъ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, такъ и многихъ другихъ государствъ. Съ каждымъ годомъ она пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе важности, какъ средство сообщенія между двумя океанами: Атлантическимъ и Тихимъ. Понятно, что Соединенные Штаты, наиболѣе заинтересованные въ безопасности и правильности сообщеній черезъ Панамскій перешеекъ, грозно повели уже извѣстное нашимъ читателямъ дѣло съ Новою Гранадою. Къ счастью для этой слабой

республики, во время разрыва между нею и Соединенными Штатами пришлось выборы, и новый президентъ ея успѣшилъ уладить дѣло, представивъ законодательному собранію проектъ закона, уполномочивающій его заключить трактаты съ Англією, Францією, Соединенными Штатами и Сардиніей, на слѣдующихъ основаніяхъ: Панамскій перешеекъ, нынѣ входящій въ составъ Ново-Гранадской республики, отнынѣ признается совершенно независимымъ штатомъ, открытымъ для торговли всѣхъ націй, за поручительствомъ договаривающихся сторонъ; къ новому штату присоединяется нѣсколько острововъ на обоихъ океанахъ; договаривающіяся стороны могутъ имѣть свои сторожевые посты, на панамской желѣзной дорогѣ и на всякомъ другомъ пути сообщенія между двумя океанами, подъ условіемъ ежегодно платить опредѣленную сумму новому штату: Англія и Соединенные Штаты платятъ по 50,000 долларовъ, Франція и Сардинія по 25,000 долларовъ, и только правительство Новой Гранады освобождается отъ всякой платы; сверхъ того, опредѣлена плата за пересылку писемъ и журналовъ; компанія желѣзной дороги также платитъ новому штату 50,000 долларовъ ежегодно.

Этимъ проектомъ, который уже одобренъ законодательнымъ собраніемъ Новой Гранады, дѣло, вѣроятно, кончится къ общему удовольствію договаривающихся сторонъ. Новый штатъ, въ сущности, получаетъ характеръ нейтральной территоріи, устраняющей притязаніе одного какого-либо государства на исключительное обладаніе однимъ изъ важнѣйшихъ путей сообщенія въ мірѣ. Въ настоящее время, агентъ ново-гранадскаго правительства находится въ Вашингтонѣ, гдѣ происходятъ окончательные переговоры по изложенному нами дѣлу.

Въ другихъ частяхъ Центральной Америки, по возможности отстаивающихъ свою независимость, также водворяется спокойствіе, по крайней мѣрѣ временно. Американскіе флибустьеры, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вторгнувшіеся въ штатъ Никарагуа, подъ начальствомъ Вокера, проиграли дѣло. Составившійся противъ нихъ союзъ штатовъ Центральной Америки выслалъ армию, правда, незначительную, но достаточную для противодѣйствія нѣсколькимъ сотнямъ смѣлыхъ Американцевъ. Вокеръ съ своими спутниками принужденъ былъ сѣсть на американскій фрегатъ и возвратиться въ Соединенные Штаты. По послѣднимъ извѣстіямъ, прибытіе его въ Новый Орлеанъ (27-го мая) возбудило общій восторгъ; тысячи народа встрѣтили его за городомъ и торжественно проводили до самой его квартиры. Отвѣчая на восторженные клики толпы, онъ имѣлъ смѣлость увѣрить, что «побѣда его несомнѣнна», вѣроятно, намекая на возможность новой экспедиціи. Какъ бы то ни было, первая попытка его не удалась, и генералъ Мора, начальствующій союзными

силами Центральной Америки, уже объявилъ во всенародное извѣстіе о возстановленіи прежняго порядка вещей.

Не можемъ умолчать въ нашемъ обзорѣни о новыхъ успѣхахъ японскаго правительства на пути къ сближенію съ другими народами. Въ первыхъ числахъ іюня, въ офиціальному журналѣ нидерландскаго министерства, обнародовано обширное донесеніе, представленное королю министрами колоній и иностранныхъ дѣлъ, о японскихъ дѣлахъ. Къ донесенію приложены *пятнадцать* дополнительныхъ статей къ трактату, заключенному между Японією и Нидерландами 30-го января 1856 года. Статьи эти касаются, между прочимъ, свободы вѣроисповѣданія, предоставляемой Нидерландцамъ; обычай святотатственнаго попиранія креста ногами отмѣняется; нидерландской торговлѣ данъ доступъ во всѣ открытые порты, гдѣ они могутъ продавать свои товары и покупать японскіе; Нидерландцамъ дозволено также привозить въ японскіе порты, открытые для европейской торговли, своихъ женъ и дѣтей; японское правительство согласилось даже допустить привозъ иностранной монеты и вывозъ японской, и выговорило себѣ право взимать умѣренныя пошлины съ привозимыхъ, вывозимыхъ и транзитныхъ товаровъ. Уравнивая положеніе всѣхъ иностранцевъ въ Японіи, тамошнее правительство объявило о своей готовности заключить трактаты со всѣми желающими того государствами. До послѣдняго времени Нидерландцы пользовались особеннымъ довѣріемъ японскаго правительства и особенными льготами въ Японіи. Нынѣ такое привилегированное положеніе едва ли возможно: вспомнимъ, что какъ въ русскомъ, такъ и въ американскомъ трактатѣ выговорено право пользоваться всѣми правами наиболее благопріятствуемыхъ націй. Новыя уступки японскаго правительства въ пользу подданныхъ одного государства должны быть распространены на подданныхъ другихъ государствъ, а этимъ путемъ скорѣе будетъ достигнуто давно желанное сближеніе Японіи съ остальнымъ міромъ.

Послѣднія двѣ недѣли ознаменованы обнародованіемъ новыхъ милостей Государя Императора. Въ Высочайшихъ указахъ 15 мая правительствующему сенату изображено: 1) осужденному по приговору верховнаго уголовного суда 13 іюля 1826 г. и получившему въ день коронованія разрѣшеніе возвратиться изъ-за границы, бывшему дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Тургеневу, вновь даровано потомственное дворянство, только безъ правъ на прежнее имущество, и возвращены прежніе чины и ордена;

2) лишенному по приговору генералъ-аудиторіата 19 декабря 1849 г. правъ состоянія и нынѣ дослужившемуся до офицерскаго чина, прапорщику Константину Тимковскому, дарованы прежнія права состоянія.

Государь Императоръ, рассмотрѣвъ различныя мнѣнія государственнаго совѣта о срокѣ пребыванія русскихъ подданныхъ за границею, высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) срокъ дозволеннаго пребыванія за границею назначается пятилѣтній; 2) лица, уволенные въ чужіе края и желающія остаться тамъ болѣе срока, обращаются съ просьбами объ отсрочкѣ къ тѣмъ начальникамъ губерній, отъ которыхъ получили паспорта. Разрѣшеніе этихъ просьбъ предоставлено усмотрѣнію самихъ начальниковъ губерній.

Въ Англи засѣданія парламента въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль были сначала исключительно посвящены вопросамъ внутренней реформы, но вскорѣ внѣшнія дѣла и смуты, возникшія въ Индіи, отчасти отвлекли отъ нихъ вниманіе. Билль о разводѣ наконецъ состоялся послѣ довольно продолжительныхъ преній. Въ предыдущемъ обзорѣни, вслѣдствіе неполныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ англійскими журналами, нѣкоторыя обстоятельства были приведены нами не совсемъ вѣрно. Вотъ настоящій ходъ преній въ верхней палатѣ: Въ первомъ засѣданіи были предложены два измѣненія въ проектъ новаго закона. Одно изъ нихъ было составлено архіепископомъ кантарберійскимъ, другое епископомъ оксфордскимъ. Измѣненіе, предложенное первымъ, состояло въ запрещеніи вступать въ новый бракъ тому изъ супруговъ, котораго дѣйствія вынудятъ просьбу о разводѣ. Напротивъ, тотъ супругъ, который, обвиняя другаго, просилъ развода, сохраняетъ, если жалоба будетъ найдена справедливою, право вступать въ новый бракъ. Это—то предложеніе и было принято палатою лордовъ. Епископъ оксфордскій требовалъ безусловнаго запрещенія обоимъ супругамъ вступать въ новый бракъ послѣ развода. Палата единодушно отвергла это измѣненіе, въ пользу болѣе мягкаго, предложеннаго архіепископомъ кантарберійскимъ. Во второмъ засѣданіи епископъ оксфордскій возобновилъ свое предложеніе въ другой формѣ. вмѣсто формальнаго запрещенія онъ предлагалъ только предоставить духовенству отказывать разведеннымъ лицамъ въ благословеніи новыхъ браковъ, какъ въ дѣлѣ, несогласномъ съ ихъ совѣстію. Въ сущности это все то же, что и формальное запрещеніе, потому что въ Англии такъ-называемый гражданскій бракъ не существуетъ. Одно духовенство имѣетъ право совершать бракосочетаніе; слѣдовательно, въ случаѣ его отказа, бракъ былъ бы невозможенъ. При такой мѣрѣ новый законъ не имѣлъ бы никакого значенія. Духовенство могло бы, по произволу, стѣснять ту свободу развода, которую новый билль беретъ подъ свое покровительство. Верхняя палата не захотѣла впасть въ подобное противорѣ-

чіе сама съ собою, и большинствомъ 78 голосовъ противъ 26 отвергла это измѣненіе и въ его новой формѣ. Нѣсколько предложенныхъ измѣненій въ законъ о наказаніяхъ за нарушеніе супружеской вѣрности были утверждены палатою. Такъ было принято предложеніе, сдѣланное лордомъ канцлеромъ, о томъ, чтобы за прелюбодѣаніе обвиненный и его сообщница были присуждаемы къ уплатѣ денежнаго штрафа въ 10,000 ф. стерл. (62,000 р. сер.). Предложеніе епископа оксфордскаго о наказаніи въ особенно важныхъ случаяхъ тюремнымъ заключеніемъ было тоже принято.

Другой важный вопросъ, поднятый въ парламентѣ, но не получившій теперь рѣшенія, касался самой существенной стороны избирательной реформы. Г. Кингъ предложилъ уничтожить поземельный цензъ, существующій для членовъ нижней палаты. Это предложеніе было встрѣчено сильнымъ сопротивленіемъ. Не входя въ обсужденіе новой мѣры, многіе изъ представителей отвергали самое допущеніе преній о ней, на томъ основаніи, что вопросъ объ избирательной реформѣ отсроченъ до слѣдующихъ засѣданій парламента. Г. Кингъ возразилъ на это, что его предложеніе имѣетъ точно такое же значеніе, какъ билль о присягѣ, то-есть, касается не избирателей, а избранныхъ, и потому можетъ быть рассмотрѣно и въ настоящее время. Не смотря на это возраженіе, билль его былъ отвергнутъ большинствомъ 204 голосовъ противъ 145.

Билль о присягѣ еще не былъ рассмотрѣнъ. Если Евреи смотрятъ на него съ радостнымъ ожиданіемъ, то въ католикахъ, напротивъ того, онъ возбудилъ сильное неудовольствіе. Въ новой формѣ, составленной лордомъ Пальмерстономъ, сохранено отреченіе отъ господства папы. Вслѣдствіе этого, депутація католиковъ, подъ предводительствомъ герцога Норфолка, требовала отъ лорда Пальмерстона, чтобъ онъ измѣнилъ это мѣсто присяги согласно съ ихъ желаніемъ. Первый министръ положительно отказалъ имъ въ этомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что всякое измѣненіе въ билль въ пользу католиковъ не расположитъ къ нему шотландскихъ депутатовъ и диссидентовъ. Не успѣвъ у главы кабинета, католики намѣрены поддерживать свое требованіе въ парламентѣ.

Въ послѣднее время вниманіе парламента было сильно возбуждено извѣстіями о возмущеніи сипаевъ въ Индіи. Извѣстно, что такъ называются полки, сформированные изъ туземцевъ, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Мѣсяцъ тому назадъ, мы говорили о волненіяхъ между ними по поводу одного незначительнаго обстоятельства. Сипаямъ были розданы патроны, обмазанные саломъ. Прикосновеніе къ нему считается оскверненіемъ, по религіознымъ понятіямъ Индѣйцевъ. Поэтому распоряженіе начальства возбудило между ними сильное неудовольствіе и было тотчасъ отмѣнено. Тогда это происшествіе не казалось важнымъ, но теперь почти каждая почта привозитъ но-

выя извѣстія о возстаніи сипаевъ , извѣстія , волнующія парламентъ и общество. Повидимому , возстаніе не было вызвано случайнымъ обстоятельствомъ , но цѣлою системой управленія , господствующею въ Остѣ-Индской компаніи. Мадрасъ , Бомбей , Калькутта и другіе важные пункты пострадали отъ возмущенія , сопровождавшагося поджигательствомъ. Причиной бунта почитаютъ вмѣшательство Англичанъ въ религиозные обряды Индѣйцевъ. Кажется , генералъ-губернаторы Остѣ-Индіи слишкомъ усердно принялись за протестантскую пропаганду. « Все что происходитъ въ Индіи , говоритъ Times , должно производить тяжелое впечатлѣніе на подозрительный духъ Индѣйца. Вся окружающая его среда измѣняется. Сотни людей переносятся въ одинъ часъ времени на такое разстояніе , куда прежде надобно было ѣхать цѣлый день. Открываются школы , гдѣ учатъ дѣтей его почитать за ложь и вѣдѣность все , что они прежде знали , и признавать за истину только мудрость Европейцевъ. Онъ не можетъ скрыть отъ себя , что рано или поздно новое ученіе одержитъ верхъ. Въ то же время толпы проповѣдниковъ говорятъ , что религія Индусовъ столь же ложная , какъ и ихъ наука. Все это кажется туземцу новымъ шагомъ въ такомъ направленіи , которое оскорбляетъ его гордость и его убѣжденія. » Times видитъ въ возстаніи сипаевъ послѣднія усилія фанатизма , но едва ли причина его заключается въ одномъ естественномъ сопротивленіи европейской цивилизации , въ одной привязанности къ прежнимъ обычаямъ и понятіямъ. Уже давно раздаются жалобы на управленіе Индіей. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые изъ государственныхъ людей Англіи предсказывали , что результатомъ господствующей тамъ системы будетъ общее нерасположеніе края , которое рано или поздно можетъ поколебать тамъ англійское владычество. Въ преніяхъ , возбужденныхъ въ обѣихъ палатахъ послѣдними извѣстіями , эти опасенія высказались снова. Въ верхней палатѣ лордъ Элленборо особенно напалъ на вмѣшательство остѣ-индскаго генералъ-губернатора въ пропаганду. Нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ принимаютъ участіе въ дѣятельности миссіонеровъ ; самъ лордъ Каннингъ—непремѣнный подписчикъ всѣхъ обществъ для обращенія Индусовъ. Въ нижней палатѣ подвергли осужденію не одни дѣйствія администраціи въ пользу пропаганды , но также злоупотребленія остѣ-индской полиціи и уголовного судопроизводства : одинъ изъ представителей прямо говорилъ о притѣсненіяхъ , которымъ подвергаются туземцы , и ссымался на свидѣтельство миссіонеровъ. Кабинетъ и его приверженцы называли эти слухи преувеличенными , но , по отсутствію точныхъ извѣстій , положеніе Индіи не было объяснено министерствомъ.

Любопытны свѣдѣнія , сообщаемыя журналами о внѣшней торговлѣ Англіи въ первые четыре мѣсяца нынѣшняго года. Въ это время отпускъ товаровъ простирался до суммы 38,813,337 ф. стерл. Эта

цифра почти на 5 милл. ф. стерл. выше суммы отпуска въ соотвѣтствующихъ мѣсяцахъ 1855 года, который однако одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ годовъ для англійской торговли. Статистическія свѣдѣнія о торговомъ движеніи обогатились въ послѣднее время новымъ усовершенствованіемъ. Таблицы отпуска товаровъ въ апрѣлѣ составлены по государствамъ. Такимъ образомъ изъ нихъ можно видѣть, куда, какіе товары и въ какомъ количествѣ отправляетъ Англія.

Во Франціи, въ послѣднее время, внутреннія дѣла представляли особенный интересъ, вслѣдствіе наступающихъ выборовъ. При этомъ случаѣ, какъ и вообще, всего болѣе дѣйствовало правительство. Между тѣмъ, какъ партіи медленно принимались дѣйствовать на пользу своихъ кандидатовъ, правительство съ самаго начала показывало особенное вниманіе къ выборамъ. Немедленно по изданіи декрета, министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Бильйо, разослалъ циркуляръ къ префектамъ. Вотъ содержаніе этого циркуляра: Правительство жаждетъ свободнаго выраженія народной воли. Поэтому всѣ мѣры для обезпеченія свободной подачи голосовъ имъ приняты. Избирательные списки составлены на самомъ широкомъ основаніи: 9,521,220 гражданъ внесены въ нихъ. Подача голосовъ будетъ тайная, счетъ ихъ будетъ произведенъ публично, чѣмъ обезпечивается точность и независимость выборовъ. Но при такомъ обезпеченіи для каждаго гражданина въ свободномъ выраженіи своего предпочтенія, правительство не можетъ одно оставаться нѣмымъ и равнодушнымъ. Оно откровенно скажетъ странѣ, какія имена пользуются его довѣріемъ и, по его мнѣнію, заслуживаютъ также довѣріе всего народонаселенія. Оно предложитъ кандидатовъ въ представители точно такъ же, какъ предлагаетъ законы депутатамъ. Множество людей, извѣстныхъ своими заслугами и преданностію царствующей династіи, ищутъ официальной кандидатуры, но правительство, говоритъ г. Бильйо, не можетъ забыть тѣхъ словъ тронной рѣчи, въ которыхъ императоръ благодарилъ членовъ послѣдняго законодательнаго сословія за ревностное содѣйствіе правительству во всѣхъ мѣрахъ его ко благу Франціи. Въ этихъ словахъ императоръ свидѣтельствуетъ о цѣлыхъ шести годахъ преданности. Поэтому, кромѣ немногихъ исключеній, вызванныхъ необходимостію, правительство предлагаетъ тѣхъ же самыхъ депутатовъ, которые уже были членами законодательнаго сословія. Въ виду официальныхъ кандидатуръ, громко объявленныхъ и поддерживаемыхъ съ рѣшительностію, всѣ противоположныя кандидатуры могутъ безпрепятственно предъавляться. Всякій кандидатъ можетъ свободно распространять свои циркуляры, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобъ одинъ экземпляръ ихъ былъ предъавленъ мѣстной власти. Ни въ какомъ еще разрѣшеніи циркуляры не нуждаются. Министръ предписываетъ префектамъ не уклоняться отъ этихъ правилъ; но если враги общественнаго спокойствія найдутъ въ свободѣ

предлогъ къ мятежному протесту противъ существующихъ учреждений, то префекты должны немедленно подавлять всякую подобную попытку. Съ другой стороны, они должны стараться, чтобы никто изъ гражданъ не уклонялся отъ подачи голоса. Въ особенности они должны призывать къ ней сельское и городское рабочее населеніе. Работники, пишетъ г. Бильйо, составляющіе широкую основу всеобщей подачи голосовъ, суть предметъ постоянной заботливости императора и всѣхъ великихъ подвиговъ, совершенныхъ имъ для государства. Работники установили имперію и сумѣютъ, въ случаѣ нужды, защитить ее. Министръ предписываетъ префектамъ, чтобъ они совѣтовали не уклоняться отъ подачи голоса даже тѣмъ изъ приверженцевъ существующаго порядка, которые вполне полагаются на своего избранника, и были бы готовы отказаться отъ всякой дѣятельности. Въ ихъ голосахъ снова выразится та народная воля, которая установила настоящее правительство. Незначительное меньшинство потонетъ въ томъ огромномъ большинствѣ, которое выразитъ свое одобреніе господствующимъ учреждениямъ.

Таково содержаніе министерскаго циркуляра. Префекты вполне отвѣчали намѣреніямъ министра внутреннихъ дѣлъ. Они дѣятельно принялись за направленіе выборовъ, разсылая циркуляры ко всѣмъ друзьямъ правительства и заботливо поддерживая официальныхъ кандидатовъ. Не менѣ хлопочутъ самые кандидаты правительства. Нѣкоторые изъ нихъ вступили въ борьбу между собою. Стремленіе ихъ попасть въ законодательное сословіе, усилія, которыя они для того употребляютъ, напоминаютъ нѣсколько лихорадочное стремленіе къ государственнымъ должностямъ, овладѣвшее Франціею послѣ переворота. Между кандидатами правительства есть даже различіе: одни называются официальными, другіе просто кандидатами правительства. Въ Корсикѣ появился даже кандидатъ самого императора. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, баронъ Маріани разослалъ по избирателямъ циркуляръ, въ которомъ, предлагая себя въ депутаты, онъ ссылается на желаніе Наполеона III, и приводитъ въ доказательство письмо его. Въ то же время кандидатуру г-на Маріани поддерживаетъ докторъ Конно, бывшій медикомъ Лудовика-Наполеона во время заключенія его въ Гамбъ. Докторъ Конно написалъ въ Корсику письмо къ одному изъ своихъ родственниковъ, прося его поддерживать барона Маріани и заботиться о доставленіи ему значительнаго большинства. Кандидатъ императора, говоритъ г. Конно, долженъ по возможности быть выбранъ единогласно: этимъ Корсика, колыбель императорскаго дома, докажетъ передъ Франціей свою преданность династіи.

Заботливость правительства понятна, хотя можетъ-быть нѣсколько преувеличена. Оно ишетъ въ выборахъ новой манифестаціи въ свою пользу. Столь же понятна равнодушная дѣятельность оппозиционныхъ партій. Франція еще не оправилась отъ тѣхъ смуть, кото-

рия заставили ее признать переворотъ 2-го декабря. Въ этомъ ея положеніи заключается главная сила императорскаго правительства. Вожди партій сознаютъ это и хотя считаютъ своимъ долгомъ не уклоняться отъ выборовъ, однако дѣйствуютъ безъ большой энергіи. *Journal des Débats*, постоянный органъ конституціонныхъ идей во Франціи, чрезвычайно вѣрно опредѣляетъ господствующее настроеніе умовъ. Онъ не ждетъ отъ выборовъ никакого важнаго результата и говоритъ, что было бы смѣшно, еслибъ партіи горячились посреди общаго хладнокровія всего населенія. Въ настоящихъ выборахъ онъ видитъ одну только разницу съ выборами 1852 года: съ тѣхъ поръ умы нѣсколько успокоились и, при составленіи новой палаты, избиратели не будутъ имѣть въ виду одну только потребность — поддержаніе порядка; рядомъ съ этимъ яснѣе прежняго выразятся мѣстные, особенные интересы. Тѣмъ не менѣе ни *Journal des Débats*, ни другіе либеральные журналы не совѣтуютъ своимъ приверженцамъ оставаться въ бездѣйствіи. Роль депутатовъ этой партіи будетъ незавидная. Она не доставитъ имъ ни славы, ни удовольствія; но за то они исполнятъ свой долгъ и будутъ наготовѣ. Вѣрная этой программѣ, оппозиція въ самомъ дѣлѣ отличается теперь меньшимъ бездѣйствіемъ, чѣмъ въ прошлые года. Въ Парижѣ составился избирательный комитетъ демократической партіи, который тоже разослалъ циркуляръ ко всѣмъ ея членамъ. Циркуляръ отличается умѣренностію. Комитетъ указываетъ на необходимость участія въ выборахъ для поддержанія падающихъ убѣжденій, и выражаетъ свое участіе къ праву всеобщей подачи голосовъ. Въ дѣйствіяхъ оппозиціи въ вышнемъ году замѣтно болѣе единства, чѣмъ прежде. Носились слухи о сближеніи орлеанской партіи съ республиканскою. Попытки были сдѣланы со стороны послѣдней, но рѣшительнаго результата онѣ не имѣли. По крайней мѣрѣ, полнаго сближенія не было. Журналъ *le Siècle* обнародовалъ списокъ кандидатовъ, между которыми есть нѣсколько орлеанистовъ, въ томъ числѣ г. Лабуле, одинъ изъ редакторовъ *Journal des Débats*. Этотъ списокъ перепечатанъ въ послѣднемъ журналѣ, но въ статьѣ, которая его сопровождаетъ, особенно рекомендуются избирателямъ только орлеанисты; объ остальныхъ кандидатахъ статья отзывается съ уваженіемъ, но намекаетъ на неполное согласіе съ ними въ убѣжденіяхъ. Между различными оттѣнками демократической партіи тоже не состоялось полнаго соглашенія. Вообще только у журналовъ *Siècle*, *Presse* и *Journal des Débats* есть общій списокъ кандидатовъ. Журналы *Estafette* и *Courrier de Paris* напечатали особые списки. Между именами кандидатовъ особенно привлекаютъ вниманіе генералъ Каваньякъ, Карно и Гудшо. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ не могутъ вступить въ законодательное сословіе, потому что для этого требуется присяга. Такъ напримѣръ, генералъ Каваньякъ

никогда не согласится присягнуть нынѣшнему правительству. Помѣщеніе его имени есть простое выраженіе сочувствія. Несмотря на неполное согласіе въ спискахъ, нельзя не считать попытокъ сближенія за фактъ чрезвычайно важный. Избирательный комитетъ имѣлъ полное право сказать въ своемъ циркулярѣ, что никогда еще въ оппозиціи не было подобнаго единства.

Походъ маршала Рандона внутрь Кабиліи увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Послѣ сраженія 23-го мая, въ которомъ потеря французскаго войска была довольно незначительна, оно овладѣло высотами горъ, въ которыхъ живетъ мятежное племя Бени-Ратеновъ. Разбитые близъ Сукъ-эль-Арбы, Бени-Ратены покорились на всѣхъ предложенныхъ имъ условіяхъ, то-есть согласились на проведеніе дороги черезъ ихъ территорію, на постройку крѣпости въ центрѣ ея и на контрибуцію въ 800 т. фр. Этотъ примѣръ благотворно подѣйствовалъ на другія племена, участвовавшія въ возстаніи, которыя тоже покорились. Не входя въ подробности военныхъ дѣйствій, не представляющихъ большаго интереса, скажемъ, почему для Франціи такъ важно покореніе Кабиліи. Кабилія есть дикая страна, мало извѣстная даже природнымъ Алжирцамъ. Она вся перерѣзана высокими горами, дѣлающими доступъ въ нее очень труднымъ. Населеніе Кабиліи составляютъ 360 т. жителей, раздѣляющихся на 15 совершенно независимыхъ племенъ. Эти племена соединяются другъ съ другомъ въ оборонительные и наступательные союзы, называемые *соффы*. Генералы, знающіе хорошо Алжирію, всегда видѣли въ покореніи Кабиліи единственное обезпеченіе для спокойствія цѣлой страны. Доказательствомъ, какъ мало имѣло вліянія на Кабилю близкое сосѣдство французскаго владычества, служить, между прочимъ, то, что тамъ есть цѣлыя селенія, издавна занимающіяся чеканкой фальшивой монеты и ведущія этотъ промыслъ въ полной безопасности.

По поводу Алжиріи нельзя не упомянуть о недавно изданномъ, любопытномъ докладѣ военнаго министра. Мы имѣли уже случай, въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй, говорить объ управленіи Арабами въ Алжиріи. Существенный недостатокъ этого управленія состоитъ въ слишкомъ большомъ значеніи, которое имѣетъ тамъ военная власть. Въ такъ-называемыхъ военныхъ территоріяхъ начальство постоянно старалось поддерживать племенной бытъ, который всего болѣе дѣлалъ необходимымъ военное господство. Въ теперешнемъ своемъ докладѣ министръ указываетъ на необходимость всѣми мѣрами содѣйствовать его разложенію. Это заставляетъ думать, что правительство наконецъ откажется отъ господствующей тамъ военной системы. Подобная мѣра отвѣчала бы стремленію самихъ Арабовъ. Съ нѣкотораго времени переходы съ военной на гражданскую территорію безпрестанно усиливаются между ними, — фактъ тѣмъ болѣе важный, что подобные переходы очень затруднительны. Пра-

вительство не только не содѣйствуетъ имъ, но затруднило ихъ всевозможными препятствіями. Не говоря о безчисленныхъ формальностяхъ, они соединены съ положительными невыгодами. Арабъ теряетъ при этомъ свой участокъ въ общемъ поземельномъ владѣніи племени, не приобретая никакого участка въ гражданской территоріи. Несмотря на неимѣніе собственности, онъ остается податнымъ лицомъ. Даже простая поѣздка въ гражданскую территорію соединена съ затрудненіями.

Законъ о преобразованіи банка, подававшій поводъ къ многимъ толкамъ и волненіямъ, теперь уже обнародованъ. Измѣненія, допущенныя въ первоначальномъ проектѣ, состоятъ въ 5 пунктахъ: 1) банкъ обязанъ выпустить купоны въ 50 франковъ; 2) въ трудныхъ обстоятельствахъ банку разрѣшено возвышать учетный процентъ свыше шести законныхъ; 3) государственныя ренты будутъ передаваемы банку по средней цѣнѣ послѣдняго мѣсяца до передачи, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть переданы ниже 75 франковъ; 4) проценты, уплачиваемые казною банку, въ случаѣ займа со стороны правительства, будутъ состоять изъ 3, а не 4 проц. 5) Правительство черезъ десять лѣтъ можетъ требовать открытія вспомогательныхъ банковъ.

Въ Дижонѣ происходилъ недавно любопытный процессъ между управленіемъ государственныхъ имуществъ съ одной стороны и графомъ Шамборомъ и герцогинею Пармскою съ другой стороны. Процессъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1774 году графъ д'Артуа, въ послѣдствіи Карлъ X, приобрѣлъ у маркиза Монталамбера два имѣнія, сосѣднія съ принадлежавшимъ принцу Браконнскимъ лѣсомъ. Эти имѣнія были желѣзные заводы въ Невѣ и Рюэлѣ. Лудовикъ XVI нашелъ ихъ пригодными для литья пушекъ и вымѣнялъ ихъ у брата на шампанскіе лѣса, составляющіе теперь предметъ спора. Эти лѣса единственное владѣніе старшей линіи Бурбонскаго дома и приносятъ 600 т. фр. ежегоднаго дохода. При обмѣнѣ ихъ назначены были комиссары для оцѣнки. Именно формальную правильность слѣдующей тогда оцѣнки и оспариваетъ управленіе государственныхъ имуществъ, требуя, чтобы владѣльцы лѣсовъ уплатили въ казну четвертую часть съ суммы, въ которую оцѣнены лѣса, или возвратили ихъ казнѣ. Процессъ начался еще въ 1829 году и терпѣлъ разныя измѣненія. Императорскій судъ въ Вали обвинилъ графа Шамбора и сестру его, но дижонскій трибуналъ, которому они недавно апеллировали, оправдалъ ихъ, несмотря на противное мнѣніе прокурора. Адвокаты Бурбоновъ, между которыми находится знаменитый Беррье, доказали, что документы о промѣнѣ утрачены не по винѣ принцевъ, во время июльской революціи, и что въ случаѣ уничтоженія обмѣна слѣдуетъ возвратить Бурбонскому дому его прежнее имущество. Кажется, послѣдній доводъ имѣлъ особенное вліяніе на оправданіе принцевъ.

Въ Бельгии, по прекращеніи безпокойствъ, почти всѣ города представили королю адреса съ выраженіемъ своей преданности престолу и желанія, чтобы король воспользовался въ этомъ случаѣ, для блага страны, своими конституціонными правами. 14-го іюня, въ «Монитерѣ», былъ напечатанъ докладъ совѣта министровъ королю. Упомянувъ о недавнихъ волненіяхъ, министры говорятъ, что проектъ закона, предложенный правительствомъ, имѣлъ единственною цѣлю довершеніе полезныхъ дѣйствій администраціи по части общественной благотворительности; но былъ понятъ оппозиціей въ превратномъ смыслѣ. Цѣль его, исключительно благотворительная, показала предлогомъ къ возстановленію монастырей и законовъ о выморочныхъ имѣніяхъ. Осуждая подобный взглядъ на проектъ закона, кабинетъ видитъ однако необходимость уступить общественному мнѣнію, хотя бы оно и было увлечено страстію или предрассудкомъ. Уступка тѣмъ необходимѣе, что 84 статья общиннаго закона, истолкованнаго первыми бельгійскими судьями, предоставляетъ правительству право дозволять основаніе благотворительныхъ заведеній сообразно съ волею учредителей; а съ другой стороны, законодательная власть даетъ ему всю свободу дѣйствій, чтобы подвергнуть вновь учреждаемыя заведенія надзору, который обезпечилъ бы пособіе бѣднымъ и надлежащее употребленіе доходовъ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, кабинетъ предлагаетъ совершенное распушеніе палатъ, такъ какъ продолженіе парламентскихъ преній могло бы повести къ новымъ безпокойствамъ: Король отвѣчалъ на этотъ докладъ письмомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Не входя въ разсмотрѣніе самаго проекта, король Леопольдъ замѣчаетъ, что никогда не согласился бы утвердить законъ, который бы могъ имѣть тѣ печальныя послѣдствія, какихъ опасались. Но, справедливы или нѣтъ эти опасенія, король считаетъ во всякомъ случаѣ необходимымъ уступить встревоженному общественному мнѣнію. «Во всякой мѣрѣ, говоритъ онъ, которой можетъ быть приписано стремленіе предоставить господство одному мнѣнію надъ другимъ, непремѣнно заключается опасность.» Обращаясь къ парламентскому большинству, король убѣждаетъ его вести себя, какъ слѣдуетъ великой партіи, и отказаться отъ публичнаго обсужденія закона. Этимъ оно дастъ доказательство своей мудрости и патріотизма и сохранитъ въ рядахъ своихъ тѣсный союзъ, лучший плодъ и лучшую награду полезныхъ и благородныхъ дѣйствій, произведенныхъ совокупными усиліями. Палаты были распушены.

Парламентское большинство, утративъ свою кратковременную побѣду, рѣшилось въ самомъ дѣлѣ покориться своей участи. 7-го іюня сорокъ семь членовъ правой стороны собрались у графа де-Меродъ-Ватерлоо. Формальной подачи голосовъ не было. Мнѣнія сначала раздѣлились. Одни изъ ораторовъ говорили въ пользу продолженія преній, другіе требовали взятія назадъ проекта. Окончательное рѣ-

шеніе состояло однако, въ томъ, что слѣдуетъ положиться на рѣшеніе короля. Большинство вообще склонялось къ прекращенію преній. Какъ ни мало возбуждаетъ къ себѣ сочувствія клерикальная партія, нельзя однако не отдать ей справедливости въ этомъ случаѣ. Общій духъ бельгійскихъ учрежденій и для нея не остался безъ пользы. Добиваясь владычества, она умѣетъ однако, когда нужно, преклоняться передъ конституціонными началами. Участіе, принятое духовенствомъ въ переворотѣ 1830 года, до сихъ поръ еще сохраняетъ въ немъ отчасти либеральный отпечатокъ. Оно не разрываетъ еще связи съ дорогими для Бельгіи преданіями. Чтобъ оцѣнить дѣйствія большинства въ бельгійской палатѣ, стоитъ обратить вниманіе на то впечатлѣніе, которое произведено было бельгійскими событіями на ультрамонтанскую партію во Франціи. вмѣсто того, чтобъ совѣтовать умѣренный способъ дѣйствій, главный органъ этого направленія въ Парижѣ, журналъ *l'Univers* проповѣдывалъ необходимость, для блага Бельгіи, паденія установленнаго тамъ образа правленія, въ которомъ будто бы заключалась главная причина печальныхъ происшествій. Бонапартистскіе журналы, съ другой точки зрѣнія, защищали ту же тему. Благородно отвѣчали на эти обвиненія бельгійскіе журналы и *Journal des Débats*. Отклоняя обвиненіе отъ самыхъ началъ правленія, но сожалея о происшествіяхъ, вызванныхъ крайностію клерикальной партіи, они въ то же время указывали на одинаковую приверженность всѣхъ бельгійскихъ партій къ существующему порядку. Въ самомъ дѣлѣ, она не покидала даже участниковъ въ безпокойствахъ. Особа короля во все это время была окружена тѣми же любовью и уваженіемъ, на которыхъ Леопольдъ I прибрѣлъ полное право своимъ мудрымъ и либеральнымъ правленіемъ. Всѣ глядѣли на него, какъ на спасителя, всѣ партіи полагались на его рѣшеніе. Единственное происшествіе, омрачившее лѣтопись бельгійской независимости, вполнѣ выказало популярность какъ правительства, такъ и государственныхъ учреждений.

Въ Испаніи пренія объ адресѣ, бурныя уже въ сенатѣ, отличались еще большею неумѣренностію въ палатѣ депутатовъ. Несмотря на воззваніе маршала Нарваэса къ общему согласію, каждое засѣданіе было наполнено враждебными выходками и взаимными обвиненіями партій. Особенно рѣзки были рѣчи двухъ депутатовъ такъ-называемой умѣренной партіи, гг. Бенавидеса и Кампо-Амора. Послѣдній обвинялъ партію прогрессистовъ и маршала Эспартеро въ такихъ выраженіяхъ, что на другой день общее негодованіе журналовъ принудило его извиниться въ засѣданіи палаты. Законъ о книгопечатаніи, въ самомъ дѣлѣ дурно составленный, усилилъ раздраженіе. Несмотря однако на эту борьбу, пренія объ адресѣ, который утвержденъ теперь и въ нижней палатѣ, принесли много пользы благоразумному министерству маршала Нарваэса. Общественное мнѣніе было взволновано клеветою всякаго рода. Многіе думали, что пренія въ палатахъ

докажутъ участіе маршала Нарваеса въ различныхъ, не совсѣмъ чистыхъ попыткахъ послѣднаго времени, откроютъ нечестный способъ дѣйствій. Говорили, что маршалъ О'Доннель докажетъ сообщничество перваго министра въ происшествіяхъ 1854 года. вмѣсто того, несмотря на ожесточенную борьбу, глава кабинета вышелъ изъ нея чистъ отъ всякихъ обвиненій. Это даетъ ему великую нравственную силу. Министерство выдержало настоящій парламентскій кризисъ.

Въ числѣ законовъ, разсматриваемыхъ теперь сенатомъ, нельзя не упомянуть о проектѣ, который предложенъ маркизомъ Мирафлоресомъ. Этотъ проектъ относится къ выбору депутатовъ. Его основаніе заимствовано изъ древнихъ учрежденій Испаніи. Предлагается составить конгрессъ изъ членовъ двоякаго рода: депутатовъ, выбранныхъ избирателями, и ассистентовъ, назначенныхъ правительствомъ. На 90,000 жителей полагается одинъ депутатъ, и на двадцать пять депутатовъ одинъ ассистентъ. Для того и другаго званія необходимо 30-лѣтній возрастъ. По всей вѣроятности, этотъ проектъ не будетъ принятъ.

Въ Виртембергѣ, гдѣ царствующая династія держится протестантскаго исповѣданія, есть до 500 т. католиковъ. Еще три года тому назадъ правительство начало переговоры съ папою о конкордатѣ. Римскій дворъ требовалъ особыхъ правъ и привилегій въ пользу католическаго духовенства, совершенной независимости его отъ гражданской власти въ дѣлѣ преподаванія, управленія имуществами и религіозными учрежденіями, и замѣщенія всѣхъ церковныхъ мѣстъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Правительство долго не уступало требованіямъ папы, но наконецъ, увлеченное Австріей, заключило конкордатъ, сдѣлавъ важныя уступки. Радость католическаго духовенства не знала предѣловъ при извѣстіи объ этомъ. Въ Канштадтѣ былъ данъ банкетъ членами духовенства, на которомъ провозглашались самые смѣлые тосты за всемірное господство римской церкви.

Въ Венгріи императоръ австрійскій разрѣшилъ замѣщать двѣ трети общественныхъ должностей природными Венгерцами и принимать просьбы на венгерскомъ языкѣ.

Въ Турціи обнародованъ новый судебный уставъ. Вся система судоустройства раздѣлена на четыре части: суды гражданскіе, коммерческіе, уголовные и административные. Въ каждомъ округѣ (нагіе) будетъ мирный судъ, камера присяжныхъ, полицейскій судъ и муниципальный судъ. Въ каждомъ департаментѣ (каза) будетъ судъ первой инстанціи и исправительный судъ. Въ каждой провинціи (лива) будутъ апелляціонный и коммерческій суды, совѣтъ народнаго просвѣщенія и провинціальный совѣтъ. Въ каждомъ намѣстничествѣ (эялетъ) будетъ гражданская палата и главный совѣтъ. Каждый

округъ состоитъ изъ 20 общинъ, три округа составляютъ департаментъ; три департамента провинцію; двѣ провинціи намѣстничество. Въ столицѣ будетъ два верховные суда — румилійскій и анатолійскій. Должности судебныя будутъ несовмѣстны ни съ какими другими.

Финансовыя дѣла по прежнему въ плохомъ положеніи. Султанъ долженъ былъ обложить каждаго христіянина или жида ежегодною податью въ 34 піастра за освобожденіе отъ военной повинности. Грекоармянскій банкъ не удался, какъ и всѣ другія подобныя предприятия. Въ Босніи происходили большія сборища крестьянъ близъ Турелы и Сараева. Назначена комиссія для изслѣдованія ихъ жадобъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ извѣстная секта Мормоновъ находится въ полномъ возстаніи противъ союзной власти. Мормоны арестовали судью и позволили себѣ разныя насилія. Правительство намѣрено прибѣгнуть къ военной силѣ.

С М Ъ С Ъ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

М. Г.

Сейчасъ прочелъ я въ № 10 «Русскаго Вѣстника» любопытную статью г. Шестакова: *Юношескія произведенія Лермонтова*. Въ самомъ началѣ этой статьи авторъ говоритъ объ одной извѣстной намъ его драмѣ, *писанной уже въ лета его зрѣлости*; далѣе, на стр. 260, находятся слова: «не разъ встрѣчаемъ мы повтореніе одного и того же мотива не только въ другихъ произведеніяхъ его юности, но и въ *самыхъ зрѣлыхъ его произведеніяхъ*». Припомнимъ только характеры Печорина, *Арбенина* (въ драмѣ «*Маскарадъ*»).

Талантъ Лермонтова созрѣлъ рано; онъ родился въ 1815 году, а умеръ въ 1841 (15-го іюля), слѣдовательно ему едва было 26 лѣтъ,

когда прекратилась его жизнь. Лермонтовъ, ученикъ Мерзлякова, рано познакомился съ механизмомъ стиха и началъ писать еще отрокомъ. Въ публикѣ онъ сдѣлался извѣстенъ своею «Пѣсней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», которая съ подписью — *евъ*, была напечатана въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» (1838 № 18. Стр. 344—347). До тѣхъ поръ онъ напечаталъ только, если не ошибаюсь, «Хаджи Абрека» («Библіотека для Чтенія, 1835. № 8. Отд. I. Стр. 81—94.) и «Бородино» («Современникъ», 1837. Т. 6. Стр. 207—211). Обѣ эти пѣсы, особенно первая, не обратили на себя особеннаго вниманія, хотя и были подписаны именемъ поэта. Извѣстность его до 1837 года была больше основана на разныхъ рукописныхъ произведеніяхъ, и потому долго ограничивалась небольшимъ кругомъ читателей.

Лермонтовъ въ 1839 году, 23 лѣтъ отъ роду, является передъ всею Россіей на той степени развитія своего таланта, на которой привыкли мы имъ восхищаться. Тутъ наступаетъ ранняя зрѣлость этого необыкновеннаго дарованія, которое вступаетъ на новый путь чудною думой: «Печально я гляжу на наше поколѣнье» («Отечественныя Записки», 1839. № I, Отд. 3. Стр. 148.) и за нею идетъ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ рядъ восхитительныхъ произведеній, составляющихъ славу и гордость нашей литературы.

Если принять этотъ періодъ (1839—1841) за эпоху зрѣлости таланта Лермонтова, то драма «Маскарадъ», напечатанная въ первый разъ только послѣ смерти поэта, не принадлежитъ къ означенному періоду, какъ полагаетъ г. Шестаковъ. Чтобы доказать это, мнѣ нужно обратиться къ нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ, которыя очень живы въ моей памяти.

Я узналъ Лермонтова въ 1830 или 1831 году, когда онъ былъ еще отрокомъ, а я ребенкомъ. Онъ привезенъ былъ тогда изъ Москвы въ Петербургъ, кажется, чтобы поступить въ университетъ, но вмѣсто того вступилъ въ 1832 году въ юнкерскую школу лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ, а въ офицеры произведенъ въ тотъ же полкъ въ началѣ 1835 года. Мы находились въ дальнемъ свойствѣ по Арсеньевымъ, къ роду которыхъ принадлежали мать Лермонтова и моя прабабушка. Старинныя дружескія отношенія въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній тѣсно соединяли всѣхъ членовъ многочисленнаго рода, несмотря на то, что кровная связь ихъ съ каждымъ поколѣніемъ ослабѣвала. Въ Петербургѣ жилъ тогда Никита Васильевичъ Арсеньевъ (род. 1775, ум. 1847), родной братъ дѣда Лермонтова и двоюродный дядя моей бабушки; Лермонтовъ былъ порученъ его попеченіямъ. У Никиты Васильевича, большаго хлѣбосола и весельчака, всѣми любимого, собирались еженедѣльно по воскресеньямъ на обѣдъ и на вечеръ многочисленные родные, и тамъ часто видалъ я Лермонтова,

сперва въ полуфрактъ, а потомъ юнкеромъ. Въ 1836 году, на Святой недѣль, я былъ отпущенъ въ Петербургъ изъ Царскосельскаго лицея, и разумѣется, на второй или третій день праздника, я обѣдалъ у дѣдушки Никиты Васильевича (такъ его всѣ родные называли). Тутъ обѣдалъ и Лермонтовъ, уже гусарскій офицеръ, съ которымъ я часто видался и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Когда Лермонтовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то занималъ въ то время комнаты въ нижнемъ этажѣ обширнаго дома, принадлежавшаго Никитѣ Васильевичу (въ Коломнѣ, за Никольскимъ мостомъ). Послѣ обѣда Лермонтовъ позвалъ меня къ себѣ внизъ, угостилъ запрещеннымъ тогда плодомъ—трубкой, съѣлъ за фортепiano и пѣлъ презабавные русскіе и французскіе куплеты (онъ былъ живописецъ и немного музыкантъ). Какъ-то я подошелъ къ окну и увидѣлъ на немъ тетрадь in-folio и очень толстую; на заглавномъ листѣ, крупными буквами было написано: «Маскарадъ, драма». Я взялъ ее и спросилъ у Лермонтова: его ли это сочиненіе? Онъ обернулся и сказалъ: «оставь, оставь; это секретъ». Но потомъ подошелъ, взялъ рукопись, и сказалъ улыбаясь: «впрочемъ, я тебѣ прочту что-нибудь; это сочиненіе одного молодаго человѣка»,—и дѣйствительно прочелъ мнѣ нѣсколько стиховъ, но какихъ, этого за давностію лѣтъ вспомнить не могу.

Здѣсь не мѣсто входить въ описаніе дальнѣйшихъ сношеній моихъ съ Лермонтовымъ. Я хотѣлъ только опредѣлить время сочиненія единственной вполнѣ сохранившейся драмы его. Изъ сказаннаго выше видно, что она написана была въ первый періодъ его авторства, когда одинъ только «Хаджи-Абрекъ» его былъ напечатанъ. Можетъ-быть, онъ и исправлялъ потомъ «Маскарадъ», который я видѣлъ тщательно переписаннымъ въ апрѣлѣ 1836 года, но едва ли сдѣлалъ въ немъ существенныя перемѣны, тѣмъ болѣе, что въ позднѣйшее время онъ, кажется, вовсе не принимался за драматическій родъ.

Если вы, м. г., сочтете возможнымъ напечатать это письмо, какъ матеріалъ для будущей біографіи Лермонтова, то прошу васъ помѣстить его на страницахъ «Русскаго Вѣстника».

Примите и т. д.

М. Лонгиновъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Въ послѣднемъ номерѣ «Русскаго Вѣстника» прошлаго года, я напечаталъ статью «Изъ крымскихъ замѣтокъ», гдѣ, между прочимъ, на страницѣ 479, говорилось о ядрѣ, остановившемся подъ кожей живаго человѣка.

Этотъ разказъ возбудилъ разные толки и сомнѣнія. Едва ли не большинство сочло такой фактъ несбыточнымъ.

Вслѣдствіе этого я нахожу не лишнимъ разказать все, что знаю объ этомъ происшествіи.

Пріѣхавъ въ Севастополь въ половинѣ апрѣля 1855 года, докторъ послѣ второй бомбардировки, я услышалъ разказъ о ядрѣ, и такъ какъ дѣло было не совсѣмъ обыкновенное, и притомъ въ Севастополѣ вѣчно ходило множество разныхъ вымышленныхъ анекдотовъ, то я и рѣшился, для узнанія истины, отправиться на главный перевязочный пунктъ и распросить обо всемъ у самого Пирогова.

Я нашелъ Пирогова въ залѣ ампутацій, за его столиккомъ (какъ описано въ той же статьѣ), въ его неизвѣстной солдатской шинели, въ красной фуфайкѣ и картузѣ.

Я подошелъ и спросилъ о происшествіи, которое меня занимало.

Николай Ивановичъ разказалъ мнѣ все кратко и самымъ простымъ тономъ, какъ бы дѣло шло о событіи обыкновенномъ и естественномъ, потомъ подвелъ меня къ окну и показалъ ядро. Увѣрили, что оно 18-ти фунтовое, и мнѣ, по несмысленности опредѣлять вѣсъ снарядовъ глазомерно, представилось оно такимъ же. Я не рѣшился безпокоить Пирогова подробными распросами (тѣмъ болѣе, что въ это самое время производились ампутаціи), но и краткаго его свидѣтельства и личнаго моего осмотра самого ядра, было достаточно, чтобы я рѣшился сказать объ этомъ печатно.

Какъ не медикъ, я не видѣлъ въ разказанномъ событіи ничего необычайнаго и потому, въ статьѣ, каснувшись этого предмета вскользь, безъ всякихъ поспѣшій. Къ тому же спокойный тонъ Николая Ивановича, съ какимъ онъ говорилъ о происшествіи, давалъ мнѣ поводъ не распространяться. Помню еще, что кто-то изъ медиковъ, бывшихъ на томъ же перевязочномъ пунктѣ до время моихъ распросовъ, замѣтилъ, и также очень спокойно, что это уже не первый случай, а кажется третій: въ наполеоновскія войны случилось два подобныхъ происшествія, и они описаны его медикомъ. Онъ назвалъ его, но я теперь забылъ это имя.

Несомненно возникшія, по поводу моего разказа о ядрѣ, сомнѣнія въ дѣйствительности происшествія, побудили меня собрать объ немъ возможно-положительныя свѣдѣнія.

Бывши недавно въ Петербургѣ, я встрѣтилъ доктора Тарасова (состоявшаго нынѣ при Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія), который находился на главномъ перевязочномъ пунктѣ, когда привесли солдата, раненаго *этимъ ядромъ*, и лично видѣлъ, какъ ядро вынуто.

Я просилъ г. Тарасова составить объ этомъ записку, какъ медика, и вотъ она почти слово въ слово:

« Во время второй бомбардировки (пишетъ г. Тарасовъ), принесли на главный перевязочный пунктъ (не помню, въ какой именно день) (1) раненнаго солдата, который былъ очень слабъ и едва говорилъ. Докторъ Ребергъ (нынѣ операторъ при Обуховской больницѣ въ С. Петербургѣ) подошелъ къ нему первый, и былъ пораженъ *необыкновенною твердостью опухоли*, замѣченною на правомъ бедрѣ раненнаго. Опухоль эта была ниже раны, ладони на полторы. Рана была одна, *выходная*; выходнаго отверстія не существовало. Вслѣдъ за Ребергомъ подошли къ солдату: Н. И. Пироговъ, докторъ Обермиллеръ, его ассистентъ (нынѣ состоящій докторомъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ), доктора: Беккерсъ, Хлѣбниковъ (нынѣ ординаторы 2-го сухопутнаго госпиталя въ С. Петербургѣ) и я.

« Пироговъ, ощупавъ опухоль, полѣзъ цѣлою рукою въ рану, и вытащилъ изъ нея ядро, сдѣлавъ въ кожѣ наружнаго отверстія раны небольшое расширение, потому что ядро не свободно изъ нея выходило.

« Ядро, вѣроятно, на излетѣ, попало въ бедренно-тазовое сочленение и, разрушивъ его, спустилось по силѣ тяжести внизъ. Бедренно-тазовою суставъ (*articulatio coxae*) и верхняя часть бедренной кости (головка, шейка и трохантеры) были совершенно раздроблены. Раненному не сдѣлано никакой операции, да и не слѣдовало. Онъ былъ отправленъ въ домъ Гущина, куда относили безнадежныхъ, и скоро умеръ.

« Ядро хранится донинѣ у доктора Обермиллера, и всегда лежитъ у него на окнѣ, въ особой урнѣ. Желающіе могутъ видѣть его ежедневно, въ квартирѣ доктора, въ С. Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Малой Морской, въ домѣ Щепетиловой. Въ то время, когда я писалъ для васъ эти строки въ этомъ самомъ домѣ, посланный мною человекъ свѣсилъ ядро въ ближней лавочкѣ: въ немъ оказалось $15\frac{1}{4}$ фунтовъ.

« Вотъ все, что умѣлъ припомнить объ этомъ происшествіи. Въ вѣрности его можете присягнуть. »

Прошу васъ, милостивый государь, напечатать это письмо, какъ разъясняющее (на сколько я сумѣлъ это сдѣлать) любопытный для медиковъ фактъ, подтверждаемый свидѣтельствомъ столькихъ лицъ. Кто усомнится и теперь, или почтетъ настоящія объясненія недостаточными, можетъ сдѣлать личную справку.

Н. Бяргъ.

10-го іюня 1857.

Москва.

(1) Бомбардировка началась 28-го марта 1855 года и продолжалась до 4-го апрѣля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя, изданныхъ П. А. Кулишемъ.

Русская публика давно нуждалась въ однообразномъ и полномъ собраніи сочиненій и писемъ Гоголя. Г. Кулишъ удовлетворилъ тому и другому требованію, по мѣрѣ возможности. Къ сочиненіямъ прибавились теперь многія мѣста изъ втораго и нѣкоторыя изъ перваго тома *Мертвыхъ Душъ*, доселѣ нигдѣ не напечатанныя, а количество писемъ увеличилось, какъ намъ кажется, цѣлыми тремя четвертями противъ прежняго, ибо въ *Запискахъ о жизни Гоголя*, изданныхъ въ прошломъ году г. Кулишемъ, письма вмѣстѣ съ прочими матеріалами для біографіи Гоголя занимали только 38 печатныхъ листовъ, а въ этомъ изданіи они составили, безъ постороннихъ страницъ, 67 листовъ, или два тома въ большую осьмушку. Собрать все это и привести въ порядокъ составило трудъ не мало-важный, тѣмъ болѣе, что многія письма найдены безъ означенія годовъ и мѣсяцевъ, и издатель долженъ былъ, по содержанію и по разнымъ мелкимъ обстоятельствамъ жизни Гоголя, угадывать, когда именно они писаны. Такіе угаданные имъ годы и мѣсяцы обозначены скобками, которыхъ въ изданіи встрѣчается очень много. Случаю было угодно, чтобы это огромное собраніе писемъ Гоголя довелось печатать тому самому лицу, которое съ самой кончины Гоголя собираетъ матеріалы для его біографіи, и для котораго, слѣдовательно, яснѣе видна нить жизни поэта, проходящая въ письмахъ, нежели для кого-либо другаго. Теперь, когда обнародованы новые матеріалы для біографіи Гоголя, и когда *Записки о его Жизни* почти вышли изъ продажи, мы въ правѣ ожидать отъ г. Кулиша уже не сборника матеріаловъ, а книги, которую можно было бы назвать біографіею Гоголя. Этотъ родъ сочиненій у насъ еще не опредѣлился; мы не дожили еще до полного выраженія нашей общественной жизни въ литературѣ; и потому біографъ такого писателя, какъ Гоголь, окажетъ двойную заслугу, изобразивъ, какъ егo самого, въ его разностороннихъ соприкосновеніяхъ съ обществомъ, такъ и общество, дѣйствовавшее на него съ разныхъ сторонъ, въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ представителей. Такая біографія можетъ сдѣлаться задачею многолѣтней дѣятельности писателя и, будучи исполнена съ достоинствомъ, составитъ капиталъ въ нашей литературѣ. У насъ есть люди, представившіе прекрасные образцы трудовъ въ этомъ родѣ, какъ напри- мѣръ авторъ «Біографіи М. Н. Загоскина», С. Т. Аксаковъ, и авторъ книги о литературной жизни Пушкина, П. В. Анненковъ; можетъ-быть изданіе г. Кулиша вдохновитъ кого-нибудь на изображеніе жизни Гоголя; если же нѣтъ, то г. Кулишъ, заговоривъ первый о жизни

своего знаменитаго соплеменника (безыменная статья о Гоголѣ въ № 2 Отечественныхъ Записокъ 1852 года принадлежитъ ему), этимъ самымъ наложилъ на себя обязанность сказать о немъ и послѣднее свое слово. Но обратимся къ изданію.

Покаместъ, появилось въ продажѣ только четыре тома *Сочиненій и Писемъ Гоголя* (именно 1, 2, 3 и 5); прочіе, говорятъ, готовы и лягутъ вскорѣ. Къ первому тому приложенъ портретъ Гоголя, гравированный художникомъ, которому Гоголь завѣщаль изданіе своего портрета, Ф. И. Гердавицъ. Гравюра безукоризненно совершенна и, судя строго техническую часть ея, можно сказать, что ни одна книга въ Россіи не выходила еще съ такимъ портретомъ. Здѣсь маера другая, нежели въ повѣстной гравюрѣ г. Юрдана съ Раевской картины «Преображеніе». Художникъ, какъ видно, желалъ показать богатство своихъ средствъ для выраженія разныхъ тоновъ и красокъ живописи, и въ этомъ отношеніи портретъ Гоголя не имѣетъ у насъ ничего себѣ подобнаго. Гравюра сдѣлана съ картины Моллера, писанной въ 1841 году, въ пору цвѣтушаго мужества поэта. Лицо Гоголя озарено ясною улыбкой, въ которой хочется читать продолженіе «Мертвыхъ Душъ», въ то время существовавшихъ только въ первомъ приготовленіи къ печати томѣ. Но подъ этою светлою наружностью уже таилась внутренняя борьба, которой не выдержалъ слабый организмъ Гоголя. Художникъ придавъ глазамъ поэта выраженіе какой-то грусти, зная Гоголя лично и будучи вѣренъ прекрасному подлиннику Моллера. Это тотъ самый подлинникъ, который авторъ *Записокъ о Жизни Гоголя* видитъ въ Васильевѣ.

Размѣщеніе сочиненій Гоголя по томамъ основано издателемъ отчасти на времени появленія ихъ въ свѣтъ, а отчасти на однородности. Такъ въ первомъ томѣ заключаются повѣсти только малороссійскія, то-есть: «Вечера на Хуторѣ» и «Миргородъ». Къ «Вечерамъ на Хуторѣ» приложены юношескіе опыты Гоголя. Издатель, какъ видно, затруднялся, куда дѣвать эти нетвердыя и часто слабыя попытки великаго таланта. Начать ими первый томъ, по хронологіи, неловко; помѣстить въ концѣ тома опять неудобно, и потому онъ помѣстилъ ихъ рядомъ съ «Вечерами на Хуторѣ». Но по нашему мнѣнію, ихъ бы слѣдовало набрать мелкимъ шрифтомъ и приложить въ концѣ тома, для меньшинства читателей. Перелистывая первый томъ, мы заметили нѣсколько этнографическихъ примѣчаній издателя къ повѣстямъ Гоголя. Это намъ напомнило, что повѣсти его изъ исторіи и жизни малороссійской до сихъ поръ не были еще разобраны знатокомъ Малороссіи; а очень интересно было бы знать, въ какой степени Гоголь, какъ художникъ, удовлетворителенъ въ отношеніи къ историческому и этнографическому пониманію своей родины. Конечно, Гоголь былъ еще тогда такъ молодъ и, по собственнымъ его словамъ, «писалъ, что писалось»; но разборъ первыхъ его произ-

веденій могъ бы навести критика на рѣшеніе многихъ вопросовъ, играющихъ теперь важную роль въ наукѣ народоизученія. Второй томъ *Сочиненій и Писемъ Гоголя* содержитъ въ себѣ *Арабески*, въ полномъ ихъ составѣ, какъ они вышли въ свѣтъ при жизни Гоголя, и драматическія сочиненія; третій—*Повѣсти, Переписку съ друзьями* и *Авторскую исповѣдь*; четвертый опредѣленъ для однѣхъ *Мертвыхъ Душъ*, а пятый и шестой, какъ уже сказано, заняты письмами, которыя открываютъ передъ нами жизнь Гоголя съ десятилѣтняго его возраста и, не прерываясь ни на одинъ годъ, прекращаются только съ годовъ его смерти.

Мертвые Души въ изданіи г. Кулиша явились въ новомъ видѣ, именно второй томъ поэмы. Г. Кулишъ открылъ подъ верхнимъ слоемъ рукописи Гоголя первоначальную его редакцію, которая была написана однообразнымъ тщательнымъ почеркомъ. Видно, что Гоголь нѣкоторое время былъ доволенъ первыми главами второго тома «Мертвыхъ Душъ», если переписалъ ихъ собственною рукою, но потомъ онъ сдѣлался еще требовательнѣе къ себѣ и испестрилъ рукопись множествомъ помарокъ, передѣлокъ и приписокъ. Чтобъ показать читателямъ, какъ шла у Гоголя работа, издатель напечаталъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ» сперва въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ чистомъ спискѣ, а потомъ напечаталъ его вновь по исправленному тексту и присовокупилъ къ нему внизу страницъ всѣ мѣста, оказавшіяся лишними для обѣихъ редакцій. Гоголь не рѣдко одно и то же мѣсто писалъ по нѣскольку разъ, а иногда переносилъ свою мысль въ записную книжку и уже тамъ ее обрабатывалъ, дорожа минутой, въ которую она становилась для него яснѣе. Такимъ образомъ четвертый томъ изданія г. Кулиша составляетъ литературную новость, тѣмъ болѣе что въ числѣ приложений къ нему помѣщена *Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ*, въ томъ видѣ, какъ она была первоначально приготовлена Гоголемъ къ печати. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія его въ продажѣ.

ДИССЕРТАЦІИ ГГ. МАЙКОВА И ВЫЗИНСКАГО.

Московскій университетъ заключилъ свой академическій годъ двумя учеными диспутами по историко-филологическому факультету, высоко замѣчательными по тѣмъ приобрѣтеніямъ, которыми обязана имъ наша литература. Мы разумѣемъ труды гг. Майкова и Вызинскаго, представленные ими на полученіе степени магистра.

Трудъ г. Майкова: *Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа*, — есть приобретене безусловно капитальное. Нельзя безъ уваженія смотрѣть на этотъ громадный трудъ, которому авторъ такъ безкорыстно, съ такимъ благороднымъ самоотверженіемъ посвятилъ столько лучшихъ лѣтъ своей жизни. Какъ ни приучилъ насъ Московскій университетъ къ громадности вышедшихъ подъ его ауспиціями ученыхъ сочиненій, трудъ г. Майкова превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣ прежніе. Далѣе идти ужъ невозможно: болѣе пятидесяти листовъ самаго большаго формата и мелкаго шрифта. Но какъ ни почтенны размѣры этого труда, не въ этомъ, конечно, заключается его существенное достоинство. Мы не имѣли еще времени ближе ознакомиться съ содержаніемъ этой огромной книги; но все, что мы успѣли прочесть въ ней, свидѣтельствуетъ о рѣдкомъ у насъ соединеніи ученыхъ качествъ, — неутомимаго трудолюбія, тщательности и дробности изслѣдованія, вмѣстѣ съ зрѣлостію мысли, не теряющей въ анализѣ, и съ неменьшею зрѣлостію выраженія, которое, при всей спеціальности предмета, вездѣ сохраняетъ ясность, свѣжесть и литературное изящество. Трудъ г. Майкова распадается на двѣ главныя части: собственно историческую и филологическую. Въ обширномъ введениі, авторъ представляетъ общій обзоръ письменности сербской. Историческая часть сочиненія представляетъ изслѣдованія о трехъ главныхъ гнѣздахъ сербской народности: о Дубровникѣ (Рагузѣ), Боснѣ и собственной Сербіи. Здѣсь каждое слово автора есть плодъ собственнаго изученія источниковъ, и читатели, вмѣстѣ съ результатами этого изученія, знакомятся и съ самими источниками. Еще обширнѣе филологическія изслѣдованія. Знающій дѣло даже при поверхностномъ обзорѣ не можетъ не усмотрѣть всей основательности и важности филологическихъ изысканій автора. Съ нѣкоторыми выводами и взглядами его можно не совсѣмъ соглашаться, но нельзя не признать, что каждый шагъ автора купленъ добросовѣстнѣйшимъ и упорнѣйшимъ трудомъ, и что въ его же изысканіяхъ заключаются всѣ нужные элементы для точнѣйшаго или яснѣйшаго заключенія о нѣкоторыхъ подробностяхъ языка. Несмотря на спеціальность свою, или лучше сказать, вслѣдствіе своей строгой спеціальности, трудъ г. Майкова принесетъ нашей ученой литературѣ столько же пользы, сколько приноситъ чести. Только такими трудами приумножается умственный капиталъ литературы; такими-то трудами укореняется наука въ народную почву, и зрѣетъ общественное сознаніе. Мы надѣемся, что по поводу этого почтеннаго труда «Русскій Вѣстникъ» коснется его предмета съ той стороны, которая представляетъ наиболѣе интереса для публики.

Сочиненіе г. Вызинскаго: *Царство и священная Римская имперія въ XIV и XV ст. (до Базельскаго собора)*, принадлежитъ у насъ къ числу немногихъ оригинальныхъ опытовъ, по предмету всеобщей исторіи, и отличается достоинствами своего рода. Мы признаемъ въ авторѣ замѣчательный талантъ, и можемъ только желать, въ интересъ нашей литературы, сколь можно большаго развитія его дѣятельности. Обширная начитанность, основательность изученія, твердость и ясность взгляда, историческій тактъ, живая способность обобщать фактъ и уловлять его типическія черты, мастерство изложенія—вотъ достоинства г. Вызинскаго, которыя сами собою бросаются въ глаза. Авторъ въ предисловіи оговаривается, что пишетъ на языкѣ не природномъ, а приобретенномъ, и потому проситъ читателя снисходительно смотрѣть на нѣкоторые недостатки его слога. Намъ пріятно протестовать противъ этой оговорки и увѣрить автора, что немногія изъ историческихъ сочиненій у насъ отличаются такою мѣткостью и увлекательностію изложенія, какъ его трудъ, и что мы можемъ пожелать многимъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, для которыхъ русскій языкъ есть природный, а не приобретенный, не отставать въ умѣнніи мѣтко выбирать слова отъ г. Вызинскаго. Не распространяемся о содержаніи этой прекрасной книги, имѣя въ виду представить въ скоромъ времени болѣе подробный отчетъ о ней. Скажемъ только, что высокій интересъ избраннаго авторомъ предмета и увлекательность литературнаго изложенія, какимъ отличается его книга, ручаются за полный успѣхъ ея въ читающей публикѣ.

У КНИГОПРОДАВЦА
Ө. О. СВЪШНИКОВА,

Коммиссiонера Императорскаго Московскаго Университета,
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Мо-
сковскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
занскаго Собора, подъ № № 4 и 5.

продаются новыя книги:

ПАПСТВО и Священная Римская Имперiя въ XIV и XV сто-
лѣтiи (до Базельскаго собора). Сочиненiе Генриха Визинскаго. М.
1857 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

АКТЫ, относящiеся до юридическаго быта древней Россiи. Изданы
Археографическою Коммиссiей, подъ редакцiю члена коммиссiи,
Николая Калачева. Томъ первый. Спб.: 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ
пер. 3 р. 50 к.

ЖИТIЯ СВЯТЫХЪ РОССIЙСКОЙ ЦЕРКВИ, также Иверскихъ и
Славянскихъ. Сочин. Муравьева. Мѣсяцъ ФЕВРАЛЬ. Съ картинкою
изображенiя святыхъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.
Тожь мѣсяцы ноябрь, декабрь и январь; цѣна каждому 1 р. 50 к.,
съ пер. 2 р.

БЕСѢДЫ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена говоренныя
членомъ Святейшаго Синода и коммиссiи духовныхъ училищъ, Ми-
хаиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ,
Эстляндскимъ и Финляндскимъ, и Свято-Троицiя Александро-
Невскiя лавры архимандритомъ и кавалеромъ, съ портретомъ, 16 то-
мовъ. Спб. 1857 г. Ц. 15 р., съ пер. 20 р.

ОПЫТЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНIЙ Кинешемскаго земле-
дѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губернiи. С. Дмитриева,
члена Императорскаго Волян. Эконом. Общества. Изданiе второе.
Въ 4-хъ частяхъ. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Сочин. Н. Павлова. М. 1857 г. Ц.
50 к., съ пер. 75 к.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. Издавъ П. Кулишъ. Томъ II. Спб.
1857 г. Ц. 2 руб. 50 к., съ пер. 3 р.; тожь томъ I. Ц. 1 р. 50
к., съ пер. 2 р.

Гг. иногородные, желающiе выписывать книги въ переплетахъ,
благоволятъ прилагать за обыкновенный корешокъ 15 к., сарьянный
корешокъ 30 к., шагреневый 40 к., въ англiйскiй тисвеный коленкоръ
50 к., за каждый томъ.

Адресъ: въ Москву Коммиссiонеру Федору Осипо-
вичу Свѣшникову.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ВЛІЯНІИ НОВАГО ОГНЕ- СТРѢЛЬНАГО ОРУЖІЯ НА ВОЕННОЕ ИСКУССТВО.

Въ военномъ искусствѣ успѣли выработаться, въ продолженіе многихъ вѣковъ, нѣкоторые законы, общіе для всѣхъ народовъ, въ какомъ бы возрастѣ цивилизаціи они ни находились. Эти законы одинаковы въ судьбахъ фаланги и легіона, въ походахъ Густава Адольфа и Фридриха Великаго, въ войнахъ Суворова и Наполеона. Но не отвергая силы такихъ общихъ законовъ, которые вывелъ разумъ чловѣка, какъ окончательный результатъ изученія всѣхъ войнъ, бывшихъ на театрѣ всемірной исторіи, мы не можемъ въ то же время не признать безчисленно-разнообразныхъ приложений этихъ законовъ, соотвѣтственно духу времени, фізіономіи народа, соотвѣтственно нравственнымъ и матеріальнымъ успѣхамъ цивилизаціи. Поэтому, если въ послѣднее время и возникли въ военной литературѣ различные споры о *степени* вліянія усовершенствованнаго оружія на военное искусство, то все же едва ли кто-нибудь рѣшится отвергать вполне вліяніе такого важнаго элемента войны, какъ оружіе, на судьбу военнаго искусства. Мы попытаемся обозначить здѣсь въ главныхъ чертахъ это вліяніе, проникающее, по мнѣнію нашему, глубже въ коренныя основанія этого искусства, нежели какъ можетъ это казаться съ перваго взгляда. И почему же не допустить возможности такого вліянія, когда многія, также техническія изобрѣтенія, подобныя напримѣръ изобрѣтенію локомотивовъ, успѣли уже обнаруживать сильное участіе въ современной исторіи цивилизаціи?

Въ XIV столѣтіи былъ открытъ для метательнаго оружія новый двигатель, порохъ. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о силѣ этого двигателя, достаточно замѣтить, что механическое дѣйствіе, приобретаемое пулею кремневаго ружья отъ заряда въ 2½ золотника, при вылетѣ ея изъ дула, равнозначительно работѣ, которую нужно употребить, чтобы поднять грузъ въ 150 пудъ на высоту одного фута. Весь запасъ механической силы, которую каждый солдатъ носить въ своей сумѣ, въ видѣ 60 патроновъ, простирается поэтому до 9000 пудъ, поднимаемыхъ на высоту одного фута, исключая еще ту часть силы, которую обнаруживаетъ порохъ на стѣны ствола.

Не мудрено поэтому, что открытіе пороха, преобразивъ совершенно понятія о физической силѣ человѣка, произвело рѣшительный переворотъ въ военномъ искусствѣ. И однако же, несмотря на изумительную силу новаго двигателя, первые опыты приложенія его къ металлическому оружію не сейчасъ же обнаружили все свое вліяніе на военное искусство, не разграничили рѣзкою гранью два его періода; но изобрѣтеніе пороха, какъ и всякое великое открытіе, заключало въ себѣ начатки дальнѣйшаго и болѣе полного развитія. Въ настоящее время это развитіе достигло наконецъ такой фазы, въ сравненіи съ которою состояніе предшествующее справедливо можетъ быть названо младенческимъ.

Послѣдовательныя усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія всегда были медленны и нерѣшительны. Гдѣ окончательные результаты опытовъ собираются на поляхъ сраженій и покупаются цѣною крови человѣка, тамъ правительства не могутъ поспѣшно и безъ большой осторожности бросаться на всѣ вновь—предлагаемыя улучшенія и нововведенія. Какъ ни очевидна, поэтому, польза послѣднихъ усовершенствованій ручнаго огнестрѣльнаго оружія, были можетъ—быть необходимы кровавые опыты крымской кампаніи, чтобы побудить правительства всѣхъ государствъ къ рѣшительнымъ преобразованіямъ вооруженія во всѣхъ родахъ войскъ.

Чтобы выразить какъ можно короче всѣ преимущества новаго оружія передъ старымъ, мы скажемъ, что новое оружіе, сохраняя всѣ свойства, по которымъ ему присвоено названіе *ручнаго*, то—есть легкости, удобства, и соединяя въ себѣ попрежнему дѣйствіе огнестрѣльное и дѣйствіе штыка, обладаетъ несравненно большею мѣткостью и дальностію выстрѣловъ, и большею силою удара пули.

Мы не намѣрены здѣсь распространяться о способахъ, которыми доставлены такія великія преимущества новому оружію надъ старымъ; замѣтимъ только, что первое имѣетъ стволъ не гладкій внутри, но съ спиральными нарѣзами, и пуля его не сферическая, но удлинненная и остроконечная; калибръ ствола его меньше, и отъ этого, при томъ же всѣхъ ружья, стѣны ствола его могутъ быть толще и оружіе прочнѣе.

Суворовъ предписывалъ открывать ружейную пальбу не прежде, какъ только съ дистанціи восьмидесяти шаговъ. Геніальный взглядъ этого великаго полководца оцѣнилъ съ точностію мѣру того вліянія, какое могло имѣть тогда на участь боя ручное огнестрѣльное оружіе по тогдашнему своему устройству. «Пуля—дура, штыкъ—молодецъ», говаривалъ онъ. Это мѣткое выраженіе отлично характеризуетъ состояніе обоихъ родовъ оружія въ рукахъ солдата суворовскихъ временъ. Подобно Густаву Адольфу и Тюренню, Суворовъ подчинялъ всякое дѣйствіе матеріальной силы нравственной силѣ человѣка; онъ,

казалось, въ совершенствѣ постигъ ту истину, что нельзя разсчитывать на дѣйствіе силы матеріальной, если вмѣсто того, чтобы способствовать полному развитію силъ нравственныхъ, она стѣсняетъ ихъ и дѣлаетъ изъ челоуѣка машину, стрѣляющую по командѣ. Въ войскахъ Наполеона, ружье не получило никакихъ техническихъ улучшеній; но въ республиканской арміи Наполеонъ нашелъ уже разсыпной строй и колонны. Разсыпной строй появился впервые въ войнѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за независимость, въ бояхъ народныхъ ополченій противъ постоянныхъ войскъ. Въ этомъ строю, солдатъ стоитъ просторно, не стѣсняется въ заряжаніи и прицѣливаніи, не дожидается команды, чтобы спустить курокъ; пользуется мѣстностію, не заботясь о равненіи, скрывается, какъ можетъ, отъ выстрѣловъ противника, и самъ стрѣляетъ стоя, пригнувшись, на колѣнахъ или лежа, какъ находитъ для себя болѣе удобнымъ и безопаснымъ. Такимъ образомъ здѣсь, въ первый разъ, ручное огнестрѣльное оружіе нашло наиболѣе соотвѣтственный для его дѣйствія строй, точно такъ же, какъ колонны, замѣнившія длинныя и тонкія линіи, представляютъ строй, наиболѣе удобный для натисковъ штыками. Въ этомъ-то строю, то-есть въ большихъ колоннахъ, сопровождаемыхъ цѣпью застрѣльчиковъ, республиканскія войска атаковали союзныя арміи Пруссіи и Австріи, и опытные генералы школы Фридриха Великаго, увѣренные въ превосходствѣ своихъ отлично-обученныхъ и сильно-дисциплинированныхъ войскъ и въ непогрѣшительности правилъ ихъ линейной тактики и ея уставовъ, никакъ не ожидали, чтобы всѣ ихъ соображенія и расчеты могли сокрушиться подъ ударами оборванныхъ и полунагихъ санюлотовъ, составлявшихъ поголовное ополченіе и національную гвардію Французовъ.

Ударный способъ воспламененія заряда, введенный вмѣсто кремневаго, былъ существеннымъ улучшеніемъ огнестрѣльнаго оружія во многихъ отношеніяхъ; но это улучшеніе однакожъ немного увеличило мѣткость и дальность выстрѣловъ. При стрѣльбѣ отличными стрѣлками, на практическихъ ученьяхъ, въ цѣль значительныхъ размѣровъ, наибольшею дальностію, при которой дѣйствительность стрѣльбы изъ ударнаго гладкоствольнаго ружья начинаетъ быть ощутительною, считаютъ триста шаговъ; на такой дистанціи попадаетъ не болѣе 20% изъ всего числа выстрѣленныхъ пуль; но въ сраженіяхъ стрѣльба съ этой дистанціи имѣетъ дѣйствительность самую ничтожную, чѣмъ и объясняется частію огромная трата патроновъ, доходившая до 10,000 на каждаго убитаго.

При стрѣльбѣ изъ наръзныхъ ружей, съ дистанціи трехсотъ шаговъ, попадаютъ въ ту же цѣль *всѣ* выстрѣлы; и на разстояніи въ 1200 шаговъ дѣйствительность стрѣльбы такъ еще сильна, что въ небольшой фронтъ пѣхоты, занимающей около шестнадцати шаговъ, попадаетъ около 20%.

Этихъ цифръ было бы уже достаточно, чтобъ оцѣнить все преимущество новаго оружія передъ старымъ: сфера дѣйствія ручнаго оружія расширилась на разстоянія четверо большія, и мѣткость выстрѣловъ на разстояніяхъ малыхъ, до дистанціи трехсотъ шаговъ, увеличилась отъ двухъ до пяти разъ.

Но ружье есть *машина*, и притомъ, по выраженію Наполеона, совершеннѣйшая изъ всѣхъ военныхъ машинъ, какія изобрѣталъ человѣкъ. Какъ машина, ружье должно удовлетворять условію, общему всѣмъ фабричнымъ машинамъ: двигатель долженъ производить въ ней какъ можно болѣе полезнаго дѣйствія и какъ можно менѣе дѣйствія вреднаго, которое обнаруживается порчею ствола и отдачею; поэтому, когда въ машинѣ, при уменьшеніи движущей силы и вреднаго дѣйствія, возрастаетъ полезное дѣйствіе, ею доставляемое, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ усовершенствованія машины. Но что показываетъ намъ ружье, въ его послѣдовательныхъ преобразованіяхъ? Заряды, и вмѣстѣ съ ними начальныя скорости, равно какъ и отдача уменьшаются, а всѣ пули и дѣйствительность выстрѣловъ возрастаютъ; сферическая пуля въ $5\frac{1}{2}$ золотниковъ кремневаго ружья имѣла, при вылетѣ изъ дула, огромную скорость въ 1770 футовъ, отъ заряда въ $2\frac{1}{2}$ золотника. Теперь зарядъ для наръзнаго ружья уменьшился болѣе, чѣмъ вдвое; онъ равенъ почти одному золотнику, то-есть, заряду, который употреблялся для прежнихъ пистолетовъ, и сообщаетъ пулѣ въ $11\frac{1}{2}$ золотниковъ начальную скорость только въ 1050 футовъ. И несмотря на такое уменьшеніе заряда, дѣйствительность выстрѣловъ изъ наръзнаго ружья на 1000 шаговъ далеко превосходитъ ту, какую имѣло ружье гладкоствольное на трехстахъ шагахъ.

Полезьа, извлекаемая въ сраженіяхъ изъ такой машины, какъ ружье, опредѣляется однакоже условіями, которыя даютъ ружью характеръ совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ машинъ.

Существенная разница состоитъ здѣсь въ томъ, что работникъ, приставленный къ машинѣ фабричной, самъ почти становится машиной; нравственныя силы его въ совершенномъ усыпленіи, тогда какъ нравственныя силы солдата, когда онъ дѣйствуетъ ружьемъ, не только не спятъ, но находятся напротивъ въ полномъ напряженіи. Въ машинѣ фабричной нѣтъ мѣста произвольнымъ движеніямъ: тамъ все заранѣе разсчитано и соображено, и работнику остается только трудъ совершенно механической и однообразной. Совершенство ружья, какъ машины, выражается напротивъ тою степенью примѣняемости, какую оно имѣетъ къ волѣ человѣка; дѣйствія изъ ружья такъ же измѣнчивы, какъ и обстоятельства, измѣняющія волю человѣка, когда онъ сражается съ непріателемъ. Въ этомъ отношеніи ружье должно слушаться солдата такъ же, какъ рука, когда онъ хочетъ поднять ее; оно должно быть какъ бы шестымъ чувствомъ сол-

дата, и свободно покоряться его нравственнымъ силамъ. Самый двигатель въ этой машинѣ (порохъ), чрезвычайною быстротою, почти мгновенностию своего дѣйствія, удивительно соотвѣтствуетъ такому назначенію.

Ружье потому и есть самая совершенная изъ всѣхъ военныхъ машинъ, что она болѣе всѣхъ остальныхъ примѣнена къ волѣ человѣка, и не только не должна сковывать волю, или обращать человѣка въ машину, но напротивъ, чѣмъ оно лучше, тѣмъ болѣе дѣетъ оно простора вниманію, смѣлности, мужеству и проявленію нравственныхъ силъ солдата. Всѣ техническія улучшенія, упускающія эти условія изъ вида, не достигаютъ своей цѣли. *Употребленіе хорошаго ружья предполагаетъ, поэтому, непремѣннымъ условіемъ успѣха, значеніе каждая рядоваго, какъ нравственной единицы, имѣющей извѣстную самостоятельность*, а не какъ только частицы механически-сколоченнаго батальона. Большему совершенству ружья должно соотвѣтствовать и большее образованіе нравственныхъ силъ солдата; иначе трудно ожидать успѣха въ сраженіяхъ и отъ превосходнаго оружія, которое въ мирное время будетъ давать блестящіе результаты.

Итакъ, соотвѣтственно современному усовершенствованію ружья, образованіе солдата должно получить иной, также усовершенствованный характеръ. Въ новыхъ уставахъ пѣхотной службы, рассыпной строй, какъ наиболѣе выгодный, для извлеченія изъ ружейнаго огня наибольшей пользы, съ наименьшею для самихъ насъ потерею, получилъ уже преобладающее значеніе. Отъ такого преобладанія рассыпнаго строя, которое есть прямое слѣдствіе усовершенствованнаго оружія, не только измѣняется характеръ строя, въ тактическомъ отношеніи, но характеръ всего устава, до его коренныхъ основаній, или такъ-называемой рекрутской школы, которая опредѣляетъ собою направленіе всего дальнѣйшаго образованія солдата.

Въ различныхъ приказахъ, неоднократно отданныхъ въ послѣднее время по нашему гвардейскому корпусу, ясно обозначено, чего требуетъ и къ чему стремится, въ этомъ отношеніи, правительство. Не механической дрессировки, не безсмысленныхъ приемовъ и тѣлодвиженій, дѣлающихъ изъ человѣка машину, не тупаго и грубаго исполненія въ данный моментъ команднаго звука; не того ученья, которое напрасно и тщетно обременяетъ человѣка, требуетъ правительство при образованіи солдата; нѣтъ, оно требуетъ, чтобы ученье, укрѣпляя его здоровье, приучая его постепенно къ перенесенію трудностей походной и боевой жизни и къ нравственной дисциплинѣ, развивало въ немъ ловкость, смѣлность, проворство, способность къ иѣткой стрѣльбѣ, на всякой мѣстности и во всякомъ положеніи, и искусство дѣйствовать штыкомъ. Такія требованія, какъ видно, прямо противорѣчатъ ученью автоматическому. Смыслъ этихъ требованій—

такъ образовать характеръ и свойства солдата, чтобы онъ удовлетворялъ настоящимъ условіямъ войны, чтобы онъ достигалъ извѣстной нравственной самостоятельности, безъ которой не можетъ принести пользы никакое оружіе, и никакое исключительно-механическое, хотя бы до утонченности и педантизма доведенное образованіе.

Стремленіе достигнуть своей цѣли съ наименьшею потерей въ людяхъ и извлечь изъ даннаго количества пѣхоты наибольшую выгоду, заставить, вѣроятно, уменьшить тактическую единицу, за которую былъ до этихъ поръ принимаемъ батальионъ, или масса отъ 800 до 1000 человекъ. Большія отдѣльныя массы будутъ теперь подвергаться сильному пораженію отъ ружейнаго огня; наивыгоднѣйшее употребленіе новаго оружія потребуетъ отъ строя большей гибкости и подвижности; онъ долженъ будетъ обладать въ высшей степени способностію быстро развертываться, рассыпаться и вновь смыкаться въ различныя массы, быстро измѣнять направленія и въ то же время не терять взаимной связи; для удовлетворенія всѣмъ этимъ качествамъ строя, которыя вызываетъ употребленіе новаго оружія, очевидно, что прежніе батальионы оказываются слишкомъ массивными, неповоротливыми и излишне-многолюдными; наконецъ, нужно замѣтить еще, что рота, вооруженная въ настоящее время новыми ружьями, приобретаетъ несравненно большую самостоятельность, нежели прежде. Такимъ образомъ въ новыхъ уставахъ, вмѣстѣ съ рассыпнымъ строемъ, стали входить въ большое употребленіе сопровождающія послѣдній *ротныя колонны*. Вѣроятно также потребность замѣнить трехшереножный строй двухшереножнымъ станетъ скорѣе болѣе ощутительною.

Судьбы войнъ рѣшаются не подъ стѣнами крѣпостей и не одною механическою силою разрушенія, но въ битвахъ оружіемъ ручнымъ и въ полѣ, гдѣ нравственныя силы сражающихся рѣшаютъ дѣло. Поэтому усовершенствованіе оружія ручнаго, и преимущественно назначеннаго для пѣхоты, несравненно для насъ важнѣе, и имѣетъ вліяніе несравненно обширнѣйшее на военное искусство, нежели всѣ возможныя усовершенствованія въ оружіи артиллерійскомъ и въ оружіи охранительномъ, начиная отъ кирасъ тяжелой кавалеріи до каменныхъ громадъ долговременныхъ укрѣпленій. Пѣхота составляетъ въ образованномъ войскѣ зерно и силу армій; кавалерія и артиллерія, какъ бы мы ни старались возвысить ихъ значеніе, всегда будутъ только вспомогательными средствами. Нравственныя силы кавалериста необходимо стѣсняются тѣмъ, что онъ не можетъ управлять своимъ конемъ, какъ нравственною волею. Фридрихъ Великій возвысилъ этотъ родъ войска именно тѣмъ, что всю силу его полагалъ въ стремительности и быстротѣ атакъ — въ свойствахъ, которыми до извѣстной степени уравнивается стѣснительное положеніе кавалериста, обязаннаго, такъ-сказать, перелить

свой пылъ и стремительность въ лошадей. Точно также и Наполеонъ возвысилъ значеніе артиллеріи тѣмъ, что доставилъ ей подвижность, которая не только не стѣсняетъ маневровъ другихъ войскъ, но даетъ ей самой способность маневрировать и атаковать, и этимъ самымъ приблизилъ нѣкоторымъ образомъ артиллерійское оружіе къ ручному, развилъ нравственную сторону артиллеріи, далъ ей жизнь и просторъ. Такимъ только образомъ, вмѣсто прежнихъ пушкарей, которые были при орудіяхъ то же, что поденщики, приставленные къ машинамъ, и вмѣсто подвижныхъ крѣпостей въ видѣ орудій, перетаскиваемыхъ лямками съ одного мѣста на другое, мы встрѣчаемъ артиллерію живую, одушевленную тѣми же нравственными силами и принимающую такое же участіе въ бою, какъ и другія войска. Но теперь, съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія ручнаго, *значеніе пѣхоты еще больше возвысилось передъ остальными двумя родами войскъ.* Наибольшая дистанція, съ которой допускается дѣйствіе тяжелой полевой артиллеріи, составляетъ около 1500, а легкой около 1200 шаговъ — дистанціи, на которыхъ дѣйствительность артиллерійскаго огня еще очень слаба. Но съ 1200 шаговъ, при стрѣльбѣ въ цѣль значительныхъ размѣровъ, хорошіе стрѣлки могутъ также съ успѣхомъ завязывать бой, пользуясь вмѣстѣ съ этимъ всѣми выгодами мѣстности и представляя собою цѣль несравненно меньшую, нежели артиллерійскія орудія съ ихъ лафетами, передками, зарядными ящиками и лошадьми. Съ разстоянія 800 шаговъ картечь едва достигаетъ непріятеля; и въ группу, состоящую изъ двухъ или трехъ человекъ, попадаетъ изъ ста картечныхъ пуль не болѣе шести, тогда какъ съ этой дистанціи пули застрѣльщикова попадаютъ всѣ почти въ лошадей и прислугу при орудіяхъ. Стало-быть ясно, что легкая артиллерія должна уступить свое мѣсто орудіямъ и снарядамъ другой системы, которая, не уступая въ подвижности прежней системѣ, должна превосходить ее въ дальности и мѣткости выстрѣловъ. Такую задачу предстоитъ еще рѣшить артиллеріи, если ей суждено сохранить то же важное значеніе въ полевыхъ сраженіяхъ, какое она до этихъ поръ имѣла. Но еслибъ эта задача была рѣшена самымъ блестящимъ образомъ, то во всякомъ случаѣ *отношеніе между численностію и важностію артиллеріи и ручнаго огнестрѣльнаго оружія навсегда должно измѣниться въ пользу послѣдняго.* Въ исключительныхъ, хотя и многихъ случаяхъ, артиллерія будетъ все-таки служить необходимымъ и сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ; но *общее значеніе артиллеріи, такъ же какъ и кавалеріи въ арміи, въ сравненіи съ пѣхотою, безспорно уменьшилось.* Въ этомъ нельзя не признать значительнаго успѣха въ развитіи военнаго искусства; ибо все, что ослабляетъ зависимость пѣхоты отъ другихъ родовъ войскъ, все, что освобождаетъ армію отъ необходимости имѣть, кромѣ пѣхоты, такіа огнестрѣльные машины, для дѣйствія которыми

нужно нѣсколько человѣкъ прислуги и тяжелые снаряды, а для перевозки — лошади, все это необходимо ведетъ къ увеличенію подвижности арміи, къ уменьшенію издержекъ на ея содержаніе и къ полнѣйшему развитію силъ нравственныхъ, возможному только при употребленіи оружія, которое каждый человѣкъ можетъ носить легко, и съ полною свободою и удобностію употреблять для защиты и нападенія.

Было время, когда кавалерія составляла не только главную, но почти исключительную силу войска; когда рыцарь, закованный въ желѣзо, былъ единственнымъ представителемъ той грубой военной силы, которая не знала предѣловъ своему самовольству. Паденіе рыцарства сходится въ исторіи съ освобожденіемъ общинъ, съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія и образованіемъ правильной пѣхоты. Въ этомъ-то смыслѣ, открытіе огнестрѣльнаго оружія принесло величайшія благодѣянія христіанской цивилизаціи. Оно дало превосходное средство обороны слабому противъ сильнаго, дало средства небогатой сперва общинѣ снаряжать войско, не столь грозное и великолѣпное на видъ, какъ рыцарская кавалерія, но способное бороться съ нимъ и побѣждать его. Съ этой только поры пѣхота начала получать преобладающее значеніе передъ конницею, и этимъ самымъ положено было начало возрожденію военного искусства, процвѣтавшаго уже у древнихъ Грековъ и Римлянъ.

Безспорно, кажется, должно принять, что возрастающее преобладаніе пѣхоты надъ остальными родами войскъ служить вѣрнымъ признакомъ усовершенствованія самаго военного искусства.

Такъ, въ настоящее время кавалерія уже не можетъ безнаказанно держаться такъ близко отъ непріятельской пѣхоты, какъ прежде; кавалерійскія атаки должны начинаться съ большихъ дистанцій, что необходимо разстраиваетъ совокупность натиска и силу удара; обширныя равнины, исключительно благопріятствующія дѣйствіямъ кавалеріи, будутъ съ особенною тщательностію избѣгаемы пѣхотою. Стрѣльба изъ наръзныхъ ружей, въ большія и густыя массы кавалеріи, можетъ быть открыта съ дистанцій болѣе тысячи шаговъ, и прежде чѣмъ эта масса двинется въ атаку, и пока она проскачетъ это пространство, она подвергнется сильному пораженію и разстройству.

Вообще употребленіе большихъ сомкнутыхъ массъ, — о которыхъ разказывалось нѣкогда съ такимъ восторгомъ, какъ о грозныхъ, все-сокрушающихъ ударахъ въ рѣшительныя минуты боя, — со введеніемъ наръзныхъ ружей, должно потерять свою важность и прелесть. Наружнымъ блескомъ и стройностію такихъ атакъ, можно еще будетъ любоваться на ученьяхъ; но обольстительныя надежды сокрушать подобными массами непріятельскую силу должны очень поколебаться, вмѣстѣ со многими иллюзіями прежняго времени. Если артиллерія

своими неправильными выстрѣлами могла страшно опустошать такія колонны, и часто не допускала ихъ пробивать линіи своихъ войскъ, то какое разрушительное дѣйствіе должна произвести, на тѣхъ же дистанціяхъ, нынѣшняя ружейная пальба, въ которой каждая пуля будетъ выводить по человѣку изъ этого обширнаго и глубокаго строя? Если граната или ядро, вырывая изъ непріятельскаго фронта разомъ нѣсколько человѣкъ, производитъ дѣйствіе несравненно сильнѣе, нежели каждая пуля въ отдѣльности, то можно ли сравнить съ другой стороны сосредоточенное дѣйствіе самыхъ обширныхъ батарей съ многочисленными роями убійственныхъ пуль, пронизывающихъ по всѣмъ направленіямъ большую колонну? Употребленіемъ громадныхъ колоннъ, если и достигалась цѣль атаки, то не иначе какъ съ огромною потерей людей; но когда эта потеря становится до того велика, что уничтожаетъ всякую связь въ различныхъ частяхъ колонны, и совершенно парализируетъ ея ударъ, то по неволѣ должно будетъ отказаться отъ такого строя.

Одно изъ качествъ хорошаго оружія, назначаемого для вооруженія войскъ, состоитъ безспорно въ томъ, чтобы можно было обучить рекрута дѣйствию изъ этого оружія, и обращенію съ нимъ, въ кратчайшее по возможности время. И въ этомъ отношеніи новое оружіе имѣетъ рѣшительное преимущество передъ старымъ.

До сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы племена, для которыхъ стрѣльба изъ ружей составляетъ условіе ихъ быта, родъ національнаго учрежденія, какъ напримѣръ въ Швейцаріи, Тироли или у нашихъ черноморскихъ пастуновъ. Въ рукахъ войскъ, набранныхъ изъ такихъ племенъ, которыя съ малолѣтства свыкаются съ употребленіемъ ружья, и плохое оружіе можетъ дѣйствовать превосходно. Здѣсь навыкъ, долговременное и постоянное упражненіе замѣняютъ недостатки правильнаго обученія и частію устройства оружія. Но подобныя исключительныя условія, которыя образуютъ отличныхъ стрѣлковъ, разумѣется не могутъ относиться къ массѣ войскъ, набираемыхъ обыкновенно изъ мирныхъ гражданъ, гдѣ солдатъ ни въ какомъ отношеніи не охотникъ.

Поэтому если свойства оружія таковы, что непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго дѣйствія изъ него есть *долговременная практика*, то это оружіе не соответствуетъ своему назначенію или, по крайней мѣрѣ, далеко еще до совершенства. Препятствіе гладкоствольное оружіе, еслибъ оно содержалось и въ полной исправности, не удовлетворяетъ, по устройству своему, условію крайне необходимому для мѣткой стрѣльбы: пуля, вмѣсто того чтобы вылетать изъ дула, по направленію оси ствола, и попадать въ точку, куда цѣлитъ солдатъ, отклоняется вправо или влево, вверхъ или внизъ; эти отклоненія и разнообразія въ дальностяхъ невозможно было подчинить никакому постоянному закону, такъ что единственное средство достигнуть

мѣткой стрѣльбы заключалось въ томъ, чтобы каждый солдатъ *примѣлалъ* свое ружье, то-есть, опредѣлилъ бы изъ долгой практики его свойства, дальность его выстрѣловъ и отклоненія пули отъ ея нормальнаго полета.

Очевидно, что ожидать выполненія такихъ требованій отъ солдата вообще невозможно, а тѣмъ болѣе отъ рекрута или ратника, которыхъ нужно образовать для войны въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Исправное содержаніе оружія, частое по возможности упражненіе въ стрѣльбѣ и соблюденіе правила не передавать ружей изъ однихъ рукъ въ другія, могли бы конечно, независимо отъ устройства оружія, способствовать къ увеличенію мѣткости стрѣльбы; но какія могутъ произойти печальныя послѣдствія, если при несовершенствѣ оружія, не выполняется притомъ ни одно изъ предъдущихъ требованій,—можетъ рѣшить самъ читатель. Правильность полета пули нарѣзнаго оружія такъ велика, что нужно одно только твердое желаніе, чтобы въ короткое время, безъ особенныхъ къ тому способностей, приобрѣсти навыкъ къ удовлетворительной мѣткости въ стрѣльбѣ; здѣсь нѣтъ уже тѣхъ неправильныхъ и разнообразныхъ отклоненій пули, къ которымъ необходимо долгое время привыкаться, чтобы попадать въ цѣль. Но когда пуля, при правильномъ прицѣливаніи, попадаетъ всегда почти въ цѣль, тогда солдатъ получаетъ довѣріе къ огнестрѣльному дѣйствию своего оружія, получаетъ и охоту къ стрѣльбѣ, и убѣждается, что если штыкъ молодець, то и пуля не дура.

Такимъ образомъ, навыкъ, долговременная практика и особенныя естественныя способности людей, бывшія непремѣнными условіями успѣха стрѣльбы, уступаютъ теперь мало-по-малу свое мѣсто понятіямъ болѣе научнымъ, въ которыхъ опредѣляется все числомъ, мѣрою и вѣсомъ, а не одною случайностію и слѣпою рутинной.

Величайшія выгоды, приобретаемыя отъ возможности обучить солдатъ въ короткое время цѣльной стрѣльбѣ, — очевидны и многочисленны. Съ одной стороны, отъ этого приобретается возможность образованія, въ короткое время, большихъ массъ народныхъ ополченій, удовлетворяющихъ главному требованію войны—искусному дѣйствию оружіемъ; съ другой стороны, это ведетъ къ уменьшенію наличнаго состава постояннаго войска, и къ уменьшенію сроковъ солдатской службы. Драгоцѣнныя выгоды, проистекающія для государства отъ такихъ мѣръ, могутъ осуществиться только при распространеніи новаго оружія во всей арміи, при удовлетворительной выдѣлкѣ оружія, при соблюденіи — въ дѣйствительности, а не на одной бумагѣ — всѣхъ правилъ для надлежащаго содержанія и сбереженія ружей, и наконецъ, при условіи, что стрѣльба въ цѣль составитъ главнѣйшую часть занятій солдата.

« Арміи недостаточны для спасенія націи, тогда какъ нація,

защищаемая народомъ — непобѣдима,» говорилъ Наполеонъ. Новое оружіе даетъ ближайшее средство для защиты государства цѣлымъ народомъ. Благодаря новому оружію, народныя ополченія будутъ, во многихъ случаяхъ, способны къ такой же борьбѣ съ неприятелемъ, какъ и постоянныя войска.

Вслѣдствіе большей дальности ружейныхъ выстрѣловъ оборона данной мѣстности помощью полевыхъ укрѣпленій, получить также иной характеръ, при чемъ всѣ выгоды будутъ опять на сторонѣ обороняющагося. То же число укрѣпленій будетъ въ состояніи оборонять пространства, несравненно обширнѣйшія, потому что расположеніе построекъ, основанное на возможности ихъ взаимной обороны, зависитъ прямо отъ дѣйствительности и дальности ружейнаго огня. Когда артиллерія не можетъ держаться близко отъ укрѣпленій, тогда толщина насыпей, достаточная для сопротивленія ударамъ артиллерійскихъ снарядовъ, можетъ быть допущена слабѣе; и по этому вообще укрѣпленіе лагеря, или даннаго пункта, потребуетъ менѣе времени и трудовъ. Небольшое число хорошихъ стрѣлковъ, занимающихъ выгодную мѣстность, или прикрытыхъ легкою земляною насыпью, будетъ въ состояніи останавливать силы несравненно большія. Однимъ словомъ: *съ новымъ оружіемъ, оборона вездѣ приобретаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ атакой*, и слабый приобретаетъ въ немъ вѣрную защиту отъ сильнаго. вмѣстѣ съ этимъ, искусство и образованіе получаютъ также болѣе рѣшительный перевѣсъ надъ грубою силою массъ, соединенныхъ въ одно цѣлое только автоматическою дисциплиной; съ усовершенствованіемъ оружія, становится все болѣе и болѣе ясною и вразумительною основная истина военнаго искусства: *силы арміи заключаются не въ количество, но въ качество составляющихъ ее войскъ.*

Великія нашествія навсегда перестанутъ теперь быть опасными для той цивилизаціи, сила самосохраненія которой заключается въ созданныхъ ею же войскахъ; новое оружіе, въ соединеніи съ желѣзными дорогами, должно обезпечивать теперь болѣе, нежели когда-нибудь, судьбы образованныхъ народовъ и сокровища ихъ цивилизаціи, скопленные трудами цѣлыхъ вѣковъ и поколѣній, отъ случайныхъ вторженій непріятеля, руководимаго слѣпымъ честолюбіемъ или необузданною властію какой бы то ни было личности.

Но этимъ не ограничивается еще вліяніе новаго оружія.

Дистанція, съ которой можно съ успѣхомъ открывать пальбу изъ наръзныхъ ружей противъ отдѣльныхъ стрѣлковъ и небольшихъ массъ, превышаетъ въ два и въ три раза, а противъ большихъ колоннъ въ четыре раза, тѣ разстоянія, до которыхъ достигалъ огонь прежнихъ ружей. Сфера дѣйствія ручнаго огнестрѣльнаго оружія расширилась такимъ образомъ до разстояній, которыя доступны были прежде дѣйствію одной артиллеріи; въ то же время отъ преобладанія рассыпна-

го строя расширяется и поле сраженія; мѣстность, пересѣченная, съ разнообразными прикрытіями, становится, болѣе нежели когда-нибудь, самою благопріятною для дѣйствія хорошей пѣхоты; оборона, какъ мы уже замѣтили, получаетъ сильный перевѣсъ передъ атакою. При той обширности протяженія, какое будетъ занимать войсками, съ ихъ длинными цѣлями застрѣльщикова, на неровной мѣстности, труднѣе уже будетъ сохранять единство, совокупность дѣйствія и взаимную связь между различными частями войскъ, — условія, совершенно необходимыя для достиженія цѣли, предполагаемой главнокомандующимъ. Эти затрудненія увеличиваются также въ отношеніи къ обезпеченію фланговъ и распредѣленію резервовъ. Старая истина: умѣть сосредоточивать въ данный моментъ и на данномъ пунктѣ наибольшее количество войскъ, должна пріобрѣсть другіе способы для своего приложенія на дѣлѣ. Отъ главнокомандующаго потребуются, слѣдовательно, болѣе обширныхъ, болѣе быстрыхъ и сложныхъ соображеній. При расширеніи способовъ къ одержанію побѣды, какіе главнокомандующій находитъ въ усовершенствованномъ оружіи, расширяется и сфера его дѣятельности, обнимающая большее пространство битвы; это условіе необходимо вызываетъ, для сохраненія совокупности дѣйствія, большее довѣріе главнокомандующаго къ частнымъ начальникамъ, — обстоятельство, причиняющее въ свою очередь настоятельную потребность въ болѣешемъ образованіи послѣднихъ, основанномъ на изученіи военного дѣла и на возвышенности нравственныхъ качествъ. Неоднократные опыты послѣдней войны доказали, что первыми жертвами боя должны быть теперь сами начальники, и что каждый офицеръ долженъ быть готовъ принять команду. Если при непрерывной смѣнѣ начальниковъ, офицеры, заступающіе оди другихъ въ командованіи, не получили никакихъ свѣдѣній ни о направленіи, ни о цѣли движенія отрядовъ, или недостаточно образованы, чтобы понять значеніе и смыслъ этихъ движеній въ общемъ ходѣ битвы, и со всею точностію ихъ исполнить, то отсюда неминуемо произойдутъ самыя пагубныя послѣдствія — безпорядки, замѣшательства, потеря взаимной связи въ дѣйствіяхъ войскъ, и паденіе нравственныхъ силъ.

Сознаніе своихъ нравственныхъ силъ и образованіе офицера, освобождающія отъ страха ответственности, за который прячутъ иные командиры свою совѣсть и свое невѣжество, не дадутъ ему смутиться духомъ и потеряться, когда ему выпадетъ жребій—командовать какою-нибудь отдѣльною частію, вмѣсто павшаго товарища; эта нравственная самостоятельность и взаимное довѣріе распространятся тогда и на рядовыхъ, которые, видя командира своего убитымъ, съ полнымъ присутствіемъ духа и съ твердостію будутъ продолжать то движеніе, на которомъ смерть застала ихъ начальника.

Когда Суворовъ, въ 1799 году, въ Италіи, училъ Австрійцевъ, какъ

должно сражаться и вести войну, онъ выразилъ между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ слѣдующимъ образомъ мысль свою о необходимости довѣрія между начальникомъ и подчиненными:

«Недовольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствій. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войско согласно съ нимъ. Мало того: и батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. *Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ.* Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ.» Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этому приказу знаменитаго полководца?

Для насъ Русскихъ, всѣ эти условія и требованія не должны поэтому казаться новостію; довѣріе между начальникомъ и подчиненными всегда было, какъ видно, необходимо для достиженія успѣховъ; мы утверждаемъ только, что при нынѣшнихъ способахъ веденія войны, вытекающихъ изъ вновь-созданной силы ручнаго огнестрѣльнаго оружія, такая довѣренность должна еще болѣе расширяться, чего нельзя достигнуть—повторяемъ мы—иначе, какъ при большемъ образованіи офицеровъ, и доставленіи каждому солдату—болѣе нравственной самостоятельности.

Какъ бы однакоже ни было выгодно употребленіе новаго оружія, какъ ни важны послѣдствія, вытекающія изъ его преимуществъ надъ оружіемъ, прежде бывшимъ въ употребленіи, было бы совершенною мечтою предположеніе, что дѣйствіе штыка исчезнетъ въ битвахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, съ усовершенствованіемъ оружія огнестрѣльнаго, кругъ дѣйствія оружіемъ холоднымъ болѣе и болѣе стѣсняется; къ штыковому дѣлу будутъ прибѣгать рѣже, и если изъ двухъ враждебныхъ сторонъ одна будетъ имѣть лучше вооруженную, лучше обученную, болѣе образованную пѣхоту, то все дѣло можетъ кончиться одною перестрѣлкою. Но когда силы войскъ въ этомъ отношеніи равны, то дѣло никогда не можетъ рѣшиться въ пользу той или другой стороны безъ атакъ холоднымъ оружіемъ. Мы, напротивъ, съ болшею вѣроятностію, можемъ, кажется, предполагать, что въ этой стѣсненной сферѣ, въ которую принуждено будетъ отступить дѣйствіе штыка, борьба этимъ оружіемъ получитъ еще болѣе рѣшительный и болѣе ожесточенный характеръ. Человѣкъ всегда употреблялъ для пораженія врага оба оружія—метательное и холодное; употребленіе того и другаго вытекаетъ изъ самой природы человѣка, и никакія усовершенствованія въ оружіи, никакая тактика не могутъ замѣнить законовъ природы.

Но если съ распространеніемъ новаго оружія, дѣло будетъ доходить гораздо рѣже до штыковъ, то для человѣчества и въ этомъ отношеніи произойдетъ немаловажный выигрышъ. Очевидцы разказываютъ,

что когда послѣ сраженія съ обѣихъ сторонъ отряжаются команды для уборки тѣлъ убитыхъ и раненыхъ, чувства товарищей поражаются двумя противоположными впечатлѣніями: одни тѣла лежатъ съ членами спокойно распростертыми на землѣ; глаза и уста ихъ сомкнуты; лица ихъ также спокойны и обращены къ небу; другіе трупы лежатъ ницъ, скорченные и обезображенные; на ихъ искаженныхъ лицахъ, слѣды—отчаянныхъ предсмертныхъ мукъ, подъ ними разрыта земля, и разбросаны клочья травы. Первые убиты большею частію оружіемъ огнестрѣльнымъ; большая часть вторыхъ убита штыками.

Поэтому каждый другъ человѣчества долженъ съ радостію привѣтствовать усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія.

Сводя къ общему итогу все, что было сказано объ общемъ вліяніи новаго оружія на военное искусство, мы приходимъ къ заключенію, что оно должно возвысить значеніе человѣка, какъ нравственной и разумной личности, въ организціи военныхъ силъ; и что, представляя большія выгоды тому, кто обороняется, передъ тѣми, кто нападаетъ, оно будетъ способствовать къ упроченію мира и къ общему благоденствію народовъ.

Н. Воронцовъ—Вельяминовъ.

ПОСЛѢДНІЕ ТРУДЫ КОРНЕЛІУСА И ОВЕРБЕКА.

(Изъ воспоминаній о Римѣ.)

Въ числѣ первоклассныхъ художниковъ, избравшихъ Римъ своимъ мѣстопребываніемъ, можно назвать въ настоящее время двухъ представителей современной германской исторической живописи: Корнелиуса и Овербека. Послѣдній, какъ извѣстно, не оставляетъ Рима. Имѣть постоянно передъ глазами, какъ образецъ для себя, живопись Рафаэля—составляетъ какъ бы неизбѣжную потребность его художественной дѣятельности. Что касается до Корнелиуса, то онъ перѣхалъ въ Римъ для довершенія замѣчательныхъ работъ, частію уже оконченныхъ имъ въ Берлинѣ, работъ, которыя, по нашему мнѣнію, останутся навсегда апогеемъ его художественнаго творчества. Это картоны, рисованные въ большомъ размѣрѣ для королевскаго Campo-Santo и имѣющіе предметомъ своимъ изображенія событий, предсказываемыхъ Апокалипсисомъ, и дѣла христіанскаго чело-вѣколюбія. Ежели произведенія Корнелиуса были всегда выраженіемъ

идеи хорошо обдуманной, то изображенія апокалипсическихъ событій замѣчательны притомъ необыкновенною силою композиціи и привостію фантазіи, а рядъ изображеній, имѣющихъ предметомъ дѣла христіанскаго человѣколюбія, имѣя глубокое внутреннее значеніе, и соединяя въ себѣ наивную простоту выраженія съ граціею въ контурахъ, отличается еще тѣмъ неподдѣльнымъ чувствомъ, безъ котораго художникъ не могъ бы такъ искусно затронуть тончайшія струны человѣческаго сердца...

Подобныхъ достоинствъ—къ сожалѣнію мы должны замѣтить это—не имѣетъ послѣднее произведеніе Корнеліуса въ Римѣ: картонъ для картины *День передъ Страшнымъ Судомъ*, назначенной для того же королевскаго кладбища. Онъ нарисованъ на бумагѣ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Относительно красокъ излишне было бы и говорить о его недостаткахъ; эта матеріальная сторона исполненія не досталась, какъ извѣстно, въ удѣлъ современной германской школѣ исторической живописи, за весьма немногими исключеніями. Но и въ идеальной сторонѣ композиціи, которою всегда такъ щеголялъ Корнеліусъ, здѣсь ощущается замѣчательная скудость. Художникъ повторилъ, какъ мы сейчасъ упомянемъ, въ этомъ картонѣ то, что составляетъ почти обычный пріемъ едва ли не всѣхъ изображеній Страшнаго Суда. Въ самомъ верху представлены имъ ангелы съ орудіями страданій Спасителя. Ниже изображены упоминаемые въ Апокалипсисѣ, сидящіе на престолахъ, старцы, слагающіе вѣнцы свои передъ престоломъ Всевышняго. Далѣе, столпы вѣры Христовой съ пальмовыми вѣтвями мученичества, апостолы и ветхозавѣтные святые, по сторонамъ престола вѣчнаго Судіи, которому предстоятъ Богоматерь съ Предтечею. Престолъ окружаютъ евангелисты. Въ серединѣ ангелъ держитъ закрытую книгу съ семью печатями. Ниже пастыри и учителя церкви. На землѣ передъ алтаремъ стоятъ колѣнопреклоненные король, королева и члены прусскаго королевскаго дома. По сторонамъ—ступени, соединяющія небо съ землею; онѣ-то остались въ картинѣ едва ли не единственнымъ мѣстомъ для развитія собственныхъ идей художника: вотъ почему, можетъ-быть, сочиненіе и вышло такъ не богато идеями. Съ лѣвой стороны на верху этихъ ступеней мы видимъ архангела Михаила съ мечомъ, какъ олицетвореніе мысли наказанія грѣшниковъ, и ниже его ангеловъ съ трубами, готовящихся возвѣстить послѣдній часъ міру; съ правой стороны—ангела, возносящаго молитвы святыхъ къ небу, который представленъ въ видѣ курящагося оміама, и другаго ангела, собирающаго добрыя дѣла въ сосудъ: оміамъ добрыхъ дѣлъ соединяется съ оміамомъ молитвъ. Вотъ еще ангелъ, который возводитъ спасеннаго имъ юношу къ небу.

Въ этомъ и заключается вся оригинальная сторона сочиненія по его изобрѣтенію. Что касается до рисунка, то онъ, смѣю замѣтить,

столь же мало имѣть въ себѣ достоинствъ, какъ и сочиненіе. Корнеліуса почти не узнаешь, и по неволѣ приписываешь это его драхлющимъ силамъ.

Нѣчто совѣтъ иное представляетъ намъ старческая дѣятельность Овербека. Удрученный лѣтами и семейными несчастіями, лишившись жены и сына, онъ не утрачиваетъ силы творчества и проявляетъ ее въ новыхъ видахъ еще съ большимъ развитіемъ мыслительной стороны, такъ что его послѣдніе очерки таинствъ христіанской религіи не безъ основанія многими духовными лицами Запада называются олицетвореннымъ богословіемъ.

Уже извѣстный рядъ прекрасныхъ композицій, изданныхъ подъ именемъ *Darstellungen aus Evangelien*, составляетъ неопѣненую заслугу. Овербекъ приблизился въ этихъ изображеніяхъ къ духу евангельскаго благовѣствованія, и это должно почестъ первымъ ихъ достоинствомъ. Ежели немногія изъ этихъ композицій, нѣкоторою сухостью и пуризмомъ, показываютъ отчасти подражаніе первоначальнымъ художникамъ времени возрожденія искусствъ, зато въ другихъ направленіе это видимо измѣнилось, не утративши однако простоты и наивности въ способѣ изображенія. Разсматривая ихъ, сознаешь невольно, что художникъ глубоко былъ проникнутъ святостью изображаемыхъ имъ событій. Для примѣра я укажу только на Погребеніе Спасителя — композицію, не имѣющую себѣ въ этомъ отношеніи подобной.

Въ настоящихъ работахъ, надъ окончаніемъ которыхъ Овербекъ продолжаетъ еще трудиться и для которыхъ предметомъ избралъ онъ христіанскія таинства, онъ не удовольствовался изображеніемъ одного событія, имѣющаго ближайшее отношеніе или показывающаго первообразъ самого таинства, ему нужно было другими дополнительными изображеніями указать на сущность значенія таинствъ въ религіи, на основаніе ихъ происхожденія, заключающееся въ словахъ евангельскаго благовѣствованія, на ветхозавѣтныя прообразованія, имъ соответствующія, на символы изъ міра вѣщнаго, видимаго, въ которыхъ они выразились, и наконецъ поэтическими представленіями различныхъ фазъ изъ самой жизни человѣка, освященнаго религіею, показать на немъ спасительное и благотворное ея дѣйствіе.

Въ четырехъ картонахъ одинаковаго размѣра изображены таинства Крещенія, Мвропомазанія, Покаянія и Евхаристіи. Каждый изъ этихъ картоновъ раздѣленъ такъ, что середина его занята главнымъ изображеніемъ, а остающіяся по вѣмъ сторонамъ поля, заключаютъ въ себѣ, кромѣ эмблематическихъ украшеній, изображенія меньшаго размѣра изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, имѣющія прямое отношеніе къ главному.

Вотъ предметъ главнаго изображенія въ таинствѣ Крещенія. Въ день Сошествія Святаго Духа, въ то самое время, какъ Апостолъ

Петръ проповѣдуетъ слово божіе, трое изъ апостоловъ начинаютъ крестить христіанъ изъ трехъ различныхъ племенъ. Надъ главнымъ изображеніемъ, въ срединѣ, помѣщено въ кругу крещеніе Спасителя, какъ первообразъ установленнаго имъ таинства, въ двухъ компартиментѣхъ. По сторонамъ круга, представлены олени, пьющіе изъ свѣжаго источника, — олицетвореніе потребности, выраженной словами псалма: *Иже образомъ желаетъ елень на источникъ водный, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже.* По обѣимъ сторонамъ главнаго изображенія, въ составъ украшенія поля входятъ аллегорическія изображенія: змѣя на деревѣ райскомъ и змѣя, вознесенная на крестѣ. Первое помѣщено надъ находящимся ниже въ угловомъ компартиментѣ изображеніемъ рая потеряннаго, или изгнанія праотцевъ изъ первобытнаго рая; второе относится къ идеѣ рая возвращеннаго, выраженной въ бесѣдѣ Спасителя съ Никодимомъ о вторичномъ рожденіи отъ воды и духа. Средину нижняго поля занимаютъ изображенія двухъ событій ветхозавѣтныхъ, прообразовавшихъ собою установленное въ Новомъ Завѣтѣ таинство. Это — вступленіе Ноя въ ковчегъ и переходъ Израильтянъ черезъ Черное море.

Перейдемъ теперь къ таинству сообщенія даровъ Духа Святаго.

Главное изображеніе представляетъ апостоловъ, сообщающихъ благодать Духа Святаго вѣрующимъ. Петръ возлагаетъ руки на мужицъ, Іоаннъ на женщинъ. Надъ ними, въ верхней части поля, изображены семь Даровъ Духа Святаго. Въ нижнихъ угловыхъ компартиментѣхъ помѣщены два изображенія, напоминающія намъ проповѣдь Іоанна Крестителя, также слова самого Спасителя, относящіяся къ символамъ, служащимъ къ проявленію Святаго Духа. Первое представляетъ проповѣдь Предтечеву, гдѣ онъ, обращаясь къ народу, говоритъ: *«Азъ убо водою крещая вы: грядетъ же крѣпкій мене, ему же нѣсмь достоинъ отръшати ремень сапогу его: Той вы крестите Духомъ Святымъ и огнемъ».* Лук. III, 16. Второе изображаетъ Спасителя съ женою Самарянкою у колодезя, гдѣ Онъ говоритъ ей: *«Аще бы вѣдала еси даръ Божій и кто сей глаголетъ ти: даждь ми пити; ты бы просила у него и далъ бы ти воду живу»*, и потомъ далѣе: *«а иже пьетъ отъ воды юже азъ дамъ ему, не возжаждетъ во вѣки: но вода юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущій въ животъ вѣчный.»* Іоан. IV, 10 и 14. Надъ этими угловыми изображеніями художникъ помѣстилъ изображеніе самыхъ стихій огня и воды. Надъ первымъ мы видимъ прекрасный канде-лабръ съ пламенемъ, надъ вторымъ фонтанъ съ струею воды. Нижнее поле представляетъ два событія изъ исторіи Ветхаго Завѣта, явленіе Бога Моусею на горѣ Синайской въ огнѣ и облакѣ, и Моусея, извлекающаго изъ скалы воду въ пустынѣ.

Въ таинствѣ покаянія главное изображеніе напоминаетъ намъ текстъ Евангелія, послужившій основаніемъ принятаго церковью таинства. Мы видимъ Спасителя, говорящаго апостоламъ, Его окружающимъ: «Примите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи отпустятся имъ: и имже держите, держатся.» Иоан. XX, 22 и 23. Надъ среднимъ изображеніемъ, въ кругу по срединѣ верхняго поля, представленъ Спаситель, распятый за грѣхи людскіе, какъ искупительная жертва Новаго Завѣта. Два нижніе угловые компартиментъ, и боковыя поля надъ ними получили то же примѣненіе, какъ и въ первомъ, описанномъ нами картонѣ, то-есть одна половина представляетъ слѣдствіе грѣхопаденія челоуѣка ветхаго; другая—спасительное дѣйствіе искупленія челоуѣка, обновленнаго благодатию. Итакъ, въ первомъ изъ угловыхъ компартиментовъ представлено грѣхопаденіе. Богъ проклинаетъ змія словами: «И вражду положу между тобою и между женою и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ томъ: Той твою блюсти будетъ главу и ты блюсти будешь его плчу.» Быт. III, 15. Отношеніе этихъ словъ къ имѣющему родиться отъ сѣмени жены Искупителю, который *соптретъ главу змія*, поэтически выражено въ образѣ Богоматери, помѣщенномъ въ отдаленіи. Въ изящной арабескѣ, занимающей боковое поле, между цвѣтами и плодами древа познанія добра и зла произрастаютъ семь смертныхъ грѣховъ. Во второмъ угловомъ компартиментѣ, въ воскресеніи Лазаря, Овербекъ хотѣлъ изобразить Спасителя, разрешающаго узы грѣховнаго челоуѣка; а въ развивающейся надъ этимъ изображеніемъ арабескѣ мы видимъ душу освобожденнаго отъ грѣховъ челоуѣка, произрашающую двѣнадцать добродѣтелей. Въ промежуткѣ помѣщены относящіеся къ этому таинству ветхозавѣтныя прообразованія: въ первомъ изображеніи прокаженный показывается священнику, во второмъ священникъ объявляетъ его исцѣленнымъ, а въ третьемъ очистительная жертва приносится за исцѣленнаго.

Виноградная лоза и пшеничные колосья составляютъ украшеніе боковыхъ полей картона, изображающаго таинство евхаристіи. Подъ виноградною лозою, въ нижнемъ угловомъ компартиментѣ, представлено чудо въ Канѣ Галилейской — претвореніе воды въ вино, а подъ пшеницею—чудо умноженія хлѣбовъ. Въ промежуткѣ помѣщены относящіеся къ этому таинству ветхозавѣтныя прообразованія, какъ-то: Ангель, избивающій всѣхъ первородныхъ отъ сына царскаго до сына нищаго, пасхальный агнецъ и собраніе Израильтянами манны въ пустынѣ. Наконецъ въ главномъ изображеніи мы видимъ конечное дѣйствіе Тайной Вечери, цѣлованіе любви и мира между апостолами.

Недостаточный размѣръ рисунка стѣснялъ здѣсь мысль художника, на что онъ самъ, помнится мнѣ изъ разговора съ нимъ, очень жаловался. Поэтому въ слѣдующемъ картонѣ, имѣющемъ предметомъ

своимъ таинство брака, Овербекъ увеличилъ масштабъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самая обстановка предмета является еще полнѣе и роскошнѣе.

Обыкновенное представленіе брачнаго пиршества въ Канѣ Галилейской, Овербекъ нашелъ мало соответствующимъ духовному значенію таинства, и потому въ главномъ изображеніи, занимающемъ, по обыкновенію, средину, мы видимъ нѣчто новое, чего доселѣ, кажется, не осмѣливался представлять ни одинъ живописецъ: молодую супружескую чету на бракѣ, въ Канѣ Галилейской, благословляемую Спасителемъ. Новизна эта конечно не избѣгаетъ критическихъ замѣчаній. Можно ли допустить, замѣчаютъ нѣкоторые, что Спаситель, приглашенный на бракъ какъ родственникъ, былъ по совершеніи чуда уже признанъ Богочеловѣкомъ? Но Спаситель былъ приглашенъ на бракъ вмѣстѣ съ учениками, а ученики уже видѣли въ немъ въ то время не простаго учителя; это достаточно объясняется словами Андрея, брата Симонова: *Обрътохомъ Мессію*; словами Филиппа: *его же писа Моисей въ законѣ и пророцы, обрътохомъ Исуса Сына Иосифова, иже отъ Назарета*, и наконецъ словами Наанана: *Раави, ты еси Сынъ Божій, ты еси Царь Израилевъ*. Иоан. I, 41, 45 и 49. По срединѣ верхняго поля (гдѣ, какъ мы видѣли, помѣщаются всегда изображенія, соответствующія господствующей идеѣ таинства) здѣсь представляется намъ обрученіе Христа съ Церковью и по сторонамъ — хоры ангеловъ. Двѣ арабески боковыхъ полей превосходятъ все доселѣ нами описанное, какъ по-идеямъ, такъ и по самому исполненію. Первая изъ нихъ изображаетъ любовь земную, другая — любовь небесную. Въ чемъ представляется первообразъ любви земной, какъ не въ сотвореніи жены? И вотъ мы видимъ передъ собою то мгновеніе, когда Богъ показываетъ первому чловѣку сотворенную ему подругу жизни, и первый чловѣкъ, узнавая въ этомъ конечномъ твореніи Божиѣмъ часть собственнаго бытія, встрѣчаетъ ее словами: *«Се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея.»* Быт. II, 23. Отъ этого изображенія начинается роскошная арабеска, перевитая гирляндой розъ, въ которой послѣдовательно представлены различныя фазы любви земной. Вотъ супружеская чета, соединенная узами плотской любви. Далѣе, рожденіе дѣтей, потомъ слѣдуетъ воспитаніе дѣтей. Арабеска оканчивается вѣнкомъ изъ розъ, поддерживаемымъ фигурою ангела. На противоположномъ боковомъ полѣ изображена любовь небесная, духовная. Основаніемъ ея Овербекъ полагаетъ религію, испещренную изъ извѣстнаго страдальца на крестѣ Спасителя. Надъ тѣломъ Христа мы видимъ Богоматерь, и это изображеніе въ одно и то же время указываетъ намъ, подлѣ небесной любви произвольно пострадавшаго за міръ Богочеловѣка, на высшую степень проявленія духовной любви на землѣ, на любовь его матери, скорбящей надъ тѣломъ умершаго сына.

Въ арабескѣ, занимающей боковое поле правой стороны, мы видимъ

двухъ молодыхъ супруговъ, раздѣляющихъ между собою жизненное бремя, ношу креста, но ангелъ — хранитель, характеризующій въ этомъ случаѣ религію, помогаетъ имъ нести его. Вотъ съ рожденіемъ малютокъ облегчается бремя, и ангелъ-хранитель снимаетъ съ нихъ эту ношу. Далѣе слѣдуетъ смерть мужа, гдѣ жена закрываетъ ему глаза, и наконецъ мы видимъ ангела, уносящаго души обоихъ супруговъ въ небо. Въ соотвѣтствіе съ предыдущею арабескою все оканчивается огромнымъ терновымъ вѣнцомъ, поддерживаемымъ фигурою ангела. На нижнемъ полѣ Овербекъ помѣстилъ три изображенія изъ исторіи Товія, какъ доказательство того, что человекъ находитъ себѣ подругу по опредѣленію Божію.

Этими представленіями оканчивается рядъ картоновъ, которые удалось намъ неоднократно разсматривать въ мастерской Овербека въ апрѣлѣ мѣсяцѣ минувшаго 1856 года. Надъ сочиненіемъ остальныхъ двухъ картоновъ, таинства священства и таинства елеосвященія, онъ, какъ намъ тогда говорили, продолжалъ трудиться, но еще не выставлялъ ихъ въ своей студіи, въ опредѣленный для посетителей воскресный день. Болѣзнь глазъ, которою страдалъ незадолго передъ тѣмъ почтенный старецъ, была помѣхою работѣ. По извѣстіямъ, которыя мы получили зимою нынѣшняго года, картоны эти, къ сожалѣнію, не окончены и доселѣ.

А. Авдѣевъ.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ

Экономическій Указатель, еженедѣльное изданіе, посвященное народному хозяйству и государствовѣдѣнію, №№ 1—24 (1).

Г. Заблоцкій, въ статьѣ «О законѣ причинъ случайныхъ, какъ основаніи нравственной статистики» знакомитъ читателей съ знаменитымъ трудомъ г. Кетле «Physique Sociale». Передавая важнѣйшіе результаты науки, знакома отчетливо съ ея основною идеею, авторъ, къ сожалѣнію, ограничился исключительно догматическою точкою зрѣнія и не хотѣлъ взглянуть на тотъ же предметъ съ другой стороны, взглянуть на него критически. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы высказать нѣсколько мыслей о трудѣ извѣстнаго бельгійскаго ученаго.

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 10.

Средній человѣкъ г-на Кетле—человѣкъ, имѣющій средній ростъ, среднюю толщину, средній вѣсъ, среднюю силу, среднее развитіе и т. п., этотъ идеальный типъ человѣка, въ отношеніи къ которому всѣ индивидуумы должны быть разсматриваемы какъ случайныя отклоненія въ ту или другую сторону, — намъ кажется существомъ невозможнымъ не только въ дѣйствительности, но и въ отвлеченіи. Среднія качества, которыми надѣляются этого средняго человѣка, едвали совмѣстимы другъ съ другомъ. Это совмѣщеніе возможно только тогда, когда будетъ доказано, что законъ зависимости между ними выражается простымъ геометрическимъ отношеніемъ, а это подлежитъ сомнѣнію. Пояснимъ нашу мысль сравненіемъ. Представимъ себѣ безчисленное множество маятниковъ, имѣющихъ всѣ возможные величины между двумя извѣстными предѣлами. Спрашиваемъ: можно ли найти такой средній маятникъ, который бы имѣлъ среднюю (то-есть арифметическую) длину и въ то же время среднюю (тоже арифметическую) скорость качанія? Механика отвѣчаетъ на такой вопросъ отрицательно: маятникъ средней длины не можетъ имѣть средней скорости, ибо времена качаній относятся не какъ длины маятниковъ, а какъ корни квадратовъ изъ нихъ. Не то же ли самое должно сказать и о среднихъ качествахъ, которыми надѣляются человѣка? Одно средство спасти пѣлостность типа человѣка — предположить, что всѣ отклоненія отъ типа весьма незначительны, и что съ увеличеніемъ отклоненія число случаевъ отклоненія уменьшается весьма быстро.

Труды статистиковъ раскрыли тѣсную связь между такими явленіями общественными, которыя дотолѣ казались совершенно независимыми другъ отъ друга. Это вѣрный шагъ впередъ. Но всякая вещь имѣетъ и свою темную сторону. Многочисленные послѣдователи Кетле стали сильно злоупотреблять статистическими приемами; страсть отыскивать законообразную и тѣсную связь между отдаленными явленіями болѣзненно овладѣла многими. Число скороспѣлыхъ выводовъ, скорѣе подрывающихъ довѣріе къ наукѣ, чѣмъ укрѣпляющихъ его, возрасло до неимоверности. Чуть-чуть представится два ряда чиселъ, между которыми находится нѣкотораго рода соотвѣтственность въ порядкѣ измѣненія, — ретивые статистики, безъ дальнѣйшей повѣрки, спѣшатъ объявить, что ими открыта связь между такимъ-то и такимъ-то явленіями. У Кетле подобнаго рода сближеніе разнородныхъ явленій встрѣчается часто, но онъ гораздо осмотрительнѣе въ своихъ выводахъ, чѣмъ многіе изъ его послѣдователей. Вотъ примѣръ. Одинъ изъ нашихъ статистиковъ говоритъ, что связь между числомъ рожденных и суточнымъ обращеніемъ земли — есть истина доказанная. Въ подтвержденіе онъ приводитъ всѣмъ извѣстныя таблицы, показывающія число рождений, соотвѣствующихъ различнымъ часамъ сутокъ. Дѣйствительно, около полуночи рождаются болѣе, чѣмъ около

полудня; но отсюда можно ли заключить, что число рождений и суточное обращеніе суть явленія, исходящія въ непосредственной связи между собою? Конечно нѣтъ. Разсуждая подобнымъ образомъ, легко можемъ найти связь между числомъ рождений и свѣрными сіяніями, направленіемъ вѣтра, паденіемъ аэролитовъ и т. д. Тутъ связь между двумя явленіями чисто числовая, которая не всегда служитъ признакомъ фактической связи. Выразимъ нашу мысль математическимъ языкомъ. Два явленія А и В, совершенно независимыя между собою, могутъ зависѣть отъ одного третьяго Т. Пусть законы этой зависимости выражаются уравненіями: $A = f(T)$ и $B = \phi(T)$. Исключая изъ двухъ уравненій Т, получимъ $A = F(B)$, то-есть, между измѣненіемъ А и измѣненіемъ В есть зависимость только кажущаяся, а не дѣйствительная. Это-то простое соображеніе многіе и упускаютъ изъ виду. Такъ другой изъ нашихъ статистиковъ пишетъ: «Наблюденія доктора Садлера (ошибка, слѣдуетъ сказать—профессора Гофакера) показали, что въ Англии (надо сказать—въ Германіи) на сто родившихся дѣвочекъ, раждалось:

когда жена старше мужа	91	мальчикъ.
— оба однихъ лѣтъ	90	—
— мужъ старше 3—6 годами	103,5	—
— — — 6—9 —	125	—
— — — 9—18 —	144	—

и наконецъ, когда мужъ старше жены 18-ю и болѣе годами, то на 100 родившихся дѣвочекъ приходилось двѣсти мальчиковъ». Отсюда, продолжаетъ авторъ, «можно смѣло утверждать, что возрастъ родителей оказываетъ существенное вліяніе на количество рождающихся мальчиковъ и дѣвочекъ». У насъ рѣшительно не достаётъ смѣлости на подобные выводы! Зависимость между относительнымъ возрастомъ родителей и относительнымъ числомъ мальчиковъ и дѣвочекъ, быть-можетъ, есть зависимость чисто числовая, кажущаяся, а не фактическая. По крайней мѣрѣ извѣстные факты «физиологій» рѣшительно не въ ладу съ этимъ статистическимъ выводомъ. Они напротивъ довольно ясно указываютъ на то, что преимущественное роженіе мальчиковъ или дѣвочекъ зависѣть не отъ относительнаго возраста родителей, а отъ совершенно иного элемента. Всѣ конвозаводчики, птицеводы рѣшительно противъ вывода нашего статистика. Вообще напрасно статистика беретъ на себя трудъ рѣшать вопросы чисто физиологическіе.

Нравственная статистика, даже въ своихъ основныхъ положеніяхъ, даетъ поводъ къ многимъ возраженіямъ. Стремленіе къ брачной жизни, стремленіе къ преступности, стремленіе къ литературной дѣятельности и другія тому подобныя стремленія, которымъ надѣляются статистики своего средняго человѣка,—чистыя *forces occultes* средневѣковыхъ физиковъ. Разсматривать преступность, какъ какое-

то особое качество человѣка, подлежащее въ своемъ развитіи зависимости отъ возраста—право какъ-то странно. «Зная, напримѣръ, что одинъ миллионъ людей отъ 25 до 30 лѣтъ учиняетъ вдвое болѣе убійствъ, нежели одинъ миллионъ людей отъ 40 до 45-лѣтняго возраста, можно заключить, что *наклонность* (?) къ убійству у первыхъ — вдвое сильнѣе наклонности къ тому же роду преступленія у вторыхъ.» Намъ кажется, что такое заключеніе не позволительно. Извѣстно, что ночью случаи воровства представляются чаще, чѣмъ днемъ, — можно ли отсюда заключить, что у человѣка наклонность къ воровству, *сороватость*, днемъ меньше, а ночью больше? Отвѣчаемъ—нѣтъ. Вороватость—если только есть такое свойство — одинакова въ человѣкѣ днемъ и ночью; но въ ночное время ей представляется удобнѣе проявиться, чѣмъ днемъ. Короче: отношеніе между числомъ случаевъ воровства днемъ, и числомъ такихъ же случаевъ ночью, выражаетъ не отношеніе *сороватостей*, а скорѣе отношеніе степеней *удобности* къ произведенію покражи. Извѣстно, что число преступленій противъ личности неодинаково въ различные мѣсяцы: оно достигаетъ одной наименьшей величины зимою, и одной наибольшей лѣтомъ, иначе—въ холодное и жаркое время года. Не прямое ли это указаніе, воскликнуть многіе, на то, что природа—деспотъ, наталкивающий человѣка на преступленіе, иногда совершенно противъ воли его? Человѣкъ—игрушка природы, а преступникъ—слѣпое орудіе ея дѣйствія! Быть-можетъ, такое воззрѣніе и гуманно, но не справедливо. Гуманисты, въ случаѣ нужды, должны искать основанія своимъ заключеніямъ въ чемъ другомъ, а не въ числахъ преступленій по мѣсяцамъ. Преступность — если опять-таки существуетъ такое свойство въ натурѣ—можетъ быть одинакова въ человѣкѣ и лѣтомъ, и зимою, хотя число преступленій въ то и другое время года и неодинаково. Напримѣръ: лѣтомъ люди заняты сельскими работами, живутъ разсѣянно, не такъ тѣсно, какъ зимою, когда всѣ собираются у очага; поэтому очень естественно, что случаи, гдѣ насиліе, рассчитывающее на безнаказанность и дотолѣ сдерживаемое опасностію уличенія, обнаруживается дѣломъ, должны представляться лѣтомъ чаще, чѣмъ зимою.

Мы не возстаемъ противъ нравственной статистики (Боже насъ избави!), но мы думаемъ, что при выводахъ изъ числовыхъ данныхъ нужно быть крайне осмотрительнымъ. Не слѣдуетъ на мѣсто сложныхъ, но дѣйствительныхъ явленій, подставлять одни отвлеченныя, воображаемыя свойства.

Прекрасную, мастерски написанную статью М. Заблоцкаго, мы рекомендуемъ вниманію читателей, незнакомыхъ еще съ сочиненіемъ Кетле и даже тѣмъ, которые уже имѣли ее въ рукахъ. Основная идея статистики выставлена авторомъ ясно и рельефно.

Обратимъ теперъ вниманіе на двѣ статьи подъ однимъ и тѣмъ

же заглавиємъ : «О значеніи лѣсовъ въ Россіи и ихъ истребленіи» (въ №№ 14 и 21 «Указателя»). Авторъ первой изъ нихъ, выдающій себя за «Деревенскаго жителя Зарайскаго уѣзда», начинаетъ ее такъ: «Странная манера завелась у насъ на Руси. У всѣхъ зло передъ глазами, всѣ его видятъ и, чтобы исправить или отвратить зло, всѣ нападаютъ не на причину, поражающую зло, а только на слѣдствіе, и преслѣдуютъ не главное, а мелочи. Вотъ напримѣръ хоть о лѣсахъ.» Здѣсь авторъ указываетъ на «Отчетъ» Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1856 годъ и удивляется, почему въ немъ упоминается только о нѣкоторыхъ причинахъ истребленія лѣсовъ, да и то о второстепенныхъ (какъ—то: выдѣлка обручей, топка овиновъ, и т. п.), и совершенно упущены изъ вида коренныя причины зла. Наши фабрики съ ихъ паровыми машинами, волжскіе пароходы, желѣзная дорога—вотъ, по мнѣнію «Деревенскаго жителя», главнѣйшіе истребители лѣсовъ; въ сравненіи съ ними «обручки и овины почти все равно, что капля въ морѣ.» Если не приняты будутъ самыя дѣятельныя мѣры къ сбереженію лѣсовъ отъ этихъ истребителей, то, по мнѣнію того же г. Деревенскаго жителя, нашимъ потомкамъ предстоитъ умереть отъ голода и холода, и тѣмъ болѣе, что уже и теперь, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, «измельди наши судоходныя рѣки, пересохла озера, изсякли родники, пропала въ воздухѣ благорастворенность и, вслѣдствіе этого, стали очень и очень часто посящать наше отечество неурожаи.»

Вторая статья есть собственно отвѣтъ г. Деревенскому жителю. Авторъ ея скрылъ свое имя подъ извѣстнымъ псевдонимомъ: *Чудака «Провинціальныхъ Востомнаній»*. Сущность замѣчаній заключается въ слѣдующемъ: Нападать вообще на фабрики и желать ихъ уничтоженія—неразумно. Фабрики нужно раздѣлить на двѣ категоріи: фабрики свойственныя странѣ и несвойственныя ей. Первые заслуживаютъ поощренія и имѣютъ право изводить лѣса, вторыя же должны быть лишены того и другаго. Авторъ ни подъ какимъ условіемъ не соглашается съ г. Деревенскимъ жителемъ въ томъ, что лучше не имѣть желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ тратить на нихъ лѣса. Коренная причина истребленія лѣсовъ заключается въ недостаткѣ образованія у насъ. «Если бы наши владѣльцы лѣсовъ понимали, сколько они сами у себя, (то—есть нелично у себя, можетъ—быть, но усвоихъ дѣтей или вообще нисходящихъ), отнимаютъ выгодъ чисто матеріальныхъ, то они не стали бы рубить лѣса такъ безумно, какъ теперь. . . Всѣ рубятъ лѣса, потому что въ настоящее время это выгодно, не думая, что внуки и правнуки, а можетъ—быть даже дѣти, кровавыми слезами будутъ плакать объ этомъ, особенно при нашемъ суровомъ климатѣ.» Если необразованность есть главный врагъ лѣсовъ, то, наоборотъ, образованіе, по мнѣнію автора «Отвѣта», есть единственное раціональное средство сберечь ихъ; поэтому необходимо учредить каѳедры

политической экономіи всюду, даже въ народныхъ училищахъ,» ибо «это принесетъ огромную пользу массамъ, и не въ одномъ сохраненіи лѣсовъ.» Далѣе авторъ считаетъ полезнымъ всячески поощрять розысканія и разработку каменнаго угля и торфа, — награждать преміями тѣхъ, которые приложатъ торфъ къ такимъ производствамъ, гдѣ нужно большое количество топлива, и т. д.

Что касается до насъ, то мы не раздѣляемъ мнѣній г. Деревенскаго жителя, но въ то же время не во всемъ можемъ согласиться и съ его оппонентомъ. Такъ напримѣръ, поощренія всякаго рода, прямыя и косвенныя, торфяному и каменноугольному промысламъ, намъ кажутся совершенно излишними и даже вредными. Не мало было поощреній, но много ли было отъ нихъ истинной пользы? Г. Озеровскій, авторъ весьма дѣльной статьи: «О мѣрахъ къ поощренію въ Европейской Россіи поисковъ и разработки минеральнаго топлива», рѣшительно возстаётъ противъ поощрительныхъ премій. «Назначивъ теперь денежныя преміи за открытіе богатыхъ пластовъ каменнаго угля и за учрежденіе въ большомъ видѣ разработокъ, правительство указало бы цѣль, достиженіе которой еще сомнительно, и всѣ попытки къ тому сопряжены съ значительными расходами. Возбудивъ духъ спекуляціи на шаткомъ началѣ, можно дать ему, къ ущербу казны, ложное направленіе и зловредно исказить естественный ходъ дѣла, которое не всегда подлежитъ строгому контролю.» Сверхъ того усиленное, искусственное поощреніе торфянаго и каменноугольнаго промысловъ, допустивъ даже, что оно понизитъ цѣны на топливо, все-таки не побудитъ къ сбереженію лѣсовъ, а пожалуй, поведетъ и къ окончательному истребленію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ: съ уменьшеніемъ требованія на древесное топливо уменьшится цѣнность (и безъ того весьма малая) лѣсовъ, и вслѣдствіе сего усилятся и верадѣнія о нихъ. Лѣса станутъ или нарочно выжигать, дабы обратить ихъ подъ пашню, или употребятъ ихъ на сидку дегтя и на добываніе поташа. Совсѣмъ другое дѣло, когда торфяная и каменноугольная промышленность является не вслѣдствіе искусственныхъ поощреній, а вызывается дѣйствительною потребностію въ ней: въ семъ случаѣ промышленность лѣсная и промышленность каменноугольная и торфяная развиваются не вредя другъ другу.

Усиленіе и распространеніе образованія въ видахъ сбереженія лѣсовъ есть мѣра до чрезвычайности косвенная, да и неудобноисполнимая. Гораздо легче научить народъ сбереженію лѣсовъ, чѣмъ образовать, просвѣтить его. Народная образованность есть сложный плодъ всей жизни народа и, въ частности, плодъ умѣнья сберегать лѣса. Въ образованіи искать радикальнаго средства противъ истребленія лѣсовъ, значитъ разрѣшеніе простѣйшей задачи ставить въ зависимость отъ разрѣшенія сложнѣйшей. Преподаваніе политической экономіи тоже мѣра чисто идеальнаго характера. Ее едва ли одобрятъ педагоги: у

насть преподаваніе и безъ того страдаетъ отъ излишняго разнообразія предметовъ. Конечно политическая экономія, какъ и всякая наука, полезна; но въ дѣлѣ образованія затрудненіе заключается не въ выборѣ полезнаго, а полезнѣйшаго. И неужели для того, чтобы научиться сберечь лѣса, необходимо именно учиться политической экономіи? Почему для лѣсовладѣльца эта наука необходимѣе, чѣмъ, напримѣръ, для домовладѣльца, сельскаго хозяина, фабриканта? Что даетъ намъ право ставить лѣсоводство въ какое-то особое положеніе въ ряду другихъ промысловъ?

Дѣйствительно, мы мало образованы, но, не смотря на то вѣдь мы все-таки стараемся же сберечь и поддержать наши дома, фабрики, связи, — заботимся объ участи нашихъ дѣтей (то и другое — на сколько умѣемъ); почему же не щадимъ мы однихъ лѣсовъ и губимъ ихъ самымъ неразумнымъ образомъ? Это одно не показываетъ ли, что главная причина истребленія лѣсовъ не необразованность наша, а кое-что другое.

Раздѣленіе фабрикъ на свойственныя и несвойственныя стрѣнѣ, съ цѣлю оказывать поощреніе однимъ и отказать въ немъ другимъ, на дѣлѣ не выполнимо. Кто возьмется провести границу между тѣми и другими, распутать этотъ гордіевъ узелъ? «Въ такомъ безвыходномъ лабиринтѣ (говорить П—ъ К.—С. въ 14 №), каковъ государственный организмъ, и въ такой страшной массѣ причинъ, взаимодѣйствій и слѣдствій, какова общественная жизнь человѣка, не легко найти чистое и объединенное явленіе, которое бы можно было вынести на свѣтъ яснаго сознанія и оцѣнить безапелляціонно: какъ соображать логически тамъ, гдѣ и воображеніе цѣпенѣтъ...»

Каково же ваше собственное мнѣніе? спросятъ насъ, быть-можетъ, читатели. Отвѣчаемъ: намъ кажется, что при настоящей степени нашихъ свѣдѣній о состояніи лѣснаго хозяйства и лѣсопромышленности въ Россіи, невозможно ни указать на коренную причину, (буде она есть) истребленія лѣсовъ, ни предложить радикальной мѣры къ устраниенію ея. До поры, до времени мы должны ограничиться мѣрами второстепенными, если не хотимъ дѣйствовать наугадъ, по вдохновенію. Прежде всего намъ нужны данныя, данныя и—данныя, возможно-полныя и критически очищенныя, а ихъ-то у насъ и нѣтъ. До какой степени шатки всѣ разсужденія о лѣсахъ, объ этомъ можно, между прочимъ, судить изъ нижеслѣдующаго.

У насъ давно утверждаютъ, что *ослѣдствіе* истребленія лѣсовъ замѣтно уменьшилось количество атмосферной влаги, сильно измѣнили рѣки и пересохли озера, климатъ сдѣлался хуже прежняго, неурожаи стали повторяться чаще прежняго, и т. д. Объ этомъ говорятъ всѣ, и говорятъ какъ объ истинѣ непременно доказанной, а между тѣмъ всякій безпристрастный и компетентный судья въ этомъ

дѣль долженъ сознаться, что до сихъ поръ не представлено ни одного достаточнаго довода въ пользу этого положенія. Метеорологи, какъ извѣстно, до сихъ поръ не нашли въ своихъ таблицахъ положительнаго отвѣта даже на вопросъ: измѣнился ли климатъ Европы въ теченіи послѣднихъ столѣтій? Простыя указанія на то, что такія-то рѣки прежде были судоходны, а теперь несудоходны, или что такія-то озера прежде были больше, а теперь меньше, и т. д., вовсе нельзя считать достаточными доказательствами въ пользу мнѣнія объ измѣненіи климата вслѣдствіе истребленія лѣсовъ; ибо обмелѣніе рѣкъ, изсяканіе озеръ могло произойти и отъ другихъ причинъ. Невольно намъ приходитъ на память статья Н. Маркевича, помѣщенная въ послѣдней книжкѣ «Записокъ Географическаго Общества». Авторъ ея думаетъ, что обмелѣніе многихъ рѣкъ Полтавской губерніи произошло не столько отъ истребленія лѣсовъ, сколько вслѣдствіе устройства огромнаго числа плотинъ, такъ что съ уничтоженіемъ сихъ послѣднихъ рѣки, быть-можетъ, получатъ прежнее обиліе. Нашъ извѣстный академикъ г. Беръ тоже не придаетъ истребленію лѣсовъ той многозначительности, какую приписываютъ ему многіе. Основательность жалобъ на то, что теперь неурожаи случаются чаще, чѣмъ прежде, тоже требуетъ доказательствъ. Иные говорятъ: замѣйте, что большая часть родниковъ беретъ свое начало въ лѣсахъ; истребите эти послѣдніе, тогда изсякнутъ и первыя. Такіе доводы нельзя считать удовлетворительными, потому что всегда можно возразить: почему вы знаете, что родники берутъ начало въ лѣсахъ, а не обратно—лѣса преимущественно растутъ тамъ, гдѣ есть влага, родники? Не отрицаемъ возможности измѣненія климата вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, но утверждаемъ, что до сей еще не доказано, что это измѣненіе въ самомъ дѣлѣ уже произошло.

Далѣе: у насъ постоянно твердятъ о томъ, что лѣса истреблены сильно, особенно въ послѣднее время, то-есть со времени увеличенія числа фабрикъ, работающихъ при помощи паровыхъ машинъ, а между тѣмъ до сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ даже для приблизительной оцѣнки величины этого истребленія. Остановимся хоть на Московской губерніи. К. Арсеньевъ (см. «Статистическіе Очерки», стр. 500) говоритъ, что въ Московской губерніи во время генеральнаго размежеванія, слѣдовательно лѣтъ девяносто тому назадъ, считалось лѣсовъ 1,350,187 десятинъ, (занимали 45,5% общаго пространства губерніи). Тенгоборскій (см. «Etudes etc.» Т. 1 р. 75) на основаніи разныхъ соображеній опредѣляетъ ихъ число, для начала текущаго десятилѣтія, въ 1,100,000 десятинъ (что составляетъ около 38% всего пространства). Въ «Аналитическомъ Каталогѣ предметовъ выставки сельскихъ проведеній въ Москвѣ съ 15-го сентября по 1-е октября 1852 года», (стр. 232), сказано, что «всей земли въ Московской губерніи, по-

казанной подъ лѣсомъ, состоитъ 1,336,885 $\frac{1}{2}$ десятинъ» (или 45%), а въ выноскѣ значится: «эта цифра, заимствованная изъ новѣйшихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, хотя и довольно разнится съ показанною въ таблицѣ (у Л. Тенгоборскаго), но она вѣрнѣе». Разница между числомъ десятинъ подъ лѣсомъ, во время генеральнаго межованія, и числомъ ихъ въ настоящее время составляетъ всего 13,000 десятинъ!

Наконецъ, у насъ много говорятъ о дороговизнѣ дровъ въ Москвѣ, о постоянномъ возрастаніи цѣны на нихъ, и, не взирая на всѣ толки, мы до сихъ поръ не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о составныхъ частяхъ цѣны, то—есть какая часть этой послѣдней достается на долю лѣсовладѣльца, какая на долю подрядчика и какая на долю возчиковъ. А это вопросы капитальной важности для разсуждающихъ о мѣрахъ къ сбереженію лѣсовъ и удешевленію топлива. Еслибы мы имѣли данныя, о которыхъ говоримъ, то, быть-можетъ, оказалось бы, что дрова дороги не потому, что лѣса вообще оскудѣли, изведены, а потому что дорога доставка по недостатку капиталовъ и хорошихъ путей сообщенія, и вслѣдствіе дороговизны кормовъ. Въ такомъ случаѣ радикальною мѣрою для удешевленія топлива и сбереженія лѣсовъ было бы проложеніе хорошихъ путей сообщенія, въ томъ числѣ и желѣзныхъ дорогъ (противъ которыхъ именно и возражаетъ г. Деревенскій житель). Улучшеніе путей сообщенія можетъ повести къ удешевленію топлива и прямо, и косвенно: прямо черезъ облегченіе доставки и привоза извнѣ, косвенно же черезъ удешевленіе кормовыхъ средствъ (1) и увеличеніе числа капиталовъ. Съ другой стороны, черезъ улучшеніе путей сообщенія, лѣсовладѣльцы получили бы возможность возвысить цѣны дровамъ на мѣстѣ (вообще очень низкія), обративъ въ свою пользу нѣкоторую часть тѣхъ денегъ, которая теперь платится за провозъ, и такимъ образомъ явилось бы само собою и достаточное поощреніе къ улучшенію лѣснаго хозяйства. Можно ли серьезно думать о сбереженіи лѣсовъ тамъ, гдѣ кубическая сажень дровъ съ доставкой стоитъ 1 р. сер.? а по этой цѣнѣ дѣйствительно продавались дрова, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ г. Егорьевскѣ (Рязанской губерніи), какъ свидѣтельствуешь г. Деревенскій житель.

Повторяемъ: прежде нежели предлагать мѣры къ сбереженію лѣсовъ, надлежитъ предварительно изучить положеніе лѣснаго дѣла у насъ. Вслѣдствіе этого убѣжденія, мы не можемъ отказать въ сочувствіи къ дѣятельности Комитета Лѣсоводства при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства: директоръ его, нашъ извѣстный ученый ботаникъ и лѣсоводъ, Н. И. Анненковъ, излагая свое мнѣніе о занятіяхъ, которыя долженъ имѣть въ виду Комитетъ, главною или,

(1) Многие разсчитываютъ, что доставка дровъ въ Москву изъ-за пятидесяти верстъ обходится столько, сколько стоитъ четверть овса.

лучше сказать, первою задачею для дѣятельности его поставилъ изслѣдованіе «причинъ, удерживающихъ отъ улучшенія и распространенія лѣсоводства въ Россіи». Комитетъ вполне одобрилъ это мнѣніе, и опредѣлилъ обратиться къ членамъ Общества и вообще ко всѣмъ лицамъ, принимающимъ участіе въ успѣхахъ лѣсоводства, съ просьбою доставлять ему всѣ возможные свѣдѣнія о состояніи лѣснаго хозяйства у насъ. Въ этомъ случаѣ Комитетъ поступилъ точно также, какъ и Коммиссаріятскій департаментъ, который, найдя необходимымъ заняться изученіемъ вопроса о торговлѣ жизненными припасами и въ особенности хлѣбомъ, началъ между прочимъ съ того, что напечаталъ вызовъ о сообщеніи ему свѣдѣній и мнѣній по сему предмету. Пора, давно пора прилежно заняться изученіемъ современнаго состоянія у насъ различныхъ отдѣловъ промышленности, познакомиться съ ними возможно короче, и узнать бесполезность однихъ общихъ соображеній и недостаточность отрывочныхъ и случайно залетающихъ свѣдѣній. Вслѣдствіе совершенно неосновательнаго пренебреженія или даже отвращенія къ этому изученію, многія отрасли промышленности перешли исключительно въ руки людей необразованныхъ, и такимъ образомъ укрылись отъ свѣта науки и контроля общественнаго. Когда разъяснится состояніе нашей промышленности, тогда обратятся къ ней и тѣ, которые теперь опасаются пускаться въ нее, какъ въ невѣдомое море, — и тѣмъ предотвратится опасность отъ чиновническаго пролетаріата.

Къ счастью, потребность въ точныхъ и подробныхъ до мелочи свѣдѣніяхъ о положеніи и движеніи нашей промышленности съ каждымъ днемъ дѣлается живѣе и живѣе, сознается яснѣе и яснѣе. Обращаемъ вниманіе читателей на статью «Торговья извѣстія» г. П. К.—С. (въ 14 № «Указателя»). Извѣстія о цѣнахъ на главнѣйшіе продукты печатаются у насъ въ огромномъ количествѣ, но, къ сожалѣнію, бѣольшая часть ихъ остается рѣшительно безплодною. Дабы извѣстія эти могли служить основаніемъ для экономическихъ соображеній, необходимо, чтобы они удовлетворяли извѣстнымъ условіямъ: На это-то условіе и обращаетъ вниманіе публики г. П. К.—С. Первое условіе авторъ полагаетъ въ томъ, чтобы торговья извѣстія распространялись на опредѣленную совокупность предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе, напримѣръ, цѣны на хлѣбъ не можетъ повести насъ къ важнымъ результатамъ, если намъ неизвѣстна стоимость поденной работы, до-ставки и т. д. Вотъ такихъ, извѣстія эти должны давать возможность къ выводу среднихъ цѣнъ. При этомъ авторъ весьма справедливо замѣчаетъ, что вывести истинную среднюю цѣну вовсе не такъ легко, какъ воображаютъ многіе. Точная средняя величина можетъ быть получена только тогда, когда извѣстны за разъ и цѣны и количество товара, проданнаго при той и другой цѣнѣ. «Еслибы, рѣшась узнать количество воды, вносимой рѣкою въ море, мы измѣрили высоту

рѣчнаго уровня въ разные времена года, значительно удаленныя одно отъ другаго, а потомъ, найдя соответственныя поперечныя сѣченія рѣки и быстроту теченія, вычислили массу воды, проходящей чрезъ данныя сѣченія въ эти моменты, — взяли изъ отысканныхъ чиселъ среднее, и по немъ опредѣлили искомое количество, то, безъ сомнѣнія, погрѣшили бы сильно въ своихъ расчетахъ. Для вѣрнаго рѣшенія задачи надобно знать еще продолжительность стоянія воды на каждомъ уровнѣ. Въ торговлѣ, при неумѣренномъ повышеніи цѣнъ извѣстнаго продукта, сбытъ его замедляется: покупщики выжидаютъ, почти до послѣдней крайности, пониженія цѣны; а при статистическихъ выводахъ по среднему арифметическому числу, допускается безмолвно, что и въ дешевизну, и въ дороговъ продается разсматриваемаго продукта, въ данный промежутокъ времени, одна и та же масса.» — Третье условіе заключается въ томъ, чтобы извѣстія сообщались въ надлежащемъ и непрерывномъ порядкѣ, а «не черезъ десятый годъ въ пятый, да и то кое-какъ». Въ заключеніе авторъ обращаетъ вниманіе на важность оффиціального отдѣла въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которую, повидимому, достаточно сознаютъ не всѣ редакторы; по крайней мѣрѣ въ однихъ изъ нихъ помѣщаются «вѣдомости о ходѣ дѣлъ въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ», «росписи расходовъ и приходоу въ уѣзднымъ городамъ», и т. д. въ другихъ же все это опускается;—въ однѣхъ изъ этихъ газетъ печатаются описи, занимательныя во многихъ отношеніяхъ, имѣній, назначаемыхъ въ продажу съ публичныхъ торговъ, въ другихъ же довольствуются только краткими увѣдомленіями, и т. д. «Жаль, что вообще нигдѣ не публикуется о цѣнахъ, состоявшихся на торгахъ по продажѣ имѣній, и что губернскія присутственныя мѣста не обязаны печатать въ губернскихъ газетахъ отчетоу по своимъ вѣдомствамъ; а это, удовлетворяя законному любопытству публики, значительно сократило бы канцелярскія переписки и даже облегчило бы составленіе годовыхъ отчетоу по министерствамъ.»

Само собою разумѣется, что и наибодробнѣйшія данныя только тогда полезны, когда они достаточно точны, или, выражаясь опредѣлительнѣе, когда извѣстна степень ихъ точности; въ противномъ же случаѣ они совершенно бесполезны и даже положительно вредны. Поводъ къ этому замѣчанію дали намъ нѣкоторыя статьи «Указателя». Такъ въ 14 № его помѣщена статья г. П. Щ. — С. «О судоходной дѣятельности по Окѣ и ея притокамъ въ 1851 году». Въ этой статьѣ, сплошь испещренной цифрами, показаны: число плотоу и судовъ, отправившихся съ пристаней (съ каждой въ отдѣльности) и разгрузившихся на нихъ;—цѣнность грузовъ вообще и въ частности по роду товаровъ, его составляющихъ,—число судорабочихъ вообще и въ частности по состояніямъ, роду занятій, и т. д. Какое богатство данныхъ! Къ сожалѣнію авторъ не говоритъ вовсе о томъ, откуда зани-

ствованы эти данныя, какимъ путемъ собраны и въ какой степени они достовѣрны. Отвѣтовъ на эти вопросы, прежде всего представляющіеся читателю, этотъ послѣдній долженъ доискиваться самъ. Но можетъ ли статья внушить къ себѣ довѣріе, когда въ ней на каждой страницѣ встрѣчаются то обмолвки, а то и явныя ошибки? Напримѣръ на стр. 367 мы узнаемъ, что съ Москворѣцкой пристани отправлено 1928 (!) плотовъ на 407,443 руб. сер., и столько же (по числу и цѣнности) разгрузилось у ней! Ни въ приходѣ, ни въ отходѣ не значится ни одной барки! Мало внушаютъ къ себѣ довѣрія и свѣдѣнія о ѣздѣ въ Сибири, сообщаемыя г. Колмогоровымъ (въ 18 № «Указателя»). Еслибы дѣйствительно ѣзда въ Западной Сибири была такъ и дешева, и быстра, какъ утверждаетъ г. Колмогоровъ (то есть, версты 300—350 въ сутки съ тяжестью въ повозкѣ лѣтомъ отъ 50 до 70, а зимой и выше 100 пудовъ, и по цѣнамъ за версту на тройку 2—3 коп. сер.), то провозъ чая не обходился бы такъ дорого, какъ онъ обходится въ самомъ дѣлѣ, и не производился бы такъ медленно, какъ производится теперь. (Напримѣръ за провозъ отъ Тюмени до Перми платятся отъ 1½ до 2½ р. асс., и требуетъ онъ около 12 дней, а отъ Тюмени до Томска отъ 3 до 5 р. асс.)

Нѣсколько драгоценныхъ замѣтокъ находимъ мы въ статьяхъ: «Взглядъ на устройство сальнаго промысла въ Россіи» Осипа Богуслава (въ № № 16 и 17 «Указателя») и «Замѣтки о салотопенномъ промыслѣ» В. Линовскаго (въ № 19). Обѣ статьи написаны какъ нельзя болѣе кстати; въ настоящее время всеобщее вниманіе начинаетъ обращать на себя промышленность, занимающаяся добычею и обработкою продуктовъ скотоводства. Теперь существуютъ у насъ двѣ компаніи на акціяхъ по сему предмету, именно «Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ» и компанія подъ фирмою «Полюстровскаго содо-мыловареннаго и клеевареннаго завода». Г. Богуславъ сообщаетъ свѣдѣнія второй изъ этихъ компаній, избравшей себя главнымъ поприщемъ нашъ сѣверный край, представляющей по мнѣнію автора всѣ удобства для устройства мыловарень въ большомъ видѣ. Клей предполагается добывать изъ оленьихъ роговъ, доселѣ остававшихся почти безъ всякаго употребленія. Дай Богъ! Въ 20 № «Указателя» говорится (какъ о слухѣ) о предстоящемъ открытіи громадной компаніи для обработки произведеній скотоводства.

Къ числу капитальныхъ статей принадлежатъ статьи Е. Ламанскаго «Баронъ Брукъ и финансовыя реформы въ Австріи», И. Вернадскаго «Очеркъ теоріи потребностей», Л. Тенгоборскаго «Движимый кредитъ». Обѣ этихъ статей мы надѣемся еще поговорить въ послѣдствіи. Статья «Заграничныя издержки» г. В., по бойкости и ясности изложенія и вѣрности основной идеи, заслуживаетъ полнаго вниманія. У насъ не мало есть людей, которые думаютъ, что из-

держки, сдѣланныя за границею туристами, составляютъ чистый ущербъ народному богатству. Противъ этого-то мнѣнія возсталъ г. В. и побилъ его на голову.

Обозрѣнія экономическія, финансовыя, статистическія, промышленныя, попрежнему весьма интересны, впрочемъ трудно и не быть имъ интересными. Можно ли равнодушно, безъ живаго сочувствія, слѣдить за важными событіями, которыя, въ настоящее время совершаются на Западѣ и на Востокѣ, и болѣе или менѣе, касаются интересовъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, каждаго изъ насъ. Народы видимо сближаются между собою; духъ ассоціаціи совершаетъ чудеса. Каждодневно газеты приносятъ намъ извѣстія въ высшей степени утѣшительныя: всюду понижаются тарифы, измѣняются къ лучшему торговые трактаты и торговое законодательство, пролагаются новыя желѣзныя дороги и каналы, расширяется пароходство, облегчаются сношенія почтовые, совершенствуются и удешевляются телеграфическія; въ области техники открытіе слѣдуетъ за открытіемъ... Смотри на все это, неволью станвится на душѣ свѣтлѣе, и тверже вѣруешь, что прогрессъ—не просто слово, а—и дѣло!

Ө. Баталинъ.

ПАРИЖСКАЯ ПОЧТА.

Письма въ Редакцію «Русскаго Вѣстника».

I.

Парижъ, 24-го іюня (н. ст.) 1857.

Наблюдая политическій міръ съ точки зрѣнія общей, дипломатической, можно смѣло сказать, что въ немъ не произошло ничего новаго — новаго въ смыслѣ важнаго политическаго событія, которое могло бы поразить своею неожиданностью. Путешествіе великаго князя Константина Николаевича утвердило только добрыя отношенія между двумя правительствами, чего всѣ давно желали, и что всѣ предвидѣли въ послѣднее время. Официальное обнародованіе нефшательскаго трактата не прибавило ничего къ настоящему положенію дѣлъ, и рѣдкій Парижанинъ не былъ уже знакомъ съ содержаніемъ этого трактата, мѣсяца за два до появленія его въ печати.

Равнодушіе публики къ дипломатическимъ новостямъ не есть какое-нибудь временное расположеніе: оно проистекаетъ изъ нынѣшняго политическаго воспитанія. Трудно вообразить въ наше время (мы говоримъ о второй половинѣ XIX столѣтія) такой фактъ въ поли-

тической сферѣ, который не могъ бы найти большаго или меньшаго оправданія въ вѣрномъ опредѣленіи прошедшаго и въ нашемъ знаніи современнаго общества. Не должно забывать, что наше время есть по преимуществу время критики, и что политическій энтузіазмъ и фаталистическіе взгляды смѣнились изученіемъ и размышленіемъ. Мы уже знаемъ теперь приблизительно, куда идемъ; мы хорошо чувствуемъ, что впереди ждутъ насъ лучшіе дни. Мы научились угадывать эпохи переходныя, эпохи возрожденія, которыя суждено намъ пережить, и приобрѣли увѣренность, что не одни событія, но и люди производятъ эпохи. И что намъ въ этихъ неожиданныхъ событіяхъ, совершающихся вдругъ посреди общественнаго броженія, событіяхъ, на которыя такъ разсчитывали люди XVIII вѣка, видя въ нихъ шаги къ осуществленію своихъ мечтаній? Трудитесь, изучайте! — вотъ что слышите теперь со всѣхъ сторонъ: — изучайте и вы будете тѣмъ, чѣмъ можете быть, достигнете того, чего можете достигнуть. Всякій, знакомый съ нынѣшнимъ состояніемъ Франціи, согласится, что уже никто не ждетъ теперь «исхода дня», чтобы узнать, что будетъ завтра. Бурные годы 1848 и 1849 съ ихъ многочисленными уроками, и потомъ результаты восточной войны, положили, кажется, навсегда конецъ господству политической «случайности»... Да! конецъ нежданымъ событіямъ, результатамъ проблематическимъ, шаткимъ, временнымъ. Примемъ серьезно за изученіе насъ самихъ, нашихъ насущныхъ нуждъ, оцѣнимъ свое политическое положеніе, и мы сами будемъ творцами нашей эпохи.

Такъ, никто въ настоящую минуту не вѣритъ во Франціи въ возможность втораго священнаго союза, и въ возможность исключить Россію изъ круга европейскихъ государствъ. Кто не понимаетъ теперь, что всѣ мы должны идти впередъ рука объ руку — Французы, Англичане, Нѣмцы, Русскіе? Многіе изъ передовыхъ людей Франціи глубоко убѣждены, что, благодаря развитію торговыхъ и нравственныхъ сношеній между Россіей и Франціей, война между этими двумя государствами скоро будетъ такъ же невозможна, какъ невозможна она теперь между Франціей и Англіей.

Въ числѣ доказательствъ, что общественный духъ во Франціи какъ бы уже готовится вступить въ близкія и дружескія отношенія къ Россіи, нельзя не указать на слѣдующій фактъ: еще недавно памфлеты, съ такою желчью и злобой вопившіе противъ Россіи, читались здѣсь съ жадностью; теперь публика французская даритъ ихъ полнымъ пренебреженіемъ. Я знаю одного современнаго Катона, Тацита XIX вѣка, важнаго и безпристрастнаго историка, который повѣствовалъ самыя наставительныя исторіи о Россіи... И знаете ли, почему? потому что получилъ рѣшительный отказъ отъ русскаго посланника на свою просьбу о «маленькомъ» крестикѣ. Теперь этотъ важный историкъ въ большомъ затрудненіи относи-

тельно продолженія своихъ повѣствованій; это добрый знакъ, — и нельзя не порадоваться ему.

Сочувствіе къ Россіи, которое нчинаетъ проявляться во Франціи и вскорѣ проявится въ еще большей степени, должно приписать отчасти значительному наплыву Русскихъ въ Парижъ. Никогда, въ самомъ дѣлѣ, не бывало ихъ тамъ такъ много, какъ нынѣ. Русскихъ встрѣчаешь вездѣ, въ музеяхъ, на гуляньяхъ, вокругъ здѣшнихъ памятниковъ; порой даже русскій говоръ слышится на улицахъ, къ великому изумленію Парижанъ, которые спрашиваютъ: «Да на какомъ же это языкѣ они говорятъ?.. А! по-русски. Странный, однако, языкъ, — нисколько не похожъ на французскій... Въ немъ есть, должно-быть, нѣмецкое что-нибудь, —или нѣтъ! скорѣе англійское!»

Въ послѣднее воскресенье, маленькая православная церковь, гдѣ бывало такъ пусто года два тому назадъ, была полнехонька; церковь убрана просто, но съ большимъ вкусомъ, и находится въ аристократическомъ кварталѣ Елисейскихъ Полей.

Говоря безъ всякой лести, чѣмъ ближе будутъ узнавать Французы Русскихъ, тѣмъ лучше оцѣнятъ ихъ. Нельзя не сознаться, что донынѣ Русскіе были мало знакомы Франціи, хотя и часто приходилось содержателямъ отелей вписывать въ свои приходо-расходныя книги «*des noms en of*», какъ говорятъ Парижане. Русскихъ знали только дипломатами или князьями. Особенно князья очень часто числились (да числятся и нынче) въ статистикѣ Парижанъ и, главное, Парижанокъ, потому что надо быть ужъ чрезчуръ увальнемъ и слишкомъ плохо говорить по-французски, чтобы не заслужить этого титула. Русскій князь обращалъ на себя самое сердечное вниманіе дамъ, не опутанныхъ цвѣтущими узами Гименея... О! что касается этого пункта, Русскіе оставили за собой и англійскихъ лордовъ, и нѣмецкихъ бароновъ; а ужъ объ итальянскихъ маркизахъ и говорить нечего!

Какъ видите, по этимъ чертамъ еще не составишь себѣ вѣрнаго понятія о русскомъ національномъ характерѣ; но подождите! Наступаетъ пора знакомства болѣе близкаго, болѣе серьезнаго. Теперь мы все чаще и чаще встрѣчаемъ въ здѣшнемъ обществѣ иные образцы русскаго человѣка: съ береговъ Волги, Днѣпра, Невы, Москвы, являюся между нами и негоціанты, и студенты, и даже ученые и литераторы русскіе, возбуждая всеобщее изумленіе. Да и какъ не удивляться, скажите! Эти господа «*en of*» оказываются очень умными, очень просвѣщенными людьми—«для Русскихъ», разумѣется, —*pour des Russes*... И притомъ въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ этою старою русскою партіей, *ce vieux parti russe*, съ этимъ безобразнымъ и дикимъ призракомъ, который созданъ досужимъ воображеніемъ Парижанъ.

Въ то время, какъ политика внѣшняя бѣдна новостями, и не представляетъ ничего такого, чего бы не предвидѣли и не обсудили за-

ранѣ люди, знакомые съ ходомъ дѣлъ и съ настоятельными требованиями будущаго, — въ нашей внутренней политикѣ есть на что указать. Теперь какъ-разъ въ ходу вопросъ первостепенной важности въ политической жизни націи — это выборы въ члены законодательнаго сословія. Вниманіе всѣхъ журналовъ поглощено этимъ широкимъ вопросомъ, хотя публика въ настоящую минуту такъ равнодушна, что просто ничѣмъ не интересуется.

Общимъ мѣстомъ было бы въ наше время разсужденіе о великомъ значеніи выборовъ въ законодательное сословіе, какъ выраженіи воли, мнѣній, сочувствій и антипатій народа, призываемаго государствомъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ. Но—увы! право подачи голосовъ, утвержденное нашею цивилизаціей, есть право абстрактное, не касающееся непосредственно интересовъ массы. Поэтому, чтобы заставить толпу принимать къ сердцу дѣло выборовъ, приходится прибѣгать къ нѣкоторымъ возбужденіямъ и къ преувеличенію важности выставленныхъ знаменъ. Конечно, отсюда происходятъ и недостойныя ошибки и непріятныя крайности въ дѣлѣ; но онѣ-то и свидѣлствуютъ о дѣйствительности выборовъ. Что ни говорите, безъ этихъ эффектовъ, безъ этихъ движеній и толковъ, нѣтъ настоящихъ выборовъ; массы останутся къ нимъ холодны, какъ это и замѣтно было при послѣднихъ, только-что оконченныхъ выборахъ у насъ. Намъ возразятъ, что эффекты могутъ ослѣпить совѣсть избирателей и спутать ихъ соображенія. Это справедливо только въ теоріи, и вредъ, причиняемый истинѣ волненіями при выборахъ, никогда не можетъ быть такъ значителенъ, какъ при отсутствіи борьбы партій. Передовыя государства, какъ напримѣръ государство Соединенныхъ Штатовъ, слишкомъ хорошо чувствуютъ необходимость давать свободный просторъ политическимъ страстямъ во время выборовъ, и потому въ эти важныя минуты совершенно отстраняются со своею властью, прибѣгая къ ней развѣ при крайнихъ увлеченіяхъ партій.

На выборахъ 1857 года царствовала у насъ полнѣйшая тишина, нигдѣ порядокъ не былъ нарушенъ. Безмолвіе во всѣхъ округахъ, спокойствіе между избирателями. Но зато около половины избирателей не участвовали въ выборахъ. Это нисколько не удивительно; скажемъ больше — такъ и должно было случиться. Императоръ Наполеонъ, въ своей конституціи 1852 года, провозгласилъ общую подачу голосовъ, потому что это было для него единственное средство достигнуть верховной власти. Собраніе 1851 года противилось провозглашенію права общей подачи голосовъ, и, только принявъ противное рѣшеніе, выигралъ Наполеонъ III. Но въ то же время онъ понималъ, что эта самая общая подача голосовъ, поставившая его на настоящую высоту, могла со временемъ, смотря по обстоятельствамъ, обратиться какъ Сатурнъ противъ своего ча-

да. А потому право всенародной подачи голосовъ было окружено разными дополнительными распоряженіями и узаконеніями, которыя ограничили это право, и сдѣлали невозможнымъ волненіе умовъ при выборахъ. Политическимъ журналамъ была предписана самая крайняя осторожность: правительство можетъ сдѣлать «предостереженіе» каждой газетѣ, которая, по его мнѣнію, уклонилась отъ прямого пути, и послѣ третьяго предостереженія газета запрещается или по крайней мѣрѣ прекращается на время. Строго воспрещены также клубы, народныя собранія по поводу выборовъ, публичныя рѣчи. Можно было заранѣе угадывать результаты этихъ мѣръ; теперь они ясны каждому какъ день. Какъ мы сказали уже выше, никто не интересовался выборами, и эта атмосфера общаго равнодушія отяготѣла наконецъ и на журналахъ: нѣкоторые изъ нихъ, именно *l'Union*, *la Gazette de France* и *l'Assemblée Nationale*, громогласно проповѣдывали устраненіе отъ выборовъ.

Мнѣ нечего распространяться о всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ происшествіяхъ, ознаменовавшихъ выборы; нечего также разказывать о томъ, какъ держало себя въ это время правительство, и съ другой стороны оппозиція: ежедневные журналы, конечно, давно сообщили вамъ все это; къ тому жъ подробныя разсужденія завели бы меня слишкомъ далеко. Я ограничусь только указаніемъ на фактъ, что правительство, независимо отъ своихъ привилегій, удерживаетъ за собою право представлять своихъ кандидатовъ (кандидатовъ отъ правительства, *candidats du gouvernement*), людей, которые вполне ему преданы и служатъ поддержкою его власти.

О личномъ составѣ законодательнаго сословія теперь невозможно еще произнести окончательнаго сужденія. Официальныя извѣстія изъ департаментовъ не достаточны; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ не было еще произведено счета голосовъ. Все впрочемъ заставляеть ожидать полнаго торжества правительства; кандидаты оппозиціи очень малочисленны. Что касается до столичныхъ выборовъ, они уже лучше извѣстны. Изъ девяти столичныхъ округовъ два послали въ собраніе гг. Карно и Гудшо, старыхъ министровъ, партизановъ самой крайней оппозиціи. Въ третьемъ округѣ, генералъ Каваньякъ, кандидатъ оппозиціи, получилъ большее число голосовъ, чѣмъ его соискатель. Тѣмъ не менѣе избраніе не утверждено (*considérée comme nulle*), такъ-какъ у г. Каваньяка не было *le quart des votants plus un*. Въ этомъ округѣ, такъ же, какъ въ округахъ четвертомъ и седьмомъ, приступать къ новымъ выборамъ, которые доставятъ законодательному сословію вѣроятно только одного новаго кандидата оппозиціи; вездѣ въ другихъ мѣстахъ торжество правительства, повторимъ, будетъ полное. Что бы ни принесли намъ позднѣйшія извѣстія, теперь уже несомнѣнно, что у правительства будетъ огромное большинство. Но не тутъ еще окончательное рѣшеніе вопроса...

Какъ ни ограниченно число членовъ оппозиціи, присутствующихъ теперь въ собраніи, присутствіе ихъ все-таки покажетъ намъ, возможно ли теперешнее правительство при какомъ-нибудь контролѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, ожидаемый нами отъ законодательнаго собранія, будетъ тѣмъ важнѣе, что теперь нельзя ужь указывать на мѣстное общественное движеніе, на опасныя внѣшнія вліянія, на разгулъ политическихъ страстей, какъ можно было указывать прежде. Вспомните только, что однѣ правительственныя кандидатуры имѣли свободный ходъ, и что одинъ изъ префектовъ дошелъ до того, что послалъ подвѣдомственнымъ ему лицамъ циркуляръ, въ которомъ предлагалъ имъ бороться всеми мѣрами противу кандидатуръ, не покровительствуемыхъ исключительно правительствомъ, хотя бы это были кандидатуры императорскія.

Выборы возвратили нашимъ журналамъ частицу той французской живости, которая такъ свойственна нашей періодической литературѣ и которую журналы совсѣмъ было утратили въ послѣднее время. Законы, касающіеся книгопечатанія, такъ строги, что бѣдныя газеты едва смѣютъ подступаться къ какимъ бы то ни было политическимъ вопросамъ. *La Patrie*, этотъ ультра-правительственный органъ, весь дышащій имперіализмомъ, даже *la Patrie* получила уже два предостереженія. Еще одно—и ея не будутъ читать (я предполагаю, что хоть кто-нибудь читаетъ еще ее теперь). Впрочемъ, я не буду говорить о газетахъ, распространенныхъ въ Россіи; ограничусь нѣсколькими словами о мнѣе извѣстныхъ. *Le Siècle*—надо отдать ему справедливость—держалъ себя во время выборовъ съ достоинствомъ и независимостью, которыми онъ искупилъ истинно-ребяческую, смѣшную ярость, выказывавшуюся въ немъ недавно противу Россіи. *L'Estafette* хорошо зарекомендовала себя публикѣ: хотя газета эта и давно существуетъ, но въ большинствѣ не была извѣстна. Теперь будущность ея вѣрна и блистательна, и она уже рассчитываетъ на огромный кругъ читателей, который вознаградитъ ее за время, проведенное ею во мракѣ неизвѣстности. *Courrier de Paris*—журналъ новый, основанный на сихъ дняхъ, исполненъ тоже увѣренности въ своемъ будущемъ. Впрочемъ я ошибаюсь, называя его новымъ журналомъ: листокъ перемѣнилъ только кожу. *Courrier de Paris*—прежняя *Verité*, съ которою впрочемъ у него нѣтъ ничего общаго. Новый журналъ очень занимателенъ большимъ разнообразіемъ своихъ стѣтей и особенно своими иностранными корреспонденціями, какихъ нѣтъ ни въ одномъ парижскомъ журналѣ. Во время выборовъ онъ очень ясно выказалъ свое сочувствіе къ оппозиціи и имѣлъ большой успѣхъ. *Siècle* получилъ уже третье предостереженіе, но правительство, какъ бы показывая мѣру своей власти, еще не запретило его. Вездѣ толкуютъ однакожъ, что запрещеніе этого журнала послѣдуетъ скоро, но передъ погибелью своею *Siècle* рѣ-

шился пустить въ свѣтъ статью, которая должна въ высокой степени возбудить общее вниманіе.

Парижская публика хочетъ какъ будто отомстить за невозможность основать новый политическій журналъ—безпрестаннымъ, ежедневнымъ появленіемъ маленькихъ листковъ литературныхъ, художественныхъ, ученыхъ, вообще не-политическихъ. Большая часть этихъ «капустныхъ листковъ», какъ называютъ ихъ большіе собраты съ высоты своихъ широкихъ столбцовъ, живутъ среднимъ числомъ не болѣе двѣнадцати нумеровъ. Можетъ-быть у редакторовъ и очень добрыя намѣренія, но проза ихъ вообще очень плоха, и подписчики существуютъ у нихъ пока въ воображеніи. Грустно притомъ видѣть, что почти всѣ эти изданія, и во главѣ ихъ наглый *Фигаро*, живутъ одними скандалами и ищутъ себѣ минутнаго успѣха въ грязи скандальной хроники. Изъ этого числа надо исключить лишь нѣсколько изданій серьезныхъ и честныхъ, преимущественно изданія ученыхъ, которыя очень полезны тѣмъ, что распространяютъ вездѣ свѣдѣнія о приложеніяхъ науки къ промышленности и жизни. Въ теченіи нынѣшняго мѣсяца основаны два новые, очень хорошіе и очень полезные журналы; это—*le Monde Illustré* и *la Lanterne Magique*. У послѣдняго особенно похвальная цѣль: передавать въ гравюрѣ знаменитѣйшія произведенія живописи всѣхъ временъ, и сообщать біографіи замѣчательнѣйшихъ артистовъ и историческія свѣдѣнія о воспроизводимыхъ гравюрою картинахъ. Журналъ продается по баснословно дешевой цѣнѣ, именно по *одному су* за нумеръ, и потому будетъ вѣроятно однимъ изъ самыхъ распространенныхъ изданій. Что касается до *Monde Illustré*, у него нѣтъ другой цѣли, какъ вступить въ соревнованіе съ *Иллюстраціей*, что ему очень легко: нумеръ новаго журнала продается вдвое дешевле номера *Иллюстраціи*. Г. Жюль Леконтъ, который вслѣдствіе своего прошлогодняго скандальнаго процесса навсегда разстался съ *Indépendance belge* печатаетъ въ *le Monde Illustré* очень интересную еженедѣльную хронику, подъ псевдонимомъ *André*. Про эти мелкія изданія я еще буду имѣть случай разказать кое-что любопытное вашимъ читателямъ.

Въ литературѣ попрежнему царствуетъ прежній застой. Я говорю собственно про изящную литературу. Зато въ послѣднее время явились два замѣчательныя сочиненія историческаго и политическаго содержанія, возбудившія общій интересъ. Это книга г. Дюпонъ-Вита: «Личность и государство» (*L'individu et l'Etat, par M. Dupont-Whit*) и сочиненіе г. Гранье-де-Кассаньяка о царствованіи Лудовика-Филиппа, о республикѣ 1848 года и ея паденіи. Г. Дюпонъ-Витъ взялся за великій вопросъ, обнимающій собою причины всѣхъ нашихъ политическихъ волненій и всѣхъ современныхъ стремленій и требованій; но къ сожалѣнію, взгляды автора совершенно превратны: госу-

дарство для него — все, и онъ признаетъ прогрессъ возможнымъ только тогда, какъ личная инициатива будетъ вполне замѣнена инициативою государства. Не во Франціи бы защищать подобное положеніе, уже слишкомъ близко знакомое французскому обществу. Г. Гранье-де-Кассаньякъ, въ новой книгѣ своей, еще разъ показалъ удивительное умѣнье бойко владѣть блестящею и мѣткою тразой. Я говорю только о первой части, гдѣ онъ выказалъ нѣкоторое безпристрастіе и нѣкоторый критическій тактъ.

Едва ли не главнѣйшая парижская новость въ настоящую минуту — выставка изящныхъ искусствъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ она не оправдала надеждъ, которыя возлагали на нее. Бóльшая часть нашихъ первоклассныхъ артистовъ ничего не выставили: мы не видимъ прекрасныхъ работъ гг. Делакруа, Энгра, Ари-Шеффера, Тройона, Руссо, Декана, Діаза, которыя на прежнихъ выставкахъ доставляли столько истинныхъ наслажденій любителямъ и знатокамъ искусства. Можетъ-быть, не выставивъ своихъ новыхъ произведеній, эти художники хорошо сдѣлали; можетъ-быть отдаленіе, въ которомъ они держатся съ нѣкотораго времени отъ выставокъ, уберезетъ искусство отъ меркантильнаго духа, который успѣлъ пробраться и сюда, какъ всюду. Выставка похожа скорѣе на обширный базаръ, гдѣ производители картинъ выставляютъ свой товаръ напоказъ богатымъ людямъ, отъ которыхъ можно надѣяться заказовъ. Самое внутреннее расположение выставки показываетъ, что она, къ несчастію, сдѣлалась именно такимъ рынкомъ. Въмѣсто того, чтобъ опредѣлить для произведеній искусства отдѣльное помѣщеніе, гдѣ можно бы свободнѣе вздохнуть, выйдя изъ душной атмосферы торговли, спекуляцій, барышей, процентовъ, желѣзныхъ дорогъ австрійскихъ, италіянскихъ, испанскихъ и Богъ вѣсть какихъ еще, выставку помѣстили — ну, какъ вы думаете гдѣ? — во *Дворецъ Промышленности* (Palais de l'Industrie), въ этомъ огромномъ сараѣ, гдѣ двѣ съ половиною тысячи картинъ имѣютъ самый жалкій видъ: онѣ какъ будто затеряны въ этомъ обширномъ пространствѣ. *Дворецъ Промышленности* покровительственно пріютилъ въ себѣ искусство. Не правда ли, грустно?

Всѣ соглашаются въ томъ, что выставка 1857 года показываетъ, какъ отстали мы послѣ славной эпохи 1815 — 1847 г., произведшей столько замѣчательнаго въ исторической и религіозной живописи. Теперь вездѣ только и видишь, что жанры и портреты, да тысячи маленькихъ пейзажей. Такъ же измельчала и скульптура. За то на выставкѣ не перечестъ батальныхъ картинъ, по которымъ можно научить всевозможные мундиры и вооруженія. Какую бездну солдатъ, капраловъ, даже офицеровъ, лошадей, пушекъ, намалевалъ напримеръ одинъ г. Дюранъ-Браже (Durand-Brager)! Не отсталъ отъ него и г. Орасъ Верне, котораго такъ полюбили въ Россіи. Сколько из-

образилъ онъ намъ прекрасныхъ генераловъ, раззолоченныхъ по всѣмъ швамъ, украшенныхъ звѣздами и орденами! Право, уходя съ выставки, чувствуешь охоту «защитить свое отечество», такъ нанохаешься тамъ пороху.

Было бы впрочемъ несправедливо не отмѣтить ничего хорошаго на нынѣшней годичной выставкѣ. Нѣсколько картинъ и прекрасное изваяніе Богоматери обращаютъ на себя общее вниманіе. Я еще возвращусь къ этимъ произведеніямъ.

Въ теченіе нынѣшняго мѣсяца смерть похитила многихъ замѣчательныхъ людей. За знаменитымъ Альфредомъ де-Мюссе скоро послѣдовали маркизъ де-Пасторе, Бриффо, Симаръ, всѣ трое члены Института. Вчера Академія наукъ похоронила своего старшаго члена и одного изъ знаменитѣйшихъ представителей своихъ, барона Тенара. Изложеніе ученой жизни Тенара было бы почти цѣлою исторіею химіи со времени Лавуазье. Вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ своей науки, оставилъ онъ слѣды: и въ приложеніи ея къ жизни, и въ общей теоріи. Упомянемъ только его анализы воды и воздуха, приготовленіе потассія и натрія, произведенное имъ впервые съ другомъ его, Ге-Люссакомъ, и важные труды его надъ уксусною кислотою.

Одинъ изъ мелкихъ журналовъ, очень однако не кстати, разказалъ про Тенара слѣдующій анекдотъ. Тенаръ преподавалъ химію дѣтямъ Лудовика-Филиппа. Однажды, объясняя химическій составъ воды, онъ сказалъ герцогу Орлеанскому: «Вотъ кислородъ и водородъ, которые *будутъ имѣть честь* соединиться предъ вашимъ высочествомъ, чтобы образовать воду.»

Я. Фельдентъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ политическомъ мірѣ рѣдко бываетъ такое затишье, какъ въ настоящее время, особенно по международнымъ вопросамъ. Смѣло можно сказать, что это затишье есть одно изъ послѣдствій усиленнаго напряженія, возбужденнаго послѣднею войною, по окончаніи которой всѣ народы, заинтересованные въ ней прямо или посредственно, обратились, такъ-сказать, на себя, на исправленіе и поподненіе своихъ военныхъ силъ и болѣе или менѣе разстроенныхъ

финансовъ, на улучшеніе своихъ внутреннихъ учреждений и быта. Обо всемъ этомъ подробно говорится во второй части нашего обозрѣнія, которое на этотъ разъ могло бы обойтись безъ первой, общей части. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ ни одного важнаго и вполне опредѣливаго факта, который можно было бы занести въ эту часть политической лѣтописи. Безконечныя разногласія между Даніею и двумя великими германскими державами—вотъ почти единственный вопросъ, о которомъ можно сказать нѣсколько словъ въ настоящемъ обозрѣніи. Послѣднія ноты кабинетовъ берлинскаго и вѣнскаго, отправленныя, какъ извѣстно, въ Копенгагенъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ, повидимому устранили существовавшее дотогѣ разногласіе между Австріею и Пруссіею съ одной стороны, и Даніею съ другой. Къ сожалѣнію, руководящія статьи главныхъ органовъ датской журналистики не подтверждаютъ этихъ надеждъ. Всѣ датскіе журналы, къ какой бы партіи они ни принадлежали, успѣшили выразить свое удивленіе и неудовольствіе по поводу отвѣтныхъ нотъ, полученныхъ изъ Вѣны и Берлина. Единственное различіе между отзывами журналовъ демократическихъ и тѣхъ, которые издаются подъ вліяніемъ датскаго министерства, состоитъ въ томъ, что первые одинаково осуждаютъ и датское правительство за сдѣланныя имъ уступки, и германскія державы за толкованіе этихъ уступокъ (1), между тѣмъ какъ вторые увѣряютъ, что уступки эти вовсе не имѣютъ того значенія и объема, какіе приписываютъ имъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, распространяя на Голштинію право пересмотра общей конституціи. Но и тѣ и другіе рѣзко объявляютъ себя противъ притязаній германскихъ державъ. Демократическіе журналы даже называютъ датско-германскій вопросъ борьбою между Даніею и Голштиніею, свободою и деспотизмомъ, прогрессивнымъ и реакціоннымъ направленіемъ. Съ другой стороны, министерскій журналъ *Dagbladet* объявляетъ, что новыя требованія германскихъ державъ равносильны вмѣшательству Германіи во внутреннія дѣла Даніи. «Никогда, сказано въ этомъ журналѣ, Данія не согласится дать герцогствамъ такое же вліяніе и такія же права, какія принадлежатъ цѣлому королевству; лучше отказаться отъ стараній достигнуть миролюбиваго соглашенія, отнынѣ очевидно невозможнаго, и послѣдовать примѣру Швейцаріи, приготовляясь отразить силу силою.» Другой журналъ, «Берлингова Газета», которому приписываютъ сношенія съ дворомъ и который обыкновенно отличается умѣренностію сужденій, такъ же рѣшительно говоритъ противъ притязаній Австріи и Пруссіи. «Исполнивъ ихъ требованія, говоритъ эта газета, Данія сдѣлается государствомъ вассальнымъ относительно Германіи, и другія европейскія

(1) См. № 10-й «Русскаго Вѣстника».

державы не могутъ потерпѣть, безъ ущерба собственнымъ интересамъ, столь значительнаго измѣненія въ политической системѣ Европы». По словамъ Берлинской Газеты, Данія можетъ предоставить герцогствамъ большую свободу, но не можетъ позволить имъ измѣнить общую конституцію, не можетъ усилить ихъ на счетъ главной составной части монархіи, собственной Даніи.

Такимъ образомъ, ноты кабинетовъ берлинскаго и вѣнскаго на датскую ноту отъ 13-го мая, повидимому, только усилили разногласіе. Отвѣтъ копенгагенскаго кабинета полученъ въ Берлинѣ только въ послѣднихъ числахъ іюня, и потому содержаніе его еще не могло сдѣлаться извѣстнымъ. Изъ вышесказаннаго можно съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что отвѣтъ этотъ едва ли удовлетворитъ Пруссію и Австрію, тѣмъ болѣе, что берлинскіе журналы въ послѣднее время высказали мнѣнія совершенно противоположныя отзывамъ копенгагенскихъ газетъ. Органъ прусскаго министерства. газета *Zeit*, утверждаетъ, что всѣ споры между Даніею и Германіею по дѣламъ герцогствъ Голштинскаго и Лауенбургскаго принадлежатъ къ числу внутреннихъ вопросовъ Германіи и подлежатъ разбирательству Германскаго сейма. Герцогство Шлезвигское не имѣетъ прямого отношенія къ послѣднему, но оно издавна связано крѣпкими узами съ герцогствомъ Голштинскимъ, и во имя этой связи, по словамъ газеты *Zeit*, Германія должна отстаивать права его.

Къ числу разныхъ столкновеній, къ которымъ подалъ поводъ приближающійся къ развязкѣ вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ, принадлежитъ странное и доселѣ необъяснимое столкновение между оттоманскимъ правительствомъ и бельгійскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Блонделемъ. Враждебная соединенію Дунайскихъ княжествъ подъ конституціонною властію одного изъ европейскихъ принцевъ, Порты заподозрила г. Блонделя въ проискахъ, имѣющихъ цѣлю избраніе бельгійскаго принца, и на столько убѣдилась въ основательности своего подозрѣнія, что прервала дипломатическія сношенія именно съ этимъ лицомъ, объявивъ о желаніи своемъ сохранить дружественныя отношенія съ самимъ бельгійскимъ правительствомъ. Последнее успѣшило опровергнуть всѣ слухи и снять съ себя всякое подозрѣніе въ желаніи пристроить бельгійскаго принца въ Дунайскихъ княжествахъ. Оно обнародовало въ своемъ офиціальному органѣ переписку свою съ г. Блонделемъ и съ бельгійскимъ консуломъ въ Букарестъ, изъ которой видно, что оно положительно отклоняло отъ себя всѣ подобныя предложенія. Ясно, что если обвиненіе Порты основательно, то г. Блондель дѣйствовалъ произвольно, вопреки инструкціямъ бельгійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и слѣдовательно, подлежитъ строгой отвѣтственности. До сихъ поръ извѣстно только, что ему предписано отправиться въ Аѳины, гдѣ онъ тоже аккредитованъ, и что сношенія между Портою и бельгійскимъ правительствомъ не прерваны.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 28 мая, введенъ въ дѣйствіе новый общій тарифъ для имперіи и царства Польскаго, составленный въ министерствѣ финансовъ и рассмотрѣнный государственнымъ совѣтомъ. Тарифъ предписано ввести въ дѣйствіе какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ, со дня полученія его въ каждой таможенѣ, за исключеніемъ лишь Одесской портовой таможни, въ которой, впредь до окончанія срока тамошняго порто-франко, съ товаровъ, потребляемыхъ въ чертѣ сего порто-франко, пошлины взимаются на существующемъ нынѣ основаніи.

Нашимъ читателямъ, вѣроятно будетъ интересно сообразить, на сколько пошлины уменьшены сравнительно съ прежнимъ тарифомъ 1850 года. Заимствуемъ нѣкоторыя цифры изъ составленнаго гг. Колесовымъ и Бемомъ «Сравненія таможенныхъ тарифовъ 1857 и 1850 годовъ.»—Слѣдующія статьи ввоза, запрещенныя совершенно прежнимъ тарифомъ, теперь разрѣшены и обложены пошлиною: рафинированный сахаръ, за который платится съ пуда, при доставкѣ моремъ, 5 р., а при доставкѣ сухимъ путемъ, 4 р., содовая вода—по 2 коп. съ бутылки, желѣзо всякаго рода, обложенное нынѣ разной величины пошлиною, смотря по роду желѣза и порту, въ который оно доставляется. Низшая пошлина 30 коп., высшая 90 коп. съ пуда. Къ числу предметовъ, освобожденныхъ отъ всякой пошлины, принадлежатъ—книги, которыя прежде были обложены пошлиною въ 10 и 20 коп. съ фунта. Величина пошлинъ съ тѣхъ предметовъ, которые остались обложенными, значительно понижена. Такъ напримѣръ пошлины съ угля и торфа отъ 14 р. съ пуда понижена до 8 р., пошлина съ гвоздики, вмѣсто 7 р. 50 к., опредѣлена въ 4 р.; пошлина съ ваты, вмѣсто 4 р., 1 р. съ пуда; съ ртути, вмѣсто 2 р. 40 к., 1 р. съ пуда; съ свинца, вмѣсто 10 к., 5 к.; пошлина съ бумажныхъ тканей, вмѣсто 1 р. 60 к., 1 р. Вообще большая часть предметовъ обложена низшею пошлиною. Немногія статьи ввоза обложены, для уравненія, болѣе высокою пошлиною.

Въ числѣ другихъ мѣръ на пользу развитія отечественной торговли упомянемъ о слѣдующихъ распоряженіяхъ правительства. Высочайше утвержденнымъ 6-го мая мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено коллежскому секретарю Крамеру соорудить на свой счетъ шоссе отъ города Нарвы до Кулчской пристани и пользоваться сборомъ съ этой дороги, подъ надзоромъ главнаго управленія путей сообщенія. — По распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, составлена новая инструкция для торговой депутаціи, находящейся въ Петербургѣ при городской распорядительной думѣ, для наблюденія, чтобы въ столицѣ торговля, промышленность и ремесла были производимы только тѣми лицами, которыя имѣютъ на это право, и для повѣрки правильности уплаты слѣдующихъ съ нихъ сборовъ.—Съ провозимой по Ладожскому каналу кладѣ назначенъ

небольшой денежный сборъ, по $\frac{1}{4}$ к. съ рубля, который будетъ употребляться на поддержаніе этого канала.

По министерству народнаго просвѣщенія сдѣланы слѣдующія распоряженія. Въ университетъ Св. Владиміра, въ который до сихъ поръ были принимаемы только кончившіе полный курсъ въ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ заведеніяхъ, позволено также принимать, по экзамену, молодыхъ людей, получившихъ домашнее воспитаніе. — Существующее въ Митавѣ уѣздное училище преобразовано въ реальное.

Въ измѣненіе дѣйствующаго законодательства, постановлены, мнѣніемъ государственнаго совѣта 15 апрѣля, новыя правила объ отсрочкѣ долга со стороны заимодавца. Заимодавцамъ разрѣшено отсрочивать платежъ безъ составленія новаго акта, слѣдующими тремя способами: 1) посредствомъ надписи на заемномъ письмѣ, если оно находится въ рукахъ заимодавца; 2) посредствомъ просьбы отъ него, если актъ находится въ присутственномъ мѣстѣ; 3) посредствомъ расписки, выданной должнику.

Въ Англии, знаменитый билль о разводѣ получилъ наконецъ утвержденіе верхней палаты. Въ засѣданіи 23 іюня онъ принятъ большинствомъ 21 голоса и теперь перейдетъ на обсужденіе нижней палаты. Считаемо не лишнимъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ объ исторіи новаго закона. Она представляетъ еще доказательство, какъ настойчиво и постоянно, но въ то же время и какъ медленно происходятъ реформы въ Англии. Извѣстно, что до сихъ поръ разводъ существовалъ тамъ на дѣлѣ, но не былъ однако признаваемъ закономъ. Вслѣдствіе отсутствія законнаго разрѣшенія, образовался обычай обращаться каждый разъ съ просьбою о разводѣ къ парламенту, который издаетъ особенный законъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Просьба могла быть подана только со стороны мужа, а единственною законною причиною развода признавалось прелюбодѣяніе. Но еще до обращенія къ парламенту всякій проситель долженъ былъ пройти двѣ инстанціи или, лучше сказать, выиграть два отдѣльные иска. Первый искъ начинался въ обыкновенныхъ гражданскихъ судахъ. Имъ обвинитель взыскивалъ убытки съ соблазнителя жены. Жена лишена была права виѣшиваться въ эту тяжбу. Когда искъ объ убыткахъ былъ выигранъ, то начиналось другое дѣло, передъ церковнымъ судомъ, который могъ дозволить разлученіе мужа съ женою, что технически называется отлученіемъ *a mensa et toro*. Только послѣ рѣшенія дѣла въ церковномъ судѣ можно было наконецъ испрашивать у парламента особенный билль о разводѣ. Неудобство столь сложнаго судопроизводства увеличивалось еще вслѣдствіе полной независимости другъ отъ друга этихъ трехъ инстанцій. Каждая изъ нихъ, дѣйствуя самостоятельно, требовала вновь доказательствъ, уже представленныхъ прежде въ дру-

гомъ судѣ. Легко вообразить, какую гласность получали при этомъ самыя соблазнительныя проиществія въ нѣдрахъ семейства. Къ затрудненіямъ надобно отнести еще значительныя издержки тройнаго процесса, который по этому для многихъ былъ совершенно невозможенъ. Предложеніе измѣнить дѣйствующее законодательство было сдѣлано лордомъ канцлеромъ еще въ прошломъ году. Здѣсь не было ничего такого, что бы слишкомъ рѣзко противорѣчило прежнимъ законамъ. Лордъ канцлеръ предложилъ только замѣнить тройной процессъ однимъ искомъ, передъ особеннымъ мѣстомъ, называемымъ судомъ о разводахъ. Этому суду предоставлялись всѣ дѣла какъ о разводѣ, такъ и о недѣйствительности брака. Единственною законною причиною попрежнему оставалось одно прелюбодѣяніе, только просить о разводѣ позволялось не одному мужу, а также и женѣ. Обвиненіе противъ мужа должно было основываться однако не на простомъ прелюбодѣяніи, но съ какими-нибудь отягчающими обстоятельствами, на примѣръ кровосмѣшеніемъ. Таково было предложеніе лорда канцлера. Это предложеніе, конечно, нельзя было обвинить въ ослабленіи супружескихъ отношеній. Въ сущности оно дѣлало самый незначительный шагъ впередъ отъ средневѣковаго, варварскаго законодательства. Однако оно было встрѣчено сильнымъ неудовольствіемъ; билль былъ отвергнутъ въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ выдержалъ ожесточенную борьбу и прошелъ при очень незначительномъ большинствѣ. Протестантское духовенство и нѣкоторые изъ его свѣтскихъ сторонниковъ упорно отстаивали обветшалыя формы. Они опасались, что вступивъ разъ на путь реформы, законодательство будетъ вынуждено со временемъ допустить полную свободу развода. Мы видѣли уже, какъ смотрѣли на этотъ билль епископы англиканской церкви. Епископъ оксфордскій, уже по утвержденіи билля, счелъ за нужное повторить свой протестъ противъ закона, который онъ считаетъ несогласнымъ съ Св. Писаніемъ и гибельнымъ для государства; хотя лордъ Брумъ и указывалъ ему на свободу развода въ Шотландіи, въ которой однако нимало отъ того не колеблется благоговѣніе къ Св. Писанію. Замѣчательно, что не одна англиканская церковь смотритъ такими глазами на незначительную въ сущности перемѣну. Протестантскіе епископы нашли себѣ отголосокъ въ католическихъ журналахъ Франціи. Органъ ультрамонтанской партіи, журналъ *l'Univers*, доходящій иногда до самыхъ странныхъ крайностей, едва ли уступалъ епископу оксфордскому въ желчной и несправедливой оцѣнкѣ закона. Болѣе чѣмъ умѣренные положенія выставлялись, какъ страшное нарушеніе святости брака, какъ совершенный подрывъ общественной нравственности. Несмотря на всѣ эти возгласы, билль, снова предложенный министерствомъ, получилъ наконецъ утвержденіе въ палатѣ лордовъ. При тѣхъ перемѣнахъ, которыя были сдѣланы въ немъ особо-назначеннымъ комитетомъ и

самою палатою, этотъ билль вошелъ въ законодательство въ слѣдующемъ видѣ:

Скажемъ сначала о проектѣ 1856 г. Учреждая особый судъ для дѣлъ о разводѣ, билль подчинилъ ему также всѣ дѣла о разлученіи супруговъ (*a mensa et toro*). На основаніи прежнихъ законовъ, жена, получившая позволеніе жить врозь съ своимъ мужемъ, оставалась однако во многихъ отношеніяхъ въ положеніи замужней женщины. Она не могла ни заключать обязательствъ отъ своего имени, ни вчинять иска, ни даже воспрепятствовать переходу въ руки мужа приобретаемыхъ ею имуществъ. Комитетъ, согласно съ желаніемъ правительства, предложилъ дать женѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ вполне самостоятельное положеніе. Что касается до исковъ о настоящемъ разводѣ, то комитетъ распространялъ узаконенныя причины его, дозволивъ женѣ просить о немъ въ случаѣ двоеженства и также прелюбодѣянія мужа въ соединеніи съ жестокимъ обращеніемъ. Сроку, по истеченіи котораго оставленная жена имѣетъ право на пенсію отъ мужа, назначенъ четырехъ лѣтній, вмѣсто двухлѣтняго. Относительно одного пункта въ комитетѣ произошло разногласіе. Нѣкоторые изъ его членовъ, и въ числѣ ихъ лордъ Линдгорстъ, полагали, что слѣдуетъ совершенно уничтожить иски объ убыткахъ, какъ источникъ соблазна и крайнюю несправедливость, относительно жены, лишенной права принимать въ нихъ участіе. Напротивъ, лордъ канцлеръ и большинство членовъ полагали достаточнымъ сдѣлать эти иски необязательными. Полнаго устраненія они не требовали, считая несправедливымъ лишить бѣдняка права искать денежнаго вознагражденія съ богатаго оскорбителя, если обиженный самъ не считаетъ этого для себя унизительнымъ.

Въ такомъ видѣ билль перешелъ къ парламенту 1857 года. Въ нынѣшній засѣданіи верхняя палата уничтожила искъ объ убыткахъ и дала женѣ право личнаго отвѣта, наравнѣ съ обвиненнымъ. Штрафъ, замѣнившій денежное вознагражденіе, опредѣленъ въ 10,000 ф. ст. Вмѣсто названія: «отлученіе *a mensa et toro*», принято, въ смыслѣ термина, «судебное разлученіе», чтобы избѣжать всякаго смѣшенія отъ неточности выраженій. Приговоры суда о разводахъ подлежатъ пересмотру палаты лордовъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Всѣ остальные положенія, выработанныя въ прошлогоднихъ засѣданіяхъ, вошли въ новый билль безъ перемѣны. Наказаніе обвиненныхъ тюремнымъ заключеніемъ отмѣнено, несмотря на сопротивленіе оксфордскаго епископа. Теперь билль поступитъ въ нижнюю палату. Слѣдя за оживленными преніями о новомъ законѣ, нельзя было не удивляться сравнительной ничтожности результата, къ которому привела эта сильная парламентская борьба. Въ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ столь умѣренными, столь справедливыми требованіями, нельзя не ви-

дѣтъ особеннаго характера политическаго быта Англiи; но не надобно забывать при этомъ, что въ глазахъ обѣихъ боровшихся партій значеніе закона простирается гораздо далѣе его настоящихъ предѣловъ. Въ Англии какъ бы ни была незначительна первая реформа прежнихъ законовъ, она все-таки не лишена существенной важности: всегда можно заранѣе поручиться, что вопросъ не остановится на первой попыткѣ, и дальнѣйшія преобразованія рано или поздно окончательно его измѣнятъ. Этимъ-то обыкновеннымъ ходомъ политическихъ вопросовъ и объясняются и настойчивость министерства, и сопротивленіе оппозиціи.

Скажемъ теперь о другомъ вопросѣ, который получилъ, напротивъ, разрѣшеніе въ нижней палатѣ и оттуда долженъ поступить на разсмотрѣніе палаты лордовъ. Мы говорили уже о сопротивленіи католиковъ биллю о присягѣ, которой измѣненіе должно отворить двери парламента Евреямъ. Не успѣвъ у лорда Пальмерстона, отказавшагося затруднить рѣшеніе вопроса требованіями въ ихъ пользу, католики рѣшились дѣйствовать прямо въ парламентѣ. Въ одно засѣданіе, два члена нижней палаты предложили перемѣны въ министерскомъ проектѣ. Одинъ изъ нихъ, г. Дизи (Deasy) требовалъ, чтобъ изъ присяги было выпущено отреченіе представителей отъ того ученія, по которому подданные могутъ умерщвлять государей, отлученныхъ папою отъ церкви, а также то мѣсто, гдѣ депутаты клянутся, что дадутъ это обѣщаніе по чистой совѣсти и безъ всякой оговорки. Г. Дизи называлъ эти мѣста равно ненужными и оскорбительными для католиковъ. Какъ ни сильно было это возраженіе съ отвлеченной точки зрѣнія, лордъ Пальмерстонъ считалъ однако совершенно невозможнымъ на него согласиться. Не оспаривая сущности требованія, онъ замѣтилъ, что помѣщеніе въ присягу упомянутыхъ обѣщаній было прежде однимъ изъ условій допущенія католиковъ въ парламентъ. Уничтожить условіе тогдашней сдѣлки было бы недобросовѣстно, а самый вопросъ о католикахъ, усложняя пренія, могъ бы повредить успѣху билля. Соображенія перваго министра увлекли большинство палаты, и предложеніе г. Дизи было отвергнуто значительнымъ большинствомъ 373 голосовъ противъ 83. Возраженія г. Тезигера и поддерживавшаго его г. Бентинка касались самой сущности вопроса. Г. Тезигеръ предложилъ удержатъ безъ перемѣны конецъ присяги: «Клянусь по истинной христіанской вѣрѣ». Причины, на которыя онъ опирался, были не новы. Онѣ уже были высказаны въ журналѣ «Morning Post», и въ свое время мы о нихъ говорили. Въ нихъ снова посылались тѣ вѣчные доводы нетерпимости, которые каждый разъ раздаются въ Англии при возбужденіи этого вопроса. Г. Тезигеръ говорилъ, что измѣняя окончаніе присяги, парламентъ будто бы отрекается отъ своего исконнаго христіанскаго характера. Нечего и говорить, что такое возраженіе не могло имѣть

успѣха. Парламентское большинство хорошо понимает, что вопросъ о формѣ присяги есть исключительно политическій. Предложеніе было отвергнуто 341 голосомъ противъ 201. Двукратное поражение не заставило положить оружія ни католиковъ, ни крайнихъ ревнителей англиканской церкви. Первые составили митингъ подъ предсѣдательствомъ герцога Норфолька и рѣшились отомстить за неудачу г. Дизи подачею голосовъ противъ билля въ обѣихъ палатахъ. Это рѣшеніе католиковъ внушило нѣкоторыя опасенія за судьбу цѣлаго билля. По счастью, они не оправдались. Настоятельная потребность допустить въ парламентъ людей, которые по своему финансовому значенію нерѣдко принимаютъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ государства, перешла въ сознаніе большинства, и сопротивленіе одной партіи не могло имѣть вѣса. Замѣчательно, что вопросъ о присягѣ, уже нѣсколько разъ поднимавшійся въ парламентъ, съ каждымъ годомъ встрѣчалъ все менѣе и менѣе сопротивленія. Причина очевидна для того, кто знакомъ съ ходомъ англійскихъ преній. Отвлеченная сторона вопроса всегда имѣетъ мало вліянія на рѣшеніе парламента. Между тѣмъ, какъ во Франціи непременно обратили бы вниманіе на отвлеченную справедливость требованія, и вопросъ былъ бы рѣшенъ на основаніи рациональнаго принципа, англійскій парламентъ принимаетъ въ уваженіе преимущественно практическую его сторону. Для него дѣло не въ томъ, справедливо или нѣтъ исключать Евреевъ, а въ томъ, насколько это возможно и насколько это требуется современнымъ положеніемъ общественныхъ интересовъ. Вотъ почему напрасно нѣсколько лѣтъ сряду лордъ Джонъ Россель говорилъ о несправедливости исключенія Евреевъ. Его краснорѣчивыя рѣчи не производили никакого впечатлѣнія на практическихъ депутатовъ. Совершенно иначе поступилъ лордъ Пальмерстонъ. Оставляя въ сторонѣ общее значеніе вопроса, онъ говорилъ только о его практическихъ выгодахъ, указывая на то, что Евреи связаны со всѣми интересами государства вслѣдствіе дѣятельнаго ихъ участія въ торговлѣ и промышленности. И палата сдѣлалась на замѣчанія перваго министра. Въ послѣднихъ преніяхъ встрѣтился даже такой фактъ, который едва ли гдѣ-нибудь возможенъ, кромѣ Англій. Одинъ изъ главныхъ членовъ консервативной партіи, сэръ-Джонъ Пакингтонъ, со времени возбужденія вопроса, постоянно подававшій голосъ противъ билля, неожиданно присоединился къ его защитникамъ. Чтò могло быть причиной подобной перемѣны? Почтенный депутатъ объявилъ только, что подаетъ голосъ за Евреевъ, потому что они исправляютъ общинныя должности, участвуютъ въ платежѣ податей и должны слѣдовательно подавать о нихъ голосъ. Все это безспорно такъ, но отчего же справедливость вопроса такъ долго ускользала отъ г. Пакингтона? Дѣло объясняется только практическимъ характеромъ англійскаго народа:

нѣсколько лѣтъ тому назадъ исключеніе Евреевъ еще казалось возможнымъ, теперь напротивъ это сдѣлалось гораздо труднѣе. Вотъ почему ни старанія католиковъ, ни протесты во имя интересовъ англиканской церкви не имѣли успѣха. Ревностные протестанты успѣли только въ одномъ: вслѣдствіе предложенія г. Сеймура Фицгеральда, въ засѣданіи 22 іюня, палата приняла слѣдующее рѣшеніе: ни одинъ Еврей не будетъ занимать должностей регента королевства, перваго министра, лорда канцлера, лорда намѣстника Ирландіи и комиссара при собраніи шотландской церкви. Недопущеніе Евреевъ къ этимъ должностямъ основывается на томъ, что съ ними соединено участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Если Еврей будетъ занимать какую-нибудь должность, съ которою связано право назначенія церковной бенефиціи, то это право передается кантерберійскому архіепископу. Министерство не противилось этому справедливому требованію, и оно было принято палатою. Во всемъ остальномъ билль утвержденъ безъ всякихъ измѣненій. Въ верхней палатѣ, вслѣдствіе ея состава, сопротивленіе биллю будетъ, вѣроятно, сильнѣе.

Среди всѣхъ этихъ удачъ, которыя министерство встрѣтило въ новомъ парламентѣ, оно едва не потерпѣло однако одну неудачу, первую со времени его торжества на выборахъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ справедливость, очевидно, была на сторонѣ кабинета. Известно, что вслѣдствіе одного стариннаго парламентскаго билля семь ирландскихъ городовъ Коркъ, Лимерикъ, Ватерфордъ, Дрогедна, Килькенни, Клоннель и Кинзаль, — подвергнуты весьма несправедливому налогу на содержаніе англиканскаго духовенства въ Ирландіи. Одинъ изъ ирландскихъ членовъ нижней палаты, г. Фаганъ, предложилъ, по согласію съ министерствомъ, уничтожить этотъ налогъ. Несмотря на сопротивленіе консервативной партіи, нижняя палата утвердила билль, который поступилъ въ верхнюю палату. Здѣсь лордъ Дерби взялъ налогъ подъ свою защиту, и изъ числа 197 членовъ 96 приняли его сторону. Такимъ образомъ хотя билль и прошелъ, но слабое большинство, полученное министерствомъ, доказало, что вліяніе его въ парламентѣ, въ настоящее время, нѣсколько утратило своей силы.

Извѣстія изъ Индіи принимаютъ все болѣе тревожный характеръ. Пять полковъ сипаевъ находятся въ полномъ возстаніи. Мятежъ начался въ Мирутѣ, по поводу раздачи новыхъ патроновъ, которые, по мнѣнію туземныхъ солдатъ, заключаютъ въ себѣ нечистыя составныя части. Солдаты-сипаи не хотѣли заряжать ими ружья, и военный судъ приговорилъ ослушниковъ къ заключенію отъ пяти до десяти лѣтъ. 9-го мая на осужденныхъ наложены были оковы, передъ лицомъ собраннаго войска; но 10-го мая произошло всеобщее возстаніе, имѣвшее слѣдствіемъ освобожденіе заключенныхъ и дру-

гихъ преступниковъ и страшное кровопролитіе, котораго жертвою были англійскіе офицеры сипайскихъ полковъ и европейскіе солдаты съ ихъ женами и дѣтьми. Два европейскіе полка, въ соединеніи съ отрядомъ кавалеріи, одержали однакоже верхъ надъ мятежниками, заставили ихъ предаться бѣгству, но не преслѣдовали ихъ. Мятежники бросились на Дельги и произвели тамъ возстаніе еще болѣе серьезное. Англійское войско было вырѣзано мятежниками; не падали ни женщины, ни дѣтей; разграбили банкъ и провозгласили королею сына послѣдняго великаго могола.

По этому поводу въ парламентѣ безпрестанно высказываются обвиненія противъ всей остъ-индской администраціи. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій было сдѣлано предложеніе объявить дурнымъ и притѣснительнымъ все вообще управленіе Бенгаліей. Къ этому присоединяются еще обвиненія другаго рода. По увѣренію нѣкоторыхъ изъ членовъ нижней палаты, даже производительность Индіи страдаетъ отъ плохаго управленія.

Кромѣ засѣданій парламента, общественное вниманіе было привлечено въ послѣднее время конференціями о народномъ образованіи. Эти конференціи, открытыя стараніями и подѣ председательствомъ принца Альберта, имѣютъ цѣлю опредѣлить способы преподаванія, вполне соответствующіе потребностямъ народа. Принцъ Альбертъ открылъ засѣданія рѣчью; затѣмъ конференція раздѣлилась на отдѣленія для удобнѣйшаго разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ. Результатами совѣщаній конференціи было признано, во первыхъ, что значительную часть дѣтей родственники ихъ берутъ изъ школы слишкомъ рано, что, разумѣется, вредитъ ихъ образованію; во вторыхъ, найдено, что въ сѣверной части континентальной Европы дѣти остаются въ школахъ гораздо долѣе, нежели въ Англии; въ третьихъ, что выдача наградъ и свидѣтельствъ должна быть измѣнена; въ четвертыхъ, что въ первоначальныхъ школахъ чувствуется недостатокъ техническаго, промышленнаго образованія.

Кстати о народномъ обученіи. Нерѣдко случается слышать и даже читать будто въ Англии первоначальное народное образованіе не такъ процвѣтаетъ, какъ на примѣръ во Франціи, что въ Англии оно предоставлено случайнымъ и недостаточнымъ пособіямъ со стороны частныхъ обществъ, между тѣмъ какъ государство будто бы слишкомъ мало, въ сравненіи съ Франціею, удѣляетъ изъ своего бюджета на этотъ важный предметъ. Правда, нигдѣ частная дѣятельность въ этомъ отношеніи не представляетъ такого великаго развитія какъ въ Англии, нигдѣ она такъ не упрочена и не зависитъ такъ мало отъ случайностей, какъ тамъ; но совершенно не справедливо думать, будто государство въ Англии увольняетъ себя отъ обязанности удѣлять достаточную часть вѣтраемыхъ ему общественныхъ суммъ на первоначальное обученіе народа. Напротивъ Англія въ этомъ отношеніи опередила Францію. Сравнимъ для доказательства издержки на народное

образование во Франціи и въ Англіи, пользуясь при этомъ цифрами, недавно приведенными въ *Journal des Débats*, по поводу одного сочиненія о французскомъ бюджетѣ министерства просвѣщенія. Ежегодный бюджетъ этого министерства, во Франціи, состоитъ изъ 5,737,565 франковъ. Къ этому надобно прибавить расходы на тотъ же предметъ, изъ суммы департаментскихъ доходовъ, — 5,412,866 франковъ. Такимъ образомъ весь бюджетъ состоитъ изъ 11,150,431 фр. Нѣтъ сомнѣнія, что эта цифра весьма значительна, и что Францію нельзя упрекнуть въ малой заботливости о народномъ обученіи. Однако великобританское правительство опередило теперь французское и въ этомъ отношеніи, а частныя общества въ Англіи дѣятельно помогаютъ ему въ этой сферѣ. Не забудемъ при этомъ, что въ Англіи только съ недавняго времени существуетъ особое учрежденіе для надзора за народнымъ обученіемъ. «Комитетъ Совѣта о воспитаніи» (Committee of Council on Education), замѣняющій тамъ министерство просвѣщенія, существуетъ только съ 1839 года. При началѣ своего существованія этотъ комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 20,000 ф. ст. или 500 т. фр. (124,000 р. сер.), въ 1848 г. эта сумма была увеличена до 100,000 ф. ст. или 2,500,000 фр. (620,000 р. с.), въ 1850 г. до 150,000 ф. ст. или 3,750,000 фр. (730,000 р. сер.), наконецъ теперь она составляетъ 400,000 ф. стерл. или 10,000,000 фр. (2,480,000 р. сер.). Такимъ образомъ въ настоящее время издержки англійскаго правительства на первоначальное народное обученіе ниже издержекъ французскаго только на сумму 1,150,000 фр. Если же мы возьмемъ въ рѣсчетъ разность въ народонаселеніи, то окажется, что бюджетъ англійскій гораздо выше французскаго. Но эти десять милліоновъ, которые Англія тратитъ на дѣло воспитанія, составляютъ только малое дополненіе къ тѣмъ огромнымъ суммамъ, которыя употребляютъ для этой цѣли частныя люди и общества. Одно изъ частныхъ обществъ, National Society, содержитъ на свой счетъ до 20,000 школъ и около 1,500,000 учениковъ! Любопытно сравнить цифры различныхъ статей бюджета народнаго воспитанія во Франціи и въ Англіи. Во Франціи суммы на постройку и содержаніе зданій для школъ простираются до 1,490,000 фр. Въ англійскомъ бюджетѣ на тотъ же предметъ показана сумма 77,441 ф. стерл., то-есть 1,937,029 фр. Франція на 69 нормальныхъ школъ ежегодно издерживаетъ 1,309,938 фр., Англія на 31 школу издерживаетъ 37,960 ф. стерл. или 999,000 фр. Содержаніе инспекторовъ надъ школами въ Англіи гораздо лучше, чѣмъ во Франціи. Цифры, представленныя въ *Journal des Débats*, очень поучительны. Конечно, нельзя дѣлать никакого заключенія изъ сравнительной умѣренности французскаго бюджета о меньшей заботливости Франціи насчетъ общественнаго воспитанія. Не надобно забывать, что во Франціи смуты послѣдняго времени не оставляли об-

шеству полной свободы дѣйствія, и что наконецъ во Франціи мнѣе большихъ богачей, нежели въ Англіи. Но самая прогрессія цифръ бюджета въ Соединенномъ королевствѣ не лишена важности. Она доказываетъ, что если Англія медленно и тяжело принимаетъ какое-нибудь направленіе, то всегда слѣдуетъ неуклонно однажды принятому началу, со всею силой сознательно приобрѣтеннаго убѣжденія. Общественное мнѣніе есть могучій органъ въ этой классической странѣ гласности. Воспитанное своими свободными учрежденіями, англійское общество, по справедливому замѣчанію французскаго журнала, ни въ какомъ случаѣ не опасается вреда отъ просвѣщенія. Въ Англіи никому не приходитъ въ голову обвинять грамотность при видѣ грамотнаго вора, или вдругъ ни съ того ни съ сего задавать себѣ странный вопросъ: не послужитъ ли невежество защитою для религіи и нравственности въ XIX вѣкѣ? Вотъ почему вопросъ о народномъ просвѣщеніи не подверженъ тамъ никакимъ колебаніямъ. Среди спокойствія или въ борьбѣ съ опасными стремленіями, ни общество, ни правительство Англіи не думаютъ обращаться ни къ какимъ другимъ орудіямъ, кромѣ мысли и свободного слова. Отсюда это нравственное чувство, руководящее государственными людьми Англіи во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ обществу. При всеобщемъ надзорѣ является потребность въ нравственной опорѣ для всякаго владычества. Отъ этого и аристократія, которой господство въ другихъ странахъ Европы имѣло столь печальныя послѣдствія, въ Англіи рано поняла необходимость заплатить за свое политическое значеніе постоянною дѣятельностію на пользу народа. Извѣстно участіе высшихъ сословій въ дѣлѣ общественнаго воспитанія.

Положеніе денежнаго рынка, внушавшее недавно такіа опасенія, значительно улучшилось въ послѣднее время. По извѣстіямъ отъ 4-го іюня, въ началѣ мѣсяца англійскій банкъ получилъ драгоцѣнныхъ металловъ на сумму 17,700,000 фр. (4,450,000 руб. сер.). Сверхъ того носились слухи о приобрѣтеніи металловъ на сумму 2,500,000 фр. (625,000 руб. сер.). Все это дало возможность банку понизить учетные проценты до 6⁰/₀.

Подъ конецъ мѣсяца королева Викторія даровала принцу Альберту офиціальнй титулъ Prince Consort (принца супруга) на все продолженіе ихъ супружеской жизни. До сихъ поръ принцу Альберту давали этотъ титулъ только изъ вѣжливости. Хотя онъ и имѣлъ званіе англійскаго гражданина, но оставался попрежнему съ титуломъ нѣмецкаго принца. Поэтому самый титулъ «высочества», который давали ему обыкновенно, въ сущности не принадлежалъ ему. Онъ имѣлъ право только на титулъ свѣтлости, и внѣ Англіи занималъ мѣсто между младшими сыновьями герцогскихъ домовъ. При новомъ титулѣ онъ становится членомъ королевскаго дома Англіи. Общественное мнѣніе Англіи, расположенное въ пользу принца Альберта, съ удовольствіемъ узнало о новомъ его отличіи.

Во Франціи выборы депутатовъ законодательнаго собранія, о которыхъ мы уже говорили въ предыдущемъ Обозрѣніи, какъ и слѣдовало ожидать, не произвели важныхъ результатовъ. Интересъ ихъ заключается не въ исходѣ, не въ сильной борьбѣ, которой не было, а единственно въ томъ, что здѣсь въ первый разъ отчетливо и свободно обрисовалось взаимное положеніе партій при теперешнемъ правительствѣ. Выборы 1852 года, совершенные подъ влияніемъ страха передъ возможною катастрофой и подъ нравственнымъ влияніемъ переворота, не могли быть полнымъ выраженіемъ желаній французскаго народа. Теперь, когда опасенія затихли, послѣднія могли отчасти высказаться. Въ этомъ и состоялъ исключительно интересъ выборовъ. Въ самой Франціи никто не придавалъ имъ другаго значенія. Но такъ какъ съ этой точки зрѣнія они не лишены общаго интереса, то мы сообщимъ по возможности полныя о нихъ свѣдѣнія.

Мы говорили уже о сближеніи между республиканскою и орлеанскою партіею. Сближеніе повидимому не удалось. Органъ послѣдней, *Journal des Débats*, не отрекаясь отъ прежде-напечатаннаго имъ списка, рекомендовалъ потомъ избирателямъ одного изъ своихъ сотрудниковъ, г. Лабуле, умалчивая объ остальныхъ кандидатахъ. Къ этому обстоятельству присоединился раздоръ въ самой демократической партіи. Демократическій комитетъ обнародовалъ свой собственный списокъ кандидатовъ, отличный отъ списка журналовъ *la Presse* и *Siècle*. Разрывъ съ первымъ еще увеличился помѣщеніемъ въ немъ фразы, вызвавшей неудовольствіе комитета: «что по праву самые оппозиціонные избиратели не могутъ выйти изъ предѣловъ конституціи 1852 года.» О причинахъ разрыва между комитетомъ и демократическими журналами будетъ, какъ слышно, объявлено по окончаніи выборовъ. Между тѣмъ въ газетѣ *l'Estafette* напечатана статья, объясняющая внѣшній ходъ дѣла и подписанная членами комитета, гг. Карно, Герольдомъ и Вашеро. По словамъ этой статьи, комитетъ дѣйствительно составилъ общій списокъ кандидатовъ разныхъ отѣнковъ либеральной партіи, но прежде, нежели этотъ списокъ былъ обнародованъ, журналы *la Presse* и *le Siècle*, несмотря на то, что редакторы ихъ сами принимали участіе въ совѣщаніяхъ комитета, обнародовали свой особый списокъ, даже не сообщивъ его предварительно комитету. Тогда комитетъ рѣшилъ напечатать новый списокъ, составленный имъ уже изъ кандидатовъ одной республиканской партіи. Журналъ *le Siècle* перепечаталъ у себя объявленіе комитета, но съ оговоркой, въ которой опровергается вѣрность фактовъ, и обѣщано подробное объясненіе тотчасъ по окончаніи выборовъ. Само собою разумѣется, что раздѣленіе, возникшее въ демократической партіи, было сильнымъ препятствіемъ ея успѣху. Голоса избирателей раздѣлились между двумя списками; перевѣсъ получили однако чисто-демократическіе кандидаты; кандидаты смѣ-

шеннаго списка и вообще другихъ оттѣнковъ либеральной партіи потерпѣли полную неудачу.

Между тѣмъ какъ раздоры мѣшали единству, появившемуся на время въ дѣйствіяхъ либеральной оппозиціи, правительство ничего не упустило изъ виду, что могло дать направленіе выборамъ. Успѣхъ правительственныхъ кандидатовъ былъ отчасти обезпеченъ заранее. Независимо отъ тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, которымъ императорская власть обязана своею силою, самое устройство избирательныхъ округовъ не мало содѣйствуетъ ей приверженцамъ. По большей части оппозиція ей встрѣчается въ рядахъ буржуазіи; работники, привлеченные на сторону правительства и его обѣщаніями, и недовѣрѣемъ къ вождямъ оппозиціонныхъ партій, скорѣе всего могутъ поддерживать офиціальныхъ кандидатовъ. При устройствѣ въ 1852 году избирательныхъ округовъ, органической декретъ не оставилъ безъ вниманія это обстоятельство и старался вездѣ ослабить вліяніе буржуазіи числительнымъ перевѣсомъ рабочаго класса. Всего очевидно эта цѣль выразилась въ новомъ устройствѣ избирательныхъ округовъ Сенскаго департамента. Извѣстно, что въ административномъ отношеніи департаментъ Сены раздѣляется на четырнадцать округовъ, изъ которыхъ двѣнадцать находятся въ самомъ Парижѣ и состоятъ каждый изъ четырехъ кварталовъ; а два, округи Со (Sceaux) и Сень-Дени, внѣ Парижа. При прежней монархіи, каждый административный округъ избиралъ одного депутата. Республика измѣнила эту систему, и вмѣсто выборовъ по округамъ ввела выборы по департаментамъ. Избиратели были собираемы вмѣстѣ для составленія общаго списка кандидатовъ (scrutin de liste). Правительство 1852 г. возстановило выборы по избирательнымъ коллегіямъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ право назначить одного депутата; но такъ какъ законодательное сословіе имѣетъ менѣе членовъ, нежели прежняя палата депутатовъ, то избирательныя коллегіи не соотвѣтствуютъ болѣе округамъ. Такъ въ департаментѣ Сены вмѣсто четырнадцати избирательныхъ округовъ, по числу административныхъ теперь считается всего десять. При составленіи этихъ десяти округовъ администрація всего болѣе заботилась о томъ, чтобъ совершенно разрушить и передѣлать прежнее распредѣленіе избирателей. Кварталы одного и того же округа были отнесены къ различнымъ избирательнымъ коллегіямъ; вездѣ, гдѣ было можно, къ парижскимъ округамъ, населеннымъ буржуазіей, были присоединены близъ-лежація сельскія общины. Этимъ новымъ распредѣленіемъ правительство обезпечило себѣ успѣхъ въ Сенскомъ департаментѣ, котораго выборы всегда имѣли особенное значеніе. Для того, чтобъ показать, до какой степени расчетъ былъ вѣренъ, скажемъ въ подробности о составѣ нѣкоторыхъ округовъ. Первый и второй округи были составлены изъ частей прежнихъ перваго и втораго округовъ, населен-

ныхъ буржуазіей, съ присоединеніемъ къ нимъ подгородныхъ общинъ, проникнутыхъ совершенно другимъ духомъ. Здѣсь успѣхъ правительства былъ несомнѣнитъ. Больше условій для успѣха оппозиціи представляли третій и пятый округи, населенные большими и мелкими торговцами; но зато въ другихъ, напримѣръ въ осьмомъ, гдѣ находится домъ Инвалидовъ, который одинъ имѣетъ 3,000 голосовъ, не могло быть и рѣчи о борьбѣ съ официальными кандидатами. Мѣры, принятыя правительствомъ передъ выборами и въ продолженіе ихъ, состояли единственно въ нравственномъ вліяніи на избирателей, но объ упроченіи этого вліянія префекты и меры хлопотали всѣми силами. Въ циркулярахъ, разосланныхъ по случаю выборовъ, они не щадили выражений насчетъ оппозиціи. По словамъ ихъ, оппозиція не можетъ ни желать блага, ни содѣйствовать ему. При такомъ усердіи со стороны мѣстныхъ властей въ то время, когда успѣху правительства и безъ того не было серіозныхъ препятствій, разумѣется, не могло обойтись безъ довольно—странныхъ циркуляровъ. Личные интересы, желаніе выслужиться, все это едва ли не стояло здѣсь на первомъ планѣ. Въ одномъ департаментѣ префектъ поссорился изъ-за выборовъ съ меромъ одной общины. Префектъ разослалъ циркуляры, предписывая мерамъ содѣйствовать выбору официального кандидата; одинъ изъ меровъ вздумалъ отказаться отъ содѣйствія и выбрать своего кандидата. Префектъ повторилъ предписание, но независимый меръ настаивалъ на своемъ, и былъ уволенъ. Въ другой общинѣ меръ былъ, напротивъ, увлеченъ не независимостію своего духа, но крайнимъ усердіемъ къ интересамъ своего префекта. Рекомендую прежняго депутата, г. Карюзель де-Сень-Мартенъ, меръ общины Шансу въ департаментѣ Сены и Оазы, прибавляетъ, что этотъ депутатъ приобрѣлъ, со времени послѣднихъ засѣданій, новое право на вниманіе избирателей: онъ женился на дочери префекта. «Кто же, наввно восклицаетъ ревностный меръ, можетъ лучше его зятя представлять въ палатѣ *мысль г. префекта?*» Не всѣ, конечно, такъ простодушно высказали свой взглядъ на официальныхъ кандидатовъ, но едва ли нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ не будутъ только представителями *мысли* своихъ префектовъ.

Допуская свободу дѣйствій для оппозиціи, правительство старалось въ то же время лишить ее нравственнаго довѣрія избирателей. Еще недавно, сравнивая, по поводу выбора, французскую оппозицію съ англійскою, бонапартистскіе журналы высказывали какъ будто желаніе, чтобъ рано или поздно оппозиція получила во Франціи то же значеніе, какъ въ Англии. Но не такъ въ самомъ дѣлѣ смотритъ на нее администрація. Въ Англии, при всеобщемъ уваженіи къ существующимъ тамъ учрежденіямъ, оппозиція есть только выраженіе извѣстнаго стремленія, извѣстныхъ интересовъ, и справедливо считается необходимымъ членомъ государственнаго организма. Вспом-

нимъ, что когда на послѣднихъ выборахъ въ Англіи такъ рѣзко обозначилось торжество кабинета, то министерскій журналъ *Times* открыто сожалѣть, что новья палата не будетъ представлять всѣхъ отѣнковъ общественнаго мнѣнія, и вслѣдствіе этого откроется внѣ-парламентское движеніе. Другимъ языкомъ говорить французское министерство. Передъ самымъ окончаніемъ выборовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Бильйо, счелъ нужнымъ обратиться къ преемникамъ съ новымъ циркуляромъ. Въ этомъ циркулярѣ министръ снова напоминаетъ имъ, что для всеобщей подачи голосовъ не довольно одной свободы: надобно еще, чтобъ эта свобода была направлена надлежащимъ образомъ. Вотъ почему, говоритъ онъ, необходимо растолковать избирателямъ, въ чемъ состоитъ сущность оппозиціи. Оппозиція составлена изъ приверженцевъ различныхъ партій, которыя, конечно, не откажутся отъ прежнихъ убѣжденій. Чего же хочетъ она? Подвергнуть снова суду всеобщей подачи голосовъ самую форму правленія? Но это невозможно. Подчиниться вполнѣ существующимъ учрежденіямъ и быть дѣятельною опорой имперіи? Но это невьротнo. Итакъ, остается только распространять сѣмена волненія и стараться потрясти незыблемую власть правительства. Къ тому же, роль оппозиціи въ собраніи министръ почитаетъ излишнею: безсильная въ дѣлахъ внѣшней политики, она будетъ бесполезна въ вопросахъ внутренняго управленія.

При такомъ взглядѣ на оппозицію, не какъ на органъ извѣстнаго мнѣнія, а просто какъ на враждебную силу, правительство не могло смотрѣть совершенно хладнокровно на старанія оппозиціонныхъ журналовъ упрочить на выборахъ успѣхъ своей партіи. Надобно однако отдать справедливость умѣренности его дѣйствій. Ни одинъ изъ журналовъ не былъ закрытъ въ это время, хотя всѣ главнѣйшіе изъ нихъ получили по нѣскольку замѣчаній. Особенно любопытно замѣчаніе, сдѣланное газетѣ *le Siècle*. Въ статьѣ ея по поводу обнаруженія двухъ списковъ отъ демократической партіи, было сказано, что не должно смущаться этимъ обстоятельствомъ. Избиратели могутъ свободно выбирать кандидатовъ того и другаго списка. За кого бы они ни подали голосъ, ошибка равно невозможна: тѣ и другіе равно стоять за начала 1789 года, за прогрессъ, верховную власть народа, свободу совѣсти и свободу политическую. Въ заключеніе было сказано, что правительство получить добрый совѣтъ отъ всеобщей подачи голосовъ: оно узнаетъ, что враги свободы и представители аристократическихъ стремленій не составляютъ большинства въ націи. Это упоминаніе о началахъ 1789 года возмутило правительство, которое само считаетъ себя ихъ представителемъ. На другой день отвѣтственный редакторъ газеты *le Siècle* и авторъ статьи получили замѣчаніе отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ за исключительное выставленіе себя представителями началъ, общихъ всей націи и раз-

дѣлемыхъ правительствомъ, и за приписываніе послѣднему нераздѣляемыхъ имъ стремленій. Увѣряють, что замѣчаніе было написано самимъ императоромъ.

Намъ остается сказать о результатѣ выборовъ. На нихъ всего болѣе восторжествовали приверженцы правительства. Меньшій, но тоже значительный успѣхъ получили кандидаты чисто-демократической партіи. Приверженцы сліянія между различными оттѣнками либеральной партіи и такъ-называемой парламентской партіи, во главѣ которыхъ стоятъ орлеансты, потерпѣли сильное пораженіе. Гг. Лабур, Вавенъ и Бетмонъ не были выбраны, хотя получили довольно большое число голосовъ, также гг. Карно и Гудшо. Генералъ Каваньякъ избранъ въ двухъ департаментахъ. Окончательный результатъ выборовъ еще не извѣстенъ. Графъ Монталамберъ, котораго благородный образъ дѣйствій въ послѣднемъ собраніи не внушилъ сочувствія ультрамонтанской партіи, былъ оставленъ ею на выборахъ, несмотря на свою приверженность къ интересамъ католической церкви. Онъ не былъ выбранъ. Любопытно знать, какъ великъ былъ успѣхъ правительства въ департаментахъ. Въ Сенскомъ департаментѣ правительство получило 110,525 голосовъ, а кандидаты оппозиціи 96,319 голосовъ. Много голосовъ было потеряно. Несмотря на всѣ старанія правительства, значительное число избирателей совершенно уклонилось отъ подачи голоса. Отчасти причина этого заключалась въ самой эпохѣ выборовъ, пришедшихся въ рабочую пору, отчасти въ томъ непобѣдимомъ равнодушіи, которое питаетъ къ нимъ большинство населенія. Но внѣшнее движеніе всегда нѣсколько возбуждаетъ Француза, и потому, какъ ни велико было число лицъ, уклонившихся отъ участія въ выборахъ, Парижъ 21-го и 22-го іюня все-таки представлялъ видъ особеннаго, давно небывалаго оживленія; на бульварахъ была давка, слышны были старыя имена республики; редакціи газетъ работали цѣлый день; биржа слѣдила за выборами съ напряженнымъ вниманіемъ; ренты поднимались и опускались, смотря по слухамъ. Самое большое волненіе было замѣтно въ рабочихъ предмѣстьяхъ и въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ раздавались тосты за демократическихъ кандидатовъ. Порядокъ однако нигдѣ не былъ нарушенъ. Въ особенности замѣчательно то, что въ нынѣшнемъ году часть работниковъ подавала голоса въ пользу оппозиціи, а часть горожанъ за правительство. При первыхъ выборахъ законодательнаго сословія въ 1852 году было наоборотъ. Еще заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что хотя вообще правительство получило перевѣсъ, но кандидаты его нигдѣ не имѣли значительнаго большинства, кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ имъ не было соперниковъ. Нѣмецкія газеты разказываютъ, будто бы императоръ спросилъ у министра Бильйо, сколько во всей Франціи выбрано оппозиціонныхъ кандидатовъ. Министръ отвѣчалъ, что двадцать пять.

«Это много, замѣтилъ императоръ; паденіе реставраціи начато оппозиціей, въ которой было всего семнадцать членовъ».

Переходимъ къ дѣламъ внутренняго управленія, уступившимъ на время первенство интересу выборовъ. Здѣсь особенно любопытна рѣчь, которою министръ г. Руланъ открылъ засѣданія императорскаго совѣта народнаго просвѣщенія. Въ ней высказано полное одобреніе господствующей теперь системѣ обученія. Изъ распоряженій правительства слѣдуетъ упомянуть о преобразованіи гвардіи. Отнынѣ гвардія будетъ составлена изъ заслуженныхъ солдатъ и офицеровъ арміи. Для вступленія въ нее требуется отъ рядоваго двухлѣтняя служба при хорошемъ поведеніи, отъ унтеръ-офицера—годовая, отъ всѣхъ офицеровъ, съ поручика до генерала, двухлѣтняя служба. Подпоручики обязаны прослужить только годъ въ этомъ чинѣ, потому что при требованіи болѣе продолжительнаго срока они лишились бы слѣдующаго имъ повышенія въ арміи. Гвардіи будутъ предоставлены нѣкоторыя выгоды, но привилегій она имѣть не будетъ.

Въ Алжирѣ кратковременный походъ маршала Рандона увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Послѣ сраженія, въ концѣ мая, серьезнаго сопротивленія уже не было, хотя и есть извѣстія о работахъ, которыя нѣкоторыя племена производятъ съ цѣлю помѣшать Французамъ проникнуть въ глубь Кабилии. Закладка крѣпости «фортъ Наполеонъ», совершилась съ религиозною церемоніей, послѣ которой графъ Рандонъ произнесъ рѣчь. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе на Кабилонъ. Вообще они до сихъ поръ не вѣрили, чтобы Французы рѣшились навсегда остаться между ними; но съ тѣхъ поръ, какъ они увидѣли производимыя работы, они начинаютъ вѣрить постоянству французскаго владычества, и это убѣжденіе имѣло вліяніе на ихъ покорность. Когда Бени-Ратены увѣрили въ этомъ, они стали сближаться съ Французами и охотно принимали отъ врачей помощь для своихъ раненыхъ. Работы для постройки крѣпости и проведенія дороги продолжаютъ съ большою дѣятельностію.

Императоръ уѣхалъ въ Пломбьеръ.

Въ Испаніи послѣднія засѣданія кортесовъ были въ особенности заняты проектомъ измѣненія конституціи, вслѣдствіе котораго сенатъ долженъ получить другой составъ. Мы имѣли уже случай говорить объ этомъ проектѣ. Цѣль его состоитъ во внесеніи въ сенатъ болѣе аристократическихъ элементовъ. Проектъ возбудилъ сильное негодованіе въ сенатѣ. Однако послѣ сильныхъ преній часть его была утверждена.

Правительство представило палатамъ проектъ новаго устава объ общественномъ воспитаніи. Въ продолженіе преній объ этомъ проектѣ, нѣкоторые изъ депутатовъ требовали, чтобы духовенству было предоставлено болѣе участія въ дѣлѣ воспитанія. Замѣтимъ при

этомъ, что проектъ и безъ того предоставляетъ ему значительную долю участія, но какъ видно ультрамонтанская партія и нео-католики не хотятъ удовлетвориться этимъ. Палата не согласилась на предложенныя ими перемѣны.

Представлены два проекта съ цѣлю уничтожить мѣры, принятыя предшествующими министерствами среди политическихъ смуть: одинъ о прекращеніи пенсій, назначенныхъ кортесами съ политической цѣлю, другой — о незачисленіи чиновникамъ годовъ, не проведенныхъ ими на дѣйствительной службѣ и зачисленныхъ имъ въ качествѣ вознагражденія за отставку.

Въ Швеции послѣднія парламентскія пренія были заняты проектомъ о желѣзныхъ дорогахъ. Этотъ проектъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе. Извѣстно, что въ Швеціи господствуетъ совершенно особенная система представительства, не похожая ни на одну европейскую. Она состоитъ изъ четырехъ палатъ, по числу сословій: духовенства, дворянства, мѣщанства и сельскаго сословія. Въ каждой изъ этихъ палатъ проектъ подвергался новымъ измѣненіямъ, такъ что совершенно утратилъ свой первоначальный видъ. Главныя линіи желѣзныхъ дорогъ не были утверждены. Суммы почти каждою палатою опредѣлены различно. Только южная линія назначена по общему согласію. Относительно займа, который правительство намѣрено было заключить для покрытія издержекъ, состоялись различныя мнѣнія. Сословіе мѣщанъ согласилось безъ разсужденій, дворянство назначило сумму въ двадцать милліоновъ, остальные два сословія оставили проектъ до новаго разсмотрѣнія его коммиссіей.

Правительство намѣрено предложить палатамъ проектъ закона о свободѣ вѣроисповѣданія. Извѣстно, что при водвореніи лютеранской религіи въ Швеціи, въ шестнадцатомъ столѣтіи, былъ постановленъ законъ, которымъ каждый, кто перейдетъ въ католицизмъ, осуждается на вѣчное изгнаніе изъ отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ законъ, не согласный въ настоящее время съ нравами Швеціи, былъ бы давно отмѣненъ, еслибъ не противилось духовенство. Теперь король рѣшился настаивать на его отмѣнѣ. Правительство надѣется на содѣйствіе средняго сословія и крестьянъ; въ палатахъ духовенства и дворянства надобно ожидать противодѣйствія. Но такъ какъ общественное мнѣніе съ каждымъ годомъ все болѣе склоняется къ вѣротерпимости, то вѣроятно, что законъ наконецъ будетъ принятъ.

Въ Пруссіи, вопросы внутренней политики перестали поглащать исключительно вниманіе публики. Съ нѣкотораго времени всего болѣе привлекаютъ вниманіе вопросы религіозные. Извѣстно, что протестантскій міръ сильно занятъ своею борьбой съ католицизмомъ и внутреннимъ устройствомъ протестантизма. Въ сентябрѣ въ Берлинѣ должно произойти собраніе евангелическаго союза, съ цѣлю сое-

диненія различныхъ протестантскихъ церквей. Въ Пруссіи это соединеніе не только не было встрѣчено сочувствіемъ, но даже вызвало сильный протестъ со стороны пасторальной конференціи. Между тѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи протестантское движеніе проявляется также сильно. Въ Эйзенахъ конференція занимается разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ евангелическаго исповѣданія.

Прусское правительство намѣрено учредить военный портъ на островѣ Рюгенѣ. Для этой цѣли составлена подъ предсѣдательствомъ адмирала принца Адальберта особенная коммиссія, которая должна составить планъ будущаго увеличенія флота. Журналы встрѣчаютъ эту мѣру правительства съ особеннымъ сочувствіемъ. Въ *Zeit* сравниваютъ австрійскій флотъ съ прусскимъ, отдавая преимущество первому, съ очевиднымъ намѣреніемъ намекнуть о необходимости увеличить прусскій флотъ. Само правительство сильно тревожится его незначительностію и, какъ увѣряютъ, намѣрено требовать для увеличенія его добавочной суммы къ 1,300,000 талеровъ, которыми оно располагаетъ по бюджету.

Особенный интересъ представляетъ всеобщее стремленіе современной Германіи освободиться отъ излишняго и обременительнаго господства бюрократіи. Въ Гессенѣ новый законъ о сокращеніи штатовъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ. Надобно замѣтить, что вслѣдствіе излишняго сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ рукахъ высшей администраціи, устройство административныхъ учреждений въ большей части германскихъ государствъ до крайности сложное. Оно облечено коллегіальными формами, тамъ, гдѣ ихъ не нужно, и сохранило при этомъ старинные недостатки. Такъ на примѣръ: въ одномъ Гессенѣ находится до шести высшихъ инстанцій. Вспомнимъ, что вслѣдствіе разьединенія Германіи, каждое, самое мелкое государство содержитъ на свой счетъ армію. Понятно, какъ затруднительно имъ содержать многочисленную бюрократію, которая къ неизбѣжнымъ издержкамъ на войско присоединяетъ еще бесполезную.

Въ связи съ этимъ вопросомъ находится другой. Въ Германіи уже вездѣ отдѣлена судебная власть отъ административной въ высшихъ инстанціяхъ, но въ низшихъ инстанціяхъ остается еще въ нѣсколькихъ государствахъ прежнее соединеніе. Сюда относятся именно Баварія, Саксонія и Баденъ. Смѣшеніе суда и администраціи подаетъ уже издавна поводъ къ жалобамъ. Кромѣ того, судебныя дѣла не вездѣ находятся въ рукахъ коллегіальныхъ учреждений, часто они разсматриваются чисто бюрократическими мѣстами, въ которыхъ, для неизбѣжнаго раздѣленія труда, они поручаются одному только чиновнику, обыкновенно младшему изъ всѣхъ. Этотъ чиновникъ разсматриваетъ свое мѣсто, какъ скучную станцію на дорогѣ почестей, и спѣшитъ оставить его для болѣе видной должности. Разумѣется, нечего и говорить объ опытности судей въ такомъ случаѣ. Мед-

ленность въ отправленіи суда есть непремѣнное послѣдствіе подобнаго устройства. Несмотря на такіе очевидныя недостатки господствующей системы, правительства помянутыхъ государствъ съ трудомъ и неохотно оставляютъ ее. Приверженцы соединенія административной власти съ судебною, прибѣгаютъ къ различнымъ доказательствамъ въ его пользу. Возражаютъ, что такое соединеніе есть облегченіе для подданнаго, который всегда знаетъ, куда ему обратиться, и можетъ вести нѣсколько дѣлъ въ одно и то же время. Но это возраженіе падаетъ само собою. Развѣ при подачѣ прошенія въ административное мѣсто, послѣднее, при теперешнемъ устройствѣ, не обязано рѣшить сначала, какимъ порядкомъ дѣло должно быть обсуждаемо? Случай, когда дѣло изъ административнаго мѣста будетъ переходить въ судебное или обратно, не могутъ быть до такой степени часты, чтобы изъ-за нихъ останавливаться передъ необходимою реформою. Еще неосновательнѣе другое возраженіе, которое и есть главный поводъ къ устраненію преобразованія. Опасаются, что отдѣленіе судебной власти отъ административной можетъ ослабить правительство. Но такое отдѣленіе существуетъ во Франціи, а тамъ, конечно, нельзя упрекать власть за ея слабость. Существенныя выгоды раздѣленія состоятъ не только въ возможности поручить дѣло суда людямъ спеціальнаго призванія; оно также одно въ состояніи ввести взаимный надзоръ между учрежденіями и даетъ возможность сдѣлать судебныя мѣста коллегіальными. Нѣкоторые изъ журналовъ Германіи очень настаиваютъ на этой реформѣ, и, кажется, она мало-по-малу будетъ приведена въ исполненіе.

Въ Венгріи австрійское правительство приготовляетъ уставъ для обезпеченія правъ тамошнихъ протестантовъ. Венгерскіе протестанты подали правительству просьбу о возстановленіи статутовъ XVII вѣка, обезпечивающихъ имъ свободу богослуженія и о дарованіи имъ права самимъ назначать членовъ въ ихъ церковныя учрежденія, а также открывать школы для дѣтей своего исповѣданія.

Въ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ герцогствѣ отдѣльные сеймы заняты разсмотрѣніемъ проекта соединенія, одобреннаго общимъ сеймомъ.

Въ Италіи папа продолжаетъ свое путешествіе, возбудившее тщетныя, не оправдавшіяся надежды. Когда населеніе папскихъ владѣній увидѣло, что ему нечего ожидать никакихъ преобразованій, оно начало принимать св. отца съ большою холодностію. Это понятно. Есть города, которые до сихъ поръ еще не заплатили долговъ, сдѣланныхъ ими по случаю путешествія Григорія XVI. Какъ ни мало надеждъ на преобразованія, Пію IX было подано нѣсколько просьбъ. Между этими просьбами есть такія, которыя ясно свидѣтельствуютъ о печальныхъ послѣдствіяхъ вѣковаго раздробленія Италіи. Мѣстные интересы выступаютъ въ нихъ впередъ на счетъ общихъ

съ наивною достоинною среднихъ вѣковъ. Въ Болоньѣ цѣлая партія согласилась подать папѣ просьбу, въ которой только и выражается старинное соперничество Болоньи съ Римомъ. Здѣсь требуется не болѣе ни менѣе, какъ дать этому городу права особой столицы: папу просить дѣлить свое мѣстопребываніе между Болоньей и Римомъ, возстановить сенатъ, дать городу право чеканить отъ своего имени монету и т. д.

Въ Турціи вѣчно умирающій и воскресающій проектъ національнаго банка снова возродился. Правительство совѣщается съ банкирами. Одно изъ немаловажныхъ затрудненій состоитъ въ томъ, что греческіе негоціанты требуютъ подачи голосовъ по количеству вкладовъ. Это бы навсегда упрочило за ними большинство на совѣщаніяхъ банка, на что правительство никакъ не хочетъ согласиться. Вопросъ этотъ еще не рѣшенъ окончательно.

Вице-король Египта Саидъ-паша пріѣхалъ въ Смирну, для свиданія съ султаномъ, который намѣренъ былъ совершить путешествіе внутри имперіи. Узнавъ, что султанъ отложилъ свое намѣреніе, вице-король возвратился въ Египетъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вопросъ о невольничествѣ недавно далъ поводъ къ новымъ смутамъ. По поводу отысканія одного бѣлаго невольника въ штатѣ Огайо произошло столкновение между федеральнымъ и мѣстнымъ начальствомъ. Чиновникъ Союза былъ посаженъ въ тюрьму. Конецъ этого происшествія еще не извѣстенъ.

Мормоны попрежнему беспокоятъ правительство, которое рѣшилось дѣйствовать противъ нихъ открытою силою. Извѣстно, что эта секта, допускающая многоженство, смотритъ на членовъ всѣхъ исповѣданій, какъ на язычниковъ. Бригамъ Йонгъ, пророкъ Мормоновъ, смотритъ съ деспотическою властію за населеніемъ Утага. Всякій отщепенецъ отъ секты подвергается жестокомъ преслѣдованіемъ. Правительство назначило въ Утагъ новаго губернатора, г. Вакера, которому вѣрено войско для подавленія сопротивленія. Эта мѣра сдѣлалась необходима. Многие изъ «святыхъ», особенно женщины, желали бы оставить секту, но страшатся преслѣдованій. Мормоны повидимому не опасаются союзнаго правительства. Бригамъ Йонгъ недавно предпринялъ путешествіе, а общее собраніе «святыхъ» недавно опредѣлило отправить проповѣдниковъ во всѣ части свѣта для пропаганды.

Любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя журналами о положеніи финансовъ. Министръ финансовъ полагаетъ, что къ концу года въ казнѣ окажется излишекъ въ 22 милл. долларовъ. Поэтому онъ предполагаетъ предложить палатамъ еще нѣсколько понизить пошлинны.

Въ Бразиліи открыты засѣданія новаго парламента.

С М Ъ С Ъ

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана, въ 11 номеръ «Экономическаго Указателя», статья г. Соловьева, въ отвѣтъ на мой «Очеркъ состоянія Смоленской губерніи», писанный по поводу его «Сельско-хозяйственной Статистики» и напечатанный въ № № 15 и 16 «Русскаго Вѣстника» 1856 года. Благодаря г. Соловьева за то, что онъ изъ всѣхъ статей, явившихся въ разныхъ журналахъ по поводу его книги, избралъ мою для отвѣта и возраженія, считаю необходимымъ войти въ нѣкоторыя объясненія касательно тѣхъ мѣстъ моего «Очерка», которыя не вѣрно истолкованы авторомъ «Сельско-хозяйственной Статистики Смоленской губерніи», и развить тѣ замѣчанія, которыя слишкомъ бѣгло изложены были мною, а теперь подверглись рѣзкому осужденію въ статьѣ г. Соловьева.

Въ началѣ моего «Очерка» были описаны нѣкоторыя обстоятельства, выказывающія обоюдныя невыгоды нынѣшнихъ взаимныхъ отношеній сельскихъ производительныхъ сословій. Слова мои сокращенно приведены г. Соловьевымъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ упрекаетъ меня, что въ числѣ улучшеній, необходимыхъ для нашей губерніи, я не указалъ на измѣненіе этихъ отношеній. Главныя возраженія г. Соловьева на мою статью основаны единственно на томъ предположеніи, что всѣ помѣщики не понимаютъ неудобствъ нынѣшнихъ отношеній, и что я, какъ помѣщикъ, долженъ быть противъ всѣхъ экономическихъ улучшеній; онъ такъ увлекся, что самъ излагаетъ мнѣнія, какія я могъ бы имѣть въ качествѣ помѣщика, и краснорѣчиво опровергаетъ ихъ. Это требуетъ откровеннаго и подробнаго объясненія.

Нападки г. Соловьева на все сословіе помѣщиковъ кажутся мнѣ совершенно несправедливыми. Виноваты не помѣщики, а учрежденія. Не менѣе г. Соловьева я имѣю вѣру въ жизненныя силы русскаго народа; не менѣе его желаю блага всѣмъ сословіямъ, даже «съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ интересовъ», и не только на словахъ, но и на дѣлѣ; не менѣе его понимаю неестественность и неудобства тѣхъ отношеній, вслѣдствіе которыхъ, по словамъ г. Соловьева, «одно сословіе живетъ насчетъ нравственныхъ и матеріальныхъ благъ другаго». Имѣю основанія думать, что всѣ благомыслящіе помѣщики нашей губерніи того же мнѣнія. Но переимѣнить экономическія отношенія не въ нашихъ силахъ. Они утверждены на всемъ государственномъ устройствѣ Россіи и находятся въ сцѣпленіи съ прочими ея учрежденіями. Измѣнить ихъ—дѣло правительства; но и для правительства не безъ затрудненій удовлетворительное рѣшеніе этого сложнаго вопроса. Частныхъ же лицъ, или дѣлое сословіе землевладѣльцевъ, не за чтò упрекать,—они безсильны

для поправленія того, что постепенно устроено всѣмъ законодательствомъ, связано съ общимъ государственнымъ устройствомъ страны и вкоренилось въ обычаи народа. Конечно, всякому предоставлено право дѣлать пожертвованія для общественной пользы, было бы только чѣмъ жертвовать. Но вѣдь не запрещено также помогать бѣднымъ въ ихъ нуждахъ, а нищета все-таки существуетъ, даже въ самыхъ богатыхъ государствахъ, и вы все-таки не жертвуете всѣмъ своимъ достояніемъ для нѣкотораго уменьшенія числа неимущихъ. Вліяніе cadaго отдѣльнаго помѣщика, въ сравненіи съ его пожертвованіемъ, было бы слишкомъ ничтожно для общаго дѣла. Поставивъ въ независимое положеніе трудъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, одинъ человекъ весьма мало уменьшитъ общую сумму обязательнаго труда,—все равно, что грошь въ кассу нищихъ, а между тѣмъ для этого онъ долженъ пожертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ. Земля безъ жителей не имѣетъ еще у насъ цѣны, по причинѣ излишества ея, а для обработки и населенія ея, безъ приписанныхъ къ ней крестьянъ, у насъ, при извѣстномъ общемъ положеніи дѣла не найдется ни фермеровъ, ни свободныхъ поселенцевъ, ни наемныхъ работниковъ. Всѣ лица, которыя могутъ или могли бы заняться земледѣліемъ, приписаны къ какому-нибудь мѣсту, укрѣплены за какимъ-нибудь вѣдомствомъ или лицомъ. Городскіе жители слишкомъ малочисленны, не привычны къ тяжелымъ земледѣльческимъ работамъ, да и не могутъ отчислиться отъ своего общества, къ которому они приписаны для уплаты податей, для отправленія рекрутской и другихъ повинностей. Государственные крестьяне также не имѣютъ права перейти на помѣщичью землю въ качествѣ арендаторовъ: они обязаны оброкомъ и прочими повинностями для министерства государственныхъ имуществъ, котораго земли безъ нихъ тоже не имѣли бы цѣнности. Удѣльные крестьяне не имѣютъ права перехода даже въ города. Класа лицъ, не имѣющихъ ни собственности, ни земли въ своемъ пользованіи, а потому обязанныхъ искать работы для обезпеченія своего существованія, у насъ пока нѣтъ. Слѣдовательно, безъ приписанныхъ къ землямъ крестьянъ, владѣльцы должны бы запустить всѣ свои земли, и имъ останется только заниматься охотой въ своихъ лѣсахъ и пустошахъ, которые въ такомъ случаѣ, при прочихъ существующихъ узаконеніяхъ, явились бы на мѣстѣ теперешнихъ поселеній нашихъ.—Поэтому, говоря объ уменьшеніи запашекъ, какъ существенной мѣрѣ для возстановленія плодородія земли, я не могу наряду съ нею поставить измѣненіе существующихъ условій труда и новыхъ отношеній рабочаго класса къ сословію землевладѣльцевъ, потому что послѣднія мѣры возможны только для правительства. Онѣ вовсе недоступны самимъ сельскимъ хозяевамъ, которые встрѣтили бы неодолимыя къ тому препятствія въ особенностяхъ своего положенія, въ законодательствѣ, во всѣхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ государства.

Впрочемъ, сознание нашего безсилія и опасеніе неизвѣстнаго будущаго не мѣшаютъ намъ желать измѣненія экономическихъ условій труда и понимать всю важность и необходимость этихъ измѣненій, лишь бы они происходили постепенно, безъ нарушенія правъ частныхъ лицъ, безъ волненія и насилія и безъ остановки хозяйственныхъ дѣлъ. Самая статья моя, на которую возражаетъ г. Соловьевъ, не имѣла бы значенія, еслибъ она не имѣла цѣлью указать на недостатки теперешняго положенія, котораго невыгоды для крестьянъ слишкомъ извѣстны всѣмъ; я же хотѣлъ дать ходъ другой мысли, болѣе полезной для общаго дѣла, — мысли о томъ, что оно противно интересамъ самихъ помѣщиковъ. Убѣжденіе въ этомъ, перешедшее въ общее сознание, болѣе подвинуло бы вопросъ. чѣмъ всѣмъ разглагольствія. Во всякомъ случаѣ, что касается лично до меня, то еслибы я былъ сторонникъ стараго порядка вещей, какимъ меня представляетъ г. Соловьевъ, то я старался бы скрыть положеніе рабочаго сословія и затрудненія землевладѣльцевъ, а не выказалъ бы экономическихъ причины дурнаго положенія Смоленской губерніи, которое г. Соловьевъ находитъ *необыкновенно вѣрно обрисованнымъ* у меня (Эк. Ук. стр. 258).

Г. Соловьевъ упрекаетъ меня за то, что я къ основному капиталу помѣщичьихъ хозяйствъ причислилъ поселенныхъ на помѣщичьей землѣ крестьянъ. Но я описывалъ то, что есть, а не то, что быть должно. При существующемъ же порядкѣ вещей, нѣтъ сомнѣнія, что обязательный трудъ работниковъ принадлежитъ къ основному капиталу нашихъ хозяйствъ; иначе населенныя и ненаселенныя земли имѣли бы одинакую цѣнность, и мы не читали бы въ газетахъ объявленій объ «отпускѣ крестьянъ для переселенія». Существующее по нашимъ законамъ прикрѣпленіе всѣхъ земледѣльческихъ работниковъ лишаетъ насъ возможности имѣть въ потребномъ числѣ другихъ рабочихъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ трудъ есть собственностью помѣщиковъ, съ соотвѣтственною ему, признаваемою законами, цѣнностью, за которую потому и заплачены нами или нашими предками деньги. Это капиталъ, который образовался безъ насилія со стороны частныхъ лицъ, а законно и совершенно такъ, какъ образуется всякій другой капиталъ, то-есть трудомъ, дѣятельностью, спекуляціями, сбереженіемъ, постепеннымъ накопленіемъ. Если же накопившійся капиталъ помѣщичій неблагопріятенъ для развитія дѣятельности и увеличенія общей массы произведеній труда, то вина не помѣщиковъ, которыхъ предки или они сами получили за службу или купили право обязательнаго труда: вина тѣхъ законовъ и государственныхъ учрежденій, которыя дали такое неправильное направленіе дѣятельности и поставили рабочее сословіе въ неблагопріятное для народной производительности положеніе. Поэтому, описывая *современное* состояніе

Смоленской губерніи, я не захотѣлъ отдалиться отъ дѣйствительности, а изложилъ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ.

Что же касается до прочихъ упрековъ, которые дѣлаешь мнѣ г. Соловьевъ, то основанія для нихъ находятся въ его воображеніи, а не въ направленіи и не въ словахъ моей статьи. Я не разсуждалъ о необходимости измѣненія экономическихъ условій труда въ нашей губерніи, но за то я указалъ на нее, упомянувъ о неудобствахъ нынѣшняго положенія. Подробное изложеніе этого предмета я считалъ невозможнымъ: ровно годъ уже прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ «Очеркъ состоянія Смоленской губерніи» переданъ мною въ редакцію «Русскаго Вѣстника», а въ то время обсужденіе такого вопроса еще не переходило въ литературу. Не лишнимъ также считаю замѣтить, что, излагая улучшения и измѣненія, по моему мнѣнію, необходимыя для Смоленской губерніи, я касался здѣсь только тѣхъ предметовъ, которые казались мнѣ необходимыми, по мѣстнымъ особенностямъ быта и положенія нашего края; вопросъ же объ измѣненіи положенія рабочаго сословія относится къ обще-государственнымъ потребностямъ всей Россіи. Во всякомъ случаѣ, если я счелъ преждевременнымъ, неудобнымъ или невозможнымъ ясно и подробно высказать мое мнѣніе, то не думаю, чтобы кто-нибудь имѣлъ право упрекать меня въ противоположномъ направленіи, котораго я, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не обнаружилъ. Справедливо ли поступилъ бы я противъ г. Соловьева, еслибъ, разбирая мнѣнія его «Статистики» о государственныхъ крестьянахъ, объявилъ, что онъ требуетъ преобразованія ихъ въ помѣщичьи, потому только, что онъ не говоритъ объ этомъ, и даже не смотря на то, что онъ вездѣ старается доказать совершенную удовлетворительность нынѣшняго положенія государственныхъ крестьянъ? Но такъ разсуждаетъ г. Соловьевъ въ отношеніи ко мнѣ, приписывая мнѣ желаніе распространенія и дальнѣйшаго развитія нынѣшнихъ отношеній, хотя я доказывалъ неудобства ихъ.

Г. Соловьевъ старается доказать, что я долженъ имѣть то направленіе, которому противорѣчить смыслъ и изложеніе всей моей статьи; онъ считаетъ долгомъ отыскать какую-нибудь заднюю мысль во всѣхъ моихъ словахъ, найти какое-нибудь замысловатое истолкованіе тѣхъ строкъ моей статьи, гдѣ я излагалъ нужды и невыгодное положеніе рабочаго класса, и указывалъ на нѣкоторыя мѣры и обстоятельства, которыя могли бы облегчить это положеніе. Когда я упоминаю о фабричныхъ и другихъ заработкахъ, независимыхъ отъ земледѣлія, г. Соловьевъ утверждаетъ, что я предлагаю, при уменьшеніи запашки, *обратить* крестьянъ на фабрики. Если я говорю, что усовершенствованіе путей сообщенія дало бы заработки нуждающимся въ прокормленіи помѣщичьимъ и *государственнымъ* поселянамъ, г. Соловьевъ объясняетъ это такъ, что я нахожу затрудненіе въ прокормленіи *своихъ* крестьянъ, а потому, въ пособіе помѣщикамъ, предла-

гаю проводить хорошія дороги, при чемъ онъ разказываетъ, что крѣпостные крестьяне отдаются въ работу на желѣзныя дороги помѣщиками, которые получаютъ сами заработныя деньги и потомъ *дѣлятся* съ своими крестьянами. И то и другое мнѣніе весьма далеко отъ моихъ мыслей, а также и отъ обычаевъ описываемой г. Соловьевымъ страны, которой хозяйство мнѣ хорошо извѣстно. Неосновательныя обвиненія г. Соловьева заставляютъ меня войти въ нѣкоторыя подробности о моемъ хозяйствѣ, для объясненія моей мысли, какъ насчетъ *обращенія* крестьянъ на фабрики, такъ и насчетъ увеличенія средствъ для прокормленія ихъ.

Когда я говорилъ объ уменьшеніи запасекъ, какъ средствъ возстановить плодородіе почвы, то я имѣлъ въ виду опытъ, сдѣланный мною еще въ 1847 году, когда я принялъ хозяйство съ большою запашкой, съ истощенною землею, незначительнымъ скотоводствомъ и недостаточными средствами для обрабатыванія всей пахотной земли. Имѣя недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ, желая поправить состояніе крестьянъ и видя на дѣлѣ всѣ неудобства и непріятности обширнаго разстроеннаго хозяйства, я съ самаго начала рѣшился уменьшить запашку, чтобы сосредоточить всѣ мои средства на меньшемъ пространствѣ. Я предложилъ *желающимъ* изъ крестьянъ платить оброкъ за занимаемую ими землю, остальнымъ же обрабатывать опредѣленное количество моей земли, именно $\frac{3}{4}$ десятины (сороковой) на тягло въ каждомъ полѣ, съ отмѣною всѣхъ другихъ работъ и сборовъ. Оказалось, что гораздо болѣе половины крестьянъ захотѣли быть на оброкѣ, запашку же пришлось убавить до того, что у меня осталось менѣ четвертой части прежнихъ полей. Оброчные крестьяне, не имѣя домашнихъ заработковъ, стали искать ихъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ на фабрикахъ и другихъ заведеніяхъ; болѣшая же часть стала заниматься плотничными, каменными и столярными работами, *не дѣлясь* со мною въ своихъ заработкахъ и не давая никакого отчета о своихъ занятіяхъ. Вслѣдъ за оброчными, и издѣльные крестьяне, работая у меня не поденно, а подесятинно, стали изходить лишнихъ работниковъ въ своихъ семьяхъ, обучать ихъ разнымъ мастерствамъ и отпускать ихъ въ заработки, съ моего вѣдома, но безъ всякаго вмѣшательства съ моей стороны въ ихъ занятія. Такъ какъ опытъ уменьшенія запашки показался мнѣ полезнымъ для поправленія хозяйственныхъ дѣлъ и для возстановленія плодородія земли, то я счелъ своею обязанностью предложить его другимъ сельскимъ хозяевамъ; и, предупреждая возраженіе касательно слишкомъ большаго уменьшенія работъ, замѣтилъ, что излишнія рабочія семьи могутъ поступить на оброкъ и *перейти къ другимъ производительнымъ занятіямъ* (стр. 828). Г. Соловьевъ нашелъ другое, неблаговидное для меня, истолкованіе этихъ словъ; и для того мое выраженіе: *могутъ перейти къ другимъ производительнымъ*

замѣтямъ, замѣнилъ словами: *обратить на фабрики*, что имѣеть совершенно другое значеніе.

Предлагая уменьшеніе запашекъ, я имѣлъ цѣлью предложить другимъ сельскимъ хозяевамъ мысль, осуществленіе которой принесло много пользы мнѣ и крестьянамъ моего имѣнія; а вовсе не думалъ открыть этимъ секретъ противъ описаннаго мною дурнаго положенія крестьянъ, какъ полагаетъ г. Соловьевъ. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что уменьшеніе помѣщичьихъ запашекъ въ значительной степени полезно и въ этомъ отношеніи, потому что крестьяне, не будучи привязаны къ занятіямъ, къ которымъ не имѣютъ, можетъ-быть, наклонности, находя выгоды заниматься другими дѣлами и зная опредѣлительно количество слѣдующихъ съ нихъ повинностей, болѣе заботятся о своемъ благосостояніи, улучшаютъ свой бытъ и вообще дѣлаются старательнѣе. Думаю, что помѣщики болѣе сдѣлать не могутъ; остальное есть уже дѣло высшаго правительства. Но эта мѣра была для меня полезна и тѣмъ, что она дала возможность приступить къ другимъ измѣненіямъ въ томъ же направленіи. Въ «Очеркѣ состоянія Смоленской губерніи», я указалъ на эти измѣненія, и удивляюсь, что г. Соловьевъ не обратилъ на нихъ вниманія: я говорю объ опытахъ обращенія всѣхъ крестьянъ имѣнія на оброкъ и обработкѣ ими помѣщичьей запашки за деньги по вольной цѣнѣ. Въ прошломъ году я только приступалъ къ такому опыту и не могъ говорить о немъ въ подробности; теперь же эти основанія совершенно опредѣлены въ моемъ имѣніи, котораго крестьяне нынѣ всѣ на оброкъ, обрабатывая вмѣстѣ съ тѣмъ незначительное количество моей запашки (менѣе $\frac{1}{4}$ десятины на тягло въ каждомъ полѣ, за которую получаютъ (по мѣстнымъ цѣнамъ) 18 руб. за сороковую десятину озимаго поля и столько же за десятину яроваго поля) съ кошеніемъ запольныхъ луговъ (пустошные же луга уже десять лѣтъ какъ косятъ у меня оброчными и посторонними, а въ свободное время и издѣльными крестьянами *изъ-полу*), а также и съ перевозкою сноповъ и сѣна на хуторскія заведенія; молотба же хлѣба, подвозъ дѣса и дровъ, и поддержка хуторскихъ заведеній производятся наемными рабочими на мой счетъ, безъ пособія крестьянъ.

Я описалъ здѣсь устройство моего имѣнія, какъ для того, чтобъ показать г. Соловьеву, что помѣщики нашей губерніи, по мѣрѣ своихъ средствъ, заботятся объ улучшеніи положенія рабочаго сословія, такъ и для того, чтобы передать сельскимъ хозяевамъ мои мысли о наиболѣе потребныхъ въ наше время хозяйственныхъ улучшеніяхъ. Впрочемъ, считаю необходимымъ прибавить, что устройство хозяйства, съ обработкою помѣщичьей земли оброчными крестьянами за деньги, требуетъ значительнаго оборотнаго капитала и улучшенной пахотной земли, а потому для многихъ имѣній оно долго будетъ еще невозможно. Тѣмъ болѣе нужнымъ считаю настаивать на уменьше-

ни помѣщичьихъ запашекъ, какъ приступъ ко всѣмъ прочимъ улучшениямъ, хотя г. Соловьевъ и нашелъ мое мнѣніе о семъ такъ одно-стороннимъ и достойнымъ осужденія (Эк. Ук. стр. 259).

Странное обвиненіе г. Соловьева, по поводу моихъ мыслей о прокормленіи крестьянъ, еще менѣе имѣетъ основанія въ словахъ и направленіи моей статьи. Не знаю, изъ какихъ моихъ словъ г. Соловьевъ составилъ себѣ мысль, что отъ устройства дорогъ я «прежде всего ожидаю возможности прокормить *своихъ* крестьянъ, то-есть распространить еще въ большей степени, тотъ способъ, какой извѣстенъ въ Смоленской губерніи и нынче» (тамъ же, стр. 260). Этотъ способъ, по словамъ автора «Сельско-хозяйственной Статистики», состоитъ въ томъ, что помѣщики сами отдають своихъ крестьянъ въ работу, получаютъ за нее деньги, которыми отчасти дѣлятся съ крестьянами. Надобно имѣть сильное желаніе истолковать все въ дурную сторону, чтобы такъ объяснить мои слова. Припомню, что въ этомъ мѣстѣ (стр. 821) я говорилъ о томъ, что «*работы по устройству дороги дадутъ заработки бѣднѣйшимъ жителямъ*», что прокормленіе ихъ затруднительно и привело помѣщиковъ и *сословіе государственныхъ поселянъ* къ долгамъ и недоимкамъ. Далѣе я замѣтилъ, что при новыхъ домашнихъ заработкахъ «*народонаселеніе губерніи найдетъ облегченіе своихъ нуждъ, торгующее и промышленное сословіе сдѣлается многочисленнѣе и богаче, и возрастетъ общее благосостояніе*». Трудно объяснить эти слова ожиданіемъ дохода однимъ помѣщикамъ, которые будто бы будутъ имѣть случай присвоить себѣ деньги, заработанныя крестьянами. Кажется, что въ моихъ словахъ, приводимыхъ выше г. Соловьевымъ, нѣтъ ничего, кромѣ сожалѣнія о затруднительномъ положеніи *бѣдныхъ жителей губерніи всѣхъ сословій*, въ томъ числѣ и государственныхъ крестьянъ.

Г. Соловьевъ считаетъ слишкомъ односторонними и пристрастными изложенныя мною мнѣнія о желѣзныхъ дорогахъ. Не понимаю, почему онъ считаетъ странною мысль соединить съ Балтійскимъ моремъ, чрезъ Рижскій портъ, Москву, какъ вторую столицу государства и важный центръ народонаселенія, потребленія и фабричной промышленности. Еще менѣе могу понять, почему онъ считаетъ невозможною желѣзную дорогу отъ Калуги или отъ Тулы къ смоленскимъ пристанямъ, съ которыхъ (по словамъ г. Соловьева въ Стат. Смол. губ.) отправляется громаднхъ сельскихъ произведеній на сумму около *пятнадцати милліоновъ рублей серебромъ*, несмотря на то, что подвозъ ихъ къ пристанямъ такъ затруднителенъ въ настоящее время. Не понимаю также основанія насмѣшекъ надъ страстною любовью къ своей губерніи, когда я замѣтилъ, что если будетъ желѣзная дорога отъ Москвы къ Ригѣ, то все-таки необходима боковая вѣтвь изъ хлѣбородныхъ губерній къ главной линіи. Если даже я въ сужденіяхъ увлекался любовью къ своему краю и желаніемъ ему пользы, то я

полагаю, что это не заслуживаетъ насмѣшекъ, потому что развитіе мѣстныхъ выгодъ и удобствъ служитъ и для общихъ интересовъ страны, которые представляютъ собою соединеніе всѣхъ интересовъ отдельныхъ мѣстностей. Надобно только вѣрно оцѣнить сравнительную степень важности мѣстныхъ интересовъ. Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ уже рѣшенъ правительствомъ; но и теперь, несмотря на порицаніе г. Соловьева, я не могу не замѣтить, что желѣзная дорога отъ Калуги къ смоленскимъ пристанямъ все-таки возможна (потому что не противорѣчитъ принятой системѣ дорогъ) и необходима (потому что изъ калужскихъ торговыхъ центровъ слишкомъ далеко везти хлѣбъ черезъ Орелъ или Курскъ въ Либаву); общіе же интересы страны не требуютъ упадка смоленскихъ пристаней, которыя даже необходимо поддержать, предупреждая насильственную остановку усвоенныхъ намъ промысловъ и упадокъ мѣстностей, имѣющихъ уже значительное торговое развитіе. Вотъ цифры: отпускъ смоленскихъ пристаней (причисляя сюда Ржевскую и Зубцовскую пристани Тверской губерніи, какъ принадлежащія къ той же системѣ) до 15 милліоновъ руб. сер., разстояніе отъ Калуги до Бѣльской пристани 250 верстъ, между тѣмъ какъ до Либавы черезъ Курскъ болѣе 1300 верстъ, черезъ Орелъ болѣе 1200 верстъ, а черезъ всякой другой промежуточный пунктъ Либавской желѣзной дороги будетъ не менѣе 1000 верстъ, и лишнія по крайней мѣрѣ 750 верстъ провоза обходятся по тарифу, утвержденному для главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ, съ *уменьшенною* скоростью, для хлѣбовъ 27 коп. сер., для пеньки 36 коп. сер., для кожъ, масла, и сала 54 коп. сер. съ пуда, между тѣмъ какъ сплавъ отъ Бѣлой до Риги никогда не обходится дороже 10 коп. сер. съ пуда. Кажется, что эти цифры достойны вниманія; для насъ же онѣ еще важнѣе потому, что онѣ связаны съ мѣстными интересами, которые могутъ быть теперь принесены въ жертву курской мѣстности.

Впрочемъ, я касаюсь теперь этого предмета только вскользь, надѣясь въ послѣдствіи дать ему надлежащее развитіе въ особой статьѣ.

Очень сожалею, что осуждая *странность* моихъ мнѣній о путяхъ сообщенія Смоленской губерніи, г. Соловьевъ вовсе не обратилъ вниманія на предлагаемыя мною улучшенія водяныхъ сообщеній и развитіе ихъ соединеніемъ сходящихся въ Смоленской губерніи главныхъ рѣчныхъ системъ посредствомъ незначительныхъ каналовъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ все уже приготовлено самою природою и тѣми промыслами, которые издавна развились вслѣдствіе послѣднихъ улучшеній, сдѣланныхъ для водяныхъ сообщеній Смоленской губерніи (въ царствованіе Петра Великаго). Вліяніе каналовъ на улучшеніе быта жителей и на усиленіе отпуски смоленскихъ пристаней неоспоримо; протяженіе же ихъ совершенно незначительно въ сравненіи съ выгодами и удобствами для цѣлой страны.

Г. Соловьевъ совершенно противится улучшеніямъ путей сообщенія Смоленской губерніи, считая ихъ даже вредными для нея (стр. 260 Экон. Указ.), потому что на шоссе долго не бываетъ снѣга зимою. Объ этомъ слѣдовало бы спросить жителей губерніи, знающихъ, что главный подвозъ къ пристанямъ не во всю зиму, а только къ веснѣ, когда обыкновенно путь уже испорченъ; въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго мѣсяца платили за провозъ къ Бѣльской пристани, менѣе чѣмъ за сто верстъ, по рублю серебромъ съ пуда, между тѣмъ какъ сплавъ отъ Бѣлой до Риги стоить часто менѣе 10 коп. сер. съ пуда за несравненно дальнѣйшее пространство.

Г. Соловьевъ спрашиваетъ (Экон. Указ стр. 261): какія для сельскаго хозяйства могутъ быть причины улучшенія отъ лучшихъ путей сообщенія? Вотъ онѣ, всѣмъ извѣстныя: вѣрный и опредѣленный сбытъ; равномерныя издержки на провозъ (не измѣняющіяся въ одномъ году отъ 3-хъ коп. до 1 рубля серебромъ и даже выше, съ пуда); правильность торговли сельскими произведеніями и привозными товарами, необходимыми для жизни и для хода хозяйственныхъ дѣлъ; домашніе заработки для *всѣхъ* жителей (вѣрные даже при выпискѣ иностранныхъ рабочихъ); усиленіе сбыта при меньшемъ колебаніи цѣнъ; возможность для сельскихъ хозяевъ удобно переѣзжать въ другія мѣста по дѣламъ, безъ необходимости иногда думать, при предстоящемъ путешествіи, какъ лучше переправиться, въ телѣгѣ, верхомъ или пѣшкомъ; болѣе правильныя понятія о цѣнности произведеній и выгодахъ производства, при вѣрной оцѣнкѣ стоимости товара на мѣстѣ и цѣны перевозки. Г. Соловьевъ не упуститъ изъ виду, что за улучшеніемъ путей сообщенія должны неизбѣжно слѣдовать и другія улучшенія, польза которыхъ для сельскаго хозяйства ожидается всѣми. — Замѣтимъ впрочемъ, что въ другомъ мѣстѣ своего возраженія (стр. 259) г. Соловьевъ соглашается, что «ничего не можетъ быть справедливѣе моихъ замѣчаній о неудобствѣ путей сообщенія и о вредѣ, какой они дѣлаютъ *земледѣлію* и промышленности губерніи»; что отъ дурныхъ средствъ сообщеній цѣны хлѣбовъ высоки (стр. 258) и служатъ къ обѣднѣнію крестьянъ, покупающихъ хлѣбъ для своего продовольствія. Не понимаю, какъ въ одно время можно признавать невыгоды дурныхъ путей и совершенно противиться улучшенію ихъ.

Въ числѣ другихъ улучшеній, необходимо имѣющихъ послѣдовать за улучшеніемъ путей сообщенія, я полагаю мѣстное развитіе фабричной и заводской промышленности. Г. Соловьевъ совершенно отрицаетъ пользу фабрикъ и заводовъ для отдѣльныхъ мѣстностей. Не могу удержаться, чтобы не назвать *страннымъ* такое мнѣніе, которое нисколько не оправдывается указаніемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій фабрикантовъ или ихъ комиссіонеровъ. Одно только слѣдуетъ желать, чтобы развилось достаточно капиталовъ для

устройства промышленныхъ заведеній, къ которымъ я причисляю только тѣ изъ помѣщичьихъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ все производство рассчитано на коммерческомъ основаніи. Я даже думаю, что и при такомъ устройствѣ ихъ они менѣе полезны для народной производительности въ рукахъ помѣщиковъ, которые, имѣя другія занятія, не могутъ тщательно слѣдить за промышленными заведеніями. Но почему же думать, что промышленная дѣятельность не можетъ быть развита безъ участія въ ней помѣщиковъ? Вѣдь всѣ производства выгоднѣе другимъ лицамъ. Промышленность и теперь постепенно развивается во всѣхъ сословіяхъ; будемъ надѣяться, что она скоро сдѣлаетъ болѣе быстрые успѣхи, съ отмѣною нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣръ и запрещеній. Мое мнѣніе о развитіи фабричной и заводской промышленности въ Смоленской губерніи вовсе не противорѣчитъ приводимымъ г. Соловьевымъ словамъ моимъ объ обширномъ развитіи заводовъ въ каменноугольномъ бассейнѣ, потому что эти слова относятся къ предположеніямъ о перенесеніи всей заводской и фабричной дѣятельности Москвы въ новую страну, и я вовсе не того желаю для Смоленской губерніи.

Г. Соловьевъ не понимаетъ моей мысли о томъ, что улучшение путей сообщенія будетъ сильно содѣйствовать накопленію капиталовъ для оживленія всей промышленной дѣятельности. Онъ возражаетъ на это, что «извѣстна одна мѣра для *привлеченія* капиталовъ къ той или другой отрасли промышленности — кредитъ,» и затѣмъ приводитъ мои слова о затруднительномъ положеніи большей части заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ имѣній (Экон. Указ. стран. 259). Но мои слова о новыхъ капиталахъ для оживленія промышленной дѣятельности вовсе не имѣютъ ничего общаго съ залогомъ помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ; я говорилъ ясно о тѣхъ капиталахъ, которые постепенно накапливаются производительными оборотами, а потому остаются для обращенія въ торговлѣ. Эти купеческіе капиталы уже явились во многихъ городахъ Смоленской губерніи, и я считаю неоспоримымъ, что они должны получить много развитія и усиленія отъ новыхъ удобствъ для сбыта, для торговой и промышленной дѣятельности. Не знаю, какъ г. Соловьевъ захотѣлъ дать этимъ словамъ моимъ тотъ смыслъ, что необходимо увеличить ссуды помѣщикамъ и что съ улучшеніемъ путей сообщенія одни «помѣщики вдругъ всѣ разбогатѣютъ.» Разсуждая о развитіи капиталовъ и промысловъ въ нашемъ краю, я вовсе не имѣлъ въ виду исключительнаго или преимущественнаго обогащенія однихъ помѣщиковъ, какъ истолковалъ мои слова г. Соловьевъ; напротивъ того, я опредѣленно и ясно говорилъ о благосостояніи всѣхъ сословій и жителей, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Прибавлю, что менѣе всѣхъ сословій я думалъ о помѣщикахъ, когда утверждалъ, что явятся капиталы,

необходимые для промышленной дѣятельности; а потому я не могу понять, какое отношеніе къ моимъ словамъ имѣть, и къ чему ведетъ исчисленіе г. Соловьева, какіе предметы помѣщики должны будутъ покупать для своихъ работниковъ, если разбогачьютъ. Напрасно г. Соловьевъ дѣлаетъ возраженія на собственные предположенія, совершенно противорѣчащія и словамъ и направленію моей статьи. Не слѣдуетъ также обвинять помѣщиковъ, что они не умѣли или не хотѣли воспользоваться облегченіями правительства для залога имѣній. Обстоятельства были противъ нихъ. Заемъ, безъ измѣненія условій производства, безъ облегченія и устройства правильного сбыта сельскихъ произведеній, не поможетъ сельскому хозяйству. Развитіе кредита у насъ (то-есть ссуды подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній) привело къ дурнымъ результатамъ и къ разстройству хозяйственныхъ дѣлъ не потому, чтобы всѣ помѣщики были люди совсѣмъ неспособные или неблагонамѣренные; а потому, что эта мѣра была преждевременна и не связана съ другими необходимыми при ней улучшеніями. При залогѣ имѣній не было даже признанія необходимости усилить оборотный капиталъ нашихъ хозяйствъ, а потому тѣ, которые дѣлали заемъ не отъ крайности, а для расширенія своихъ дѣлъ, употребляли занятые деньги на покупку новыхъ имѣній, не поддерживая и не улучшая хозяйства уже заведеннаго, которое по необходимости должно было идти бѣдно и кое-какъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и затрудненія въ уплатѣ процентовъ на занятые суммы.

Г. Соловьевъ утверждаетъ, что помѣщики, «обращая въ продажу массы хлѣба, добытаго ими посредствомъ обязательнаго труда, устанавливаютъ низкія цѣны на хлѣбъ. Вотъ, заключаетъ авторъ, главная причина малой цѣнности земледѣльческихъ произведеній; всѣ остальные причины—второстепенныя» (Эк. Ук. стр. 258). Я привыкъ думать, что цѣны предметовъ опредѣляются отношеніемъ предложенія къ требованію ихъ, а не устанавливаются кѣмъ-нибудь произвольно. Помѣщики же никогда не продаютъ хлѣбовъ дешевле цѣнъ существующихъ, и даже продаютъ всегда дороже, чѣмъ крестьяне, которые не могутъ выждать времени и, по нуждѣ въ деньгахъ, болѣе подвержены притѣсненіямъ купцовъ. Слѣдовательно, помѣщики не могутъ, по верадѣнію къ своей пользѣ или преднамѣренню, установить низкія цѣны. Итакъ, остается думать, что въ отношеніи къ цѣнамъ вредное вліяніе помѣщиковъ г. Соловьевъ видитъ въ томъ, что черезъ нихъ общая масса добываемыхъ сельскихъ произведеній слишкомъ увеличивается и дѣлается гораздо болѣе потребностей внутреннего потребленія и внѣшняго сбыта. Это былъ бы странный упрекъ. Я полагаю, что чѣмъ болѣе производительность народа, тѣмъ лучше для него и для всего человѣчества. Излишекъ отъ потребленія будетъ имѣть сбытъ за границу, лишь бы только сред-

ства для заграничнаго отпуска были удобны и легки, перевозка дешева и безъ стѣсненій. Чѣмъ болѣе масса произведеній, тѣмъ богаче народъ, разумѣется при удобствахъ для внѣшняго сбыта. Не для того же г. Соловьевъ желаетъ измѣненія условій труда, чтобъ уменьшить количество его произведеній; напротивъ того, добровольный трудъ тѣмъ и хорошъ, что онъ увеличиваетъ сумму произведеній народа. Обратное отношеніе говорило бы противъ свободы труда.

Г. Соловьевъ говоритъ еще, что я *упрекаю* крестьянъ въ нерадивости и недобросовѣстности, и что вообще помѣщики несправедливо *жалуются* на недостатокъ въ нихъ нравственности (Эк. Ук. стр. 261 и 262). Для точности въ описаніи помѣщичьихъ хозяйствъ, я долженъ былъ упомянуть о «несовершенствѣ работъ, неизбѣжномъ при упадкѣ рабочаго сословія» («Русск. Вѣстн.» 1856 г. № 15 стр. 602); но нельзя назвать упреками мое сожалѣніе о томъ, что положеніе этого сословія въ обществѣ воспитало въ немъ беззаботность и приучило его къ нерадѣнію о собственныхъ пользахъ. Я никакъ не думаю, чтобъ эти свойства были врожденные: при другихъ условіяхъ, они должны дать мѣсто другимъ привычкамъ — стремленію къ благоустройству и отчетливости во всѣхъ дѣлахъ.

Послѣдній упрекъ, дѣлаемый г. Соловьевымъ помѣщикамъ, состоитъ въ томъ, что весьма трудно получить отъ нихъ какія бы то ни было свѣдѣнія о ихъ дѣлахъ для освѣщенія *мрака неизвѣстности, покрывающей помѣщичьи хозяйства* (стр. 262). Иностранныя сочиненія, относящіяся къ политической экономіи и статистикѣ, повсемѣстно дѣлаютъ тотъ же упрекъ, не однимъ владѣльцамъ, но еще болѣе прочимъ сословіямъ и лицамъ, подлежащимъ платежу податей, соотвѣственно съ доходами. И у насъ достаточно приѣхать чиновнику съ оффиціальнымъ порученіемъ собрать разныя статистическія свѣдѣнія и цифры, чтобы возбудить во всѣхъ сословіяхъ опасенія на счетъ прибавки податей и налоговъ; и эти опасенія тѣмъ естественнѣе, чѣмъ затруднительнѣе уплата существующихъ повинностей. Но классъ помѣщиковъ, какъ болѣе образованный, менѣе прочихъ сословій заслуживаетъ этого укора. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы г. Соловьевъ захотѣлъ получить отъ помѣщиковъ подробныя свѣдѣнія о ихъ хозяйствѣ, то нашелъ бы весьма многихъ смоленскихъ владѣльцевъ, которые доставили бы ему самыя точныя свѣдѣнія, не только о ходѣ своихъ дѣлъ, но также о состояніи и потребностяхъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ многіе помѣщики имѣли случай узнать подробнѣе и оцѣнить вѣрнѣе, чѣмъ это было возможно г. Соловьеву. Можетъ-быть, что изучивши помѣщичье хозяйство, г. Соловьевъ обогатилъ бы свою статистику многими недостающими подробностями, исправилъ бы нѣкоторыя явныя ошибки и не выѣхалъ бы изъ Смоленской губерніи съ такимъ дурнымъ

мнѣніемъ о всѣхъ помѣщикахъ, какое онъ выражаетъ въ своей последней статьѣ.

Благодарю г. Соловьева за то, что онъ далъ мнѣ случай яснѣе высказаться и дополнить нѣсколькими словами мою прежнюю статью; но не могу не сдѣлать еще одно замѣчаніе: не понимаю, для чего, привода мои мнѣнія, г. Соловьевъ часто измѣняетъ выраженія, иногда совершенно перемѣняя смыслъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, мысль и направленіе моей статьи дотого *объяснены* въ возраженіи его, что всякій, не читавшій ея, получить о ней самое превратное понятіе изъ замѣчаній автора «Статистики Смоленской губерніи», и въ такомъ случаѣ врядъ ли согласится съ тою частью статьи г. Соловьева (Эк. Ук. стр. 258), гдѣ онъ называетъ мой «Очеркъ» *основательнымъ и добросовѣстнымъ*.

С. ИВАНОВЪ.

11-го апрѣля 1857 года.

О ПЕЧАТКѢ

Въ № 11 Русск. Вѣстн., въ Современной Лѣтописи, на стр. 210, строка 10 сверху:

напеч. сохранить. *чит.* устранить.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
занскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ. Шесть томовъ, съ пор-
третомъ Гоголя (въ томъ числѣ и оба тома «Мертвыхъ Душъ».)
Изданіе П. А. Кулиша. Спб. 1857 г. Ц. 12 р. съ пер. 15 р.

ИСТОРИЯ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА. По памятникамъ, писаннымъ ки-
риллицею, въ связи съ исторіею народа. Сочин. А. Майкова. М. 1857
года. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ПАМЯТНАЯ КНИГА ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ, для зем-
ской полиціи, помѣщиковъ и вообще сельскихъ обывателей. Состав.
Василій Лукинъ. Издана на основаніи Свода Законовъ, всѣхъ его
Продолженій, Сенатскихъ Вѣдомостей и циркулярныхъ предписаній,
извлеченныхъ изъ Журнала Минист. Внутр. Дѣлъ. Спб. 1857 г. Ц.
2 р., съ пер. 2 р. 50 к..

ИСТОРИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Сочин-
еніе экстраординарнаго профессора С.-Петербур. Дух. Акад., Ила-
ріона Чистовича. Спб. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2. 50 к.

СЛОВА И РѢЧИ, произнесенныя въ Камчатской и Иркутской
епархіяхъ протоіереемъ Прокопиемъ Громовымъ. Спб. 1857 г. Ц. 75
коп., съ пер. 1 р.

О ТОРГОВЫХЪ ИНТЕРЕСАХЪ РОССИИ. Сочин. Д. Гартмана.
Перев. съ француз. Н. Г. Спб. 1857 г. Ц. 30 к., съ пер. 60 к.

МОРСКОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ТЕЛЕГРАФЪ, устроенный на
паровомъ фрегатѣ «Полканъ». А. Савельева. Спб. 1857 г. Ц. 50 к.,
съ пер. 75 к.

МАРИНА МНИШЕХЪ, княжна Сендомирская, жена Дмитрія Само-
званца. Историческій романъ, съ портретомъ Марины Мнишехъ.
Соч. Ив. Грбвѣ. 4 части. М. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Гг. иногородные; желающіе выписывать книги въ переплетахъ,
благоволятъ прилагать за обыкновенный корешокъ 15 к., сафьянный
корешокъ 30 к., шагреновый 40 к., въ англійскій тисненный коленкоръ
50 к., за каждый томъ.

Адресъ: въ Москву Коммиسیونеру Федору Осипо-
вичу Свѣшникову.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

РИМСКІЙ ВОПРОСЪ И НОТА ГРАФА РЕНЕВАЛЯ.

F. T. Perrens, Deux ans de revolution en Italie. Paris, 1857.

Fr. de Corcelle, Del governo pontificio. Milano, 1857.

L. C. Farini, Il signor Corcelle ed il governo pontificio. (Rivista contemporanea. Torino, 1857. № 39, p. 3—30).

Question romaine. Observations sur la note de Monsieur de Rayneval par un sujet du pape. Turin. 1857.

Въ настоящее время путешествіе папы Пія IX обращаетъ на себя всеобщее вниманіе; уже около двухъ мѣсяцевъ столбцы газетъ заняты коротенькими извѣстіями о переѣздахъ его святѣйшества изъ одного города въ другой, описаніемъ духовныхъ торжествъ, въ которыхъ папа принимаетъ участіе, официальныхъ встрѣчъ, приготовленныхъ въ честь ему духовенствомъ, и только изрѣдка журналы извѣщаютъ о томъ, что муниципальныя власти желали представиться своему государю и представить ему свои просьбы, но что всѣ попытки къ тому оставались безуспѣшны. До сихъ поръ открывается ясно торжественное шествіе Пія IX только какъ главы католической церкви; всѣ стараются угадать, какой результатъ будетъ имѣть оно въ политическомъ отношеніи, что сдѣлаетъ папа въ качествѣ свѣтскаго государя: послѣдуетъ ли амнистія, узнаетъ ли онъ нужды своего народа и на сколько удовлетворитъ имъ? Римское правительство и его органы въ другихъ государствахъ не высказываютъ прямо никакихъ обѣщаній, но и не опровергаютъ всеобщихъ надеждъ; большинство журналовъ сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ настоящей побѣдки Пія IX: при немъ неотлучно находится монсеньоръ Беррарди, вѣрный другъ кардинала Антонелли, который употребитъ всѣ мѣры, чтобы до папы не дошла ни одна жалоба, ни одна просьба. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обнародованъ былъ только одинъ важный актъ: снятіе осаднаго положенія въ Анконѣ, съ оставленіемъ впрочемъ нѣкоторыхъ правъ австрійскимъ военнымъ судамъ. Но этотъ актъ явился слишкомъ запоздалымъ, а потому не произвелъ большого впечатлѣнія; онъ показалъ только неточность словъ графа Буоля, объявившаго, болѣе года тому назадъ, на парижскомъ конгрессѣ, что осадное положеніе существуетъ только въ Болоньѣ. Многіе тогда же повѣрили словамъ австрійскаго уполномоченнаго — и теперешній актъ папской милости болѣе удивилъ, чѣмъ обрадовалъ обществен-

ное мнѣніе. Ожиданія и надежды будутъ удовлетворены, хотя отчасти, широкою амнистіею и снятіемъ осаднаго положенія въ Болоньѣ. Папа намѣренъ пробыть въ этомъ городѣ въ теченіи цѣлаго мѣсяца и, вѣроятно, передъ отъѣздомъ Болонья услышитъ слово милости.

Конечно, амнистія—въ какомъ бы объемѣ она ни была дана—имѣетъ смыслъ только какъ программа, какъ залогъ новыхъ реформъ, какъ доказательство перемѣны системы; но теперешняя система римская дотого тяжела, что малѣйшее признаніе ея несостоятельности, намекъ на ея измѣненіе ободритъ и освѣжитъ народъ. Точно также снятіе осаднаго положенія почти черезъ десять лѣтъ послѣ революціи не можетъ считаться признакомъ высокаго административнаго положенія страны, — но оно произведетъ еще большій восторгъ, потому что логически поведетъ къ безполезности чужеземнаго занятія, къ выходу Австрійцевъ изъ римскихъ легатствъ. Всѣ разсчитываютъ, что папское правительство станетъ дѣйствовать логически. Трудно рѣшить, на сколько осуществляются всѣ эти надежды и ожиданія; но нельзя не замѣтить, что народъ утомился ждать, и потому пріемъ, дѣлаемый папѣ, съ каждымъ днемъ становится менѣе восторженнымъ; довольствуясь немногимъ, народъ хотѣлъ бы поскорѣе увѣриться въ этомъ немногомъ.

Нельзя сказать впрочемъ, чтобы и при началѣ путешествія Піа IX народъ обнаруживалъ сильный энтузіазмъ; мы были свидѣтелями этого въ день выѣзда папы изъ Рима, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Народу собралось довольно; были распушены слухи, что для путешествія папы приготовлено около двухъ милліоновъ паоли (1 паоло—13 коп. сер.), которые онъ будетъ раздавать по дорогѣ. Толпа живописно расположилась на пригоркѣ, слушая музыку изъ любимыхъ оперъ Верди, которая всегда привлечетъ Итальянцевъ; послѣ долгихъ часовъ ожиданія, наконецъ показался поѣздъ; духовенство вышло на встрѣчу; нѣсколько женщинъ привѣтствовали папу рукоплесканіями и криками: *evviva Pio Nono*, которые въ былое время съ восторгомъ повторяла вся Италія; большинство народа стояло молча и наклоняло голову во время пастырскаго благословенія. Болѣзненная полнота Піа IX заставляла его сильно чувствовать усталость отъ дороги, а потому нужно было ускорить обрядъ цѣлованія туфли. Карета была окружена жандармами, и только одинъ изувѣченный почтальионъ рѣшился подойти къ ней и попросить милостыни; остальные разбрелись молча.

Въ римскихъ газетахъ вы напрасно захотѣли бы искать разгадки настоящаго путешествія, или какого-нибудь намека на него; въ Римѣ менѣе всего можно узнать живые вопросы тамошняго общества; не въ правилахъ духовнаго католическаго правительства какого бы то ни было рода гласность. Довольно прожить въ Римѣ нѣсколько дней, чтобы замѣтить полное отсутствіе въ немъ полн-

тической жизни; подумаешь, что надъ вѣковымъ городомъ лежитъ кара за прошедшее: языческій Римъ поглащалъ въ себѣ политическіе интересы всего міра, — на долю христіанскаго Рима выпалъ полный застой государственной жизни. Глубокая тайна покрываетъ каждый самый простой актъ административной дѣятельности; начиная отъ античныхъ статуй, часто закованныхъ въ мѣдь, и до важныхъ правительственныхъ мѣръ—все здѣсь облечено непроницаемою завѣсой. Народъ свыкъся съ этимъ положеніемъ дѣлъ; благородные потомки старинныхъ римскихъ фамилій, владѣльцы виллъ, располагающихъ къ нѣмъ, обратились къ менѣе-головоломнымъ занятіямъ: на Monte Pincio, въ саду Боргезе и на всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ можно всегда встрѣтить статныхъ юношей, возсѣдающихъ на красивыхъ кабриолетахъ и искусно правящихъ конемъ. Для остальныхъ классовъ недоступны занятія высшей аристократіи; на ихъ долю остаются всякаго рода сплетни, въ томъ числѣ и политическія, которымъ всегда благопріятствуетъ таинственность. Самые нелѣпые слухи, невѣроятныя предположенія бродятъ по Риму и принимаются на вѣру: запоздають ли французскія газеты, и вотъ ужъ тотчасъ всѣ толкуютъ о революціи во Франціи; ходили слухи, что папа ѣдетъ изъ Рима по причинѣ ссоры съ французскимъ генераломъ; говорили, что онъ хочетъ просить помощи у Австрійцевъ; когда отложена была на нѣсколько дней обычная иллюминація храма Св. Петра, это объясняли боязнію, чтобы толпа не начала революціоннаго движенія; — однимъ словомъ, досуемое воображеніе гуляетъ на просторѣ, не будучи останавливаемо никакими объясненіями со стороны правительства; гдѣ тайно совершаются самыя простыя вещи, тамъ, конечно, широкое поле для всякой агитации. Простой народъ всегда пойдетъ за тѣмъ, кто сумѣетъ повести его; въ движеніяхъ 1848 г. онъ былъ страдательнымъ орудіемъ, — извѣстно, что въ римской революціи главные дѣятели были не Римляне, а Итальянцы изъ другихъ областей.

Не считая нужнымъ объяснять что-либо народу, римское правительство ни разу не снизошло до объясненій дипломатическихъ съ другими государствами. И въ то время, когда графъ Кавуръ на парижскомъ конгрессѣ и лордъ Пальмерстонъ въ англійскомъ парламентѣ говорили о положеніи Папской Области, — тѣ, до которыхъ вопросъ этотъ касался болѣе всего, не сказали ни слова въ свое оправданіе, предоставляя другимъ адвокатуру своего дѣла. Въ защитникахъ не оказалось недостатка, появилось нѣсколько восплавленій папскаго правительства, написанныхъ болѣе или менѣе искусно, не Римлянами, а иностранцами. Съ однимъ изъ такихъ защитительныхъ актовъ мы намѣрены познакомить теперь читателей «Русскаго Вѣстника»; во прежде полагаемъ неизлишнимъ напомнить имъ въ общихъ чертахъ существо римскаго вопроса и его исторію.

Послѣдняя революція въ Италіи обозначила довольно ясно всѣ по-

литическія задачи полуострова, его надежды и желанія, потребности народа, его ошибки и заблужденія. Реакція на время подавила громкія требованія національнаго чувства, но далеко не способна разрѣшить вопросъ. За исключеніемъ Сардинскаго королевства, такъ блистательно вышедшаго изъ тяжелаго испытанія, всѣ остальные государства въ Италіи находятся въ положеніи не нормальномъ: въ Неаполѣ, Тосканѣ, Ломбардіи, Римѣ, общественныя отношенія напряжены, всѣ ждутъ чего-то въ будущемъ, всѣ надѣются перемены къ лучшему, отдыха отъ постоянной долгой реакціи; полицейская военная сила останавливаетъ всякое движеніе, но безсильна въ отношеніи къ какому-нибудь положительному результату. Национальное чувство, такъ громко заговорившее въ эпоху послѣдняго броженія, ищетъ теперь мирнаго разрѣшенія своихъ требованій; каждый, кому дорого будущее отечества, спѣшитъ сказать свое слово. Множество плановъ придумано для измѣненія политической фizioноміи Италіи; государственные люди, ученые и журналисты стараются угадать личность будущей Италіи, *Italia possibile*. До сихъ поръ все еще шатко, неопредѣленно, — но тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе возбуждено, работа идетъ дѣятельно, и можно надѣяться, что она не останется совершенно безплодною. Нельзя утвердительно сказать въ настоящее время, найдетъ ли Италія въ самой себѣ средства преобразования — *farà da sè*, по выраженію Альфieri — или она призываетъ на помощь вмѣшательство Европы; но ясно одно: недавняя ошибка революціи не повторится, ея уроки не будутъ забыты; Итальянцы рѣшатся на что-либо, зрѣло обдумавши цѣль и сообразивши средства къ ея достиженію.

И среди этихъ проектовъ, ожиданій, надеждъ и стремленій, вопросъ о Папской Области выступаетъ постоянно на первый планъ; его нельзя обойти, его рѣшеніе нельзя даже отложить на долгое время.

Четыре элемента господствуютъ теперь въ Италіи: австрійскій въ Ломбардіи и Венеціи, въ Пармѣ, Моденѣ и Тосканѣ; сардинскій въ верхней передовой Италіи, наконецъ папскій и неаполитанскій. Но сердцемъ полуострова остается все-таки Римъ; пока Австрійцы будутъ находиться въ Папской Области, до тѣхъ поръ сардинскій либеральный принципъ не выйдетъ изъ своихъ теперешнихъ предѣловъ и останется безъ вліянія на остальную Италію; Римъ стоитъ непроницаемымъ щитомъ между Пиемонтомъ и Неаполемъ и лишаетъ благодѣтельнаго вліянія устройство сардинское, которое отразилось въ послѣднее время даже на сосѣдней Ломбардіи: графъ Кавуръ имѣлъ полное право сказать, что амнистія миланская была слѣдствіемъ системы пиемонтскаго правительства. И если въ интересахъ Европы лежитъ перемена порядка вещей въ Неаполѣ, то нельзя упускать изъ виду того, какую роль играетъ въ этой переменѣ Папская Область.

Съ другой стороны теперешнее положеніе Рима, существо власти папы и ея двоякій характеръ становится въ разрѣзъ съ самыми настоящими потребностями Итальянцевъ. Прежде всего Италия стремится къ единству интересовъ матеріальныхъ, и возможному одобренообразію политическихъ формъ; но католическая теократія идетъ въ разрѣзъ съ новымъ государствомъ: улучшения, прогрессъ несовмѣстны съ принципомъ привилегій извѣстнаго класса, внѣ котораго почти не существуютъ политическія права. Федерация, подобная Германскому Союзу или Соединеннымъ Штатамъ Америки, невозможна для Италіи, пока существуетъ папская власть въ настоящемъ ея положеніи: папа не можетъ принять на себя обязательства подчиниться приговору сейма изъ свѣтскихъ государей или ихъ уполномоченныхъ; самый таможенный союзъ, съ котораго слѣдуетъ начать Итальянцамъ, встрѣтитъ множество противорѣчій въ Римской области. Наконецъ оборонительный союзъ для общей защиты немыслимъ для папы: какимъ образомъ войдетъ въ военную федерацію лицо, которое, по принципу, не можетъ вести войны? Извѣстно, что въ 1848 году папа вынужденъ былъ позволить своимъ подданнымъ воевать съ Австріею, даже благословилъ ихъ на подвигъ, но его правительство оставалось въ мирныхъ отношеніяхъ съ австрійскимъ... Однимъ словомъ, съ какой бы стороны ни взглянуть Итальянецъ на свое будущее—вездѣ передъ нимъ, какъ грозный призракъ, является свѣтская власть папы, вездѣ онъ наталкивается на этотъ вопросъ. Чтобы отдѣлаться отъ него, Итальянцы не оставяли передъ самыми смѣлыми предположеніями: имъ казалось возможнымъ удалить папу на островъ Эльбу или въ Іерусалимъ, раздѣлить Папскую Область на части, ограничить владѣнія папы городомъ Римомъ и пр.

Наконецъ для самой Римской области двоякій характеръ ея государя становится невыносимою тягостью; ей приходится поддерживать блескъ, приличный главѣ всего католицизма. Кардиналы, живущіе въ Римѣ, множество всякаго рода конгрегацій, орденовъ, общекатолическихъ учреждений, требуютъ огромныхъ суммъ для своего содержанія, и вся эта тягость почти исключительно падаетъ на три милліона подданныхъ государя-папы. Высокое религиозное чувство и глубокія богословскія свѣдѣнія далеко не всегда являются достаточными для свѣтскаго государства, для его администраціи; теократія часто противорѣчитъ потребностямъ общества: если и допускать принципъ папской непогрѣшимости въ догматическомъ отношеніи, то на практикѣ онъ совпадаетъ съ произволомъ; стоя выше закона, руководствуясь католическою нравственностью, папа не разъ измѣнялъ, по своему усмотрѣнію, приговоры судовъ, даже гражданскихъ. Церковная іерархія условливаетъ необходимо привилегіи духовенства, ставитъ его выше другихъ классовъ передъ лицомъ закона. Наконецъ обще-католическое правительство римское не имѣетъ національ-

наго характера, а потому остается чуждо потребностямъ народа: Нѣмцы, Французы, однимъ словомъ всѣ католики могутъ сдѣлаться кардиналами римскими и потому управлять государствомъ; и дѣйствительно, очень часто иностранцы, мало знакомые съ нуждами и положеніемъ страны, занимаютъ высшія административныя мѣста, служатъ легатами и проч. Наказаніе преступниковъ, содержаніе войска, всѣ элементы свѣтскаго государства не согласуются съ церковною властью; папа, по своему характеру, не можетъ даже защищать своихъ подданныхъ противъ оскорбленій со стороны другихъ державъ; мечъ не долженъ быть въ рукахъ его, а примѣръ Сардиніи доказалъ, что другое оружіе папы—отлученіе отъ церкви—потеряло значительно свою прежнюю силу.

Такимъ образомъ положеніе Римской области тѣсно связано съ интересами не одного Рима, но всей Италіи и Европы. Вотъ почему въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ мысль о преобразованіи Церковной Области въ государство свѣтское, по общему европейскому типу, получала все большую и большую силу. Наполеонъ I сдѣлалъ въ этомъ отношеніи рѣшительный шагъ; онъ показалъ возможность свѣтскаго государства въ Римѣ. Это событіе глубоко укоренилось въ памяти народа, сдѣлалось преданіемъ, къ которому и теперь обращаются Итальянцы; французское законодательство, замѣнившее папскія декреты, свѣтскіе суды вмѣсто прелатовъ, юридическая опредѣленность отношеній, вытѣснившая прежній произволъ—все это не могло не оставить по себѣ доброй памяти; имя Наполеона и теперь еще одно изъ самыхъ популярныхъ именъ въ Италіи; его портреты здѣсь распространены почти въ такомъ же количествѣ, какъ и во Франціи. Послѣ 1815 года началась совершенная реакція; но чѣмъ усерднѣе преслѣдовало папское правительство всѣ остатки французскихъ учреждений, тѣмъ дороже становились они для народа. Кардиналъ Ривароли крестился всякій разъ, когда передъ нимъ упоминали о Наполеонѣ и его законодательствѣ; съ 1823 года, то-есть со вступленія на престолъ папы Льва XII, правительство передано было въ руки «риваролистовъ»; въ теченіи восьми лѣтъ продолжалось неутомимое возстановленіе средневѣковыхъ «оризъ»; инквизиція и санфедисты усердно преслѣдовали все, что только намекало на либерализмъ (1). Всѣ школы были отданы подъ надзоръ духовенства, привилегіи общинъ отняты, латинскій

(1) Санфедисты—отъ *santa fede*. Члены этой корпораціи служили въ одно время Австріи и папѣ, были гибеллинами и гвельфами. Любопытна присяга, которую они произносили: «Покрываю голову дѣтотомъ желтымъ и чернымъ (австрійскіе), въ сердцѣ ношу бѣлый съ желтымъ (папскіе). Клянусь не щадить никого, принадлежащаго къ позорной партіи либераловъ, проливать кровь ихъ до послѣдней капли, несмотря ни на пользу, ни на возрастъ» и проч.

языкъ введенъ въ судахъ и университетахъ, Евреи лишены права собственности, въ правленіи господствовалъ совершенный произволъ, бюджетъ оставался тайною, вся власть сосредоточивалась въ рукахъ перваго министра (кардинала Ламбрускини), свѣтскимъ лицамъ недоступны были высшія административныя мѣста, не было точнаго разграниченія властей и проч. Такая система принесла свои плоды : въ февралѣ 1831 года легатства взводновались: Болонья, Феррара, Имола, Сезена, Форли, Витербо, Римини, Перуджа подняли въ одно и то же время знамя возстанія. Въ эту критическую эпоху умеръ Левъ XII, а четыре главные государства Европы воспользовались вступленіемъ на престолъ папы Григорія XVI, чтобы представить ему невозможность прежняго порядка вещей. Желанія Европы были высказаны въ знаменитомъ меморандумѣ 10-го мая 1831 года, основою реформъ поставлены были секуляризація управленія, изданіе новаго кодекса гражданскаго и уголовнаго, выборные и провинціальныя совѣты и пр. Папское правительство приняло въ уваженіе меморандумъ, но не охотно приводило его въ исполненіе. Чтобы потушить народное возстаніе, Австрійцы заняли Болонью, а Французы Анкону, и пробыли тамъ до 1838 года, пока папа не успѣлъ собрать наемныхъ швейцарскихъ войскъ. Только эта сила могла сдержать недовольство народа, которое высказывалось безпрестанно во все время правленія Григорія XVI. Въ такихъ обстоятельствахъ явился Пій IX, съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для улучшенія правительства; народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ каждую мѣру новаго папы; *evviva Pio Nono* сдѣлалось національнымъ возгласомъ всей Италіи: на улицахъ Флоренціи, Неаполя и Милана либеральная партія этими словами требовала реформъ; все ожило, все надѣялось на Пія IX, онъ сталъ прекраснымъ олицетвореніемъ желаннаго будущаго Италіи. Къ сожалѣнію, революція 1848 г. произвела разительную перемѣну; какъ въ большей части другихъ государствъ, такъ и въ Римѣ нашлись люди, которые воспользовались ею для своихъ цѣлей; возстаніе закрыло глаза папѣ на настоящее положеніе дѣлъ. Онъ испугался своихъ собственныхъ мѣръ и согласился на реакцію. Опять призваны были австрійскія войска въ легатства, а французскія въ Римъ и Чивита-Веккію; наименѣе популярный, всѣми нелюбимый кардиналъ Антонелли сдѣлался государственнымъ секретаремъ, сталъ во главѣ правленія. Одна крайность вызвала другую : «въ Римѣ двѣ партіи, говорятъ Перренсъ, *le règne des rouges venait de finir, celui des noirs allait commencer*». Почти вся Европа испытала на себѣ гнетъ, который послѣдовалъ вслѣдъ за подавленіемъ революцій, но можетъ-быть ни гдѣ не былъ онъ такъ силенъ, какъ въ Римѣ: особенно унижительно было для народа то, что правительство въ своемъ безсиліи прибѣгло къ пособію иностранцевъ и передало въ ихъ руки власть карать за каждое выраженіе свободной мысли; унижительно

было Римлянамъ чувствовать надъ собою постоянно мечъ Австрiи, тогда какъ у подножія Альповъ, подъ тѣмъ же итальянскимъ небомъ, росло и мужало либеральное устройство Сардиніи.

И вотъ уполномоченный Пiemonta, единственный представитель Италіи на парижскомъ конгрессѣ, обратилъ вниманіе Европы на положеніе Рима, рѣшился быть ходатаемъ интересовъ римскаго общества. Уважая духовную власть папы, какъ главы католической церкви, графъ Кавуръ предложилъ ограничить его свѣтскую власть однимъ городомъ Римомъ, съ тѣмъ чтобы легатства получили особое свѣтское управленіе. Какъ въ большей части своихъ предначертаній, графъ Кавуръ опирался на твердое историческое основаніе: только съ 1815 года въ Римской области введена была централизація; до того времени легатства имѣли свое особое муниципальное устройство, непохожее на римское; отдѣленіе легатствъ отъ Рима было поэтому такъ просто и естественно, что еще въ 1814 году графъ Альдини предложилъ его на вѣнскомъ конгрессѣ. Первый министръ Сардиніи только подробнѣе развилъ ту же мысль, считая возможнымъ вывести Папскую Область изъ того ненормальнаго положенія, вслѣдствіе котораго она въ теченіи 26 лѣтъ могла обойтись безъ иностранныхъ войскъ только 10 лѣтъ. Вотъ въ общихъ основаніяхъ планъ графа Кавура: 1) необходимо организовать изъ легатствъ особое свѣтское государство, подъ высшею властью папы, но независимое отъ Рима въ отношеніи административномъ, судебномъ, военномъ и финансовомъ; только религіозныя дѣла и дипломатическія сношенія будутъ исключительно принадлежать Риму. 2) Новое государство необходимо поставить въ то положеніе, въ какомъ оно было при Наполеонѣ I до 1814 года, возстановить въ немъ французскій кодексъ съ нѣкоторыми перемѣнами и пр. 3) Оно будетъ управляться свѣтскимъ намѣстникомъ, назначаемымъ папою не менѣе какъ на десять лѣтъ; министры и члены государственнаго совѣта избираются намѣстникомъ; они завѣдываютъ всѣми дѣлами, кромѣ религіозныхъ и дипломатическихъ. 4) Провинціи должны участвовать въ содержаніи римскаго двора и въ погашеніи существующаго государственнаго долга. 5) Онѣ будутъ имѣть свое войско, которое образуется посредствомъ конскрипціи.

Проектъ графа Кавура былъ представленъ 27 марта 1856 года въ особой нотѣ кабинетамъ Тюльерійскому и Сентъ-Джемскому и потомъ подвергнутъ былъ обсужденію парижскаго конгресса. Но обстоятельства не благоприятствовали дѣлу Италіи: Европа была слишкомъ занята всеобщимъ примиреніемъ народовъ и не могла обратить должнаго вниманія на римскій вопросъ; лордъ Пальмерстонъ поднималъ было его въ англійскомъ парламентѣ, но это не повело ни къ какому опредѣленному результату. Италіи съ радостью отозвалась на предложеніе графа Кавура, она видѣла въ немъ новый шагъ къ

осуществленію своихъ надеждъ; въ дѣйствіяхъ Сардиніи большинство мыслящихъ людей привѣтствовали ясно-выраженный отказъ отъ принципа *Italia farà da sé*, который льститъ національному самолюбію, но уже много разъ доказалъ свое безсиліе; въ этомъ смыслѣ протоколъ парижскаго конгресса останется важнымъ актомъ въ исторіи итальянской дипломатіи, составитъ въ ней эпоху. Римскій дворъ не подалъ никакого голоса въ дѣлѣ, которое касалось его ближайшимъ образомъ, но сардинская нота сдѣлалась предметомъ обсуждения журналистики и государственныхъ людей, дала поводъ высказаться общественному мнѣнію. Почти во всѣхъ представителяхъ этого мнѣнія планъ графа Кавура встрѣтилъ сочувствіе, но нашлись поборники папскаго правительства въ лицѣ французскихъ публицистовъ и дипломатовъ, которые принялись за дѣло адвокатуры съ необыкновеннымъ усердіемъ. Кромѣ католическаго чувства, есть и другія обстоятельства, которыя заставили именно Французовъ принять на себя адвокатскую роль.

Заявивъ Римъ своими войсками, подавивъ въ немъ республику, въ пользу которой слышался не одинъ голосъ,—Французы тѣмъ самымъ какъ бы признали нравственное обязательство не дозволить слишкомъ широкой реакціи и, взявъ республиканскихъ формъ, дать Риму устройство по возможности либеральное. И дѣйствительно, еще въ 1849 году французское правительство высказало программу тѣхъ улучшеній, которыя необходимы для Папской Области; въ письмѣ своемъ къ полковнику Нею отъ 18 мая 1849 года, императоръ Французовъ, тогда еще президентъ республики, формулировалъ эту программу въ слѣдующихъ словахъ: *amnistie générale, sécularisation de l'administration, code Napoleon et gouvernement libéral*. Лишь исполненіе такихъ обѣщаній могло оправдать въ глазахъ Европы занятіе Рима иностранными войсками; Франція чувствовала всю важность акта, совершеннаго ею, и законодательное сословіе рѣшилось отправить французскій флотъ въ Италію только слабымъ большинствомъ 325 голосовъ противъ 283; только желаніе спасти Римъ отъ Австрійцевъ побудило Францію прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: *si l'Autriche rétablit le pape à Rome* — говорилъ Ламорисьеръ — *c'est une contrevolution complète*. Прошло восемь лѣтъ послѣ вступленія Французовъ въ Римъ и послѣ программы Лудовика-Наполеона; наступило время исполненія обѣщаній; всѣ спрашиваютъ, скоро ли Папская Область получитъ амнистію, секуляризацию и либеральное правительство,—и съ удивленіемъ слышатъ въ отвѣтъ отъ нѣкоторыхъ Французовъ, что задача невыполнима, и что теперешнее положеніе Рима совершенно соотвѣтствуетъ нуждамъ народа...

Прежде другихъ, адвокатомъ папскаго правительства выступилъ графъ Монталамберъ: въ своемъ журналѣ *Correspondant* онъ напечаталъ длинную статью подъ заглавіемъ *Pie IX et lord Palmerston*,

въ которой изложилъ превосходство кардинальскаго правленія и упрекалъ лорда Пальмерстона въ оскорбленіи папы, а съ нимъ вѣсть всѣхъ католическихъ народовъ. Конечно, нѣтъ нужды доказывать неосновательность послѣдняго обвиненія; не въ правилахъ англійскихъ государственныхъ людей позволять себѣ личности противъ государей; первый министръ Англiи нападалъ на принципъ папской власти, а не на лицо Піа IX; къ послѣднему онъ имѣлъ всегда уваженіе: въ 1849 году, въ то время, когда папа находился въ Гаэтѣ, лордъ Пальмерстонъ увѣщевалъ повѣреннаго римскихъ триумвировъ, Маріани, стараться о конституціи въ Римѣ, но не забывать уваженія къ лицу Піа IX: «отчего—говорилъ онъ— не смотрѣть вамъ на папу какъ на конституціоннаго государя, подобнаго королевѣ англійской?» Нѣтъ, не противъ лица папы подымаются обвиненія, а противъ принципа его свѣтской власти; упреки въ отсталости, обскурантизмъ и деспотическомъ вліяніи на папу падаютъ совершенно справедливо на кардинала Антонелли. Всѣ, напротивъ, увѣрены въ добротѣ Піа IX и указываютъ, какъ на доказательство ея, на нѣкоторыя изъ аллокуцій папы: сколько сердечнаго сокрушенія стоило ему отлучить отъ церкви сардинское правительство, или рѣшиться на разрывъ съ Испанією... наконецъ лица, стоявшія въ ближайшихъ сношеніяхъ и даже въ родствѣ съ Піемъ IX, отдаютъ полную справедливость его мягкосердечію: *ce prince avait bon coeur*—говорилъ Феррети — *mais il était plus mobile qu'une femme, et il ne fallait jamais compter pour fait ce qu'il avait dit*.

Вслѣдъ за графомъ Монталамберомъ выступилъ Корсель (Corgelles), бывшій посланникомъ въ Римѣ въ 1849 году непосредственно послѣ Лессепса, когда произошла важная перемяна въ политикѣ французской: Лессепсъ вступалъ въ переговоры съ Римскою республикою, Корсель сопровождалъ папу при его торжественномъ вступленіи въ Римъ. Онъ присутствовалъ при первыхъ порывахъ гнѣва папской полиціи, когда три кардинала — красные триумвиры, *triumviri rossi*, какъ ихъ называли Италіянцы — нещадно преслѣдовали всѣхъ и каждого, такъ что письмомъ къ Нею Лудовикъ-Наполеонъ хотѣлъ остановить кардинальское усердіе. Корсель зналъ хорошо, что дѣлалось въ то время, и между тѣмъ теперь, черезъ восемь лѣтъ, рѣшается оправдывать первое ожесточеніе реакціи! Статьи Монталамбера и Корселя переведены на италіанскій языкъ въ числѣ изданій *Poliantea cattolica*; на нихъ стоитъ надпись миланскаго викарія: *admittitur*; ихъ можно найти въ книжныхъ лавкахъ Рима... Фарини, извѣстный своею «Римскою исторіей», опровергъ Корселя почти въ каждомъ словѣ, доказавъ, что авторъ извращалъ факты, произвольно ставилъ статистическія данныя — однимъ словомъ, не стѣснялся дѣйствительностью.

Наконецъ, третій панегирикъ римскому правительству составляетъ нота графа Реневаля, посланника императора Французовъ въ Римѣ.

Нота, о которой мы говоримъ, составлена 16-го мая 1856 года, опубликована была въ первый разъ въ Daily-News 19-го марта нынѣшняго года, но о ней знали прежде еще изъ другихъ источниковъ. Давно носились слухи, что нота Реневаля служила руководствомъ для статьи Мазада и потомъ для тѣхъ страницъ *Annuaire des deux Mondes*, въ которыхъ говорится о Римѣ; теперь эти слухи получили полное оправданіе: сравнивая ноту съ *Annuaire*, мы видимъ, что послѣдній буквально перепечатываетъ дипломатическій актъ, сдѣлавъ въ немъ незначительные пропуски. Привыкнуши уважать посольскія донесенія и радуясь ихъ гласности, мы поспѣшили ознакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ статьею Мазада тотчасъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. Теперь считаемъ долгомъ представить и тѣ возраженія, которыя вызваны были нотой Реневаля; они напечатаны на дняхъ въ Туринѣ подъ заглавіемъ: *Question romaine, observations sur la note de monsieur Reuneval, par un sujet du pays*. При тождественности дипломатической ноты и статьи Мазада, мы можемъ ограничиться одними возраженіями: текстъ ноты передъ глазами читателей, мы дополнимъ его только тѣми мѣстами, которыя были опущены.

Общее направленіе и взглядъ Реневаля объясняются его личностью. Прежде всего авторъ ноты — Французъ; онъ высказываетъ явное невѣріе, даже презрѣніе къ Италіанцамъ: «у нихъ нѣтъ энергіи, силы воли, истиннаго гражданскаго мужества,» говоритъ Реневаль; отсутствіемъ характера, по его мнѣнію, объясняется вся исторія Италіи и та невысокая ступень, на которой стоитъ она: «предоставленные самимъ себѣ, Италіанцы только вступали въ споры между собою на площадяхъ, давали перевѣсъ самымъ крайнимъ партіямъ, истощались въ безплодныхъ волненіяхъ, дробились до безконечности и отдавали страну на жертву чужеземцамъ — Французамъ, Испанцамъ, Нѣмцамъ. Напрасно приводятъ Піемонтъ въ примѣръ тому, чего можно ожидать отъ италіанскаго народа; Піемонтцы — народность смѣшанная, въ которой больше элементовъ французскихъ и швейцарскихъ, чѣмъ италіанскихъ; ни ихъ языкъ, ни ихъ нравы не принадлежатъ Италіи.» Къ сожалѣнію, въ этихъ словахъ есть доля правды; но причина плачевнаго политическаго быта лежитъ въ исторіи Италіи, а не въ характерѣ народа; Италія пережила долгую борьбу различныхъ началъ; принципъ *cesageo-parale* проходитъ черезъ всю ея жизнь; этрусская система федерации, римское стремленіе къ завоеванію, папа и императоръ, всѣ возможныя формы правленія укрѣплялись и падали на италіанской почвѣ; у cadaго города свое прошедшее, преданія гвельфовъ и гибеллиновъ, филогалловъ и мизоггалловъ — все это можетъ улечся только при федерации городовъ италіанскихъ, съ сохраненіемъ ихъ самостоятельности. Италія не бѣдна примѣрами военной и гражданской доблести: читая одушевленный разказъ Монтанелли, на каждомъ шагѣ встрѣчаешься съ за-

впечательными личностями: битва при Куртатоне и Монтанара въ 1849 году — одна изъ самыхъ блистательныхъ страницъ военнаго мужества; Манинъ и Поэріо доказали, что въ Италіи много людей, способныхъ къ гражданскому мужеству, а потому у нея есть будущее; Піемонтъ блистательно доказываетъ возможность соединенія на италіанской почвѣ порядка и свободы; но необходимо много времени, чтобы исчезли слѣды раздробленія, которое пыталось долгою исторіей; нынѣшніе Италіянцы получили его въ наслѣдство отъ предковъ и, должно сказать къ ихъ чести, умѣютъ понемногу отдѣлываться отъ старинныхъ преданій: въ Генуѣ самая сильная партія крѣпко привязана къ Піемонту, Венеція не отдѣлила судьбы своей отъ Милана и проч. Во Франціи одинъ Парижъ производитъ революцію, въ Италіи всѣ города какъ одинъ возстали при словѣ: *sono Italia*.

Но Реневаля не только Французъ, — онъ былъ, сверхъ того, нѣсколько времени посланникомъ въ Неаполѣ и усвоилъ себѣ взглядъ тамошняго правительства на народъ. Онъ представляетъ себѣ Италіянцевъ какимъ-то сбродомъ людей, не имѣющихъ никакого понятія объ общественной связи, стремящихся къ разрушенію всякаго порядка, «не знающихъ другаго суда и расправы, кромѣ книжала». Весь этотъ сбродъ, всю эту нестройную толпу, по мнѣнію Реневаля, можно удержать въ порядкѣ только иностранными войсками и удаленіемъ изъ Италіи людей, которые могли бы имѣть вліяніе. «Средній и высшій классъ зараженъ другою болѣзью, говоритъ Реневаля въ ихъ обвиненіе: ихъ мучитъ желаніе принять участіе въ политическихъ дѣлахъ; примѣръ Піемонта вскружилъ имъ голову; они думаютъ, что англійская конституція вполнѣ соответствуетъ нравамъ и средствамъ ихъ отечества.» Конечно, далеко не всѣ Французы согласились бы подписать свое имя подъ такимъ обвинительнымъ актомъ; сардинская конституція служить яснымъ доказательствомъ ея возможности на италіанской почвѣ, — неужели и противъ всѣхъ, вѣрующихъ въ нее, слѣдуетъ также выставить иностранныя войска?

Такія убѣжденія графа Реневаля заставляютъ угадывать напередъ, съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ на теперешнее положеніе Папской Области: и дѣйствительно, онъ рисуетъ подробную картину блистательныхъ реформъ, благосостоянія страны, ставитъ римское правительство въ образецъ другимъ, всю вину складываетъ на несчастный характеръ Италіянцевъ. Мы прослѣдимъ главныя положенія Реневаля, и представимъ оборотную сторону медали по тѣмъ даннымъ, которыя предлагаетъ папскій подданный.

Если вѣрить графу Реневалю, то меморандумъ 1831 года и программа нынѣшняго императора Французовъ уже приведены въ исполненіе: въ римскомъ правительствѣ свѣтскій элементъ яляется преобладающимъ; авторъ подтверждаетъ это неопровержимыми статисти-

ческими данными, — изъ 5157 правительственныхъ мѣстъ въ Папской Области, только 98 занято духовными лицами, слѣдовательно число свѣтскихъ лицъ въ 52 раза болѣе. Чтобы дойти до такого блистательнаго вывода, графъ Реневаль причисляетъ прелатовъ къ мірянамъ, говоря, что, кромѣ одежды, они не имѣютъ ничего общаго съ духовенствомъ. При этомъ авторъ забываетъ, что прелать — человѣкъ безъ сешейства, что его интересы и все будущее тѣсно связаны съ интересами духовной іерархіи; «хотя прелать и не совершаетъ таинствъ, однако онъ думаетъ, дѣйствуетъ, живетъ подобно аббатамъ» и имѣетъ въ виду только папскую тиару или шапку кардинала. Но оставляя въ сторонѣ сомнительный характеръ прелатовъ, причисляя ихъ даже къ свѣтскому званію, все-таки мы не можемъ удовлетвориться статистическимъ выводомъ графа Реневаля. Одно относительное число официальныхъ лицъ ничего не доказываетъ; необходимо принять въ расчетъ значеніе и степень важности должностей, предоставленныхъ имъ. Это обстоятельство значительно ослабляетъ силу доказательства французскаго посланника; такъ, мы видимъ, что изъ духовныхъ лицъ избираются: всѣ министры, кромѣ военнаго; государственный секретарь или первый министръ; всѣ префекты, легаты и делегаты провинцій; всѣ посланники и члены посольствъ; всѣ первые чины двора; президентъ и вице-президентъ государственнаго совѣта; президентъ и вице-президентъ финансовой консульты. Главные начальники полицейскаго управленія, тюремъ, архивовъ, члены высшихъ судовъ, аудиторіата — однимъ словомъ всѣ высшія мѣста въ государствѣ заняты духовными лицами. Прибавимъ къ этому, что все народное просвѣщеніе и благотворительныя заведенія находятся въ рукахъ духовенства, и спросимъ: въ чемъ же выражается свѣтскій характеръ правительства? неужели въ замѣщеніи низшихъ исполнительныхъ должностей мірянами, въ предоставленіи послѣднимъ права служить духовенству?

«Папскій подданный» разказываетъ о довольно-хитрыхъ маневрахъ кардинала Антонелли, которые имѣютъ цѣлю возвысить въ глазахъ народа духовенство на счетъ мірянъ. Такъ, бывали примѣры, хотя и довольно рѣдкіе, что правителями делегатствъ назначались свѣтскія лица; но въ эти должности избираемы были такіе рѣшительные реакціонеры, люди дотога отсталые и неспособные, что даже прелаты казались въ сравненіи съ ними либеральными, — и провинціи просили о назначеніи къ нимъ духовнаго лица.

По закону 10 сентября 1850 года въ рукахъ кардинала Антонелли сосредоточена вся высшая власть, административная и судебная, и всѣ министры подчинены ему: такъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ сносится съ легатами чрезъ посредство кардинала Антонелли; все, что относится къ законодательству, обнародывается имъ; отъ него, а не отъ министра юстиціи, зависятъ высшіе суды, рота, сеньятура

и проч.; составленіе кадастра производится подъ наблюдениемъ того же кардинала; онъ считается главнымъ начальникомъ жандармовъ; онъ дѣйствуетъ независимо, не стѣсняясь ничѣмъ, не спрашивая совѣта и разрѣшенія... Очень естественно, что власть такого лица, какъ кардиналъ Антонелли, парализируетъ совершенно самостоятельность каждаго учрежденія, которому предоставленъ голосъ по закону; такимъ образомъ, государственный совѣтъ не подаетъ никакого признака жизни, судьи не пользуются гарантіей независимости: циркуляры кардинала-секретаря имѣютъ силу закона и измѣняютъ законъ.

Этотъ характеръ произвола отражается на всемъ управленіи и служить причиною плачевнаго состоянія, въ которомъ находятся всѣ его отрасли; финансы, муниципальные совѣты, суды — все испытываетъ на себѣ вліяніе могучей власти кардинала Антонелли.

Къ числу учреждений, обѣщанныхъ папою въ 1849 году и на которыя возлагались особенныя надежды, принадлежитъ финансовая консульта. Двойной характеръ папы и необходимость отдѣлать расходы общекатолическіе отъ чисто-римскихъ ставятъ вопросъ о финансахъ на первый планъ. Разрѣшеніе его, согласно воли проргіо самого папы, предоставлено было выборнымъ отъ народа, — но скоро потомъ кардиналы нашли средство измѣнить обѣщанія, данныя Пиемъ IX. Такъ, въ консульту допускаются выборные отъ каждой провинціи по одному, между тѣмъ какъ обѣщано было увеличивать это число, сообразно съ числомъ жителей легатствъ; сверхъ выборныхъ членовъ многіе назначаются непосредственно властью папы. Учрежденіе консульты, блистательное на бумагѣ, на дѣлѣ оказывается почти совершенно безплоднымъ. Президентъ ея — кардиналъ, который по своему произволу можетъ прекратить всякаго рода споры и пренія; онъ пользуется этою властью нерѣдко, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ только одинъ разъ консульта могла утвердить государственный бюджетъ; вообще же новые налоги устанавливаются вопреки ея мнѣнію, и ограниченія въ расходахъ, предлагаемая ею, остаются безъ вниманія. Только случайно иногда правительство приводитъ въ исполненіе планы консульты; такъ, наприимѣръ, новый министръ финансовъ, монсиньоръ Феррари, желая сдѣлать все наперекоръ своему предшественнику, понизилъ значительно тарифъ — и въ этомъ его дѣйствія случайно совпали съ неразъ-повторяемыми предложеніями консульты; вообще же значеніе послѣдней уменьшается съ каждымъ годомъ.

Что касается до муниципальных совѣтовъ, которымъ имѣлось въ виду дать извѣстную долю участія въ финансовомъ управленіи, то мы приведемъ буквально слова «папскаго подданнаго» по этому предмету:

«Здѣсь графъ Реневаль торжествуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы — народъ черезчуръ несговорчивый: вѣдь у насъ существуетъ широкое и свободное *избраніе*; власть нѣзпыхъ муниципалитетовъ дотого

обширна, что, пожалуй, не худо было бы ограничить ее и расширить опеку правительства...

«Законъ 24 ноября 1850 года признаетъ избирательное начало, но только онъ до такой степени ограничиваетъ число избирателей, что на каждаго избираемаго приходится ихъ не болѣе шести; при этомъ каждый обязанъ еще представить свидѣтельство въ добромъ поведеніи, въ религіозной и политической неиспорченности; наконецъ подача голосовъ дотога стѣснена, что она никакъ не можетъ служить мѣркою желаній народа.

«Но худо ли, хорошо ли, а избраніе существуетъ... извините, графъ, — его нѣтъ вовсе. Здѣсь повторяется та же исторія. Законъ говоритъ *да*, секретный циркуляръ *нѣтъ*, и циркуляръ уничтожаетъ законъ; вотъ уже семь лѣтъ, какъ объ избраніяхъ не было и помину, и мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что никто и не думаетъ измѣнить такой порядокъ вещей.

«Что касается до власти муниципалитетовъ, то мы внимательно сравнивали законъ, дѣйствовавшій при Григоріи XVI, съ тѣмъ, который имѣетъ силу теперь, и не нашли никакого расширенія власти общинъ. Вы скажете, что имъ предоставленъ исправительно-полицейскій судъ... но, по закону, общины могутъ пользоваться этимъ правомъ послѣ изданія новаго устава, а этотъ новый уставъ не былъ изданъ и не имѣется въ виду.

«Графъ Реневаль приходитъ въ ужасъ отъ того, что небольшіе города вздумали построить себѣ театры, и что правительство не можетъ удержать ихъ отъ такой роскоши. Пусть разувѣрится графъ: правительство очень легко можетъ запретить такія издержки; по закону, оно ревизуетъ и утверждаетъ всѣ расходы, проектированные общинами; правительственная опека довольно сильна, — делегаты ежедневно кассируютъ общинныя постановленія и измѣняютъ бюджеты. Притомъ постройка театровъ относится большею частію ко времени, предшествовавшему 1850 году; издержекъ на нихъ были разсрочены на много лѣтъ, а потому и находятъ мѣсто въ теперешнихъ бюджетахъ. Мы не защищаемъ издержки на построеніе театровъ; но говоримъ только, что отвѣтственность за нихъ падаетъ не на народъ, а на избранныхъ отъ правительства, которые вотировали расходъ, и на самое правительство, утвердившее его. Можетъ-быть какой-нибудь насмѣшникъ захочетъ открыть причины и источникъ подобныхъ общинныхъ постановленій, — онъ легко увидитъ, что часто первая мысль о нихъ принадлежитъ апостолическому легату: въ самомъ дѣлѣ, пріятно оставить всегдашнюю память о своемъ управленіи — на счетъ общинъ; пріятно выказать себя покровителемъ изящныхъ искусствъ, пользуясь чужимъ карманомъ. Наконецъ, старинное римское преданіе: *panem et circenses* не вымерло въ Италиі...»

Обращаясь къ налогамъ, графъ Реневаль приходитъ въ умиленіе

отъ благоденствія жителей: каждый изъ нихъ платитъ ежегодно только по 22 франка, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи этотъ сборъ доходитъ до 45 франковъ. Здѣсь усердіе графа вовлекло его въ значительную ошибку: кому неизвѣстно, что податная способность измѣряется народнымъ богатствомъ, и что поэтому бѣдному римскому крестьянину, не имѣющему дорогъ, не обезпеченному въ своей собственности, гораздо труднѣе заплатить 22 франка, чѣмъ французскому 45, а английскому еще болѣе? Графъ Реневаль замѣчаетъ, что подъ счастливымъ небомъ Италіи бѣдность представляется не въ такомъ суровомъ видѣ, какъ въ другихъ странахъ. Но пора перестать клеветать на счастливое небо; бѣдность—вездѣ бѣдность со всѣми ея слѣдствіями; полусытое и полуодѣтое народонаселеніе, даже и въ счастливомъ климатѣ, составляетъ тягость для государства; оно протягиваетъ руку, чтобы просить денегъ и хлѣба. Каждый, кому случилось проѣзжать чрезъ римскія провинціи, невольно поражается зрѣлищемъ общей поголовной нищеты и какимъ-то унылымъ видомъ селеній. Необразованность низшихъ классовъ, которая лежитъ въ принципѣ клерикальной власти и ея интересахъ, еще болѣе увеличиваетъ зло; къ этому присоединяется самая географическая мѣстность папскихъ владѣній и множество болотъ, которыми они усѣяны. За нѣсколько миль отъ Рима вы встрѣтите опустѣвшія села, даже цѣлые города; жители покидаютъ ихъ по причинѣ болѣзней, а болѣзни свирѣпствуютъ отъ невоздѣланности почвы; римская Кампанья стоитъ печальною, необработанною, болота едва осушены, и только недавно желѣзныя дороги признаны дѣломъ негрѣховнымъ, и всѣмъ духовнымъ корпораціямъ разрѣшено брать акціи.

Нельзя не обратить вниманія на распредѣленіе расходовъ въ государственномъ бюджетѣ; изъ 68 милліоновъ франковъ, расходующихся ежегодно папскимъ правительствомъ, $27\frac{1}{2}$ идетъ на погашеніе государственнаго долга, 11 милліоновъ на войско, столько же на бюрократію, $3\frac{1}{2}$ мил. на содержаніе тюремъ,—и между тѣмъ только $2\frac{1}{2}$ мил. на государственныя зданія и дороги, 2 мил. на министерство юстиціи и 440 тысячъ франк. на просвѣщеніе народное. Сборъ государственныхъ доходовъ парализируется множествомъ привилегій; которыя возстановлены кардиналомъ Антонелли въ пользу конгрегацій и лицъ: почти каждый предметъ потребленія составляетъ ихъ монопольное право. Отъ этого дороговизна и измѣненіе цѣнъ въ Римской области зависитъ не отъ общихъ экономическихъ услдвій, а отъ произвола личнаго, отъ застоя торговли, отъ безчисленнаго множества сборовъ, на которые предъявляетъ свои притязанія каждое лицо, облеченное властью.

Другой важный государственный интересъ—отправленіе правосудія—также остается далеко не удовлетвореннымъ. Такъ, прежде всего важнымъ препятствіемъ для скораго и правильнаго движенія про-

рессовъ служить необыкновенная сложность судебныхъ инстанцій и ихъ многочисленность. Въ каждомъ діоцезѣ существуетъ епископальный судъ, или правильнѣе судья; при трехъ милліонахъ народонаселенія въ Римской области 67 діоцезовъ, тогда какъ во всей Франціи только 80. Въ эту первую инстанцію поступаютъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, если къ нимъ прикосновенно духовное лицо или имущество духовенства, конгрегацій и благотворительныхъ заведеній; вторую инстанцію составляютъ слѣдственные суды, затѣмъ слѣдуетъ рота, далѣе сенъатура,—однимъ словомъ всего до 16 инстанцій, чрезъ которыя можетъ быть проведенъ процессъ вслѣдствіе недобросовѣстности римскихъ адвокатовъ. Для свѣтскихъ лицъ судебная карьера не представляетъ никакихъ выгодъ, и избирается ими неохотно: вездѣ на первомъ планѣ, на высшихъ мѣстахъ — духовенство; лица свѣтскія не могутъ занимать должностей выше апелляціонныхъ судовъ, а такихъ во всей Папской Области не болѣе 14. Молодой прелатъ, кончившій курсъ въ духовной академіи, по своимъ юридическимъ свѣдѣніямъ, стоитъ гораздо ниже воспитанника университетскаго, а между тѣмъ съ перваго раза онъ становится начальникомъ; конкуренція здѣсь невозможна, безусловное преимущество предоставлено не знанію, а сословію. Адвокатура могла бы еще дать исходъ образованнымъ юристамъ, но адвокатура безъ публичнаго суда, и безъ присяжныхъ не имѣетъ значенія (1); о послѣднемъ въ Римѣ не можетъ быть и рѣчи. Ясно, что тайный судъ можетъ прикрывать много темныхъ дѣлъ, дать самый широкій просторъ произволу судьи, деспотическую власть надъ подсудимымъ; поэтому въ Римѣ часто носятя слухи объ истязаніяхъ, о пыткѣ, которая даже узаконена въ извѣстной степени (*cavaletto*) эдиктомъ кардинала Антонелли 1855 года.

Къ этому присоединяются особенныя исключительныя мѣры, которыя правительство рѣшается употреблять противъ главныхъ враговъ своихъ—политическихъ преступниковъ и разбойниковъ. Здѣсь администрація явно признаетъ свое безсиліе: она призываетъ на помощь Австрійцевъ или старается возбудить низкія чувства человѣчскія, оцѣняя голову преступника.

Конечно, нигдѣ до такой степени не смѣшиваются лицо правителя и его должность, какъ въ Римѣ; личный врагъ того или другаго администратора становится врагомъ политическимъ. Оба противника смотрять другъ на друга съ этой точки зрѣнія: кардиналъ или пре-

(1) Не разъ въ Туринѣ мы были свидѣтелями того, какъ, при отсутствіи присяжныхъ, патетическія рѣчи адвокатовъ раздавались голосами въ пустынѣ; судья отъ правительства болѣе склоненъ къ письменному дѣлопроизводству, и только случайно взглянетъ иной разъ на черную тогу адвоката и прислушивается къ словамъ его.

латъ, достигши власти, спѣшить свести свои старые счеты, удовлетворить чувству мести; съ своей стороны пылкой Римлянинъ готовъ принять участіе во всякомъ предпріятіи, если только оно направлено противъ его личнаго врага; часто люди, совершенно различные по убѣжденіямъ, соединяются во имя общей непріязни и наоборотъ. Такая особенность римскаго общества придаетъ особый характеръ политическимъ преступленіямъ въ Папской Области — и, можетъ быть, большая часть заключенныхъ въ Пальяно провинилась не столько противъ общественнаго порядка, сколько передъ тѣмъ или другимъ кардиналомъ или монсиньоромъ; число такихъ заключенныхъ все еще довольно велико, несмотря на амнистію или очищеніе 1849 года: 262 Римлянина были изгнаны тогда изъ отечества и 1273-мъ запрещенъ въѣздъ въ его предѣлы; съ тѣхъ поръ заключено въ тюрьму по преступленіямъ политическимъ 338 человекъ, да сверхъ того австрійскіе военные суды, въ теченіи 7 лѣтъ, приговорили къ смерти 60 человекъ въ Анконѣ и 190 въ Болоньѣ. Странно думать, что такими средствами можно достигнуть спокойствія и довольства гражданъ: частыя казни пріучаютъ народъ мало дорожить жизнью; на мѣсто одного казненнаго является нѣсколько лицъ, возбужденныхъ жаждою мести; ненависть растетъ съ каждымъ годомъ. Несчастливая роль, которую принуждены были принять на себя Австрійцы, сильно уронила ихъ въ глазахъ народа, и, можетъ-быть, ничто такъ не содѣйствовало возрастающей ненависти къ чужеземному владычеству въ Италіи, какъ зрѣлище крови на площадяхъ Анконы и Болоньи. Эти казни, совершенныя рукою иностранцевъ, съ другой стороны показывали злобное безсиліе нѣкоторыхъ правителей: они живо рисуются въ исторіи послѣднихъ годовъ Римской области и не изглаживаются изъ памяти народа. Удивительно, что папское правительство такъ сурово смотритъ на нѣкоторыя демонстраціи, не заключающія въ себѣ ничего опаснаго для общественнаго порядка; въ нихъ высказывается просто живость итальянскаго характера и страсть ко всякаго рода зрѣлищамъ; каждый праздникъ, фейерверкъ, вольтижерство, фокусъ, всегда собираютъ толпы зрителей, — это *forum* *goticum* современныхъ Итальянцевъ, гдѣ они могутъ посмѣяться вдоволь. И между тѣмъ, когда легкомысленная молодежь вздумала жечь бенгальскій огонь въ день провозглашенія римской республики, виновные въ этой забавѣ были судимы какъ важные политическіе преступники и приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ... Въ этомъ отношеніи австрійское правительство недавно подало хорошій примѣръ: оно наказало Миланцевъ, не дозволяя, въ теченіи восьми лѣтъ представленій на огромной аренѣ, вмѣщающей болѣе 30,000 зрителей; но 21 іюня нынѣшняго года Миланъ праздновалъ возвращеніе имъ любимаго зрѣлища.

Запрещающа мирнымъ гражданамъ защищать свою жизнь и имуще-

ство, обыскивая на всѣхъ таможенныхъ оружіе, римское правительство само нисколько не обезпечиваетъ личной безопасности противъ бандитовъ, имѣющихъ привилегію быть вооруженными. Эта страшная язва страны нисколько не уменьшается; по всей Романьи курьеры ѣздятъ въ сопровожденіи жандармовъ, и вы нерѣдко слышите рассказы о недавнихъ грабежахъ. Правительство оцѣняетъ голову бандитовъ, но послѣдніе часто сами въ состояніи заплатить цѣну за свою жизнь, и притомъ они рѣдко могутъ попасться въ руки обезоруженныхъ гражданъ; владѣльцы помѣстій ежегодно платятъ бандитамъ за право спокойной жизни въ государствѣ. Въ сравненіи съ грабежами и разбоями, воровство считается, конечно, небольшимъ общественнымъ неудобствомъ въ Римской области; самъ графъ Реневаль еще недавно подвергся обыску со стороны римскихъ воровъ: они унесли нѣкоторыя цѣнныя вещи изъ кабинета французскаго посланника. Частныя лица и общества, которыя могли бы служить лучшими пособниками правительству въ дѣлѣ государственнаго порядка, не имѣютъ никакой доли участія; ихъ дѣятельность немислима при такомъ принципѣ, какъ римскій. Отсутствие гласности, какая-то апатія всѣхъ классовъ, предоставленіе всей дѣятельности только извѣстному сословію, все это ввело порчу между повѣренными отъ правительства. Не говоря о таможенныхъ чиновникахъ, которые почти повсюду пользуются несчастною привилегіей и репутаціей, — въ Римѣ даже судьи и администраторы не подозрѣваются въ излишней неподкупности и признаютъ безусловно силу денегъ.

Вотъ оборотная сторона медали, которую показываетъ намъ «папскій подданный» въ опроверженіе словъ графа Реневаля, приняшаго на себя адвокатуру папскаго правительства. Свѣтлыя краски, которыми рисуетъ французскій посланникъ свою картину, зависятъ отчасти отъ предположенной имъ цѣли, отчасти же отъ самой среды наблюденій: графъ Реневаль смотрѣлъ на Римъ и Чивита-Веккію, гдѣ находятся французскія войска; Фарини и «папскій подданный» имѣли въ виду легатства, которыя заняты Австрійцами. Французское правительство дѣйствуетъ на основаніи Наполеоновскаго конкордата въ отношеніи къ духовенству, Австрія руководствуется конкордатомъ 1855 года; поэтому естественно, что клерикальному началу привольнѣе въ Анконѣ и Болоньѣ, что оно тамъ у себя дома, дѣйствуетъ не стѣсняясь. Притомъ графъ Реневаль видѣлъ въ Римѣ печатный законъ, и не знаетъ, въ какой мѣрѣ онъ исполнялся въ далекихъ легатствахъ, тогда какъ опытъ доказываетъ ясно, что, при нѣкоторомъ искусствѣ, можно почти всегда обойти недлюбимый законъ, парализировать его дѣйствіе; «папскій подданный» стоялъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительною провинціальною жизнью, могъ видѣть на просторѣ произволъ правителей. Но объясняя отчасти источникъ заблужденій графа Реневаля, это обстоятельство не въ состоя-

ни однако оправдать его совершенно. Французскій посланникъ противъ собственной воли принужденъ сознаться, что положеніе Папской Области «не нормально», что необходимо серьезно подумать о государствѣ, которое въ теченіе восьми лѣтъ принуждено держать у себя иностранныя войска. А между тѣмъ авторъ какъ бы съ умысломъ не хочетъ касаться вопроса объ основномъ принципѣ римскаго правительства; онъ какъ будто боится мысли о секуляризациі не только Рима, но даже легатствъ, — для него римскій вопросъ кажется внѣ разумнѣя человѣческаго.

«Я не думаю, говоритъ Реневаля, чтобы всѣ вопросы могли быть рѣшены окончательно; по крайней мѣрѣ римскій не имѣетъ исхода. Покровительствуя папѣ, поддерживая его всѣми мѣрами, можетъ-быть, удастся предотвратить опасную катастрофу и продолжить временное положеніе, которое, по крайней мѣрѣ, избавляетъ Европу отъ безчисленныхъ несчастій.» Такая поддержка должна совершиться черезъ посредство австрійскихъ и французскихъ войскъ. «Ничего другаго нельзя придумать въ настоящее время. Станемъ окружать папу нашимъ *покровительствомъ*; станемъ выводить наши войска медленно, уменьшая ихъ постепенно, и рѣшима на совершенное очищеніе римскихъ областей только тогда, когда убѣдимся въ его возможности; мало-по-малу спокойствіе возстановится.» Программа прекрасная, но вопросъ въ томъ, когда именно настанетъ это желанное время? Отвѣтъ на это должна дать вся Европа; Французы не могутъ оставить Римской области прежде Австрійцевъ, иначе въ Римѣ будетъ то же, что теперь въ легатствахъ; Австрійцы едва ли скоро рѣшатся войти въ свои границы. Къ чему же прибѣгнуть въ этомъ случаѣ, кто судья въ этомъ дѣлѣ? Графъ Кавуръ указалъ на лицо, имѣющее право приговора; это — конгрессъ, къ которому онъ обратился.

Но въ словахъ графа Реневаля проглядываетъ другая мысль, болѣе узкая, реакціонерная.

Увлечшись своею апологіей, авторъ не только находитъ положеніе Римской области превосходнымъ, но замѣчаетъ даже, что всякая реформа въ ея управленіи будетъ опасна, поведетъ неизбѣжно къ революціи; вотъ собственныя слова Реневаля: «Пій IX авися исполненный желанія реформъ; онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу — и какая катастрофа послѣдовала за этимъ! Что имѣло мѣсто тогда, повторится буквально и теперь.» Странно слышать подобное мнѣніе отъ государственнаго человѣка. Всѣ убѣждены, напротивъ, въ томъ, что революціи въ Италіи объясняются именно отсутствіемъ реформъ, подданными полумѣрами, улучшеніемъ судьбы двухъ-трехъ лицъ, на которое правительства смотрѣли какъ на величайшій актъ государственной мудрости. Благоразумныя реформы оказывались всегда лучшимъ орудіемъ противъ демагогическихъ стремленій. Сардинія до-

казала это ясно: она не была скупа на реформы, и тѣмъ сохранила порядокъ въ настоящемъ и приготовила себѣ славное будущее (1). Революціи становятся пугаломъ въ рукахъ людей, которые хотятъ ихъ воспользоваться; но для всѣхъ очевидно, что онѣ не причина, а слѣдствіе, которое не предотвращается ни осадными положеніями, ни войсками въ размѣрѣ по одному солдату на двухъ жителей. Графъ Реневаль упрекаетъ партію умѣренныхъ въ безсиліи, и даже сомнѣвается въ ея существованіи; но во первыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ «папскій подданный», эту партію призывали къ участию въ дѣлахъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда на каждомъ шагѣ разражалась буря; ей на каждомъ шагѣ ставили препятствія, связывали ее по рукамъ и по ногамъ, и клерикалы вмѣстѣ съ революціонерами старались ее низвергнуть. Въ вторыхъ, при теперешнихъ условіяхъ Папской Области, въ Римѣ останутся всегда дѣйствующими только красные и черные, и никогда не образуется здоровое зерно умѣренныхъ либераловъ, эта твердая опора государственнаго порядка; имъ нужна другая атмосфера, болѣе свѣжая, чѣмъ душная среда инквизиціи.

Наконецъ графъ Реневаль доводитъ до крайности свое неуваженіе къ Итальянцамъ; онъ какъ будто хочетъ увѣрить всѣхъ, что для Римлянъ достаточно и того государственнаго быта, въ которомъ они наводятся; ихъ вина, если они не умѣютъ примириться съ своимъ положеніемъ. Составитель ноты впрочемъ щадитъ и прощаетъ Римлянъ... По его словамъ, они считали бы себя совершенно счастливыми, еслибы сардинскіе и англійскіе журналы не повторяли имъ безпрестанно равныхъ несбыточныхъ надеждъ. Графъ Реневаль указываетъ на это зло, но, къ чести его должно сказать, не рѣшается предложить ограниченія сардинской журналистики, — французскій графъ не подаетъ руки въ этомъ дѣлѣ графу австрійскому.

М. Капустинъ.

Туринъ.

24-го іюня 1857.

---

(1) Въ Туринѣ приписываютъ Кавуру слѣдующія слова: «Еслибы спросили Мадзини, кто большій врагъ его, Австрійцы или сардинское правительство, и чьей гибели желалъ бы онъ, — я увѣренъ, что Мадзини укажетъ не на Австрію, а на насъ.» И графъ Кавуръ совершенно правъ.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Новая біографія Веласкеса, сочиненіе Вильяма Стерлинга.—Изъ искусствъ, въ которыхъ столь оригинальнымъ образомъ проявился гений испанскаго народа, позже всѣхъ развилась въ Испаніи живопись. Много причинъ содѣйствовало этому явленію. Безпокойное положеніе страны до соединенія Арагоніи и Кастиліи и до окончательнаго уничтоженія мавританскаго владычества не позволило Испанцамъ думать объ искусствѣ, которое процвѣтаетъ только въ мирное время. До насъ дошло лишь нѣсколько именъ испанскихъ живописцевъ—монаховъ изъ XIV вѣка. Въ половинѣ XV вѣка получили свое начало три великія испанскія школы живописи: андалузская, кастильская и валенсская; но художники, вышедшіе изъ этихъ школъ въ XVI вѣкѣ, были столь не многочисленны и не знамениты, что ввукъ Изабеллы Католической, знаменитый Карлъ V, избралъ своимъ любимымъ живописцемъ не Испанца, но великаго Венеціанца Тиціана, котораго осыпалъ своими щедротами и заказами. Хотя мрачный Филиппъ II и содѣйствовалъ дальнѣйшему развитію искусствъ построеніемъ Эскуріала и украшеніемъ прочихъ дворцовъ; однако художники, окружавшіе его, были большею частію иностранцы и не принадлежали къ числу первыхъ мастеровъ своего времени. При дворѣ своихъ монарховъ Испанцы издавна привыкли видѣть итальянскихъ и фламандскихъ художниковъ. Несмотря на это иноземное вліяніе, съ половины XVI вѣка уже замѣтна въ испанскихъ школахъ живописи, при всемъ развитіи стилей, одна глубокая основная черта: почти исключительно строго—религіозный характеръ живописи. Во всѣ времена испанскіе живописцы рѣдко брались за кисть для изображенія свѣтскихъ сценъ; если современные имъ итальянскіе художники временъ возрожденія вдохновлялись античными поэтами, то испанскіе черпали свое вдохновеніе изъ сказаній о суровой жизни отшельниковъ въ «Legenda aurea».

Аскетически—религіозное направленіе испанской живописи можетъ быть объяснено изъ трехъ причинъ. Вопервыхъ, восторженная любовь къ классической древности, господствовавшая въ Италіи при дворахъ папъ, правителей и въ монастырскихъ кельяхъ, была неизвѣстна въ Испаніи, кромѣ весьма немногочисленнаго круга ученыхъ. Даже въ университетахъ Алькалы и Саламанки сочиненія Св. Иеронима были гораздо популярнѣе твореній Цицерона. Вторыхъ, богатые свѣтскіе люди, и именно аристократія, вовсе не сочувствовали искусству. До сѣмаго XVII столѣтія единственнымъ, но въ высшей степени богатымъ и могущественнымъ его покровителемъ была церковь. Благочестивые испанскіе короли тоже любили

одну религиозную живопись. Аристократія же, роскошная и богатая, не знала наслажденій выше охоты или поединковъ: лошади и собаки, богатые вооруженія или соколы были ея страстью. Почетное исключеніе составляли нѣсколько фамилій, которыхъ члены занимали разные губернаторскія или военачальническія мѣста въ Италіи или въ Нидерландахъ, гдѣ они успѣли образовать свой вкусъ и полюбить искусство. Къ числу ихъ принадлежали фамиліи Мендоза, Альба, Санта-Крусъ, Виллагермоза, Авила, Сильва, Сандоваль и еще двѣ или три другія. Но примѣра ихъ не было достаточно для развитія художественнаго генія цѣлой націи. Истинною покровительницей искусства оставалась все-таки церковь. Большая часть испанскихъ живописцевъ проводила жизнь свою въ монастыряхъ и соборахъ. Художникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ служителей церкви. Искусство не только украшало церковь или восхищало зрѣніе, оживляя передъ молящимися высшіе идеалы человѣчества, но живопись поучала невѣдающихъ, исправляла грѣшныхъ и возвращала ихъ на путь благочестія и добродѣтели. У живописца учился простой народъ, немощіе и малолѣтныя, тѣмъ крохамъ знанія, которыя пріобрѣтали они о жизни Спасителя или о трогательныхъ легендахъ изъ житій святыхъ. Такъ понимали и высказывали задачу христіанской живописи сами испанскіе живописцы-писатели. Многіе изъ нихъ готовились къ каждой новой картинѣ молитвою, постомъ и причащеніемъ, а иные даже бичеваніемъ. Луи-де-Варгасъ поставилъ возлѣ своей кровати гробъ, въ который часто ложился, чтобы размышлять о смерти. Наконецъ, втретьихъ, неумолимая инквизиція, вскорѣ по ея введеніи въ Испанію, начала строго наблюдать за живописью, которая не смѣла выйти изъ предписаннаго ей пути. Суровый декретъ запрещалъ произведенія, въ которыхъ были представлены нагія фигуры. Учреждены были особы инспекторы-живописцы, которые были обязаны наблюдать за исполненіемъ этого декрета, а въ противномъ случаѣ доносить о всѣхъ проступкахъ отцамъ-инквизиторамъ. Позднѣе былъ составленъ даже кодексъ законовъ для священной живописи, который въ изложенныхъ въ немъ ортодоксальныхъ преніяхъ доходитъ до смѣшной нелѣпости. Такъ напримѣръ лишь послѣ строгаго обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ авторитетовъ было дозволено живописцамъ изображать дьявола съ когтями и рогами.

Единственный великій испанскій живописецъ, который не работалъ постоянно для церкви и не бралъ сюжетовъ для своихъ картинъ изъ священной исторіи, былъ Веласкесъ. Рано поступивъ на службу къ испанскому королю Филиппу IV, онъ большую часть своихъ произведеній создалъ для украшенія королевскихъ дворцовъ. Но и обрабатывая сцены изъ свѣтской жизни, онъ тѣмъ не менѣе остался вѣренъ тому серіозному настроенію духа, которое состав-

леть основную черту испанскаго характера и преимущественно испанской живописи.

Свѣдѣнія, дошедшія до насъ о жизни Веласкеса, подробнѣе нежели извѣстія о всѣхъ прочихъ живописцахъ Испаніи. Тѣмъ же до появленія сочиненія Вильяма Стерлинга мы не имѣли отчетливаго сочиненія о жизни и произведеніяхъ великаго живописца. Извѣстія, находящіяся у испанскихъ біографовъ: Пачеко, Паломино, Бермудеса, были доступны только знакомымъ съ испанскимъ языкомъ. Французскія біографіи, находящіяся въ сочиненіяхъ Гюара, Киллэ и Шарля Блана (въ великолѣпномъ изданіи книгопродавца Ренуара: *Histoire des peintres de toutes les écoles*⁽¹⁾) исполнены ошибокъ, и потому не имѣютъ никакой цѣны. Этотъ недостатокъ рѣшился пополнить г. Стерлингъ. Онъ принадлежитъ къ числу нѣрѣдко встрѣчающихся въ Великобританіи людей, которые, владея значительнымъ имуществомъ, пользуются этимъ счастіемъ для того, чтобы задать себѣ въ жизни какую-нибудь ученую задачу, требующую обширной начитанности, избранной бібліотеки или какого-либо другаго собранія, долговременнаго пребыванія въ чужеземныхъ странахъ. Профессоръ Ваагенъ, котораго слова мы передаемъ, поѣхалъ великолѣпно помѣстье Кейръ, принадлежащее г. Стерлингу, лежащее близъ Стерлинга въ Шотландіи: онъ восхищается превосходными видами, садами, бібліотекою и собраніемъ гравюръ съ произведеній испанской школы. Какъ часто, говоритъ Ваагенъ, къ сожалѣнію встрѣчаются люди, влаждующіе огромными богатствами, люди, которые не вѣдая или даже презирая духовныя стремленія другихъ, истрачиваютъ средства только для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ страстей! Г. Стерлингъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій Испанію. Извѣстны его любопытныя историческія изслѣдованія о пребываніи Карла V въ монастырѣ Св. Іуста, основанныя на изученіи источниковъ, доселѣ скрывавшихся въ архивахъ испанскихъ (2). Другимъ плодомъ его пребыванія въ этой странѣ была исторія испанской живописи, вышедшая подъ заглавіемъ: «*Annales of the artists in Spain*». London. Murray. 3 vol. Она содержитъ самыя досто- вѣрныя и подробныя біографіи и точныя описанія видѣнныхъ авторомъ картинъ. Вмѣстѣ съ книгою Пассавана: *die christliche Kunst in Spa-*

(1) Любопытенъ отзывъ г. Стерлинга о біографіи Веласкеса, помѣщенной въ этомъ изданіи: «Эта біографія уступаетъ въ точности даже тѣмъ ничтожнымъ сочиненіямъ Гюара и Киллэ, изъ которыхъ она компилирована. Небрежность, которая видна на первой страницѣ, не покидаетъ г. Блана во всемъ сочиненіи, и я знаю мало книгъ, доставляющихъ столь мало поученія или удовольствія.» Сочиненіе Шарля Блана послужило главною основою недавно у насъ вышедшей книги: *Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ*.

(2) См. статьи П. Н. Кудрявцева въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, №№ 1, 3, 7, 20, 21, 22 и 23.

nen, принадлежит она къ лучшимъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ. Въ отдельной монографіи о Веласкесѣ, изданной годъ тому назадъ (Velasquez and his works) и недавно переведенной на нѣмецкій языкъ (Velasquez und seine Werke, von William Stirling. Berlin. Schindler. 1856), авторъ собралъ всѣ результаты своихъ дальнѣйшихъ изысканій, не вошедшіе въ его первый трудъ, написалъ очень интересное введеніе о ходѣ живописи въ Испаніи до появленія Веласкеса, нарисовалъ превосходный портретъ короля Филиппа IV, главнаго покровителя Веласкеса, его двора, лицъ, среди которыхъ вращался художникъ, и представилъ вообще столь любопытную, живую и поучительную картину прошлыхъ временъ, что мы рѣшились бѣгло познакомить съ нею нашихъ читателей.

Діего Родригесъ-де-Сильва-и-Веласкесъ родился въ 1599 г. въ Севильѣ, которая въ XVI вѣкѣ была очень богатый и образованный городъ. Его родители происходили изъ древнихъ благородныхъ фамилій, и отецъ возводилъ даже свое генеалогическое древо до Сильвьевъ, царей Альбы-Лонги. Молодой Веласкесъ получилъ очень тщательное воспитаніе: онъ былъ знакомъ съ философіей и многими языками. Въ живописи первымъ учителемъ его былъ Франциско Геррера, изъ школы коего вышли, кромѣ Веласкеса, еще два великіе живописца Испаніи: Алонсо Кано и Мурильо. Онъ былъ первый испанскій живописецъ, который покинулъ прежнюю робкую манеру и создалъ тотъ свободный, смѣлый стиль, который характеризуетъ сеvilскую школу. Но горячій его характеръ и строгія тѣлесныя наказанія, которыми онъ подтверждалъ свои уроки въ живописи, въ короткое время лишили его учениковъ, толпами стремившихся къ нему, и Веласкесу скоро тоже сдѣлалось невыносимо его тиранство. Быстро усвоивъ себѣ его методу, онъ перешелъ въ мирную школу Франциска Пачеко, который составлялъ настоящую противоположность первому мастеру. Пачеко былъ очень ученый человекъ, и кромѣ того былъ одаренъ большимъ вкусомъ. Онъ прославился многими литературными трудами, изъ которыхъ его «Разсужденіе о живописи», изданное въ 1649, было долгое время ручною книжкой всѣхъ живописцевъ въ Испаніи. Въ домѣ его собиралось лучшее и образованнѣйшее общество Севильи. Веласкесъ имѣлъ тутъ случай слышать разсужденія лучшихъ художниковъ объ искусствѣ, ученыхъ о наукѣ, поэтовъ, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Луи-де-Гонгора,—о поэзій. Черезъ Пачеко познакомился Веласкесъ съ герцогомъ Алькалою, въ дворцѣ коего находилось богатое собраніе картинъ, статуй и книгъ, а въ кругу общества господствовалъ утонченный придворный тонъ. Все свое свободное время Веласкесъ посвящалъ чтенію и изученію книгъ объ искусствѣ, анатоміи, перспективѣ, математикѣ и архитектурѣ. Онъ любилъ также поэзію. Но если такимъ образомъ пребываніе въ домѣ Пачеко было въ высшей степени полезно для его общаго обра-

зованія, то Веласкесъ однако вскорѣ, въ художественномъ отношеніи, замѣтилъ, что промѣнялъ мастерскую опытнаго и практическаго художника на аудиторію теоретика. Пачеко зналъ, какъ писали нѣкогда художники въ Римѣ и Флоренціи, но онъ не умѣлъ переносить живьемъ на полотно севилскихъ мушкетеровъ и красавицъ. Веласкесъ понялъ, что лучшая наставница художника—природа, и трудъ лучшее средство усовершенствоваться. Рано обнаружилось въ немъ самымъ рѣшительнымъ, даже одностороннимъ образомъ *реальное* направленіе таланта. Онъ взялъ себѣ въ ученики крестьянскаго мальчика, котораго лицо рисовалъ со всѣми возможными выраженіями безчисленное множество разъ, потомъ перешелъ къ копированію мертвыхъ птицъ и рыбъ, плодовъ, всякой домашней посуды, глиняныхъ горшковъ и т. д. Эти «*bodegones*» Веласкеса нынѣ большая рѣдкость. Далѣе на пути самообученія Веласкесъ перешелъ къ изображенію сценъ изъ простонародной жизни, столь разнообразной и живой въ Андалузіи. Къ этому времени относится его знаменитая картина: «Севилскій водопродавецъ» (*El Aguador de Sevilla*), украшающая дворецъ герцога Веллингтона въ Лондонѣ, которому была подарена испанскимъ королемъ Фердинандомъ VII, за то, что онъ завоевалъ ему наследственный престолъ. Главнѣйшее произведеніе этой ранней эпохи Веласкеса есть «Поклоненіе пастырей», находящееся въ національной галереѣ въ Лондонѣ. Въ ней преобладаетъ уже черезъ мѣру изученіе низшихъ слоевъ общества. Несмотря на обширное знакомство свое съ живописцами различнѣйшихъ направленій, Веласкесъ предпочиталъ, по природной наклонности, дѣйствительность и обыкновенную жизнь возвышеннымъ идеаламъ, и говорилъ, что лучше любить быть первымъ въ низшемъ родѣ, нежели вторымъ въ высшемъ.

Послѣ долговременнаго ученія Веласкесъ сдѣлался зятемъ своего учителя Пачеко. «По истеченіи пяти тяжелыхъ лѣтъ обученія, разказываетъ Пачеко, древнѣйшій біографъ нашего живописца въ своемъ сочиненіи *Arte de la Pintura*, р. 101, я женилъ Веласкеса на моей дочери доннѣ Хуанѣ, къ чему меня побудили его добродѣтели, достоинственность и прочія отличныя качества, также и надежды, которыя возбуждалъ его великій геній.» Семейная жизнь Веласкеса была очень счастлива.

Когда Веласкесъ достигъ двадцати-трехлѣтняго возраста и научился въ Севильѣ всему, что могъ представить ему этотъ городъ, въ немъ родилось желаніе посѣтить Мадридъ, чтобы познакомиться съ великими живописцами Кастиліи. Это путешествіе Веласкеса важно потому, что рекомендательное письмо Пачеки доставило ему входъ въ домъ одного придворнаго, донна Хуана Фонсеки, который вскорѣ представилъ его всемогущему министру Оливаресу. Портретъ Фонсеки, написанный Веласкесомъ, возбудилъ восторгъ и удивленіе короля Филиппа IV и всего двора, и въ нѣсколько минутъ счастье художника было сдѣлано.

Исторія сорока-четырёхлѣтняго правленія Филиппа IV есть непрерывный разказъ о безпорядкахъ и возстаніяхъ въ Испаніи, о притѣсненіи, грабежѣ и бунтахъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и колоніяхъ, объ упадкѣ торговли и о кровавыхъ, несчастныхъ войнахъ, оконченныхъ постыднымъ для Испаніи Пиренейскимъ миромъ. Несмотря на свою безпечность и лѣность въ дѣлахъ государственныхъ, Филиппъ IV былъ однако замѣчательный по своимъ талантамъ и образованію человѣкъ. Дворъ его былъ постояннымъ мѣстопребываніемъ лучшихъ современныхъ поэтовъ, ученыхъ и историковъ. Филиппъ IV былъ не только любителемъ и покровителемъ литературы, но и самъ писалъ по-испански чистымъ и изящнымъ слономъ, и оставилъ нѣсколько томовъ мелкихъ сочиненій и переводовъ съ итальянскаго. Онъ былъ отличный музыкантъ и хорошій поэтъ; его трагедія «Графъ Эссексъ», заимствованная изъ англійской исторіи, еще до нынѣшняго дня занимаетъ мѣсто въ кастильской драматургіи. Онъ самъ часто игралъ на своемъ придворномъ театрѣ въ такъ-называемыхъ «comedias da repente», гдѣ актеры, условившись въ планѣ, импровизировали разговоръ. Наконецъ онъ былъ отличнымъ рисовальщикомъ, и прекрасные рисунки его руки дошли до нашего времени. Неудивительно, если монархъ, одаренный подобными талантами, принималъ живѣйшее участіе въ искусствѣ и художникахъ. У него былъ планъ основать въ Мадридѣ академію изящныхъ искусствъ, планъ осуществленный позднѣе Бурбонами. Испанія обязана ему чрезвычайнымъ обогащеніемъ своихъ художественныхъ сокровищъ. Его вице-короли, посланники и другіе агенты имѣли порученіе не шадить мексиканскаго и перуанскаго золота для покупки итальянскихъ и фламандскихъ картинъ. Онъ приобрѣлъ для Испаніи знаменитую картину Рафаэля: *lo Spasimo*; Мадонну Рафаэля, извѣстную подъ именемъ: «Жемчужина», и Рафаэлю же Мадонну *del pesce*. Списокъ приобрѣтенныхъ имъ картинъ Павла Веронеза, Альбани, Доменикино, Рубенса, Пуссена и т. д. очень длиненъ. Зная страсть своего монарха, испанскіе гранды подносили ему, въ доказательство своей приверженности, лучшія произведенія Корреджіо и Тиціана.

Неудивительно, если послѣ перваго знакомства съ гениальными произведеніями Веласкеса, подобный монархъ, любитель изящныхъ искусствъ, осыпалъ художника милостями. Восторгъ, возбужденный въ королѣ портретомъ ФONSEКИ, доставилъ Веласкесу, въ томъ же 1623 году, почетное званіе придворнаго живописца. Постепенно возвышался онъ въ милости монарха дотогу, что въ 1651 г. былъ сдѣланъ *Arosentador mayor*, то-есть придворнымъ генераль-квартирмейстеромъ. Это была очень уважаемая должность, доставлявшая большіе доходы, но, къ сожалѣнію, съ нею было сопряжено много заботъ и, что всего хуже, она отняла у художника много драгоценнаго времени. Въ 1659 г. Веласкесъ удостоился даже неслыханной для художника почести: получилъ орденъ Св. Яго.

Но въ дѣлѣ искусства важнѣе всѣхъ этихъ переходящихъ почестей было то обстоятельство, что Веласкесъ, безотлучно находясь при дворѣ короля, долженъ былъ постоянно работать для королевскаго дома и главнѣйшихъ лицъ того времени. Ихъ портреты, писанные его кистью, олицетворяютъ передъ нами личность и вѣкъ Филиппа IV лучше всѣхъ историческихъ разказовъ. Онъ знакомитъ насъ съ ними столь же вѣрно и живо, какъ Ванъ-Дейкъ съ меланхолическимъ Карломъ I, а Миньяръ съ великоблпннымъ Лудовикомъ XIV. Но и тутъ истинный любитель искусства будетъ сожалѣть о нѣсколькo—одностороннемъ направленіи, данномъ кисти Веласкеса могущественными обстоятельствами. Увидавъ портретъ Фонсеки, Филиппъ IV тотчасъ приказалъ живописцу увѣковѣчить его собственное изображеніе. Онъ долженъ былъ потомъ воспроизводить его во всѣхъ видахъ: въ пышной одеждѣ, верхомъ на горячемъ андалузскомъ конѣ, или въ черномъ бархатномъ платьѣ и засѣдающимъ въ тайномъ совѣтѣ, или въ нагрудникѣ изъ буйволовоы кожи гоняющимся за дикимъ кабаномъ, или наконецъ въ спальнѣ молящимся на колѣняхъ. Благодаря Веласкесу, мы отлично знакомы съ чертами лица Филиппа IV. Онѣ не очень привлекательны. У него были бѣлокурые волосы, сѣрые глаза, толстыя губы, длинныя завитыя усы и блѣдный, фламандскій цвѣтъ лица. Орденъ Золотога Руна виденъ на его черной одеждѣ. Лицо его имѣло обыкновенно холодное, флегматическое выраженіе. Онъ былъ дотогу серіозенъ и величественъ, что, говорятъ, смѣялся въ цѣлой жизни только три раза. Въ театрѣ могъ онъ просидѣть до конца пьесы, не шевельнувъ рукою или ногою, а иногда, давая аудіенціи, не приводилъ въ движеніе другіхъ мускуловъ, кромѣ языка и губъ.

Кромѣ портретовъ короля, Веласкесъ долженъ былъ изображать безчисленное множество разъ инфантовъ, братьевъ Филиппа IV, его обѣихъ супруговъ, въ портретахъ коихъ передавалъ и румяна, которыя были тогда въ сильной модѣ, — значительнѣйшихъ придворныхъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занималъ графъ Оливаресъ, самый могущественный, дѣятельный, безсовѣстный и несчастный министръ XVII вѣка, двадцать два года самовластно управлявшій Испаніею. Мало побѣдителей завоевали столько земель, сколько онъ потерялъ ихъ въ ущербъ испанской короны. Впрочемъ и онъ былъ большой покровитель наукъ, литературы (Лопе де-Вега былъ капланомъ его дома) и искусство, сколько по собственной любви, столько и потому, что находилъ въ нихъ удобное средство отвлекать вниманіе короля отъ народнаго неудовольствія и злоупотребленій порученной ему власти.

Понятно, что безпрерывно занятый заказными портретными работами, Веласкесъ не имѣлъ времени посвящать себя картиннамъ другаго рода. Тѣмъ не менѣе къ этому началу его блестящаго поприща

принадлежит знаменитая картина, составляющая одно изъ главныхъ украшеній мадридскаго музея: она извѣстна подъ именемъ «*las Vendedores*», «Гуляки» и превосходно характеризуетъ его реальное направленіе, о которомъ сказано выше. Но отъ картинъ подобнаго рода, составлявшихъ истинное его призваніе, Веласкеса непрерывно отвлекали другіе труды. Такъ въ 1627 году одержалъ онъ надъ всѣми соискателями полную побѣду своею картиной, изображавшею гибельное для Испаніи «Изгнаніе Мавровъ королемъ Филиппомъ III», событіе, которое хотѣлъ увѣковѣчить Филиппъ IV. Картина эта, вѣроятно, погибла во время пожара въ одномъ изъ королевскихъ замковъ. По примѣру Рубенса, съ которымъ Веласкесъ находился лично въ дружественныхъ связяхъ, онъ предпринялъ, въ 1629 году, путешествіе по Италіи, и 10-го августа вмѣстѣ съ великимъ полководцемъ Спинолою отправился въ Венецію, тогда уже перешедшую, и въ могущество своемъ и въ художественной славѣ, изъ золотого вѣка въ серебряный. Мало сходясь съ современными венеціанскими живописцами, онъ болѣе любилъ изучать ея великихъ древнихъ живописцевъ. Его художественный вкусъ характеризуетъ всего болѣе то, что въ подарокъ королю онъ скопировалъ двѣ картины Тинторетто. Въ Римѣ, гдѣ жили въ это время Доменикино, Альбани и Гверчино, Пуссенъ и Клодъ-Лорренъ, правилъ тогда Урбанъ VIII, Маффео Барберини, прославившійся своимъ долговременнымъ правленіемъ, изящными латинскими стихами, покровительствомъ Бернини и разрушеніемъ Колизея. Онъ отлично принялъ Веласкеса. И здѣсь художникъ болѣе занимался копированіемъ великихъ произведеній Рафаэля и Микель-Анджело, нежели созданіемъ оригинальныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе годоваго пребыванія въ Римѣ, онъ написалъ двѣ картины, принадлежащія къ знаменитѣйшимъ его произведеніямъ, именно: «Кузница Вулкана» и «Сыновья Іакова приносятъ къ отцу одежды Іосифа». Въ первой картинѣ, гдѣ Аполлонъ приноситъ хромоногому Вулкану и его безобразнымъ циклопамъ, превосходно изображеннымъ, вѣсть объ измѣнѣ его прекрасной супруги Венеры, богъ свѣта лишентъ до такой степени всякаго благородства и красоты, что его можно принять за деревенскаго парня, разказывающаго самую пошлую новость. Веласкесъ имѣлъ въ Римѣ передъ глазами идеальныя созданія Рафаэля, но, видно, онъ совершенно не сочувствовалъ имъ. Мы имѣемъ несомнѣнное доказательство тому въ стихахъ современнаго венеціанскаго поэта, Марко Боскини, въ которыхъ, на вопросъ Сальватора Розы, какъ нравится ему Рафаэль, Веласкесъ отвѣчаетъ:

Rafael (a dirve el vero,
 Piasendome esser libero, e sinciero)
 Stago per dir, que nol me piase niente (1).

(1) См. его чрезвычайно рѣдкую, на венеціанскомъ діалектѣ написанную книгу: *La carta del navigar pitoresco. Venetia, 1660. p. 58.*

Реалистъ-живописецъ и въ Римѣ сохранилъ *свой* стиль. Вотъ причина, почему и его патріархи на второй картинѣ болѣе походятъ на сіерра-моренскихъ пастуховъ, чѣмъ на библейскія высоко-поэтическія личности.

Изъ Неаполя, гдѣ Веласкесъ познакомился съ Рибейрою, онъ возвратился въ 1631 году въ Испанію, гдѣ, милостиво принятый монархомъ, который любилъ проводить у него ежедневно по нѣскольکو часовъ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ занятіяхъ портретною живописью. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ портретовъ, писанныхъ Веласкесомъ въ этотъ періодъ, портретъ герцога Оливареса, перешелъ изъ собранія короля нидерландскаго въ Императорскій Эрмитажъ въ С. Петербургѣ. Оливаресъ изображенъ въ черной бархатной одеждѣ, съ орденомъ Алькантары на груди; превосходно выраженъ его тройной характеръ высокорожденнаго аристократа, гибкаго придворнаго и тонкаго политика. Въ 1639 году Веласкесъ написалъ одну изъ своихъ весьма немногочисленныхъ религіозныхъ картинъ: «Несеніе креста», нынѣ въ мадридской галлерей. Другая картина, портретъ адмирала Парей, такъ поразила однажды короля, неожиданно вошедшаго въ мастерскую художника, что онъ, думая, что начальникъ флота, непослушный его повелѣнію, скрывается еще во дворцѣ, воскликнулъ: «Вы все еще здѣсь? отчего не повинуетесь вы даннѣмъ вамъ приказаніямъ?» Къ этому же періоду относятся многочисленныя портреты уродливыхъ придворныхъ карликовъ и карлицъ, находящіяся въ галлерей испанской королевы.

Въ 1643 году могущественный Оливаресъ впалъ въ немилость и былъ изгнанъ изъ Мадрида. Веласкесъ, глубоко сохранявшій въ памяти благодѣянія герцога, не оказалъ ему, подобно прочимъ придворнымъ, черной неблагодарности, но посѣщалъ его и въ заточеніи. Въ 1645—48 г. написалъ онъ свою превосходную картину: «Передача Бреды», въ которой прославилъ память своего знаменитаго друга, Спинолы. Въ 1648 году онъ предпринялъ второе путешествіе въ Италію, куда отправленъ былъ королемъ для пріобрѣтенія художественныхъ произведеній. Онъ посѣтилъ Геную, Миланъ, Падую, Венецію, Модену, Парму. Всѣ эти города были тогда наполнены художественными произведеніями, которыя нынѣ украшаютъ галлерей Дрездена, Парижа и Лондона. Въ Римѣ написалъ онъ портретъ папы Иннокентія X, который славился своимъ безобразіемъ (оригиналъ нынѣ въ галлерей Дорія въ Римѣ.) Хотя Веласкесъ оставался въ Римѣ болѣе года, но и на этотъ разъ антики и Рафаэль не произвели на него глубокаго впечатлѣнія. Вызванный въ отечество нетерпѣливымъ Филиппомъ IV, художникъ провелъ въ Мадридѣ послѣдніе годы своей жизни, не оставя живописи, но въ то же время принимая, вслѣдствіе своей придворной должности, участіе въ разныхъ торжествахъ, и занимаясь изготовленіемъ разныхъ моде-

лей для статуй, вылитыхъ позднѣ изъ бронзы, и наконецъ умеръ 6-го августа 1660 г. въ Мадридѣ на 61 году жизни, отъ напряженной дѣятельности, которую требовало его званіе генераль-квартирмейстера при путешествіи и устройствѣ празднествъ во время свиданія дворовъ, испанскаго и французскаго, на островѣ Фазановъ, близъ Бидассао. Последнимъ и величайшимъ произведеніемъ его была картина, извѣстная подъ именемъ: *Las Meninas*, то-есть «Фрейлины». Она изображаетъ большую залу королевскаго дворца, въ которой Веласкесъ, спокойно разсматривающій свою работу, пишетъ портретъ одной инфантинны, которую окружаютъ ея Фрейлины, одна придворная дама и карлики. Другой придворный виденъ въ открытую дверь. Отраженіе въ зеркалѣ показываетъ, что въ залѣ присутствуютъ король и королева, хотя ихъ нѣтъ на картинѣ. Совершенство, съ которымъ скрыто искусство въ этой картинѣ, таково, что Веласкесъ кажется антиципировалъ изобрѣтеніе Дагера. Кажется, видишь, будто настоящая комната съ дѣйствительными, случайно сгруппировавшимися лицами, перенесена на полотно. Разказываютъ, что когда картина была окончена, то король, въ восторгѣ подоидъ къ ней, сказалъ, что она не окончена и, взявъ кисть, собственноручно написалъ на груди художника орденъ Св. Яго.

Личныя качества Веласкеса доставили ему при жизни столько же уваженія, какъ и его художественный гений. Онъ пользовался общою любовью, и былъ далекъ отъ мелкой зависти къ своимъ собратамъ-художникамъ, свободенъ отъ гордости, безкорыстенъ и очень приятенъ въ обществѣ. Лицо его было очень привлекательно. Первоклассный живописецъ дѣйствительности, онъ понималъ и воссоздавалъ поэтически, въ превосходныхъ ландшафтахъ, природу, и если въ богатствѣ и плодovitости творческой производительности долженъ уступить другому великому реалисту-живописцу, Рубенсу, то тѣмъ не менѣе своимъ огромнымъ дарованіемъ принадлежитьъ безспорно къ замѣчательнѣйшимъ художникамъ XVII вѣка.

Произведенія испанской живописи вообще рѣдки въ европейскихъ картинныхъ галереяхъ. Лучшія произведенія Веласкеса, писавшаго почти исключительно для Филиппа IV, находятся въ Эскуріалѣ и дворцахъ Мадрида. Это два мѣста единственныя въ мірѣ для изученія испанской живописи. Но изъ остальныхъ странъ Европы первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ нашему отечеству. Императорскій Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ заключаетъ въ себѣ собраніе картинъ испанской школы, числомъ и качествомъ далеко оставляющее за собою всѣ частныя и публичныя картинныя галереи западной Европы. Картины этого собранія еще не описаны и не изучены надлежащимъ образомъ. Намъ, Русскимъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на исторію испанской живописи ужъ для того, чтобы сознательно наслаждаться находящимися у насъ подъ рукою сокровищами.

К. Герцъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Самымъ крупнымъ, если не совсѣмъ новымъ явленіемъ въ области международныхъ сношеній за послѣднее время, былъ офиціальный отзывъ англійскаго правительства объ извѣстномъ предпріятіи, на которое до сихъ поръ устремлено вниманіе всей Европы, — о прорытіи Суэскаго канала (1). Въ засѣданіи нижней палаты 7-го іюля англійскому министерству былъ предложенъ вопросъ: намѣрено ли оно ходатайствовать у турецкаго султана объ утвержденіи проекта, представленнаго на разсмотрѣніе Порты египетскимъ намѣстникомъ, и возбуждавшаго живое сочувствіе въ главныхъ торговыхъ городахъ и портахъ Соединеннаго Королевства. Обращаясь съ такимъ вопросомъ къ министру, одинъ изъ членовъ палаты, г. Берклея выразилъ желаніе получить категорическій отвѣтъ съ объясненіемъ причинъ, побуждающихъ правительство дѣйствовать противъ предпріятія, если дѣйствительно таково его намѣреніе. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ отрицательно на вопросъ г. Берклея. «Уже пятнадцать лѣтъ, сказалъ онъ, — англійское правительство употребляетъ все свое вліяніе, чтобы отклонить султана отъ прорытія Суэскаго канала. Въ коммерческомъ отношеніи, проектъ этотъ можно причислить къ ряду несбыточныхъ и предлагаемыхъ отъ времени до времени съ цѣлью пустить пыль въ глаза капиталистамъ. Мнѣ извѣстно отъ знатока, на котораго я могу положиться, что планъ этотъ матеріально не осуществимъ, если не употребить на это такихъ громадныхъ суммъ, которыя никогда не могутъ покрыться доходами. Оттого я думаю, и желалъ бы, чтобы почтенный джентельменъ сообщилъ своимъ избирателямъ, что рискующіе своими деньгами въ такомъ предпріятіи испытаютъ большое разочарованіе. Впрочемъ, англійское правительство не по этой причинѣ противится его осуществленію, ибо каждый пользуется полною свободою въ частныхъ дѣлахъ своихъ; но планъ этотъ враждебенъ интересамъ Англій и несогласенъ

(1) О значеніи этого предпріятія въ свое время было сообщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

съ нашею неизмѣнною политикою относительно Турціи, нынѣ подкрѣпленной войною и парижскимъ трактатомъ. Мнѣ кажется, этотъ планъ облегчитъ отпаденіе Египта отъ Турціи. Онъ основанъ на отдаленной мысли о возможности болѣе легкаго доступа къ нашимъ Остѣ-Индскимъ владѣніямъ. Считаю излишнимъ говорить яснѣе, ибо мысль моя всѣмъ понятна. Оттого удивляюсь, что г. Лессепсъ такъ сильно рассчитывалъ на легковѣріе англійскихъ капиталистовъ, и даже надѣялся склонить ихъ къ денежному участию въ предпріятіи, столь враждебномъ англійскимъ интересамъ. Планъ этотъ былъ предъявленъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ противоудѣйствіе другому предпріятію—железной дорогѣ, покровительствуемой Англійей, и представляющіе кратчайшій путь къ Суэсу».

Мы съ намѣреніемъ привели почти вполнѣ отзывъ лорда Пальмерстона, чтобы читатель могъ самъ вывести изъ него надлежащее заключеніе. Замѣтимъ только, что лордъ Пальмерстонъ не подкрѣпилъ своего мнѣнія ни однимъ доказательствомъ. Матеріальная исполнимость проекта признана международною ученою комиссіей, какъ извѣстно изслѣдовавшеною вопросъ этотъ на мѣстѣ. Почти всѣ правительства Европы одобрили проектъ г. Лессепса, уже получившаго привилегію отъ египетскаго намѣстника. Только сопротивленіе Порты подъ вліяніемъ англійскаго посланника въ Константинополь замедлило ходъ дѣла. Желая склонить государственныхъ людей Англій въ пользу своего предпріятія, г. Лессепсъ счелъ за лучшее обратиться къ общественному мнѣнію. Онъ отправился въ Англію въ концѣ прошлаго марта, посѣтилъ всѣ ея большіе торговые, промышленные и приморскіе города, и вездѣ члены торговыхъ корпорацій, негоціанты, судохозяева, фабриканты, капиталисты привѣтствовали его съ уваженіемъ, собирали митинги для выслушанія его объясненій и единогласно одобряли самое предпріятіе. На этихъ митингахъ главнымъ образомъ говорилось о пользѣ предположеннаго канала для торговли вообще и для англійской торговли въ особенности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобномъ вопросѣ лучшими судьями могли быть только судохозяева и негоціанты Лондона, Ливерпуля, Манчестера, Бирмингама, Бристоля, Дублина, Глазго, Абердина, Единбурга, Ньюкастля. Послѣ серьезныхъ прерій, всѣ естественные представители англійской торговли объявили, что Суэскій каналъ будетъ особенно выгоденъ именно для англійской торговли, ибо сократитъ на половину нынѣшнее разстояніе между Англіею съ одной стороны, Остѣ-Индіей и Австраліею съ другой. Замѣчательно, что во всѣхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ митингами, на первомъ планѣ стоитъ общій интересъ цивилизаціи и человѣчества, а частный интересъ англійской торговли отодвинутъ на второй планъ. На митингахъ, бывшихъ въ Ньюкастлѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, составлены адреса,

въ которыхъ просить министерство одобрить проектъ г. Лессепса и склонить султана къ скорѣйшему утверженію привилегіи, данной послѣднему египетскимъ намѣстникомъ.

Такимъ образомъ, въ самой Англійи проектъ г. Лессепса признанъ и удобоисполнимымъ, и полезнымъ для англійской торговли. Остаются политическія причины, на которыя весьма глухо намекнулъ лордъ Пальмерстонъ, но которыя развиты подробнѣе въ извѣстномъ органѣ перваго министра, газетѣ Morning-Post. Въ ней пугаютъ и Турцію и Англійю возможностью отпаденія Египта и нападенія Франціи на англійскія владѣнія Остъ-Индіи. Съ одной стороны, Турція угрожаетъ тѣмъ, что каналъ послужитъ для египетскаго намѣстника стратегическимъ средствомъ, преградой для вступленія турецкихъ войскъ въ Египетъ, какъ будто тотъ же каналъ не будетъ служить для покровительствующихъ державъ болѣе быстрымъ и легкимъ средствомъ сообщенія для оказанія ей помощи; съ другой увѣряютъ англійскую публику, что въ случаѣ войны между Англійю и Францію, французское правительство можетъ отправить изъ своихъ средиземныхъ портовъ многочисленный флотъ, чтобы «задать торговлю и опустошить владѣнія Англійи.» «Здравый смыслъ англійскаго народа говорить Journal des Débats, едва ли повѣритъ такой химерической опасности. Суэскій каналъ ни въ какомъ случаѣ не лишитъ Англійю выгодъ, доставляемыхъ ей огромными морскими силами и безчисленными морскими станціями, для защиты ея владѣній въ Остъ-Индіи; если онъ можетъ облегчить нападеніе, то облегчитъ и оборону. Въ настоящее время, когда въ Остъ-Индіи вспыхнуло возстаніе, для Англійи было бы чрезвычайно выгодно отправить черезъ Суэскій каналъ военныя силы, назначенныя для противодействія этому возстанію.» Не говоримъ уже о томъ, что крайне-подозрительная и недовѣрчивая политика не совсѣмъ умѣстна при нынѣшнихъ дружественныхъ отношеніяхъ между Англійю и Франціей. Такой анахронизмъ отчасти объясняется тѣмъ, что государственный человѣкъ, занимающій въ настоящее время постъ перваго министра въ Англійи, принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Внѣшняя политика 1808 года отчасти руководитъ нынѣшній англійскій кабинетъ.

Едва ли позволено сомнѣваться, что такое положеніе дѣлъ уже не можетъ быть продолжительнымъ. Рано или поздно, самъ лордъ Пальмерстонъ долженъ будетъ отказаться отъ своей традиціональной политики подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія. «Отзывъ его о предпріятіи г. Лессепса, сказано очень умно въ томъ же французскомъ журналѣ, могъ бы повергнуть въ уныніе составителей проекта, въ странѣ, гдѣ образъ дѣйствій правительства не подчиненъ общественному мнѣнію; въ Англійи же, такой отзывъ можетъ

только побудить ихъ къ бѣльшимъ усилямъ, чтобы рано или поздно преодолѣть нерасположеніе правительства.» Г. Лессепсъ выразилъ ту же мысль въ своемъ письмѣ къ членамъ англійскихъ торговыхъ палатъ и обществъ, отъ 11-го іюля. Письмо это; разумѣется, вызвано отзывомъ лорда Пальмерстона. «Если англійское правительство будетъ упорствовать въ противодѣйствіи нашему предпріятію, пишетъ г. Лессепсъ, оно можетъ затруднить дѣло, но тѣмъ самымъ оно возвеличитъ его, а не ослабитъ; исполненіе этого предпріятія будетъ настойчиво преслѣдуемо нами, и всеобщее содѣйствіе сообщитъ ему несомнѣнный успѣхъ. Между тѣмъ, пусть торговое сословіе Англій рѣшитъ, прилично ли, чтобы препятствія, вопреки выраженному имъ мнѣнію, происходили отъ его правительства; пусть разсудитъ оно, позволительно ли отъ его имени держаться политики, столь несогласной съ началами свободныхъ сообщеній и свободной торговли, провозглашенными націей предъ лицомъ всего міра, и возможно ли препятствовать соединенію двухъ морей, ведущихъ прямо въ Остъ-Индію и Китай, усиливаясь въ то же время сблизить эти страны съ образованными народами».

Въ послѣднее время, многіе изъ европейскихъ государей и царственныхъ особъ посѣтили иностранные дворы: между прочимъ, въ первой половинѣ іюля, король прусскій посѣтилъ австрійскаго императора. Свиданіе это подало нѣмецкимъ журналамъ поводъ къ болѣе или менѣе сомнительнымъ соображеніямъ о современныхъ междунаrodnыхъ вопросахъ, въ которыхъ заинтересованы Австрія и Пруссія. «Австрійская Газета» ожидаетъ важныхъ и счастливыхъ послѣдствій отъ этого свиданія. Важнѣйшими вопросами для внѣшней политики Германіи въ настоящее время представляются: вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи, и вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Первый изъ нихъ, повидимому, болѣе интересуется Пруссію, чѣмъ Австрію; второй, напротивъ, важнѣе для Австріи. По мнѣнію «Австрійской Газеты», которое мы впрочемъ отнюдь не выдаемъ за непогрѣшительное, но которое приводимъ какъ выраженіе преобладающихъ въ настоящее время стремленій австрійской внѣшней политики, вѣнскій дворъ изъясняетъ готовность принять такое же горячее участіе въ датско-германскомъ вопросѣ, если Пруссія согласится поддерживать его намѣренія относительно Дунайскихъ княжествъ. Не беремъ на себя рѣшить, на сколько основательны соображенія «Австрійской Газеты»; одно обстоятельство, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію: хотя нѣмецкіе журналы упорно называютъ вопросъ о герцогствахъ чисто-германскимъ, однако великія державы едва ли согласятся оставить за нимъ этотъ характеръ. Если дѣло это слишкомъ затянется или приметъ важный оборотъ, то не замедлитъ возбудить особенное вниманіе дер-

жавъ, гарантировавшихъ трактаты, которыми опредѣляется политическое положеніе Даніи. Соглашеніе между Австріею и Пруссіею, въ смыслѣ «Австрійской Газеты», неминуемо ускоритъ внимательство другихъ державъ, которымъ трудно будетъ допустить, чтобы датско-германскій вопросъ сдѣлался одною изъ частныхъ вопросовъ о Дунайскихъ княжествахъ.

Датскій отвѣтъ кабинетамъ Берлинскому и Вѣнскому, о которомъ мы упоминали въ послѣднемъ обзорѣ, еще не обнародованъ. Сколько извѣстно, оба кабинета удовлетворены формою датской ноты, и условились выждать созванія чиновъ въ герцогствахъ, чтобы тогда отвѣчать на нее въ Копенгагенѣ.

Въ офиціальномъ органѣ бельгійскаго правительства обнародованы нѣкоторыя объясненія о разладѣ между Портою и бельгійскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Блонделемъ (1). Изъ этихъ объясненій, подкрѣпленныхъ многими офиціальными документами, оказывается, что еще въ прошломъ августѣ г. Блондель получилъ отъ своего правительства дозволеніе отправиться изъ Константинополя въ Дунайскія княжества и посѣтить Варну, Галацъ и Букарестъ, для выбора лицъ, которымъ бельгійское правительство могло бы вѣрить консульскія должности въ Княжествахъ. Предвидя, что эта поѣздка можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ неблагоприятнымъ толкамъ при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Валахіи и Молдавіи, бельгійское правительство предоставило самому г. Блонделю рѣшить, не слѣдуетъ ли ему отложить свою поѣздку. Г. Блондель отвѣчалъ на это просьбою о дозволеніи посѣтить, кромѣ означенныхъ выше городовъ, Адрианополь, Бѣградъ и Яссы. Онъ просоединилъ, что ему очень легко предохранить себя отъ неблагоприятныхъ предположеній, объяснившись съ другими посланниками передъ выѣздомъ изъ Константинополя. По всей вѣроятности, эта предосторожность оказалась недостаточною, ибо г. Блонделя обвиняютъ въ томъ, будто онъ, находясь въ Княжествахъ, предлагалъ принца Фландрскаго въ кандидаты. Оттоманское правительство просило удаленія г. Блонделя, и бельгійское, не признавая этого обвиненія справедливымъ, рѣшилось однако назначить г. Блонделя посланникомъ въ Бразилію, какъ вдругъ 30-го мая турецкій посланникъ въ Брюссель, г. Керкговъ, вручилъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ требованіе объ отозваніи г. Блондела, угрожая дипломатическимъ разрывомъ въ случаѣ замедленія. Такой образъ дѣйствій побудилъ бельгійское правительство отмѣнить прежнее его намѣреніе, и оставивъ г. Блонделя въ Константинополь, выжидать рѣшенія Порты. Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ г. Керкгову, что король не находитъ достаточныхъ причинъ для отозванія г. Блондела, и съ этимъ отвѣтомъ послалъ ему обратно ноту

(1) См. № 12-й «Русскаго Вѣстника».

его отъ 30-го мая. Отвѣтомъ турецкаго правительства было возвращеніе паспортовъ г. Блонделю, который переселился въ Аѳины, гдѣ онъ тоже аккредитованъ.

Статья бельгійскаго «Монитера», въ которой изложены всѣ эти обстоятельства, не понравилась турецкому посланнику въ Брюссель, который поспѣшилъ отвѣчать на нее въ другихъ журналахъ. Въ своемъ отвѣтѣ г. Керкговъ говоритъ, что удаленіе г. Блонделя вызвано жалобами правительствъ англійскаго, австрійскаго, французскаго и сардинскаго, и что Порта уже четыре года какъ выразила желаніе, чтобы г. Блондель былъ повышенъ и переведенъ изъ Константинополя. Онъ утверждаетъ также, что депеша отъ 30-го мая не имѣла оффиціального характера, что онъ поспѣшилъ частнымъ образомъ передать телеграфическую депешу, полученную имъ отъ своего правительства, и сдѣлалъ это во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній. Этимъ объясненіемъ значительно упрощается дѣло: объявляя депешу 30-го мая неофиціальною, г. Керкговъ тѣмъ самымъ снимаетъ съ своего правительства подозрѣніе въ желаніи рѣзко требовать отозванія г. Блонделя. На этомъ пока остановилось дѣло.

Возстаніе сипаевъ въ Остѣ-Индіи не замедлитъ отвлечь отъ Китая часть англійскихъ военныхъ силъ, назначенныхъ туда первоначально. Оттого можно думать, что серьезныя дѣйствія не откроются въ Китаѣ, пока не будутъ усмирены остѣ-индскіе инсургенты. Къ тому же, страшное разстояніе отъ береговъ Англии до береговъ Китая естественно замедляетъ ходъ дѣла. Почти одновременно съ англійскимъ уполномоченнымъ придетъ въ Китай и уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ, г. Ридъ. Инструкція, ему данная, остаются тайною для публики, и только по одной рѣчи, которую онъ произнесъ на банкетѣ, данномъ въ честь его флладельфійскими негоціантами, можно полагать, что посольство его имѣетъ существенно мирный и торговый характеръ. «Наши форты, при двухъ океанахъ, сказалъ онъ между прочимъ, обращенные къ Европѣ и къ Азіи, занимаютъ среднее мѣсто относительно всѣхъ частей свѣта. При этой выгодѣ, какою не обладаетъ въ равной ст. нами степени ни одинъ другой народъ, и при легкомъ доступѣ внутрь нашей страны, намъ нужны только многочисленныя и сильныя пароходы, чтобы сообщить нашей торговлѣ первое мѣсто въ мірѣ. Мы не должны забывать, что заботясь о нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ многочисленными частями Азіи, облегчая сообщеніе съ этими обширными странами при пароходныхъ двадцатидневныхъ переѣздахъ отъ одного берега до другаго, мы содѣйствуемъ распространенію христіанства, которое со всѣми своими благами возвратится къ Востоку, гдѣ и возникло. Тамъ торговля должна предшествовать христіанству, торговля, внушающая миръ и дружественныя отношенія между народами, доказывающая, что человекъ не есть врагъ человека, и народъ не врагъ на-

рода, но что интересы всѣхъ народовъ тождественны, и что они гораздо болѣе преуспѣютъ подъ благотѣльнымъ вліяніемъ взаимныхъ сношеній, чѣмъ вслѣдствіе войны.

«Вслѣдствіе нашихъ недавнихъ приобретеній на Тихомъ Океанѣ, Китай сталъ нашимъ сосѣдомъ, и между нимъ и нами лежитъ гладкій океанъ, призывающій наши пароходы къ болѣе значительной торговлѣ, чѣмъ торговля всей Европы. Эта торговля будетъ наша, если негодяи и правительство Соединенныхъ Штатовъ захотятъ соединенными силами упрочить быстрыя сообщенія между Америкой и Азіей. Милліоны народа въ Азіи требуютъ именно нашихъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій, и дадутъ намъ за нихъ свои мѣстные богатые произведенія, недостающія у насъ».

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Американцы по всей вѣроятности будутъ дѣйствовать въ Китаѣ точно такъ же, какъ недавно дѣйствовали въ Японіи. Слова новаго уполномоченнаго Соединенныхъ Штатовъ подтверждаютъ это.

Обнародована высочайше ратификованная 12 марта конвенція, подписанная въ Берлинѣ инженеръ-генералъ-майоромъ Кербедзомъ и полномочнымъ его величества короля прусскаго, дѣйствительнымъ легационнымъ совѣтникомъ Сенъ-Пьеромъ, о соединеніи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги съ Кенигсбергскою. Ратификація эта обмѣнена съ прусскимъ правительствомъ 20 апрѣля (2 мая н. с.). Существенныя статьи новой конвенціи состоятъ въ слѣдующемъ. За точку соединенія обѣихъ желѣзныхъ дорогъ принять Эйдкуненъ на границѣ Россіи съ Пруссіей (ст. 1). Устройство дороги въ этомъ пунктѣ соединенія зависитъ отъ взаимнаго соглашенія обѣихъ правительствъ. Ширина колеи между внутренними краями рельсовъ будетъ въ Россіи — въ пять англійскихъ футовъ, а въ Пруссіи въ четыре фута $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, англійской же мѣры (ст. 4). Приобрѣтеніе земель, полотно земляное и искусственныя сооруженія будутъ сдѣланы неотлагательно для двухъ путей; но устройство втораго пути можетъ быть отложено до тѣхъ поръ, пока надобность въ ономъ не будетъ признана подлежащимъ правительствомъ (ст. 5). Работы должны быть окончены въ одно время, поэтому наше правительство обязалось увѣдомить прусское за два года до окончанія варшавской дороги (ст. 6). Распределеніе поѣздовъ будетъ сдѣлано по взаимному соглашенію (ст. 11). Между подданными обѣихъ державъ не будетъ никакого различія въ платѣ за провозъ пассажировъ и товаровъ по каждой изъ вновь-открываемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Остальныя статьи конвенціи относятся къ подробностямъ устройства и управленія.

Въ послѣднія двѣ недѣли у насъ не вышло никакихъ новыхъ постановленій, за исключеніемъ одного только положенія о вновь-учрежденной должности инспекторовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Имѣя въ виду предотвратить могущую быть небрежность на вновь открываемыхъ желѣзныхъ дорогахъ, учрежденъ особый надзоръ за ихъ поездами со стороны главнаго управленія путей сообщенія. Для наблюденія за правильностію, удобствомъ и безопасностію движенія по каждой частной желѣзной дорогѣ, и вообще для надзора за дѣйствіями управленія оной, опредѣляется отъ правительства, по назначенію главноуправляющаго путями сообщенія, инженеръ этого корпуса, съ присвоеніемъ ему званія инспектора дороги. Инспекторъ не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія управленія: ему принадлежитъ только власть наблюдательная и распорядительная. Для надзора за дѣйствіями управленія ему сообщаются всѣ необходимыя свѣдѣнія и должны быть открыты всѣ журналы засѣданій, шнуровыя счетныя книги и всѣ документы. Онъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ общаго собранія акціонеровъ; можетъ подавать свое мнѣніе и, въ случаѣ нужды, требовать, чтобъ оно было внесено въ журналъ засѣданія. Требования правительства черезъ него сообщаются управленію дороги. Относительно самаго движенія, онъ наблюдаетъ за чистотою и прочностію дороги, за своевременностію ремонта, за достаточностію личнаго состава надзора и т. д. Къ его обязанностямъ относится также наблюденіе, чтобъ при составленіи поездовъ были приняты всѣ мѣры для ихъ безопаснаго движенія, чтобы до отправки поездовъ всѣ части ихъ были тщательно осмотрѣны; чтобы распределеніе и отправленіе поездовъ было удобно для публики и безопасно для движенія. Онъ смотритъ также за пассажирами и, въ случаѣ опаснаго съ ихъ стороны дѣйствія, имѣетъ право дѣлать имъ замѣчанія и даже исключать ихъ изъ поездовъ. Каждый четыре мѣсяца инспекторъ производитъ осмотръ всей дорогѣ. Онъ обязанъ оказывать содѣйствіе управленію дороги къ лучшему устройству движенія и содержанию. Съ этою цѣлію на него возложена обязанность быть посредникомъ и ходатаемъ за управленіе у мѣстныхъ правительственныхъ установленій.

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ объ одномъ, вновь открытомъ частномъ обществѣ въ С.-Петербургѣ. Извѣстно, что жилища рабочаго населенія, которыхъ неудобства могутъ вести ко многимъ несчастнымъ послѣдствіямъ, давно уже обратили на себя вниманіе всей Европы. Въ главнѣйшихъ европейскихъ городахъ возникали постепенно общества для улучшенія квартиръ низшаго класса. Подобныя общества существуютъ во Франціи, Англіи, Бельгіи и Пруссіи. Въ нашемъ отечествѣ, хотя вопросъ рабочихъ далеко не имѣетъ такого значенія, какъ въ западной Европѣ, однако тоже требуетъ улучшенія и въ послѣднее десятилѣтіе неоднократно положеніе ихъ обращало на себя вниманіе правительства. О состояніи

помѣщеній рабочаго помѣщенія въ разное время были собраны любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя комиссіями въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ кзкихъ неопытныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются петербургскіе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для ихъ помѣщенія, они должны поневогѣ довольствоваться квартирами, какія попадутся, плата нерѣдко за то здоровьемъ. Къ тому же самое число подобныхъ домовъ недостаточно для помѣщенія всего количества работниковъ. Несоответственность перваго второму всего лучше открывается изъ сравненія цифръ, извлеченныхъ изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и еще въ прежнее время обнародованныхъ въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества». Рабочее населеніе Петербурга составляетъ до 250,000 человекъ. Изъ нихъ проживающихъ въ городѣ постоянно—150,000, приходящихъ на лѣто, для заработковъ—100,000. Конечно, не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ нея надобно исключить такихъ рабочихъ, которые, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. п., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей этого рода считается круглыми цифрами: купеческихъ прикащиковъ до 1500, лавочныхъ свѣдѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до 5000, рабочихъ по цехамъ до 26,000, наконецъ собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ считается до 100,000. Всего рабочихъ этого рода круглымъ числомъ до 132,000. Такимъ образомъ нуждающихся въ наемномъ помѣщеніи изъ числа постоянно живущихъ въ городѣ остается 18,000. Если теперь изъ числа приходящихъ на лѣто исключить даже $\frac{3}{4}$, которые могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется нуждающихся въ наемномъ помѣщеніи 25,000 работниковъ. Слѣдовательно, вообще квартиры необходимы для 43,000 людей. Какое же число помѣщеній имѣется для этого населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, произведенныхъ въ сороковыхъ годахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, то-есть каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ этихъ описей видно, что подобныхъ особыхъ квартиръ, за которыя, кажется, плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ Петербургѣ не болѣе 2000, и изъ нихъ большая часть даже не отдается въ наемъ, а какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ-нибудь двѣ три сотни подваловъ, да небольшое число домовъ, исключительно предназна-

ченныѣ владѣльцами для впуска работниковъ, и то преимущественно на ночлеги. Такіе дома доставляютъ значительные доходы, но, при недостаткѣ соперничества, содержатся чрезвычайно дурно. Это обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбное, что, кромѣ отсутствія побужденія къ хорошему устройству помѣщеній, оно ничѣмъ болѣе не объясняется. При столь огромной массѣ нуждающагося населенія было бы очень возможно согласить выгоды домовладѣльцевъ съ нѣкоторымъ удобствомъ квартиръ и, главное, съ безвредностію ихъ для здоровья работниковъ. Въ Англіи, гдѣ число обществъ, принявшихъ на себя заботы о квартирахъ рабочаго класса, возрасло въ послѣднее время до невѣроятной почти цифры 12,000, акціонеры постоянно получаютъ хотя не очень большіе, но зато вѣрные дивиденды. Къ этому надобно прибавить, что помѣщенные въ такія предпріятія капиталы ничѣмъ не рискуютъ. Потребность въ квартирахъ не зависитъ ни отъ какихъ измѣнчивыхъ условій, и въ Англіи это заставляетъ многихъ помѣщать сюда свои деньги. Между тѣмъ необходимость озаботиться объ улучшеніи квартиръ низшаго класса есть безспорно одна изъ самыхъ настоятельныхъ. Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особенною тщательностію, доказано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами болѣе той, какаѣ существуетъ въ жилыхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигиеническимъ условіямъ. Столь же поразительные факты обнаруживаютъ печальное вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. Нераздѣльное помѣщеніе лицъ разныхъ половъ, невозможность для семьи пользоваться подобными квартирами иначе, какъ для ночлега, не могли остаться безъ грустныхъ результатовъ. Конечно, при меньшемъ у насъ числѣ городскихъ работниковъ, они не могли придти въ такое мрачное положеніе. Но нельзя не сознаться однако, что нѣкоторые изъ замѣченныхъ недостатковъ, существуютъ и у насъ. Вотъ что говоритъ о помѣщеніяхъ рабочаго класса коммиссія 1840 года:

«Квартиры, предназначенныя для простаго народа, отдаются домовладѣльцами въ наемъ особымъ промышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ въ нихъ рабочихъ, на разные сроки, а всего чаще на ночлеги. Населеніе, пользующееся ими квартирами, состоитъ изъ поденщиковъ небольшихъ артелей, прибывающихъ въ столицу для присканія работъ, и другаго класса людей (между прочимъ даже чиновниковъ). Большая часть сихъ квартиръ содержится чрезвычайно дурно; въ нѣкоторыхъ зимою не было двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное, и, сколько можно было замѣтить, квартиры сіи нагрѣваются однимъ скопищемъ людей; стѣны напитаны сыростью, форточекъ для очищенія воздуха нѣтъ, и неопрятность превышаетъ всякое вѣроятіе; помойныя ямы устроены внутри жилья: иногда изъ пятаго этажа всякія нечистоты протекаютъ

черезъ всѣ нижніе этажи и даже по корридору; во одномъ домѣ, въ которомъ помѣщается до семисотъ рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, что болѣе семи лѣтъ не очищали и не перекрашивали стѣны, а полы совершенно сгнили. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, желая извлечь наибольшія выгоды, пускаютъ для ночлега такое число людей, сколько можетъ вмѣститься; для чего дѣлаютъ нары въ три и болѣе ярусовъ, почти до потолка; люди мѣстятся еще, кромѣ наръ, на полу, на скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть только мѣсто, такъ что въ квартирахъ, имѣющихъ не болѣе трехъ сажень въ длину и въ ширину, найдено было, при осмотрѣ, ночующихъ и постоянно живущихъ до пятидесяти человѣкъ обоого пола; тамъ же малолѣтныя дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько человѣкъ, одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями.» Подобныхъ примѣровъ приведено въ изысканіяхъ комиссіи множество.

Въ 1847 г. новая комиссія осмотрѣла до 500 помѣщеній рабочихъ и описала ихъ съ особенною подробностію. «Рабочій народъ, объясняетъ комиссія, помѣщается или въ тѣхъ самыхъ фабрикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ особыхъ квартирахъ, нанимаемыхъ подрядчиками, артелями, или самими рабочими, поодиночно. Наиболѣе выгоды для рабочаго представляетъ размѣщеніе перваго рода, за исключеніемъ болѣе бѣдныхъ ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не имѣютъ особыхъ помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего послѣдняго рода, или отгораживается для кроватей какой-нибудь темный, душный уголокъ, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ, даже на столахъ, на которыхъ днемъ валяютъ тѣсто. Обыкновенною подстилкой служитъ дрянной, тонкій войлокъ или, еще чаще, простая рогожка; часто даже не бываетъ и вовсе никакой подстилки: спятъ прямо на доскахъ. Но надобно войти въ квартиры собственно наемныя, и въ особенности въ такія, гдѣ хозяинъ имѣетъ дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью или рабочими поодиночно, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти тѣснота, духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ здоровье человѣка.»

Изъ подобныхъ фактовъ комиссія пришла къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже полицейскаго порядка, не говоря о человеколюбіи, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію помѣщеній, и вторая комиссія выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи мѣры правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ только при содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ. Нынѣ это желаніе комиссіи наконецъ осуществилось. Нѣсколько лицъ предположили составить общество, на акціяхъ, для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщеній рабочаго

населенія и вообще людей недостаточнаго состоянія. Членами общества будутъ: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ совѣта общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ полковникъ Палибинъ. Главное попечительство надъ обществомъ принялъ на себя его высочество герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій, супругъ Великой Княгини Екатерины Михайловны. Государь Императоръ, одобревъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, предположеніе общества, высочайше повелѣлъ предоставить учредителямъ произвести необходимыя предвзрительныя изысканія и, составивъ для общества проектъ подробнаго устава, представить оный, въ свое время, на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

Въ Англии въ послѣднее время происшествія въ Индіи обращали на себя главное вниманіе. Съ каждою почтою извѣстія оттуда принимали все болѣе тревожный характеръ. Мы говорили уже, на основаніи краткихъ телеграфическихъ извѣстій, о началѣ возстанія сипаевъ. Сообщимъ теперь подробныя свѣдѣнія, обнаруженныя мѣстными журналами. По словамъ *Bombay Times*, открытое возстаніе началось въ Мирутѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отрядъ 3-го полка индійской кавалеріи былъ выведенъ на поле, гдѣ происходить маневры; солдатамъ были розданы новые патроны съ увѣреніемъ, что въ составъ ихъ не входитъ ничего нечистаго. Потомъ, чтобъ испытать повиновеніе солдатъ, имъ велѣно было зарядить ружья и выстрѣлить. Изъ числа девяноста солдатъ только пятеро оказали повиновеніе. Остальные восемьдесятъ пять рѣшительно отказались принять патроны, полагая, что въ нихъ есть свиное сало: осквернить себя свинымъ саломъ для Индуса—ужасное дѣло, сопровождаемое потерей касты. Ослушныя были отданы подъ военный судъ, приговорившій ихъ къ тюремному заключенію отъ пяти до десяти лѣтъ. 9-го мая осужденные были въ присутствіи цѣлаго войска заключены въ оковы и посажены въ тюрьму. По необъяснимой непредусмотрительности или, можетъ-быть, вслѣдствіе излишняго презрѣнія къ неудовольствію Индѣйцевъ, не было принято никакой предосторожности для безопасности города и тюрьмы. Послѣднюю попрежнему продолжали охранять сипаи. Въ войскахъ однако не было недостатка. Ночь и слѣдующій день прошли благополучно, но къ вечеру 10-го числа всѣ индѣйскія войска въ Мирутѣ возмутились въ одно время и перебили бѣльшую часть своихъ офицеровъ. Поддерживаемые чернію, они овладѣли тюрьмой и освободили своихъ товарищей, а съ ними до тысячи другихъ арестантовъ. Затѣмъ начались пожары и убійства. Жены и дѣти англійскихъ солдатъ сдѣлались первыми ихъ жертвами. Между тѣмъ европейскія войска взялись за оружіе.

Мятежники разсыпались со второго загла и, обратясь въ бѣгство, покинули Мирутъ. Драгуны преслѣдовали ихъ за нѣскольکو миль отъ города и перерубили множество изъ нихъ. Но преслѣдованіе было слишкомъ скоро прекращено, и отсюда произошли несчастія, случившіяся въ Делги. 11-го числа мирутскіе бѣглецы вошли въ этотъ городъ, гдѣ къ нимъ тотчасъ присоединились три индійскіе полка, составлявшіе тамошній гарнизонъ. Чернь приняла ихъ сторону, и кровавыя сцены повторились и здѣсь. Европейцы, удалившіеся въ крѣпость, были захвачены и истреблены. Нѣкоторые изъ нихъ записались геройски. Такъ одинъ поручикъ, по имени Виллоби (Willoughby), вида, что пороховый магазинъ долженъ попасть въ руки мятежниковъ, рѣшился заечь его и храбро погибъ подъ его развалинами. Овладевъ Делги, Индѣйцы провозгласили своимъ королемъ сына послѣдняго могольскаго императора. Въ другихъ провинціяхъ спокойствіе не было нарушено. Бомбей, Агра, Калькутта остались спокойны. Въ Лагорѣ европейское войско сдерживаетъ сипаевъ. Англійское правительство приняло мѣры къ быстрому подавленію мятежа; значительное число войска отправлено въ Индію. Съ своей стороны, правительство компаніи не осталось въ бездѣйствіи. Пользуясь находящимися въ его распоряженіи европейскими войсками и контингентами индѣйскихъ владѣтелей, оно рѣшилось подавить мятежъ въ самомъ зародышѣ. Съ другой стороны, оно старается всѣми мѣрами успокоить волненіе въ умахъ туземцевъ. Генерал-губернаторъ Остъ-Индіи обнародовалъ прокламацію къ сипаямъ, въ которой даетъ имъ торжественное увѣреніе, что правительство никогда не хотѣло и теперь не намѣрено какимъ бы то ни было образомъ препятствовать имъ въ ихъ религіи. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производятъ эти мирныя средства, но военныя дѣйствія Англичанъ увѣнчиваются успѣхомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ сипаи были разбиты близъ Делги. У мятежниковъ взято 26 пушекъ. Войско готовится брать приступомъ самый городъ, куда удалились сипаи.

Возмущеніе сипаевъ сильно взволновало общество. Журналы почти единодушно требуютъ самыхъ энергическихъ мѣръ. Газета Times прямо выразила мнѣніе, что въ этомъ случаѣ нечего поддаваться ложному челоуѣколюбію, и наказаніе бунтовщиковъ должно быть примѣрное. Только при такомъ способѣ дѣйствія, говоритъ этотъ журналъ, туземное населеніе пойметъ какъ велико могущество Англии. Раздраженіе, съ которымъ журналистика приняла происшествія въ Мирутѣ и Делги, не знало границъ. Оно дошло до того, что, объяснивъ сначала возстаніе надлежащимъ образомъ, журналы стали потомъ приписывать его интригамъ другихъ державъ, обвиняя Россію и Францію. Нечего и говорить, что общественное мнѣніе не повѣрило этимъ обвиненіямъ. Настоящая причина возстанія ни для

кого не составляет тайны. Между тѣмъ, какъ французская администрація въ Алжирѣ, несмотря на другіе свои недостатки, все-таки выполняетъ свою главную задачу—распространять между племенами начатки гражданственности, устраняя совершенно вопросъ религіозный; Англія, напротивъ, слишкомъ мало обращала прежде вниманія на развитіе подвластныхъ ей племенъ и съ нѣкотораго времени дала слишкомъ большую свободу протестантской пропагандѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно напугало Индѣйцевъ. Разказываютъ, что мѣстное начальство перехватило письмо одного офицера изъ туземцевъ къ какому-то раджѣ, въ которомъ первый уговариваетъ его принять участіе въ возстаніи и говорить объ опасности религіи. Съ другой стороны, самыя военныя силы, при помощи которыхъ Англія удерживаетъ въ своемъ повиновеніи огромное Остѣ-Индское государство, далеко не соответствуютъ этой цѣли. Правда, въ индѣйской арміи считается 290,000 человекъ, но это огромное войско, сравнительно съ многочисленнымъ населеніемъ Остѣ-Индіи, составляетъ не болѣе, какъ гарнизонъ едва достаточный для занятія всѣхъ важныхъ мѣстностей. Вспомнимъ, что эта армія должна держать въ повиновеніи 120 милліоновъ британскихъ подданныхъ и 46 милліоновъ остальныхъ жителей Индостана, различающихся между собою происхожденіемъ, религіей и даже языкомъ, потому что тамъ насчитывается двадцать пять особыхъ языковъ, кромѣ безчисленнаго множества нарѣчій. Сверхъ того это же войско должно быть постоянно наготовѣ противъ 10 милліоновъ Персовъ, 5 милліоновъ Афгановъ, 3 милліоновъ жителей независимыхъ государствъ внутри Индостана и 5 милліоновъ Бармановъ. Со всѣми этими народами Англія въ послѣднее время большею частію находилась въ войнѣ. Чтобъ имѣть возможность дѣйствовать успѣшно съ такою небольшою арміей, которую вдобавокъ надобно было набирать преимущественно между туземцами, правительство должно было обратить самое серьезное вниманіе на внутренній составъ ея. Этотъ составъ обдуманъ основательно. Принято за правило составлять полки сипаевъ изъ людей двухъ различныхъ вѣроисповѣданій, преобладающихъ въ Индіи и находящихся во взаимной борьбѣ. Въ пѣхотѣ обыкновенная пропорція состоитъ изъ двухъ третей Индусовъ и одной трети мусульманъ. Офицеры обыкновенно Европейцы. Сипаи составляютъ собственно армію компаніи. Они не смѣшиваются съ королевскими войсками. Офицеръ королевской службы не можетъ перейти въ полкъ сипаевъ, и обратно. Войско компаніи состоитъ изъ 240,000 сипаевъ, а королевское изъ 30,000. Сверхъ того компанія содержитъ на свой счетъ 20,000 европейскихъ солдатъ. Болѣе значительное европейское войско содержать было бы трудно, потому что климатъ Индіи губителенъ для людей непривычныхъ. Правительство вынуждено, предъ отправленіемъ въ Индію посылать европей-

скихъ солдатъ, чтобъ акклиматизировать ихъ, въ Гибралтаръ, Мальту или Австралію. Несмотря на эту предосторожность, смертность между ними довольно значительна.

Къ числу затрудненій, созданныхъ для британскаго владычества мѣстными историческими условіями, принадлежитъ отчасти даже система управленія Индіей, которая теперь настоятельно требуетъ измѣненія. Это обширное государство, равняющееся цѣлой Европой, за исключеніемъ Россіи, управляется, какъ извѣстно, частною компаніей, подъ надзоромъ англійскаго правительства. Правленіе компаніи состояло, до возобновленія привилегіи въ 1854 году, изъ тридцати членовъ, а теперь только изъ восемнадцати, избираемыхъ акціонерами и носящихъ титулъ директоровъ. Директоры живутъ въ Лондонѣ. На нихъ лежитъ обязанность назначать въ Остъ-Индію чиновниковъ, составлять регламенты, завѣдывать финансовою частію компаніи и т. д. Они опредѣляютъ и отставляютъ индійскихъ генералъ-губернаторовъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Генералъ-губернаторъ пользуется самымъ обширнымъ полномочіемъ, и хотя онъ дѣйствуетъ при помощи совѣта, состоящаго изъ четырехъ членовъ, однако власть его почти не имѣетъ предѣловъ. Онъ можетъ объявлять войну и заключать миръ, не требуя согласія ни отъ кого, кромѣ своего совѣта. Индія раздѣляется на четыре президентства: Калькутское, Мадрасское, Бомбейское и Агрское. Каждое изъ этихъ президентствъ управляется особеннымъ губернаторомъ. Губернаторы подчинены генералъ-губернатору, но опредѣляются также компаніей. Президентства раздѣлены на округа, состоящіе подъ управленіемъ сборщиковъ податей. Уже изъ этого очерка видно, что система управленія очень не многосложна и имѣетъ въ виду по преимуществу военную и финансовую цѣли. Надобно отдать справедливость компаніи, что въ свое время такой способъ управленія очень содѣйствовалъ распространенію британскаго господства. Между тѣмъ, какъ въ теченіи послѣдняго столѣтія, Англія безпрестанно покоряла себѣ различныя независимыя владѣнія, въ дѣлахъ внутренней политики компанія дѣйствовала съ крайнею осторожностію. До сихъ поръ въ Индіи остается еще много туземныхъ владѣтелей. Относительно религіозныхъ убѣжденій и обычаевъ Индусовъ администрація долго отличалась чрезвычайною терпимостію. Самые варварскіе обряды продолжали существовать по-прежнему. Результатомъ этого была, съ одной стороны, легкость покоренія. Индусы смотрѣли на генералъ-губернатора Индіи какъ на представителя Великаго Могола и охотно подчинялись власти, которая ни въ чемъ не стѣсняла ихъ внутренней свободы, обходясь съ ними въ то же время человѣколюбивѣе туземныхъ владѣтелей. Но зато, съ другой стороны, долговременное господство Англичанъ ничего не сдѣлало для развитія подвластныхъ племенъ. Индусъ

остался съ тѣми же понятіями, съ тѣми же характеромъ, какъ во времена Александра Великаго. Только въ послѣднее время Англія измѣнила свой способъ дѣйствія, и крутой поворотъ, по всей сѣроятности, не остался безъ вліянія на теперешнее возстаніе. Перемѣна совершилась тридцать лѣтъ тому назадъ, въ управленіе лорда Вильяма Бентинка. Была объявлена свобода тишенія, начались изданія на туземныхъ языкахъ, въ пользу Индусовъ. Сожженіе вдовъ, умерщвленіе дѣтей, безчеловѣчные обряды при богослуженіи, — все это было уничтожено. Управленіе дѣятельно занялось воспитаніемъ туземцевъ. Еще сильнѣе было вторженіе европейскихъ началъ въ послѣднія восемь лѣтъ, въ управленіе маркиза Дальгаузи (Dalhousie). Въ это время возникло цѣлое поколѣніе образованныхъ по-европейски туземцевъ. Электрическіе телеграфы, желѣзныя дороги оживили азиатское государство. Все это не могло остаться безъ послѣдствій. Дремавшее національное чувство Индусовъ оживилось подъ дуновеніемъ просвѣщенія. Въ этомъ надобно отчасти искать причины недавнихъ возмущеній. Къ тому же непросвѣщенная часть населенія оскорблена ежечастнымъ нарушеніемъ ея религіозныхъ убѣжденій. Не только управленіе оказываетъ постоянное покровительство протестантской пропагандѣ, но безпрестанно уничтожаетъ прежніе религіозные обычаи. Такъ на примѣръ недавно разрѣшенъ второй бракъ вдовамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти обстоятельства дѣлаютъ управленіе Индіею болѣе затруднительнымъ, чѣмъ прежде, и требуютъ значительныхъ перемѣнъ въ составѣ администраціи. Общественное мнѣніе въ Англіи сознаетъ эту необходимость. Журналы говорятъ о необходимости устранить всѣхъ туземныхъ владѣтелей, подвластныхъ компаній, и усилить вліяніе управленія на Индусовъ. Еще съ 1833 года нѣсколько комиссій сряду занимаются составленіемъ особаго уложенія для Индіи, и до сихъ поръ труды ихъ не привели еще ни къ какому результату. Введеніе новыхъ началъ въ остъ-индскую администрацію невозможно безъ содѣйствія мѣстныхъ властей, потому что съ 1853 года тамъ существуетъ особое законодательное собраніе. Это такъ называемый законодательный совѣтъ (legislative council), состоящій изъ 11 членовъ, изъ которыхъ девять назначаются компаніей, а два королевой.

Обратимся теперь къ дѣятельности парламента и скажемъ о важнѣйшихъ вопросахъ, поступавшихъ на его обсужденіе. Въ засѣданіи 30-го іюня лордъ Брумъ предложилъ лорду Кларендону вопросъ, справедливы ли слухи, что вестъ-индскіе плантаторы просили у англійскаго правительства позволенія привозить изъ Африки въ колоніи свободныхъ или мнимо-свободныхъ негровъ. По мнѣнію лорда Брума, подобное позволеніе повело бы неминуемо къ возобновленію торгова неграми. Лордъ Кларендонъ вполне согласился съ этимъ мнѣніемъ и объявилъ, что правительство никогда не дастъ своего со-

гласія на подобныя предпріятія. Вопросъ о разводѣ встрѣтилъ въ верхней палатѣ новое сопротивленіе. Два протеста были подписаны членами ея противъ новаго билля. Одинъ изъ этихъ протестовъ былъ поданъ постояннымъ, ожесточеннымъ противникомъ билля, епископомъ оксфордскимъ, другой лордомъ Лингорстомъ и нѣсколькими другими лицами. Въ первомъ протестѣ опровергалась самая сущность новаго закона, вторымъ требуется полное уравненіе правъ обоихъ половъ и формальный разводъ въ случаѣ оставленія жены мужемъ, вмѣсто дозволеннаго теперь простаго разлученія. Последнія требованія будутъ, вѣроятно, предметомъ разсужденія въ нижней палатѣ. Протестантская партія въ палатѣ лордовъ не рѣшается признать себя побѣжденною по этому вопросу и старается хотя нѣсколько измѣнить новый билль. Еще недавно лордъ Реддель (Redesdale) предложилъ палатѣ билль, освобождающій англиканское духовенство отъ обязанности вѣнчать лица, которыхъ прежній бракъ былъ расторгнутъ за прелюбодѣяніе. По мнѣнію благороднаго лорда, принуждать духовенство благословлять подобные браки—значитъ дѣлать насиліе его совѣсти; сверхъ того можно достигнуть той же цѣли посредствомъ простаго установленія гражданскихъ браковъ. Палата отвергла это предложеніе, которое уже нѣсколько разъ было высказываемо въ формѣ поправокъ въ билль о разводѣ. При этомъ случаѣ архіепископъ кантерберійскій выразилъ надежду, что нижняя палата приметъ въ соображеніе затруднительное положеніе, въ которое новый законъ ставитъ духовенство, принужденное или дѣйствовать противъ совѣсти или оказывать послушаніе законамъ государства. Известно, что декретомъ 8-го іюня король прусскій предоставилъ консисторіямъ обсужденіе тѣхъ случаевъ, когда лица, бывшія въ разводѣ и вступившія во второй бракъ гражданскимъ образомъ, пожелають получить для своего союза церковное благословленіе. Англиканское духовенство желаетъ такого же закона въ свою пользу.—Но если въ вопросѣ о разводѣ верхняя палата стала на сторону прогресса, то гораздо менѣе терпимости показала она въ другомъ, болѣе важномъ вопросѣ, въ вопросѣ о присягѣ. При второмъ чтеніи билля, онъ былъ отвергнутъ большинствомъ 173 голосовъ противъ 138. Несмотря однако на такое окончаніе этого вопроса, допущеніе Евреевъ въ парламентъ нашло себѣ нѣсколько защитниковъ въ верхней палатѣ. Лордъ Лингорстъ, герцогъ Норфолькъ, лордъ Брумъ, одинъ за другимъ опровергали рѣчь лорда Дерби, главнаго противника новаго закона. Къ нимъ присоединился графъ Шафтсбери, бывший до сихъ поръ противъ билля. Къ чести англиканскаго духовенства надобно замѣтить, что не всѣ его члены противились вступленію Евреевъ въ парламентъ, и хотя архіепископъ кантерберійскій и епископъ оксфордскій объявили себя противъ билля; но зато епископъ лондонскій сказалъ, что подаетъ голосъ за новый законъ. «Христіанскій характеръ собранія,

сказалъ почтенный прелатъ, не зависить отъ исключенія той или другой части населенія изъ участія въ законодательствѣ. Онъ зависить отъ общаго христіанскаго настроенія страны, и съ этой стороны Англіи не предстоить никакой опасности.» Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія вопроса епископъ не считаетъ его религіознымъ; это просто вопросъ государственнаго устройства, вопросъ законодательный.

Въ нижней палатѣ также былъ поднятъ вопросъ о введеніи свободнаго труда въ колоніи, въ которыхъ уничтоженіе невольничества имѣло послѣдствіемъ замедленіе производства. Этотъ вопросъ возникъ по поводу Англійской Гвіаны. Въ засѣданіи 3-го іюля г. Барингъ спросилъ у министерства, принимаетъ ли оно мѣры для распространенія свободнаго труда въ колоніяхъ. Отвѣтъ на себя взялъ г. Лабушеръ. Онъ доказывалъ, что правительство давно уже заботится объ этомъ. Доказательствомъ служить островъ Св. Маврікія, куда въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ прибыло до ста тысячъ работниковъ. Но допуская рабочихъ всѣхъ націй, правительство не можетъ допустить въ колоніи ни негровъ, ни Китайцевъ: первыхъ, потому что это послужило бы предлогомъ къ торгу невольниками, а послѣднихъ вслѣдствіе ихъ обычая не брать съ собою женъ. Въ колонію Викторія переселилось до 20,000 Китайцевъ, но изъ нихъ только трое были съ женами. Вслѣдствіе этого правительство сочло нужнымъ не только не покровительствовать переселенію Китайцевъ, но даже всѣми мѣрами ему препятствовать и обложило пошлиною всякаго переселяющагося Китайца.

Нижняя палата утвердила билль о судебномъ преслѣдованіи лицъ, уличенныхъ въ подкупахъ или насиліяхъ при выборахъ. Билль о судопроизводствѣ по завѣщаніямъ и договорамъ тоже утвержденъ. Главное нововведеніе состоитъ въ учрежденіи особаго апелляціоннаго суда, мѣсто котораго до сихъ поръ занимала палата лордовъ. Еще важная внутренняя реформа предложена г. Робоккомъ. Онъ предложилъ уничтожить званіе вице-короля Ирландіи. Эта должность потеряла теперь всякое значеніе и служитъ только препятствіемъ къ водворенію полнаго единства въ Соединенномъ Королевствѣ. Предложеніе г. Робока было однако отвергнуто большинствомъ 266 голосовъ противъ 115. Проведеніе этой необходимой мѣры встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ самой Ирландіи. Противъ нея—не только юная Ирландія, увлекающаяся мечтами о самостоятельности, но также и нѣкоторые мѣстные интересы. Дворъ вице-короля въ Дублинѣ привлекаетъ туда знатныя фамиліи, и многіе опасаются, что съ уничтоженіемъ вице-королевскаго достоинства этотъ городъ много потерпитъ въ своемъ значеніи.

Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій вниманіе палаты было еще привлечено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Герцогъ Кембриджскій въ

качества фельдмаршала, далъ приказъ 19-го іюня, въ которомъ солдатамъ предписывалось посѣщать школу для обученія грамотѣ. Возникъ вопросъ, имѣлъ ли герцогъ право дать подобный приказъ? Знаніе грамоты не входитъ въ число обязанностей солдата, опредѣленныхъ въ такъ-называемыхъ военныхъ статьяхъ. Г. Рамденъ, помощникъ государственнаго секретаря военныхъ дѣлъ, объявилъ, что герцогъ взялъ назадъ приказъ, отъ 19-го іюня, и замѣнить его новымъ, въ которомъ совѣтуетъ офицерамъ поощрять стремленіе солдатъ къ грамотности.

Скажемъ въ заключеніе о такомъ парламентскомъ происшествіи, которое возможно едвали не въ одной Англій и показываетъ до нѣкоторой степени, какимъ образомъ проводятся тамъ важные вопросы. Въ засѣданіи 30-го іюня г. Берклея повторилъ свою ежегодную рѣчь о необходимости ввести тайную подачу голосовъ на выборахъ въ члены парламента. Лордъ Пальмерстонъ не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, но г. Берклея самъ высчиталъ возраженія, которыя можетъ сдѣлать глава кабинета. «Первый министръ, говорилъ онъ,—опять будетъ требовать, чтобъ палата подождала избирательнаго билля, который онъ намѣренъ предложить вскорѣ. Подобно тому, какъ нѣкогда жезлъ Аарона пожралъ всѣ другіе жезлы, такъ этому великому биллю суждено пожрать всякаго рода избирательныя реформы.» Ораторъ ручался однако, что тайная подача голосовъ не войдетъ въ предложеніе лорда Пальмерстона, и потому счелъ нужнымъ подробно развить свои доказательства. Къ обыкновеннымъ своимъ доказательствамъ въ пользу тайной подачи голосовъ онъ присоединилъ на этотъ разъ примѣръ Австраліи. Г. Берклею отвѣчалъ лордъ канцлеръ, ссылаясь на авторитетъ извѣстнаго сочиненія г. Токвилля; онъ замѣтилъ, что, если въ другихъ странахъ нужно охранять свободу избирателей отъ излишняго вліянія центральной власти, то въ Англій вовсе нѣтъ этой необходимости. Предложеніе было отвергнуто большинствомъ 66 голосовъ. По всей вѣроятности, оно будетъ вторично сдѣлано въ слѣдующемъ году. Таковъ вообще въ Англій ходъ важныхъ вопросовъ, имѣющихъ вліяніе на внутреннее государственное устройство. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ томъ же смыслѣ произнесъ рѣчь г. Текерей на митингѣ оксфордскихъ избирателей. Онъ говорилъ о необходимости ввести тайную баллотировку и расширить право подачи голоса, хотя и не согласенъ съ теоріей всеобщей подачи голосовъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что не видитъ препятствія къ возобновленію парламентскихъ выборовъ черезъ каждые три года. Наконецъ онъ объявилъ себя противникомъ исключительнаго назначенія въ члены правительства только лицъ изъ нѣкоторыхъ знатныхъ семействъ и обѣщавъ стараться всѣми силами о распространеніи политическихъ правъ на среднія сословія и народъ вообще. Рѣчь г. Текерея была встрѣчена шумными рукоплесканіями.

Состояніе биржи въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль было удельворительно.

Во Франціи, въ воскресенье 5-го іюля, происходили вторичные выборы депутатовъ въ тѣхъ избирательныхъ округахъ, гдѣ ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ абсолютнаго большинства, то-есть четверти голосовъ и еще одного голоса. Результатомъ этихъ вторичныхъ выборовъ было избраніе трехъ кандидатовъ оппозиціи, гг. Каваньяка, Оливье и Даримона. Замѣчательно, что по сравненію съ выборами 1852 года, оппозиція вездѣ получила значительное большинство. Извѣстіе о выборѣ оппозиціонныхъ кандидатовъ возбудило всеобщее удивленіе въ Парижѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при тѣхъ явственныхъ условіяхъ, въ которыя правительство поставило оппозицію, этого исхода ожидать было трудно. Отвѣчая на полемику официальныхъ изданій, осторожный *Journal des Débats* превосходно характеризовалъ способъ дѣйствія администраціи. Онъ замѣтилъ, что печего устанавливать различіе между оппозиціей, враждебною правительству и преданною ему, но либеральною, между врагами власти и «оппозиціей его величества». Это различіе не ведетъ ни къ чему, когда неофициальныя кандидатуры одинаково встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны правительства, каковъ бы ни былъ ихъ политическій характеръ. Еще болѣе рѣзкимъ образомъ выразилъ почти ту же мысль журналъ *Assemblée Nationale*, поплатившійся, впрочемъ, за свою несвоевременную храбрость въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Послѣднее слово о выборахъ». Мы передадимъ здѣсь содержаніе этой статьи, въ которой вѣрно изображено относительное положеніе партій и политическое настроеніе Франціи. Въ началѣ статьи, эта газета дѣлаетъ замѣчаніе, что волненіе, произведенное послѣдними выборами, было скорѣе поддѣльное, нежели настоящее. Стоило только взглянуть на состояніе Парижа въ воскресенье 5-го іюля. Трудно было сказать, судя по внѣшнему его виду, что избиратели должны приступить къ важному законодательному акту. Все было мирно и спокойно. Этотъ фактъ вѣрно рисуетъ положеніе страны. Онъ доказываетъ, съ одной стороны, силу правительственной машины, ея превосходное устройство, при помощи котораго рука, управляющая ею, можетъ мгновенно привести въ дѣйствіе всѣ пружины; съ другой стороны, онъ доказываетъ, что въ настоящее время большинство довольно положеніемъ дѣлъ, которое никакъ нельзя почитать за нормальное. Не надобно только, подобно нѣкоторымъ журналамъ, видѣть въ происшедшихъ выборахъ одно изъ тѣхъ свободныхъ проявленій народной воли, послѣ котораго не должно оставаться сомнѣній у самыхъ невѣрующихъ. Конечно, правительство дало нѣкоторый просторъ общественному мнѣнію, но роль, предоставленная имъ себѣ, еще отзывается тѣми историческими эпохами, когда, по словамъ г. Токвиля, «верховною властію народа называютъ голоса изби-

рателей, лишенныхъ возможности объяснить себѣ смыслъ дѣла, сговориться между собою и обдумать свой выборъ.» «Обращаясь къ народу, говорить тотъ же писатель, удобно — разомъ и задавать вопросъ и отвѣчать на него»; но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ссылаться на этотъ отвѣтъ, какъ на блистательное выраженіе общественнаго мнѣнія. Таковъ общій смыслъ статьи *Assemblée Nationale*. Послѣ этихъ главныхъ соображеній, авторъ ея (г. Летелье) переходитъ къ частностямъ, и говоритъ о тѣхъ характеристическихъ явленіяхъ послѣднихъ выборовъ, на которыя мы уже старались обратить вниманіе нашихъ читателей: уклоненія отъ подачи голосовъ, неучастіе въ кандидатурахъ многихъ, лучшихъ именъ Франціи, предпочтительное торжество правительства въ сельскихъ общинахъ и т. д. Въ заключеніе статья говоритъ, что, несмотря на обѣщанія министра внутреннихъ дѣлъ, сила обстоятельствъ не благопріятствовала свободному выраженію народной воли. Правительство не оставило этой статьи безъ вниманія, и журналу было сдѣлано замѣчаніе. Это замѣчаніе есть четвертое, которое получаетъ *Assemblée Nationale*. По существующимъ узаконеніямъ, послѣ трехъ замѣчаній, правительство имѣетъ право или приостановить на время изданіе журнала, или преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ. Послѣдній способъ есть болѣе мягкій, потому что тогда мѣра взысканія зависитъ отъ рѣшенія суда. Правительство предпочло первый способъ, и запретило изданіе на два мѣсяца. *Assemblée Nationale* была уже запрещена одинъ разъ въ 1854 году.

Результатъ выборовъ едва ли не былъ отчасти неожиданностью для самого правительства. Оно, кажется, рассчитывало на болѣе полную манифестацию въ свою пользу, и поспѣшило напечатать въ «Монитерѣ» сравнительныя цифры голосовъ, полученныхъ императоромъ въ различныя эпохи его политической дѣятельности, начиная съ избранія въ президенты республики. Но общественное мнѣніе не было этимъ успокоено. Несмотря на статью «Монитера», дѣла на биржѣ не были значительны, а рента нѣсколько упала. Этого нельзя приписывать одному финансовому кризису, тяготящему надъ Европой. Состояніе лондонской биржи въ послѣднее время было гораздо лучше. Перемены въ составѣ французскаго банка и значительный подвозъ металловъ обѣщали лучшіе результаты. Едва ли поэтому не справедливы тѣ журналы, которые приписываютъ это явленіе извѣстной робости французскихъ капиталистовъ, испугавшихся присутствію въ законодательномъ собраніи трехъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Въ Англіи, гдѣ къ свободѣ болѣе привычки, не пугаются подобныхъ происшествій. Впрочемъ, независимо отъ этихъ обстоятельствъ, въ самомъ ходѣ теперешнихъ операций банка есть условія, которыя препятствуютъ полному возрожденію довѣрія. Такъ напримѣръ, послѣ своихъ колебаній, банкъ до сихъ поръ выдаетъ подѣ государ-

ственна бумага только двѣ трети суммы, слѣдовательно, кто принесетъ напримѣръ на 30,000 франк. ренты, тотъ получитъ только 20,000 фр. монетой. Разумѣется, обороты отъ этого страдаютъ.

Новыхъ правительственныхъ мѣръ не было въ послѣднее время. Мы можемъ только сказать объ одной задуманной мѣрѣ, которая возбудила полемику между журналами. Извѣстно, что во Франціи существуютъ общества застрахованія земледѣлія. Подобно всѣмъ страховымъ обществамъ, они, за извѣстный процентъ, вознаграждаютъ земледѣльца за понесенные имъ убытки, напримѣръ отъ града или скотскаго падежа. Эти полезныя учрежденія, разумѣется, подвержены всѣмъ обыкновеннымъ колебаніямъ частныхъ обществъ. Въ послѣднее время императорское правительство, любящее вмѣшиваться въ вопросы экономического быта, вздумало принять на себя застрахованіе земледѣлія. Бонапартистскіе журналы, крѣпко стоящіе за правительственную инициативу во всемъ, отстаиваютъ и это предпріятіе; но другіе журналы справедливо замѣчаютъ, что оно поведетъ только къ бесполезному усиленію административной дѣятельности и не достигнетъ тѣхъ результатовъ, какихъ могутъ достигнуть частныя общества, располагающія вполне свободными капиталами и побуждаемая собственнымъ интересомъ. Нечего и говорить, какъ вредно можетъ подѣйствовать подобное вмѣшательство правительства на общественную предпріимчивость.

Въ Алжиріи дорога, предпринятая черезъ горы къ центру земли Бени-Ратеновъ, гдѣ построенъ фортъ Наполеонъ, теперь совершенно окончена. Набѣги полудикихъ племенъ изъ Марокко и Степи, возобновившіеся вслѣдствіе слуховъ о томъ, что войско отвлечено экспедиціей въ Кабилию, отражены съ успѣхомъ. Послѣ этого французская армія занялась дальнѣйшимъ покореніемъ Кабилии. Селеніе Ангъ-ель-Арба, гдѣ часть племени Бени-Ени съ давнихъ поръ чеканило фальшивую монету, взято маршаломъ Рандономъ. Надобно замѣтить, что эти фальшивыя монетчики находятся въ презрѣніи у всѣхъ остальныхъ Кабиловъ. Теперь это разбойничье гнѣздо разорено. Послѣ этого взято у того же племени селеніе Ихериденъ, считавшееся центромъ всей его территоріи. Послѣднія извѣстія сообщаютъ, что племена Бени-Менгиллетовъ, Бени-Атофовъ и Акбиловъ изъявили покорность французскому правительству.

Знаменитый поэтъ Беранже боленъ при смерти.

Въ Испаніи послѣднія засѣданія конгресса всего болѣе были заняты предложеніемъ правительства относительно новаго закона о книгопечатаніи. Извѣстно, что правительство предложило сначала проектъ закона, но потомъ сообразило, что въ нынѣшній срокъ засѣданій кортесамъ не достанетъ времени для подробнаго обсужденія проекта, который поэтому не можетъ быть утвержденъ ранѣе слѣдующаго срока. Тогда кабинетъ рѣшился просить у палаты пезволе-

нія привести въ дѣйствиѣ законъ прежде его утверждѣнія, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи подвергнуть его обсужденію въ обыкновенной формѣ. Законъ возбудилъ нѣкоторое сопротивленіе, хотя большинство ему благопріятствовало, и онъ получилъ утверждѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, иногда не бесполезно видѣть законъ въ дѣйствии прежде, нежели онъ получить окончательную силу; но нельзя не пожелать, чтобы правительство порѣже прибѣгало къ подобнымъ средствамъ.

Въ Испаніи въ послѣднее время проявились безпокойства, которыхъ главнымъ центромъ была, кажется, Италия. Въ Севильской провинціи толпа вооруженныхъ людей, которыхъ числомъ было до полутора-раста, ворвалась въ городъ Утреру, при крикахъ: «да здравствуетъ республика.» Здѣсь они сожгли домъ ратуши, разграбили муниципальные архивы, разстрѣляли одного солдата изъ національной гвардіи и наложили на городъ контрибуцію въ 8,000 піастровъ. Затѣмъ эта толпа разсѣялась въ окрестныхъ горахъ. Предводитель бунтовщиковъ есть нѣкто Мануэль Каро. Онъ носитъ генеральскій мундиръ и называетъ себя маршаломъ. Въ изданныхъ имъ прокламаціяхъ народу обѣщаются разныя льготы, въ томъ числѣ освобожденіе отъ конскрипціи. Министерство объявило въ падаѣ, что приписываетъ это возстаніе соціалистамъ.

Въ Италиі безпокойства произошли почти въ одно время на разныхъ пунктахъ. Одна изъ попытокъ къ возстанію произошла даже въ Сардинскомъ королевствѣ, котораго свободныя учрежденія должны бы были обезопасить отъ подобныхъ покушеній. Въ ночь съ 29 на 30 іюня вооруженная толпа пыталась овладѣть въ Генуѣ двумя фортами крѣпости, при чемъ одинъ солдатъ былъ застрѣленъ. Около того же времени въ Ливорно было сдѣлано нападеніе на солдатъ арміи и національной гвардіи. Наконецъ въ Неаполитанское королевство мятежники прибыли на торговомъ сардинскомъ кораблѣ *Cagliari*. Прежде всего они овладѣли островомъ Понза, гдѣ освободили всѣхъ политическихъ арестантовъ, и вмѣстѣ съ ними высадились въ Сапри. Въ Калабріи были схватки между мятежниками и войскомъ. Возстаніе вездѣ потерпѣло пораженіе. Вездѣ были приняты быстрыя и успѣшныя полицейскія мѣры. Въ Генуѣ все дѣло было окончено нѣсколькими арестами, въ числѣ которыхъ арестована извѣстная миссъ Уайтъ, другъ Мадзини, недавно прибывшая въ Геную. Крѣпкое общимъ сочувствіемъ, піемонтское правительство не сочло нужнымъ прибѣгнуть къ какой-нибудь общей мѣрѣ. Это было тѣмъ менѣе необходимо, что, какъ слышно, въ числѣ заговорщиковъ не было ни одного Сардинца. Тосканское правительство прибѣгло къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Ливорно объявленъ въ осадномъ положеніи, и въ предѣлахъ всего великаго герцогства запрещено носить оружіе. Говорятъ, что заговоръ простирался до самаго Парижа, и что даже свѣдѣнія о

немъ сообщены итальянскимъ правительствамъ отъ парижскаго префекта полиціи, г. Піетри.

Между тѣмъ, какъ Піемонтъ видитъ блистательное заключеніе парламентскихъ засѣданій, въ теченіи которыхъ рѣшено много важныхъ вопросовъ, изданы законы о перенесеніи морскаго порта въ Спецію, о проложеніи желѣзной дороги черезъ Альпы и т. д., неаполитанское правительство занято дѣятельностію другаго рода. Увлеченное примѣромъ Австріи, оно недавно обнародовало восемь декретовъ, съ цѣлію сблизить конкордатъ 1818 года съ австрійскимъ. Изъ этихъ восьми декретовъ четыре имѣютъ цѣлію облегчить духовенству пріобрѣтеніе имуществъ, и четыре посвящены его участию въ дѣлѣ воспитанія. Отнынѣ неаполитанское духовенство можетъ принимать дары всякаго рода, не нуждаясь въ королевскомъ разрѣшеніи и давая только знать о своихъ пріобрѣтеніяхъ свѣтскому управленію. Зато, въ случаѣ отчужденія со стороны церкви, необходимо согласіе короля. То, что не клонится къ его пользѣ, затруднено для духовенства, и наоборотъ, все, что ему полезно, облегчено для него. Всѣ сомнительные случаи въ дѣлѣ пріобрѣтенія имуществъ подлежатъ разсмотрѣнію церковныхъ судовъ. Цензура перенесена въ церковное вѣдомство, духовенству предоставлено право надзора за общественными и частными школами и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія, не этихъ реформъ ожидали отъ короля Фердинанда, когда союзныя правительства говорили ему о необходимости преобразованій.

Римскому вопросу и путешествію папы посвящена въ этой книжкѣ особая статья. Дѣйствительно, надежды на преобразованія нѣтъ никакой, хотя жители нѣкоторыхъ городовъ и старались обратить вниманіе правительства на реформы въ управленіи. Съ этою цѣлію поданы просьбы жителями Болоньи и Равенны. Просьбы поданы, впрочемъ, не самому папѣ, а мѣстнымъ начальствамъ городовъ. Въ нихъ высказываются ожиданія населенія, но не указано прямо ни на какую административную мѣру. Едва ли, впрочемъ, и эти скромныя ожиданія будутъ исполнены. Повидимому, главная цѣль папы — сблизеніе съ тѣми итальянскими государствами, которыя держатся политики Австріи. Нерасположеніе римскаго двора къ піемонтскому правительству усиливаетъ невыгодное впечатлѣніе этого сблизенія.

Въ Швеціи король предпринялъ путешествіе по своимъ владѣніямъ и на время своего отсутствія назначилъ наследнаго принца правителемъ государства. Многіе думаютъ, что, по разстроенному здоровью король совершенно оставитъ управленіе дѣлами.

Мы говорили о проектѣ закона о свободѣ вѣроисповѣданія. Этотъ проектъ далеко не устанавливаетъ свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ въ Европѣ. Перемены состоятъ въ слѣдующемъ: Отнынѣ всякому позволяется, по произволу, оставлять господствующую религію, безъ конфискаціи имущества и утраты правъ наслед-

ства. Оставляющій прежнюю религію долженъ быть не моложе восемнадцати лѣтъ. Дѣти бывшихъ членовъ государственной церкви остаются ея членами и послѣ отреченія своихъ родителей. Пропаганда со стороны терпимыхъ вѣроисповѣданій строго запрещается. Она ведетъ къ денежному штрафу, или тюремному заключенію «за совращеніе».

Въ Нью-Йоркѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, борьба мера съ губернаторомъ, чуть было не подавшая поводъ къ междуособіямъ, кажется, должна скоро окончиться. Меръ согласился представить обезпеченіе въ явкѣ на судъ, и мѣстный судъ не нашелъ его виновнымъ. Самый вопросъ о правахъ центральной и муниципальной власти будетъ рѣшенъ судомъ Союза. Происшествіе, давшее поводъ къ борьбѣ, имѣло въ сущности болѣе серіозное происхожденіе, чѣмъ кажется. Оно не было вызвано простымъ соперничествомъ мѣстныхъ властей. Вотъ какъ Times объясняетъ это столкновение: Источникъ его скрывается въ послѣднихъ выборахъ. При избраніи президента, городъ и графство Нью-Йоркъ оказали сочувствіе къ демократической партіи. Въ городѣ большинство противъ г. Фремона состояло изъ 45 т. голосовъ. Но внутри штата были и противоположныя стремленія, такъ что послѣ выборовъ многіе жаловались, будто бы центральная власть старалась, при помощи своей полиціи, имѣть вліяніе на подачу голосовъ. Говорили, что такимъ способомъ она приобрѣла обманомъ въ свою пользу отъ 10 до 12 т. голосовъ въ городѣ. Вслѣдствіе этого республиканцы подали жалобу законодательному собранію, которое, съ одной стороны, измѣнило муниципальное управленіе, съ другой преобразовало полицію, поставивъ ее въ зависимость не отъ мера, а отъ губернатора. Отсюда и возникла борьба между властями. Мера поддерживаетъ вся демократическая партія.

Журналы разказываютъ о грустномъ происшествіи, бывшемъ недавно въ Африкѣ и напоминающемъ вѣка отдаленнаго варварства. Въ Тунисѣ одинъ Еврей, подравшійся съ мусульманиномъ, былъ обвиненъ въ ругательствахъ противъ закона Магомета. Толпа подвергла его мучительнымъ истязаніямъ и потомъ притащила его къ мирному судѣ. Судья отправилъ его къ бею, который, на основаніи свидѣтельства восьмидесяти челоувѣкъ, приговорилъ его къ смертной казни. Несмотря на протестъ французскаго консула, казнь была исполнена съ ужасными истязаніями. Еврей былъ сначала подвергнутъ пыткамъ, а группъ его послѣ казни былъ преданъ на поруганіе народу.

С М Ъ С Ъ

НАТАЛЯ ВАСИЛЬЕВНА ПОГОЖЕВА.

Любители музыкальнаго искусства были глубоко опечалены преждевременною смертью извѣстной русской артистки, Наталы Васильевны Погожевой. Она скончалась 18-го іюля прошлаго года въ Старой Руссѣ. Ей было всего только 22 года.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Погожева полюбила музыку. Замѣчательно, что къ дѣтскимъ играмъ она не чувствовала ни малѣйшей привязанности, и въ то время, когда ея сверстницы играли въ куклы, малютка предавалась какой-то грустной задумчивости, и бывало какъ только заслышитъ на улицѣ звуки шарманки, поспѣшно подбѣжитъ къ окну, внимательно слушаетъ музыку, и долго-долго по уходѣ шарманщика не отходитъ отъ окна, какъ бы прислушиваясь къ замиранію исчезающихъ звуковъ. Маленькая дѣвочка также не любила и танцевъ. Она предпочитала имъ рукодѣлья и чтеніе басень Крылова. Семи лѣтъ начала она учиться игрѣ на фортепіано, и вскорѣ до того пристрастилась къ ролямъ Вирта, что даже, просыпаясь по ночамъ, садилась за рояль и играла часа по два. Въ 1844 году, будучи десяти лѣтъ, маленькая Наталья Погожева, вмѣстѣ съ сестрою своею Вѣрой (1) (одиннадцати лѣтъ), дала въ С. Петербургѣ два концерта въ пользу дѣтскихъ пріютовъ. Черезъ два года она играла въ Нижнемъ-Новгородѣ въ пользу тамошняго дѣтскаго пріюта. Дарованіе ея было замѣчено и оцѣнено, успѣхъ былъ вполне заслуженный. Въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилась, по поводу этого концерта, статья, писанная повидимому челоѣкомъ, хорошо знакомымъ съ музыкою, и исполненная самыхъ живыхъ надеждъ на блестящее развитіе замѣчательнаго таланта обѣихъ маленькихъ артистокъ (2).

(1) Въ настоящее время преподавательница музыки въ московскихъ институтахъ — Екатерининскомъ и Елисаветинскомъ.

(2) Наталья Васильевна вела въ свои дѣтскіе годы дневникъ: Онъ весьма замѣчательнъ, если принять въ соображеніе ранній возрастъ писавшей. Каждый день она вносила въ него всѣ интересныя подробности своей жизни и съ особенною любовью записывала содержаніе уроковъ изъ исторіи, изъ географіи и т. д., которыми занималась подъ руководствомъ отца. Отзывъ «Нижегородскихъ Вѣдомостей» былъ записанъ въ ея дневникъ. «Вотъ сколько намъ похвалъ! прибавляетъ она. Какъ послѣ этого не стараться учиться музыкѣ, чтобъ еще болѣе заслужить похвалу и одобреніе, и притомъ же это все для насъ! Мы учимся, потому что, какъ папенька говоритъ, послѣ мы будемъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ. Какъ благодарны мы папенькѣ, что онъ насъ учитъ музыкѣ: сколько удовольствій приноситъ она намъ! Не забудьте, что это пишетъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка.

Въ 1847 году, по совѣту многихъ извѣстныхъ артистовъ, отецъ (2) повезъ обѣихъ своихъ дочерей за границу, и въ Лейпцигѣ Наталья Васильевна была принята въ музыкальную консерваторію знаменитымъ директоромъ ея Феликсомъ Мендельсономъ-Бартольди. Тамъ, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора музыки, ветерана пианистовъ, Игнатія Мошелеа, предсказавшаго ей самую блистательную будущность, изучала она игру на фортепьяно, брала уроки въ контрапунктъ у профессоровъ Гаде, Рихтера и Гауптмана, въ игрѣ съ аккомпаниментомъ—у Фердинанда Давида. Знаменитый Листъ и Карлъ Майеръ, а въ послѣдствіи Гензельтъ, Дамке, Даргомыжскій, Оноре, Герке, Сеймуръ-Шифъ и многіе другіе, болѣе или менѣе извѣстные артисты, также высоко цѣнили музыкальный талантъ молодой русской пианистки. Въ скоромъ времени она играла въ концерты консерваторіи въ присутствіи короля саксонскаго, потомъ играла при дворѣ саксенъ-веймарскомъ, и за посвященіе великой княгинѣ Маріи Павловнѣ вальса изъ русскихъ пѣсенъ получила отъ нея подарокъ. Наконецъ, по выдержаніи въ консерваторіи публичнаго экзамена, Погожева, имѣя отъ роду только 14 лѣтъ, получила отъ Лейпцигской музыкальной консерваторіи дипломъ, въ которомъ отдавали полную справедливость ея блестящимъ дарованіямъ.

Въ Россіи уроки игры на фортепьяно Наталья Васильевна брала у Фридриха Зибольдта и Карла Фольвейлера. Образование же въ наукахъ она получила частію дома, частію въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. Вообще она была прекрасно образована. Она владѣла языками: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ; о русскомъ не говоримъ, — она знала его въ совершенствѣ. Даже нѣмецкая философія затрогивала ея любопытство: ей были извѣстны многіе конечные результаты ея. Она съ любовью слѣдила за каждымъ новымъ явленіемъ въ наукѣ, и вообще отличалась горячимъ, благороднымъ стремленіемъ къ знанію. Душа ея была въ высшей степени поэтическая: чуткость, нѣжность, мягкость этой чистой женственной души высказывались всюду и страстно отзывались на грусть и радости жизни.

По возвращеніи изъ Лейпцига въ С.-Петербургъ, Погожева играла, вмѣстѣ съ сестрой своею Вѣрой Васильевной, въ Симфоническомъ обществѣ и удостоилась чести быть членомъ его. За свою игру 27 февраля 1849 года въ дворянскомъ собраніи, въ пользу дѣтскаго приюта его императорскаго высочества Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Наталья Васильевна получила отъ принца изящный браслетъ, а отъ дѣтей приюта вышитую салфетку. Потомъ слѣдовали одинъ за другимъ ея концерты въ С.-Петербургскомъ дворянскомъ собраніи, въ Старой Руссѣ, въ Костромѣ, въ Вологдѣ и Мо-

(2) Штабъ-офицеръ корпуса инженеровъ путей сообщенія.

сквѣ, и каждый концертъ свидѣтельствовалъ о быстромъ развитіи ея высокаго дарованія. Въ 1852 году Наталья Васильевна является въ другой роли—роли пѣвицы. Къ тѣмъ блестящимъ талантамъ, которыми такъ щедро надѣлила ее природа, прибавился еще одинъ. Этотъ голосъ, чистый, звучный, симпатичный, былъ чрезвычайно приятенъ даже и въ обыкновенномъ разговорѣ. Друзья покойной не могутъ безъ умиленія вспомнить ея чудесныхъ напѣвовъ. Обаяніе производила не сила голоса, но необыкновенная теплота, задушевность, грація его. Любимыми пѣснями ея были: «Ангелъ» (*По небу полумночи ангелъ летѣлъ*), «И скучно и грустно», «Nella fatale di Rimini», и мн. др. Еще въ Лейпцигѣ, въ бытность свою въ консерваторіи, Погожева участвовала въ хорѣ, состоявшемъ изъ четырехъ-сотъ пѣвцовъ и пѣвицъ, при погребеніи Мендельсона-Бартольди, и въ другомъ хорѣ, исполнявшемъ одну изъ ораторій гениальнаго артиста. Голосъ ея былъ — mezzo soprano въ двѣ октавы. Въ 1852 году она брала уроки пѣнія въ Петербургѣ у де-Мерикъ, въ Москвѣ у пѣвицы Ниссенъ-Саломанъ, и въ этомъ же году, въ Костромѣ, участвовала въ концертѣ итальянскаго пѣвца Феррари и пѣла съ нимъ два дуэта изъ сочиненій Верди и Донидзетти. Вскорѣ съ пѣвцомъ Конти пропѣла она дуэтъ изъ оперы «Велисарій», и въ своемъ концертѣ, данномъ въ Костромѣ въ томъ же 1852 году, превосходно спѣла съ А. П. Шиповымъ дуэтъ изъ оперы «Жизнь за Царя» Глинки и соло, пѣснь разбойника, слова Вельтмана, музыка В. А. Новикова. Между тѣмъ и музыкальный талантъ ея росъ съ каждымъ днемъ. Музыкальное утро въ Москвѣ въ 1853 году, музыкальный вечеръ въ Московскомъ дворянскомъ собраніи, за который Погожева была принята въ члены Московскаго общества любителей музыки, два концерта въ Костромѣ — одинъ въ пользу раненыхъ севастопольскихъ героевъ, другой — въ пользу бѣдныхъ, концертъ тамъ же въ пользу Маринскаго дѣтскаго приюта (это послѣдній ея концертъ)—быстро составили ей завидную и почетную извѣстность. Всего Наталья Васильевна играла и пѣла публично 39 разъ. Въ послѣднее время она давала уроки на фортепьяно въ Екатерининскомъ и Елисаветинскомъ институтахъ. Жизнь, казалось, улыбалась молодой артисткѣ, и вдругъ. . .

Еще въ Костромѣ доктора запрещали ей пѣть; она жаловалась на грудную боль, по временамъ очень сильную и несносную. Ей совѣтовали отправиться для поправленія здоровья за границу. Обстоятельства замедлили эту поѣздку. Московскій воздухъ видимо тяготилъ больную, и въ маѣ мѣсяцѣ она съ матерью отправилась въ Старую Руссу, гдѣ жили ея родственники. Состояніе ея сдѣлалось мучительнымъ. «Мнѣ рѣшительно все равно, писала она своей сестрѣ, гдѣ ни жить—въ Москвѣ или Костромѣ, въ Петербургѣ или Камчаткѣ; одно мое желаніе—поскорѣ дожить свой вѣкъ, да и ко-

нецъ дѣлу.» Последній годъ она постоянно говорила о смерти, изъявля желаніе скорѣе лечь въ могилу... Порою бывали у нея и свѣтлыя мгновенія. «Боже мой, какъ прекрасенъ міръ! какъ весело жить!» шептала она въ грустномъ раздумьи, подходя окну...

Начиная съ 28-го іюня настоящаго года, здоровье ея дѣлалось хуже и хуже съ каждымъ часомъ. Пошла изъ горла кровь, обнаружилось сильное безпамятство. «Я здорова, я совсѣмъ здорова, говорила она:—это вы всѣ больны; мнѣ васъ жаль, вы страдаете, а я не могу вамъ помочь.» Священникъ умилень былъ набожностію и благочестіемъ больной. Она пересказала ему всю священную исторію, заключивъ словами: «Я должна страдать. Богъ явился мнѣ во снѣ, назвалъ меня своею дочерью, и повелѣлъ страдать... О, какъ дурны, какъ грѣшны люди!» Всѣ нервы ея пришли въ необыкновенное разстройство и напряженіе. Слухъ дотога усилился, что, сидя или лежа въ бесѣдкѣ или въ саду, больная слышала все, что о ней говорили въ комнатахъ шопотомъ. Она просила дать ей новый и ветхій заветъ, называла себя дочерью Бога и никого не впускала въ бесѣдку, прежде чѣмъ не скажутъ слово: Богъ.

Возбужденность нервовъ достигла у нея крайняго напряженія; слухъ былъ необыкновенно тонокъ; казалось, она была въ состояніи ясно-видѣнія. Звонъ колоколовъ и музыка въ паркѣ сильно тревожили больную. Десять предсмертныхъ сутокъ пѣла она въ тяжеломъ бреду; особенно былъ трогателенъ одинъ меланхолическій напѣвъ, который вызывалъ слезы даже у мимоходящихъ по улицѣ. Многіе нарочно приходили послушать это чудное пѣніе. Последнею, лебединою пѣснью ея былъ «Ангель», слова Лермонтова, музыка Варламова.

Пріѣзжихъ въ Старую Руссу на ванны было такъ много въ прошедшее лѣто, что невозможно было найти квартиры, спокойной и удобной для больной. Въ домѣ же родныхъ еще до пріѣзда больной красили полы, а запахъ масляной краски былъ для нея невыносимъ. Доктора рѣшили, что возможно и даже лучше перевезти ее въ Москву. Больную положили въ экипажъ, обложивъ подушками. Отъѣхавъ двѣ станціи, больная совершенно ослабѣла, воротилась;— и скоро все было кончено... Почти четверо сутокъ она лежала какъ живая, какъ спящая. А вокругъ раздавалось рыданіе матери, плачь родныхъ и посѣтителей, чтеніе псалмовъ, пѣніе панихидъ. Последній путь ея — отъ церкви до могилы — былъ усыпанъ цвѣтами изъ всѣхъ городскихъ садовъ.

Такъ разрушилась эта богатая артистическая натура... Наталья Васильевна Погожева напомнила намъ прекрасный образъ Венеитинова—геніяльнаго юноши, такъ щедро надѣленнаго духовными дарами поэта, музыканта, живописца, мыслителя, и такъ рано покищеннаго смертію. Но за раннею и свѣжею могилей тѣмъ краше является намъ даровитая личность Погожевой. Музыкальный талантъ ея обѣщалъ много. Друзья ея съ наслажденіемъ вспоминаютъ объ ея

мягкомъ туше по клавишамъ рояля, объ этой игрѣ, легкой, воздушной, трогательной души, шевелящей сердце, объ этихъ чудныхъ перебивахъ нотъ. Особенно хорошо она исполняла *carriccio* Мендельсона, его пѣсни безъ словъ, его *andante cantabile* и *presto-agitato*, этюды и концерты Моцелеса, *étude trelle* Карла Майера, «Приглашеніе на вальсъ» Вебера, сочиненія Листа, Шопена, «Mi manca la voce» Гальберга, этюды Гензельта, сонаты и концерты Бетговена, *Requiem* Моцарта, «Семь словъ на крестѣ» Гайдна, и проч. и проч. Она вполне сочувствовала композитору, одушевляла мертвыя ноты и трогала слушателей. Извѣстный импровизаторъ Сеймуръ-Шифъ сравнивалъ ея игру съ игрой покойнаго Фильда. Онъ подарилъ Погожевой много нотъ своего сочиненія, и на однихъ изъ нихъ сдѣлалъ надпись:

A mademoiselle Nathalie Wassiliewna Pogojeff — pour son jeu aérien, cette composition religieuse de son collègue, Seymour Schiff.

Покойная артистка оставила послѣ себя не много печатныхъ музыкальныхъ піесъ: двѣ пѣсни безъ словъ, вальсъ изъ русскихъ пѣсенъ, маршъ коронованія изъ оперы «Пророкъ» Мейербера, тетрадь музыкальныхъ упражненій въ разныхъ родахъ. Выше мы говорили объ ея вѣжномъ, симпатичномъ пѣніи. Кромѣ этихъ занятій она съ любовью изучала языки, особенно англійскій и итальянскій. Она все собиралась въ Италію, чтобъ усовершенствоваться въ пѣніи. Любопытность ея была необыкновенная; она даже прочитала много философскихъ книгъ. Эта постоянная жажда знанія, конечно, имѣла вліяніе на слабый организмъ и сократила жизнь ея. Кромѣ двухъ названныхъ нами талантовъ, она обладала еще замѣчательнымъ третьимъ—талантомъ драматическимъ. Въ декабрѣ 1854 года Погожева участвовала въ благородномъ спектаклѣ въ костромскомъ театрѣ, въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ. Она играла въ піесѣ Шаховскаго «Не люби не слушай» роль Княгини и въ другой піесѣ: «Заговорило ретивое» роль Александрины.

Считаемъ не лишнимъ въ заключеніе привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ стихотворенія г. Бенедиктова, написаннаго имъ вскорѣ послѣ кончины молодой артистки:

Вся жизнь ея была рядъ тоновъ музыкальныхъ,
Волшебныхъ звуковъ рядъ, то бурныхъ, то печальныхъ;
Вся жизнь ея была—восторгъ земли родной,
Торжественная пѣснь и голосъ неземной,
Вся жизнь ея была—изящное искусство,
Возвышенная мысль и выпрненное чувство.
Предъ смертью, жизнью неадышною жива,
Она пропѣла пѣснь объ Ангелѣ.

И. Л.

СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИА ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ КОРОЛЕВСТВѢ.— Нынѣшнее народонаселеніе королевства Обѣихъ Сицилій произошло, какъ извѣстно, изъ весьма сложныхъ этнографическихъ элементовъ. Едва ли есть на свѣтѣ страна, болѣе разнообразная въ этомъ отношеніи, и едва ли есть городъ, гдѣ между обывателями, при совершенномъ единствѣ языка, встрѣчалось бы столько совершенно различныхъ физономій и типовъ, какъ въ Неаполѣ. Одно только общее свойство у всѣхъ коренныхъ жителей Неаполя, это худоба тѣла, слѣдствіе знойнаго климата. Дородныхъ людей нѣтъ между коренными Неаполитанцами, но за то есть люди всякаго роста, всякаго цвѣта волосъ, всякаго склада лица и тѣлосложенія. Здѣсь перекрестились между собою не только европейскія расы, но и европейскія съ азіатскими. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій оставили слѣды свои греческія колоніи древнѣйшихъ временъ, Кароагенане, германскія и Норманскія племена, Саррацины, византійскіе Греки, Альбанцы. Всѣ эти племена перемѣшались между собою, и замѣнили свои природные языки разными нарѣчіями италіанскаго языка. Но чтó мало извѣстно и особенно замѣчательно, такъ это то, что въ этой пестрой смѣси племенъ одна славянская колонія, Богъ вѣсть когда зашедшая сюда, сохранила не только свой народный типъ, но и сберегла языкъ славянской. Въ одномъ изъ послѣднихъ пумеровъ «Аугсбургской Газеты» есть извѣстіе объ этой колоніи. Она называется по-италіански *Aquaviva*, а по-славянски Вода-жива, и состоитъ изъ трехъ тысячъ душъ, говорящихъ доселѣ нарѣчіемъ, близкимъ къ хорватскому; въ народныхъ школахъ употребляется славянскій языкъ; на немъ же говорятся проповѣди; образованіе, по свидѣтельству «Аугсбургской Газеты», стоитъ выше общаго уровня окрестныхъ мѣстечекъ. Колонія эта находится въ провинціи Молизе, въ пятнадцати италіанскихъ миляхъ отъ Адриатическаго моря; она служитъ замѣчательнымъ доказательствомъ живучести славянскаго элемента.

ПОПРАВКА

Въ № 12 Русск. Вѣстн., въ Современной Лѣтописи, на стр. 247, въ строкахъ 5 и 2 снизу, вмѣсто словъ: *чтобы поднять грузъ въ 150 пудъ*, должно читать: *чтобы въ одну секунду поднять грузъ въ 75 пудъ* и далѣе, вмѣсто цифръ 9,000, должно читать 4,500.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЕЩЕ О ВЗЯТКАХЪ.

Недаромъ въ современной литературѣ вопросъ о взяткахъ поднятъ такъ же горячо какъ и другіе важные вопросы, напримѣръ: о гласности общественнаго мнѣнія, о воспитаніи, судопроизводствѣ, свободѣ торговли, о желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Взаимная связь всѣхъ этихъ вопросовъ между собою очевидна для всякаго, кто внимательно остановится хоть на одномъ изъ нихъ, напримѣръ на гласности. Недаромъ литературные споры представляютъ такой интересъ для публики, что она не можетъ уже оставаться равнодушною, какъ прежде, зрительницею журнальной борьбы, но живо сочувствуетъ той или другой сторонѣ и, даже высылаетъ на арену, изъ среды своей, такихъ бойцовъ, которые, въ другое время, не рѣшились бы взяться неопытною рукою за оружіе обоюдо-острое. Сознаніе собственныхъ недостатковъ сильно созрѣваетъ въ нашемъ обществѣ; вездѣ извѣстная потребность свѣта, воздуха, правды. Видно, душно становится намъ въ средѣ прежнихъ предрасудковъ, самоувѣренности и тьмы. Будемте откровенны: зачѣмъ церемониться и смягчать выраженія, когда дѣло идетъ о такихъ вещахъ какъ пища, свѣтъ и воздухъ? Зачѣмъ намъ увѣрять себя и другихъ, что мы никогда не теряли изъ виду любви и истины, что общество наше *возрасло* даже на этой прекрасной пищѣ? Вѣдь еслибъ это была правда, то къ чему споры, зачѣмъ желаніе быть лучшими? Чувство правды не порождаетъ же взятковъ и казнокрадства; любовь къ ближнему не совместна съ пренебреженіемъ къ его личности. Оставимъ же споры и всмотримся ближе въ вопросы, волнующіе наше сердце въ эту минуту.

Взятки и казнокрадство—исчадіе сребролюбія и роскоши—исчезнутъ съ лица земли тогда только, когда исчезнетъ всякое мошенничество, ложь, насиліе, обманъ, когда въ сердцѣ человѣческомъ изсякнетъ источникъ зла, и воцарится правда. Долго ждать свѣту этой благодатной минуты; но это не значить, чтобы въ ожиданіи ея свѣтъ сидѣлъ, сложа руки, и съ добродушною улыбкой снисхожденія смотрѣлъ на *развитіе* этихъ черезчуръ патріархальныхъ слабостей. Свѣтъ хочетъ побольше свѣта, онъ силится озарить самые темные углы на землѣ и въ сердцѣ человѣка, самыя глубокія язвы души и тѣла, и его освѣщающіе лучи бываютъ часто жгучи, но всегда благотворны.

Будемъ же помогать свѣту. Сдержимъ невольное отвращеніе и разсмотримъ внимательно эти язвы, какъ подобаесть врачамъ; изслѣдуемъ причины худосочія въ больномъ организмѣ, такъ упорно помогавшія доселѣ неударжимому распространенію въ немъ болѣзни.

Не будемъ говорить о старинныхъ временахъ, о томъ, какъ родилось и воспитывалось у насъ понятіе о кормленіи, чтобы не повторять истинъ, которыя сдѣлались уже достояніемъ науки. Напомнимъ только, что рядомъ съ этимъ понятіемъ шло и развивалось мѣстничество. Вѣковыя понятія не излѣчиваются въ одну минуту, не убиваются однимъ указомъ: это старая истина. Табель о рангахъ Петра Великаго подрывала окончательно самый корень мѣстничества, но не могла убить чувства, его питавшаго — чувства спѣси, гордости и неуваженія къ лицу, *ниже* стоящему. Чувство это, подобно празднымъ сокамъ, не находящимъ себѣ прежняго предмета для питанія, обратилось всею массою къ новому, хотя и чуждому растенію, и, нужно отдать справедливость, упитало его съ материнскою заботою и нѣжностію. Чуждое растеніе стало кровною собственностью, народнымъ достояніемъ. Такъ *чмъ* поборолъ *родъ* и занялъ его *мѣсто*. Но требованія отпрысковъ прежняго корня—требованія рода—опирались на давность, на блескъ и силу и обаяніе его было неотразимо: чинъ мирился съ родомъ, и тамъ, гдѣ обѣ эти силы соединялись, не было борьбы, не было порожняго *мѣста* для личности. Родовое чувство снисходительности къ *своимъ* перешло къ чину. То, что казнилось въ низшемъ, прощалось своему; какъ прежде «свой своему были поневоля брать», такъ послѣ чинъ сталъ снисходителенъ только къ чину. Но этимъ еще не оканчиваются заимствованія чина у своего предмѣстника. Облеченный властью,—большею или меньшею,—онъ считалъ ее своею собственностью, и сталъ распоряжаться ею, какъ распоряжался нѣкогда родъ: дарилъ, уничтожалъ, награждалъ, кого хотѣлъ, смотря потому, какая находила минута; протягивалъ руку только равному чину, а младшему простираетъ палецъ или два, и то только — въ добрую минуту. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Такимъ образомъ, мѣстничество, въ какой формѣ оно ни являлось, всегда шло рука объ руку съ кормленіемъ—если подъ этимъ словомъ разумѣть не одно пропитаніе, но и питаніе всякихъ служебныхъ цѣлей. Человѣку бѣдному, но умѣвшему угодить и служить намъ, мы давали *хорошее* мѣсто, то—есть посылали на кормъ; богатому или родовитому, пріятелю или родственнику — давали *хоть*, выдвигали впередъ, ставили на *видное мѣсто*. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы даже не подозрѣвали, что распоряжаясь чужою собственностью, вѣтренною намъ государствомъ, хотя въ то же время горячо преслѣдовали казнокрадство и взятки. Смѣшно показалось бы намъ, еслибъ встарину кто—нибудь вздумалъ оспаривать у насъ на службѣ право покровительства для людей близкихъ намъ и пріятныхъ, такъ

точно какъ показала бы дерзновенною мысль, что мы не въ правѣ прогнать отъ себя человѣка, лично намъ не угодившаго.

Тамъ, гдѣ общее смѣшано съ частнымъ, гдѣ человѣкъ не видитъ и не сознаетъ, что служитъ *идеѣ, обществу*,—тамъ онъ непремѣнно служитъ личнымъ цѣлямъ своихъ начальниковъ или своимъ. Это мы видимъ у народовъ азиатскихъ, это мы видѣли въ первоначальной исторіи всѣхъ народовъ, и въ нашей собственной. Каждый разъ, когда отечеству угрожала *видимая* опасность, у всѣхъ насъ пробуждалось чувство доблести, мы забывали все, и гордо шли умирать за общее дѣло. Но съ возвращеніемъ домой, въ ту минуту, когда влагалъ мечъ въ ножны,—*общее, идеѣ* тотчасъ исчезали передъ нами, и мы терялись попрежнему въ родовыхъ, семейныхъ, чиновныхъ отношеніяхъ. Попрежнему лицо скромнаго и честнаго труженика дѣлалось случайнымъ, ибо передъ каждымъ новымъ *мѣстомъ*, передъ каждою новою властью, прежній трудъ его имѣлъ условную лишь цѣну и, при перемѣнѣ отношеній, не только терялъ всякое значеніе, но нерѣдко навлекалъ на труженика бѣду, если только онъ не прибѣгалъ къ помощи изворотовъ, ловкости и смѣлости. Такой порядокъ не только не способствовалъ къ преслѣдованію закоренѣлыхъ взяточниковъ, занимающихся своимъ дѣломъ изъ любви къ искусству, соп амоге, но не въ состояніи былъ предупредить заразу и въ тѣхъ, поистинѣ несчастныхъ жертвахъ, которыя, сознавая всю мерзость этого искусства, не въ силахъ были противостать ему, не имѣя для того достаточной опоры ни внутри, ни внѣ себя. Общество, не видавъ *лицо* ни тѣхъ, ни другихъ, должно было кого-нибудь осудить—это его потребность,—и осужденіе пало на цѣлыя сословія, на вѣдомства, на мундиры. Для него всякій приказный былъ взяточникъ; всякій купецъ—мошенникъ, всякій *художникъ*—пьяница; всякій, знающій французскій языкъ—умница, дипломатъ; всякій военный—молодецъ. Военному, потому досталась лучшая доля, что служеніе его *обществу* было очевидно, безспорно. Печать, положенная такимъ образомъ, на цѣлыя сословія, лежала на нихъ долго безмолвною тяжестію и трудно изглаживалась. Сколько бы, на примѣръ, ни увѣрялъ встарину купецъ, что объявленная имъ цѣна товару настоящая, что товаръ *самому дороже стоитъ*,—ему не вѣрили и продолжали съ нимъ торговаться. Сколько бы ни старался приказный быть честнымъ, ему тоже никто не вѣрилъ, и также всякій съ нимъ торговался. Осужденіе было такъ сильно и законно, что общество долго не хотѣло обращать никакого вниманія на положеніе и средства того и другаго. «Вору дай хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ»; на этомъ основаніи ему ничего почти не давали. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, давать грошъ тому, кто наворовалъ тысячи и миллионы; бесполезно давать и тому, кто поступалъ въ сословіе воровъ: у него были впереди тѣ же миллионы. Говорятъ, что ребенокъ, привыкшій

слышать отъ всѣхъ, что онъ герой, въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлаться героемъ, такъ точно какъ тотъ, кого постоянно бранятъ воромъ, дѣйствительно, дѣлается наконецъ воромъ. Человѣку, котораго никто не слушаетъ и не хочетъ видѣть, съ которымъ обходятся презрительно за его немощь и некрасивую одежду, трудно удержаться на пути добродѣтели. Для осужденнаго навѣки—нѣтъ впереди пути, для него возможно только бѣгство назадъ, на прежнюю дорогу...

Каждый русскій дворянинъ, встарину, долженъ былъ служить; потому онъ не могъ не служить, чтобъ не остаться недорослемъ. Число дворянъ возрастало. Мысль о томъ, что въ мирное время можно служить отечеству, не состоя на службѣ, долго не давалась ему: къ тому же служба давала чинъ, положеніе, власть, защиту, а при случаѣ и деньги,—и вотъ все, что именовалось дворяниномъ, все, что хотѣло быть дворяниномъ, наводило службу. Много званыхъ, но мало избранныхъ!

Итакъ, повторяемъ, трудно было лицу, никѣмъ не признанному, удержаться на добромъ пути. Гражданская добродѣтель, какъ и всякая сила, требуетъ устоя, увѣренности въ самой себѣ и въ твердости почвы, на которую опирается. Но, если почва колеблется, если нога ваша скользнетъ, если вы имѣете дѣло съ невидимою силою, ежеминутно готовою нанести вамъ ударъ, и вы даже не знаете съ которой стороны, и когда именно онъ послѣдуетъ,—увѣренность ваша слабѣетъ: вы озираетесь кругомъ и,—съ ужасомъ видя, что некому поддержать васъ, некому даже разказать о вашей борьбѣ людямъ,—падаете духомъ и постыдно бѣжите изъ этого хаоса безобразныхъ и безличныхъ силъ... И чѣмъ сильнѣе ужасъ, преслѣдующій васъ по пятамъ, тѣмъ заманчивѣе рисуется передъ глазами теплый каминъ шей комнаты, ваша семья,—и вы запираетесь въ ней, отказавшись разъ навсегда отъ бесполезной и нервной борьбы. Но еслибъ вы боролись въ виду общества, еслибъ вамъ даже пришлось страдать и умереть въ его торжественномъ присутствіи—о! тогда безъ сомнѣнія у васъ бы достало духу сохранить достоинство и, если нужно, умереть спокойно и гордо.

Тамъ, гдѣ на человѣка смотритъ общество, онъ старается быть лучшимъ. Это до такой степени справедливо, что каждый изъ насъ можетъ повѣрить на самомъ себѣ. Въ обществѣ мы не смѣемъ показаться неглиже, держимъ себя строго, изъ всѣхъ силъ хлопочемъ о сохраненіи приличій и всегда бываемъ насторожѣ. Мы знаемъ, что въ порядочномъ обществѣ, пока не оскорбили его неприличною выходкою, мы пользуемся уваженіемъ, вниманіемъ и вѣжливостью наравнѣ съ каждымъ изъ лицъ, его составляющихъ. Мы знаемъ также, что общество вступится за малѣйшее оскорбленіе, нанесенное намъ въ его присутствіи. Оттого намъ легко и приятно въ порядочномъ обществѣ. Въ немъ мы приобретаемъ уваженіе къ самимъ себѣ и

научаемся уважать другихъ. Человѣкъ, находясь въ виду общества, прежде чѣмъ сдѣлаетъ шагъ, обдумаетъ его послѣдствія; онъ знаетъ, что за нимъ слѣдятъ миллионы глазъ, что малѣйшая невѣрность его поступи сейчасъ возбудитъ шумные крики негодованія и смѣхъ миллионныхъ голосовъ. Но онъ знаетъ также, что каждый твердый и вѣрный шагъ, каждый справедливый и честный поступокъ его, будетъ замѣченъ тѣмъ же обществомъ, и это сознание возбуждаетъ его силы, поселяетъ въ душѣ его спокойствіе и увѣренность, что если съ одной стороны и виситъ надъ нимъ Дамоклесовъ мечъ, грозящій неизбежною карой каждому нечистому поползновенію его, то съ другой — за каждое чистое дѣло, за каждый подвигъ, за каждый скромный трудъ, ему готовятся рукоплесканія, участіе, слезы благодарности и доброй, продолжительной памяти въ сердцахъ людей. Съ одной стороны—*ничьмъ* неотвратимая кара, съ другой — *ничьмъ* незамѣнимая награда: это такой двигатель, что только мертвого не въ состояніи подвинуть. Глазъ народа есть глазъ Божій — и тотъ, кто постоянно слышитъ его, не можетъ оставаться глухимъ и безотвѣтнымъ.

Не таково положеніе человѣка, не знающаго общества, и котораго общество не знаетъ и не видитъ. Домашнія привычки и слабости овладѣваютъ имъ совершенно, и не для кого ему стараться исправлять ихъ. Для случайнаго гостя у него готовъ праздничный нарядъ, готово изысканное слово и заимствованныя манеры. Но гость уѣзжаетъ—и доспѣхи складываются въ сундукъ до новаго посѣщенія. Буднишній бытъ заглушаетъ въ его душѣ потребность постоянного праздника; для него непонятны и ненавистны это вѣчное, докучное торжество, эти шумные клики, въ которыхъ перемѣшаны и негодованіе и радости, и смѣхъ и слезы. Ему покойнѣе и удобнѣе имѣть дѣло съ своимъ начальникомъ, котораго привычки и слабости, понятія и цѣли, ему извѣстны до тонкости, изучены имъ какъ слѣдуетъ. И тому это также нравится. Наединѣ какъ-то удобнѣе дать волю своимъ мнѣніямъ и вкусамъ: никто не смотритъ на него, никто не смѣетъ рассуждать о немъ; предметъ его сужденія безмолвствуетъ или восхваляетъ, трепещетъ или угождаетъ, и оба довольны другъ другомъ—до новаго свиданія. Судъ оконченъ, красиво и четко записанъ въ скрижали,—и дѣлу конецъ. Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Разбирай потомъ, какъ знаешь!

Въ началѣ статьи мы рѣшились безъ отвращенія разсмотрѣть недугъ, обратившій на себя наше вниманіе. Для этого мы должны были краткѣе разказать исторію болѣзни и указать на причины ея распространенія въ прошедшемъ. Благодаря Бога это прошедшее для насъ миновало и въ настоящее время все измѣняется, язвы заживаютъ и

сглаживаются. Но по совѣсти, мы не смѣемъ сказать, что онѣ уже изгаздились, о, далеко не смѣемъ! До тѣхъ поръ, пока въ служебно-домашнемъ лексиконѣ нашемъ останутся такія слова, какъ: *хорошее мѣсто, свой человекъ, попалъ въ милость*, или хоть на примѣръ такія: *сотру съ лица земли, сокну въ бараній рогъ* и т. п., пока мы будемъ добродушно извращать святыя слова и добродушно вѣрить, что блаженъ тотъ начальникъ *иже и скоты милуетъ*,—до тѣхъ поръ мы не въ правѣ хвалиться успѣхами на поприщѣ гражданской доблести. А чтобы приблизить эту минуту, намъ нужно желать, нужно просить общественности и свѣта (недаромъ *свѣтъ* и *общество* тождественны въ языкѣ нашего народа): общественности для того, чтобы служить обществу; свѣта—для того, чтобы все видѣть и слышать, и чтобы насъ все видѣло и слышало. Но для этого нѣтъ другаго средства кромѣ того, какое представляетъ намъ самый свѣтъ. Пусть же сила свѣта сблизитъ насъ съ обществомъ, пусть обозначитъ все лицо его, пусть познакомитъ насъ съ его красотою и недугами, пусть отпечатываетъ всѣ его поступки и помыслы, всѣ его раны и ушибы, его радости и горе,—и тогда, только тогда, мы будемъ въ правѣ сказать, что мы на дорогѣ къ свѣту и истинѣ. До тѣхъ же поръ пока одинокій голосъ нашъ не сольется съ голосомъ *всего* общества, онъ будетъ не болѣе какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

С. ГРОМЕКА.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОМСТЕДА ПО ПРИМОРСКИМЪ ЮЖНЫМЪ ШТАТАМЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

A journey in the seaboard Slave-States, with remarks on their economy. By Frederic Law Olmsted. Newyork and London, 1856. 1 vol.

Г. Омстедъ—сотрудникъ нью-йоркской газеты «Times»; книга, изданная имъ, составляетъ капитальное пріобрѣтеніе американской литературы. Авторъ предпринималъ, въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, два раза путешествіе по приморскимъ южнымъ штатамъ, съ цѣлію изучить ихъ экономическій бытъ подъ вліяніемъ такъ-называемаго «домашняго учрежденія», и помѣстилъ въ упомянутой газетѣ нѣсколько писемъ, въ высшей степени интересныхъ. Теперь они изданы вполнѣ, отдѣльною книгой, и такимъ образомъ стали доступны для европейскихъ читателей. Наблюденія г. Омстеда, какъ сель-

скаго хозяина и безпристрастнаго челоѣка, бросаютъ новый свѣтъ на невольничество; онъ изслѣдовалъ свой предметъ глубоко, съ практической стороны, безъ увлеченія, и сообщилъ много богатыхъ результатовъ относительно земледѣлія и промышленности. Причины медленности успѣховъ юга сравнительно съ сѣверомъ объяснены у него превосходно.

Омстеда справедливо замѣчаетъ, что истинная природа невольничества до сихъ поръ мало понята въ свободныхъ штатахъ. «Всѣ свѣдѣнія объ немъ, говоритъ онъ, доходятъ на сѣверъ въ самой подозрительной формѣ, напримѣръ въ романахъ, или въ разказахъ бѣглыхъ негровъ. Путешествуютъ по югу обыкновенно или купцы, занятые своими личными интересами, или больные, желающіе отогрѣться зимою въ теплыхъ странахъ, или наконецъ богатые люди, ищущіе удовольствій среди гостепріимныхъ плантаторовъ. Южная литература бѣдна и состоитъ только изъ вымышленныхъ и полемическихъ сочиненій. Вообще знаніе этого края достается труднѣе, нежели какого-нибудь другаго.»

Омстеда объѣхалъ Виргинію, объ Каролины, Георгію, Алабаму и Луизиану. Намъ показались особенно поучительными его наблюденія надъ Виргиніею, которая, какъ извѣстно, считается самымъ древнимъ изъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Еще въ 1620 году въ первый разъ привезены были сюда негры. Слѣдовательно, здѣсь «домашнее учрежденіе» существуетъ болѣе двухъ столѣтій. Любопытно знать, въ какой степени подверглось оно влиянію времени. По словамъ Омстеда, прикосновеніе цивилизаціи не осталось безъ слѣда даже на неграхъ; положеніе ихъ замѣтно улучшилось и улучшается. Жестокое обращеніе конечно не искоренилось совершенно, но сдѣлалось рѣдкимъ и затруднительнымъ; противъ него вооружены сами господа. Вообще говоря, негры имѣютъ менѣе повода жаловаться на невольничество, нежели плантаторы: ихъ порядочно кормятъ «можетъ-быть лучше, чѣмъ пролетаріевъ въ другихъ государствахъ», одѣваютъ сносно, смотря по климату и по работѣ; имъ даютъ довольно удобное помѣщеніе. «Вы найдете еще, говорилъ путешественнику одинъ владѣлецъ, въ какой-нибудь отдаленной плантаціи негровъ въ состояніи совершеннаго отупѣнія и скотства; но здѣсь, въ мѣстахъ населенныхъ и воздѣланныхъ, съ ними обходятся лучше; имъ даютъ воспитаніе.» Последнее обстоятельство удивило Омстеда, но ему скоро дали понять что это значить. Плантаторы и надзиратели безъ сомнѣнія не занимаются обученіемъ своихъ невольниковъ, но по крайней мѣрѣ позволяютъ имъ религіозные митинги. Слѣдовательно, негры *имѣютъ возможность сами себя воспитывать*. Впрочемъ путешественникъ остался не совсѣмъ доволенъ ихъ нравственнымъ и религіознымъ состояніемъ; да и могло ли оно улучшиться? Невольничество всегда и вездѣ разрушало чуж-

ство, великодушіе, честность и вѣрность подчиненныхъ ему людей. Негры, правда, питаютъ чрезвычайную наклонность къ обрядамъ и формальностямъ церковной службы, но религія рѣдко доходитъ у нихъ до убѣжденія, которое бы могло имѣть вліяніе на ихъ поступки и вообще на практическую жизнь. Порокъ лжи и воровства глубоко вкоренился между ними. «Они обманываютъ, говорили Омстеду, даже Бога въ своихъ молитвахъ и не пропустить случая украсть.» — «Кажется, пишетъ путешественникъ, въ ихъ нравственности утвердились аграрныя понятія о плантаціяхъ: они смѣкаютъ хорошо, что результатъ труда принадлежитъ работнику, и на этомъ основаніи признаютъ справедливымъ употреблять, когда только можно, собственность «массы» (господина) въ свою пользу.» Это называется у нихъ «взять», для отличія отъ слова: украсть, при которомъ подразумѣвается—у третьяго посторонняго лица. Такъ одна старая негрятка, когда ее обвинили въ покражѣ вещей у госпожи, отвѣчала: «Я не виновата, матушка! тетка Анна говоритъ, что намъ, цвѣтнымъ людямъ, можно брать у бѣлаго человѣка что Богъ посылаетъ!»

Замѣчательно также, что негры имѣютъ большую страсть къ игрѣ; самые благочестивые изъ нихъ не свободны отъ этого увлеченія. «Прежде, говоритъ Омстедъ, невольники обыкновенно предавались по вечерамъ и по праздникамъ пляскѣ; но потомъ проповѣдники возстали противъ этого обычая и уничтожили его.» Отсюда произошли дурныя послѣдствія: танцы были замѣнены игрою и другими худшими развлеченіями.

Лѣность, непредусмотрительность и безпечность негровъ вошли въ пословицу; по мнѣнію бѣлыхъ, эти недостатки неизлѣчимы. Вообще негръ плохой работникъ; его почти нельзя употреблять при машинахъ. Онъ воображаетъ, что машина будетъ дѣйствовать сама, и потому не заботится о ней нисколько. Человѣкъ по природѣ лѣнивъ; но негры отличаются этимъ свойствомъ передъ всеми поколѣніями земнаго шара. По словамъ одного опытнаго рабовладѣльца и капиталиста, «можно навѣрное разсчитывать, что невольникъ будетъ трудиться не по мѣрѣ своихъ силъ, но лишь, сколько нужно, чтобы избавиться отъ наказанія, и притомъ всегда небрежно и равнодушно. На плантаціяхъ негры стараются только о томъ, чтобы разбить орудія и заморить скотъ, хотя знаютъ, что за это ихъ накажутъ.» Отсюда происходитъ, что имъ даютъ въ руки лишь самыя крѣпкія и массивныя орудія, никогда не употребляемая свободнымъ человѣкомъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется непроизводительность невольническаго труда.

Негръ владѣетъ еще однимъ искусствомъ — притворяться больнымъ. Въ этомъ онъ неподражаемъ. Преувеличить свое страданіе и помѣстить его въ самыхъ жизненныхъ частяхъ организма—его дѣло.

Даже на жестокою болѣзнѣ невольники смотрятъ , какъ на милость Божию. Одинъ негръ повредилъ себѣ руку полъномъ и, едва только первая боль прошла, воскликнулъ: «Слава Богу! рука принадлежитъ господину; — я не буду больше жать хлѣба». Это напоминаетъ намъ старый анекдотъ о другомъ негрѣ , который во время дождя ходилъ безъ шляпы на томъ основаніи, что она принадлежитъ ему, а голова господину. Обыкновенно невольники, и преимущественно женщины изобрѣтаютъ всѣ возможные предлоги отказаться отъ работы. Такъ какъ онѣ подвержены многимъ болѣзнямъ , которыя не имѣютъ наружныхъ признаковъ, то имъ легко сдѣлать это. Женщины на плантаціяхъ, говорилъ путешественнику одинъ рабовладѣлецъ, послѣ первой беременности не могутъ даже добывать себѣ пропитаніе полевой работой, и не имѣютъ никакой цѣны въ массѣ труда. Медики часто затрудняются въ опредѣленіи болѣзней, свойственныхъ черному поколѣнію. Одинъ изъ нихъ, Картрайтъ, придумалъ даже особья названія для нѣкоторыхъ припадковъ, неизлѣчимыхъ врачевнымъ искусствомъ. Сюда относитъ онъ драпетоманію или умственное расстройство, вслѣдствіе котораго у негровъ является непреодолимое желаніе бѣжать. Признакомъ этого состоянія бываетъ мрачное и недовольное расположеніе духа; оно устраняется обыкновенными средствами, то—есть плетью. Мы не будемъ останавливаться на другихъ болѣзняхъ, тѣмъ болѣе, что почтенный докторъ совѣтуетъ употреблять противъ нихъ одно лѣкарство...

Всѣ упомянутыя обстоятельства должны быть приняты во вниманіе при оцѣнкѣ работы негра сравнительно съ трудомъ свободнаго человѣка. Омстедъ доказываетъ фактами, что она стоить дороже, именно задѣльная плата въ Виргиніи обходится 25-ю процентами болѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ чистыми деньгами. Если же прибавить къ этому издержки на одежду и потерю господина отъ лѣности, небрежности, упущеній и болѣзней невольника, то перевѣсъ въ пользу наемнаго работника будетъ весьма значительнымъ.

Поэтому не удивительно, что Виргинія находится въ застоѣ относительно промышленности, и что другіе штаты ее обогнали. Приѣзжая сюда съ сѣвера, путешественникъ видитъ, что «по дорогѣ не болѣе одной трети окрестной земли расчищено; на остальномъ пространствѣ—кругомъ сосновый лѣсъ; даже изъ полянъ далеко не всѣ засѣяны, болѣшая часть ихъ заросла кустарникомъ, шиповникомъ и разными негодными травами». Подобныя замѣчанія Омстедъ дѣлаетъ на каждомъ шагѣ, и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на мѣстные документы и газеты. Изъ этихъ документовъ можно вывести слѣдующіе главные результаты. Виргинія до революціи содержала въ себѣ больше богатства и жителей, нежели какой-либо другой штатъ Союза. Ея народонаселеніе въ это время было вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ Пенсильваніи, располагало огромными капиталами,

вело внѣшнюю торговлю, — словомъ, первенствовало между сосѣдями. Напротивъ, теперь этотъ штатъ занимаетъ пятое мѣсто по богатству и четвертое по числу жителей, и стритъ ниже Нью-Йорка, Пенсильваніи, Огайо и отчасти Массачузетса. Три упомянутые штата буквально испещрены желѣзными дорогами и каналами; четвертый (Массачузетсъ) желѣзными дорогами. Въ Пенсильваніи воздѣланной земли гораздо больше, чѣмъ невоздѣланной; въ Виргиніи наоборотъ. Въ Пенсильваніи фермы отдаются по 25 долларовъ за акръ; въ Виргиніи только по 8. Правда, въ Пенсильваніи почва плодороднѣе; но если сравнить цѣнность одинаково-производительныхъ земель въ Нью-Джерси и въ Виргиніи, во всякомъ случаѣ на сторонѣ перваго изъ упомянутыхъ штатовъ будетъ значительный перевѣсъ. Наемная плата за акръ здѣсь еще больше, чѣмъ въ Пенсильваніи, именно 44 доллара.

Всѣ соглашаются, что естественное богатство Виргиніи огромно, но сами жители жалуются, что оно не разработано. Въ этомъ можно убѣдиться изъ рѣчи одного кандидата въ члены законодательнаго собранія, приведенной въ книгѣ Омстеда. Вотъ что говоритъ ораторъ своимъ избирателямъ:

«Торговля давно оставила васъ. Вы до сихъ поръ не разработали каменнаго угля въ такомъ количествѣ, чтобы порядочно согрѣться у очага, и не имѣете хлопчато-бумажныхъ издѣлій, чтобы одѣть рабовъ вашихъ. У васъ нѣтъ ни судоходства, ни горныхъ промысловъ, ни мануфактуръ. Вы полагались только на земледѣліе, и на какое земледѣліе! Ваше невниманіе къ единственному источнику богатства иссушило почву. вмѣсто того, чтобы кормить скотъ на безчисленныхъ пастбищахъ, вы охотитесь за быками, чтобы достать себѣ жесткій биѣстекъ (*смыльхъ и одобреніе*). Настоящій порядокъ вещей давно утвердился въ Виргиніи. Землевладѣльцы обдирали фермеровъ, а фермеры землю, до тѣхъ поръ, пока можно было обдирать. Я слышалъ оригинальный анекдотъ о нашемъ земледѣліи. Одинъ джентльменъ встрѣтилъ неподалеку отсюда какого-то оборваннаго бѣдняка на лошади, безъ стремянъ, безъ сѣдла, съ веревкою вмѣсто узды, и спросилъ у него: «Странникъ, чей это домъ?» — Мой, отвѣчалъ бѣднякъ. «А это?» — Также мой! Потому они подѣхали къ третьему дому, и когда оказалось, что онъ также принадлежитъ оборванцу, джентльменъ удивился. «Не смущайтесь, замѣтилъ ему спутникъ, я не до такой степени бѣденъ, чтобы владѣть всею этою пустопорожнею землей!» (*Смыльхъ и рукоплесканія*.) У насъ есть земля, рабы, рудники, естественные пути сообщенія, словомъ, всѣ источники богатства; но если мы не приложимъ къ нимъ ума, если между нами не распространится образованіе, то намъ нельзя думать о матеріальномъ прогрессѣ.» (*Рукоплесканія и продолжительная веселость*.)

Изъ приведенной рѣчи видно, что Виргинцы не хотятъ понять, гдѣ настоящая причина ихъ застоя. Невольничество стало для нихъ такъ

драгоценно, что они не признаютъ въ немъ сильнѣйшаго препятствія къ своему благосостоянію. Оно поддерживаетъ между ними выгодную торговлю невольниками, и кажется неистощимымъ источникомъ легко приобретаемаго богатства. вмѣстѣ съ ораторомъ всѣ жители кричатъ и требуютъ просвѣщенія, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, мануфактуръ, торговли съ Европой, обходя вопросъ о невольничествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего не достаетъ имъ упомянутыхъ благъ? Гдѣ искать объясненія общей неподвижности? Неужели въ самомъ характерѣ жителей или въ климатѣ? По словамъ Омстеда, нѣтъ нужды ходить такъ далеко: если присмотрѣться, одно рабство задерживаетъ успѣхи Виргиніи, сравнительно съ другими штатами, и производитъ тѣ печальныя явленія въ земледѣліи и промышленности, о которыхъ сказано выше.

При этомъ естественно рождается вопросъ: отчего свободный трудъ болѣе дѣйствительный въ предпріятіяхъ и благотѣльный для общества, не можетъ силою собственнаго превосходства вытѣснить работу невольника? Еслибы можно было дать на этотъ вопросъ вполне удовлетворительный отвѣтъ, мы бы яснѣ поняли настоящую борьбу въ Канзасѣ и разрѣшили бы ея темный, трудный исходъ. Но есть много таинственныхъ причинъ, почему работа невольника одерживаетъ верхъ надъ вольнонаемною, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ привыкли къ рабству. Въ Виргиніи эта привычка такъ сильна, что отвращеніе отъ эманципаціи съ каждымъ годомъ возрастаетъ не отъ вражды къ аболціонистамъ, но оттого, что цѣна на негровъ увеличилась вслѣдствіе вывоза. «Еслибы можно было имѣть точный ежегодный прейсъ-курантъ на невольниковъ, говоритъ Омстедъ, то можно бы опредѣлить вѣроятность отпущенія ихъ съ такою же точностью, какъ посредствомъ англійскаго отвержденнаго долга (consolidated debt) вѣроятность войны и мира.» Во всякомъ случаѣ, если невольничество удерживается въ странѣ по какой бы то ни было причинѣ, трудъ свободнаго человѣка теряетъ настоящую свою цѣнность. Это объясняется, по словамъ Омстеда, тѣмъ (по крайней мѣрѣ относительно Виргиніи), что бѣлые не хотятъ работать вмѣстѣ или наравнѣ съ неграми, и кромѣ того другими, чисто-мѣстными обстоятельствами. Мы не будемъ останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе, что выводы путешественника здѣсь, какъ намъ кажется, не вполне удовлетворительны. По крайней мѣрѣ вопросъ остается послѣ нихъ не менѣе таинственнымъ и загадочнымъ. Но показаніе Омстеда о благопріятныхъ результатахъ замѣны свободнымъ трудомъ труда невольничьяго въ Ферфаксѣ, достойно вниманія. Цѣнность земли здѣсь удвоилась въ теченіе двадцати лѣтъ; число церквей и школъ также. Эти факты замѣчательны, потому что очевидны. Вообще, книга Омстеда поучительна: она объясняетъ экономическія послѣдствія рабства для блага человѣка. Потеря энергіи, застой, упадокъ матеріальнаго благосостоянія — вотъ возмездія плантатору.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Болезни века. Патологическій опытъ О. I. Крашевскаго. (Choroby Wieku. Studium Patologiczne przez I. I. Kraszewskiego). 2 части. Вильно. 1857.

Еслибы эта книга не была написана однимъ изъ популярнѣйшихъ польскихъ писателей, то мы и не обратили бы на нее никакого вниманія: такъ она слаба въ отношеніи къ художественному созданію и, можно сказать, такъ несвоевременна, по тому образу мыслей, которыя авторъ высказалъ въ своемъ новомъ сочиненіи. «Болезни Вѣка» можно назвать повѣстію, въ которой нѣтъ ни одного истиннаго характера, а всѣ лица выводятся на сцену на ходуляхъ, какъ бы для того только, чтобы высказать любимыя и, скажемъ откровенно, странныя идеи автора. Онѣ показываютъ, что и въ польской литературѣ есть своего рода славянофильство, которое не уступитъ нашему. Сколько могу припомнить, въ первый разъ еще случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ произведеніяхъ Крашевскаго (1). Я не стану подробно разказывать натянутае содержаніе этой повѣсти и приведу изъ нея только нѣкоторыя мысли.

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, панъ Дембаръ, человекъ практической и разсудительный, между прочимъ, весьма справедливо замѣчаетъ (ч. I, стр. 25), что главными народными пороками Поляковъ всегда были праздность, недостатокъ постоянства, расточительность и нерадѣніе, «и потому, прибавляетъ онъ, необходимо, чтобы мы выучились трудиться, быть заботливыми и расчетливыми. Когда нашъ край обогатится, когда въ немъ мало-по-малу распространится промышленность, просвѣщеніе, благосостояніе — мы усилимся, возродимся и будемъ счастливы.» Г. Крашевскій выражаетъ при этомъ свои мечтанія о какой-то народной идилліи, и утверждаетъ, что прежде всего необходимо смиреніе... (стр. 26). «Онъ (то-есть панъ Дембаръ) забылъ, прибавляетъ г. Крашевскій, что, слѣдуя этому направленію, повидимому самому благоразумному, но унижающему человекъ, мы чрезмѣрно охолодѣемъ, ужасно остынемъ, и когда настанетъ такой день, какой теперь уже насталъ для *Шабовъ* (1), которые не могутъ помѣститься въ отнятыхъ у Славянъ земляхъ и переселяются въ американскія степи, тогда мы безъ сожалѣнія можемъ промѣнять наши листовничныя церкви и древнія святыни на мормонскія божицы, на протестантскія церкви, прославлять Бога въ лѣсу, вмѣстѣ съ жаворон-

(1) Это направленіе проглядывало и въ прежнихъ произведеніяхъ г. Крашевскаго, особенно въ романѣ, помѣщавшемся въ «Газетѣ Варшавской» подъ заглавіемъ «Dwa Swiaty».

ками, или вовсе не прославлять его, считая молитву потерю времени, а вмѣстѣ съ нимъ и процентныхъ денегъ.»

Другое дѣйствующее лицо въ этой повѣсти, г-жа Сольская, вдохновляясь какою-то старославянскою добродѣтелью, восклицаетъ (стр. 97): «Пусть другіе народы будутъ богаты и промышленны, мы попрежнему останемся честными, преимущественно будемъ стараться сдѣлаться сынами Божиими, а не дѣтьми вѣка!»

Авторъ, какъ видно, чрезвычайно опасается чужеземнаго вліянія на свой народъ. Во 2-й части, на стр. 5, онъ говоритъ: «Улучшенія могутъ придти мало-по-малу, постепенно, и возникнуть изъ самой потребности, безъ подражанія чужеземцамъ, которое насъ онѣмечитъ, лишитъ народности, обангличитъ, изгладитъ славянскія и родовыя свойства!»

Въ особенности достается отъ автора старой Европѣ и западной цивилизаціи. «Старая Европа, говоритъ онъ (часть II, стр. 21), выработала для себя совершенно-ложную теорію, которой слѣдуетъ именно потому, что она выгодна и ложна, что льститъ всему, ведущему ее къ пагубѣ, гнуснѣйшимъ желаніямъ, подлѣйшему любостыжанію. Нынѣшняя цивилизація совершенно и исключительно матеріальная; достоинство человѣка она измѣряетъ его практичностью, достоинство изобрѣтенія—его примѣняемостью, и потому—то въ ея лонѣ нѣтъ ни героевъ и истинно великихъ людей, ни великихъ, основныхъ истин!»

Зато, посмотрите, какія преимущества видитъ авторъ въ своемъ народѣ! «Есть предѣлъ, говоритъ г. Крашевскій (ч. II, стр. 24), на которомъ нужно остановиться, чтобы человѣчество бессмысленно не обратилось въ стадо работниковъ! До сихъ поръ еще народъ нашъ не испорченъ, потому что не погрязъ въ матеріализмъ, *поетъ свою стародавнюю пльню, радостно смотритъ на солнышко; онъ немного льнитъ, но умѣетъ любить и плакать*; онъ лучше того же самаго класса народа въ странахъ, которыя опередили насъ въ цивилизаціи.»—Далѣе, на стр. 26, авторъ прибавляетъ: «Можетъ-быть, въ преднамѣреніяхъ Провидѣнія, Западъ съ своею матеріальною цивилизаціей есть необходимый примѣръ и играетъ роль пьянаго шута... Зачѣмъ же мы должны вмѣстѣ съ нимъ безумствовать? Зачѣмъ слѣдовать ему?»

Продолжая въ такомъ тонѣ нападки на воображаемый, современный матеріализмъ, авторъ, наконецъ, приходитъ къ тому заключенію, что «западные народы—народы *гниющие* (см. ч. II, стр. 28), и что неблагоприятно прививать себѣ отъ нихъ заразу!»

Несвѣжская галлеря Радзивилловскихъ портретовъ (Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich.). Историческое описаніе Эдуарда Котлубая. Вильно. 1857. Въ 8, 72 стр.

Несвѣжская галлеря, говоритъ авторъ въ предисловіи, находится

въ самомъ жалкомъ положеніи. Сверхъ портретовъ радзивилловскихъ, въ ней помѣщаются также другіе знаменитыхъ мужей, находящихся въ родствѣ съ домою Радзивилловъ. Эти картины собраны въ одной большой залѣ, никогда не отапливаемой, большею частію безъ рамъ; онѣ гниютъ, брошенныя на полу, или висятъ на сырыхъ стѣнахъ, предоставленныя въ жертву крысамъ и всеистребляющему времени. Большая часть картинъ очень повреждена; вскорѣ и эти памятные остатки столькихъ вѣковъ совершенно будутъ истреблены. Г. Котлубай, живя съ 1844 г. близъ Несвѣжа, часто имѣлъ случай разсматривать эти почтенные остатки польской древности и въ свободное время скопировалъ, въ очеркахъ, всѣ портреты Радзивилловъ. Онъ присоединилъ къ нимъ историческій текстъ, объясняющій эти лица, которыя, отчасти, были представителями исторической и домашней жизни старинной Польши. Обильными матеріалами служили ему рукописи Несвѣжскаго архива. Хотя авторъ не могъ совершенно исчерпать ихъ, однакожъ изслѣдователь исторіи найдетъ въ нихъ многія подробности, совершенно новыя, или служащія для объясненія и исправленія фактовъ уже извѣстныхъ, но не точно описанныхъ.

Фамилія Радзивилловъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Польши; она одна изъ первѣйшихъ въ Литвѣ по своему богатству, семейнымъ связямъ и значенію; однакожъ не можетъ равняться съ другими литовскими фамиліями, происходящими отъ царствовавшихъ нѣкогда въ Литвѣ князей. Начало ея исчезаетъ во мракъ прошедшаго, хотя польскіе генеалоги старались доказать, что она происходитъ отъ великаго князя литовскаго Наримунда, изъ династіи Довспрунга.

Прочулки по Вильню и его окрестностямъ (Przechadzki po Wilnie i jego okolicach). Соч. Ивана изъ Сливина (псевдонимъ). Вильно. 1856. Въ 8-ку. Выпускъ I, 101 стр. Выпускъ II, 166 стр. Выпускъ III, 225 стр.

Вильно, по выраженію автора, живая лѣтопись древней Литвы, свидѣтель ея прошедшей славы и паденія. Настоящая книга составляетъ прекрасный путеводитель по этому городу и знакомитъ съ его замѣчательными древностями. Ученый авторъ основывался на многихъ источникахъ. Сверхъ уже извѣстныхъ и уважаемыхъ сочиненій о Литвѣ Крашевскаго и Балинскаго, ученыхъ статей бывшаго профессора Виленскаго университета, Гомолицкаго, всеобщей исторіи Литвы Нарбутта, Крашевскаго и Ярошевича, также многихъ другихъ печатныхъ сочиненій, авторъ пользовался актами Виленскаго капитула, актами войтовскими, церковными объѣздами (Wizyty Kościółów), общенными ему отцомъ прелатомъ Мамертомъ Гербуртомъ, также нѣсколькими важными документами, касающимися исторіи Вильна, присланными ему Крашевскимъ, и другими важными источниками.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ. Къ пер-

вому выпуску приложенъ видъ Вильна, для послѣдняго приготовляется планъ Вильна и алфавитный указатель предметовъ.

Словарь польскихъ живописцевъ (Słownik malarzów polskich), также чужестранныхъ, поселившихся въ Польшѣ или временно въ ней проживавшихъ. Издавъ Эдуардъ Раставецкій. Съ 16-ю портретами лучшихъ художниковъ. Варшава. Томъ I. 1850, 334 стр. Томъ II. 1851, 326 стр. Томъ III. 1857, 536 стр.; въ 8-ку.

Этотъ превосходный трудъ г. Раставецкаго, уже извѣстнаго своими учеными изслѣдованіями польской старины, свидѣлствуютъ о неутомимой и полезной дѣятельности почтеннаго автора. Онъ принесъ бы честь каждой литературѣ. «Словарь польскихъ живописцевъ» не компиляція, но многостороннее, ученое сочиненіе, въ которомъ со всею тщательностію собраны богатые матеріалы для исторіи живописи въ Польшѣ. Въ немъ заключаются подробныя свѣдѣнія о живописцахъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Въ составъ его вошло 900 именъ художниковъ, изъ которыхъ большая половина (593) принадлежитъ Полякамъ. Этотъ «Словарь» чрезвычайно важенъ не только относительно живописи въ Польшѣ, но также исторіи, біографіи и археологии. Въ немъ заключается множество до сихъ поръ неизвѣстныхъ подробностей о жизни лицъ, знаменитыхъ въ польской исторіи, которыя свободное время отъ трудовъ своихъ посвящали живописи, чувствуя къ ней призваніе. Читатель найдетъ въ этомъ «Словарѣ» свѣдѣнія, необходимыя для историка, для описанія польскаго края и знакомства съ нимъ, сверхъ того указанія на драгоценныя во многихъ отношеніяхъ памятники искусствъ. Есть множество любопытныхъ подробностей, объясняющихъ не одно историческое событіе, имѣющее связь съ искусствомъ или съ самимъ художникомъ. Сюда относятся біографіи: Альтамонте, Баччарелли, Белмото, Чеховича, Долабелли, Гловацкаго, Лампи, Лесюе, А. Орловскаго, Питшмана, Плерша, Рустема, Смуглевича, Стаховича, Фогла, Ствоша. Помѣщены также любопытныя біографіи художниковъ-любителей изъ знаменитыхъ семействъ, а именно: Чацкихъ и Чапскихъ, Павла Гродзицкаго (генерала въ царствованіе Владислава IV), генераловъ Князьвичи и Костюшки, короля Станислава Лещинскаго и его дочери Маріи, королевы французской, Массальскаго, Петра Михаловскаго, графини Мнишекъ, графа Сераковскаго, Юли Стецкой, лѣтописца Стрыйковскаго, графини Валеріи Тарновской, графа Забѣлы, короля Сигизмунда III и др.

Изданіе этого Словаря украшено портретами художниковъ, превосходно сдѣланными г. Пиварскимъ.

Обозрѣніе отечественныхъ древностей (Przegląd starożytności krajowych), соч. Подчашинскаго. Варшава, 1857. Въ 12 д. л. 155 стр. Выпускъ I.

Это «Обозрѣніе» написано по случаю выставки древностей и предметовъ искусства, устроенной въ 1856 г. въ домѣ графа Потоцкаго,

въ Варшавѣ. Я уже упоминалъ объ ней въ № 11 «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ. Г. Подчашинскій, съ глубокимъ знаніемъ предмета, приступилъ теперь къ археологическому и ученому описанію этой выставки. Издавая первый выпускъ своего «Обозрѣнія», онъ извѣщаетъ, что выставка, можетъ-быть, вскорѣ возобновится, и потому изданіе слѣдующихъ выпусковъ будетъ продолжаться въ свое время; между тѣмъ въ настоящемъ выпускѣ заключаются слѣдующія статьи: «О древностяхъ до-христіанскихъ» и «Объ оружіи и вооруженіи».

Пѣсни польскаго народа (Pieśni Ludu Polskiego), собранныя и изданныя Оскаромъ Кольбергомъ. Варшава, 1857. Выпускъ VI.

Этимъ выпускомъ оканчивается первый томъ превосходнаго сборника польскихъ пѣсенъ, состоящій изъ 448 стр., въ 8-ку, изъ 466 пѣсенъ, съ нотами при каждой, и съ десятью изящно отдѣланными и раскрашенными картинками, изображающими польскихъ крестьянъ въ народныхъ костюмахъ. Г. Кольбергъ, какъ мнѣ извѣстно, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, не щадилъ ни труда, ни издержекъ для своего прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія (1).

Къ I тому приложена таблица городовъ и селеній, о которыхъ упоминается въ сборникѣ г. Кольберга, съ указаніемъ ихъ географическаго положенія; сверхъ того подробное объясненіе картинокъ и нѣкоторыхъ народныхъ словъ.

Записки Ивана Дуклана Охоцкаго (Pamiętniki Jana Dukłana Ochockiego), переписанныя съ рукописей, послѣ него оставшихся, и изданныя О. И. Крашевскимъ. Вильно, 1857. Томъ I, 438 стр. Томъ II, 450 стр. Томъ III, 350 стр. Томъ IV, 343 стр.

Записки Охоцкаго относятся къ XVIII столѣтію, и въ продолженіе многихъ лѣтъ оставались въ рукописи. «Они издавна читались на Волыни, говоритъ издатель въ предисловіи, — переходя изъ рукъ въ руки, отъ семейства къ семейству, возбуждая любопытство и живой интересъ, наконецъ, частію, послужили матеріаломъ автору *Волынскаго Стольниковича* и можетъ-быть другимъ, которые не захотятъ въ этомъ сознаться. Несмотря на это, не вся еще рукопись исчерпана; ибо, сверхъ мелкихъ подробностей и отдѣльныхъ очерковъ, самый любопытный и важнѣйшій предметъ ея составляетъ полный, чрезвычайно характеристическій типъ человѣка, картина эпохи, начертанная рукою современника, слишкомъ уже правдоподобная и наивная, но зато исполненная жизни.»

«Не разъ придется здѣсь улыбнуться, далѣе замѣчаетъ издатель, — иногда придти въ гнѣвъ и пожать плечами; но, я увѣренъ, что каж-

(1) Въ особенности рекомендую это изданіе знатокамъ и любителямъ народной поэзіи и музыки. Оно продается въ С.-Петербургѣ, у книгопродавца Вольфа, по цѣнѣ чрезвычайно доступной, 2 р. 50 к. с.

дый изъ читателей лучше и яснѣ будетъ знать жизнь прошедшей, близкой намъ эпохи, не такъ, какъ онъ до того воображалъ ее и отгадывалъ, или воссоздавалъ ее по разгаданнымъ чертамъ. Это преимущественно составляетъ главное достоинство «Записокъ» Охочкаго; въ нихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ изображается эпоха.»

Къ этому выпуску присоединенъ также уставъ общества любителей изящныхъ искусствъ, недавно основаннаго въ Краковѣ. Цѣль его возбуждать любовь къ истинному и основательному искусству, въ особенности же давать художникамъ средства выставять и сбывать свои произведенія; также поддерживать и поощрять отечественныхъ художниковъ, чтобы они болѣе и болѣе совершенствовались въ своемъ искусствѣ.

— *Варшавская Библиотека* (Biblioteka Warszawska). 1857. Кн. IV.

Въ этой книжкѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя драма, въ пяти актахъ, въ бѣлыхъ стихахъ, извѣстнаго даровитаго польскаго писателя г. Корженѣвскаго, подъ заглавіемъ: *Цыганы*. Въ этой драмѣ есть одна пѣсня, посвященная воспоминанію цыганскаго короля *Марцинкевича*, который окружалъ себя великолѣпіемъ и блистательно поддерживалъ свое достоинство. Онъ умеръ около 1790 г. Князья Радзивиллы брали Мирскихъ цыганъ подъ свою протекцію и выдавали имъ для этого грамоты. Послѣдній, историческій памятникъ въ этомъ родѣ, выданъ былъ Марцинкевичу, старшему цыгану, мѣщанину и обывателю города Мира, Карломъ Станиславомъ Радзивиломъ, княземъ Олыцкимъ, Несвижскимъ, и т. д. отъ 22 іюля, 1788 года. Г. Корженѣвскій представляетъ въ своей драмѣ литовскихъ цыганъ, въ ту пору, когда ихъ уже не защищало покровительство литовскихъ магнатовъ. Въ царствованіе Станислава-Августа, въ первый разъ польскихъ цыганъ вывелъ на сцену Ф. Д. Князьинъ, въ своей прекрасной оперѣ, подъ заглавіемъ *Цыганы*. Съ тѣхъ поръ объ нихъ позабыли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Крашевскій изобразилъ ихъ въ поэтическомъ очеркѣ, въ своей повѣсти: *Chata za cosią* (Изба за деревнею).

Въ литературной хроникѣ этой книжки «Варшавской Библиотеки» помѣщено письмо изъ Москвы, г. Л. Д. Авторъ его съ большими похвалами отзывается объ изданіи «Русскаго Вѣстника» и, между прочимъ, упоминаетъ о моихъ статьяхъ, касающихся польской литературы. Любопытно въ этомъ письмѣ слѣдующее мѣсто: «На театрѣ играли драму Корженѣвскаго: *Старая аристократка* (*Pani Kasztelanowa*), въ переводѣ Соловьева. Я былъ на второмъ представленіи; но, увы! несмотря на то, что играли самые лучшіе артисты, эта пѣса не была сыграна, какъ слѣдуетъ, и потому публика приняла ее холодно, безъ рукоплесканій. Не удивительно; они не знаютъ сближенія слуги съ господиномъ, и что эти слуги—шляхта. Когда я, въ продолженіе игры, безпрестанно слышалъ: *ваше сіятельство*, то

пропадалъ весь эффектъ одного изъ лучшихъ произведеній Корженёвскаго. Здѣсь даютъ балетъ: *Крестьянская свадьба*. Если бы не прибывшій сюда *Gielert* и нѣкоторые наши танцовщики, то не было бы на что и смотрѣть, хотя безпрестанно раздавалось *bravo* и *bis*. Только наши были въ краковскихъ костюмахъ, а прочіе въ казакинахъ, въ шапкахъ, безъ перьевъ и въ поясахъ безъ колечекъ!»

— Съ 1-го апрѣля нынѣшняго года, въ Царствѣ, началъ выходить, еженедѣльными выпусками, новый журналъ, исключительно посвященный музыкѣ, подъ редакцію извѣстнаго знатока и критика музыки г. Сикорскаго, подъ заглавіемъ: *Ruch Muzyczny* (музыкальное движеніе). Въ немъ помѣщаются отчеты о музыкальной дѣятельности въ Польшѣ и за границею, подробные разборы замѣчательныхъ музыкальныхъ произведеній, историческія статьи о древней и новѣйшей музыкѣ, біографіи знаменитыхъ музыкантовъ, статьи чисто научнаго содержанія, касающіяся методы и преподаванія музыки, смѣсь и разныя объявленія.

П. ДУБРОВСКІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вопросъ о будущемъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ и положеніи ихъ относительно Турціи продолжаетъ занимать первое мѣсто въ ряду современныхъ международныхъ вопросовъ. Правда, онъ имѣетъ второстепенную важность; но послѣ большой войны первостепенные вопросы нараждаются не скоро и, народившись, медленно подвигаются впередъ. Къ числу послѣднихъ мы относимъ вопросъ итальянскій. Много было и много будетъ говорено объ этомъ вопросѣ первой важности; всѣ согласны въ томъ, что обойти его нельзя, и что необходимо только предоставить времени указаніе лучшаго средства для достиженія цѣли. Одни предлагаютъ насильственные, революціонныя мѣры: это крайняя партія недовольныхъ, недавно отважившаяся на открытое движеніе противъ существующаго въ Италіи порядка; но такими средствами трудно достигнуть прочной цѣли. Другіе, во главѣ которыхъ стоятъ талантливые государственные люди Пиемонта, указываютъ на законныя, но либеральныя мѣры, какъ на

единственное средство вызвать Италію къ самостоятельной политической жизни. Еще не дальше какъ въ послѣднее время вопросъ снова былъ поставленъ между этими двумя направленіями, и при этомъ очевидно не въ пользу перваго. Недавнія попытки произвести возстаніе на Апеннинскомъ полуостровѣ не имѣли успѣха и подали поводъ піемонтскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Кавуру, обратиться къ европейскимъ кабинетамъ съ циркулярною депешей, въ которой изложено мнѣніе Піемонта объ означенныхъ попыткахъ. Графъ Кавуръ повторилъ въ ней свое мнѣніе, высказанное имъ и прежде, что положеніе Италіи тогда только можетъ улучшиться, когда итальянскія правительства обратятся къ либеральной политикѣ и конституціонной системѣ. Эта новая депеша графа Кавура еще не обнародована; но журналы, сообщаящіе ея содержаніе, присоединяютъ, что графъ Кавуръ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы упомянуть о благотѣльномъ вліяніи на Ломбардію тѣхъ уступокъ ея обществу мнѣнію, которыя были сдѣланы австрійскимъ правительствомъ послѣ парижскаго мира.

Менѣ важень, сказали мы, вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ; но это конечно еще не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ своего относительнаго значенія. А значеніе его двоякое: во первыхъ, онъ важень по отношенію къ самимъ Дунайскимъ княжествамъ, которыя естественно желали бы устроиться такъ, а не иначе; вовторыхъ, съ этимъ вопросомъ соединяется борьба между политикой Франціи и эгоистическою политикой Австріи. Поднявъ вопросъ объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ, парижскій конгрессъ имѣлъ въ виду упрочить независимость Турціи отъ сильныхъ сосѣдей ея—Россіи и Австріи; Россія, согласившись съ его заключеніями, неуклоняется отъ международныхъ, общечеловѣческихъ цѣлей относительно Дунайскихъ княжествъ; Сардинія и Пруссія придерживаются той же политики, противниками которой являются Австрія, Турція и Англія. Между великимъ визиремъ Решидъ-пашею и представителями европейскихъ державъ въ Константинополѣ уже давно происходили переговоры по этому дѣлу. Коммиссары и посланники Франціи, Россіи, Пруссіи и Сардиніи протестовали противъ избирательныхъ списковъ, составленныхъ въ Молдавіи въ духѣ открыто-враждебномъ соединенію Княжествъ. Несмотря на этотъ протестъ, выборы были произведены въ Молдавіи 19-го іюля. Это возбудило новые переговоры между державами, благопріятствующими соединенію Княжествъ. Онѣ рѣшились требовать, чтобы выборы объявлены были недѣйствительными. Мы еще не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о ходѣ переговоровъ въ Константинополѣ; но протестъ четырехъ названныхъ выше державъ не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе что есть телеграфическое извѣстіе изъ Константинополя отъ 31-го іюля о выходѣ министерства въ отставку, и о назначеніи новаго министерства,

во главѣ котораго стоитъ уже не Решидъ-паша, а Мустафа-паша, бывший губернаторомъ на островѣ Критѣ. Мы возвратимся къ этому предмету въ слѣдующемъ обзорѣни.

Французскій комиссаръ въ Дунайскихъ княжествахъ бдительно слѣдилъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ, и въ офиціальному органу французскаго правительства, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, отъ времени до времени появлялись полу-офиціальныя письма изъ Букареста и Яссы, письма, въ которыхъ указывались злоупотребленія начальствъ по поводу выборовъ. Недавно во французскомъ «Монитерѣ» появилось новое письмо изъ Яссы въ томъ же родѣ. Изъ него видно, что агенты молдавскаго каймакана считаютъ даже побои позволительнымъ средствомъ противодѣйствія приверженцамъ соединенія. Передъ выборами каймаканъ продолжалъ произвольно смѣнять чиновниковъ; другіе чиновники сами выходили въ отставку, не имѣя возможности добросовѣстно исполнять свою обязанность. Такъ поступилъ начальникъ города Галаца, г. Куца, считавшійся однимъ изъ способнѣйшихъ людей въ администраціи. Просьба его объ увольненіи, какъ офиціальная бумага, должна быть передана европейской международной комиссіи и будетъ присоединена къ числу документовъ, которые поступятъ на разсмотрѣніе парижской конференціи. Просьба г. Куцы показываетъ какъ важны были злоупотребленія, побудившія его удалиться. Такъ какъ этими злоупотребленіями объясняется политика державъ, благопріятствующихъ соединенію Княжествъ, то мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь просьбу г. Куцы въ русскомъ переводѣ:

«Просьбы и жалобы гражданъ всѣхъ сословій въ Галацѣ и Галацкомъ округѣ, по поводу угрозъ сборщика податей и избирательнаго комитета, желающихъ стѣснить или вовсе уничтожить свободу выборовъ, утвержденную фирманомъ, справедливы и законны; напротивъ, образъ дѣйствій чиновниковъ, обязанныхъ содѣйствовать выборамъ, совершенно противенъ законамъ и фирману. Впервыхъ, чиновники позволяютъ себѣ публиковать фальшивые списки, внося въ нихъ нѣкоторыя имена и исключая другія, которыя стояли въ первоначальныхъ спискахъ, составленныхъ городскими совѣтами. Вторыхъ, многіе чиновники, пользовавшіеся уваженіемъ, смѣнены, и на мѣсто ихъ, въ такое критическое время, назначены люди неспособные и вредные. Третьихъ, въ Галацкомъ округѣ господствуетъ система устрашенія съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ города; а именно: главный сборщикъ майоръ Кристе и полицейскій комиссаръ ночью вломались въ домъ стольника Алевра. Это исполнено было по приказанію вашего превосходительства (1), на которое

(1) Просьба объ отставкѣ писана на имя каймакана.

ссылается майоръ, и въ то время, когда меня не было въ Яссахъ. Отъ меня скрывались, потому что я не допустилъ бы такихъ беззаконныхъ дѣлъ, и никогда бы не согласился быть постыднымъ орудіемъ правительства. Вчетвертыхъ, избирательный комитетъ поступаетъ незаконно, отвергая просьбы тѣхъ, которые имѣютъ право просить и жаловаться, и не давая имъ никакихъ объясненій. Такъ было поступлено со всѣми небогатыми землевладѣльцами и со многими боярами. Впятыхъ, комитетъ засѣдаетъ только для вида, а въ дѣйствительности ограничивается исполненіемъ распоряженій, насколько не согласныхъ съ фирманомъ. Вшестыхъ, меня удалили изъ комитета и послали въ молдавскую часть Бессарабіи, тогда какъ по смыслу фирмана я былъ обязанъ предсѣдательствовать въ комитетѣ. Вседьмыхъ, восемь предмѣстевъ лишены политическихъ правъ, хотя жители ихъ и внесены въ избирательные списки; исключенъ также цехъ странствующихъ торговцевъ и пр. Всѣ эти поступки съ одной стороны нарушаютъ права гражданъ, съ другой — текстъ фирмана, основанный на парижскомъ трактатѣ. Несмотря на изустныя представленія, сдѣланныя мною вашему превосходительству и министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости прекратить подобныя злоупотребленія (ибо я былъ увѣренъ, что они происходятъ отъ низшихъ чиновниковъ), вами не было сдѣлано никакихъ распоряженій; напротивъ, насильственныя мѣры стали чаще, и потому я вынужденъ, при всемъ моемъ желаніи служить отечеству въ такое критическое время, просить объ увольненіи моемъ отъ должности паркалаба, слишкомъ тяжелой при такой системѣ.»

Трудно повѣрить, чтобы въ XIX вѣкѣ, въ странѣ, на которую обращено усиленное вниманіе всей Европы, возможны были подобныя злоупотребленія; еще менѣе вѣроятно, чтобы люди, стоящіе во главѣ управленія, могли въ наше время и при такихъ обстоятельствахъ надѣяться на безнаказанность подобнаго образа дѣйствій. А между тѣмъ это такъ. Понятно, что Франція, Россія, Пруссія и Сардинія рѣшились громко протестовать противъ выборовъ, произведенныхъ на такомъ основаніи, и что Порты должна принять какія-нибудь мѣры для удовлетворенія какъ правительствъ и общественнаго мнѣнія Европы, такъ и тѣхъ несчастныхъ провинцій, участь которыхъ зависитъ отъ исполненія парижскаго трактата. Мы упомянули выше о телеграфическомъ извѣстіи изъ Константинополя относительно перемены оттоманскаго министерства. Есть другое, позднѣйшее извѣстіе (отъ 5-го августа) изъ Константинополя о томъ, что французскій посланникъ формально требовалъ отозванія молдавскаго каймакана, и, не получивъ удовлетворенія, намѣренъ былъ выѣхать изъ столицы. Султанъ принужденъ былъ употребить послѣднее средство соглашенія, именно объявить, что обратится съ письмомъ къ императору Французовъ. Новое министерство, очевидно, отказалось отъ слишкомъ важныхъ уступокъ.

Дѣла Англіи на отдаменномъ Востокѣ сильно запутываются. О возстаніи остъ-индскихъ войскъ было и будетъ сообщено во второй части нашего обозрѣнія; здѣсь мы замѣтимъ только, что это возстаніе не останется безъ вліянія на ходъ англо-китайской войны. Значительная часть военныхъ силъ, первоначально отправленныхъ изъ Англіи въ Китай, отвлечена отъ этого назначенія остъ-индскими событиями. Французская помощь, о которой недавно сообщали всѣ журналы, не обѣщана Англіи: «Мониторъ» официально объявилъ, что французское правительство не имѣетъ въ виду отправить войско въ Китай для совмѣстныхъ дѣйствій съ Англичанами. Впрочемъ, Англія едва ли желала этой помощи, по крайней мѣрѣ до остъ-индскаго возстанія. По всему видно, что она желаетъ играть исключительную роль въ Китаѣ, и что ей хотѣлось бы одной наказать Китайцевъ. Въ настоящее время сухопутныя силы ея направлены въ Остъ-Индію, и слѣдовательно пока не могутъ дѣйствовать въ Китаѣ; но флотъ уже приступилъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ: въ концѣ мая и 1-го іюня онъ захватилъ 167 китайскихъ джонокъ, на которыхъ было болѣе 900 пушекъ.

Неучастіе Франціи въ англо-китайской войнѣ не означаетъ однако, чтобы между правительствами французскимъ и англійскимъ произошло охлажденіе. 6-го августа императоръ Французовъ вторично посѣтилъ королеву англійскую, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валуевскаго. Это посѣщеніе уже подаетъ поводъ къ разнымъ толкамъ; полагаютъ, что результатомъ этого посѣщенія будетъ удаленіе изъ Англіи Ледрю-Роллена и другихъ политическихъ изгнанниковъ, отъ которыхъ такъ сильно желаетъ избавиться нынѣшнее французское правительство. Какъ бы то ни было, посѣщеніе это чрезвычайно важно въ настоящее время. Замѣчательно также, что на другой день по прибытіи императора Французовъ на островъ Вайтъ, въ англійской министерской газетѣ (Morning-Post) помѣщена сильная статья противъ французскаго посланника въ Константинополь, г. Тувенля.

Важнѣйшее постановленіе послѣднихъ двухъ недѣль, въ нашемъ отечествѣ, есть недавно обнародованный уставъ десятой народной переписи. Передаемъ главныя ея основанія. Переписи подлежатъ всѣ подданные Россіи, всякаго возраста, пола, поколѣнія или племени и исповѣданія, съ тѣми только изыятіями, о которыхъ упомянется ниже. Подлежащіе переписи вносятся въ нее или для платежа податей и отправленія другихъ государственныхъ повинностей или только для одного счета народонаселенія. Съ первою цѣлю въ перепись вносятся: 1) купцы всѣхъ гильдій (на случай перехода ихъ въ мѣщане), мѣщане, цѣховые, рабочіе и т. п. 2) поселяне всѣхъ наименованій,

3) ямщики, 4) однодворцы, 5) государственные крестьяне, водворенные на собственных землях и крестьяне остзейских губерний; 6) вольные люди, въ городахъ и селеніяхъ живущіе, по ихъ сословіямъ, половники, Евреи земледѣльцы и обязанные крестьяне; 7) пахотные солдаты, 8) малороссійскіе казаки и войсковые обыватели; 9) крестьяне, приписанные къ заводамъ и фабрикамъ; 10) крестьяне приписанные къ городамъ и разнымъ учрежденіямъ; 11) поселенные питомцы воспитательныхъ домовъ; 12) колонисты, 13) крѣпостные дворовые люди, 14) служители при разныхъ казенныхъ мѣстахъ и ихъ семейства; 15) лица, принадлежащія къ магометанскому духовенству во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ Таврической, гдѣ въ перепись вносятся только ихъ семейства. Дѣти же высшихъ духовныхъ лицъ освобождаются отъ внесенія въ перепись. 16) Воспитанники изъ податнаго состоянія коммерческихъ училищъ и разныхъ технологическихъ заведеній; 17) дѣти и потомство солдатъ и матросовъ; 18) дѣти мужескаго пола, прижитыя временно пребывающими въ Россіи азіатцами отъ брака съ дочерьми русскихъ подданныхъ; 19) лица податнаго состоянія, поселившіяся въ российско-американскихъ колоніяхъ; 20) поселенцы въ Сибири и дѣти ихъ; 21) ссыльно-каторжные, освобожденные отъ работъ, и дѣти ихъ; 22) государственные преступники и дѣти ихъ, находящіяся на поселеніи; 23) всѣ инородцы; 24) всѣ лица, которыя по изданіи указа о десятой переписи обязаны, при избраніи рода жизни, приписаться къ податному состоянію.

Для одного счета народонаселенія въ перепись вносятся: 1) воспитанники разныхъ технологическихъ заведеній, приобрѣтшіе особья права по окончаніи курса; 2) ученики сиротскихъ домовъ до выпуска; 3) уволенные изъ адмиралтейскихъ рабочихъ экипажей питомцы воспитательнаго дома; 4) получившіе званіе ученыхъ мастеровыхъ изъ воспитанниковъ московскаго ремесленнаго учебнаго заведенія; 5) отставные придворные служители и дѣти ихъ; 6) лица, лишенные духовнаго сана за пороки, и, по престарѣлымъ лѣтамъ и совершенной неспособности къ работамъ, отзданныя родственникамъ или въ приказы общественнаго призрѣнія; 7) воспитанники приказовъ общественнаго призрѣнія до достиженія ими совершеннолѣтія, а также отпущенныя на волю безъ отцовъ и матерей или другихъ родственниковъ малолѣтныя дѣти или круглыя сироты изъ крѣпостныхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, которыхъ отпускныя хранятся въ приказахъ общественнаго призрѣнія; 8) штатные служители при церквахъ, монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ и дѣти ихъ, не достигшія двадцатилѣтняго возраста; 9) штатные служители при католическихъ монастыряхъ, имѣнія которыхъ взяты въ казну; 10) вольные матросы, записанные въ цехи; 11) нѣжинскіе Греки; 12) овцеводы изъ иностранцевъ и дѣти ихъ; 13) объѣзные вотчинники и крестьяне, проживающіе Олонекской губерніи въ Петро-

заводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ; 14) бѣлопашцы въ Костромской губерніи; 15) крестьяне, вошедшіе въ округи военныхъ поселеній, но окончательно въ оныя не поступившіе; 16) адмиралтейскіе поселяне охтенскіе и черноморскіе; 17) крестьяне, приписанные къ дворцамъ С.-Петербургской губерніи; 18) крестьяне при Кіевской Межигорской фабрикѣ; 19) приписанные къ Павловской суконной фабрикѣ крестьяне и мастеровые; 20) приписанные къ Елтонскому соляному озеру крестьяне; 21) крестьяне городскихъ госпитальныхъ мызъ въ Эстляндской губерніи; 22) всѣ лица податнаго состоянія, призрѣваемые въ богоугодныхъ заведеніяхъ; 23) крещенные инородцы, которые до принятія православія были изъяты отъ платежа податей; 24) государственные преступники, состоящіе подъ полицейскимъ надзоромъ. Сверхъ того, также для одного только счета, вносятся въ перепись священно-и-церковно-служители православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій.

Вовсе изъемяются отъ внесенія въ перепись: 1) дворяне, потомственные и личные; 2) лица, состоящіа въ государственной службѣ; 3) домашніе учителя, 4) всѣ нижніе военные чины, состоящіе на службѣ, какъ регулярнаго, такъ и иррегулярнаго войска; 5) почетные граждане, потомственные и личные; 6) дѣти евангелическо-лютеранскихъ пасторовъ, рожденныя въ бытность отцовъ ихъ проповѣдниками, и причисленныя къ почетному гражданству; 7) отставные канцелярскіе служители, вышедшіе въ отставку до изданія указа 22-го ноября 1828 года; 8) люди, принадлежащіе къ вѣдомствамъ почтовому и театральному; 9) отставные придворные служители и дѣти ихъ, не принятые въ придворное вѣдомство и не записанныя въ податное состояніе; 10) лица, пріобрѣтшія ученыя степени, кромѣ аптекарскихъ учениковъ; 11) приходскіе учителя, комнатные надзиратели, помощники инспекторовъ университетскихъ студентовъ, смотрители за воспитанниками министерства народнаго просвѣщенія и проч.; 12) лица, которыя, будучи обязаны избрать родъ жизни, поступили въ служительскія должности при казенныхъ мѣстахъ и присутствіяхъ, а также служители казенныхъ типографій и проч.; 13) изъ магометанскаго духовенства Таврической и западныхъ губерній: высшія духовныя лица, уволенные за старостью и увѣчьемъ, перечисленныя въ духовенство до изданія мнѣнія Государственнаго Совѣта 24-го мая 1848 года, и дѣти ихъ; 14) караимы, занимающіе духовныя должности; 15) штатные ламы въ Сибири; 16) осыдлые инородцы въ колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи, также племена, живущія по берегамъ Америки, и креолы, 17) Киргизы Внутренней орды; 18) мастеровые и рабочіе при монетныхъ дворахъ и казенныхъ заводахъ и мануфактурахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ кабинета Его Императорскаго Величества.

Касательно способа производства ревизіи постановлены слѣдующія

правила. Всѣ прописныя въ послѣднюю, девятую ревизію вносятся въ новую безъ всякаго взысканія за прежнюю утайку или пропускъ. Дѣйствіе переписи открывается со дня полученія на мѣстахъ указа. Внесеніе вновь родившихся и исключеніе умершихъ людей ограничивается днемъ подписанія ревизскихъ сказокъ. Для подачи ревизскихъ сказокъ назначаются два срока: первоначальный и дополнительный, послѣдній со внесеніемъ пени. Первоначальный продолжается годъ, а въ губерніяхъ Ставропольской и сибирскихъ четырнадцать мѣсяцевъ, со дня полученія указа. Дополнительный срокъ продолжается три мѣсяца, а въ губерніяхъ Ставропольской и сибирскихъ — четыре мѣсяца.

Относительно торговли и кредитныхъ учрежденій вышли слѣдующія постановленія. Высочайше-утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, предписано допустить пріемъ акцій Камско-Волжскаго Пароходнаго Общества въ залоги по казеннымъ подрядамъ, поставкамъ и откупамъ, въ 150 руб. сер. каждую. — Высочайше-утвержденнымъ 10-го іюля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено: 1) Коммерческому Банку производить, между прочимъ, ссуды: а) подъ учетъ билетовъ сохранныхъ казенъ и шести-процентныхъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ по 95 коп.; б) подъ пятипроцентные билеты той же комиссіи и пятипроцентныя облигаціи Царства Польскаго, по 90 коп.; с) подъ $4\frac{1}{2}\%$ билеты той же комиссіи по 80 коп., и d) подъ польскія облигаціи въ 500 злотыхъ — по 70 коп. за рубль. 2) Рижской конторѣ, независимо отъ выдачъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ товаровъ, производить ссуды подъ залогъ билетовъ сохранныхъ казенъ, Коммерческаго и Заемнаго банковъ по 6%; подъ залогъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ по 95 коп. за рубль; подъ учетъ облигацій займовъ Царства Польскаго и облигацій казначейства Царства; подъ залогъ билетовъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго; подъ учетъ непрерывно-доходныхъ билетовъ лифляндскаго крестьянскаго банка и облигацій, выданныхъ рижскимъ биржевымъ комитетомъ по разрѣшенному ему пятипроцентному займу, по 80 коп. за рубль. — Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го іюня предписано, по окончаніи правъ одесскаго порто-франко, то-есть съ 15-го августа текущаго 1857 года, распространить на Одессу общій таможенный тарифъ.

Въ Англии извѣстія изъ Индіи продолжаютъ тревожить правительство и общественное мнѣніе. По всѣмъ признакамъ, возстаніе сипаевъ есть явленіе гораздо болѣе важное, чѣмъ простой военный бунтъ. Нѣкоторые журналы дотого доходятъ въ своихъ опасеніяхъ, что совѣтуютъ правительству принять для усмиренія Индіи столь же рѣшительныя мѣры, какъ еслибы дѣло шло о европейской войнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, религіозный характеръ возстанія не подлежитъ

теперь никакому сомнѣнію, и едва ли британскому правительству не предстоитъ снова совершить покореніе Индіи. Безпокойство увеличивается еще рѣдкостію официальныхъ донесеній. До сихъ поръ правительство могло только одинъ разъ удовлетворить требованію парламента, представивъ ему полученныя изъ Индіи донесенія. Но въ этихъ донесеніяхъ не содержалось ничего новаго. Они только подтверждали то, что уже было извѣстно изъ корреспонденцій журналовъ и депешъ, полученныхъ торговыми домами. Къ довершенію затруднительнаго положенія, въ которомъ находится англійская армія въ Индіи, она потеряла еще своего главнокомандующаго. Генералъ Ансонъ, который долженъ былъ командовать войскомъ, осаждающимъ Дельги, умеръ отъ холеры 27 мая. Мѣсто его занялъ пока генералъ сэръ-Патрикъ Грантъ. Правительство назначило главнокомандующимъ сэръ-Колинъ Кемпбелля. Этотъ выборъ былъ встрѣченъ благопріятно общественнымъ мнѣніемъ. Новый начальникъ принялъ затруднительный постъ съ большою готовностію и спѣшилъ отправиться въ Индію. Какъ видно, въ Англии намѣрены не щадить средствъ для прекращенія бунта. Въ парламентѣ былъ предложенъ вопросъ, нѣтъ ли необходимости сдѣлать заемъ для предстоящей экспедиціи; но министерство отвѣчало, что средства компаніи таковы, что вовсе не требуютъ вмѣшательства правительства.

Между тѣмъ въ Индіи до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано для усмиренія мятежа, который съ каждымъ днемъ распространяется далѣе, сопровождаясь ужасными происшествіями. Когда сипаи овладѣли городомъ Дельги, они поступали съ своими европейскими офицерами съ крайнею жестокостію. Офицеры, попавшіеся въ руки мятежниковъ, были умерщвляемы самымъ возмутительнымъ образомъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сначала были изрублены ихъ жены и дѣти, а потомъ они сами. Спасшіеся должны были преодолѣть страшныя препятствія. Въ городѣ всѣ бродяги присоединились къ мятежникамъ. Новый король былъ провозглашенъ на другой день послѣ истребленія Европейцевъ. Королевское знамя было выставлено на главной полицейской канцеляріи, потомъ стрѣляли изъ пушекъ въ честь восшествія на престолъ, затѣмъ возобновились прежнія сцены. Мѣстный банкъ былъ совершенно разграбленъ. Въ два дня исчезло до 200,000 рупій. Почта остановлена, телеграфическія нити перерѣзаны. Европейцы не смѣютъ показаться на улицахъ. Въ городѣ нѣтъ никакого порядка, и каждый долженъ самъ защищаться. Мятежники напали было на домъ одного изъ важнѣйшихъ банкировъ, Мунгси Рама; но тотъ, съ помощью своихъ людей, далъ имъ такой отпоръ, что они не осмѣлились повторить нападенія. Король безсиленъ остановить своевольство сипаевъ. Многіе думаютъ, что онъ даже принялъ это званіе противъ воли и только для спасенія собственной жизни. По окончаніи кровопролитія онъ развѣзжалъ по

улицамъ, упрасивая купцовъ открывать лавки. Затѣмъ онъ послалъ за важнѣйшими лицами города и окрестностей и просилъ ихъ помочь ему основать правительство. Разумѣется, всѣ эти мѣры не привели ни къ какому результату. Купцы не хотѣли открывать лавокъ, а лица, къ которымъ обратился король, отказались помогать ему подъ предлогомъ болѣзни или неопытности въ дѣлахъ. Король произвелъ нѣкоторыхъ изъ туземныхъ офицеровъ въ генералы и маршалы, а солдатамъ велѣлъ раздать по 14 рупій въ мѣсяцъ. Безпорядокъ, господствующій въ городѣ, не могъ, разумѣется, остаться безъ послѣдствій. Многіе увѣряютъ, что вслѣдствіе множества не погребенныхъ труповъ въ Дельги должна открыться большая смертность. Можетъ-быть, въ такомъ случаѣ Англичанамъ и удастся овладѣть имъ; но военными средствами, которыми они теперь располагаютъ, едва ли имъ удастся это сдѣлать. Число возставшихъ сипаевъ значительно превышаетъ англійскую армію. При одной вылазкѣ изъ города сипаи потерпѣли пораженіе и потеряли нѣсколько пушекъ; но потомъ Англичане не имѣли никакого успѣха.

Любопытны нѣкоторыя подробности возстанія, которыя доказываютъ, какой фанатизмъ овладѣлъ индійскими племенами. Вотъ исторія возмущенія 9-го полка. Эмиссаръ мятежныхъ сипаевъ пробрался въ Ферозеноръ и старался уговорить солдатъ присоединиться къ дельгійскимъ бунтовщикамъ. Онъ тотчасъ былъ схваченъ и разстрѣлянъ. Но прежде, чѣмъ успѣли убрать тѣло, изъ рядовъ 9-го полка вышелъ фанатикъ и сказалъ, что убить мученика религін, и что правительство намѣрено истребить всѣ касты въ Индіи. Послѣ нѣ котораго колебанія почти весь полкъ поднялъ крикъ и объявилъ, что пойдетъ въ Дельги. Нѣкоторые изъ солдатъ подходили къ своимъ офицерамъ и говорили имъ, что они не могутъ противиться желанію своихъ товарищей, но будутъ стараться спасти офицеровъ: эти солдаты сдержали свое слово. Возстаніе въ недавно-присоединенномъ Аудскомъ королевствѣ произошло еще болѣе замѣчательнымъ образомъ. 14-й полкъ, который тамъ находится, уговоренный офицерами, къ которымъ солдаты были привязаны, рѣшился не присоединяться къ бунтовщикамъ, а просто разойтись, если ему будутъ розданы подозрительные патроны. Для того, чтобъ совершенно успокоить этотъ полкъ, начальство вздумало сжечь всѣ патроны. Эта мѣра произвела впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, котораго ожидали. Солдаты вообразили, что въ патронахъ непременно должно заключаться что-нибудь нечистое, потому что иначе начальство не стало бы жечь ихъ. Этого было достаточно для возмущенія цѣлаго полка, который тотчасъ же присоединился къ мятежникамъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, возстаніе приняло самыя широкіе размѣры.

Волненія въ Индіи не мѣшаютъ парламенту обращать самое серьезное вниманіе на внутреннія реформы. Вопросъ о допущеніи Евреевъ въ нижнюю палату не считается окончательно рѣшеннымъ, несмотря на утвержденіе билля о присягѣ палатою лордовъ. Уже теперь приверженцы этого билля изыскиваютъ всѣ средства для введенія Евреевъ въ парламентъ. Съ этою цѣлію парламенту сдѣлано два предложенія. Одно изъ нихъ принадлежитъ г. Дильвейну, другое—Джону Росселю. Г. Дильвейнъ предлагаетъ объявить вопросъ о присягѣ такимъ вопросомъ, который касается внутренняго устройства нижней палаты, и потому не требуетъ для рѣшенія участія палаты лордовъ. Если предложеніе г. Дильвейна будетъ принято, то, при чтеніи присяги для г. Ротшильда, клеркъ палаты опуститъ слова: «по истинной христіанской вѣрѣ». Впрочемъ, это средство далеко не такъ можетъ быть успѣшно, какъ кажется съ перваго взгляда. По англійскимъ законамъ, всякій имѣетъ право протестовать противъ незаконнаго присутствія въ палатѣ и требовать, чтобы депутатъ, незаконно поступившій въ палату, былъ приговоренъ къ уплатѣ значительной пени. Подобный примѣръ уже былъ въ исторіи парламента. Въ юлѣ 1851 альдерманъ Саломонсъ далъ такую не полную присягу, съ опущеніемъ послѣднихъ словъ формы. Противъ г. Саломонса былъ вслѣдствіе этого предьявленъ искъ, и палата казначейства обвинила его, приговоривъ къ штрафу въ 500 ф. стерл. (3,925 р. сер.). Правда, на это рѣшеніе была подана аппелляція въ палату лордовъ, но дѣло до сихъ поръ еще не рѣшено, и г. Ротшильдъ рискуетъ подвергнуться той же участи. Кромѣ этого препятствія, предложеніе г. Дильвейна встрѣтило еще сильное сопротивленіе со стороны лорда вице-канцлера. Лордъ Кампбелль не принадлежитъ къ числу противниковъ билля о присягѣ, но руководимый чувствомъ законности, не желаетъ, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ внѣ обыкновенныхъ парламентскихъ способовъ. Говоря о предложеніи г. Дильвейна, лордъ Кампбелль называлъ его нарушеніемъ конституціи и объявилъ, что будетъ самъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ барона Ротшильда. Увлеченный собственнымъ краснорѣчіемъ, лордъ Кампбелль воскликнулъ даже, что если нижняя палата пошлетъ его въ тюрьму за исполненіе закона, то онъ надѣется, что народъ возстанетъ на его защиту. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова останутся риторическою фигурой, и что дѣло никакъ не дойдетъ до подобныхъ крайностей.— Другое предложеніе, сдѣланное лордомъ Джономъ Росселемъ, имѣетъ, кажется, за себя болѣе вѣротности успѣха. Оно состоитъ въ томъ, чтобы нижняя палата объявила принадлежащими себѣ тѣ права, которыя имѣетъ всякое судебное мѣсто относительно присяги, то—есть, право требовать отъ своихъ членовъ только той присяги, которая обязываетъ ихъ совѣсть. Такимъ образомъ, принимая депутата нехристіан-

скаго исповѣданія, палата имѣла бы право освободить его отъ произнесения словъ: «по истинной христіанской вѣрѣ». Притязанія нижней палаты рѣшить вопросъ о присягѣ, независимо отъ верхней, не заключаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Подобный же способъ рѣшенія былъ допущенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ палатою лордовъ, по дѣлу лорда Венслидела. Тогда надобно было рѣшить, можно ли допустить пожизненныхъ перовъ, и верхняя палата сдѣлала объ этомъ постановленіе безъ всякаго участія нижней палаты. Предложеніе лорда Джона Росселя тѣмъ скорѣе можетъ имѣть благопріятный успѣхъ, что его обѣщаль поддерживать лордъ Пальмерстонъ, объявивъ однако, что не желаетъ дать этому предложенію первенства передъ реформами, которыя намѣрено предложить правительство. Предложеніе лорда Джона Росселя было принято, при первомъ чтеніи, большинствомъ 246 голосовъ противъ 154. Между тѣмъ, какъ въ парламентѣ происходили эти пренія, избиратели города Лондона собрались на митингъ, подъ предсѣдательствомъ г. Прескотта. На этомъ митингѣ баронъ Ротшильдъ, котораго избраніе было, по обыкновенію, поводомъ къ парламентской борьбѣ, отказался отъ званія депутата, удерживая однако свою кандидатуру на случай, если билль о присягѣ будетъ наконецъ утвержденъ. Для того, чтобъ объяснить себѣ значеніе отказа барона Ротшильда, надобно вспомнить, что въ Англіи, гдѣ права лицъ пользуются такимъ широкимъ обезпеченіемъ со стороны закона, никто въ сущности не можетъ лишить избраннаго депутата званія члена палаты. Хотя, не давъ присяги, баронъ Ротшильдъ лишенъ права принимать участіе въ засѣданіяхъ, но до его отказа нельзя выбрать на его мѣсто другаго. Г. Ротшильдъ не хотѣлъ лишать своихъ избирателей представителя въ нижней палатѣ. Избиратели подтвердили ему, что онъ во всякомъ случаѣ можетъ располагать ихъ голосами, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, повторили свой выборъ.

Нижняя палата, или вѣрнѣе, назначенный ею комитетъ продолжаетъ заниматься разсмотрѣніемъ неправильныхъ избраній на послѣднихъ выборахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сопровождались довольно любопытными обстоятельствами. Особенно въ Ирландіи католическое духовенство, въ ревностной защитѣ своихъ кандидатовъ, доходило до самыхъ неумѣренныхъ поступковъ. Комитетъ открылъ напримѣръ, что ирландскій священникъ, отецъ Конвей (Conway), поддерживая католическаго кандидата г. Мура, ходилъ съ толпою людей, вооруженныхъ камнями и дубинами, по окрестностямъ Дублина, не допуская въ городъ тѣхъ избирателей, которые намѣрены были подать голосъ за кандидата противной партіи. Ультрамонтанскіе журналы во Франціи находятъ средство защищать подобный образъ дѣйствія.

Мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣннй о новомъ

законъ, предложенномъ нижней палатѣ лордомъ Кампбеллемъ, о признаніи за журналами права передавать публичныя рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ или на митингахъ. Тогда палата назначила особый комитетъ для разсмотрѣнія этого вопроса. Теперь комитетъ окончилъ свою работу и представилъ донесеніе палаты. Считаемо нелишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, въ чемъ именно заключаются затрудненія при рѣшеніи этого вопроса. Известно, что, по закону, журналамъ не только не позволено, но положительно запрещено печатать подобныя рѣчи. Но дѣло не въ этомъ. Еслибъ надобно было только уничтожить обветшалый законъ, лишенный смысла въ настоящее время, то вопросъ могъ бы быть рѣшенъ удовлетворительно безъ всякихъ затрудненій. Но съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ объ искахъ о безчестьѣ, которые, при сильно развитой гласности, служатъ въ Англии единственнымъ обезпеченіемъ для частныхъ лицъ противъ злоупотребленій журналистики. Въ Англии иски о безчестьѣ замѣняютъ исправительные штрафы, принятые во Франціи, и надобно сказать, лучше достигаютъ цѣли. Огромность суммы, къ уплатѣ которой судъ можетъ приговорить виновнаго въ качествѣ вознагражденія за убытки, можетъ остановить самаго смѣлаго чловека. Случалось, что убытки опредѣлялись въ сумму 6000 ф. стерл. До сихъ поръ журналы подвергались одинаковой отвѣтственности съ авторами рѣчи и слѣдовательно могли быть приговорены къ участию въ уплатѣ. Казалось бы, что всего справедливѣе освободить совершенно журналы отъ судебного преслѣдованія: въ намѣреніяхъ оратора всегда заключается дать своей рѣчи наибольшую гласность, поэтому и естественно возложить на него всю тяжесть отвѣтственности. Но лордъ Кампбелль не рѣшился однако дать такой простой смыслъ новому закону. Съ обычнымъ въ Англии почтеніемъ къ прошедшему, онъ предпочелъ избрать среднюю дорогу. Не ставя журналовъ внѣ всякой отвѣтственности, онъ предпочелъ опредѣлить тѣ случаи, въ которыхъ напечатаніе рѣчей будетъ считаться, употребляя англійское выраженіе, *привилегированнымъ*, то—есть когда журналы не отвѣчаютъ за то. Сюда входятъ рѣчи на засѣданіяхъ парламента и митингахъ, но не всѣхъ, а только тѣхъ, которые исчислены въ законѣ. Къ числу такихъ митинговъ отнесены—собранныя шерифомъ или меромъ для принесенія просьбы королевѣ или парламенту, собранія муниципальныхъ совѣтовъ и совѣтовъ народнаго здравія, собранія всякой корпорации, утвержденной парламентомъ, для раскладки податей и совѣщаній о мѣстныхъ дѣлахъ; однимъ словомъ, всѣ митинги съ политическимъ или общественнымъ характеромъ. Въ настоящее время этотъ билль поступилъ на разсмотрѣніе нижней палаты.

Билль о разводѣ, поступившій въ нижнюю палату изъ верхней, былъ уже прочтенъ одинъ разъ и получилъ большинство. Второе

чтеніе назначено черезъ нѣсколько дней. Предложеніе одного изъ членовъ отложить чтеніе билля на мѣсяць было отвергнуто большинствомъ 217 голосовъ, противъ 130.

Волненіе, возбужденное въ обществѣ слухами о желаніи индійскихъ плантаторовъ получить согласіе правительства на ввозъ свободныхъ негровъ въ Индію, нашло отголосокъ въ парламентѣ. Въ засѣданіи верхней палаты 17-го іюля лордъ Брумъ сдѣлалъ предложеніе о поднесеніи королевѣ адреса, съ просьбою не давать соизволенія на такую мѣру, которая можетъ имѣть послѣдствіемъ возобновленіе торгова неграми. Изъ преній по этому поводу открылось, что императоръ Французовъ далъ разрѣшеніе на ввозъ свободныхъ негровъ изъ Африки во французскія колоніи, гдѣ недостатокъ рукъ становится очень чувствителенъ. Адресъ былъ представленъ въ концѣ мѣсяца, и королева отвѣчала, что ея правительство никогда не согласится на такую предосудительную мѣру. Хотя, при этомъ, рѣчь идетъ о ввозѣ свободныхъ негровъ, но опасаются, что это возобновитъ кровопролитія между африканскими племенами, и поведетъ къ усиленію той ловли живыхъ людей, которою занимались негретянскіе царьки; что хотя негры коснувшись почвы колоній, и будутъ свободными, но приобрѣтеніе ихъ будетъ слѣдствіемъ неизчислимыхъ золъ! Не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ вѣрны эти опасенія общественнаго мнѣнія въ Англіи.

Для полноты сообщаемыхъ извѣстій скажемъ о двухъ *рѣчахъ* гг. Робокъ и Дизраэли, изъ которыхъ ни одна не имѣла послѣдствій. Первый изъ этихъ депутатовъ предлагалъ довольно поздно выразить неодобреніе палаты относительно дѣйствій правительства въ недавно кончившуюся персидскую войну. Предложеніе, запоздавшее и опиравшееся почти исключительно на финансовыя издержки, было отвергнуто нижней палатой. Оно не имѣло бы никакого интереса, еслибы въ теченіи преній не возникъ вопросъ, относящійся къ англійской конституціи и превосходно свидѣтельствующій о ея медленномъ, историческомъ образованіи, а главное о томъ, что въ Англіи сила заключается не въ буквѣ хартій, а въ общественномъ обычаѣ. Г. Робокъ опровергалъ право правительства объявлять войну, не предувѣдомивъ о томъ заранѣе парламента. Ему было однако доказано, что это право существуетъ. Г. Дизраэли осуждалъ управленіе Остъ-Индіей и доказывалъ, что возстаніе носитъ религіозный и національный характеръ. Его поддерживала вся торійская партія. Въ этихъ обвиненіяхъ, конечно, много справедливаго, но въ такое трудное время парламентъ не можетъ отказать правительству въ своемъ нравственномъ содѣйствіи. Рѣчь г. Дизраэли встрѣтила сильное сопротивленіе и вызвала совершенно противоположное дѣйствіе. Палата рѣшила поднести адресъ королевѣ съ изъявленіемъ своей готовности содѣйствовать правительству въ дѣлѣ усмиренія мятежа въ Индіи.

Англіи какъ будто суждено заразъ перенести нѣсколько испытаній. Въ то самое время, когда всѣ были заняты индійскими дѣлами, въ Дублинѣ произошли безпокойства, которыя, впрочемъ, были почти немедленно прекращены и не привлекли большаго вниманія ни со стороны общества, ни со стороны парламента. Болѣе отголоска нашло другое происшествіе, неудача англійской партіи на Ионическихъ островахъ. 2-го іюля, въ засѣданіи законодательнаго собранія, однимъ изъ членовъ его было объявлено, что между жителями Корфу ходитъ по рукамъ кѣмъ-то составленная просьба о томъ, чтобъ островъ былъ объявленъ англійскою колоніей. Это извѣстіе было встрѣчено общимъ негодованіемъ. Всѣ члены собранія, и президентъ въ главѣ ихъ, объявили съ энтузіазмомъ, что ихъ единственное желаніе есть соединеніе съ Греціей. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія, кто могъ составить подобную просьбу. Надобно замѣтить, что всѣ передовыя партіи на Ионическихъ островахъ имѣютъ сильное сочувствіе къ Греціи, съ тѣмъ различіемъ, что умѣренные выжидаютъ благопріятныхъ обстоятельствъ, а крайніе требуютъ немедленнаго присоединенія. Когда въ Англіи узнали объ этомъ происшествіи, то журналы, особенно министерскіе, разразились негодованіемъ. *Times* горько жалуется на политику Англіи, вездѣ представляющую подвластнымъ племенамъ родъ полусвободы. Какъ на гибельное послѣдствіе полумѣры правительства, этотъ журналъ указываетъ на примѣръ Индіи. Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, относительно Индіи есть въ этихъ словахъ доля справедливости. Заботиться о большемъ вліяніи англійскаго элемента между варварскими племенами совершенно законно и необходимо. Но объ Ионическихъ островахъ нельзя сказать этого. Здѣсь нерасположеніе къ Англіи вызвано ея насильственнымъ образомъ дѣйствій. Уже давно, почти съ каждымъ годомъ англійское правительство все болѣе и болѣе препятствуетъ проявленію національнаго духа. Жалобы на это повторяются безпрестанно. Въ послѣднее время въ бюджетъ острововъ были внесены 10,000 ф. стерл., на укрѣпленіе Корфу. Эта статья бюджета, доказывающая намѣреніе правительства усилить свои военныя средства, окончательно взволновала Ионійцевъ и раздражила ихъ противъ Англичанъ.

Во Франціи важнѣйшимъ происшествіемъ послѣдняго времени было открытіе заговора противъ императора. Этотъ заговоръ находится въ связи съ тѣми попытками возстаній, которыя недавно произошли въ разныхъ мѣстахъ Италіи. Правительство давно знало о заговорѣ; еще въ продолженіи выборовъ оно получило о немъ извѣстіе, но не хотѣло объявить объ этомъ, не желая встревожить общественное мнѣніе и помѣшать его свободному выраженію. Первое оффиціальное извѣстіе о заговорѣ было напечатано подъ конецъ мѣсяца въ «Монитерѣ». Здѣсь было сказано, что заговоръ противъ

жизни императора составленъ въ Лондонѣ. Исполненіе его было поручено тремъ Итальянцамъ, которые схвачены съ разнымъ оружіемъ, книжками, револьверами и проч. Преданные суду, эти Итальянцы назвали своихъ сообщниковъ. Заговоръ составили слѣдующія лица: Тибальди, Бартолотти, Грилли, прозванный Саро, Мадзини, Ледрю-Ролленъ, Массаренти и Кампанелла. Въ чемъ состояло покушеніе, и было ли оно, а также о планѣ заговора ничего не сказано. Двое изъ поименованныхъ лицъ, Ледрю-Ролленъ и Кампанелла, протестовали въ англійскихъ журналахъ противъ приписываемаго имъ участія. Первый, въ случаѣ обнародованія противъ него какихъ-нибудь доказательствъ, намѣренъ напечатать свое оправданіе.

Бдительное правительство приняло всѣ мѣры для своей безопасности. Носятся слухи, что, обязанный спасеніемъ распорядительности своего префекта полиціи, г-на Піетри, императоръ намѣренъ расширить кругъ его дѣятельности и усилить, подъ его надзоромъ, свою заграничную полицію. Внутри Парижа цѣлый мѣсяцъ принимались мѣры предосторожности противъ всякаго волненія. Къ сожалѣнію, эти мѣры начались съ печальнаго для Франціи событія, съ похоронъ Беранже, и помѣшали искреннему, несдержанному выраженію народнаго чувства. Знаменитый поэтъ скончался 16-го іюля, въ шесть часовъ вечера, переживъ только двумя днями годовщину воспѣтаго имъ взятія Бастиліи. Въ 10 часовъ утра народъ толпился около дома, въ которомъ жилъ Беранже, нетерпѣливо и съ грустію ожидая извѣстій. Смерть человѣка, съ именемъ котораго связаны всѣ самыя лучшія, самыя народныя воспоминанія Франціи, была предметомъ постоянныхъ разговоровъ всего рабочаго населенія. Правительство знало это и приняло всѣ мѣры для предупрежденія какой-бы то ни было манифестаціи. Еще за нѣсколько дней до его смерти, съ тѣхъ поръ, какъ медики объявили положеніе поэта безнадежнымъ, полиція помѣстила въ домъ Беранже своего чиновника. Ему поручено было заботиться, чтобъ никто ранѣе правительства не узналъ о кончинѣ. Такъ и случилось. Въ шесть часовъ вечера поэтъ уже не существовалъ, а въ его домѣ еще отвѣчали: «г. Беранже очень плохъ, но еще живъ.» Парижъ узналъ о его кончинѣ черезъ объявленія полиціи. Утромъ 17-го числа изъ префектуры сообщено всѣмъ журналамъ, а на улицахъ выставлено объявленіе префекта. Въ объявленіи было сказано, что императоръ намѣренъ почтить память поэта, прославившаго себя патріотическою дѣятельностію и увѣковѣчившаго въ сердцѣ народа славныя времена имперіи. Вслѣдствіе этого правительство устроить похороны Беранже на свой счетъ. Ему извѣстно, что люди партій видятъ въ этомъ событіи удобный случай для враждебной манифестаціи, а потому префектъ объявляетъ заранѣе, что приметъ противъ этого всевозможныя мѣры. Объявленіе заключается ссылкой на слова самого Беранже, который, обра-

щаясь въ завѣщаніи къ своему другу, говорить, что во всю жизнь лавѣгалъ толпы и шума, и желалъ бы, чтобы на его погребеніи не было большаго стеченія народа. — Опираясь съ полицейской точки зрѣнія на скрепное и поэтическое желаніе Беранже, г. Піетри дѣтельно распорядился похоронами. Запрещено было указывать на домъ, въ которомъ жилъ покойный, а журналамъ не велѣно было печатать его адреса. Доступъ на погребеніе былъ дозволенъ только тѣмъ, которые получили оициальное приглашеніе отъ преемста полиціи. Похороннымъ поѣздомъ распорядился чиновникъ правительства. Императоръ не присутствовалъ лично, но послалъ за себя своего генералъ-адъютанта де-Котта въ придворной каретѣ. Приглашенія были разсланы по нѣкоторымъ изъ наиболѣе извѣстныхъ литераторовъ, но многіе были забыты. Зато администрація имѣла много представителей. Народъ не допущенъ на тѣ улицы, по которымъ проходило погребальное шествіе. Онъ толпился съ ранняго утра въ близлежащихъ улицахъ, привѣтствуя гробъ криками въ честь своего пѣвца. Правительство строго смотрѣло за порядкомъ. Весь штатъ полиціи былъ на ногахъ, часть войска была разставлена на улицахъ или замыкала шествіе, остальное было наготовѣ. Увѣряютъ, что послѣ одинъ изъ министровъ говорилъ, что, при малѣйшихъ смутахъ, онъ могъ бы черезъ два часа окружить Парижъ двухсоттысячною арміею. Беранже погребенъ на кладбищѣ Отца Лашеза. Правительство намѣрено изъ собственныхъ суммъ воздвигнуть поэту національный памятникъ.

Затрудненія, созданныя послѣдними выборами для либеральной партіи, еще не прекратились. До сихъ поръ неизвѣстно, согласятся ли дать присягу избранные депутаты оппозиціи. Честный и правдивый характеръ генерала Каваньяка до сихъ поръ заставляеть его колебаться. Въ либеральной партіи ходитъ по рукамъ письмо къ генералу: его упрасиваютъ не уклоняться отъ званія представителя. Его молчаніе въ законодательномъ собраніи, сказано въ этомъ письмѣ, будетъ столь же значительно, какъ и его слова. Незвѣстно еще на что рѣшится генералъ Каваньякъ. Слухи о его намѣреніяхъ ходятъ самыя противоположныя.

Вѣроятно подъ вліяніемъ распространившихся слуховъ о заговорѣ, курсъ на биржѣ подверженъ безпрестаннымъ колебаніямъ.

Экспедиція въ Кабилию окончилась полнымъ торжествомъ Французовъ. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ успѣховъ и закладки форта Наполеонъ, маршалъ графъ Рандонъ возвратился въ Алжиръ.

Мы говорили о предпріятіи французскаго правительства принять на себя застрахованіе земледѣлія. Журналы по большей части смотрѣли неблагопріятно на эту мѣру. Недавно напечатанною въ «Монитерѣ» нотою полемика объ этомъ вопросѣ прекращена. Правительство высказываетъ твердое намѣреніе привести въ исполненіе свою

мысль. Въ статьѣ «Монитера» выставляются выгоды застрахованія со стороны правительства. Эти выгоды состоятъ въ большихъ средствахъ, которыми оно располагаетъ, въ надзорѣ со стороны обыкновенныхъ чиновниковъ, и потому въ отсутствіи необходимости заводить для этой цѣли особое управленіе. Статья «Монитера» прибавляетъ, что частная дѣятельность нисколько не стѣснена этимъ проектомъ. Нельзя однако не замѣтить, что при соперничествѣ правительства частныя предпріятія едва ли уже возможны.

Въ Испаніи возстаніе, повидимому, прекращено. Предводители мятежниковъ схвачены и разстрѣляны. Отрядъ бунтовщиковъ, разбитый близъ Севильи, тщетно старался достигнуть Гибралтара. Говорятъ, что бумаги, захваченныя у Мануэля Каро, открыли много важнаго о заговорѣ.

Въ Италіи также все уже спокойно. Возстаніе, не встрѣтивши никакого сочувствія въ народѣ, имѣло, къ несчастію, въ Неаполѣ самыя неблагопріятныя послѣдствія. Оно повело только къ новымъ мѣрамъ строгости. Король принялъ самъ участіе въ ходѣ слѣдствія. Бумаги нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ были вскрыты имъ самимъ, въ томъ числѣ бумаги, принадлежавшія главному предводителю, полковнику Пизакани. Пизакани былъ храбрымъ и даровитымъ офицеромъ. Онъ принадлежалъ къ знатной неаполитанской фамиліи. Его отецъ — герцогъ Санъ-Джованни. Пизакани родился въ 1818 году. По окончаніи воспитанія, онъ поступилъ въ корпусъ королевскихъ неаполитанскихъ офицеровъ и получилъ чинъ поручика. Въ февралѣ 1847 года онъ оставилъ неаполитанскую службу и, по ходатайству герцога Монтебелло, бывшаго тогда военнымъ министромъ во Франціи, былъ принятъ, въ чинѣ подпоручика, въ 1-й полкъ иностраннаго легіона. 24 мая 1848 Пизакани вышелъ въ отставку, объявивъ, что событія, совершающіяся въ Италіи, призываютъ его на родину, и уѣхалъ въ Геную, а оттуда въ Неаполь. Въ Неаполѣ онъ принималъ участіе въ возстаніи, и оставилъ городъ только тогда, когда возстаніе было подавлено. Въ послѣдствіи, во время осады Рима Французами, онъ былъ въ числѣ его защитниковъ. Когда итальянская революція кончилась, Пизакани уѣхалъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ Мадзини, который, во время своего кратковременнаго владычества, далъ ему чинъ полковника. Послѣднее возстаніе было предпринято противъ мнѣнія Пизакани. Опытный офицеръ доказывалъ Мадзини невозможность успѣха въ Калабріи. Но знаменитый заговорщикъ настоялъ на своемъ, и несчастный Пизакани поплатился за это жизнію. Раненый при Сапри, онъ не хотѣлъ отдаться въ плѣнъ и спасся самоубійствомъ. Въ бумагахъ Пизакани найдена рукопись подъ заглавіемъ: «Это мое политическое завѣщаніе». *Journal des Débats* получилъ копію съ нея отъ одного изъ своихъ лондонскихъ корреспондентовъ. Обнародованіе этой рукописи произвело сильное впечатлѣніе.

Путешествіе папы продолжается. По примѣру Болоньи, многіе второстепенные города подали ему просьбы о преобразованіяхъ въ мѣстномъ управленіи. Рѣшеніе, которое папа приметъ по поводу этихъ просьбъ, еще неизвѣстно. Между тѣмъ слухи о свиданіи съ австрійскимъ императоромъ подтверждаются. Время возвращенія въ Римъ еще не назначено. Въ Римѣ потребность улучшеній въ администраціи также безпрестанно высказывается. Мѣстный журналъ «Civiltà Catolica», въ одномъ изъ недавнихъ номеровъ, говоритъ, что редакція получила много анонимныхъ писемъ въ этомъ смыслѣ. Эти письма требуютъ отъ официальной газеты указаній на нѣкоторыя вопіющія злоупотребленія въ итальянскихъ государствахъ и нерѣдко наполнены угрозами, но часто подають благоразумный совѣтъ. Газета посвятила этимъ письмамъ особую статью, но въ то же время торжественно объявила, что ея дѣло состоитъ не въ защитѣ толпы передъ тронами, а въ распространеніи и защитѣ Евангелія. Большая часть писемъ такого рода приходитъ изъ Ломбардіи. Само собою разумѣется, что папскаго правительства они не касаются. Во время пребыванія своего въ городѣ Синигальѣ (Sinigaglia) папа отправилъ въ Римъ апостолическое письмо, которымъ основывается благотворительное заведеніе въ столицѣ въ пользу неизлѣчимо больныхъ, сиротъ, дѣтей, оставленныхъ родителями, и бѣдныхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ работы.

Въ Австріи стремленія католическаго духовенства къ преобладанію высказываются съ новою, еще съ большею, чѣмъ прежде, силой, благодаря недавно заключенному конкордату. Съ мѣсяцъ тому назадъ ольмюцскій архіепископъ отлучилъ отъ церкви девять члѣвъкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, за обращеніе въ протестантизмъ. Подобныя распоряженія хотя и напоминаютъ средніе вѣка, но не имѣютъ по крайней мѣрѣ вредныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, дѣйствія католическаго духовенства не всегда бываютъ такъ безвредны. Его ревность не по разуму нерѣдко имѣетъ неблагоприятное вліяніе на семейный бытъ. Таково было происшествіе, случившееся въ послѣднемъ мѣсяцѣ въ городѣ Вельсѣ. Здѣсь одинъ протестантъ, послѣ многихъ и продолжительныхъ препятствій, вступилъ въ законный бракъ съ католичкой. Мужъ и жена, оба принадлежатъ къ зажиточному и образованному классу. По совершеніи брака католическій священникъ потребовалъ отъ жены, угрожая ей церковнымъ наказаніемъ, чтобъ она представила реверсъ отъ своего мужа, съ обязательствомъ воспитывать дѣтей въ католическомъ законѣ. Жена объявила, что не можетъ вытребовать отъ мужа подобнаго обязательства. Тогда священникъ донесъ своему начальству. Вскорѣ послѣ того жена получила приказаніе явиться въ главную мѣстную церковь, для отлученія отъ церкви. При этомъ случаѣ духовенство постаралось сообщить наказанію всевозможную торжественность.

Отлученіе, говорятъ, сопровождалось цѣлымъ рядомъ унижительныхъ церемоній.

Но если въ Австріи происходятъ иногда событія, напоминающія давно минувшую эпоху, то справедливость заставляетъ сознаться, что съ нѣкоторыхъ поръ правительство замѣтно начало дѣлать уступки духу времени. Къ числу подобныхъ мѣръ принадлежатъ недавно оконченныя работы комиссіи для освобожденія поземельной собственности отъ владѣльческихъ повинностей. Австрія счастливо разрѣшила одну изъ самыхъ важныхъ задачъ новаго времени. Извѣстно, что въ ея владѣніяхъ крестьяне еще недавно находились въ крѣпостной зависимости и, по освобожденіи, еще оставались обязанными къ нѣкоторымъ повинностямъ въ пользу землевладѣльцевъ. Въ 1848 г., когда въ Германіи произошло столько полезныхъ преобразованій, Австрія, наравнѣ съ другими государствами Союза, должна была покориться рѣшенію Франкфуртскаго сейма, въ засѣданіи 7-го сентября. Этимъ рѣшеніемъ была провозглашена полная свобода собственности отъ всякаго рода повинностей. До 1850 года оно не было приведено въ исполненіе и оставалось въ одной теоріи. Въ этомъ году, 25-го сентября, былъ изданъ императорскій патентъ объ освобожденіи собственности. Патентъ имѣлъ важное практическое значеніе въ разрѣшеніи вопроса. Особенною его заслугою было то, что въ немъ съ одной стороны была опредѣлена цифра денежнаго вознагражденія, падающаго на прежнихъ крѣпостныхъ, съ другой—установлены точнымъ образомъ права бывшихъ господъ на это вознагражденіе. Опредѣленіе того и другаго было поручено особой комиссіи, которая теперь окончила свою работу. Надобно замѣтить, что ей предстояло много затрудненій, особенно въ такъ-называемыхъ коронныхъ земляхъ. Съ цѣлію облегчить и ускорить освобожденіе, комиссія выдавала особенныя облигаціи, обеспеченныя съ одной стороны податью, которую крестьяне платили за освобожденіе, съ другой, ежегоднымъ взносомъ отъ государства, въ замѣнъ того избытка податей, которыя оно получило при новомъ порядкѣ вещей. На долю правительства падала шестая часть всей суммы вознагражденія. Облигаціи постепенно выкупались, и потому каждый ихъ владѣлецъ могъ надѣяться, что рано или поздно онъ будетъ ходить *al pari*. Всего, говорятъ, было выдано, 560 милліоновъ облигацій. Такъ какъ обезпеченіемъ имъ служить земля, капиталъ, мало подверженный колебаніямъ, то облигаціи пользовались большимъ кредитомъ и мало-помалу получили предпочтеніе передъ всѣми другими государственными бумагами. Облигаціи состоятъ изъ нѣсколькихъ разрядовъ, а именно существуютъ облигаціи: 1) нижнеавстрійскія, которыхъ теперь на рынкѣ уже немного; они ходятъ по 89 за 100, слѣдовательно выше облигацій національнаго займа цѣлыми 4%; 2) облигаціи коронныхъ земель, ходятъ по 87; 3) венгерскія облигаціи. Сроку ихъ выкупа еще не наступилъ; онъ особенно цѣняется, потому что доставляютъ

выгодные проценты, и будутъ доставлять ихъ въ теченіи еще двухъ лѣтъ; наконецъ 4) галицкія, которыя доставляютъ $6\frac{1}{4}$ процентовъ. Облигаціи ходятъ также и за границу, и на главнѣйшихъ биржахъ принимаются очень охотно.

Другое важное происшествіе въ Австріи составляютъ приготовленія къ международному статистическому конгрессу. Извѣстно, что въ сентябрѣ въ Вѣнѣ будутъ происходить засѣданія третьяго международного конгресса. Для приготовленій къ этому конгрессу правительство назначило особую комиссію, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ и ученыхъ, подъ предѣдательствомъ министра торговли. Засѣданія комиссіи уже начались, и недавно изданъ отчетъ о первомъ засѣданіи, въ которомъ изложена исторія статистическихъ работъ въ Австріи. Онѣ начались при Маріи Терезіи, когда, вслѣдствіе общихъ преобразованій въ управленіи, администрація получила болѣе единства. Послѣ этого много было сдѣлано для статистики при Іосифѣ II. Въ царствованіе Леопольда II почти ничего не было сдѣлано, но зато при Францѣ I, вслѣдствіе открытія статистическихъ кафедръ въ университетахъ и статистическихъ канцелярій, наука сдѣлала важные успѣхи. При Фердинандѣ I дѣйствіе центральной статистической канцеляріи было усилено, съ цѣлю собрать болѣе точныя свѣдѣнія для административной статистики, а при Францѣ Іосифѣ ея работы получили еще болѣе широты и теперь обнимаютъ всѣ современные задачи науки. Въ настоящее время эта канцелярія составляетъ одно изъ отдѣленій министерства торговли.—Программа, составленная для третьяго конгресса, состоитъ изъ многихъ отдѣлений. Сюда входятъ: 1) предметы, которые были указаны вторымъ конгрессомъ: а) сообщеніе представителямъ разныхъ правительствъ новыхъ выводовъ, собранныхъ статистическими конторами; б) статистика смертности съ раздѣленіемъ болѣзней, какъ причинъ смертности, на главные классы; в) списокъ всѣхъ, по законамъ каждой страны, подвергаемыхъ наказанію дѣйствій; устройство и права каждаго уголовного суда; д) подробный планъ статистики гражданскихъ правъ; е) подробный планъ финансовой статистики. 2) Предметы, которые были обсуждаемы въ прежнихъ конгрессахъ, но требуютъ дополненія: ф) полная статистика промышленности и г) обученія; h) пользованіе картографіей для статистическихъ цѣлей; i) статистика движенія австрійскихъ и нѣмецкихъ судовъ вообще между гаванями иностранныхъ державъ. 3) Предметы, о которыхъ упоминали прежде, не подвергая ихъ обсужденію: k) отношеніе статистики ко вспомогательнымъ для нея наукамъ изъ области естествознанія. 4) Предметы, подвергаемые вторичному обсужденію: l) статистика этнографическихъ отличій человѣчества; m) статистика больничныхъ заведеній вообще и всего гигиеническаго состоянія; n) статистика раздѣленія поземельной собственности и податей, лежащихъ на этой собственности; o) статистика денежныхъ и кредитныхъ отношеній и ихъ вліяній на народное хозяйство.

Императоръ намѣренъ возобновить свое путешествіе въ Венгрію; прерванное въ прошедшемъ мѣсяцѣ смертью его дочери.

Въ Пруссіи, общество для доставленія дешевыхъ жизненныхъ припасовъ, существующее въ Эрфуртѣ съ прошлаго года, недавно напечатало отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Изъ этого отчета видно, что, кромѣ достиженія своей главной цѣли, оно получило значительныя выгоды. Каждый изъ членовъ получилъ до 19% дивиденда.

Въ Швеціи, палаты, по предложенію одного изъ депутатовъ, назначили особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣйствій правительства въ теченіе послѣдней войны. Докладъ комитета былъ благоприятенъ правительству. Король предложилъ палатамъ новый законъ о регентствѣ. Вмѣсто совѣта регентства, какъ было до сихъ поръ, по новому закону управленіе ввѣряется одному изъ принцевъ королевскаго дома. Конституціонный комитетъ съ своей стороны составилъ проектъ закона о томъ же. Разсмотрѣніе обоихъ проектовъ отложено до слѣдующаго срока засѣданій. Сеймъ отложилъ также разсмотрѣніе проекта закона о томъ, чтобъ въ палату крестьянъ, кромѣ лицъ этого сословія, допускались также всѣ владѣльцы недворянскихъ недвижимыхъ имѣній. Еслибы этотъ законъ былъ принятъ, то существенно измѣнилъ бы характеръ шведской конституціи.

Въ Турціи проектъ національнаго банка остановился, по обыкновенію, наканунѣ исполненія. На этотъ разъ остановка произошла отъ неожиданнаго обстоятельства. Одно изъ главныхъ постановленій устава состоитъ въ томъ, что банкъ обязанъ ссудить правительству известную сумму денегъ, по 95 на 100. Но между тѣмъ какъ банкъ производилъ подписку, для составленія капитала, правительство совершило новый заемъ у австрійскаго банкира г. Вальмачини. Заемъ будетъ состоять изъ 80 милліоновъ флориновъ (около 48 милл. руб. сер.), по 85 за 100 и по 6 процентовъ. Въ обезпеченіе предоставлены всѣ рудники имперіи, какъ открытые уже, такъ и вновь открываемые. Погашеніе будетъ происходить въ теченіи 50 лѣтъ. Извѣстіе о займѣ произвело неблагоприятное впечатлѣніе на биржу. Европейскіе фонды поднялись, а правительственные упали. Думаютъ, что вслѣдствіе этого подписка для составленія банка пойдетъ плохо.

Въ Нью-Йоркѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, продолжаютъ тѣ безпокойства, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ. Несогласія между меромъ и губернаторомъ, подавшія первый поводъ къ волненіямъ, прекратились вслѣдствіе рѣшенія союзнаго суда, который призналъ центральную полицію; но въ народонаселеніи города осталось сильное раздраженіе, которое грозитъ перейти въ настоящую междоусобную войну. Почти каждый день на улицахъ Нью-Йорка происходятъ драки и убійства. Поводомъ къ нимъ было незначительное обстоятельство.

Изъ толпы, безпрестанно наполнявшей улицы въ послѣднемъ мѣсяцѣ, бросали камнемъ въ проходившаго старика, который все не принадлежалъ ни къ какой партіи. Полиція за него заступилась и началась драка. Въ первый день толпа была разсѣяна, но на другой день смуты возобновились. Въ дракахъ принимали участіе не одни мужчины, но также женщины и дѣти. Главными зачинщиками беспорядковъ были Ирландцы и Нѣмцы. Разумѣется, политическій вопросъ служилъ имъ однимъ предлогомъ, и дѣли у нихъ были совершенно личныя. Нѣмцы, между прочимъ, напали на одинъ кабакъ и принудили отворить его, несмотря на законъ, который запрещаетъ открывать кабаки по воскресеньямъ. Надобно вспомнить, къ какому разряду людей принадлежатъ иногда переселенцы въ Америку, чтобы понять, какъ увеличались беспорядки отъ ихъ вмѣшательства. Замѣчательно, что полиція заранѣе знала о волненіяхъ въ шестомъ округѣ, но, по своей недавней и недостаточной организаціи, не могла предупредить ихъ. Меръ Вудъ, котораго неблагоразумное сопротивленіе новому закону было источникомъ этихъ несчастій, почувствовалъ наконецъ свою ошибку. Онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ начальства въ усмирении непокойствъ. Самымъ счастливымъ распоряженіемъ съ его стороны была передача въ вѣдѣніе центральной полиціи всѣхъ канцелярій и мѣстъ, которыя находились въ вѣдомствѣ муниципальной полиціи. Такимъ образомъ теперь въ Нью-Йоркѣ по крайней мѣрѣ одно полицейское управленіе, которое поэтому можетъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. 14 июля смуты внутри города и въ его окрестностяхъ еще не прекращались.

Любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднимъ отчетомъ комиссаровъ эмиграціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ нынѣшнемъ году число переселенцевъ изъ Европы увеличилось, сравнительно съ соответственнымъ временемъ въ прошломъ году, — на 25,000 человекъ. Въ послѣднее время переселеніе въ Америку нѣсколько уменьшилось. Причина заключается прежде всего въ восточной войнѣ, которая возвысила требованіе на работу и подняла заработную плату. Съ другой стороны, мѣры англійскаго парламента относительно поземельной собственности въ Ирландіи облегчили положеніе тамошняго бѣднаго класса, который обыкновенно всего болѣе доставляетъ переселенцевъ Америкѣ. Наконецъ многочисленныя эмиграціи прежнихъ годовъ сами по себѣ должны были замедлить дальнѣйшее переселеніе. Ко всѣмъ этимъ причинамъ присоединились угрозы нотинговъ (knownothings), которыя запугали переселенцевъ. Въ нынѣшнемъ году переселеніе возобновилось съ болѣею силою. Американцы оцѣниваютъ среднимъ числомъ стоимость каждаго переселенца въ 1,500 долларовъ, и по этой цифрѣ дѣлаютъ расчетъ тому богатству, которое эмиграція доставляетъ Америкѣ. Въ нынѣшнемъ году надѣются на переселеніе еще 150,000 человекъ, а капиталъ,

который они доставятъ государству своимъ пребываніемъ въ Штатахъ, цѣнятъ въ 205 милліоновъ долларовъ (около 286 мил. р. сер.).

Въ Бразиліи, новое министерство, во главѣ котораго стоитъ маркизъ Олинда, находится въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Его внутренняя политика заслуживаетъ полного одобренія. Борьба партій долгое время не отличалась умѣренностію. Та изъ нихъ, которая одерживала верхъ, старалась исключить изъ палатъ другую. Поэтому палаты получали то монархическій, то демократическій характеръ. Но съ теченіемъ времени Бразилія сдѣлала большіе успѣхи въ конституціонныхъ нравахъ, и теперь парламентское правленіе можетъ тамъ дѣйствовать безпрепятственно. Положеніе партій превосходно очерчено главою кабинета въ рѣчи, недавно произнесенной имъ въ нижней палатѣ. «Задача правительства, сказалъ маркизъ Олинда, состоитъ не въ исключеніи того или другаго начала, но въ соглашеніи ихъ. Конституція освящаетъ два начала: монархическое и демократическое. Примиренію и упроченію этихъ двухъ началъ намѣрено посвятить себя министерство.»

Въ годовомъ отчетѣ министра иностранныхъ дѣлъ сказано, что теперь Бразилія рѣшительно стала въ ряды противниковъ торгоу неграми и дѣятельно преслѣдуетъ его. Это должно бы побудить Англію перемѣнить свою политику относительно ея.

Заключаемъ наше обозрѣніе любопытнымъ извѣстіемъ съ Сандвичевыхъ острововъ. Нѣмецкіе журналы говорятъ, что, по письмамъ изъ Гонолулу, король Камегамега IV приступилъ, по примѣру европейскихъ монарховъ (!), къ обществу фран-масоновъ. Ложа, въ которую онъ вступилъ въ качествѣ мастера, есть «Progrès de l'Océanie», основанная въ Гонолулу въ 1842 г. по старой шотландской системѣ и подчиненная французскому обществу.

С М Ъ С Ъ

ОТЪ МОСКВЫ ДО БАДЕНА.

Нынешнюю весну, какъ известно всѣмъ читающимъ и не читающимъ газеты, русскихъ, отправившихся за границу, была порядочная цифра. Самое трудное для Москвича добраться до границы. Моя судьба бросила на варшавское шоссе, — и я вѣкъ не забуду этого переѣзда. Шоссе гладко какъ полотно, а ѣхать по нему куда-куда какъ не удобно! Отъ Москвы до Варшавы 1188 $\frac{1}{2}$ верстъ: чтобъ переѣхать это скучное и не живописное пространство, надо было восемь дней и восемь ночей почти не выходить изъ коляски; останавливаться тамъ, гдѣ не хотѣлъ, питаться Богъ знаетъ чѣмъ и сидѣть по пяти и шести часовъ на станціяхъ, окруженныхъ болотами и желозьбьемъ. Лошадей нѣтъ, лошадей нѣтъ, — вотъ одна пѣсня и одинъ отвѣтъ. На двухъ станціяхъ мнѣ заврягали лошадей, которыя стали на восьмой верстѣ, и не проѣзжай жидовскія бричка, я простоялъ бы цѣлые часы. Грустный путь!.. Отъ самой Москвы до Варшавы нѣтъ ни одного губернскаго города, и ни одного, хоть сколько нибудь живописнаго вида, все скучно, плоско, однообразно. Къ Москвѣ еще лучше, а середина пути — тоска страшная. — Могу я здѣсь поужинать? спросилъ я разъ у станціоннаго смотрителя. Въсто отвѣта, онъ на меня посмотрѣлъ съ удивленіемъ. «Да вы вѣрно въ первый разъ здѣсь ѣдите?» Я сознался и далъ ему тотчасъ же честное слово, что и въ послѣдній. «Да помиуйте, какой у меня ужинъ? Я и самъ-то едва достаю провизіи, дорога-то проведена по болоту, здѣсь и нога человѣческая не была, отъ станціи и деревень — то близко нѣтъ. Развѣ вы не видите какая здѣсь глушь?» А я въ простотѣ душевной хотѣлъ нанять вольныхъ. На станціи Кричевъ Могилевской губерніи путешественникъ прощается съ среднею полоскою Россіи. Другой характеръ, другая архитектура, другія лица. Кричевъ — жидовское мѣстечко, выгорѣвшее процѣлаго года; оно теперь вновь отстраивается. Лошадей, разумѣется, не было, я остался пить чай... чрезъ нѣсколько минутъ комната наполнилась жидами, продававшими сигары, мыло, водку и прочій хламъ; все самаго низшаго сорта и плохаго достоинства. Въ первыя минуты,

когда видишь жидовскую деревню, невольно поражаешься типичности лицъ, приемовъ и движеній этого древнѣйшаго племени, разсѣянаго по всему земному шару. Одинъ старикъ поразилъ меня... совершенно Тициановская картина, выступившая изъ рамы; тѣ же зоркіе глаза, свѣтящіеся изъ-подъ очковъ, та же сѣдая длинная борода.

Съ Брестъ-Литовска поѣздка дѣлается и удобною, и пріятною. Везде сады, пирамидальные тополи, черепичныя крыши, старые замки, вѣсковыя колокольни и башни. На всемъ слѣдъ старой цивилизаціи. Быстро несется экипажъ по прекрасному шоссе, почтальионъ трубить, бодрые кони мчатся стрѣлой, на душѣ становится легче и веселѣе. Въ маленькомъ городкѣ Сѣдльце я нашелъ цукерню и препорядочный ужинъ—все очень дешево, прислуга разторопна, цукерня наполнена оживленною толпой; говорятъ, спорятъ, читаютъ газеты... чувствуете общественную жизнь! Я пріѣхалъ въ Варшаву раннимъ утромъ и до полудня проискалъ себѣ квартиры. Въ Варшавѣ была ярмарка и выставка; всѣ гостиницы были набиты биткомъ; дороговизна была страшная... Варшава была такъ оживлена, какъ самые оживленные города въ Европѣ. Съ ранняго утра улицы покрыты народомъ, экипажи катились по всѣмъ направленіямъ; за общимъ столонъ всегда большое общество, театръ всегда полонъ, о загородныхъ прогулкахъ и говорить нечего—тамъ вѣчная давка. Варшава показала мнѣ уголокъ Парижа: та же уличная жизнь, та же тревожная потребность движенія.

Мануфактурная выставка была не очень богата и посѣщалась очень небольшимъ числомъ пріѣзжихъ и иностранцевъ. При мнѣ бывало во 200, по 300 человекъ въ утро. Правда, что это были только первые дни выставки, и ни газеты, ни журналы не имѣли еще времени разшевелить вниманіе публики. На варшавской выставкѣ встрѣчались очень часто имена и московскихъ фабрикантовъ. Изъ произведеній края особенно замѣчательны: сукна фабрики Фидлера, фланелевыя и шерстяныя покрывала фабрики Сангушко и каретное мастерство, особенно экипажи Рентеля. Варшавскіе экипажи съ давнихъ поръ пользуются заслуженною извѣстностію; они легки, впрочемъ, но не всѣ хорошаго вкуса; многіе изъ выставленныхъ въ нижней залѣ бросались въ глаза пестротою отдѣлки. Чего тутъ нѣтъ? и палисандровое дерево, и красный трипъ и бронза всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Кожевенное производство лучшей отдѣлки выставки; эти образцы могли бы занять первое мѣсто на любой европейской выставкѣ. Польскіе шляпные фабриканты далеко отстали отъ московскихъ и петербургскихъ. Впрочемъ надо отдать справедливость и польскимъ фабрикантамъ: работъ ихъ очень удовлетворительна, конкуренція же съ московскими и петербургскими шляпными фабрикантами невозможна, потому что это едва ли не лучшіе фабриканты въ цѣлой

Европѣ. Выставка была убрана и расположена со вкусомъ. Въ главнѣйшій залѣ красовался портретъ Государя Императора, пожертвованный для выставки живописцемъ Коноваловымъ; лѣстница была убрана цвѣтами и зеленью... Жаль, что распорядители не позаботились составить каталога; безъ указателя трудно было осматривать разнообразныя произведенія, разбросанныя по семи заламъ.

Балетъ варшавскій знаменитъ по праву. Трудно представить себѣ болѣе граціозныя группы, болѣе оживленныя танцы. Примадонна Штраусъ танцуетъ очень легко и мило. Ей можно сдѣлать только одно замѣчаніе: она слишкомъ злоупотребляетъ мимикой и жесты. По моему, движенія танцовщицы должны быть воздержны. Примѣромъ можетъ служить Богданова, у которой все разочтено и размѣрено; вотъ почему я смотрю на танцы г-жи Богдановой, какъ на образецъ хорошей методы.

Переѣздъ отъ Варшавы до Бреслава самый непріятный. Дорога тряска, вагоны неудобны и, къ довершенію маленькихъ бѣдствій, путешественникъ подвергается осмотру двухъ таможенъ, изъ которыхъ одна австрійская стоитъ десяти. Ночью вы должны перебираться изъ вагона въ вагонъ, мѣнять деньги, брать билеты, смотрѣть за вещами и толпиться у маленькаго окошечка, осаждаемаго сотнею лицъ. Здѣсь все какъ нарочно придумано, чтобы изтерзать и измучить бѣднаго путешественника. А австрійскіе чиновники?.. Наконецъ вы въ Пруссіи, въ государствѣ der Intelligenz, въ странѣ, гдѣ на все такса и во всемъ завидный порядокъ...

Бреславль — городъ, раздѣленный на двѣ части, на старый и новый. Постройки послѣднихъ лѣтъ придали городу другую фязіономию. Широкія улицы, изящныя скверы, чугунныя рѣшетки, газовыя фонари; но я чаще заглядывалъ въ старый городъ, засматривался на эти почернѣвшія зданія, гдѣ каждый домъ сохранилъ свое лицо и свою исторію. Мнѣ все кажется, что въ этихъ закопѣлыхъ домахъ, подъ этими черепичными крышами, жилось легче; тамъ любили, вѣрили, мечтали. Была поэзія въ той жизни. А теперь?—вездѣ гладкая проза; ни сучка, ни задоринки.

Жизнь въ Бреславлѣ очень дешева, торговля отличается честностію, чего теперь нельзя сказать о многихъ городахъ Германіи. Вечеръ я провелъ въ загородномъ саду. Слушалъ музыку, пилъ пиво и любовался хорошенькими головками, съ свѣжимъ румянцемъ, голубыми глазами и каштановыми волосами. Удовольствіе стоило 3 гроша (9 коп. серебромъ). Дешевизна баснословная!

Благодаря парю, отъ котораго неразъ у меня болѣла голова, я уже на дрезденской террасѣ пью кофе и люблюсь на горы и на обмѣгившую Эльбу. Кругомъ толпы иностранцевъ, больше всего Русскихъ. Прежде русскіе путешественники раздѣлялись на двѣ категоріи: это были князья, графы и бароны, или ученые и артисты; теперь путе-

шествуютъ кучи, чиновники, артисты и вообще разные праздношатающіеся, для которыхъ не существуютъ ни исторія, ни географія. Во время переезда изъ Бреслава въ Дрезденъ, при мнѣ случилось презабавное приключеніе. Въ вагонъ было трое Русскихъ и два Поляка. На одной изъ станцій шестое мѣсто занялъ господинъ пренеприличной фizioноміи; его перчатки обратили на себя вниманіе одного изъ молодыхъ Поляковъ. «Каковы перчатки, взгляните,» сказалъ онъ порусски, обращаясь къ Н. — Нѣмецкія, домашней работы изъ воловьей шкуры, отвѣчалъ Н. «Господа, прошу быть осторожными, васъ понимаютъ,» откликнулась неприличная фигура. — Тѣмъ лучше, стало-быть купать новыя перчатки, отвѣчалъ Н. «Прошу не шутить со мною, господа; я коллежскій совѣтникъ.» Коллежскій совѣтникъ разстегнулъ сюртукъ, и показалъ орденъ и пряжку за ХХV лѣтъ безпорочной службы. Хохотъ сдѣлался всеобщимъ. Но мы скорѣ потеряли г. коллежскаго совѣтника: онъ вышелъ, чтобы прохладиться кюмелемъ,—очищенной здѣсь не продаютъ,—и запоздалъ къ отъезду. Поездъ двинулся, а онъ едва выходилъ изъ рестораціи. Крикнуть онъ не могъ, потому что не зналъ языка, или потому, что ротъ его былъ набитъ буттербродами. Счастливаго пути и хорошаго аппетита, г. коллежскій совѣтникъ!

Какъ измѣнился Дрезденъ! Я говорю здѣсь о нравственной пережвѣ. Масса путешественниковъ такъ испортила этотъ миленькій городокъ, что вы, гуляя по Дрездену, должны охранять свои карманы; въ какомъ-нибудь Hôtel de Rome безъ стыда пишутъ вамъ въ счетъ: чай—1 талеръ. Невѣроятно, но я заплатилъ. Еще невѣроятнѣе слѣдующія приключенія: я купилъ сигары за четыре талера, расплатился и отдалъ мою карточку, чтобы по ней доставили сигары въ гостиницу. Но лишь Нѣмецъ прочелъ мою фамилію, какъ сталъ увѣрять меня, что онъ ошибся, что сигары стоѣтъ шесть талеровъ. Купилъ сигары въ другомъ магазинѣ, просилъ прислать въ гостиницу—и никогда ихъ не получалъ. Купецъ запирался и утверждалъ, что я взялъ ихъ съ собою. И все это въ Дрезденѣ,—не сонъ ли это? У одного изъ Русскихъ украли часы, у другаго чемоданъ. Да это Ливорно, а не Дрезденъ!

Германія въ послѣднія десять лѣтъ сдѣлала страшные матеріальныя успѣхи; города выросли, украсились, торговля расширилась, но духъ германскій мельчаетъ, честность гибнетъ, университеты опустѣли, о политикѣ нѣтъ и слуха. Все направлено на одну матеріальную сторону жизни. Все спекуляціи, да спекуляціи. Чувство глубочайшаго омерзѣнія обхватываетъ душу при видѣ этихъ рулетокъ, лоттерей, при видѣ этого публичнаго поклоненія золотому тельцу, не прикрытаго ни стыдомъ, ни сознаніемъ человѣческаго достоинства.

М. К — гв.

Іюль 1857.

Памятникъ Гуттенбергу, Фаусту и Шефферу. — Нынѣшнимъ лѣтомъ ожидаютъ во Франкфуртѣ на Майнѣ открытія памятника въ честь изобрѣтателей книгопечатанія, который будетъ служить украшеніемъ не только этому замѣчательному по своей старинной и оригинальной физономіи городу, но и будетъ принадлежать къ лучшимъ монументамъ, воздвигнутымъ въ Германіи. Когда, въ 1840 году, во Франкфуртѣ на Майнѣ праздновали четырехсотлѣтіе изобрѣтенія книгопечатанія, то торжественная зала украшена была небольшою гипсовою моделью этого памятника, возбудившею такой всеобщій восторгъ, что нѣсколько любителей искусствъ на мѣстѣ рѣшились собрать средства, чтобы вылить его изъ бронзы. Эти средства не трудно было найти въ такомъ богатомъ торговомъ городѣ, какъ Франкфуртъ, и самъ художникъ принесъ много жертвъ, чтобы видѣть свое созданіе исполненнымъ въ металлѣ, въ большихъ размѣрахъ и на одной изъ крѣсвѣйшихъ площадей города. На высокомъ, богатомъ постаментѣ стоятъ колоссальныя фигуры трехъ изобрѣтателей книгопечатанія: Гуттенберга, Фауста и Шеффера; онѣ исполнены величавой простоты и благородства. Подъ этими главными фигурами находится фризъ, состоящій изъ четырнадцати портретовъ, въ натуральную величину, первыхъ типографовъ всѣхъ народовъ, начиная съ Голландца Кестера до изобрѣтателей скоропечатанія, Кёнига и Бауера. Четыре стороны пьедестала украшены статуями: Майнца, какъ родины Гуттенберга, Страсбурга, какъ мѣста его первой типографіи и родины многихъ великихъ типографовъ, Венеціи, какъ мѣста дѣятельности обоихъ Мануччи, и Франкфурта, прославившагося своими типографскими предпріятіями и столь достойно торжествовавшаго рожденіе величайшаго по своимъ послѣдствіямъ въ свѣтѣ искусства. Четыре угла базы заняты четырьмя колоссальными сидящими фигурами, олицетворяющими вліяніе изобрѣтенія книгопечатанія на духовную дѣятельность человѣчества. Эти фигуры суть: богословіе, поэзія, естественныя науки и промышленность. Наконецъ мѣстное распространеніе этого великаго изобрѣтенія символизировано четырьмя фигурами животныхъ, знаменующихъ четыре части свѣта. Эти фигуры будутъ служить въ то же время изящнымъ и предназначеннымъ для общаго употребленія фонтаномъ. Намъ пріятно увидѣть нашихъ читателей, что творецъ этого памятника, столь богатаго по изобрѣтенію, надъ которымъ онъ трудился уже болѣе шестнадцати лѣтъ, нашъ соотечественникъ: его имя фонъ-деръ-Лауницъ. Онъ уроженецъ Лифляндіи, ученикъ знаменитаго датскаго скульптора Торвальдсена, и весьма уважается во Франкфуртѣ за талантъ и высокое образованіе.

Дикіе Индѣйцы въ Чако.—Бувносъ-Айресское правительство нарядило особенную комиссію, для собранія и представленія ему свѣдѣній о положеніи дикихъ племенъ на Красной Рѣкѣ (Rio Bermejo). Комиссіей эта обнародована свой отчетъ; представляемъ здѣсь существенное содержаніе этого отчета. — Довольно значительное число Индѣйцевъ поселилось въ Чако рядомъ съ Испанцами, но, несмотря на то, удержало свои древніе обычаи. Рѣдко попадетса между нами крещенный. Индѣйцы никакъ не могутъ привыкнуть къ правильной работѣ, и какъ скоро употребляли для этого принудительныя мѣры, они зажигали свои хижины и переселялись въ другія мѣста. Независимость такая же потребность для нихъ, какъ воздухъ. Всякая прочная осѣдлость удалила бы ихъ отъ любимыхъ занятій—охоты и рыбной ловли, и отняла бы у нихъ удовольствіе бродить по лѣсамъ за медомъ и дикими плодами. Рѣдко живутъ они болѣе восьми или десяти семействъ вмѣстѣ, и притомъ на такомъ разстояніи, что между отдельными поселеніями не существуетъ никакихъ сношеній. Менѣе всего сходятся они съ поселенцами при Красной Рѣкѣ, и постоянно враждуютъ съ ними. Ни одинъ начальникъ не имѣетъ общей власти надъ разсѣянными деревушками, но каждая повинуетса особенному старшинѣ, именно старшему изъ семьяначальниковъ, котораго власть основывается на одномъ личномъ къ нему уваженіи. Рѣдко случается, чтобы мирный Индѣецъ перебѣжалъ къ своимъ дикимъ братьямъ, развѣ только принудитъ его къ этому страхъ наказанія за какую-нибудь тяжкую вину. Степные Индѣйцы, которые находятся въ полной независимости отъ Испанцевъ, живутъ большими деревнями и состоятъ подъ начальствомъ кацика, котораго власть, конечно, весьма ограничена. Впрочемъ, можно положительно сказать, что чѣмъ дальше эти поселенія отъ христіанскихъ колоній, какъ на примѣръ, между Красною Рѣкою и Рио-Пикольмайю, тѣмъ больше въ нихъ жителей и тѣмъ сильнѣе вліяніе кациковъ. Приграничныя индѣйскія племена живутъ съ христіанами весьма дружно. Такъ какъ сахарныя плантаціи и сахарныя заводы колонистовъ требуютъ иногда гораздо больше рабочихъ нежели имѣется ихъ подъ рукой, то прибѣгаютъ въ такомъ случаѣ и къ помощи степныхъ Индѣйцевъ. Тогда обыкновенно является цѣлое племя, въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей, исполняетъ условленную работу на хуторѣ колониста и съ полученною за то платой отправляется домой. На возвратномъ пути Индѣйцы постоянно промѣниваютъ свою выручку и почти всегда въ большой себѣ убытокъ. Артель возвращающихся Индѣйцевъ—сухая ярмарка для мелкаго поселанина. Надо замѣтить, что за работу Индѣйцамъ платятъ не деньгами, а чужимъ или туземнымъ товаромъ, который посредствомъ такого рода мѣны достается жителямъ несравненно дешевле. Индѣецъ работаетъ хуже благаго; несмотря на то, плантаторы платятъ ему очень хорошо и остерегаются чѣмъ-нибудь обидѣть

его. Индѣецъ никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ: есть у него порядочный запасъ съѣстнаго, онъ уничтожитъ въ одинъ день то, чего стало бы на цѣлую недѣлю. Кромѣ того онъ склоненъ къ воровству и обманамъ; оказанныя ему благодѣянія ставитъ онъ ни во что, а никогда не забудетъ ни малѣйшей обиды, и долгъ мести переходитъ у нихъ какъ наслѣдство отъ отца къ сыну. Впрочемъ, и независимыя племена уже много утратили изъ своей дикости: она уже начинаютъ привыкать къ тѣмъ потребностямъ, которыя можетъ удовлетворить только цивилизація. Такимъ образомъ европейскія работы привлекаютъ ихъ съ каждымъ годомъ все изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей, и благодаря этому, хотя и медленному, но вѣрному процессу, можно надѣяться на совершенное прирученіе дикихъ племенъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЭТОНІЯ

О МЮРАТИЗМЪ ВЪ ИТАЛІИ.

О немъ тоже говорятъ иногда, какъ объ одномъ изъ претендентовъ на будущее Италіи. Между многочисленными хартіями наполеоновскаго времени, хранящимися въ архивахъ, ему также подыскиваютъ родъ историческихъ правъ, по крайней мѣрѣ на обладаніе одною частию полуострова. Иностранные журналы иногда вдругъ принимаются серьезно разсуждать о мюратизмѣ, какъ будто о такомъ растеніи, которое не только пустило корни на итальянской почвѣ, но и успѣло уже акклиматизироваться. Есть у него потомъ тайные доброжелатели, предсказывающіе ему блестящую роль въ цѣлой Италіи, а ее соблазняющіе будто бы благотворнѣйшимъ его вліяніемъ на процвѣтаніе всей страны, если только она рѣшится поднять его знамя. Вы спрашиваете: какъ обо всемъ этомъ толкуютъ на мѣстѣ? точно ли мюратизмъ находитъ себѣ сочувствіе между Итальянцами? на сколько справедливо, по крайней мѣрѣ, что онъ тоже входитъ въ разсчеты итальянскихъ патріотовъ, и что они также и на него возлагаютъ свои надежды?

Понимаю, что со стороны, особенно вдалекѣ отъ Италіи, можно дѣлать изъ мюратизма крупный вопросъ: живя на мѣстѣ, чувствуешь желаніе отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе.

Будущее Италіи! . . кто, явно или тайно, не протягиваетъ къ нему своихъ рукъ? Такъ ведется издавна, что на него смотрятъ какъ на богатое наслѣдство, имѣющее скоро открыться, и однако, не находящее себѣ прямыхъ наслѣдниковъ. То—естъ наслѣдникъ бы и былъ, да говорятъ, что онъ еще малолѣтенъ и слишкомъ неопытенъ, и потому находятъ, что для его же пользы надобно до времени держать его подъ опекою. Когда говорятъ объ опекѣ, разумѣютъ полное хозяйство въ странѣ. Итальянецъ понимаетъ это, и съ малолѣтства пріучается не вѣрить ни одному слову своихъ мнимыхъ доброжелателей. Онъ знаетъ, кто ѣсть его хлѣбъ, и думаетъ, что у него все еще продолжаются времена варварскаго нашествія. Онъ чигаеть въ своихъ лѣтописяхъ, что Лонгобарды тѣснили Италію съ сѣвера, Готы и Вандалы хозяйничали въ центрѣ страны, Сарацины опустошали ее на югѣ, и не видятъ, чтобы времена много измѣнились. Человѣку свойственно ошибаться. Итальянецъ также можетъ быть нѣсколько ослѣпленъ своею историческою ненавистью къ варварамъ, стариннымъ врагамъ своего отечества; но нельзя однако не

согласиться съ нимъ, что ему въ самомъ дѣлѣ приходится слишкомъ тѣсно отъ множества незваныхъ попечителей, которые пришли къ нему въ домъ, заняли въ немъ лучшія квартиры, да не прочь были бы присвоить себѣ и всѣ остальные помѣщенія.

Изъ-за другихъ мюратизмъ тоже протягиваетъ руку къ добычѣ, но больше украдкою, чѣмъ взмахомъ, больше прикидываясь другомъ, чѣмъ выдавая себя за утвержденного судомъ опекуна. Въ Италіи онъ видитъ не самое наслѣдство, а смотритъ на нее какъ на богатую вдову, которая можетъ принести ему богатое наслѣдство, и кокетничаетъ съ нею на почтительномъ разстояніи. Не какъ другіе, онъ выступаетъ передъ нею скромно и вѣжливо, въ ея присутствіи онъ совершенно отказывается отъ всякихъ воинственныхъ аллюрѣ; развѣ только по необходимости возьмется онъ за свой булатный мечъ, но никогда не обнажитъ его и до половины передъ «дамою своего сердца». Другіе хотѣли бы захватить ее силою, а онъ, какъ истинный рыцарь, ищетъ только ея благосклонности, и вмѣсто того, чтобы простирать на нее корыстные виды, самъ готовитъ ей великолѣпные дары, ожидая только ея мановенія, чтобы покорно сложить ихъ къ ея ногамъ. Италія сама лишить себя неисчислимыхъ благодѣяній, если не захочетъ принять предложеній благороднаго рыцаря.

Такимъ сказывается мюратизмъ въ единственномъ своемъ органѣ, который онъ имѣетъ въ Италіи. Явленіе довольно любопытное — этотъ органъ мюратизма на полуостровѣ: искать его надобно, впрочемъ не тамъ, гдѣ онъ всего скорѣе могъ бы чаще надѣяться встрѣтить себѣ нѣкоторыя симпатіи, то-есть на южной оконечности страны. Какъ извѣстно, гласность существуетъ на полуостровѣ только въ сардинскихъ владѣніяхъ: здѣсь же приютился и мюратизмъ, чтобы подъ стѣною сардинской конституціи безопаснѣе раскидывать свои шелковыя сѣти для уловленія въ нихъ Италіи. Рядомъ съ главнымъ органомъ мадзинизма, онъ тоже старается оглашать свои стремленія посредствомъ особаго періодическаго изданія, которое, подъ названіемъ «L'Italie», выходитъ каждую недѣлю тетрадками и обыкновенно пишется по-французски. Какъ видите, мюратизмъ и въ Италіи не расстаётся съ французскимъ костюмомъ, но онъ уже довольно повзвучился итальянскому макиавелизму, или тому искусству, которое не совсѣмъ справедливо означаютъ этимъ историческимъ именемъ. Съ перваго взгляда никакъ не распознаешь его: онъ никогда не называетъ себя прямо по имени, даже никогда не говоритъ отъ себя лично... онъ да не онъ! Но надобно немного присмотрѣться къ его вкрадчивымъ внушеніямъ, чтобы не оставаться болѣе въ заблужденіи и признать подъ маскою настоящее лицо.

«L'Italie» хвалитъ сардинское устройство, политику и управление, но хвалитъ какъ-то двусмысленно, какъ будто только изъ вѣжливости,

чтобы не оскорбить покровителя, безпристрастію котораго она единственно обязана возможностью своего существованія. Другихъ, болѣе важныхъ *raisons d'être* Сардинскаго государства она какъ будто не хочетъ и знать. Ясно, что цѣли ея простираются куда-то далѣе. Съ маджинистами «L'Italie» болѣею частію находится въ открытой войнѣ. Дз и въ самомъ дѣлѣ, чтò ей дѣлать съ маджинистами? Они только помѣшали бы ея видамъ. Куда же, однако, она мѣтитъ сама, если не хочетъ прямо подать руку Кавуру и въ то же время ссорится съ его политическими противниками? Тайну ея изобличаетъ особенно одно: это не очень настойчивыя, но часто возвращающіяся похвалы бонапартизму и повидимому самое безкорыстное удивленіе его политическимъ мѣрамъ. Такова обыкновенно тактика мюратистскаго журнала въ Италіи. Бонапартизмъ необходимъ ему, во первыхъ, какъ кровный и естественный его покровитель; а вовторыхъ, еслибы кто спросилъ у него не объ имени только, но и о содержаніи, ему кромѣ бонапартизма не на что было бы сослаться. Мюратизмъ есть не болѣе какъ выпятывающаяся вѣтвь его, которая только и существуетъ, пока нѣкоторые соки текутъ въ цѣломъ стволѣ дерева.

Ни отъ кого еще Италія не слыхала столько лестныхъ обѣщаній. Это пѣсня сирены, которая, подплывъ съ моря къ берегу, нашептываетъ ей на ухо разныя плѣнительныя грезы. Италія не найдетъ себѣ болѣе вѣрнаго союзника въ борьбѣ съ Австріей; при помощи мюратизма только и возможна побѣда Италіи надъ самымъ опаснымъ ея врагомъ. Неаполитанскія земли въ особенности ожидаетъ истинное благосостояніе, политическое и гражданское; но если Италія согласна, мюратизмъ не прочь помогать ей устроиться у себя дома и на всемъ полуостровѣ. Онъ, если угодно, поможетъ ея политическому единству и возьметъ на себя пересадку тѣхъ учреждений, которыя, по его увѣренію, составляютъ гордость и счастье современной Франціи. Да, пустите только мюратизмъ въ Италію, и она ни въ чемъ не отстанетъ отъ своихъ сильныхъ сосѣдей.

Къ удивленію, Италія не хочетъ ничего знать. Какъ ни сладко стараются напѣвать ей на ухо, она показываетъ видъ, будто ничего не слышитъ. Не трогаеть ея ни обольстительный напѣвъ, ни самое содержаніе сладковозвучной пѣсни. Подите куда угодно: Итальянецъ охотно будетъ говорить съ вами о своихъ патріотическихъ стремленіяхъ и надеждахъ, но онъ даже не подумаетъ упомянуть о мюратизмѣ, если только вы не вызовете его на то своимъ вопросомъ. Равнодушіе и апатія невѣроятны! Еще говоря о Неаполѣ, журнальныя корреспонденціи выражаютъ иногда мнимыя или истинныя опасенія за успѣхъ въ тѣхъ странахъ мюратской партіи. Но Неаполь статья особаго рода: это болѣе швейцарское государство, чѣмъ неаполитанское. Въ Неаполѣ готовы схватиться за все, чтобы избавиться отъ наемныхъ преторіанцевъ. Тамъ часто дѣйствуютъ не по разуму,

а въ силу отчаянія. Но ни въ Римѣ, ни въ Тосканѣ, ни въ Сардиніи мюратизмъ не встрѣчаетъ себѣ не только сочувствія, а даже благосклоннаго приѣма. Въ Римѣ впрочемъ и не до того: тамъ имѣютъ дѣло прямо съ бонапартизмомъ. О Тосканѣ пожалуй могутъ сказать, что въ ней свободному голосу трудно выдти наружу. О Ломбардіи не можетъ быть и рѣчи. Одна Сардинія (то-есть Сардинское государство) въ состояніи дать намъ понятіе о томъ, какъ принимается мюратизмъ между патріотами Италіи, если только они не вынуждены смотрѣть на него какъ на ту соломинку, за которую, говорятъ, хватается утопающій.

Сардинія имѣетъ несказанную выгоду передъ своими италіанскими и даже не-италіанскими сосѣдями въ той гласности, съ какою могутъ обнаруживаться въ ней всѣ политическія мнѣнія и высказываться партіи всѣхъ цвѣтовъ. Она не обманута ни относительно ихъ существованія, ни относительно степени ихъ вліянія. Съ одной стороны нѣтъ лицемерства, съ другой не остается мѣста скрытности. До чего однако сардинское правительство не хочетъ знать мюратизма, это почти замѣчательно. Существованія его будто и не подозреваютъ журналы, сколько-нибудь примыкающіе къ министерству Кавура. Лишь косвеннымъ путемъ можно было провѣдать назадъ тому два-три мѣсяца, что будто, правда или нѣтъ, въ отношеніяхъ между сардинскимъ и французскимъ правительствами почувствовалась нѣкоторая холодность именно по тому поводу, что виды двухъ союзниковъ относительно мюратскихъ интересовъ въ Италіи оказались весьма разнорѣчными. Не ручаемся за справедливость перваго извѣстія; что же касается покровительства мюратскимъ интересамъ со стороны Сардиніи, о да! графъ Кавуръ такъ хорошо понимаетъ настоящія потребности Италіи, что не захочетъ помогать ухаживаньямъ за нею какого-нибудь странствующаго рыцаря. Просто либеральныя газеты не хотятъ говорить о мюратизмѣ даже какъ о самомъ крайнемъ средствѣ для спасенія. Не вѣрятъ онѣ не только его искренности, но даже и силѣ, которую тотъ сулитъ имъ за собою. Никто, рѣшительно никто изъ тѣхъ, которые публично подають свой голосъ въ Сардиніи и не принадлежать къ мюратизму, не хочетъ признать ни прошедшихъ, ни будущихъ заслугъ его для Италіи. Публицисты самыхъ противоположныхъ направленій сходятся въ томъ, что совершенно отказываютъ ему во всякой симпатіи. Мало того: въ послѣднее время, какъ будто согласившись между собою, они забили тревогу противъ него, стараясь внушить соотечественникамъ, что они не могли бы избрать болѣе фальшивой дороги въ своихъ стремленіяхъ къ національному освобожденію и единству. Кто бы подумалъ? Тѣ въ особенности, которые не знаютъ для себя другаго лозунга, кромѣ «національнаго единства», и мечтають о несбыточномъ или по крайней мѣрѣ слишкомъ преждевре-

менномъ сляініи всей страны въ одно большое цѣлое, тѣ-то именно и ведутъ самую ожесточенную войну противъ оболщенной мюратизма, который не только показываетъ съ своей стороны желаніе служить той же идеѣ, но и вызывается принести для нея, буде нужно, совершенно готовыя формы.

Что же это? Отчего такая неудача нашему странствующему рыцарю? Ужь не подкуплена ли противъ него вся Италія бурбонскими интересами? О нѣтъ, на этотъ счетъ можно быть совершенно спокойнымъ. Еслибы даже—мы позволяемъ себѣ самое нелѣпое изъ предположеній — Италія пошла на такую приманку, эти самые интересы никогда не согласились бы низойти до подобной тактики. У нихъ есть на свою защиту орудіе гораздо покрѣпче, чѣмъ человѣческія слова, полемика, публичность. Они не дѣлаютъ много шума, но попадаютъ вѣрно. Антипатія, возбуждаемая мюратизмомъ въ свободномъ италіанскомъ государствѣ, имѣетъ другія основанія. Италіанецъ столько уже наученъ несчастными опытами, что сквозь приманку не можетъ не замѣтить угрозы. Онъ довольно думалъ и размышлялъ о своемъ положеніи, чтобы оболститься именно тѣмъ, что между обѣщаніями мюратизма есть самага пышнаго.

Мюратизмъ, говорятъ италіанскіе патріоты разныхъ цвѣтовъ, былъ бы для Италіи прямымъ проводникомъ бонапартизма, а мы ужь видали его у себя въ разныхъ видахъ: онъ долго оставался между нами завоевателемъ, онъ приходилъ къ намъ и вооруженнымъ посредникомъ. Желающіе всегда могутъ видѣть его въ посреднической роли внутри римскихъ стѣнъ. Было разъ время, когда онъ принесъ намъ пользу, пробудивъ въ насъ національное сознаніе, научивъ насъ быть самими собою: но не могъ онъ основать между нами ничего прочнаго, и не сдѣлавшись притѣснителемъ Италіи, никогда однако не могъ возвыситься до роли ея освободителя. Почему бы она стала протягивать къ нему руки, когда по многимъ опытамъ не можетъ вѣрить ни въ безкорыстіе его намѣреній, ни даже въ прочность его учрежденій?

Предположимъ даже, продолжаютъ они же—что бонапартизмъ въ Италіи способенъ былъ бы отречься отъ самого себя, что онъ отказался бы даже отъ своего имени и поставилъ своею главною задачею служить, безъ всякой задней мысли, національнымъ и политическимъ интересамъ страны. Къ какому идеалу направилъ бы онъ все ея будущее развитіе? Къ тому же, безъ сомнѣнія, который осуществился въ настоящемъ состояніи Франціи. Прогрессъ для Италіи заключался бы въ такомъ случаѣ не только въ національномъ единствѣ, но и въ единствѣ политическаго устройства и всего государственнаго управленія; въ ней исчезла бы всякая тѣнь раздѣленія, и всѣ мѣстные силы и интересы подчинились бы одному господствующему центру; общественная жизнь и дѣятельность, вмѣсто того

чтобы, слѣдуя своимъ внутреннимъ побужденіямъ, выработать изъ себя разнообразныя формы, сосредоточилась бы въ одномъ данномъ направленіи и приняла бы одинъ неизмѣнный характеръ; приливая отъ всѣхъ оконечностей къ одному постоянному центру, народныя силы производили бы дѣйствіе могущественнаго потока, соединяющаго въ себѣ множество отдѣльныхъ ручьевъ; исчезли бы индивидуальное развитіе и самостоятельная жизнь въ отдѣльныхъ частяхъ народнаго организма, но за то на вершинѣ общества выросла бы новая сила, своимъ блескомъ и могуществомъ дѣйствія способная будто бы вознаградить страну за потерю самопроизвольнаго движенія и отсутствія всякаго индивидуальнаго развитія. Вообще органической процессъ народной жизни замѣнился бы механическимъ, который, хотя и уступаетъ первому во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, за то имѣетъ передъ нимъ очевидное преимущество въ строгой точности всѣхъ движеній и почти художественномъ единствѣ дѣйствія!

Нельзя представить себѣ болѣе стройнаго политическаго идеала. Издали особенно онъ можетъ показаться очень красивъ для невооруженнаго глаза. Артистической природѣ Итальянцевъ повидимому очень трудно было бы не обольститься такимъ прекраснымъ идеаломъ. И они въ самомъ дѣлѣ не прочь были бы воспользоваться для самихъ себя нѣкоторыми выгодами французской централизаціи — напримеръ, чтобы возстановить свою національную независимость. Но обольстительный идеалъ не возбуждаетъ въ нихъ ни малѣйшей симпатіи, какъ скоро они начинаютъ думать о приложеніи его къ своей внутренней жизни. Хлопоча изъ всѣхъ силъ о своемъ народномъ единствѣ, они однако всячески обѣгаютъ французской его формы. Весьма недавно еще, одинъ изъ здѣшнихъ публицистовъ-демократовъ насмѣшливо подносилъ Италіи перечень всѣхъ тѣхъ учреждений, которыя составляютъ сущность французской централизаціи, и перечисливъ ихъ всѣ по именамъ, не хотѣлъ принять на себя даже труда опроверженія тѣхъ началъ, на которыхъ они держатся. Конечно, существующая во Франціи система сильно заподозрѣна въ глазахъ Итальянцевъ уже тѣмъ, что въ настоящее время служитъ послушнымъ орудіемъ одного личнаго честолюбія. Но даже воображая ее себѣ въ иныхъ рукахъ, они нигдѣ не обнаруживаютъ къ ней сочувствія. Видно, что предубѣжденіе ихъ противъ французской системы не есть случайное и не происходитъ отъ какихъ-нибудь личныхъ причинъ, но коренится въ самыхъ началахъ, которыя какъ бы ни приходились по вкусу одной народности, могутъ вовсе не годиться для другой, хотя бы приложеніе ихъ также было выгодно въ разныхъ отношеніяхъ.

Подумавъ, нельзя не отдать справедливости итальянскимъ патриотамъ. Въ этомъ случаѣ ими руководить очень вѣрный тактъ. Въ цен-

трализации, какъ она выработалась во Франціи, есть неоспоримо двѣ выгодныя стороны. Вопервыхъ, она составляетъ лучшее обезпеченіе внѣшней независимости. Франціи, при существующемъ въ ней устройствѣ, не страшно никакое нашествіе. Вовторыхъ, нѣтъ еще другаго государственнаго механизма, болѣе приспособленнаго къ завоеваніямъ и вообще къ успѣшнымъ предпріятіямъ во внѣшней политикѣ... И то и другое доказано не однимъ блестящимъ опытомъ. Италия, всего болѣе нуждающаяся въ первомъ, конечно не прочь была бы воспользоваться для своей цѣли уже испытаннымъ средствомъ: но дѣло въ томъ, что имъ нельзя пользоваться какъ лѣкарствомъ только временно, для излеченія отъ недуга; какъ нельзя занять его по желанію лишь на извѣстный случай, потому что оно само есть плодъ, правильнаго или неправильнаго, но всегда продолжительнаго развитія; такъ, принявши разъ извѣстную политическую систему, нельзя по произволу сбросить ее съ себя, какъ скоро въ ней не оказывается болѣе нужды. Притомъ же, зачѣмъ непременно французскій образецъ? Въ борьбѣ съ централизующеюся Австріею, Италия пожалуй могла бы взять и съ нея примѣръ, потому что нельзя отрицать, чтобы Австрія, въ виду если не новыхъ завоеваній, то удержанія старыхъ, которыя постоянно грозятъ ей отпаденіемъ, не сдѣлала въ послѣднее время, значительныхъ успѣховъ въ этомъ отношеніи. Еще менѣе существуетъ для Италии другая выгодная сторона централизации. Италия, за исключеніемъ Генуи и Венеціи, которыя принадлежатъ къ особой категоріи, никогда не думала собирать свои народныя силы съ цѣлью завоеваній. Всю свою жизнь, то-есть всю свою исторію, начиная съ того времени, кзкъ она перестала быть тождественною съ Римскимъ государствомъ, провела она въ борьбѣ съ сторонними завоевателями, въ отраженіи ихъ смѣнявшихся одно другимъ нашествій; и теперь пока главная задача для нея не измѣнилась, нѣтъ никакой причины думать, чтобы и впредь она почувствовала потребность или желаніе выдти изъ своихъ естественныхъ предѣловъ. Сказать правду, есть и у нея честолюбивые виды: но не безпокойтесь, они не простираются ни на одну часть континента, они падаютъ только на большую торговую дорогу, которая называется Средиземнымъ моремъ, но и то не въ смыслъ исключительнаго обладанія, а въ смыслъ раздѣленія выгодъ съ другими мореплавательными народами, пользующимися этимъ широкимъ путемъ для своихъ коммерческихъ интересовъ. Оттого Италия съ особеннымъ участіемъ слѣдитъ за вопросомъ о прорытіи Суэзскаго перешейка. Но какъ у нея нѣтъ завоевательной жажды въ собственномъ смыслѣ слова, и не настоятъ надобности въ сохраненіи старыхъ насильственныхъ пріобрѣтеній, ибо ихъ вовсе не оказывается налицо, то не удивительно, что блескъ централизации не производитъ на нее своего обычнаго дѣйствія, и вмѣсто горячихъ симпатій, встрѣчаетъ въ ней лишь совершенное равнодушіе къ своимъ обольстительнымъ приманкамъ.

Франція—другое дѣло. Франція, еслибъ и хотѣла, не легко могла бы отдѣлаться отъ того, чего достигла вслѣдствіе весьма продолжительнаго, хотя и односторонняго процесса. Вотъ ужъ почти два съ половиною вѣка, какъ она воспитывается въ этой школѣ, въ которую попала послѣ изнурительнаго междоусобія и крайняго истощенія всѣхъ своихъ силъ. Не сама она избрала для себя это попріще, но тѣ, которые управляли ея судьбами, пока она отдыхала отъ своихъ усилій, искусно воспользовались ея истощеніемъ, чтобы направить ея жизнь и развитіе въ одну сторону. Институтъ былъ основанъ столько же ловкою, сколько и твердою рукою. Первое время особенно посчастливилось ему на искусныхъ руководителяхъ. Умиралъ, каждый изъ нихъ оставлялъ по себѣ не менѣе способнаго преемника. Что одинъ дѣлалъ твердостью и энергіею, другой достигалъ того же необыкновенною гибкостью и изворотливостью. Франція сначала училась не охотно въ новой школѣ, и Ришельё часто долженъ былъ браться за лозу. При Мазаринѣ школа пробовала даже бунтовать нѣсколько разъ: но ему помогло итальянское политическое искусство, такъ что онъ могъ спокойно умереть среди того самаго поколѣнія, которое нѣсколько разъ выгоняло его изъ Франціи. Царственному ученику его, который принималъ изъ его рукъ управление школою, было уже гораздо легче. Въ ней самой мало-по-малу образовались преданія, которыя помогали ему вести государственный корабль въ данномъ направленіи. Ему не было необходимости выписывать гувернеровъ изъ чужихъ странъ: онъ находилъ ихъ въ достаточномъ количествѣ между понятливыми учениками своей домашней школы. Ему не нужно было, какъ Августу, играть комедію и ожидать окончанія дѣйствія, чтобъ потребовать себѣ заслуженныхъ рукоплесканій: старая Франція успѣла почти вся вымереть, прежде чѣмъ онъ кончилъ свое великолѣпное представленіе, а новая привыкла удивляться ему, прежде чѣмъ могла понимать, куда должно было привести ее безотчетное слѣдованіе за своимъ вожатымъ. Занявъ ея суетность, открывъ широкій путь честолюбію, Лудовикъ XIV могъ безъ ипокритства приступить къ истребленію слабыхъ остатковъ прежней Франціи. Ему, образователю новой, нечего было жалѣть жалкія руины, изъ которыхъ онъ не могъ сдѣлать никакого употребленія для своихъ цѣлей; но какъ могла согласиться Франція на униженіе своего парламента, на драгонады, на разореніе и изгнаніе изъ предѣловъ государства невинныхъ семействъ цѣлыми тысячами? О! она тогда сдѣлала уже великіе успѣхи въ новомъ направленіи: мудрость его она въ состояніи была понять даже безъ учителя. Понятія, которыя постоянно внушались ей въ продолженіе цѣлыхъ трехъ поколѣній, вошли наконецъ въ самые ея нравы. Лудовикъ XIV спокойно могъ закрыть глаза, даже не оставляя послѣ себя способнаго челоуѣка, которому бы смѣло могъ вѣрить продолженіе своего дѣла. Зачѣмъ? Франція, даже предостав-

ленная самой себѣ, не пошла бы другою дорогою. Она нисколько не тронулась даже при регентѣ, хотя очень хорошо знала, что онъ не только не наследовалъ отъ своихъ предшественниковъ ни ихъ твердости, ни искусства, но по своимъ личнымъ качествамъ скорѣе могъ бы служить пародіею на нихъ. Въ концѣ вѣка начался во Франціи рядъ страшныхъ переворотовъ, послѣ которыхъ повидимому не должно было остаться камня на камнѣ въ прежнемъ ея зданіи. Такъ и случилось: потрясены были многія основныя формы ея прежняго быта, а нѣкоторыя изъ нихъ, и притомъ самыя видныя, вовсе снесены бурнымъ водоворотомъ. Ихъ потомъ замѣнили новыя формы, которыя въ свою очередь снова должны были уступить свое мѣсто другимъ... Въ этомъ отношеніи Франція и теперь еще не можетъ похвалиться, что она у вѣрной пристани. Но въ разныхъ формахъ, несмотря на рѣзкую противоположность началъ и цѣлей, продолжалъ жить большею частію одинъ и тотъ же духъ. Централизація вышла торжествующею сначала изъ борьбы двухъ республиканскихъ партій между собою; она же потомъ одержала верхъ въ побѣдѣ имперіи надъ республикою. Два повторенія тѣхъ же явленій въ нашей современности доказали только вѣрность прежнихъ опытовъ.

Сказать ли, что ходъ вещей, въ которомъ Франція нашла основаніе своей силы и крѣпости, долженъ быть нормою и для другихъ націй? или что французской системѣ передъ всѣми другими принадлежитъ универсальное значеніе?—Но этого не хотятъ допустить лучшіе, образованнѣйшіе умы самой Франціи, которыхъ симпатіи постоянно обращены въ другую сторону. Еслибы система удовлетворяла ихъ, еслибы послѣ многочисленныхъ опытовъ они въ самомъ дѣлѣ могли убѣдиться, что она благотѣльна для страны, не переносились бы они такъ часто и мыслию и душою по другую сторону пролива, гдѣ господствуетъ противоположное направленіе. Италія также не лишена способности сравнивать и слѣдовательно избирать для себя лучшее. Она несчастна, правда, но это не значитъ, чтобы она ужь доведена была до необходимости ухватиться за первую систему, которую выдадутъ ей за чистѣйшій результатъ нормальнаго историческаго процесса. Кромѣ несчастій, она проходила также свою историческую школу, изъ которой вынесла много неизгладимыхъ стремленій. Сюда принадлежитъ между прочимъ любовь къ личной независимости, мало уживающаяся съ началомъ всеобщаго уравненія и поглощенія личности одною отвлеченною идеей. Французская система была бы ей не только не по талии, но даже и не по духу, и мюратизмъ, ничтожный по имени, также мало можетъ играть въ ней видную роль и какъ представитель централизаціи.

П. Кудрявцевъ.

Нерви, близъ Генуи.

НѢСКОЛЬКО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ КЪ СТАТЬѢ
«ОЧЕРКИ ЦЕРКОВНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ ВЪ ДРЕВНЕЙ
РОССІИ» (1).

Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи. Изданы археографическою комиссіею, подъ редакціею члена комиссіи Н. Калачова. Т. I, Спб. 1857.

Въ новомъ изданіи г. Калачова помѣщено нѣсколько весьма важныхъ документовъ, относящихся къ различнымъ вопросамъ нашей древней церковной администраціи.

Въ древней Россіи церкви принадлежали или общинамъ, или частнымъ лицамъ. Общины строили церкви, содержали причтъ, заключая съ нимъ на этотъ предметъ контракты, и вмѣстѣ съ тѣмъ избирали къ своимъ церквамъ священниковъ и причетниковъ. Въ «Актахъ Юридическихъ», изд. 1838 г., помѣщено нѣсколько такихъ избирательныхъ грамотъ, но всѣ онѣ относились къ приходамъ, состоявшимъ изъ однихъ тяглыхъ людей; а въ изданіи г. Калачова помѣщенъ «излюбъ» (избирательная грамота), данный приходомъ, состоявшимъ изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ (№ 7, 1; стр. 9). На выборѣ присутствовало 10 дворянъ— 7 Брянчаниновыхъ, 2 Ежовскихъ и Чернавской,—25 выборныхъ отъ монастырскихъ крестьянъ и 12 отъ помѣщичьихъ разныхъ владѣльцевъ. Изъ нѣкоторыхъ выраженій этого акта видно, что дворяне имѣли при выборѣ рѣшительный голосъ; самый излюбъ подписанъ только двумя дворянами, за крестьянъ никто не подписался.

Такъ какъ для церковнаго служенія необходимъ только священникъ, то діаконъ былъ при немногихъ церквахъ (1). Поэтому общины, когда случалась временная надобность въ діаконѣ, напримѣръ при освященіи храмовъ, нанимали его каждый разъ. Въ 1632 г. Яренскаго уѣзда Иртенской волости Причистенскаго прихода крестьяне жаловались архіепископу Варламу: Звали они для освященія новаго храма съ Усть-Выми благовѣщенскаго діакона Василія; онъ запросилъ съ нихъ 7 рублей, и безъ денегъ не поѣхалъ; да и предшественникъ его діаконъ Леонтій бралъ отъ освященія храма по 5, 6 и болѣе рублей; что отъ такого дорогаго найма мірскимъ людямъ продажа и убытки великіе; а во всемъ Яренскомъ уѣздѣ только одинъ діаконъ Василій. Съ своей стороны, діаконъ Василій писалъ архіепископу, что крестьяне несправедливо на него жалуются за наем-

(1) «Русскій Вѣстникъ», № 2.

(1) Въ Яренскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ акта за № 62, былъ всего одинъ діаконъ, въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1635 г. было 22 священника и только два діакона. № 1.

ную плату: предшественникъ его, діаконъ Леонтій, бралъ отъ освященія храмовъ по 5, 6 и больше рублей, «по мѣсту и по приходу примѣриваясь», что это единственный доходъ діакона, потому что на Усть-Выми діаконской земли всего одна загородка въ малую четверть, а въ Яренскомъ уѣздѣ съ сохъ никакой ему руги не даютъ; такъ что если онъ уменьшить наемную плату отъ освященія храмовъ, то нечѣмъ будетъ прокормиться. — Архіепископъ далъ такое рѣшеніе: Пусть земскіе люди Яренскаго уѣзда платятъ ежегодно діакону Василию по 2 гривны съ сохи, въ такомъ случаѣ онъ обязанъ безвозмездно святить храмы, приходъ даетъ ему только подводу и половину молебныхъ денегъ; тѣ же приходы, которые не согласятся платить этотъ ежегодный взносъ, должны на прежнемъ основаніи нанимать діакона для освященія храмовъ по вольной цѣнѣ.

Подъ № 112 (стр. 697), помѣщена любопытная договорная запись о строеніи новой церкви Бѣжецкой пятины прихода Св. Георгія прихожанъ—дворянъ и крестьянъ. Они обязались собрать на построеніе церкви: съ каждой души по 5 бревенъ, тесу по 3 тесницы съ топора, съ трехъ человекъ по возу осины, по 4 деньги съ души, отсыпнаго хлѣба съ полосы по четверичку московскому ржи, да съ волосы же по хлѣбу печеному. Для приѣма матеріала, хлѣба и денегъ избрано нѣсколько старостъ. Если кто изъ дворянъ и крестьянъ не устоитъ противъ записи, «хотя, въ которомъ единомъ словѣ», съ того взять пени 10 рублей и взыскать всѣ убытки.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы показали, что монастыри бывали и въ частномъ владѣніи, что одному монастырю принадлежали другіе на правѣ собственности, и что вообще гражданское начало является преобладающимъ надъ духовнымъ въ отношеніяхъ монастырей къ епархіальнымъ властямъ. Вотчинное значеніе монастырей положительно подтверждается слѣдующими актами въ изданіи г. Калачова: 1) № 52, I, стр. 164. Правая грамота по спорному дѣлу между Симоновымъ монастыремъ и крестьянами Пехорской волости о принадлежности Спасо-Преображенскаго монастыря и озеръ Нижняго и Верхняго, съ деревнями и пустошами. Пехорскіе крестьяне подали жалобу на Симоновъ монастырь, что онъ неправильно владѣетъ Спасо-Преображенскимъ монастыремъ, что этотъ послѣдній его, великаго князя, то—есть крестьянъ Пехорской волости. Великій князь (Иванъ III) спросилъ монастырскихъ повѣренныхъ: почему зовете церковь Св. Спасъ и озеро Верхнее и Нижнее своими монастырскими? Монастырскіе повѣренные отвѣчали: то, господине, церковь Св. Спасъ, и озера, и деревни и пустоши твой великаго князя изъ старины; а *мы* яляся, господине, твой прадедъ князь великій Дмитрій Ивановичъ на ту церковь Святаго Спаса, и на озера, и на деревни и на пустоши съ Савою съ черньцемъ, взялъ у монастыря у Симоновскаго Воскресенское село, Верхъ-Дубенское и съ бортью

и съ деревнями, а далъ на Симоново ту церковь, и съ озера, и съ бортью и съ деревнями. При этомъ они представили и мѣновую грамоту; въ ней замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Се азъ князь великій Дмитрій Ивановичъ мѣнялъ есмь съ Савою съ черньцомъ землями, взялъ есмь у Савы село Воскресенское, Верхъ-Дубенское..., а далъ есмь Савѣ черньцу монастырекъ пустыжку, церковь Святый Спасъ Преображенія, *что поставилъ игуменъ Аванасій на моеѣ земль у Медвѣжья озера на березь...*» Итакъ, игуменъ Аванасій построилъ монастырь на землѣ великаго князя, и поэтому онъ считался собственностью владѣльца земли, который въ послѣдствіи промѣнялъ его Симонову монастырю за нѣсколько деревень, какъ частную собственность. Мало того, изъ этой же правой грамоты узнаемъ, что такіе небольшіе монастыри (монастырекъ, монастырецъ), принадлежавшіе на вотчинномъ правѣ большимъ монастырямъ, продавались въ пожизненное владѣніе духовнымъ лицамъ: «Се азъ Іевъ, попъ симоновскій, купилъ есмь себѣ, до своего живота, у архимандрита у Геронтыя у Симоновскаго и у его старцевъ у Симоновскихъ... монастырецъ, церковь Святый Спасъ у Медвѣжья озера... съ деревнями и съ пустошми... да и съ грамотою великаго князя Дмитрія Ивановича съ мѣноюю и съ жалованною... далъ есмь на томъ пять рублевъ да овцу пополнка; а по своемъ животѣ ни дати, ни продати того всего никому, а то все по моемъ животѣ опять въ монастырь Пречистой на Симоново въ домъ». Такихъ купчихъ разныхъ годовъ на монастырекъ Спасъ было нѣсколько; видно, что онъ съ своими деревнями и угодьями былъ зрендною статьей. То же самое могло быть и съ другими подобными монастырьками.—2) № 63, VII, стр. 443, 1432—43 г. «Се азъ княгиня Ографена княжа Аванасьева Ивановича съ своими дѣтьми... дала есмь въ домъ Св. Троицы, въ Сергѣевъ монастырь... въ своей отчинѣ на Шохъстнѣ монастырекъ Св. Николу съ землею... А дали есмь то по своихъ родителейъ и по себѣ на поминокъ въ домъ Св. Троицы. А что намъ дати Александру старцу Русану 30 рублевъ... и то съ насъ... игуменъ Зиновой Троицкій снялъ». Этотъ актъ имѣетъ двойственный характеръ — даренія и продажи: монастырекъ Св. Николая уступается Троицкому монастырю въ уплату долга 30 рублей и на поминъ души. 3) № 63, XI, стр. 446, 1454 г. Дворянинъ даритъ митрополиту монастырь: «Се азъ Петръ Костянтиновичъ далъ есмь въ домъ Пречистыя Богородицы и своему господину Іонѣ, митрополиту Кіевскому и всеа Руси, монастырь Св. Савы на Москвѣ на посадѣ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому монастырю изъ старпны потягло, и земель и луговъ, и Собакинская пустошь»...

Иногда небольшіе монастыри приписывались архіереями къ большимъ съ духовно-полицейскою цѣлью. Такъ, въ 1689 году, архіепископъ великоустюжскій и тотемскій, Александръ, приписалъ къ Гле-

денскому Троицкому монастырю Теплогорскую пустынь, потому что «въ той пустынѣ прежніе строители церковному и монастырскому всякому строенію не радѣли и жили по своей вольности, и съ монахи, ходя по мірскимъ домамъ въ пиры и на браки, безчиновали, пили и бражничали, и отъ ихъ нерадѣнія и безчинія монастырская всякая казна чинитца въ расхищеніи». Архіепископъ предписалъ гледенскому игумену сдѣлать подробную опись Теплогорской пустыни, принять ее въ свое завѣдываніе («тебѣ, игумену Андронику, и впредь кто по тебѣ иные игумены будутъ, владѣть и вѣдать (пустынь) къ Троицкому монастырю»). Повинности монастырскихъ крестьянъ довольно подробно исчислены въ грамотѣ патриарха Іова владимірскому Константинову монастырю (№ 43, 1602 г.): «А пашню крестьяномъ пахати на монастырь на выть по десятинѣ, а сѣяти монастырскими сѣмяны, а мѣрити десятину въ длину по 80 сажень, а поперекъ по 30 сажень, и съ тѣхъ десятинъ крестьяномъ хлѣбъ жати и въ монастырское гумно возити и скласти и молотить и въ житницы сыпати; а навозъ возити крестьяномъ на монастырскую пашню съ конюшеннаго и съ коровья и съ гостина двора на выть по 80 телѣгъ; а сѣно косити крестьяномъ на монастырской обиходъ по 20 копенъ волоковыхъ на выть, и грести и метати то сѣно имъ же. А оброку имъ въ монастырскую казну за сыры, и за масла, и за яйца, и за пшеницу, и за конопли, и за овчины имати по полтинѣ съ выти; а крупы и толокно дѣлати крестьяномъ на монастырскомъ хлѣбѣ по четыре четверти на выть овса или гречи. А лучитца архимандриту ѣхати къ Москвѣ, и на крестьянехъ имати ему по подводѣ съ выти одиново въ годъ. А лѣсъ имъ для монастырскаго строенья ронити и въ монастырь возити, гдѣ архимандритъ лѣсомъ промыслить, и тѣмъ лѣсомъ монастырь городити и кельи ставити, и конюшенной, и коровій, и гостинъ дворъ дѣлати, и огороды, и гумна монастырскіе городити; а дровъ возити крестьяномъ по сажени на выть.»

Архіереи обыкновенно льготы церковные причты сель, принадлежавшихъ ихъ собратамъ или монастырямъ. То же самое имѣло мѣсто и относительно причта селеній, принадлежавшихъ соборамъ. Такъ, въ 1631 году, новгородскій митрополитъ Кипріянь далъ льготную грамоту причту сельца Дымцова, приписаннаго къ московскому Успенскому собору (№ 31, стр. 120): «который попъ учнетъ у тоѣ церкви пѣти, и тому попу и причетникомъ церковнымъ платитъ въ домъ Святѣи Софїи Премудрости Божїи за мой подѣздъ и за десятину и за казенную пошлину на годъ по 6 алтынъ по 4 денги, дячихъ пошлинъ и записнаго, и писчего, и истошничего по 3 алтына по 2 денги, десятильничя корму по 6 алтынъ по 4 денги, опроче моего московскаго подъему... А десятильникомъ своимъ къ тому попу и къ причетникомъ церковнымъ ни по что вѣзжати не велѣли.» Въ этой грамотѣ любопытны выраженія, показывающія до какой степени

финансовое начало дѣйствовало въ ущербъ духовному въ церковномъ управленіи. Протопопъ съ братьею Успенскаго собора пишутъ новгородскому митрополиту про свою сельскую церковь, что они «призвали къ той церкви священника..., и былъ по нынѣшней 139 годъ, и отошелъ прочь, и нынѣ де у той церкви попа нѣтъ и боли помирають безъ причастья, а родильницы безъ молитвъ, а младенцы безъ крещенья бывають многое время; а отъ иныхъ де церковей попы къ тѣмъ ихъ людемъ и къ крестьяномъ ходить не смѣють, *блюдысь нашихъ десятильниковъ.*» Архіерейскіе десятильники смотрѣли на церковь, какъ на оброчную статью, и потому не дозволяли причту совершать требы въ другомъ приходѣ, хотя бы тамъ не было священника, и прихожанъ некому было крестить и приобщать Святыхъ Тайнъ!

Судебникъ Грознаго и его грамоты общинамъ дали организацію выборному началу въ судебномъ и административномъ отношеніи; то же самое стремленіе раздѣляетъ и Стоглавъ относительно духовенства. Стоглавъ учредилъ выборныхъ изъ духовенства — поповскихъ старостъ, пятидесятскихъ, десятскихъ. Эти выборные сидѣли поочередно на судѣ архіерейскихъ бояръ, какъ защитники духовенства, надзирали за церковнымъ благочиніемъ и нравственностью духовенства. (Акт. Истор. Т. I, № 155.) Въ изданіи г. Калачова напечатанъ (подъ № 1) выборный актъ въ поповскіе десятскіе (1635 г.). Нижегородскіе священники и диаконы «по указу великаго государя святѣйшаго Іоасафа, патріарха московскаго и всеа Русіи, и по приказу Василья Тимоѣевича Потапова» (вѣроятно—десятильникъ), избрали въ поповскіе десятскіе диакона Ивана на одинъ годъ: «а тотъ діаконъ Иванъ добръ, не плутъ и не бражникъ, и душею прямъ, и государевы патріарховы дѣла ему дякону Ивану за обычей, куда его дякона для дѣла пошлютъ.» Изъ послѣднихъ словъ можно заключить, что поповскіе десятскіе имѣли значеніе полицейское и финансовое, а не духовное (то—есть не были благочинными). Это подтверждается и тѣмъ, что въ этой должности находились и диаконы, чего не могло бы быть, еслибъ десятскіе имѣли духовную власть надъ священниками и причтомъ.

Относительно вопроса объ архіерейскомъ управленіи замѣтимъ актъ подл № 30, VII. Въ статьѣ нашей о церковной администраціи мы сказали: «Мы встрѣчаемъ очень часто архіерейскіе казенные приказы; могли быть и другіе» (стр. 118). Это предположеніе подтверждается приведеннымъ актомъ: здѣсь упоминается объ *архіерейскомъ разрядѣ* устюжскаго архіепископа. Архіепископъ устюжскій предписалъ игумену Гledenскаго монастыря произвести личную и имущественную перепись Теплогорской пустыни: «и въ ней церкви и въ церквахъ иконы, и книги, и ризы, и всякое церковное украшеніе, и денежную казну, и колокола, и братію, іеромонаховъ, и мо-

наховъ, и вкладчиковъ, и крестьянъ, и бобылей, и всякихъ дѣловыхъ людей, и хлѣбъ стоячей и молочной въ житницахъ, и что какого хлѣба посеяно, и лошади, и коровы, и овцы, и всякій скотъ, и сѣнные покосы, и мельницы, и толчеи, и всякіе пустынные заводы, все переписать въ двой книги... однѣ (книги) привезть на Устюгъ Великій въ нашъ архіерейскій разрядъ, а другіе такія жъ книги оставить у себя въ казнѣ...» Изъ этой выписки видно отчасти значеніе архіерейскаго разряда: монастырскія переписныя книги хранились въ немъ, конечно, не съ статистическою цѣлью, а для контроля надъ монастырскимъ управленіемъ, а можетъ-быть и съ другими цѣлями.

А. Дохвицкий.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Исторія костюма, сочиненіе проф. Вейса. Исторія искусства, вскорѣ по появленіи своемъ, вызвала на свѣтъ нѣсколько новыхъ вспомогательныхъ наукъ, коихъ литература начинаетъ нынѣ обогащаться замѣчательными сочиненіями. Всестороннее изученіе памятниковъ искусства не можетъ удовольствоваться однимъ эстетическимъ пониманіемъ ихъ значенія или знаніемъ того мѣста, которое они занимаютъ въ развитіи всемірнаго искусства: оно требуетъ кромѣ того еще нѣкоторыхъ другихъ условий. Нерѣдко, вѣроятно, каждый изъ насъ, увидавъ въ первый разъ неизвѣстный ему дотолѣ барельефъ или картину, простой портретъ изъ среднихъ вѣковъ или сцену изъ жизни, останавливался въ большомъ недоумѣніи: при всей ясности и удобопонятности сюжета, трудно опредѣлить, какому вѣку и народу принадлежатъ изображенный предметъ. Не знаешь, какому времени приписать тѣ странныя изображенія боговъ, которыя имѣешь передъ своими глазами на какомъ-либо рельефѣ, или неизвѣстныя намъ по другимъ изображеніямъ одежды, въ которыхъ представлены герои цѣлыхъ картинъ. Тогда ученымъ открывается цѣлое обширное поле для догадокъ. Въ исторіи есть нѣсколько памятниковъ, прославившихся, кромѣ своего внутренняго достоинства, еще спорами ученыхъ о народахъ, на нихъ изображенныхъ, по неизвѣстности, кому могла принадлежать та одежда, въ которой изображены на нихъ различныя лица. Такова, на примѣръ, знаменитая мозаичная картина, найденная въ Помпѣяхъ, и извѣстная подъ именемъ: *Битвы Александра Великаго съ Персами*. Объ изображенныхъ на ней на-

родахъ были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Въ художественныхъ собраніяхъ Парижа есть камни небольшого размѣра, на которыхъ вырѣзаны изображенія боговъ, полу-египетскія и полу-ассирійскія. Не знаютъ, какому народу приписать ихъ: теперь думаютъ, что они принадлежатъ Финикіянамъ, отъ которыхъ до насъ не дошло почти никакихъ памятниковъ plasticaческаго искусства. Но особенно важна наука о костюмѣ, или знаніе одеждъ и измѣненій вкуса въ нихъ для изученія памятниковъ искусства среднихъ вѣковъ: одно только подробное изученіе ея можетъ часто послужить намъ къ различенію напримѣръ древне-итальянской картины отъ древне-фламандской. Даже въ одной и той же школѣ, въ одномъ и томъ же вѣкѣ, необходимо подробное изученіе этой области, чтобы знать, напримѣръ, къ которой изъ верхне-итальянскихъ школъ принадлежитъ какой-нибудь женскій портретъ XVI вѣка. Старинные историки, не руководимые критическимъ духомъ новѣйшихъ изслѣдователей, дѣлали въ этомъ отношеніи самыя грубые промахи, и многія изъ знаменитѣйшихъ старинныхъ сочиненій, напримѣръ прославленные *Monuments de la monarchie française* ученаго Монфокона, украшенные большимъ числомъ гравюръ, нынѣ почти совершенно не годны къ употребленію.

Когда въ новѣйшее время начали, на основаніи критическихъ изслѣдованій, опредѣлять съ возможною точностію время происхожденія многочисленныхъ памятниковъ искусства, то стали появляться изданія съ изображеніемъ одеждъ, встрѣчающихся на этихъ памятникахъ. Тутъ французскіе ученые первые проложили новый путь. На французскомъ языкѣ есть нѣсколько изданій съ гравюрами, посвященныхъ средневѣковымъ костюмамъ разныхъ монашескихъ орденовъ и т. д. Одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій въ этомъ родѣ принадлежитъ Вильмену (*Willemain*). Классическимъ трудомъ по этой части можетъ назваться обширное, великолѣпное и дорогое сочиненіе Гетнера фонъ-Альтеника: *die Trachten des christlichen Mittelalters*, переведенное и на французскій языкъ. Въ немъ костюмы сняты большею частію съ миніатюръ въ рукописяхъ среднихъ вѣковъ и достойно воспроизводятъ красками и золотомъ превосходные оригиналы.

Но мы видимъ, что всѣ эти сочиненія, несмотря на свои большія достоинства, далеко еще не обнимаютъ всѣхъ вѣка и народы, входящіе въ исторію искусства, и не имѣютъ того унверсально-историческаго характера, которымъ отличается нынѣшнее воззрѣніе на искусство. Горизонтъ ихъ взгляда тѣсенъ. Рѣшить эту задачу согласно современнымъ требованіямъ науки взялся молодой берлинскій ученый Германнъ Вейсъ. По своему призванію онъ былъ сперва историческимъ живописцемъ, но постоянная наклонность къ ученымъ

занятіямъ, указавъ ему послѣ долгихъ размышленій на очевидныя ошибки, въ которыхъ, во всѣхъ странахъ, впадаетъ постоянно этотъ родъ живописи, заставила его обратиться къ ученой обработкѣ исторіи искусства. Талантъ живописца сильно помогъ въ этомъ дѣлѣ ученому. Первые труды его дали ему такую извѣстность, что прусское правительство, постоянно слѣдящее за всякою замѣчательною литературною дѣятельностію, рѣшилось основать для него новую катедру и вызвало его преподавать науку о костюмѣ въ Берлинской академіи художествъ. Просвѣщенное начальство ясно высказало этимъ призваніемъ, что оно сознаетъ великій пробѣлъ въ научномъ образованіи историческихъ живописцевъ. Много любителей искусства начали посѣщать наглядныя лекціи молодого ученаго. Я присутствовалъ при открытіи этихъ лекцій въ 1854 году и вынесъ изъ нихъ убѣжденіе, что онѣ будутъ имѣть доброе вліяніе на художественное образованіе будущихъ историческихъ живописцевъ Германіи. Но дѣятельность молодого профессора не ограничилась тѣснымъ кругомъ академическихъ слушателей: нынѣ онѣ обогатилъ нѣмецкую литературу общедоступнымъ сочиненіемъ, которое не только облегчитъ изученіе безчисленныхъ памятниковъ искусства, но можетъ служить очень важнымъ пособіемъ и для изученія всеобщей исторіи. Каждый лично можетъ убѣдиться въ этомъ. Вотъ заглавіе книги: *Kostümkunde. Handbuch der Geschichte der Tracht, des Baues und Geräthes. Von Hermann Weiss. Stuttgart.* До сихъ поръ появились четыре выпуска (512 стр. 8 л.)

Труденъ былъ путь, избранный авторомъ для рѣшенія предположенной имъ задачи, сообразно съ современными требованіями науки. Онѣ долженъ былъ сперва составить себѣ ясное понятіе объ одеждахъ всѣхъ народовъ изъ прилежнаго изученія необъятной массы памятниковъ искусства, дошедшихъ до насъ, и описательныхъ замѣтокъ, иногда случайно переданныхъ намъ объ этомъ предметѣ писателями всѣхъ вѣковъ. Приобрѣтя эти свѣдѣнія, онѣ долженъ былъ испытать на манекенѣ или на живой модели способъ ношенія разныхъ частей одежды. Наконецъ онѣ долженъ былъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ сдѣлать выборъ такихъ, которые могли бы дать намъ самое ясное представленіе обо всѣхъ родахъ одежды у различныхъ народовъ. Къ обширному, полному, но сжатому и превосходному тексту своего сочиненія приложилъ онѣ множество полнотипажей, имѣ самимъ сдѣланныхъ. Такимъ образомъ вышла необыкновенно полезная книга не только для каждаго историческаго живописца, но и для всѣхъ, изучающихъ исторію искусства.

Но сочиненіе профессора Вейсса осталось бы книгою слишкомъ спеціальною и одностороннею, еслибы авторъ не придалъ слову *костюмъ* другаго, болѣе достойнаго и обширнаго значенія. Онѣ разумѣетъ подъ нимъ ту трудно-уловимую связь, въ которой на-

ходится одежда и ея частыя измѣненія съ нравами, обычаями, государственною и частною жизнію, религіею, духомъ времени и развитіемъ исторіи. Вотъ почему каждый отдѣлъ, посвященный особому народу, начинается онъ обыкновенно географическимъ описаніемъ страны и ея климата, образа жизни ея обитателей и указаніемъ ихъ значенія въ исторіи человѣчества. Потомъ описываетъ онъ одежду всѣхъ классовъ народа, обычай носить волосы, головные и другіе уборы, символическое значеніе одежды и т. п. Далѣе онъ переходитъ къ описанію предметовъ, окружавшихъ данный народъ въ ежедневной жизни, начиная съ здавій, назначенныхъ для жилья, до дворцовъ, храмовъ и гробницъ. Затѣмъ слѣдуютъ постройки, назначенныя для государственныхъ или общественныхъ цѣлей, каковы каналы, крѣпости, корабли. Наконецъ, описываются всѣ орудія, какія употреблялись разными народами для обработыванія земли, для различныхъ ремеслъ, для домашней жизни; мебель, музыкальные инструменты, тысячи произведеній для удовлетворенія потребностей роскоши и т. д. Это огромная картина всей виѣшней цивилизаціи человѣчества! Отъ низшихъ ступеней ея, на которыхъ стоятъ дикіе жители Америки и Африки, авторъ ведетъ насъ къ древнѣйшимъ образованнымъ народамъ міра: въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ онъ разказалъ намъ цивилизацію Египтянъ, Эіопянъ, Арабовъ, Ассиріянъ и Вавилонянъ, Мидянъ и Персовъ, Евреевъ и Финикіянъ и наконецъ обитателей Малой Азіи. Съ ясностью и краткостью изложены здѣсь результаты новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій объ исторіи древнихъ народовъ Востока. Это сочиненіе знакомитъ насъ со всею общественною и домашнею жизнію древняго міра. Оно полезно не для однихъ историческихъ живописцевъ или любителей исторіи искусства, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для оживленія и болѣе глубокаго разумѣнія политической исторіи народовъ. Такъ какъ въ послѣднее время, у насъ, начали сильно говорить о переводѣ полезныхъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, то сочиненіе профессора Вейсса безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ книгъ, которыя могутъ содѣйствовать не только распространенію основательныхъ свѣдѣній, но и возбужденію любви къ наукѣ и къ умственному труду.

Новый біографическій словарь художниковъ всѣхъ временъ и народовъ.—Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣеть въ исторіи искусства, для полнаго уразумѣнія художественныхъ произведеній, подробныя біографіи художниковъ. Это давно признанная истина. Въ новѣйшее время, когда занятія исторіею искусства приняли такіе обширные размѣры, появилось, кромѣ общихъ трудовъ, объемлющихъ весь предметъ, также множество монографій обо всѣхъ отрасляхъ искусства, объ отдѣльныхъ періодахъ, школахъ, мастерахъ,

памятникахъ и т. д. Эти результаты новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій до сихъ поръ еще не были собраны въ отдѣльномъ сочиненіи, посвященномъ біографической сторонѣ исторіи искусства. Въ особенности не было до сихъ поръ удовлетворительнаго сочиненія, которое въ двухъ—трехъ томахъ, при недорогой цѣнѣ, содержало бы краткія, но точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о жизни художниковъ всѣхъ временъ и народовъ, оцѣнку ихъ художественной дѣятельности и исчисленіе замѣчательнѣйшихъ ихъ произведеній, съ указаніемъ мѣста ихъ нахождения. Чтобъ удовлетворить минутной потребности, желанію тотчасъ найти нужныя извѣстія о годѣ жизни или смерти, и т. д. всѣхъ художниковъ, подобный трудъ долженъ быть расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Правда, подобные *словари художниковъ* уже существуютъ, но они всѣ имѣютъ болѣе или менѣе значительные недостатки или неудобства. Лучшій изъ нихъ, изданный на нѣмецкомъ языкѣ Наглеромъ, и котораго первые томы, болѣе слабыя, начали появляться еще въ 1835 году, а потому не соответствуютъ нынѣшнему состоянію науки, не удобенъ тѣмъ, что состоитъ изъ 22 томовъ, и поэтому очень дорогъ. Новыя дополненія къ нему еще увеличатъ его объемъ и цѣну. Устранить эти неудобства и составить новый словарь, сообразно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки, рѣшился профессоръ Фр. Мюллеръ въ Штутгартѣ. Словарь этотъ разсчитанъ на три тома и первый, нынѣ оконченный, лежитъ передъ нами, подъ заглавіемъ: *Die Künstler aller Zeiten und Völker, Leben und Werke der berühmtesten Baumeister, Bildhauer, Maler, Kupferstecher, Formschneider, Lithographen etc. etc. von den frühesten Kunstepochen bis zur Gegenwart.* Stuttgart. Ebner und Seubert. Онъ обнимаетъ біографіи художниковъ подъ буквами А—Е. Цѣна полнаго сочиненія, мелко напечатаннаго, какъ слѣдуетъ печатать всякую справочную книгу, вѣроятно не превзойдетъ 12—15 р. сер.

Трудъ этотъ составленъ по лучшимъ источникамъ, которые вездѣ тщательно приведены, и если въ немъ не находишь всегда той полноты извѣстій, которыми столь богатъ классическій трудъ Наглера, то должно вспомнить, что онъ имѣетъ иную цѣль и назначеніе. Тѣмъ неменѣе многія изъ біографій, къ которымъ вездѣ, гдѣ нужно, приложены и монограммы художниковъ, отличаются особенною полнотою, объемомъ и тщательностію отдѣлки, такъ что ихъ можно читать не для однихъ только справокъ. Таковы напримѣръ біографіи: Буонаротти (Микель Анджело), Караччи (братья), Корнелиусъ, Дюреръ (Албрехтъ), Ванъ-Эйкъ (братья), и т. д. Нельзя не пожалѣть, что извѣстія о нѣкоторыхъ новѣйшихъ, еще живущихъ художникахъ, напримѣръ о Каламѣ, слишкомъ кратки.

Терминологическій словарь для археологіи средневѣковаго искусства. Въ заключеніи я долженъ обратить вниманіе чи-

тателей на небольшую, но чрезвычайно полезную книгу, изданную Генрихомъ Отте, авторомъ извѣстнаго руководства къ *археологіи средневѣковаго искусства въ Германіи*, которое должно сдѣлаться настольною книгою каждаго, занимающагося исторіею искусства. Не только любители этой науки, но даже и самые спеціалисты, нерѣдко читая сочиненія объ этомъ предметѣ, писанныя на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ, вѣроятно съ недоумѣніемъ останавливались передъ часто-встрѣчающимися техническими выраженіями, которыми такъ богата средневѣковая археологія вообще и въ особенности архитектура. Объяснить эти термины, встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ на вышеназванныхъ четырехъ языкахъ, было цѣлю книги г. Отте, вышедшей подъ заглавіемъ: *Archäologisches Wörterbuch zur Erklärung der in den Schriften über mittelalterliche Kunst vorkommenden Kunstausdrücke*. Leipzig. 1857. Она украшена 166 полтипажами. Хотя на французскомъ языкѣ и существуетъ подобное сочиненіе Берти, а на англійскомъ — Паркера, но первое уже давно раскуплено, а второе очень дорого; поэтому книга г. Отте составляетъ тѣмъ болѣе пріятное явленіе и необходимѣйшее пособіе, что оно не только совмѣщаетъ въ себѣ содержаніе всѣхъ изъванныхъ книгъ, но и дополняетъ ихъ истолкованіемъ терминовъ нѣмецкихъ и латинскихъ. Если кто подумаетъ, что можно найти ихъ въ словаряхъ этихъ языковъ, тотъ очень ошибется: для области искусства, всѣ ходячіе, даже самые полные и лучшіе словари или недостаточны, или не полны.

Еслибы, сообразно съ возрастающею любовью къ наукѣ въ нашемъ отечествѣ, люди, основательно знакомые съ предметомъ, рѣшились перевести на русскій языкъ самыя необходимыя книги для изученія исторіи искусства, каковы: Куглера, «Руководство ко всеобщей исторіи искусства» и атласъ, изданный къ этому сочиненію, его же «Исторію архитектуры и живописи», «Исторію костюма» Вейсса, «Словарь всѣхъ художниковъ» Мюллера, и «Археологическій словарь» Отте, то русская публика получила бы небольшую, но избранную библіотеку, которая послужила бы у насъ краеугольнымъ камнемъ не только для познанія одной изъ значительныхъ сторонъ всеобщей исторіи, но и для прочнаго основанія науки русской археологіи.

К. Гѣрцъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы не ошиблись, приписавъ особенное значеніе поѣздкѣ императора Французовъ въ Осборнъ (на островѣ Вайтѣ) для свиданія съ англійскою королевой. Правда, толки о предстоящемъ будто бы удаленіи политическихъ изгнанниковъ изъ Англій не оправдались; но оправдалось, по крайней мѣрѣ отчасти, предположеніе о разрѣшеніи константинопольскихъ несогласій личными совѣщаніями между французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшимъ императора, и англійскими министрами.

Извѣстно, что происходило въ послѣднее время въ Дунайскихъ княжествахъ: съ одной стороны, ихъ населеніе домогается возможности свободно выразить свои желанія: съ другой — мѣстныя власти парализируютъ всякое искреннее выраженіе мнѣній. Мало того: нѣкоторые европейскіе агенты употребляютъ всѣ усилія, чтобы внушить уваженіе къ торжественному международному соглашенію, именуемому парижскимъ трактатомъ, между тѣмъ какъ другіе упорно нарушаютъ или произвольно толкуютъ его. Исполненіе фирмана о выборахъ и злоупотребленія мѣстныхъ властей въ Дунайскихъ княжествахъ вызвали, какъ извѣстно, совѣщанія между представителями европейскіхъ державъ въ Константинополѣ, происходившія въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ. Рѣшено было напомнить каймаканамъ молдавскому и валахскому о требованіяхъ закона и парижскаго трактата, предоставить европейской международной комиссіи, находящейся въ Букарестѣ, разрѣшеніе всѣхъ затрудненій относительно выборовъ, и сообщить рѣшеніе комиссіи молдавскому каймакану, который продолжалъ придерживаться насильственнаго образа дѣйствій. Сначала были обсуждены и составлены въ Константинополѣ приказанія для каймакановъ. Тогда надѣялись, что это дѣло серьезно и важно, тѣмъ болѣе что константинопольская конференція, какъ и международная комиссія въ Букарестѣ дѣйствовали отъ имени парижскаго конгресса. Но вышло иначе. Надо предположить одно изъ двухъ: или что Порты, сообщая рѣшеніе конференціи, въ то же время тайно отправила противныя приказанія въ Молдавію, или что молдавскій каймаканъ, г. Вогоридесъ, не обратилъ никакого вниманія на полученныя имъ инструкціи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ продолжалъ дѣйствовать попрежнему и, не дожидаясь рѣшеній букарестской

комиссіи, обнародовалъ избирательные списки, возбудившіе всеобщее неудовольствіе. Онъ выключилъ цѣлые избирательные округа, предоставилъ однимъ городамъ вмѣсто другихъ избраніе депутатовъ, присвоилъ себѣ право давать военные чины и боярскія титула, чтобы импровизировать избирателей. Словомъ, произвольно толкуя первоначальный фирманъ о выборахъ, онъ составилъ кругъ избирателей, преданный его политикѣ. Оказалось, что исключенные имъ составляютъ большинство народонаселенія. Въ Молдавіи считается 3,263 священника, но въ списки внесено только 193; вмѣсто 3,000 значительныхъ землевладѣльцевъ оказалось только 465, и притомъ нѣкоторыя имена противниковъ соединенія внесены въ списки по два и по три раза въ различныхъ округахъ; что касается мелкихъ землевладѣльцевъ, число ихъ простирается до 20,000, но только 2,264 были допущены къ участию въ выборахъ. Въ городахъ, внесено въ списки только 11 избирателей изъ класса занимающихся частными дѣлами и искусствами, тогда какъ въ одномъ городѣ Яссахъ 78 адвокатовъ, имѣющихъ законные дипломы. Домовладѣльцевъ въ городахъ значится по спискамъ только 598, тогда какъ въ Яссахъ ихъ вдвое больше; наконецъ въ спискахъ значится не болѣе 1,190 купцовъ и ремесленниковъ. Правда, въ списки внесены имена 167,222 поселянъ, которые избираютъ не прямо депутатовъ, а избирателей, но какъ сословіе, наименѣе образованное, легче подчиняются вліянію политики каймакана.

Мы сообщали о другихъ злоупотребленіяхъ каймакана, которыя обратили на себя вниманіе представителей Франціи, Россіи, Пруссіи и Сардиніи. Ихъ совокупныя представленія, повидимому, подѣйствовали на тогдашняго великаго визиря Решидъ-пашу. Въ Константинополь носились слухи, что вскорѣ будетъ наряжено слѣдствіе надъ каймаканомъ, что въ Яссы будетъ посланъ чрезвычайный комиссаръ; великій визирь соглашался, что разрѣшеніе нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, представившихся при исполненіи фирмана о выборахъ и объясненныхъ международною комиссіей въ Бухарестѣ, должно имѣть силу какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи, что правила о выборахъ должны быть одинаковы для обоихъ Княжествъ, и что слѣдовательно молдавскіе избирательные списки должны быть пересмотрѣны. 9-го іюля онъ объявилъ французскому посланнику и его товарищамъ, что каймакану будетъ предписано сообразоваться съ поясненіями къ избирательному закону, состоявшимся въ Бухарестѣ, отложить выборы на двѣ недѣли, считая съ назначеннаго для нихъ срока, именно съ 19-го іюля.

Увѣреніе великаго визиря оказалось напраснымъ; тайное вліяніе австрійской политики поколебало его рѣшимость, а между тѣмъ молдавскій каймаканъ воспѣшилъ выборами, которые начались 19 іюля безъ предварительнаго исправленія избирательныхъ списковъ; обѣщаніе

объ отсрочкѣ выборовъ не было исполнено. Результатъ ихъ поразителенъ. Выше мы замѣтили, что въ Молдавіи считается 3,263 священника, изъ коихъ внесены въ списки 193 человекъ; но и изъ этого числа только *семнадцать* человекъ принимали участіе въ выборахъ; митрополитъ устранился; что касается значительныхъ землевладельцевъ, то изъ 465 человекъ, внесенныхъ въ списки (вмѣсто 3,000), въ выборахъ участвовали только *двѣсти четырнадцать* человекъ (1).

Какъ въ интересахъ народа, дѣло котораго ввѣрено Европѣ парижскимъ трактатомъ, такъ и ради собственного достоинства, европейскія правительства не могутъ признать эти мнимые выборы. Державы, которыя, исполняя занесенное въ трактатъ обязательство, учредили постоянную международную комиссію въ Бухарестѣ, и формально поручили членамъ ея наблюдать за исполненіемъ парижскаго трактата, то-есть удостовѣряться на мѣстѣ, дѣйствительно ли предоставлена населенію свобода въ выраженіи его желаній, не могутъ удовлетвориться выборами, не имѣющими ни малѣйшаго внѣтренняго значенія. Скажемъ болѣе: совѣты, данныя Портѣ представителями четырехъ державъ въ Константинополь, и протесты ихъ были бы только пустыми и бесполезными демонстраціями, еслибы въ настоящее время не уполномочивали европейскіхъ правительствъ требовать, чтобы молдавскіе выборы признаны были недействительными.

Въ послѣднихъ числахъ іюля, французскій посланникъ въ Константинополь, г. Тувенель, обратился къ Портѣ съ нотой, имѣвшею характеръ ультиматума, — условія, за отверженіемъ котораго долженъ слѣдовать разрывъ дипломатическихъ сношеній. Въ этой нотѣ онъ требовалъ, чтобы молдавскіе выборы объявлены были недействительными. Но вліянію его явно и тайно противодействовали представители Австріи и Англии, двухъ державъ, которыя вмѣстѣ съ Турціей противятся соединенію Дунайскихъ княжествъ. Порта отвѣчала на французскій ультиматумъ довольно странною уступкой: 31-го іюля министерство подало въ отставку, и великимъ визиремъ сдѣланъ былъ Мустафа-паша. Подъ вліяніемъ Австріи и Англии султанъ, къ общему удивленію, надѣялся, что эта косвенная уступка удовлетворитъ Францію и другія державы, протестовавшія вмѣстѣ съ нею; но эти державы требовали не перемѣны министерства, а возобновленія молдавскихъ выборовъ. Перемѣна министерства была тѣмъ страннѣе, что за нимъ вовсе не скрывалась перемѣна политики. Напротивъ, австрійскіе и англійскіе журналы спѣшили объявить,

---

(1) Всѣ вышеприведенныя цифры не совсѣмъ точны, ибо не одинаковы въ разныхъ журналахъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ вѣрны приблизительно: показанія журналовъ разнятся весьма мало.

что политика Турціи относительно Дунайскихъ княжествъ остается неизмѣнною. Новое министерство скорѣе подтвердило показанія этихъ журналовъ: оно отвергло ультиматумъ четырехъ державъ, представители которыхъ прервали дипломатическія сношенія съ Портой.

На этомъ останавливаются извѣстія изъ Константинополя, доходящія лишь до 6-го августа. Но мы имѣемъ позднѣйшія и притомъ весьма важныя извѣстія изъ Парижа, Лондона и Вѣны, которыя служатъ продолженіемъ константинопольскихъ. Въ засѣданіи англійской нижней палаты 12-го августа, лордъ Пальмерстонъ, отвѣчая на запросъ г. Дизраэли, объявилъ, что «пребываніе императора Французовъ въ Осборнѣ, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валевскаго, доставило англійскому правительству случай вполне обсудить это дѣло вмѣстѣ съ французскимъ правительствомъ, «Мы пришли, сказалъ онъ, къ тому заключенію, что, на первый взглядъ, молдавскіе выборы дѣйствительно возбуждаютъ достаточныя подозрѣнія въ неправомерности, подозрѣнія не доказанныя, но основанныя на общемъ мнѣніи, а этого уже довольно, чтобы желать, въ интересахъ самой Порты, пересмотра избирательныхъ списковъ, составленія новыхъ на основаніи фирмана и состоявшихся поясненій къ нему, и производства новыхъ выборовъ по исправленнымъ спискамъ».

Такимъ образомъ Франція и Англія согласились между собою по одному пункту, именно о молдавскихъ, выборахъ. Такъ или иначе, Пальмерстонъ допускаетъ необходимость новыхъ выборовъ въ Молдавіи. Этотъ спеціальный вопросъ, подавшій поводъ къ константинопольскимъ разногласіямъ, можно считать поконченнымъ, ибо по послѣднимъ извѣстіямъ, Австрія тоже согласна на возобновленіе молдавскихъ выборовъ. Но въ рѣчи лорда Пальмерстона, которой мы не приводимъ вполне, есть и другая сторона, на которую считаемъ необходимымъ указать нашимъ читателямъ. Первый министръ Англіи поспѣшилъ упомянуть о различіи между частнымъ вопросомъ о молдавскихъ выборахъ и общимъ вопросомъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ, хотя никто не смѣшивалъ этихъ двухъ вопросовъ. Очевидно, онъ желалъ заявить свою вѣрность политикѣ, враждебной соединенію Княжествъ, и сказать, что уступая Франціи по вопросу о молдавскихъ выборахъ, Англія остается при своемъ мнѣніи противъ соединенія Княжествъ, нѣкогда одобреннаго ею на парижскомъ конгрессѣ. Два дня спустя, эта мысль ясно выражена въ полуофициальной газетѣ *Globe*, конечно для успокоенія Австріи и Турціи, которыя могли быть встревожены значеніемъ и цѣлью осборнскихъ совѣщаній.

Воистинну признавая за Англіей великія силы и великое значеніе, можно однако не одобрять многихъ проявленій ея вѣдшей политики. Между тѣмъ какъ другіе народы, во вѣдшей политикѣ своей, стре-

матся по возможности установить законы, основанные на интересах постоянныхъ и общечеловѣческихъ, англійскіе государственные люди до сихъ поръ нерѣдко придерживаются традиціонной политики, измѣняющейся подъ влияніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что въ самой Англии, гдѣ при свободномъ политическомъ устройствѣ, всегда безпрепятственно могутъ обнаруживаться и противоположныя стремленія, вырабатываются и высказываются начала, составляющія достоинствѣ новѣйшаго времени.

Такъ въ самой Англии энергически протестуютъ противъ образа дѣйствій нынѣшняго англійскаго правительства по вопросу о прорытіи Суэзскаго перешейка. Еще недавно мы имѣли случай упомянуть объ этомъ предпріятіи и по поводу официальнаго отзыва, давнаго лордомъ Пальмерстономъ въ нижней палатѣ. Важныя событія въ Остѣ-Индіи подали поводъ европейскимъ журналамъ возвратиться къ этому предпріятію и указать на выгоды его для Англии, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Прорытіе Суэзскаго перешейка значительно ускорило бы сообщенія между Остѣ-Индіей и Англіей, и слѣдовательно облегчило бы доставку войскъ и военныхъ запасовъ, которые нынѣ посылаются въ объѣздъ мимо мыса Доброй Надежды. Съ сокращеніемъ разстоянія на половину, уменьшились бы денежные расходы, потери въ людяхъ и лошадяхъ, а главное быстрота сообщеній доставила бы возможность усмирить возстаніе въ самомъ началѣ. Подъ влияніемъ односторонне понятаго народнаго интереса, лордъ Пальмерстонъ, въ своемъ отзывѣ, выразилъ опасеніе, что французскіе порты на Средиземномъ морѣ ближе къ Суэзскому перешейку, чѣмъ порты Англии. Нѣкоторые европейскіе журналы отвѣчаютъ на это весьма основательно, что англійскія морскія станціи на Средиземномъ морѣ, какъ островъ Мальта и Ионическіе острова, еще ближе къ перешейку, чѣмъ французскіе порты. Суэзскій каналъ вчетверо приблизилъ бы Англию къ Остѣ-Индіи, ибо, имѣя все нужное на своихъ морскихъ станціяхъ въ Средиземномъ морѣ, Англія можетъ оттуда доставлять военныя средства въ Остѣ-Индію, сокращая такимъ образомъ разстояніе еще на половину.

Предпріятіе Лессепа возбудило сочувствіе всего образованнаго міра. Всѣ государства европейскаго материка, всѣ представители торговаго класса на материкѣ и въ Англии, наконецъ цѣлая международная коммиссія ученыхъ и Академія наукъ (парижская) вполне одобрили его, какъ дѣло въ высшей степени полезное для всѣхъ народовъ, какъ дѣло общенародной важности. Недавно парижское географическое общество присоединило свой голосъ къ голосамъ, раздавшимся со всѣхъ сторонъ въ пользу этого дѣла. Въ письмѣ къ г. Лессепсу, парижское географическое общество указываетъ выгоды, представляемыя Суэзскимъ каналомъ, для путешественниковъ,

отправляющихся изъ французскихъ портовъ съ цѣлью изслѣдовать берега восточной Африки до экватора въ отношеніяхъ географическомъ и естествоиспытательномъ, поднимаясь вверхъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Индійское море. Эти путешественники, говоритъ Общество, могли бы начать свои изслѣдованія черезъ нѣсколько недѣль послѣ отплытія изъ Марсели. То же можно сказать объ ученыхъ экспедиціяхъ, которыя отправятся изъ другихъ портовъ Средиземнаго моря. «Въ настоящее время, сказано въ письмѣ, сравнимъ съ новымъ путемъ обыкновенный путь къ тѣмъ же мѣстамъ: плаваніе по океану, необходимыя остановки у многихъ станцій, проволоочки, зависящія отъ временъ года, муссоны, затрудняющіе плаваніе въ Индійскомъ морѣ, заставляютъ экспедиціи употреблять втрое больше времени и притомъ подвергаютъ ихъ опасностямъ продолжительнаго плаванія. Отправится ли экспедиція въ Персидскій или въ Бенгальскій заливъ, на Филиппинскіе острова, въ моря Японское или Китайское и даже къ сѣвернымъ берегамъ Австраліи, она во всякомъ случаѣ выиграетъ время, а весьма часто, какъ извѣстно, одно какое-нибудь время года благоприятно для наблюденій.» Напоминая въ заключеніе, что проектъ Лессепса оцѣненъ всею Европой и не встрѣтилъ ни одного серьезнаго возраженія, Парижское географическое общество, какъ говорятъ, имѣло въ виду протестовать противъ отзыва лорда Пальмерстона. Таково, впрочемъ, общее мнѣніе объ этомъ отзывѣ какъ на материкѣ Европы, такъ и въ Англіи.

Вотъ важнѣйшіе государственные акты въ нашемъ отечествѣ за послѣднее время:

Высочайшимъ указомъ, даннымъ 20-го іюля правительствующему сенату, уменьшены проценты, платимыя нынѣ государственными банковыми установленіями на вносимые въ оныя капиталы. Въ соразмѣрности съ этимъ уменьшены также проценты по ссудамъ изъ банковыхъ установленій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Поводомъ къ этой важной мѣрѣ было, какъ сказано въ указѣ, скопленіе въ нашихъ банкахъ весьма значительныхъ капиталовъ, «которымъ установленія сін, по свойству ихъ оборотовъ, не могутъ доставлять надлежащаго движенія. Правительство желаетъ дать празднымъ капиталамъ направленіе, болѣе соответственное пользамъ государства.»

Скажемъ о главныхъ основаніяхъ новыхъ правилъ о вкладахъ и ссудахъ въ банковыхъ установленіяхъ. Въ банковыхъ установленіяхъ, какъ-то: въ банкахъ заемномъ и коммерческомъ и въ конторахъ сего послѣдняго, одесской и кievской, и сохранныхъ казнахъ с.-петербургской и московской и въ сберегательныхъ кассахъ оныхъ, установлены впредь слѣдующіе проценты: на вклады частныхъ лицъ

три (вмѣсто прежнихъ 4), а на вклады казенныхъ вѣдомствъ, по которымъ установлено проценты выдавать по истеченіи года со дня взноса, *полтора* (вм. 4-хъ) на сто въ годъ. — По ссудамъ, выдаваемымъ изъ поименованныхъ выше банковыхъ установленій, взимается впредь по *четыре* процента (вмѣсто прежнихъ пяти) въ годъ. Изъ этого исключаются только учетъ векселей и ссуды подъ товары въ коммерческомъ банкѣ и въ его конторахъ, по которымъ учетные проценты назначаются, на прежнемъ основаніи, соразмѣрно торговымъ обстоятельствамъ. Точно также новое положеніе не касается указныхъ шести процентовъ, установленныхъ закономъ для частныхъ сдѣлокъ.

Должники банковыхъ установленій получили еще другое облегченіе, чрезъ назначеніе новыхъ сроковъ для погашенія займовъ. Отнынь сроки займовъ будутъ слѣдующіе: а) подъ залогъ домовъ срокъ остается прежній, *пятнадцатилѣтній*, съ платежомъ ежегодно пяти процентовъ капитала и четырехъ процентовъ интереса. б) Подъ залогъ же населенныхъ имѣній, вмѣсто нынѣшнихъ 26 и 37-лѣтнихъ займовъ, установлены два другіе срока: одинъ на 28 лѣтъ, съ платежомъ ежегодно *четырехъ* процентовъ интереса и *двухъ* процентовъ погашенія, другой на 33 года, съ платежомъ ежегодно *четырехъ* же процентовъ интереса и *полтора* процента погашенія. Премія, при заключеніи займовъ на оба срока взыскивается такая, какая прежде была установлена по 26-лѣтнимъ займамъ, то-есть одновременно *одинъ* процентъ.

Въ избѣжаніе различныхъ затрудненій, которыя могли бы произойти отъ немедленнаго введенія новаго положенія, установлена для настоящей операціи слѣдующая постепенность: а) платежъ банками трехъ процентовъ, вмѣсто четырехъ, начинается немедленно по полученіи указа только на вновь-поступающіе вклады. б) По прежнимъ вкладамъ коммерческой банкъ и его конторы будутъ выдавать по четыре процента до 1 октября 1857 года, а съ этого числа по три. в) Сохранныя казны и сберегательныя кассы слѣдуютъ новымъ правиламъ съ 1 ноября нынѣшняго года. Переложеніе ссудъ изъ сохранныхъ казенъ на новые сроки съ уменьшенными процентами начинается по прошествіи съ 1 ноября двухъ мѣсяцевъ, то-есть съ 1 января 1858 года. г) Заемный банкъ производитъ по прежнимъ вкладамъ частныхъ лицъ уплату по четыре процента по 1-е января 1858 года, а съ этого числа по три. Переложеніе ссудъ начинается здѣсь съ 1 марта. Переложеніе процентовъ на вклады казенныхъ вѣдомствъ съ четырехъ на полтора слѣдуетъ тѣмъ же срокамъ. Вкладчики, желающіе оставить свои капиталы, не имѣютъ надобности требовать новыхъ билетовъ. Точно также и переложеніе прежнихъ 15-лѣтнихъ займовъ на новые 15-лѣтніе, и 26-лѣтнихъ на новые 28-лѣтніе, производится банками безъ подачи о томъ объявленія и безъ

нстребованія дополнительныхъ свидѣтельствъ; но переложеніе 26 и 37 лѣтнихъ займовъ на 33-лѣтніе производится не иначе, какъ вслѣдствіе прошеній со стороны заемщиковъ. Если при этомъ переложеніи окажется, по новому разсчету, излишекъ уплаченнаго прежде, ежегодными взносами, капитала, то этотъ излишекъ зачитается заемщику или въ числящуюся на немъ недоимку или въ слѣдующій годовой платежъ. Уменьшеніе процентовъ для заемщиковъ начинается только по совершенномъ очищеніи годовыхъ платежей.

Особенныя правила постановлены относительно операций приказовъ общественнаго призрѣнія. Прежній способъ уплаты остается до 1-го февраля 1858 года; съ этого же времени приказы будутъ платить вмѣсто пяти процентовъ четыре, а вмѣсто четырехъ — три; на казенные же вклады, по примѣру другихъ банковыхъ установленій, только полтора процента. Проценты на исковые вклады, находящіеся въ приказахъ общественнаго призрѣнія, платится, вмѣсто прежнихъ трехъ процентовъ, только два. Займы въ приказахъ полагаются впредь. а) подъ населенныя имѣнія, вмѣсто 12-лѣтнихъ, на 15 лѣтъ, съ платежомъ ежегодно четырехъ процентовъ интереса и пяти процентовъ капитала; б) подъ населенныя имѣнія, вмѣсто нынѣшнихъ 26-лѣтнихъ, на 28 лѣтъ, съ платежомъ ежегодно четырехъ процентовъ интереса и двухъ процентовъ погашенія. При 28-лѣтнихъ займахъ взыскивается въ премію одновременно одинъ процентъ. При ссудахъ на срокъ отъ одного года до восьми лѣтъ включительно уплачивается, вмѣсто шести, пять процентовъ. Переложеніе ссудъ начинается съ 1-го апрѣля 1858 года. Оно производится самими приказами, безъ всякаго прошенія со стороны заемщиковъ.

Изъ другихъ мѣръ, обнародованныхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, наиболѣе важныя суть слѣдующія. Высочайше-утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта введено въ дѣйствіе новое положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ. Городскіе банки учреждаются впредь не иначе, какъ съ испрошеніемъ каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, черезъ комитетъ министровъ, а въ случаѣ открытія такихъ банковъ въ Сибири, чрезъ сибирскій комитетъ. Высочайше-утвержденные доселѣ городскіе банки оставлены въ прежней силѣ, но подчинены надзору мѣстныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Основной капиталъ cadaго вновь учреждаемаго городского банка полагается не менѣе какъ въ десять тысячъ рублей сер. Капиталы, отчисляемые изъ городскихъ доходовъ, или жертвуемые частными лицами на учрежденіе подобныхъ банковъ, если сумма ихъ не составляетъ 10.000 руб. сер., отсылаются, для приращенія процентовъ, въ другія кредитныя установленія. Банкъ состоитъ при мѣстной городской думѣ. Правленіе его состоитъ изъ директора и двухъ или четырехъ членовъ, избираемыхъ городскими

обществомъ. Годовой отчетъ о дѣйствіяхъ банка составляется правленіемъ, и черезъ городскую думу представляется городскому обществу, которое, для повѣрки отчета, назначаетъ отъ себя не менѣе трехъ лицъ изъ купеческаго сословія. Никакому другому контролю отчетъ банка уже не подлежитъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ на приказъ общественнаго призрѣнія возложена обязанность наблюдать, чтобъ правила, данныя банку въ руководство, были въ точности имъ исполняемы, то банкъ сообщаетъ приказу, въ каждую треть года, свѣдѣнія о своихъ операціяхъ. Копія съ годоваго отчета банка представляется городской думой, въ началѣ каждаго года, и не позже 15-го февраля, въ приказъ общественнаго призрѣнія, который, черезъ начальника губерніи, доставляетъ эту копію въ спискахъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Выписки изъ отчетовъ печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ для общаго свѣдѣнія. Городскіе общественные банки производятъ слѣдующіе обороты: 1) они принимаютъ какъ частныя вклады, такъ и вклады мѣстныхъ казенныхъ учреждений; 2) выдаютъ ссуды: а) подъ учетъ векселей, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ изъ числа участвующихъ въ вексели лицъ хотя одно принадлежало къ мѣстнымъ городскимъ обывателямъ; б) подъ залогъ домовъ, лавокъ и земель, принадлежащихъ городскимъ обывателямъ; в) подъ залогъ застрахованныхъ отъ огня товаровъ; г) подъ залогъ билетовъ кредитныхъ установленій, и д) подъ залогъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и драгоценныхъ камней. Операціи банка строго ограничиваются предѣлами того города, въ которомъ онъ учрежденъ. Въ городахъ губернскихъ и въ тѣхъ, гдѣ учреждены конторы коммерческаго банка, городскимъ общественнымъ банкамъ дозволяется выдача такихъ только изъ вышешоименованныхъ ссудъ, которыя не принадлежатъ къ операціямъ, предоставленнымъ этимъ конторамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія, какъ на примѣръ выдача ссудъ подъ ручныя залоги, учетъ векселей лицъ не купеческаго званія, или купеческихъ векселей, въ коихъ участвуютъ лица, не имѣющія права кредитоваться въ конторахъ и пр. Вклады, превышающіе 5,000 р. с., не могутъ быть принимаемы банкомъ иначе, какъ съ согласія всѣхъ членовъ правленія банка вмѣстѣ съ членами городской думы. Теченіе процентовъ на вклады начинается по окончаніи года. Билеты банка принимаются вездѣ нзравнѣ съ наличными деньгами. Капиталы возвращаются вкладчикамъ по предъявленіи ими билетовъ и предварительномъ увѣдомленіи: о капиталѣ не выше тысячи рублей, за недѣлю, о капиталѣ отъ одной до трехъ тысячъ, за мѣсяць, отъ трехъ до пяти тысячъ, за два мѣсяца, а свыше пяти тысячъ, за три мѣсяца до востребованія. При выдачѣ ссудъ подъ учетъ векселей, банкъ соображается съ тою степенью довѣрія, которою пользуются векселедатели. Однако сверхъ того кредитъ каждаго изъ обывателей ограниченъ еще законными цифрами: для купца первой

гильдіи онъ не превышаетъ четырехъ тысячъ; для купца второй гильдіи—трехъ тысячъ; третьей гильдіи—двухъ тысячъ, а для мѣщанина пятисотъ рублей серебромъ. Такимъ образомъ подъ учетъ векселя, подписаннаго купцомъ первой гильдіи на имя купца второй гильдіи, выдается не болѣе семи тысячъ рублей сер.;—подписаннаго купцомъ второй гильдіи на имя купца третьей гильдіи, не болѣе пяти тысячъ рублей и т. д. Если на часть законной суммы, лицо, котораго вексель представленъ къ учету, уже прежде кредитовалось въ банкѣ, то дальнѣйшій кредитъ дѣлается только на остальную часть этой суммы. Въ случаѣ особой надобности, банкамъ разрѣшено выходить изъ установленныхъ для ссудъ размѣровъ; но о каждомъ подобномъ случаѣ долженъ быть составляемъ особый общественный приговоръ. На заложенные въ банкѣ имущества налагается запрещеніе обыкновеннымъ порядкомъ. Заложенные въ банкѣ имущества не подвергаются секвестру по частнымъ или казеннымъ взысканіямъ, но въ случаѣ требованія судебного мѣста продажа этихъ имуществъ допускается съ тѣмъ, чтобъ банкъ получилъ слѣдующую ему по залогу сумму съ процентами сполна. Въ случаѣ несостоятельности по учтеннымъ векселямъ, долгъ банка удовлетворяется наравнѣ съ частными долгами. Изъ чистой прибыли банкамъ разрѣшено употреблять часть на благотворительныя заведенія; но при устройствѣ каждаго банка должно быть опредѣлено, на какія именно благотворительныя заведенія и въ какомъ размѣрѣ можетъ быть употреблена прибыль.

Изъ мѣръ, не относящихся къ торговлѣ и финансовымъ оборотамъ, упомянемъ о двухъ, измѣняющихъ прежніе законы. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта начальникамъ губерній предоставлено право опредѣлять собственною властію чиновниковъ на нѣкоторыя должности, которыя до сихъ поръ замѣщались съ утвержденія министерства внутреннихъ дѣлъ. Новый законъ состоялся вслѣдствіе заключенія г. министра внутреннихъ дѣлъ. Къ числу подобныхъ должностей отнесены: 1) должности чиновниковъ особыхъ порученій, о назначеніи которыхъ губернаторы прямо отъ себя даютъ знать въ инспекторскій департаментъ; 2) при назначеніи на вакансіи полицеймейстеровъ, городничихъ и земскихъ исправниковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти должности, по закону, должны быть замѣщаемы офицерами, состоящими подъ покровительствомъ комитета 18 августа 1814 года, начальники губерній непосредственно дѣлаютъ комитету представленіе; а по истеченіи установленнаго въ этомъ случаѣ испытанія, непосредственно же ходатайствуютъ предъ комитетомъ объ окончательномъ утвержденіи чиновниковъ. 3) Должности уѣздныхъ и городскихъ врачей, когда онѣ не учреждаются вновь, замѣщаются самими губернаторами, по представленію мѣстныхъ врачебныхъ управъ. 4) Точно также замѣщаются должности врачей въ помѣщичьихъ мнѣніяхъ съ правами государственной службы.

Вышло положеніе о новомъ устройствѣ военнаго поселенія кавалеріи, которое организовано по образцу государственныхъ имуществъ.

Къ прежнимъ акціонернымъ обществамъ, которыхъ число такъ увеличилось въ послѣднее время, недавно прибавилось новое. Надворный совѣтникъ Байковъ, коллежскій ассессоръ фонъ-Дезинъ, поручикъ Бернардаки, коммерціи совѣтникъ Кокоревъ и французскій подданный Шолле, составили общество для приготовления продовольственныхъ и разныхъ животныхъ веществъ, а также торговли ими. Капиталъ общества опредѣленъ въ три мил. р. сер., и будетъ состоять изъ двадцати четырехъ тысячъ акцій.

Въ Англии, несмотря на новый международный вопросъ, возникшій по поводу выборовъ въ Княжествахъ, на первомъ планѣ, по прежнему, находятся остъ-индскія происшествія. Съ каждою почтою приходятъ неблагоприятныя извѣстія, а слухи объ успѣхахъ англійской арміи опровергаются официальными депешами. Въ теченіи послѣднихъ трехъ недѣль, три раза ходили слухи о взятіи Дельги, и два раза они оказывались ложными. Теперь снова говорятъ, что мятежный городъ находится во власти генерала Барнарда, но до официальныхъ извѣстій едва ли этотъ слухъ заслуживаетъ какого вѣроятія. До сихъ поръ всѣ успѣхи Англичанъ ограничивались блестящимъ отраженіемъ вылазокъ изъ города. Нѣтъ сомнѣнія, что при каждой встрѣчѣ въ полѣ, бунтовщики будутъ разбиты на голову, но взятіе Дельги отъ этого не зависитъ. Еще недавно депеши принесли извѣстіе, что генералъ Барнардъ разбилъ мятежныхъ сипаевъ на нѣсколькихъ вылазкахъ, а инсургенты послѣ того образовали лагерь въ 3,000 человекъ близъ городскихъ воротъ и англійскаго лагеря. Эта депеша, переведенная на обыкновенный языкъ, не значитъ ли, что генералъ Барнардъ осажденъ въ собственномъ лагерѣ? Исходъ осады, конечно, легко предвидѣть, но гораздо труднѣе предвидѣть конецъ борьбы. Рано или поздно Дельги будетъ взята. Сипаи защищаются при помощи тѣхъ средствъ, которыя заботливость Англичанъ собрала въ этомъ пунктѣ. Но что будутъ дѣлать сипаи, когда эти средства истощатся? Едва ли они сумѣютъ приготовить новые патроны или задѣлать проломы, которые окажутся въ стѣнахъ. Но дѣло въ томъ, что и по взятіи Дельги борьба еще не будетъ окончена. Недавно одинъ изъ англійскихъ журналовъ съ отчаяніемъ говорилъ по поводу возстанія: «Индію надобно покорять снова». Хотя и не въ буквальномъ смыслѣ, эти слова не лишены вѣрнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны, положеніе Англичанъ выгоднѣе, нежели во времена Роберта Клейва, который первый положилъ основаніе англійскому могуществу въ Остъ-Индіи, то съ другой стороны оно опаснѣе. Когда въ половинѣ XVIII вѣка Компанія начала распространять свои владѣнія, она встрѣтила на своемъ пути нѣсколько самостоятельныхъ государей. Ихъ войска, хорошо

или дурно, но все-таки были устроены, имѣли постоянную организацію и собственныхъ, туземныхъ начальниковъ. Это дѣлало борьбу правильнѣе характеръ. Теперь Англичане не встрѣтятъ ничего подобнаго. Тѣ изъ набобовъ и раджей, которыхъ владѣнія еще не вошли непосредственно въ составъ англійской территоріи, сохранили только номинальное распоряженіе надъ войскомъ и въ дѣлахъ внутренняго управленія. При каждомъ изъ нихъ находится англійскій резидентъ, который руководствуетъ мѣстное правительство. Войска туземныхъ владѣтелей находятся подъ командою англійскихъ офицеровъ, которые, конечно, не имѣли неблагоразумія собирать значительные военные запасы. При первой попыткѣ возстанія англійскіе офицеры уйдутъ, и сипаи останутся почти безъ запасовъ и безъ начальниковъ. Этимъ положеніемъ туземныхъ владѣтелей объясняется, почему столь немногіе изъ нихъ пристали къ инсургентамъ. До сихъ поръ, за исключеніемъ дельгійскаго императора, который, кажется, былъ провозглашенъ противъ воли, одинъ раджа Гваліорскій возмутился; но и онъ, повидимому, былъ увлеченъ своими солдатами. По крайней мѣрѣ первыиъ его движеніемъ было спасти жизнь англійскимъ офицерамъ. Всѣ остальные владѣтели прислали свои контингенты. Такимъ образомъ правильная война едва ли можетъ принять значительные размѣры. Но зато предстоитъ опасность другаго рода. Возстаніе можетъ не прекратиться и по усмиреніи сипаевъ. Англичане могутъ найти врага въ каждомъ Индусѣ, въ каждомъ селеніи, и глухая борьба, борьба съ отдельными лицами, завяжется надолго, препятствуя всякой попыткѣ правильной администраціи. Признаки подобной борьбы уже начинаютъ оказываться. Такъ напримѣръ, мѣстное правительство особенно разсчитывало на вражду Индусовъ съ мусульманами. Но эта вражда не мѣшаетъ послѣднимъ возставать особо. Къ тому же они тоже оскорблены нарушеніемъ ихъ религіозныхъ обычаевъ. Религіозный оттѣнокъ всего возстанія не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію, хотя есть англійскіе журналы, которые увѣряютъ въ противномъ. Уже послѣ распушенія нѣкоторыхъ полковъ, было открыто, что между сипаями находилось много браминовъ, безпрестанно проповѣдивавшихъ противъ англійскаго владычества. Вообще возстаніе принимаетъ все болѣе грозные размѣры, хотя извѣстіе о возмущеніи Бомбея и Мадраса и не оправдилось. Всѣхъ возмутившихся сипаевъ насчитываютъ до 90,000. Шестьдесятъ четыре полка возмутились. До тридцати городовъ въ рукахъ ихъ. Возстаніе съ немовѣрною быстротой распространяется по всей Бенгаліи. Еще недавно бунтъ вспыхнулъ въ девяти пунктахъ, которые до сихъ поръ оставались спокойныиъ.

Какія же мѣры принимаетъ правительство для прекращенія возстанія? Мѣстное управленіе дѣйствуетъ энергично, но располагаетъ слишкомъ слабыми силами, чтобъ имѣть рѣшительный успѣхъ. Гене-

ралъ Барнардъ, осаждающій Дельги, имѣеть въ своемъ распоряженіи всего отъ 13 до 14 тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ только семь или восемь тысячъ Европейцевъ, остальные сипаи. Самыя сильныя мѣры были приняты для того, чтобы не допустить сообщеній между инсургентами и туземными войсками Компаніи; но такъ какъ полки возмущаются и безъ всякихъ сношеній съ мятежниками, то эти мѣры безсильны остановить возстаніе. Въ началѣ іюля, въ Калькуттѣ былъ схваченъ и повѣшенъ ѳакиръ, который уговаривалъ солдатъ перейти на сторону инсургентовъ. Показанія, сдѣланныя имъ передъ казнью, бросають новый свѣтъ на положеніе дѣлъ въ Остъ-Индіи, хотя имъ, конечно, нельзя вѣрить безусловно. Между прочимъ, на основаніи этихъ показаній, бывшій аудскій король и вся его свита, до 800 человѣкъ, были арестованы и обезоружены. Король и его министры посажены въ фортъ Уильямъ. Читатели, безъ сомнѣнія, не забыли судьбы этого туземнаго владѣтеля. Аудское королевство было въ прошломъ году присоединено къ непосредственнымъ владѣніямъ Компаніи, но король протестовалъ противъ соединенія, и подалъ жалобу на Компанію. Дѣло его до сихъ поръ еще не рассмотрѣно. Само собою разумѣется, что подозрѣнія противъ него довольно естественны; но нельзя однако говорить рѣшительно объ его участіи въ бунтѣ, при тѣхъ слабыхъ доказательствахъ, которыя имѣеть англійское правительство. Еще менѣе можно, подобно *Morning-Post*, находить причину всего возстанія въ проискахъ аудскаго короля. Это обвиненіе столь же мало можетъ быть доказано, какъ то, которое этотъ журналъ взвелъ на Россію. Не надобно забывать при этомъ, что залогомъ вѣрности аудскаго короля служить отчасти пребываніе его семейства въ Англии. Аудскій резидентъ протестовалъ противъ обвиненій, павшихъ на короля, и его ареста. Аудская королева, съ своей стороны, представила парламенту просьбу какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всѣхъ членовъ своего семейства, находящихся въ Лондонѣ. Въ этой просьбѣ требуется освобожденія короля или, по крайней мѣрѣ, точнаго объясненія тѣхъ причинъ, по которымъ онъ арестованъ. Королева и принцы опровергають участіе въ возстаніи испытанною преданностію Англии всего аудскаго королевскаго дома, и ссылаются на событія, сопровождавшія низложеніе короля. Когда ему было объявлено, что вся его земля присоединяется къ владѣніямъ Остъ-Индской компаніи, король не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Онъ предпочелъ дѣйствовать законнымъ образомъ, и рѣшился просить защиты у королевы и парламента. Просьба не была принята верхнею палатою, вслѣдствіе неправильности формы: слова «покорная просьба», которыя, по закону, должны въ ней находиться, были пропущены; но въ журналахъ она была напечатана.

Важнѣе и интереснѣе ареста аудскаго короля было открытіе, сдѣ-

ланное при этомъ случаѣ. Въ его бумагахъ найдена прокламація инсургентовъ. Изъ нея видно, какой характеръ имѣеть возстаніе. Мы приведемъ вполнѣ этотъ любопытный актъ:

«Да будетъ извѣстно всѣмъ Индусамъ и магометанамъ, что Европейцы вознамѣрились лишить армию ея религіи и сплюю обратитъ въ христіанство всѣхъ своихъ подданныхъ. Патроны, намазанные свинымъ и бычачьимъ саломъ, были розданы по непремѣнному приказанію генераль-губернатора. Если сопротивляется 10,000 человекъ, то ихъ истребляютъ; если сопротивляются 50,000, то ихъ распускаютъ.

«Посему, для спасенія вѣры, мы стоворились между собою и не оставили въ живыхъ ни одного невѣрнаго въ здѣшнемъ городѣ. Мы провозгласили дельгійскаго императора, взявъ съ него обѣщаніе, что всѣ войска, которыя убьютъ своихъ европейскихъ офицеровъ и будутъ служить ему, всегда будутъ получать двойное жалованье.

«Мы овладѣли ста пушками и безчисленными сокровищами. Приглашаемъ всѣхъ, кто не хочетъ быть христіаниномъ, искренно присоединиться къ арміи. Да укрѣпятся всѣ и не оставятъ нигдѣ слѣдовъ этого адскаго племени!

«За всѣ издержки, которыя будутъ сдѣланы для пріобрѣтенія запасовъ, будутъ выдаваемы расписки, а потомъ императоръ заплатитъ за нихъ вдвойнѣ. Кто уступитъ страху, кто дастъ обмануть себя этимъ лицемѣрамъ или повѣритъ ихъ слову, тотъ испытаетъ участь жителей Дунно.

«Итакъ необходимо, чтобъ Индусы и магометане были въ борьбѣ единодушны и заботились о своей безопасности, руководствуясь совѣтами людей, заслуживающихъ довѣрія. Вездѣ, гдѣ будутъ сдѣланы надлежащія распоряженія, люди, оказавшіе намъ услуги, займутъ важныя мѣста.

«Распространять копіи съ этой прокламаціи столь же необходимо, какъ и дѣйствовать саблею. Прокламація должна быть выставлена тѣмъ образомъ, чтобы магометане и Индусы могли узнать ее.

«Если невѣрные стануть лучше обходиться съ туземцами, то это будетъ одною уловкой съ ихъ стороны для спасенія жизни. Обманутые ими раскаются. Царствованіе наше продолжается. Жалованья назначаются 30 рупій всякому кавалеристу и 10 рупій пѣхотинцу.»

Изъ этой прокламаціи очевидно, что возмущшіеся сипаи, по крайней мѣрѣ, въ самомъ Дельги, имѣютъ опредѣленный планъ дѣйствій. Какъ видно, они желаютъ дѣйствовать единодушно, несмотря на религіозныя различія. Это даетъ вѣроятность слухамъ о планѣ возстанія, хотя за подробности, разумѣется, нельзя ручаться. По словамъ вѣкоторыхъ журналовъ, огромный заговоръ обнимаетъ всю Индію. Сипаи заранѣе условились между собою, и нѣсколько полковъ должны

были въ одно время поднять знамя бунта. Общимъ срокомъ было назначено 22 мая. Но раздача патроновъ, оскорбивъ ихъ религиозное чувство, ускорила возмущеніе нѣкоторыхъ полковъ. Въ этомъ смыслѣ неблагоразумное распоряженіе администраціи послужило къ спасенію англійскаго господства. Еслибы возстаніе произошло одновременно, то едва ли бы теперь Англичане что-нибудь удержали въ своей власти. Одинъ изъ англійскихъ журналовъ увѣряетъ, что дальнѣйшій планъ сипаевъ состоялъ въ восстановленіи прежнихъ мусульманскихъ династій. Недавно провозглашенный дельгійскій императоръ долженъ получать сѣверозападную часть Индіи, король аудскій — нижнюю Бенгалію, а братъ его — наследственные земли ихъ фамиліи. Не выдаемъ этого плана за достовѣрный, тѣмъ болѣе что врядъ ли коренные Индусы, которыхъ такъ много между инсургентами, согласятся на господство мусульманъ. При теперешнихъ безпорядкахъ едва ли можно узнать что-нибудь достовѣрное о намѣреніяхъ сипаевъ. Всѣ эти извѣстія основаны на показаніяхъ повѣшеннаго факира и еще болѣе на догадкахъ.

Кромѣ дѣятельнаго наблюденія за бунтомя, остъ-индское управленіе принимаетъ и другія мѣры предосторожности. Мѣстные журналы на туземномъ языкѣ подвергнуты, по распоряженію генералъ-губернатора строжайшему надзору. Недавно остъ-индскіе журналы, издаваемые на англійскомъ языкѣ, подверглись то же стѣснительнымъ мѣрамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на ихъ расположеніе къ правительству, получали замѣчанія. Сипаи, которые оказываютъ сопротивленіе начальству, подвергаются наказаніямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, отказавшіеся принять знаменитые патроны, были публично разстрѣляны.

Но между тѣмъ, какъ мѣстное управленіе отличается какою бы то ни было дѣятельностію, нельзя не сказать, что министерство до сихъ поръ не сдѣлало еще ничего серьезнаго въ дѣлѣ усмиренія бунта. Несмотря на тревогу парламента, несмотря на волненіе въ обществѣ, единственные распоряженія, сдѣланныя до сихъ поръ, состоятъ въ отправкѣ 12-тысячнаго отряда въ Индію, да еще въ предложеніи закона о милиціи. Такая медленность распоряженій угрожаетъ существованію кабинета. Когда борьба унесетъ многія жертвы, когда въ Англии раздадутся вопли вдовъ и матерей, нѣтъ сомнѣнія, что общество потребуетъ отъ министерства строгаго отчета въ его дѣйствіяхъ. Кабинетъ можетъ придти въ то положеніе, въ какомъ находился его предшественники при началѣ восточной войны. Спасти лорда Пальмерстона, если онъ не измѣнитъ своего образа дѣйствій, можетъ развѣ только какаля-нибудь неловкость со стороны его противниковъ. Надобно сказать, что въ этомъ отношеніи лордъ Пальмерстонъ необыкновенно счастливъ. Еще недавно неблагоразумное предложеніе г. Дизраэли едва не погубило оппозиціи. Ей помогъ

только лордъ Джонъ Росселъ, посѣвъ въ время съ предложеніемъ адреса королевы по поводу остъ-индскихъ дѣлъ. Лордъ Пальмерстонъ самъ чувствуетъ затруднительность своего положенія. По своему обычаю онъ спѣшитъ отсрочкою парламента, предпочитая, какъ всегда, вести дѣла на свободѣ отъ парламентскихъ преній. 22 или 23 августа произойдетъ обычный рыбный обѣдъ министровъ, который съ давнихъ поръ предшествуетъ отсрочкѣ парламента.

Мы говорили уже нѣсколько разъ о тѣхъ безпорядкахъ въ управленіи Остъ-Индіей, которыя отчасти вызвали возстаніе, отчасти же препятствуютъ быстрому его подавленію. Не можетъ не сообщить еще нѣсколько подробностей, объясняющихъ до нѣкоторой степени послѣднія происшествія. Нѣсколько неблагоуразумныхъ мѣръ существуютъ издавна, несмотря на очевидный вредъ, который могъ произойти отъ нихъ. Такъ на примѣръ, Дельги былъ избранъ главнымъ пунктомъ для военныхъ запасовъ, но англійскій гарнизонъ не былъ въ немъ увеличенъ, по причинѣ нездороваго климата, съ трудомъ переносимаго Европейцами. Еще сэръ-Чарльсъ Напиръ указывалъ на необходимость или увеличить гарнизонъ, или перенести депо военныхъ запасовъ въ Мирутъ; но вслѣдствіе нерасположенія къ этому генералу директоровъ Остъ-Индской компаніи, представленія его не были уважены. Со времени возстанія негоціанты, особенно Греки, живущіе въ Лондонѣ, постоянно получаютъ депеши ранѣ правительства. Журналы жалуются на биржевыя спекуляціи, которыя дѣлаютъ эти негоціанты, при пособіи этихъ раннихъ свѣдѣній, но оффиціальныя депеши продолжаютъ приходить 20 часами позже частныхъ. Изъ этого можно заключить, что происходило въ самой Индіи до теперешняго возстанія. Продажность низшихъ чиновниковъ изъ туземцевъ, самовластіе высшихъ и притѣсненія со стороны тѣхъ и другихъ достигали высшей степени. Всѣ англійскіе журналы согласно говорятъ объ этомъ. Болѣе разногласія насчетъ того, гдѣ слѣдуетъ искать настоящей причины зла: въ распоряженіяхъ правительства или въ управленіи Компаніи. Между тѣмъ, какъ одни журналы обвиняютъ Компанію въ скупости, съ которою она разрѣшала необходимыя издержки на средства защиты, и въ равнодушіи къ благу народонаселенія, другіе, напротивъ, стараются возложить всю отвѣтственность на распоряженія правительства. По ихъ словамъ, еслибы все управленіе было сосредоточено въ рукахъ одной Компаніи, то люди, незнакомые съ Остъ-Индіей, никогда бы не получали тамъ важныхъ мѣстъ.

Другіе вопросы, занимавшіе парламентъ, уступали въ послѣднее время остъ-индскимъ дѣламъ и не возбуждали со стороны общества прежняго вниманія. Между ними важнѣйшимъ былъ вопросъ о присагѣ. Мы сообщили нашимъ читателямъ о предложеніи лорда Джона

Росселя. Благородный лордъ предложилъ нижней палатѣ назначить комитетъ изъ двадцати пяти членовъ для разсмотрѣнія вопроса, — не можетъ ли быть примененъ къ членамъ парламента законъ Вильгельма IV о томъ, что присяга всегда должна быть дана въ формѣ, наиболѣе обязательной для присягающаго? Известно, что на этомъ основаніи присягаютъ члены университетовъ и другихъ юридическихъ обществъ; также даютъ присягу и свидѣтели въ справедливости своихъ показаній. Комитетъ былъ составленъ, и недавно представлялъ свой докладъ нижней палатѣ. Его заключеніе не благопріятно предложенію, и лордъ Джонъ Россель взялъ его назадъ, отказываясь провести новый законъ въ настоящій срокъ засѣданій. Онъ будетъ предложенъ снова въ слѣдующій срокъ, но отъ мысли обойтись безъ содѣйствія верхней палаты надобно уже будетъ отказаться. Это, конечно, угрожаетъ биллю новою неудачею, но тѣмъ не менѣе отказъ лорда Джона Росселя былъ принятъ очень благопріятно. Палата, питающая въ большинствѣ сочувствіе къ новому закону, была однако благодарна автору предложенія за то, что, не настаивая на немъ теперъ, онъ не нарушаетъ единодушія парламента въ трудную для Англіи минуту.

Во Франціи послѣднее время на первомъ планѣ стояли дипломатическія сношенія. Самый процессъ заговорщиковъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ, не возбуждалъ такого вниманія. Слухи о покушеніи на жизнь императора произвели сильное впечатлѣніе на одну биржу. Процессъ начался 6-го августа въ ассизномъ судѣ Сенскаго департамента. Въ обвинительномъ актѣ, прочтенномъ прокуроромъ, приведены письма Мадзини къ Массарентѣ, въ которыхъ, болѣею частію намеками, заговорщикъ указывалъ на необходимость умертвить Лудовика-Наполеона и способы исполнить это предпріятіе. Эти письма и оружіе, найденное у нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ, составляютъ основу обвиненія. Показанія свидѣтелей были довольно неясны и не открыли ничего особенно важнаго. Противъ Ледрю-Роллена не найдено никакихъ доказательствъ, и потому его имени нѣтъ въ обвинительномъ актѣ. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ упорно отвергали всякое участіе въ заговорѣ. Руководствуясь такими неполными доказательствами, судъ не рѣшился произнести смертнаго приговора. Тибальди осужденъ на ссылку, Грилли и Бартолотти на пятнадцатилѣтнее тюремное заключеніе. Сколько можно судить по допросамъ и документамъ, императора спасъ его образъ жизни: заговорщики не могли быть наготовѣ, потому что никто не знаетъ никогда заранѣе о времени выѣздовъ императора.

Въ Алжирѣ открыта приготовительная медицинская школа.

Императоръ намѣренъ раздать медали всѣмъ участвовавшимъ въ походахъ Наполеона I.

Мы говорили о застрахованіи земледѣлія. Правительство, хотя и не отказывается отъ своей мысли, но, по словамъ официальныхъ журналовъ, отложило ея исполненіе.

Недавно сословіе адвокатовъ произвело выборы. Они замѣчательны тѣмъ, что большая часть избранныхъ лицъ принадлежитъ къ оппозиціи.

Въ Испаніи спокойствіе совершенно восстановлено.

По извѣстіямъ изъ Неаполя король помиловалъ Никотеру, адъютанта убитаго Пизакане, и осудилъ его, вмѣсто смертной казни, на вѣчное тюремное заключеніе. Увѣряютъ, что приверженцы конституціонной партіи въ Неаполитанскомъ королевствѣ составили протестъ противъ послѣднихъ происшествій, отклоняя отъ себя подозрѣніе въ сочувствіи. Этотъ протестъ ходилъ по рукамъ, но не былъ всѣмъ подписанъ, потому что въ Неаполѣ и это опасно.

Въ Сардиніи палаты недавно утвердили важный законъ, который будетъ имѣть большое вліяніе на торговые обороты. До сихъ поръ въ піемонтскомъ законодательствѣ существовалъ законъ, опредѣлявшій количество процентовъ. Извѣстно, какое вредное вліяніе имѣютъ на обороты подобныя стѣснительныя мѣры. Въ настоящее время многія государства уже отказались отъ этой устарѣлой системы. Англія, Голландія и Испанія измѣнили свои законы въ смыслѣ полной свободы частныхъ сдѣлокъ, предоставивъ опредѣленіе количества процентовъ взаимному договору сторонъ. Во Франціи были тоже сдѣланы попытки уничтожить опредѣленіе процентовъ, но до сихъ поръ эти попытки остаются безъ послѣдствій. Еще въ 1851 году національному собранію было предложено уничтожить законъ 1807 года; но собраніе отвергло предложеніе, руководствуясь различными временными соображеніями. Послѣдняя палата депутатовъ измѣнила подобный законъ въ Сардиніи, искусно удержавъ средину между требованіями справедливой теоріи и практическимъ удобствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ принципѣ трудно объяснить основаніе тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ количество процентовъ. Если содержаніе другихъ частныхъ сдѣлокъ не опредѣляется закономъ, то почему же договору о процентахъ не предоставить также полной свободы? Такса процентовъ представляетъ двоякое неудобство. Съ одной стороны, она часто препятствуетъ частнымъ капиталистамъ ссужать недостаточныхъ людей и отдастъ послѣднихъ въ жертву ростовщикамъ, ибо чѣмъ менѣе процентъ, тѣмъ менѣе риска можетъ позволить себѣ капиталистъ; съ другой стороны, давая займы людямъ богатымъ, честные капиталисты теряютъ часть той прибыли, которая по всей справедливости должна бы имъ принадлежать. Вотъ почему въ предисловіи къ закону піемонтское правительство справедливо говоритъ, что всѣ подобныя мѣры въ сущности покровительствуютъ росту. Въ новомъ законѣ признается двоякаго рода про-

центъ: одинъ законный, другой условный. Первый существуетъ для всѣхъ сдѣлокъ, въ которыхъ не было упомянуто о процентахъ. Количество его осталось прежнее: пять на сто. Условный процентъ зависитъ отъ соглашенія сторонъ и долженъ быть, подъ опасеніемъ недействительности, обезпеченъ особеннымъ письменнымъ актамъ. Взятіе процентовъ на проценты запрещено, кромѣ одного случая: если въ случаѣ неплатежа начнетъ искъ, то проценты взыскиваются какъ съ главной суммы, такъ и съ процентовъ; взысканіе должно въ этомъ случаѣ имѣть предметомъ не иначе, какъ годовой заемъ. По истеченіи пяти лѣтъ, каковы бы ни были условія, должникъ всегда имѣетъ право возратить кредитору долгъ, сдѣланный имъ съ платежомъ условныхъ, а не законныхъ процентовъ; только о своемъ намѣреніи онъ долженъ за шесть мѣсяцевъ предупредить кредитора. Это распоряженіе не относится однако къ договорамъ о пожизненныхъ рентахъ.

Проектъ административнаго соединенія герцогствъ *Кобургскаго* и *Готскаго* отвергнутъ сильнымъ большинствомъ на особенномъ сеймѣ въ Кобургѣ, между тѣмъ какъ сеймъ Готы и общій сеймъ обоихъ герцогствъ одобрили эту мѣру въ принципѣ. Трудно сказать, чѣмъ окончится это столкновеніе, но невыгодныя его послѣдствія для самаго кобургскаго герцогства уже теперь могутъ обнаружиться. Известно, что при введеніи новаго судоустройства въ соединенныхъ герцогствахъ, вопросъ о мѣстѣ пребыванія апелляціоннаго суда былъ предоставленъ третейскому разсмотрѣнію верховнаго апелляціоннаго суда въ Любекѣ. Любекскій судъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Готы, но готскій сеймъ уступилъ, въ видахъ соединенія, свое право Кобургу, чтобы нѣсколько вознаградить это герцогство за тѣ невыгоды, которыя могли вслѣдствіе соединенія производиться для него. Теперь апелляціонный судъ, который долженъ быть открытъ съ 1-го января слѣдующаго года, будетъ помѣщенъ въ Готѣ, и даже въ томъ случаѣ, если соединеніе произойдетъ, трудно будетъ перемѣстить его.

Въ Пруссіи двѣ великія партіи болѣе, чѣмъ когда-либо, приготавлиются къ борьбѣ. Два духовные соборы начнутъ свои засѣданія въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Между тѣмъ, какъ члены евангелическаго союза соберутся въ Берлинѣ, католическія общины намѣрены собраться въ Кельнѣ. Католикамъ было сначала отказано въ разрѣшеніи, но вслѣдствіе собранія евангелическаго союза, сдѣлалось необходимымъ разрѣшить подобное собраніе и католикамъ, тѣмъ болѣе что въ противномъ случаѣ они перенесли бы свои засѣданія въ Австрію. Самый евангелическій союзъ даетъ поводъ къ сильной борьбѣ. Король лично благопріятствуетъ ему, точно также и всѣ протестанты либеральнаго направленія, но строго церковная партія сильно возстаетъ,

противъ него, убѣждая вѣрующихъ отдаляться отъ всякаго сближенія съ союзомъ, какъ отъ сближенія съ нечистыми духами. Цѣлая догматическая полемика завязалась, въ формѣ пастырскихъ писемъ, между приверженцами и противниками союза.

Въ Австрій единственное важное для внутренней политики происшествіе есть возобновленное путешествіе императора въ Венгрію. Носятся слухи, что правительство намѣрено уничтожить укрѣпленія Вѣны, которая не будетъ болѣе крѣпостію. Обнародованіе провинціальнаго статута задержано на нѣкоторое время распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Г. Бахъ намѣренъ предпослать имъ обширное историческое введеніе, съ цѣлію доказать, что права различныхъ провинцій нисколько не уменьшены въ новыхъ статутахъ, какъ о томъ ходили слухи.

Въ Турціи недавно предпринятый заемъ идетъ плохо.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Нью-Йоркѣ, безпорядки, прекратившіеся въ высшихъ слояхъ общества, еще продолжаются въ низшихъ. Распоряженіе мера Вуда о передачѣ полицейскихъ мѣстъ въ вѣдѣніе центральной полиціи встрѣтило сначала сопротивленіе со стороны низшихъ чиновниковъ и толпы. Оно было исполнено не безъ затрудненій. Раздраженіе, произведенное борьбою, еще не совсѣмъ прекратилось. На другой день послѣ усмиренія смуть бунтовщики носили по улицамъ гробъ одного изъ убитыхъ во время послѣдней схватки, съ надписью на балдахинѣ: «жертва центральной полиціи.» Теперь, хотя явнаго сопротивленія уже нѣтъ, но грабежи и убійства еще не совсѣмъ прекратились.

Другія смуты, по счастью скорѣ прекращенныя, произошли въ Канзасѣ, въ этомъ безпокойномъ штатѣ, такъ часто выходящемъ за предѣлы союзной конституціи. На этотъ разъ однако причиною не были ни вопросъ о невольничествѣ, ни вопросъ о территоріальномъ устройствѣ. Поводомъ послужило странное притязаніе города Ларенса (Lawrence). Этотъ городъ намѣренъ дать себѣ особенный уставъ, отличный отъ того, который освященъ мѣстнымъ законодательствомъ. Такое стремленіе тѣмъ опаснѣе, что тайная цѣль его—выиграть дѣло, на которое потомъ можно бы было сослаться въ болѣе важныхъ случаяхъ. Губернаторъ Вокеръ (Walker) издалъ къ жителямъ прокламацію, убѣждая ихъ покориться законамъ и доказывая совершенную бесполезность сопротивленія. Въ самомъ дѣлѣ, союзное правительство намѣрено было дѣйствовать энергически. Войска, отправленныя въ Утагъ, были остановлены. Имъ предписано быть въ распоряженіи Вокера. До необходимости прибѣгнуть къ ихъ содѣйствію дѣло однако не дошло, благодаря предупредительнымъ мѣрамъ мѣстнаго правительства. Губернаторъ немедленно сосредоточилъ въ окрестностяхъ города довольно значительное

войско. Это усмирило инсургентовъ. Теперь союзныя войска снова отправлены въ Утагъ, куда вскорѣ долженъ прибыть и новый губернаторъ, г. Кеммингсъ (Cummings).

Въ Бразиліи министерство принимаетъ дѣятельныя мѣры для прекращенія монетнаго кризиса, вслѣдствіе котораго бразильскій банкъ долженъ былъ возвысить до девяти количество учетныхъ процентовъ. Министръ финансовъ предложилъ сенату проектъ закона о передачѣ банку всѣхъ запасныхъ суммъ, находящихся какъ въ рукахъ центральнаго правительства, такъ и въ провинціяхъ. Этотъ проектъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны перваго основателя банка, виконта Итабораги. Несмотря однако на это, проектъ былъ принятъ сенатомъ, а виконтъ Итабораги вышелъ въ отставку.

Въ Мексикѣ, по обыкновенію, продолжаются желтая лихорадка и борьба правительства съ духовенствомъ. По поводу одного праздника въ столицѣ, архіепископъ не хотѣлъ принять въ соборѣ городскихъ начальниковъ съ слѣдующими имъ почестями. По счастью, городскіе начальники не хотѣли дать повода къ смутамъ и воздержались отъ появленія въ храмѣ. Городскія дамы, которыя обыкновенно рѣдко присутствуютъ на церковныхъ процессіяхъ, при этомъ случаѣ сопровождали процессію толпою, чтобы заявить этимъ способомъ свою преданность духовенству.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Парижъ, 11-го августа 1857 года.

Вы уже знаете наше горе: смерть нашего знаменитаго поэта Беранже. Ни одинъ изъ писателей не пользовался такою любовью своихъ соотечественниковъ, такимъ всеобщимъ уваженіемъ какъ Беранже; Франція любила въ немъ не только великаго поэта, но и достойнаго гражданина, и отличнаго человѣка. Имя Беранже зналъ всякій: и богатый, и бѣдный, и знатный, и простолюдинъ; каждый изъ нихъ сочувствовалъ этому доброму старику, этому человѣку, который не измѣнялся ни въ счастіи, ни въ горѣ; который всегда оставался добръ, великодушнъ; всегда былъ исполненъ надеждъ, сознанія собственнаго достоинства, чувства независимости. Его пѣсни всегда были и долго еще будутъ любимыми пѣснями цѣлой Франціи. Это понятно: Беранже имѣлъ умъ чисто-французскій: граціозный, легкій, кокетливый, безъ притязаній и вполнѣ патріотическій. Въ пѣсняхъ своихъ, при замѣчательной иногда возвышенности поэтическихъ мыслей, онъ сохранилъ всю прелесть простоты.

Прежде чѣмъ буду говорить о Беранже какъ о поэтѣ, гражданинѣ и человѣкѣ, сообщу о немъ нѣкоторыя біографическія извѣстія. Пусть говоритъ онъ самъ за себя; онъ такъ часто описывалъ себя въ своихъ стихахъ, которые служили ему надежнымъ щитомъ противъ іезуитовъ, непримиримыхъ враговъ его.

Пьеръ Жанъ де Беранже (онъ допускалъ называть себя такъ, въ отличіе отъ бездарнаго поэта, того же имени, который наводилъ Францію своими бессмысленными пѣснями. Нашъ поэтъ оправдывается, въ одной изъ своихъ пѣсенъ, въ придачу дворянскаго *de* къ своему имени; онъ говоритъ: *Oui, je suis vilain, très vilain, vilain!*) родился въ 1780 году, недалеко отъ знаменитыхъ столбовъ въ кварталѣ *des Halles*, близъ которыхъ родился и Мольеръ. Этотъ домъ, прославленный рожденіемъ Беранже, былъ разоранъ жаждою разрушенія, которая овладѣла въ послѣднее время Парижемъ. Поэтъ самъ написалъ свою біографію въ пѣсни, въ которой знакомитъ насъ съ бѣдною и грустною жизнію своего малолѣтства:

Dans ce Paris, plein d'or et de misère,
En l'an du Christ mil sept cent quatre vingt,

Chez un tailleur, mon pauvre vieux grand père
 Moi nouveau-né, sachez ce qui m'advint.
 Rien ne prédit la gloire d'un Orphée
 A mon berceau, qui n'était pas de fleurs...

Онъ былъ плебейскаго происхожденія, хвастался имъ и любилъ о немъ вспоминать.

Послѣдуемъ за нимъ на пути его жизни. Въ той же пѣсни : *le tailleur et la fée*, и въ другой, которую приведемъ ниже, находимъ мы новыя страницы автобіографіи поэта. Горьки были его первые шаги въ жизни. Отвергнутый матерью, которая, быть-можетъ, видѣла въ немъ живой упрекъ въ своей слабости, онъ былъ отданъ кормилицѣ, которая увезла его собою въ Оксеръ.

Jeté sur cette boule
 Laid, chetif et souffrant.

Въ пѣсни, названной имъ *историческою*, онъ передаетъ намъ подробности о своей кормилицѣ и о своемъ ученіи въ Бургундіи:

Au mois d'avril, voilà bien longtems,
 Six francs et ma layette en poche,
 Belle nourrice de vingt ans
 D'Auxerre avec moi prit le coche.
 Sois bien ou mal, sanglotte ou ris,
 Adieu pauvre enfant de Paris.

По счастью, мужъ кормилицы былъ человекъ добрый, полюбилъ ребенка, и скоро сталъ видѣть въ немъ какъ бы собственнаго сына. Беранже съ тѣхъ поръ почиталъ всегда этихъ добрыхъ людей за свою семью и звалъ Жана винодѣла (*Jean le vigneron*) своимъ отцомъ. Признательность всегда была отличительною чертою его характера.

En Bourgogne je débarquais
 Pour le chasseur climat propice.
 Nous trouvons, buvant sur le quai
 Le vieux mari de ma nourrice
 Verre en main, Jean le vigneron
 Chantait les gaités de Piron.

Какъ протекали первые беззаботные годы дѣтства, его отдали въ училище Сентъ-Антуанской улицы. Изъ классовъ этой школы слышалъ онъ, какъ рушилась Бастилія и воспоминаніе этого событія запаало въ его дѣтское воображеніе, чтобы перейти къ потомству въ одной изъ его днѣнрамовъ. Пѣсня эта названа; «14-е іюля»; она была написана во время заключенія Беранже въ тюрьмѣ *la Force*, въ времена реставраціи.

Еще въ то время, когда онъ ходилъ въ училище, познакомился онъ съ дочерью фехтмейстера, который давалъ уроки фехтованья въ этой школѣ. Эта пригожая дѣвочка была та самая Юдишь, которая въ

послѣдствіи была тамъ приваана къ поэту, и которую воспѣвалъ онъ часто подъ именемъ Лизеты.

Однажды Беранже отправился въ Перонну (въ Пикардіи) къ теткѣ, которая содержала трактиръ въ городѣ. Тамъ былъ его первый дебютъ на поприщѣ поэта:

Le bon vieillard lui dit, l'âme inquiète
A cet enfant quel destin est promis?
Elle répond: vois-le sous ma bague
Garçon d'auberge, imprimeur et commis.
(la Tailleur et la Feé)

Въ Пероннѣ Беранже былъ сначала garçon d'auberge; тея отгадала. Онъ прожилъ въ этомъ городкѣ, съ 1690 по 1796 годъ. Въ эту же эпоху исполнилось другое, болѣе грозное предсказаніе тея: въ поэта ударилъ громъ.

Un coup de foudre ajoute à mes presages:
Ton fils atteint va périr consumé.
Dieu le regarde et l'oiseau ranimé
Vole, en chantant braver d'autres orages.
(ibid.)

Сбылось и второе предсказаніе тея. Все еще въ Пероннѣ, Беранже вступилъ въ типографію г-на Лене (Lainay), въ веселую типографію, гдѣ раздавались пѣсни, гдѣ сочинялись стихи. Правда, онъ не научился тамъ правописанію, за то научился стихотворству. На всю жизнь сохранилъ Беранже воспоминаніе объ урокахъ и отеческихъ попеченіяхъ г-на Лене, и въ послѣдствіи посвятилъ ему одну изъ своихъ лучшихъ пѣсень:

Dans l'art des vers c'est toi qui fus mon maître
Je t'effaçais sans te rendre jaloux.

Въ 1796 онъ возвратился въ Парижъ и тутъ началъ серьезно заниматься поэзіею. Но муза кормить не встѣхъ своихъ любимцевъ. Бѣдный и безвѣстный жилъ Беранже въ неизвѣстной столицѣ; вдругъ благотѣльная рука облегчила его стѣсненное положеніе. Луціанъ Бонапартъ, которому Беранже послалъ первое собраніе своихъ пѣсень, призвалъ его къ себѣ и, три дня спустя послѣ этого свиданія, отъѣзжая изъ Франціи, прислалъ ему довѣренность на полученіе 1,200 фран. своего жалованья по званію члена академіи. Поэтъ всю жизнь питалъ чувство глубокой признательности и преданности къ своему покровителю. Это пособіе дало ему возможность слѣдовать своему призванію, и труды его были увѣнчаны постепенно возрастающимъ успѣхомъ. Вскорѣ потомъ онъ былъ опредѣленъ чиновникомъ въ канцелярію ректора университета, но вынужденъ былъ просить объ отставкѣ, когда въ 1821 году вышло второе изданіе его стихотвореній.

Возвратився къ эпохѣ появленія въ свѣтъ перваго собранія пѣ-

сенъ Беранже въ 1815 году. Въ предисловіи къ этому изданію, появившемуся гораздо позднѣе, въ 1833 году, поэтъ самъ объясняетъ, на чемъ основывалось чувство удивленія и уваженія, которое питалъ онъ къ императору Наполеону I, и которое возбудило столько непріязненныхъ толковъ и возгласовъ въ шумной толпѣ демократовъ—пуританъ. «Мое постоянное и восторженное удивленіе къ генію императора и изступленная любовь къ нему народа, видѣвшаго въ немъ представителя *побѣдоноснаго равенства*, это удивленіе и эта любовь, которые должны были внушить мнѣ вдохновенныя пѣсни въ честь монарха—героя, не ослѣпили меня, и не скрыли отъ меня возрастающаго деспотизма.»

О *Ста дней* Беранже говорить почти то же, что о своемъ удивленіи къ генію Наполеона: «Энтузіазмъ народа во время *Ста дней* не ввелъ меня въ заблужденіе. Я видѣлъ, что Наполеонъ не могъ управлять государствомъ на правахъ конституціоннаго монарха; не для того родился онъ на свѣтъ.» Ему тогда вздумалось подать политическій совѣтъ, и онъ попытался высказать его въ пѣснѣ: *la politique de Lise*.

Par excès de coquetterie,
Femme ressemble aux conquérants
Qui vont bien loin de leur patrie
Dompter cent peuples différents.
Ce sont de terribles coquettes,
N'imites pas leurs vains projets;
Lise, ne fais plus de conquêtes
Pour le bonheur de tes sujets.

Беранже никогда не былъ льстецомъ; онъ даже отказался отъ собой друзей своихъ, сдѣлавшихся знатными и могущественными. Онъ оставался всю жизнь почти бѣднымъ человѣкомъ, и всегда жилъ потихоньку и укромно. Даже отъ издателя его сочиненій, честнаго г-на Перротена, не захотѣлъ онъ принять пенсіи выше той, которая была выговорена въ контрактѣ. Онъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи, даже въ самые свѣтлые дни своей народной славы. Одна Лизета могла лукаво улыбнуться, когда поэтъ говорилъ о своей независимости. Говоря, что онъ никогда никому не льстилъ, я выразился не точно: онъ льстилъ несчастнымъ, угнетеннымъ, побѣжденнымъ. Онъ сочинилъ для умныхъ людей—людей дѣйствительно самыхъ несчастныхъ—удивительную оду: *les Gueux*, которую можно назвать: *consolatrix afflictorum*.

Des gueux chantons la louange,
Que des gueux gens de bien!
Il faut enfin que l'esprit venge
L'honnête homme qui n'a rien.
Les gueux sont des gens heureux
Qui s'aiment entre eux.

Vivent les gueux!

Le bonheur est facile
 Au sein de la pauvreté
 J'en atteste l'Évangile.
 J'en atteste ma gaité.

Прекрасная пѣсня: *Dans un grenier qu'on est bien à vingt ans*, принадлежить къ тому же роду.

Теперь поговоримъ о патриотѣ. Хотите ли знать тайную связь ста дней съ 1830 годомъ; хотите ли знать, какимъ образомъ нѣки и политическія вѣрованія императора сдѣлались знаменемъ оппозиціи и либеральныхъ идей, которыя низвергли было монархію Реставраціи? Беранже объясняетъ это въ нѣсколькихъ строчкахъ, замѣчательныхъ своею простотою:

«Возвращеніе императора раздѣлило Францію на два враждебные стана и установило оппозицію, восторжествовавшую въ 1830 году. Онъ поднялъ упавшее знамя народности и сохранилъ ему его будущность вопреки поражению подъ Ватерло.»

Беранже сначала лишь слегка враждовалъ противъ Реставраціи; онъ не почиталъ ея довольно сильною, чтобы быть опасною. Но вскорѣ онъ возсталъ противъ нея, вооруженный самою злою сатирою, самою язвительною насмѣшкою. Въ особенности нападалъ онъ на іезуитовъ и написалъ противъ нихъ самую ѣдкую сатиру, которая когда-либо была написана, которую цѣлая просвѣщенная Франція запомнила на память:

Hommes noirs d'où sortez vous ?
 Nous sortons de dessous terre,
 Moitié renards, moitié loups.

Онъ поплатился свободой за свое торжество противъ Реставраціи и былъ посаженъ въ *S-te Pélagie*. Въ 1829 году онъ въ другой разъ содержался въ *la Force* и былъ приговоренъ къ пенѣ въ 10,000 франковъ, уплаченной національною подпискою.

Черезъ годъ вспыхнула июльская революція.

Тогда Беранже былъ въ апогеѣ своей славы и въ полной силѣ своего таланта. Въ эту эпоху появились его удивительныя поэмы, эти народныя, трогательныя драмы, которыя носятъ названія: *le cinq mai, les deux grenadiers, le vieux caporal, le suicide, les tombeaux de juillet*.

Я привожу эти названія на память, и не называю многихъ пѣсенъ, достойныхъ стать на ряду съ этими.

Разочарованіе наступило; монархія 1830 года не удовлетворила возбужденныхъ ожиданій.

Je croyais qu'on allait faire
 Du grand et du neuf.
 Elargir un peu la sphère
 De quatre-vingt-neuf.

Беранже, утомленный политикою, обратился къ социальнымъ вопросамъ и написалъ: *les Sous, le vieux Vagabond, Jeanne la Rousse*. Вскорѣ потомъ онъ выѣхалъ изъ Парижа. Огромное большинство избрало его народнымъ представителемъ въ 1848 году. Беранже отказался засѣдать въ палатѣ: «я поэтъ, а не законодатель», говорилъ онъ. Въ настоящемъ году лишился онъ подруги, которая до самой смерти своей была вѣрною спутницей его жизни. Онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ года за три до своей кончины и пережилъ ее только тремя мѣсяцами, произнеся съ послѣднимъ вздохомъ: *humanité*, слово, которое онъ всегда носилъ въ своемъ сердцѣ.

Пятьсотъ тысячъ Парижанъ сопровождали въ скорби и тишинѣ гробъ его. У всѣхъ были въ рукахъ букеты *иммортелей*, и повсюду раздавались крики въ честь умершаго пѣвца.

Въ этотъ годъ Франція понесла чувствительныя утраты, лишившись Делароша, Симара, Альфреда де-Мюссе, Сальванди, Тенара, Беранже и наконецъ Евгенія Сю, автора романовъ: *Парижскія тайны, Вѣчный Жидъ, Найденышъ, Атаръ-Гюль* и проч. которые читала цѣлая Европа. Евгеній Сю умеръ въ изгнаніи: онъ жилъ послѣднее время въ Савойѣ, въ Аннеси (Аппесу), маленькомъ городкѣ, мирномъ и спокойномъ, гдѣ изгнаннику привольно было мечтать въ разлукѣ о родицѣ.

Парижская публика, которой очень скоро надоѣдаетъ даже и то, что тревожно занимало ея вниманіе, только недавно, не болѣе двухъ недѣль, перестала заботиться о выборахъ членовъ законодательнаго сословія. Остъ-Индскія дѣла и покушеніе на жизнь императора смѣнили на время эти законныя заботы.

Выборы, какъ явное и ясное выраженіе общественнаго мнѣнія страны, если они совершились при должныхъ условіяхъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Это важный политическій вопросъ. Я тѣмъ болѣе почитаю себя обязаннымъ поговорить съ вами о выборахъ, что при отправленіи моего послѣдняго письма, я не могъ ничего сказать вамъ объ этомъ вопросѣ; дѣло еще не было рѣшено.

Чтобы судить о выборахъ членовъ въ законодательное сословіе, въ отношеніи къ мнѣніямъ этихъ членовъ, необходимо твердо знать правила, по которымъ происходятъ во Франціи выборы. Нѣкогда, (я говорю о царствованіи Лудовика-Филиппа и о времени послѣдней республики), каждый департаментъ избиралъ определенное число депутатовъ (среднимъ числомъ двѣнадцать) и каждый обыватель подавалъ голосъ, въ обитаемомъ имъ департаментѣ, въ пользу одного изъ *неопредѣленнаго* числа кандидатовъ, являвшихся въ той мѣстности. Этотъ порядокъ выборовъ нельзя еще назвать лучшимъ, потому

что голосъ избирателя былъ не столько точнымъ и искреннимъ изъ-явленіемъ его мнѣнія, сколько выраженіемъ предпочтенія, которое поневолю оказывалось одному изъ явившихся кандидатовъ.

Какъ бы ни было, но этотъ порядокъ все былъ предпочтительнѣе системы выборовъ, установленной императорскимъ правленіемъ. Вотъ въ чемъ заключается система 1852 года: Франція раздѣлена на избирательные округа, по 30,000 избирателей въ каждомъ, съ правомъ каждому округу назначать одного депутата. Что же вышло изъ этого? Правительство представляетъ въ каждый округъ одного кандидата по своему выбору; оппозиція, въ самомъ общемъ значеніи этого слова, безъ различія партій, назначаетъ съ своей стороны также одного, рѣдко двухъ кандидатовъ. Итакъ, если въ предыдущія правленія, воля избирателя ограничивалась выборомъ изъ двѣнадцати кандидатовъ, теперь она стѣснена еще болѣе, потому что ей остается выборъ между двумя кандидатами.

При такомъ порядкѣ выборовъ, воля избирателя весьма часто обращалась въ ничто, напримѣръ въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда, кандидаты оппозиціи разнились въ мнѣніяхъ съ избирателями своихъ округовъ. Другая мѣра въ принятой нынѣ избирательной системѣ, ставитъ важное препятствіе выраженію общественнаго мнѣнія посредствомъ подаванія голосовъ. Правительство заранѣе опасалось результата выборовъ въ большихъ городахъ, преимущественно населенныхъ смышленными и просвѣщенными жителями. Различныя правительства, которыя въ теченіе полвѣка смѣнялись во Франціи узнали какъ должно опасаться многочисленныхъ городовъ въ этомъ отношеніи.

Чѣмъ же придумали отвратить неблагопріятные результаты городскихъ выборовъ? Въмѣсто того, чтобы каждый многочисленный городъ считать избирательною коллегіею, предпочли сдѣлать его только частію округа и дополнить недостающее число народонаселенія, населеніемъ ближайшихъ деревень. Что касается до сельскихъ общинъ, чуждыхъ политикѣ и образованію, на ихъ голоса можно было понадеваться, тѣмъ болѣе, что крестьяне, въ такомъ дѣлѣ, обыкновенно слѣдуютъ совѣтамъ мера, а этотъ неопровержимый и змѣтлывъ, никогда неопровергаемый оракулъ, назначается правительствомъ.

Изъ всего сказаннаго нами очевидно, что о мнѣніи Франціи слѣдуетъ судить не по числу кандидатовъ правительства или оппозиціи, а по числу голосовъ, поданныхъ за правительство съ одной стороны, и въ пользу оппозиціи съ другой. Конечно, въ теперешніе выборы въ законодательномъ сословіи число членовъ, преданныхъ правительству, гораздо значительнѣе числа приверженцевъ оппозиціи. Что же касается до голосовъ пріобрѣтенныхъ обѣими партіями, то пропорція уже не такъ благопріятна правительству. Но въ этомъ дѣлѣ остается еще объяснить важное обстоятельство, и я прошу читате-

лей обратить на него особенное вниманіе. Въ большихъ городахъ, имѣющихъ народонаселенія болѣе 30,000, тамъ, гдѣ распространено просвѣщеніе, знаніе, благосостояніе, кандидаты оппозиціи, съ рѣдкими исключеніями, всегда имѣютъ за собою относительное большинство. Только сельскіе избиратели устраняютъ результаты выбора горожанъ. Итакъ, что касается до провинцій, правительство нашло поддержку только въ сельскихъ общинахъ. Но говоря по совѣсти, развѣ въ этихъ общинахъ сосредоточено просвѣщеніе? Для тѣхъ, которые хотя немного знаютъ Францію, невѣжество, духъ рутины, предубѣжденія послыающъ—не тайна.

Я еще не все сказалъ, или правильнѣе, я не сказалъ еще самаго главнаго. Я не говорилъ вамъ о выборахъ столицы. Вы знаете, какъ много, въ наше время, возвысилось значеніе Парижа, въ ущербъ провинцій. Страсть къ централизациі, доведенная во Франціи до крайнихъ предѣловъ, сосредоточила всѣ знанія, всѣ сокровища, всѣ начинанія въ этомъ новомъ Римѣ, истощая тѣмъ средства остальныхъ частей страны. Какъ только человекъ отличился чѣмъ-нибудь, какъ только онъ почитаетъ себя въ правѣ войти въ состязаніе съ признанными уже извѣстностями, онъ покидаетъ провинцію и спѣшитъ въ Парижъ. И вотъ парижскіе выборы дали слѣдующій результатъ:

Изъ десяти депутатовъ, долженствующихъ поступить въ законодательное сословіе отъ десяти округовъ столицы и принадлежащаго къ ней околотка, выбраны:

1) Пять кандидатовъ оппозиціи: *Каваньякъ*, республиканецъ, систематическій врагъ нынѣшняго порядка вещей; *Эмиль Оливье*, молодой демократъ, одинъ изъ самыхъ пылкихъ, отецъ котораго былъ изгнанъ; *Даримонъ*, демократъ—соціалистъ, давнишній сотрудникъ Прудона; *Гудшо* (Goudchaux), бывшій министръ временнаго правленія; *Карно*, тоже министръ во время республики, сынъ Карно, извѣстнаго по первой революціи. Гг. Каваньякъ, Оливье и Карно избраны самыми многочисленными и самыми дѣятельными частями города, словомъ, тѣми, которыя составляютъ настоящій Парижъ.

2) Пять кандидатовъ правительства: *Гюяръ-Делаленъ*, *Девенкъ* (Devinck), *Фуше-Лепеллетье*, *Кенигсвартеръ*, наконецъ извѣстный шутъ, докторъ *Веронъ*.

Вотъ личный составъ. Что касается до числа голосовъ, оппозиція, несмотря на раздробленіе ея голосовъ, происходящее отъ разнообразія оттънковъ ея состава, приобрѣла большинство почти 18,000 голосовъ. Притомъ въ числѣ слишкомъ ста тысячъ голосовъ, приобретенныхъ императоромъ Наполеономъ, слѣдуетъ считать голоса цѣлой арміи чиновниковъ, старыхъ инвалидовъ, не принадлежащихъ уже къ настоящему вѣку, и наконецъ штатъ жаандармовъ и полиціи.

Илагая эти факты, я не исчисляю тысячи и одного затрудненій, представляемыхъ оппозиціи властями.

Англійское правительство долго ласкало себя надеждою, что Франція не откажетъ пособить ему въ индійскихъ дѣлахъ. Я могу васъ въ томъ завѣрить, наше правительство твердо рѣшилось не подавать помощи *Royal Company of India*. Офиціальныя журналы утверждали, что лордъ Пальмерстонъ никогда не требовалъ помощи Франціи; я, съ своей стороны, могу васъ увѣрить, что между первымъ министромъ и г-мъ Персиньи, французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, дѣйствительно начаты были переговоры по этому дѣлу, но отвѣты Франціи дали уразумѣть сентъ-жемскому кабинету, что нечего подвергать себя неизбѣжному отказу. Вы поймете, м. г., что это обстоятельство не осталось безъ вліянія на обоюдныя отношенія этихъ двухъ державъ. Не нужно пользоваться особеннымъ довѣріемъ дипломатовъ, чтобы знать, что знаменитому союзу *entente cordiale* нанесенъ чувствительный ударъ; достаточно прочесть это во французскихъ и англійскихъ полуофиціальныя журналахъ. Поведеніе англійскаго правительства по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ довело до крайнихъ предѣловъ это неудовольствіе. Теперь разобщеніе обоихъ правительствъ можетъ почестъся совершеннымъ. Императоръ Наполеонъ вынужденъ былъ самъ съѣздить въ Осборнъ, чтобы нѣсколько утишить эту грозу. Въ Осборнѣ присутствовали не только королева и императоръ, но также лордъ Пальмерстонъ и г. Персиньи. Офиціальныя журналы озаботились извѣстить насъ, что политика совершенно чужда этому посѣщенію. Хорошо и это знать: *notandum est*.

Вы поймете, что дѣла Дунайскихъ княжествъ много занимали парижскую публику. Какъ я не могу въ письмахъ моихъ представлять подробный отчетъ о текущихъ дѣлахъ, и долженъ ограничиться лишь обзоромъ фактовъ, уже вполнѣ совершившихся, то я не могу бесѣдовать съ вами, на этотъ разъ, объ этомъ важномъ дѣлѣ. Скажу вамъ только, что французское правительство, согласно съ русскимъ, рѣшилось разрушить австрійскіе происки и заставить уважать парижскій трактатъ, который въ этомъ отношеніи и равняется торжественному признанію правъ человѣческихъ и международныхъ.

Я. Фельденъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Иена, 8-го августа.

Давно собираюсь я писать къ вамъ о Иенѣ. Вотъ уже почти годъ, какъ я здѣсь, и на дняхъ оставляю этотъ тихій уголокъ, гдѣ я и безъ того зажился долге, чѣмъ предполагалъ. Не думайте, чтобы я молчалъ такъ долго изъ лѣни. Мнѣ хотѣлось поговорить подробно съ вами о Иенѣ; но то, что здѣсь дѣйствительно достойно вниманія, требуетъ нѣкотораго изученія, а это изученіе — времени. Тутъ нѣтъ кипящей общественной жизни; тутъ современные интересы и стремленія не воплощаются въ яркія, поражающія явленія. Тутъ все принимаетъ идеальный колоритъ студентческой жизни. Наши интересы — ученые труды, медленно созидающіеся вокругъ насъ въ тишинѣ кабинетовъ, наши событія — новая книга или блестящая лекція любимаго профессора. Мы здѣсь живемъ у одного изъ таинственныхъ источниковъ, гдѣ тихою и чистою струей, на одинокой высотѣ, зарождается духовная жизнь, чтобы потомъ, въ далекой, многолюдной долиинѣ разлиться шумными, широкими волнами, несущими за собою смятеніе, и дѣятельность, и богатство...

Говоря съ вами о Иенѣ, я долженъ поговорить и о Веймарѣ. Классическое единство этихъ двухъ городовъ, въ блестящія времена Гете, Шиллера и Фихте, не только осталось живымъ преданіемъ, но существуетъ еще и на дѣлѣ. Художественная дѣятельность резиденціи дополняетъ исключительно-умственную дѣятельность университетскаго города, и наоборотъ. Я такъ часто бывалъ въ Веймарѣ, въ продолженіи этого года, что, могу сказать, провелъ его, какъ выражается Гете,

In Weimar-Iena, der grossen Stadt,
Die an beiden Enden viel Gutes hat (1).

Видъ на иенскую долину, когда подъѣзжаешь къ ней отъ Веймара, очарователенъ. Послѣ долгаго и незамѣтнаго подъема въ гору, вдругъ открывается передъ вами глубина, наполненная пышною зеленью, и, между двухъ известковыхъ скалъ, колокольни Иены и голубая даль вол-

---

(1) «Въ Веймарѣ-Иенѣ, большомъ городѣ, на обонхъ концахъ котораго есть много хорошаго.»

нистаго горизонта. Дорога, безпрестанно извиваясь, спускается и ведетъ къ Іенѣ черезъ Мюльталь, одну изъ очаровательныхъ боковыхъ долинъ Заалы. Направо — лѣсистые склоны горъ, налѣво — страшная крутизна, на которую взобрались Французы во время іенской битвы. Тихій городъ еще помнитъ этотъ страшный день. Странно, невѣроятно прозвучалъ дикій грохотъ наполеоновскихъ пушекъ въ идеальной атмосферѣ Іены. И несмотря на этотъ грозный грохотъ, молодой ученый, который пменно тогда оканчивалъ свой первый, огромный трудъ, продолжалъ писать. Городъ пустѣлъ, но онъ не отрывался отъ своего труда, и окончивъ рукопись, спокойно понесъ ее на почту. Была пора. Французы уже вступали въ городъ. Этотъ молодой ученый былъ Гегель, его рукопись — «Феноменологія духа».

Но еще обаятельнѣе, чѣмъ первый взглядъ на Іену, то впечатлѣніе, которое выносишь, поживши въ ней нѣсколько времени. Тишина невозмутимая. Дома, въ живописномъ безпорядкѣ выросшіе одинъ изъ другаго въ разныя времена; старинная церковь и узкія улицы, гдѣ цѣлыми днями не слышенъ стукъ экипажа; стѣны, покрытыя виноградомъ и розами; добродушное и говорливое населеніе; во всея наивность и простота, свойственныя городамъ, еще не захваченнымъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Городъ такъ малъ, что отсюда въ нѣсколько минутъ можно выйти изъ него въ роскошную долину Заалы, открывающую на югъ и на сѣверъ далекія, чудныя перспективы, на западъ и востокъ ограниченную близкими, крутыми горами. Вершины этихъ горъ — бѣловатый известнякъ, смѣлыми очертаніями отдѣляющійся отъ неба, лишь кое-гдѣ обросшій темными соснами. Ниже — красноватый мергель, лишь изрѣдка выступающій среди зелени, большею частію обросшій плодовыми деревьями и виноградомъ, засѣянный хлѣбомъ. Все это разнообразными массами подступаетъ къ Заалѣ, весело бѣгущей среди пышныхъ луговъ, въ сопровожденіи столѣтнихъ ольхъ и ивъ. Между этими выступами углубляются узкія боковыя долины: изъ каждой вытекаетъ быстрый ручей, въ каждой изъ нихъ виднѣтся деревня и за нею темный лѣсъ изъ дуба, клена и липы. Вездѣ обиліе, роскошныя поля, между ними живописныя группы и длинныя ряды плодовыхъ деревьевъ; на каждомъ необработанномъ клочкѣ земли богатство полу южной растительности. Вездѣ слѣды усиленной обработки, а между тѣмъ удивительная тишина: небо не тускнѣетъ отъ дыма фабрикъ; не слышно визга машинъ; граціозная долина еще не пересѣчена рельсами желѣзной дороги; лишь проволоки телеграфовъ бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ сквозь густую зелень тополей и акацій, осѣвняющихъ большія дороги...

На правомъ, нѣкогда вейдскомъ берегу Заалы, горы особенно круты и живописны, и сохранили свои славянскія имена. Вотъ *Ienzig*

(языкъ), вотъ *Kuniz* (конецъ) съ разрушеннымъ замкомъ, нѣкогда передовымъ пунктомъ въ вендскихъ владѣнiяхъ, вотъ замокъ Лобедъ. Съ этихъ вершинъ нѣкогда управлялись и разорялись пышныя долины у подошвы горъ. Но жизнь и сила давно сошли съ этихъ скалъ, и широко и свободно развились въ долинахъ. Этотъ постепенный процессъ оставилъ видимые слѣды: въ Лобедѣ чуть замѣтныя остатки древнѣйшаго замка лежатъ на сухомъ неплодномъ гребнѣ горы; ниже, живописныя развалины замка въ романскомъ стилѣ; еще ниже, готическая развалина третьяго замка. Но и она давно разрушается; непосредственно же подъ нею растетъ и процвѣтаетъ мѣстечко Лобедъ: въ немъ 600 жителей, живущихъ отчасти хлѣбопашествомъ, отчасти мануфактурною дѣятельностью: это деревня, переходящая незамѣтно въ городъ, — дѣйствительно незамѣтно, потому что здѣсь права городовъ и деревень, городское и сельское управленіе не представляютъ существенныхъ различій.

И какое богатство воспоминаній живетъ въ этой маленькой, тихой Іенѣ! Въ этомъ домѣ жилъ Гете; въ этомъ саду Шиллеръ окончилъ своего Валленштейна; въ этихъ старыхъ аудиторiяхъ учили Гутеландъ и Окенъ, Фихте и Шиллеръ, Шеллингъ и Шлегель. И не одно преданіе здѣсь приводитъ въ память великія произведенія и безсмертныя имена. Сама природа здѣсь напоминаетъ величавыхъ зотовъ, на которыхъ она наложила свою печать. Въ ней есть что-то особенно успокоительное и гармоническое, что-то Гетевское. Чудныя линiи горизонта, вмѣстѣ спокойныя и разнообразныя, стройныя переходы изъ дикой природы въ обработанную, богатство эпизодовъ и простота дѣлаго, все напоминаетъ тѣ идеальныя ландшафты, среди которыхъ движутся Вильгельмъ Мейстеръ и Миньйона, Оттилія и Едуардъ...

Но я увлекся описаніемъ ландшафта, забывая, что его не опишешь. Возвращаюсь къ Іенѣ и къ интереснымъ личностямъ, составляющимъ зерно ея университета. Сегодня я поговорю съ вами о Шлейденѣ, о Куно Фишерѣ и о Дройзенѣ.

Считаю излишнимъ распространяться о ботаническихъ заслугахъ Шлейдена. Его имя давно извѣстно и не-специалистамъ, его работы слишкомъ извѣстны ученымъ. Наука, обогащенная его наслѣдованіями, еще болѣе обязана ему тѣмъ новымъ, плодотворнымъ направленіемъ, которое онъ внесъ въ нее. Его труды проложили дорогу къ тому ряду открытій по части физиологiи растений, который наконецъ привелъ Прингогейма къ самому важному результату, добытому нашею наукой въ продолженіи XIX столѣтія, къ точному познанію процесса оплодотворенія у низшихъ растений, и его совершенной тождественности съ тѣмъ же процессомъ въ животномъ царствѣ. Но я скажу вамъ нѣсколько словъ о жизни Шлейдена и о менѣе извѣстныхъ сторонахъ его ученой дѣятельности.

Шлейденъ родился въ Гамбургѣ; въ 1804 году, и обучался въ тамошней школѣ (Johanneum). Разнообразная жизнь и кипящая дѣятельность торговаго города соответствовали неутомимой живости и чуткой воспримчивости его ума. Все занимало талантливаго мальчика: онъ съ жаромъ спеціалиста брался за самыя противоположныя предметы. Такъ, во время осады Гамбурга, онъ воспользовался закрытіемъ школы, для того чтобы изучать всѣ возможныя производства большаго города: цѣлыми днями сидѣлъ онъ въ мастерскихъ часовщиковъ, слесарей и т. д., слѣдя за малѣйшими подробностями ихъ работы. Въ то же время онъ писалъ стихи, съ жаромъ предавался своей страсти къ театру, и не упускалъ случая участвовать въ домашнихъ спектакляхъ. Мѣтъ двадцати, онъ отправился въ Гейдельбергъ слушать лекціи тамошнихъ юристовъ. Въ то время онъ еще не сознавалъ своего истиннаго призванія, и въ выборѣ карьеры слѣдовалъ желанію родителей. Въ 1827 году онъ сталъ докторомъ правъ и возвратился въ Гамбургъ, гдѣ шесть лѣтъ съ успѣхомъ исполнялъ должность адвоката.

Въ то же время онъ съ жаромъ занимался литературою: писалъ рецензіи для мѣстныхъ журналовъ, и въ одномъ изъ нихъ велъ правильную театральную хроніку. Эта дѣятельность сблизила его съ гамбургскими литературными кружками и въ особенности съ Гейне, находившимся тогда въ полномъ блескѣ недавней славы; тогда только что явились *Buch der Lieder* и два первые тома *Reisebilder*. Въ ежедневныхъ сношеніяхъ Гейне былъ часто несносенъ; за то иногда бывалъ дотого очарователемъ, что нельзя было не полюбить его. Но несмотря на дружбу, Шлейденъ, когда явился третій томъ *Reisebilder* (съ неприличными нападками на Платена), написалъ противъ этой книги рецензію, исполненную строгаго негодованія. Гейне надулся. Три дня онъ не говорилъ ни слова съ Шлейденомъ, и не кланялся ему при встрѣчѣ. Но на четвертый, онъ не вытерпѣлъ, подошелъ къ Шлейдену, и сказалъ съ свойственною ему ласковою граціей: «Дай мнѣ руку. Я разсердился на тебя, потому что ты совершенно правъ. Третій томъ *Reisebilder* никуда не годится.»

Но ни юридическая практика, ни литература не могли вполнѣ удовлетворить Шлейдена. Онъ былъ созданъ для занятій естественными науками. Въ 1833 году онъ бросилъ все и отправился въ Геттингенъ съ намѣреніемъ сдѣлаться медикомъ. Но тутъ, наконецъ, его настоящее призваніе взяло свое: онъ исключительно предался занятіямъ естественными науками, въ особенности физиологію и ботаникою. Еще спеціальнѣе посвятилъ онъ себя ботаникѣ въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ Гумбольдта и ободренный участіемъ Роберта Броуна. Съ 1839 года сталъ появляться рядъ его блестящихъ работъ о растительной анатоміи и физиологіи, доставившей ему вскорѣ громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Въ 1839 году ему предложили кафедру въ Іенѣ, гдѣ онъ съ тѣхъ поръ постоянно живетъ.

Въ 1847 году Шлейденъ вступилъ въ новую фазу литературной дѣятельности, въ которой какъ бы слились всѣ прежнія его стремленія. Онъ издалъ подъ заглавіемъ: *die Pflanze und ihr Leben*, книгу, имѣвшую огромный и заслуженный успѣхъ. Въ ней съ удивительнымъ искусствомъ сгруппированы въ ясную изящную картину результаты новѣйшей ботаники. Эта книга, отличающаяся художественными достоинствами, можетъ считаться образцомъ популярнаго изложенія предметовъ науки. Она вызвала безконечный рядъ болѣе или менѣе удачныхъ подражаній.

Не менѣе замѣчательно второе популярное сочиненіе Шлейдена, *Studien*. Тутъ задача была гораздо труднѣе, и она исполнена мастерски. Въ *Studien* мы имѣемъ не только рядъ блестящихъ *essays* о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ науки, но и нѣчто болѣе важное, а именно: ясное и удобопонятное указаніе на тѣ пути, которыми добываются научные результаты, на умственный процессъ, по которому ученый доходитъ до усмотрѣнія законовъ природы въ хаосѣ явленій. Сдѣлать популярными не только результаты, но и методъ естественныхъ наукъ—смѣлая и прекрасная мысль. Конечно, не всѣ будутъ вполне удовлетворены книгою Шлейденз, потому что онъ—ученикъ Фриза, и въ смыслѣ его философіи понимаетъ природу и ея изученіе. Но мнѣ кажется, что даже въ глазахъ людей иначе мыслящихъ, это не должно уменьшать достоинство книги Шлейдена. Точку зрѣнія Фриза можно считать не самую высокую, но нельзя ее считать ложною. Обыкновенное сознаніе, въ нашемъ нефилософскомъ поколѣніи находится такъ неизмѣримо ниже этой точки зрѣнія, что подняться на нее для большей части даже такъ-называемыхъ образованныхъ людей—огромный шагъ впередъ. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Прибавлю кстатѣ, что на дняхъ выходитъ второе изданіе *Studien*, съ новою, чрезвычайно интересною статьею о магіи, и пятое переработанное изданіе *Pflanze und ihr Leben*.

Еще слово объ одной, очень почетной сторонѣ учебной дѣятельности Шлейдена. Онъ каждую зиму читаетъ подробный курсъ антропологіи. Имя профессора, стройная полнота и серьезный блескъ изложенія привлекаютъ большое число слушателей. Съ особенною подробностію, съ удивительнымъ остроуміемъ разсматриваетъ Шлейденъ всѣ явленія нервной дѣятельности, въ особенности высшихъ чувствъ: слуха и зрѣнія. Съ неумолимою строгостію и ясностію указываетъ онъ на тѣ явленія, на которыя невозможно не наткнуться при чисто физиологическомъ разборѣ нервныхъ отправленій, и которыя между тѣмъ не только не объяснены, но и необъяснимы изъ физическихъ законовъ. Вы понимаете, что такой анализъ есть самое дѣйствительное оружіе противъ безсмысленнаго матеріализма, такъ самодовольно выставляющаго себя на показъ въ нынѣшней Германіи. Понятно, что на людей этой школы не оказываютъ ни малѣй-

шаго вліянія ни проповѣди богослововъ, ни тонкіе выводы философъ, имѣющихъ точкою исхода существованіе духа. Но точка зрѣнія новѣйшихъ матеріалистовъ, какъ все ложное, противорѣчитъ сама себѣ, и путь, избранный Шлейденомъ, ведетъ къ самому основательному опроверженію, потому что обнаруживаетъ это внутреннее противорѣчіе.

Въ послѣднее время Шлейденъ болѣе всего занимался микроскопическими изслѣдованіями растительныхъ веществъ, употребляемыхъ въ медицину, и ископаемыхъ растений.

Поподробнѣе поговорю я съ вами о Куно Фишерѣ, личности очень замѣчательной и, сколько я знаю, еще мало извѣстной въ Россіи. Въ Германіи онъ пользуется громкою извѣстностью, какъ писатель и какъ даровитый преподаватель, и возбудилъ всеобщее участіе гоненіями, которымъ онъ подвергся въ Гейдельбергѣ, въ 1853 году.

Куно Фишеръ, сынъ почтеннаго силезскаго пастора, родился въ 1824 году, въ Сандевальде. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Познанской гимназій; въ 1844 году отправился въ Лейпцигъ и вскорѣ потомъ въ Галле, чтобы предаться филологическимъ, богословскимъ и въ особенности философскимъ занятіямъ. Въ 1847 году онъ получилъ степень доктора за диссертацию *de Platónico Parmenide*. Будучи студентомъ, онъ работалъ для разныхъ журналовъ, писалъ рецензій, характеристики и т. д. Оставивъ университетъ, онъ принялъ мѣсто домашняго учителя въ Форцгеймѣ, гдѣ прожилъ до 1850 года. Въ это время, онъ издалъ, подъ именемъ *Диотима*, популярное сочиненіе объ эстетикѣ, о которомъ ниже. Осенью 1850 года занялъ онъ кафедру философіи въ Гейдельбергѣ, и читалъ съ громаднымъ, постоянно возрастающимъ успѣхомъ, до іюля 1853 года.

Учебная дѣятельность Фишера въ Гейдельбергѣ и запрещеніе, положившее ей конецъ, имѣютъ особенный интересъ по ихъ отношенію къ умственнымъ и политическимъ направленіямъ Германіи въ послѣднее десятилѣтіе.

Положеніе молодого доцента, при вступленіи на кафедру, было невыгодно во многихъ отношеніяхъ. Философія никогда не процвѣтала въ Гейдельбергѣ. Въ немъ нѣтъ могучихъ преданій Берлинскаго и Іенскаго университетовъ. Къ тому же, въ Гейдельбергѣ преобладаетъ юридическій факультетъ, и тамъ, какъ и вездѣ, большая часть юристовъ имѣютъ въ виду не научное развитіе, но практическую карьеру, и потому занятія философіею считаютъ ненужною роскошью. Къ этому присоединялись причины болѣе общія и важныя. Начиная съ конца тридцатыхъ годовъ, философскій интересъ, вѣра въ великихъ дѣятелей германской философіи постоянно слабѣетъ. Причина этого явленія понятна. Въ классическое время новѣйшей философіи, отъ самаго появленія *Критики Чистаго Разума*, всѣ умы были увлечены и околдованы этимъ могучимъ, ослѣпительно-быстрымъ развитіемъ мысли, этою титаническою борьбой, среди которой

каждая битва прибавляла новое звено къ дивной цѣпи идей, завоеванныхъ безсмертными подвигами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Да, это было время триумфовъ для философіи, время восторговъ и упоенія для мыслительныхъ умовъ. Но если мы рассмотримъ причины этого восторга, этого всеобщаго увлеченія, мы найдемъ въ нихъ объясненіе его непрочности. Мало умовъ, способныхъ пройти весь строгій процессъ мышленія, способныхъ оцѣнить громадное значеніе каждаго усовершенствованія въ методѣ. То, что увлекало, что кружило головы толпѣ страстныхъ адептовъ нѣмецкой философіи, были *результаты* этого процесса, безконечная перспектива, открывающаяся воображенію въ ожидаемыхъ еще вперёдъ результатахъ, потому что, судя по быстротѣ слѣдующихъ одно за другимъ открытій, они ожидали отъ современной философіи *всего*, не видѣли границъ ея всемогущества. Явились новые, краснорѣчивые пророки. Они считали себя преемниками знаменитой плеяды германскихъ мыслителей, и думали, опираясь на Гегеля, какъ непосредственнаго своего учителя, подняться еще неизмѣримо выше. Ихъ смѣлость увлекала толпу, поражающіе результаты ихъ ученія льстили возбужденнымъ самолюбіямъ. Адепты не сознавали, что эти новые результаты лишены существеннаго достоинства, что методъ новыхъ учителей есть искаженіе, а не развитіе философскаго метода. Фейербахъ, Максъ Штирнеръ, Бруно Бауеръ, казалось, овладѣли умами такъ же всеильно, какъ нѣкогда ихъ учитель. Но это только казалось. Скоро обнаружилась несостоятельность непризванныхъ пророковъ. Между тѣмъ какъ отъ Канта до Гегеля всѣ боровшіяся системы окончательно сплывались въ стройное цѣлое, между эпигонами Гегеля начинается безконечное разногласіе. Между тѣмъ какъ въ философскомъ процессѣ каждый шагъ на пути чистаго мышленія приближалъ къ ясности сознанія всѣ благородныя стремленія, присущія человѣческому духу, новые мыслители доходятъ до результатовъ, оскорбляющихъ нравственное чувство. Враги умственнаго развитія съ злобною радостью стали указывать на эти симптомы, робкіе умы съ недовѣріемъ стали отвращаться отъ философіи. Ободренные наступающею анархіей, старыя, давно побѣжденные ученія снова выльзли на свѣтъ Божій, съ новыми бессмысленными претензіями. Плоскій раціонализмъ прошлаго столѣтія, матеріализмъ въ самой грубой формѣ, непонятное смѣшеніе Канта, Будды и Вольтера въ лицѣ Артура Шопенгауера — всѣ субъективныя фантазії, всѣ незаконныя стремленія нашли себѣ представителей, вступающихъ на сцену съ новою философіей, сооруженною вчера, чтобы кануть завтра въ забвеніе. Таково теперь положеніе философіи въ Германіи. Мудрено ли, что масса публики равнодушно отвращается отъ этого хаоса, что враги просвѣщенія провозглашаютъ не-

состоятельность и бесплодность филосоіи вообще, или ея положительную опасность въ политическомъ и нравственномъ отношеніи?

Всѣ эти трудности философскаго учебнаго поприща въ высшей степени были соединены въ Гейдельбергѣ. Тѣ немногіе студенты, которые не были совершенно лишены интереса къ филосоіи, были предубѣждены противъ новаго доцента. Имъ еще были памятны лекціи Фейербаха и Мошота, и многіе другіе гейдельбергскіе профессоры продолжали учить въ его смыслѣ. Съ другой стороны, догматическій обскурантизмъ баденскихъ ультрамонтановъ, прекрасно уживающійся съ догматическимъ матеріализмомъ, увидѣлъ со страхомъ и ненавистью свѣжаго и талантливаго дѣятеля на поприщѣ здраваго и строгаго мышленія. И дѣйствительно, ихъ страхъ былъ не безъ основанія. Лекціи Фишера объ исторіи филосоіи, о психологіи, о Гегелевой логикѣ привлекли огромное, постоянно возрастающее, число учениковъ. Его слушали съ восторгомъ, и онъ скоро сталъ любимцемъ гейдельбергскаго юношества.

Обыкновенно приписываютъ блестящіе успѣхи Фишера на кафедрѣ его краснорѣчію. Въ этомъ есть доля справедливости, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы составили себѣ ложное понятіе объ этомъ краснорѣчіи. Фишеръ въ полной степени обладаетъ внѣшними качествами оратора: звучнымъ голосомъ, энергическою и круглою фразой, живымъ воображеніемъ, всегда внушающимъ ему самое мѣткое слово, но все это еще не составляетъ существеннаго характера его краснорѣчія. Оно имѣетъ болѣе глубокія основанія. Фишеръ самостоятельно изучилъ исторію филосоіи вообще и новѣйшей филосоіи въ особенности. Онъ поставилъ себѣ задачу проникнуть во всѣ отдѣльныя развѣтленія этого огромнаго умственнаго процесса, изучить его законы и причинность не только въ передовыхъ умахъ, но и въ болѣе или менѣе удачныхъ отступленіяхъ ихъ учениковъ, не только въ области чистаго мышленія, но и въ наукахъ, въ литературѣ, въ искусствахъ. Отъ этого произошло, что каждая философская система въ отдѣльности, и связь этихъ системъ между собою приняли въ его умѣ художественную круглоту и ясность, которой конечно онѣ не имѣли въ умахъ ихъ творцовъ, въ бореніяхъ постепеннаго развитія. Въ особенности бралъ онъ вниманіе на тѣ точки въ ходѣ развитія мысли, гдѣ изъ философской системы, повидимому замкнутой, развивается другая, и на логическія и историческія условія такого явленія. Это-то глубокое изученіе, даже въ первой молодости, не дало ему увлечься позднѣйшими искаженіями гегелевской филосоіи. Еще будучи студентомъ, Фишеръ написалъ статью противъ метафизики Фейербаха и другую противъ берлинскихъ софистовъ (Бруно Бауера и его школы). Въ этой умственной работѣ и состоитъ тайна его краснорѣчія. Что бы онъ ни излагалъ, этику Спинозы, или монадологію Лейбница, критику

Канта, или логику Гегеля,—чувствуешь, что онъ излагаетъ не чужое воззрѣніе, а степень развитія, умственно прожитую имъ самимъ. Никогда, чтобы удовлетворить нетерпѣнію слушателей, чтобы поразить быстротою выводовъ, онъ не проходитъ слегка черезъ какой-нибудь членъ въ непрерывной цѣпи умозаключеній; онъ все излагаетъ до послѣдней подробности, онъ заставляетъ слушателей осматривать со всѣхъ сторонъ каждое новое положеніе, покуда не останется и тѣни сомнѣнія въ его основательности, и такимъ образомъ медленно, но вѣрно ведетъ ихъ черезъ самыя трудныя части метафизики.

Прибавьте къ этому свѣтлый, сознательный энтузіазмъ, съ которымъ Фишеръ взираетъ на глубоко-изученный имъ періодъ нѣмецкой философіи и литературы, энтузіазмъ, сдѣлавшій для него потребностію учить, возсоздавать передъ учениками тотъ идеалъ, который выяснился для него изъ исторіи развитія человѣчества, и вы поймете обаяніе лекцій Фишера, вы поймете, что съ появленія его въ Гейдельбергъ сентиментальный матеріализмъ Молешота потерялъ свой авторитетъ надъ юношествомъ, и уступилъ мѣсто болѣе разумнымъ стремленіямъ.

Между тѣмъ, враги свободнаго мышленія, матеріалисты и теологи обоихъ вѣроисповѣданій, не дремали. Въ началѣ 1853 года, Шенкель, профессоръ протестантскаго богословія въ Гейдельбергѣ, въ карлсруйскомъ церковномъ совѣтѣ обвинилъ Фишера въ распространеніи опасныхъ ученій, и совѣтъ подалъ прошеніе въ министерство объ удаленіи Фишера съ кафедръ. Министерство отнеслось къ сенату университета, сенатъ къ факультету, который единогласно объявилъ обвиненія, взведенныя на Фишера, ложными. Въ это время начинался извѣстный баденскій церковный споръ, и правительство, рѣшившееся настоять на своихъ правахъ въ этомъ дѣлѣ, было не прочь вознаградить ультрамонтановъ нѣкоторыми уступками. Эти уступки были удаленіе Фишера и процессъ противъ Гервинуса за *Введеніе въ исторію XIX столѣтія*.

Эта мѣра возбудила въ Германіи всеобщее негодованіе. Оно еще возрасло, когда Шенкель вздумалъ защищать ее въ *Дармштатскомъ церковномъ листкѣ* и изложилъ печатно свои обвиненія противъ Фишера. Не стану входить въ подробности полемики, возникшей по этому поводу между Фишеромъ и Шенкелемъ. Обвиненія послѣдняго, основанныя на фразахъ и выраженіяхъ, вырванныхъ изъ сочиненій Фишера и перетолкованныхъ безъ малѣйшаго соображенія ихъ связи съ цѣлымъ, отличаются только безсовѣстностію, и опроверженіе ихъ было слишкомъ легко.

По удаленіи съ кафедръ, Фишеръ посвятилъ себя литературной дѣятельности. Еще въ 1852 году вышла его «Логика и Метафизика» руководство для его слушателей. Въ томъ же году онъ издалъ пер-

вую половину перваго тома «Исторіи новѣйшей философіи». Въ 1854 году вышла вторая половина перваго тома, съ изложеніемъ системы Спинозы. Въ 1855 году послѣдовалъ второй томъ этого сочиненія, также подъ названіемъ «Лейбницъ и его школа». Третій томъ, надъ которымъ теперь работаетъ Фишеръ, будетъ содержать изложеніе Кантовской философіи. Необходимымъ дополненіемъ къ «Исторіи новѣйшей философіи» служить книга Фишера «о Бэконѣ и реальной философіи», вышедшая въ 1856 году.

Но эта усиленная литературная дѣятельность не могла вполне удовлетворить Фишера. Его мѣсто—онъ это чувствовалъ—было на кафедрѣ. Въ концѣ 1855 года онъ отправился въ Берлинъ, чтобы искать кафедры философіи. Факультетъ призналъ его достойнымъ; но Раумеръ, министръ духовныхъ дѣлъ, воспротивился его принятію въ число профессоровъ, ссылаясь на мнѣніе, краснорѣчиво написанное *ad hoc* Генгстенбергомъ, и на баденскія обвиненія. *Мнѣніе* знаменитаго редактора *Лютеранскаго церковнаго листка* — образецъ теологическаго пафоса и тонкой диалектики. Изъ этого интереснаго документа между прочимъ явствуетъ, что великій богословъ не читалъ ни единой книги Куно Фишера, а просмотрѣлъ кое-что изъ сочиненій тюбингенскаго профессора Густава Фишера. Этотъ пріятный скандалецъ нѣсколько дней былъ утѣшеніемъ всей либеральной прессы въ Германіи. Между тѣмъ, факультетъ протестовалъ противъ этого вмѣшательства, но безъ успѣха, и наконецъ обратился прямо къ королю. Король, кабинетнымъ приказомъ отъ 23 октября, повелѣлъ допустить Фишера къ чтенію лекцій въ Берлинскомъ университетѣ. Но прежде чѣмъ этотъ приказъ былъ сообщенъ факультету, Фишеръ принялъ кафедру, предложенную ему Іенскимъ университетомъ.

Въ началѣ декабря, началъ онъ въ Іенѣ лекціи о Кантовской философіи. Успѣхъ былъ громаднѣйшій, такой, какого не запомнятъ со времени Шиллера и Фихте. Самая большая аудиторія въ городѣ была слишкомъ мала для помѣщенія всѣхъ желавшихъ слушать его. Не только студенты, но и бѣольшая часть профессоровъ, не только молодежь, но и старики, давно оставившіе занятія философіею, тѣснились вокругъ его кафедры, и никто не замѣчалъ, когда краснорѣчивый учитель говорилъ два часа сряду вмѣсто одного. Какъ во времена Фихте, аудиторія не пустѣла по окончаніи лекціи. Всѣ умы были наэлектризованы, всѣ языки становились краснорѣчивы. Во всѣхъ углахъ составлялись группы, спорившія и разсуждавшія, пока фамулусъ не гасилъ лампы и не заставлялъ насъ разойтись. Но и тутъ споры не прекращались, и тихая площадь оглашалась при свѣтѣ луны длинными преніями о «*Transcendentaler Schein*» и о «*Ding an sich*».

Нынѣшнимъ лѣтомъ Фишеръ читаетъ логику и продолженіе Кан-

товской философии. Его мастерство въ изложеніи особенно обнаруживается въ лекціяхъ логики. Ясность и живость удивительны; строгая послѣдовательность въ голомъ логическомъ процессѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечное остроуміе и изобиліе пояснительныхъ указаній на исторію и искусство. Зимой, Фишеръ будетъ читать исторію философіи. Къ сожалѣнію, меня ужъ здѣсь не будетъ...

Еще нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Фишера.

Его первая книга, «Диотима», уже обнаруживаетъ сильный умъ и блестящій талантъ. Несмотря на изобиліе яркихъ картинъ и остроумныхъ отступленій, логическая связь цѣлаго не ускользаетъ ни на минуту отъ взора. Содержаніе ея — эстетика Гегеля, освобожденная по возможности отъ затруднительной терминологіи. Нельзя не сознаться, что «Диотима» имѣетъ характеръ юношескаго произведенія. Въ ней дано слишкомъ много мѣста украшеніямъ. Но съ другой стороны она отличается послѣдовательностію и тонкостію психологическаго анализа. На дняхъ явится второе изданіе, въ которомъ вѣроятно будутъ сглажены недостатки этого замѣчательнаго произведенія.

Въ высшей степени важны историческіе труды Фишера. Вполнѣ проникнутый необходимостію подвергнуть болѣе глубокому изученію развитіе новѣйшей философіи, онъ принялся за свою задачу съ жаромъ и настойчивостію истиннаго убѣжденія. Его книга о Спинозѣ безспорно лучшее, что до сихъ поръ написано о геніальнѣйшемъ изъ догматическихъ философовъ. Его книга о Лейбницѣ—самое замѣчательное явленіе въ философской литературѣ послѣднихъ годовъ. Ширина возрѣвнй Лейбница, его переходное положеніе между догматическою и критическою философіей, наконецъ беспорядочная роскошь матеріаловъ,—все затрудняетъ изученіе этого великаго мыслителя. Всѣ эти затрудненія устранены Фишеромъ. Съ замѣчательною ясностію опредѣляетъ онъ историческія условія, породившія философію Лейбница, съ рѣдкою логикой излагаетъ онъ связь его многосторонняго ученія, внутреннюю необходимость, связывающую монадологію и ученіе о причинности, теодицею и ученіе о темныхъ представленіяхъ. Книга заключается блестящимъ очеркомъ дальнѣйшаго хода философіи до Канта и вліянія лейбницевоу школы на германскую философію.

Книга о Бэконѣ отличается тѣми же достоинствами. Написанная, какъ вы можете себѣ представить, въ совершенно-другомъ смыслѣ, чѣмъ извѣстный *essay* Маколея, она имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что указываетъ на связь между философскимъ характеромъ и частною жизнію Бэкона, между тѣмъ какъ англійскій историкъ особенно напиратъ на непонятную двойственность въ личности своего героя. Несмотря на то, что Фишеръ приписываетъ основателю реальной школы далеко не то громадное значеніе, какое прида-

ють ему его соотечественники, его книга была благосклонно принята англійскою критикою и въ настоящее время переводится на англійскій языкъ.

Остается мнѣ еще сказать вамъ слова два о Дройзенѣ, о талантливомъ и оригинальномъ историкѣ, объ энергическомъ поборникѣ національнаго единства Германіи.

У Дройзена, какъ въ его лекціяхъ, такъ и въ его литературной дѣятельности, всего поразительнѣе постоянное присутствіе его главной, любимой мысли. Современные интересы и стремленія преслѣдуютъ его вездѣ, занимаютъ его даже тамъ, гдѣ повидимому онъ болѣе всего отъ нихъ удаленъ. Такъ въ его мастерскомъ переводѣ Аристофана, онъ съ неизмовѣрною смѣлостью внесъ въ греческую комедію намеки на современность, поражающіе своею остроумною мѣткостью. Въ замѣчаніяхъ, онъ рядомъ блестящихъ сравненій съ общественными движеніями нашего времени проливаетъ яркій (1) свѣтъ на запутанности аѣинскаго общества временъ Аристофана. Когда, въ своей исторіи Александра Великаго, онъ обливаетъ безпощадною желчью стремленіе эллинскихъ республикъ къ самостоятельности, и съ увлеченіемъ выставляетъ «святую необходимость» соединенія подъ македонскимъ владычествомъ, то сквозь это страстное изложеніе проглядываетъ негодованіе Дройзена на безсвязность и разорванность Германіи, его надежды на Пруссію и вѣра въ ея значеніе для цѣлости отечества. Гораздо умѣстнѣе является это направленіе мысли въ его книгѣ о войнахъ освобожденія, и въ біографіи графа Йорка. Тутъ идея національнаго единства и независимости Германіи выступаетъ съ такимъ жаромъ, съ такою увлекательною энергіей, что эти книги не могли не отозваться глубоко въ умѣ его соотечественниковъ. Наконецъ, теперь Дройзенъ приступилъ къ громадному труду, который конечно будетъ самымъ полнымъ выраженіемъ его политическихъ симпатій и его блестящаго таланта. Это—*Исторія прусской политики*. Первый томъ вышелъ. Въ немъ разсматриваются судьбы Гогенцоллернскаго дома, и племень, составляющихъ зерно Прусской монархіи, до XV столѣтія. Дройзенъ указываетъ въ отдаленныхъ зачаткахъ Прусскаго государства на зародыши тѣхъ началъ, которымъ оно обязано своимъ быстрымъ развитіемъ въ прошломъ столѣтіи, и которыя служатъ залогомъ ея будущности.

Въ прошломъ семестрѣ Дройзенъ читалъ исторію XVIII столѣтія, въ нынѣшнемъ — исторію XIX. Изъ предыдущаго вы можете заключить, каковъ главный недостатокъ лекцій Дройзена. Онъ не способенъ воссоздать въ объективной ясности, передъ своими

(1) Но совершенно невѣрный. *Ред.*

слушателями, историческую эпоху и ея дѣятелей. Онъ не разказываетъ, но проповѣдуетъ, и историческое развитіе является какъ бы поясненіемъ его ученія, а не главнымъ его предметомъ. Но зато, благородная энергія его рѣчи возбуждаетъ даже самыхъ апатическихъ. Его громадная эрудиція, его языкъ, сжатый и пластическій, придаютъ поразительный блескъ его замѣткамъ, его характеристикамъ. Теплоота и серіозность, съ которою онъ разбираетъ вопросы политической нравственности, вопросы объ отношеніяхъ національности къ свободѣ, дѣйствуютъ хорошо и на тѣхъ, которые никакъ не могутъ согласиться съ его воззрѣніями. Дройзенъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей на учебномъ поприщѣ, которые не даютъ уснуть умственной дѣятельности въ кругу своихъ слушателей, и питаютъ священный огонь нравственнаго энтузіазма. Все его ученіе дышитъ строгими идеями жертвы, самозабвенія, подчиненія личности общимъ интересамъ.

Но я замѣчаю, что мое письмо принимаетъ неприличные размѣры. Заканчаю его здѣсь, и поговорю съ вами въ другой разъ о педагогическомъ институтѣ *Столя*, заведеніи замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, и о художественной жизни въ Веймарѣ.

С. Рачинскій.

ГЕОРГЪ СТЕФЕНСОНЪ.

Недавно издано въ Лондонѣ жизнеописаніе Стефенсона, изобрѣтателя паровоза и строителя первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи. Этотъ очеркъ біографіи великаго инженера, измѣнившего своими открытіями порядокъ общественныхъ и международныхъ сношеній въ образованномъ мірѣ и указавшаго вѣрнѣйшее средство къ быстрому распространенію просвѣщенія въ странахъ еще дикихъ или коснѣющихъ въ нескончаемой агоніи отжившей цивилизаціи, особенно замѣчателенъ по изложенію тѣхъ невѣроятныхъ почти въ настоящее время препятствій, которыя противопоставляли успѣхамъ въ осуществленію обширныхъ замысловъ скромнаго труженика не только общество, но даже спеціальные ученые. Не выдавъ еще сочиненія Самуила Смайльса, спѣшимъ познакомить нашихъ читателей съ его любопытною книгою по извлеченіямъ англійской газеты «*Athenaeum*».

Георгъ Стефенсонъ родился 9-го іюня 1781 года, какъ видно изъ отиѣтки, записанной въ семейной библіи. Отецъ его былъ работникомъ при старой машинѣ для выкачиванія воды въ вайламскихъ угольныхъ копяхъ, близъ Ньюкастля. Въ семьѣ изъ шести дѣтей, въ числѣ

которыхъ было двѣ дочери, Георгъ явился на свѣтъ вторымъ. Родители его принадлежали къ сословію старинныхъ и уважаемыхъ работниковъ. Отецъ не поднимался выше скромнаго званія поденщика, любилъ природу и владѣлъ большимъ запасомъ прекрасныхъ разказовъ, которыми собиралъ вокругъ себя множество дѣтей всякаго возраста. Мать была добрая, трудолюбивая женщина. Первые обязанности Георга заключались въ бѣготнѣ по деревнѣ для исполненія разныхъ порученій, въ нянчаньи младшихъ братьевъ и сестеръ и въ надзираніи, чтобы они не попали подъ телѣги, нагруженныя углемъ, которыя возили на лошадахъ, по деревяннымъ рельсамъ, мимо ихъ домика. На девятомъ году сосѣдъ поручилъ ему присмотрѣть за своими коровами, съ щедрою платою по два пенса въ день. Такимъ образомъ съ ранней поры ребенокъ испытывалъ удовольствіе зарабатывать свой хлѣбъ. Плодъ труда всегда пріятенъ; дѣроги и пастуху заслуженные имъ два пенса.

Присматривая за коровами, Георгъ вылѣплялъ изъ глины модели машинъ и питалъ въ своемъ молодомъ сердцѣ скромное честолюбіе занять со временемъ отцовское мѣсто въ какой-нибудь угольной копи. Но такого вождельннаго положенія онъ достигъ не скоро. Сперва онъ помолъ морковь за четыре пенса въ день, потомъ очищаль уголь отъ камней и накіпелъ за шесть пенсовъ въ день, и только на четырнадцомъ году поступилъ въ Доулеѣ помощникомъ къ своему честному, старому отцу, съ платою по шиллингу въ день. Въ эту пору всѣ маленькія дѣти что-нибудь зарабатывали, и семейный доходъ возвысился до двухъ фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю, правда въ такое время, когда кварталъ пшеницы стоилъ отъ 75 до 130 шиллинговъ. Впрочемъ, Георга кормили хорошо; онъ выросъ сильнымъ мальчикомъ и поднималъ большія тяжести. Потребности его были ограниченны; добившись мѣста позначительнѣе, съ двѣнадцатію шиллингами жалованья въ недѣлю, онъ въ радости воскликнулъ: теперь я сталъ человѣкомъ на всю жизнь! Нѣсколько лѣтъ спустя, когда у него накопилась первая гиней, онъ посмотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ и назвалъ себя богачомъ. Такъ сложился характеръ нашего героя.

Георгъ не умѣлъ читать, но подражалъ всему. Онъ любилъ машину, къ которой былъ приставленъ, какъ магаратскій пушкаръ любить свою пушку. Содержать ее въ блестящей чистотѣ и видѣть ее работающею въ полномъ ходу было для него истиннымъ наслажденіемъ. Онъ скоро обогналъ отца, и старикъ гордился этимъ, какъ дьячокъ, котораго сынъ сталъ священникомъ. Умъ Георга былъ постоянно занятъ хашинами. Когда настала потребность въ книжномъ ученіи, онъ началъ посѣщать вечернюю школу, гдѣ научился читать, писать, ариметикѣ, и не только обогналъ старшій классъ, но скоро исчерпалъ познанія своего наставника. Предаваясь ученію, онъ не

покидалъ увеселеній своего пола, но забавлялся, какъ и учился—отъ всего сердца; онъ мало пилъ, много читалъ, мыслилъ еще болѣе и здорово бился съ работниками на кулачкахъ, хотя и былъ самымъ смиреннымъ малымъ. Наконецъ, добившись новаго повышенія, съ жалованіемъ около фунта въ недѣлю, и чувствуя, что голова можетъ служить ему запаснымъ банкомъ, Георгъ поступилъ какъ слѣдовало, влюбившись въ кроткую, скромную, чувствительную и хорошенькую Фанни Гендерсонъ. Онъ подшивалъ подошвы къ ея башмакамъ. Не улыбайтесь, читатель! нашъ работникъ выучился въ минуты досуга этому легкому мастерству и обратилъ его въ статью дохода. Не думайте однако, чтобы подметки подшивались даромъ къ башмакамъ милой Фанни, нѣтъ! честный работникъ быть-можетъ прижималъ ихъ къ груди, пожалуй и цѣловалъ ихъ, но не забывалъ своего маленькаго счета. Дѣло кончилось свадьбой. Георгъ перешелъ между тѣмъ въ Уиллингтонъ-Кэй, обзавелся домишкомъ, обвинчался съ Фанни въ ньюбернской церкви въ 1802 году, и гордо поѣхалъ домой за 15 миль верхомъ, съ молодою мистриссъ Стефенсонъ за спиною. Имъ напутствовало небесное благословеніе.

Въ убогой, но счастливой хижинѣ зажили хлопотливая мать, занятый отецъ и малютка сынокъ, котораго улыбка сіяла солнцемъ для молодой четы. Случались и бѣды: домикъ ихъ загорѣлся и потерпѣлъ отъ воды, копоти и дыма еще болѣе, чѣмъ отъ огня. Георгъ осмотрѣлъ свой разоренный уголокъ и принялся за исправленіе, начавъ, какъ было ему свойственно, съ починки недѣльныхъ часовъ. Сажа залѣпила колеса, и Стефенсонъ не зналъ покоя, куда часы не пошли прежнимъ порядкомъ. Эта починка была сдѣлана такъ исправно, что въ послѣдствіи онъ прослылъ въ околоткѣ лучшимъ часовымъ лѣкаремъ и получилъ большую практику. Въ 1804 году, онъ перебрался въ Вестъ-Муръ, въ Киллингвортъ, въ семи миляхъ къ сѣверу отъ Ньюкастля. Здѣсь хозяева узнали его достоинства, какъ практическаго работника и изобрѣтателя, здѣсь положено широкое основаніе его обширной извѣстности, и здѣсь начинается новый періодъ его загороднаго поприща.

Но горе пришло прежде извѣстности. Стефенсонъ лишился своей жены, и смерть ея, лишивъ его домашнихъ радостей, наполнила печалію его душу. Онъ покинулъ на время Киллингвортъ, отправился пѣшкомъ въ Шотландію, искать работы и съ разбитымъ сердцемъ возвратился къ своему мальчику. Онъ нашелъ отца слѣпымъ и безпомощнымъ. Георгъ взялъ старика къ себѣ въ свой бѣдный домикъ; для поддержки своихъ родителей и воспитанія своего осиротѣлаго ребенка, онъ, послѣ дневныхъ трудовъ, проводилъ еще за работой часть ночей, чинилъ часы, шилъ башмаки и кроилъ платья, которыя жены углекоповъ шили своимъ мужьямъ. До сихъ поръ покрой Георга Стефенсона не вышелъ еще изъ моды въ киллингвортскомъ

округъ. Эта пора была для него самая тяжелая. Ему пришлось купить за себя подставнаго въ милицію, въ которую онъ долженъ былъ поступить по жребію, а въ тогдашнее военное время подставные люди стоили очень дорого. Но сердце его не теряло бодрости, настойчивость была въ его правилахъ, и при своемъ терпѣніи онъ достигъ наконецъ щедраго вознагражденія и полнаго торжества. Въ угольной шахтѣ, въ которой онъ работалъ, скоро перетирались веревки: Стефенсонъ придумалъ средство къ ихъ сбереженію. Когда машины портились и теряли свою силу, онъ указывалъ способы къ ихъ предохраненію и исправленію; беспомощные машинисты надъ нимъ подсмѣивались, но были вынуждены обращаться къ его помощи. За одну весьма важную услугу, оказанную имъ при починкѣ машины, которая была признана уже совершенно негодною, онъ былъ награжденъ десятью гинеями, повышеніемъ съ прибавкою жалованья и обѣщаніемъ будущихъ выгодъ. Однажды машинисты были выгнаны изъ угольной шахты водою; Стефенсонъ похвалился передъ ними, что поставитъ штуку, величиною въ горшокъ, которая очиститъ шахту, и сдержалъ слово. Его прозвали за то колдуномъ; такая молва казалась основательною; домикъ его былъ заваленъ моделями, планами, рисунками и чертежами; обращая на все вниманіе, онъ въ цѣломъ околоткѣ устроилъ самокачающіяся люльки. Къ тому же у Стефенсона накопилось сто гиней: можно ли было не прослыть колдуномъ? Своею неутомимою настойчивостію онъ сняскалъ себѣ мѣсто строителя машинъ при килингвортской угольной копи, съ жалованіемъ по 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Сдѣланныя имъ усовершенствованія и открытія уже поставили его тогда на дорогу къ совершенію переворота въ сообщеніяхъ образованнаго міра. Его собственные надежды едва ли простирались такъ далеко, но обширнымъ умомъ своимъ онъ уже предусматривалъ великіе результаты и предсказывалъ ихъ осуществленіе. Разумные люди слушали внимательно его слова, удивлялись и были расположены вѣрить; практическіе люди покачивали головою и сомнѣвались; самоувѣренные господа обвиняли его въ предубѣжденіи и считали его сумашедшимъ.

Было время, въ управленіе кардинала Ришелье, когда веселые Французы, любители всякихъ зрѣлищъ, ѣздили въ домъ умалишенныхъ посмотрѣть на Соломона де-Коса (Caus), котораго заперли туда за то, что онъ до смерти надоѣлъ семейству, друзьямъ и правительству, убѣждая всѣхъ въ возможности плавать на корабляхъ и ѣздить въ экипажахъ при помощи пара кипячей воды. Надзиратели и посѣтители надрывались отъ смѣха, выслушивая увѣренія бѣднаго Соломона. Полтора года спустя, локомотивы были еще неизвѣстны, хотя Уаттъ, пользуясь мыслями многихъ знаменитыхъ предшественниковъ, уже научилъ извлекать практическую пользу изъ пара кипячей воды. Много оставалось сдѣлать усовершенствованій въ корот-

камень, первоначальныхъ чугункахъ, по которымъ возили на лошадяхъ каменный уголь, прежде нежели Отрамъ началъ, въ 1800 году, власть подъ концы и мѣста соединенія рельсовъ каменные подушки мѣсто деревянныхъ. Отрамовскія дороги вошли почти во всеобщее употребленіе, и хотя все еще возили вагоны лошадьми, но были люди, которые уже начинали помышлять о возможности перевозить пассажировъ и товары силою пара. Много было сдѣлано попытокъ, и столько же оказалось поучительныхъ неудачъ. Стефенсонъ первый совершилъ великій подвигъ, сдѣлавъ для локомотива то, что было сдѣлано Джемсомъ Уаттомъ для паровой машины. Въ 1813 году лордъ Равенсвортъ снабдилъ его деньгами на построеніе перваго паровоза. Публика назвала лорда глупцомъ, а Стефенсонъ устроилъ машину и далъ ей имя «Лордъ».

Машина везла восемьдесятъ тоннъ, по четыре мили въ часъ, и обходилась почти также дорого какъ сила лошадей. Что выиграли? ничего, говорили умники. Дѣло сдѣлано, отвѣчалъ Стефенсонъ, который, замѣтивъ чего недоставало, придумалъ средство исправить машину, удвоилъ ея скорость и сразу сдѣлалъ возможными всѣ послѣдующія улучшения. Это происходило въ 1815 году, и начатыя такими образомъ переворотъ едва ли не важнѣе чѣмъ послѣдствія современныхъ ему побѣдъ. Этотъ годъ принесъ двойное торжество Стефенсону, ибо въ продолженіи его онъ изобрѣлъ еще предохранительную лампу для рудокоповъ. Онъ нѣсколько предупредилъ сэръ-Гомфри Деви, хотя лампа баронета и была признана немного удобнѣе, нежели изобрѣтеніе какого-то машиниста, по имени Стефенсона. Споръ о лампахъ конченъ; за механикомъ и ученымъ остались права, принадлежащія каждому изъ нихъ, но до сихъ поръ въ Килингвортѣ рабочіе предпочитаютъ лампу своего собрата лампъ Деви. Надобно замѣтить, говоритъ авторъ біографіи, что при тѣхъ обстоятельствахъ, когда отъ сильной воспламеняемости газовъ, металлическая сѣтка въ лампѣ Деви раскаляется до красна, лампа Стефенсона потухаетъ сама собою, и потому нельзя не отдать рѣшительнаго предпочтенія послѣдней.

Когда Стефенсонъ говорилъ о возможности придать паровозамъ на желѣзныхъ дорогахъ большую скорость, если не при немъ, то послѣ его смерти, а все это осуществилось при его жизни, тогда ему возражали, что тренія желѣза о желѣзо недостаточно, и что шероховатость поверхностей необходима для сцѣпленія. Обдумывая подобныя замѣчанія, онъ углублялся въ себя, совѣтовался съ сыномъ, дѣлалъ солнечные часы и разныя ученые игрушки и женился на Елизаветѣ Гейндмаршъ, дочери фермера. Сына своего онъ отправилъ въ Эдинбургскій университетъ; черезъ полгода молодой человекъ возвратился домой, награжденный преміей за математику. Стефенсонъ трудился

неутомимо, настойчиво развивалъ свои давнишнія мысли, уловляя истину и приложилъ ее къ дѣлу.

Сильная нужда, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, приводитъ къ желанной и великой цѣли. Манчестеръ постоянно требовалъ ливерпульской бумаги; но каналы, дороги и всѣ средства перевозки между обоими городами были недостаточны для удовлетворенія запроса. Бумага, назначенная для Манчестера, оставалась въ Ливерпулѣ долге, чѣмъ требовалось на переправу черезъ Атлантическій океанъ. Фабриканты были въ отчаяніи; недовольные работники, оставаясь въ вынужденной праздности, терпѣли лишения. Чугунка могла пособить горю. Обратились за совѣтомъ къ Стефенсону, котораго имя и киллингвортская машина снискали уже такую извѣстность, что нельзя было не прибѣгнуть къ его помощи въ новомъ предпріятіи этого рода. Что за тяжелыя времена были тогда для топографовъ, назначавшихъ направление рельсовъ, какъ поносили ихъ дорожные надзиратели, какъ проклинали ихъ аристократическіе владѣльцы каналовъ, какъ смѣялись надъ ними землевладѣльцы, какъ бранили ихъ поселяне, какъ женщины и даже дѣти преслѣдовали ихъ ругательствами и бросали въ нихъ чѣмъ ни попаало! Прислужникамъ толпа наносила всевозможныя оскорбленія и угощала ихъ толчками; землемѣру, который шелъ съ цѣпью, грозили, что бросать его въ колодезь; колья и ружья были направлены противъ несчастнаго, который наблюдалъ таинственнымъ, страшнымъ и ненавистнымъ теодолитомъ, и когда можно было захватить его врасплохъ, при перелѣзаніи черезъ изгородь или околицу, то свирѣпыя крестьяне подсаживали его вилами.

Акціонеры не могли побѣдить такой грозной оппозиціи, и построеніе желѣзной дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ было на время отложено. Между тѣмъ нѣкто Пизъ, увидавъ въ дѣйстви Стефенсонову киллингвортскую машину, не только назначилъ его инженеромъ на Квakerской линіи Стоктонъ-Дарлингтонской желѣзной дороги, съ жалованьемъ по 300 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, но и вошелъ съ нимъ въ товарищество для учрежденія локомотивнаго завода въ Ньюкастлѣ. Такимъ образомъ работникъ сдѣлался наконецъ хозяиномъ; онъ былъ строгимъ, но добрымъ хозяиномъ, уважалъ въ работникѣ человека, а послѣдній чтилъ въ немъ своего руководителя.

Линія была открыта въ 1825 году. Первый поѣздъ отправился съ углемъ, мукою и 250 пассажирами. Всѣхъ вагоновъ было тридцать восемь. Стефенсонъ правилъ машиною, и мѣстные журналисты запыхались болѣе паровоза, описывая его удивительную скорость, по десяти миль въ часъ. Графъ Друмъ, носившій тогда имя мистера Ламбтона, упорно защищалъ свои личныя выгоды и принудилъ включить въ уставъ этой линіи условіе, которымъ акціонеры обязывались перевозить весь уголь для нарузки на суда въ Стоктонъ по полупенни съ тонны, за десять миль. Такая низкая цѣна была положена съ цѣлю покрови-

тельствовать собственному углю, доставлявшемуся на судахъ изъ Сандерланда. Онъ рассчитывалъ, и акціонеры понимали, что безъ большихъ убытковъ, если не совершеннаго разоренія, нельзя возить уголь за столь ничтожную плату. Но приверженецъ свободной торговли, обратившійся въ протекціониста изъ личныхъ выгодъ, былъ очень недогадивъ, и акціонеры скоро не безъ удовольствія усмотрѣли неосновательность своихъ опасеній. Они принимали въ соображеніе перевозку умѣреннаго количества угля, но въ послѣдствіи, когда пришлось доставлять ежегодно полмилліона тоннъ, они съ радостію неожиданно убѣдились, что низкія цѣны имѣли вліяніе, прямо противоположное видамъ мистера Ламбтона.

Выгоды отъ перевозки пассажировъ также превзошли ожиданія. Въ началѣ предпріятія вовсе не обращали на нихъ вниманія, и рѣшились обзавестись пассажирскимъ вагономъ лишь при окончаніи дороги. На аукціонѣ купили старый дилижансъ, называвшійся «Королевой Шарлоттой», и поставили его на деревянный станокъ. При открытіи стоктонъ-дарлингтонской чугушки и нѣсколько времени спустя, это былъ единственный экипажъ, назначенный для путешественниковъ. Число прѣзжихъ между обоими городами было дѣйствительно весьма ограничено, притомъ сомнѣвались, захотятъ ли они довѣрить себя желѣзной дорогѣ. Стефенсонъ однако настаивалъ, что опытъ надъ дилижансомъ заслуживаетъ испытанія; вслѣдствіе чего его купили и привели въ порядокъ. Понадобилось переимѣнить дилижансу имя; когда спросили Стефенсона, какъ назвать его, онъ отвѣчалъ: *Опытомъ*. «Королеву Шарлотту» нарекли «Опытомъ», и на дверцахъ ея изобразили гербъ компаніи съ девизомъ: *Peciculum privatum, utilitas publica*.

Вслѣдствіе этого предпріятія возникъ городъ Майддльборо на Тисѣ. Еще недавно, въ 1825 году, на мѣстѣ будущей столицы Кле-веланда съ 20,000 жителей стояла всего одна ферма.

Теперь заговорили снова о проектѣ желѣзной дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ. Предпріятіе очень не нравилось владѣльцамъ канала, изъ коихъ нѣкоторые получали въ продолженіе полу-столѣтія доходъ, равный всему первоначальному вкладу. Стефенсонъ руководилъ землебрами, назначавшими направленіе линіи. Лорды и джентльмены, жившіе въ своихъ помѣстьяхъ, называли его самого и помощниковъ его плутами и пройдохами. Pamфлеты и самыя грозныя предсказанія сыпались отовсюду. Грозили всевозможными бѣдствіями, отъ повсемѣстнаго пожара до отказа со стороны кѣрвъ несть лица. Корыстные предсказатели старались утѣшить себя убѣжденіемъ въ невозможности дѣла. Въ послѣдствіи, когда ежедневный опытъ доказывалъ удобоисполнимость проекта, надменные владѣльцы канала понизили голосъ и начали предлагать манчестерскимъ и ливерпульскимъ купцамъ большую уступку въ сплавѣ водою, но было уже поздно. Несмотря на страшныя затрудненія, чугушку построили. «Поздравляемъ

съ успѣхомъ, сказалъ при этомъ случаѣ *Quarterly Review*, подобная дорога дѣйствительно необходима, но мысль о введеніи желѣзныхъ дорогъ въ общее употребленіе мы признаемъ совершенно неудобно-исполнимою... Грубое преувеличиваніе силы локомотива можетъ на время вовлечь въ заблужденіе, но неминуемо кончится прискорбнымъ разочарованіемъ.» Стефенсонъ думалъ иначе.

«Можно ли представить себѣ, продолжалъ журналъ, что-либо забавнѣе и нелѣпѣе поставляемаго на видъ предположенія ѣздить въ паровозахъ вдвое быстрѣе, чѣмъ въ лирижансахъ? Съ равною вѣроятностію можно допустить, что жители Вулича согласятся летать на конгревовскихъ ракетахъ, какъ и доверитъ себя машинѣ, которая мчитъ съ такою быстротою. Что касается насъ, мы поѣдемъ на старыхъ извозчикахъ, и ни за какія деньги не отправимся по желѣзной дорогѣ. Надѣмся, что парламентъ, на всѣхъ разрѣшаемыхъ имъ линіяхъ, ограничитъ скорость восемью или девятью милями въ часъ, болѣе чего, мы совершенно согласны въ томъ съ г. Сильвестромъ, нельзя безъ опасности допустить.»

Большинство практиковъ и ученыхъ королевства раздѣляло подобныя мнѣнія. Георгъ Стефенсонъ добродушно улыбался и доказывалъ на дѣлѣ ихъ неосновательность. Самый парламентскій комитетъ, разсматривавшій его предположенія, смѣялся надъ нимъ, какъ надъ гунатикомъ, когда онъ скромно утверждалъ, что локомотивъ можетъ везти по двѣнадцати миль въ часъ. Ученый міръ торжественно покачивалъ головою; даже кроткое духовенство обуяли предразсудки, и оно, поднявъ взоры къ небу, казалось, молило о прощеніи богохульства самонадѣянному механику. Одинъ изъ наиболѣе враждебныхъ членовъ комитета предложилъ слѣдующій вопросъ: что, если въ то время, какъ поѣздъ мчится съ скоростью девяти или десяти миль въ часъ, какая-нибудь бродячая по дорогѣ корова будетъ настигнута локомотивомъ? не составитъ ли это, по вашему мнѣнію, крайне неблагоприятное обстоятельство? — И очень, отвѣчалъ, подмигивая, Стефенсонъ, — для коровы.

Когда Стефенсонъ сталъ поговаривать о возможности преодолѣть затрудненія, представляемая Чать-Мосскими топями, въ совѣтѣ всѣ возстали и признали его невѣжество неимовернымъ: такъ мало понимали его познанія. Посыпалось множество насмѣшекъ; инженеръ Френсисъ Джильсъ утверждалъ, что ни одинъ сколько-нибудь здравомысленный собратъ его не сталъ бы пролагать дороги изъ Ливерпуля въ Манчестеръ черезъ Чать-Москъ. «Всѣ вагоны, говорилъ Джильсъ, провалятся на дно, и необходимо снять все болото до основанія, чтобъ сдѣлать крѣпкую дорогу.» Другіе инженеры видѣли въ Стефенсонѣ невѣжественнаго выскочку, и называли его планы дикими до крайности; ученый совѣтникъ Алдерсонъ даже объявилъ его проектъ самую сумасбродною мыслию, когда-либо возникавшею въ го-

ловъ чловѣка. «Утверждаю, говорилъ Алдерсонъ, что у него никогда не было плана, и не вѣрю, чтобъ онъ былъ въ состояннн обдумать нѣчто подобное.» Не одну такую борьбу пришлось Стефенсону вынести на своихъ плечахъ; но ни оскорбленія, ни насмѣшки, ни ласкательства не могли поколебать его. „Доволеніе парламента было наконецъ выхлопотано.

Инженеры насмѣшливо пожелали выскочкѣ успѣха въ невозможномъ предпріятнн. О торжество! Стефенсонъ превозмогъ страшныя затрудненія и совершилъ подвигъ; на придирчивыя возраженія послѣ каждой неудачи онъ спокойно отвѣчалъ: «будемъ настойчивы до конца»; и теперь Чатъ-мосская линія составляетъ лучшую часть Ливерпуль-манчестерской дороги. Она стоила 28,000 фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ какъ инженеръ Джильсъ утверждалъ, что постройка ея обойдется не менѣе 270,000 фунтовъ. Чтѣ же выиграетъ онъ ѣздой по такой дорогѣ? спрашивалъ общій голосъ. Конечно, не по двѣнадцати же миль въ часъ онъ станетъ возить по ней, говорилъ одинъ; невозможно, кричалъ другой, пусть попытаетъ! Невозможно! невозможно! вопили кругомъ. Въ заключеніе всѣхъ подобныхъ толковъ, Стефенсонъ, какъ извѣстно, пустилъ по этой линіи паровозъ «Ракету», со скоростью 36 миль въ часъ! Тогда самыя упорныя скептики постигли наконецъ чрезвычайную важность переворота, готовая совершиться; и между тѣмъ какъ одни предвѣщали быстрое распространеніе образованности, другіе начали перелистывать Библию, отыскивая въ ней предзнаменованія кончины міра.

Кто изъ живыхъ забылъ славу и горе открытія 15-го сентября 1830 года? Торжество выскочки было полное. Бѣдственный случай, постигшій Гаскиссона, не повредилъ успѣху. Паровозъ умчалъ израненное тѣло несчастнаго джентльмена на 15 миль въ 25 минутъ, то-есть съ скоростью 36 миль въ часъ. Эта невѣроятная быстрота произвела на общество дѣйствіе новаго и неожиданнаго явленія. Зажѣтимъ одно изъ послѣдствій: лорды Дерби и Сефтонъ, удалившіе своимъ сопротивленіемъ линію отъ своихъ владѣній и принудившіе Стефенсона проложить ее чрезъ худшія мѣста Чатъ-Мосса, явились потомъ покровителями построенія новой чугулки между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, для соперничества съ первою, на томъ условнн, чтобы она пересѣкала ихъ помѣстья. Такимъ образомъ, конечно невольно, они платили дань генію непризнаннаго чловѣка, совершившаго великое дѣло своей жизни и приступавшаго къ еще большому и въ высшей степени благодѣтельному подвигу, который имѣлъ цѣлю сблизить концы земли между собою. Несмотря на всѣ заслуги, господа инженеры еще долго не признавали Стефенсона своимъ собратомъ, какъ чловѣка, не получившаго спеціального образованія. Даже машинисты видѣли въ немъ пришлеца и подтрунивали надъ нимъ въ своихъ лавкахъ. Докторъ Ларднеръ, такъ удовлетворительно

доказавшій невозможность атлантическаго пароходства, въ то самое время какъ оно состоялось, провозгласилъ, что въ коробчатомъ тоннелѣ, предполагаемомъ на большой западной дорогѣ, при перевозкѣ груза въ сто тоннъ должно отдѣляться 3,090 фунтовъ вредныхъ газовъ, неспособныхъ поддерживать дыханіе. Тотъ же ученый защищалъ въ 1824 году проектъ Валланса, въ которомъ рѣшено было провозить пассажировъ сквозь трубу, довольно широкую для помѣщенія ряда вагоновъ, выкачавъ изъ нея предварительно атмосферическій воздухъ? Полковникъ Сибторпъ проклиналъ Стефенсона и всѣхъ его собратій, присовокупляя, что, по его мнѣнію, разбойники имѣютъ болѣе права на уваженіе. Какъ образецъ затрудненій, съ которыми было сопряжено проложеніе линій желѣзныхъ дорогъ, слѣдующіе случаи, встрѣтившіеся при опредѣленіи направленія чугулки между Лондономъ и Бирмингамомъ, принадлежатъ къ числу самыхъ забавныхъ.

Въ одномъ мѣстѣ землевладѣльцы и ихъ работники такъ бдительно караулили, что рѣшительно не допустили топографовъ сдѣлать съемку при дневномъ свѣтѣ, и вынудили ихъ произвести ее ночью, съ помощію потаенныхъ фонарей. Одинъ пасторъ обнаруживалъ свое сопротивление столь непріязненными выходками, что для съемки его земли принуждены были воспользоваться временемъ, когда онъ стоялъ на кафедрѣ. Собранные въ большомъ числѣ топографы приготовились начать свои работы, и выждавъ время ухода пастора въ церковь, вступили въ его дачу съ другаго конца; по заранѣ-условленному и хорошо обдуманному плану, каждый топографъ обошелъ свой участокъ, покуда пасторъ говорилъ проповѣдь; и прежде нежели онъ возвратился изъ церкви, дѣло было уже кончено, и грѣховодники удалились.

Робертъ Стефенсонъ, достойный сынъ достойнаго отца, прошелъ двадцать разъ по линіи между Лондономъ и Бирмингамомъ, прежде нежели остался доволенъ своею съемкою. Старый Стефенсонъ справедливо гордился такимъ сыномъ, который, еще будучи мальчикомъ, обнаруживалъ пылливость своего ума: при помощи летучаго змѣя онъ пускалъ электрическія искры въ заднія ноги отцовскаго клепера. Отецъ выбралъ его бѣдовымъ повѣсою, но проказа была ему по сердцу.

Съ открытія Ливерпуль-манчестерской чугулки до 1840 года, когда Стефенсонъ рѣшился удалиться отъ дѣлъ къ частной жизни, онъ принималъ участіе въ постройкѣ почти всѣхъ значительныхъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и сверхъ того содѣйствовалъ многимъ иностраннымъ предпріятіямъ этого рода. Въ продолженіе всего означеннаго времени ему часто приходилось вести упорную борьбу и всегда удавалось оставаться побѣдителемъ. Города тратили огромныя суммы, чтобы удалить отъ себя линіи рельсовъ, и потомъ издержки-

вамъ еще болѣе на проведеніе дорогъ къ своимъ воротамъ. Неразположеніе самыхъ жаркихъ противниковъ миновало не ранѣе 1842 года, когда королева начала пользоваться виндзорскою линіей. Но еще до этого времени, Стефенсона, котораго считали сумашедшимъ за скорость движенія поѣздовъ, начинали уже укорять въ медленности, потому что онъ полагалъ скорость свыше сорока или пятидесяти миль въ часъ несовѣстною съ безопасностію. Я могу построить машину, говорилъ онъ, которая пробѣжитъ и сто миль въ часъ, но на практикѣ она будетъ бесполезна. Ученики и помощники любили Стефенсона, и если онъ приходилъ иногда въ негодованіе, то вслѣдствіе нападокъ противниковъ, которые ставили свое специальное образованіе выше его познаній и опытности, и заслуживали скорѣе презрѣнія, нежели гнѣва.

Стефенсонъ покинулъ дѣла не надолго, и даже въ это короткое время онъ старался распространить перевозку каменнаго угля по желѣзнымъ дорогамъ и занимался другими полезными предметами. Бывшій нѣкогда работникомъ въ шахтахъ Ньюкастля, онъ, тридцать лѣтъ спустя, пріѣхалъ изъ этого города въ Лондонъ, на своемъ собственномъ паровозѣ, въ девять часовъ. Ливерпуль почтилъ себя, поставивъ ему статую. Городскія общества домогались чести считать его въ числѣ своихъ согражданъ. Иностранные короли и королевы запросто бесѣдовали съ нимъ, и слушали его разказы о геологическомъ образованіи ихъ владѣній.

Георгъ Стефенсонъ пренебрегалъ почести. Король Леопольдъ пожаловалъ его бельгійскимъ орденомъ, но кавалеръ ни разу не надѣлъ своего знака. Наконецъ и въ Англии предложили ему кавалерство, но онъ отказался. Кто-то, желая посвятить ему сочиненіе, спрашивалъ, какія заглавныя буквы слѣдуетъ писать передъ его именемъ, для означенія титула, по англійскому обычаю. «У моего имени нѣтъ приставокъ ни спереди, ни сзади, отвѣчалъ онъ, — напишите просто: Георгъ Стефенсону.»

Конецъ дней своихъ онъ прожилъ полезнымъ и дѣятельнымъ деревенскимъ джентльменомъ. Не оставаясь никогда въ праздности, онъ управлялъ своими угольными копями, добывалъ известь, велъ обширную переписку и употреблялъ довольно времени на переговоры съ многочисленными посѣтителями, просившими его совѣта или помощи. Его очень беспокоила маленькая непріятность: въ огородѣ огурцы выростали кривые; всѣ средства оказывались безуспѣшными, покуда онъ не сталъ вкладывать молодыя завязи въ стеклянные цилиндры, и заставилъ ихъ наконецъ расти совершенно прямыми. Такая удача очень тѣшила Стефенсона, который также очень обрадовался, когда ему удалось перещеголять герцога Девонширскаго своими апанасами. Онъ не чванился знакомствомъ съ большими

барамъ, но попавъ случайно въ нѣ общество, оказывался очень пріятнымъ собесѣдникомъ.

Будучи собственно инженеромъ, Стефенсонъ здраво судилъ о многихъ ученыхъ вопросахъ; пылливый умъ его часто помышлялъ о самыхъ трудныхъ предметахъ изслѣдованія и приводилъ его къ смѣлымъ и новымъ взглядамъ. Однажды, находясь въ 1845 году въ гостяхъ у сэръ-Роберта Пила, въ его Драйтонскомъ помѣстьи, Стефенсонъ принялъ участіе въ занимательной для него бесѣдѣ. Между нимъ и докторомъ Буккландомъ, завязался живой разговоръ по поводу любимой его теоріи образованія каменнаго угля, который кончился тѣмъ, что докторъ, гораздо болѣе ловкій на словахъ, принудилъ его къ молчанію. На другой день, Стефенсонъ, гуляя въ саду передъ завтракомъ, погружился въ свои мысли. Адвокатъ сэръ-Уильямъ Фоллетъ подошелъ къ нему, и спросилъ его, о чемъ онъ задумался.—Вспоминаю вчерашній споръ, сэръ-Уильямъ, отвѣчалъ Стефенсонъ,—знаю, что я правъ, и побѣдилъ бы доктора Буккланда, еслибъ могъ говорить также бойко. «Разкажите мнѣ все обстоятельно, и мы увидимъ, можно ли пособить вамъ», сказалъ сэръ-Уильямъ. Они сѣли подъ тѣнью дерева, и смѣливый законовѣдъ изучалъ въ подробности предметъ, слушая слова Стефенсона со всѣмъ вниманіемъ адвоката, готовящагося защищать самые близкіе къ сердцу интересы своего кліента. Усвоивъ себѣ дѣло, сэръ-Уильямъ всталъ, весело потирая руки, и сказалъ: теперь я съ нимъ справлюсь. Сэръ-Роберту Пилу сообщили заговоръ, и онъ послѣ обѣда ловко навелъ рѣчь на предметъ. Кончилось тѣмъ, что адвокатъ разбилъ ученаго, и сэръ-Уильямъ Фоллетъ во всѣхъ пунктахъ одержалъ верхъ надъ докторомъ Буккландомъ.—Что вы на это скажете, любезный Стефенсонъ? спросилъ улыбаясь сэръ-Робертъ Пиль. «Долженъ признаться, отвѣчалъ онъ,—что на землѣ и подъ землей нѣтъ силы выше языка.» Тамъ же, одна дама спросила за обѣдомъ, какая сила природы, по его мнѣнію, самая могущественная? «Этотъ вопросъ рѣшить не трудно, отвѣчалъ любезный старикъ,—глаза женщины для мужчины, который ее любитъ; если женщина взглянетъ съ любовію на молодого человѣка, и онъ уѣдетъ на край свѣта, то воспоминаніе этого взгляда притягиваетъ его назадъ: ни одна сила природы не въ состояніи произвести подобнаго дѣйствія.» Однажды, возвратившись въ воскресенье отъ обѣдни, Стефенсонъ стоялъ на террасѣ въ кружкѣ знакомыхъ, и увидѣлъ въ отдаленіи поѣздъ желѣзной дороги, оставившій за собою длинную полосу бѣлаго пара. «Вотъ вамъ задача, любезный Буккландъ,» сказалъ онъ при этомъ, «какая сила тащитъ поѣздъ?»—Разумѣется, одна изъ вашихъ могучихъ машинъ. «Положимъ такъ, но что гонитъ паровозъ?»—Закопченный ньюкастльскій кочегаръ. «Нѣтъ, это дѣйствіе солнечнаго свѣта.»—Какъ это возможно? возразилъ докторъ. «Да, не что-либо иное, какъ свѣтъ,» отвѣчалъ

Стеенсонъ, «свѣтъ, скрытый въ землѣ въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ, свѣтъ, поглощенный растеніями при жизни ихъ, и необходимый имъ для сгущенія углерода, теперь этотъ свѣтъ, погребенный столько времени подъ землею въ угольныхъ пластахъ, снова появляется, освобожденный на служеніе великимъ цѣлямъ человѣка.» Мысль поразительная и оригинальная, освѣщающая мгновеннымъ блескомъ цѣлую область науки.

Послѣ постепеннаго упадка силъ, Стеенсонъ изнемогалъ три года отъ перемежающейся лихорадки, которая и свела его во гробъ на шестьдесятъ седьмомъ году жизни. Къ чести его прибавимъ здѣсь, что бѣдному Роберту Грею, изъ Ньюкастля, служившему шаферомъ на его свадьбѣ съ возлюбленною первою женой, милою Фанни Гендерсонъ, онъ завѣщалъ пожизненную пенсію.

Д.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы заключили общую часть нашего послѣдняго обозрѣнія замѣчаніемъ, что спорный вопросъ о недѣйствительности молдавскихъ выборовъ, угрожавшій разрывомъ между Турціей съ одной стороны, Франціей, Россіей, Пруссіей и Сардиніей съ другой, можно считать порѣшеннымъ. Нѣсколько строкъ, напечатанныхъ во французскомъ «Монитерѣ» 26-го и 31-го августа, окончательно подтверждаютъ это. Турецкое правительство отправило молдавскому каймакану приказаніе объявить прежніе выборы недѣйствительными, приступить къ пересмотру и передѣлкѣ избирательныхъ списковъ въ смыслѣ, указанномъ извѣстною нашимъ читателямъ международною комиссіей въ Букарестѣ, и назначить новые выборы черезъ двѣ недѣли по окончаніи пересмотра избирательныхъ списковъ. Вслѣдствіе этой мѣры, одобренной правительствами англійскимъ и австрійскимъ, дипломатическія сношенія между четырьмя державами возобновились.

Несмотря на это соглашеніе между всеми державами, участвовавшими въ заключеніи парижскаго трактата, дальнѣйшее осуществленіе цѣлей послѣдняго соединено съ большими затрудненіями и препятствіями. Самыя усилія, которыхъ стоило это соглашеніе по частному вопросу о

молдавскихъ выборахъ, заставляютъ предполагать, что общій вопросъ о будущемъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ возбудитъ рѣзкое разногласіе между державами. Уступая необходимости предотвратить разрывъ между четырьмя державами и Портою, правительства австрійское и англійское спѣшили объявить, — первое черезъ посредство своихъ журналовъ, второе черезъ посредство лорда Пальмерстона въ нижней палатѣ, — что согласиться на возобновленіе молдавскихъ выборовъ отнюдь не значитъ одобрить соединеніе Дунайскихъ княжествъ. Мало того, Австрія находитъ выгоднымъ для себя затруднить исполненіе условій парижскаго трактата, касающихся свободного судоходства по Дунаю. Извѣстно, что на парижскомъ конгрессѣ рѣшено было назначить двѣ комиссіи по этому вопросу: одну, общеевропейскую, которой поручено назначить и привести въ исполненіе работы для очистки дунайскихъ гирль, изъ представителей Россіи, Австріи, Франціи, Англии, Пруссіи, Сардиніи и Турціи; другую, такъ сказать частную, изъ представителей при-дунайскихъ странъ (Австріи, Баваріи, Турціи, Виртемберга, Молдавіи, Валахіи и Сербіи), которая должна составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи, устранить всѣ препятствія, съ которыми еще сопряжено примѣненіе постановленій вѣнскаго трактата къ Дунаю, предположить и привести въ исполненіе нужныя, по всему теченію Дуная, работы и, по упраздненіи обще-европейской комиссіи, наблюдать за содержаніемъ дунайскихъ гирль въ надлежащей исправности. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Галаца, большинство членовъ европейской международной комиссіи, обсуживающей этотъ вопросъ, подадо голосъ въ пользу свободного судоходства для всѣхъ флаговъ; но австрійское правительство, повидимому, недовольно такимъ рѣшеніемъ и отказывается признать за комиссіей право на рѣшеніе такого вопроса, исключительно присвоивая это право комиссіи, которая въ силу парижскаго трактата должна быть составлена изъ уполномоченныхъ при-дунайскихъ государствъ и со временемъ замѣнить общую европейскую международную комиссію. Въ одномъ изъ засѣданій галацкой международной комиссіи, представители Австріи и Турціи потребовали созванія новой конференціи въ Парижѣ, объявляя, что правительства ихъ никогда не согласятся возвести на берегахъ Дуная сооруженія, необходимыя для торговли и судоходства, если имъ не будетъ предоставлено право пользоваться доходами съ судовъ и товаровъ. По этому поводу считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ главнѣйшія постановленія парижскаго трактата относительно судоходства по Дунаю. Эти постановленія выражены въ слѣдующей статьѣ трактата:

«Статья 15-я. Договаривающіяся стороны, со взаимнаго согласія, постановляютъ, что правила, опредѣленные актомъ вѣнскаго конгресса для судоходства по рѣкамъ, раздѣляющимъ разныя владѣнія

или протекающимъ черезъ оныя, будутъ впредь примѣняемы вполне къ Дунаю и устьямъ его. Онѣ объявляютъ, что сіе постановленіе отнынѣ признается принадлежащимъ къ общему народному европейскому праву и утверждается ихъ взаимнымъ ручательствомъ.

«Судоходство по Дунаѣ не будетъ подлежать никакимъ затрудненіямъ и пошлинамъ, кромѣ тѣхъ, которыя именно опредѣляются нижеслѣдующими статьями. Вслѣдствіе сего не будетъ взимаемо никакой платы собственно за самое судоходство по рѣкѣ и никакой пошлины съ товаровъ, составляющихъ грузъ судовъ. Правила полицейскія и карантинныя, нужныя для безопасности государствъ, прибрежныхъ сей рѣкѣ, должны быть составлены такимъ образомъ, чтобъ оныя сколько можно болѣе благоприятствовали движенію судовъ. Кромѣ сихъ правилъ, свободному судоходству не будетъ постановляемо никакого рода препятствій.»

Это общее постановленіе дополнено въ слѣдующей, 16-й статьѣ, требующей, чтобы для покрытія расходовъ на очистку дунайскихъ гирлъ и на заведенія, имѣющія цѣлю облегчить и обезпечить судоходство по Дунаю, были установлены постоянныя, соразмѣрныя съ расходами пошлины съ судовъ, по большинству голосовъ общеевропейской комиссіи, съ непремѣннымъ условіемъ, что въ этомъ отношеніи и во всѣхъ другихъ соблюдаемо будетъ совершенное равенство касательно флаговъ всѣхъ націй.

Въ 23-й статьѣ условлено, что Порта обязуется оставить въ Княжествахъ независимое и національное управленіе, полную свободу въроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Австрія какъ будто не согласна на полное примѣненіе этихъ постановленій парижскаго конгресса. Признавая Дунай своею рѣкой, она желаетъ сообщить вопросу о судоходствѣ по этой рѣкѣ характеръ менѣе общеевропейскій, болѣе домашній, и вотъ почему не нравится ей свобода торговли и судоходства, предоставленная Дунайскимъ княжествамъ. Впрочемъ вопросъ о томъ, можетъ ли такая свобода дѣйствительно содѣйствовать развитію матеріальнаго благосостоянія въ Княжествахъ, долженъ быть рѣшенъ самими жителями Молдавіи и Валахіи. Общественное мнѣніе въ этихъ Княжествахъ уже давно желаетъ, чтобы судоходство по Дунаю было доступно для всѣхъ флаговъ, и что при этомъ условіи экономической быть ихъ во многомъ измѣнится къ лучшему. Желая обмѣнивать свои земледѣльческіе продукты на произведенія другихъ европейскихъ народовъ, они увѣрены, что этотъ обмѣнъ усилитъ ихъ производительность, принесетъ имъ прогрессъ и науку. Кромѣ Молдавіи и Валахіи, другія при-дунайскія провинціи: Боснія, Сербія, Болгарія, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ свободного судоходства по Дунаю. Само собою разумѣется, что частыя сношенія съ другими народами ослабятъ вліяніе Австріи во всѣхъ этихъ провинціяхъ.

Четыре державы наиболѣе заинтересованы въ торговлѣ Молдавіи и Валахіи. Въ 1855 году, изъ Галаца вывезено товаровъ: въ Англію на 1,582,500 р.; во Францію — на 952,500 р.; въ Турцію — на 886,500 р.; въ Голландію — на 240,500 р.; въ другія государства вмѣстѣ — на 243,250 р. Изъ Браилова, въ 1854 году, вывезено товаровъ: въ Англію на 4,552,736 р., въ Австрію — на 1,094,595 р. и во Францію — на 914,671 р. Французскіе журналы приводятъ эти цифры, какъ доказательство въ пользу своего справедливаго мнѣнія о необходимости свободнаго судоходства по Дунаю, требуемаго парижскимъ трактатомъ. Торговля выгоды Австріи, говорятъ они, быть можетъ, нѣсколько потерпѣть отъ усиленія торговыхъ сношеній между западными государствами и Дунайскими княжествами; но и западныя державы и Княжества могутъ только выиграть отъ усиленнаго обмена, и не могутъ пожертвовать общимъ дѣломъ для эгоистическихъ, коммерческихъ и не-коммерческихъ, видовъ Австріи.

Въ настоящее время, когда затихъ вопросъ о молдавскихъ выборахъ и осборнскомъ соглашеніи, серіозное вниманіе возбуждено преніями голштинскаго сейма. Вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи, имѣетъ свое политическое значеніе. Уже десять лѣтъ заняты имъ государства сѣверной половины Европы; однажды онъ даже возбудилъ внутреннюю войну въ самихъ герцогствахъ, потомъ едва не привелъ къ разрыву между двумя великими державами Германіи съ одной стороны, и Даніею съ другой; наконецъ, теперь онъ продолжаетъ волновать умы какъ въ трехъ скандинавскихъ государствахъ, такъ и въ Германіи, и можетъ принять размѣры, опасные для сохраненія мира и международныхъ правъ, установленныхъ трактатами.

Извѣстно, что датское правительство, уступая соединеннымъ требованіямъ Пруссіи и Австріи, созвало на 15-е августа голштинскіе и лауенбургскіе чины, чтобы послѣдніе объявили о своихъ желаніяхъ и видахъ. Читатели помнятъ, что новый законъ 1852 года о престолонаслѣдіи въ Даніи побудилъ датское правительство составить новую конституцію, общую для всей монархіи, въ замѣнъ конституціи 1849 года, которая имѣла силу лишь въ собственной Даніи. Новая конституція, обнародованная въ 1855 году, установила для собственно-датскаго королевства сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ, выбранныхъ всеобщею подачею голосовъ, и въ каждомъ герцогствѣ представительное провинціальное собраніе, избранное мѣстными жителями по сословіямъ; каждому изъ этихъ четырехъ собраній предоставлено рѣшеніе дѣлъ той части монархіи, которую оно представляетъ собою; сверхъ того, учрежденъ верховный совѣтъ, или сенатъ, рѣшающій дѣла, общія всей Датской монархіи, и состоящій изъ двадцати членовъ, назначаемыхъ королемъ, восемнадцати членовъ, избираемыхъ датскимъ сеймомъ, двѣнадцати членовъ, назначаемыхъ провин-

ціальными представительными собраніями, и, наконецъ, изъ тридцати членовъ, избираемыхъ избирателями, число которыхъ ограничено ценсомъ.

Эта конституція, составленная съ цѣлью удовлетворить всѣ части Датской монархіи, сдѣлалась напротивъ предметомъ протеста со стороны герцогствъ, поддерживаемыхъ кабинетами берлинскимъ и вѣнскимъ. Нѣмецкія герцогства, входящія въ составъ Датской монархіи, громко требовали права участвовать въ составленіи общей конституціи, и отказывались принять готовую конституцію, составленную помимо ихъ. Датское правительство, съ своей стороны, формально отказывалось признать это требованіе законнымъ. Оно основывало свой отказъ на томъ соображеніи, что еслибы различныя части королевства были допущены къ участию въ составленіи общей конституціи, то провинціальныя собранія нѣмецкихъ герцогствъ не замедлили бы отвергнуть то, что одобрено датскимъ сеймомъ, и наоборотъ. Кабинеты вѣнскій и берлинскій возражали противъ этого, ссылаясь на обязательства, принятыя на себя Данією въ 1851 году, когда войска Германскаго союза, умиривъ волненія въ Голштиніи, выступали изъ герцогствъ. Данія отвергала эти обязательства, не подкрѣпленныя никакими письменными доказательствами.

Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ объ общей конституціи, былъ поднятъ вопросъ о казенныхъ имуществвахъ, находящихся въ нѣмецкихъ герцогствахъ. Общій сеймъ издалъ законъ, предоставляющій правительству право продавать, по мѣрѣ надобности, тѣ казенныя имущества въ герцогствахъ, которыя приносятъ не болѣе двухъ сотъ дукатовъ дохода. По мнѣнію германскихъ державъ, вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу частныхъ дѣлъ герцогствъ, и потому долженъ быть рѣшенъ провинціальными представительными собраніями. Копенгагенскій кабинетъ, съ своей стороны, ссылаясь на прежніе примѣры и историческія свидѣтельства, и ими доказывая, что казенныя имущества въ Даніи издавна находились подъ однимъ управленіемъ счетной палаты.

Есть и другіе поводы ко взаимному неудовольствію между Данією и нѣмецкими герцогствами, поводы болѣе или менѣе основательные и обличающіе взаимныя ошибки обѣихъ сторонъ. Извѣстно, какъ сильно было разногласіе между Данією и двумя германскими державами въ послѣднее время, и какъ много нужно было дипломатическихъ усилій, чтобы кабинеты вѣнскій и берлинскій не представили дѣла на разсмотрѣніе германскаго сейма, который непремѣнно принялъ бы ихъ сторону противъ Даніи. Уже было сообщено, что эти кабинеты удовлетворились пока обѣщаніемъ Даніи созвать провинціальное представительное собраніе въ Голштиніи, для опредѣленія отношеній герцогствъ къ Датскому королевству. Датское правительство исполнило это обѣщаніе, и представило голштинскому собра-

нию проектъ новой конституціи. Мы имѣемъ подъ руками этотъ проектъ, состоящій изъ двадцати двухъ статей, и считаемъ нелишнимъ сообщить нашимъ читателямъ его содержаніе.

Первая статья новой конституціи предоставляетъ Голштинскому герцогству особая законодательство и администрацію для частныхъ его дѣлъ, которыя въ ней исчислены: сюда относятся отношенія Голштинскаго герцогства къ Германскому союзу, юстиція и полиція, гражданское и уголовное законодательство, наборы для арміи и флота, церковныя дѣла и народное просвѣщеніе, общинныя дѣла и благотворительныя учрежденія, промышленность и земледѣліе, налоги, завѣдываніе каналами, портами, желѣзными и другими дорогами. Во второй статьѣ проекта сказано, что частными дѣлами герцогствъ Голштинскаго и Лауэнбургскаго будетъ завѣдывать особенный, отвѣтственный министръ, который можетъ быть отданъ подъ судъ королемъ и сеймомъ. Въ случаѣ осужденія его, онъ лишается права занимать какую бы то ни было общественную должность, и король не можетъ помиловать его безъ согласія сейма. Право открывать и распускать сеймъ принадлежитъ королю; но, распустивъ сеймъ, король долженъ созвать новый въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Сеймъ имѣетъ неограниченную власть относительно установленія налоговъ и дополнительныхъ кредитовъ; если министръ превыситъ суммы, назначенныя сеймомъ, то подвергается суду. Чиновники не могутъ быть отрѣшаемы отъ должности безъ суда, до шестидесяти-пятилѣтняго возраста. Проектъ признаетъ лютеранское вѣроисповѣданіе народнымъ въ Голштиніи; но чтобы имѣть право на участіе въ выборахъ и на званіе депутата, достаточно быть христіаниномъ. Прежняя конституція запрещала Голштинцамъ собираться для составленія совокупныхъ прошеній; новый проектъ не повторяетъ этого запрещенія, и слѣдовательно, какъ бы отмѣняетъ его.

Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ исчисленныхъ нами предположеній чрезвычайно либеральны и, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей, представляютъ большой успѣхъ: Данія, очевидно, рѣшилась сдѣлать важныя уступки, чтобы предотвратить опасный для нея разрывъ съ Германіею. Но вопросъ въ томъ, какъ будетъ принять новый проектъ голштинскимъ сеймомъ и кабинетами вѣнскимъ и берлинскимъ. Сеймъ, очевидно, не одобряетъ проекта. Въ первомъ своемъ засѣданіи онъ выбралъ въ президенты г. Бломе, одного изъ самыхъ крайнихъ и талантливыхъ защитниковъ нѣмецкой національности, и вслѣдъ за тѣмъ поручилъ разсмотрѣніе проекта комиссіи, состоящей исключительно изъ членовъ оппозиціи. Въ Берлинѣ проектъ тоже принять съ неудовольствіемъ. Датское правительство даже не упомянуло въ немъ о степени участія герцогствъ въ дѣлахъ, касающихся всей монархіи, о правѣ основывать общества и компаніи, о свободѣ тисненія, о безопасности лицъ и непри-

костювенности и муществъ. Его упрекаютъ еще за то, что оно присвоило себѣ права, которыя не принадлежали ему въ силу прежней конституціи, какъ напримѣръ право распускать сеймъ, и нѣкоторые другія, менѣе важныя. Въ Берлинѣ надѣялись, что въ составъ проекта войдетъ особая статья, признающая Голштинію вполне самостоятельною частию монархіи. Наконецъ, нѣкоторые депутаты уже объявили въ первыхъ засѣданіяхъ сейма, что общая конституція все-таки не представлена на разсмотрѣніе этого собранія. По словамъ нѣмецкихъ журналовъ, проектъ не встрѣтитъ полнаго сочувствія даже въ Вѣнѣ. Вообще увѣренность, что онъ не будетъ одобренъ сеймомъ, преобладаетъ въ Германіи, и притомъ не безъ достаточнаго основанія: мы уже имѣемъ телеграфическое извѣстіе о томъ, что комиссія окончила, къ исходу августа, разсмотрѣніе проекта и предлагаетъ сейму отвергнуть его. Если сеймъ согласится съ мнѣніемъ комиссіи, въ чемъ едвали можно сомнѣваться, то разногласіе между Даніею съ одной стороны, нѣмецкими герцогствами, Австріею и Пруссіею съ другою, получитъ весьма серьезный характеръ. Вотъ почему мы нашли нужнымъ подробно изложить нынѣшнее положеніе этого вопроса.

Критическое положеніе англійскихъ дѣлъ въ Остѣ-Индіи естественно отозвалось на отдаленномъ Востокѣ не совсѣмъ благопріятно для Англій. Извѣстно, что войска ея, первоначально отправленныя въ Китай, большею частию отвлечены въ Индію, такъ что Англія имѣетъ въ настоящее время въ Китаѣ небольшой отрядъ войскъ, въ которомъ, какъ кажется, не болѣе 5,000 человекъ. Недостаточность этихъ силъ побудила англійское правительство временно измѣнить планъ кампаніи и ограничиться занятіемъ какого-нибудь важнаго пункта, чтобы укрѣпиться въ немъ. Говорятъ, оно колеблется между островомъ Формозою и городомъ Кантономъ, и потому предоставило начальству экспедиціи избрать одинъ изъ этихъ пунктовъ. Островъ Формоза, въ Китайскомъ морѣ, имѣющій около 400 верстъ въ длину и 150 верстъ въ ширину, богатъ и плодоносенъ. Онъ защищенъ довольно порядочнымъ фортомъ, которымъ нетрудно овладѣть, несмотря на десятитысячный китайскій гарнизонъ, защищающій островъ. Англичане могутъ основать тамъ военное и торговое заведеніе, тѣмъ болѣе выгодное, что въ вѣдрахъ острова таятся большія минеральныя богатства, и между прочимъ каменный уголь, которымъ Китайцы стали пользоваться весьма недавно. Занятіе Кантона не обѣщаетъ столь значительныхъ выгодъ, хотя и могло бы сильнѣе подѣйствовать на побережное населеніе: оттого въ Европѣ вообще полагаютъ, что Англичане предпочтутъ островъ Формозу. Какъ бы то ни было, во грозный урокъ, который Англія готовилась дать драхлону Китаю, отложенъ, пока остѣ-индскія дѣла не примутъ болѣе благопріятнаго оборота. Персія, съ своей стороны, какъ бы поль-

зудется затруднительными для Англіи обстоятельствами, и медлитъ очищеніемъ Герата. Говорятъ впрочемъ, что персидское правительство, отвѣчая англійскому посланнику, г. Муррею, торжественно возвратившемуся въ Тегеранъ по заключеніи мира, сложило всю вину на гератскаго губернатора, который не спѣшитъ исполненіемъ данныхъ ему приказаній. Тѣмъ не менѣе, г. Муррей потребовалъ, чтобы Гератъ былъ немедленно очищенъ. Часть англійскихъ войскъ, участвовавшихъ въ персидской экспедиціи, не можетъ быть возвращена въ Остъ-Индію, пока Персія не исполнитъ всѣхъ условій трактата, заключеннаго въ Парижѣ Феррукъ-ханомъ и лордомъ Коули, и ратификованнаго потомъ кабинетами тегеранскимъ и сентъ-джемскимъ. Нельзя не замѣтить, что настоящее время принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ эпохъ въ исторіи Англіи: едва окончивъ большую войну, въ которой счастье нерѣдко измѣняло ей, она принуждена была предпринять отдаленную экспедицію противъ Персіи, и почти одновременно готовиться къ еще болѣе отдаленной экспедиціи въ Китай; не окончивъ, даже не начавъ послѣдней, она принуждена вести отчаянную борьбу противъ многочисленной остъ-индской арміи, возмущившейся во многихъ пунктахъ Индійскаго полуострова. Мы уже не говоримъ о внутреннихъ затрудненіяхъ, вызванныхъ усиленіемъ демократическихъ стремленій въ обществѣ. Нужна вся энергія Англійскаго народа, все искусство его государственныхъ людей, чтобы восторжествовать надъ подобнымъ стеченіемъ трудныхъ обстоятельствъ, требующихъ раздробленія военныхъ силъ, преимущественно сухопутныхъ, которыми не изобилуетъ Англія.

Коснувшись отдаленнаго Востока, мы должны остановиться на одномъ весьма любопытномъ документѣ, о которомъ было едва упомянуто въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обзорѣй: мы разумѣемъ отчетъ о сношеніяхъ нидерландскаго правительства съ Японією, представленный нидерландскому королю министрами иностранныхъ дѣлъ и колоній. Докладъ этотъ, указывающій необходимость измѣнить характеръ нидерландской политики относительно Японіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія (1). Въ немъ сообщены самыя вѣрныя свѣдѣнія о характерѣ японскаго правительства и народа, и между прочимъ выражено сожалѣніе, что, несмотря на постоянныя усилія нидерландскаго правительства, оно добилось весьма немногаго отъ правительства японскаго. Министры приписываютъ безуспѣшность своихъ стараній слишкомъ краткимъ средствамъ, и предлагаютъ замѣнить ихъ болѣе рѣзкою политикой.

(1) Къ сожалѣнію, мы не нашли этого доклада, даже извлеченія изъ него, ни въ одной изъ иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ Москвѣ. Сообщаемыя ниже подробности большею частію заимствованы изъ послѣдней книжки *revue Contemporaine*.

Съ 1844 года нидерландское правительство постоянно старалось склонить японскаго императора къ открытію портовъ имперіи для торговли всѣхъ націй. Его совѣты, вѣкторая популярность и первенство, которыми пользовались Голландцы въ Японіи, ихъ старинныя, хотя и скромныя привилегіи, не привели его къ желанной цѣли, тогда какъ Соединенные Штаты и Англія совершенно другими средствами вдругъ приобрѣли нѣкоторыя льготы отъ японскаго правительства. А между тѣмъ отношенія Нидерландовъ къ Японіи не соответствовали тѣмъ жертвамъ разнаго рода, которымъ Голландцы подчинились, чтобы имѣть доступъ къ японскимъ берегамъ. Торговые обороты Голландцевъ въ Японіи были ничтожны; притомъ, японское правительство прямо скупало товары отъ управляющихъ голландскою факторіей въ Децимѣ. Даже голландская монета была запрещена въ Японіи, какъ и вывозъ японской монеты. Наконецъ, Голландцы, пріѣзжавшіе въ Дециму, не могли жить въ этомъ портѣ съ своими женами и дѣтьми; имъ не удалось даже добиться, чтобы японское правительство отмѣнило унижительный и варварскій обрядъ, соединенный съ поруганіемъ распятія.

Нидерландское правительство рѣшилось выйти изъ такого положенія, и уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ полагало, что пришло время дѣйствовать. Изъ всѣхъ полученныхъ имъ донесеній видно было, что населеніе Японіи начинаетъ сознавать свою отсталость сравнительно съ другими народами; что оно было недовольно отчужденіемъ отъ остальнаго міра; что высшее сословіе начинаетъ сильно интересоваться естественными науками, приносящими осязательную, практическую пользу; что, наконецъ, само японское правительство желаетъ завести флотъ и поскорѣе приобрести пароходъ. Нидерландское правительство рѣшилось воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами, въ надеждѣ, что успѣхи Японіи въ наукахъ и промышленности заставятъ ее отказаться отъ обычнаго разобщенія съ другими народами: оно отправило въ голландскую факторію въ Децимѣ все, что могло удовлетворить любознательность Японцевъ. Тамъ была заведена ученая бібліотека и коллекція моделей и инструментовъ. Правительство подарило японскому императору пароходъ, и обѣщало сдѣлать для него двѣ винтовыя шкуны. Отрядъ морскихъ солдатъ былъ отданъ въ распоряженіе управляющаго факторіей: они должны были учить Японцевъ морскому дѣлу. Управляющій факторіей получилъ титулъ нидерландскаго комиссара. Наконецъ, нидерландскій король послалъ свой портретъ японскому императору.

Все это происходило въ началѣ 1855 года. 9-го ноября того же года, нидерландскому комиссару удалось заключить временную конвенцію, которая подтверждаетъ торговыя привилегіи Нидерландовъ, уравниваетъ права Голландцевъ съ правами наиболѣе благопріят-

ствуемыхъ націй, обезпечиваетъ личную свободу Голландцевъ въ Децимъ, отмѣняетъ многія стѣснительныя формальности и открываетъ Голландцамъ доступъ въ самый городъ Нангасаки, имѣющій шестьдесятъ тысячъ жителей. Но главная сила трактата заключалась въ дополнительныхъ статьяхъ, которыми особенно дорожило нидерландское правительство. Онѣ составлены были съ цѣлю положить предѣлъ политическому подозрѣнію, въ которомъ состоятъ обыкновенно иностранцы, или такъ-называемые варвары, у японскаго правительства. Чтобы сообщить болѣе убѣдительности своимъ требованіямъ, нидерландское правительство отказалось отъ прежней торговой монополіи въ Японіи, предоставляя, съ своей стороны, всѣмъ нидерландскимъ подданнымъ свободно торговать съ Японцами.

Понятно, съ какимъ неудовольствіемъ узнали въ Гагѣ, въ сентябрѣ 1856 года, что временная конвенція съ незначительными измѣненіями признана японскимъ правительствомъ за окончательный трактатъ, а дополнительные статьи не приняты. Правда, японское правительство не давало положительнаго отказа одобрить эти статьи, но съ умысломъ замедляло ходъ дѣла и устранялось отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Вслѣдствіе этого, рѣшено дѣйствовать съ большею противъ прежняго настойчивостію и энергіей. Японское правительство, между тѣмъ, чуть не каждый день обращается къ нидерландскому комиссару съ разными просьбами, свидѣтельствующими уже не о желаніи удовлетворить простое любопытство, но о намѣреніи пріобрѣсти средства для сопротивленія иностранцамъ, когда это будетъ нужно. Такъ напримѣръ Японцы просили Голландцевъ доставить имъ средства устроить верфь, лить пушки и т. п. Но на этотъ разъ нидерландское правительство не намѣрено быть слишкомъ уступчивымъ: за свои услуги оно хочетъ требовать услугъ отъ Японіи.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ 27-го іюля правительствующему сенату, возвращенъ прежній чинъ гвардіи капитана разжалованному за участіе въ происшествіяхъ 14-го декабря 1825 г. и потомъ вновь находившемуся въ военной и гражданской службѣ, коллежскому секретарю Михаилу Пушину.

По представленію гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, 2-му русскому страховому отъ огня обществу разрѣшено употребить часть своего капитала на покупку русскихъ государственныхъ орденовъ.

13-го августа происходило засѣданіе совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, въ которомъ г-мъ министромъ финансовъ представлены совѣту отчеты этихъ установленій за 1856 годъ. Министръ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой изложилъ финансовыя

мѣры правительства въ теченіи прошлаго года и изобразилъ настоящее положеніе русскихъ банковъ и результаты ихъ операций. О распоряженіяхъ правительства мы сообщали въ свое время нашимъ читателямъ. Поэтому считаемъ нужнымъ только передать имъ наиболее любопытные факты изъ второй половины рѣчи. Изъ отчета коммиссіи погашенія долговъ здѣсь показаны слѣдующія валовыя цифры. Въ теченіи 1856 года внесено въ государственную долговую книгу: въ разрядъ долговъ срочныхъ, по высочайшимъ указамъ, занятыхъ у сохранныхъ казенъ . . . . . 15,212,585 р. сер.

Уплачено: а) по долгамъ срочнымъ:

голландскими гульденами на	2,025,000 р. сер.
рублями сереб. на	21,955,158 —

б) по безсрочнымъ:

рублей сереб.	2,775,636 —
фунтовъ стерлинговъ.	110,000 —

слѣдовательно всего уплачено на сумму . . . . . 27,437,794 р. сер.

За этими измѣненіями къ 1857 году состояло долговъ срочныхъ внѣшнихъ:

По обоимъ голландскимъ займамъ, голландскими

гульденами	49,470,000
внутреннихъ срочныхъ.	150,074,643
фунтовъ стерлинговъ.	4,840,000

Всего на серебро. 521,987,810

Изъ отчета государственнаго заемнаго банка видно, что капиталы этого банка составляли въ 1856 году—14,808,389 р. сер. Вкладовъ находилось въ банкѣ на сумму 156,659,987 р. сер. Ссудъ разнымъ заемщикамъ какъ частнымъ, такъ и казеннымъ, числилось на 397,649,945 р. с. Въ залогѣ состояло: населенныхъ имѣній 634,647 душъ; домовъ 1000, фабрикъ и заводовъ 84. Прибыли приобрѣтено заемнымъ банкомъ въ 1856 году 4,654,195.

Въ коммерческомъ банкѣ собственнаго капитала было къ 1857 г. 8,571,428 р. сер., резервнаго капитала 1,113,515. Вкладовъ состояло къ 1856 году: для трансферта 416,621 р. сер.; для обращенія изъ процентовъ 89,930,570. Возвращено и переведено трансфертовъ на 17,319,805; процентныхъ вкладовъ 64,765,489. Оставалось къ 1857 г. вкладовъ: трансфертныхъ 501,732, процентныхъ 241,118,598. Прибыли получено 526,163 р. сер.

Экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ въ теченіи прошедшаго года произвела слѣдующія операци. Въ народное обращеніе выпущено кредитныхъ билетовъ: за вклады, внесенные звонкою монетою и слитками, за 50-ти-рублевые билеты сохранныхъ казенъ и заемнаго банка выпуска 1841 года и въ подкрѣпленіе государствен-

наго казначейства—287,640,658. Къ 1-му января 1857 году кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи на сумму 689,279,844 р. сер. Размѣннаго фонда въ прошломъ году состояло: въ звонкой монетѣ и слиткахъ на сумму 113,062,809; въ публичныхъ фондахъ—24,051,930. Вслѣдствіе различныхъ оборотовъ этотъ фондъ увеличился, и къ 1-му января нынѣшняго года его числилось: въ звонкой монетѣ и слиткахъ на сумму 122,838,117 р. сер. и въ публичныхъ фондахъ на 23,714,248 р. сер.

Сохранныя казны находились въ слѣдующемъ положеніи. Капиталъ ихъ состоялъ изъ 438,342,818 р. сер. Въ долгу онѣ имѣютъ 508,282,010 р. сер. Въ 1856 г. вкладовъ внесено 112,631,617; возвращено и выдано процентовъ по вкладамъ 125,372,503; роздано займы 36,548,584; получено въ уплату 67,948,830 р. Чистая прибыль состоитъ изъ 2,507,570. Населенныхъ имѣній было въ залогъ 5,446,411 душъ, каменныхъ домовъ 302.

Въ сберегательныхъ кассахъ находилось вкладовъ 2,827,420, въ 1856 г. внесено 1,683,366; возвращено 1,225,206. Въ 1857 находилось въ обращеніи съ накопившимися процентами 3,377,541 р.

Приказы общественнаго призрѣнія имѣютъ собственнаго капитала 11,578,122 р. Вкладовъ въ обращеніи находится теперь 101,664,876. Въ 1856 г. вкладовъ поступило вновь слишкомъ на 30 мил. руб., а возвращено слишкомъ на 17 мил. Въ долгу у приказовъ въ настоящее время 113,252,715 р. Вообще въ сохранныя казны, заемный и коммерческій банкъ въ 1856 году поступило вкладовъ на сумму 286,685,983 р. сер., а востребовано на сумму 239,182,889; слѣдовательно поступило болѣе на 47,503,094 р.

Число торговыхъ и мануфактурныхъ компаній увеличилось нѣсколькими новыми.

С.—Петербургскому купцу первой гильдіи Эммануилу Нобелю, устроившему въ Петербургѣ чугунно-литейный и механическій заводъ, разрѣшено учредить компанію на акціяхъ, подъ названіемъ: «Общество Сампсоніевской механической мануфактуры». Заводъ учредителя, со всѣми своими принадлежностями поступаетъ отнынѣ въ собственность общества. Предметами заводскаго производства будутъ: а) изготовленіе разныхъ винтовыхъ и колесныхъ пароходовъ съ корпусами; б) чугунное и мѣдное литье; в) крупная чугуннаяковка и г) производство всякихъ механическихъ издѣлій для желѣзныхъ дорогъ и проч. Первоначальный капиталъ общества назначается въ 1,500,000 р., съ раздѣленіемъ на пятнадцать тысячъ акцій, каждая въ сто рублей; но въ послѣдствіи этотъ капиталъ можетъ быть удвоенъ. Изъ числа акцій учредитель предоставляетъ себѣ на сумму ста тысячъ. Подписка на акціи принимается въ Петербургѣ, какъ отъ Русскихъ, такъ и отъ иностранцевъ, безъ ограниченія числа. По собраніи семисотъ тысячъ рублей учреждается

управленіе изъ числа акціонеровъ. Пока капиталъ общества не превышаетъ милліона, правленіе состоитъ изъ трехъ директоровъ; когда же капиталъ превзойдетъ эту сумму, то прибавляется еще два директора. Каждый изъ директоровъ долженъ имѣть не менѣе ста акцій.

Военный Совѣтъ, по представленію департамента военныхъ поселеній, положилъ: учредить въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ торговое общество казаковъ, допуская въ оное до пятидесяти чело-вѣкъ, со взиманіемъ съ каждаго изъ торговыхъ казаковъ по шести-десяти рублей сер. въ годъ, въ капиталъ войсковыхъ доходовъ. Обществу предоставлены всѣ права казачьихъ торговыхъ обществъ.

Въ Англии ость-индскія событія до сихъ поръ составляютъ главный предметъ заботы и правительства, и общества. Къ затруднительному положенію дѣлъ присоединяется еще рѣдкость точныхъ извѣстій, противорѣчащія показанія телеграфическихъ депешъ, которыя какъ будто нарочно подають на время надежду, чтобы тотчасъ потомъ принести извѣстіе о новыхъ неудачахъ. Мы передадимъ нашимъ читателямъ то, что извѣстно вѣрнаго о ходѣ возстанія. Дельги, по депешамъ отъ второй половины прошлаго мѣсяца, продолжаетъ сопротивляться. Осажденные ежедневно дѣлають вылазки, въ иной день даже по два раза, и хотя при этомъ они большею частію бывають разбиты, но осада отъ этого нисколько не подвигается. Чтобы вполнѣ понять затруднительный ходъ осады, невозможность до сихъ поръ сдѣлать приступъ, надобно вспомнить, что Англичане борются не съ одними инсургентами, но также и съ природою. Въ это время года, въ Ость-Индіи, бывають частые дожди, которые продолжаются иногда отъ трехъ до четырехъ часовъ сряду, и сильно вредятъ осаднымъ работамъ. Нездоровый климатъ, и безъ того съ трудомъ переносимый Европейцемъ, становится еще опаснѣе. Въ небольшомъ войскѣ, осаждающемъ Дельги, распространились болѣзни. Лихорадка и холера истребляють англійскихъ солдатъ болѣе частыхъ стычекъ. Вотъ уже мѣсяць, какъ смертность ежедневно усиливается. Послѣднія депеши принесли извѣстіе о смерти генерала Барнарда, который, не успѣвъ еще подвинуть впередъ осады, сдѣлался жертвою холеры. Потеря генерала Барнарда не маловажна для Англии. Это былъ старый и опытный солдатъ, начавшій свою службу еще во время войны съ Наполеономъ. Въ Индіи, впрочемъ, онъ былъ только съ прошлаго года. Передъ этимъ онъ участвовалъ въ крымской кампаніи, въ продолженіи которой онъ былъ сперва бригаднымъ командиромъ, а потомъ начальникомъ штаба при генералѣ Симпсонѣ. Мѣсто его, до пріѣзда сэръ-Колинъ Кампбелля, занялъ генералъ-майоръ Ридъ (Reed).

Перечислить всѣ подробности осады было бы довольно трудно, тѣмъ болѣе, что о нихъ въ журналахъ множество противорѣчій. Ска-

жемъ поэтому только о главнѣйшихъ. Въ концѣ юня, генералъ Коуртландъ (Courtland), шедшій изъ Калькутты на помощь Барнауду, далъ на дорогѣ большое сраженіе инсургентамъ, въ которомъ они потеряли слишкомъ двѣсти человѣкъ. Инсургенты шли на помощь осажденнымъ. Это сраженіе было самымъ важнымъ дѣломъ послѣдняго времени. Послѣ него происходили только вылазки. О положеніи Дельги есть много противорѣчій. Одни говорятъ, что городъ еле держится, загроможденный трупами убитыхъ, что въ немъ свирѣпствуютъ разныя болѣзни, и анархія доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что мятежники могутъ еще сопротивляться долгое время, при помощи тѣхъ средствъ, которые Англичане собрали въ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ, укрѣпленія, кажется, до сихъ поръ немного потерпѣли отъ англійской артиллеріи. Къ тому же, городъ осажденъ, но не обложенъ. Сообщенія съ окрестностями не пресѣчены. Посредствомъ двухъ каналовъ, которые находятся въ Дельги, инсургенты легко получаютъ жизненные припасы, а вновь возмущившіяся полкамъ Англичане до сихъ поръ рѣдко могли помѣшатель присоединиться къ дельгійскому гарнизону. Англійское войско подъ Дельги, послѣ нѣсколькихъ сраженій, страшной холеры и другихъ болѣзней, не превышаетъ теперь 2,000 человѣкъ.

Между тѣмъ, какъ осада Дельги идетъ такъ медленно, мятежъ все болѣе и болѣе распространяется. Не говоря о незначительныхъ возстаніяхъ, которыя безпрестанно происходятъ, несмотря на предупредительныя мѣры, несмотря на висѣлицу, не перестававшую дѣйствовать въ послѣднее время, Англичане потеряли значительные города, центры цѣлыхъ провинцій. Мы говорили о возмущеніи гваліорскаго контингента. Слухи о немъ подтвердились. По послѣднимъ извѣстіямъ, всѣ гваліорскія войска находятся въ полномъ возстаніи; нѣкоторыя изъ нихъ направились къ Индору и взяли его. Вслѣдъ за тѣмъ возмутилось все бывшее Аудское королевство. Мятежники прежде всего овладѣли Футигуромъ (Futtighur), гдѣ перерѣзали все населеніе, а затѣмъ Каунпоромъ (Cawnpore); здѣсь командовалъ храбрый бригадный генералъ Уилеръ (Wheeler). Каунпоръ, лежащій на границѣ Ауда, есть важный городъ, который прежде всего былъ уступленъ набобомъ Остъ-Индской компаніи. Понимая важность этого пункта, гарнизонъ защищался до послѣдней крайности. Только по смерти генерала Уилера и истощивъ всѣ средства защиты, англійское войско рѣшилось сдать городъ, выговоривъ себѣ безопасность и право удалиться со всѣми военными почестями. Но для инсургантовъ договоръ ничего не значить. Во главѣ ихъ стоитъ кровожадный Нана-Сагибъ, воспитанникъ одного низложеннаго владѣтеля изъ племени Мараттовъ. Онъ не только не сдерживаетъ своего войска, но самъ подаетъ ему примѣръ жестокости. Когда солдаты сѣли на барки, чтобъ переправиться черезъ рѣку, инсургенты открыли по нимъ огонь, и

истребили ихъ всѣхъ до послѣдняго человѣка. Еще ужаснѣ поступили они съ мирнымъ населеніемъ, съ женщинами и дѣтьми. Нана-Сагибъ захватилъ ихъ въ числѣ 240 человѣкъ. Несчастныя жертвы были проданы съ аукціона, подверглись страшнымъ насиліямъ, и послѣ большою частию были убиты. Овладевъ Каунпоромъ, мятежники отправились далѣе, и заняли городъ Футтегпоръ (Futtehpore). Но здѣсь счастье ихъ оставило. Они были три раза разбиты англійскими войсками. По слухамъ объ успѣхахъ мятежа, генераль Гевлокъ двинулся изъ Аллагабада съ двумя тысячами европейскихъ солдатъ. Еще на дорогѣ къ Футтегпору онъ встрѣтилъ отрядъ инсургентовъ, разбилъ его наголову и отнялъ девять пушекъ; затѣмъ онъ пошелъ далѣе, и расположился лагеремъ близъ города. Инсургенты вышли ему навстрѣчу, и были разбиты. Въ совершенномъ безпорядкѣ они бѣжали къ Каунпору. Но генераль Гевлокъ продолжалъ свое побѣдоносное шествіе. Подъ Каунпоромъ онъ снова разбилъ ихъ, отнялъ двадцать шесть пушекъ и занялъ городъ, откуда Нана-Сагибъ бѣжалъ къ Бетору (Bethore). Надобно думать, что онъ будетъ изгнанъ и оттуда. Къ сожалѣнію, не вездѣ противодѣйствіе мятежу было такъ успѣшно. Разобщеніе, произведенное возстаніемъ между разными военными пунктами Англичанъ, и незначительность ихъ средствъ доставляютъ безпрестанные успѣхи инсургентамъ. Лукно, главный городъ Аудскаго королевства, до сихъ поръ находится въ осадѣ. Къ довершенію труднаго положенія, генераль сэръ-Генри Лауренсъ, командовавшій тамошнимъ гарнизономъ, недавно умеръ отъ ранъ. На его опытность и мужество возлагали большія надежды. Вотъ уже четвертаго генерала Англичане теряютъ въ теченіе нынѣшняго лѣта, а между тѣмъ не одержали еще ни одного важнаго успѣха. Кромѣ Лукно, они осаждены еще въ Аллагабадѣ, Чунарѣ и Агрѣ. За послѣдній городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ мятежниками, очень боятся.

Нѣкоторыя изъ туземныхъ племенъ остались вѣрными Англии. Владѣтели Мальвы, земли Раджпутовъ и Мараттовъ неизмѣнили до сихъ поръ; племя Сейковъ объявило себя за правительство. Изъ него майору Эдварду поручено составить иррегулярные полки. Но слишкомъ разсчитывать на помощь туземцевъ едва ли возможно. Изъ нихъ самыя надежныя Сейки, но хотя большая часть изъ нихъ прежде принадлежала къ *кальса*, распущенному Англичанами, по завоеваніи Индіи, военному союзу, однако это племя не отличается большою воинственностію. Что касается до другихъ племенъ, то при томъ же недостаткѣ, самая вѣрность ихъ очень сомнительна. Еще недавно въ Силькотѣ (Sealcote), въ Пенджабѣ, два туземныхъ полка, на преданность которыхъ надѣлись, возмутились и отправились въ Дельги. Пенджабъ, Бомбейское и Мадрасское президентства остаются пока спокойны, но если мятежъ не будетъ скорѣ подавленъ, то не мудрено, что и эти провинціи не останутся во власти Англичанъ.

Въ Индiи происходитъ ужасы: Ведаѣ, гдѣ инсургенты получаютъ верьхъ, они предають истязанiямъ Европейцевъ; жестокость ихъ доходитъ до страшнoй изобрѣтательности. Случалось, что, овладѣвъ какимъ-нибудь городомъ, они рѣзали дѣтей по суставамъ передъ глазами ихъ родителей, женщины подвергаются оскорбленiямъ всякаго рода. Немногіе, которымъ удалось спасти свою жизнь посреди всеобщаго кровопролитiя, разказываютъ о такихъ провсшествiяхъ, о какихъ нигдѣ давно не было слышно. Понятно, что остъ-индское правительство не можетъ послѣ этого поступать мягко. Въ его положенiи оно тоже вынуждено прибѣгать къ жестокостямъ, чтобы заставить себя бояться. Поэтому всѣ плѣнники, которые попадаютъ въ руки Англичанамъ, предаются немедленно смертной казни. За голову всякаго мятежника обѣщана денежная награда. Казни бывають послѣдствiемъ всякаго подозрѣнiя въ сношенiяхъ съ инсургентами. Недавнiй арестъ короля аудскаго, возбудившiй отчасти неблагопрiятныя толки въ самой Англии, былъ однако, какъ видно, вынужденъ самою необходимостью. По заключенiи короля въ фортъ Дильбень (Dilbain), генераль-губернаторъ Остъ-Индiи послалъ къ нему почтительное письмо, въ которомъ излагаетъ ему причины, побудившiя его рѣшиться на подобную жѣру. Генераль-губернаторъ напоминаетъ королю, что до сихъ поръ остъ-индское правительство не прибѣгало относительно его ни къ какому стѣснительному надзору. Но въ послѣднее время, его имя сдѣлалось лозунгомъ для инсургантовъ; имъ они стараются привлечь къ себѣ новыхъ приверженцевъ, и потому надобно было позаботиться о томъ, чтобы король не попалъ къ нимъ въ руки. Это письмо было сообщено парламенту.

Толки о характерѣ индiйскаго возстанiя и объ его причинахъ занимають всю европейскую журналистику. При самомъ началѣ борьбы, трудно ожидать вполнѣ безпристрастныхъ сужденiй. Къ тому же, для произнесенiя вѣрнаго суда самыя происшествiя не довольно еще извѣстны. Поэтому мы обратимъ вниманiе только на несомнѣнные факты, сообщенные по этому поводу въ иностранныхъ журналахъ. Прежде всего представляется вопросъ, точно ли возстанiе есть военное, или, напротивъ, оно національное? Извѣстно, что г. Дизраэли высказалъ въ парламентѣ мнѣнiе о народномъ, а не военномъ характерѣ мятежа. Искать въ мятежѣ признаковъ народнаго возстанiя совершенно невозможно. Въ Остъ-Индiи нѣтъ народовъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Между 150 или 180 милiонами, населяющими это огромное государство, есть представители почти всѣхъ народовъ мiра. Обычаи, религiя, столько же ихъ различають, сколько самая наружность и цвѣтъ кожи. Языки ихъ столь различны, что для нѣкоторой связи между ними надобно было выдумать родъ франкскаго языка, какъ напримѣръ Индустанъ, въ которомъ ни одно племя не говоритъ, какъ на своемъ природномъ

варьян. Къ довершеному разнообразію, браманизмъ, учредивъ касты, посеялъ между ними вражду. Населенія Остѣ-Индіи нельзя даже назвать племенами, потому что ни одно племя не занимаетъ исключительно никакой территоріи. Поэтому здѣсь нѣтъ отечества въ настоящемъ значеніи слова. Наиболее тѣсно-поселенная, военная каста кивтеріевъ, всего болѣе сосредоточенная въ Раджпутанѣ, и низшія касты, преобладающія на югѣ полуострова, не заселяютъ этихъ мѣстностей въ достаточномъ большинствѣ, чтобъ назваться народностями. Точно то же можно сказать и о населеніи другихъ территорій. На пространствѣ между Гангомъ и р. Джумною, которое составляетъ главный пунктъ настоящаго возстанія, господствуетъ каста браминовъ, и однако это племя столь безсильно, что первымъ послѣдствіемъ возстанія было провозглашеніе мусульманскаго государя! Трудно допустить даже единство побужденій между инсургентами. Многіе изъ нихъ возстали, вѣроятно, потому только, что нашли возможность удовлетворить свои кровожадныя, полудикіе инстинкты. Еслибъ было иначе, еслибъ всѣ инсургенты были одинаково движимы ненавистью къ английскому владычеству или стремленіемъ къ независимости, то возстаніе имѣло бы опредѣленную программу: а этого до сихъ поръ не видно. Правда, старинное значеніе Дельги привлекаетъ туда возстающихъ Индусовъ, —но сколько же и независимыхъ движеній, которыя повидимому не находятъ ни въ какомъ отношеніи къ главному! Этими племенными различіями, этимъ отсутствіемъ единства въ стремленіяхъ инсургентовъ объясняется то, что Англичане еще могутъ держаться въ Остѣ-Индіи. Безъ этого условія какъ легко бы было Индусамъ задавить горсть живущаго между ними англо-саксонскаго племени, которое является на полуостровѣ представителемъ европейской цивилизаціи!

Справедливѣе толковъ о народномъ характерѣ мятежа тѣ упреки, которые теперь со всѣхъ сторонъ раздаются противъ управленія, но и въ этомъ однако много преувеличеній. Ссылаются на письма сэръ-Чарльза Напира, который еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ указывалъ на недостатки тамошней администраціи, на ея полное невѣдѣніе о томъ, что происходитъ за сто миль отъ Калькутты, на безнравственность и жестокость ея агентовъ. Но въ какой бы мѣрѣ ни были справедливы эти обвиненія, не надобно забывать, что английское управленіе здѣсь было, безъ сомнѣнія, самымъ кроткимъ, самымъ челолюбивымъ изъ всѣхъ, которыя въ теченіи вѣковъ смѣняли другъ друга на полуостровѣ. Главный упрекъ, который можно сдѣлать Англіи, состоитъ не столько въ притѣсненіи подвластныхъ ей племенъ, сколько въ той безпорядочной администраціи, которою финансовыя затрудненія Компаніи заставили ее удовольствоваться. Тѣ же финансовыя цѣли руководили и политикою директоровъ. Безпрестанно нуждался въ день-

гахъ, Компанія безпрестанно присоединяла къ своей территоріи прежнія независимыя владѣнія, и тѣмъ раздражала какъ мѣстныхъ государей, такъ и все, что имѣло интересъ въ ихъ поддержаніи. Такое же послѣдствіе имѣлъ способъ дѣйствій Компаніи относительно ея прямыхъ, богатыхъ подданныхъ. Пользуясь всякимъ случаемъ для приобрѣтенія богатыхъ наслѣдствъ, остъ-индское правительство произвело огромное число недовольныхъ и навлекло на себя даже такія подозрѣнія, которыя едва ли основательны. Такъ напримѣръ, въ Остъ-Индіи упрекали правительство въ отравленіи вдовъ низложенныхъ государей для того, чтобъ не платить имъ пенсій. Несомнѣннѣ слѣдующая мѣра, менѣе жестокая, но также несправедливая. Незадолго до возстанія былъ приготовленъ законъ, который имѣеть цѣлю помѣшать индійскимъ милліонерамъ распоряжаться своимъ имуществомъ въ пользу непрямыхъ наслѣдниковъ. По этому закону, имущество, котораго цѣнность превышаетъ тысячу рупій, можетъ быть завѣщано только прямымъ наслѣдникамъ; если ихъ нѣтъ, наслѣдство достается Компаніи. Желаніе увеличить доходы и сократить издержки управленія повело и къ другимъ неблагоприятнымъ мѣрамъ. Между тѣмъ какъ для бѣднаго класса налоги довольно обременительны, между тѣмъ, какъ всякое путешествіе генералъ-губернатора дорого обходится провинціямъ, которыхъ жители обязаны содержать его свиту и выставлять многочисленныя конвои, остъ-индское правительство, тоже изъ денежныхъ видовъ, слишкомъ возвышало туземныхъ богачей, слишкомъ льстило ихъ азіятской гордости. Вынужденное часто прибѣгать къ внутреннимъ займамъ, оно учредило множество важныхъ мѣстъ въ пользу туземцевъ. Такое положеніе еще увеличило то презрѣніе, которое мусульмане вездѣ питаютъ къ христіянамъ. Въмѣсто того, чтобъ быть почетнымъ титуломъ, какъ въ другихъ англійскихъ колоніяхъ, званіе Европейца не было довольно уважаемо въ Остъ-Индіи. При всякомъ столкновеніи Англичанина съ Индусомъ передъ судами, составленными изъ природныхъ Бенгальцевъ, послѣдній былъ заранѣе увѣренъ въ успѣхъ. А такія столкновенія часты. Въ каждомъ англійскомъ домѣ слуги изъ туземцевъ. Справедливо или несправедливо недовольные своими господами, они зовутъ ихъ въ судъ и всегда выигрываютъ дѣло. Къ ошибочной внутренней политикѣ присоединяется малочисленность Англичанъ, которая препятствуетъ имъ напримѣръ организовать порядочную муниципальную полицію. Сюда надобно еще прибавить, что европейскаго войска не только мало, но сверхъ того старинный обычай покупать чины иногда наполняетъ ряды его неспособными офицерами. Объ этомъ обычай, который парламентъ теперь измѣняетъ, мы скажемъ подробнѣе ниже.

Надобно однако сказать, что большая часть неловкихъ мѣръ

ость-индской администраціи вынуждена и особымъ характеромъ страны и исключительнымъ ходомъ завоеванія. Припомнимъ прежде всего, что нездоровый климатъ Ость-Индіи полагаетъ препятствіе къ большому переселенію туда англо-саксовскаго племени. Такимъ образомъ Англичане должны поневолѣ дѣлать изъ туземцевъ орудія своего управленія и не могутъ распространять образованіе между ними съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ другихъ своихъ колоніяхъ. Сверхъ того, есть затрудненія, созданныя самымъ способомъ приобрѣтенія Ость-Индіи. Ость-Индская компанія возникла въ послѣдній годъ XVI столѣтія. 31 декабря 1600 года королева Елисавета дала пятнадцатилѣтнюю привилегію «Компаніи лондонскихъ купцовъ, торгующихъ въ Ость-Индіи», съ монополіей торговли на всѣхъ моряхъ отъ мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива. Первоначальный капиталъ Компаніи былъ ничтоженъ. Онъ состоялъ изъ 80,133 фр. стерл., раздѣленныхъ на сто акцій. Ея цѣль была тоже ограничена. Она не простирала тогда своихъ замысловъ далѣе соперничества съ Португальцами, которыхъ торговля приняла большіе размѣры вслѣдствіе открытія знаменитаго морскаго пути около мыса Доброй Надежды. Первые операціи Компаніи были чрезвычайно счастливы. Въ продолженіи первыхъ десяти лѣтъ она отправила восемь экспедицій и доставила своимъ акціонерамъ дивиденды въ 171%. Долго она не имѣла права заводить военныя поселенія и этимъ отличалась отъ своихъ соперниковъ, Португальцевъ и Голландцевъ. Но факторіи ея безпрестанно терпѣли отъ нападеній туземцевъ, и въ 1686 г. Іаковъ II предоставилъ ей право нападать на Монголовъ, которые ее беспокоили, а вскорѣ послѣ того ей дано было неограниченное право вести войну и заключать миръ «со всѣми государями и народами не-христіанскаго исповѣданія». Съ этихъ поръ Компанія утратила свой прежній характеръ. Она сдѣлалась въ одно время и торговымъ домомъ и правительствомъ. Приобрѣтеніе земель для обложенія ихъ податями начало входить въ составъ ея операцій. Эта сторона ея дѣятельности получила особенный перевѣсъ послѣ 1814 года, потому что въ этомъ году парламентъ отнялъ у нея монополію торговли въ Индіи. Въ 1834 году она лишена была исключительнаго права на торговлю съ Китаемъ, ей даже вовсе было запрещено вести торговлю. Эта мѣра имѣла губительное вліяніе на интересы Компаніи. Издержки управленія Ость-Индіею такъ велики, что не покрываются податями. Лишившись права вести торговлю, Компанія потеряла всѣ выгоды отъ своихъ владѣній, принуждена была прибѣгать къ займамъ и къ той политикѣ, о которой мы говорили выше. Лучшее доказательство ея затруднительнаго положенія представляетъ бюджетъ 1854 года. Въ этомъ году доходъ ея простирался до 662,754,625 франковъ. Изъ этой суммы поземельные доходы и подати доходили до 417 милл.,

остальное доставлено косвенными налогами. За вычетомъ изъ этого дохода 116,758,000 фр. которые поглащаются издержками сбора податей и многочисленными пенсіями низложеннымъ владѣльцамъ, чистый доходъ состоитъ изъ 492,627,000 фр. Расходы же Компаніи въ этомъ году состояли изъ 543,729,000, слѣдовательно превышали доходы слишкомъ на 51 мил. фр. Несмотря однако на эту ежегодную убыль, Компанія продолжаетъ платить своимъ акціонерамъ ежегодный дивидендъ въ $10\frac{1}{2}$ ‰. Чтобы понять, какъ велика и эта издержка, надобно замѣтить, что Компанія постепенно увеличила свой капиталъ до 150 мил. фр., или до 60 мил. ф. стерл. — сумма незначительная, если вспомнить, что это запасный капиталъ государства слишкомъ въ полтораста мил. жителей, но показывающая, какія издержки необходимы и для акціонеровъ. Такое положеніе дѣлъ Компаніи всего болѣе извиняетъ ея дурное управленіе. Совершивъ важную заслугу, завоевавъ для Англіи и европейскаго просвѣщенія такое огромное пространство, Компанія теперь не находится въ уровень съ своимъ положеніемъ, и вѣроятно парламентъ скорѣе упразднитъ ее, что дастъ возможность совершенно преобразовать ость-индское управленіе. Это тѣмъ необходимѣе, что Ость - Индія нужна не для одной англійской торговли. Сюда Англія посылаетъ своихъ чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ, избавляясь этимъ отъ обязанности давать имъ жалованье; а какъ это важно, видно изъ того, что на одни подобные расходы Компанія ежегодно издерживаетъ отъ 200 до 300 милліон.; сюда же стремятся младшіе сыновья аристократіи, которая этимъ средствомъ получаетъ возможность поддерживать старинный блескъ свой. Торговля Англіи съ Остѣ-Индіей въ 1855 году простиралась до 23,595,000 ф. стерл. Это самый важный изъ всѣхъ рынковъ, открытыхъ для Англіи.

Остѣ-индскія происшествія составляли постоянный предметъ заботы для парламента. Почти въ каждомъ засѣданіи нижней палаты министерству предлагали вопросы или объ извѣстіяхъ, полученныхъ правительствомъ изъ Остѣ-Индіи, или объ его распоряженіяхъ для подавленія мятежа. Нѣсколько предложеній, но не въ формѣ биллей, а въ формѣ простаго парламентскаго разговора, было сдѣлано со стороны представителей. Советовали перевозить войско черезъ Египецъ и Черное море, употребить для перевозки солдатъ военныя суда и т. д. Министерство не изъявило согласія ни на одно изъ этихъ мнѣній. О собственныхъ распоряженіяхъ оно сообщало немного и, какъ кажется, старалось высказываться какъ можно менѣе. Такъ обыкновенно дѣйствуетъ во время затрудненій теперешній первый министръ королевы. Въ теченіи восточной войны онъ тоже высказывался неохотно, уступая только настоятельному требованію палаты и общественнаго мнѣнія. Относительно перевозки солдатъ, у лорда Пальмерстона вырвалось опасеніе, которое показываетъ мало вѣры

въ прочность современныхъ политическихъ отношеній. «Правительство, объявилъ онъ, потому не можетъ употребить военныхъ судовъ для перевозки арміи, что при ихъ удаленіи берега Соединеннаго Королевства остались бы беззащитными...» Конечно, такія слова довольно странны въ устахъ одного изъ основателей англо-французскаго союза, еще недавно окрещеннаго именемъ «сердечнаго согласія» (*entente cordiale*), но надобно замѣтить, что они находятъ отголосокъ въ англійскомъ обществѣ. *Times*, другая общественная сила Англии, высказалъ полное одобреніе осторожности перваго министра. Не говоря прямо о возможности нападенія со стороны какой-нибудь державы, этотъ журналъ находитъ однакоже, что «Англіи можетъ угрожать серьезная опасность вслѣдствіе перемѣны направленія въ континентальной политикѣ...»

Послѣднія засѣданія парламента отличались тѣмъ единодушіемъ, которое всегда проявляется въ государственной жизни Англии, когда ей откуда-нибудь грозитъ опасность. Оппозиція и министерство, верхняя и нижняя палаты, путемъ взаимныхъ уступокъ, порѣшили большую часть затруднительныхъ вопросовъ. Билль о милиціи прошелъ изъ первыхъ и безъ сильныхъ возраженій. По этому поводу лорду Пальмерстону пришлось защищаться отъ упрека въ несвоевременномъ сокращеніи англійской арміи. Онъ защитилъ себя побѣдносно. «Деспотическое правительство, сказалъ онъ, конечно сохранило бы въ арміи полный комплектъ солдатъ и въ мирное время. Не отдавая никому отчета въ своихъ расходахъ и постоянно опираясь на войско, оно должно и можетъ это сдѣлать... Конституціонныя правительства не имѣютъ этой свободы. Но за то, когда наступаетъ война, ихъ преимущества выступаютъ въ полномъ блескѣ. Въ такія минуты народъ, какъ одинъ человекъ, соединяется на помощь своему правительству. Ничего подобнаго не бываетъ въ деспотическихъ государствахъ...»

Другой вопросъ, находящійся въ связи съ современными происшествіями, касается стариннаго обычая продавать военные чины. Онъ возникъ еще въ прошломъ году, когда происшествія восточной войны обратили вниманіе Англии на существенные недостатки въ устройствѣ ея арміи. Для подробнаго опредѣленія всѣхъ неудобствъ прежняго порядка, была назначена слѣдственная коммиссія, которая окончила свою работу еще въ маѣ прошлаго года. Изъ десяти членовъ, которые ее составляли, четверо не согласились съ заключеніемъ большинства, и это замедлило преобразованіе. Англійская система повышенія въ чины, остатокъ старины, представляетъ столько страннаго и любопытнаго, что мы не можемъ не сказать о ней нѣсколько словъ. Замѣтимъ прежде всего, что вопросъ объ ея измѣненіи возникалъ не однажды. Различныя коммиссіи занимались имъ съ 1840 до 1854 года, но до смерти герцога Веллингтона, рев-

ностнаго поборника прежняго порядка, коренное преобразование было невозможно. Въ 1854 году повышенія сдѣланы болѣе легкими, но система продажи чиновъ удержана въ полной силѣ. Новая коммиссія предложила важныя измѣненія, но не требуетъ совершенной отмены стараго обычая. Вѣроятно, впрочемъ, что источникомъ такого мнѣнія было не одобреніе существующаго порядка, а несогласіе съ представленными проектами измѣненія.

Продажа чиновъ не освящена никакимъ закономъ. Она основывается на одномъ обычаѣ и существуетъ со времени учрежденія регулярныхъ войскъ. Когда въ эпоху реставраціи, при Карлѣ II, была учреждена гвардія, набранная изъ королевскихъ приверженцевъ, то офицерамъ было предоставлено право продавать свои мѣста. Тогда эта привилегія не имѣла въ себѣ ничего необыкновеннаго. Всѣ гражданскія должности продавались: отчего же было не продавать и военныя? Вильгельмъ III запретилъ продажу чиновъ, но вскорѣ она возобновилась, и была въ 1741 году только ограничена запрещеніемъ подобныхъ сдѣлокъ безъ предварительнаго королевскаго согласія. Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ выходили таксы чиновъ; послѣдняя составлена въ 1821 году. Въ настоящее время молодой человекъ можетъ поступить въ армию двоякимъ образомъ. Для поступленія нужно во всякомъ случаѣ назначеніе отъ главнокомандующаго, но этимъ назначеніемъ дается только чинъ: должность, команда пріобрѣтается посредствомъ покупки. Офицеры производятся въ чины или съ переводомъ въ другой полкъ или съ оставленіемъ въ прежнемъ. Въ первомъ случаѣ покупка чина не допускается; но когда въ томъ же полку открывается вакансія вслѣдствіе выхода въ отставку старшаго офицера, то всякій младшій офицеръ, прослужившій въ прежнемъ чинѣ установленное число лѣтъ, имѣетъ право купить у выходящаго должность его, подъ условіемъ согласія полковаго командира или главнокомандующаго. Если никто изъ способныхъ офицеровъ не изъявитъ желанія пріобрѣсти вакантную должность, то вакансія замѣщается или изъ офицеровъ другаго полка, или изъ числа тѣхъ, которые состоятъ на половинномъ жалованьѣ. Право покупки продолжается до чина подполковника; высшіе чины уже не могутъ быть пріобрѣтены этимъ способомъ. Но до чина подполковника она всегда возможна, и вслѣдствіе этого бѣдные офицеры, которые не въ состояніи заплатить за чинъ, могутъ быть обойдены младшими. Это дѣлается такимъ образомъ. Старый подполковникъ напримѣръ желаетъ выйти въ отставку. Онъ требуетъ за свой чинъ выше таксы и выходитъ только въ этомъ случаѣ. Если майоръ не въ состояніи заплатить требуемую сумму, а капитанъ ее предлагаетъ, то послѣдній получаетъ мѣсто, и всѣ младшіе офицеры, если только у нихъ есть деньги, могутъ быть повышены въ чинахъ. Ко всему этому присоединяются злоупотребленія. Чувствуя опасность подобнаго порядка, при которомъ

люди неспособные занимаютъ въ арміи важныя мѣста, коммиссія предлагаетъ измѣнить его. Но перемѣны она предлагаетъ очень незначительныя. Онѣ состоятъ, во первыхъ, въ запрещеніи продавать чинъ подполковника и въ ограниченіи продажи чиномъ майора; во вторыхъ, въ назначеніи полковыхъ командировъ посредствомъ выбора, и третьихъ, въ опредѣленіи подполковниковъ отъ полковыхъ командировъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ.

Знаменитому биллю о разводѣ угрожала большая опасность въ палатѣ лордовъ. Ей приходилось принять или отвергнуть измѣненія, сдѣланныя въ проектѣ нижнею палатой. Такъ какъ эти измѣненія довольно важны и сдѣланы въ либеральномъ духѣ, а въ верхней палатѣ есть члены, одержимые крайнею нетерпимостію въ дѣлахъ вѣры, то билль въ его новомъ видѣ легко могъ быть отвергнутъ. Но вѣроятно не желая поселить разногласія между палатами въ такую важную минуту, и безъ нужды протянуть засѣданія парламента, лордъ Редесдаль, который наиболѣе противился биллю, взялъ назадъ свое предложеніе.

Засѣданія палатъ закрыты 28-го августа, съ обыкновенною церемоніею, въ верхней палатѣ, куда для этого были приглашены члены нижней. Парламентъ отсроченъ до 6-го ноября. Королева не присутствовала лично, и рѣчь ея была прочитана лордомъ канцлеромъ. Въ тронной рѣчи нѣтъ важныхъ указаній на будущую политику кабинета. Въ виду такихъ обстоятельствъ, которыхъ исходъ еще трудно предвидѣть въ настоящее время, и не могло быть иначе. Публика и журналы поняли необходимость подобной осторожности. Королева упоминаетъ объ Остѣ-Индіи только для того, чтобъ выразить свое сожалѣніе о происходящихъ тамъ событіяхъ. Остальная часть рѣчи посвящена обзору законовъ, утвержденныхъ нынѣшнимъ парламентомъ, которому королева изъявляетъ свою благодарность за ревностное содѣйствіе правительству.

Говорилось о назначеніи новыхъ перовъ. Между ними называютъ лорда Джона Росселя, но послѣдній не намѣренъ принять этого званія. Одинъ изъ главныхъ вождей партіи виговъ, онъ не охотно займетъ второстепенное мѣсто въ верхней палатѣ, гдѣ предводительство этой партіи издавна остается за лордомъ Греемъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ званіе пера произведенъ знаменитый историкъ, г. Маколей.

Во Франціи и въ эти двѣ недѣли немного внутреннихъ событий. Внѣшняя политика, по обыкновенію, играетъ здѣсь первую роль, а изъ мѣстныхъ происшествій всего болѣе шума дѣлаютъ великолѣпные праздники императорскаго двора. Журналы наполнены разказами о праздникахъ 15-го августа, въ день именинъ императора, и объ открытіи Лувра. Но мы не станемъ передавать этихъ разказовъ, и скажемъ только о тѣхъ немногихъ внутреннихъ вопросахъ, которые пробивались наружу среди этихъ торжествъ.

Въ настоящее время сенатъ разсматриваетъ проектъ важнаго устава, который долженъ пополнить французское законодательство. Это такъ-называемый сельскій уставъ (code rural), содержащій правила благоустройства относительно сельскаго быта. Предложеніе о оставленіи подобнаго устава было сдѣлано два года тому назадъ сенаторомъ барономъ де-Лабусеттомъ. Сельскій уставъ долженъ состоять изъ трехъ книгъ. Первая относится къ устройству поземельной собственности. Отчетъ о ней, составленный г. Казабянкою, былъ обнародованъ въ прошломъ году. Теперь въ «Монитерѣ» напечатанъ отчетъ о второй книгѣ, содержащей правила о пользованіи водами. Эта книга будетъ состоять изъ шести отдѣловъ: 1) общія правила, 2) о судоходныхъ рѣкахъ, 3) о не судоходныхъ рѣкахъ, 4) объ источникахъ и дождевой водѣ, 5) о стоячей водѣ, 6) о подсудности споровъ, касающихся пользованія водами. Третья книга, которая еще не готова, будетъ содержать правила сельской полиціи.

Верховная комиссія, учрежденная для надзора за обществами взаимнаго вспомошествованія, недавно представила императору обширный отчетъ о положеніи этихъ обществъ. Отчетъ излагаетъ дѣйствія ихъ въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, послѣ декрета 26-го марта 1852 года, которымъ они нынѣ руководствуются. Надобно отдать справедливость, что результаты получены блестящіе. Число обществъ, простиравшихся въ 1852 году до 2,438, въ концѣ 1856 было 3,404. Число членовъ увеличилось отъ 271,077 до 426,463. Запасный капиталъ, состоявшій изъ 10,714,887 фр., теперь составляетъ 16,532,310 фр. 93 сент. Въ концѣ 1852 года обществъ, одобренныхъ правительствомъ и пользовавшихся особыми привилегіями, было только 50; въ концѣ 1856 г. ихъ было уже 1,406. Запасной ихъ капиталъ состоялъ 31 декабря 1852 года изъ 728,318 фр. 6 сент., а въ то же число 1856 г. изъ 5,803,304 фр. 57 сент. Такимъ образомъ въ пять лѣтъ число обществъ увеличилось на 40%, число ихъ членовъ на 57%, а капиталъ на 54%. Число одобренныхъ обществъ увеличилось въ 28 разъ. Замѣчательно также, что въ настоящее время между членами обществъ гораздо болѣе женщинъ, чѣмъ прежде. Прежде ихъ было 26,181, теперь ихъ 47,982, слѣдовательно почти вдвое.

Скажемъ въ заключеніе о такомъ происшествіи, которое произвело сильное впечатлѣніе въ неофициальной Франціи. Это рѣчь того оратора, котораго слова не одинъ разъ будили общество въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, — рѣчь графа Монталамбера, произнесенная имъ въ качествѣ предсѣдателя института. Извѣстно, что каждое изъ пяти отдѣленій института по очереди избираетъ общаго президента. Въ нынѣшнемъ году была очередь французской академіи, которая назначила г. Монталамбера. 15-го августа, въ день торжественнаго приема въ Тюльери, г. Монталамберъ, по своему официальному за-

нью, участвовалъ въ представленіи. Это дало поводъ къ толкамъ о его сближеніи съ правительствомъ; но черезъ два дня рѣчь знаменитаго оратора вывела публику изъ этого заблужденія. Говоря о недавнихъ потеряхъ института, геометръ баронъ Коши, живописецъ Полъ де-Ларошъ и славномъ Августинъ Тьерри, г. Монталамберъ напомнилъ публикѣ объ ихъ постоянной, неутомимой преданности наукъ и искусству, о ихъ гражданскихъ доблестяхъ и вѣрности своимъ убѣжденіямъ. «Вспомните, сказалъ онъ, — почти послѣднія слова Авг. Тьерри: есть нѣчто лучшее матеріальныхъ наслажденій, лучшее, чѣмъ счастье, лучшее, нежели самое здоровье: это преданность наукъ.» Благородная дѣятельность этихъ людей дала оратору случай поговорить о современномъ направленіи общества. Въ сильныхъ и строгихъ выраженіяхъ упрекалъ онъ молодое поколѣніе за овладѣвшій имъ грубый эмпиризмъ, за то направленіе, которое, подъ именемъ реализма, отрывается отъ высшихъ стремленій науки и жизни и позорно мирится съ дурными сторонами общественной жизни, не умѣя противостать бѣгущему потоку. Рѣчь г. Монталамбера произвела сильное и не безплодное впечатлѣніе. Журналы долго о ней толковали, и немногіе осмѣлились порицать ее. Нѣкоторые, не соглашаясь съ нею, спѣшили однако заявить свое неполное довольство современностию.

Въ Италіи не происходило ничего особенно замѣчательнаго. Въ Неаполѣ продолжается процессъ инсургентовъ. Въ Сардиніи возводятся укрѣпленія Алессандріи. По этому поводу піемонтское правительство получило изъявленіе сочувствія изъ Сѣверной Америки. Жители Бостона прислали въ Алессандрію пушку, въ знакъ своего сочувствія къ конституціонному правительству Піемонта и къ его патріотической роли въ Италіи.

Въ Австріи правительство намѣрено уменьшить комплектъ войска, составляющаго гарнизонъ Ломбардо-венеціянскаго королевства и Рима. Путешествіе императора въ Венгрію возобновилось. Носятся слухи о договорѣ съ Пруссіей, по которому судебныя и административныя мѣста обоихъ государствъ получаютъ право непосредственно сноситься другъ съ другомъ.

Въ Швеціи законъ о свободѣ совѣсти, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣній, сдѣлалъ мало успѣха въ послѣднее время. Извѣстно, что новому проекту даютъ названіе закона о свободѣ совѣсти единственно за неимѣніемъ другаго термина. Въ сущности вѣротерпимость немного отъ него выигрываетъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы не подвергать конфискаціи имѣнія оставившихъ протестантскую церковь, и не наказывать за пропаганду. Къ сожалѣнію, даже скромная мѣра правительства не очень популярна въ Швеціи. Изъ всѣхъ журналовъ только одинъ взялъ на себя защиту закона. Протестантизмъ не только связанъ со всею го-

сударственной исторіею Швеціи, но еще пустилъ корни въ самыя нравы. Этимъ объясняются опасенія передъ новою мѣрою. Нельзя однако не замѣтить, что опасенія подобнаго рода часто простираются слишкомъ далеко и доходятъ даже до смѣшнаго. Такъ напримѣръ еще въ нынѣшнемъ году палаты дворянства и духовенства, особенно враждебныя духу нововведеній, отвергли законъ о разрѣшеніи практики врачамъ непротестантскаго исповѣданія и дарованіи лицамъ, не принадлежащимъ къ господствующей церкви, права преподавать науки и искусства. Почти такую же участь имѣло до сихъ поръ и новое предложеніе правительства. Верховный судъ, отъ котораго сеймъ требовалъ мнѣніе по этому вопросу, далъ отзывъ въ пользу стараго закона. Законодательный комитетъ, на который сеймъ возложилъ потомъ разсмотрѣніе проекта, тоже отвергнулъ его значительнымъ большинствомъ. Правительство однако не отказалось отъ своего проекта. Оно переработало его и представило опять сейму. Въ новомъ проектѣ пропаганда въ пользу другихъ исповѣданій не запрещается, если совершается путемъ *простою убѣжденія*; удержано также уничтоженіе надзора за религіознымъ воспитаніемъ дѣтей въ случаѣ обращенія родителей къ другой церкви. Трудно сказать, будетъ ли проектъ имѣть какой-нибудь успѣхъ и въ этомъ новомъ видѣ. Палаты дворянства и духовенства, будутъ противъ него; палата крестьянъ находится подъ сильнымъ вліаніемъ духовенства.

Неудобство шведской конституціи, состоящей изъ четырехъ отдѣльныхъ палатъ, выразилось еще по поводу закона о желѣзныхъ дорогахъ. Палаты никакъ не могли согласиться относительно величины суммы расхода. Проектъ долго странствовалъ изъ палаты въ палату. Наконецъ, чтобъ достигъ какого-нибудь результата, сеймъ долженъ былъ удвоить число членовъ въ финансовомъ комитетѣ, назначенномъ для разсмотрѣнія проекта.

Палата дворянства отвергла законъ объ ограниченіи права короля объявлять войну и заключать миръ.

Въ Турціи недавно возобновились насилія мусульманъ противъ христіанскаго населенія въ провинціяхъ. Магометанскіе фанатики, раздраженные послѣдними событіями, обращаютъ христіанъ въ ислаимизмъ посредствомъ насилія. Подобные случаи были въ Шумлѣ. Саидъ-Паша, управляющій Булгаріей, строго наказалъ виновныхъ въ насиліи. Черногорцы производятъ набѣги на турецкую территорию. Говорятъ, что во главѣ ихъ нерѣдко находится самъ князь Данилъ.

Въ Тунисѣ послѣ страшной казни еврея, обвиненнаго въ хуль на мусульманскую религію, происходили новые безпорядки, при которыхъ евреи и христіане подвергались разнымъ насиліямъ. Бей долго оставался къ этому совершенно равнодушнымъ; но наконецъ, вынужденный угрозами европейскихъ консуловъ, рѣшился наказать зачинщиковъ.

С М Ъ С Ъ

ПАРИЖСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1857 ГОДА.—Последнія французскія «Обозрѣнія» содержатъ подробные отчеты о художественной выставкѣ нынѣшняго года въ Парижѣ. Хотя число однихъ произведеній, относящихся до живописи, свыше 2700, тѣмъ не менѣе выставка эта не принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ: она не будетъ отмѣчена въ исторіи французскаго искусства. Главные его современные представители, историческіе живописцы Энгръ, Делакруа, Деканъ, и знаменитые ландшафтные живописцы Тройонъ и Роза Бонёръ не выставили ни одной картины. Это отсутствіе объясняется многими причинами. Одна изъ главныхъ есть та, что живописцы во Франціи обыкновенно смотрятъ на выставки, не какъ на учрежденіе, показывающее результатъ художественной дѣятельности цѣлой страны въ извѣстный періодъ времени, и имѣющее цѣлю дать публикѣ ясное понятіе о точкѣ совершенства, до которой достигло искусство, но какъ на средство познакомить публику съ своимъ именемъ и трудами. Поэтому, упрочивъ однажды свою славу, они перестаютъ посылать свои произведенія на выставки, совершенно предоставляя арену юнымъ бойцамъ.

Несмотря на значительный пробѣлъ въ именахъ, выставка нынѣшняго года не лишена интереса. Общее вниманіе обратили на себя картины изъ военной исторіи послѣдней войны съ Россією: онѣ принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ выставки 1857 года. Французы выше всего на свѣтѣ ставятъ свою военную славу и безъ устали прославляютъ себя въ поэмахъ и картинахъ. Едва смолкъ громъ оружія, какъ поэты и художники начали вдохновляться событіями послѣдней войны.

Къ сожалѣнію, судьи французской академіи не удостоили наградою ни одного поэта на заданную въ нынѣшнемъ году тему о Крымскомъ походѣ, и лучшія батальныя картины нынѣшней выставки не принадлежатъ къ числу гениальныхъ произведеній. Видно, вѣкъ офиціальнаго восторга прошелъ. На долю знаменитаго Гораса Верне выпало изображеніе *Битвы при Альмѣ*. Новое его произведеніе сочинено рѣшительно по образцу его *Взятія Смалы*, составляющей украшеніе Версальскаго историческаго музея: всѣ лица перваго плана внушаютъ равный интересъ, и взору не на чемъ сосредоточиться. Въ картинѣ нѣтъ художественной композиціи, несмотря на ловкое исполненіе и превосходное, безошибочное, знаніе всѣхъ военныхъ деталей. Картина Пила *Высадка французскихъ войскъ въ Крыму* болѣе отличается истинною и одушевленною жизнію, чѣмъ произведеніе Гораса Верне, хотя и не написана съ тѣмъ совершенствомъ техни-

чекимъ, которое удивляетъ зрителя въ картинахъ ветерана французской батальной живописи. Картина Шарпантье: *Битва при Черной*, въ самомъ дѣлѣ изображаетъ сраженіе, гдѣ люди проливаютъ кровь. У художника много энергии и воображенія; жаль только, что колоритъ всего произведенія слишкомъ сѣръ. Всѣхъ слабѣе картина Ивона, изображающая *Взятіе Малахова кургана*. Этотъ же батальный характеръ имѣетъ и отдѣленіе портретной живописи, гдѣ французская публика смотритъ съ любопытствомъ на портреты маршаловъ Канробера, Боске, Барэгэ-д'Илле (Baraguey-d'Hilliers) и т. д.

Изъ прочихъ картинъ выставки въ особенности замѣчательна *Карлъ V въ монастырѣ Св. Юста*, Роберта Флери. Она написана по новѣйшимъ разказамъ о послѣднихъ дняхъ жизни этого великаго челоуѣка историковъ Стерлинга и Минье, знакомымъ читателямъ нашего журнала. Лица этой картины очень выразительны и живы, но аксессуары играютъ въ ней слишкомъ значительную роль. Журналы необыкновенно хвалятъ картину Жерома: *Дуэль по выходу изъ маскарада* (la Sortie du bal masqué). Говорятъ, она основана на дѣйствительномъ происшествіи. Всѣ лица этой драмы, еще разгоряченныя весельемъ, въ шутовскихъ нарядахъ маскарада, написаны съ изумительною и страшною истиною. Раненный Пьерро, котораго лицо начинаетъ покрывать смертная блѣдность, видимая подъ слоємъ лежащей на немъ муки, падаетъ на руки отчаянныхъ его друзей. Арлекинъ-убійца смотритъ съ безумнымъ испугомъ на свою жертву. Его свидѣтель стремится увлечь его. Не менѣе, говорятъ, превосходны всѣ подробности этой картины, и мрачный эффектъ ея еще увеличиваетъ снѣгъ, на которомъ едва замѣтны слѣды шаговъ. Г. Жеромъ ученикъ Поля Делароша и Глейра.

Журналы хвалятъ также картину Гамона: le Ricochet, анекдотическія картины Конта, страшныя анатомическія сцены, которыя изображаетъ для стѣнъ парижской медицинской школы художникъ Мату, и микроскопическія картины Мейсонье.

Ландшафтная живопись процвѣтаетъ во Франціи. На нынѣшней выставкѣ привлекаютъ общее вниманіе ландшафты Коро, Добиньи, Франсе, Теодора Руссо и Дежобера.

Присоединяемъ къ этому нѣсколько замѣтокъ очевидца, — отрывокъ изъ письма нашего парижскаго корреспондента (г. Фельдена), которое помѣщено въ прошлой книжкѣ «Русскаго Вѣстника», но по причинѣ позднаго полученія не могло быть напечатано вполнѣ.

«О художественной выставкѣ я успѣлъ сказать вамъ лишь нѣсколько словъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ.

«Первое впечатлѣніе, какое испытываешь при входѣ на выставку, далеко неблагоприятно. Всѣ еще живо помнят выставку 1855 года, и это подавляющее воспоминаніе въ состояніи разрушить эффектъ всякаго новаго торжества подобнаго рода. Настоящая выставка имѣетъ на своей сторонѣ еще ту невыгоду, что почти всѣ знаменитые художники, какъ я писалъ вамъ, не выставили своихъ произведеній. Скудость ея причинена еще и тѣмъ, что наши художники не хотятъ болѣе вдохновляться исторіею и религіею, между тѣмъ какъ только исторія и религія образуютъ великихъ живописцевъ и великія школы. Слѣдствіемъ этого было рѣшительное господство *жанра* надъ другими родами живописи, появленіе множества мелкихъ живописцевъ (въ произведеніяхъ которыхъ много граціи, тонкой наблюдательности и ловкости) и рѣшительное отсутствіе великихъ художниковъ.

«Такимъ образомъ на нынѣшней выставкѣ г. Горасъ Верне царствуетъ, какъ кажется, безпрепятственно и безраздѣльно... Безраздѣльно... мы должны сдѣлать исключеніе и признать другой авторитетъ, который былъ провозглашенъ почти единодушно, и который повидимому оспариваетъ у Верне пальму первенства. Я говорю о г. Робертѣ Флѣри и его *Карль V*. Извѣстность этого художника давно уже упрочена, но его упрекали, и не безъ основанія, въ излишней яркости красокъ и искусственности колорита. Г. Робертъ Флѣри на этотъ разъ привелъ всѣхъ въ восторгъ своимъ *Карломъ V*. Даже критики прежней школы принесли повинную и сознались, что искусство побѣдило критику. Наконецъ *Карль V* былъ признанъ лучшимъ произведеніемъ выставки. Успѣхъ, какъ видите, блистательный и при томъ вполне заслуженный. Въ 1587 году Филиппъ II, изнемогая въ борьбѣ съ политическими затрудненіями, отправляетъ посла къ Карлу V просить у него совѣтовъ и наставленій, какъ отвратить угрожающую ему опасность. Карлъ V, сидя въ широкомъ креслѣ, среди своего новаго, набраннаго изъ монаховъ, двора, холоднаго и безстрастнаго какъ сама смерть, принимаетъ блестящаго посланника отъ своего сына: рѣзкій контрастъ мірской суеты съ набожнымъ уединеніемъ.

«Трудно опредѣлить, къ какому роду живописи принадлежитъ произведеніе Робера Флѣри, и конечно я этого не поставлю ему въ вину. Что толку въ классификаціяхъ! Предоставьте ихъ натуральной исторіи, царству растительному и минеральному, но не стѣсняйте ими свободнаго искусства. Наконецъ, у насъ и безъ того много системъ, партій и школъ. Но, мимоходомъ, поздравимъ г. Робера Флѣри съ тѣмъ, что онъ сумѣлъ остаться самостоятельнымъ, и, подобно «Мизантропу», предпочтемъ всѣмъ системамъ и школамъ трудъ и оригинальность. Г. Робертъ Флѣри прежде всего художникъ свободный и добросовѣстный. Въ глубокомъ размысленіи и въ созерцаніи прошедшаго ищетъ онъ залоговъ будущихъ успѣховъ.

«Когда мысль послѣ своего порывистаго полета, называемаго романтизмомъ, остановилась, желая знать, какъ далеко она ушла, и какіе добыла результаты, ей предсталъ «неизвѣстный», «самозванецъ» съ длинною бородой, растрепанными волосами, грязными руками, кривоногій и изуродованный. Онъ хотѣлъ, чтобы его называли современностию, прогрессомъ, дѣйствительностию, и провозгласилъ, что внѣ его нѣтъ спасенія, что въ немъ—то именно и заключалось истинное искусство, потому что онъ не могъ ничего создать своимъ воображеніемъ, не могъ смотрѣть на вещи глазами художника и рабски копировалъ дѣйствительность.

«Этотъ незнакомецъ былъ г. Курбѣ, воплощенный реализмъ. Вы, м. г., знаете г. Курбѣ только по его произведеніямъ и можетъ-быть воображаете его какимъ-нибудь чудовищемъ или Квазимодо? О, нѣтъ! въ томъ-то и состоитъ невѣроятный, невозможный анахронизмъ: г. Курбѣ настоящій Аполлонъ Бельведерскій, съ тою только разницей, что онъ кромѣ того удивительный билиардный герой. Къ сожалѣнію, персонажи г. Курбѣ далеко не Адонисы. Мы не забыли еще прятничныхъ молодцовъ, которые отличались на предпоследней выставкѣ подъ псевдонимомъ *атлетовъ*. Боже мой, какія отвратительныя рожи! Это было торжество *жанра*! Иные называли это произведение истиной, но я, признаюсь, не встрѣчалъ въ природѣ ничего безобразнѣе этого! Есть люди, которые занимаются *скучными* родомъ живописи и съ такимъ успѣхомъ, что передъ ихъ произведеніями зѣваешь совершенно непринужденно и натурально, и задаешь себѣ столь же натуральный вопросъ: Боже мой! что мнѣ до всего этого?

«Г. Курбѣ боится навести скуку своими произведеніями и желая избѣжать этого соблазна, а также преувеличенія, чувствительности и аффектаціи, онъ предался «безобразному» роду живописи. Не будемъ впрочемъ слишкомъ строги къ г. Курбѣ. Страшный шумъ, поднятый имъ, давно затихъ. Теперь съ нимъ спорятъ хладнокровно вмѣсто того, чтобы надъ нимъ смѣяться во все горло. Всѣ поняли, что его примѣръ незаразителенъ, и что недостатки его, которые заключаются единственно въ ложномъ направленіи, скорѣе уступятъ равнодушію критики, нежели ея гнѣву. Самъ художникъ, который не лишенъ таланта, возвращается, какъ кажется, на путь истины въ нынѣшнемъ году. Хотя его типы и не совсѣмъ благородны, но все-таки очень далеки отъ тѣхъ недостойныхъ каррикатуръ, которыя назывались *атлетами* и *купающимися женщинами*.

«Впрочемъ никто не откажетъ г. Курбѣ въ достоинствахъ исполненія: его кисть тверда и вѣрна; жаль только, что эти прекрасныя качества гибнутъ въ дикомъ стремленіи къ «безобразному».

«Не такъ понимали искусство въ его истинной родинѣ, въ древней Греціи. Она умерла, прекрасная Греція!.. Но мы можемъ утѣшиться: у насъ есть г. Гамонъ, подновленный Грекъ, отдаленный потомокъ

Грековъ времянь Перикла и Аспазиі. Г. Гамонъ прошелъ чрезъ школу г. Энгра, но онъ прибавилъ къ ней греческій міръ и совершенно измѣнилъ манеру учителя: онъ понизилъ и сократилъ ее. Г. Энгръ, который вѣренъ преданіямъ школы Давида, дорожитъ только линіей; его убѣжденія строги и рѣшительны. Онъ бредитъ Рафаэлемъ: вѣтъ Рафаэля нѣтъ спасенія, говоритъ г. Энгръ. Г. Гамонъ, болѣе уступчивый и любезный, имѣетъ претензію модернизировать Грековъ. Въ самомъ же дѣлѣ ему удалось произвести нѣчто вовсе не похожее ни на греческое, ни на современное. Вотъ манера г. Гамона: молодая женщина, блѣлая и розовая, болѣе розовая, нежели самая розовая пастель, съ цвѣтомъ тѣла, похожимъ на творогъ, расчесываетъ шелковистые волосы стоящему передъ ней ребенку. Онъ еще розовѣе матери, потому что необходима постепенность въ колерахъ. Подумайте же немного о цвѣтѣ. Между тѣмъ какъ мать дѣвочки занимается ея волосами, сама она занимается такимъ же уборомъ куклы, которая — *hoggesco gefegens* — еще краснѣе дѣвочки. Не подумайте, что это выдумка, преувеличеніе, красное словцо. Ничего не можетъ быть существеннѣе, и описанная мною картина была прислана въ нынѣшнемъ году на выставку. Вотъ вамъ поэзія и современная жизнь или, если это выраженіе вамъ болѣе нравится, поновленная древность. Чтò касается до чистой древности, то не спрашивайте меня о ней. Я лучше люблю маленькихъ, розовенькихъ и кокетливыхъ женщинъ г. Гамона, чѣмъ его воображаемыхъ Грековъ. Образчики у насъ были, и въ числѣ прочихъ — картина: «Здѣсь нѣтъ моей сестры», которая произвела живое впечатлѣніе. Дебютъ г. Гамона, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчался огромнымъ успѣхомъ. Во Франціи стоить только нарисовать что-нибудь красивое или кокетливое, и за рукопесканіями дѣло не станеть. Къ счастью, они бывають не продолжительны, и здравая критика всегда произноситъ судъ надъ авторитетами, возвеличенными буржуазіею. А потому противъ г. Гамона возникаетъ серіозная реакція, и надо сознаться, что она заходитъ даже слишкомъ далеко. Мѣщанинъ, который еще въ 1855 году таялъ отъ восторга при видѣ картины за подписью г. Гамона, сегодня съ презрѣніемъ отвращаетъ отъ нея свои взоры и, оскаливъ зубы, указываетъ на нее пальцомъ.

«Если г. Гамонъ уменъ — а такой граціозный живописецъ, какъ онъ, не можетъ не быть человѣкомъ умнымъ — онъ не смутится этою маленькою измѣною фортуны. Онъ воспользуется ею, остановится на роковомъ краю бездны жеманства, и укрѣпитъ свою манеру.

«Однакожь сознаемся, что мы можетъ-быть слишкомъ далеко зашли: г. Гамонъ — мы готовы повторить это сто разъ — достойный живописецъ, несмотря на его недостатки. Притомъ онъ еще очень молодъ. Главный недостатокъ его состоитъ въ несовершенствѣ колорита: онъ, кажется, не понимаетъ ни гармоніи, ни мелодіи красокъ. Въ похвалу

ему надо еще прибавить, что никто болѣе его не понимаетъ глубокой и нѣжной поэзіи дѣтства.

«Г. Гамонъ имѣетъ школу, и притомъ многочисленную, вслѣдствіе своего первоначальнаго успѣха. Но что сказать намъ о бѣдныхъ его ученикахъ, если мы выказали такую строгость къ учителю? Мнѣ никогда не случалось видѣть ни въ *Charivari*, ни въ *Journal pour rire* каррикатуръ болѣе размашистыхъ, чѣмъ произведенія этихъ господъ. И называть это греческими и современными типами!

«Избавишь ли ты насъ отъ Грековъ и Римлянъ, о Юпитеръ! О если бы г. Курбѣ оказалъ намъ эту услугу, или по крайней мѣрѣ послужилъ оплотомъ противъ этого наводненія жеманства и изысканности. Ужь если реализмъ на что-нибудь годенъ, такъ именно на это!

«Оставимъ же въ сторонѣ всѣхъ женоподобныхъ господъ и птимеровъ, и перейдемъ къ художнику, который составляетъ съ ними самый рѣзкій контрастъ, и о которомъ я непремѣнно хочу сказать вамъ нѣсколько словъ. Таланту г. Доре (Густава) мы горячо сочувствуемъ, и не одни мы, а цѣлый свѣтъ. А потому мы встрѣтили выставленные имъ нынче картины съ сожалѣніемъ и даже съ грустью. Мы любимъ его пылокое и грандіозное воображеніе, и мы въ отчаяніи даже оттого, что онъ впалъ въ преувеличеніе хотя бы и своихъ достоинствъ. Неужели враждебныя предположенія нѣкоторыхъ критиковъ должны осуществиться и неужели невѣроятная плодовитость г-на Доре неспособна произвести что-нибудь прочное? Дай Богъ, чтобы ничего этого не было, и мы желаемъ г-ну Доре, чтобы онъ, слушаясь совѣтовъ истинныхъ друзей, побѣдилъ трудомъ эту опасную плодовитость. Мы находимъ, что этотъ двадцатитрехъ-лѣтній великій художникъ обѣщаетъ быть современемъ Шекспиромъ живописи, и что если онъ захочетъ серьезно трудиться и заняться тщательной отдѣлкой своихъ смутныхъ и неопредѣленныхъ созданій, то сдѣлается первокласснымъ художникомъ. Намъ ручаются за это его безчисленныя иллюстраціи, которыя поглотили бы все существованіе иного художника, его *Rabelais* и особенно эта легенда о *Въчномъ Жидѣ*, печальная и грандіозная какъ судьбы міра. Повторямъ, г. Густавъ Доре долженъ быть остороженъ, и критики, которыя появились и еще появятся по поводу выставленныхъ имъ въ нынѣшнемъ году картинъ, должны имѣть для него очень важное значеніе.

«Не распространяясь о другихъ произведеніяхъ, прибавлю, что парижская публика посѣщала выставку очень прилежно. Никогда на выставкѣ не было большаго стеченія, чѣмъ въ этомъ году. Что ни говорите, а Парижане народъ артистическій.»

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ДО

ТЫСЯЧИ РИСУНКОВЪ, ПЛАНОВЪ. КАРТЪ И ПРОЧ.

Съ соизволенія Государя Императора будетъ выходить новая еженедѣльная газета «Иллюстрація». Первый номеръ выйдетъ 1-го января 1858 года.

Пятьдесятъ номеровъ составятъ годовое изданіе. Каждый номеръ, въ листъ большаго формата, будетъ заключать въ себѣ 48 столбцевъ четкаго, убористаго шрифта, нарочно отлитаго для этого изданія, — и равняться тому обыкновенной печати въ 8 долю.

«Иллюстрація» будетъ постоянно получать изъ-за границы телеграфическія депеши обо всемъ, что случится замѣчательнаго.

Въ первыхъ номерахъ (кроме многочисленныхъ рисунковъ, относящихся къ современнымъ предметамъ) будутъ помѣщены портреты Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, Петра Великаго, Екатерины II, императора и императрицы Французовъ, королевы Викторіи и другихъ коронованныхъ особъ. Каждый изъ этихъ портретовъ, исполненный лучшими артистами, займетъ цѣлую страницу «Иллюстраціи». За этимъ послѣдуютъ портреты замѣчательныхъ русскихъ людей нашего времени, знаменитыхъ иностранцевъ, карты нашихъ губерній, планы С.-Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона и проч.

Названіе «Всемирное Обозрѣніе» объясняетъ програму изданія, которое представитъ все замѣчательное въ Россіи и цѣломъ свѣтѣ: политику, литературу, науки, искусства, и проч.

Объявленія литературныя, художественныя, ученныя и промышленныя.

Редакція журналу поручена опытному литератору.

Къ концу года «Иллюстрація» представитъ полную картину прошедшаго года, полную исторію современнаго, необходимую для каждой библіотеки.

Какъ предпріятіе національное, «Иллюстрація» приглашаетъ всѣхъ соотечественниковъ доставлять статьи и рисунки мѣстностей, достопамятностей, костюмовъ, народныхъ сценъ, портретовъ извѣстныхъ лицъ, съ описаніями, шахматныя задачи, ребусы и вообще все замѣчательное.

Всѣ рисунки, признанные удобными къ помѣщенію, будутъ исполнены лучшими артистами и воспроизведены со всею тщательностью типографскаго искусства.

Чтобы ознакомить русскую публику съ «Иллюстраціею», при самомъ началѣ ея появленія, два первые номера газеты будутъ отпечатаны въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разосланы всѣмъ лицамъ, которыя доставятъ въ контору «иллюстраціи» 1 руб. сер. Деньги эти зачтутся, въ число суммы за подписку, лицамъ, желающимъ получить слѣдующіе номера газеты.

Мы открываемъ также, въ первой четверти 1858 года, подписку только на три мѣсяца, съ платою по 5 руб. За полгода, вносятъ 9 руб.; за цѣлый годъ 16 руб., съ пересылкою и доставкою на домъ.

Письма, посылки и подписка принимаются у издателя «Иллюстраціи» *Алексѣя Осиповича Баумана*, на Сергіевской, въ домѣ г-жи Дубенской, въ С. Петербургѣ.

Подписка принимается также въ Газетной Экспедиціи С.Петербургскаго Почтамта.

АЛЕКСѢЙ БАУМАНЪ,

содержатель политехнографическаго заведенія.

PA
39

1

